This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

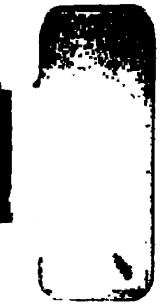
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07856153 1

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ XLV. — ТОМЪ CCLXIII. — 1/13 МАЯ, 1881.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ВОСЕМЬДЕСЯТЪ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1881

Digitized by Google

Sep. 14 1881

1746

(606)

Digitized by Google

ВОРОБЬИНЫЯ НОЧИ

ОЧЕРКЪ.

I.

Я ѣхалъ къ себѣ въ имѣніе въ старомъ казанскомъ тарантасикѣ, съ кучеромъ изъ бывшихъ своихъ дворовыхъ людей, на разномастной, но сытой тройкѣ, присланной за мною изъ деревни на станцію желѣзной дороги.

Ямщики, почтовые и земскіе, всегда во множествѣ собирающіеся на станціяхъ къ приходу поѣздовъ, уговаривали меня не ѣхать и переждать грозу. Я оглядѣлъ свой тарантасъ (казанскіе тарантасы и до сего времени славятся въ нашихъ краяхъ), освѣдомился: давали ли овса лошадямъ и есть ли у кучера на случай чего какой-нибудь запасной архалукъ и, получивъ утвердительные отвѣты, сѣлъ и поѣхалъ, какъ говорится, на удалую.

Переждать было бы, разумѣется, благоразумнѣе. Не успѣли мы отъѣхать пяти-шести верстъ, какъ показались первые явственные и несомнѣнные признаки приближающейся бури. Какъ это часто случается подъ конецъ лѣта, грозы стояли подъ рядъ чуть ли не съ недѣлю, разражаясь преимущественно по ночамъ. Эти грозныя ночи, послѣ Ильина дня, въ концѣ іюля и началѣ августа мѣсяца, когда поспѣваютъ хлѣба, у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи называютъ почему-то «воробьиными ночами».

Холодный, свистящій вѣтерокъ, первый провозвѣстникъ наступающей бури, тревожно попархивалъ въ разгоряченномъ воздухѣ. Поднятая колесами, пыль не ложилась, а стояла и неслась по вѣтру. Вѣтеръ крѣпчалъ. Лиловая, громадная туча близилась съ востока къ закату, заслоняя и накрывая косые и длинные

Digitized by Google

лучи солнца. Они упрямо не поддавались ей, вырываясь въ промежуткахъ короткими, расходящимися снопиками... Но черныя тѣни сгущались и росли. Словно эластичныя, цѣпкія лапы вытягивались длинные, зубчатые края облаковъ. Послѣдній сіяющій лучъ просіялъ лишь на мгновеніе и погасъ, и почти вслѣдъ за нимъ и надъ нимъ, сверкнувъ жидкимъ блескомъ, разрѣзала тучу первая молнія.

Раскалившаяся за день, вызженная за лѣто до черна степь, безконечно тянувшаяся по обѣимъ сторонамъ пыльной дороги, была теперь совершенно безлюдна и мертва. Не было въ ней обычнаго дребезжанія и стрекотанія кузнечиковъ, стригунцовъ и всякой иной степной мелкой твари. Птица не пролетала. Только въ разныхъ мѣстахъ, словно чудовищно-гигантскія сѣрыя птицы взмѣтывались пыльныя, быстро-крутившіяся, конусообразныя и невысокія кучи, становившіяся однако все выше и выше. Ничѣмъ не сдерживаемый, какъ въ морѣ,—вѣтеръ поднималъ, соединялъ ихъ и гналъ передъ собой, грозя каждую минуту превратиться въ настоящій степной пыльный буранъ. Тучи понеслись низко съ угрожающей стремительностью. Изсиня-бѣлая молнія вспыхивала разомъ въ трехъ различныхъ точкахъ неба, и короткіе, оглушительно-трескучіе удары слѣдовали тотчасъ за молніями, почти безъ всякаго перерыва.

Стемнѣло.

Какъ это нерѣдко случается по долгомъ наблюденіи, все начинало, мало-по-малу, утрачивать образы дѣйствительности. Низкимъ и тяжкимъ сводомъ нависло грозно-недвижное небо, отовсюду вокругъ близко и плотно смыкаясь съ землей. Молніи ли это падали? Или изъ земли поднимались огненныя сверканія? Громъ ли гремѣлъ? Или доносился гулъ угрожающаго, неслыханнаго землетрясенія?.. Все казалось возможнымъ въ эту фантастическую воробьиную ночь! Сказочныя чудища перебѣгали дорогу, отставали и вновь нагоняли, и вновь со свистомъ и воемъ бѣшено неслись впередъ вихри-круговороты.

Мы ѣхали уже болѣе двухъ часовъ, а дождя все еще не было. Тройка моя подвигалась впередъ медленно, но, повидимому, не потерявъ еще окончательно бодрости духа, о чемъ можно было судить по движеніямъ гривъ и хвостовъ, видиѣвшихся мнѣ изъ-за спины моего возницы.

За то смущеніе видимо начинало овладѣвать самимъ возницей. Онъ не произносилъ уже тѣхъ обычныхъ восклицаній, обращенныхъ къ лошадямъ (поощрительныхъ или неодобрительныхъ, смотря по случаю), на которыя такъ изобрѣтательны русскіе ку-

Digitized by Google

чера и ямщики. У Макара Капитонова (я не успѣлъ еще позабыть этого) они выходили всегда съ какимъ-то своимъ особымъ оттѣнкомъ и шикомъ, словно онъ англійскія слова употреблялъ: «ольвей!» вмѣсто: «ой лѣвѣй!» «Э-милъ моттай-сси!» вмѣсто: «эй милый, мотайся!»

Теперь онъ не употреблялъ никакихъ восклицаній, не взмахивалъ концами вожжей, а только тыкалъ, время отъ времени, кнутовищемъ въ зады лошадямъ, сосредоточенно и угрюмо приговаривая при этомъ: «нну дду-ма-ай!»

Лошади подумали, подумали и стали.

— Митрій Миколаичъ

— Что, братъ?

— Воля ваша, погода неможная. Въ эвтакую погоду—чего ужъ тутъ! Ишь ты... ровно зимнее дѣло, прости, Господи! Свернуть бы куда, попроситься переночевать.

— Что-жъ, пожалуй. Только куда же свернуть? Я что-то этого мѣста не признаю совсѣмъ.

Я высунулъ голову изъ тарантаса.

Ослѣпительная струя изсиня-бѣлаго, трепетнаго свѣта метнулась откуда-то, съ недосягаемой выси, словно развернувъ на мгновеніе весь небесный сводъ до самыхъ сокровенныхъ нѣдръ; зарево охватило небосклонъ, и въ ту же секунду раздался ударъ—оглушительный, будто надъ самой головой. Давно собиравшійся, дождь хлынулъ наконецъ и окончательно скрылъ отъ меня окрестность.

— Чего не признать,—говорилъ между тѣмъ Макаръ Капитоновъ, какъ-то особенно взмахивая обѣими руками по сторонамъ, словно отмахиваясь отъ заливавшихъ его, со всѣхъ сторонъ, потоковъ дождя.—Не признать!.. Чай, тутъ монастырь.

— Какой монастырь?—спросилъ я, приходя въ окончательное недоумѣніе.

— А, чай, въ Рычьей Ольшанкѣ. Женскій, женскій монастырь. Да чтожъ, что женскій! Нешь не пустятъ! Пустятъ. Въ эвтакое время, да чтобъ не пустить!.. Пустятъ.

— Ну, такъ съ Богомъ. Поѣзжай хоть куда-нибудь. Нельзя же такъ-то стоять. А далеко еще?

— Чего далеко! Недалеко. Съ версту не будетъ. Только бродъ проѣхать, Ольшанскій бродъ значитъ, тутъ онъ и есть.

— Такъ это Ольшанка, Катерины Сергѣевны Ольшанской вотчина?—спросилъ я.

— Она самая.

— Да какъ-же!.. Давно ли же тамъ монастырь?

Digitized by Google

— Давно-ль! А недавно. Недавнушко. Года съ два, мотри, будетъ, а то и того не будетъ.

Пятнадцать лѣтъ не былъ я на родинѣ, у себя въ вотчинѣ, въ степной глуши. Накапливавшіяся, въ теченіи этихъ пятнадцати лѣтъ, перемѣны обступали меня теперь со всѣхъ сторонъ и ежеминутно кидались въ глаза съ той самой первой минуты, какъ я ступилъ на платформу на станціи желѣзной дороги. И платформа и станція желѣзной дороги были не тѣ: съ того времени успѣли уже провести другую ближайшую вѣтвь... Степь была не та: на всемъ пространствѣ проѣханныхъ мною тридцати съ лишнимъ верстъ не осталось ни одной десятины настоящей нови-цѣлины; все уже было распахано. Все это были очевидно только *залежи*, залужалыя недавно, не болѣе четырехъ, пяти лѣтъ. А когда-то, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, тутъ покрыто было все сплошь ковылемъ... И люди были не тѣ! *Эти* люди выстроили себѣ новые поселки, хутора, монастыри...

Я прекрасно помнилъ Ольшанку, великолѣпное барское имѣніе мѣстныхъ тузовъ-аристократовъ, князей Ольшанскихъ. На сколько хватало памяти, нѣсколько десятковъ лѣтъ къ ряду старики Ольшанскіе, два брата, служили безсмѣнно уѣздными и даже губернскими предводителями. Оба были старые холостяки. Оба жили совершенно одиноко, безъ всякихъ обычныхъ родственницъ тётокъ или сестеръ, и однако: вся губернія, дамы лучшаго общества, матери съ молоденькими дочерьми, считали за особую честь возможность посѣщать вечера, рауты и балы, задававшіеся поочередно въ городѣ и въ обоихъ имѣніяхъ и получившіе извѣстность на двѣ смежныя губерніи. Со смертію обоихъ братьевъ пресѣклась мужская линія дома Ольшанскихъ. Огромныя родовыя вотчины перешли почти цѣликомъ (за выдѣломъ незначительныхъ частей, отказанныхъ въ духовной въ пользу нѣсколькихъ незаконныхъ семей) къ единственной, также одинокой, незамужней сестрѣ—княжнѣ Катеринѣ Сергѣевнѣ. Въ свое время не мало толковъ подняло въ губерніи это наслѣдство и богатая, никому еще неизвѣстная, наслѣдница. Извѣстно было только одно: что она была незамужемъ, была уже почти немолода, никогда не живала въ деревнѣ, потому что не ладила съ обоими братьями, а только пользовалась своими доходами и жила съ компаніонками родственницами, какими-то двумя старушками графинями, изрѣдка въ Петербургѣ и почти круглый годъ за границей.

Въ мѣстномъ аристократическомъ кружкѣ ходили разсужденія, сплетни и толки о томъ: пріѣдетъ ли княжна? И выйдетъ ли замужъ? И останется ли жить? И на какую ногу поставитъ домъ,

Digitized by Google

тотъ самый домъ, въ которомъ съ давнихъ поръ всѣ привыкли видѣть любимый сборный пунктъ мѣстнаго общества, пріютъ всякихъ заѣзжихъ и мѣстныхъ праздношатающихся философовъ и неудавшихся артистовъ, домъ, въ которомъ трактирный элементъ вытѣснялся и смягчался единственно несомнѣннымъ аристократизмомъ хозяевъ, обстановки и всего элегантнаго, вполнѣ барскаго домашняго обихода.

Катерина Сергѣевна пріѣхала, осталась жить и вышла, какъ говорится, не изъ рода, а въ родъ. Я хорошо помнилъ и живо представлялъ себѣ теперь маленькую, ниже средняго роста, очень полную и, въ то же время, довольно хорошо сложенную женщину. Лицомъ она не была хороша. Черты лица были грубы, были неправильныя и какъ-то, по-мужски, черезъ-чуръ энергичныя. Измѣнчивый, задумчивый и страстный взоръ смягчалъ это выраженіе энергіи. Неизмѣнно величавая, несмотря на малый ростъ, надменная, властная осанка усиливала его.

Она не вышла замужъ, но осталась жить въ деревнѣ и прожила безвыѣздно нѣсколько лѣтъ. Знакомство наше, начатое въ Петербургѣ, продолжалось и въ деревнѣ. Она много и охотно принимала у себя, устроивая великолѣпные пикники, оригинальныя празднества и медвѣжьи охоты и почти никого не удостоивала собственными посѣщеніями. Злые языки не простили ей *гордости*. Разсказы и анекдоты объ ней, объ ея странностяхъ и эксцентричномъ образѣ жизни, служили долгое время темой для разговоровъ въ цѣлой губерніи. Ходили слухи и разсказы о какомъ-то красавцѣ докторѣ-итальянцѣ, поселенномъ въ флигелѣ съ итальянскими окнами... О молодомъ предводителѣ... О старикѣ князѣ-губернаторѣ, прозванномъ по этому случаю Мазепою... Подъ конецъ даже о красивомъ парнѣ «изъ простыхъ»... Уѣздные остряки прозвали ее герцогиней Гольштейнской. Съ годъ тому назадъ до меня дошло извѣстіе о смерти Ольшанской: она умерла гдѣ-то за-границей. Состояніе ея, значительно поразстроенное, впрочемъ, раздробилось еще при жизни между нѣсколькими фаворитами; а уцѣлѣвшіе остатки родовыхъ имѣній перешли по наслѣдству къ какимъ-то дальнимъ, никому неизвѣстнымъ, родственникамъ.

Всѣ эти размышленія, по поводу Ольшанской вотчины и судьбы владѣльцевъ ея, пришли мнѣ на память подъ впечатлѣніемъ извѣстія, сообщеннаго Макаромъ Капитоновымъ о томъ, что въ Ольшанкѣ (прозванной съ незапамятныхъ временъ почему-то Рычьей Ольшанкой) былъ устроенъ женскій монастырь.

Кѣмъ, когда и по какому случаю основанъ былъ монастырь?

Digitized by Google

Было ли это дѣломъ самой Катерины Сергѣевны? оригинальнымъ окончаніемъ, завершившимъ ея во всякомъ случаѣ необыкновенную, полную загадочныхъ и эксцентричныхъ приключеній, жизненную карьеру? Или, можетъ быть, имѣніе перешло раньше въ другія руки и монастырь былъ основанъ чужими людьми, не имѣвшими ничего общаго съ прежней владѣтельницей Ольшанки?.....

А дождь все продолжался. Сплошной мракъ все по прежнему стоялъ вокругъ, разрѣзаемый однѣми бѣлыми молніями. Сплошные ручьи, не капли, а цѣлыя струи, цѣлыя полосы ливня выливались отовсюду изъ этого влажнаго и въ то же время все еще душнаго мрака; онѣ хлестали въ бока тарантаса, падали и журчали на передкѣ, на кожаномъ фартукѣ. Отдѣльныя, все болѣе и болѣе частыя капли и брызги начинали попадать мнѣ въ лицо и мочили усы и бороду. Струйка сырости винтомъ забралась за воротникъ пальто, и тоскливое, какъ эта сырость, унылое чувство безнадежности закрадывалось въ душу. Страннымъ и невозможнымъ казалось, чтобы теперь, вдругъ, гдѣ-нибудь тутъ, близко и скоро появилось человѣческое жилье, говоръ, огонь, свѣтъ... И чудно, безпечно-весело и странно-хорошо среди этого грознаго, отовсюду наступавшаго мрака, въ перебивку съ громовымъ грохотомъ, звенѣли жиденькіе, безпечно-звонкіе и задорные переливы двухъ большихъ колокольчиковъ, по-ямщичьи—два въ рядъ, привѣшенныхъ Макаромъ Капитоновымъ подъ высокой дугой.

До слуха моего донесся вдругъ всплескъ воды подъ копытами и особый звукъ—глухой лязгъ колесъ, все глубже и глубже уходившихъ въ рѣкѣ. Мы проѣзжали бродъ. Проѣхали; поднялись на гору и остановились передъ деревянной, незнакомой мнѣ стѣной; она выстроена была изъ длинныхъ, продольныхъ тесницъ, плотно и наглухо сколоченныхъ между собой. Въ блескѣ, не стихавшихъ ни на одно мгновеніе, молній я могъ разглядѣть небольшую деревянную калитку въ стѣнѣ. Рядомъ съ калиткой виднѣлась крохотная деревянная же сторожка въ видѣ избы, съ огромнымъ крестомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ избахъ помѣщаются обыкновенно коньки и квадратнымъ оконцемъ, въ которомъ свѣтился огонь.

Макаръ спустился съ козелъ и осторожно постучалъ нѣсколько разъ концомъ кнутовища въ окно. Рама поднялась. Женскій голосъ опросилъ: «кто такіе? чего надоть?» И на просьбу: пустить переночевать—коротко и недружелюбно отвѣтилъ, что здѣсь монастырь, а не то что постоялый дворъ; а постоялый дворъ на деревнѣ будетъ.

Digitized by Google

Я уже мысленно изготовился къ дальнѣйшему путешествію за поисками деревни и постоялаго двора; но къ удивленію осадить Макара Капитонова на этотъ разъ оказалось не такъ-то легко. Должно быть дождь пронялъ его не на шутку. Съ полнѣйшей самоувѣренностью, такъ какъ будто это была дверь и щеколда его собственной хозяйской избы, онъ взялся за щеколду, отворилъ дверь и на мгновеніе исчезъ у меня изъ виду. Мнѣ слышны были только особо-убѣдительная интонація его рѣчи и время отъ времени долетавшія, отрывочныя слова: «баринъ... ну, понимаешь, помѣщикъ здѣшній... понимаешь—баринъ... господинъ!»

Пониманье было, повидимому, достигнуто. Женская тѣнь въ чорной одеждѣ мелькнула въ дверяхъ и исчезла въ калиткѣ за стѣной.

— Старшой вишь доложить, спроситься пошла,—пояснилъ мнѣ Макаръ, нагибаясь бородой подъ балчукъ тарантаса.

Минутъ черезъ пять ожиданія послышались голоса, спѣшные шаги... Ворота заскрипѣли, и тарантасъ въѣхалъ во дворъ слѣдомъ за черной фигурой, торопливо пробиравшейся впереди по грязи, съ подхваченнымъ подоломъ и огромнымъ деревенскимъ фонаремъ въ одной рукѣ.

Знакомый дворецъ разомъ выросъ передо мной всѣмъ своимъ фасадомъ. Фасадъ этотъ—плодъ фантазіи выписнаго, непремѣнно московскаго архитектора (въ Москвѣ такіе дома составляютъ неизбѣжное украшеніе каждой, сколько-нибудь аристократической, улицы) представлялъ хорошо памятную мнѣ оригинальную смѣсь: венеціанскаго палаццо и греческаго портика, и обыкновеннѣйшаго и обыденнѣйшаго русскаго помѣщичьяго жилища. Огня не было ни въ одномъ окнѣ. Только у подъѣзда на высокомъ каменномъ крыльцѣ стояли и копошились какія-то темныя, неопредѣленнаго вида фигуры. Одна изъ нихъ, старательно заслоняя ладонью, держала въ рукѣ свѣчу, ежеминутно оплывавшую и грозившую погаснуть подъ рѣзкими порывами вѣтра.

Все это начинало занимать меня. Не говоря объ удовольствіи, которое испытывалось невольно при одномъ сознаніи, что попадаешь, нѣкоторымъ образомъ, подъ кровъ послѣ нѣсколькихъ часовъ непрерывнаго и утомительнаго путешествія по степи, ночью, въ бурю и дождь, которымъ не предвидѣлось скораго конца—помимо этого меня заинтересовала самая оригинальность обстановки и положенія.

Я разстался съ Макаромъ Капитоновымъ, котораго оставилъ въ обществѣ женщины съ фонаремъ. Не выпуская фонаря и прижавъ его къ боку рукой, на другую вытянутую руку она при-

Digitized by Google

нимала уже дорожныя принадлежности, которыя, не теряя времени и погрузившись для этого по поясъ подъ балчукъ, доставалъ ей изъ тарантаса Макаръ. Я поднялся на крыльцо. Тощая и длинная, совершенно охрипшая, собака сунулась мнѣ подъ ноги съ какимъ-то сиплымъ чавканьемъ. Кто-то тотчасъ же суетливо бросился отгонять ее. На мой поклонъ мнѣ отвѣчали такимъ поклономъ, какъ будто-бы степной вихрь, буревавшій вокругъ, налетѣлъ и однимъ взмахомъ нагнулъ какъ былинки къ землѣ—станъ каждой изъ этихъ женщинъ: низкимъ и смиренно-торопливымъ, особеннымъ, *монашескимъ* поклономъ, требующимъ непремѣнно особаго искусства и навыка и сразу показавшимъ мнѣ, что я входилъ точно въ монастырь.

Появленіе мое было, повидимому, дѣломъ, совершенно необычайнымъ. Я старался, какъ могъ, объяснить его, ссылаясь на погоду и позднюю пору и прося пріютить меня и моихъ лошадей до утра. Никто не отвѣтилъ ни слова на мои извиненія. Кругомъ меня происходила та робкая суета, обычная въ бѣдныхъ домахъ и бѣдныхъ семействахъ, гдѣ гость бываетъ всегда явленіемъ чрезвычайнымъ, выбивающимъ изъ колеи массу людей, предметовъ, неуловимыхъ семейныхъ отношеній... Послѣ нѣсколькихъ секундъ совѣщанія, торопливаго перешептыванія между собой, изъ группы женщинъ выдѣлилась, наконецъ одна—крохотная, старушечья фигурка въ длинной кацавейкѣ въ родѣ тѣхъ, въ какихъ ходили въ старину нянюшки въ старинныхъ помѣщичьихъ домахъ. Она обратилась ко мнѣ съ ласковымъ и немного плаксивымъ выраженіемъ, также напоминавшимъ старую нянюшку, сказала: «Пожалуй, батюшка!» и сама отправилась впередъ со свѣчею въ рукѣ.

Мы пошли длиннымъ корридоромъ, загроможденнымъ по обѣимъ стѣнамъ какимъ-то хламомъ неопредѣленнаго вида и цвѣта; миновали нѣсколько большихъ и совершенно пустыхъ комнатъ; я не узнавалъ ни одной изъ нихъ. Наконецъ мы вошли въ послѣднюю угловую комнату, и я тотчасъ же призналъ ее. Передняя стѣна этой комнаты выходила полу-кругомъ въ садъ съ террассой, съ двумя симметрично-расположенными по сторонамъ балконной двери итальянскими окнами. Когда-то въ ней помѣщалась одна изъ маленькихъ гостиныхъ, особенно любимая лѣтомъ, когда въ нижнемъ этажѣ бывало прохладнѣе и ближе къ саду. По стѣнамъ уцѣлѣли еще обои, изображавшія собой какой-то фантастическій трельяжъ изъ какихъ-то необычайно кудрявыхъ, хитро-заплетенныхъ зеленыхъ гроздій; но стѣны и окна были голы, не осталось ни драпировокъ, ни картинъ, и вмѣсто

Digitized by Google

прежней будуарной, низенькой мебели свѣтлаго зеленаго атласа, цвѣта vert-pomme, теперь стояла у стѣны, выкрашенная темной *муміей* (краска) деревянная кровать и около нея, прислоненный къ стѣнѣ, колченогій и некрашеный табуретъ. Никакихъ другихъ предметовъ въ комнатѣ не было.

Старушка поставила свѣчу на подоконникъ. Сморщенное личико ея обратилось ко мнѣ; оно слабо блѣднѣло въ темнотѣ комнаты, въ большихъ складкахъ низко надвинутаго платка.

Въ виду поздняго времени и ненастья, я счелъ за лучшее отказаться отъ предложеннаго мнѣ самоварчика и попросилъ прислать только кучера съ нѣкоторыми изъ моихъ дорожныхъ вещей.

Старуха завозилась около постели, копотливо, по-старушечьи, что-то взбивая, пошлёпывая и переворачивая на ней; потомъ перекрестилась на окна, все по прежнему освѣщавшіяся молніей, сняла пальцами нагорѣвшую свѣтильню съ сальной свѣчи и, пожелавъ мнѣ «почивать съ Богомъ», поклонилась своимъ особеннымъ, почти земнымъ поклономъ и ушла.

Мнѣ слышно было, какъ она пробиралась по комнатамъ ощупью въ темнотѣ.

II.

Заснуть я, разумѣется, не могъ.

Прежде всего, выкрашенная темной муміей, кровать была изъ рода тѣхъ, при видѣ которыхъ каждому неминуемо, съ особенной настойчивостью, должны приходить на умъ слова псалмопѣвца: «неужели одръ сей будетъ мнѣ гробомъ!» Тонкій какъ блинъ и жесткій какъ кирпичъ—тюфякъ ни мало не возбуждалъ желанія прилечь на него. Но и помимо этого не хотѣлось спать и по другимъ причинамъ. Я взглянулъ на часы; на нихъ не было еще и одиннадцати.

Въ комнатѣ было душно. Стояла та особая, нежилая духота, какая бываетъ лѣтомъ въ нежилыхъ каменныхъ зданіяхъ, когда въ нихъ не отворяютъ оконъ. Но странный, жилой и особенный запахъ примѣшивался въ то же время къ этой духотѣ. Я его узналъ. Это былъ смѣшанный и тяжкій духъ постнаго варева и роснаго ладана, и какъ-будто кипариса, и лампаднаго масла... Я узнавалъ этотъ характерный, монастырскій духъ. Очевидно раньше всего другого онъ первый водворился на новомъ мѣстѣ и водворился уже прочно, уже навѣки, вытѣсняя все ему

Digitized by Google

предшествовавшее, въ то время, когда все другое монастырское заведеніе, повидимому, было только дѣломъ нá-новѣ и водворялось понемногу и съ трудомъ.

Я раскрылъ окно, взялъ свѣчу и прошелся по комнатѣ. Великолѣпная амфилада была совершенно пуста. Только кое-гдѣ по угламъ свалены и составлены были въ безпорядкѣ: некрашеныго бѣлаго дерева деревянные сундуки, окованныя укладки и просто холщевые и дерюжные крестьянскіе мѣшки и мѣшочки, связанные веревками, гребни съ донцами для прядева, веретена—весь крестьянскій, женскій, убогій скарбъ. Въ одной комнатѣ, на паркетномъ штучномъ полу, прямо по серединѣ, свалена была куча, цѣлая гора яблоковъ. Острый и пріятный и томительный запахъ распространялся отъ нихъ, усиливаясь въ жаркой духотѣ. По стѣнамъ на гвоздикахъ, вбитыхъ въ бархатныя обои съ амурами и лирами, висѣли пучки свѣжаго аниснаго сѣмени.

Я вернулся къ себѣ, погасилъ свѣчку и присѣлъ на подоконникъ у раскрытаго окна.

Гроза проходила. Все слабѣе и глуше раздавались удаляющіеся раскаты; все блѣднѣе и шире мерцала ослабѣвшая молнія. Кроткая и мирная синева появилась между разорванными тучами, и, мало-по-малу, одна за другой, словно робѣя и недовѣряя затишью послѣ недавней бури, свѣтлыя и далекія въ прозрачномъ, освѣженномъ сумракѣ стали зажигаться первыя звѣзды. Тишина вокругъ въ саду и въ домѣ была полная и глубокая. Ночи въ ту пору стояли лунныя, но луны еще не было.

Я готовъ былъ уже сожалѣть, что вздумалъ заѣхать ночевать, забывая о минувшей грозѣ и о заинтересовавшемъ меня монастырѣ и тщетно обводя унылымъ взоромъ комнату съ мыслью приспособить себѣ въ ней сколько-нибудь удобное помѣщеніе на ночь, какъ вдругъ... до слуха моего донеслись звуки шаговъ, сдержанный, но звонкій и молодой хохотъ и голоса. Я высунулся въ одно. Густыя вѣтви кустовъ до половины закрывали его. Прямо противъ него отъ балконной двери шли каменныя широкія ступени боковой террасы, крытой желѣзнымъ навѣсомъ. Группа женщинъ, человѣкъ въ семь, приближалась къ террасѣ, подошла и размѣстилась по ступенямъ. Всѣ были одѣты не по-монашески, по-крестьянски, бѣдно, но свѣтло и пестро: въ сукманахъ [1]) и кафтанахъ поверхъ нихъ, въ плат-

[1]) Родъ сарафана изъ шерстяной домотканной матеріи.

Digitized by Google

ками и безъ платковъ на головахъ. Въ рукахъ у каждой были особаго рода инструменты—трещотки и гремушки въ родѣ тѣхъ, какія употребляются, обыкновенно, мужиками караульщиками въ деревняхъ. Вѣроятно это были также караульщицы и караулили фруктовый садъ. Ольшанка издавна славилась своими фруктами.

Группа была чрезвычайно оживлена. Какая-то игра, казалось, происходила, смыслъ которой я въ первую минуту никакъ не могъ уловить. Одна изъ дѣвушекъ, выступивъ на площадку передъ террасой, представляла кого-то, судя по движеніямъ, должно быть—нѣмого. Ей кричали: «молонья! эй, гляди, молонья»!.. Ея молодое, оживленное лицо, въ невѣрномъ свѣтѣ вспыхивавшихъ и потухавшихъ молній, казалось оригинальнымъ. Короткіе завитки волосъ падали ей низко на лобъ. Все лицо съ нахмуренными, рѣзко-темными бровями хмурилось и дрожало внутреннимъ сдержаннымъ смѣхомъ. Но оно не смѣялось... Она показывала рукой въ сторону молніи, кружилась по песку; съ страннымъ, легкимъ и дикимъ крикомъ, видимо передразнивая кого-то, припадала вдругъ на оба колѣна, склоняясь головой до земли...

Публика смотрѣла и смѣялась веселымъ и добродушнымъ хохотомъ.

Кусты маскировали мое окно, но все происходило какъ разъ у меня передъ глазами и до меня долеталъ отчетливо каждый звукъ. Было ясно, что моего присутствія не подозрѣвалъ никто. И хотя (какъ это давно уже извѣстно) нигдѣ вѣсти и новости не распространяются съ такой поразительной быстротой, какъ въ мѣстахъ заключенія, въ институтахъ и въ монастыряхъ, но здѣсь на этотъ разъ, благодаря можетъ быть грозѣ и позднему времени, извѣстіе, вѣроятно, не успѣло еще дойти. Я могъ продолжать свои наблюденія безъ особаго опасенія быть замѣченнымъ.

Смѣхъ и игра продолжались.

— Теперь ничего, всѣмъ видно стало смѣшно! А то, небось, струхнули, какъ давѣ-то молонья, — заговорила вдругъ одна изъ дѣвушекъ, высокая и худая, въ бѣломъ ситцевомъ платьѣ городского покроя и съ длиннымъ концомъ тоненькой косички, выбившейся на спинѣ изъ-подъ головнаго платка. — Ухъ, и сейчасъ вспомнить-то жутко! прибавила она, закрывая глаза рукой. На рукѣ у длинной и худой кисти рѣзко обозначилась черная нитка четокъ. — А рѣка-то, рѣка-то, сестрицы! Рѣка-то вся синяя, даже черная сдѣлалась, какъ вздулась-то.

— Какъ бы кто не утонулъ,—сказала, подходя, другая дѣ-

Digitized by Google

вушка, та, которая представляла нѣмого, и тутъ же опустилась и прилегла подлѣ на ступеньку, спиной къ окну, потянувъ на голову суконный, длинный кафтанъ.

— Ну, вотъ ужъ и утонулъ! Нешто только въ бурю тонуть? Другой-то разъ бываетъ въ бурю-то не потонетъ, а вотъ такъ, купаться, али за водой пойдетъ—ну, гляди и утонулъ.

— Ну, чай, купаться-то пойдешь—что за неволя! Чай, остережешься,—проговорилъ голосъ изъ-подъ кафтана, странный молодой голосъ съ тѣмбромъ мужского и даже низкаго тенора, принадлежавшій, однако, судя по наружности, еще очень молодой дѣвушкѣ.

— Да какъ же! Поди остерегись! Другой-то разъ бываетъ и не своимъ бытомъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ, что даже и довольно просто,—особенно авторитетнымъ тономъ возразила высокая дѣвушка съ чотками.

Я не замѣтилъ чотокъ на другихъ. Двѣ изъ дѣвушекъ казались постарше другихъ: одна—худая, другая, напротивъ, пухлая, широкая спиной, обвязанная поверхъ кафтана большимъ, толстымъ платкомъ. Остальныя всѣ, повидимому, были еще очень молоды. Я приглядѣлся ближе и узналъ посреди группы крохотную старушечью фигурку въ кацавейкѣ и капорѣ. Это была несомнѣнно она самая—старуха нянюшка, сопровождавшая меня въ мою комнату. Пріѣздъ мой, такимъ образомъ, не могъ остаться неизвѣстнымъ, но о немъ, вѣроятно, уже переговорили и забыли про него, и никто ни разу не обратился въ мою сторону.

— Ты вотъ говоришь... А какъ же у насъ было въ деревнѣ въ нашей... въ Реньевкѣ!—продолжала, между тѣмъ, дѣвушка съ чотками. Пошли этакъ-то вотъ дѣвки купаться, дѣвокъ съ десять, коли не больше... мотри, съ двѣнадцать. Вотъ пошли, стали купаться; нырять стали, которая подалѣ нырнетъ. Ныряли, ныряли... Только вдругъ нѣтъ одной дѣвки! Нѣтъ, нѣтъ! Стали кликать, звать. Не отзывается. Испугались, побѣжали на деревню. А деревня-то, мотри, въ верстѣ, а то и всѣ полторы будутъ. Пока что, пока народъ собрался... Ужъ матери пошли сказали: утонула дочь-то! Прибѣжали—анъ глядь она въ эвто самое время и вынырнула.

— Да! Эко дѣло-то какое!—замѣтилъ кто-то. Ну, и что-жъ?

— Ничего себѣ. Живая. Только что бѣлая, вотъ какъ бумага... стоитъ.

— А ничего, бантъ?

— Говоритъ. Стали ее спрашивать. Она какъ отдышалась

Digitized by Google

немаленьку и стала сказывать... Разсказчица обвела всѣхъ взглядомъ, какъ-бы приглашая къ вниманію и продолжала, поправившись, вытянувъ большія и худыя ноги, какъ палки протянувшіяся надъ ступеньками.—Ну, вотъ и говоритъ: какъ стали мы, слышь, нырять, какъ нырнула я—и потянуло меня, говоритъ, внизъ. Стало потягивать, стало потягивать... Только вижу я внизу-то, хоромина бо-ольшая, просторная, а кругомъ-то старики по лавкамъ сидятъ. Да сѣдые всѣ такіе, косматые! Сидятъ они, сестрицы вы мои, сидятъ, да промежъ себя говорятъ. А я эта, говоритъ, у притолочки прислонилась, стою... Одубѣла вовсе. А въ глазахъ-то, милыя, зелено, зелено таково. Вотъ одинъ-то и сказываетъ: Наша! говоритъ. — Нѣтъ, говорятъ, не наша. На ей хрѣстъ. Тутъ одинъ-то какъ подойдетъ, да какъ дастъ мнѣ разá по затылку—я и вынырнула. Три часа въ водѣ была. Что страху-то приняла! Какъ гляну вверхъ, говоритъ, сестрицы мои, анъ поверхъ меня вода такъ и шата(е)тъ, такъ и шатаетъ.

— Ишь черезъ что спаслась, раба Божія, черезъ хрѣстъ, замѣтила толстая дѣвушка въ платкѣ, зѣвнула и тутъ же перекрестила себѣ ротъ.

— А ты какъ бы думала! Онъ его боится, непріятный, хреста-то. Онъ его страхъ какъ страшится, пуще всего. Пуще всего!—еще разъ съ увѣренностью подтвердила разсказчица. Первое дѣло—перекститься. Вотъ другой разъ кто пьяный идетъ, или какой человѣкъ бранкой, черными словами ругается... Онъ вѣдь чуетъ это, черный-то. Онъ сейчасъ тутъ какъ-тутъ. Ему того и надо. Представится сватомъ ли, шабромъ [1]) да и заведетъ. Верстъ шестьдесятъ въ ночь-то отмахаетъ! Другой мужикъ шитъ закатный, такъ онъ его къ пролуби подведетъ... А ты тутъ только перекстись, только носпѣй, наше мѣсто, молъ, свято—и все сгибло, пропало пропадомъ и не видать ничего.

— Это такъ. Это ты вѣрно, Базá,—подтвердило нѣсколько голосовъ.

Высокую дѣвушку звали Базóй. Базà — значитъ трещотка, неспокойная, болтливая женщина. Названіе это, повидимому, подходило къ ней. Рѣзко-гортанные звуки въ голосѣ соотвѣтствовали рѣзкимъ и, въ то же время, вертлявымъ движеніямъ. Она опять подобрала ноги и, перегнувшись куда-то въ сторону, стала креститься, вѣроятно на церковь, высоко взмахивая рукой, съ грязными на ней чотками.

— Наше-то мѣсто здѣсь теперь навсегда святое. Здѣсь-то

[1]) Шабёръ—сосѣдъ.

Digitized by Google

на важную минуту съ хрестомъ,— съ особенно настойчивой и набожной, и какъ-будто немного лицемѣрной убѣдительностью замѣтила она.

— Ничего, что-жъ! Мѣсто степное, вольное. Мѣсто ничего, чистое. Только вотъ развѣ Хоперъ рѣка близко,—отвѣтилъ кто-то.

— А то вотъ, сестрицы, у насъ такъ было дѣло какое! началъ вдругъ нѣжный и, въ то же время, необычайно звонкій, прямо дѣвичій голосъ.

Я не слыхалъ его раньше. Говорила дѣвушка, сидѣвшая на верхней ступени, бокомъ, но всѣхъ ближе къ окну. Ночь была ясна, какъ бываютъ ясны лѣтнія, свѣтлыя сумерки... Какимъ образомъ ночи эти получили свое непонятное названіе «воробьиныхъ» ночей! Потому ли, что онѣ, эти страдныя, трудовыя ночи, еще коротки, и поневолѣ коротки, отъ зари до зари «короче воробьинаго носа», и прибавляются день ото дня на одинъ «воробьиный шагъ?»... Потому ли, что, какъ говорятъ, въ эти свѣтлыя, сплошь электрическимъ свѣтомъ озаренныя ночи, птица не садится, воробьи не ложатся спать, принимая будто бы ночь за день?.. Или не потому ли, что въ эту пору поспѣванія хлѣбовъ всюду на сжатыхъ уже, щетинистыхъ аржаныхъ жнивьяхъ, заставленныхъ симметричными, золотистыми крестами, и въ особенности на потемнѣвшей уже лузгой и покраснѣвшей соломой, еще не снятой гречихѣ, вы встрѣтите во всякое время дня и ночи цѣлыя стаи прожорливыхъ маленькихъ воровъ? Съ шумнымъ шорохомъ взлетаютъ они, при вашемъ появленіи и снова прямымъ летомъ жадно набрасываются, едва вы успѣли отойти на нѣсколько шаговъ.

А между тѣмъ, казалось бы, можно бы насытиться однимъ запахомъ. Полны благоуханій эти воробьиныя ночи! И ни вѣтры, ни грозы не въ силахъ уничтожить и ослабить ихъ въ знойномъ, насыщенномъ ими воздухѣ. Тысячи запаховъ, разнообразныхъ, но неизмѣнно, безъ исключенія, сильныхъ, крѣпкихъ, почти грубыхъ, наркотическихъ! Запахъ меду и спирта, запахъ донника и гречихи, сырость падающей росы и жаркія, поднимающіяся испаренія почвы, и общій буветъ ихъ, сливающійся въ одно общее ночное дыханье засыпающей природы, виномъ ударяющее въ голову бодрствующему человѣку!..

Широкія молніи—зарницы, не стихая, вспыхивали на горизонтѣ. Луна, давно уже поднимавшаяся, неожиданно выдвинулась вся изъ-за облака и какъ-то, совсѣмъ по театральному, эффектно какъ на декораціи, встала вдругъ надъ стѣною темныхъ де-

Digitized by Google

ревьевъ большая, круглая, почти ослѣпительная. Въ саду на открытомъ мѣстѣ можно было бы книгу читать.

Съ моего мѣста, у окна, мнѣ отчетливо видѣлись фигуры и лица разговаривавшихъ женщинъ. Хорошенькая голова молодой дѣвушки поднялась и повернулась ко мнѣ тонкимъ профилемъ. Мнѣ виденъ былъ контуръ этой непокрытой головы, съ выпуклымъ и сжатымъ хорошенькимъ затылкомъ, заканчивавшимся широкой косой, перекинутой на спину; и неправильная, но нѣжная линія профиля, и одинъ глазъ, темный и большой, тихій и кроткій, какъ у ребенка.

Она начала свой разсказъ, но ее перебили и не дали ей докончить.

Одна изъ дѣвушекъ вдругъ быстро повернулась, вскочила на ноги, перебѣжала дорожку и, прислушавшись съ минуту, завертѣла круглой трещоткой, бывшей у нея въ рукѣ. Всѣ съ криками бросились вслѣдъ за ней. Раздался рѣзкій, сухой и однообразный стукъ. Трещотки были всѣ деревянныя. Незамѣченная мною раньше, небольшая съ темной шерстью собака вынырнула отъ куда-то изъ-подъ куста и тоже бросилась-было съ лаемъ; но понюхавъ воздухъ и какъ-бы разобравъ въ чемъ дѣло, лѣниво гавкнула нѣсколько разъ, потомъ замолчала и спокойно вернулась на прежнее мѣсто. Тревога продолжалась еще нѣсколько минутъ. Раздавались вопросы, восклицанія, пугливыя и рѣзкія вскрикиванья, покрывавшія молитвенный, громкій шопотъ старухи, доносившійся до меня отрывочными словами.

— Гдѣ?!.. Охъ, да что!.. Нешь, не видишь?..

— На всякъ день, на всякъ часъ, на всякою минутою...

— Да гдѣ, дѣвки, гдѣ? Господи, батюшко! Знать ползкомъ...

— Отъ огня, отъ пламя, отъ огненнаго змѣя...

— О, да гдѣ? Толкомъ-то спрашиваютъ! Не видать!.. Охъ, Владычица! Ну, знать въ чащу ушолъ!

Но все такъ же покойно и неподвижно темнѣла густая чаща садовыхъ деревьевъ и кустовъ, не выдавая ничьего присутствія. Понемногу все стало успокоиваться. Трещотки замолкли. Всѣ вернулись и расположились по прежнимъ мѣстамъ.

— Чего всполошились, ровини?— замѣтила дѣвушка, та, которая представляла нѣмого. Она одна не трогалась съ мѣста и спокойно пролежала во все время, покрывшись съ головой своимъ кафтаномъ. Мохнатая, съ коротенькимъ хвостомъ, собаченка пріютилась на кафтанѣ подлѣ нея.

— Такъ, почудилось что-то,—заговорила, оправдываясь, маленькая, худенькая дѣвочка, по лицу почти еще дитя. Она

Digitized by Google

видимо не успѣла еще вполнѣ успокоиться. Слышно было ея взволнованное и торопливое, дѣтское дыханіе.

— И мнѣ, сестрицы, почудилось...

— И мнѣ! будто кто большой такой за деревомъ пробирается, да такъ вѣтками-то шуршитъ, да глазищами-то...

— Ну, какъ-же! выдумывай еще, разсказывай! Все зря,—спокойно перебила старшая дѣвушка въ платкѣ, поправляя сбившійся на бѣгу платокъ и снова поворачиваясь къ окну широкой спиной. Несмотря на спокойный отвѣтъ, она только что принимала сама дѣятельное участіе въ общей тревогѣ. — А никого видно и не было,—добродушно сказала она. Такъ что-нибудь, можетъ вѣтеръ, или капе́ль дождевая послѣ дождя. Ишь какая капе́ль! А то, можетъ, яблоко не упало-ли.

— А я то, крёстна... я было-думала во-олкъ,—обращаясь къ старухѣ и все еще захлебываясь, замѣтила черненькая, испуганная дѣвочка.

— Волкъ-то что! волкъ-то пущай!—отвѣчала старуха, до этого времени сидѣвшая молча, утонувъ крошечнымъ тѣломъ въ длинной кацавейкѣ и нахлобученномъ капорѣ. Волкъ-то, чего онъ сдѣлаетъ! На волка, дочка, молитва есть,—успокоительно прибавила она.

— Какая, крёстна? скажи, крёстна! скажи молитву-то,—приступила дѣвочка, а за ней и всѣ въ голосъ, кромѣ Базы, что-то шептавшей надъ своими чотками, и другой дѣвушки, не поднимавшей головы изъ-подъ кафтана.

— На волка молитва... А вотъ она какая на волка молитва: «И гдѣ же ты, волкъ, былъ, какъ Христосъ на распятіи былъ? и гдѣ же ты, волкъ, былъ, какъ Христосъ на распятіи былъ?» этакъ-то до трехъ разъ вымолвить...

— Ну, чего же будетъ?

— Ну, ничего и не будетъ,—неотразимо убѣдительно отвѣчала крёстна. Повернетъ-те хвостомъ, да въ лѣсъ и уйдетъ.

— И не тронетъ?—все еще съ нотой недовѣрія въ голосѣ, глядя круглыми глазками, спросила дѣвочка.

— А то нешто осмѣлится! Небось, не осмѣлится. Противъ Христова имени тоже не пойдетъ, небось,—съ непоколебимой силой убѣжденія подтвердила еще разъ крёстна.

Всѣ помолчали съ минуту.

— Ты что, Анисинька, разсказывать было-стала? — начала База, опуская чотки и обращаясь къ молоденькой дѣвушкѣ съ необыкновеннымъ голосомъ.

Я обрадовался продолженію разсказа.

Digitized by Google

Анисинька подняла голову.

— Да все то же, про утопленника. У насъ такъ лѣтось... Въ субботу было, на вёшнее, на заговѣнье... такъ у насъ одинъ человѣкъ трое сутки въ водѣ сидѣлъ.

— Ну! не можетъ быть!

— Право! вѣрное мое вамъ слово.

Говоря, она слегка растягивала слова и даже картавила немного; но голосъ—изумительно красивый по тэмбру и, должно быть, необычайно сильный въ пѣніи—звучалъ и въ рѣчи сильными и круглыми, пѣвучими нотами, звенѣлъ молодыми переливами первой, еще не тронутой молодости. Она сидѣла, обхвативъ руками колѣни, безъ кафтана и платка, слегка раскачиваясь спиной въ бѣлой рубахѣ, на которой отчетливо темнѣла большая полоса косы.

— Да какъ же онъ сидѣлъ?

— Да такъ вотъ и сидѣлъ. Все ничего, все сидѣлъ. Только бросились искать; какъ стали поднимать его, онъ и сталъ захлебываться, да и захлебнулся на-вовси. Ну, стали качать. Сичасъ взяли бочку, выбили дно, безодонную ее вовсе сдѣлали, да и положили его туда, да и стали качать полегоньку. Только этта пошла вода; еще стали качать — пошла сукровица. Вышла сукровица, вотъ и говорятъ: «Надо безпремѣнно всее ее дрянь выгнать изъ его, коя тамъ запеклась». Взяли ему зубы разжали и влили полъ-рюмки вина. Такъ у его жилки и забились въ ёмъ во всемъ. Еще погодя, еще полъ-рюмки влили. Ну, ужъ онъ тутъ сталъ баить: «Погодите, говоритъ, братцы, больно богато мнѣ». А его опять же качать. Онъ опять говоритъ: «Будетъ, говоритъ, братцы!» Почувствовалъ, значитъ, чутко ему тутъ стало...

— Ну, и остался живъ?

— Живъ, какъ же, живъ. И сейчасъ живетъ. Тамъ у насъ, на своей сторонѣ,—внезапно понижая голосъ, закончила она и вдругъ зѣвнула и покачала головой.

— А чего съ имъ въ водѣ было не сказывалъ? — съ любопытствомъ спросила Ваза.

— Какъ не сказывать! сказывалъ...

— Ну!

— Охъ спать, дѣвоньки, хоцца! охъ, и сказывалъ, да... спать хоцца... запамятовала!—уже совершенно сонным голосомъ проговорила Анисинька, еще разъ зѣвая, вздрогнула плечами и, сцѣпивъ пальцами руки, большія бѣлыя руки, потянула ихъ высоко надъ головой.

Digitized by Google

— Эко ты!—съ укоризненнымъ сожалѣніемъ замѣтила База. Забыла! Шутка ли,—три дня въ водѣ высидѣлъ, всего, чай, наглядѣлся. И живому-то не надо бы ему быть... Да вѣдь это какъ случится... это, говорятъ, котораго человѣка за волосья подымаютъ,—той живъ; а котораго за руку, за ногу,—за голое мѣсто, тотъ ужъ нѣтъ, не будетъ онъ жить...

Никто ничего не возразилъ на это. Разговоръ вдругъ, разомъ, оборвался. Всѣхъ видимо не на шутку начинало клонить ко сну. Было около половины двѣнадцатаго.

— Э, да мы этакъ-то и вовсе завалимся!—своимъ рѣзкимъ энергическимъ голосомъ, вдругъ встрепенувшись, начала База. Сестры, а сестры! Спите, ай нѣтъ?

— Не спимъ!—отозвалось нѣсколько засыпающихъ голосовъ.

— Эхъ вы! А вы погодите спать-то! Погодите! Тоже караульщицы называются!

— Да хоть бы кто разсказалъ чего! да право... сонъ-то такъ и валитъ,—замѣтилъ кто-то.

— Охъ, крёстна! разскажи сказку, крёстна, — оживившимся тономъ подхватила Анисинька.

— Сказку! чего не скажешь. Подъ праздникъ да сказки. У, грѣховодница!—не безъ негодованія замѣтила База.

— И то! завтра постъ?

— Постъ.

— Ну, постъ, такъ житіе можно. Разскажи житіе, крёстна! —приступила она къ старухѣ.

«Крёстной» называли старуху всѣ дѣвушки, хотя, повидимому, это было скорѣе прозвище, данное ей. Или можетъ быть она дѣйствительно приходилась крёстной одной какой-нибудь; но всѣ безъ исключенія относились къ ней съ особенной, какъ-бы невольно проявлявшейся, нѣжностью, сказывавшейся даже въ самомъ этомъ названіи. Она одна сидѣла на подстилкѣ, постланной поверхъ каменной ступени на крыльцѣ; ближайшія сосѣдки обращались къ ней, время отъ времени, кутая и оправляя на ней кацавейку и платокъ.

Старушка зашевелилась въ своемъ коморѣ и вынула бѣленькій платочекъ изъ рукава. Она какъ будто знала, что дѣло не обойдется безъ нея и отъ нея потребуется разсказъ. Не одинъ разъ, вѣроятно, въ безсонныя ночи разсказы эти разгоняли общій сонъ, и она не протестовала ни однимъ словомъ и не заставляла себя просить. Платочекъ, вынутый изъ рукава и поднесенный къ старческимъ, вытянувшимся въ нитку, устамъ, по-

Digitized by Google

служилъ видимо всѣмъ знакомымъ сигналомъ къ началу разсказа. Кружокъ плотнѣе сблизился вокругъ нея.

— Про кого сказывать-то? — вопросительно обратилась она къ слушательницамъ.—Про Евѳимію Всехвальную?

— Про Евѳимію сказывала, крёстна. Вусе́йка [1]) сказывала.

— Ну, про авву Макарія?

— И про Макарія сказывала...

— Про кого же? Нѣшто про Марка Фраченскаго?

— Про Марка не сказывала, нѣ. Ну, ладно, про Марка сказывай. А ты, Секлеточка, не толкайся! Чего толкаешься? Не шопотомъ шептать будетъ, всѣ услышимъ.

— Всѣ услышите, всѣмъ будетъ слышно, — примирительно вступилась крёстна, поднимая сухую, кропечную ручку и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Желто-восковое, кукольно-миніатюрное личико ея, повернувшееся въ полуоборота, ярко озарилось луной.—Житіе преподобнаго отца нашего Марка Фраченскаго, не переставая креститься, произнесла она, какъ-бы по всѣмъ правиламъ сообщая впередъ заглавіе разсказа, послѣ чего начался и самый разсказъ. — Марка преподобный трудился во пустынѣ...

— Въ какой пустынѣ, крёстна?—перебила ее дѣвочка.

— Во пустынѣ...—крёстна остановилась въ затрудненіи.

— Должно что во Фраченской,—авторитетно замѣтила База.

— Она и есть! Марка Фраченскій и пустыня знать Фраченская. По пустынѣ ему знать и прозвище дали,—съ удовольствіемъ подтвердила крёстна. Такъ. Ну, вотъ—и Марка преподобный трудился во пустынѣ и великіе труды онъ себѣ пріималъ. Ну, только однова видитъ, приходитъ Владычица Пресвятая Богородица.

— Ахъ сія, Марка преподобный, хорошо трудишься! еще кто гору произвѣстилъ бы, какой человѣкъ только вздохнетъ и все ему будетъ. Она земля непросвященна, она плачется.

Марка преподобный того же часа къ морю. У моря берегъ три сажени, и стоитъ доска подъ берегомъ. И онъ бросился на доску и сталъ на ноги. И говоритъ: «корабь Господь мнѣ послалъ».

Только и сказалъ, и ужъ его и въ видахъ нѣтъ.

Долго ли время—къ берегу причаливается и разные плючи тянутъ доску и пѣною одѣваютъ—доска трехчетвертная. Подвигнулся, взглянулъ окомъ—нѣтъ, не видать вершинки, крута. И

[1]) Вусе́йка—намедни.

Digitized by Google

вышла та гора пупомъ... вотъ хоть бы до Сосновки.—Разсказчица сдѣлала знакъ рукой по направленію къ дорогѣ, вѣроятно, обозначая, всѣмъ знакомую мѣстность.

— Ну, вотъ и говоритъ: я впередъ руками выдолблю, какъ стрижъ домъ себѣ копаетъ, чтобы мнѣ встать.

Взявши доску, уголкомъ долбитъ. При теченіи было время, онъ цѣлые сутки лѣзъ. Опосля, уставши, воззрилъ на небо:

— Владычица! Дай мнѣ воздуху, силы небесныя!

— Марка преподобный! Возьми земли изъ-подъ правыя стопы и возьми во уста, то будешь тамъ.

И онъ явился какъ молонья съ громомъ и идетъ къ мраморному камню, къ нечистому духу. А нечистый духъ:

— Отколѣ ты, человѣче? Тутъ человѣченскаго духу не было, и отъ того время, какъ земли было основаніе, намъ эту гору Волгохъ Господь на обладаніе далъ.

— Нѣту. А меня Господь благословилъ гору произвѣстить, чтобы земля была святая.

И *онъ* закричалъ своимъ посламъ:

— Берите его и мычьте его, и дѣлайте и кости, и жилы его какъ мякину.

И стали его мыкать и ломать, и показываютъ сатанѣ—живой кости нѣтъ.

— И оттащите его съ горы Волгохъ, и бросьте его во синее море.

Три часа летѣлъ. И говоритъ Владычица:

— О, Марка преподобный! Возстани отъ сна, отъ крѣпкаго.

И онъ встрепенулся, какъ убитый голубь, и сѣлъ. И между того здравъ, здравѣ того, какъ впереди былъ, подступаетъ къ духу съ крѣпкимъ сердцемъ своимъ, со рьянымъ.

. . . . . .

. . . . . .

И онъ трудился, Марка преподобный, на горѣ Волгохъ, шестьдесятъ-пять лѣтъ. И прибреждается сонъ Иваніе...

— Это кто же такой еще, крёстна, Иваніе?—спросила дѣвочка.

— А это, дочка, ужъ другой, это ужъ въ Рассеѣ Иваніе-то. Онъ у насъ въ Рассеѣ водился,—пояснила крёстна.

— Въ Рассеѣ,—повторила дѣвочка и умолкла.

— Ну, вотъ, и прибреждается сонъ Иваніе, и выходитъ Иваніе и говоритъ:

— Поглядѣлъ бы я на Марка преподобнаго, на Фраченскаго, какъ онъ на горѣ трудъ имѣетъ. Ты, Господи, дай мнѣ мысли и дай мнѣ проходъ.

Digitized by Google

И приплылъ въ морю. Округъ моря стоявши, глазомъ окинувши—нѣтъ никакого перевозу. И видитъ у берега доска трехсаженная. Онъ съ берега упалъ на доску и всталъ на ноги.

Сухопутомъ долго идти, а Господь далъ ему въ двѣнадцать часовъ доѣхать и съ трепетомъ успѣшно тронулся, какъ ужъ или какая гадина, и вошелъ въ шесть сутокъ наверхъ, не пивши и не ѣвши, и увидалъ на камнѣ Марка преподобнаго, узрѣвши его, какъ хвѣря, всего въ волосахъ. Къ Маркѣ подходитъ и говоритъ:

— Не ты ли Марка?

— Я.

— Не ты ли Иваніе?

— Я.

— Ну, Иваніе, садись десную. Ты, Иваніе, въ Рассеѣ былъ?

— Былъ.

— Какъ Россея стоитъ? Вѣра Христова есть ли?

— Стоитъ.

— Тамъ такихъ людей нѣтъ, а я скажу: гора, двигнись! И пойдетъ. Къ какому тебѣ мѣсту надо, Иваніе?

— А я хочу къ Царю-граду, желательно.

Иваніе сидитъ и слышитъ: глясъ Господній гудитъ. И спрашиваетъ:

— Гдѣ мы?

— Мы стоимъ у Царя-града въ морѣ; а это завтреня идетъ.

— Ахъ Марка преподобный, да пойдемъ оба, да проѣдемъ Царь-градъ.

И пошли оба съ горы Волгохъ и гора подвигнулась, какъ срощена, подъ одно съ землей. И скорымъ бытомъ приходятъ въ Царю-граду. Гудъ колокольный, глясъ Господній. Колоколъ величающій раскачался и зазвонилъ безъ человѣческихъ рукъ. Марка преподобный идетъ въ двери. Въ рукахъ у его свѣча воску яраго, трехъ-фунтовая, съ печатью; слова златыя, показываютъ—что Марка преподобный. Всѣ всплинули глазами, пали на колѣни, а у его на главѣ—златой вѣнецъ.

Обѣдню отстоявши, пошли обратно на свою гору. Сѣли на завязь, и говоритъ Марка преподобный:

— Неугодно-ли еще въ какое мѣсто?

— Ахъ, другъ великій Марка преподобный. Какъ бы намъ грѣха не искусить, не постановили бы въ нехорошіе люди. Объявиться—негодится, что мы Святые Угодники... Не пригнали бы къ волшебству.

И говоритъ св. Марка преподобный:

Digitized by Google

— Когда такъ, то гора двигнись, гдѣ была.

И съ тѣмъ всему дѣлу аминь.

Слабый, пріятный старушечій голосъ—съ той особой нѣжучей старушечьей лаской, съ какой говорятъ у насъ по деревнямъ старыя бабы сказочницы и разсказчицы—умолкъ. Никто не отозвался. Никто не дѣлалъ никакихъ замѣчаній на счетъ разсказа. Все смолкло на террасѣ.

— Крёстна, сестрицы! слышите-ка яблоки, яблоки-то наши такъ и сыпятъ! — заговорила вдругъ черненькая, испугавшаяся дѣвочка, поднявшая тревогу, поворачиваясь къ окну черной головкой, съ большими оттопыренными ушами и черными глазками. Ни одной сонной нотки не слышалось въ ея голосѣ.— Чу... слышь... ишь ты! тукъ-тукъ-тукъ! тукъ-тукъ!..

— Послѣ бури... раскачало нибось знать,—пролепеталъ въ отвѣтъ чей-то засыпающій голосъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ глубокой тиши наступавшей полночи отчетливо раздавался одинъ глухой звукъ—паденія тяжелаго тѣла о земь, глухо отдававшійся самой землей. Звукъ повторялся часто, казалось, черезъ правильные промежутки времени... Другихъ звуковъ не было. Бываютъ такія мгновенія глубокаго, полнаго затишья всей природы. По крестьянскому замѣчанію и повѣрью эти мгновенія наступаютъ два раза въ каждые сутки: въ самый полдень и самую полночь. Затихаетъ скотина и птица, листья перестаютъ лепетать, и самъ степной вольный вѣтеръ складываетъ рѣзвыя крылья...

Разговоръ не поднимался больше. Стихла вся эта бѣлая, безмолвно-сіявшая ночь. Тѣни падали короткія, неподвижныя, бархатно-черныя, словно въ полдень. Немигающимъ розовымъ свѣтомъ горѣла Венера. Узкія зарницы нѣтъ-нѣтъ и вспыхивали на горизонтѣ, и съ одного края начинало уже замолаживать. Бѣлыя и волнистыя какъ Кавказское руно, облака плыли, поднимались, сливались въ одну общую пелену и, мало-по-малу, закрыли весь небесный сводъ. Луны не стало видно за ними, не осталось ни одной опредѣленно-свѣтящейся, блестящей точки на всемъ небѣ... Но всюду, съ каждой точки и по всѣмъ направленіямъ, лился розовый и сильный, и мягкій свѣтъ, сливаясь съ влажнымъ отблескомъ росы на травѣ, съ стальной поверхностью неподвижной, близкой и сонной рѣки...

Все стихло на крыльцѣ. Караульщицы сидѣли въ разнообразныхъ позахъ, склонивъ низко къ колѣнямъ утомленныя головы. Дольше другихъ держалась маленькая голова съ большими, настороженными ушами. Но поникла и она...

Digitized by Google

Дремота начинала овладѣвать также и мной. Я прислонился головой къ косяку и задремалъ, завернувшись въ плэдъ, не сходя съ подоконника у раскрытаго окна.

III.

Свѣжее дуновеніе пробѣжало по моему лицу. Я открылъ глаза.

Солнце всходило какъ разъ передъ моими окнами и стояло круглое, низкое и багрово-румяное, не освѣженное вчерашнею бурею.

Рядомъ со мною у окна стоялъ Макаръ Капитоновъ и что-то продолжительно и весьма обстоятельно докладывалъ мнѣ, чего со сна, въ первую минуту, я рѣшительно не могъ разобрать. Я успѣлъ уловить только послѣднюю фразу доклада:

— Воля ваша, Митрій Миколаичъ, а сейчасъ намъ ѣхать никакъ невозможно.

— Какъ невозможно?—воскликнулъ я, спускаясь съ своего подоконника.

— Да вѣдь, чать, сами знаете, Митрій Миколаичъ, какіе у насъ здѣсь кузнецы. Это народъ—убить да уѣхать. Опять время не такое, рабочая пора...

— Ну, такъ что же изъ этого?

— Да не годится онъ сейчасъ—захромалъ.

Я понялъ, наконецъ, что дѣло шло о лошадяхъ.

— Которая захромала? Отчего она захромала?

— Гнѣдой не годится. Самый коренникъ. Заковали.

Мы отправились вмѣстѣ къ конюшнямъ. Лошадь оказалась дѣйствительно закованной и хромала на обѣ ноги. Ѣхать на ней остававшіяся слишкомъ семьдесятъ верстъ въ такомъ видѣ, точно не представлялось ни малѣйшей возможности.

Пришлось вернуться назадъ въ домъ, предварительно отправивъ Макара Капитонова на поиски за самоваромъ, а затѣмъ уже верхомъ на поиски кузницъ, изъ которыхъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, не оказывалось ни одной ближе шести верстъ. Обстоятельства складывались самымъ неожиданнымъ образомъ и, волей-неволей, не оставалось ничего другого, какъ ждать и въ ожиданіи, отъ нечего дѣлать, продолжать нечаянно начатое знакомство съ новымъ монастыремъ.

Раньше всего мнѣ казалось необходимымъ познакомиться съ хозяйкой, представиться матушкѣ-игуменьѣ. Я сообщилъ свое

Digitized by Google

желаніе вчерашней старушкѣ, снова появившейся поутру вмѣстѣ съ самоваромъ, несмотря на жаркое утро въ неизмѣнной кацавейкѣ, съ неизмѣнными поклонами и особой струей воздуха, окружавшаго ее какъ-бы постоянной оболочкой съ особымъ запахомъ камфары, персидской ромашки и затхлой ветоши.

Мы отправились съ крыльца узкой дорожкой по заросшему муравою двору. У крылечка одного изъ деревянныхъ флигелей, въ тѣни, падавшей отъ стѣны самаго флигеля, сидѣла небольшаго роста еще не слишкомъ пожилая женщина. Два, поставленные стойма, кирпича, обложенные горящими щепками, служили ей вмѣсто жаровни. Она сидѣла на деревянной низкой скамеечкѣ. Въ мѣдномъ тазикѣ на кирпичахъ варилось варенье.

— Вотъ онѣ самыя будутъ, матушка-то, шепнула мнѣ моя старуха и тотчасъ же, не дойдя нѣсколькихъ шаговъ, покинула меня и удалилась обратно въ домъ, словно сдавая меня съ рукъ на руки.

Я подошелъ и отрекомендовалъ себя, извиняясь за доставленное наканунѣ безпокойство.

Матушка привстала; видимо робѣя, покраснѣла всѣмъ лицомъ и, не находя словъ, смущенно оглянулась вокругъ, не выпуская изъ рукъ тазика, высоко поднятаго надъ огнемъ.

Я попросилъ позволенія присѣсть. Она молча поклонилась еще разъ и сѣла сама. Я тоже сѣлъ на ступеньку рядомъ съ ея скамьей. Послѣ нѣсколькихъ обмѣненныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, смущеніе ея стало по-немногу проходить, и мы разговорились.

— Вотъ надѣялся теперь уже дома быть, а приходится ждать и Богъ знаетъ, когда еще попаду домой,—началъ я, чтобы съ чего-нибудь начать разговоръ.

— Слышали мы—лошадка у васъ захромала... Такое дѣло—кузнеца-то у насъ по всей деревнѣ ни одного,—замѣтила матушка. Ближе Лаптева не найти.

— Такъ значитъ и вашихъ всѣхъ монастырскихъ лошадей туда водятъ ковать?—спросилъ я.

Она усмѣхнулась.

— Нашихъ-то кто коваль! Наши-то всѣ—двѣ. По деревнямъ-то вѣдь мало куютъ,—прибавила она, слегка привставъ, и наклонилась надъ тазикомъ помѣшать закипавшее варенье.

Я пристальнѣе вглядывался въ нее, покуда она стояла такъ, бокомъ, повернувшись ко мнѣ въ полъ-оборота. Съ виду она казалась скорѣй пожилой дѣвушкой, и въ самомъ дѣлѣ, какъ я узналъ, съ дѣтскихъ лѣтъ была обреченной келейницей—*домо-*

Digitized by Google

ронкой, какъ ихъ называютъ въ нашихъ краяхъ. Съ дѣтства она подолгу живала въ монастыряхъ и хорошо знала монастырскій уставъ. Это-то знаніе, особенно цѣнное въ глазахъ другихъ незнающихъ, и послужило причиной избранія ея главой вновь устроившагося монастыря.

Судя по разговору, она казалась вообще, до извѣстной степени, образованной и начитанной, какъ бываютъ обыкновенно почти всѣ келейницы. Очень она мнѣ нравилась. Печать дѣвичества въ наружности ея не имѣла въ себѣ ничего отталкивающаго и озлобленнаго и самое названіе «матушки» хорошо подходило къ ней. Женская тихая душа сказывалась въ ней во всей: въ тихомъ взглядѣ небольшихъ, карихъ глазъ; въ улыбкѣ, почти изящной, оживлявшей ея задумчивое, преждевременно-отцвѣтшее лицо. Нарядъ ея—бѣлый ситцевый платокъ, туго заколотый подъ подбородкомъ и черное каленкоровое платье, сшитое на манеръ рясы, напоминали какъ-бы католическихъ монахинь или сестеръ милосердія; но лицо—неправильное и слегка веснушатое и общій складъ всей фигуры—небольшой, но сильной, жилистой и костистой были чисто русскаго, крестьянскаго типа. Въ ней не было при этомъ никакихъ признаковъ физическихъ недостатковъ, составляющихъ почти постоянную принадлежность деревенскихъ домовушекъ-келейницъ. Напротивъ: небольшія, загорѣлыя руки ея двигались неторопливо и особенно складно. Держалась она очень прямо. Говорила замѣтнымъ мѣстнымъ говоромъ, сильно ударяя на букву «о».

Я предложилъ ей прежде всего, наиболѣе интересовавшій меня, вопросъ о томъ: кѣмъ основанъ былъ ихъ монастырь?

— Монастырь!—повторила она какъ-бы съ удивленіемъ.—Да какой же у насъ монастырь. У насъ и уставу-то и заведенія монастырскаго нѣту. Когда-то будетъ!.. А община у насъ сейчасъ, общежительство значитъ...

— Ну, такъ общину-то кто же завелъ?—повторилъ я свой вопросъ и кстати спросилъ ее объ имени и фамиліи. Мнѣ интересно было провѣрить нѣкоторыя свои догадки относительно ея происхожденія. Предположенія мои оправдались. Ее звали Марьей Ильиничной, по фамиліи Птицыной. Это была извѣстная съ давнихъ временъ въ уѣздѣ фамилія мѣстнаго кулака и хлѣбнаго торговца изъ разбогатѣвшихъ крестьянъ, имѣвшихъ даже, какъ-бы нѣкоторымъ образомъ, свою торговую фирму—Ильи Птицына съ сыновьями. Поступленіе въ монастырь одного изъ членовъ семейства, почти всегда дѣвочекъ, въ большомъ ходу въ такихъ всегда нераздѣлившихся, большихъ богатыхъ семьяхъ.

Digitized by Google

— Я думалъ-было, не Ольшанская ли княжна уступила вамъ свою вотчину. Вѣдь Ольшанка-то была ея,—сказалъ я.

— Ея-то ея, а только нѣтъ, не она,—отвѣчала мнѣ, не спѣша, Марья Ильинишна. Она вообще говорила медленно, съ разстановками, слегка растягивая и самыя слова. А купила-то у нея землю подъ общину наша Анфиса Ниловна. Изъ здѣшнихъ купцовъ, не слыхали ли? Пирожкова фамилія ей... вдова?

— Что-жъ она вкладъ вамъ какой-нибудь положила, обезпеченіе на общину?

Марья Ильинишна покачала головой.

— Какіе ужъ вклады! Да мы за этимъ-то было и не гонимся. Землица-то вѣдь она тутъ, у насъ есть. А главное дѣло: положенія-то намъ не вышло на землю, на общину; *настоящаго*-то намъ *положенія* не вышло. Отъ святѣющаго правительствующаго синода не выходитъ все намъ положенія. (Она разумѣла, вѣроятно, утвержденіе). Перва-то Анфиса Ниловна сами было-взялись хлопотать, а тамъ, видно хлопотно имъ показалось, отступились. Хлопочите, молъ, сами! Какъ знаете, говоритъ, такъ и вѣдайтесь. А ни вы чтобы отъ меня, ни я отъ васъ, ничего чтобы впередъ болѣ не ждать, не требовать. Бумаги, какія были, прислали, и планъ, и копію... Да поминаніе свое прислали, да аниснаго сѣмени намъ изъ общины, чтобы имъ присылать; кушаютъ онѣ его для своего здоровья...

Мнѣ вспомнились пучки аниснаго сѣмени, развѣшанные въ пустой комнатѣ на гвоздикахъ въ бархатныхъ обояхъ...

— Да вотъ варенье имъ сварить, тѣлочку когда постомъ попоить пришлютъ,—продолжала между тѣмъ Марья Ильинишна. —Ну, это бы все ничего, все хорошо! А главное дѣло, какъ положенія-то намъ еще настоящаго отъ святѣющаго правительствующаго синода нѣтъ (она съ особенною отчетливостью произносила эту, видимо съ трудомъ затверженную фразу), а между прочимъ, тѣмъ временемъ, здоровье-то ихъ плохое, а наслѣдники-то ихніе—Анфисы Ниловны сыновья, какъ они теперь говорятъ, что ежели, въ случаѣ чего, лысая кобыла помретъ... Это ее-то, родительницу—кобылой! Вотъ, подите! (Кроткіе глаза ея на мгновеніе засвѣтились негодованіемъ). То мы имъ покажемъ тогда, говорятъ, сестрицамъ-то этимъ, общенницамъ, гдѣ раки зимуютъ! Мы ихъ пошлемъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ! Вотъ черезъ это самое, больно ужъ неспособно намъ... Тяжело! — прибавила она, вздохнувъ. — Посулить посулили... силу-то мы сейчасъ складываемъ, а чего себѣ дождемся, не вѣдаемъ. А хлопотать-то у насъ,—кому у насъ хлопотать! Народъ темный. Все

Digitized by Google

больше крестьянскіе... изъ крестьянства больше,—закончила она, нагибаясь и поправляя ногой щепки подъ кирпичами.

— Какъ же вы живете?

— Да такъ вотъ и живемъ. Третій годъ вотъ живемъ. До осени пока что, пока рабочее время—поживемъ, а тамъ, видно, въ губернію ѣхать надо.

— А много ли васъ сестеръ?—спросилъ я.

— Шестьдесятъ восемь,—отвѣчала она.—Набивались было еще, да мы нѣтъ, не принимаемъ. Потому что-жъ! Какъ настоящаго намъ положенія отъ святѣющаго...

— Да чѣмъ же вы живете?—перебилъ я ее.

— А работаемъ, какъ-же-съ, работаемъ. Земли-то вѣдь у насъ подъ Ольшанкою 200 десятинъ. Покуда тамъ чего будетъ, а сейчасъ-то вѣдь она наша. Вотъ и добиваемся его, хлѣбушка-то. Топка насъ было-искоренила за зиму! Окна-то частыя, покои большіе да высокіе,—поди, зиму-зимскую натопи ихъ! По этой причинѣ въ домѣ-то мало и живемъ, все больше по флигерямъ мѣстимся. Оно потѣснѣе, да потеплѣе. Солома — вѣдь она нонѣ три рубля сажень!

Солнце, поднимаясь на горизонтѣ, сгоняло тѣнь съ нашего уголка. Я помогъ матушкѣ переставить тазъ и передвинуть кирпичи.

Женщина съ беремемъ вымытаго бѣлья на коромыслѣ, возвращаясь съ рѣки, подошла къ ней за какими-то распоряженіями. Она отдала приказаніе въ двухъ словахъ, спокойно и просто, видимо привыкнувъ къ своей роли хозяйки и распорядительницы и не стѣсняясь болѣе моимъ присутствіемъ.

Кругомъ насъ, въ общинѣ, кипѣла между тѣмъ оживленная утренняя дѣятельность. Въ ближней кухнѣ происходила, вѣроятно, обѣденная стряпня. Густая струя постнаго горѣлаго масла съ пережареннымъ лукомъ доносилась и относилась по вѣтру. Женскія фигуры, въ обычныхъ крестьянскихъ костюмахъ, двигались вблизи и вдали: кололи дрова, возили сѣно. Дѣвочка лѣтъ десяти, въ одной подпоясанной рубашонкѣ, сидя на землѣ, щипала ножомъ лучину. Звонко отдававшійся по сухой дорогѣ стукъ трясвой телѣги мѣшался съ протяжнымъ мотивомъ монастырскаго «канта».

Матушка, отирая ситцевымъ, свернутымъ платочкомъ разгорѣвшееся надъ жаровней лицо и шею, осторожно мѣшала ложкой закипавшія ягоды. На колѣняхъ у нея, съ клубкомъ суровыхъ нитокъ, намотанныхъ на гусиное горлышко, лежали длин-

Digitized by Google

ная полотница грубаго крестьянскаго холста; она проворно сшивала ихъ въ свободные промежутки времени, пока кипѣли ягоды.

— Что это вы шьете?—спросилъ я.

— На мясо мѣшокъ,—усмѣхнувшись, отвѣчала она и, встрѣтивъ мой недоумѣвающій взглядъ, тотчасъ же прибавила:— Рубаху точаю. Обносились вовсе сестры-то у насъ. А самимъ неколи—рабочая пора. Вотъ и спѣшу...

Бесѣда наша, мало-по-малу, переходила въ болѣе довѣрчивый тонъ. Говорила больше она; я спрашивалъ и слушалъ. Разсказывала она просто, видимо радуясь свѣжему человѣку, съ которымъ можно было отвести душу, но безъ всякаго обычнаго монашескаго кланченья и нытья, даже безъ жалобъ. Просто она передавала совершившіеся неутѣшительные факты.

Это была цѣлая длинная повѣсть бѣдъ и гоненій, испытанныхъ общиной за короткій срокъ ея существованія. Былъ тутъ и «протопопъ, не дающій дыханія»; и благочинный, брезгающій пятирублевою и требующій непремѣнно двадцати-пяти-рублевой бумажки при каждомъ посѣщеніи; и *настоящія форменныя бумаги*, посланныя въ святѣйшій правительствующій синодъ черезъ какого-то благодѣтеля и на которыя, однако, другой годъ не получалось ни отвѣта, ни утвержденія; и атласное одѣяло преосвященному; и церковь, запечатанная на два мѣсяца по навѣту священника изъ сосѣдняго прихода, приходившагося родственникомъ другому преосвященному...

— И сейчасъ-то у насъ каждый разъ прекословіе тоже выходитъ не малое. Въ губернію-то видно ѣхать—не миновать,— говорила она съ своей тихой, почти даже робкой манерой, не поднимая глазъ и только изрѣдка взглядывая на своего собесѣдника. Я смотрѣлъ на нее, покуда она говорила, невольно и живо представляя ее себѣ въ губерніи, т.-е. въ губернскомъ большомъ городѣ, на улицѣ, на лѣстницѣ, въ пріемной комнатѣ какой-нибудь канцеляріи какого-нибудь вѣдомства и почему-то не чувствовалъ опасеній за нее. Силой вѣяло отъ всей ея маленькой и крѣпкой фигуры; она чувствовалась съ первыхъ же минутъ въ этомъ простомъ, смышленомъ и задумчивомъ лицѣ. Глядя на нее почему-то вѣрилось, что и въ губернію она съумѣетъ поѣхать; и ждать будетъ, пока возможно и нужно будетъ ждать и, пріѣхавъ, такая какъ она есть—въ выростковыхъ сапогахъ и ситцевомъ платочкѣ—съумѣетъ добиться всего, чего нужно будетъ добиться. Разсказывая, она часто мѣшала съ простой крестьянской рѣчью—книжныя, очевидно монастырскія слова и обороты.

Digitized by Google

— Церкви нашей не видали, не были?

— Не видалъ. Да вѣдь, кажется, въ Ольшанкѣ и не было церкви?—замѣтилъ я.

— Сами поставили. Какъ же! Мы поставили,—съ дѣтскимъ радостнымъ выраженіемъ сказала она.

— Гдѣ-же вы денегъ достали?

— Да вѣдь оно у насъ нешто сейчасъ!.. Оно вѣдь у насъ дѣло-то ранѣ, по кельямъ, давно задуманное!.. Со сборомъ ѣздили, собирали, какъ-же! Хлопотъ-то оно что и говоритъ, трудовъ мало ли пришлось принять. Да вотъ и сейчасъ, по сіе время съ попомъ все не наладимъ никакъ.

— Что такъ?

— Да старичка-то нашего—старичокъ тутъ у насъ въ нашей церкви изъ заштатныхъ служилъ—ну, слабъ былъ другой разъ, конечно, зашибалъ тоже, когда случалось... А все же, по крайности, знали мы, что свой священникъ былъ у насъ. Обѣдню ли когда заказную, молебенъ ли случится (господа наѣзжали, бывало, заказывали), ужъ онъ всегда подъ руками тутъ. Какъ въ силахъ, то не отказывается. И отъ того польза была и церкви и общинѣ. А сейчасъ у насъ... нашего-то отставили, а Репьевскому, своему, значитъ, сродственнику наказали, чтобы одну службу у себя въ приходѣ, одну—у насъ служить. Это что-жъ такое выходитъ! Это намъ выходитъ одинъ зарѣзъ. Первое дѣло отъ доходовъ—кружку пополамъ. Обижаются они на насъ больно изъ этого, что народъ-то къ намъ пошолъ. Такъ и повалилъ... А какъ ему не идти, народу-то! Онъ вотъ, батюшка-то, у себя въ церкви, почитай, каждую службу пьянъ; по церкви идетъ—шатается, за стѣнку хватается. Церкву-то Божію, какъ хлѣвъ скотій сдѣлали... Ну, а у насъ на всякое время благолѣпіе, чистота—народу-то оно и лестно. Опять же изъ пѣнія; сестры поютъ, не пьяный дьячокъ гнуситъ. Къ намъ-то они сейчасъ въ монастырь ничего, нущай чверёзые ходятъ, что батюшка, что дьячки... Батюшка-то, говорятъ, вовсе пить бросать сталъ, ну, а все-жъ таки не изъ чего было намъ этакъ-то и собираться сюда. Мы этого и въ кельяхъ у себя не видали, чтобы черезъ праздникъ у обѣдни быть.

— Развѣ вы полагаете, что ради этого всѣ собрались сюда?—спросилъ я.

Она подняла глаза и изумленно взглянула на меня.

— А то какъ-же-съ! Для чего же собрались! Для церкви собрались, для своей души.

— Ну да, это которыя постарше. А молодыя-то?..

Digitized by Google

— Такъ что-жъ, что молодыя! И мы были молодыя, и намъ не два вѣка жить. Здѣшняя жизнь... Она вѣдь коротенькая, здѣшняя-то жизнь. Да и чего мы здѣсь видѣли, вы то посудите! съ внезапнымъ, особеннымъ одушевленіемъ вдругъ промолвила она, выпуская изъ рукъ полотнища рубахи и, сцѣпивъ руки пальцами, вытянула ихъ поверхъ колѣнъ.

Въ продолженіе всего разговора, рѣчь ея поражала меня своей одной характерной особенностью: совершеннымъ отсутствіемъ всякой жестикуляціи. Зависѣло-ли это отъ монастырской дрессировки или просто отъ того, что руки ея во все время были заняты какими-нибудь предметами, не оставаясь свободными ни минуты, но я не замѣтилъ въ нихъ ни одного лишняго, свободнаго движенія. Шитье скатилось теперь съ ея колѣнъ, но она не замѣчала этого и, не разжимая рукъ, слегка хрустѣла ими короткими и сильными пальцами. Выраженіе смышленности и простоты исчезло съ ея лица и смѣнилось другимъ, — задумчивымъ и почти мечтательнымъ выраженіемъ.

— Ничего-то мы здѣсь не видали,—продолжала она измѣнившимся голосомъ, еще медленнѣе, какъ-бы съ трудомъ выговаривая давно передуманную и задушевную мысль.—Ничего не видали,—повторила она, не разжимая рукъ.—И не увидимъ здѣсь. А тамъ... Тамъ не то... Тамъ собраніе-то поболѣ здѣшняго. Тамъ отъ прародителей всѣ... Вмѣстѣ всѣ будутъ, и вселенскіе патріархи, и цари... Мы пріѣдемъ, они на насъ будутъ умильно взирать... такъ, чтобы ужъ и намъ-то на нихъ непостыдно было взглянуть... Тамъ спо-кой вѣчный, медленно заключила она, по-своему, особенно на *о* выговаривая это слово, и наклонилась головой.

Мы помолчали съ минуту.

— А молодымъ-то все-таки, я думаю, замужъ бы идти,—сказалъ я.

Противорѣчіе видимо ничуть не раздражало ея. Она провела рукой по лицу, усмѣхнулась и какъ-то бокомъ изъ-подлобья весело и почти лукаво поглядѣла на меня. Работа снова была уже въ ея рукахъ и быстрые, съ короткими ногтями, гибкіе пальцы снова быстро задвигались надъ шитьемъ.

— Замужъ идти! А какъ по нонѣшнему времени и замужъ-то идти! Нынѣ мужья-то вонъ все больше съ мякинкой. Нешто мы не видимъ! Попадешься въ руки—натерпишься муки. А то другая не успѣетъ выйти—осолдатѣетъ, гляди. Солдаткамъ-то... молодымъ-то... охъ тоже самая смертельная ихъ жисть! Нынѣ наплачутся, да на завтра останется.

Digitized by Google

— А у васъ хорошо?

— Да вотъ какъ сами видите,—отвѣчала она, окидывая все вокругъ себя своимъ пристальнымъ и узкимъ, сосредоточеннымъ взглядомъ, въ которомъ виднѣлось теперь глубокое внутреннее удовлетвореніе. Чего ужъ еще! Надо бы лучше, да нельзя! Только какъ сейчасъ положенія намъ настоящаго нѣтъ, на сердцѣ будто непокойно... Такъ вѣдь это тоже отъ Бога... испытаніе. Да и не это одно. Мало ли тоже чего бывало! Вотъ тоже постомъ великимъ ѣздилъ къ намъ все одинъ безумный дворянинъ...

— Какой безумный дворянинъ?

— Да такъ, безумный онъ вовсе. Сосѣдъ онъ намъ будетъ; тамъ у насъ на вражкѣ въ своемъ имѣніи живетъ. Такъ его всѣ «безумный баринъ» и зовутъ. Ну, и что-жъ! Мы-было къ нему со всѣмъ почтеніемъ, ну, а какъ поднялъ протопопъ клаузу, что монашки безъ попа промежъ себя обѣдню служатъ, такъ вѣдь онъ на насъ же напрасно и показалъ.

— Да вѣдь онъ съумасшедшій! Какія же онъ могъ давать показанія?—замѣтилъ я.

— Ну, тутъ ужъ видно этого дѣла не разбирали,— отвѣчала она.—А только ни въ какомъ дѣлѣ безъ испытанія нельзя. Никакъ этому быть нельзя. Это вѣдь только тамъ вѣчный спокой (у нея опять особенно характерно выходило это слово), а тутъ, что въ міру, что въ монастырѣ—все одно, на всякое время работа, суета...

— А много у васъ работы?

— Работы, что говорить! Работы до глазъ. Да сейчасъ-то оно, положимъ, что работа вездѣ, потому—такое время, что нѣтъ его сильнѣй. Самая тяга народу... Да вы вотъ что сидите! Разгулялись бы у насъ. Поглядите, какъ у насъ работаютъ.

Она доварила варенье и торопилась уносить его куда-то, предварительно сливъ въ большую муравленную посудину, которую держала передъ нею дѣвочка, вызванная для этого изъ трапезы.

Я всталъ и поблагодарилъ за бесѣду.

— Къ трапезѣ нашей милости просимъ, пожалуйте,—проговорила она, обращаясь ко мнѣ.

Я поблагодарилъ еще разъ за приглашеніе, откланялся и пошелъ по направленію къ саду.

Digitized by Google

IV.

Старинный паркъ съ вѣковыми аллеями и роскошными цвѣтниками съ трехъ сторонъ окружалъ дворецъ. Онъ значительно перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ. Стриженыхъ газоновъ и цвѣтниковъ не осталось и слѣда: все было запущено подъ траву. Низкорослыя и корявыя деревца молодыхъ яблонь, вновь подсаженныхъ, начинались прямо противъ оконъ на мѣстѣ прежнихъ цвѣточныхъ клумбъ. Прудъ зацвѣлъ и заглохъ и знаменитая китайская бесѣдка съ надписью «храмъ уединенія», уютно помѣщавшаяся въ далекомъ зеленомъ уголкѣ, почему-то оказывалась перенесенною на поляну какъ разъ напротивъ большого балкона въ саду.

Я подошелъ къ бесѣдкѣ и тотчасъ-же увидалъ причину ея перемѣщенія.

Бесѣдка была прочно выстроена изъ хорошаго, строевого лѣса, отлично сохранившагося. Двѣ стѣны были вынуты изъ нея; подъ крышу на потолкѣ были подведены толстыя поперечныя перекладины—балки и къ нимъ на небольшихъ цѣпяхъ подвѣшены небольшого калибра церковные колокола... Китайская бесѣдка превращена была въ монастырскую колокольню.

Превращеніе было совершено, повидимому, еще недавно. Миніатюрный болванчикъ въ китайской шапочкѣ, съ приклееннымъ къ нему кускомъ старой рѣзьбы, валялся еще въ травѣ посреди неубранныхъ, свѣжихъ стружекъ и щепокъ.

Колокольня не была пуста. Я подошелъ ближе и заглянулъ въ нее: высокій мужикъ, худой, въ сѣрыхъ шаравахъ и бѣлой ситцевой рубахѣ на выпускъ, стоялъ въ ней съ засученными рукавами и большой малярной кистью въ рукѣ. Подлѣ него на полу бесѣдки стояло ведерко съ краской. На вѣткахъ, на ближнемъ кусту, висѣлъ шерстяной лѣтній кафтанъ и картузъ съ поломаннымъ козырькомъ. Это была первая мужская фигура, встрѣченная мною въ монастырѣ. Отрывочныя слова не то пѣсни, не то какого-то бормотанія въ полъ-голоса и сквозь зубы доносились, время отъ времени, изъ бесѣдки.

Я остановился и поздоровался.

Звуки прекратились. Высокій человѣкъ съ разсѣяннымъ выраженіемъ, не глядя на меня, поднялъ-было руку къ головѣ, какъ-бы желая приподнять картузъ, но, не встрѣтивъ картуза, встряхнулъ волосами, поднялъ голову и съ удивленіемъ оглядѣлъ меня.

Digitized by Google

Я объяснилъ, въ двухъ словахъ, какимъ образомъ я попалъ въ монастырь.

— Та-акъ-съ,—съ разстановкой произнесъ онъ.—Стало, лошадки-то энти, ваши, что ли, онѣ будутъ?

— Мои.

— И человѣкъ энтотъ, кучерокъ-то, тоже вашъ онъ будетъ?

— Мой,—отвѣчалъ я, не понимая къ чему могли клониться эти подробные разспросы.

— Та-акъ,—повторилъ онъ еще разъ, погружая въ краску свою уже обсохшую кисть и чрезвычайно быстро и размашисто принимаясь дѣйствовать ею.—А вѣдь онъ меня призналъ, произнесъ онъ вдругъ, останавливая кисть и взглядывая на меня.

— Кто призналъ?

— Да Макаръ-то Капитонычъ, прикащикъ-то вашъ.

— Что же, вы съ нимъ изъ одной деревни?

— Нѣ, оно положимъ, изъ одной, не изъ одной деревни... Пареѣновскіе мы... Ну, а все-жъ-таки быдто въ шабрахъ. Какъ же! мы вѣдь сами оттоль, земляки съ вами будемъ, съ одной стороны.

— Что же, вы изъ Пареѣновки сюда на работу пришли?

— Какое!—Онъ вдругъ особенно энергически обмакнулъ кисть въ ведро и снова завозилъ ею, отвернувшись лицомъ ко мнѣ.—Это мы сейчасъ-то, признаться, въ Пареѣновку идемъ, на родину то-есть, на свою сторону. А работа... работа-то оно такъ вышло по случаю. Полъ—да тутъ слышь, монастырь... А не было его допрежъ—монастыря. Какой такой, думаю, монастырь! Странныхъ пріймаютъ? Пущаютъ, ничего. Зашолъ переночевать. А тутъ матушка, сестры... нельзя ли какъ, больно нужда, да скоро требуется... дѣло сиротское... работа, все такое... Ну, и остался.

— Да вы откуда же идете?

— А издалече. Съ разныхъ мѣстовъ. Тридцать одинъ годъ, признаться, какъ ушолъ, да и не бывалъ на своей сторонѣ. Вотъ теперь развѣ Господь не доведетъ ли.

Запахъ краски относило въ сторону небольшимъ вѣтеркомъ. Я присѣлъ на скамью, или, лучше сказать, на остатокъ прежней скамьи, безногой и облупившейся, когда-то полу-круглой, по всему вѣроятію выброшенной изъ бесѣдки. Землякъ попросилъ у меня «папиросочки». Я молча смотрѣлъ на него, покудова онъ доставалъ изъ шараваръ коротенькую, какая бываетъ у солдатъ, сильно обкуренную и обсосанную трубочку и, изломавъ предварительно папиросу, вмѣстѣ съ бумагою, набивалъ трубочку табакомъ. Она оказалась не полна. Я предложилъ другую папиросу.

Digitized by Google

— Вотъ покорнѣйше благодаримъ,—сказалъ онъ, тѣмъ же способомъ обрывая и бросая въ сторону одинъ крѣпкій мундштучекъ и все остальное нажимая пальцами въ трубкѣ.—Давно признаться говѣемъ... другой день,—прибавилъ онъ, затягиваясь и пуская ноздрями длинную струю дыма.

На видъ ему могло быть подъ шестьдесятъ. Тѣломъ, на ногахъ, онъ былъ еще довольно бодръ, хотя не той бодростію—здоровой, солидной и степенной такъ сказать, какая замѣчается у настоящихъ деревенскихъ стариковъ. Какое то особое оживленіе, постоянное и суетливое, замѣняло въ немъ эту бодрость, словно помогая ему носить и держать на ногахъ его поразительное худобой и вышиной, когда-то, по всему вѣроятію, поразительное своей стройностью, тѣло. Лицо было невелико, худо и блѣдно, съ мелкими, довольно правильными, но незначительными чертами. На всемъ лицѣ выдавались только глаза и то не величиной или красотой—они были невелики и черезъ-чуръ свѣтлы—а выраженіемъ. Было что-то необычайное въ этомъ выраженіи, что̀ именно, я въ первую минуту не могъ бы даже опредѣлить. Широкія обводины окружали глаза, обращаясь въ темныя, почти черныя впадины у переносья, отчего оно, узкое по природѣ, казалось необыкновенно узкимъ. Эта черта—узкое переносье, придаетъ всегда особенный, такъ-называемый соколиный, красивый и быстрый взглядъ глазамъ. На мучительное, странно-жалкое и, въ то же время, пронзительное выраженіе, свѣтившееся въ этихъ глазахъ, лишало ихъ даже этой красоты взгляда. Дольше нѣсколькихъ секундъ глаза эти не останавливались ни на одномъ предметѣ. То же было и со всѣми другими движеніями. Онъ то-и-дѣло мѣнялъ позу, поворотъ головы; часто покашливалъ, сильно отплевываясь по сторонамъ, и какъ-бы не мазалъ, а какъ-то дергалъ кистью, загрунтовывая красноватой краской перила и столбы бесѣдки. Куреніе доставляло ему видимое удовольствіе. Онъ то-и-дѣло бросалъ кисть, хватался за трубку и затягивался раза два; потомъ бережно пристраивалъ ее обратно въ уголкѣ между перилами и столбомъ бесѣдки и снова принимался за работу.

Дѣло шло къ полудню. Становилось жарко. Въ бесѣдкѣ было, вѣроятно, душнѣе и жарче, чѣмъ на волѣ, и сильнѣе пахло краской. Большія капли пота выступали у него на вискахъ, но лицо оставалось блѣднымъ по прежнему, несмотря на сильныя и быстрыя, немного черезъ-чуръ размашистыя движенія, съ которыми онъ дѣйствовалъ своимъ инструментомъ. Мнѣ хотѣлось вызвать его на разговоръ. Судя по началу, это не должно было быть особенно затруднительнымъ.

Digitized by Google

— Гдѣ же это вы прожили столько времени, тридцать одинъ годъ?—спросилъ я. Суетливость движеній не лишала наружности его отпечатка нѣкоторой старческой почтенности, и мнѣ неловко было заговорить съ нимъ на «ты».

— Да, бывалъ-таки я! Гдѣ только не бывалъ!—отвѣчалъ онъ, снова упирая въ одно мѣсто кисть, подбочениваясь на секунду и тотчасъ же опуская руку и оглядываясь на меня.— Всее почитай что матушку Рассею произошелъ. Подъ Севастополемъ былъ, въ Енгерскомъ мятежествѣ былъ...

— Такъ стало быть вы—солдатъ?

— Ужъ еще бы что не солдатъ! Солдатъ. Не своей волей изъ своево дому уполъ, свой домъ оброслъ.

— Да вы чьи же были? Чьихъ господъ?

— Парѣёновскіе и были. Чать знаете барина нашего, помѣщика, Парѣёнова Ивана Петровича?

— Знаю.

— Ну, вотъ ихъ самые и были. Живы ли они сами сейчасъ-то, ай померли?

— Нѣтъ, умеръ онъ.

— Ну, царствіе небесное, оставленіе грѣховъ. А только и баринъ же былъ!

— Что, не хорошъ?

— Старое-то что ворошить—не воротишь! Ну, а только... ну, да что!—онъ передернулъ плечами и вдругъ нахмурился, отчего маленькіе, бѣлые глазки сильнѣе засвѣтились своимъ пронзительнымъ и безпокойнымъ взглядомъ. — Слава шла — баринъ былъ лютъ, ну, а прикащиковъ-то держалъ еще лютѣе себя, на подборъ. И за этими за самыми прикащиками что только народу пропало такъ страсть, сказать невозможно.

Молва о владѣльцѣ Парѣёновки дѣйствительно съ давнихъ временъ стояла не добрая. Имѣніе было верстахъ въ пятнадцати отъ меня. Разсказывались темныя преданія. Ходили живые слухи о притѣсненіяхъ и жестокомъ обращеніи, доходившемъ не одинъ разъ будто бы до преступленія.

Несмотря на выраженное нежеланье «ворошить старое», Андрей Китавъ (т.-е. Титовъ)—такъ отрекомендовалъ мнѣ самъ себя землякъ, съ цѣлью облегчить мнѣ обращеніе къ себѣ—видимо началъ увлекаться старыми воспоминаніями. Могло статься (какъ оно и бываетъ въ старости), что только опѣ одинѣ—давно пережитыя скорбныя или радостныя, но все равно, когда-то всѣ молодыя, сильныя впечатлѣнія, одинѣ живо представлялись ему теперь, заслоняя позднѣйшія, уже болѣе блѣдныя и слабыя наслоенія.

Digitized by Google

— Какъ въ солдаты-то угодилъ,—сказалъ онъ, повторяя мой вопросъ и въ десятый разъ бросая кисть и хватаясь за трубку. На этотъ разъ онъ бросилъ ее, повидимому, рѣшительно, потому что вышелъ изъ бесѣдки и присѣлъ рядомъ со мной на свѣжій, недавно срубленный липовый пенёкъ.

— Передохнуть малость, упарился!—началъ онъ, усаживаясь плотнѣй и выставляя острыми колѣнями впередъ тощія и длинныя ноги въ тщательно заплатанныхъ смазныхъ сапогахъ. Онъ слегка осунулъ поясокъ на животѣ и наклонилъ голову на бокъ. —Какъ угодилъ-то. По тогдашнему времени долго-ль было и угодить! Все черезъ ихъ же, черезъ псовъ, черезъ прикащиковъ. Прикащикъ былъ безпокойный, прямо что непутный. А баринъ... баринъ-то мужичьихъ рѣчей, словъ степенныхъ не принималъ, на прикащика располагался. Какая тамъ ни на есть случилась моя за мною вина, прикащикъ схватилъ, значитъ, когтями за космы, а я вывернулся, да бѣжать... Да прямо къ барину, къ Ивану Петровичу. «Такъ и такъ, молъ, говорю, что насъ прикащикъ до конца хочетъ довести и до курицы». А баринъ: «Пойдемъ на конюшню. Ложись». Легъ. Садовникъ зачалъ-было полегоньку... Ну, взялъ, значитъ, кнутъ у садовника, да ему, прикащику... Тутъ ужъ онъ низàлъ, низàлъ меня, какъ хотѣлъ...

Маленькій мускулъ дрогнулъ и сталъ биться у него надъ усами на правой щекѣ, но онъ продолжалъ.

— И какъ сейчасъ вспомнить—приснился мнѣ въ ту ночь сонъ, что я ужастился. Двѣ кучи мѣди приснились мнѣ, и отъ того великаго страху я убѣжалъ. У-бѣжалъ! Пропадай жена, ребята—ничего не жалко—убѣжалъ! Три дня былъ въ лѣсу, ходилъ. Чего было со мной и не вспомню, а только иду и самъ себя чую, что... не боюсь я ничего. Ни-чего? Не боюсь ни звѣрёвъ, ни людей. Господи! Господи! Грѣшникъ я, грѣшникъ, думаю. Не боюсь-то я темныхъ лѣсовъ! Не боюсь-то я лютыхъ звѣрей... А въ ту пору прикащикъ у насъ женщину убилъ. Пріѣхалъ становой Ѳедоръ Ѳедорычъ. Всю барщину согнали. Мать тутъ старуха, свекровь, вопятъ... «Ну, что вы, женщины, изъ чего вы обиждаетесь?» «Изъ побоевъ, говорятъ, что у насъ вся барщина въ рубцахъ. Когда у насъ безъ соли можетъ пятнадцать дёнъ сидѣли»...

А прикащикъ сейчасъ: «Ну, я одинъ въ Сибирь не иду. А идетъ Иванъ Иванычъ и Корнилъ Иванычъ. Я только цыкну насчетъ побой, а они сейчасъ тутъ были».

— Ну, и что же? Всѣ трое и пошли?—спросилъ я.

Digitized by Google

Андрей только рукой махнулъ и, вынувъ изо рта трубочку, молча сплюнулъ нѣсколько разъ въ сторону.

— Что же, развѣ и не судили?

— Судили. Да нешто оно... Гм! Оно вѣдь какъ: набей людей возъ—привези въ судъ вошь—прощено! Такъ-то и тутъ. Ну, а мое-то дѣло вышло самое ужъ послѣднее дѣло, потому—съ меня началось. Прикащикъ-то тутъ ужъ на вовсе загонялъ. Хоть въ воду, такъ въ ту-жъ пору. Хоть одинъ конецъ... А тутъ некрута подошли, наборъ. Дѣло-то махомъ спроворили, да такъ съ того времени и въ побывку не приходилъ.

— Ну, а какъ же жена, дѣти?

— Дѣтей похоронилъ, управился. А хозяйку-то къ себѣ выписалъ. Послѣ войны деньжонки случились... взялъ рублевочку за крылышко, тому, другому... Баринъ въ ту пору въ Москвѣ жилъ; ну, тамъ всякаго народу—клюшники, дворецкіе—всякая музыка... Три пол-сотки далъ, на вольную ее у барина откупилъ. А тамъ, послѣ Енгерскаго мятежества чистая вышла... Подъ Севастополемъ-то вѣдь оно мѣсяцъ за годъ... Двѣ себѣ на голубыхъ лентахъ получилъ.

Онъ остановился, выколотилъ давно-докуренную трубочку о ноготь, искоса поморгалъ на меня и подулъ въ нее.

— Хотите еще?—сказалъ я, предлагая ему папиросы и ждалъ, покуда онъ, тѣмъ же порядкомъ управлялся, устраивая свое курево.

— Ну, а гдѣ же вы потомъ жили? Что же потомъ было?—спросилъ я.

— Чего было-то! Да опять-же что всего бывало. Да, бывалъ-таки,—опять повторилъ онъ свою любимую фразу; правда что въ Сибири. Ну, да вѣдь это только пословица одна, что Сибирь. А для нашего брата почитай что здѣсь-то—Сибирь. Хозяйку откупилъ, въ Сибирь укатили.

— Ну, что же, и хорошо вамъ тамъ въ Сибири пожилось?

— Чего не хорошо! Какого еще хорошства! Тамъ пристаня, прикащики, сильный народъ, торговый народъ... Французскія булки пёкъ. Хлѣбъ хорошій, не кислый. Въ польское мятежство поляковъ-то три года гнали, тогда хлѣбъ преотлично шелъ. Поляки народъ опытный, разсудительный; которые по несчастію попали, которые и такъ. Три рубля въ день выручалъ. Полушубокъ справилъ—сорокъ рублей, пальто драповое; женѣ тоже пальто съ глярусомъ, ну, всего, всего... Чего бы тутъ! Жить бы да поживать. Такъ нѣтъ! Дай, молъ, деревенскимъ показать, каковы изъ Томска пріѣхали. Глупость бабья, неопытна! А она

Digitized by Google

у меня смирная была, смиренница одно слово, и-и какая, какъ птица. А тутъ вотъ—ѣхать, на свою сторону. А чего она—своя сторона! Своя-то сторона не поитъ, не кормитъ. По мнѣ что-жъ! Ѣхать такъ тоже, а не ѣхать, все тоже. Ну, поѣхали. Дорогой-то на пароходѣ—пожаръ, да обокрали. Да дорога-то она встала, не-много-не-мало, 174 рубля. Какъ одна копѣечка 174 рубля... А тутъ, въ эвто самое время (онъ сильно потянулъ изъ трубки) и случись, что она у меня захворай.

— Кто? Жена?

— Да, хозяйка моя. Мочи нѣтъ, да мочи нѣтъ. Съ пожару-то еще она у меня припадать стала. Ну, мочи нѣтъ, дѣлать нечего. Пропадай они и билеты! Слѣзли.

Маленькій мускулъ онять сильнѣй забился у него надъ губой. Онъ остановился на минуту и поправился, такъ какъ будто ему было неловко сидѣть на пенькѣ.

— Передъ останнимъ концомъ Богъ привелъ ее успокоить. Какъ стала помирать, и напало на нее пейло. Испить все, испить. Душа горитъ. Сбѣгалъ самъ къ родному, водки принесъ нехватанной. Испила. Отпустило быдто такъ на малость на самую, а тамъ опять же, опять... Стала сопѣть, стала сопѣть, все порѣже, да все порѣже... Съ тѣмъ и духъ вонъ (онъ помолчалъ съ минуту). Съ этого самого разу, тутъ уже оно, значитъ, и скрутило меня.

— Какъ скрутило?

— Да самая эта чижолая болѣсть.

— Какая болѣзнь?

Но онъ молчалъ.

Я поднялъ голову и сдѣлалъ невольное движеніе къ нему. Онъ метался, сидя на пенькѣ, какъ-бы теряя равновѣсіе; руки дѣлали безпорядочныя движенія въ воздухѣ; глаза смотрѣли остеклянѣвшимъ, остановившимся взглядомъ, и я въ первый разъ поймалъ этотъ неуловимый и загадочный взглядъ. Все продолжалось не долѣе нѣсколькихъ секундъ. Онъ глубоко вздохнулъ и опустилъ голову... Мнѣ стало понятно все: необычайное выраженіе въ этомъ истомленномъ, искаженномъ болѣзнью лицѣ, и землисто-темный, характерно-блѣдный цвѣтъ его, и тревожные огоньки, вспыхивавшіе гдѣ-то въ самой глубинѣ большихъ, необыкновенно расширенныхъ зрачковъ. Порою они становились напротивъ необычайно узкими, и тогда свѣтлые глаза казались почти бѣлыми, одноцвѣтными и безвыразительными, какъ глаза статуй. Совершенно безкровныя губы изъ-подъ тонкихъ, несолдатскихъ усовъ ежеминутно мѣняли свой складъ и выраженіе. Нѣсколько разъ,

Digitized by Google

за время разговора, онъ какъ-бы машинально подносилъ руку къ вороту рубахи, какъ-бы желая разстегнуть его; наконецъ, дѣйствительно, разстегнулъ, отчего обнажилась худая съ выдавшейся костью шея и до половины слегка загорѣлая, волосатая, старческая грудь. Мнѣ казалось, что онъ чаще и сильнѣе дышалъ. Мы молчали. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ вдругъ оборотился ко мнѣ лицомъ. Меня поразило теперь неожиданно-покойное выраженіе этого лица. За все время бесѣды я ни разу еще не видалъ его такимъ. Что-то словно сжималось и застывало на немъ—всѣ его нервическія движенія и трепетанія. На одну минуту по невольной ассоціаціи мыслей мнѣ пришла на умъ мысль о возможности противоположнаго, рѣзкаго перехода, возможности настоящаго эпилептическаго припадка; интересно было разспросить его о подробностяхъ происхожденія болѣзни, начало которой относилось, по всему вѣроятію, къ болѣе раннему періоду, нежели онъ предполагалъ... Но онъ вдругъ поднялъ голову и заговорилъ первый самъ:

— Похоронилъ, гробъ справилъ и съ крышкой... понамъ тамъ, что надо... ну, все какъ слѣдовать,—началъ онъ, продолжая разговоръ покойнымъ тономъ и какъ-бы безъ малѣйшаго сознанія о неожиданномъ перерывѣ его; — да съ тѣхъ поръ двѣнадцать годовъ такъ-то вотъ и бьемся. Да чего говорить! Человѣкъ прямо что незаводный [1]) сталъ, все одно, что муха, не живу—не помираю. И допрежъ того бывало, нечего сказать. Нѣтъ-нѣтъ да тоже свернетъ тебя, человѣка-то, ровно какъ не въ своемъ разумѣ сдѣлаетъ... Ну, только тутъ ужъ на вовсе скрутило, приперло, значитъ, что не дохнуть...

— Что же, вы лечились?

— Пытали-было. Траву пилъ и корень—все такое... Да нѣтъ! Нейметъ. А такъ, я полагаю, что привыкъ. Привычка-то, знаете, оно...

— Да, привычка, конечно, много значитъ,—подтвердилъ и я.

— Привычка какъ же можно, пуще всего! По привычкѣ-то вонъ шутъ въ аду живетъ, да и то баютъ, что ему хорошо. А ужъ какое тоже, поди чай хорошство! —шутливо замѣтилъ онъ.

— Ну, что же, съ того времени вѣрно и дѣла плохо пошли? —сказалъ я, чтобы сколько-нибудь отклонить разговоръ отъ болѣзни.

— Какія дѣла! Канитель одна. Чего ужъ тутъ! Разорился вовсе. Первое дѣло—расходы, пожаръ... А у меня тоже вѣдь не

[1]) Отъ слова: завестись, обзавестись.

Digitized by Google

корабли! А другое дѣло... нѣтъ ужъ не то, не прежнее дѣло! Никакой рѣзвязи въ рукахъ нѣту. Окостенѣли онѣ, руки-то... Сторожемъ въ караулку на кладбищѣ нанялся. Ну, вотъ сейчасъ ничего, хорошо. Живу мѣсяцъ, живу другой. Могилку свою обрядилъ... Пошолъ на базаръ со сборомъ, съ колокольчикомъ, знаете?—обратился онъ ко мнѣ.

Я кивнулъ головой.

— Ну, вотъ, и приношу кружку. А мнѣ Тимоѳей Петровичъ, староста церковный: «я тебя, старикъ, уволить хочу». «За что же-съ такъ, говорю, ваше степенство?» «А за головино просо». «Чѣмъ же я, говорю, причиненъ головинымъ просомъ?» А пастухи не углядѣли въ ту пору, овцы и замяли его просо-то у кладбища, у городскаго головы. «Какая же моя, говорю, въ эвтимъ дѣлѣ есть вина? Моей, говорю, въ эвтимъ дѣлѣ нѣтъ вины». «Ну, не за головино просо, а кружку церковную взломали у тебя».—И какая же оказія вышла! Приходитъ въ сторожку молодецъ—шаравары плисовые, самъ безъ шапки. «Старикъ, вырой мнѣ могилку. Много ли возьмешь?» «Рубь-двадцать, говорю». «Это дорого. Она вторичная. Шестьдесятъ копѣекъ бери». А гдѣ вторичная! Ей ужъ можетъ двѣнадцать годовъ. Ее хоть топоромъ руби. За восемьдесятъ за пять ударили по рукамъ. Взялъ заступъ, пошолъ. И онъ пошолъ. Я, говоритъ, въ кружку грошикъ положитъ. Ну, Христа ради, клади. Ждать-пождать... Самъ рою, стою. Ну, думаю, не знаю—онъ кладетъ, не знаю—вынимаетъ. Побѣжалъ, анъ его ужъ и въ видахъ нѣтъ. Мнѣ бы сейчасъ въ догонку за имъ, а не могу — трясеніе сдѣлалось во всемъ, руки-ноги... ни съ мѣста сойти. Кладбище городское богатое; въ кружкѣ-то, на худой конецъ можетъ, пять рублевъ. Ну, по шапкѣ меня за это, стараго дурака!

— Что же вы тутъ сдѣлали?—спросилъ я.

— Чего было дѣлать-то! Дѣлать-то нечего, а пить-ѣсть надо... Онъ говорилъ разсѣянно и отрывисто, какъ-бы соображая нѣчто постороннее.—Сапожное ли тамъ мастерство, или опять же это взять... вотъ—красильщики, маляромъ былъ... Да нѣтъ, все пустое, не стоитъ вниманія! Ни заведенія, ничего тебѣ. И денегъ не стало, взяться-то нечѣмъ.

— А развѣ нельзя было денегъ въ долгъ достать?

— Въ долгъ! Тоже ловко вы это. Въ долгъ! Въ долгъ! А порукой-то кто? Тамбовскій волкъ!.. Онъ вскинулъ на меня свои въ эту минуту опять большіе и снова побѣлѣвшіе глаза.—Да и кто страннему человѣку въ долгъ повѣритъ, вы то скажите!

Digitized by Google

Свое-то, доброе—всякому дорого. Не казенная вещь, не банка!— Онъ плюнулъ, помолчалъ и продолжалъ уже спокойнѣе.—Вотъ тоже, банки теперь, слышно, какіе-то проявились, и по деревнямъ... деньги будто выдаютъ? Ну, да у насъ-то, я думаю, въ нашей сторонѣ этого заведенія нѣтъ. Какъ было, такъ знать и по сейчасъ: не то что въ банкѣ, въ ушатѣ-то нѣту, въ горшки положить нечего... Какіе это, слышно, банки будутъ? — вопросительно обратился онъ ко мнѣ.

Я постарался объяснить, насколько было возможно, въ коротких словахъ. Онъ слушалъ серьёзно и внимательно, не сморгнувъ, часто подергивая рукой концы сѣдыхъ, тонкихъ усовъ.

— Что-жъ, дѣло оно можетъ и хорошее... Ну, только не намъ... Не про насъ, нечего и говорить. Нѣтъ ужъ, упоздали! Такъ и быть. Помирать видно, и безъ банки помремъ. Пожито попито... Онъ опустилъ-было голову, но тотчасъ же быстро поднялъ ее.—Благодаримъ моего Создателя, бывалъ-таки я! Наглядѣлся, наслушался... Всего видѣлъ. Кажется такъ, что и видѣть-то болѣ нечего. Будетъ съ меня. (Мнѣ вспомнилась невольно утренняя бесѣда съ матушкой).—Сюда-то Христовымъ именемъ пришолъ,—продолжалъ, между тѣмъ, онъ,—ну, а вѣдь милостыню просить — этой мѣры опасаться надо. Вѣдь только что— свинья, такъ завалимся спать, а то за кажную милостыньку, за нее вѣдь сорокъ поклоновъ положить надобно.

— Что-жъ, вы, можетъ быть, и остались бы здѣсь при монастырѣ,—сказалъ я.—Можетъ быть и позволили-бы...

— Чего позволили! Мало ли онѣ просили. Тоже и ихнее дѣло женское, сиротское, и имъ безъ человѣка нешто можно! Никакъ этого нельзя. Теперь ежели насчетъ работы, башмачки тамъ сшить, или вотъ опять же эта краска, колокольню вотъ покрасить, въ дому тамъ какая передѣлка — и гдѣ же имъ... Дѣвки, бабы!.. А я сейчасъ матушкѣ: «нужно мнѣ, говорю, крону желтаго нѣмецкаго на пятнадцать копѣекъ, умры фунтъ; опять же этихъ вещей—сикативу, скипидару на пятачокъ беру, тридисину, кастерской земли...

Онъ загибалъ правой рукой пальцы лѣвой руки, отсчитывая количество необходимыхъ предметовъ. Тонкіе и корявые, словно чешуей покрытые, дрожащіе пальцы непослушно складывались одинъ за однимъ, и лицо было серьёзно, почти спокойно, дѣловито и энергично. Онъ разогнулъ заложенные пальцы и встряхнулъ головой.

— Неужели же я изъ Москвы дуракомъ вышелъ! Нѣтъ, мы здѣшнимъ не поддадимся. Здѣшній—погоди немного... А вотъ

Digitized by Google

лѣсокъ у нихъ есть тутъ семьдесятъ десятинъ, лѣсника нужно... Срублю себѣ келью въ лѣсу да и буду жить пока что... пока на вѣчный спокой. А чтобы Финошка Щеголь меня переще-голялъ, этому не бывать! Нѣ! Я на полахъ-то мучился, можетъ и до сего времени колѣночки больно. Я, по крайней мѣрѣ, одной кистью двѣнадцать апостоловъ выведу!... А они нѣ! Нѣ-ѣть! Они кровельщики!

Онъ всталъ, сунулъ трубку въ карманъ и направился колеблющимся, усиленно-бодрымъ шагомъ къ бесѣдкѣ съ видимымъ намѣреніемъ немедленно взяться за кисть и на дѣлѣ доказать безсиліе и неспособность Финошки Щеголя... Но сдѣлать этого въ данную минуту ему не пришлось.

Босоногая и бѣлоголовая дѣвчонка бѣжала по тропинкѣ отъ двора, высоко вскидывая узкія, худенькія ножки. Она остановилась противъ самой колокольни и, тяжело дыша, захлебываясь и сюсюкая, залпомъ выговорила:

— Андлей Китаць! (что должно было обозначать Титовичъ). Матуска онѣ... матуска пликазали онѣ... къ тлапезѣ удалить... матуска пликазали...

Она вдругъ остановилась и провела ладонью надъ верхней губой; потомъ круто повернулась, тряхнула головой и тѣмъ же порядкомъ, вскачь, пустилась обратно по дорожкѣ, высоко вскидывая узенькими, запачканными землей подошвами.

Андрей Китавъ не дождался конца ея рѣчи и, бросивъ кисть, медленно и истово, насколько позволяли дрожащія руки, перекрестился три раза. Потомъ онъ подошелъ къ колоколу и взялся за веревку. Три медленные удара отчетливо раздались въ полуденномъ, тихомъ воздухѣ.

— Что же, вы тоже ходите на общую трапезу?—спросилъ я Андрея.

— Нѣ, мы не мѣшаемся. Зачѣмъ! Мы особь, у себя въ кельѣ. На огородѣ келья-то покедова у насъ, огородъ карауливъ... Что-жъ, пойтить пожевать картошки безъ костей,—заключилъ онъ и накинулъ кафтанъ.—Картофь молодая...

Онъ взялъ въ руки картузъ и побрелъ по дорожкѣ, по направленію къ огороду, въ противоположную сторону отъ меня.

Я пошелъ знакомой уже дорожкой къ трапезѣ.

Л. Н.

Digitized by Google

ДРЕВНОСТИ
ВАВИЛОНО-АССИРІЙСКІЯ
ПО НОВѢЙШИМЪ ОТКРЫТІЯМЪ.

Три публичныхъ лекціи *).

III. Лѣтописи ассирійскихъ царей, по клинообразнымъ надписямъ.

Исторія ассиріянъ была намъ до настоящаго времени, можно сказать, вовсе неизвѣстна, если не считать немногихъ отрывочныхъ свѣдѣній о шести-семи царяхъ ассирійскихъ, о Ниневіи и Вавилонѣ, встрѣчаемыхъ въ Библіи и у нѣкоторыхъ греческихъ писателей. А между тѣмъ ассирійскій народъ, очевидно, игралъ выдающуюся роль въ судьбахъ древняго востока, какъ можно судить изъ того, что отецъ исторіи Геродотъ счелъ нужнымъ посвятить исторіи Ассиріи цѣлое сочиненіе (Τὰ Ασσυριακὰ), къ сожалѣнію, до насъ не дошедшее.

Сами цари ассирійскіе, какъ мы знаемъ теперь, употребляли чрезвычайныя усилія, чтобы память о своихъ дѣяніяхъ сохранить отдаленному потомству. Записи о нихъ они начертывали клинообразными знаками на стѣнахъ своихъ жилищъ, на барельефахъ и статуяхъ, украшавшихъ ихъ залы и портики, на колоннахъ, на призмахъ и многогранныхъ цилиндрахъ, зарываемыхъ въ основанія дворцовъ и храмовъ, причемъ одинъ и тотъ же текстъ, съ нѣкоторыми варіаціями, повторялся нѣсколько разъ;

*) См. выше апрѣль, стр. 692.

Digitized by Google

на каждомъ кирпичѣ зданія оттискивалось имя и родословіе царя—основателя его. Письмена ассирійскія ставились, кромѣ того, подъ покровительство боговъ. Каждая, сколько-нибудь значительная по содержанію, надпись начинается воззваніемъ къ главнымъ божествамъ и заключается заклинаніемъ, обращеннымъ къ преемнику царствующаго монарха, о сохраненіи сооруженнаго зданія съ его барельефами и надписями. Вотъ образчикъ такого заклинанія, найденный въ ниневійскомъ дворцѣ Сеннахерима, въ заключеніи длиннаго перечисленія подвиговъ этого царя: «Говорю это тому изъ моихъ сыновей, кто впослѣдствіи призванъ будетъ (богомъ) Ассуромъ и (богинею) Истарою блюсти страну: когда дворецъ этотъ прійдетъ въ состояніе ветхости и разрушенія, то пусть преемникъ мой обновитъ надписи, заключающія мое имя, возстановитъ изваянія, очиститъ и поставитъ на прежнее мѣсто барельефы,—тогда Ассуръ и Истара внемлютъ молитвѣ его. Но кто повредитъ мои письмена и мое имя, съ тѣмъ поступитъ Ассуръ, великій богъ, отецъ боговъ, какъ съ мятежникомъ, — онъ отниметъ у него скипетръ и тронъ, и сломаетъ его мечъ».

Тѣмъ не менѣе, дворцы ниневійскіе съ ихъ надписями и изображеніями разрушились: имперія, мечемъ основанная, отъ меча и погибла. Огонь опустошилъ Ниневію; отъ «великаго города» остались лишь груды развалинъ, съ теченіемъ времени превратившіяся въ холмы, на которыхъ расположилось иное населеніе съ инымъ языкомъ. Два тысячелѣтія прошли съ тѣхъ поръ; исчезла почти и память о Ниневіи, самое существованіе которой представлялось полубасословнымъ. Но въ нашъ вѣкъ, вѣкъ столькихъ открытій, «открыта» была и Ниневія. Холмы, покрывавшіе развалины ея, раскопаны; барельефы и многочисленныя надписи разрушенныхъ дворцовъ собраны и привезены въ Европу; цѣлая фаланга ученыхъ, во главѣ коихъ блистаютъ имена Гротефенда, Ролинсона, Тольбота, Гинкса, Опперта, подвергли ассирійскія письмена, которыхъ какъ шрифтъ, такъ и языкъ былъ вовсе неизвѣстенъ, тщательному многолѣтнему изслѣдованію, и наконецъ, къ величайшему торжеству науки, разобрали ихъ.

Изъ массы собранныхъ надписей доселѣ прочитана лишь небольшая часть,—преимущественно надписи историческаго содержанія [1]), заключающія въ себѣ повѣствованіе о дѣяніяхъ ассирійскихъ царей, составленное по ихъ повелѣнію и отъ ихъ

[1]) Ими покрыты были стѣны дворцовъ.

Digitized by Google

имени; это собственно—*царскія лѣтописи*. Они появлялись по частямъ, по мѣрѣ перевода ихъ, въ ученыхъ періодическихъ изданіяхъ какъ Revue archéologique, Journal Asiatique и пр. Въ 1874 г. французскій ученый Менанъ собралъ эти, разсѣянные по разнымъ изданіямъ, отрывки ассирійскихъ лѣтописей, привелъ ихъ въ порядокъ и издалъ во французскомъ переводѣ, подъ названіемъ «Annales des rois d'Assyrie». Эти «лѣтописи ассирійскихъ царей» проливаютъ свѣтъ и на древнѣйшую исторію передней Азіи, доселѣ вовсе почти неизвѣстную.

Для того, чтобы можно было пользоваться этими историческими данными, прежде всего необходимо было расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Самыя надписи существенно облегчали этотъ трудъ, такъ какъ на нихъ всегда почти обозначены день, мѣсяцъ и годъ царствующаго государя; годъ же событія прошедшаго опредѣлялся количествомъ истекшихъ съ того времени лѣтъ: «Столько-то лѣтъ тому назадъ», говорилось. Годъ у ассиріянъ былъ лунный, состоявшій изъ 12 мѣсяцевъ, по 29 и 30 дней въ каждомъ, попеременно, начинался онъ съ весенняго равноденствія. Такимъ образомъ легко было согласовать ассирійскій календарь съ еврейскимъ (а слѣдовательно и съ нашими календарями), тѣмъ болѣе, что евреи, очевидно, заимствовали своей календарь у вавилоно-ассиріянъ, быть можетъ, еще со временъ Авраама, или во время вавилонскаго плѣненія;—отъ ассиріянъ взяты были даже самыя названія мѣсяцевъ [1]). У ассиріянъ былъ въ употребленіи еще другой, гражданскій годъ, начинавшійся съ осенняго равноденствія и обозначавшійся именемъ особаго сановника, носившаго названіе *Лимму*,—учрежденіе, напоминающее подобную же роль греческихъ архонтовъ и римскихъ консуловъ; такимъ «Лимму» бывалъ иногда самъ царь. Найдены были плитки съ фрагментами списковъ Лимму; сличивъ и соединивъ эти фрагменты, открыли четыре параллельные списка Лимму съ обозначеніемъ царствованій, которымъ они соотвѣтствовали, за 228 послѣдовательныхъ годовъ.

Для перевода ассирійскаго лѣтосчисленія на наше принято было событіе, равно упоминаемое какъ въ ассирійской лѣтописи, такъ и въ библіи, и время котораго извѣстно, а именно взятіе ассиріянами Самаріи, за 721 г. до Р. Х. Изъ ассирійской лѣтописи видно, что событіе это случилось въ первый годъ цар-

---

[1]) Напримѣръ: (ассир.) Nisannu—(евр.) Nisan: мартъ—апрѣль
„ Airu — „ Iyar: апрѣль—май
„ Sivanu — „ Sivan: май—іюнь и т. д.

Digitized by Google

ствованія Саркина (библ. Саргонъ), имя котораго встрѣчается и въ найденномъ спискѣ Лимму. Затѣмъ уже легко было перевесть на наши годы всѣ 228 годовъ списка Лимму: они оказались соотвѣтствующими 892—664 г. до Р. Х. Къ этому найденному періоду времени ассирійской исторіи относятся, такимъ образомъ, и столкновенія евреевъ съ ассиріянами, что̀ придаетъ понятную важность сдѣланной находкѣ.

Для событій древнѣйшихъ періодовъ ассирійской исторіи, отъ которыхъ не осталось списка Лимму, годы можно опредѣлять лишь приблизительно, пользуясь встрѣчающимися иногда въ надписяхъ указаніями въ родѣ слѣдующаго: «Бина, Салу, боговъ города Екали, которыхъ Мардукнадинусуръ, царь земли аккадской, отнялъ у Туклатпаласара, царя земли ассирійской, и перенесъ въ Вавилонъ (Бабилу), *около 418 лѣтъ тому назадъ*, я (Сеннахеримъ) взялъ изъ Вавилона и возвратилъ на прежнее мѣсто, въ городъ Екали».

Пособіемъ къ опредѣленію времени царствованія того или другого ассирійскаго царя, имя котораго встрѣчается въ надписяхъ, служатъ отчасти приводимыя нѣкоторыми царями генеалогіи ихъ предшественниковъ и уцѣлѣвшій отрывокъ синхронистическихъ таблицъ, заключающихъ въ себѣ краткую, параллельно изложенную исторію Ассиріи и Вавилоніи.

Начало ассирійской монархіи, по имѣющимся доселѣ даннымъ, нельзя еще съ точностью опредѣлить, но его, очевидно, слѣдуетъ отнести къ глубочайшей древности, судя по началу одной изъ надписей царя Саркина, найденной на развалинахъ построеннаго имъ дворца: «*триста пятьдесятъ царей* управляли землею ассирійскою до меня», говоритъ Саркинъ; самъ же онъ, какъ сказано выше, вступилъ на престолъ за 721 г. до Р. Х.

Древнѣйшій царь ассирійскій, имя коего найдено доселѣ, есть *Исмидаганъ*, около 1800 г. до Р. Х. На лѣвомъ берегу Тигра, верстахъ въ 50-ти ниже сліянія его съ верхнимъ Цабомъ, подъ громаднымъ холмомъ Калаг-Схергхатъ скрываются, какъ теперь дознано, развалины первой столицы Ассиріи *Элассуръ*—«городъ Ассура» (библ. Элласаръ) [1]. Здѣсь-то найдены были Лейардомъ древнѣйшія надписи ассирійскія, и между ними слѣдующая вотивная надпись: «Исмидаганъ, повелитель Нипура, верховный глава Халанне, свѣтильникъ Эриду, владѣтель Эрека, царь Сумировъ и Аккадовъ—богинѣ Милиттѣ» (т.-е. посвящаетъ храмъ).

---

[1]) Кн. Быт., XIV. I.

Digitized by Google

Сумиры и аккады—два главные народа, населявшіе Месопотамію, первый, повидимому, на сѣверѣ, а второй на югѣ. Ассирія и Вавилонія составляли тогда, какъ видно, одно государство; впослѣдствіи они часто то раздѣлялись, то опять соединялись. «Эрекъ» и «Халанна» напоминаютъ библейскіе города *Эрехъ* и *Халне*, бывшіе въ числѣ четырехъ городовъ, составлявшихъ «въ началѣ царство Нимрода» [1]).

Начиная съ 1400 г. надписи представляютъ намъ почти непрерывный рядъ царей и ихъ дѣяній, продолжающійся до самаго паденія ассирійскаго царства. О первыхъ 13-ти царяхъ найдены лишь краткія свѣдѣнія, изъ которыхъ мы узнаемъ только, что Вавилонія, то-есть Нижняя Халдея или Кардуніасъ, какъ она называлась у ассиріянъ, дотолѣ соединенная съ Ассиріею, около 1400 года составляла уже самостоятельное государство, съ которымъ ассиріяне то заключали трактаты, то вели упорную, не всегда удачную борьбу, и что основателемъ собственно *ассирійскаго царства* былъ Адарпалассаръ (около 1250 г.), побѣдоносно отразившій вавилонское нашествіе и положившій, вмѣстѣ съ тѣмъ, начало организаціи столь страшныхъ впослѣдствіи ассирійскихъ армій.

Первый изъ царей этой отдаленной эпохи, о которомъ доселѣ найдены въ надписяхъ обстоятельныя свѣдѣнія, *Туклатпаласаръ* древній (около 1130 г. до Р. Х.), потомокъ Адарпалассара. Это былъ великій воитель, далеко распростершій свои завоеванія на сѣверъ и западъ. Столицею Ассиріи былъ тогда все еще Элласаръ. Въ его развалинахъ раскопаны были Лейярдомъ остатки дворца, построеннаго Туклатпаласаромъ, причемъ въ фундаментѣ его, по четыремъ угламъ, найдены были четыре глиняныя осмигранныя призмы, каждая сторона которыхъ покрыта была сотнею строкъ мелкаго и сжатаго письма. Содержаніе текста всѣхъ четырехъ призмъ оказалось тожественнымъ. Это — тотъ самый текстъ, который послужилъ лондонскому азіятскому обществу для знаменитаго опыта 1857 г.: предложенный одновременно въ четырехъ копіяхъ четыремъ извѣстнѣйшимъ ассиріологамъ, онъ переведенъ былъ ими, въ общемъ, согласно, чѣмъ блистательно подтвердилась возможность чтенія и истолкованія клинообразныхъ надписей.

Текстъ этотъ заключаетъ въ себѣ описаніе походовъ, завоеваній, охотъ и сооруженій въ первые четыре года царствованія

[1]) Быт. X, 8—10.

Digitized by Google

Туклатпаласара. Онъ начинается обращеніемъ царя къ Ассуру и другимъ «великимъ богамъ» «повелителямъ неба и земли, возвысившимъ величіе Туклатпаласара, великаго изъ великихъ, своего поклонника, пастыря народовъ... распространившаго поклоненіе богу Белу (библ. Ваалъ) и сокрушившаго противниковъ бога Ассура». «Богъ Ассуръ и великіе боги расширили мои владѣнія,—продолжаетъ Туклатпаласаръ:—они дали мнѣ власть надъ моими подданными и господство надъ (другими) царями. На войнѣ они давали мнѣ въ руку оружіе, поражавшее враговъ моихъ въ долинахъ и на горахъ. Я разрушилъ храмы царей, враждебныхъ Ассуру, и овладѣлъ ихъ землями. Я побѣдилъ семьдесять царей и взялъ у нихъ заложниковъ. Я торжествовалъ въ битвахъ, я собиралъ дани въ безчисленныхъ войнахъ, я прибавилъ области къ землѣ Ассура и жителей къ ея жителямъ, я расширилъ предѣлы моей земли и наложилъ дани на всѣ (побѣжденныя) государства».

Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе самыхъ походовъ. Сначала направился Туклатпаласаръ противъ мусковъ (между верхнимъ Галисомъ и Комагеною), которые въ числѣ 20,000, подъ начальствомъ пяти царей, вторглись въ подвластную ему землю Кхуммукъ (Комагена). «Какъ буря устремился я на враговъ. Я наполнилъ ихъ трупами горные овраги. Я отрѣзалъ имъ головы. Я разрушилъ стѣны ихъ городовъ, я захватилъ рабовъ, имущество, безчисленныя сокровища... (Въ то же время я пошелъ на землю Кхуммукъ, возставшую противъ меня. Она отказала богу Ассуру, моему владыкѣ, въ дани, которую обязана была платить; я занялъ всю землю Кхуммукъ. Я захватилъ рабовъ, имущество, сокровища, я пожегъ ихъ города, я ихъ разрушилъ, я ихъ уничтожилъ. Жители земли Кхуммукъ, отложившіеся отъ меня, удалились въ г. Сериссе, по ту сторону Диглата (Тигра). Они укрѣпились въ этомъ городѣ. Я собралъ мои колесницы и моихъ воиновъ, на бронзовыхъ колесахъ перешелъ я неприступныя высоты и извилистые овраги. Я перекинулъ мостъ черезъ Диглатъ... я перешелъ Диглатъ и овладѣлъ ихъ крѣпостью Сериссе. Какъ дикихъ звѣрей преслѣдовалъ я воиновъ ихъ по лѣсамъ. Я усѣялъ трупами ихъ горные овраги»...

Чтобы облегчить себѣ окончательное покореніе Кхуммука, ассирійскій царь направился противъ сосѣднихъ земель, откуда кхуммукцы получили, повидимому, помощь. Побѣдоносно прошелъ онъ на своихъ колесницахъ «могущественнѣйшія страны и безмѣрныя равнины», говоритъ лѣтопись. Тамъ же, гдѣ пересѣченная мѣстность не дозволяла идти на колесницахъ, онъ по-

Digitized by Google

кинулъ ихъ и, ставъ во главѣ своихъ воиновъ, повелъ ихъ на врага: «какъ дротикъ проникъ я въ ущелья извилистыхъ горъ. Я обратилъ страну въ груду развалинъ»... Въ память этихъ побѣдъ онъ велѣлъ изсѣчь въ скалѣ, у истока Тигра, барельефомъ свое изображеніе съ надписью, сохранившеюся и донынѣ, хотя нѣсколько попорченною временемъ; это древнѣйшій образчикъ ассирійской скульптуры, найденный въ недавнее время.

Затѣмъ Туклатпаласаръ направился на западъ, къ берегамъ Средиземнаго моря. «Собравъ моихъ воиновъ, по верховному повелѣнію бога Ассура, господина моего,—говоритъ Туклатпаласаръ:—я пошелъ противъ царей по берегу Верхняго (Средиземнаго) моря, которые еще не покорились и на которыхъ указалъ мнѣ Ассуръ. Я прошелъ непроходимыя болота, мѣстности, гдѣ господствуютъ лихорадки и куда не проникалъ еще ни одинъ изъ царей, моихъ предшественниковъ. Я прошелъ... шестьнадцать большихъ странъ. Крутыми горными тропинками провелъ я свои колесницы съ бронзовыми колесами, я прорубилъ лѣсныя вершины, чтобы провести моихъ воиновъ. Я перешелъ рѣку Пуратъ (Евфратъ)... Двадцать три царя земли Наири (по верховьямъ Евфрата) встрѣтили меня на своей границѣ, расположивъ къ бою свои войска и колесницы, но я отразилъ ихъ силою моего оружія; подобно бурѣ бога Бина, я распространилъ ужасъ въ рядахъ ихъ и оттѣснилъ ихъ въ ущелья ихъ высокихъ горъ и къ стѣнамъ ихъ городовъ... Я взялъ приступомъ ихъ великія крѣпости, я завладѣлъ ихъ рабами, ихъ имуществомъ, ихъ сокровищами; города ихъ я предалъ пламени, я ихъ разрушилъ, я обратилъ ихъ въ груды развалинъ и мусора. Я увелъ ихъ стада, ихъ коней, кобылицъ, ословъ, телятъ и увезъ безчисленные продукты ихъ виноградниковъ. Я взялъ въ плѣнъ всѣхъ царей земли Наири; я сжалился надъ этими царями, я даровалъ имъ жизнь... Я взялъ заложниками ихъ сыновей, надежду ихъ царскаго достоинства, я наложилъ на нихъ дань въ 1,200 коней и 1,200 быковъ и отослалъ ихъ домой»...

Четвертый походъ Туклатпаласара направленъ былъ въ сѣверную Сирію въ землю Кхатти—библейскихъ хеттеянъ.

Описавъ всѣ эти войны царская лѣтопись заключается такими словами. «Пересчитай же 42 земли съ ихъ царями, отъ береговъ нижняго Цаба (притокъ Тигра съ востока) до береговъ Пурата (Евфрата), до земли Кхатти и Верхняго моря, которое на западѣ. Вотъ до какихъ предѣловъ, съ восшествія моего на престолъ до пятаго моего похода, простерлась рука моя. Я покорилъ ихъ (земли) одну за другою, я взялъ заложниковъ, я на-

Digitized by Google

ложилъ подати и повинности. Прибавь къ этому многочисленные походы противъ бунтовщиковъ, которые отказывались платить подати и которыхъ я преслѣдовалъ колесницами моими по непроходимымъ дорогамъ: я сокрушилъ силу враговъ земли моей. Я, Туклатпаласаръ, мужественный, грозный, держащій скипетръ народовъ, уничтожающій притѣснителей».

Далѣе, въ текстѣ призмы, упоминается о подвигахъ царя на *охотѣ* противъ дикихъ звѣрей, которыхъ было, повидимому, множество въ тѣ отдаленныя времена и истребленіе которыхъ было поэтому сущимъ благодѣяніемъ для населенія. Туклатпаласаръ говоритъ о 120 львахъ, имъ убитыхъ, и 800 пойманныхъ живыми. Изъ покоренныхъ странъ онъ приводилъ въ Ассирію стада коней, быковъ, барановъ, подсаживалъ деревья въ лѣсахъ ея, приводя ихъ, такимъ образомъ, въ прежній видъ. Съ особенною подробностью разсказываетъ Туклатпаласаръ о построеніи или возобновленіи имъ храмовъ и дворцовъ, причемъ встрѣчаются любопытныя указанія. Такъ о древнихъ дворцахъ сказано: «Эти царскія жилища, эти обширныя твердыни, которыми *покрыта территорія моей земли*, были покинуты моими предками и пришли въ развалины; я обновилъ ихъ».

Надобно замѣтить, что храмы и дворцы ассирійскіе далеко не имѣли того монументальнаго характера, какимъ отличаются сооруженія египетскія, и доселѣ еще поражающія насъ своею грандіозностью; самый матеріалъ, изъ котораго построены послѣднія, гранитъ и известнякъ, способствовалъ сохраненію ихъ, тогда какъ ассирійскія зданія складывались изъ необожженныхъ кирпичей, прикрывавшихся только тонкими каменными плитами съ барельефными изображеніями; и потому, если ихъ не поддерживали, они скоро обваливались, превращаясь постепенно въ холмообразныя груды мусора.

Имя Туклатпаласара было знаменито въ лѣтописяхъ Ассиріи, и позднѣйшіе цари, нѣсколько сотъ лѣтъ еще спустя, вспоминали о своемъ славномъ предкѣ и о его дѣлахъ, гордясь своимъ происхожденіемъ отъ него.

Изъ потомковъ Туклатпаласара наиболѣе найдено надписей о царствованіи *Ассурнасирпабала*, его одиннадцатаго преемника, царствовавшаго 882—857 г. до Р. Х. Лѣтопись его царствованія, въ многочисленныхъ надписяхъ, найдена въ развалинахъ г. Калаха. Городъ этотъ основанъ былъ Салманасаромъ-древнимъ около 1290 г., но потомъ былъ опустошенъ, дворцы его разрушены,— быть можетъ, въ одну изъ неудачныхъ войнъ съ Вавилономъ. Ассурнасиргабалъ выстроилъ Калахъ вновь, населилъ его плѣн-

Digitized by Google

никами изъ покоренныхъ странъ и перенесъ сюда, на четвертомъ году царствованія, свою резиденцію изъ Ниневіи, куда, впрочемъ, во временамъ возвращался. Съ тѣхъ поръ древняя столица Ассиріи — библейскій Элласаръ, мало-по-малу, была покинута.

Развалины Калаха лежатъ на лѣвомъ берегу Тигра, южнѣе Ниневіи; видны еще слѣды городской стѣны, окаймляющіе значительное пространство неправильной формы; стѣна, очевидно, была укрѣплена многочисленными башнями, основанія которыхъ мѣстами еще сохранились; такъ, на сѣверной сторонѣ насчитано 58 такихъ башень. Въ юго-восточномъ углу очерченнаго пространства виднѣются остатки второй, внутренней стѣны, окружавшей обширную платформу, на которую вели ступени, нынѣ конечно исчезнувшія. На этой-то платформѣ открыты развалины нѣсколькихъ дворцовъ царскихъ; въ одномъ изъ нихъ найдена статуя самого Ассурнасиргабала, съ косою въ одной рукѣ и булавою въ другой. Это единственная статуя той эпохи, до насъ дошедшая [1]): на груди ея выбита надпись, гласящая о завоеваніяхъ Ассурнасиргабала «отъ береговъ Диглата до земли Лабнана» (Ливана). Надъ дворцами возвышалась пирамида, развалины коей сохранились и которая служила, вѣроятно, гробницею царей ассирійскихъ. На той же платформѣ воздвигали себѣ дворцы и преемники Ассурнасиргабала.

Только развалины свидѣтельствуютъ нынѣ о великолѣпіи древняго Калаха. Ролинсонъ, одинъ изъ основателей ассиріологіи, въ понятномъ увлеченіи своимъ предметомъ, поэтически рисуетъ въ своемъ воображеніи эту резиденцію ассирійскихъ царей: «Дворецъ за дворцомъ возвышался на обширной платформѣ, богато украшенной рѣзьбою, золотомъ, живописью, скульптурою и эмалью. Каменные львы и сфинксы, обелиски, святилища, башни украшали сцену, своимъ разнообразіемъ пріятно нарушая монотонность построекъ. Величественная пирамида со ступенями высоко поднималась надъ этою массою дворцовъ и зданій, связывая ихъ собою и тѣмъ придавая имъ единство. Тигръ, омывая платформу съ запада, отражалъ городъ въ своихъ водахъ, и удвоивая кажущуюся высоту зданій, скрадывалъ нѣсколько ихъ массивность — слабую сторону ассирійской архитектуры. Когда заходящее солнце своими горячими лучами, свойственными лишь востоку, озаряло эту массу зданій, Калахъ долженъ былъ казаться какимъ-то видѣніемъ изъ міра фей путнику, впервые приближавшемуся къ нему».

---

[1]) Она находится нынѣ въ Британскомъ Музеѣ въ Лондонѣ.

Digitized by Google

Въ развалинахъ одного изъ дворцовъ найденъ огромный монолитъ, служившій поломъ альковообразной ниши, на которомъ начертана лѣтопись 17-ти первыхъ годовъ царствованія Ассурнасиргабала. Главное содержаніе ея составляетъ описаніе его безчисленныхъ походовъ, въ общихъ чертахъ между собою сходныхъ. Главною цѣлью походовъ былъ верхній бассейнъ Тигра и Евфрата, сѣверная Месопотамія, Комагена, Арменія; на западъ походы направлялись въ сѣверную Сирію, преимущественно въ область хеттеянъ, и простирались до Ливана и города Газы (Кхазази), причемъ покорена была вся сѣверная Сирія между Евфратомъ, р. Оронтомъ и горами Аманусъ; финикійскіе города Тиръ (Сури), Сидонъ (Сидуни) и другіе въ страхѣ прислали ему дань. Поднявшись на горы Кхамани (н. Аманусъ), ассирійскій царь велѣлъ начертать на скалѣ повѣствованіе о своихъ подвигахъ. Походы направлялись также и на востокъ, повидимому въ Мидію и Персиду.

Не есть ли этотъ Ассурнасиргабалъ, по другому чтенію, Ассурнасирпалъ—*Сарданапалъ-воитель* греческихъ писателей [1])?

Походы его предпринимались для усмиренія частыхъ возстаній, для сбора дани или для новыхъ завоеваній. Предъ началомъ похода царь считалъ свои силы, «свои полки и колесницы» съ бронзовыми или желѣзными колесами. Поприще для походовъ—большею частью гористая мѣстность, покрытая непроходимыми лѣсами, гдѣ непріятель держался на вершинахъ горъ, поднимавшихся къ небу «на подобіе стрѣлы» или «острія меча», «куда только птицы могли залетать». Чрезъ широкую рѣку, какъ Евфратъ, переправлялись на плотахъ. Города и крѣпости непріятельскіе брались десятками, сотнями. Въ одной только странѣ Наири взято и опустошено было 250 городовъ и крѣпостей. Конечно, города были небольшіе, какъ видно изъ малаго числа убитыхъ въ бою непріятелей (1460 ч., 162 ч., 150 ч., 2800 ч., 1000 ч., 500 ч.); тѣмъ не менѣе, такое обиліе городовъ свидѣтельствуетъ о значительной населенности передней Азіи въ ту отдаленную эпоху. Повидимому, какъ во времена Авраама въ Ханаанѣ, такъ и въ эту пору еще почти каждый городъ имѣлъ своего царька; въ случаѣ же опасности они соединялись для отраженія врага.

Быстры и неотразимы были нападенія ассиріянъ: «какъ хищныя птицы пали мои воины на городъ», говоритъ Ассурна-

---

[1]) Припомнимъ, что греческіе писатели знаютъ двухъ Сарданапаловъ: одного—воителя и другого—сластолюбца.

Digitized by Google

сиргабалъ по поводу взятія одного города приступомъ,—и горе было побѣжденнымъ! Всѣ города, оказавшіе сопротивленіе, послѣ предварительнаго разграбленія, разрушались и сожигались. «Я овладѣлъ, — говоритъ Ассурнасиргабалъ, — 60-ю укрѣпленными городами земли Касіари, я ихъ разрушилъ, я обратилъ ихъ въ груды развалинъ и въ виноградныя поля... Я опустошилъ, я разграбилъ города ихъ, я ихъ разрушилъ, я сжегъ 150 принадлежавшихъ имъ городовъ». Самые лѣса вокругъ города уничтожались иногда.

Жители, не успѣвшіе спастись въ дремучіе лѣса и горныя ущелья, предавались жестокимъ казнямъ, особенно тѣ, которые, бывъ разъ покорены, потомъ возставали. Съ какимъ-то самодовольствіемъ перечисляетъ Ассурбанипалъ свои подвиги въ этомъ отношеніи. «Я воздвигъ стѣну предъ главными воротами города, я велѣлъ содрать кожу съ вождей возстанія и обтянулъ стѣну ихъ кожею; нѣкоторые замуравлены были въ самой стѣнѣ, другіе распяты на стѣнѣ или посажены на колъ вдоль стѣны. Со многихъ кожа содрана была въ моемъ присутствіи... Я велѣлъ сложить вѣнки изъ ихъ головъ и гирлянды изъ ихъ пронзенныхъ труповъ». «Я взялъ много плѣнниковъ»,—говорится далѣе,—однимъ я отрубилъ руки и ноги, другимъ носы и уши, инымъ велѣлъ выколоть глаза». Часто упоминается о пирамидахъ изъ головъ; одну такую пирамиду царь воздвигъ предъ своимъ дворцомъ, замуравивъ 20 плѣнниковъ въ стѣнѣ самого дворца.

Къ подобнымъ казнямъ, очевидно, привыкали, онѣ теряли свой устрашающій характеръ, скоро забывались, и возстанія слѣдовали одно за другимъ. Назначеніе намѣстниковъ и казни въ случаѣ возстанія были, повидимому, единственными мѣрами для удержанія въ покорности побѣжденной страны. О такихъ намѣстникахъ часто упоминается. Намѣстники эти, вѣроятно, занимали положеніе, подобное персидскимъ сатрапамъ впослѣдствіи и, подобно имъ, иногда сами отказывали царю въ повиновеніи.

Какъ мѣра къ удержанію въ покорности побѣжденныхъ или какъ средство пополнить убыль въ населеніи Ассиріи отъ безпрерывныхъ войнъ, было переселеніе въ Ассирію части жителей покоренной страны. Лѣтопись приводитъ точныя цифры переселенныхъ Ассурнасиргабаломъ: 300 ч., 500, 2,400, 3,000 человѣкъ, изъ нихъ 2,400 водворены въ самомъ Калахѣ.

Любопытна дважды встрѣчающаяся въ лѣтописи этого царя замѣтка по поводу возстаній,—что царю доставлялось о томъ *письменное* увѣдомленіе, изъ чего можно заключить, что для ежедневныхъ сношеній употреблялся другой, болѣе удобный,

Digitized by Google

письменный матеріалъ, нежели кирпичи, на которыхъ, повидимому, начертывались письмена, предназначавшіяся только для храненія или употребленія въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. И дѣйствительно, на барельефахъ изображаются иногда люди, записывающіе на *свиткахъ* приносимую добычу.

Въ память побѣдъ своихъ ассирійскій царь вездѣ ставилъ свои изображенія съ надписями, повѣствовавшими о его подвигахъ.

Сынъ и преемникъ Ассурнасиргабала, *Салманасаръ III* (857—822 г.), былъ такой же великій воитель какъ и отецъ его. Въ одной надписи перечисляются 31 его походъ, преимущественно въ Сирію; 25 разъ переходилъ онъ Евфратъ, на плотахъ; 9 разъ поднимался на хребетъ Кхамани (Аманусъ), гдѣ, между прочимъ, рубилъ кедры для своихъ построекъ въ разныхъ городахъ Ассиріи и для этой цѣли даже нарочно предпринималъ туда походы. Въ общемъ походы Салманасара напоминаютъ собою походы его отца: тѣ же опустошенія, сожженіе городовъ сотнями, жестокія казни, длинные списки даней, переселенія побѣжденныхъ въ Ассирію. Можно отмѣтить однако же и нѣкоторыя особенности походовъ Салманасара, не встрѣчаемыя прежде. Такъ впервые встрѣчаемъ мы исчисленіе ассирійской арміи: «я перешелъ Пуратъ на плотахъ съ 120,000 воиновъ». Соотвѣтственно увеличенію боевыхъ силъ и число павшихъ въ сраженіяхъ возрастаетъ; говорится о 20, о 10 тысячахъ убитыхъ непріятелей, не считая казненныхъ плѣнниковъ, которыхъ въ одномъ случаѣ умерщвлено было 14,000 ч. О собственныхъ потеряхъ никогда не упоминается. Въ послѣдніе походы свои, начиная съ 27-го, Салманасаръ уже не предводительствуетъ войскомъ лично, но поручаетъ его «великому тартану»; это званіе главнокомандующаго, замѣняющаго особу царя на войнѣ, впервые встрѣчается здѣсь.

Походы Салманасара въ Сирію представляютъ намъ особенный интересъ, такъ какъ здѣсь встрѣчаемся мы съ знакомыми намъ изъ Библіи именами *Ахава* (Аххаббу) и *Іегуя* (Іауа), царей израильскихъ, и *Венадада* (Бинидри) и *Азаила* (Хазаилу), царей дамасскихъ, вмѣстѣ съ прочими сосѣдними царями, противоставшими Салманасару, хотя и безуспѣшно, причемъ приводится и контингентъ, выставленный Ахавомъ въ союзное войско: 2,000 колесницъ и 10,000 ч. пѣхоты.

Первые три преемника Салманасара были также воинственны, какъ ихъ предшественники, ежегодно, по обычаю, предпринимая

Digitized by Google

походы; но о четвертомъ царѣ, Ассурданилѣ II значится, подъ 5-ю годами изъ 18 годовъ его правленія, что онъ оставался дома и войны не было, а пятый царь Ассурнирари, изъ 8 лѣтъ своего правленія, шесть лѣтъ не предпринималъ никакихъ внѣшнихъ походовъ, и объ обоихъ царяхъ вообще найдено очень мало свѣдѣній. Это — явленіе, новое въ исторіи воинственныхъ царей Ассиріи, указывающее на ослабленіе ихъ боевой дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и могущества, на что указываетъ и событіе, помѣщенное подъ послѣднимъ годомъ царствованія Ассурнирари (745 г.): возстаніе царской резиденціи Калаха.

Слѣдующій царь, упоминаемый въ лѣтописяхъ ассирійскихъ — *Туклатпаласаръ II* (744 г.); это библейскій Ѳеглаѳ-фелласаръ, покоритель израильскаго царства.

Въ промежуткѣ царствованій Ассурнирари и Туклатпаласара совершились два важныя событія, о которыхъ мы знаемъ изъ еврейскихъ и изъ греческихъ писателей, но о которыхъ ассирійскія лѣтописи умалчиваютъ: это *разрушеніе* (первое) *Ниневіи* и *царствованіе Фула*, взявшаго дань съ царя израильскаго Менаима [1]). Разрушеніе первой Ниневіи—внѣ сомнѣнія, такъ какъ второй преемникъ Туклатпаласара, Саркинъ (библ. Саргонъ), говоритъ о Ниневіи, какъ о городѣ, уже несуществующемъ. При обоихъ предшественникахъ Саркина, Салманасарѣ V и Туклатпаласарѣ II, о Ниневіи не упоминается вовсе, такъ какъ бы ея не было, а при непосредственномъ предшественникѣ Ассурнирари, Ассурданилѣ II, въ спискѣ Лимму о Ниневіи еще упоминается (подъ 760 годомъ). Такимъ образомъ разрушеніе Ниневіи можно помѣстить или только въ кратковременное царствованіе Ассурнирари или въ промежуткѣ этого царствованія и послѣдующаго — Туклатпаласара II. Ассурнирари (или Ассурликхусъ, по другому чтенію), по мнѣнію извѣстнаго ассиріолога Ленормана [2]), есть Сарданапалъ-сластолюбецъ греческихъ писателей, сжегшій себя во дворцѣ, при паденіи Ниневіи. Подтвержденіе этой гипотезы, независимо отъ созвучія обоихъ именъ, видятъ и въ томъ еще, что въ хронологической таблицѣ его 8-ми-лѣтняго царствованія упоминается о двухъ лишь экспедиціяхъ, да подъ однимъ годомъ упоминается о возстаніи г. Калаха, а подъ прочими годами значится, что царь «оставался дома»,—выраженіе (за исключеніемъ царствованія его предшественника), дотолѣ не встрѣчавшееся въ лѣтописяхъ ассирійскихъ царей. Такое необычайное для ассирій-

[1]) 4 Цар. XV, 19. Геród. 106.

[2]) Lenormant, Manuel de l'Histoire Ancienne de l'Orient. 1869. II, p. 77—82.

Digitized by Google

скаго царя бездѣйствіе Ассурликхуса вполнѣ соотвѣтствуетъ изнѣженной, гаремной жизни Сарданапала, какъ изображаютъ его греческіе писатели. Такимъ образомъ,—говоритъ Ленорманъ,—Арбакъ, вождь мидійскихъ вспомогательныхъ отрядовъ въ ассирійской арміи, и Фулъ, по прозванію Балазу (грозный), изъ котораго греки сдѣлали Белезиса, правитель Вавилона, соединились для низложенія Ассурликхуса-Сарданапала. Въ связи съ другими недовольными (вспомнимъ возстаніе Калаха въ послѣдній годъ царствованія Ассурликхуса), они взяли Ниневію, разграбили и разрушили ее до основанія по обычаю того времени. Затѣмъ Арбакъ возвратился въ Мидію, не заботясь болѣе о судьбѣ Ассиріи, довольный освобожденіемъ своего отечества. Белезисъ же подчинилъ Ассирію своей власти, управляя ею изъ Вавилоніи; но со смертію его владычество халдеевъ пало, и на ассирійскій престолъ опять вступилъ національный государь, Туклатпаласаръ II. Что ассирійскія лѣтописи объ этихъ событіяхъ умалчиваютъ, объясняется характеромъ самыхъ событій, тягостныхъ для національнаго самолюбія. Лѣтописи ассирійскихъ царей повѣствуютъ лишь о «подвигахъ» ихъ; такъ приводя, напримѣръ, цифры павшихъ въ бою непріятелей, постоянно умалчиваютъ о собственныхъ потеряхъ.

Древняя династія ассирійскихъ царей прекращается послѣ перваго разрушенія Ниневіи. Въ 744 году вступаетъ на престолъ *Туклатпаласаръ II*, неизвѣстнаго происхожденія (библ. Θеглаθфелласаръ) [1]). Развалины его дворца сохранились на Калахской платформѣ, но въ жалкомъ видѣ. Вопреки обычаю, временемъ освященному, хранить барельефы и надписи во дворцахъ предшественниковъ, одинъ изъ преемниковъ Туклатпаласара опустошилъ его дворецъ, чтобы воспользоваться его мраморными плитами для собственнаго дворца; такимъ образомъ, много надписей Туклатпаласара погибло. Изъ оставшихся надписей видно, что онъ сдѣлалъ обширныя завоеванія: покорилъ Персію, Мидію, Парѳію, Арію, Арахозію, Сагартію, Сирію, съ частью берега Средиземнаго моря, и сѣверную Аравію. Между данниками этого царя упоминаются Іаухази (Ахазъ), царь Іауды (Іудеи), Минимми (Менаимъ), царь Самирины (Самаріи), также Разинъ, царь дамасскій, моавитяне, идумеи, Аскалонъ.

Его преемникомъ былъ *Салманасаръ V*,—библейскій Салманасаръ, побѣдитель Осіи, царя израильскаго.

---

[1]) При этомъ царѣ Ассирія очень скоро возвысилась изъ своего временнаго униженія.

Digitized by Google

Могущество ассиріянъ достигло своего апогея, и угнетенные ими народы Азіи обращали теперь взоры свои къ Египту, надѣясь, въ союзѣ съ этимъ могущественнымъ государствомъ, избавиться отъ ассирійской тиранніи. Такъ поступилъ и Осія, царь израильскій, возставая противъ Салманасара и отправивъ пословъ къ царю египетскому, но этимъ ускорилъ лишь гибель своего государства: послѣ трехлѣтней осады Самаріи, начатой Салманасаромъ, она была взята (721 г.) преемникомъ Салманасара Саргиномъ (библ. Саргонъ), причемъ жители выселены были въ Ассирію. Изъ библейскаго разсказа [1]) о паденіи израильскаго царства мы знаемъ, что Салманасаръ началъ осаду Самаріи, но не видно ясно, онъ ли окончилъ ее, или другой ассирійскій царь. Лѣтопись преемника Салманасарова, Саргина, помогаетъ съ точностью опредѣлить, кто именно взялъ Самарію и даже сколько именно людей уведено было въ Ассирію. Въ своей лѣтописи Саргинъ говоритъ такъ: «Въ началѣ царствованія моего... я взялъ городъ Самирину, я обратилъ въ рабство 27,280 жителей и переселилъ ихъ въ землю Ассуръ».

Происхожденіе Саргина неизвѣстно; онъ былъ, очевидно, основателемъ новой династіи. Сначала жилъ онъ въ Калахѣ, откуда и направлялъ свои многочисленныя экспедиціи въ разныя стороны. Лѣтопись его перечисляетъ 15 такихъ походовъ, кончившихся побѣдоносно.

По окончаніи этихъ своихъ походовъ, приведя въ покорность всѣхъ противниковъ своихъ, Саргинъ задумалъ соорудить новую столицу «въ-замѣнъ Ниневіи».

«Посреди долины земли Муфи, у подошвы горъ [2]), — говоритъ Саргинъ, — я воздвигъ городъ въ-замѣнъ Ниневіи; я назвалъ его *Дурсаргинъ;* я насадилъ тамъ лѣсъ, подобный лѣсамъ горъ Кхамани и растеніямъ земли Кхатти, растущимъ на горахъ... Триста пятьдесятъ царей царствовали прежде меня надъ землею Ассуръ... но никто изъ нихъ не подумалъ объ этомъ мѣстѣ, никто не подумалъ населить его... Въ глубинѣ сердца моего съ утра и до вечера помышлялъ я, какъ основать здѣсь городъ, построить святилища, жертвенники великимъ богамъ и дворецъ для жилища моего величества... Я принялъ это рѣшеніе во время празднества по случаю моего брака... въ день счастливый, въ мѣсяцѣ благопріятномъ... Я собралъ въ этомъ городѣ людей съ четырехъ странъ свѣта, иноязычниковъ... я соединилъ

[1]) 4 Цар. XVII, 3. XVIII, 9—11.
[2]) Сѣверное Ниневіи.

Digitized by Google

ихъ въ поклоненіи Ассуру, богу моему, въ соблюденіи справедливости, я поселилъ ихъ въ городѣ, я велѣлъ ученымъ и мудрецамъ обучать людей земли Ассура всѣмъ наукамъ... Посреди города для жилища моего величества я построилъ дворецъ». Это тотъ самый дворецъ, развалины котораго найдены были Ботой въ 1843 г. подъ поверхностью Хорсабадскаго холма и повели къ цѣлому ряду другихъ подобныхъ открытій, столь важныхъ для исторіи древняго востока. Дворецъ построенъ былъ «на удивленіе вельможъ и подданныхъ», по выраженію лѣтописи. Во дворцѣ устроена была и сокровищница, гдѣ хранилась дань подвластныхъ народовъ.

«Я помѣстился,—говоритъ Саркинъ,—въ моемъ дворцѣ съ начальниками провинцій, съ сатрапами, мудрецами, учеными, вельможами, намѣстниками и правителями земли Ассуръ, и отправлялъ свою власть. Дворецъ этотъ заключаетъ въ себѣ золото, серебро, золотые и серебряные сосуды, драгоцѣнные камни, желѣзо, ткани голубыя, пурпуровыя, шерстяныя и льняныя, сандальное, черное дерево, коней изъ земли Музури (Египетъ), быковъ для упряжи, ословъ, муловъ, верблюдовъ, рогатый скотъ —дань, потребованная мною въ угоду богамъ».

Недолго однако привелось Саркину наслаждаться плодами своихъ побѣдъ въ новой резиденціи; вскорѣ по окончаніи сооруженнаго имъ дворца, онъ погибъ въ немъ отъ руки убійцы. Мѣсто Саркина занялъ сынъ его *Синахіерибъ*, царствовавшій, по списку Лимму, отъ 704 до 681 г. Это библейскій Сеннахиримъ, упоминаемый и греческими писателями. Главнымъ дѣломъ его царствованія было возстановленіе Ниневіи, какъ столицы Ассиріи. Ниневія была теперь увеличена противъ прежняго и снабжена обильно водою, проведенною изъ 18-ти горныхъ пунктовъ 18-ю каналами, воды коихъ сливались въ одинъ потокъ, впадавшій въ р. Кхусуръ, притокъ Тигра, по обѣимъ сторонамъ котораго, при самомъ впаденіи его въ Тигръ, расположена была Ниневія. Новая рѣка, созданная Синахіерибомъ, получила въ честь его его имя; на томъ мѣстѣ, гдѣ она впадала въ Кхусуръ, на высокой искусственной платформѣ, Синахіерибъ построилъ себѣ «великій дворецъ, изъ мрамора и кедра, произведенія земли Кхатти... по планамъ архитекторовъ имперіи», какъ говорится въ надписи, заключающей въ себѣ подробное описаніе дворца. Внутренній обширный дворъ предназначенъ былъ «для упражненія военачальниковъ въ метаніи дротика, для смотра вьючныхъ животныхъ, овецъ, рогатаго скота, колесницъ». Въ той же оградѣ было и мѣсто заключенія для

Digitized by Google

плѣнниковъ; особое зданіе назначалось для храненія желѣза и другихъ металловъ. Работы производились руками плѣнниковъ. «Я заставилъ работать бунтовщиковъ, побѣжденныхъ моею рукою», замѣчаетъ Синаххіерибъ. Плитки съ именемъ основателя на память потомству положены были подъ фундаментомъ дворца. Въ концѣ надписи обозначается время, когда оконченъ дворецъ: въ мѣсяцѣ Адарѣ, въ 20-й день, при Лимму Белсиміани, правителѣ Кхаркамиса (Кархемышъ), т.-е. 20-го февраля 690 г. до Р. Х.

Развалины этого дворца найдены Лейярдомъ въ 1845 г. подъ холмомъ Куюнджикъ, на лѣвомъ берегу Тигра, противъ г. Мосула. Часть дворца, ближайшая къ рѣкѣ, совершенно разрушена. Главный фасадъ, обращенный къ сѣверо-западу, уцѣлѣлъ, Лейярдъ разчистилъ его на всемъ его протяженіи. Входныя двери обставлены двумя каменными быками съ человѣческими лицами (символическое изображеніе бога Ассура); двери эти ведутъ въ рядъ палатъ и корридоровъ, покрывающихъ пространство въ двѣ десятины.

При вступленіи Синаххіериба на престолъ всѣ почти народы, покоренные его отцомъ, на востокѣ, югѣ и западѣ, возстали, что вызвало рядъ походовъ, кончившихся побѣдоносно. Особенно упорною была, какъ и всегда, борьба съ халдеями, постоянно оспоривавшихъ у ассиріянъ господство [1]).

Третій походъ Синаххіериба направленъ былъ въ часть Сиріи, прилегавшей къ Средиземному морю, цари коей возстали, понадѣясь на обѣщанную помощь египетскаго царя Тиргаки. Возставшіе вскорѣ покорились за исключеніемъ іудейскаго царя Езекіи. «Хазакіау (Езекія), царь земли Іауда (Іудея),—говоритъ надпись,—не покорился. Я напалъ на 44 (его) большихъ укрѣпленныхъ города; я напалъ на нихъ съ огнемъ, мечомъ и осадными машинами; я овладѣлъ ими, я занялъ ихъ. Я увелъ въ плѣнъ 200,150 человѣкъ разнаго возраста, мужчинъ и женщинъ, также коней, ословъ, верблюдовъ, быковъ и барановъ безъ счета. Что же касается до него самого (Езекіи), то я заперъ его въ его городѣ Урсалиммн (Іерусалимъ), его столицѣ, какъ птицу въ клѣткѣ... Тогда безмѣрный страхъ предъ величествомъ моимъ поразилъ Хказакіау, царя земли Іауда. Онъ распустилъ войска и отправилъ пословъ ко мнѣ, въ г. Нинуу, столицу мою... съ предложеніемъ дани и покорности».

Краткій разсказъ ассирійской лѣтописи о войнѣ Синаххіе-

[1]) Халдеевъ поддерживали обыкновенные союзники ихъ—жители сосѣдняго Элама.

Digitized by Google

риба съ Езекіею въ общихъ чертахъ сходенъ съ обстоятельнымъ повѣствованіемъ о томъ же предметѣ священной лѣтописи еврейскаго народа [1]; но нельзя, конечно, ожидать найти у ассирійскаго лѣтописца описанія бѣдствія, постигшаго армію Синахіериба въ концѣ этой войны. Лѣтописи ассирійскихъ царей повѣствуютъ лишь о славныхъ дѣлахъ ихъ, о неудачахъ же военныхъ постоянно умалчиваютъ. Такъ не упоминается о частыхъ отпаденіяхъ Вавилона, а говорится только о приведеніи его вновь въ покорность; не упоминается даже о разрушеніи Ниневіи, хотя потомъ въ лѣтописи царя Саркина сказано, что онъ построилъ Дурсаркинъ «въ-замѣнъ Ниневіи», а Синахіерибъ говоритъ, что онъ «возобновилъ Ниневію». Такъ и въ настоящемъ случаѣ ассирійская лѣтопись, естественно, не могла разсказать о гибели всей почти арміи Синахіериба; она не упомянула даже объ осадѣ гор. Лахиса, во время которой ассирійскій царь отправилъ къ Езекіи пословъ съ гордымъ требованіемъ сдачи Іерусалима, обстоятельно переданное въ XVIII главѣ 4-й Книги Царствъ, хотя во дворцѣ Синахіериба найденъ барельефъ, представляющій покореніе гор. Лахиса, какъ удостовѣряетъ пояснительная надпись [2]. Во всякомъ случаѣ Синахіерибъ не возвратился болѣе въ Палестину.

Конецъ Сеннахирима извѣстенъ изъ библейскаго разсказа: «когда онъ поклонялся въ домѣ Нисроха, бога своего, то Адрамелехъ и Шарецеръ, сыновья его, убили его мечомъ, а сами убѣжали въ землю Араратскую. И воцарился Асарданъ, сынъ его, вмѣсто него» [3].

Библейскій Асарданъ или Ассаргадонъ, по-ассирійски *Ассуракхіидинъ* четвертый, сынъ Синахіериба занималъ престолъ ассирійскій отъ 680 до 667 года, по списку Лимму.

Кромѣ Ниневіи, которая оставалась царскою резиденціею, онъ жилъ по временамъ въ Калахѣ и Вавилонѣ. Въ Калахѣ Ассуракхіидинъ построилъ себѣ дворецъ, одинъ изъ самыхъ большихъ, донынѣ открытыхъ. Съ него началъ Лейярдъ свои раскопки. Матеріаломъ для новаго дворца послужили, между прочимъ, камни стараго дворца Туклатпаласара II (744—726 годовъ), разрушеннаго, вопреки заклинаніямъ строителя; доказательствомъ тому служатъ плиты въ стѣнѣ большой залы, обра-

---

[1] 4 Цар. XVIII, 13. XIX, 36. Парал. XXXII, 1—22.

[2] См. Annales des Rois d'Assyrie, trad. par. Ménant, стр. 213. 214.

[3] 4 Цар. XIX, 37. Исаія XXXVII, 38.

Digitized by Google

щенныя барельефами внутрь: на нихъ прочитано было имя Тукультапаласара.

Большихъ стѣнныхъ надписей Ассуракхіидина не сохранилось, но найдены двѣ призмы съ текстомъ, заключающимъ въ себѣ повѣствованіе о первыхъ десяти годахъ его царствованія. Главное содержаніе его, какъ и всегда, военные подвиги царя. Важнѣйшимъ дѣломъ его былъ походъ противъ Египта, союзника царей западной Сиріи, постоянно помогавшаго имъ въ ихъ возстаніяхъ противъ ассирійскаго владычества. Разбитый на голову Ассуракхіидиномъ, египетскій царь Тиргака бѣжалъ въ завоеванную имъ прежде Эѳіопію, предоставивъ Египетъ на произволъ побѣдителя, который къ прочимъ титуламъ своимъ присоединилъ и титулъ царя Мусури (Египетъ, по-евр. Мицраимъ) и Куса (Эѳіопія). Въ память, конечно, этихъ побѣдъ, Ассуракхіидинъ велѣлъ сдѣлать свое изображеніе рядомъ съ изображеніемъ отца своего, на скалѣ у гор. Бейрута.

Послѣ усмиренія возстаній въ Арменіи, Малой Азіи и Вавилоніи, Ассуракхіидинъ направился въ Аравію, произведенія которой доставлялись въ Ассирію на корабляхъ вавилонскихъ или караванами измаильтянъ. Уже и прежде были столкновенія ассирійскихъ царей съ пограничными аравійскими племенами, причемъ царь даже отдаленной Сабы, Этамаръ, устрашенный побѣдами Саркина, самъ прислалъ ему дары. Теперь же, когда побѣдами въ Египтѣ и приморской Сиріи господство ассиріянъ на западѣ было обезпечено, Ассуракхіидинъ предпринялъ походъ въ глубь Аравіи. Поводомъ къ походу было отпаденіе гор. Аудуму, «столицы земли Ариби», покоренной Синаххіерибомъ. Городъ Аудуму былъ взятъ и жители его переселены въ Ассирію. Тогда явился въ Ниневію посланный царицы земли Ариби съ многими дарами и просьбою возвратить имъ ихъ плѣнныхъ «боговъ». «Я исполнилъ ея просьбу,—говоритъ Ассуракхіидинъ,—я исправилъ попортившіеся идолы ихъ боговъ, я начерталъ на этихъ изображеніяхъ хвалу Ассуру (какъ выраженіе верховнаго господства національнаго божества Ассиріи) и славу моего имени, я приказалъ принести ихъ ко мнѣ и возвратилъ ихъ».

Послѣднія военныя дѣйствія были противъ земель на отдаленныхъ границахъ Мидіи; земли тѣ присоединены были къ Ассиріи, обложены данью, и для управленія ими назначены ассирійскіе сановники.

Ассуракхіидину наслѣдовалъ старшій сынъ его *Ассурбанипалъ* (667 г.), послѣ торжественной коронаціи, происходившей

Digitized by Google

въ Ниневіи во дворцѣ отца его, гдѣ онъ и самъ жилъ. Въ развалинахъ его найдены четыре десятигранныя глиняныя «призмы», заключающія въ себѣ обильный и весьма любопытный матеріалъ для знакомства съ исторіею царствованія Ассурбанипала.

Отмѣтимъ особенность лѣтописи Ассурбанипала, свидѣтельствующую объ успѣхахъ лѣтописанія у ассиріянъ. У древнихъ царей разсказъ о подвигахъ ихъ идетъ сплошной, безъ всякаго раздѣленія; затѣмъ, начиная съ Салманасара III (857—829 г.) стали *перечислять* походы: въ первый походъ сдѣлалъ то-то, во второй то-то и т. д.; въ лѣтописи же Ассурбанипала, каждый параграфъ ея имѣетъ въ началѣ *оглавленіе*, обозначающее содержаніе текста; самое *изложеніе* отличается большею ясностью и послѣдовательностью.

Вотъ эти оглавленія: «Первая война противъ Египта. Вторая война противъ Египта. Осада Тира. Лидійская война» (противъ царя Гуггу—геродотовскаго Гигеса).

«Война противъ Минни» (земля въ восточной Арменіи).

«Война противъ Элама; завоеваніе Гамбула» (въ устьяхъ Тигра и Евфрата).

«Возстаніе Салуммукина» (младшаго брата Ассурбанипалова).

«Первая война противъ Умманалдаса, царя Эламскаго».

«Вторая война противъ Умманалдаса».

«Покореніе Элама».

Въ повѣствованіе о первой войнѣ съ Эламомъ занесенъ любопытный эпизодъ, весьма важный для знакомства съ религіею древнихъ ассиріянъ.

Выступая въ походъ противъ эламскаго царя Теймана, Ассурбанипалъ въ день праздника богини Истары принесъ ей жертву въ «любимомъ ея городѣ Арбаллу» (Арбела), испрашивая ея помощи въ предстоявшей войнѣ противъ Теймана, говорившаго, что онъ «такъ же могущественъ какъ и Истара» и произносившаго угрозы противъ Ассурбанипала. «Услышавъ эти угрозы,—говоритъ Ассурбанипалъ,—я повергся на землю предъ могущественною богинею Истарою и умолялъ ее придти ко мнѣ на помощь такъ: «Богиня Арбаллу, я, я Ассурбанипалъ, дѣло рукъ твоихъ... я возстановляю храмы твои, я служу тебѣ... Теймманъ же, царь земли Эламъ, не поклоняется великимъ богамъ... О ты, богиня богинь, грозная въ битвахъ, богиня войны, царица боговъ... ты, которая въ присутствіи Ассура, отца моего, провозгласила меня (царемъ?), ты любишь меня»... И проситъ въ заключеніе, чтобы Истара поразила Теймана.

«Истара услышала мою молитву,—продолжаетъ Ассурбани-

Digitized by Google

нахъ:... посреди ночи, въ то время какъ я молился, я уснулъ глубокимъ сномъ и несвѣщенъ былъ сонным видѣніемъ. Ночью Истара говорила и явилась мнѣ такъ:

«Истара, обитающая въ Арбаилу, приблизилась; она окружена была лучами справа и слѣва; въ рукѣ ея былъ лукъ, метающій страшныя стрѣлы... поступь ея была тверда. Истара, возлюбленная царица боговъ, приноситъ тебѣ это повелѣніе (сказала она): иди взять добычу, мѣсто предъ тобою готово, я прійду въ тебѣ на помощь, я, куда ты пойдешь, туда и я съ тобою... Желаніе твое исполнится... Онъ (Теймманъ) не устоитъ предъ тобою...»

«Она (Истара) объявила себя противъ Теймманa,—заключаетъ Ассурбанипалъ,—я выступилъ въ походъ, а она управляла шествіемъ».

Успѣхъ похода соотвѣтствовалъ надеждамъ Ассурбанипала: Теймманъ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ; ему отрубили голову предъ лицомъ ассирійской арміи.

Это сонное видѣніе, занесенное въ *царскую лѣтопись* и обусловившее затѣмъ послѣдующія событія, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе, какъ явленіе любопытное, бросающее свѣтъ на религію древнихъ...

По окончаніи своихъ побѣдоносныхъ походовъ Ассурбанипалъ, передъ лицомъ всей арміи, «стоя, воздалъ хвалу богамъ, покорившимъ игу его мятежные народы и со славою утвердившимъ владычество его надъ врагами его».

Ассурбанипалъ жилъ въ Ниневіи во дворцѣ дѣда и отца своего, имъ обновленномъ и расширенномъ, причемъ старые барельефы, изображавшіе подвиги Синахіериба, не были уничтожены—что Ассурбанипалъ ставитъ себѣ въ заслугу—а только дополнены новыми, представлявшими подвиги самого Ассурбанипала. Это—тотъ самый дворецъ Ассурбанипала или Сарданапала, гдѣ найдена «царская библіотека», которая дала такой богатый матеріалъ для знакомства съ ассирійскою литературою.

Дворецъ Ассурбанипала замѣчателенъ также и въ художественномъ отношеніи. На этомъ архитектурномъ памятникѣ можно замѣтить успѣхи скульптуры у ассиріянъ, достигшей теперь своего апогея. Древніе барельефы испещрены надписями, покрывающими ихъ и занимающими, очевидно, первое мѣсто; во дворцѣ Саргина лишь немногія фигуры обезображены надписями, главный текстъ разстилается по карнизу, выше барельефовъ. Во дворцѣ Ассурбанипала письмо вполнѣ уже отдѣлено отъ скульптуры; военныя сцены были, повидимому, понятны сами по

Digitized by Google

себѣ, не нуждаясь въ обширныхъ пояснительныхъ надписяхъ; краткія только надписи, не на самыхъ барельефахъ, но возлѣ нихъ, указываютъ на содержаніе сценъ. Такъ, напримѣръ, надъ двумя человѣческими фигурами, изъ коихъ одна ранена стрѣлою, а другая натягиваетъ лукъ, надпись: «Теймманъ повелительно говоритъ своему сыну: пускай свою стрѣлу!»

Надъ фигурою въ повозкѣ, держащею человѣческую голову, надпись: «Голова Теймана, царя земли Эламъ, отрублена была посреди битвы въ виду моей арміи; я послалъ ее, какъ добрую вѣсть, въ землю Ассуръ».

Найдено также много плитокъ съ надписями разнообразнаго содержанія, относящимися къ царствованію Ассурбанипала, какъ-то: распоряженія царя, его прокламаціи, донесенія его военачальниковъ.

Вотъ, напримѣръ:

«Воззваніе царя къ жителямъ (устьевъ Тигра и Евфрата), ихъ сыновьямъ и слугамъ. Миръ въ сердцѣ и счастье имъ!»

«Я неусыпно заботился о васъ, я открылъ на васъ свои собственные глаза и я... (исправлю?) совершенно погрѣшности Набубеярикри. Я разлучилъ васъ (т.-е. смѣнилъ прежняго сатрапа). Теперь посылаю къ вамъ Белибни, слугу моего, моего посланца, чтобы печься о васъ... И потому я посылаю къ вамъ мои войска. Я съ вами, чтобы окомъ моимъ охранять ваше добро, ваше имущество!

«Въ мѣсяцѣ аиру, въ 5-й день лимму Велхарансадуйу».

Вотъ донесеніе одного изъ военачальниковъ:

«Царю народовъ, господину моему, слуга твой Белзикиресисъ.

«Белъ и Мардукъ (боги) да даруютъ долгіе дни, вѣчные годы, скипетръ правосудія и прочный престолъ царю народовъ, господину моему! Что касается до порученія, даннаго мнѣ царемъ, я скажу ему (царю) такъ: ты узнаешь извѣстія о землѣ Ариби (Аравія); посылаю тебѣ отчетъ о нихъ.

«Что касается до людей Набату (Набатеи), вотъ извѣстія: Амихатахъ (вождь ассирійскій?) изъ земли Васхаи выступилъ противъ нихъ; онъ произвелъ между ними кровопролитіе, онъ ограбилъ ихъ; ставши же посреди ихъ, помиловалъ ихъ. Онъ вступилъ въ городъ царя. Теперь я посылаю его къ царю, господину моему, да благоугодно будетъ царю выслушать разсказъ изъ устъ его».

Странное чувство овладѣваетъ нами, когда мы читаемъ эти письмена, собственныя слова людей, жившихъ и дѣйствовавшихъ

Digitized by Google

за 25 вѣковъ предъ нами,—всѣхъ этихъ Ассурбанипаловъ, Белзикрессисовъ, существованіе которыхъ мы доселѣ и не подозрѣвали! Римъ едва возникалъ, Греція находилась еще въ полуварварскомъ состояніи, когда на берегахъ Тигра и Евфрата встрѣчаемъ мы благоустроенное государство, съ богатою литературою, съ грозными арміями,—которое уже столѣтіями, тысячелѣтіями даже, если вѣрить царю Саргину, считаетъ свое историческое существованіе! Припомнимъ замѣчаніе царя Саргина въ его лѣтописи, что 350 царей царствовали прежде него надъ землею Ассуръ. Какъ это раздвигаетъ предѣлы исторіи...

На краткой замѣткѣ о преемникѣ Ассурбанипаловомъ *Ассуредилили* останавливаются лѣтописи ассирійскихъ царей, доселѣ намъ извѣстныя. Лѣтописи эти никакъ нельзя сравнивать съ нашими лѣтописными сказаніями, расположенными въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ и въ болѣе или менѣе связномъ и ясномъ изложеніи; отъ нихъ нельзя ожидать и полноты нашихъ лѣтописей: это—*царскія* лѣтописи, то-есть реляціи о подвигахъ ассирійскихъ царей, куда бытовая сторона народа входитъ только случайно, въ той лишь мѣрѣ, въ какой дѣянія царей соприкасаются съ нею. Тѣмъ не менѣе, лѣтописи ассирійскихъ царей представляютъ драгоцѣнный историческій матеріалъ: онѣ знакомятъ насъ съ нѣкоторыми сторонами жизни одного изъ замѣчательнѣйшихъ народовъ Азіи, исторія котораго была намъ доселѣ вовсе неизвѣстна; онѣ раскрываютъ предъ нами, до извѣстной степени, какъ-бы новый міръ съ его своеобразными вѣрованіями, нравами, дѣлами, бросая свѣтъ и вообще на исторію древняго востока.

Вотъ общіе выводы, какіе можно сдѣлать изъ «лѣтописей ассирійскихъ царей».

Прежде всего поражаетъ насъ чрезвычайная *воинственность* ассиріянъ, этихъ «римлянъ востока» по весьма удачному сравненію. Не проходитъ почти года безъ похода на сѣверъ, востокъ, югъ или западъ, и ничто не можетъ противостоять ихъ всесокрушающему напору: или завоевываются новыя страны, или (еще чаще) усмиряются возстанія покоренныхъ. Возставшіе жестоко наказываются: города ихъ пожигаются, сами они или предаются смерти (нерѣдко весьма мучительной, особенно вожди ихъ), или переселяются въ Ассирію или другую, подвластную ей землю. Причемъ семейство возставшаго даннического царя непремѣнно увлекалось въ плѣнъ и дворецъ его разграблялся. Пощада давалась только покорнымъ, «обнимавшимъ колѣни» побѣдителя. Жестокія казни и переселеніе были у ассиріянъ глав-

Digitized by Google

ными средствами держать подвластные имъ народы въ покорности; особенно упорна была борьба съ Вавилоніею и ея постояннымъ союзникомъ Эламомъ, но и это сопротивленіе было, наконецъ, сокрушено.

При описаніи этихъ войнъ, обращаетъ на себя вниманіе чрезвычайное множество маленькихъ государствъ въ передней Азіи въ ту отдаленную эпоху, что, конечно, облегчало военные успѣхи ассиріянъ. Позже мы встрѣчаемъ тамъ уже обширныя монархіи: лидійскую, вавилонскую, мидійскую, персидскую.

Рядомъ съ войною шелъ грабежъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ: не только золото, серебро, но также мѣдь, желѣзо, строевой лѣсъ, мебель, ткани, лошади, вьючный и рогатый скотъ, оружіе, колесницы, повозки,—словомъ, все дѣлалось предметомъ добычи и все это свозилось въ Ассирію, въ царскіе дворцы. Накопленіе сокровищъ въ царскихъ кладовыхъ составляло, впрочемъ, черту времени и вмѣстѣ государственную потребность, при отсутствіи правильной финансовой системы. Въ своихъ походахъ на западъ, достигая береговъ Средиземнаго моря, ассиріяне столкнулись съ евреями, и тѣ испытали на себѣ силу ассирійскаго оружія: израильское царство было завоевано и народъ уведенъ въ Ассирію, а іудейское царство обложено данью. Современникъ великихъ воителей Туклатпаласара II, Салманасара V, Саргона и Синахіериба, еврейскій пророкъ Исаія яркими чертами характеризуетъ воинскую бодрость и всесокрушающую силу ассирійскаго народа, и свидѣтельство его пріобрѣтаетъ теперь понятный интересъ: «И вотъ онъ (ассирійскій народъ) легко и скоро прійдетъ. Не будетъ у него ни усталаго, ни изнемогающаго; ни одинъ не задремлетъ и не заснетъ, и не снимется поясъ съ чреслъ его, и не разорвется ремень у обуви его. Стрѣлы его заострены и всѣ луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню и колеса его какъ вихрь. Ревъ его, какъ ревъ львицы; онъ рыкаетъ подобно скимнамъ, и заревегъ, и схватитъ добычу, и унесетъ, и никто не отниметъ» [1]).

Коренастыя, мускулистыя фигуры ассирійскихъ воиновъ на сохранившихся барельефахъ ниневійскихъ составляютъ прекрасную иллюстрацію къ этой характеристикѣ [2]).

«Князья твои, какъ саранча, и военачальники твои, какъ рои мошекъ... ибо на кого не простиралась безпрестанно злоба

---

[1]) Ис. V, 26—29.

[2]) Въ одной изъ залъ императорскаго Эрмитажа можно видѣть нѣсколько такихъ барельефовъ съ пояснительными клинообразными надписями.

Digitized by Google

тов?» — говоритъ о Ниневіи, предсказывая ея паденіе, пророкъ Наумъ [1]) вскорѣ послѣ удаленія Сеннахерима изъ Іудеи. Народы Сиріи искали себѣ защитника въ Египтѣ, но тщетно: и Египетъ, и Эѳіопія подпали власти ассиріянъ, владѣнія которыхъ захватили подъ конецъ всю Арменію, М.-Азію, Кипръ, Египетъ, Эѳіопію, Сирію, Аравію, Эламъ, Персиду, Мидію, Парѳію, Арію, Арахозію, Сагартію, словомъ, — всѣ земли отъ Средиземнаго моря до Индіи. Двѣнадцать вѣковъ возвышалась постепенно эта грозная военная монархія, безраздѣльно господствуя въ передней Азіи, пока не пробилъ и ея часъ... Сначала скиѳы опустошили Ассирію, а затѣмъ мидійскій царь Кіаксаръ въ союзѣ съ правителемъ Вавилона Набупалассаромъ взяли и разрушили Ниневію, на этотъ разъ окончательно, причемъ послѣдній ея царь, Сарукъ или Ассаракъ, чтобы не даться живымъ въ руки врага, самъ сжегъ себя во дворцѣ своемъ (606 г.).

Рядомъ съ воинственностью и въ тѣснѣйшей связи съ нею стоитъ глубокая *религіозность* ассирійскихъ царей [2]). Царь все предпринимаетъ лишь по повелѣнію Ассура и прочихъ «великихъ боговъ»; онъ только простое орудіе ихъ воли; онъ — сынъ Ассура, онъ — око его. Боги въ сновидѣніяхъ являются царю и открываютъ ему свою волю; затѣмъ сами помогаютъ исполнять ее: они (то-есть, идолы ихъ) идутъ предъ нимъ и помогаютъ ему одолѣвать враговъ, наводя страхъ на нихъ. Царь воюетъ, чтобы покорять народы Ассуру, чтобы распространять его культъ, равно какъ и прочихъ великихъ боговъ Ассиріи: при покореніи страны, плѣнялись не только жители ея, но и боги ихъ (т.-е. идолы) — ихъ покровители и защитники, и на мѣсто ихъ ставились идолы ассирійскихъ божествъ. Завоеванія царя — это завоеванія его бога-покровителя Ассура, «отца, родившаго его», потому и возстаніе противъ ассирійскаго царя жестоко наказывается какъ возстаніе противъ бога Ассура; чѣмъ жесточе, слѣдовательно, наказаніе, тѣмъ лучше отомщенъ Ассуръ: въ этомъ могла заключаться, въ глазахъ ассирійскихъ царей, своего рода заслуга. Не этимъ-ли, независимо отъ грубости нравовъ того времени, можно объяснить непомѣрно жестокія казни возставшихъ? Цари ассирійскіе, очевидно, смотрѣли на нихъ какъ на славные, угодные богамъ подвиги, украшая стѣны своихъ дворцовъ сценами казней. Истребивъ почти всѣхъ аккадцевъ, во-

[1]) Наум. III, 17. 19.

[2]) Мы можемъ говорить лишь о религіозности царей, такъ какъ ихъ дѣянія составляютъ исключительный предметъ лѣтописей; но нѣтъ сомнѣнія, что и народъ раздѣлялъ, въ извѣстной степени, религіозное чувство своихъ властелиновъ.

Digitized by Google

ставшихъ противъ него, Ассурбанипалъ говоритъ: «совершая это, я порадовалъ сердце великихъ боговъ, владыкъ моихъ». А вождя возстанія Салуммувина сами боги «бросили въ пожирающій огонь». Боговъ отожествляли съ ихъ идолами: эти боги или предъ ними (т.-е. ихъ несли предъ войскомъ) и т. д. [1]).

Замѣчательно, что главнымъ божествомъ, отцомъ великихъ боговъ, почитался Ассуръ (онъ же Бель или Ваалъ); такимъ образомъ, родоначальникъ ассирійскаго народа Ассуръ, сынъ Сима, сдѣлался его главнымъ божествомъ [2]).

Оставить о себѣ память отдаленному потомству составляло предметъ особенныхъ заботъ ассирійскихъ царей. Съ этою преимущественно цѣлью почти каждый царь строилъ себѣ новый дворецъ, чтобы начертать на стѣнахъ его лѣтопись своихъ подвиговъ съ соотвѣтственными изображеніями ихъ; лѣтопись эта въ цѣломъ или по частямъ, сокращенно или подробно, повторялась на изваяніяхъ символическихъ животныхъ, стражей дворца, на глиняныхъ многогранныхъ цилиндрахъ, на монолитахъ, обелискахъ, на металлическихъ бляхахъ, украшавшихъ двери, на кирпичномъ полу... и торжественными заклинаніями старались оградить эти надписи отъ попытокъ порчи ихъ.

Для постройки и украшенія дворца употреблялись драгоцѣнныя дерева, — черное, кипарисовое, кедровое, фисташковое и т. п., привозимыя изъ покоренныхъ странъ; самая же постройка производилась руками плѣнниковъ. Въ завоеванныхъ городахъ ставились статуи царя съ начертаніемъ на нихъ «славы его имени». Такимъ образомъ подтверждается, доселѣ подвергавшееся сомнѣнію, свидѣтельство Геродота о царскихъ статуяхъ въ Азіи, какъ памятникахъ побѣдъ [3]). Мы знаемъ изъ Библіи о столкновеніяхъ израильскаго и іудейскаго царствъ съ Ассиріею въ VIII ст. до Р. Х.; естественно рождается вопросъ: что находимъ мы въ ассирійскихъ лѣтописяхъ объ этихъ столкновеніяхъ? Вообще говоря,—весьма немного, и это понятно. Іудейское и израильское царство лежали, относительно Ассиріи, на дальнемъ западѣ, куда ассирійскіе воители рѣдко направляли свои походы, и къ тому же эти два небольшія царства, въ ихъ глазахъ, ничѣмъ не выдѣлялись изъ среды сосѣднихъ царствъ: дамасскаго, идумейскаго, моавитскаго, тирскаго, сидонскаго, аскалонскаго, аздодскаго. Для Ассиріи несравненно важнѣе были отношенія

---

[1]) Повидимому, статуя бога почиталась его жилищемъ на землѣ.

[2]) Ассурбанипалъ называетъ Ассура также создателемъ своимъ.

[3]) Herod. II, 106.

Digitized by Google

къ ея ближайшимъ сосѣдямъ—Вавилону, Эламу, Арменіи, съ которыми она вела упорную борьбу, описанную поэтому весьма подробно; обстоятельно разсказано также покореніе Египта [1]), но здѣсь дѣло шло о большомъ и знаменитомъ государствѣ, оспаривавшемъ у Ассиріи господство въ Азіи.

Мы встрѣчаемъ, однако же, въ ассирійскихъ лѣтописяхъ нѣкоторыя дополненія и поясненія къ вообще краткому библейскому разсказу. Такъ въ числѣ 12-ти сирійскихъ и приморскихъ царей, выступившихъ *противъ* Салманасара III (857—822 г.), мы читаемъ имя израильскаго царя *Ахаов* (Аххабу), рядомъ съ царемъ дамасскимъ *Венададомъ* (Бинидри изъ Дамаска). Союзники были побѣждены, и вотъ мы встрѣчаемъ въ числѣ данниковъ Салманасара третьяго преемника Ахавова *Іуя* (Іауа); на одномъ изъ барельефовъ онъ изображенъ распростертымъ ницъ предъ царемъ ассирійскимъ. Съ преемникомъ Венадада *Азаилома* (Хазаилу) Салманасаръ долженъ былъ еще дважды воевать, прежде нежели поборолъ его. Между данниками Тукультипаласара II находимъ мы *Ахаза* (Іаухази), царя іудейскаго и *Менаима* (Минимми), царя самарійскаго вмѣстѣ съ Разиномъ (Разуни), царемъ дамасскимъ, моавитянами (Маіабъ), Идумеею (Идуму) и Аскалономъ (Аскалуна). О Салманасарѣ V, окончательно покорившемъ израильское царство, не сохранилось лѣтописи, найдено только имя его. За то въ лѣтописи преемника его Саркина (библ. Саргонъ) мы встрѣчаемъ точное указаніе, кто взялъ Самарію (721 г.), а именно—самъ Саркинъ, окончившій осаду этого города, начатую Салманасаромъ; при этомъ приводится точная цифра отведенныхъ въ плѣнъ самарянъ—27,280 ч. Преемникъ Саркина, Синаххіерибъ (библ. Сеннахиримъ, 704—681 г.) разсказываетъ довольно обстоятельно войну свою съ Езекіею (Хизкіяу), какъ онъ овладѣлъ его 44-мя укрѣпленными городами, увелъ въ плѣнъ 200,150 его подданныхъ разнаго пола и возраста, а его самого заперъ въ городѣ Урсалимми (Іерусалимъ), его столицѣ, «какъ птицу въ клѣткѣ», и взялъ съ него большую дань,—что все, въ общемъ, согласно съ библейскимъ разсказомъ, хотя, конечно, въ лѣтописи ассирійскаго царя, имѣвшей назначеніемъ повѣствовать лишь о его «подвигахъ», нельзя ожидать найти упоминовенія о бѣдствіи, постигшемъ армію Сеннахирима въ концѣ войны. Въ простодушномъ разсказѣ Товита, одного изъ плѣнныхъ израильтянъ, водворенныхъ въ Ниневіи, есть любопытная замѣтка, служащая поясненіемъ къ событію, которое ассирійская лѣтопись

[1]) Событіе, досель неизвѣстное исторіи,—замѣтимъ мимоходомъ.

Digitized by Google

прошла молчаніемъ. «Во дни Енемессара,—говоритъ Товитъ (называя такъ отца Сеннахиримова Саркина),—я дѣлалъ много благодѣяній братьямъ моимъ: алчущимъ давалъ хлѣбъ мой, нагимъ — одежды мои, и если кого изъ племени моего видѣлъ умершимъ и выброшеннымъ за стѣну Ниневіи, погребалъ его. *Тайно погребалъ я тѣхъ, которыхъ убивалъ царь Сеннахиримъ, когда, обращенный въ бѣгство, возвратился изъ Іудеи. А онъ многихъ умертвилъ въ яростн своей*».

Наконецъ, въ лѣтописи преемника Сенаххіерибова Ассурахіддина (библ. Асардонъ или Ассаргадонъ) упоминается о царѣ іудейскомъ Манассіи (Минаси) въ числѣ 22 данническихъ царей Палестины и Кипра, доставлявшихъ матеріалъ для сооруженія дворца въ Ниневіи.

Съ пріятнымъ удивленіемъ встрѣтили мы также, въ ассирійскихъ лѣтописяхъ, знакомыя и дорогія намъ библейскія имена: *Ура* халдейскаго, родины Авраама; *Харрана*, гдѣ остановился Ѳарра, отецъ его, съ родомъ своимъ, на пути въ Ханаанскую землю, и гдѣ онъ скончался; г. *Елассара* (Элассуръ), царя коего Аріоха, вмѣстѣ съ тремя союзными ему царями, поразилъ Авраамъ, освободивъ и попавшагося къ нимъ въ плѣнъ племянника своего Лота. Съ понятнымъ любопытствомъ прочли мы еще въ лѣтописяхъ ассирійскихъ имена *Эрека* (Эрекъ или Урукъ), *Аккада*, *Халне* (Халанне), составлявшихъ вмѣстѣ съ Вавилономъ (Бабилу) «царство Нимрода въ началѣ». Имя же библейскаго города *Калаха* безпрестанно встрѣчается въ лѣтописяхъ, какъ царской резиденціи, и развалины его найдены, не говоря уже о самой Ниневіи, построеніе коей священный бытописатель относитъ къ тому же доисторическому времени. Это было неожиданнымъ открытіемъ для нашей науки. Уръ, Харранъ, Эрехъ, Калахъ — это представлялось чѣмъ-то легендарнымъ; сомнѣвались даже въ существованіи Ниневіи, не находя никакого слѣда ея... Но вотъ *найдена Ниневія;* она показала намъ развалины своихъ дворцовъ, она раскрыла подъ нашими изумленными очами свои скрижали и, волею-неволею, отдала честь достовѣрности священной лѣтописи міра — Библіи.

Н. Астафьевъ.

Digitized by Google

НЕ КЪ ПОЛЮ ЯГОДЫ

Двѣ недѣли въ медвѣжьемъ углу.

Окончаніе.

IX *).

Горичевъ нанималъ въ городѣ большую квартиру, на которой и останавливались всѣ пріѣзжавшіе въ городъ «южане». Въ этой квартирѣ только одна комната была меблирована и изображала изъ себя нѣкоторое подобіе гостиной; во всѣхъ остальныхъ стояли исключительно однѣ кровати. Кирсановъ съ Ларинымъ, пріѣхавши въ городъ за два дня до выборовъ, остановились на этой же квартирѣ и застали тамъ многочисленное общество. Во-первыхъ, самъ Горичевъ; во-вторыхъ, городской мировой судья Покровскій, потомъ судья изъ одного изъ уѣздныхъ участковъ, засѣдатель опеки, и землевладѣлецъ Балаузовъ. Покровскій недавно купилъ въ уѣздѣ имѣніе и переѣхалъ изъ Москвы, гдѣ жилъ долгое время; это былъ приличный господинъ, лѣтъ сорока, съ едва замѣтнымъ семинарскимъ акцентомъ; онъ сразу поставилъ себя очень хорошо и съумѣлъ заслужить репутацію вполнѣ безпристрастнаго, работящаго судьи. Балаузовъ былъ большой оригиналъ, ходилъ и въ городѣ, и въ деревнѣ въ лисьемъ полушубкѣ, носилъ большіе синіе очки и занимался преимущественно лѣснымъ дѣломъ; человѣкъ онъ былъ состоятельный и пользовался репутаціей смышленаго дѣльца; онъ веселый собесѣдникъ и всякое дѣло, всякій случай объяснялъ всегда

*) См. выше: апрѣль, 557 стр.

Digitized by Google

какими-нибудь матеріальными побужденіями; казалось, онъ не допускалъ въ человѣческомъ родѣ никакихъ высшихъ, духовныхъ началъ. Мировой судья и Балаузовъ были большіе друзья; въ городѣ всегда ходили вмѣстѣ, уединялись въ укромные уголки и разсказывали другъ другу пикантные анекдотцы, до которыхъ оба были великіе охотники; хохотали они при этомъ такъ весело и заразительно, что обыкновенно привлекали къ себѣ общее вниманіе.

Вся эта публика помѣщалась въ одной изъ дальнихъ комнатъ, лежа или сидя на кроватяхъ, одинъ Горичевъ ходилъ по комнатѣ, по временамъ останавливаясь передъ тѣмъ или другимъ. Кирсановъ разсуждалъ съ Балаузовымъ, а Ларинъ внимательно присматривался къ новымъ лицамъ.

Въ комнату ввалился Бряновъ, ужъ достаточно гдѣ-то нагрузившійся; не здороваясь ни съ кѣмъ, онъ вытащилъ изъ-подъ смиренно сидѣвшаго засѣдателя стулъ и, поставивъ его по срединѣ комнаты, сѣлъ на него верхомъ и положилъ руки на спинку.

— Чудное, братцы, дѣло вышло у меня на заводѣ,—загудѣлъ онъ, оглядывая всѣхъ присутствовавшихъ; его могучій басъ сразу прекратилъ всѣ разговоры.—Еще весной повадился ходить на заводъ кварташка. Придетъ, понюхаетъ и уйдетъ. Кой прахъ! думаю, что это ему требуется? Кажись, нечего ему у меня дѣлать. Ну, у меня на заводѣ завсе пиво держится, такъ, для собственной потребы, я и говорю Семену, машинисту: ты ему, говорю, какъ придетъ, такъ бутылку и выставляй, можетъ отстанетъ! И ходилъ, братцы вы мои, такимъ манеромъ кварташка мѣсяца съ три, все ничего, и я съ нимъ иной разъ бутылочку, другую усижу, все мило, честно, благородно; придетъ, поглядитъ, выпьетъ, уйдетъ. Только слышу, донось написалъ: труба тамъ какая-то, молъ, неладно стоитъ! Тьфу ты, паскудная твоя душа! И вѣдь написалъ, а самъ все ходитъ! Вотъ я ему и говорю: слушай, Николашка! ты, говорю, можетъ, думаешь, что я тебя замѣстъ пива-то хересомъ поить буду, такъ это, братъ, нѣтъ, шалишь! рыломъ, говорю, ты еще не вышелъ, хересъ-то тресвать. Ну, наѣхалъ чиновникъ, сорокъ рублей съ меня взялъ, все, говоритъ, ладно, на мѣстѣ, говоритъ, труба стоитъ, напуталъ, говоритъ, квартальный. Приходитъ тотъ на другой день опять; я ему за бутылкой-то кулакъ и показываю: видишь, говорю, могилой вѣдь пахнетъ! Вижу, говоритъ, чувствую, не буду больше! Ой, говорю, врешь, не стерпѣть твоей душенькѣ! Сколько мы съ тобой пивовъ выпили, а ты мнѣ какую каверзу подвелъ!

Digitized by Google

Слушай, говорю, Николашка! Коли ты да еще какой-нибудь фортель выкинешь, изуродую я тебя! И такъ, говорю, устрою, что и донести, говорю, не поспѣешь! Вотъ, братцы, какія нонѣ времена-то: пиво съ тобой пьетъ, а за спиной доносы на тебя строчитъ? Какъ тутъ теперича жить?

И Брянов многозначительно развелъ руками. Слушатели хохотали.

— Ну, Григорій Алексѣевичъ,—заговорилъ Кирсановъ,—дождетесь вы, что этотъ кварташка еще жалобу на васъ подастъ, угрожаетъ, молъ, жизни моей, и попадете вы еще на скамью подсудимыхъ. Наши прокуроры очень падки до такихъ процессовъ!—Разговоръ сдѣлался общимъ. Оказалось, что всѣ присутствовавшіе имѣютъ постоянныя столкновенія съ полиціей, и что не одинъ Брянов имѣетъ право на нее жаловаться. Судьи утверждали, что они цѣлой половиной дѣлъ обязаны безсмысленнымъ протоколамъ урядниковъ, этого новѣйшаго изданія по части «сердцевѣдѣнія». Балаузовъ говорилъ, что ему достовѣрно извѣстно, что каждый урядникъ долженъ, хочетъ-не хочетъ, составить въ теченіе года извѣстное число протоколовъ о «нарушеніяхъ» разныхъ уставовъ, и что только бо́льшимъ или меньшимъ числомъ этихъ документовъ и измѣряется бо́льшая или меньшая ихъ способность къ службѣ; имъ необходимо всячески откапывать поводы для этихъ протоколовъ, чтобъ къ концу года получить извѣстное число нумеровъ, иначе пришлось бы распроститься съ теплыми мѣстами. Горичевъ указывалъ на то вредное участіе, которое принимаетъ низшая полиція въ выборахъ гласныхъ отъ крестьянъ; ему пришлось присутствовать при этихъ выборахъ въ двухъ участкахъ, и онъ не могъ не замѣтить, какъ становые и урядники всѣми силами поддерживали Сидорова и другихъ кулаковъ; съ одной стороны тутъ дѣйствовали пріятельскія отношенія, съ другой—увѣренность, что эти люди весьма индифферентно относятся къ земскому сундуку и всегда поддержатъ поползновенія на усиленіе окладовъ разныхъ квартирныхъ, разъѣздныхъ и другихъ денегъ полицейскимъ чинамъ. Оказывалось, что исправникъ и его клика при этомъ не брезговали никакими средствами, даже инсинуаціями и заранѣе подстроенными и подготовленными скандалами. Всякія жалобы въ этомъ отношеніи были всегда безплодны; во-первыхъ, махинаціи подводились очень искусно, исподтишка, обыкновенно обывательскими же руками, во-вторыхъ, гораздо легче было спихнуть съ мѣстъ цѣлую земскую управу или мировой съѣздъ, чѣмъ послѣдняго станового,—такъ мало придавалось вѣры всѣмъ жалобамъ населенія,

Digitized by Google

разъ дѣло касалось этихъ дѣятелей. Наши земцы совершенно основательно приписывали непомѣрно-быстрое развитіе кулачества покровительству и помощи этихъ достойныхъ отпрысковъ губернскихъ канцелярій; въ большинствѣ случаевъ уѣздные полицейскіе чины состояли изъ особенно выдававшихся своей преданностью и ловкостью воспитанниковъ этихъ хранительницъ традицій добраго стараго времени. Само собой разумѣется, что если даже высшіе представители дворянскаго и земскаго самоуправленія были вполнѣ безсильны въ борьбѣ съ этимъ ненасытнымъ полчищемъ, то на что же могъ разсчитывать забитый, заброшенный крестьянинъ? Кулакъ пользовался покровительствомъ и защитой единственно дѣйствительнаго «начальства» и спокойно высасывалъ изъ мужика послѣдніе соки.

Ларинъ съ изумленіемъ слушалъ разсказы своихъ собесѣдниковъ относительно такого ненормальнаго положенія вещей; онъ удивлялся, хотя въ своемъ столкновеніи съ исправникомъ десять лѣтъ тому назадъ и самъ имѣлъ довольно наглядную иллюстрацію. Онъ указывалъ на необходимость поднятія умственнаго уровня массы, на необходимость образованія; земство, казалось ему, имѣло къ тому полную возможность. Но иначе относились къ этому вопросу бывалые земцы; Кирсановъ утверждалъ, что и въ этомъ направленіи въ рукахъ земства не было никакихъ болѣе или менѣе дѣйствительныхъ средствъ. Въ дѣлѣ низшаго образованія, въ дѣлѣ народной школы, органы земства не имѣли никакого авторитета; они только взымали налоги и платили деньги. Выборъ учителей и наблюденіе за учебной частью, эти главныя стороны въ школьномъ дѣлѣ, находились всецѣло въ рукахъ мѣстнаго инспектора; онъ, нисколько не стѣсняясь взглядами земскихъ дѣятелей, безапелляціонно рѣшалъ своей властью всѣ вопросы этого рода, причемъ дѣйствовалъ обыкновенно діаметрально противоположно желаніямъ и стремленіямъ земцовъ, не обращая никакого вниманія на ихъ протесты. А тѣ намѣки на нѣчто въ родѣ средняго образованія, которые заключались въ открытіи въ городѣ N. мужской классической прогимназіи, тоже не только не удовлетворяли южанъ, но даже вызывали въ нихъ горькіе упреки устроителямъ. Они говорили, что программа прогимназіи не даетъ не только средняго, но никакого образованія, что заведеніе это служитъ только чистилищемъ, преддверіемъ рая, совершенно недоступнаго громадному большинству по самой силѣ вещей. Чтобъ кончить курсъ въ прогимназіи, нужно проучиться шесть лѣтъ, нося сравнительно дорогой мундиръ и внося извѣстную плату, что, конечно, до-

Digitized by Google

ступно только состоятельнымъ людямъ; а что дастъ мальчику даже успѣшное окончаніе этого курса?—Только право учиться еще лѣтъ восемь или десять, право, совсѣмъ ни къ чему не пригодное громадному большинству, можетъ быть, 95-ти процентамъ; а самъ по себѣ курсъ прогимназіи не даетъ ничего кромѣ знанія латинскаго языка и незначительныхъ обрывковъ другихъ предметовъ, то-есть такія знанія, которыя не могутъ имѣть никакого практическаго значенія. Кирсановъ съ пѣной у рта указывалъ на это позорное стремленіе сдѣлать образованіе недоступнымъ для массъ, оставляя массу въ невѣжествѣ, способствовать усиленію и развитію нарождающейся изъ подонковъ общества аристократизаціи кредитнаго билета.

А къ этимъ факторамъ, въ борьбѣ съ которыми южане съ горечью и злобой сознавали свое безусловное безсиліе, присоединялся еще одинъ,—безтолковое, грязное большинство, въ лицѣ Крыловыхъ и Сидоровыхъ, съ которымъ тоже приходилось считаться, особенно на этотъ разъ. Эти люди отлично ладили и съ урядниками, и съ инспекціей, и со всѣмъ; у нихъ не могло быть и не было разногласій, такъ какъ и нравственные принципы, и точка зрѣнія на мужика у нихъ были общіе. Всѣ они стремились только къ тому, чтобы, во-первыхъ, поскорѣе и побезопаснѣе набить карманъ, а во-вторыхъ сдѣлать это набиваніе удобнымъ, сколько возможно дольше, всякими способами, не допуская мужика выйти изъ безотвѣтнаго бараньяго состоянія.

Долго шли эти невеселые разговоры, и некрасива была картина уѣзда въ глазахъ Кирсанова и его сторонниковъ. Ларинъ подъ конецъ совсѣмъ пересталъ возражать; его подавляло это безвыходное положеніе.

Вошла хозяйка и громогласно объявила, что поданъ обѣдъ. Засѣдатель незамѣтно исчезъ, а Брянцовъ улегся на одну изъ кроватей и черезъ минуту спалъ ужъ богатырскимъ сномъ.

За обѣдомъ разговоръ перешелъ на выборы. Всѣ излагали свои соображенія, причемъ немало горячились и спорили, соглашаясь только въ одномъ, а именно, что «бѣлая Арапія» на этотъ разъ сильнѣе обыкновеннаго и, того и гляди, явится единодушною, и тогда южанамъ неизбѣжный капутъ. Потребовали списокъ лицъ, имѣющихъ право участвовать въ выборахъ, и стали его разбирать по косточкамъ. Каждый сообщалъ свои наблюденія и соображенія; а Кирсановъ, вооружившись карандашемъ и листомъ бумаги, выбиралъ изъ списка тѣхъ лицъ, которыя должны были пріѣхать, и записывалъ ихъ на разныхъ

Digitized by Google

сторонахъ листа, смотря по тому, къ кому они принадлежали, къ «нашимъ» или къ противникамъ.

— Ададуровъ!—началъ онъ списокъ.—Гмъ! А что, Михаилъ Ивановичъ,—спросилъ онъ молоденькаго судью,—въ какомъ состояніи находится сей юный, и пріѣдетъ ли онъ?

— Да вѣдь у него семь пятницъ на недѣлѣ, за него отвѣчать нельзя, Петръ Александровичъ; хотѣлъ я посадить его въ свой тарантасъ да привезти сюда съ собой, такъ не поѣхалъ, говоритъ, сегодня некогда. Обѣщалъ быть завтра, если ничто не задержитъ! Разсчитывать на него, во всякомъ случаѣ, трудно.

— Гмъ! Значитъ сомнительный! Запишемъ его отдѣльно, поставимъ знакъ вопроса. Алмазовъ! Этотъ бѣлый арапъ чистѣйшей крови, и, конечно, съ двумя шарами будетъ. Такъ и отмѣтимъ. Бряновъ! А есть ли у него довѣренность? Надо спросить. Григорій Алексѣичъ?

Его съ трудомъ разбудили, но никакъ не могли добиться какого-нибудь опредѣленнаго отвѣта. Пиво сдѣлало свое дѣло.

— Бросьте его! Послѣ узнаемъ, покуда поставимъ ему единицу. Башмаковъ! Этотъ не пріѣдетъ, гдѣ ему! Башиловъ! Это что за человѣкъ? Въ первый разъ слышу!

— А это бывшій Поспѣловскій управляющій, онъ недавно Поспѣлово-то купилъ,—объяснилъ Балаузовъ.—Шельма и пролазъ первой степени. Онъ непремѣнно пріѣдетъ и шары будетъ класть съ Сидоровымъ, закадычные друзья съ нимъ!

— Значитъ, и ему навѣрное довѣренность достанутъ, запишемъ ему два! Брусиловъ! Этотъ что теперь говоритъ? Я давно его не видалъ!

— Да развѣ у него узнаешь, что онъ будетъ дѣлать? Вѣрнѣе всего, что, если пріѣдетъ, станетъ класть шары безъ всякаго толку, какъ Богъ на душу положитъ! Его ни туда, ни сюда записывать не слѣдуетъ. Я съ нимъ хорошъ, да вѣдь онъ такая балалайка, что ничего съ нимъ не подѣлаешь!

— Гмъ! Пропустимъ его! Пойдемъ дальше. Водововозовъ! Этотъ ужъ старъ, по всей вѣроятности, не будетъ совсѣмъ!

— Нѣтъ, Петръ Александровичъ; Крыловъ у него два раза былъ, даже вексель ему на полгода отсрочилъ, только чтобъ онъ пріѣхалъ. Считайте его—навѣрное будетъ!

Въ такомъ родѣ часа два продолжалось совѣщаніе. Обыкновенно, рѣшали сразу, куда записывать то или другое лицо; только по поводу немногихъ мнѣнія были несогласны. Когда списокъ былъ конченъ, оказалось, что безусловно вѣрныхъ шаровъ было не больше 25—27; а надо было ожидать, что въ выборахъ бу-

Digitized by Google

дутъ участвовать minimum 80 шаровъ. Изъ остающихся 53—55 шаровъ около 30 были несомнѣнно противники южанъ; какъ бы ни шли выборы, они, во всякомъ случаѣ, будутъ класть имъ налѣво; остальные сомнительные, какъ ихъ называлъ Кирсановъ, будутъ балансировать туда и сюда и совершенно безсознательно рѣшать своими голосами избраніе того или другого лица. На прежніе выборы большинство являлось обыкновенно небольшими, разрозненными кучками, шаровъ по пяти, рѣдко по десяти, дѣйствовавшими совершенно отдѣльно, и потому большинство сомнительныхъ присоединялись къ дружно влавшимъ шары южанамъ и помогали имъ одерживать побѣду; но нынче положеніе дѣла измѣнилось, такъ какъ нужно было ожидать, что противники соединятся вокругъ графа и оставятъ свои пререканія, чтобъ изгнать, наконецъ, ненавистныхъ имъ южанъ; а въ такомъ случаѣ слѣдовало предполагать, что и сомнительные отшатнутся отъ Кирсанова и примкнутъ къ графу. Словомъ, результатъ совѣщанія былъ не особенно благопріятенъ, приходилось готовиться къ полному пораженію.

Покончивъ со спискомъ, пріятели разошлись въ разныя стороны. Одинъ Горичевъ остался дома.

Ларинъ еще сейчасъ же послѣ обѣда пошелъ погулять и посмотрѣть на городъ. Онъ не зналъ никого и потому не могъ принять никакого участія въ совѣщаніи.

Городъ N. ничѣмъ не отличался отъ громаднаго большинства русскихъ уѣздныхъ городовъ. Въ центрѣ, на главной улицѣ, гдѣ находилась и квартира Горичева, стояло десятка два каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ была масса лѣпныхъ украшеній, причудливые фронтоны, на одномъ стояли даже какія-то невозможныя статуи, все было аляповато, грузно и не носило никакихъ признаковъ понятія объ архитектурномъ искусствѣ. Дома эти принадлежали исключительно мѣстнымъ коммерсантамъ-богачамъ. Какъ только торговый человѣкъ сколотитъ капиталъ и превратится изъ мѣщанина въ купца, такъ первымъ долгомъ считаетъ соорудить каменныя палаты, причемъ обыкновенно стремится перещеголять своихъ собратьевъ вычурностью и дороговизной постройки; на удобства сооруженія не обращается никакого вниманія, — все равно, въ «поратныхъ горницахъ» жить не будутъ, и не для житья онѣ и строятся. Удивительное это дѣло! У иного купчины домъ въ три этажа, прекрасныя, большія комнаты, богатая обстановка, а вся семья живетъ въ двухъ, трехъ конурахъ, гдѣ-нибудь подъ крышей, непремѣнно съ лежанками; весь домъ стоитъ пустой,

Digitized by Google

въ цѣлые этажи даже не входятъ по полугоду. Только разъ или два въ годъ, въ «именины» или равноспальные праздники, отпираются завѣтныя двери, снимаются чехлы съ мебели, вазъ и канделябровъ и задается пиръ на весь міръ; тутъ ужъ мѣстный негоціантъ не пожалѣетъ ничего: пусть, молъ, утираются! не ударимъ лицомъ въ грязь! На главной улицѣ была и булыжная мостовая, и деревянные тротуары, но какъ только пріѣзжій сворачивалъ съ главной улицы, такъ картина совершенно измѣнялась. Тамъ стояли покрывшіеся, вросшіе въ землю, ветхіе деревянные домишки, съ заплатными крышами и развалившимися трубами; стекла въ окнахъ перебиты и заклеены сахарной бумагой; прогнившіе подъ косяками бревна замазаны глиной, у нѣкоторыхъ даже выгнили и вывалились углы; несомнѣнно, что мѣщанское населеніе не процвѣтаетъ; особенно рѣзко бросается въ глаза эта разница постороннему наблюдателю, только что миновавшему безобразные, но дорогіе монументы, воздвигнутые купечествомъ.

Ларинъ стоялъ въ воротахъ и осматривалъ сравнительно пустынную улицу.

Рядомъ съ квартирой Горичева находилось убѣжище россійскаго гражданина и въ горѣ и въ радости; загаженная мухами стеклянная дверь съ синими занавѣсками изнутри выходила прямо на улицу. Напротивъ стоялъ большой каменный купеческій домъ съ лабазомъ внизу и широкими, крѣпко окованными, теперь настежь открытыми воротами сбоку. По противоположному тротуару, пошатываясь и ухмыляясь, шли три субъекта неопредѣленнаго вида, не то мастеровые, не то лодочники; они, очевидно, находились въ томъ блаженномъ состояніи, когда русскому человѣку море по колѣно и хоть трава не расти! Не доходя до воротъ, они остановились, замѣтивъ заманчивую вывѣску на противоположной сторонѣ, и, очевидно, открыли совѣщаніе, не причалить ли къ этой тихой пристани? Между тѣмъ, стеклянныя двери «заведенія» распахнулись и изъ нихъ вышелъ на улицу рыжій мужчина въ коричневомъ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ, обѣими руками бережно обнимавшій высокую, узкую корзину, въ которой находилась полуведерная бутыль зелена вина. Нетвердыми шагами сталъ онъ переходить улицу, любовно посматривая на свою ношу, и у самыхъ воротъ столкнулся съ компаніей подгулявшихъ прохожихъ. Одинъ изъ нихъ, продѣлывая подъ вліяніемъ алкоголя, очевидно, невольное мысленіе, довольно сильно толкнулъ молодца съ бутылью. Тотъ мгновенно разсвирѣпѣлъ, и, быстрымъ движеніемъ поставивъ бутыль на мостовую, махнулъ

Digitized by Google

лѣвой рукой по правой, какъ-бы засучивая рукавъ и затѣмъ ловко ударилъ въ шею все еще немогшаго справиться съ своей особой, шатавшагося и ничего не подозрѣвавшаго гуляку. Бывшіе тверже его на ногахъ сотоварищи бросились-было на обидчика; но тотъ, заревѣвъ предварительно ужаснѣйшимъ голосомъ въ ворота: ребята, нашихъ бьютъ, и сорвавъ съ головы и далеко отбросивъ шапку, немедленно сталъ въ оборонительную позицію, заслоняя своимъ тыломъ драгоцѣнную посудину и, неистово размахивая дюжими кулаками, отразилъ нападеніе и даже довольно успѣшно раскровянилъ носъ одному изъ противниковъ. Изъ воротъ, между тѣмъ, выбѣжали еще два молодца, и прохожіе обратились въ постыдное бѣгство.

— Видѣли, православные?!—ревѣлъ дѣтина съ бутылью.— Видѣли, какъ я его звѣзданулъ?! Въ самое сусло! Ловко пришлось, ажно кровь такъ и брызнула! будетъ помнить!

И дѣтина схватывалъ бутыль, ставилъ ее опять на мѣсто, срывалъ съ головы шапку, засучивалъ рукавъ и показывалъ, какъ онъ звѣзданулъ ни въ чемъ неповиннаго прохожаго. Долго продолжалась эта сцена; нѣсколько разъ показывалъ дѣтина все происшедшее отъ начала до конца къ великой радости собравшейся кругомъ разнородной публики, одобрявшей шумными возгласами его энергію и рѣшительность.

Вспомнились Ларину разсужденія Кирсанова; вспомнились и Некрасовскіе стихи:

«Одна открыта торная
Дорога къ кабаку!»

На соборной колокольнѣ протяжно и гулко ударилъ большой колоколъ; немедленно зазвонили и въ другихъ церквахъ, какъ будто дожидали только знака отъ старшаго собрата. Пять часовъ; завтра воскресенье, и благовѣстъ созывалъ горожанъ къ вечернѣ.

Изъ всѣхъ домовъ потянулась къ церкви разнокалиберная публика. Вотъ проѣхала богатая коляска на лежачихъ рессорахъ; раскормленные кони въ дорогой наборной сбруѣ; дюжій кучеръ въ кафтанѣ изъ тонкаго сукна; на разъѣвшейся купчихѣ такое обиліе шелку, бархату, оборокъ и кружевъ, что и лица не видно. Вотъ идутъ по тротуару двѣ дородныя красавицы изъ мелкаго чиновничьяго круга, въ невозможныхъ платьяхъ ярко-розоваго цвѣта; рядомъ съ ними, по улицѣ, помахивая тросточкой и галантно улыбаясь, идетъ канцелярскій Донъ-Жуанъ въ голубомъ галстукѣ съ листочками на концахъ и необычайно

Digitized by Google

высокихъ воротничкахъ; онъ «сѣшитъ» дѣвицъ, хихикающихъ въ платочекъ. Сзади плетется салопница-чиновница, съ сухимъ лицомъ, жующими губами и злыми, бѣгающими глазами; она ядовито улыбается, посматривая на идущую впереди молодежь. Мѣщанка-саешница, въ пестромъ ситцевомъ шугаѣ и съ подвязанными бѣлымъ платкомъ зубами, визгливымъ, звонкимъ голосомъ разсказываетъ про какую-то кровную обиду со стороны «золовки-чертовки» идущему съ ней рядомъ мелкому лавочнику изъ смиренныхъ; тотъ разводитъ руками и сочувственно покашливаетъ. Два франтика изъ купеческихъ прикащиковъ весело хохочутъ, громогласно обсуждая прелести какой-то Агашки; на нихъ съ укоризной и презрѣніемъ посматриваетъ степенный купецъ съ желтымъ лицомъ и длинной сѣдой бородой, въ длинноломъ сюртукѣ съ таліей ниже спины и обширномъ суконномъ картузѣ.

Медленно подвигался впередъ Ларинъ среди этой пестрой, разношерстной толпы. Всюду слышались разговоры объ обыденныхъ, житейскихъ дѣлахъ; ни разу не услыхалъ онъ слова «выборы». Черезъ четверть часа улица опустѣла; всѣ разошлись по церквамъ, и онъ, свернувъ на удачу въ одинъ изъ боковыхъ переулковъ, вышелъ на рѣку.

Довольно широкая рѣка, одна изъ самыхъ большихъ во всей средней полосѣ Россіи, огибала большой, правильной дугой весь городъ N. На крутомъ, песчаномъ, высокомъ городскомъ берегу былъ насаженъ узенькій бульваръ, обнесенный грузнымъ, безобразнымъ деревяннымъ заборомъ; чахлыя липки плохо шли на безплодномъ пескѣ. На противуположномъ берегу разстилались обширные, низменные покосы; только кое-гдѣ были они прорѣзаны поросшими густымъ, цѣпкимъ бреднякомъ оврагами, да тамъ-и-сямъ стояли большими караванами сѣнные стоги. Ларинъ вышелъ на бульваръ и сѣлъ на лавочку, поставленную на самомъ откосѣ. Внизу было причалено нѣсколько барокъ; на крайней къ берегу, свѣсивъ за бортъ ноги въ худыхъ, обтрепанныхъ лаптяхъ, сидѣлъ бурлакъ въ синей набойчатой вытертой рубахѣ, безъ шапки, и медленно и методично ѣлъ большую краюху хлѣба, по временамъ посыпая его солью изъ стоявшей рядомъ берестяной солонки. Пара худыхъ, облѣзлыхъ лошаденокъ съ обтерханными, короткими хвостами, въ мочальной запряжкѣ, стояла на кормѣ и, печально повѣсивъ уши, мирно жевала сѣно.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженяхъ ниже барокъ, гдѣ берегъ былъ отложе и гдѣ, очевидно, была городская пристань, лежало, сидѣло и ходило нѣсколько кучекъ лодочнаго люда.

Digitized by Google

Оттуда неслись звуки гармоніи, громкій смѣхъ и, по временамъ, крѣпкая, единственная въ мірѣ, русская ругань.

Ларинъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на закусывавшаго бурлака. Тотъ, наконецъ, справился со всѣй краюхой, тщательно подобралъ всѣ сконившіяся на колѣняхъ крошки, проглотилъ и ихъ и, затѣмъ, почесавшись въ разныхъ мѣстахъ, грузно поднялся съ мѣста и помолился Богу, обернувшись лицомъ къ востоку и кладя широкіе размашистые кресты и при поклонахъ изгибаясь въ самой поясницѣ. Потомъ онъ подошелъ къ лошадямъ, неизвѣстно зачѣмъ ткнулъ одну изъ нихъ въ брюхо, дернулъ за узду, пробормотавъ: у, подлая! Лошадь не сдвинулась съ мѣста и только покорно помотала хвостомъ; бурлакъ, повидимому, счелъ свои обязанности оконченными и тутъ же растянулся спать. Хотя рядомъ лежалъ цѣлый ворохъ рогожъ и порядочный запасъ сѣна, онъ не обратилъ на нихъ вниманія, легъ на голой палубѣ и черезъ минуту уже спалъ.

Между тѣмъ, на бульварѣ стала появляться гуляющая публика. Эта публика не имѣла ничего общаго съ той толпой, которую только-что видѣлъ Ларинъ на большой улицѣ; тамъ было торговое и рабочее населеніе города, тутъ—мѣстный бомондъ, очевидно, избравшій бульваръ мѣстомъ своихъ вечернихъ прогулокъ. Вотъ прошелъ молодой человѣкъ съ тщательно расчесанной бородой, въ фуражкѣ съ зеленымъ околышемъ и пенснѐ, очевидно, секретарь мирового съѣзда или судебный приставъ; онъ очень независимо раскланивается съ исправникомъ, толстымъ мужчиной съ бритымъ лицомъ и масляными глазками, и затѣмъ сейчасъ же униженно привѣтствуетъ какого-то пожилаго субъекта съ закрученными, раскрашенными усами, благороднымъ выраженіемъ лица и ухватками забубеннаго кавалерійскаго штабсъ-ротмистра старыхъ временъ. Рядомъ съ нимъ идетъ Крыловъ; густая съ сильной просѣдью борода скрываетъ короткую шею; длинное пальто какъ-то несладно сидитъ на неуклюжей фигурѣ, а масляные, безпокойные глазки такъ и бѣгаютъ по сторонамъ. Вотъ и madame Kobiline. Выскочивъ изъ графской коляски, она шумно подвигается впередъ, сопровождаемая многочисленнымъ хвостомъ поклонниковъ: тутъ и отпускной гусаръ, эффектно бряцающій шпорами и до невозможности заломившій на бокъ ухорское кепи; тутъ и одинъ изъ путейцевъ, солидный мужчина съ бѣлыми, прекрасно выхоленными руками и множествомъ дорогихъ брелоковъ на часовой цѣпочкѣ; тутъ и сынокъ городского головы, растерян-

Digitized by Google

ный юноша въ самомъ модномъ сюртучкѣ и лакированныхъ полусапожкахъ.

Уютный, коротенькій бульваръ наполняется все больше и больше; по временамъ французская фраза звучитъ въ воздухѣ, гуляющіе раскланиваются и пожимаютъ другъ другу руки, бесѣдуютъ о погодѣ, объ отличныхъ графскихъ жеребцахъ, о новой коляскѣ городского головы, объ ожидаемомъ путейцами ревизорѣ; только о выборахъ опять не услыхалъ Ларинъ ни одного слова. А его замѣтили, потихоньку шушукались, кто-бы это могъ быть, тщательно разсматривали его лицо, его костюмъ; онъ замѣтилъ нѣсколько безцеремонныхъ, любопытныхъ долгихъ взглядовъ. Онъ обозлился; а когда юркій молодой человѣкъ въ юридической фуражкѣ, которому одна изъ мѣстныхъ львицъ поручила немедленно узнать, кто такой интересный незнакомецъ, не придумалъ для этого ничего лучшаго, какъ подлетѣть къ нему и попросить спички закурить папиросу, довольно рѣзко отвѣтилъ, что не куритъ, и немедленно отправился домой.

— Что же это такое?—думалъ онъ, шагая по безлюднымъ улицамъ. — Послѣ-завтра выборы гласныхъ, самый важный фактъ въ жизни общества въ теченіе цѣлаго трехлѣтія, а никому до нихъ и дѣла никакого нѣтъ? Никто, ни одинъ человѣкъ и не заикнулся объ нихъ ни на улицѣ, ни на бульварѣ! Да какое же живое общественное дѣло возможно при такомъ индифферентизмѣ всего общества? Гдѣ же почва для такого живого дѣла? Развѣ можно разсчитывать что-нибудь сдѣлать, разъ никто этимъ дѣломъ не интересуется, разъ оно никому не нужно? Десятка два или три праздныхъ баръ, большинство которыхъ знаетъ только свои личные разсчеты, составляютъ собою все самоуправленіе уѣзда. А вѣдь въ уѣздѣ чуть-ли не полтораста тысячъ населенія. Выборы! Да то ли я видѣлъ во время выборовъ въ Европѣ, не говоря ужъ объ Америкѣ. Показать бы нашимъ земцамъ, что тамъ происходитъ въ это время!

Дома Ларинъ засталъ одного Горичева; Бряновъ недавно проснулся и ушелъ на свой заводъ, поглядѣть, какъ онъ сказалъ Горичеву, не наблудилъ ли чего-нибудь преслѣдовавшій его Николашка.

— Ну-съ,—спросилъ Горичевъ,—гдѣ вы побывали и какова вамъ показалась наша столица?

— Я крайне удивленъ тѣмъ, что видѣлъ,—отвѣчалъ Ларинъ.— Объясните мнѣ пожалуйста, Ѳедоръ Ивановичъ, неужели и всегда царствуетъ въ публикѣ такое равнодушіе къ вашему земскому

Digitized by Google

дѣлу, какое удалось мнѣ увидѣть сегодня? Вѣдь во всемъ городѣ никто и не думаетъ о выборахъ?

— Вотъ, батюшка, чего захотѣли! Я большой оптимистъ, а долженъ-таки признать, что сознанія необходимости работать для общества даже въ нашей, такъ называемой, интеллигенціи, нѣтъ ни капли, не говоря ужъ объ купечествѣ или рабочемъ людѣ! Слава Богу, что хоть личные-то интересы возбуждаются, хоть изъ-за нихъ на собранія ѣздятъ — все-таки школа для будущаго!

— Не особенно завидная школа, однако! Вѣдь такая-то школа была и прежде, когда одно дворянство съѣзжалось...

— Ну, все-таки, теперь арена пошире, дѣла побольше... Ларинъ пожалъ плечами.

Скоро въ квартиру стали набираться южане. Со всѣхъ сторонъ слетались самыя неблагопріятныя извѣстія. Оказывалось, что наѣхалъ даже такой народъ, про который давно ужъ и думать забыли, что онъ еще существуетъ на бѣломъ свѣтѣ. Противная партія, кажется, хотѣла собраться въ полномъ комплектѣ. Часовъ въ десять пріѣхалъ наконецъ и Кирсановъ.

— Ну, господа,—сейчасъ же закричалъ онъ,—побьютъ насъ жесточайшимъ манеромъ. Ловкій человѣкъ этотъ почтеннѣйшій графъ, кого, кого только онъ не выкопалъ... Полная коллекція мастодонтовъ будетъ. Наши сегодняшніе разсчеты никуда не годятся. Еще, по крайней мѣрѣ, паровъ десять нужно прибавить къ противникамъ. И единодушіе какое! Кукушкинъ съ Крыловымъ черезъ недѣлю судиться будутъ, Сидоровъ его поддѣлъ самымъ мошенническимъ образомъ, а все-таки оба теперь тамъ сидятъ и самымъ благодушнымъ образомъ бесѣдуютъ... Вотъ, Ларинъ, субъектъ-то, этотъ Кукушкинъ, не налюбуешься... Три года тому назадъ появился онъ въ первый разъ на нашемъ горизонтѣ. Ну, молодой, образованный человѣкъ, я его съ распростертыми объятіями принялъ, слава святымъ угодникамъ, думаю, нашего полку прибыло; только и полугоду не прошло, какъ онъ показалъ такіе ноготки, что только ой-ой... Теперь онъ у нихъ тамъ за прокурора, недоразумѣнія разъясняетъ и законы толкуетъ. А Кобылина какую штуку отмочила! Меня, говоритъ, удивляетъ, Петръ Александровичъ, что вы съ Михаиломъ Ивановичемъ въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ! Что-жъ тутъ, говорю, сударыня, удивительнаго? Человѣкъ онъ хорошій и работящій. Помилуйте, говоритъ, самый безнравственный человѣкъ, съ женой какъ скверно живетъ! Какъ только она это выпалила, чуть-чуть я ей не отрѣзалъ громогласно: въ чужомъ, молъ, глазу, суда-

Digitized by Google

рыня, сучокъ мы видимъ, въ своемъ не видимъ и бревна... А бревно-то тутъ же рядомъ сидитъ, да и сучковъ не мало тутъ же было... Очень ужъ мнѣ противно стало, взялъ шапку, да и въ двери... Ну что, Трусиловъ будетъ завтра, Иванъ Дмитричъ?

— Никакъ не могъ его поймать, батенька! Пропалъ куда-то!

— Скверно! Обойдутъ его бѣлые арапы. Завтра надо будетъ хорошенько похлопотать. Неужели такъ-таки и не удастся нынѣче никакой кости найти?

Опять взялись южане за списокъ и стали его исправлять. Все неутѣшительнѣе и неутѣшительнѣе оказывались итоги. Только во второмъ часу кончилось совѣщаніе и всѣ полегли спать.

X.

На другой день городъ нѣсколько оживился. Со всѣхъ концовъ его въѣзжали разнокалиберные экипажи и привезли еще болѣе разнокалиберныхъ избирателей. Южане, особенно Кирсановъ и Балаузовъ, съ самаго утра агитировали самымъ ревностнымъ образомъ; Трусилова, правда, такъ и не могли найти; потомъ оказалось, что его очень ревностно стерегли бѣлые арапы и цѣлый день не пускали съ квартиры Кобылихи; за то имъ удалось окончательно завоевать двухъ-трехъ человѣкъ изъ сомнительныхъ. Но сдѣлать главное, на что очень разсчитывалъ Кирсановъ, бросить кость въ лагерь непріятеля, не удалось; и графъ, и Кобылиха тщательно оберегали свое стадо и во-время предотвращали опасность. Впрочемъ, у южанъ оставалась еще слабая надежда на то, что бѣлые арапы не выдержатъ и подерутся въ рѣшительную минуту.

Вечеромъ сведенъ былъ окончательный итогъ и составленъ списочекъ предполагавшихся въ гласные кандидатовъ. Балансъ итога измѣнился весьма незначительно;—южане насчитывали 30 безусловно вѣрныхъ голосовъ, зато и у противниковъ прибавилось нѣсколько шаровъ. Нужно было выбрать восемнадцать человѣкъ; Ларинъ былъ включенъ въ это число. Первый долженъ былъ балотироваться Вриновъ; на немъ партіи должны были помѣряться силами. Балаузовъ ѣздилъ за нимъ на заводъ, куда тотъ отправился еще раннимъ утромъ; тамъ онъ засталъ его пьющимъ пиво съ «Николашкой» и уговорилъ его отказаться отъ дальнѣйшихъ пакостей. Вриновъ заявилъ, что онъ не полѣзетъ первымъ въ огонь,—онъ совѣтовалъ предоставить эту честь

Digitized by Google

кому-нибудь изъ противной партіи. Совѣтъ былъ принятъ, и южане порѣшили предоставить починъ своимъ противникамъ.

Насталъ, наконецъ, и день выборовъ. Они должны были происходить въ залѣ съѣзда мировыхъ судей, самой большой залѣ города; тутъ же помѣщался и городской клубъ, такъ что и буфетъ, и билліардъ, и прочія развлеченія были готовы къ услугамъ господъ избирателей. Посрединѣ обширной комнаты былъ поставленъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, обшитымъ золотой бахромой, кругомъ были разставлены стулья для членовъ коммиссіи и кресло для предсѣдателя; на краю стоялъ балотировочный ящикъ и тарелка съ шарами. Горичевъ, въ бѣломъ жилетѣ и шитомъ предводительскомъ мундирѣ, замѣтно взволнованный и блѣдный посматривалъ на часы и отмѣчалъ въ спискѣ ежеминутно прибывавшихъ избирателей. Къ одиннадцати часамъ зала была почти полна — и Господи Боже мой, какого только народу тутъ не было!

Южане составляли плотную, сомкнутую группу.

Могучая фигура Брянова, одѣвшаго крахмаленную рубашку и галстухъ, такъ и бросалась въ глаза. Кромѣ знакомыхъ ужъ намъ лицъ, было тутъ человѣкъ десять новыхъ, пріѣхавшихъ только ночью. Маленькій, совсѣмъ почти лысый блондинъ такъ и юлилъ вокругъ Кирсанова; — онъ былъ когда-то блестящимъ гвардейскимъ кавалеристомъ и по утрамъ занимался «дѣлами», то-есть перепиской старыхъ векселей и составленіемъ новыхъ, и, благодаря этимъ дѣламъ, скоро прожунировалъ изрядное состояніе и долженъ былъ переселиться въ уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ отъ родительскаго наслѣдія клочокъ земли въ N....ъ уѣздѣ; онъ принадлежалъ Кирсанову душой и тѣломъ и стремился попасть въ члены управы! Два молодые человѣка, родные братья, очень длинные, очень тощіе и очень безцвѣтные, просматривали данный имъ списочекъ и, казалось, заучивали, кому они будутъ класть направо и кому налѣво. Толстый, добродушный мужчина лѣтъ сорока, съ умными, лѣнивыми глазами, иронически сверкавшими изъ-подъ большихъ очковъ, осматривалъ и изучалъ публику,—это былъ редакторъ одной изъ петербургскихъ газетъ, мѣстный землевладѣлецъ и пріятель Кирсанова, случайный гость города N. Маленькій старичокъ съ бѣлыми, какъ снѣгъ, усами, въ старинномъ артиллерійскомъ мундирѣ, бесѣдовалъ съ Покровскимъ. Графъ еще не выходилъ въ залу. Онъ сидѣлъ въ дамской комнатѣ и бесѣдовалъ съ толстымъ потѣшнымъ господиномъ лѣтъ пятидесяти, бывшимъ нѣсколько

Digitized by Google

трехлѣтій предводителемъ въ N. и изгнаннымъ южанами. Онъ сопѣлъ, хрипѣлъ и харкалъ самымъ неповоротливымъ образомъ. Теперь онъ увѣрялъ въ своей преданности графа и всячески ругалъ Горячева, которому только-что трясъ руку съ маслянными глазами и трогательной улыбкой на устахъ. Въ этой же комнатѣ былъ и Крыловъ, привѣсившій, неизвѣстно зачѣмъ, къ петлицѣ своего сюртука мѣдную дворянскую медаль за двѣнадцатый годъ, — другихъ регалій у него не было, да и эту онъ какъ-то прикрывалъ рукавомъ, когда разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ избирателей. Онъ былъ красенъ и взволнованъ близостью возможности заполучить что-нибудь; по временамъ онъ съ умиленіемъ поглядывалъ на графа, рѣшительно его не замѣчавшаго. Подлѣ него стоялъ молодой человѣкъ съ роскошными кудрями и оплывшимъ, осовѣлымъ лицомъ, купившій себѣ гдѣ-то гимназическій дипломъ и служившій, неизвѣстно для чего, судьей; онъ терпѣть не могъ никакой работы, по два года не разбиралъ дѣлъ и занимался исключительно шампанскимъ, котораго выпивалъ до шести бутылокъ въ день; очень значительное наслѣдство, полученное имъ за два года передъ этимъ, все ушло на это шампанское. На одномъ изъ креселъ сидѣлъ старикъ лѣтъ шестидесяти, въ старинномъ сюртукѣ; на шеѣ у него была одна изъ тѣхъ косынокъ, которыя обезсмертилъ еще Гоголь. Онъ слылъ большимъ чудакомъ, — и дѣйствительно, теперь ужъ субъекты такого рода встрѣчаются очень рѣдко. Будучи когда-то очень богатымъ человѣкомъ, онъ спустилъ все свое состояніе самымъ изумительнымъ образомъ:—всю свою жизнь онъ заводилъ разныя затѣи, всегда безусловно неразумныя. Одной изъ послѣднихъ было разведеніе утокъ; — онъ скупилъ всѣхъ нернатыхъ этого рода на пространствѣ трехсотъ верстъ и въ теченіе зимы скормилъ имъ весь свой хлѣбъ,—а весной всѣ онѣ передохли, такъ какъ во всей усадьбѣ не было воды, кромѣ колодцева. Съ старикомъ разговаривалъ небольшого роста мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ іудейскимъ лицомъ и гнусавымъ акцентомъ.—Это былъ большой либералъ на словахъ, безобразный эксплуататоръ на дѣлѣ. За его стуломъ помѣщался когда-то подававшій надежды Кукушкинъ, маленькій, красивый юноша, съ вертлявыми манерами и юркими руками.

Въ углу сидѣли два брата Березины, пожилые и на видъ солидные люди. Одинъ изъ нихъ, съ роскошной темнорусой бородой и заплывшими большими глазами, считался когда-то умнымъ человѣкомъ; но въ послѣднее время жилъ безвыѣздно въ деревнѣ и безобразно пилъ водку. Балаузовъ разсказывалъ про

Digitized by Google

него, что, однажды, пораженный тѣмъ, какъ онъ скоро растолстѣлъ, онъ спросилъ его: отчего это, батюшка, вы такъ непомѣрно пополнѣли? Березинъ, поглаживая свою бороду, отвѣчалъ лаконически: отъ водки, началъ пить! Черезъ полгода онъ внезапно похудѣлъ и на вопросъ, отчего это съ нимъ случилось, такие лаконически отвѣчалъ: отъ водки, бросилъ пить! Въ послѣднее время про него рѣшили единогласно, что онъ обросъ мохомъ и никуда ужъ больше не годится. Младшій братъ былъ безцвѣтный господинъ съ испуганнымъ лицомъ, много разъ окончательно прогоравшій и какимъ-то чудомъ воскресавшій изъ пепла.

Въ одномъ изъ угловъ залы собралось купечество. Головой выше всѣхъ и, по крайней мѣрѣ, на полтора аршина пошире въ окружности былъ Митроха Жеребцовъ, богатѣйшій негоціантъ, впрочемъ, давнымъ давно ничѣмъ не торговавшій. Обрюзглая, мясистая, красная и лоснящаяся, какъ хорошо вычищенный мѣдный кубъ, физіономія сидѣла на жирной, короткой шеѣ; залитая виномъ рубашка торчкомъ стояла на груди, а просторный сюртукъ далеко не обхватывалъ объемистаго туловища. Отецъ его, начавъ торговлю съ пуговокъ и тесемокъ, перешелъ къ лѣснымъ дѣламъ и, уничтожая дачу за дачей, въ пятьдесятъ лѣтъ сколотилъ громадное состояніе, оцѣнивавшееся въ нѣсколько милліоновъ. Митроха по смерти тятеньки прикрылъ торговлю и занялся исключительно прожигательствомъ жизни на купецкій ладъ. Онъ—гроза города N. Неглупый и смѣтливый отъ природы, онъ отлично понимаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и что можетъ себѣ позволить въ извѣстныхъ случаяхъ,—хотя скандальная хроника города полна сказаніями о его подвигахъ, онъ еще ни разу не заходилъ такъ далеко, чтобъ попасть въ кутузку. И сегодня онъ ужъ «клюкнувши», но покуда держитъ себя вполнѣ прилично. У окна, сзади Жеребцова, стоялъ Гузѣевъ, маленькій плотненькій купчикъ въ европейскомъ костюмѣ новѣйшаго покроя. Про его отца разсказывали, что онъ скормилъ мышамъ на сто тысячъ кредитныхъ билетовъ и серій;—сыномъ, по части скаредности, пошелъ по стопамъ тятеньки и выбѣгалъ по базарнымъ днямъ версты за двѣ за городъ, чтобы скупать у пріѣзжавшихъ на базаръ мужиковъ муку и овесъ и перепродавать ихъ потомъ съ барышемъ своимъ же согражданамъ. Онъ держалъ за пуговицу и разсказывалъ что-то красному, дородному, почтенному мужчинѣ въ купеческомъ долгополомъ сюртукѣ и прическѣ à la moujik, внимательно его слушавшему и, по временамъ, отиравшему потъ клѣтчатымъ платкомъ. Три купца изъ смиренныхъ, въ купеческихъ костюмахъ,

Digitized by Google

сидѣли рядкомъ у стѣнки, сложивъ руки на колѣняхъ и безучастно посматривая на толкотню.

Въ дверяхъ, ведшихъ изъ залы во внутреннія комнаты, стоялъ толстый помѣщикъ въ сѣренькомъ пиджакѣ, съ круглой, какъ луна, лысой головой и гладко выбритымъ лицомъ. Онъ поминутно улыбался, широкой, добродушной улыбкой, раскланивался со всѣми и, очевидно, не принадлежалъ ни къ какой партіи—добрякъ будетъ класть направо всѣмъ и каждому.

У входныхъ изъ прихожей дверей кучкой стояли крестьяне, кто въ синей, кто въ сѣрой поддевкѣ. Сѣрые кряхтѣли и почесывались, — они чувствовали себя очень неловко въ этой обстановкѣ; синіе глядѣли бойчѣе, а одинъ въ пиджакѣ перешептывался съ Сидоровымъ, такъ и юлившимъ въ залѣ и перебѣгавшимъ поминутно отъ купцовъ къ крестьянамъ, отъ крестьянъ къ кому-нибудь изъ баръ своей партіи;—онъ былъ очень возбужденъ и хлопоталъ изо всѣхъ силъ.

Въ билліардной тоже собралась многочисленная публика. Два избирателя, совершенно равнодушные по части убѣжденій люди, еще съ десяти часовъ «рѣзались» на билліардѣ, подкрѣпляясь по временамъ рюмочкой очищеннаго. Они были вполнѣ погружены въ свое занятіе и, должно быть, совсѣмъ забыли, зачѣмъ они сюда явились. Зрители, преимущественно изъ мелкотравчатыхъ, приведенныхъ кѣмъ-нибудь изъ воротилъ, обсуждали удары и тоже, повидимому, совершенно индифферентно относились къ тому, что происходило въ залѣ.

Наконецъ, Горичевъ громко позвонилъ. Всѣ встрепенулись и потянулись изъ боковыхъ комнатъ въ залу. Жужжаніе и говоръ прекратились и только удары билліардныхъ шаровъ рѣзко и отчетливо отдавались въ наступившей тишинѣ.

Графъ не благоразсудилъ узнать Ларина. Дѣло въ томъ, что вчера Крыловъ, разузнавъ объ его прошломъ, сообщилъ своему патрону о предполагаемой неблагонадежности молодого человѣка, причемъ присовокупилъ, что врядъ ли не получилъ уже исправникъ конфиденціальнаго предписанія слѣдить за нимъ; это былъ чистѣйшій вымыселъ, но Крыловъ любилъ такіе вымыслы и предпочелъ пересолить въ данномъ случаѣ; — графъ ужаснулся своей неосторожности и рѣшилъ не узнавать Ларина.

Горичевъ позвонилъ еще разъ и нетвердымъ, но громкимъ голосомъ провозгласилъ:

— Имѣю честь объявить съѣздъ открытымъ. Напоминаю господамъ избирателямъ о 17-ой статьѣ положенія. Угодно будетъ

Digitized by Google

избрать коммиссію для повѣрки правъ господъ, прибывшихъ на съѣздъ избирателей?

Толпа зажужжала.

— Угодно! Незачѣмъ! Просимъ! Хотимъ! Не надо!—нестройно кричали на разные лады «господа избиратели».

— Я полагалъ бы произвести повѣрку самимъ съѣздомъ, не прибѣгая къ выбору коммиссіи!—сказалъ Кирсановъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Хотимъ коммиссію!—закричали разными голосами противники, причемъ голоса Крылова и Сидорова, во всемъ подозрѣвавшихъ подвохи, такъ и покрывали общій шумъ.

Горичевъ опять позвонилъ.

— Кто желаетъ коммиссію, прошу поднять руку!

Когда сосчитали голоса, оказалось тридцать голосовъ за коммиссію, и только двадцать противъ; противная партія ликовала.

— Кого желаетъ съѣздъ избрать въ коммиссію?

Поднялась цѣлая буря.

— Кирсанова! Крылова, Крылова! Графа, графа, графа! Кирсанова! Балаузова! Покровскаго! Графа, графа!—орали усердствовавшіе избиратели.

Съ большимъ трудомъ удалось колокольчику Горичева возстановить порядокъ.

— Господа Кирсановъ, Крыловъ, графъ Турмъ, Балаузовъ, Покровскій, пожалуйте въ коммиссію!

Вызванные усѣлись на стульяхъ кругомъ стола; только графъ выдвинулся впередъ и довольно твердо сказалъ:

— Я весьма благодаренъ съѣзду за оказанную имъ мнѣ честь, но долженъ отъ нея отказаться, такъ какъ весьма мало знакомъ съ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ и едва ли могу быть полезенъ!

— Просимъ! Просимъ! будете полезны! Ваше сіятельство!—закричали изъ разныхъ концовъ особенно-преданные. Сидоровъ приложилъ руки къ сердцу.

— Нѣтъ, господа, не могу!—и графъ выскользнулъ въ другую комнату.

— Угодно съѣзду избрать еще кого-нибудь?

— Довольно! Незачѣмъ больше! будетъ! Довольно!—кричали сзади.

— Съѣздъ приступитъ къ повѣркѣ полномочій!—сейчасъ же объявилъ Горичевъ.

Такимъ образомъ, въ коммиссіи оказалось трое южанъ и только одинъ бѣлый арапъ. Куншткомъ не удался; Крыловъ съежился и

Digitized by Google

повѣсилъ носъ, а Кирсановъ пожалъ плечами и весьма выразительно посмотрѣлъ на него.

Началась разборка полномочій. Съ особеннымъ тщаніемъ разсматривались довѣренности на второй шаръ, предъявленныя большинствомъ прибывшихъ. Были тутъ довѣренности, явленныя у нотаріусовъ, въ полиціи, даже въ волостныхъ правленіяхъ; были и такія, которыя нигдѣ не были явлены, а подпись выдавшаго ихъ лица удостовѣрялась двумя или болѣе свидѣтелями. Статьи положенія, касавшіяся этого вопроса, комментировались самымъ широкимъ образомъ, смотря по тому, какъ было нужно; а такъ какъ большинство коммиссіи, руководимое Кирсановымъ, старалось твердо держаться почвы закона, то разрѣшеніе невыгодныхъ для «бѣлой Аравіи» вопросовъ немедленно переносилось на усмотрѣніе съѣзда. Въ концѣ-концовъ оказалось, что коммиссія была дѣйствительно совершенно излишней; — чуть дѣло шло на споръ, призывался на помощь съѣздъ, разрѣшавшій всѣ недоумѣнія въ пользу этой партіи. Когда повѣрка была окончена и записаны постановленія, оказалось, что было принято нѣсколько діаметрально противоположныхъ одно другому рѣшеній; но ликовавшее большинство не обратило на это никакого вниманія, полагая, конечно, что сильный всегда правъ. Когда сосчитали голоса, вышло, что на съѣздъ прибыли 55 избирателей съ 85 шарами.

— Съѣздъ приступилъ къ балотировкѣ, — провозгласилъ Горичевъ, когда списки были окончены и написаны. — Угодно балотировать по списку?

— По списку, по списку! — закричали въ разныхъ мѣстахъ залы.

Однако, балотировка по списку не пошла. Стоявшіе въ его началѣ отказывались одинъ за другимъ. Долго упрашивали графа, — но и онъ отказался. Никому не хотѣлось первому испытать на себѣ удовольствіе прокатиться на вороныхъ. Наконецъ, «бѣлые арапы» обступили Крылова и уговорили его; красный, съ синими пятнами на лицѣ, онъ согласился. Когда Горичевъ сосчиталъ шары, въ неизбирательномъ ящикѣ оказалось всего 35, а въ избирательномъ 50 и, кромѣ того, довольно искусно сдѣланная изъ воску косушка, положенная какимъ-нибудь шутникомъ для указанія на профессію избираемаго.

Послѣдовала минута абсолютной тишины. Всѣ, казалось, были удивлены; — публика привыкла въ теченіе многихъ лѣтъ слышать, что Крыловъ забалотированъ, а тутъ вдругъ выбранъ, да еще значительнымъ большинствомъ, если даже не считать восковой косушки!

Digitized by Google

— Ну, теперь все сволочь выбирать будутъ!—пробасилъ на всю залу сидѣвшій въ углу старшій Березинъ.

Многіе такъ и прыснули.

Когда прошелъ первый моментъ изумленія, Сидоровъ и за нимъ порядочная кучка бросились поздравлять Крылова; съ сіяющей физіономіей и полузажмуренными отъ удовольствія глазами принималъ онъ эти поздравленія и раскланивался во всѣ стороны.

Партія почуяла свою силу, и выборы пошли какъ по маслу. Всѣ, которые упорно отказывались сначала, охотно соглашались теперь, и въ теченіе какого-нибудь часа было выбрано двѣнадцать человѣкъ. Попали въ гласные и кудрявый юноша, любитель шампанскаго, и Кукушкинъ, и господинъ съ іудейскимъ видомъ, и Гузѣевъ, и Сидоровъ, и графъ,—только ни одинъ не получилъ ужъ такого большинства, какъ Крыловъ. Число избирательныхъ шаровъ все уменьшалось и уменьшалось, такъ что послѣ выбора двѣнадцатаго гласнаго, всѣхъ ужъ забалотировывали безъ всякаго милосердія. Попавшіе въ число избранныхъ мгновенно мѣняли тактику и всѣмъ послѣдующимъ клали ужъ на-лѣво;—они ревниво оберегали свои интересы и не желали пускать лишнихъ соперниковъ. Изъ южанъ не согласился балотироваться никто; ясно было, что слѣдующаго по закону числа, восемнадцати, выбрать на этомъ съѣздѣ нельзя; кромѣ того, списокъ избранныхъ былъ такъ безнадеженъ, что лучшіе изъ самихъ побѣдителей покачивали головами и сокрушались за будущее. Брановъ громко кричалъ, что изъ земскаго сундука выкрадутъ все содержимое.

Графа вызвали въ боковую комнату и уговорили его просить балотироваться Кирсанова и Балаузова, съ ручательствомъ за выборъ. Этимъ думали исправить новый составъ гласныхъ.

Кирсановъ сидѣлъ рядомъ съ Горичевымъ и потихоньку бесѣдовалъ съ нимъ, когда графъ вышелъ изъ боковой комнаты и направился къ нему. Всѣ разговоры смолкли; всѣ глаза устремились на нихъ.

Графъ обошелъ столъ и, остановившись противъ Петра Александровича, самымъ изысканнымъ и любезнымъ тономъ просилъ разрѣшить съѣзду балотировать его, упомянувъ вскользь, что онъ, графъ, ручается за выборъ.

Кирсановъ вскочилъ, поднялъ очки на лобъ и своими большими, сверкавшими отъ негодованія глазами обдалъ графа съ ногъ до головы унижающимъ, презрительнымъ взглядомъ.

— Извините, ваше сіятельство,—звонко, отчетливо заговорилъ онъ,—но я имѣю честь причислять себя къ такимъ людямъ, ко-

Digitized by Google

торые не рискнули бы смѣшаться съ тѣмъ маленькимъ, но отборнымъ обществомъ, которое сегодняшній съѣздъ почтилъ своимъ избраніемъ!

Онъ слегка поклонился и вышелъ изъ-за стола.

Графъ не нашелся, мгновенно померкъ и стушевался.

Кирсановъ взялъ свою шапку и, не обращаясь ни къ кому въ особенности, громко сказалъ:

— Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ!

Побѣдители сконфуженно переглядывались и перешептывались. Всѣ заторопились уходить по домамъ, и скоро зала опустѣла.

Долго волновалась публика въ этотъ день. На квартирѣ Горичева собралось много народу. Толковали, спорили, обсуждали дѣло со всѣхъ сторонъ. Большинство, а Балаузовъ и Покровскій въ особенности настаивали на томъ, чтобъ подать протестъ губернатору; было допущено много неправильностей и можно было разсчитывать, что выборы будутъ кассированы. Только Кирсановъ не соглашался съ этимъ. Онъ говорилъ, что постыдно вызывать къ начальству въ дѣлѣ земскаго самоуправленія, что постыдно жаловаться на самихъ себя.

— Да, господа,—говорилъ онъ,—насъ одолѣли, насъ побили, это правда. Но вѣдь нельзя же не сознаться, что насъ одолѣли не этими упущеніями, не этими двумя-тремя неправильно допущенными шарами, а безспорнымъ, несомнѣннымъ большинствомъ. Ну, выкиньте эти шары—результатъ будетъ тотъ же самый. Я даже не могу согласиться съ тѣмъ, чтобъ, de facto, шары эти были совсѣмъ неправильны; да, такія довѣренности не допускаются закономъ, но вѣдь всѣ мы знаемъ, что это дѣйствительныя довѣренности, что только вслѣдствіе невозможности онѣ не засвидѣтельствованы надлежащимъ образомъ. Избранный составъ является несомнѣннымъ выразителемъ желаній и стремленій большинства, чего же вы хотите? Всякое общество достойно того правительства, которое имъ управляетъ — это старая истина. Собирайтесь съ силами, приготовляйтесь къ будущему трехлѣтію, повѣрьте, что противники безсознательно будутъ помогать вамъ въ этомъ, но не жалуйтесь, не взывайте къ начальству!

— Да вѣдь въ три-то года, — загорячился Балаузовъ,—мы разсыплемся въ разныя стороны, и половины, можетъ быть, въ уѣздѣ не останется. Они укрѣпятся, и тогда невозможно будетъ сбить ихъ съ позиціи!

— Это отчасти вѣрно, но вѣдь что-же дѣлать? Значитъ,

Digitized by Google

нѣтъ подъ нами почвы, значитъ, не съумѣли мы сдѣлаться необходимыми, значитъ, уѣзду все равно, мы или они! Какъ хотите, господа, но я ни въ какомъ случаѣ не подпишу протеста — очень ужъ это будетъ по-дѣтски!

И Кирсановъ отправился спать.

Такъ вопросъ о протестѣ и остался нерѣшеннымъ въ этотъ вечеръ, а на другой день рано утромъ большинство желавшихъ протестовать разъѣхалось ужъ по домамъ, и такимъ образомъ противная партія несомнѣнно одержала основательную, блестящую побѣду.

XI.

Графъ ѣхалъ въ Романово, не особенно довольный своею побѣдою. Правда, онъ былъ выбранъ, и не могло быть никакого сомнѣнія, что Горичевъ не захочетъ оставаться при новомъ составѣ собранія и выйдетъ въ отставку; но, во-первыхъ, его смущало недоумѣніе многихъ, весьма почтенныхъ въ его глазахъ людей, относительно изъ рукъ вонъ плохого и ненадежнаго состава новыхъ гласныхъ, про который, не стѣсняясь его присутствіемъ, говорили: «хоть шаромъ покати, въ руки взять нечего»; во-вторыхъ, его преслѣдовали финальный взглядъ и тирада Кирсанова. И Кобылиха, и Крыловъ напрасно убѣждали его, что этой выходкѣ не слѣдуетъ придавать никакого значенія, что Кирсановъ сдѣлалъ это со злости, что провалились его планы; графъ смутно чувствовалъ, что это не совсѣмъ такъ, что въ противникѣ говорило дѣйствительное, глубокое презрѣніе; онъ чувствовалъ, что этотъ «медвѣдь», какъ онъ называлъ Кирсанова въ своихъ мысляхъ, неизмѣримо выше и чище его самого. Словомъ, онъ былъ сконфуженъ и въ самомъ скверномъ расположеніи духа.

Черезъ полчаса по пріѣздѣ ему доложили, что графиня желаетъ его видѣть. Онъ былъ удивленъ; этого никогда не случалось прежде; всегда онъ самъ посылалъ за ней, такъ какъ она не имѣла обыкновенія безпокоить его, особенно сейчасъ-же послѣ пріѣзда.

Елена вошла твердымъ шагомъ и, не подходя близко къ брату, сѣла въ кресло. Она такъ измѣнилась въ послѣдніе дни, что даже графъ былъ непріятно пораженъ.

— Что съ тобой, милая? Ты больна?

И онъ быстро подошелъ къ ней и взялъ ее за руку, наклоняясь къ ея лицу.

Digitized by Google

— Нѣтъ, я здорова, благодарю тебя. Мнѣ нужно переговорить съ тобой о многихъ серьёзныхъ вещахъ.

Она говорила тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ, смотря брату прямо въ глаза. Онъ не привыкъ къ этому тону, но, невольно подчиняясь ему, выпустилъ ея руку и сѣлъ на свое обычное мѣсто.

— Я готовъ тебя выслушать...

— Я пришла сказать тебѣ, что, несмотря на твои разсчеты, которые, à propos, я вовсе не одобряю, я не могу прекратить своихъ сношеній съ Кирсановыми. Я считаю ихъ за очень хорошихъ, честныхъ людей и вполнѣ сочувствую всѣмъ стремленіямъ и планамъ Петра Александровича.

Графъ широко раскрылъ свои холодные, наглые глаза.

— Э? Въ самомъ дѣлѣ? Очень жаль, потому что тѣмъ не менѣе ты прекратишь съ ними всякія сношенія и притомъ немедленно, съ сегодняшняго же дня...

— Я еще разъ повторяю, что не могу на это согласиться...

Графъ вскочилъ.

— Да что ты, съ ума сошла? Какое мнѣ дѣло до твоего согласія? Я просилъ тебя объ этомъ нѣсколько дней тому назадъ, а теперь я это тебѣ приказываю... Понимаешь-ли ты меня, я тебѣ приказываю это! Кирсановъ оскорбилъ меня вчера, оскорбилъ очень тяжко, и я поклялся, что нога твоя у него не будетъ...

Елена тоже встала. Она вполнѣ овладѣла своимъ волненіемъ и была холодна и рѣшительна.

— Если Петръ Александровичъ оскорбилъ васъ, — рѣзко и отчетливо заговорила она, — то навѣрное вы сами вызвали это оскорбленіе своимъ образомъ дѣйствій и своими разсчетами, которыхъ, повторяю, я не могу одобрить. Права же приказывать мнѣ и связывать меня, я за вами не признаю и буду дѣйствовать по собственному усмотрѣнію.

Графъ совсѣмъ ошалѣлъ отъ злости и удивленія. Онъ не зналъ, съ чего начать и чѣмъ «образумить дерзкую дѣвчонку».

— Да знаете-ли вы, что и Кирсанова, и всѣхъ его пріятелей, скоро вышлютъ всѣхъ, сошлютъ въ Сибирь... Онъ опасный человѣкъ, а этотъ его товарищъ, вашъ новый знакомый, ссыльнымъ оказывается, бѣглецомъ, прощалыгой...

— Остановитесь! — Елена встрепенулась, гордо выпрямилась и, сверкая глазами, подняла руку. — Я люблю господина Ларина и не позволяю вамъ говорить объ немъ въ такомъ тонѣ въ моемъ присутствіи...

Digitized by Google

Графъ позеленѣлъ и судорожно расхохотался.

— А! Вотъ какъ!—почти хрипѣлъ онъ.—Изволили полюбить каторжника, ссыльнаго...

Елена схватилась за грудь,—у ней брызнули слёзы, и она стремительно выбѣжала изъ кабинета.

Графъ, какъ съумасшедшій, метался по комнатѣ. Онъ скрипѣлъ зубами и ругался самымъ отборнымъ образомъ. Наединѣ съ самимъ собой онъ забывалъ о своемъ изяществѣ.

— Какъ? У него на глазахъ завелись такія шашни, и онъ ничего не замѣтилъ! Вотъ чѣмъ изволитъ заниматься сестрица подъ предлогомъ школы и ребятишекъ! И какъ это могло случиться? Конечно, тутъ не обошлось безъ учительницы. Само собой разумѣется! Въ ней корень всей этой исторіи. Необходимо немедленно выгнать ее вонъ—и такимъ образомъ, чтобъ она поняла это. Насолить ей по возможности. Да!

Онъ бросился къ столу, написалъ записку и потомъ сильно позвонилъ.

— Сейчасъ же послать верхового въ городъ къ госпожѣ Кобылиной! Сію же минуту!

Лакей скрылся.

Долго не могъ успокоиться разозлившійся графъ. Его такъ и трясло и, время отъ времени, онъ издавалъ какое-то рычаніе и невнятныя ругательства.

Между тѣмъ Елена, рыдая, прошла въ свою комнату и заперлась на ключъ. Три раза стучались къ ней въ теченіе вечера; одинъ разъ приходила Марья Васильевна, къ которой пріѣхалъ женихъ, получившій какое-то частное мѣсто на югѣ Россіи и требовавшій немедленной свадьбы, а два раза присылалъ просить ее къ себѣ графъ. Онъ, наконецъ, пришелъ въ себя и думалъ урезонить и уговорить сестру, но, какъ оказалось, напрасно, такъ какъ она отвѣчала, что сегодня не можетъ никого видѣть.

Елена неподвижно лежала на кушеткѣ, широко раскрывъ заплаканные, опухшіе глаза. Всѣ ея планы казались разбитыми, всѣ ея надежды—неосуществимыми... Она начинала понимать характеръ брата, она понимала, что онъ будетъ твердо стоять на своемъ, что кончились для нея свободные, спокойные дни... А Ларинъ? Не могло быть ни малѣйшей надежды, чтобы братъ согласился на этотъ бракъ. Нѣтъ! Онъ сдѣлаетъ все, чтобы помѣшать ему такъ или иначе...

И бѣдная дѣвушка рыдала и металась, сознавая свое безсиліе...

Digitized by Google

На другой день, когда верховой вернулся изъ города и привезъ оттуда большой пакетъ, графъ злорадно усмѣхнулся и приказалъ просить къ себѣ Марью Васильевну. Онъ прочелъ ей бумагу инспектора, требовавшую немедленнаго ея удаленія, и передалъ ей ея документы. На нихъ были тѣ пометы, которыя, на богатомъ выразительными идіотизмами русскомъ языкѣ, называются «волчьимъ паспортомъ». Марья Васильевна не могла не почувствовать подъ наружнымъ, холоднымъ сожалѣніемъ, съ которымъ графъ изложилъ ей все это, того злорадства и фальши, которыми онъ былъ переполненъ въ эту минуту; она, не задумываясь, сказала:

— Это была излишняя жестокость, графъ. Я и безъ того уѣзжаю завтра, за мной пріѣхалъ мой женихъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?..—прошипѣлъ графъ.

— Вы отлично понимаете, ваше сіятельство, что именно я хотѣла сказать. Позвольте поблагодарить васъ за гостепріимство и пожелать дальнѣйшихъ успѣховъ.

Графъ потерялся, скривилъ свои тонкія губы въ двусмысленную улыбку и пробормоталъ какую-то банальную фразу.

Марья Васильевна прошла прямо къ Еленѣ, все еще не выходившей изъ своей комнаты.

— Я уѣзжаю завтра, Елена!

— Куда это, Маріе?—безучастно спросила дѣвушка, не показывая своего лица.

— Я уѣзжаю въ X., въ N... губерніи.

Елена быстро обернулась и вопросительно посмотрѣла на свою подругу.

— Вчера пріѣхалъ Владиміръ, завтра наша свадьба, а сегодня я получила непрошенную отставку отъ своего мѣста.

Елена, казалось, не вполнѣ понимала, что ей говорили; Марья Васильевна еще разъ обстоятельно разсказала ей все, тщательно, впрочемъ, обходя вопросъ объ участіи графа въ этомъ неожиданномъ отъѣздѣ; она не хотѣла смущать еще болѣе разстроенную дѣвушку.

— У васъ очень нехорошій видъ, Елена.

Графиня ничего не отвѣчала. Она только судорожно схватилась за руку Марьи Васильевны и посмотрѣла на нее полными слезъ глазами.

— Пойдемте ко мнѣ, Елена! Мы погуляемъ и поболтаемъ съ Владиміромъ. Вамъ нужно выйти на воздухъ, вы ужасно блѣдны!

Она подняла дѣвушку и помогла ей одѣться. Елена маши-

Digitized by Google

нально ей повиновалась, и Боже мой, какъ болѣзненно, какъ страдальчески она улыбнулась, когда увидала въ зеркалѣ свое истомленное, поблекшее лицо!

Недолго погуляла Елена; она скоро устала и запросилась домой. Напрасно Владиміръ Александровичъ старался разсѣять ее хоть немножко; она безучастно слушала его и какъ-то принужденно улыбалась по временамъ.

Придя въ комнату Марьи Васильевны, она опустилась въ стоявшее въ уголкѣ кресло и закрыла лицо руками.

Владиміръ Александровичъ отправился къ священнику условиться относительно завтрашняго вѣнчанья и затѣмъ къ Ларину, пригласить его быть свидѣтелемъ.

Удивленный внезапностью священникъ не далъ рѣшительнаго отвѣта, просилъ обождать. Онъ сейчасъ же послалъ дьячка къ графу, узнать, не будетъ-ли его сіятельство имѣть что-нибудь противъ предполагавшейся свадьбы? Графъ, желавшій, по возможности, скорѣе отдѣлаться отъ учительницы, неизвѣстно почему обругалъ дьячка болваномъ, велѣлъ передать то же и священнику, и только послѣ этого вступленія объявилъ, что они могутъ вѣнчать кого угодно и что ему до этого нѣтъ никакого дѣла. Оробѣвшій дьячекъ чуть не кувыркомъ слетѣлъ съ лѣстницы, надѣлъ шапку, уже пройдя скверъ, и все потряхивалъ бородой и бралси руками за бока. «Ишь ты вѣдь», думалъ онъ, «сейчасъ видно, что важный баринъ! За что обругалъ?!» Священникъ, выслушавъ отвѣтъ графа и буквально переданное дьячкомъ привѣтствіе, глубокомысленно покачалъ головой и тяжело вздохнулъ, потомъ взялъ у молодого человѣка документы и сталъ записывать ихъ въ книгу. Владиміръ Александровичъ отправился въ Иволгино; Ларинъ обѣщалъ непремѣнно быть на другой день къ пяти часамъ въ церковь и просилъ снести графинѣ «записочку». Записочку эту онъ писалъ цѣлый часъ, и юноша, ничего не знавшій и не подозрѣвавшій, съ удивленіемъ смотрѣлъ на волненіе и нервную дрожь, которыхъ не могъ сдержать его хозяинъ, сидя за этой записочкой.

Возвратясь въ Романово, онъ засталъ Елену въ томъ же креслѣ и въ томъ же положеніи. Марья Васильевна сидѣла рядомъ и, казалось, охраняла обезсилѣвшую дѣвушку. Юноша пригорюнился, тихонько разсказалъ объ успѣхѣ своихъ похожденій и молча передалъ Еленѣ письмо Ларина. Она сейчасъ же встала, торопливо простилась съ молодыми людьми, ушла въ свою комнату и заперлась на ключъ.

Сидя передъ маленькимъ письменнымъ столикомъ, на кото-

Digitized by Google

ромъ горѣли двѣ свѣчи подъ зеленымъ абажуромъ, много разъ перечитывала Елена письмо Ларина. Вотъ что писалъ онъ ей:

«Съ тяжелымъ чувствомъ начинаю я это письмо, Елена. Предчувствія мои сбылись и сбылись очень рѣзко и опредѣленно. Ваше задушевное желаніе видѣть меня земскимъ человѣкомъ неосуществимо. Мы разбиты на голову и разбиты безповоротно, какъ думаетъ Кирсановъ, какъ думаю и я. Онъ ужъ запродалъ свое Покровское и уѣзжаетъ навсегда.

«Мало этого. Вашъ братъ не заблагоразсудилъ даже узнать меня на съѣздѣ. Онъ окончательно разошелся съ нами и имѣлъ весьма для себя невыгодное столкновеніе съ Петромъ Александровичемъ.

«Вотъ голые факты. Я попытаюсь теперь выяснить наше положеніе и изложить вамъ мой личный взглядъ на это положеніе.

«Я съ трудомъ разобрался въ томъ хаосѣ впечатлѣній и ощущеній, который образовался въ моемъ мозгу, благодаря этой поѣздкѣ. Я не нашелъ никакихъ признаковъ, никакихъ намековъ на самоуправленіе, на понятіе объ общественныхъ интересахъ; я нашелъ только жадную, беззастѣнчивую погоню за мѣстами и окладами. Населеніе не принимаетъ во всемъ этомъ никакого участія, оно занято исключительно своими личными, частными заботами и совершенно пассивно, индифферентно позволяетъ себя стричь тѣмъ, кто, такъ или иначе, усядется на верху. Сегодня одни, завтра другіе — не все ли ему равно? Нѣтъ, Елена, не могу я такого дѣла назвать дѣломъ общественнымъ, стоящихъ у него дѣятелей — дѣятелями общественными; при абсолютномъ отсутствіи общественнаго сознанія они — тѣ же чиновники, тѣ же бюрократы, не имѣющіе ничего общаго, никакой живой связи съ населеніемъ; они управляютъ по своему усмотрѣнію въ извѣстной сферѣ, какъ управляетъ исправникъ въ своей; населеніе какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ спокойно разыгрываетъ роль безотвѣтныхъ барановъ и безропотно подставляетъ свою привыкшую къ ярму шею!

«Мнѣ не восемнадцать лѣтъ, я не могу закрывать глазъ на то, что́ существуетъ, и окрашивать все въ тотъ цвѣтъ, который мнѣ почему-либо нуженъ. Я не придаю особеннаго значенія этимъ выборамъ, этому внѣшнему, допускаю даже, случайному проявленію общественнаго чувства; я иду дальше, я стараюсь уловить характеристику тѣхъ элементовъ, которые сдѣлали возможнымъ это проявленіе. И что же я вижу? Внизу — полнѣйшее равнодушіе массъ; вверху — безсильныя, неумѣлыя попытки

Digitized by Google

ничтожной горсти честныхъ людей и нескрываемую, хищную алчность огромнаго большинства, алчность ли себялюбія, или карманныхъ побужденій, мнѣ, въ сущности, все равно!

«Нѣтъ, Елена, не та это почва, на которой могли бы развиться и восторжествовать ваши дорогія стремленія! Горькое разочарованіе и отравляющая все существованіе неудовлетворенность, та неудовлетворенность, которая гонитъ Кирсанова, ждутъ васъ на этомъ пути; я предвижу это, и не могу рѣшиться протянуть вамъ свою руку, хотя сердце мое и сжимается отъ острой боли!

«Не скрою отъ васъ, что и меня едва ли удовлетворитъ одно личное счастье. Мы, дѣти вѣка, страдаемъ тою же болѣзнью, которая привела къ преждевременной смерти юношу въ Саисѣ. Нашъ воспаленный мозгъ, вкусившій отъ запрещеннаго плода, ищетъ лихорадочной работы, и благо тѣмъ, кто не погибаетъ въ этихъ трудныхъ, обыкновенно безплодныхъ поискахъ! Я глубоко убѣжденъ, что и вы не ушли отъ этого вліянія времени; ваша богатая натура не могла избѣжать его. Но я не сомнѣваюсь и въ томъ, что вы горько ошибаетесь и что васъ ждетъ разочарованіе! Повѣрите ли вы мнѣ?

«Правда, мое сердце дрожитъ и невольныя слезы подступаютъ къ глазамъ, когда я подумаю, что долженъ опять покинуть эти мѣста; я научился любить ихъ въ этотъ пріѣздъ и понялъ существующую между нами крѣпкую связь. Но я съумѣю подчинить это чувство требованіямъ головы; нѣтъ прочнаго счастія тамъ, гдѣ такое подчиненіе не можетъ быть достигнуто!

«Наконецъ, я не скрою отъ васъ и того, что едва ли когда-нибудь сойдусь съ вашимъ братомъ. Онъ показался мнѣ такимъ человѣкомъ, на согласіе котораго невозможно разсчитывать въ дѣлѣ нашего соединенія. Разрѣшеніе этого вопроса всецѣло зависитъ отъ васъ,—вы, конечно, не затруднитесь опредѣлить, что подсказываетъ вамъ ваше собственное сердце. Я зову васъ съ собой, Елена—неужели мы не съумѣемъ завоевать себѣ счастья?

Ларинъ».

На другой день Марья Васильевна разсказала своему жениху всѣ подробности относительно своей отставки и полученія «волчьяго паспорта», не упомянувъ о томъ, что скрыла ихъ отъ Елены. Потомъ она попросила горничную принести ея маленькій, старенькій сундучокъ и принялась укладывать свой убогій скарбъ. Юнона выскользнула изъ комнаты, постучался къ Еленѣ и съ негодованіемъ передалъ ей разсказъ своей невѣсты и не

Digitized by Google

подумавъ о томъ, какъ безчеловѣчно мучить ни въ чемъ неповинную дѣвушку, но Елена, повидимому, довольно хладнокровно выслушала повѣствованіе объ этой новой, крайне некрасивой, продѣлкѣ брата; казалось, что въ головѣ дѣвушки уже созрѣвало какое-то опредѣленное рѣшеніе.

Часа въ четыре графъ, не простившись ни съ кѣмъ, уѣхалъ въ городъ, а черезъ полчаса молодые люди отправились въ церковь, и къ чорному крыльцу подъѣхала просторная крестьянская телѣга на парѣ; на этой подводѣ должны были уѣхать молодые; сіятельный меценатъ, взбѣшенный всѣмъ происшедшимъ, счелъ излишнимъ дать хоть какой-нибудь экипажъ прожившей цѣлый годъ подъ его кровлей учительницѣ.

Елена не пошла въ церковь; графъ, знавшій, что Ларинъ будетъ тамъ, передъ отъѣздомъ прислалъ ей лаконическую записку, что онъ приказалъ священнику отложить вѣнчаніе, если графиня пожелаетъ при немъ присутствовать.

Въ телѣгу вынесли сундучокъ Марьи Васильевны, и все женское населеніе высыпало на крыльцо. Съ парадная подъѣзда вышелъ фрачный лакей и, заложивъ руки подъ фалдочки, съ саркастической улыбкой осматривалъ и телѣгу, и лошадей, и возницу.

— Эка карета-то! Только молодыхъ отъ вѣнца возить!— и онъ подмигнулъ горничной дѣвушкѣ, ходившей за Марьей Васильевной и стоявшей тутъ же, съ руками подъ фартукомъ.

— Стыдно вамъ, Филиппъ Иванычъ! Не всѣмъ же богатымъ быть! Грѣхъ надъ бѣдностью смѣяться!

Вся женская публика поддержала горничную; Марью Васильевну любили и сожалѣли объ ея отъѣздѣ.

Лакей принужденъ былъ перемѣнить тему; онъ захотѣлъ загладить непріятное впечатлѣніе и обратился къ возницѣ, что-то поправлявшему у головы коренной лошади.

— Твои лошадки-то, дядя?

— Моя, батюшка,—отвѣчалъ мужикъ, оставляя свою работу и очевидно недоумѣвая, снять шапку или нѣтъ?

— Коренная-то, надо быть, ничего...

Мужикъ оживился.

— Добра вобыла, батюшка! Что послухмяна, что умна! Милой животъ!

Горничныя хохотали; а мужикъ недоумѣвалъ, надъ чѣмъ же это онѣ смѣются?

Лакей достигъ своей цѣли и перевелъ свою бесѣду на другіе предметы.

Digitized by Google

Между тѣмъ, вѣнчаніе кончилось; Ларинъ проводилъ молодыхъ до рѣшетки сада и поспѣшно, какъ-бы убѣгая отъ сильнаго искушенія, пошелъ домой.

Весело и звонко смѣялся Владиміръ Александровичъ; отъ него такъ и вѣяло здоровымъ, хорошимъ счастьемъ. Онъ поминутно заглядывалъ въ глаза своей жены, и сколько радости и безконечной любви свѣтилось и въ этихъ глазахъ, и во всемъ, казалось, обновившемся существѣ Маріи Васильевны!

А Елена жадно слѣдила за молодыми людьми; она смотрѣла на ихъ счастливыя, веселыя лица, и ей казалось, что это счастье захватывало и толкало куда-то и ее самое...

Молодые уѣхали. Былъ ужъ седьмой часъ. Начинало смеркаться.

Скрестивъ руки на груди, медленно ходила Елена по своей комнатѣ. Вотъ пробило семь часовъ. Стало совсѣмъ темно.

Елена зажгла свѣчи, надѣла шляпку, завернулась въ длинную, темную шаль и пошла къ двери. На порогѣ она обернулась, окинула комнату долгимъ, пристальнымъ взглядомъ, потомъ затворила дверь и заперла ее на ключъ. Въ корридорѣ было совсѣмъ темно—она торопливыми, легкими шагами прошла его и спустилась по лѣстницѣ. Въ прихожей, сидя и положивъ голову на сложенныя на столѣ руки, спалъ крѣпкимъ сномъ лакей. Елена незамѣтно проскользнула мимо него, тихонько отворила выходныя двери и скрылась въ темнотѣ.

Ларинъ неподвижно полулежалъ на кушеткѣ въ своемъ кабинетѣ, закрывъ глаза рукою. Онъ надѣялся увидѣть Елену въ церкви или, по крайней мѣрѣ, получить отъ нея письмо; не случилось ни того, ни другого, и даже молодые не могли ему ничего сообщить. Онъ крѣпко безпокоился и напрасно ломалъ голову, стараясь объяснить себѣ это непонятное молчаніе.

Двѣ свѣчи на письменномъ столѣ слабо освѣщали большую комнату; въ углу стояли доставленные еще третьяго дня Скупинымъ петербургскіе ящики, все еще нераспакованные. Дверь въ темный корридоръ была отворена; и въ кабинетѣ, и во всемъ домѣ царствовала невозмутимая тишина.

Вдругъ до слуха молодого человѣка долетѣлъ скрипъ двери и легкіе шаги. Онъ приподнялся. Черезъ нѣсколько секундъ въ дверяхъ появилась стройная фигура съ большими блестящими глазами...

Онъ бросился впередъ.

Digitized by Google

— Елена!...

И онъ сжалъ въ своихъ объятіяхъ обезсилѣвшую, довѣрчиво отдававшуюся ему дѣвушку...

. . . . . .

Черезъ часъ у подъѣзда стояла знакомая намъ коляска, и Осипъ съ фонаремъ увязывалъ чемоданчикъ своего барина. Петровичъ и Христоферъ, ошалѣвшіе, ничего не понимавшіе, стояли на крыльцѣ и вопросительно глядѣли другъ другу въ глаза. Вотъ баринъ вывелъ пугливо озиравшуюся, прижимавшуюся къ нему гостью и заботливо усадилъ ее въ коляску. Петровичъ подвинулся и глухимъ голосомъ спросилъ:

— Когда назадъ ожидать прикажете?

Баринъ ничего не отвѣтилъ, крѣпко обнялъ и поцѣловалъ старика, прыгнулъ въ коляску...

— Ну, съ Богомъ, Осипъ!...

Когда выѣхали за околицу, Ларинъ обнялъ трепетавшую дѣвушку и бодрымъ голосомъ сказалъ ей:

— Божій міръ великъ, Елена, а здѣсь мы съ тобой не въ полю ягоды!

П. Тверской.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ

О

РУССКОЙ ШКОЛѢ

VI. Школа и семья [1]).

Въ школу низшую и среднюю дѣти переходятъ изъ семьи и вступаютъ во второй періодъ своей жизни. Въ этотъ періодъ продолжается физическое развитіе и начинается преобладаніе развитія разсудочнаго, образованіе идей и высшихъ понятій. Назначеніе школы — помогать этому развитію разъясненіемъ и раздѣленіемъ понятій путемъ научнымъ, въ связи съ возбужденіемъ и направленіемъ нравственныхъ силъ къ истинѣ, правдѣ, добру и прекрасному. Школа не можетъ пренебречь этой задачей и должна имѣть въ виду, что она является только на помощь семьѣ, у которой не оказывается всѣхъ средствъ, нужныхъ для дальнѣйшаго правильнаго и многосторонняго развитія ребенка. Тамъ онъ развивался впечатлѣніями отъ всей окружающей жизни; они переходили у него въ представленія, они же обращались и въ чувства, которыя управляли его поступками; накопилось у него представленій довольно, но они еще не сложились въ ясныя понятія, слѣдовательно, не образовалось и ясной связи между ними, и, конечно, сознательнаго логическаго мышленія; оно еще не подкрѣпляетъ и чувства, которое легко направляетъ и къ добру, и къ злу. Въ дальнѣйшемъ психическомъ процессѣ, для того, чтобы онъ со-

[1]) См. выше: мартъ, стр. 113.

Digitized by Google

вершился постепенно, легко и правильно, необходима уже помощь людей, которые бы съумѣли воспользоваться накопленнымъ матеріаломъ въ душѣ ребенка, прибавить къ нему то, чего недостаетъ, чтобы выяснилось то или другое понятіе, и затѣмъ уже сообщеніемъ научныхъ истинъ путемъ наблюденія и опыта постепенно доводить до понятій, болѣе общихъ и отвлеченныхъ. Это-то главное дѣло и беретъ на себя школа; но для него ей нѣтъ нужды отнимать власть у семьи и устранять ея вліяніе; напротивъ, это вліяніе, какъ и вліяніе жизни, продолжаетъ за собою сохранять воспитательное значеніе. Отсюда видно, что мы имѣемъ въ виду тѣхъ дѣтей, которымъ не приходится разрывать связь съ своею семьею и переселяться въ разные пансіоны, гдѣ берутся ихъ воспитывать чужіе люди. У насъ съ давнишняго времени практикуется такое пансіонское воспитаніе преимущественно въ привилегированныхъ классахъ. Государство само бралось воспитывать дѣтей, отъ которыхъ на то время ихъ семьи должны были отказываться. Слѣдовательно, тутъ не могло быть и рѣчи о связи семьи съ школою. Семья оставалась въ сторонѣ, а ребенокъ былъ въ полной власти пансіонскихъ и школьныхъ воспитателей. Но такое воспитаніе съ педагогической точки зрѣнія нежелательно. Оно можетъ быть оправдано только необходимостью. Въ настоящее же время, когда школы распространяются по всей русской землѣ, когда почти въ каждой семьѣ начинаетъ выясняться сознаніе необходимости посылать дѣтей въ школу, является и настоятельная нужда заняться вопросомъ объ отношеніи семьи къ школѣ или, лучше, о взаимномъ ихъ отношеніи.

Хотя на ряду съ казенными пансіонами у насъ существовали и прежде школы для приходящихъ учениковъ; но и въ нихъ былъ тотъ же взглядъ, какъ и въ первыхъ: будто бы казенныя школы есть филантропическія заведенія, за которыя должны только благодарить; если же онѣ не нравятся, то никто не мѣшаетъ не пользоваться ими: святое мѣсто не бываетъ пусто. Отсюда развилось совсѣмъ не педагогическое отношеніе между школою и семьею. Родители пріучены смотрѣть на школьныхъ педагоговъ только какъ на чиновное начальство, которое не нуждается ни въ чьихъ посторонннихъ совѣтахъ. Они могли являться въ школу какъ покорные просители, а заявлять какія-либо претензіи дозволялось развѣ только лицу, которое оффиціально поставлено на видной ступени. Всѣ же прочіе боялись своими заявленіями прогнѣвить начальство, чтобы оно не вымѣстило своего гнѣва на ученикѣ. Бывали начальства и такія, которыя вторгались въ порядки самой семьи, выдавая ученикамъ инструкціи,

Digitized by Google

какъ проводить время въ домашнемъ кругу, и такимъ образомъ хотѣли поставить учащагося въ самой семьѣ внѣ ея вліянія. Съ этими крайностями еще можно было бы примириться, если бы онѣ приводили къ настоящимъ цѣлямъ воспитанія. На самомъ же дѣлѣ, стремясь изъ члена семьи сдѣлать простого жильца или нахлѣбника, онѣ подрывали естественныя взаимныя отношенія между ними, и ставили семью въ ложное положеніе. Отсюда и въ школѣ, и въ семьѣ не развилось яснаго сознанія, что они совокупно дѣлаютъ одно и то же дѣло и притомъ такое дѣло, на которомъ рознь, такъ или иначе, непремѣнно отзовется дурно. У насъ семья насильственно подчинена школѣ, а школа стоитъ внѣ контроля семьи; ученикъ же долженъ стоять между ними въ положеніи, крайне неопредѣленномъ и часто двусмысленномъ. Съ одной стороны, онъ слышитъ въ своей семьѣ сужденія неблагопріятныя для его школы, съ другой стороны въ школѣ долженъ подчиняться распоряженіямъ, которыя не одобрялись семьею, но о которыхъ она не заявляла школѣ своего мнѣнія. Семья находитъ въ школѣ несправедливости, но вмѣсто того, чтобы заявить ей, молчитъ въ виду разныхъ опасеній за своего учащагося члена и, въ то же время, убѣждаетъ его терпѣливо выносить несправедливости, чтобы не накликать на себя какой-нибудь кары. Гдѣ же тутъ нравственное вліяніе? Не должна ли молодая натура привыкнуть къ увертливости, убѣдиться въ выгодѣ—угождать и нашимъ, и вашимъ? Никогда этого не можетъ быть, какъ скоро между школою и семьею образуются болѣе правильныя отношенія. Школа должна искать себѣ помощи въ семьѣ, призывать ее на свои совѣщанія, выслушивать ея требованія; семья же должна смотрѣть на школу какъ на свою помощницу въ дѣлѣ, которое ей ближе всего, но котораго она одна не можетъ выполнить. Отсюда и та, и другая должны признать свои права совершенно равными.

Въ настоящее время въ большинствѣ нашихъ школъ видится преобладаніе взглядовъ «Домостроя» на человѣческую натуру, что̀ показываетъ полное незнакомство съ законами духовнаго развитія и что̀ должно было случиться при невѣжественномъ отношеніи къ наукѣ о природѣ и человѣкѣ. «Домострой» думалъ, что наклонность къ злу врождена человѣку, и потому при воспитаніи необходимо всѣческими мѣрами подавлять ее и никакимъ образомъ не довѣрять ребенку, а постоянно стоять на стражѣ съ запрещеніями и съ наказаніями. Наша оффиціальная школа пошла даже дальше этого: она стала подозрѣвать и въ самыхъ родителяхъ ту же наклонность къ злу, и къ нимъ стала выка-

Digitized by Google

зывать такое же недовѣріе, какъ и къ своимъ ученикамъ. Лишая дѣтей свободнаго развитія, она хотѣла забрать въ свои руки и ихъ родителей, которымъ, скрѣпя сердце, приходилось подчиняться ей подъ угрозою исключенія дѣтей изъ училища. Вѣрная характеристика отношенія нашей школы къ ученикамъ, а черезъ нихъ и къ семьѣ, сдѣлана г. Павловымъ въ статьѣ о гимназіяхъ («Русь», № 12):

«Гимназическія правила отъ начала до конца пропитаны мелочною подозрительностью, духомъ строгой до невозможности доходящей регламентаціи. Предписывается класснымъ наставникамъ осматривать, обыскивать дѣтей при приходѣ ихъ въ гимназію, чтобы они не носили съ собою ненужныхъ для ученія или вредныхъ предметовъ, слѣдить за добронравіемъ ихъ и въ свободное время, и на улицѣ, и дома... Предписывается родителямъ ученика, если онъ захвораетъ, въ тотъ же день увѣдомлять письменно, что онъ былъ боленъ, иначе отсутствіе его сочтется самовольнымъ, а болѣзнь вымышленнымъ предлогомъ; предписываются сложныя мѣры, чтобы дѣти не скрывали отъ родителей или не поддѣлывали отмѣтокъ, выставляемыхъ въ ихъ тетрадки учителями. Предписывается чуть не настроеніе духа, въ какомъ дѣти должны находиться. Принятое въ основаніе начало недовѣрія развивается послѣдовательно: подозрительность не ограничивается дѣтьми, она распространяется и на взрослыхъ: и на родителей, и на преподавателей, и на воспитателей. Устраивается надзоръ за надзирающими, руководство для руководителей... Что же достигается? Къ сожалѣнію, прямо противоположное тому, чего желали и надѣялись достигнуть. Недовѣріе учащихъ къ учащимся, начальствующихъ къ подчиненнымъ вызываетъ недовѣріе учащихся къ учащимъ, подчиненныхъ къ начальствующимъ, порывается внутренняя нравственная связь, составляющая силу и достоинство школы; взаимное отчужденіе вносится въ дѣло, успѣхъ котораго зависитъ отъ единодушной совокупности усилій; правдивая искренность отношеній замѣняется формальною фальшью. Подозрительность создаетъ то зло, котораго безпрестанно доискивается. Предосторожности, принимаемыя, чтобы поймать дѣтей на дурныхъ мысляхъ, на обманѣ и лжи, чтобы понудить учителей къ усердію, наводятъ дѣтей на дурныя мысли, на обманъ и на ложь... Произвольно оскорбляемое чувство нравственнаго достоинства притупляется, пропадаетъ, а съ нимъ вмѣстѣ пропадаетъ и основа всего хорошаго, благороднаго. Пусть порядочный человѣкъ припомнитъ себя двѣнадцати, пятнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ и представитъ себѣ, какъ подѣйствовало бы на него,

Digitized by Google

если бы его каждый день передъ началомъ ученія обыскивали, словно завѣдомо-безчестнаго мошенника. Признаемся, намъ страшно остановиться мыслію на чувствѣ, какое должно вызвать въ неиспорченномъ мальчикѣ такое обращеніе. А такъ, однако, обращались и обращаются съ нашими дѣтьми».

Послѣ этого, зачѣмъ же было обращаться къ нѣмецкимъ педагогамъ и прикидываться, что мы уважаемъ ихъ науку, когда на дѣлѣ оказалось, что руководители нашей школы не знали даже азбуки современной педагогіи и устраивали все на перекоръ ей. Вотъ до чего можетъ дойти школа, чуждающаяся семьи и общества и отданная во власть одной партіи. Кстати, представимъ здѣсь другую характеристику, сдѣланную елизаветградскимъ земствомъ, которое отстаивало свое реальное училище отъ подновленной педагогіи «Домостроя» [1]):

«Гласное обсужденіе въ земскомъ собраніи дѣлъ училища, свободное посѣщеніе уроковъ родителями сроднили общество съ училищемъ и пріобрѣли ему уваженіе родителей, которое перешло и на дѣтей. Дѣти-ученики охотно подчинялись даже строгимъ мѣрамъ дисциплины и пріучались гордиться именемъ своего училища. Поэтому исключеніе ученика—рѣдкій случай въ жизни училища. Довѣріе общества къ школѣ особенно проявилось въ тяжелое время броженія среди молодежи: родители, опекуны, замѣчая за своими дѣтьми даже малѣйшее увлеченіе пагубными идеями, не страшась за послѣдствія, обращались непосредственно къ училищу за помощью и общими усиліями охраняли дѣтей отъ разныхъ вѣяній времени, отвлекая ихъ отъ вредныхъ или сомнительныхъ знакомствъ и доставляя занятія и развлеченія въ свободное время въ самомъ училищѣ. Усилія эти не остались безплодны; ни одинъ воспитанникъ елизаветградскаго реальнаго училища не былъ даже косвенно привлеченъ къ политическимъ процессамъ. Въ противуположность этому въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ безпорядки скрываются по большей части отъ директора и педагогическаго совѣта: родители, узнавъ что нибудь, не рѣшаются заявить о томъ директору, зная, что дѣти ихъ, въ такомъ случаѣ, непремѣнно сдѣлаются отвѣтственными или передъ начальствомъ учебнаго заведенія, или передъ своими товарищами. Поэтому-то земство и предпочитало въ теченіе долгаго періода оставлять своихъ дѣтей лучше безъ правъ, нежели безъ надзора семьи».

Итакъ, благотворность правильныхъ взаимныхъ отношеній

[1]) «Голосъ» 1880 г. № 328.

Digitized by Google

школы и семьи доказана уже на дѣлѣ, и нужно-ли послѣ этого доказывать то же самое теоретически. Мы только прибавимъ, что такія отношенія крайне желательны въ виду той пользы, какую школа должна приносить обществу. А между обществомъ и семьею существуетъ неразрывная связь, и интересы ихъ тѣсно соприкасаются, если не сливаются. И если у общества, принимающаго въ свою среду молодыхъ людей изъ школы, нельзя отнять права требовать отъ нихъ извѣстнаго умственнаго и нравственнаго развитія, то и семьѣ нельзя отказать въ правѣ слѣдить за образованіемъ своихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, когда родители платятъ за ихъ обученіе и уже этимъ покупаютъ себѣ право предъявлять школѣ свои требованія.

Выдумывать форму, въ какой должна выражаться связь семьи и школы, мы не беремся: по нашему мнѣнію она должна выработаться самою жизнью. Нужно сначала только поставить ихъ въ близкія взаимныя отношенія и найти имъ возможность часто соприкасаться другъ съ другомъ при сознаніи, что онѣ призваны дѣлать одно дѣло — воспитывать молодую натуру для разумной человѣческой жизни. Мѣстныя условія, конечно, должны будутъ имѣть вліяніе на эту форму, и уже поэтому нельзя придумывать заранѣе какой-нибудь опредѣленной формы. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ окажется удобнымъ составлять совѣты съ выборными изъ родителей учениковъ и съ депутатомъ отъ школы для разъясненія тѣхъ или другихъ ея порядковъ, совѣты, куда родители могли бы обращаться съ своими недоумѣніями, неудовольствіями и жалобами на школу; дѣло совѣта разсматривать и разбирать эти заявленія, и если онѣ окажутся основательными, то обращаться къ педагогическому совѣту школы съ просьбою обсудить ихъ и сдѣлать распоряженія, какія онъ признаетъ нужными съ педагогической точки.

Мы знаемъ, что намъ укажутъ на неразвитость бо́льшей части русскихъ семей, которыя относятся легкомысленно къ воспитанію своихъ дѣтей и даже портятъ ихъ, скажутъ, что въ дѣйствительности школѣ до сихъ поръ приходилось больше бороться съ дурными вліяніями семьи, а не вступать съ нею въ союзъ. Этотъ фактъ признаемъ и мы, но къ нему прибавляемъ, что и семьѣ нерѣдко приходилось плакать отъ школы за ея исключительно-формальное чиновническое отношеніе къ дѣлу, за ея безучастіе къ нуждамъ семьи, а иногда и за оскорбительное высокомѣріе и самомнѣніе въ непогрѣшимости. Нѣтъ спору, что наша семья, за небольшими исключеніями, доставляетъ школѣ не лучшій матеріалъ; но и школа вооружалась не тѣми сред-

Digitized by Google

ствами для борьбы, какія ей наиболѣе приличны. Она не старалась привлечь къ себѣ семьи, чтобы вызвать ихъ довѣріе и откровенность и имѣть на нихъ нравственное вліяніе; она не была такъ снисходительна къ нимъ, чтобы онѣ охотно и безъ страха прибѣгали къ ея помощи и совѣтамъ; она чаще карала ихъ черезъ дѣтей, чѣмъ руководила и направляла. За нею та вина, что она не улучшила нашей семьи; а это она могла бы сдѣлать, еслибы задавалась дѣйствительными педагогическими цѣлями. Но всѣмъ этимъ мы не хотимъ оправдывать русской семьи въ рѣзкихъ ея недостаткахъ и снимать съ нея отвѣтственности. Она у насъ деморализована во всѣхъ сословіяхъ народа отъ низшихъ до высшихъ, и главною причиною этой деморализаціи является все тотъ же историческій русскій произволъ. Онъ господствовалъ не только въ сферѣ общественной, но и семейной. Молодое поколѣніе возрастало не подъ впечатлѣніемъ опредѣленнаго семейнаго порядка, которому бы всѣ охотно въ семьѣ подчинялись и который бы имѣлъ силу закона, сдерживающаго порывы недисциплинированной натуры, но не подавляющаго личность. Въ семьѣ обыкновенно произволъ одного былъ закономъ для всѣхъ другихъ: «моему нраву не препятствуй»—былъ весь кодексъ, съ которымъ приходилось сообразоваться младшимъ членамъ семьи. Въ большинствѣ, разумѣется, господствовалъ отецъ семейства, но случалось, что въ свои руки забирала власть и какая-нибудь Простакова, и все должно было плясать по ея дудкѣ. Еще хуже, когда находила коса на камень, и произволъ одного наталкивался на произволъ другого; начинались семейные супружескіе раздоры, подъ впечатлѣніемъ отъ которыхъ и росли дѣти. Произволъ не только не допускаетъ развиться и окрѣпнуть какому-нибудь разумному порядку въ домѣ, не только подавляетъ свободное развитіе личности, но всегда соединяется съ грубою угрозою. Выростая подъ впечатлѣніемъ всей этой семейной безпорядочности, младшіе члены семьи привыкаютъ повиноваться только изъ страха, а не изъ чувства законности, котораго и не могло у нихъ развиться въ средѣ произвола. За то, почувствовавъ себя вдали отъ страха, они не знаютъ предѣловъ своей распущенности и также начинаютъ практиковать теорію «моему нраву не препятствуй». У нихъ не оказывается никакой другой сдерживающей нравственной силы, потому что всѣ дѣтскія впечатлѣнія отъ семейной жизни могли развить только понятіе о произволѣ и о подчиненіи силѣ физической.

Такимъ образомъ, въ натурахъ даровитыхъ развивалась распущенность, въ натурахъ слабыхъ являлась забитость. Обстоя-

Digitized by Google

тельства жизни еще могутъ дѣйствовать на первыхъ воспитательнымъ образомъ, а вторые навсегда остаются несчастными жертвами произвола.

Въ семьяхъ низшихъ слоевъ еще продолжаютъ сохраняться нѣкоторыя, хотя и слабыя, традиціи, которыя все-же поддерживаютъ хоть какой-нибудь порядокъ и на которыя не рѣшается покушаться и грубый произволъ. Но въ семьяхъ съ претензіей на цивилизацію они утратились или позабылись; а цивилизація болѣе внѣшняя, формальная, не въ силахъ была устранить стараго произвола, который находилъ себѣ поддержку въ произволѣ общественномъ или, лучше, служебномъ. Отсюда полная семейная безпорядочность являлась плохой воспитательной силою. Русскихъ дѣтей, обыкновенно, упрекаютъ въ невыдержанности; но выдержанность можетъ развиться только въ семьѣ, гдѣ есть свои строгіе порядки, которымъ подчиняются безпрекословно рѣшительно всѣ ея члены. Какую же выдержанность можетъ большинство русскихъ дѣтей вынести изъ своихъ семей? Впрочемъ, на нашихъ глазахъ зародились другія семьи: отцы или матери, познавъ на себѣ растлѣвающее дѣйствіе семейнаго произвола въ воспитаніи, отказались отъ него; но въ то же время почувствовали и свое безсиліе имѣть нравственный перевѣсъ надъ своими дѣтьми; они не съумѣли установить въ семьѣ тотъ крѣпкій порядокъ, который былъ бы закономъ для всѣхъ. Безпорядочность здѣсь явилась не вслѣдствіе произвола старшаго, а отъ его безхарактерности или равнодушія. Дѣти, предоставленные своей волѣ, тотчасъ же проявили и своеволіе, и свой собственный произволъ и, не сдерживаемыя ничѣмъ, сдѣлались неспособными подчиняться какому-либо порядку. Здѣсь только перемѣнились роли, но воспитаніе нисколько не выиграло. Не ясно ли, что такія семьи не могутъ воспитывать для общественной дѣятельности, которая требуетъ развитаго чувства законности и не должна допускать проявленіе какого-либо произвола? Тутъ ужъ необходимо школѣ взять на себя трудъ исправить дѣло семьи. Можетъ быть, нѣмецкая школьная педагогія и не укажетъ средства для этого, потому что самая нѣмецкая семья сложилась иначе, и отъ школы не требуется прибѣгать къ особеннымъ средствамъ, чтобы вызвать чувство, которое и безъ того выносится изъ семьи. Нѣмецкая педагогія не знаетъ нашихъ недостатковъ и на многое не отвѣтитъ намъ, на что мы предъявляемъ свои вопросы. Намъ нужно самимъ изучать и свою семью, и характеръ своего народа, чтобы внести въ свою школу воспитательныя силы, словомъ, намъ нужно выработать свою педаго-

Digitized by Google

гію. Къ сожалѣнію, изучая нѣмецкую школу, мы почти не обращали вниманія на ея зависимость отъ семьи и общества; мы могли вглядываться только въ ея педагогическую внѣшность, потому что смотрѣли на нее какъ она есть въ четырехъ стѣнахъ; это было намъ и сподручнѣе, такъ какъ требовало очень немногаго времени; но чтобъ познакомиться съ жизненными силами школы нужно прожить около нея нѣсколько мѣсяцевъ. Это уже совсѣмъ иной трудъ.

Нѣмецкій ребенокъ приходитъ въ школу не съ тѣми впечатлѣніями, съ какими является русскій, а дѣтскія впечатлѣнія составляютъ основаніе той работы, которую должна начать школа. Характеръ народа отражается и въ ребенкѣ, народная психологія, по наслѣдственности, проявляется и въ немъ. Вотъ куда должна проникнуть наша педагогія, чтобы выяснять свои задачи. Напримѣръ, русскому ребенку, за небольшимъ исключеніемъ, почти не приходится слышать отъ отца или дѣда, что онъ пользуется наслѣдственно трудомъ, накопленнымъ прежними поколѣніями; у него нѣтъ впечатлѣній отъ того вѣкового труда, который бы напоминалъ ему жизнь его прадѣдовъ. Ни онъ, ни его отецъ не знаютъ видимой связи съ прежними поколѣніями. Повторю слова, которыя разъ мнѣ пришлось высказать въ другомъ мѣстѣ: Что выпало на долю русскаго человѣка? кто живетъ въ хижинѣ своего дѣда? Она сгорѣла при его отцѣ, когда погорѣла вся деревня; съ нею сгорѣло и все домашнее имущество; пришлось заводиться вновь всѣмъ хозяйствомъ; но на-завтра и оно можетъ обратиться въ пепелъ; опять нужно особенное напряженіе силъ, чтобы обзаводиться всѣмъ необходимымъ. Многіе ли изъ русскихъ людей даже молятся въ тѣхъ церквахъ, въ которыхъ молились ихъ дѣды и прадѣды? Какое наслѣдство сохранилось отъ нихъ? Развѣ корни отъ вырубленныхъ лѣсовъ. Чѣмъ пользуются внуки отъ своихъ дѣдовъ, какой запасъ труда облегчаетъ имъ жизнь? Почти каждому приходится начинать сначала, а иногда видѣть, какъ на его глазахъ гибнутъ собственныя его работы. Развѣ одно кладбище составляетъ связь между поколѣніями, да преданія о прежнихъ невеселыхъ временахъ. Какая же идея прочности могла развиваться тутъ, какая забота о наслѣдственной передачѣ дѣтямъ и внукамъ запаса дѣдовскихъ, отцовскихъ и своихъ собственныхъ трудовъ? Терпѣливость, выносливость, а съ ними находчивость, изобрѣтательность должна сдѣлались наслѣдственными качествами русскаго человѣка. Не этимъ ли объясняется и та порывистость его духа въ дѣятельности: онъ быстро увлекается, въ нуждѣ напрягаетъ всѣ

Digitized by Google

свои силы и въ эти моменты дѣлаетъ чрезвычайно много, большой шагъ; но такое напряженіе силъ, естественно, не можетъ долго выдерживать; является утомленіе, потребность продолжительнаго отдыха, отсюда и остановка въ работѣ, или конецъ ея додѣлывается кое-какъ. Все это нужно считать наслѣдственнымъ въ русскомъ характерѣ, все это постоянно вызывалось и поддерживалось нуждою, бѣдою и наконецъ сдѣлалось отличительною чертою, которая уже стала проявляться и въ простыхъ дѣлахъ, не только въ массѣ народа, но въ большинствѣ отдѣльныхъ и весьма даровитыхъ личностей всѣхъ сословій, не исключая и интеллигентнаго класса.

Такой порывчатости нѣтъ въ нѣмецкомъ характерѣ; въ немъ больше ровности, постоянства, духъ его работаетъ медленно, упорно, неослабно, настойчиво; у него нѣтъ причины скоро утомляться, чувствовать потребность въ болѣе или менѣе продолжительномъ отдыхѣ; за то у него является усидчивость, осмотрительность и тщательность въ трудѣ; обломовщина ему непонятна, тогда какъ мы можемъ находить въ ней даже новизну. Условія и обстановка западнаго человѣка должны были непремѣнно имѣть вліяніе на настроеніе его духа. Передъ его глазами постоянно огромный запасъ труда отъ прежнихъ поколѣній: крестьянинъ живетъ въ домѣ, построенномъ его дѣдомъ или прадѣдомъ; спускается куда-нибудь въ колодцу по лѣстницѣ, которую выкладывалъ камнемъ, быть можетъ, дѣдъ его дѣда; его огородъ обнесенъ каменною стѣнкою тоже однимъ изъ его предковъ; его садъ также разведенъ не имъ; онъ ощутительно пользуется трудами своихъ предковъ и для него дѣлается обязательнымъ поддерживать ихъ работы, прибавлять къ нимъ свои и передать все вмѣстѣ своимъ дѣтямъ и внукамъ. Онъ чувствуетъ значеніе прочности труда; съ нею соединяется благосостояніе его наслѣдниковъ. Аккуратность, точность, внимательность у него уже давно обратились въ наслѣдственность и сдѣлались народною чертою характера. Мы любимъ защищать изученіе древнихъ языковъ въ школѣ указаніемъ на нѣмецкую ученую усидчивость, кропотливость и другія качества, въ полной увѣренности, что древніе языки развили ихъ. А на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, наоборотъ: эти самыя наслѣдственныя качества поддерживаютъ тамъ древніе языки, потому что пришлись по народному характеру.

Если біографы обращаются къ дѣтству великихъ людей и въ немъ отыскиваютъ впечатлѣнія, которыми потомъ объясняютъ направленіе ихъ духа въ юношескомъ и зрѣломъ возрастѣ, то

Digitized by Google

отъ чего же изъ числа воспитательныхъ впечатлѣній исключать и впечатлѣнія обыкновенныя, ежедневныя, общія, которыя тѣмъ болѣе должны имѣть вліяніе на направленіе духа всего народа. Мы твердо убѣждены, что жилища и связанныя съ ними воспоминанія имѣютъ свое значеніе въ исторіи развитія народнаго духа или въ народной психологіи. Мы даже думаемъ: натуралисты и медики могли бы доказать намъ, что и свойства напитковъ, которые постоянно употребляетъ каждый народъ и которые возбудительно дѣйствуютъ на нервы, также остается не безъ вліянія на натуру поколѣній. Русская водка и нѣмецкое пиво вѣрно дѣйствовали не одинакимъ образомъ и оставили не одинакіе наслѣдственные слѣды у народовъ.

Все это отступленіе мы сдѣлали для того, чтобы показать, съ какой стороны мы должны приняться изучать народъ, если хотимъ выяснить себѣ его психологію. Безъ этого же мы не поймемъ многихъ типическихъ особенностей нашей семьи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и не подмѣтимъ тѣхъ впечатлѣній, которыя образуютъ душу русскаго ребенка.

Нѣкоторыя семьи изъ русской интеллигенціи уже давно поставлены въ другія условія жизни и выращиваютъ дѣтей подъ другими воспитательными впечатлѣніями, но все же во многихъ изъ нихъ должны были сохраниться нѣкоторыя наслѣдственныя народныя черты, хотя иныя и въ слабой степени, особенно въ тѣхъ семьяхъ, которымъ приходилось жить въ деревняхъ и слѣдственно вызывать эти наслѣдственные слѣды тѣми же впечатлѣніями, какъ отъ природы, такъ и отъ окружающей жизни. И для нихъ пригодятся тѣ выводы, какіе наша педагогія можетъ сдѣлать изъ наблюденій надъ исторической духовной жизнью народа. Но, кромѣ того, наша интеллигентная семья накопила и свои особенности, которыя проходятъ не безъ впечатлѣнія на подростающаго ребенка.

Собственно отъ идеальной семьи, за небольшими исключеніями, очень далека и русская интеллигентная семья. Кромѣ того, что она сложилась не на основахъ равенства, подъ вліяніями старой жизни, въ ней вредно дѣйствуетъ и превратное воспитаніе, равно какъ и недостаточное образованіе матерей. Хотя у насъ и много писали объ этомъ, но непосредственно на семью все то мало подѣйствовало. Какъ ни разнообразны типы нашихъ матерей, какъ ни много хорошихъ качествъ можно найти въ нихъ, но всѣмъ имъ недостаетъ одного: онѣ не приготовлены быть матерями гражданъ по тому идеалу человѣка, который выставляется на видъ и школѣ и который связываетъ и семью, и

Digitized by Google

школу въ одно съ обществомъ и государствомъ. Собственные ихъ идеалы или продолжаютъ цѣпляться за прежнее свѣтское общество, въ которомъ частенько находили себѣ покровительство даже Молчалины, или закупориваются въ гнѣзда, которыя у нихъ называются семьями, и въ которыхъ на вѣкъ хотѣли бы удержать своихъ птенцовъ, не помышляя о томъ, что однихъ семейныхъ добродѣтелей слишкомъ мало человѣку для общественно-гражданской жизни. Такія матери думаютъ воспитать благодарныхъ дѣтей, чтобы утѣшаться ими на старости: онѣ сознаютъ свои семейныя обязанности, но не сознаютъ обязанностей общественныхъ. Многія изъ нихъ рано начинаютъ думать о томъ, какъ бы выгоднѣе *пристроить* своихъ дѣтей, но очень не многія задумываются, какимъ путемъ повести ихъ, чтобы воспитать изъ нихъ хорошихъ гражданъ. Общественное чувство у нихъ развито еще слишкомъ мало; отсюда и ихъ идеалы не поднялись на ту высоту, на которой должны стоять, чтобы семья исполнила свое настоящее призваніе — воспитывала бы человѣка на добро всѣмъ людямъ. Намъ скажутъ, что и отцы семейства не многіе могутъ блеснуть такимъ идеаломъ. Конечно, такъ; но мы говоримъ, что семью можетъ поднять только идеалъ матери. Для этого же нужно ей иное образованіе, и мы глубоко сожалѣемъ, что наша женская школа вращалась только въ вопросахъ о программахъ съ большими опасеніями, какъ бы не дать женщинѣ чего-нибудь лишняго, и не намѣтила себѣ никакого здороваго идеала. Зная, что она готовитъ будущихъ матерей, она забыла, что этимъ матерямъ придется воспитывать гражданъ, которымъ мало пользы будетъ отъ того, что ихъ мать отличалась безупречной французской орѳографіей и умѣла твердо выучивать уроки, набираясь всего по-немножку и ничего цѣлаго и основательнаго. Чтобы воспитывать человѣка, нужно не только знать его природу, но и выработать въ себѣ высшее понятіе о человѣкѣ, вотъ о чемъ должна позаботиться школа. Но безъ серьёзнаго отношенія къ наукѣ сдѣлать этого нельзя. А этого-то отношенія и нѣтъ у насъ почти ни въ какой школѣ, и нѣтъ потому, что не замѣчается вѣры въ науку. Учатъ для того, что нужно же чему-нибудь учить, если заводятся школы; отсюда и въ ученьѣ нѣтъ никакого единства, нѣтъ никакой конечной цѣли. Отсюда и странная боязнь, чтобы отъ науки не пострадали благонравіе, благочестіе, скромность, женственность и пр., и пр. Какихъ же высокихъ идеаловъ мы можемъ ожидать отъ женщины, когда самые школьные ея воспитатели думаютъ сберегать нравственныя ея качества невѣжествомъ? Какую же пользу мо-

Digitized by Google

гутъ принести наукою, когда въ нее не вѣрятъ, когда боятся, чтобъ она не развратила нравственности? Пока не будетъ вѣры въ науку, до тѣхъ поръ и образованіе женщины не будетъ плодотворно для семьи, которая ждетъ новыхъ идеаловъ. Улучшеніе нашей семьи должно выдти изъ школы. Отсюда ясно, что школа не въ правѣ и сѣтовать на семью.

А между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ семьяхъ видятся стремленія, которыя опередили школу, стремленія образовать дѣтей по новому идеалу, хотя и не вполнѣ выясненному; но сколько тутъ является ошибокъ отъ недостатка даже элементарныхъ научныхъ познаній, нужныхъ для правильнаго воспитанія; сколько неясныхъ понятій, которыя ведутъ къ непоправимому злу. Торопятся въ умственномъ развитіи дѣтей, не зная законовъ этого развитія, истощаютъ физическія ихъ силы или, вмѣсто развитія, доводятъ до отупленія; передки случаи и гибельныхъ послѣдствій отъ неумѣлости вести дѣло. Изъ этихъ же семей выходили юноши съ крайне болѣзненнымъ самолюбіемъ, которое оскорблялось отъ всякаго къ себѣ невниманія, и въ то же время совершенно не готовые на борьбу съ жизнію. При первыхъ неудачахъ она дѣлалась имъ противна, и слѣдствіе—самоубійство. Развитіе личности, вызванное прежнимъ господствомъ семейнаго произвола, не доводило вмѣстѣ съ тѣмъ до сознанія, что въ обществѣ достойнымъ образомъ проявить свою личность можно только въ борьбѣ съ произволомъ, настаивая на законѣ и внося въ жизнь идею законности. Отъ недостатка такого сознанія выказывается крайняя снисходительность къ себѣ и такая же строгость къ другимъ, что уже представляетъ не лучшіе задатки для общественной дѣятельности и что легко снова можетъ привести къ произволу.

Рѣшая теоретически вопросъ о желанной связи семьи и школы, можно выставить требованіе: школа соединяется съ семьею одною цѣлью, раздѣляя съ нею воспитательный трудъ, но такимъ образомъ, чтобъ одна не могла мѣшать другой. Практически же, при настоящемъ положеніи той и другой, весьма трудно установить правильныя отношенія между ними. Школа должна имѣть въ виду улучшать семью въ будущемъ черезъ своихъ питомцевъ; но исправлять отца и мать—эта задача ей не по силамъ, и отъ нея она должна отказаться. Современная русская школа должна сознать общіе недостатки русской семьи и пріискать воспитательныя средства ослаблять ихъ воздѣйствіемъ въ своихъ собственныхъ стѣнахъ, не вторгаясь въ семью съ своими распоряженіями. Если на семью она и можетъ дѣйствовать, то только

Digitized by Google

дружелюбными совѣтами, выслушивая отъ нея съ готовностью всѣ ея заявленія, хотя бы онѣ даже имѣли видъ жалобы на школьные порядки или неудовольствія на школу. Правильныя отношенія между семьею и школою установятся тогда, когда отцы и матери не будутъ бояться школы и въ сношеніяхъ съ нею будутъ руководствоваться полной откровенностью. Семья привяжется къ школѣ тогда, когда увидитъ безкорыстныя заботы и сердечное участіе школы въ дѣлѣ, самомъ близкомъ семьѣ. Вотъ нравственное вліяніе, какое школа можетъ имѣть на семью. Въ настоящемъ состояніи русской семьи самыя скромныя отъ нея ожиданія со стороны школы могутъ показаться идеальными. Школа должна желать принять ребенка съ здоровыми нервами, съ неразвращеннымъ воображеніемъ, съ возбужденной любознательностью, съ незабитой откровенностью, безъ наклонности ко лжи, съ привычкой къ нѣкоторому порядку. Очень немногія русскія семьи могутъ дать такихъ дѣтей. Тѣмъ болѣе школа должна позаботиться не только сохранить, но еще и развить всѣ эти качества. Для этого же ей не мало нужно поработать и надъ собою. Мы-же пока можемъ сказать только одно: чтобы въ будущемъ могли развиться правильныя, родственныя отношенія между школою и семьею и сдѣлаться значительною воспитательною силою, нужно теперь поставить ихъ въ такія условія, которыя бы свободно сближали ихъ. Пусть школа видитъ свое дополненіе въ семьѣ, а семья въ школѣ.

VII. Школа и государство.

Какіе люди нужны государству?

Исторія достаточно убѣждаетъ насъ, что государство сильно внутри и внѣ не арміями и не полиціею, а образованными и честными гражданами. Но гражданиномъ можетъ назваться только человѣкъ свободный, т.-е. такой, который признаетъ надъ собою лишь власть закона и съ самоувѣренностью и смѣло опирается на нее, когда отстаиваетъ свои права. Рабы не могутъ быть честны и даже образованы, если съ понятіемъ образованности соединять и нравственную высоту. Они могутъ быть хорошо дрессированы и даже учены; но воспитываясь и живя подъ произволомъ, они болѣе или менѣе развращены и стараются пользоваться своей ученостью только для своихъ личныхъ выгодъ.

Гражданинъ—членъ такого общества, которое имѣетъ возможность свободно развиваться подъ государственною охраною. Свободно же оно можетъ развиваться только при тѣхъ основахъ,

Digitized by Google

о которыхъ мы уже говорили: самоуправленіе, свободный трудъ, судъ при участіи своихъ членовъ, гласность, наука. Это тѣ основы, которыя уже признаны государственнымъ закономъ за русскимъ обществомъ и которыя въ будущемъ непремѣнно глубоко пустятъ свои корни въ русскую почву. Нѣтъ такого общества, нѣтъ и гражданина, а нѣтъ его, нѣтъ и достаточно людей, нужныхъ сильному государству. Государство уже немало испытало, что значитъ полагаться на людей, рабски развращенныхъ, у которыхъ нѣтъ никакой нравственной связи съ народомъ, никакой гражданской связи съ обществомъ. Оно убѣдилось, что и для него нужны люди, иначе воспитанные, одушевленные горячей любовью къ отечеству; а въ интересы отечественные входятъ не одни государственные интересы, но и общественные. Истинному патріоту и тѣ, и другіе должны быть дороги; слѣдственно, гражданское чувство составляетъ его душу. Подавите ее, пропадетъ и та живая сила, на которую государство можетъ самоувѣренно опереться во всякія невзгоды, зная, что оно будетъ защищено, не будетъ обмануто и обкрадено. Итакъ, послѣ разныхъ тяжелыхъ испытаній сдѣлалось ясно, что государству выгодно опираться на общественныя живыя силы, что для собственной силы оно должно желать, чтобы общество укрѣпилось на началахъ, изъ которыхъ развивается гражданское чувство. Скажемъ болѣе: и войско, и полиція не могутъ быть хороши и надежны, если въ нихъ нѣтъ людей съ развитымъ гражданскимъ чувствомъ.

Изъ всего этого видно, что государству нужны такіе же люди какъ и обществу, т.-е. честные развитые граждане; слѣдовательно, приготовленные хорошею школою для общественной жизни годны и для службы государственной, интересы которой долженъ понимать каждый образованный гражданинъ. Значитъ, одна и та же школа, преслѣдуя только одинъ свои педагогическія задачи, можетъ одинаково удовлетворить главнымъ нравственнымъ потребностямъ государства и общества; и въ свою очередь то и другое могутъ предъявлять школѣ одни и тѣ же требованія. И такъ, школа должна быть общая. Но въ такомъ случаѣ, кому же долженъ принадлежать высшій надзоръ надъ школою, надъ ея направленіемъ?

Исторія нашей школы показываетъ, что до сихъ поръ она находилась подъ исключительнымъ государственнымъ надзоромъ. Съ самаго начала школы государство взяло школьное образованіе въ свое вѣдѣніе и, заводя школы на свой счетъ для своихъ потребностей, считало своимъ правомъ и обязанностью направлять школы по своему усмотрѣнію. Но какъ намъ извѣстно,

Digitized by Google

наша школа никогда не процвѣтала ни въ отношеніи научномъ, ни тѣмъ болѣе нравственномъ. Педагогическая сторона ея всегда была подавлена тѣми требованіями, какія предъявляло государство, а иныхъ требованій у него не могло и быть. Не скажемъ, чтобъ оно не хотѣло имѣть честныхъ и нравственно-развитыхъ людей; нѣтъ, отъ школы и это требовалось, только она ставилась въ такія условія, при которыхъ педагогическія средства оказывались безсильными для нравственнаго развитія, а высшіе идеалы человѣка были непримѣнимы въ жизни. Государство могло управлять только черезъ свои канцеляріи, которыя въ свою очередь могли пользоваться только силами чиновниковъ; а они могли слѣдить только за внѣшнимъ порядкомъ, который и составлялъ всю педагогію. Начальственныя надъ школами лица отвѣчали за нихъ только передъ государствомъ и всегда имѣли возможность скрывать всѣ недостатки и язвы школы и разукрашать свои отчеты ложью. И въ этомъ никто не могъ ихъ обличить, такъ какъ школьная дѣятельность была дѣятельность замкнутая. Такимъ образомъ, государство всегда оказывалось слабо въ педагогическомъ дѣлѣ, да никогда и не можетъ оно быть сильнымъ, потому что черезъ своихъ агентовъ имѣетъ возможность дѣлать оцѣнку только съ одной формальной стороны; значитъ, эта сторона въ школѣ и будетъ всегда красоваться; а, между тѣмъ, педагогія имѣетъ дѣло со всей натурой человѣка, которую мертвитъ исключительная формальность. Отсюда понятно, что наша школа была лишена значенія воспитательнаго; и чѣмъ больше разныхъ кодексовъ для нея составляли въ канцеляріяхъ въ интересахъ нравственныхъ, тѣмъ болѣе эти интересы страдали въ ней и будутъ вѣчно страдать, потому что государство можетъ управлять только черезъ свои законы, требуя строгаго и точнаго ихъ выполненія, а педагогія признаетъ лишь законы психическіе и физіологическіе, требуя свободы въ ихъ примѣненіи.

Такимъ образомъ, законы, вносимые въ школу государствомъ вслѣдствіе какого-нибудь временнаго его политическаго настроенія, часто противорѣчатъ педагогическимъ требованіямъ, основаннымъ на вѣчныхъ естественныхъ законахъ, которыми только и можетъ держаться настоящая школа. И, конечно, послѣднія должны уступать первымъ, какъ силѣ, отчего и происходитъ деморализація какъ педагогическаго персонала, такъ и учащихся. При такомъ положеніи та школа можетъ назваться счастливою, во главѣ которой случайно явится человѣкъ, понимающій законы духовнаго развитія и педагогическія требованія и съумѣющій смягчить противорѣчія. Но подобные люди уже будутъ исключеніе; боль-

Digitized by Google

ничество же захочетъ выслуживаться передъ высшимъ начальствомъ, предписывающимъ законы по собственному усмотрѣнію. И вотъ, когда это начальство, вѣря донесеніямъ своихъ агентовъ, воображаетъ, что все обстоитъ благополучно, на самомъ дѣлѣ оказывается полная несостоятельность школы въ смыслѣ педагогическомъ; разными посторонними сильными вліяніями школа принуждается смотрѣть на дѣтей и юношей не какъ на живыхъ людей, которые могутъ правильно развиваться только по опредѣленнымъ неизмѣннымъ законамъ природы, а какъ на матеріалъ, надъ которымъ можно дѣлать какіе угодно эксперименты. Много ли выходитъ добра изъ этихъ опытовъ, указываетъ намъ исторія.

Итакъ, исключительную опеку государства надъ школою послѣ двухсотлѣтнихъ опытовъ должно признать несостоятельною. Она можетъ только стѣснять правильное развитіе школы, а не направлять его къ настоящимъ школьнымъ цѣлямъ, потому что у нея нѣтъ тѣхъ силъ и средствъ, какія нужны для оцѣнки живого педагогическаго дѣла.

Государство должно стать въ такое же отношеніе къ школѣ, въ какомъ издавна стоитъ къ медицинѣ. Что было бы, если бы оно вздумало предписывать медицинскому персоналу свои правила, какъ должно лѣчить людей, не справляясь даже, согласны ли эти правила съ научными законами и отнимая всякую свободу у медика. Конечно, всякому показалось бы страннымъ такое вмѣшательство въ дѣло, гдѣ имѣютъ полное значеніе наука, натура больного и свободно-мыслящій умъ доктора. Не имѣло бы тутъ силы и возраженіе, что докторъ можетъ ошибаться и морить больныхъ. Но онъ будетъ морить еще болѣе, если у него будетъ отнята свобода въ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ, если онъ будетъ поставленъ въ противорѣчіе съ своею наукою. Никто при этомъ не будетъ спорить, что необходима нѣкоторая зависимость медицины отъ государства: оно въ интересахъ народныхъ обязано поддерживать спеціальное медицинское образованіе, давать право на медицинскую практику только людямъ, къ тому подготовленнымъ, привлекать къ отвѣтственности передъ закономъ людей, злоупотребляющихъ даннымъ правомъ, и проч. Но во всемъ, что касается науки, научныхъ опытовъ, примѣненія ихъ въ дѣлѣ лѣченія не можетъ быть никакихъ стѣсненій, если хотятъ, чтобъ медицина дѣлала свое дѣло.

Государство создаетъ больницы для больныхъ, полагаясь на докторовъ и стараясь поддерживать ихъ средствами, нужными для успѣшнаго веденія ихъ дѣла. Государство создаетъ и школы для образованія народа; но и это дѣло требуетъ спеціальныхъ

Digitized by Google

научныхъ познаній; оно также основывается на наукѣ, которая также примѣняется къ отдѣльнымъ живымъ натурамъ, причемъ свободная личность педагога по отношенію къ учащимся является такою силою, какою не можетъ быть личность лекаря по отношенію къ больнымъ. Не ясно ли, что нельзя и у педагогическаго персонала отнимать свободу въ его дѣлѣ, если оно также основывается на наукѣ, нельзя ему ставить такихъ цѣлей, которыя не могутъ входить въ педагогію, нельзя ему предписывать такихъ законовъ, которые не согласуются съ нею.

Школа, какъ и больница, должна вѣряться людямъ, хорошо подготовленнымъ къ школьному дѣлу, и вмѣстѣ съ тѣмъ должна получать свободу въ своемъ развитіи. Она сама должна управляться въ своей педагогической сферѣ. За государствомъ остается право утверждать учебныя программы, и то только въ самыхъ общихъ чертахъ, нужныхъ для опредѣленія объема курса, право требовать ихъ приблизительнаго выполненія, пресѣкать судомъ открывающіяся злоупотребленія въ школахъ, подготовлять знающихъ педагоговъ, къ которымъ можно было бы относиться довѣрчиво. Но государство не должно ихъ обращать въ *казенныхъ* педагоговъ, которые держатся однихъ предписаній свыше и потому только формально относятся къ воспитанію. У всякой школы должна быть своя свобода въ выполненіи данныхъ программъ; всякая школа имѣетъ право разумно оправдывать свои дѣйствія только на основаніи педагогической науки, а не предписаній свыше, иначе она ни для кого не приготовитъ нужныхъ людей. Въ этомъ случаѣ необходимо полагаться на совѣсть выбранныхъ лицъ, для чего слѣдуетъ быть какъ можно болѣе строгимъ въ ихъ выборѣ.

Вообще нужно замѣтить, что одинъ изъ важныхъ недостатковъ у нашихъ администраторовъ есть служебное недовѣріе: высшіе члены не довѣряютъ низшимъ, ближайшимъ къ дѣлу, и не довѣряютъ безъ явной причины, какъ-бы по принципу. Отсюда является множество надзирателей надъ каждымъ настоящимъ работникомъ; но и эти надзиратели часто не пользуются довѣріемъ, и надъ ними оказывается нуженъ оберъ-надзиратель. Недостатокъ вѣры въ людскую честность свидѣтельствуетъ только о низкомъ нравственномъ уровнѣ всего общества. И никому не приходитъ въ голову, какое страшное зло для служебнаго дѣла вытекаетъ изъ этого вѣчнаго безпричиннаго подозрѣнія въ нечестности, въ своекорыстіи, въ неблагонадежности. Живое дѣло спутывается, обращается въ исполненіе одной формальности, мертвѣетъ въ рукахъ тѣхъ, которые къ нимъ приставлены, по-

Digitized by Google

тому что они не могутъ приложить къ нему свою душу, лишенные всякой самостоятельности разными опекунами, часто мало понимающими, ихъ безконечными инструкціями, наставленіями, предписаніями. Опекуны же не могутъ отказаться отъ всего этого, такъ какъ они на то и приставлены. Кому же охота слышать упрекъ въ недѣятельности? Отъ многихъ надсмотрщиковъ снимается отвѣтственность съ главнаго работника, а иногда и, наоборотъ, онъ безвинно платится за излишнее ихъ усердіе, связавшее ему руки и испортившее все дѣло. Понятно, какая развращающая сила въ служебной сферѣ должна развиваться оттого, что у насъ такъ глубоко заподозрѣна чиновническая честность. Понятно, что такое недовѣріе никогда не подниметъ служебной нравственности и всегда будетъ вѣрнымъ ручательствомъ въ неуспѣхѣ каждаго живого дѣла. Намъ пришлось бы сдѣлать большое отступленіе, если бы мы захотѣли отыскивать его причины; корни его нужно бы откапывать глубоко въ исторической почвѣ нашей жизни. Но пора намъ вырывать ихъ и убѣждаться, что безъ вѣры въ людскую честность нельзя дѣлать никакихъ общественныхъ дѣлъ. Нужно только не быть легкомысленнымъ въ выборѣ людей; но разъ они выбраны на основаніи какихъ-нибудь вѣскихъ данныхъ, будьте къ нимъ довѣрчивы, пока они сами не подадутъ повода подозрѣвать себя; тогда возьмите противъ нихъ мѣры. Но въ интересахъ самой службы откажитесь отъ огульнаго подозрѣнія.

Въ педагогическомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ въ какомъ-нибудь, приноситъ страшное зло этотъ административный нашъ недостатокъ. Здѣсь онъ двойное зло, потому что дѣйствуетъ гнетомъ на духъ педагога, а черезъ него отражается вредно и на учащихся. Выборъ членовъ въ учебный составъ школы долженъ быть очень строгъ, но въ то же время ему должно быть предоставлено право самому заботиться о своей честности и оберегать ее. Она будетъ охранена вѣрно лучше всякаго надсмотрщика извнѣ. Пусть только всѣ отвѣчаютъ за каждаго, потому что только всѣ составляютъ одно одушевленное тѣло, а оно само уже будетъ заботиться о своемъ здоровьѣ.

Опыты показали, что посылки школьныхъ контролеровъ изъ центральныхъ управленій ни къ чему не приводятъ. Эти господа обыкновенно односторонни въ своихъ сужденіяхъ и заключеніяхъ, потому что судятъ по своимъ личнымъ взглядамъ и личнымъ впечатлѣніямъ, побывавъ у того или другого преподавателя на двухъ-трехъ урокахъ; не прослѣдивъ его методу, такъ какъ это дѣло не легкое и требуетъ значительнаго времени, не

Digitized by Google

вникнувъ въ нравственное его вліяніе на учениковъ, они спѣшатъ сдѣлать свое заключеніе, а потомъ и донесеніе по начальству. И вотъ что часто случается: преподаватель, дѣйствительно хорошій, много лѣтъ выработывавшій себѣ методу и положившій свою душу въ дѣло, оказывается по ихъ взгляду негоднымъ, потому что, защищая себя, онъ позволилъ себѣ сдѣлать возраженіе противъ замѣчаній налетѣвшаго извнѣ оберъ-педагога, который хотѣлъ навязать ему свою методу, только ее и считая совершенною. Но въ глазахъ его успѣлъ выиграть другой, безъ всякаго вліянія на учениковъ, умѣющій пускать пыль въ глаза постороннему посѣтителю ловкими педагогическими штуками. И за это онъ награжденъ. Вообще посторонніе ревизоры производятъ сильный гнетъ на трудящихся въ школѣ и деморализируютъ ее. Нельзя педагогическій трудъ ставить въ зависимость отъ личнаго мнѣнія одного человѣка, который можетъ разъигрывать роль начальствующаго лица. Ревизоръ можетъ ревизовать канцелярскія книги, цѣлость имущества, гигіеническія условія школы; но умственная и нравственная стороны школьнаго воспитанія для него всегда останутся неуловимы. Съ этой стороны его ревизія не имѣетъ никакого значенія, а его донесенія выражаютъ только его личныя мнѣнія, которыя могутъ быть совершенно противоположны мнѣніямъ другого ревизора, побывавшаго въ той же школѣ. И это дѣйствительно нерѣдко случается.

Итакъ, эта форма высшаго государственнаго контроля надъ умственнымъ и нравственнымъ направленіемъ школы оказывается несостоятельною, потому что она вводитъ въ заблужденіе центральное вѣдомство и вредитъ правильному развитію школы, ставя ее въ зависимость отъ личныхъ мнѣній чужихъ лицъ, совершенно не знакомыхъ съ ея внутреннею жизнію. А другая форма, болѣе состоятельная, едва-ли можетъ найтись. Если въ этомъ случаѣ центральное управленіе оказывается безсильнымъ, то не лучше-ли ему возложить эти заботы на общество, у котораго школа и ея воспитанники, какъ настоящіе, такъ и бывшіе, всегда на виду, и которое слѣдовательно по нимъ можетъ судить и о дѣятельности самой школы. Кромѣ того, общество состоитъ изъ семействъ, которымъ, болѣе чѣмъ кому-нибудь, близка вся школьная жизнь, и никакіе порядки и мелочи въ ней не могутъ отъ нихъ укрыться. Мы не хотимъ, чтобъ общество получило право вмѣшиваться въ дѣла школы; нѣтъ, она должна быть ограждена отъ всякаго вмѣшательства; но пусть общественный голосъ составитъ для нея нравственную силу, пусть эта

Digitized by Google

сила заставляетъ школьныхъ дѣятелей слѣдить другъ за другомъ для чести школы, пусть они не считаютъ себя людьми посторонними, а причастными тому же обществу. Какъ скоро они будутъ считать себя передъ нимъ нравственно-отвѣтственными, они тѣснѣе сомкнутся между собою и сообща будутъ уже дѣлать живое дѣло, а не вдаваться въ одну мертвящую формалистику. Ихъ мысль уже не будетъ тревожима ожиданіемъ начальственныхъ ревизій, исходъ которыхъ зависитъ отъ разныхъ случайностей. Тогда и педагогическія конференціи станутъ не обременительною повинностью, которую преподаватели должны нести только по уставу, а животворящимъ духомъ школы. Тогда у нихъ всегда будетъ достаточно интересныхъ предметовъ для совѣщаній, которыя будутъ поддерживать ихъ энергію. Тогда явится у нихъ и достаточно поводовъ изучать педагогію въ широкихъ размѣрахъ, не ограничиваясь только своею узкою спеціальностью. Тогда каждый будетъ интересоваться и трудами всѣхъ другихъ, своихъ товарищей, наконецъ при совокупномъ направленіи ихъ силъ образуется то желанное единство, безъ котораго школа всегда будетъ очень далека отъ идеальнаго ея представленія. Словомъ, преподаватели, теперь замкнутые въ своихъ узкихъ спеціальностяхъ, тогда обратятся въ настоящихъ педагоговъ, которые охватываютъ всѣ стороны воспитанія. Нужно-ли доказывать, какъ много выиграетъ тогда школа. Ничего этого никогда не создастъ государственный контроль, потому что многое, что составляетъ жизнь школы, для него всегда останется неуловимымъ, да притомъ съ нимъ всегда соединяется мысль о гнетущей единоличной власти, а иногда произвола, которые въ свободномъ дѣлѣ педагога никогда не должны заявлять себя. А что дѣло педагога должно быть свободнымъ, въ томъ достаточно можетъ убѣдить насъ психологія. Впрочемъ, мы думаемъ сдѣлать этотъ предметъ однимъ изъ темъ нашихъ разсужденій.

Выгода общественнаго контроля состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что съ нимъ не соединяется никакой власти; онъ выражается въ формѣ желаній, совѣтовъ, указаній; тѣмъ не менѣе, это такая нравственная сила, которая поддерживаетъ постоянное вниманіе лица къ самому себѣ, къ своимъ обязанностямъ и дѣлаетъ его лицомъ замѣтнымъ, почтеннымъ въ обществѣ, слѣдовательно, сила, не гнетущая, а возвышающая духъ. Черезъ нея и должна развиться желанная нравственная связь между школою и обществомъ. Стремясь удовлетворять духовнымъ потребностямъ общества, школа будетъ стоять на высотѣ своего идеала, безъ котораго не можетъ быть настоящей школы, какъ она стала пред-

Digitized by Google

ставляться въ нашемъ сознаніи. Тогда она станетъ роднымъ, любимымъ и драгоцѣннымъ учрежденіемъ въ обществѣ, не переставая въ то же время отвѣчать и государственнымъ потребностямъ. Но можетъ быть, иные пойдутъ далѣе насъ и спросятъ: нужны-ли государственныя или казенныя школы? Въ такомъ случаѣ мы спросимъ: должно-ли государство заботиться о развитіи и распространеніи народнаго образованія? До сихъ поръ оно смотрѣло на это дѣло, какъ на свою обязанность, хотя нѣкоторые представители правительства и смотрѣли на нее крайне односторонне, относясь съ недовѣріемъ и подозрительно къ самой наукѣ. Но государству было бы невыгодно отказаться отъ взятаго имъ на себя дѣла, потому что оно не можетъ не быть европейскимъ государствомъ. Образованіе же въ европейскомъ смыслѣ не можетъ быть безъ науки.

Россія уже испытывала вредъ отъ стѣсненія науки, когда всѣ понятія не развивались и не возвышались, а смѣшивались, отчего больше всѣхъ пострадало государство. Оно должно было убѣдиться, что общественная нравственность есть также сила государственная, которою нельзя пренебрегать, не нанося вреда самому себѣ. А эта сила развивается и крѣпнетъ только черезъ народное образованіе. Оно же состоитъ въ тѣсной связи съ наукою, которой необходимо дать полный просторъ. Исторія насъ убѣждаетъ, что школа застывала и обращалась въ безжизненное учрежденіе тамъ, гдѣ развитію науки ставили преграды. Стѣсненіе науки есть въ то же время стѣсненіе свободнаго умственнаго труда, а свободный трудъ, между прочимъ, легъ у насъ въ основаніе гражданскаго общества и европейской жизни. Отсюда прямая выгода дать наукѣ широкое развитіе и слѣдовательно употребить всевозможныя средства для народнаго образованія. Государство испытывало, въ какое затрудненіе часто его приводило народное невѣжество, и какъ оно мѣшаетъ многимъ его важнымъ мѣрамъ. А учить народъ и стѣснять науку, значитъ стоять на колеблющейся почвѣ, на которой нельзя стоять твердо. Гибельныя слѣдствія рано или поздно выкажутся. При опасеніи передъ наукою, самое обученіе народа окажется безжизненнымъ и безполезнымъ. Итакъ, чтобы быть сильнымъ европейскимъ государствомъ, необходимо поднять народное образованіе, а для этого нужно, во-первыхъ, признать науку свободною и, во-вторыхъ, видѣть въ школѣ главное образовательное средство, слѣдовательно и поддерживать ее государственными средствами. Одно изъ такихъ средствъ—содержать на государственный счетъ общеобразовательныя и спеціальныя школы, требующія большихъ

Digitized by Google

зирать, которыхъ само общество не можетъ выдержать, слѣдовательно школы среднія и высшія. Это тѣмъ болѣе справедливо, что подати, собираемыя въ разныхъ видахъ, предназначаются на общія нужды. Но это не должно лишать школу права называться общественною. Пусть только заботы о ней раздѣлятся между государствомъ и обществомъ, и каждое возьметъ на себя то, что ему по силамъ. Цѣль ихъ обоихъ одно и то же—благо народа. Если въ этой цѣли они не расходятся, то они всегда будутъ помогать одно другому, а не мѣшать. Такъ какъ замкнутость школы всегда приносила ей нравственный вредъ и способствовала накопленію разныхъ недостатковъ, отъ которыхъ страдали ученики, то прямая выгода государства—не чуждаться общественнаго надзора, а напротивъ стараться привлечь его. Отъ дурной школы терпѣть одинаково всѣ.

Но государство не можетъ содержать всего числа потребныхъ для народа школъ и потому должно предоставить полную свободу обществамъ и частнымъ лицамъ заводить свои школы. Впрочемъ, говоря о свободѣ, мы никакъ не хотимъ сказать, чтобъ неказенная школа была освобождена отъ всякаго правительственнаго надзора. Большая часть существующихъ въ настоящее время такихъ частныхъ общеобразовательныхъ или среднихъ школъ страдаютъ, съ одной стороны, отъ крайнихъ мелочныхъ стѣсненій учебной администраціи, съ другой стороны, не чужды спекулятивнаго духа и даже шарлатанства. Частной школѣ должна быть предоставлена свобода вырабатывать свои программы, свои методы, устраивать свою внутреннюю жизнь безъ всякаго вмѣшательства какого бы ни было посторонняго чиновника. Правительственная власть должна только слѣдить, чтобы педагогическій персоналъ состоялъ изъ лицъ, имѣющихъ право на педагогическую практику, и отнимать это право, какъ скоро по суду кто-либо окажется недостойнымъ носить званіе наставника; предосудительное поведеніе, пьянство теперь нерѣдко встрѣтить въ людяхъ, занимающихся частной практикой. Все остальное слѣдуетъ предоставить надзору общества и семьямъ, которыя имѣютъ дѣло съ частными школами. Для этого хорошо было бы дать право городскому обществу учреждать изъ своихъ выборныхъ постоянные училищные комитеты или совѣты, которые бы принимали жалобы родителей на частныя школы, несоотвѣтствующія своему назначенію. Провѣривъ факты, комитетъ могъ бы выставлять ихъ на видъ данной школѣ, прибѣгать къ гласности и даже призывать виноватаго къ суду; рѣшеніе же суда представлять правительственной власти, которая, конечно, будетъ брать свои мѣры,

Digitized by Google

чтобы навсегда прекратить злоупотребленія. Такой надзоръ, намъ кажется, будетъ дѣйствительнѣе нынѣшняго инспекторскаго надзора, отъ котораго ускользаетъ шарлатанская эксплуатація родителей. Инспекторъ, въ качествѣ правительственнаго лица, могъ бы быть также и членомъ училищнаго комитета. Какъ бы то ни было, но необходимо оградить неопытныхъ и несвѣдущихъ родителей отъ недобросовѣстности и шарлатанства, которое особенно стало развиваться въ частныхъ школахъ (конечно, не во всѣхъ) съ того времени, какъ имъ стали доступны права на поступленіе учениковъ съ ихъ аттестатами въ высшія школы. Устранить отъ дѣла такихъ нечестныхъ эксплуататоровъ могутъ только соединенныя силы правительства и общества.

Право частной школы — переводить своихъ учениковъ, кончившихъ курсъ, въ высшія или спеціальныя учебныя заведенія безъ новаго экзамена въ стѣнахъ казенной школы — существенно важное право, безъ котораго она почти не можетъ существовать: большая часть состоятельныхъ отцовъ хочетъ провести своихъ сыновей черезъ высшія заведенія, чтобы приготовить имъ болѣе широкую дорогу въ жизни. Подвергать же ихъ экзаменамъ внѣ того училища, гдѣ они воспитывались, неохотно соглашаются, такъ какъ успѣхъ такихъ экзаменовъ очень часто зависитъ отъ случайностей, которыхъ всякому хочется избѣжать.

Безъ сказаннаго права частная школа обращается въ приготовительное заведеніе, гдѣ берутся приготовлять дѣтей въ какой-нибудь классъ того или другого казеннаго училища. Она уже дѣлается спекулятивнымъ заведеніемъ и теряетъ свое педагогическое значеніе. Въ ней воспитательная цѣль пропадаетъ, а главная забота — наполнить голову ученика тѣмъ, что выставлено въ программѣ такой-то казенной школы. Если такія заведенія приносятъ нѣкоторую практическую пользу иным семьямъ, за то собственно для воспитательнаго дѣла онѣ не столько полезны, сколько вредны. Онѣ дѣлаютъ то, чего отъ нихъ требуютъ хорошоплатящіе отцы, и считаютъ своею честью успѣшные казенные экзамены своихъ учениковъ. До всего же прочаго, что хорошая школа должна имѣть въ виду, никому нѣтъ дѣла. И это очень естественно. Такихъ спекулятивныхъ школъ педагогъ по призванію заводить не будетъ, а школа образовательная, поставленная на здравыхъ педагогическихъ основахъ, существовать не можетъ, потому что она не будетъ наполняться настолько, чтобы окупать свое содержаніе. А между тѣмъ, у насъ большая нужда именно въ такихъ школахъ, такъ какъ казенныхъ школъ недостаточно, и состоятельные люди охотно бы отдавали туда своихъ дѣтей,

Digitized by Google

еслибъ были увѣрены, что аттестатъ частной школы открываетъ двери университета или какого-либо высшаго спеціальнаго заведенія. Общественная выгода была бы въ томъ, что дѣти менѣе состоятельныхъ семей находили бы болѣе вакансій въ казенныхъ школахъ, и слѣдственно казна отчасти была бы избавлена отъ настоятельныхъ требованій открывать новыя заведенія.

Въ настоящее время у насъ есть нѣсколько частныхъ школъ, пользующихся такими же правами, какъ и казенныя; но неудобство для ихъ правильнаго развитія состоитъ въ томъ, что существованіе ихъ зависитъ много отъ личныхъ взглядовъ и мнѣній инспектора училищъ, а они не всѣ непотрѣшимы; слѣдовательно на получаемое право должно смотрѣть какъ на счастливую случайность, которая можетъ уступить мѣсто иной случайности, уже несчастливой, и полученное право обратится въ ничто. Учебный контроль въ такихъ школахъ долженъ быть ограниченъ надзоромъ за правильной выдачей аттестатовъ съ правами, чтобы ихъ получали только ученики, успѣшно кончившіе полный общеобразовательный курсъ, и не могли бы ими пользоваться ученики съ сомнительными успѣхами. Для этого необходимо, чтобы на выпускныхъ экзаменахъ присутствовалъ депутатъ отъ учебнаго вѣдомства, какъ это дѣлается теперь, но необходимо также предоставить право директору школы, по его желанію, приглашать еще постороннее лицо-спеціалиста по тому или другому предмету или педагога, пользующагося общимъ уваженіемъ. Это лицо, какъ представитель общества, должно будетъ имѣть значеніе, одинакое съ депутатомъ, и личное мнѣніе послѣдняго уже не будетъ имѣть рѣшающей силы. Точно также слѣдовало бы предоставить право присутствовать на экзаменѣ въ качествѣ свидѣтеля и членамъ училищнаго комитета, о которомъ мы говорили. Тогда злоупотребленія были бы невозможны ни съ той, ни съ другой стороны.

Что касается до спеціальныхъ школъ, то здѣсь мы хотимъ остановиться на одномъ важномъ вопросѣ: какія спеціальности требуютъ для себя особыхъ школъ? Не такъ давно намъ пришлось прочитать о намѣреніи какого-то земства завести школу для образованія людей, годныхъ на земскую службу. Было также намѣреніе устроить школу для приготовленія на службу полицейскихъ урядниковъ. Затѣмъ, можетъ быть, придетъ мысль о школѣ для полиціантовъ, для желѣзно-дорожныхъ кондукторовъ, словомъ, для всякой должности на службѣ государственной или общественной. Такое стремленіе заводить подобныя школы показываетъ, что у насъ нѣтъ достаточнаго числа дѣйствительно-образовательныхъ школъ низшихъ и среднихъ, которыя бы удовле-

Digitized by Google

творяли потребностямъ государственнымъ и общественнымъ. Человѣкъ, кончившій курсъ въ хорошей реальной гимназіи, если бы онѣ у насъ были, былъ бы годенъ для всякой службы, не требующей спеціальныхъ научныхъ познаній; отъ него потребовалось бы только знакомство съ положеніемъ того рода службы, которую онъ выбираетъ. Но для этого нужна ли ему школа, если онъ не глупый и порядочно образованный человѣкъ? Точно такъ же кончившій курсъ въ хорошей городской школѣ можетъ занимать всѣ низшія мѣста, какія находятся въ распоряженіи государства и общества, познакомившись, помимо школы, съ нужными положеніями и инструкціями по извѣстному роду службы. Послѣ этого не странна ли мысль заводить разныя спеціальныя школы для приготовленія на служебныя должности? Когда у насъ будутъ немыслимы затрудненія открывать повсюду общеобразовательныя школы, тогда навѣрно никому не будетъ приходить странная мысль заводить спеціально-должностныя училища, а съ тѣмъ вмѣстѣ, мало-по-малу, закроются и тѣ, которыя теперь содержатся разными министерствами или для разныхъ министерствъ. Намъ укажутъ на военныя училища, которыя существуютъ для потребностей государства. Но ихъ нельзя отнести къ тѣмъ страннымъ школамъ, на которыя мы сейчасъ указали. Они военныя не потому, что готовятъ на военныя должности, а потому, что въ нихъ преподаютъ спеціальныя военныя науки. Но какая же спеціальная наука можетъ быть о земствѣ или объ уѣздной службѣ? Отсюда ясно, что спеціальная школа предназначается только для изученія цѣлаго круга наукъ, составляющихъ одну спеціальность. И нельзя не пожелать распространенія такихъ школъ государственныхъ и общественныхъ по всей русской землѣ. Другихъ же школъ намъ не нужно. Мы увѣрены, что со временемъ не потребуются и спеціальныя учительскія заведенія. Когда учительскія мѣста будутъ оплачиваться очень хорошо и сдѣлаются приманкою для людей съ среднимъ образованіемъ, когда въ общеобразовательныхъ нашихъ школахъ будутъ основательно проходить вмѣстѣ съ другими науками физіологію и основанія психологіи, на которыхъ основывается и педагогія, тогда для занятія учительскихъ мѣстъ потребуется только познакомиться съ методиками, что порядочно образованный человѣкъ можетъ сдѣлать и безъ школы. Для практическаго же ихъ примѣненія ему достаточно будетъ полугода поупражняться въ качествѣ помощника учителя въ какой-нибудь хорошей школѣ у опытнаго преподавателя. И эти учителя будутъ вѣрно лучше многихъ нынѣшнихъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій, ко-

Digitized by Google

торые, перенявъ у своихъ руководителей извѣстные пріемы, впадаютъ въ узкую рутину и мало способны работать самостоятельно. Теперь заводятся учительскія семинаріи по необходимости, благодаря ничтожному числу такихъ средне-образовательныхъ школъ, гдѣ филологія не играетъ главной роли. Слѣдовательно, приходится готовить на должности учителей чуть не полуграмотныхъ, и много нужно употребить времени, пока доберутся съ ними до педагогіи.

Говоря вообще о школѣ, мы не разумѣли пансіоновъ, которые заводятся при нѣкоторыхъ школахъ. Школа собственно состоитъ изъ классовъ безъ придатка къ нимъ спаленъ и столовыхъ. У насъ государство дѣлало большіе опыты воспитывать дѣтей массами безъ участія родителей на полномъ казенномъ иждивеніи. И едвали можно назвать удачными эти столѣтніе опыты. Ни въ физическомъ, ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи такое воспитаніе не представляло выгодъ даже въ заведеніяхъ, хорошо обставленныхъ: оно все-таки выходило казарменнымъ. Однообразіе впечатлѣній, постоянный надзоръ за каждымъ шагомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, жизнь по командѣ, необходимая при многолюдствѣ, строгость дисциплины, сильное давленіе на личную самостоятельность, — вотъ что неизбѣжно при такомъ воспитаніи, даже если бы оно было въ рукахъ лучшихъ педагоговъ, что на дѣлѣ очень рѣдко случается. Отсюда порча характеровъ, подавленіе наклонностей къ занятіямъ, которыя не входятъ въ программу даннаго воспитательнаго заведенія, невозможность свободно развиваться талантамъ, непривычка распоряжаться своимъ временемъ, зародыши разныхъ пороковъ, за которыми трудно услѣдить въ массѣ, наконецъ, скрытно-враждебное отношеніе къ воспитателямъ, которое вызываетъ хитрость, обманъ, у иныхъ пронырство, лесть и много другихъ недостатковъ, обыкновенныхъ у подневольнаго человѣка.

Въ настоящее время тѣ родители, которые дорожатъ разумнымъ воспитаніемъ своихъ дѣтей и понимаютъ его сущность, не рѣшаются отдавать ихъ въ такія заведенія. Тѣмъ не менѣе, они всегда будутъ поддерживаться необходимостью, вытекающею изъ самой жизни: безъ нихъ множество сиротъ не нашло бы себѣ пріюта; помѣщики, живущіе въ своихъ усадьбахъ по хозяйственнымъ требованіямъ, не знали бы, кому вѣрить своихъ дѣтей, вошедшихъ въ школьный возрастъ; точно также офицеры, кочующіе со своими полками, были бы въ большомъ затрудненіи при вопросѣ объ образованіи ихъ дѣтей. Теперь казенные пансіоны обращаются для нихъ въ ковчегъ спасенія. Такъ какъ

Digitized by Google

они необходимы, то необходимо и подумать, какъ ихъ поставить въ лучшее положеніе, болѣе согласное съ законами психологическими. Во всякомъ случаѣ, ихъ слѣдовало бы отдѣлить отъ школы, какъ особые пріюты, которые беруть на себя обязанности родителей, хотя и никогда не могуть замѣнить семьи. Кромѣ того, ихъ необходимо ввѣрять лицамъ съ спеціально-педагогическимъ образованіемъ по строгому выбору, и воспитаніе массы дѣтей не приносить въ жертву какимъ-нибудь посторонниимъ разсчетамъ изъ желанія угодить тѣмъ или другимъ сильнымъ личностямъ или дать мѣсто для кормленія какой-нибудь особѣ, нисколько не подготовленной для дѣла. Если трудно воспитывать нѣсколькихъ дѣтей въ своей родной семьѣ, то во сколько разъ труднѣе воспитывать цѣлую ихъ массу изъ разныхъ семей. И ввѣрять ихъ лицамъ, спеціально не подготовленнымъ наукою, дѣлавшимъ Богъ знаетъ какіе опыты только надъ своими малолѣтними дѣтьми, все равно, что отдавать больничную палату въ распоряженіе какого-нибудь начинающаго студента: какъ одинъ переморитъ больныхъ, такъ другой перепортитъ всѣ характеры, а то и развратитъ, хотя и будетъ дѣйствовать съ самыми добрыми намѣреніями. Въ настоящее время, когда науки, служащія твердымъ основаніемъ педагогіи, такъ сильно пошли впередъ и сдѣлали столько новыхъ важныхъ для воспитанія выводовъ, было бы преступно пренебрегать ими точно также, какъ преступно не пользоваться новыми изслѣдованіями по медицинѣ. Къ сожалѣнію, у насъ еще мало сознаютъ эту мысль. У насъ все еще продолжаютъ бояться даже естественныхъ наукъ, повторяя противъ нихъ фразы, выдуманныя двадцать лѣтъ назадъ людьми съ такими взглядами для своихъ особенныхъ іезуитскихъ цѣлей. У насъ до-нельзя сокращаютъ ихъ программы, а педагогію въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ обращаютъ въ сборникъ разныхъ старыхъ рецептовъ. Послѣ этого нельзя ожидать скораго улучшенія воспитанія нашихъ дѣтей, не только въ семейномъ кругу, но даже и внѣ его, тѣхъ дѣтей, которыхъ государство беретъ на свое попеченіе и, слѣдовательно, на свою отвѣтственность. Въ наше время воспитывать дѣтей не значитъ идти ощупью, какъ это дѣлалось въ старое время. Но тогда было извинительно, потому что самая наука еще мало могла помочь дѣлу; а теперь, если она предлагаетъ свои услуги, то грѣшно ими не пользоваться. Мы могли бы привести много примѣровъ тому, какъ у насъ зачастую ведется общественное воспитаніе подъ надзоромъ какихъ-нибудь бывшихъ кавалеристовъ и подобныхъ, которые считаютъ себя въ правѣ распоряжаться всѣми педагогическими

Digitized by Google

силами въ заведеніи и направлять ихъ по своимъ личнымъ усмотрѣніямъ наперекоръ наукѣ, которой они и не нюхали, или какъ все воспитаніе зависитъ отъ капризовъ начальственнаго и вмѣстѣ невѣжественнаго лица, которое едва могло получить право на элементарное преподаваніе. При такихъ условіяхъ мы не далеко уйдемъ, и наше воспитаніе не подкрѣпитъ и не оправдаетъ той широкой филантропіи, которою у насъ издавна отличается государство. Ужъ если дѣлать добро, такъ дѣлать его вполнѣ; ужъ если брать на свою отвѣтственность воспитаніе, такъ ввѣрять его людямъ, готовымъ для дѣла, а не чинамъ и титуламъ, которые смотрятъ на воспитаніе, какъ на дрессировку, да и это требуетъ извѣстнаго умѣнья и долгой практики.

Возвращаюсь опять къ школѣ: мы хотимъ сказать, что у нея должны быть свои права, которыя бы защищали ее отъ произвола личностей и которыя она сама могла бы защищать на основаніи законовъ, чтобы каждый трудящійся въ ней педагогъ не могъ чувствовать на себѣ посторонннихъ давленій и не вынужденъ былъ поддѣлываться подъ нравъ какого-нибудь чиновнаго лица. Школа должна быть ограждена отъ всякихъ такихъ случайностей, и только судъ въ ея стѣнахъ или общій уголовный можетъ удалить изъ нея каждое служащее лицо. Государство болѣе всѣхъ должно дорожить прочностью школы, чтобы она могла развиваться естественно и свободно безъ потрясеній и колебаній; оно должно беречь ее отъ вліянія всякихъ политическихъ партій, гдѣ бы онѣ ни являлись, въ сферѣ ли правительственной или общественной. Школа не должна быть орудіемъ какой бы ни было партіи; съ этой стороны она должна быть неприкосновенна и одинаково дорога всѣмъ. За нее могутъ спорить и бороться только въ литературной сферѣ по вопросамъ педагогическимъ, которые тамъ и будутъ многосторонно разъясняться. Тамъ должна быть полная свобода. Но законъ обязанъ строго ограждать школу отъ всякой клеветы. Впрочемъ, мы думаемъ, что и само общество будетъ всегда уважать хорошую школу и найдетъ средство удержать и унять клеветника и обратить позоръ на его голову. Школа, образующая молодое поколѣніе, должна быть оберегаема и закономъ, и честными гражданами. При такой охранѣ ей останется спокойно стремиться къ своей высокой цѣли, пополняя общество людьми, все лучшими и лучшими. Предполагая, что такое положеніе школы возможно, мы можемъ заговорить и о желанной внутренней ея жизни.

В. Стоюнинъ.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ СТЕПНЯКА

XI *).

КРИВОРОЖЬЕ.

— А поѣдемте-ка мы съ вами въ Криворожье,—сказалъ мнѣ однажды сосѣдъ мой, Семенъ Андреевичъ Гундриковъ:— есть тамъ у меня мельникъ знакомый, человѣкъ, я вамъ скажу, скотоподобнѣйшій,—такъ вотъ къ мельнику къ этому.

Я согласился, и мы отправились съ господиномъ Гундриковымъ въ Криворожье.

Стояла засуха. Недѣли три какъ уже не было дождя. Солнце съ убійственной жгучестью палило землю; на знойномъ небѣ цѣлыми днями не показывалось ни одного облачка. Въ раскаленномъ воздухѣ пахло гарью. Хлѣба выгорали. Наливъ ржи пріостановился на половинѣ и въ тощемъ, блѣдно-желтомъ колосѣ уже подсыхало сморщенное, изможденное зерно. Яровые стали. Овсы, не поднявшись еще и на полъ-аршина отъ земли, уже побѣлѣли и начинали желтѣть. Просяныя поля уныло отливали своими блѣдно-зелеными, преждевременно выметавшимися кистями. Мурава на выгонахъ и отава на покосахъ высохла на подобіе какой-то щетины и подернулась непріятной желтизною. Паровыя поля, выбитыя скотиной, ужъ не заростали вновь травою: только колючій татарникъ да карявый бурьянъ кое-гдѣ разнообразили эти поля, высохшія какъ камень и пыльныя точно столбовая дорога.

Мы выѣхали не рано, и жара была страшная. Неподвижный

*) См. выше: февраль, 1881, стр. 526.

Digitized by Google

воздухъ, проникнутый нестерпимой жгучестью, томительно стѣснялъ дыханіе. Горячее, безоблачное небо тусклымъ и тяжелымъ сводомъ распростиралось надъ землею. Вдали хмурыми, синеватыми тучами стоялъ зной, и заманчивой полосою струилось марево. Дальніе поселки и кусты, охваченные этимъ маревомъ, казались островами, плавающими въ волнистомъ, чудно-измѣнчивомъ, морѣ. Выжженныя солнцемъ нивы печально стлались по равнинамъ, широко разбѣгавшимся вокругъ насъ. Невесело было глядѣть на эти нивы... Рѣдкая, порыжѣвшая рожь не поникала къ землѣ тощимъ своимъ колосомъ, какъ поникаетъ она въ пору урожая, а какъ-то вяло и безпомощно устремлялась къ верху и, при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка, металась во всѣ стороны, путалась и ломалась. Яровые изобиловали бурьяномъ и полынью.

Стада, кое-гдѣ попадавшіяся намъ на встрѣчу, еще болѣе усиливали тоскливую непригляднность полей. Коровы, съ осунувшимися боками и ребрами, выпиравшими изъ-подъ кожи на подобіе обручей, уныло и безпорядочно бродили, тщетно розыскивая кормъ и печально оглашая воздухъ жалобнѣйшимъ ревомъ. Овцы, съ какимъ-то тупымъ и бессмысленнымъ равнодушіемъ, сбивались въ тѣсныя кучи, изо всѣхъ своихъ силъ напирая другъ на друга и наполняя тишину тяжкимъ сопѣніемъ. Рѣдко около стадъ виднѣлся пастухъ. Казалось, и пастухи-то голодающій скотъ находили излишнимъ.

Впрочемъ, разъ мы замѣтили и пастуха. Онъ лежалъ возлѣ межи, въ значительномъ отдаленіи отъ своего тоскующаго стада, и безучастно оглядывалъ окрестность. Когда экипажъ нашъ поровнялся съ нимъ и трескъ колесъ достигъ до его слуха, онъ лѣниво повернулъ голову, обвелъ насъ какимъ-то какъ-бы осоловѣлымъ взглядомъ и снова устремилъ этотъ взглядъ въ скучное пространство. Онъ былъ сѣдъ и худобою уподоблялся скелету.

Сѣрая пыль толстымъ слоемъ лежала по дорогѣ. За экипажемъ нашимъ пыль эта вилась цѣлой тучей и, вѣроятно, издали мы представляли нѣкоторое подобіе вихря. Иногда пыль вздымалась къ небу и настоящими вихрями, невѣсть откуда налетавшими на сонное поле. Тогда высокіе, сѣрые столбы быстро крутились и ходили по дорогамъ. Это придавало печальнымъ равнинамъ особый характеръ какой-то пустынной и мрачной величавости. Подъ суровымъ вѣяніемъ такой величавости, человѣкъ умаляется. Сила стихій кажется ему *роковою*. Самонадѣянность покидаетъ его.

Тяжело было. Языкъ сохнулъ; потъ обливалъ тѣло; ноги и руки отказывались служить. Иногда неподвижный воздухъ коле-

Digitized by Google

бался и тихій вѣтеръ волновалъ зной. Тогда, казалось, по лицу пробѣгала огненная струя и васъ обнимала адская температура.

Встрѣчались намъ деревни. Обыкновенно, несмотря на время, свободное отъ полевыхъ работъ, онѣ поражали пустынностью. Въѣзжая въ нихъ, казалось, въѣзжаешь на кладбище. Мертвая тишина, стоявшая на улицахъ, особенно способствовала этому уподобленію. Все живое какъ-бы притаилось гдѣ-то. Правда, иногда на завалинѣ сидѣла какая-нибудь воплощенная дряхлость, а около избъ копошились ребятишки. Воплощенная дряхлость встрѣчала и провожала насъ мутнымъ взоромъ, въ которомъ только и выражалось, что тупое и какое-то неопредѣленное равнодушіе. Ребятишки почти не интересовались нами и, вопреки всякаго обыкновенія, не травили насъ собаками. Даже собаки и тѣ бродили по улицамъ съ какою-то покорною унылостью и если брехали, то брехали какъ-бы по привычкѣ, нехотя и разсѣянно.

Кабаки были пусты. У одного—мы видѣли толстопузаго кабатчика, отиравшаго потъ съ краснаго лица своего краснымъ, ситцевымъ платкомъ и со скорбію озиравшаго пріникшую деревню; у другого—худенькая и костлявая цѣловальничиха сушила на солнцѣ рожь, то-и-дѣло подбѣгая къ окошечку и съ какимъ-то безпокойствомъ оглядывая пустынную улицу. Она, вѣроятно, боялась воровъ. Только у дверей третьяго кабака увидали мы потребителя. Опираясь руками о притолку двери и широко разставивъ ноги, онъ обратилъ къ полю лицо, по которому, мѣшаясь съ пылью, ползли слезы, и пьянымъ, нескладнымъ голосомъ оралъ пѣсню, перемежая ее то руганью, то упреками кому-то. Среди гнетущей тишины, царящей повсюду, пѣсня эта казалась чѣмъ-то странно-дикимъ и наводила на душу невыразимое уныніе.

И жара, и поля сожженныя солнцемъ, и невеселыя встрѣчи, все это ужасно утомляло. Я не разъ раскаивался въ поѣздкѣ. Семенъ Андреичъ тоже сидѣлъ возлѣ меня, если не грустный, то мрачно-сосредоточенный и вообще недовольный.

Но вы еще не знаете Семена Андреича. Пока мы жаримся на палящемъ іюньскомъ солнцѣ, пока вздыхаемъ и молчимъ и съ тоскою озираемъ скучныя равнины, безконечной зеленою бѣгущія намъ на встрѣчу, я познакомлю васъ съ нимъ. Онъ не молодъ, имѣетъ лицо, подобное грушѣ, и подбородокъ, подпираемый нѣсколькими знаками сложнаго жира. Онъ широкъ въ кости, приземистъ и смотритъ ясно. Эта ясность порою конфузитъ. Непріятно ощущать въ человѣкѣ отсутствіе недоразумѣній. Въ Гундриновѣ недоразумѣній не было. Это была замѣчательная го-

Digitized by Google

лова. Онъ давно еще, въ незапамятныя времена своей юности, подвелъ итоги, вывелъ балансъ, устранилъ всевозможные «иксы» и теперь поживаетъ себѣ ничѣмъ несмущаемъ.

Онъ коллежскій ассесоръ и любитъ, чтобы на адресахъ величали его «вашимъ высокородіемъ».

Въ практической своей жизни онъ подчиняется судьбѣ. Это успокоиваетъ. Обыкновенно, онъ не силится *уразумѣть* факты, онъ ихъ только констатируетъ. Околѣваютъ ли у него овцы, дохнутъ ли дорогія, заводскія лошади, пропадаетъ ли пшеница, онъ на все на это наклеиваетъ подлежащіе ярлычки и сдаетъ въ архивъ. На практикѣ умъ его не вѣдаетъ обобщеній. Каждый фактъ, имѣющій мѣсто въ практической, обыденной жизни, представляется ему фактомъ уединеннымъ и безпричиннымъ.

Онъ любитъ нюхать табакъ и нюхаетъ очень хорошій. Когда нюхаетъ, то не чихаетъ, а какъ-то особенно внушительно поводитъ носомъ. Впрочемъ, онъ и вообще внушителенъ. Движенія его медлительны и плавны. Это, однакожъ, не исключаетъ способности его горячиться. Въ противность плавнымъ и медлительнымъ движеніямъ, говоритъ онъ и не плавно и не медлительно. Мѣра гороху, просыпанная на листъ желѣза, даетъ нѣкоторое уподобленіе его рѣчи.

Онъ—управляющій гг. Дурманиныхъ. Гг. Дурманины живутъ за-границей. Они довольны Гундриковымъ. Гундриковъ не воруетъ (то-есть, не воруетъ нагло). Гундриковъ, хотя упорно отрицаетъ интенсивное хозяйство, зато, не гоняясь за журавлями въ небѣ, крѣпко держитъ въ рукахъ синицу. Дурманинскіе мужики по его милости на маломъ надѣлѣ. Кромѣ того, ихъ окружаютъ господскія земли. Видали ли вы мышенка въ когтяхъ у кошки? Гундриковъ справедливо полагаетъ, что при такихъ условіяхъ интенсивное хозяйство излишне. Оно требуетъ затратъ и лучшихъ климатическихъ условій. Вмѣсто этого, баснословно дешевымъ трудомъ онъ воздѣлываетъ трехполку.

Какъ и подобаетъ коллежскому ассесору — онъ гордъ. За вѣчнымъ отсутствіемъ гг. Дурманиныхъ, спина его закаменѣла. Поклоны его были величественными поклонами. Пожатіе своей руки, въ простотѣ душевной, онъ считалъ милостью. Другой мой сосѣдъ, Чухвостиковъ, величалъ его Навуходоносоромъ. Чудакъ!

Впрочемъ, Семенъ Андреичъ справедливъ. Съ его стола не сходятъ судебные уставы 1864 года (въ роскошномъ переплетѣ и съ надписью золотомъ: *Правда и милость да царствуетъ въ судахъ*). Все что онъ дѣлаетъ, дѣлаетъ онъ не иначе, какъ на основаніи надлежащихъ статей. Онъ любитъ точность. Онъ не

Digitized by Google

беретъ лишняго, но беретъ по закону. Если въ условіи съ мужикомъ помѣщена неустойка въ 50 рублей, онъ довольствуется пятидесятью. «Я люблю правду», говоритъ онъ въ такихъ случаяхъ. Это миритъ его съ тѣмъ, что онъ имѣетъ привычку называть своею совѣстью.

Семенъ Андреичъ считаетъ себя хорошимъ человѣкомъ. Онъ даже добръ. Сынишка его въ классической гимназіи, а у дочурки имѣется француженка съ легитимистскимъ направленіемъ. Онъ вдовый и нанимаетъ экономку.

И, однако, какъ теоретикъ, онъ фантазёръ. Въ противность его обыденнымъ понятіямъ, факты *въ теоріи* обобщаются у него съ поразительнымъ легкомысліемъ. Вотъ почему проекты, одинъ другого нелѣпѣй и одинъ другого затѣйливѣй кружатъ его голову, чуть только онъ отрѣшится отъ дѣйствительности. Проекты преимущественно касаются политики. Въ свободныя минуты любимымъ занятіемъ Семена Андреича бываетъ раскрашиваніе географическихъ картъ. Перомъ на бѣлой бумагѣ онъ обводитъ силуэтъ Европы и Азіи и затѣмъ произвольно проводитъ границы государствъ. Россію онъ окрашиваетъ въ желтое (цвѣтъ рублевой бумажки). Желтая краска простирается на картахъ Семена Андреича отъ Пекина до Константинополя. Семенъ Андреичъ патріотъ и не жалѣетъ желтой краски. Но онъ скупится на синюю. Синяя означаетъ нѣмцевъ. Нѣмцевъ онъ не любитъ. Нѣмцамъ было тѣсно на его картахъ. Стиснутые между долиной Шпрее и Рейномъ бѣдняги задыхались. Густая желтизна заполоняла ихъ придунайскія, галицкія и познанскія угодья. Эта желтизна доходила вплоть до Берлина. «Все это наше исконное», говоритъ Гундриковъ и ссылается на побѣды императрицы Елизаветы.

Къ французамъ онъ благоволитъ. Имъ онъ отдаетъ все,— отъ Альпъ и до моря, отъ Рейна до Пиренеевъ. «Пущай ихъ!» благодушествуетъ онъ, а когда доброту его устрашаютъ коммуной, то грозно хмурится и тычетъ указательнымъ перстомъ на синюю нѣмеччину. Въ нѣмеччинѣ онъ олицетворяетъ будочника.

Турокъ почти вовсе отсутствуетъ на картахъ Семена Андреича. Только послѣ тщательныхъ наблюденій вы могли бы замѣтить зеленый трехъ-угольникъ, изображающій «Турцію». Трехъугольникъ этотъ величиною не превосходитъ блоху и ютится гдѣто въ глубинѣ каменной Аравіи, позади ярко желтѣющей Палестины.

И, между тѣмъ, фантастичность политическихъ помысловъ Семена Андреича не исключала ясности. Принципіальная сторона

Digitized by Google

раскрашиванія не затемнялась недоразумѣніями. Какъ правда и совѣсть воплощались для Гундрикова въ такой-то и такой-то статьѣ «Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями», такъ равно и фантазія его имѣла строго и, главное, однообразно установленные предѣлы. «Все *нашъ*: *нашъ* моря и рѣки, *нашъ* Прагу и Константинополь», вотъ что́ составляло практическую подкладку Семенъ-Андреичевой фантазіи и служило ей предѣлами. Повторяю, и здѣсь для него не существовало недоразумѣній. Вопросъ казался ему яснымъ на подобіе годового конторскаго отчета.

Надо отдать ему справедливость, онъ имѣлъ чутье. Онъ былъ немножко славянофиломъ. Онъ одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ одну нарождавшуюся въ то время газету, въ Петербургѣ. Я помню его радость по этому поводу.

...Но возвращусь къ разсказу.

Итакъ, я молчалъ, а Семенъ Андреичъ сидѣлъ возлѣ меня мрачно сосредоточенный и недовольный. Ужъ на половинѣ дороги, когда мимо насъ бѣжало просяное поле, страшно скудное и страшно поросшее сорными травами, спутникъ мой встрепенулся и нарушилъ молчаніе.

— Да. Такъ я вотъ и говорю... (онъ до сихъ поръ ничего не говорилъ), все такъ-то у насъ!... Австрія ежели претерпѣваетъ, мы ее выручаемъ, Францію тоже выручаемъ, а вотъ страдаетъ свой братъ, мы и ухомъ не ведемъ...

— Это вы на счетъ чего-же?—спросилъ я нѣсколько удивленный темою разговора.

— А на счетъ славянъ все... Вы не повѣрите: сердце болитъ!... Помилуйте-съ, страдаютъ, гибнутъ, дерутся, а мы... Мы молчимъ!.. Скорбитъ, Николай Василичъ, скорбитъ душа моя....

— Что же намъ по-вашему дѣлать?

— Намъ-съ? Хе, хе... Дѣла наши простыя-съ... Дѣла наши очень даже незамысловатыя должны быть-съ. Глядите сюда, я вамъ сейчасъ это объясню. Вотъ Дунай, смотрите! — Семенъ Андреичъ выставилъ свое жирное колѣно и многозначительно похлопалъ по немъ рукою.—Это будетъ Дунай. Теперь ваше колѣно пускай означаетъ Константинополь. Вотъ Австрія. Вотъ Азія.—Гундриковъ указалъ на козлы, гдѣ возсѣдалъ кучеръ Григорій, и на край тарантаснаго кузова. Отлично-съ. Теперь представьте себѣ армію въ 800,000 человѣкъ. Представили? Очень хорошо. Дѣлимъ эту армію на-двое: 500 тысячъ отдаемъ Черняеву, 300 Комарову. Не забывайте, что это Дунай,—подтвер-

Digitized by Google

дилъ Гундриковъ хлопнувъ по колѣну. Теперь соберите вы всѣ 800 тысячъ въ одинъ станъ...

— Гдѣ же?

— Ну, гдѣ нибудь, ну, положимъ въ землѣ Войска Донского; это будетъ земля Войска Донского,—онъ указалъ на конецъ своего прекрасно вычищеннаго сапога.—Я, разумѣется, за идею. Масса, такъ сказать, должна быть вдохновлена. Итакъ, я всепокорнѣйше обращаюсь къ двумъ тогдашнимъ «шефамъ»—руководителямъ «общественнаго мнѣнія». И тотъ, и другой набираютъ массу славянофиловъ и прибываютъ въ станъ. Тамъ ужъ повсюду, знаете-ли, хоругви, эстрады («вышки»—въ скобкахъ перевелъ Семенъ Андреичъ), колокола, крики «ура» и «живіо». Прекрасно. Начинаются рѣчи. Идея проникаетъ солдатскіе организмы. Представьте себѣ, армія движется однимъ чувствомъ—идти и умереть. Пользуюсь моментомъ. Эйнъ, цвей, дрей, налѣво кругомъ, ма-аршъ... Не забывайте, что это Дунай,—еще разъ напомнилъ мнѣ Гундриковъ, указывая на колѣно.—Армія идетъ, Комаровъ идетъ, Черняевъ идетъ, литературные вожди говорятъ рѣчи, музыка гремитъ «Славься симъ Екатерина» (непремѣнно «Славься симъ»,—настоятельно повторилъ онъ), хоругви развѣваются по вѣтру, солдаты ликуютъ... Дунай! Черняевъ перешагнулъ, Комаровъ въ резервѣ. Турки бѣгутъ. Австрія разбита (о, эта Австрія большая каналья). Славяне освобождены. Актъ присоединенія торжественно совершается въ св. Софіи. Одинъ «шефъ»—намѣстникъ Болгаріи, другой—сатрапъ Македонскій... Помилуйте-съ, превозвышенныя дѣла!

Пекло такъ сильно, что мнѣ и возражать не хотѣлось. Я промолчалъ. А, между тѣмъ, Гундриковъ горячился. Онъ засѣлъ на любимаго конька и теперь летѣлъ на немъ, не смущаемый жарою.

— Помилуйте-съ, что же это такое!—восклицалъ онъ.—Двадцать лѣтъ, цѣлыхъ двадцать лѣтъ мы сидимъ дома... Вѣдь у насъ совсѣмъ и слава извелась... Да положительно перевелась слава. Что мы въ самомъ дѣлѣ, или ужъ взаправду мужицкое царство? Нѣтъ, не мужицкое мы царство, а царство военное-съ, и на этой точкѣ стоять должны твердо...

— Что же по-вашему—воевать?

— Воевать!—воскликнулъ Семенъ Андреичъ. Всенепремѣнно воевать!.. Съ нашимъ народъ да не воевать?—Помилуйте-съ... Съ нашимъ народомъ и дѣлъ другихъ подходящихъ нѣту, кромѣ какъ воевать... Представьте себѣ, что такое нашъ народъ?

Digitized by Google

Да желѣзо, кремень, устой гранитный!.. Вспомните, что Наполеонъ о солдатѣ-то нашемъ сказалъ? а!.. А вы толкуете...

И—помолчавъ, продолжалъ даже съ нѣкоторой сладостью:

— Нѣтъ, Николай Василичъ, нашъ народъ знать надо-съ... Отъ, до тонкости нужно знать нашъ народъ!.. Суворовы, Филареты, Погодины, это, батенька, не шутка. Наполеонъ говаривалъ, что-де поскребите русскаго, татаринъ будетъ. Нѣтъ, братъ, поскреби-ка его, попытайся — онъ и увидишь, герой въ немъ сидитъ... Въ каждомъ русскомъ, въ каждомъ мужикѣ сиволапомъ герой сидитъ!

Въ это-то время мы поравнялись съ тѣмъ кабакомъ, у дверей котораго пьяный мужикъ оралъ пѣсню.

— Вотъ вы глядите на него,—указалъ мнѣ Гундриковъ,—пьянъ до того, каналья, на ногахъ чуть держится, а дайте-ка вы ему штыкъ въ руки да закричите ура!—онъ вамъ не токмо турка, чорта протуритъ въ Азію... Вѣдь чѣмъ онъ дорогъ, русскій человѣкъ? Простотой своей, батенька, дорогъ. Теперь возьмите вы солдатскую точку зрѣнія. Представьте вы солдата-нѣмца. Хорошъ солдатъ-нѣмецъ, да привередливъ больно. И елку ему мельнѣ устрой, и сапоги съ подметками предоставь, и колбасой его, ракаліона, начини... Совсѣмъ не подходящій человѣкъ!... Ну, и представьте себѣ—француза. Французъ тоже прихотливый человѣкъ. А вѣдь нашему-то чѣмъ меньше жратвы давать, тѣмъ онъ ядовитѣй становится!.. Соли у него нѣтъ—порохомъ солитъ, мяса нѣтъ—конину кушаетъ. Сухарь ежели съ пескомъ у него—онъ храбръ, а ежели окончательно гнилой—онъ еще храбрѣе. Вотъ вѣдь чѣмъ дорогъ-то онъ, русскій человѣкъ, — логикой-то своей онъ дорогъ! Совсѣмъ необыкновенная у него логика. Такъ съ этакимъ человѣкомъ да не воевать—помилуйте-съ!.. Я и говорю: воюй, покуда не изнѣжился онъ, покуда сапогъ да колбасы не запросилъ... и это пуще всего!

И на этотъ разъ не возразилъ я Семену Андреичу.

— Или опять, говорятъ иные, нѣмецъ уменъ,—продолжалъ онъ, какъ-бы внутренно раздражаемый моимъ молчаніемъ, — о, Господи ты Боже мой! а русскій-то,—или вы забыли? Представьте себѣ сметку русскую, представьте вы изворотливость нашу, наше знаменитое «себѣ на умѣ»!.. Да недалеко намъ за примѣромъ ходить, возьмемъ мы въ примѣръ вотъ мельника этого, къ которому ѣдемъ,—человѣкъ онъ скотоподобнѣйшій, а такую штуку удралъ—Ньютонъ позавидуетъ.

— Какую же штуку?

— А простую штуку. Вотъ нынѣ у насъ какъ есть настоя-

Digitized by Google

щій голодъ, а въ прошломъ году родилось просо. Представьте вы себѣ: ничего не родилось—одно просо родилось. Ну, и началъ онъ по осени просо это скупать. Больше ничего, какъ скупать! Дѣла всѣ бросилъ, а одно—скупаетъ просо и шабашъ. Ну, и дешево скупилъ. А нынче съ весны пшено сталъ работать. Штука простая. Ну, и представьте себѣ, что онъ съ этого проса нажилъ?

Гундриковъ смѣрилъ меня торжествующимъ взглядомъ.

— А двадцать пять тысячъ, батенька, нажилъ, да еще, пожалуй, десять наживетъ. Вотъ оно какъ. У другихъ мельницы стоятъ—работы нѣту, а онъ прошлогоднее просо рушитъ себѣ полегоньку да сплавляетъ въ Москву. Больше и дѣловъ у него никакихъ нѣтъ—рушаетъ и сплавляетъ. Штука простая... Пятьсотъ рублей отъ вагона береть!.. Такъ-то, батенька вы мой. Вотъ какіе у насъ народы!..

Онъ помолчалъ въ нѣкоторомъ раздумьи, но затѣмъ снова какъ-бы спохватился.

— Да его ли одного взять... А Чумакова, Пракселъ-Алкидыча вспомните, министръ вѣдь, положительный министръ. Да всѣ они министры,—въ какомъ-то восхищеніи воскликнулъ Гундриковъ,—и не кулаками обзывать ихъ, а именно министрами... Какой онъ кулакъ, помилуйте-съ! Онъ умственный человѣкъ. Онъ, ежели дать ему просторъ, Бисмарка за поясъ заткнетъ... Онъ, ежели ему удержу нѣту, не токмо Турцію, всю Европу въ катухъ оборотитъ. Онъ и нѣмца вашего выжметъ, это будьте спокойны!..

Тутъ Семенъ Андреичъ снова какъ-бы спохватился и голосомъ, даже звенящимъ отъ радости, произнесъ:

— Да вотъ опять недалеко ходить—Малафейка кабатчикъ. Повадилась къ намъ берлинская нѣмчура ѣздить свиней скупать. Ну, и представьте себѣ, влѣзъ къ этой нѣмчурѣ Малафейка въ довѣріе. Переводчикъ у нихъ есть, а мѣстовъ они нашихъ не знаютъ: гдѣ свиньи, гдѣ что... Малафейка ихъ и водитъ по мѣстамъ. Съ нихъ за коммисію рубль, съ продавца за коммисію два. Ну, и повелъ онъ дѣло это такъ оборотисто, что берлинцы-то ѣздить къ намъ перестали, а Малафейка землю купилъ, да по второй гильдіи записался. Вотъ оно какъ бываетъ, батенька, а вы говорите—нѣмецъ! Далеко нѣмцу до нашего брата-сѣрячка...

Для деликатности я почелъ наконецъ долгомъ помычать. При нѣкоторомъ желаніи мычаніе это могло быть принято и въ смыслѣ одобрительномъ. Въ этомъ послѣднемъ, по всей вѣроятности, принялъ его и господинъ Гундриковъ. Онъ сладко и свободно вздох-

Digitized by Google

нуть, расправилъ колѣно, изображавшее Дунай, и въ видѣ заключительной сентенціи произнесъ:

— Ну, я и говорю, дайте вы этому самому Малафейкѣ кредиторъ, разрѣшите вы ему распоясаться, представьте себѣ: Малафейка распоясался—такъ онъ вамъ не токмо Махмутку султана, Меттерниха, если бы живъ былъ, съ костями слопаетъ.

Наконецъ, мы пріѣхали.

Собственно Криворожьемъ называлось село; мельница же, куда мы и держали путь нашъ, была за селомъ у большого широкаго пруда. Благодаря ли влажности, непрерывно проникавшей воздухъ около воды, но подъѣзжая къ мельницѣ, мы, какъ бы по уговору, испустили радостный вздохъ. Посреди спаленныхъ нивъ и тоскливыхъ деревень съ полузасохшими ракитами, мельница казалась какимъ-то раемъ. Густыя купы ветелъ окружали ее со всѣхъ сторонъ и длиннымъ рядомъ тянулись по плотинѣ. Красныя крыши мельничныхъ построекъ весело выдѣлялись среди сочной и темной зелени этихъ ветелъ. Вода подступала къ самымъ постройкамъ и, горячимъ блескомъ сверкая на солнцѣ, подъ тѣнью густой листвы отливала изумрудомъ. Здѣсь и тамъ, около береговъ и по серединѣ пруда, съ сонной неподвижностью зеленѣлъ камышъ.

На мельницѣ было тихо. Только вода изъ скрыни, съ какимъ-то меланхолическимъ журчаніемъ падая на колесо, нарушала эту тишину, да изрѣдка въ одномъ изъ амбаровъ глухо стучали толкачи, черезъ долгіе перерывы тяжко низвергаясь въ ступы.

Не было видно ни души. Правда, при нашемъ въѣздѣ на дворъ мельницы и при дребезгѣ нашего экипажа высунулась какая-то голова изъ дверей одного амбара, и загремѣла цѣпью лохматая собака, но голова снова спряталась, а собака, погремѣвъ цѣпью, отчаянно зѣвнула и опять скрылась въ свое логово.

Тѣнь старыхъ, развѣсистыхъ ветелъ скрывала весь дворъ мельницы. Было свѣжо и даже нѣсколько сыро. Мы съ наслажденіемъ вдыхали этотъ прохладный воздухъ, который намъ, пекшимся на солнцѣ въ продолженіи добрыхъ двухъ часовъ, казался истой благодатью.

— Ла-за-арь!—наконецъ воскликнулъ Гундриновъ, не вылѣзая изъ тарантаса.

Никто не отвѣтилъ на громкій возгласъ.

Семена Андреича даже зло разобрало.

— Лазарь! Чортъ! Парамонычъ!—закричалъ онъ.

На этотъ разъ изъ амбара вылѣзъ человѣкъ, весь обсыпан-

Digitized by Google

ный мучною пылью. Онъ лѣниво почесалъ лопатками спину, оправилъ ремешокъ на спутанной головѣ и, не сѣвши, пододвинулся къ намъ.

— Вамъ кого?—вяло освѣдомился онъ. Независимый видъ его и совершенное отсутствіе какой бы то ни было почтительности почему-то разсердили Семена Андреича.

— Представьте себѣ, спрашиваетъ, а? — обратился онъ ко мнѣ, гнѣвно разводя руками, и затѣмъ закричалъ:—чорта намъ, дьявола намъ нужно, понимаешь, а? свинья, — кому говоришь, кого спрашиваешь?—Лазарь гдѣ,—гдѣ Лазарь?

Пыльный человѣкъ слегка подтянулся, но особой предупредительности не обнаружилъ.

— Это, то-ись, вамъ Парамоныча надоть?—спросилъ онъ.

— Да, *то-ись*, Парамоныча намъ,—сарказтически отвѣтилъ Семенъ Андреичъ, еле сдерживая негодованіе.

— А Парамонычъ въ родникѣ сидитъ,—равнодушно отвѣтствовалъ пыльный человѣкъ.

— Купается?

— Чай пьетъ.

— Вотъ свинья!—сорвалось у Гундрикова.

— Зачѣмъ же его въ родникъ-то занесло?—спросилъ я.

— Жара, отъ жары спасается.

— Ну, а супружница гдѣ?

— Устинья Спиридоновна?

— Да.

— И Устинья Спиридоновна въ родникѣ.

— И она чай пьетъ?

— И она кушаетъ.

— Ахъ, дуй васъ горой! — плюнулъ Гундриковъ и полѣзъ изъ тарантаса.

— Стало быть и она въ водѣ?—спросилъ я.

— Какъ способнѣй. Больше на бережку.

Успокоенные этимъ «больше на бережку», мы разспросили, гдѣ родникъ, и, отдавши Григорію необходимыя инструкціи, отправились туда. По уходѣ нашемъ со двора мельницы тамъ послышались голоса. Я остановился и прислушался. Одинъ изъ голосовъ принадлежалъ бабѣ и видимо былъ встревоженъ.

— Мартишка!—взывалъ онъ торопливой скороговоркой,—ай управитель пріѣхалъ.

— А шутъ ихъ тутъ!—флегматично отвѣтствовалъ пыльный человѣкъ, оказавшійся Мартишкой.

— У, оморокъ!.. Изъ себя-то шутъ?

Digitized by Google

— Пузо — ничего.

— Сердитъ?

— Серчалъ. Ругается здорово.

— Ну, онъ и есть. Ахти мнѣ окаянной — утятина-то у меня перепрѣла!.. Куда пошерся-то?

— Къ родимцу.

— Одинъ?

— Двое.

— А-а-а... Кто же другой-то буде?

— А шутъ ихъ тутъ...

— Какой онъ изъ себя-то, — рыжеватый? — горячо подхватила бабій голосъ.

— Рыжеватый-то онъ рыжеватый.

— Длинноватый?

— То же нешь будю есть...

— Ну, знаю, знаю. Это дьяконъ съ Лущеватки! — загаворила скороговорная баба.

— Еще чего? — угрюмо оборвалъ Мартишка бабу и затѣмъ, посуливъ ей нѣкоторую непріятность, медленно поплелся въ амбаръ. Его видимо разозлило легкомысліе бабы. Впрочемъ, не доходя до амбара, онъ остановился и въ свою очередь покликалъ ее:

— Степахъ!

— Чего тебѣ?

— Такъ перепрѣла, говоришь?

— Утятина?

— Утятина.

— Охъ, перепрѣла!

— Тр-охъ...

Они немного помолчали.

— Степахъ! — произнесъ Мартишка, вдругъ ниспуская голосъ свой до тономъ слабыхъ и мягкихъ.

— Ну?

— Ты ее того... Волоки-ка ее въ амбаръ.

— Утятину? — удивилась Степаха.

— Утятину...

— Ахъ, нечистый тебя расшиби!

Послышался тихій, раскатистый смѣхъ; Степака, захлебнувшись этимъ смѣхомъ, еще разъ въ изнеможеніи повторила: — Ахъ нечистый ты... Ишь что обдумалъ!.. — и затѣмъ все смолкло.

Родникъ, гдѣ утѣшался чаемъ Лазарь Парамонычъ, отстоялъ отъ мельницы минутъ на пять ходьбы. Кругомъ скрытый густыми деревьями онъ долго былъ не виденъ намъ. Мы шли, шли по

Digitized by Google

бережку ручья, вытекавшаго изъ-подъ мельничныхъ колесъ и, наконецъ, стали въ тупикъ.

— Откликнись, Лазарь, гдѣ ты? — нѣсколько разъ взывалъ Гундриковъ и, кажется, уже на пятый возгласъ Лазарь откликнулся. Руководимые откликомъ этимъ, мы тотчасъ же пришли къ роднику. Оригинальная картина предстала предъ нами. Родникъ былъ превеселое мѣсто. Вообразите вы полукруглую котловину, примыкающую къ ручью. Берега этой котловины круты и обрывисты, и только внизу, у самой воды, окаймлены пологой почвой, усѣянной свѣжею травкой и цвѣтами. Песчаное дно котловины, выше колѣна покрытое дивно-прозрачной водой, бѣлизною подобно снѣгу и мягкостью напоминаетъ бархатъ. Громадные, бѣлые камни, похожіе на столы, лежатъ въ водѣ. Изъ-подъ нихъ стремительно бьютъ ключи. Кругомъ котловины зеленѣютъ молодые, кудрявые дубки, а противоположный берегъ обступаютъ густыя ивы.

На одномъ изъ камней, разсѣянныхъ по котловинѣ, ярко сверкалъ самоваръ. Мужская фигура, скрытая водою по грудь, спокойно сидѣла на песчаномъ днѣ и съ аппетитомъ попивала чай. Это и былъ самъ «скотоподобнѣйшій» мельникъ Лазарь Парамонычъ. Всѣ изгибы его тѣла, пышнаго и рыхлаго какъ тѣсто, ясно обозначались въ прозрачной водѣ. Толстыя, лохматыя ноги, жирныя складки около бедеръ, круглыя выпуклости груди, плечи, подобныя подушкамъ, гладкая, саломъ заплывшая спина — все это лѣзло въ глаза съ какой-то первобытной безцеремонностью. Лицо было достойнымъ продолженіемъ остального. Оно имѣло какой-то бабій обликъ и даже поражало своимъ благолѣпіемъ. Въ немъ было что-то херувимское. Пышныя щеки, теперь подернутыя синевою, но внѣ воды несомнѣнно румяныя, маленькій, голубиный носикъ, волнистая, свѣтло-русая бородка, красиво посеребренная сѣдиною, такія же красивыя, серебристо-русыя кудри на головѣ и, наконецъ, кроткіе, сладко-задумчивые глазки — все привлекало въ немъ. Прибавьте къ этому мирную и какъ-бы младенческую улыбку, почти не сходящую съ полныхъ, женоподобныхъ устъ Лазаря Парамоныча. Присовокупите къ сему голосъ его нѣжный и плавный, его вкрадчивый и какъ-бы разсыпчатый, мелкій смѣхъ и вы, конечно, съ негодованіемъ отринете то уподобленіе скоту, которое любилъ пускать въ ходъ господинъ Гундриковъ, толкуя о свойствахъ Криворожинскаго мельника.

Супруга Лазаря, расположившись на травкѣ, вязала чулокъ. Въ противоположность мужу, она была худа и костлява. Черты

Digitized by Google

ея длиннаго, матоваго лица выражали энергію. Глаза, осѣненные густыми бровями, смотрѣли умно и строго. Но въ складкахъ толстыхъ губъ замѣчалось добродушіе.

Увидавъ насъ, она, не спѣша, отложила свой чулокъ и пошла къ намъ на встрѣчу.—Дитятко-то мое тѣшится! — съ снисходительностью сказала она, здороваясь за руку съ Гундриковымъ и низко кланяясь мнѣ.

— Ахъ, старые вы черти!—воскликнулъ Семенъ Андреичъ: — что ты, Спиридоновна, попадью-то даешь ему?

— Ужъ обычай у него таковъ, батюшка Семенъ Андреичъ: — отшучивалась мельничиха.

Лазарь радостно, но безъ наглости, гоготалъ и, наливая новую чашку, убѣждалъ и насъ послѣдовать его примѣру.

— Обычай-то обычай, да обычай-то безсовѣстный, — не одобрялъ Гундриковъ.

— Охъ, жара-то истомила, сударь, — отозвался Лазарь въ тонѣ почтительной фамильярности, — а ужъ въ ключѣ-то то ли не благодать... Полѣзайте-ка за компанію... У меня, какъ жарынь, первое дѣло—въ водѣ чай пить. Страсть помогаетъ!

— Ну, ней, ней!—благодушно согласился Гундриковъ,—достигивай самоваръ-то, мы тутъ на бережку посидимъ! — и обращаясь ко мнѣ, добавилъ:—вѣдь ишь обдумалъ, каналья, а толкуютъ, русскій комфорту не понимаетъ...

Устинья Спиридоновна поспѣшно уходила.

— Куда-жъ ты, мать!—закричалъ ей Лазарь.

— Ну, ужъ не твоя-то печаль, — возразила она,—ты вотъ дохлебывай чай да веди господъ-то.

— Ну, ну. Эхъ, министръ ты у меня, баба!—одобрительно посѣвая произнесъ Лазарь.—Вѣдь мы васъ, сударь, часа два поджидаемъ,—замѣтилъ онъ Семену Андреичу.

Теперь только я понялъ, почему у Степахи утка перекварилась. Мы были гости не случайные, а жданные.

Наконецъ Лазарь поспѣшно проглотилъ остатки чая и вышелъ изъ воды. Семенъ Андреичъ познакомилъ меня. Разговоръ тотчасъ же перешелъ на жару, на засуху. Лазарь одѣлся; одѣваясь поговорилъ, пожалѣлъ «черный народъ», который, по его словамъ, «отощалъ, почитай-что въ отдѣлку»; затѣмъ тщательно провелъ маленькимъ, роговымъ гребешечкомъ по волосамъ головы, осторожно расправилъ бороду и, давъ намъ докурить, пригласилъ на мельницу.

Но хрустальная вода родника соблазнила насъ. Мы рѣшили искупаться. Лазарь одобрилъ наше рѣшеніе и, упрекнувъ въ

Digitized by Google

давнишнемъ упрямствѣ, предложилъ приготовить на камнѣ самоварчикъ. Отъ самовара мы отказались. Лазарь былъ такъ предупредителенъ, что хотѣлъ снова раздѣться и лѣзть съ нами въ воду, но Семенъ Андреичъ великодушно отклонилъ эту предупредительность. Мы стали купаться вдвоемъ. Несмотря на то, что вся почти котловина была открыта солнцу, вода въ родникѣ была очень холодна и казалась ледяною. Она даже щипала тѣло. Подивился я «обычаю» Лазаря пить въ такой водѣ чай. Но освѣжало купанье дѣйствительно отлично. Оно какъ-то стягивало мускулы, дѣлало ихъ терпкими. Голова свѣжѣла. Дышалось легко. Энергія возбуждалась настойчиво.

На мельницѣ ждалъ насъ обѣдъ. Столъ, накрытый грубой скатертью, стоялъ въ маленькой, но прохладной комнатѣ, открытыя окна которой выходили на дворъ, темный отъ тѣни ветелъ. Иногда по листвѣ этихъ ветелъ пробѣгалъ вѣтерокъ и тогда важный шумъ проникалъ въ комнатку. Тонкая струйка воды, сочась по колесамъ мельницы, издавала серебристый, меланхолическій звукъ.

Мы сѣли за столъ и въ торжественномъ молчаніи ожидали появленія яствъ. Желудки наши, возбужденные купаньемъ, казалось, чутко готовились къ воспріятію этихъ яствъ. Лазарь съ нетерпѣніемъ потрясалъ колѣномъ. Наконецъ, дверь распахнулась, пѣвуче заскрипѣвъ на своихъ давно не смазанныхъ петляхъ, и въ ней показалась мельничиха. Добродушное выраженіе ея губъ, казалось, усугубилось, строгіе глаза свѣтились ласковой величавостью. За ней появилась кухарка (послѣ я узналъ, что это и была Степаха). Благоговѣйно держала она въ своихъ толстыхъ, до-локтя заголенныхъ рукахъ огромное дымящееся блюдо. Жирныя щеки ея дрожали отъ какого-то внутренняго напряженія и пылали подобно раскаленной мѣди. Изъ маленькихъ, заплывшихъ щелочекъ выглядывали готовые засмѣяться глаза. Масляныя губы корчили степенную улыбку. Бѣлоснѣжная занѣска такъ плотно облегала пышную грудь ея и круглыя, мягкія плечи, что казалась натянутой черезъ силу.

— Просимъ покорно дорогихъ гостечковъ хлѣба-соли откушать! — церемонно возгласила Устинья Спиридоновна и отдала намъ по глубокому поклону.

Мы съ подобающей чинностью засѣли за столъ. Обѣдъ начался и длился цѣлыхъ два часа.

Уже не помню, съ какого блюда начался этотъ обѣдъ. Не могу сказать съ точностью и о томъ порядкѣ, въ которомъ появлялись блюда послѣдующія, имъ же не было числа. Помню

Digitized by Google

одно, что все подаваемое было чрезвычайно вкусно, хотя и чрезвычайно же обременяло желудокъ. Но аппетитъ нашъ, поощряемый радушіемъ хозяйки, не унывалъ. Теперь припоминая разнообразнѣйшія блюда, имѣвшія мѣсто въ обѣдѣ нашемъ, я только одному удивляюсь, ужели всѣмъ блюдамъ этимъ дѣлали мы честь? А это было такъ. За курятиной холодной слѣдовали гусиные полотки, за ними горячая буженина, потомъ поросенокъ подъ сметаной,—и все побывало въ желудкахъ нашихъ. Не унывали мы и передъ лапшей изъ курицы, и передъ лапшей молочной, и передъ супомъ изъ потроховъ и передъ щами изъ свѣжины. Жареный гусь, жареный поросенокъ, жареная индѣйка, не имѣли претензій обижаться на насъ. Была честь и блинцамъ, жирнымъ, горячимъ блинцамъ съ холодною и густою сметаною. Ѣли и круглый пирогъ съ земляничнымъ вареньемъ. Кушали и нѣжные розанки.

Изо всей этой массы съѣдобнаго, какъ сейчасъ помню жаренаго поросенка. Это было какое-то чудо кулинарнаго искусства. Жирное и бѣлое какъ кипѣнь, мясо этого чуда имѣло какое-то подобіе сливокъ. Дивно-зарумяненная корочка такъ искусно была зажарена, что хрустѣла на зубахъ на подобіе бисквита. Нѣжность и сочность, хрупкость, соединенная съ мягкостью, и красота какъ-бы наливныхъ и слегка подрумяненныхъ боковъ—все очаровывало въ поросенкѣ. Но этимъ еще не кончалось. Въ жирномъ и горячемъ нутрѣ его хранилась каша, и что это была за каша! Предварительно поджаренная на сковородѣ и смѣшанная съ мелко-изрубленной гусиной печенкой, она вся насквозь была проникнута вкуснѣйшей и ароматнѣйшей влагою. Во рту она таяла...

Буженина тоже отличалась невѣроятными свойствами. Когда открыли то подобіе кастрюли, въ которомъ покоилась буженина эта, то изъ нея хлынуло нѣчто до того подмывающе-аппетитное, что вожделѣнія желудковъ нашихъ напряглись до послѣдней степени

Съ уткой вышло недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что вмѣсто ожидаемой утки появился гусь. Утка пропала. По этому поводу у мельничихи съ Степахой были въ сосѣдней комнатѣ какія-то объясненія. Мало того, даже вызывался туда самъ Лазарь. Но утки все-таки мы не видали. Ликъ Степахи являлъ смущеніе. Вѣроятно, она окончательно перепарила утку. Оказалось не то; но объ этомъ послѣ.

Послѣ жаркого, дѣла были въ такомъ положеніи: дыханіе спиралось; въ желудкѣ чувствовалась невѣроятная тяжесть; взглядъ

становился неподвижнымъ и разсѣяннымъ; въ головѣ воцарялся туманъ.

Но впереди предстояло еще испытаніе. Передъ нами появились кипы тонкихъ ноздреватыхъ блинцевъ. При видѣ этихъ кипъ у меня сначала настойчиво поднялось-было негодованіе. Но убѣжденный хозяйкой, попробовалъ я одинъ блинъ и... оказались не блинцы, а блаженство. Представьте себѣ тончайшее кружево изъ нѣжнаго подрумяненнаго тѣста, насквозь пропитанное душистымъ, сливочнымъ масломъ... И вотъ это-то жирное, жгучее кружево опускалось въ холодную, какъ ледъ, и густую, какъ варенецъ, сметану. Впечатлѣніе получалось поразительное. Кипа такихъ кружевъ, добравшись до рта и передавъ подлежащимъ нервамъ невѣроятную смачность свою, казалось, сама собою лѣзла дальше; а въ это время рука, какъ-бы повинуясь инстинктамъ прожорливаго желудка, тянулась за новой кипой.

Ѣли мы трое. Устинья Спиридоновна не садилась и въ томъ и время проводила, что угощала насъ. Но за то угощала мастерски. Въ лицѣ ея на меня повѣяло чѣмъ-то какъ-бы древнерусскимъ. Весь ея добродушный, располагающій обликъ, ея умное и кстати сказанное слово, ея настойчивая, но, несмотря на настойчивость, не надоѣдливая ласка, все это, какъ нельзя болѣе и какъ нельзя лучше, способствовало и аппетиту нашему и великолѣпному расположенію нашего духа. Зоркій глазъ ея неусыпно слѣдилъ за нашими тарелками. Стоило лишь на мгновеніе задуматься вамъ надъ горою жирнаго гуся съ капустой или надъ доброю третью круглаго пирога, какъ ужъ она вмигъ появлялась около васъ и, съ добродушной улыбкой на ясномъ лицѣ, съ мѣткой и, какъ нельзя болѣе, идущей къ дѣлу пословицей, уговаривала-таки васъ не смущаться ни передъ гусемъ, ни передъ пирогомъ. И вы дѣйствительно не смущались. Не смущались, ибо видѣли, что рѣчи Устиньи Спиридоновны не заказныя рѣчи, а именно душевныя, искреннія. Казалось, вся ея душа переселялась въ одно желаніе: обкормить насъ до невозможности.

Я уже сказалъ, что она напомнила мнѣ собою что-то древне-русское. Въ ней, дѣйствительно, было пропасть того, что славянофилы называютъ исконными свойствами народа русскаго. Начиная отъ лица ея, простого, но и въ самой простотѣ своей величаваго, начиная отъ ея незамысловатаго костюма изъ синей китайки и грубыхъ, съ мѣдными шпильками, ботовъ, все обличало въ ней эту исконность. Съ тягучей и важной интонаціей рѣчь ея, пересыпанная образными уподобленіями и безчи-

Digitized by Google

своими пословицами, такъ и переносила насъ въ какую-то новгородскую глушь, гдѣ въ чистотѣ и неприкосновенности и по сихъ поръ, можетъ быть, цвѣтутъ еще свято-русскіе идеалы.

Если Устинья Спиридоновна наблюдала за пищей, Лазарь Парамонычъ не оставлялъ безъ вниманія вино. Послѣ каждой перемѣны рюмки наши аккуратно наполнялись, и въ нихъ то рубиномъ сверкала вишневка, то желтѣла янтарная рябиновка. Наливка, какъ и все, была превосходна. По густотѣ она походила на ликеръ, но безъ приторной сладости послѣдняго. Прозрачна была какъ слеза и нѣжностью уподоблялась хорошему токайскому. Но, вѣроятно, по причинѣ ужаснаго количества истребленной нами пищи, наливка эта плохо дѣйствовала на наши головы. Совсѣмъ не то было съ Устиньей Спиридоновной. Замѣтно, она любила выпить. А такъ какъ пила она вровень съ нами, съ тою только разницей, что мы ѣли, а она нѣтъ, то къ концу обѣда ее и разобрало. Но это, впрочемъ, выказывалось лишь нѣсколько преувеличеннымъ радушіемъ, да какой-то особенной нѣжностью тона.

— Охъ, ужъ и кушайте вы, дорогіе гостечки, приневолѣтесь собою...—причитала она, подсаживаясь то ко мнѣ, то къ Семену Андреичу и устремляя на насъ преувеличенно-ласковые взоры.—Не пожалуйтесь про насъ домашнимъ: зазвалъ-де, Лазарь, гостей, глодать костей...

— Довольны, Спиридоновна, довольны!—отвѣчали мы.

— Гость доволенъ—хозяинъ радъ... А вы все-таки приневолѣтесь, милые... Вотъ ребрышко-то! Кашка-то!.. Крылышко-то!

— Сыты, Спиридовна, сыты..!

— Противъ сытости не споримъ, а безчестья на хозяина не кладите... Охъ, не кладите, гостечки, безчестья!.. Лучше-жъ вы нашу рѣчь послушайте: приневолѣтесь, скушайте!.. Коли пировать, такъ не мудровать...—То-то вотъ горе-то наше: больше мы рады, чѣмъ запасливы... Охъ, не обезсудьте, гости дорогіе... Повинна я вамъ, старая кочерга—душой-то бы рада, да приспѣть-то умѣнья нѣтъ... Къ пищѣ-то вы пріобыкли къ господской, къ напиткамъ-то дворянскимъ, а у насъ, у мужиковъ, одна ѣда: жареное да пареное...

Вообще, подвыпивши, мельничиха обнаружила нѣкоторое поползновеніе къ комплиментамъ, на которые мы, конечно, и не скупились; да и нельзя—по совѣсти нельзя было скупиться.

Обѣдъ почти не прерывался постороннимъ разговоромъ. Все, что мы говорили, имѣло непосредственное отношеніе лишь къ съѣдобному! Только опять-таки къ концу обѣда этотъ невольный

Digitized by Google

церемоніалъ почему-то смягчился, и сама строгая блюстительница его, Устинья Спиридоновна, навела рѣчь на предметы посторонніе. Дѣло пошло съ того, что Лазарь, съ немалою скорбію, посѣтовалъ на засуху, но и посѣтовалъ лишь потому, что она, засуха эта, лишала его крупныхъ барышей, ибо по ея милости вода спала и мельница почти перестала работать. Мельничиха и договорить ему не дала.

— Охъ, не скупись, охъ, не поддавайся жалобѣ, Лазарь,— горячо и настойчиво заговорила она,—али не упомнишь, откуда произошли? Изъ смердовъ вѣдь произошли-то мы... Въ старину вѣдь такъ бывало—лаптишекъ не хватало... Три кола-то вбито, да небомъ покрыто—вотъ и жилье... Платья, что на себя, бывало, а хлѣба, что въ себѣ... Прямо сказать: жили въ тоскѣ, а спали на голой доскѣ, пили квасъ и квасъ хлебали, съ крохи на кроху переколачивались... Ерзнулъ бы, бывало, по лавкѣ, хошь въ старой однорядкѣ, да и той не было!.. Нонѣ, слава великому Господу, живемъ припѣваючи... одна рука въ меду, другая въ патокѣ... Сообразись, Лазарь, али въ чемъ недостача у насъ? Домъ—чаша полная! Али почету нѣту—вся округа шапки ломаетъ... Чего еще? Теперь одно, Парамонычъ, держи свой порядокъ крѣпко, на корысть не падай... Старые люди говаривали: мамонъ гнететъ, такъ и сонъ нейметъ... И опять я тебѣ скажу: лучше жить въ жалости, чѣмъ въ зависти!

— Да я развѣ что...—оправдывался мельникъ:—я только одно говорю: то не извозъ, коли въ путину на кнутъ не заработаешь...

— Не морочь!—даже съ сердцемъ вскрикнула Устинья Спиридоновна, но затѣмъ, помолчавъ немного, снова въ трогательномъ тонѣ продолжала:—эхъ Лазарь, не о хлѣбѣ единомъ...

— Будетъ сытъ человѣкъ,—добавилъ Гундриковъ, поспѣшно проглатывая кусокъ пирога. Онъ все время не сводилъ сладостнаго взора съ мельничихи.

— Вотъ видишь ты, не о хлѣбѣ единомъ сытъ... Не объ водѣ заботься, милый, заботься о бѣдныхъ; при сытости помни голодъ, при богачествѣ—убожество... Такъ ли я говорю, гостечки дорогіе?—обратилась она къ намъ и даже прослезилась немного.

— Такъ, такъ!—закричали мы, а Лазарь, какъ-бы приведенный въ смущеніе, понявъ головою и едва слышно лепеталъ: «да развѣ я... О, Господи!»

— Мы теперь пируемъ вотъ!—все болѣе и болѣе приходя въ паѳосъ, продолжала рѣчь свою Устинья Спиридоновна,—а гляди въ Криворошьѣ съ голоду корчатся... Давно вѣдь тамъ:

Digitized by Google

чего ни спроси, всего ни кроши... Вѣдь по правдѣ-то въ селахъ сѣно только и ходу, что въ воротъ да воду—ни задавиться, ни зарѣзаться нечѣмъ... Извѣстно—голь мудрена и безъ ужина спитъ... А все бы и объ ней надо подумать, объ голи-то. Голь выхаживъ—сытому отрыгается...

— Да развѣ я что... О, Господи... да я хоть сейчасъ!—воскликнулъ Лазарь, все возвышая голосъ и вдругъ вскрикнувъ какъ-бы воющимъ отъ какой-то внутренней боли голосомъ:—къ чорту баришни, безъ барышней вѣкъ промаемся!—прежестоко ударилъ по столу кулакомъ.

Произошло замѣшательство. Но Устинья Спиридоновна сдѣлала строгій выговоръ Лазарю и Лазарь утихъ. Онъ, видимо, сникся передъ женою. Она какъ-будто подавляла его. И когда все успокоилось, она снова начала:

— Достатковъ у насъ хватитъ: маленькая добычка, да большой берегъ—вѣкъ проживемъ; а ты вотъ, Лазарь, чѣмъ объ водѣ-то печалиться, послалъ бы малую толику отцу Кипру, онъ бы, овецъ-то Кипръ, и роздалъ по бѣдняйшимъ. Не хвались серебромъ, хвались добромъ, говоритъ пословица. Отъ честной наживы Богъ жертву любитъ, милый ты мой... Злато-серебро сумой у насъ не пахнетъ—все накоплено вольнымъ торгомъ, да честнымъ трудомъ... Не обмѣрено, не обвѣшено, съ росту не награблено!—Все послѣднее Устинья Спиридоновна произнесла, видимо, для насъ и произнесла съ гордостью.

Обѣдъ кончился прямо умилительной сценой: подвыпившій Лазарь, воскликнувъ: «правда твоя, баба моя сердечная, Устинья Спиридоновна»! распахнулъ поддевку и, выхвативъ изъ бокового кармана туго набитый бумажникъ, вынулъ оттуда двѣ сторублевыхъ.—«Пусть идутъ къ отцу Кипру!»—сказалъ онъ, причемъ и глаза, и лицо его изъявили какое-то безавѣтное молодечество. «Зови Маришку, пусть везетъ къ отцу Кипру... Мы за этимъ не постоимъ!»

Явилася Маришка.

Лазарь подошелъ къ самому лицу Маришки и, шелестя передъ его носомъ деньгами, сказалъ:

— Вотъ видишь двѣ сотельныхъ? Гляди сюда: вотъ одна, вотъ другая... Теперича садись ты на буланаго и катай къ отцу Кипру. Духомъ скатай. Подашь ты отцу Кипру деньги и скажешь: Лазарь, молъ, Парамоновичъ, поклонъ тебѣ шлетъ, слышишь? Это первое дѣло. Второе дѣло, жертвуетъ, молъ, Лазарь Парамоновичъ отъ своего богачества на убогихъ двѣ сотельныхъ и чтобъ не иначе какъ черезъ отца Кипра. Понялъ?.. Да ты гляди

Digitized by Google

на меня, аль рожу-то тебѣ свело!.. Хе, хе, хе... У меня, голубь ты мой, дѣльце до тебя малое есть—посчитаться былъ намъ надо съ тобой, ну, да ужъ катай въ Криворожье, ужо сочтемся...

Лазарь Парамонычъ, съ какой-то милой ехидностью, ткнулъ нѣсколько смущеннаго Мартишку въ животъ и, передавъ ему деньги, проводилъ его.

Мы съ Семеномъ Андреичемъ были поражены. Не знаю, заплакалъ ли я, но по лицу Гундрикова текли слезы. Онъ въ какомъ-то нѣмомъ восхищеніи хлопалъ глазами и прерывающимся шопотомъ произносилъ:—о, вотъ онѣ, исконныя начала... О, вотъ онѣ доблести свято-русскія... Вотъ гдѣ родникъ неумирающей самобытности... О, Русь святая! Какое сердце не дрожитъ, тебя благословляя!..—и при этомъ шелковымъ фуляромъ, изображающимъ карту Европы, отиралъ раскаленныя щеки.

По уходѣ Мартишки, онъ не вытерпѣлъ. Проглотивъ наскоро пукъ блинцовъ и опрокинувъ въ ротъ свой чуть ли не десятую рюмку холодной вишневки, онъ тяжело приподнялся и, съ усиліемъ опираясь на столъ, изъявилъ желаніе произнесть «здравицу». Мы, по примѣру оратора, тоже выпили, а выпивъ, въ почтительномъ молчаніи стали слушать.

— Честная хранительница правды русской!—нѣсколько путающимся языкомъ возгласилъ Гундриковъ, обращаясь къ лицу Устиньи Спиридоновны,—твоими устами вся исконная, вся самобытная Русь возглаголала!.. Въ твоемъ сердцѣ широкое сердце земли русской сказалося!.. (Устинья горько плакала, утираясь передникомъ). Сгинетъ съ лица земли накрахмаленный нѣмецъ; до срока исчезнетъ субтильный французъ; прахомъ пропадетъ поганая туретчина; но ты, святая Русь, превѣчна пребудешь!.. Живо слово русское, ибо мы внимали ему здѣсь вотъ, во всей его силѣ и во всей красѣ его... Живо горячее русское сердце, ибо здѣсь же, во-очію, совершилось передъ нами то, что мы именуемъ дѣяніемъ, присущимъ палящей любви большого брата русскаго къ меньшему брату русскому... Къ тому меньшому брату, коего цвѣтъ и краса женщинъ русскихъ (Семенъ Андреичъ торжественнымъ жестомъ указалъ на рыдающую мельничиху) такъ краснорѣчиво уподобила смердамъ...

Въ это время оратору точно кто далъ шпоры. Внезапно воспрянувъ и внезапно же возвысивъ голосъ до степени крика, онъ, всецѣло обратясь къ мельничихѣ, въ благоговѣйномъ тонѣ аккомпаниста возговорилъ:

— О, ты, подъявшая духъ нашъ на высоту исторической задачи нашей!.. О ты, указавшая смыслъ и значеніе устоевъ

Digitized by Google

нашихъ!.. О ты, воплощенная правда земли русской!.. О, нашу самость и нашу здравость въ духѣ единенія совокупившая... О, проникновенно проникшая въ нѣдра духа русскаго... Ты... ты... ты...

Но тутъ Гундриковъ настоятельно уставилъ палецъ правой руки своей на согбенную фигуру Устиньи Спиридоновны и вдругъ разразился рыданіями.

Эффектъ произошелъ неописуемый. Мы съ Лазаремъ, не щадя животовъ нашихъ, кричали «ура!» и наполняя опустѣвшія рюмки душистой наливкой, воздвигали ихъ... Воздвигая же, чокались и цѣловались и снова будили тишину, царившую д-крестъ, задравшими клювами. Устинья Спиридоновна, неоднократно восклицая «о, чтобъ тебя, Андреичъ—уморилъ!» смѣялась и плакала и обнималась съ сіяющимъ Гундриковымъ. Степаха, просунувъ въ дверь голову свою, сіяла не менѣе Гундрикова и, по временамъ, испускала смѣхъ, подобный ржанію.

Утомленный гамомъ и крикомъ, я вышелъ на воздухъ. На дворѣ стояла тишина. Въ развѣсистыхъ вѣтлахъ игралъ вѣтеръ и онѣ съ важною задумчивостью лепетали листами своими. Водяная струйка съ неустаннымъ постоянствомъ журчала по колесамъ и тихо звенѣла, ниспадая.

По возвращеніи моемъ въ комнату, я замѣтилъ, что взаимная пріязнь собесѣдниковъ еще болѣе разгорѣлась. Мельникъ и мельничиха сидѣли около Гундрикова. Мельничиха обнимала его, а мельникъ угощалъ наливкой. Гундриковъ усиливался сохранить свое достоинство и потому какъ-то уморительно морщилъ лобъ свой и старался вызвать на лицо многозначительное выраженіе, но, вопреки усиліямъ этимъ, сладкая улыбка то-и-дѣло растягивала его губы, придавая лицу нѣсколько дурковатый видъ.

— Знаемъ мы господъ-то!—подобострастно говорилъ Лазарь, смакуя наливку и приглашая къ тому-же Семена Андреича:—знаемъ мы ихъ достаточно... Вотъ Гудѣлкинъ, Ириней Маркычъ—онъ те не то, что подоброхотствовать—онъ русскаго языка не понимаетъ. Ей-Богу!..—Мужикъ ему говоритъ, а онъ не понимаетъ... И онъ ежели мужику заговоритъ—мужикъ его не понимаетъ. Такъ развѣ это возможно? Съ мужикомъ живи, такъ живи не какъ нѣмецъ... Я вамъ, сударь, безъ лести буду говорить: настоящій вы человѣкъ!.. Съ мужикомъ-ли, съ купцомъ-ли—вы все свои... Объ васъ вѣдь иныхъ и рѣчей нѣтъ, кромѣ какъ хорошихъ...

Гундриковъ уподобился коту, котораго щекочатъ за ушами.

Digitized by Google

— Ну, нельзя того сказать... Это ты, Лазарь, можетъ быть, и преувеличиваешь,—для приличія возразилъ онъ.

— Вѣтромъ море колышетъ, молвою народъ, — подхватила Устинья Спиридоновна:—молва не по лѣсу ходитъ—по людямъ... Намъ что?—мы люди тебѣ пріятные—спроси у чужихъ, у сторонніхъ...

— Ну, и что же?—съ самодовольной улыбкой поинтересовался Гундриковъ.

— А и тоже—всѣ одно скажутъ: свой человѣкъ, Семенъ Андреичъ, свой, расейскій.

— А я вотъ оно́мнясь мужичка встрѣтилъ,—произнесъ Лазарь,—ты чей? говорю. «Дурманинскій».—Кто у васъ наболь-шимъ? спрашиваю? «Семенъ Андреичъ».—Хорошъ человѣкъ? (Я-то какъ будто не знаю)—Такой, говоритъ человѣкъ—душа; ежечасно Бога, говоритъ, молимъ за ихнюю милость... Имъ живемъ, имъ дышемъ, говоритъ...

— Я что же—я радъ... Я все что могу... Я русскій народъ люблю,—охорашиваясь сказалъ Гундриковъ и отпилъ немного наливки.

— Да ужъ мало у насъ такихъ управителевъ, какъ ты, сударь,—сказалъ Лазарь, въ пылу чувствъ замѣняя подобострастное *вы* не менѣе подобострастнымъ *ты*:—хозяйскому добру печальникъ первый... Мнѣ тоже вотъ Чумаковъ говоритъ оно́мнясь:—голова, говоритъ, господинъ Гундриковъ; за такой, говоритъ, головой не токмо Дурманинымъ, Шереметеву прожить можно. Вонъ оно что!..

— Что́жъ—я по мѣрѣ силъ... Я совѣсть свою берегу... Я радъ...—окончательно разнѣжился Гундриковъ.

— А ужъ и паны-то твои чудны, Андреичъ—съ соболѣзнованіемъ подхватила мельничиха:—ты бьешься, ты ночей не спишь, ты объ добрѣ объ ихнемъ печалишься,—а они живутъ себѣ припѣваютъ, да объ радѣтеляхъ своихъ забываютъ... Ни отъ нихъ ласки, ни отъ нихъ угожденія...

— Ну, какъ же такъ—я доволенъ... я радъ...—возразилъ нѣсколько оживленный Семенъ Андреичъ.

— Хе, хе, хе—въ мягкомъ тонѣ пустилъ Лазарь:—это ужъ, сударь, нечего бы толковать—баба-то она хоть и баба, а попала въ самую центру. Не по твоимъ заслугамъ тебя цѣнятъ. Твоя заслуга—прямо скажу, не рублевая заслуга, а тысячная.

Семенъ Андреичъ пожалъ плечами. Повидимому, ему и самому начинало казаться, что заслуги его въ должной мѣрѣ не оцѣнены.

— А я тебѣ на этотъ случай притчу, сударь, скажу,—про-

Digitized by Google

молвилъ Лазарь,—и не то, что какую житейскую притчу, а прямо отъ писанія—божественная, значитъ...

Мы, разумѣется, изъявили желаніе послушать притчу.

— Жилъ, скажемъ мы,—началъ Лазарь,—на свѣтѣ хозяинъ—въ Рассеѣ ли, вню ли гдѣ, не знаю,—ну, и нанялъ, значитъ, эфтотъ хозяинъ управителя своему дому. Жестокосердый попался управитель! Ну, и по своему жестокосердію первымъ долгомъ вопалегъ онъ на хозяйскихъ должниковъ. Прямо надо говорить—должникамъ отъ него житья не стало. И проценты ему подавай, и работу ему исправляй—все. А чуть какой не исправенъ, сейчасъ эво..въ яму его. Однимъ словомъ, аспидъ и василискъ... Ну, и былъ, стало быть, у хозяина другой управитель. Тотъ какъ дѣлалъ? Призоветъ тебѣ должника и спрашиваетъ:—что ты хозяину долженъ? — Сто пудовъ масла, говоритъ. —Давай сюда росписку.—Тотъ дастъ росписку, а управитель въ ней и напишетъ: «не сто пудовъ, а семьдесятъ долженъ человѣкъ этотъ». Такъ и съ другимъ. Призвалъ одного, призвалъ другого—всѣмъ далъ послабленіе. Ну, только много-ли, мало-ли времени прошло, переогнали управителей съ мѣстовъ. И добраго согнали, и строптиваго согнали. Ну, и сталъ, скажемъ мы, строптивый бѣдствовать—и не то что нажилъ, а просто главы не зналъ гдѣ преклонить. А другой, добрый-то, значитъ, не токмо сытъ былъ—капиталъ пріобрѣлъ не малый, потому всякое ему угожденье отъ должниковъ и всякое пріятство воспослѣдовало. Вотъ она притча какая!.. Такъ что сказано, самъ Господь добраго управителя-то одобрилъ—добрый ты рабъ мнѣ, говоритъ...

— Представьте себѣ, вѣдь именно есть такая притча въ св. писаніи,—оживленно произнесъ Семенъ Андреичъ, обратясь ко мнѣ, и даже просіялъ,—но въ этомъ переложеніи народномъ она еще какой-то особый, мудро-практическій смыслъ пріобрѣла... Это даже трогательно!..

— Какже не мудрость—самъ Господь одобрилъ!—подтвердилъ Лазарь и затѣмъ неожиданно добавилъ:—вотъ и ты, сударь, слѣдуй... Кони не деньги, друзей кони!

— Не держи сто рублей, держи сто друзей... Въ полѣ пшеница годомъ родится, а добрый человѣкъ всегда пригодится,—поддержала мужа мельничиха и умильно поглядѣла въ осоловѣлые Семенъ-Андреичевы глаза.

— А я чтожъ, я всегда готовъ. Я радъ...—сказалъ Семенъ Андреичъ,—вы вотъ друзья мнѣ и просите чего хотите... (онъ внезапно побагровѣлъ и изъявилъ въ лицѣ своемъ застѣнчивое

Digitized by Google

великодушіе)—Спиридоновна, хочешь подарю телку?—Сейчасъ подарю. Я готовъ... Телка тирольская, а я ее подарю...

— Ты вотъ что, сударь,—перебилъ его Лазарь,—телка-телкой, а Кабановку мнѣ сдай... Честью я тебя прошу: сдай Кабановку.

— И Кабановку сдамъ!..—куражился Семенъ Андреичъ,—и телку подарю, и Кабановку сдамъ... Я все сдамъ!.. Вѣришь, Устинья?

— Ахъ ты, мой батюшка, да кому же намъ и вѣрить-то какъ не твоей милости!—отвѣтила Устинья.

— Да. Я говорю и отдамъ... Мнѣ что Дурманины.—Дурманины мнѣ тьфу (Гундриковъ съ особенной настойчивостью плюнулъ).

— А вотъ Гудѣлкинъ, Ириней Маркычъ,—тонко замѣтилъ Лазарь:—давно бы онъ, говоритъ, Кабановку сдалъ, да правовъ у него такихъ нѣту... Есть, говоритъ, ему на то запретъ—это на счетъ Кабановки-то...

— Гудѣлкинъ? Ириней?—пренебрежительно воскликнулъ Гундриковъ, какъ-то странно скосивъ брови и затѣмъ придавъ и тону своему, и выраженію своей физіономіи строгую оффиціальность, произнесъ:—Лазарь Парамонычъ, не угодно ли сейчасъ же вотъ у этого стола снять въ арендное содержаніе Кабановскую пустошь?

— Триста-двадцать десятинъ будетъ-съ?—почтительно и тоже оффиціально освѣдомился Лазарь.

— Триста-двадцать.

— Въ трехъ поляхъ-съ?

— Да.

— На двадцать лѣтъ, изволите сдавать?

— На двѣнадцать.

— Цѣною какъ-съ?

— Семь рублей.

— Хе-хе,—шутить изволите-съ!

— Чего ты, Лазарь, безпокоишь Андреича,—съ упрекомъ замѣтила Устинья Спиридоновна:—стало быть, ты умомъ-то обносился... Не видишь, Андреичъ для шутки рѣчь повелъ... Гдѣ видали такія цѣны!.. Извѣстно, коли правовъ ему господа не дали,—какъ ее сдать!

Гундриковъ вознегодовалъ.

— Что ты говоришь такое!.. Какъ ты такъ можешь разсуждать!.. Ты баба и больше ничего...

— Охъ, баба я, кормилецъ, баба...—смиренно согласилась мельничиха.

Digitized by Google

— Какая твоя цѣна, Лазарь? Говори скорѣй,—я вамъ докажу... Я докажу Гудѣлкину... Представьте себѣ: правъ я не вѣкъ!.. Ахъ, вы...

Дѣло съ Кабановской пустошью покончилось очень скоро. Не далѣе какъ черезъ десять минутъ передъ Гундриковымъ появился листъ бумаги, на которомъ онъ и начерталъ нетвердою рукою: «*Сдалъ я, Гундриковъ, Кабановскую пустошь г. Дурманиныхъ хутку Лазарю Парамонычу Новичкову, цѣною по пяти рублей десятина и задатку пятьсотъ рублей получилъ*»...

— Другъ!—въ восхищеніи воскликнулъ Лазарь, спрятавъ росписку Гундрикова въ карманъ: — во вѣкъ не забуду твоей услуги!.. Жена! Шипучки...

А Устинья Спиридоновна сокрушалась: «Ахъ я дура, дура... Вѣдь сумлѣвалась я въ тебѣ, Андреичъ, охъ, сумлѣвалась!.. Не чаяла я, сколь въ тебѣ силы много»...

Гундриковъ самодовольно улыбался.

Принесли «шипучку». Это оказалось «тотинское». Мы выпили. Тотинсвое, хотя по своему обыкновенію, и отдавало свеклой, но жажду утоляло превосходно.

— Ну, другъ, еще одно дѣльце! — сказалъ Лазарь послѣ тотинскаго.

— Проси чего хочешь,—великодушествовалъ Гундриковъ.

— Вызволи, сударь, до конца—поддержи новаго хозяина!..

— Проси—все дамъ.

— Охъ, не малая просьба...

— Проси, говорю!—уже настоятельно и какъ-бы съ сердцемъ повторилъ Семенъ Андреичъ.

— Кабановскіе мужики въ петлѣ у тебя...

— Это правда,—самодовольно заявилъ Семенъ Андреичъ.

— Я прямо скажу: ты и царь имъ, и Богъ...

— Это правда. Я доволенъ. Я народъ русскій люблю, онъ господъ своихъ почитаетъ,—высокопарно замѣтилъ Семенъ Андреичъ и погладилъ себя по животу.

— Ахъ, какъ и не почитать-то васъ, голубчикъ,—съ умилительнымъ вздохомъ произнесла мельничиха:—вами, голубчиками, свѣтъ держится... Что звѣзды на небѣ, то бояре на Руси...

— Оборудуй же ты, сударь, дѣльце,—продолжалъ Лазарь:—возьми ты у меня деньги, а подъ работу кабановскихъ мнѣ найми... Я знаю ихъ—народъ, они, завостенѣлый.

— Народъ завостенѣлый, а меня послушаютъ.

— А тебя послушаютъ... Ты—господинъ ихній... И ты, до

Digitized by Google

поры, до времени объ арендѣ скрой, пущай ихъ не знаютъ... А придетъ время, мы и объявимся... хе, хе, хе!..

— О, я ихъ сожму!—бахвалился Гундриковъ,—я имъ гривну за лѣто дамъ и ту возьмутъ... О, я ихъ умѣю завлечь!.. Я бужу въ нихъ исконныя чувства русскаго человѣка... Я ищу въ нихъ струны и нахожу...

Снова появился на сцену листъ бумаги, и на немъ снова начерталъ росписку Семенъ Андреичъ... Изъ росписки явствовало, что онъ обязывается нанять кабановскихъ мужиковъ для работъ на пустоши кабановской и нанять недороже цѣны такой-то, для чего и взялъ онъ у Лазаря Парамоныча Новичкова денегъ столько-то.

И эта росписка потонула въ объемистомъ бумажникѣ мельника.

Не успѣли мы досыта наговориться о сдѣлкѣ и не успѣлъ еще Лазарь повѣдать намъ всѣхъ предположеній своихъ относительно пустоши, а Гундриковъ посовѣтовать ему, какой системы держаться съ мужиками кабановской деревни, какъ возвратился Мартишка. Лазарь, высунувшись въ окно, спросилъ у него, сдалъ ли онъ деньги и затѣмъ, обратясь къ намъ, съ тонкой улыбкой предложилъ:

— А что, господа, — есть такое мое намѣреніе камедь устроить?

— Что-жъ, устрой... Устрой, это насъ позабавитъ,—снисходительно согласился Гундриковъ.

— Это насчетъ утки?—догадалась Устинья Спиридоновна и прибавила: — утку ты мнѣ отмести, Лазарь; Степки, чтобъ не было, а Мартишку проберн. Хорошенько его, пса, проберн!..

Лазарь позвалъ и Степаху, и Мартишку. Оба они предстали предъ нами смущенные.

— Ты жарила нонѣ утятину?—простодушно спросилъ мельникъ.

Та трепетнымъ отъ волненія голосомъ отвѣтила, что жарила.

— Гдѣ же она?

— Перепарилась.

— Такъ. Ты чего-жъ смотрѣла?

— Ихъ милость дожидалась...—указала Степаха на Гундрикова. По мѣрѣ того, какъ допросъ продолжался, голосъ ея крѣпчалъ. Въ немъ даже начинало появляться раздраженіе.

— Куда же ты дѣла перепарену-то?

— Куда... куда!—собакамъ отдала...

— Ахъ ты, пёсье мясо! Такъ и отдала?

Digitized by Google

— Такъ и отдала.

Лазарь обратился къ Мартишкѣ.

— Ты, голубь, давно дома былъ?—съ прежнимъ простодушіемъ спросилъ онъ.

— На прошлой недѣлѣ былъ,—угрюмо отвѣтилъ Мартишка.

— Ржи до новины у домашнихъ хватитъ?

— Куда-те!—съ Егорія покупаютъ.

— Съ Егорія... А ѣдятъ сытно? Разносолы большіе у нихъ?

Мартишка не отвѣчалъ. Онъ, видимо, уразумѣлъ, къ чему клонились разспросы Лазаря... Лазарь многозначительно помолчалъ, не спуская язвительнаго взгляда съ лица Мартишки, и вдругъ разразился руганью. Ругань была артистическая. Въ ней было упомянуто и о неблагодарности людской, и о подломъ людскомъ лицемѣріи, и о скверныхъ свойствахъ Мартишкиныхъ и о свойствахъ его родителей, и объ мошенническомъ поползновеніи всей вообще голи объѣдать добрыхъ людей... Было упомянуто и о двухъ сотенныхъ, только-что пожертвованныхъ Лазаремъ на эту самую неблагодарную голь.

Мартишка молчалъ и стоялъ понурившись. Волосы его свѣсились на лицо. Вся фигура какъ-бы оцѣпенѣла въ смущенной неподвижности. Степаха все болѣе и болѣе озлоблялась, но не дерзая протестовать громко, ограничивалась сердитымъ шопотомъ.

— Я добракъ,—вволю наругавшись сказалъ Лазарь,—я тебѣ на выборъ даю: либо вотъ Богъ, а вотъ порогъ—и ползи по міру—либо говори правду... Говори, ѣлъ ноньче утятину?

Наступило тягостное молчаніе. Наконецъ, Мартишка легонько вздохнулъ и пробормоталъ.

— Было малость...

— Степашка приносила?

Мартишка взглянулъ на нее исподлобья и, взглянувъ, отвѣтилъ:

— Она...

По лицу Степахи выступили пятна. Она съ негодованіемъ плюнула и повернулась-было къ двери, но Лазарь собственной своей особой загородилъ ей дорогу. «Стой, голубушка, — сказалъ онъ,—не спѣши, дай намъ на красу твою налюбоваться»... Степаха осталась. Она уподобилась волчицѣ, попавшей въ тенета... Устинья Спиридоновна, съ выраженіемъ полнѣйшаго безучастія, прибирала остатки обѣда.

— Съ какой стати она тебя утятиной потчивала, а?

Пауза.

Digitized by Google

— Говори, голубчикъ, говори прямо... Сгною—съ голоду издохнешь,—настоятельно повторилъ мельникъ.

Но на губахъ Мартишки точно замокъ висѣлъ.

— Полюбовницей, что-ль, доводилась тебѣ?

Снова послѣдовало тягостное молчаніе.

— Эй, Мартишка,—сгною!.. доводилась?..—какимъ-то шипящимъ голосомъ произнесъ Лазарь.

— Доводилась...—послѣдовалъ смущенный отвѣтъ.

Лазарь внезапно повеселѣлъ.

— Хе, хе, хе... Плутъ же ты, погляжу я на тебя...

— Чурило!—кратко отозвался Гундриковъ.

Степаха прерывисто дышала, но молчала. Изрѣдка она съ ядовитой ненавистью останавливала взглядъ свой на спокойной фигурѣ мельничихи.

— Ну, и когда же вы спознались?—продолжался допросъ.

— Съ Красной горки...

— Хе, хе, хе... Траву, значитъ, почуяли, корма вольные!

— Что же, ты къ ней, Чурило, ходилъ, или она къ тебѣ ходила?—вмѣшался Гундриковъ и плотоядным взглядомъ окинулъ жирную Степаху.

Мартишка молчалъ.

— Открывайся, Мартишка,—вмѣшалась и мельничиха:—попалъ, братъ, въ собачью стаю, лай не лай, а хвостомъ виляй!..

Но не успѣлъ еще Мартишка съ обычной своей угрюмостью доложить, что «она къ нему ходила», какъ Степаха съ разъяреннымъ видомъ бросилась на мельничиху и вцѣпилась ей въ волосы... Мы остолбенѣли. Гундриковъ первый нашелся. Несмотря на колебаніе, ощущаемое имъ въ ногахъ, онъ бросился къ Степахѣ и, крѣпко схвативъ ее поперекъ туловища, оттащилъ отъ мельничихи. Мельничиху подхватилъ подъ мышки Лазарь.

Она была неузнаваема. Весь ея почтенный и даже умилительный обликъ исчезъ безслѣдно и предъ нами бѣшено металась женщина, безъ всякихъ признаковъ «исконности». Впрочемъ, образный языкъ не покинулъ ее и въ такомъ состояніи. Лишенная возможности вцѣпиться въ физіономію соперницы, она сулила ей такую бездну напастей, что становилось жутко. Тутъ были и пожеланія, чтобъ бѣдную Степаху «свило да скорчило, повело бы да покоробило, перекосило бы съ угла на уголъ, да съ уха на ухо»; тутъ и выражалась надежда, что Степаху «затрясетъ лихорадка, возьметъ лихая болѣсть», и она отъ той болѣсти «ни питьемъ не отопьется, ни сномъ не отоспится»; тутъ на несчастную бабу призывался и громъ, которому предстояло

Digitized by Google

разразить ея голову, и «родимецъ», отъ котораго требовалось «затрясти» ее, и «вихорь», которому поручалось «разнести» ея кости вплоть до синяго моря...

Нельзя сказать, чтобъ и Степаха унывала. Если ругань ея уступала ругани мельничихи въ образности, то, кажется, превосходила ее выразительностью. Степаха, она преимущественно склонялась къ біографіи. По ея словамъ «Устюшка» была «подлая тихоня», которая «на людяхъ Богу молится, а въ потемкахъ чорту свѣчку ставитъ»... Не было ехидиѣе мельничихи никого въ свѣтѣ, по словамъ Степахи. Она будто бы и ей всю штуку изъ ревности подстроила: Лазарь-де Парамонычъ къ ней, къ Степахѣ, «приставалъ», а Устинья провѣдала... У Лазаря-де и борода съ той поры порѣдѣла...

Понятно, всѣ эти разоблаченія казались намъ несообразными. Но Устинью Спиридоновну онѣ уязвили глубоко. Подъ вліяніемъ злобы, а отчасти, можетъ быть, и хмѣля, она разрыдалась и порывалась даже рвать на себѣ одежду. Ее увели и уложили спать. Степаху тоже увели. Ее заперли въ кухнѣ. Лазарь хотѣлъ продолжать «камедь» и предлагалъ Степаху высѣчь. Къ чести Семена Андреича нужно сказать, что онъ положительно воспротивился этому. Мало того, онъ даже настоятельно просилъ выпустить Степаху; но Лазарь на это не согласился: онъ все-таки, кажется, не перемѣнилъ своего рѣшенія высѣчь бѣднягу...

...Тусклыя звѣзды уже мерцали въ небѣ, когда мы пустились въ путь. Было тихо. Росы не было, и ночной воздухъ казался душнымъ. Линія горизонта смутно обрисовывалась на западѣ. Таинственная тьма покрывала равнины.

Но тьма эта внезапно разсѣялась. Вдали вспыхнулъ пожаръ, и кровавое зарево зловѣщимъ румянцемъ окрасило небо. Искры заметались и затолклись надъ заревомъ, и поля освѣтились фантастическимъ свѣтомъ.

Чѣмъ-то ужаснымъ и вмѣстѣ величественнымъ повѣяло на насъ отъ картины этой, отъ этого мрачнаго, какъ-бы нахмуреннаго неба, отъ зловѣщаго зарева и печальныхъ полей, на которыхъ отраженіе этого зарева трепетало тихими волнами.

Тишина, стоявшая въ полѣ, казалась грозной и какъ-бы предшествующей чему-то страшному...

Григорій какъ-то усиленно чмокалъ и дергалъ возжами. Онъ спѣшилъ. Но онъ не возвышалъ голоса, какъ не возвышаютъ его въ присутствіи покойника. Онъ пугливо озиралъ окрестность и шепталъ въ благоговѣйномъ ужасѣ: «эка полыхаетъ-то, по-

Digitized by Google

думаешь!» Подъ вліяніемъ этого ужаса, онъ какъ-то странно съежился и прянулъ къ возжамъ.

Господинъ Гундриковъ былъ не въ духѣ. Передъ отъѣздомъ онъ спалъ и лицо у него было смято. Пожаръ не произвелъ на него впечатлѣнія. Онъ съ самаго Крыворожья часто и глубоко вздыхалъ и нетерпѣливо ворочался на мѣстѣ. Иногда онъ испускалъ многозначительное кряхтѣнье; иногда ругался чрезвычайно зло и энергично, но къ кому обращалась ругань, было неизвѣстно.

Я сначала подумалъ, что несчастный мучается похмѣльемъ. Это предположеніе оказалось ошибочнымъ. Семенъ Андреичъ никогда не испытывалъ похмѣлья. Наконецъ, проѣхавъ добрую половину пути, онъ высказался нѣсколько яснѣе.

— Ахъ, рракалья!—во-о-отъ!..

— Кого это вы?

Онъ промолчалъ, испустивъ раздирающій вздохъ, и затѣмъ съ скрежетомъ повторилъ:

— Нѣтъ, каковы рракальи!

— Да кто же?

— Да эти архи-дьяволы!.. Ахъ, подлецы...

— Не пойму...

— Да эти... мельники!.. А? По пяти рублей десятина... нѣтъ, каковы мерзавцы?.. Пять рублей, а?.. А эта святоша-то, Устюшка-то, а? Ахъ, шельма! представьте себѣ, Мареу Посадницу разыгрываетъ, а? какова?... Ахъ вы...

И до самаго дома ругался Семенъ Андреичъ, безтрепетно нарушая торжественную тишину полей, озаренныхъ пожаромъ.

А. Эртель.

Digitized by Google

РАЗДВОЕННОЕ КОПЫТО

Романъ миссъ Брэддонъ

Съ англійскаго.

Глава XIV.—Эдуардъ Клеръ предпринимаетъ путешествіе.

Сидѣть у очага человѣка, пить его вино, стрѣлять его фазановъ, ѣздить на его лошадяхъ, считалось бы въ поселеніи дикарей несовмѣстимымъ съ смертельной ненавистью къ этому самому человѣку. Дикарь ненавидитъ только врага своего и навязчиваго чужестранца. Стэнли говоритъ, что если ему удавалось подойти къ дикарямъ на достаточно близкое разстояніе, чтобы завязать съ ними переговоры, то онъ и спутники его были уже въ безопасности. Затрудненіе заключалось въ томъ, что ихъ встрѣчали тучей стрѣлъ прежде, чѣмъ они могли приблизиться настолько, чтобы начать разговоръ. Разъ, что благородный африканецъ убѣждался въ добрыхъ намѣреніяхъ изслѣдователя, онъ уже болѣе не жаждалъ крови бѣлаго человѣка. Его дикость, по бо́льшей части, означала самозащиту.

Обычаи цивилизованнаго міра не похожи на обычаи жителей пустыни. Существуютъ люди, чью враждебность не побѣдить добротой, люди, которые возьмутъ съ человѣка все, что̀ могутъ, и будутъ до конца искреннѣйшимъ образомъ ненавидѣть его. Эдуардъ Клеръ обладалъ этимъ постоянствомъ въ ненависти. Джонъ Тревертонъ не причинилъ ему прямого вреда, такъ какъ любовь поэта къ Лорѣ никогда не была достаточно сильна, чтобы взять верхъ надъ осторожностью. Онъ желалъ получить Лору и Газльгёрстскій за́мокъ, а не Лору съ ея скромнымъ до-

Digitized by Google

ходомъ въ двѣсти-пятьдесятъ фунтовъ въ годъ. Онъ сердился на судьбу и на Джаспера Тревертона за завѣщаніе, поставившее богатство Лоры въ зависимость отъ ея брака съ наслѣдникомъ; онъ ненавидѣлъ Джона Тревертона за счастіе, выпавшее ему на долю. Ненависть эта въ умѣ его скрывалась подъ личиной благородства. То не была низкая зависть къ чужому благоденствію, то не былъ даже ревнивый гнѣвъ на соперника, говорилъ себѣ Эдуардъ. Нѣтъ, рыцарское стремленіе защищать нѣкогда любимую имъ женщину, великодушное желаніе послужить ей побуждало его сорвать маску съ лица этого лицемѣра. Если человѣкъ этотъ дѣйствительно былъ, какъ полагалъ Эдуардъ, мужемъ танцовщицы Заиры Шико, то бракъ его съ Лорой не былъ бракомъ, и условія, поставленныя духовнымъ завѣщаніемъ, выполнены не были. Помѣстье, обладаніе которымъ могло быть обезпечено только посредствомъ законнаго брака въ теченіе года, слѣдовавшаго за смертью Джаспера Тревертона, было получено путемъ смѣлаго обмана.

Неужели поступокъ этотъ оставить безнаказаннымъ? Неужели дозволить Лорѣ, любовь которой негодяй этотъ такъ заслужилъ, продолжать слѣпо довѣряться ему, до тѣхъ поръ, пока случай не обнаружитъ его безчестія и ея позора? Нѣтъ, Эдуардъ вѣрилъ, что его прямая обязанность бросить свѣтъ на эту тайну, и твердо рѣшился употребить всѣ усилія для выполненія своей задачи.

Этотъ Дерроль, очевидно, креатура Джона Тревертона. Его отрицаніе всякаго сходства между двумя молодыми людьми, по мнѣнію Эдуарда, ровно никакого значенія не имѣло. Въ окрестностяхъ улицы Сибберъ должно было быть не мало людей, способныхъ признать отсутствующаго Шико, еслибъ только ихъ поставить лицомъ къ лицу съ нимъ.

— Удивляюсь, что вы и мистриссъ Тревертонъ не спинались послѣ свадьбы,—проговорилъ Эдуардъ въ одно прекрасное послѣ-обѣда на Рождествѣ, когда Джонъ Тревертонъ настолько поправился, что могъ присоединиться къ маленькому обществу въ книжной комнатѣ, и они всѣ четверо, мистеръ и мистриссъ Тревертонъ, Селія и Эдуардъ сидѣли у камина.

Онъ только-что разсматривалъ, при свѣтѣ пламени, альбомъ съ фотографическими карточками, а потому вопросъ его показался довольно естественнымъ.

— Кстати, Джекъ, я положительно требую, чтобы ты снялся, —весело замѣтила Лора.—Лэди Баркеръ на дняхъ настоятельно

Digitized by Google

просила у меня нашихъ карточекъ. У нея, по ея словамъ, прекрасная коллекція.

— Около полутораста самыхъ близкихъ друзей,—возразилъ Джонъ Тревертонъ,—умильно улыбающихся по всѣмъ правиламъ искусства и дѣлающихъ видъ, что не замѣчаютъ желѣзной распорки, охватывающей ихъ затылокъ. Нѣтъ, Лора, не позволю я солнцу изобразить всѣ мои морщины съ тою цѣлью, чтобы я могъ присоединиться къ улыбающимся физіономіямъ въ альбомѣ леди Барверъ, этомъ якорѣ спасенія для людей слабоумныхъ послѣ скучнаго обѣда.

— Неужели вы никогда не снимались?—спросилъ Эдуардъ.

— Я этого не говорю. Надаръ дѣлалъ мои фотографическія карточки, много лѣтъ тому назадъ, когда я былъ молодъ и легкомысленъ.

— О, Джекъ, какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть портретъ твой, снятый много лѣтъ тому назадъ,—воскликнула Лора.—Куда дѣвались всѣ эти карточки?

— Аллахъ вѣдаетъ,—небрежно отвѣчалъ Джонъ;—роздалъ ихъ Тому, Дику, Гарри, разбросалъ на всѣ четыре стороны. У меня не сохранилось ни одной.

— Nadar,—задумчиво повторилъ Эдуардъ,—вы говорите о парижскомъ фотографѣ?

— Да.

— Вы хорошо знаете Парижъ?

— Каждый англичанинъ, проведшій тамъ двѣ недѣли, знаетъ его столько же, сколько я,—отвѣчалъ Джонъ Тревертонъ.—Я найду дорогу отъ Лувра до Пале-Рояля, и знаю два-три ресторана, въ которыхъ человѣкъ можетъ получить отличный обѣдъ, если пожелаетъ заплатить за него на вѣсъ золота.

Разговоръ о фотографическихъ карточкахъ прекратился.

На другой день Эдуардъ Клеръ выѣхалъ изъ Газльгёрста въ Лондонъ. Онъ объявилъ родителямъ, что ѣдетъ не надолго, но что ему хочется повидать режиссера, предложившаго ему написать историческую драму бѣлыми стихами.

— Его поразилъ драматическій отрывокъ, написанный мною для одного изъ журналовъ,—сказалъ Эдуардъ,—и онъ забралъ себѣ въ голову, что я могу написать пьесу, не уступающую лучшимъ пьесамъ нашего репертуара.

— Поѣзжай, повидайся съ нимъ, Тедъ,—съ восторгомъ воскликнула Сесиль.—Прелестно было бы, еслибъ ты написалъ пьесу. Мы бы всѣ поѣхали въ городъ, чтобы присутствовать на первомъ представленіи.

Digitized by Google

— Неужели?—прервалъ викарій, не отрывая глазъ отъ газеты. — А кто бы заплатилъ за нашу дорогу и за житье въ гостинницѣ?

— Да разумѣется вы,—вскричала Селія.—Это была бы ужъ чистая бездѣлица; еслибъ Эдуардъ явился міру въ качествѣ драматическаго писателя имѣющаго успѣхъ, онъ былъ бы уже на дорогѣ въ фортунѣ, и всѣ мы могли бы себѣ позволить нѣкоторую расточительность. Но кто твой режиссеръ, Тедъ, какіе актеры будутъ играть въ твоей пьесѣ?—освѣдомилась Селія, жаждавшая подробностей.

— Я ничего говорить не стану, пока пьеса моя не будетъ написана и принята,—отвѣчалъ Эдуардъ,—все дѣло, покамѣстъ, еще въ облакахъ.

Селія испустила короткій, нетерпѣливый вздохъ; множество литературныхъ плановъ ея брата начиналось и кончалось въ облакахъ.

— Я, вѣроятно, должна буду смотрѣть за твоей комнатой во время твоего отсутствія, — вскорѣ проговорила она,—и стирать пыль съ твоихъ книгъ и бумагъ?

— Я буду очень радъ, если ты убережешь ихъ отъ рукъ вновь пріобрѣтеннаго матушкой сокровища, въ лицѣ новой горничной,—отвѣчалъ Эдуардъ.

Прежде, чѣмъ ему могли предложить новые вопросы, омнибусъ изъ гостинницы *Георга*, имѣвшій доставить его на станцію въ Бичамптонѣ, остановился у воротъ викаріата; Эдуардъ усѣлся и покатилъ въ обществѣ двухъ полновѣсныхъ фермеровъ и румяной дѣвушки, ѣхавшей на мѣсто и державшей въ рукахъ букетъ зимнихъ цвѣтовъ, картонку и зонтикъ.

Какъ свѣжъ и пріятенъ былъ воздухъ въ это ясное декабрьское утро, почти послѣднее въ году! Какъ живописны были извивающаяся дорога, раскинувшаяся на далекое пространство долина и виднѣвшаяся вдали горная цѣпь.

Глаза Эдуарда Клера окидывали знакомый ландшафтъ и не замѣчали вовсе его спокойной красоты. Умъ его былъ поглощенъ предстоявшимъ ему дѣломъ. Сердце было полно злобы. Его мучилъ злѣйшій врагъ человѣческаго спокойствія—зависть. Мысль о благополучіи Джона Тревертона преслѣдовала его. Онъ не могъ идти своей дорогой и забыть, что сосѣдъ его счастливѣе его самого. Еслибъ судьба улыбнулась его поэтическимъ усиліямъ, еслибъ неожиданный и поразительный успѣхъ вознесъ его до седьмого неба литературной славы и, въ то же время, наполнилъ карманы его деньгами, онъ, можетъ быть, и простилъ

Digitized by Google

бы Джона Тревертона; но при раздражавшемъ его сознаніи неудачи, гнѣвныя чувства его непрестанно усиливались.

Онъ очутился на лондонскихъ улицахъ при самомъ наступленіи сумерекъ, послѣ непріятнаго путешествія. Онъ взялъ свой дорожный мѣшокъ въ руку и отправился пѣшкомъ отыскивать квартиру; средства его были скудны, такъ какъ онъ не рѣшился просить у отца денегъ со времени возвращенія своего въ викаріатъ. Считалось дѣломъ рѣшеннымъ, что онъ будетъ жить на всемъ готовомъ въ Газльгёрстѣ, а муза его позаботится объ удовлетвореніи прочихъ его потребностей.

Онъ не отправился въ ту улицу, въ которой жилъ прежде, унылую, скучную улицу, между Гольборномъ и Британскимъ Музеемъ. Онъ направился въ болѣе населенный кварталъ, заканчивающійся съ одной стороны Лейстеръ-сквером, съ другой— Saint-Martin's Lane, и прошелъ прямо въ улицу Сибберъ. Онъ рѣшился взять комнату въ этой непривлекательной мѣстности, если въ ней окажется свободнымъ приличное помѣщеніе.

Прежде, чѣмъ искать въ другомъ мѣстѣ этого помѣщенія, онъ пошелъ взглянуть на домъ, которому убійство Шико доставило такую страшную извѣстность. Внѣшній видъ его показался ему приличнѣе, чѣмъ когда онъ въ послѣдній разъ видѣлъ его черезъ нѣсколько дней послѣ убійства. Новый, рѣшетчатый ставень изъ проволоки закрывалъ нижнюю часть окна гостиной; новыя, красныя занавѣски граціозно свѣшивались надъ верхними стеклами. Само окно казалось чище, смотрѣло веселѣе, чѣмъ въ то время, когда величавая мистриссъ Рауберъ занимала комнаты перваго этажа. На дверяхъ виднѣлась новая мѣдная дощечка съ надписью: «Мистеръ Джерардъ, докторъ».

Эдуардъ Клеръ смотрѣлъ на эту блестящую мѣдную дощечку взглядомъ, выражавшимъ разочарованіе. Онъ заключилъ вполнѣ естественно, что весь домъ перешелъ во владѣніе доктора мистера Джерарда, и что мистриссъ Эвитъ бродитъ по лондонской пустынѣ, гдѣ ее труднѣе будетъ отыскать, чѣмъ бѣдную Агарь съ ея сыномъ среди песковъ великой пустыни. Покуда онъ стоялъ и раздумывалъ объ очевидной перемѣнѣ, происшедшей въ постановкѣ вопроса, взглядъ его остановился на окнѣ, сквозь стекла котораго виднѣлся свѣтъ. Особа, занимавшая подвальный этажъ, не заставила окна рѣшетчатымъ ставнемъ, обыкновенно скрывавшимъ ея домашнюю жизнь отъ взоровъ толпы, и Эдуардъ усмотрѣлъ, сидящею у очага и наслаждающейся неразсудительнымъ удовольствіемъ, какое доставляетъ сонъ, ту самую мистриссъ Эвитъ, которую онъ почиталъ затерявшейся въ столичномъ лабиринтѣ.

Digitized by Google

Сомнѣнія быть не могло: тѣ же локоны спиралью, то же лицо съ кислымъ, какъ уксусъ, выраженіемъ. То была та самая женщина, съ которой онъ разговаривалъ съ полчаса въ одно холодное мартовское утро, когда осматривалъ мѣсто происшествія, подъ предлогомъ исканія квартиры.

Онъ поднялся по лѣсенкѣ, ведшей къ дверямъ. Колокольчиковъ было два, на одномъ было написано: Докторъ; на другомъ: Домъ. Эдуардъ позвонилъ въ послѣдній; въ отвѣтъ на его звонокъ, черезъ нѣсколько времени, появилась хозяйка съ сердитымъ и заспаннымъ лицомъ.

При видѣ мистера Клера, державшаго въ рукѣ дорожный мѣшокъ, она почуяла жильца и повеселѣла.

— Можно-ли нанять у васъ приличную спальню, во второмъ этажѣ?—спросилъ онъ, такъ какъ онъ, хотя вовсе не вѣрилъ во вліяніе міра духовъ, предпочелъ бы провести декабрьскую ночь на мосту, чѣмъ лечь спать въ той комнатѣ, въ которой la Chicot была убита.

— У меня пустой первый этажъ,—сказала мистриссъ Эвитъ,—прекрасныя комнаты, заново оклеенныя и выкрашенныя.

— Я предпочитаю подняться повыше,—отвѣчалъ Эдуардъ.—У васъ былъ жилецъ по имени Дерроль. Что съ нимъ сталось?

— Уѣхалъ за-границу, путешествовать будетъ, — возразила хозяйка.—Я полагаю, что онъ получилъ наслѣдство. Онъ отправился въ путь настоящимъ джентльменомъ, все съ иголочки, начиная съ чемодана и кончая дорожнымъ одѣяломъ.

— Могу я получить его комнаты на нѣсколько ночей? Я въ городѣ не надолго, но не хотѣлъ бы жить въ гостинницѣ.

— Цѣны тамъ такія высокія, и сношенія никакого,— сказала мистриссъ Эвитъ съ сочувственнымъ видомъ, какъ-бы угадывая его сокровенныя чувства.—Вы можете получить комнаты мистера Дерроля, сэръ, а изъ-за платы мы ссориться не станемъ.

— Комнаты чистыя, надѣюсь?—рискнулъ спросить Эдуардъ.

— Чистыя!—воскликнула мистриссъ Эвитъ, поднимая брови и окидывая его взглядомъ, выражавшимъ негодованіе оскорбленной невинности. — Никто изъ живущихъ у меня когда-либо не задалъ бы этого вопроса. Чистыя, у меня въ домѣ никогда не бывало грязи.

— Я бы желалъ видѣть спальню,—сказалъ Эдуардъ.—До гостиной мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Я цѣлый день буду внѣ дома.

— Если вы обождете, пока я принесу свѣчку, я покажу

Digitized by Google

вамъ обѣ комнаты,—отвѣтила хозяйка.—Вы, я думаю, сейчасъ-же переѣдете?

— Да. Я только-что пріѣхалъ изъ деревни; другой клади, кромѣ этого мѣшка, у меня нѣтъ. Я могу заплатить вамъ за комнаты впередъ, если желаете?

— Денежки-то ужъ нынче больно кстати, когда цѣны на припасы такъ поднялись, — съ вкрадчивымъ видомъ замѣтила мистриссъ Эвитъ.—Хотя я ни минуты бы сомнѣваться не могла въ молодомъ господинѣ съ вашей наружностью.

— Деньги на столъ—лучшая рекомендація,—сказалъ Эдуардъ.—Я въ Лондонѣ чужой человѣкъ, меня никто не знаетъ. Вотъ вамъ соверэнъ. Я думаю, что этимъ мы и покончимъ наши счеты, если я проживу въ вашихъ комнатахъ только недѣлю?

— Будетъ бездѣлица за чистку сапогъ.

— А, ну хорошо.

— И полъ-кроны за огонь въ кухнѣ.

— Извините, на это я не поддамся. Вы, конечно, не ожидаете, чтобы я здѣсь обѣдалъ. Если вы мнѣ утромъ принесете чашку чаю, мнѣ больше ничего не надо, а на томъ же огнѣ, на какомъ кипитъ вашъ котелокъ, вскипитъ и мой.

— Ну, такъ бездѣлицу за услуги.

— Я ничего не обѣщаю. Если мнѣ будетъ покойно, я не забуду васъ при разставаніи.

— Очень хорошо, сэръ,—вздохнула хозяйка.—Я полагаю, что оно на то же и придетъ, но я всегда считаю, что для обѣихъ сторонъ лучше все разъяснить.

Она исчезла въ мракѣ узкаго коридора, темныя стѣны котораго были тускло освѣщены старомодной масляной лампой, и возвратилась черезъ минуту или двѣ съ сальной свѣчкой въ большомъ жестяномъ подсвѣчникѣ. Съ этимъ свѣтильникомъ пошла она впереди мистера Клера по лѣстницѣ, которой неровныя ступеньки и тяжелыя перила свидѣтельствовали о ея древности.

На площадкѣ перваго этажа мистриссъ Эвитъ остановилась чтобы перевести духъ, и Эдуардъ почувствовалъ, что по тѣлу его пробѣжала ледяная дрожь ужаса, когда онъ остановился противъ двери спальной.

— Въ этой комнатѣ была убита та бѣдная женщина?—спросилъ онъ.

— Да, сэръ,—съ унылымъ вздохомъ возразила мистриссъ Эвитъ,—въ этой комнатѣ, не хочу васъ обманывать. Но ее такъ славно отдѣлали, что никому изъ прежде ее видавшихъ не узнать ее. Мой хозяинъ показалъ большую щедрость: «все, что могутъ

Digitized by Google

сдѣлать краска и обои, чтобы примирить съ вами вашихъ жильцовъ, мистрисъ Эвитъ, будетъ сдѣлано», сказалъ онъ. «Вы были хорошей жилицей, всегда минута въ минуту вносили плату за квартиру и мнѣ было-бы очень прискорбно, если-бы вы пострадали». Войдите, сэръ, посмотрите комнату, вы увидите, что въ этой части Лондона не найти болѣе веселой спальни.

Мистрисъ Эвитъ, не безъ гордости, широко растворила дверь и вошла въ комнату, высоко приподнявъ подсвѣчникъ.

— Совсѣмъ новая кровать,—сказала она,—отъ Мэпльса, у котораго всѣ коронованныя лица закупаютъ мебель. Нѣтъ ни коврика, ничего на кровати, ни подушки, ни тюфяка, ничего, ничего, что было въ комнатѣ когда... когда то, о чемъ вы говорили, произошло.

Мистрисъ Эвитъ почему-то увѣровала, что яркіе цвѣта должны быть хорошимъ средствомъ для заклинанія тѣни бѣдной Заиры. Окно и кровать были задрапированы дешевымъ ситцомъ всѣхъ цвѣтовъ радуги. Столь-же яркій коврикъ закрывалъ источенныя червями старыя половицы, на которыя тщетно потрачено было значительное количество мыла, песку и соды съ цѣлью вывести темные слѣды того страшнаго ручья, который протекалъ отъ кровати до порога. Туалетъ былъ драпированъ бѣлой кисеей и розовымъ коленкоромъ. На каминной доскѣ красовались двѣ вазы изъ богемскаго хрусталя и позолоченные часы. Безобразнѣйшія, нѣмецкія, раскрашенныя литографіи украшали стѣны.

— Неправда-ли, веселая комната? спросила мистрисъ Эвитъ.

— Это та маленькая комната, въ которой мужъ работалъ?— освѣдомился Эдуардъ, указывая на дверь.

— Да, но она не отдается вмѣстѣ съ гостиной. Ее нанялъ мистеръ Джерардъ для своихъ книгъ. Вотъ любитъ-то книги человѣкъ. Отъ нихъ не знаешь куда дѣваться.

— Кто такой мистеръ Джерардъ? Ахъ да, это докторъ, живущій внизу. Какъ давно онъ живетъ у васъ?

— Онъ переѣхалъ почти черезъ мѣсяцъ послѣ смерти бѣдной m-me Шико. «Я намѣренъ начать самостоятельно практиковать, мистрисъ Эвитъ», сказалъ онъ. «Вы живете въ густо-населенной мѣстности, и я думаю, что мнѣ бы здѣсь порядочно жилось, если-бъ вы отдали мнѣ дешево вашъ нижній этажъ. Я былъ-бы постояннымъ жильцомъ, а потому должны-же вы это принять въ соображеніе». Я постараюсь уступить вамъ что могу, сказала я, но моя квартирная плата высока, и я никогда еще не вносила ея часомъ позже, чѣмъ бы слѣдовало, и впередъ намѣрена поступать точно также. Что-жъ, сэръ, я отдала ему ком-

Digitized by Google

ты очень дешево, принимая во вниманіе ихъ настоящую цѣну, но я была въ такомъ унынiи, что у меня силъ не хватило торговаться. Эта неблагодарная змѣя, мистриссъ Рауберъ, женщина, за которой я ухаживала, повернула мнѣ спину, когда меня постигло горе, и наняла комнаты надъ мастерской сапожника, въ которыхъ одинъ запахъ кожи можетъ отравить порядочную женщину.

— Что-же, удалось мистеру Джерарду пріобрѣсти практику?—спросилъ Эдуардъ.

— Паціенты-то у него есть,—отвѣчала хозяйка,—да бо́льшею частью безплатные; принимаетъ онъ отъ восьми до девяти часовъ каждое утро. Онъ очень солидно себя держитъ, привычки его самыя скромныя, а расходы до того умѣренны, что онъ можетъ прожить на то, съ чѣмъ другой умеръ бы съ голоду. Онъ, кромѣ того, удивительно искусный молодой человѣкъ; онъ гораздо скорѣй, чѣмъ тотъ знаменитый докторъ, спасъ m-me Шико, послѣ несчастнаго случая, бывшаго съ нею.

— Право!—сказалъ Эдуардъ, вдругъ заинтересовавшійся разговоромъ;—такъ мистеръ Джерардъ зналъ супруговъ Шико?

— Зналъ ихъ! я думаю что онъ ихъ зналъ, бѣдный молодой человѣкъ! Онъ день и ночь, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ухаживалъ за m-me Шико; не будь его, я думаю, что она бы умерла. Никогда не бывало такого усерднаго доктора, и все изъ преданности, онъ не взялъ ни единаго пенса за все свое леченіе.

— Необыкновенный молодой человѣкъ,—замѣтилъ Эдуардъ.

Они поднялись во второй этажъ, и мистрису Клеру были показаны апартаменты, съ которыми мистеръ Дерроль разстался на вѣки. Меблировка была самая жалкая, но комнаты смотрѣли довольно чистенькими, гораздо чище, чѣмъ казались, когда мистеръ Дерроль ихъ занималъ. Эдуардъ бросилъ свой дорожный мѣшокъ на полъ и объявилъ, что доволенъ помѣщеніемъ.

— Не уложите меня спать на сырыя простыни,—сказалъ онъ, причемъ мистриссъ Эвитъ въ ужасѣ подняла руки къ небу, и чуть не заплакала, протестуя противъ столь жестокаго обвиненія.

— Въ цѣломъ Лондонѣ нѣтъ женщины, которая бы тщательнѣе меня провѣтривала бѣлье, — воскликнула она. — Я слишкомъ заботлива, много хорошихъ наволокъ сожгла я, желая скорѣй высушить ихъ этимъ способомъ; но я одна на этомъ теряю и на это не смотрю.

— Миссъ, надо пойти пообѣдать, сказалъ Эдуардъ,—а но-

Digitized by Google

томъ я думаю, что заверну въ театръ. Вы, вѣроятно, можете дать мнѣ ключъ.

— Вы получите тотъ самый ключъ, который имѣлъ мистеръ Дерроль,—любезно возразила мистриссъ Эвитъ, словно предоставляя ему особое преимущество.

— Мнѣ дѣла нѣтъ до того, чей онъ ключъ, лишь бы дверь отворялъ,—отвѣчалъ поэтъ; затѣмъ онъ положилъ ключъ въ карманъ и пошелъ обѣдать въ дешевый французскій ресторанъ, а оттуда въ театръ. Онъ пріѣхалъ въ Лондонъ съ особой цѣлью, но намѣревался извлечь изъ своего путешествія возможно больше удовольствія.

Съ той минуты, какъ Эдуардъ Клеръ узналъ, что Джорджъ Джерардъ лечилъ m-me Шико, онъ ощутилъ сильное желаніе познакомиться съ мистеромъ Джерардомъ. Вотъ человѣкъ, который можетъ помочь ему въ предстоящемъ ему дѣлѣ. Вотъ человѣкъ, который долженъ коротко знать мужа танцовщицы и можетъ узнать Джэка Шико въ лицѣ настоящаго Газльгёрстскаго сквайра. Знакомство съ этимъ человѣкомъ имѣло для Эдуарда Клера большую цѣну. Разъ придя къ положительному заключенію на этотъ счетъ, мистеръ Клеръ, не теряя времени, поспѣшилъ воспользоваться благопріятно для него сложившимися обстоятельствами. Онъ посѣтилъ мистера Джерарда въ первое же утро послѣ своего пріѣзда въ городъ. Было только половина девятаго, когда онъ подошелъ къ дверямъ докторской квартиры, такъ велико было его желаніе обезпечить себѣ свиданіе до отбытія мистера Джерарда изъ дому.

Онъ засталъ Джорджа Джерарда за его скромнымъ раннимъ завтракомъ, состоявшимъ изъ кофе и хлѣба съ масломъ; передъ нимъ лежала раскрытая книга. Глаза Эдуарда замѣтили аккуратность, съ какой былъ одѣтъ докторъ, замѣтили также, что сюртукъ его ношенъ до послѣдней возможности, сколько-нибудь совмѣстимой съ добропорядочностью. Еще мѣсяцъ, и докторъ окажется съ продранными локтями. Онъ замѣтилъ также толстые ломти хлѣба съ масломъ, сомнительнаго вида кофе, съ запахомъ, намекавшимъ на присутствіе въ немъ посторонникъ веществъ. Очевидно, то былъ человѣкъ, которому не легко давалась борьба съ жизнью. Съ такимъ человѣкомъ, должно быть, легко имѣть дѣло.

Джорджъ Джерардъ съ пріятной улыбкой поднялся на встрѣчу гостю.

— Мистриссъ Эвитъ сказала мнѣ, что вы желали меня видѣть,—проговорилъ онъ, указывая рукою на стулъ, стоявшій у нѣсколько жалкаго огня.

Digitized by Google

Научное приспособленіе изъ огнеупорныхъ кирпичей было прилажено къ обширному старому камину, послѣ переѣзда мистриссъ Рауберъ, и онъ теперь вмѣщалъ *minimum* топлива.

— Да, мистеръ Джерардъ, я очень желаю съ полчаса побесѣдовать съ вами.

— Я могу дать вамъ ровно полчаса прежде, чѣмъ отправлюсь на свою дневную работу,—отвѣчалъ Джерардъ, съ дѣловымъ видомъ поглядывая на хорошенькіе часики, стоявшіе на каминной доскѣ.

Комната очень измѣнилась съ того времени, какъ мистриссъ Рауберъ занимала ее. Тогда она казалась типомъ вульгарной гостиной. Теперь она смотрѣла комнатой ученаго. Джорджъ Джерардъ имѣлъ возможность тратить очень мало денегъ на убранство своихъ комнатъ, но онъ покрылъ стѣны полками изъ еловаго дерева, а полки наполнилъ книгами, такими книгами, какія настоящій библіофилъ собираетъ по всѣмъ улицамъ и переулкамъ Лондона. Въ окнѣ онъ поставилъ солидный, старомодный письменный столъ, у камина—два покойныхъ кресла, а каминную доску украсилъ часами и двумя бронзовыми статуэтками, пріобрѣтенными почти задаромъ; получалось общее впечатлѣніе комнаты, которую джентльменъ могъ занять, не краснѣя. Эдуардъ Клеръ видѣлъ все это, не безъ сильнаго чувства зависти. Онъ видѣлъ въ этой способности выносить подобное существованіе ручательство въ возможности, для молодого врача, подняться на крутую гору извѣстности.

— Такого рода люди и успѣваютъ въ жизни,—подумалъ онъ.—Но такой упорной выносливости нельзя ожидать отъ человѣка поэтическаго темперамента.

— Желаете вы говорить со мной какъ съ докторомъ?—спросилъ Джерардъ.

— Нѣтъ, то, что я имѣю сказать вамъ, очень важно, но не относится къ вашей спеціальности и не касается лично меня. Вы знали супруговъ Шико?

Джерардъ, въ свою очередь, былъ заинтересованъ. Онъ взглянулъ на говорившаго съ напряженнымъ вниманіемъ, отъ котораго оживились всѣ черты его лица.

— Да, такъ что же? Вы также знали ихъ? Я никогда не видалъ васъ здѣсь во время ея болѣзни. Вы, можетъ быть, знали ихъ въ Парижѣ?

— Нѣтъ, я никогда не видалъ m-me Шико внѣ сцены. Но я глубоко заинтересованъ въ отысканіи ея убійцы: не ради соб-

Digitized by Google

ственно меня, но въ интересахъ личности, мною уважаемой. Видѣли вы Джэка Шико со времени убійства?

— Нѣтъ, еслибъ я видѣлъ его—Джорджъ... Джерардъ вдругъ оборвалъ свою рѣчь.

— Еслибъ вы его видѣли, вы бы его выдали полиціи, въ качествѣ убійцы жены. Вы это хотѣли сказать?

— Почти. Я имѣю сильныя причины думать, что онъ убилъ ее; а, между тѣмъ, представляются основанія для сомнѣній. Если онъ убійца, къ чему ему было поднимать весь домъ? Онъ легко могъ уйти, и преступленіе было бы открыто лишь нѣсколько часовъ спустя.

— Несомнѣнно, излишняя осторожность. Если вы пристальнѣе взглянете на вопросъ, то увидите, что онъ былъ вынужденъ поднять тревогу. Не сдѣлай онъ этого, уйди и оставь свою мертвую жену, было бы очевидно, что онъ, и онъ одинъ, есть ея убійца. Поднявъ всѣхъ, онъ, по крайней мѣрѣ, могъ показаться невиннымъ, какъ бы впослѣдствіи ни опровергало того его бѣгство.

— Это глубокая тайна,—сказалъ Джерардъ.

— Тайна только для тѣхъ, кто не хочетъ принять естественнаго объясненія загадки. Человѣкъ имѣлъ жену пьяницу. Признанная вещь, полагаю, что m-me Шико была пьяница?

— Да, бѣдняжка. Онъ могъ предоставить ей убить себя посредствомъ водки. Ему бы недолго пришлось ждать.

— Человѣкомъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ, можетъ овладѣть отчаяніе. Допустите, что я могу доказать вамъ, что Шико имѣлъ сильнѣйшій поводъ жаждать избавиться отъ жены своей какимъ бы то ни было способомъ. Допустите, что полученіе имъ въ наслѣдство обширнаго помѣстья было связано съ его бракомъ съ другой женщиной, что онъ уже, съ цѣлью обезпечить себѣ владѣніе этимъ имѣніемъ, заключилъ преступный бракъ съ этой другой женщиной, причемъ она, бѣдняжка, во всей этой исторіи была невинна какъ ангелъ. Допустите, что я все это могу доказать, что бы вы тогда сказали о Джэкѣ Шико?

— Я бы навѣрное сказалъ, что это дѣло его рукъ. Докажите мнѣ только, что онъ имѣлъ достаточно сильную причину къ совершенію этого преступленія; я на основаніи собственныхъ наблюденій знаю, что жена ему надоѣла, и я признаю, что очевидность указываетъ на него какъ на убійцу.

— Какъ вы думаете, достаточно ли имѣющихся теперь на лицо доказательствъ, для преданія его суду?

— Сомнѣваюсь. Бѣгство его сильно свидѣтельствуетъ противъ него; затѣмъ, существуетъ фактъ, что на днѣ его ящика съ

Digitized by Google

красками лежалъ кинжалъ, по формѣ своей соотвѣтствующій ранѣ на шеѣ жертвы. Кинжалъ этотъ нашелъ я; теперь онъ въ рукахъ полиціи; на немъ темныя пятна, какія кровь оставляетъ на сталн, и что до меня, то я нѣ сомнѣваюсь, что этимъ самымъ кинжаломъ была убита la Chicot. Но эти два пункта исчерпываютъ всѣ доказательства противъ мужа. Они достаточно вѣски, чтобы на основаніи ихъ составить предположеніе о его виновности, но я сомнѣваюсь въ томъ, достаточно ли они сильны, чтобы на основаніи ихъ можно было повѣсить его.

— Пусть такъ. Я не хочу его вѣшать. Но я хочу спасти женщину, мною нѣкогда нѣжно любимую и которая до сихъ поръ дороже для меня всѣхъ другихъ женщинъ въ мірѣ, отъ брака, могущаго кончиться ея несчастіемъ и безвременной смертью. Какая участь должна постигнуть такого человѣка, каковъ этотъ Шико, если онъ, какъ мы съ вами полагаемъ, виновенъ? Либо раскаяніе доведетъ его до сумасшествія, либо онъ будетъ переходить отъ преступленія къ преступленію, все ниже и ниже опускаясь въ общественномъ мнѣніи. Дайте мнѣ только сорвать маску съ его лица, разлучить его на вѣки съ его невинной женою, и я этимъ удовольствуюсь. Чтобы достичь этого, мнѣ нужна ваша помощь. Джекъ Шико исчезъ изъ виду у всѣхъ знавшихъ его. Человѣкъ, носившій это имя, теперь землевладѣлецъ, всѣми уважаемый и, на видъ, вполнѣ добропорядочный. Хватитъ ли у васъ самоотверженія на то, чтобы потерять дня два и проѣхать триста миль, съ цѣлью помочь мнѣ доказать тождественность недавняго авантюриста съ настоящимъ владѣльцемъ замка? Путешествіе ваше не будетъ вамъ стоить ни гроша.

— Если я поѣду, то поѣду на свой счетъ,—возразилъ Джерардъ; но вы должны привести мнѣ достаточно сильную причину, чтобы я сдѣлалъ то, о чемъ вы просите.

— Чтобы это исполнить, я долженъ разсказать вамъ длинную исторію,—отвѣчалъ Эдуардъ.

А затѣмъ, не упоминая именъ собственныхъ, онъ разсказалъ исторію завѣщанія Джаспера Тревертона и брака Лоры Малькольмъ. Факты, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ передавалъ, выставляли Джона Тревертона негодяемъ-интриганомъ, способнымъ совершить самое мрачное преступленіе въ видахъ своей личной пользы.

— Долженъ сознаться, что все противъ него,—сказалъ Джерардъ, когда Клеръ окончилъ свое повѣствованіе.

— Но въ этой исторіи есть одно затрудненіе. Вы говорите, что Шико, съ цѣлью обезпечить себѣ владѣніе состояніемъ,

Digitized by Google

женился на молодой особѣ въ январѣ мѣсяцѣ передъ смертью m-me Шико. Теперь, если онъ окончательно рѣшился отдѣлаться отъ своей законной жены, какимъ-бы то ни было способомъ, почему онъ отъ нея не отдѣлался до вступленія своего въ новый бракъ, а послѣ? Преступленіе было бы то же самое, разоблаченіе его не представляло бы бо́льшей опасности. Убійство, совершенное послѣ второго брака, было анахронизмомъ.

— Кто можетъ угадать побужденія его? Онъ могъ не имѣть никакихъ замысловъ противъ жизни жены своей, когда женился на моей знакомой. Онъ могъ считать возможнымъ такъ устроить свою жизнь, чтобы ни единая душа никогда не узнала Джэка Шико въ лицѣ деревенскаго сквайра. Онъ могъ думать, что откупится отъ m-me Шико. Можетъ быть, онъ тогда лишь остановился на мысли объ убійствѣ, когда убѣдился, что ему не обмануть ея любви или ея ревности. Никто, а тѣмъ менѣе человѣкъ, прошлое котораго не можетъ быть ему поставлено въ укоръ, не падетъ сразу въ пучину преступности.

— Чтожъ,—вздохнулъ Джерардъ, послѣ непродолжительнаго молчанія,—я поѣду съ вами, посмотрю на этого человѣка. Я принималъ большое участіе въ судьбѣ этого бѣднаго созданія. Я бы сдѣлалъ многое, чтобы спасти ее отъ послѣдствій ея собственнаго безумія, еслибъ только это было возможно. Да, я поѣду съ вами, мнѣ бы хотѣлось знать, чѣмъ вся эта исторія кончится.

Между молодыми людьми было условлено, что они поѣдутъ вмѣстѣ въ Девонширъ на первыхъ дняхъ новаго года, такъ какъ Эдуардъ Клеръ разсчитывалъ пробыть въ Лондонѣ только недѣлю. Джерардъ имѣлъ сопровождать Клера въ роли его друга и остановиться въ викаріятѣ въ качествѣ его гостя.

Глава XV.—Джорджъ Джерардъ.

Джонъ Тревертонъ вышелъ изъ-подъ докторской опеки до конца рождественскихъ праздниковъ и могъ присутствовать вмѣстѣ съ женою на охотѣ, устроенной въ замкѣ въ первый день новаго года. Оба были верхомъ: онъ на своей породистой лошади, она—на самомъ кроткомъ изъ сѣрыхъ арабскихъ скакуновъ. То была первая охота въ окрестностяхъ замка со времени смерти Джона Тревертона старшаго, отца Джаспера и рьянаго охотника. Джасперъ всегда былъ равнодушенъ къ подобнаго рода забавамъ; но теперь Джонъ Тревертонъ младшій, любившій лошадей и собакъ, какъ и подобаетъ англичанину любить ихъ, желалъ,

Digitized by Google

чтобы все шло такъ, какъ шло во времена его дѣда, вообще извѣстнаго среди старшей части населенія подъ именемъ *стараго сквайра*. Джонъ купилъ пару охотничьихъ лошадей, отличную лошадь для себя, арабскаго скакуна и красивую ирландскую лошадку для жены; они съ Лорой изъѣздили не мало миль въ ясные дни ранней осени, исподоволь пріучаясь къ работѣ въ предстоявшую зиму.

Лора полюбила ирландскую лошадку и страшно баловала арабскаго скакуна. Послѣ упражненій въ верховой ѣздѣ, продолжавшихся съ мѣсяцъ, и многочисленныхъ прыжковъ черезъ кусты дикаго терна и черезъ воду, она дѣйствительно начала хорошо ѣздить, и мужъ надѣялся имѣть удовольствіе служить ей проводникомъ въ ея скачкѣ по полямъ въ погонѣ за оленями, до окончанія охотничьяго сезона. Но онъ имѣлъ намѣреніе быть скорѣй слишкомъ осторожнымъ, чѣмъ опрометчивымъ, и въ день новаго года объявилъ, что проѣдетъ съ Лорой препокойно по дорогѣ и позволитъ ей взглянуть на гончихъ издали. Селія, въ очень короткой амазонкѣ и крайне кокетливой шляпѣ, сидѣла на спинѣ высокой, откормленной, флегматичной, отцовской лошади, поглядывавшей на собакъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Куда дѣвался твой братъ?—спросила Лора, пока онѣ съ Селіей ждали, стоя рядомъ и издали слѣдя за собиравшимися охотниками.—Я не видала его съ моего дѣтскаго праздника.

— Да, развѣ я тебѣ не говорила? Онъ въ Лондонѣ заключаетъ условія на счетъ пьесы, которую долженъ написать для одного изъ большихъ театровъ. Мама нынѣче утромъ получила отъ него письмо. Онъ возвращается домой послѣ-завтра и привезетъ съ собой знакомаго изъ Лондона, который проведетъ два или три дня въ викаріатѣ: это молодой докторъ, красивый, умный, неженатый. Лора, какъ ты думаешь, не скоро будетъ конецъ свѣта?

— Нѣтъ, дорогая, но я поздравляю тебя съ молодымъ человѣкомъ. Онъ составитъ пріобрѣтеніе для нашего кружка. Ты должна намъ его представить.

— Эдуардъ говоритъ, что онъ можетъ пробыть только два или три дня. У него практика. Онъ ѣдетъ лишь съ цѣлью дохнуть деревенскимъ воздухомъ.

— Бѣдный. Какъ его зовутъ?

— Эдуардъ объ этомъ не писалъ намъ. Какъ-нибудь ужасно, вѣроятно Смитъ, или Джонсъ, или Джонсонъ, имя, могущее разсѣять всѣ пріятныя иллюзіи.

Digitized by Google

— Вотъ подъѣзжаетъ мистеръ Сампсонъ.

— Да, на той-же самой лошади, которую впрягаетъ въ свой догкартъ. Повѣрила-ли бы ты когда-нибудь, Лора, чтобы лошадь могла мириться съ своимъ существованіемъ, имѣя такъ много костей и такъ мало мяса?

Вотъ все, что Лора услыхала объ ожидаемомъ въ викаріатѣ гостѣ, но бѣдная Селія въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней была въ волненіи, неразлучномъ съ ожиданіемъ, исполненнымъ недоумѣнія. Она особенно заботилась объ украшеніи комнаты брата, но вздыхала, когда думала о томъ, сколько времени изъ короткаго посѣщенія незнакомца будетъ проведено за запертыми дверями этого мужского убѣжища.

— Желала-бы я знать, любитъ-ли онъ чай, — размышляла она, въ послѣдній разъ эффектно разставляя разнообразныя бездѣлки, украшавшія кабинетъ поэта:—и будетъ ли мнѣ дозволено въ сумерки приходить къ нимъ. Очень можетъ быть, что это одинъ изъ тѣхъ мужчинъ, мужчинъ до отвращенія, которые терпѣть не могутъ разговаривать съ дѣвушками и строятъ мрачныя физіономіи, какъ только вынуждены выносить женское общество. Докторъ? пожалуй науку любитъ и сухія кости. Эдуардъ называетъ его красивымъ, но я думаю, что это было сказано лишь съ цѣлью расположить насъ въ его пользу и обезпечить ему вѣжливый пріемъ.

Такъ размышляла барышня въ тотъ январьскій вечеръ, когда братъ ея и другъ ея брата ожидались въ викаріатѣ. Омнибусъ изъ гостинницы *Георга* долженъ былъ доставить ихъ со станціи, а омнибусъ этотъ приходилъ обыкновенно въ четверть восьмого. Теперь на церковныхъ часахъ било семь, торжественный звукъ этихъ часовъ отсчитывалъ часы жизни Селіи, съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнила.

— Семь,—воскликнула она, а мои волосы не убраны.

Она проскользнула къ себѣ въ комнату, зажгла свѣчи на туалетѣ, взяла въ руки маленькое зеркальце, чтобы удобнѣе разсмотрѣть зданіе изъ волнистыхъ локончиковъ, вѣнчавшее ея маленькую, красивой формы головку.

Она весело распѣвала пѣсенку, улыбаясь себѣ въ зеркало, расправляя свои любимые локончики и разглаживая мизинцемъ уголки бровей.

— Что за благополучіе не быть вынужденной пудриться и имѣть губы, красныя отъ природы,—говорила она себѣ.—Ради этого можно почти примириться съ тѣмъ, что заживо похоронена въ деревнѣ.

Digitized by Google

Она надѣла свое лучшее платье въ честь гостя. Это вовсе не былъ изысканный туалетъ, въ немъ не было ни сложнаго фасона, ни артистически перемѣшанныхъ матеріаловъ; лучшее платье Селіи было сшито изъ темно-зеленаго французскаго мериноса и убрано лентами, красиво расположенными въ видѣ бантовъ, узловъ и длинныхъ концовъ. По счастію, цвѣтъ этотъ былъ Селіи къ лицу, и мягкая ткань падала изящными складками вокругъ ея стройной фигуры. Вообще Селія осталась довольна собой, потушила свѣчи и сбѣжала внизъ.

Солидный чай-обѣдъ ожидалъ путешественниковъ въ столовой, къ великому неудовольствію викарія, ненавидѣвшаго подобныя комбинаціи и привыкшаго обѣдать ровно въ половинѣ седьмого.

— Ну, что намъ за охота найдаться всякой дрянью?—досадливо спросилъ онъ. Почему не могли эти молодые люди быть здѣсь во-время и поспѣть къ нашему обыкновенному обѣду?

— Да потому что не было поѣзда, который-бы могъ привезти ихъ, милый, недогадливый, старый pater,—возразила легкомысленная Селія.—Ну, право столъ славно смотритъ.

Большой, холодный ростбифъ на одномъ концѣ стола, самоваръ и чайный поднось на другомъ, а въ серединѣ пирогъ съ голубями, салатъ, яблочное пирожное, штуки двѣ сладкихъ пирожковъ домашняго приготовленія, стеклянные кувшины съ вареньемъ, вазы съ мармеладомъ сулили двумъ голоднымъ молодымъ людямъ много хорошаго; но викарій осмотрѣлъ столъ отъ одного конца до другого, и ничто ему не понравилось.

— Вѣроятно, никто не подумалъ заказать для меня что-нибудь горячее,—съ обиженнымъ видомъ замѣтилъ онъ.

Всѣмъ членамъ семьи было извѣстно, что викарій не можетъ ѣсть ничего холоднаго; онъ не то, чтобы не хотѣлъ, а просто не могъ. Послѣдствія были слишкомъ ужасны. Никто, кромѣ его самого, не зналъ, какія муки онъ испытывалъ, если бывалъ вынужденъ поѣсть холодной говядины или баранины. Желудокъ его переварилъ омары, онъ могъ даже примириться съ холоднымъ цыпленкомъ, но натура его положительно не принимала холодной баранины или говядины.

— Голубчикъ,—сказала Селія, приподнимаясь на цыпочки съ цѣлью поласкать сѣдую бороду отца,—для васъ заказано блюдо котлетъ подъ грибнымъ соусомъ, до котораго вы охотникъ.

Викарій вздохнулъ съ облегченіемъ, и въ эту самую минуту послышался стукъ колесъ по дорогѣ; ворота викаріата съ шумомъ растворились; мистеръ Клеръ съ дочерью вышли на встрѣ-

Digitized by Google

чу путешественникамъ, а мистриссъ Клеръ, задремавшая-было у камина въ гостиной, открыла глаза и съ недоумѣніемъ спрашивала себя—ночь теперь или утро.

Какого рода человѣка увидала Селія, когда вошла въ освѣщенную лампой залу, робко пріютившись подъ крылышко къ отцу? Вовсе не того молодого человѣка, какого ожидала встрѣтить; однако-жъ, несмотря на это, наружность его произвела на нее благопріятное впечатлѣніе. «Онъ поразительно оригиналенъ», впослѣдствіи говорила она Лорѣ, «а это въ нашъ вѣкъ всего заурядnаго много значитъ». Она увидала высокаго широкоплечаго человѣка, съ рѣзкими, но правильными чертами бѣднаго, слегка тронутаго оспой лица, съ черными волосами и черной бородой и темно-сѣрыми глазами, замѣчательно выразительными и блестящими, смотрѣвшими изъ-подъ густыхъ черныхъ бровей.

— Что за мысль назвать этого суроваго съ виду человѣка красивымъ,—подумала Селія, пока отецъ ея и мистеръ Джерардъ пожимали другъ другу руки; въ слѣдующее же мгновеніе суровый съ виду человѣкъ улыбнулся, и Селія сказала себѣ, что улыбка его пріятная.

— Вы должны быть страшно голодны,—сказалъ викарій,—если не пообѣдали дорогой.

— Пообѣдали дорогой,—раздражительно повторилъ Эдуардъ. —Мы ѣхали въ третьемъ классѣ и ничего не ѣли, кромѣ нѣсколькихъ сухарей съ девяти часовъ утра.

— Бѣдняги,—съ невыразимымъ состраданіемъ воскликнула Селія,—но я не могу не радоваться, вы съ такимъ удовольствіемъ напьетесь чаю.

Эдуардъ представилъ своего друга отцу и сестрѣ, а теперь представлялъ его мистриссъ Клеръ, которая вышла изъ гостиной любезно улыбаясь и стараясь не показаться сонной.

Они всѣ вошли въ столовую, гдѣ столъ, къ которому викарій отнесся съ превреніемъ, показался обоимъ молодымъ людямъ землей обѣтованной. Самоваръ кипѣлъ; Селія приготовляла чай, а мистриссъ Клеръ возсѣдала на другомъ концѣ стола и рѣзала холодную говядину щедрой, материнской рукой. Общество было самое веселое; Джорджъ Джерардъ былъ хорошій собесѣдникъ, а викарій былъ очень радъ встрѣчѣ съ умнымъ молодымъ человѣкомъ, только-что пріѣхавшимъ изъ Лондона и посвященнымъ во всѣ тайны столичной политики, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ опережающей политику деревенскую.

Они просидѣли за столомъ полтора часа, и тѣ три четверти часа, въ теченіе которыхъ Джерардъ, откинувшись на спинку

Digitized by Google

стула, разговаривалъ съ Селіей и съ викаріемъ,—онъ сидѣлъ между ними и поглощалъ немалое количество чашекъ чаю, показались этому молодому человѣку самыми пріятными.

Давно, очень давно не бывалъ Джерардъ въ такой веселой комнатѣ, ни въ такомъ пріятномъ обществѣ. Семейная обстановка, его окружавшая, согрѣвала ему сердце, охлажденное долгимъ скитальчествомъ. Семейная исторія, лежавшая позади его суровой карьеры, была не изъ счастливыхъ. Негодяй отецъ, не воспользовавшійся благопріятно для него сложившимися обстоятельствами и промотавшій свое состояніе; мать, благородно боровшаяся противъ несчастія, пытавшаяся наперекоръ всему сохранить, при помощи собственныхъ трудовъ въ сферѣ искусства и литературы, свой уголокъ для недостойнаго мужа и обожаемаго сына; юность, проведенная въ дешевомъ шотландскомъ университетѣ, а на порогѣ возмужалости потеря этой терпѣливой, нѣжно-любимой матери, уже нѣсколько лѣтъ вдовѣвшей. Тогда молодой человѣкъ очутился лицомъ къ лицу съ суровой нуждой, среди холоднаго, равнодушнаго свѣта, который ничего о немъ не зналъ и вовсе о немъ не заботился. Онъ началъ битву съ жизнью съ твердой рѣшимостью стать въ ряды побѣдителей. Честолюбіе его было суровое и горькое. У него не было вовсе тѣхъ импульсовъ, какіе услаждаютъ трудъ, когда человѣкъ знаетъ, что онъ работаетъ для матери, жены или дѣтей. У него не было ни единаго роднаго существа, которое бы порадовалось его успѣхамъ или пожалѣло о его неудачахъ. Еслибы природа не создала его изъ крѣпкаго матеріала, онъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, палъ бы очень низко. Болѣе слабой душѣ борьба безъ чьей-либо поддержки показалась бы слишкомъ безотрадной.

По счастію для Джорджа Джерарда онъ любилъ свою профессію, ради ея самой. Любовь эта замѣнила ему человѣческое сочувствіе и человѣческую пріязнь. Слово одобренія отъ одного изъ знаменитыхъ медиковъ, посѣщавшихъ госпиталь, слово благодарности отъ одного изъ собственныхъ паціентовъ, сознаніе, что онъ удачно велъ леченіе, всѣ эти вещи веселили и поддерживали его, и онъ шелъ своей трудной дорогой, съ поднятой смѣло головой и съ гордымъ сердцемъ, увѣренный въ успѣхѣ, ожидавшемъ его въ концѣ этого пути, если онъ только доживетъ до этой минуты.

Нынѣче вечеромъ онъ отдавался всецѣло новому для него удовольствію, доставляемому пріятнымъ обществомъ. Веселая комната, меблированная съ тѣмъ разнороднымъ комфортомъ, какой обозначаетъ постепенное разростаніе семейнаго жилища, темно-

Digitized by Google

красныя занавѣски, плотную закрывавшія широкое окно, фамильные портреты на стѣнахъ, лампы на столахъ, свѣчи на каминной доскѣ, груда дровъ и угольевъ, весело трещавшая въ каминѣ, и любимая собака викарія, съ наслажденіемъ протянувшаяся на коврѣ передъ огнемъ.

— Не хочется мнѣ идти въ гостиную, — сказалъ викарій, подкатывая свой стулъ къ камину, когда убрали со стола. Я увѣренъ, что у васъ тамъ нѣтъ такого славнаго огня.

Мистриссъ Клеръ согласилась, что огонь въ гостиной могъ бы горѣть ярче.

— Ну, и прекрасно, мы здѣсь и кончимъ вечеръ. Если эти молодые люди пожелаютъ курить, они могутъ отправиться въ комнату Теда.

Мистеръ Джерардъ объявилъ, что онъ курить не желаетъ. Ему и такъ было слишкомъ хорошо. Тогда викарій началъ разспрашивать его объ его профессіи, о томъ, что подѣлываютъ такой-то и такой-то, и каковы новички, лишь въ недавнее время составившіе себѣ репутацію. Джерардъ говорилъ всего лучше, когда говорилъ о собственномъ ремеслѣ, и Селія, занимавшаяся плетеніемъ кружевъ въ уголку у камина, подумала, что онъ, когда оживится, дѣйствительно становится красивымъ. Лицо его такъ рѣзко отличалось отъ всѣхъ этихъ цвѣтущихъ, румяныхъ, деревенскихъ лицъ, какія встрѣчались ей въ ея ежедневной жизни; на этомъ лицѣ лежала печать сильнѣйшей рѣшимости, его оживлялъ могучій умъ. Наблюдательный взглядъ дѣвушки отмѣчалъ каждую характеристическую черту въ этой привлекательной наружности. Она замѣтила также, что черный сюртукъ молодого человѣка былъ ношенъ долѣе любого платья, когда-либо видѣннаго ею на братѣ; что сапоги его были грубой работы, что цѣпочка на его часахъ была серебряная, и что на немъ не видно было никакихъ золотыхъ вещицъ, какія любитъ выставлять на показъ зажиточная молодежь. Селія Клеръ не любила бѣдности. Она смотрѣла на нее, какъ на необходимое зло, но охотно держалась отъ нея какъ можно дальше. Бѣдныхъ, находившихся подъ покровительствомъ отца ея, она посѣщала крайне неохотно и всегда удивлялась тому, какъ могла Лора такъ отлично ладить съ бѣдствующими классами общества. Тѣмъ не менѣе, она принимала горячее участіе въ этомъ молодомъ докторѣ, невинтересная бѣдность котораго была вполнѣ очевидна.

Digitized by Google

Глава XVI.—Ты—онъ.

Слѣдующій день было воскресенье. Джорджъ Джерардъ поднялся, какъ только разсвѣло, и отправился прогуляться по полямъ до перваго завтрака, который подавался въ девять часовъ. Кратковременное пребываніе въ деревнѣ было ему пріятно даже въ холодную январскую погоду, и онъ желалъ воспользоваться имъ. Когда онъ воротился въ викаріатъ съ своей прогулки, онъ засталъ Эдуарда Клера курящимъ сигару въ саду.

— Что вы за чудакъ, что разгуливаете въ такую холодную погоду!—воскликнулъ Эдуардъ въ видѣ привѣтствія.—Я бы желалъ поговорить съ вами нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ мы пойдемъ завтракать. Пожалуй, намъ послѣ не удастся остаться наединѣ. Селія всегда такъ суетится въ воскресенье утромъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы пошли съ нами въ церковь, если вы ничего противъ этого не имѣете.

— Я самъ думалъ идти. Надѣюсь, вы не полагаете, чтобы я питалъ къ церкви антипатію?

— Трудно знать, какъ человѣкъ смотритъ на эти вещи. Не думаю, чтобы молодые лондонскіе врачи особенно усердно посѣщали церковь.

— Когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, я каждое воскресенье бывалъ въ церкви съ своею матерью, и это были самые счастливые дни моей жизни. Еслибъ я не любилъ воскреснаго утренняго богослуженія ради его самого, я бы любилъ его за то, что оно напоминаетъ мнѣ ее.

— Ахъ,—вздохнулъ Эдуардъ,—мнѣ думается, что когда человѣкъ лишится матери въ раннюю пору жизни, онъ всегда уже относится къ ней нѣсколько сентиментально. Но когда мать достигнетъ пожилыхъ лѣтъ, любить ее можно, но поэтическихъ чувствъ къ ней питать нельзя. Знаете, почему я хочу, чтобы вы отправились съ нами въ церковь, Джерардъ? Джонъ Тревертонъ такъ наѣрное будетъ. Вамъ представится отличнѣйшій случай всмотрѣться въ него. Наша скамья какъ разъ противъ его скамьи. Онъ будетъ у васъ передъ глазами въ теченіе всего богослуженія.

— Прекрасно,—согласился Джерардъ. Если этотъ мистеръ Тревертонъ и Джекъ Шико—одно и то же лицо, я узнаю его, гдѣ бы его ни встрѣтилъ.

Селія была въ отличномъ расположеніи духа во время завтрака и разливала чай и кофе съ живостью и граціей, достой-

Digitized by Google

ными героини французской комедіи. Присутствіе посторонняго молодого человѣка удивительно оживляло ее. Селія была благодарна брату за то, что онъ доставилъ ей это необычное, среди однообразнаго теченія сельской жизни, развлеченіе. Она старательнѣе обыкновеннаго надѣвала шляпу, чтобы идти въ церковь, хотя операцію эту она всегда совершала съ нѣкоторой заботливостью; какъ-то такъ случилось, что она прошла рядомъ съ мистеромъ Джерардомъ тѣ нѣсколько сотъ ярдовъ, какіе отдѣляли викаріатъ отъ церкви.

Общество изъ викаріата вошло въ церковь изъ первыхъ. На галлереѣ были только пріютскія дѣти, а на общихъ скамьяхъ виднѣлось нѣсколько старушекъ. Джентри съѣзжалось не спѣша.

Вотъ мистеръ Сампсонъ, стряпчій, рыжѣе, чѣмъ когда-либо, и съ нимъ миссъ Сампсонъ въ совершенно новой шляпкѣ. Вотъ лэди Баркеръ, маленькая, толстая, въ старомодномъ бархатномъ плащѣ, опушенномъ коричневымъ мѣхомъ и въ шляпѣ, достигшей до крайнихъ предѣловъ безобразія; но когда называешься лэди Баркеръ и живешь въ одномъ и томъ же домѣ въ теченіи тридцати-пяти лѣтъ, то можешь носить что угодно.

Вотъ супруги Кютслей изъ Бичамптона, мужъ—бывшій торговецъ желѣзомъ, а жена, разряженная въ бархатъ и соболя, съ какой-то яркой птицей на шляпѣ. Вотъ пріѣхала мистриссъ Даракотъ, богатая вдова, мужъ которой былъ самымъ значительнымъ фермеромъ во всемъ округѣ, и которая смотритъ такъ, точно весь Газльгёрстъ принадлежитъ ей; и вотъ наконецъ, послѣ еще нѣсколькихъ незначительныхъ личностей, появились и Джонъ Тровертонъ съ женою.

Черезъ двѣ минуты по прибытіи послѣднихъ, викарій объявилъ присутствующимъ, какой новогодній гимнъ они имѣютъ пѣть, и молящіеся поднялись съ своихъ мѣстъ.

— Онъ удивительно измѣнился,—говорилъ себѣ Джорджъ Джерардъ стоя лицомъ къ лицу съ Джономъ Тревертономъ,—но это тотъ самый человѣкъ, котораго я зналъ въ улицѣ Сибберъ, и никто другой. Да, это былъ Джекъ Шико. Счастіе оживило его лицо, вызвало на немъ румянецъ, довольство смягчило рѣзкость его очертаній; впалыя щеки пополнѣли, дикіе глаза снова сіяли и смотрѣли такъ же радостно какъ въ юности. Но это былъ тотъ самый человѣкъ, на лицѣ котораго Джорджъ Джерардъ, полтора года тому назадъ, прочелъ тайну его несчастнаго брака.

Смотрѣлъ ли онъ неуличеннымъ убійцей? Смотрѣлъ ли онъ человѣкомъ, мучимымъ раскаяніемъ, согнувшимся подъ бременемъ преступной тайны? Конечно, нѣтъ. Онъ смотрѣлъ прямо, какъ

Digitized by Google

человѣкъ, совѣсть котораго чиста. Если онъ точно виновенъ, онъ долженъ быть царемъ лицемѣровъ.

Жена его стояла подлѣ него, и Джорджъ Джерардъ съ мучительнымъ участіемъ посмотрѣлъ и на нее. Что за прелестное, дышащее довѣрчивостью личико, сіяющее невинностью и довольствомъ. Неужели сдѣлать это невинное созданіе несчастнымъ, обнаруживъ передъ ней обманъ мужа? Неужели разбить ея сердце съ тою лишь цѣлью, чтобы Джонъ Тревертонъ былъ наказанъ?

Эдуардъ Клеръ говорилъ, что ради ея желаетъ онъ узнать истину касательно ея мужа, чтобы спасти ее отъ унижающаго ее союза, защитить отъ человѣка, который въ душѣ былъ негодяемъ.

Джорджъ Джерардъ, по временамъ, въ теченіе богослуженія наблюдалъ за мужемъ и женою. Онъ не замѣтилъ ничего, кромѣ спокойнаго довольства на лицѣ Джона Тревертона. Подобная беззаботность со стороны того, кто былъ мужемъ la Chicot, озлобила Джерарда.

— Будь эта женщина моей женою, я бы погоревалъ о жестокой судьбѣ, постигшей ее, я бы отъ души ее оплакалъ, несмотря на ея паденіе. Но будь она моей женою, она бы никогда не пала такъ низко. Задачей жизни своей поставилъ бы я себѣ —спасти ее.

Такъ разсуждалъ человѣкъ, страстно любившій прекрасную, бездушную женщину и никогда не постигавшій всей пустоты ея ума и сердца.

Однажды въ теченіе богослуженія Джонъ Тревертонъ взглянулъ на противоположную его скамьѣ сторону церкви и увидалъ слѣдившіе за нимъ суровые, сѣрые глаза. По одному этому взгляду Джерардъ понялъ, что его узнали.

— Что онъ сдѣлаетъ, если мы сейчасъ встрѣтимся? — спрашивалъ себя Джерардъ. — Навѣрное повернетъ мнѣ спину.

Они встрѣтились, такъ какъ по выходѣ изъ церкви Лора остановилась, чтобы поговорить съ мистриссъ Клеръ и Селіей. Эдуардъ и его пріятель стояли нѣсколько позади ихъ.

— Это онъ?—шопотомъ спросилъ Эдуардъ.

— Да, — отвѣчалъ Джерардъ. Они пошли всѣ вмѣстѣ по кладбищенской дорожкѣ; у воротъ произошла остановка. Лора желала, чтобы все общество изъ винаріата отправилось завтракать въ замокъ, но мистриссъ Клеръ отказалась. Конечно, дѣти могутъ дѣлать что хотятъ, —сказала она, какъ будто ея дѣти когда-либо поступали противъ собственнаго желанія съ тѣхъ поръ, какъ

Digitized by Google

вышли изъ безпомощнаго состоянія, присущаго раннему дѣтству. Даже въ колыбели у нихъ была своя воля.

Селія взглянула на брата и, по движенію его бровей, угадала, что ей слѣдуетъ отказаться.

— Я думаю, что намъ лучше возвратиться домой къ завтраку, —кротко замѣтила она.—Папа̀ любитъ, чтобы мы были дома по воскресеньямъ.

Затѣмъ она слегка дернула брата за рукавъ.

— Ты не представилъ мистера Джерарда,—шепнула она ему.

— Ахъ, точно. Мистеръ Джерардъ, мистриссъ Тревертонъ, мистеръ Тревертонъ.

— Мы съ мистеромъ Джерардомъ прежде встрѣчались и вдобавокъ при такихъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе коихъ я остался у него въ долгу,—сказалъ Джонъ Тревертонъ, протягивая руку. Джерардъ приподнялъ шляпу, но, казалось, не видалъ протянутой ему руки. Эта неожиданная откровенность застигла его врасплохъ. Онъ приготовился ко всему, но никакъ не къ тому, что Джонъ Тревертонъ призна́етъ ихъ прежнее знакомство.

Это была смѣлая выходка, если человѣкъ этотъ виновенъ; но опытность Джерарда научила его тому, что виновные по бо́льшей части смѣлы.

— Я былъ бы очень радъ поговорить съ вами минутъ десять, мистеръ Джерардъ,—сказалъ Тревертонъ.—Не пойдете ли вы нашей дорогой?

— Мы всѣ дойдемъ до за́мка,—сказала Селія.—Намъ не къ чему возвращаться домой раньше двухъ часовъ, не правда ли, мама?

— Нѣтъ, голубка, но пожалуйста будьте аккуратны,—отвѣчала добродушная мать.—А я прощусь съ вами, дорогая Лора.

Пока Лора остановилась на минуту, чтобы проститься съ мистриссъ Клеръ, Тревертонъ и Джерардъ опередили Селію и ея брата и зашагали по окованной морозомъ дорогѣ, подъ обнаженными вязами.

— Міръ гораздо меньше, чѣмъ я его считалъ,—началъ Джонъ Тревертонъ, послѣ непродолжительнаго молчанія,—иначе мы съ вами врядъ ли бы встрѣтились въ такомъ отдаленномъ уголку его, каковъ этотъ.

Джерардъ ничего не сказалъ.

— Неужели вы не удивились, увидавъ меня въ столь измѣнившихся условіяхъ? — спросилъ Тревертонъ, послѣ непріятной паузы.

— Да, я, конечно, удивился.

Digitized by Google

— Я хочу обратиться къ вашимъ добрымъ чувствамъ; скажу болѣе—къ вашей чести. Жена моя ничего не знаетъ о моей прошлой жизни. Кромѣ того, что она была бурная и безумная, вамъ слишкомъ хорошо извѣстно, какое униженіе заключалось для меня въ моемъ первомъ бракѣ. Я не буду дурно говорить о мертвой.

— Пожалуйста, не дѣлайте этого, — прервалъ его сильно поблѣднѣвшій Джерардъ.

— Но я долженъ говорить откровенно. Когда вы знали меня, я былъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ. Часто ночью стоялъ я на мосту и думалъ, что самое лучшее, что бы я могъ съ собой сдѣлать, это — броситься въ воду. Что-жъ, Провидѣніе разрубило для меня узелъ страннымъ образомъ, правда,—но все же узелъ былъ разрубленъ. Я воспользовался своимъ освобожденіемъ. Судьба была ко мнѣ очень милостива. Жена моя—прелестнѣйшая и благороднѣйшая изъ женщинъ. Сорвать покрывало съ исторіи моего прошлаго, значило бы причинить ей невыразимое страданіе. А потому, я прошу васъ, какъ джентльмена, какъ честнаго человѣка, сохранить мою тайну и пощадить ее и меня.

— И васъ, — съ горечью проговорилъ Джерардъ.—Да, вы, безъ сомнѣнія, о себѣ думаете, прося меня молчать. Пощадить васъ? А вы пожалѣли или пощадили несчастное созданіе, нѣжно васъ любившее даже въ своемъ паденіи? Что же касается до вашей тайны, какъ вы ее называете, то она уже болѣе не тайна. Мистеръ Клеръ, сынъ викарія, знаетъ также хорошо, какъ и я, что Джекъ Шико и Джонъ Тревертонъ—одно и то же лицо.

— Онъ знаетъ это? Эдуардъ Клеръ?

— Да.

— Съ какихъ поръ?

— Положительно, съ нынѣшняго утра. Онъ и прежде подозрѣвалъ кое-что. Нынче утромъ я имѣлъ возможность подтвердить его подозрѣнія.

— Мнѣ это очень прискорбно,—сказалъ Джонъ Тревертонъ, послѣ того какъ они прошли нѣсколько шаговъ въ молчаніи.— Очень прискорбно; я было-надѣялся, что эта часть моей жизни умерла и погребена,—что никакое привидѣніе, принадлежащее къ тому ненавистному прошлому, не возстанетъ, чтобы преслѣдовать мою, ни въ чемъ неповинную, молодую жену. Мнѣ это очень тяжело, а ей еще тяжелѣе.

— Существуютъ привидѣнія, которыя не легко угомонить, —возразилъ Джерардъ.—Казалось бы, что тѣло убитой жены должно принадлежать къ нимъ.

Digitized by Google

— Эдуардъ Клеръ не изъ числа друзей моихъ,—продолжалъ Тревертонъ, почти не слыхавшій замѣчанія Джерарда. — Онъ свои свѣдѣнія употребитъ во зло—все разскажетъ женѣ.

— А развѣ онъ не можетъ сдѣлать чего-нибудь худшаго?

— Чего же?

— А если онъ объявитъ полиціи, гдѣ можно найти Шико, убійцу жены своей?

— Господи,—воскликнулъ Тревертонъ, обращаясь къ говорившему съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ.—Неужели вы *это* про меня думаете?

— Къ несчастью, думаю.

— На какомъ основаніи?

— Прежде всего, на основаніи вашего трусливаго поведенія въ ту ночь. Чего вамъ было бояться отвѣтственности, если вы были невинны? Бѣгство ваше сильно противъ васъ говорило. Должны же вы были это предвидѣть, когда убѣжали?

— Я, можетъ быть, и долженъ бы былъ это видѣть; но я ни о чемъ не думалъ кромѣ того, какъ бы скорѣе уйти отъ послѣдствій связи, бывшей бичомъ и пятномъ моей тогдашней жизни. Жена моя была мертвая. Эти стеклянные глаза, съ ихъ отражавшимъ ужасъ взглядомъ, эта мраморная рука сказали мнѣ, что жизнь оставила ее уже нѣсколько часовъ тому назадъ. Какую пользу могъ я принести, оставшись? Мнѣ бы пришлось присутствовать на слѣдствіи, на которомъ вся исторія моей жизни была бы выворочиваема на изнанку къ вящшему удовольствію всѣхъ сплетниковъ въ королевствѣ, — пока я, Джонъ Тревертонъ, иначе Шико, не сталъ бы передъ свѣтомъ до такой степени забрызганный грязью, что честная женщина не могла бы признать меня своимъ мужемъ? Какая польза для меня, для той бѣдной покойницы, или для общества вообще, получилась бы отъ перекрестнаго допроса, которому бы меня подвергли на слѣдствіи?

— По меньшей мѣрѣ, слѣдующая: ваша невинность — если вы невинны—могла бы стать для всѣхъ очевидной. Теперь же, всѣ заключенія—въ пользу вашей виновности.

— Какъ могъ бы я доказать мою невинность? Я бы не могъ на этомъ слѣдствіи представить болѣе сильныхъ доказательствъ, чѣмъ тѣ, какія представляю вамъ теперь,—т.-е. мое слово, слово человѣка, который, въ худшія минуты своей жизни, никогда не унижался ни до чего безчестнаго. Я говорю вамъ лицомъ къ лицу, какъ человѣкъ человѣку, что я никогда не

Digitized by Google

поднималъ руки на жену: никогда, даже, когда между нами происходили рѣзкіе споры, а за послѣднее время они у насъ бывали не рѣдко. Я честно старался спасти ее отъ ея собственной слабости. Было время, когда я любилъ ее, безпечно, правда, никогда не заглядывая въ будущее, не думая о томъ, какой четою мы съ ней будемъ, когда старость угомонитъ насъ и жизнь станетъ дѣйствительной и серьёзной. Нѣтъ, мистеръ Джерардъ, я не жестокій человѣкъ; и хотя цѣпи мои были мнѣ очень тяжелы, я никогда бы не сталъ пытаться самовольно освободить себя. Когда я увидѣлъ этихъ людей—Дерроля и обѣихъ женщинъ, стоявшихъ вокругъ меня въ ту ночь, въ умѣ моемъ вдругъ сверкнула мысль, что я могъ показаться имъ убійцей. Тогда я началъ предвидѣть подозрѣнія, затрудненія всякаго рода и главнымъ образомъ то, что меня всего болѣе страшило, ужасную извѣстность. Еслибъ я остался, все это было неизбѣжно. Я могъ уйти отъ всего, еслибъ мнѣ удалось бѣжать. Въ эту минуту я принималъ въ соображеніе лишь собственные интересы. Я видѣлъ передъ собой какъ-бы отверзтыя врата, ведущія въ новый міръ. Можно-ли обвинять меня за то, что я воспользовался благопріятнымъ случаемъ и отрекся отъ своего прошлаго.

— Человѣкъ не можетъ отречься отъ своего прошлаго,—отвѣчалъ Джерардъ.—Если вы невинны, мнѣ васъ очень жаль, какъ было-бы жаль всякаго невиннаго человѣка, который, въ силу своихъ поступковъ, могъ быть принятъ за виновнаго. Мнѣ еще болѣе жаль жены вашей.

— Да, ее вы можете пожалѣть,—сказалъ Тревертонъ, голосомъ, въ которомъ слышалось глубокое страданіе, тронувшее даже человѣка, считавшаго его виновнымъ.—Да поможетъ ей Господь, бѣдняжкѣ. Мы съ ней были очень счастливы; но если Эдуардъ Клеръ держитъ счастіе наше въ своихъ рукахъ, то мирнымъ днямъ нашимъ конецъ.

Они, тѣмъ временемъ, дошли до воротъ замка; здѣсь они остановились и молча ждали, чтобъ остальные присоединились къ нимъ. Селія съ Лорой все время весело болтала, а Эдуардъ шелъ рядомъ съ ними, молчаливый и задумчивый.

Джонъ Тревертонъ пожалъ Селіи руку, а Эдуарду только кивнулъ головой при прощаніи.

— Добраго утра, мистеръ Джерардъ,—сказалъ онъ съ холодной вѣжливостью. Пойдемъ, Лора, если Селія рѣшилась возвратиться домой къ завтраку, мы не должны задерживать ее.

— Обязанность беретъ верхъ надъ желаніемъ,—смѣясь замѣтила Селія.—Еслибъ я отправилась къ замокъ, я позабыла бы

Digitized by Google

о предстоящей мнѣ работѣ въ воскресной школѣ. Съ трехъ до четырехъ часовъ я должна сосредоточить всѣ свои помышленія на священной исторіи. Какой у васъ страшно-сосредоточенный видъ, мистеръ Джерардъ!—воскликнула она, пораженная задумчивымъ видомъ доктора.—Вѣрно у васъ въ Лондонѣ серьёзный больной, который заботитъ васъ?

— У меня много серьёзныхъ больныхъ, миссъ Клеръ, но не о нихъ я думалъ въ эту минуту,—отвѣчалъ онъ, съ улыбкой глядя на ея хорошенькое личико.—Мои паціенты, по бо́льшей части, страдаютъ неизлечимой болѣзнью.

— Боже милосердый, несчастные! Чтожъ это—эпидемія?

— Нѣтъ, хроническая болѣзнь—бѣдность.

— О, бѣдняжки, какъ мнѣ ихъ жалко. Я сама испытывала приступы этой болѣзни въ концѣ каждыхъ трехъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ стала независимымъ существомъ съ опредѣленнымъ доходомъ.

Они уже тѣмъ временемъ направились къ дому, съ Эдуардомъ въ арьергардѣ.

— Неужели вы серьёзно думаете, миссъ Клеръ, что молодая дѣвушка, живущая въ домѣ отца своего, гдѣ всѣ ея потребности удовлетворены вполнѣ, можетъ понимать значеніе слова *бѣдность*?

— Конечно, думаю, мистеръ Джерардъ. Но я должна сказать вамъ, что вы выходите изъ ложнаго положенія. Не всегда бываютъ удовлетворены всѣ потребности молодыхъ дѣвушекъ, живущихъ въ домахъ отцовъ своихъ. Я испытывала, что́ значитъ страшно нуждаться въ перчаткахъ на шесть пуговицъ и не имѣть возможности добыть ихъ.

— Вы никогда не знали, что значитъ нуждаться въ хлѣбѣ.

— Я не особенно люблю хлѣбъ,—сказала Селія,—но мнѣ часто приходилось жаловаться на то, что намъ къ завтраку подаютъ черствый.

— Ахъ, миссъ Клеръ, когда я былъ студентомъ въ Абердинѣ, я видалъ много молодыхъ людей, расхаживающихъ по улицамъ впроголодь, исхудалыхъ, съ выраженіемъ жадности въ глазахъ; для нихъ кусокъ вашего чернаго хлѣба былъ бы лакомствомъ. Когда шотландскій пасторъ посылаетъ сына своего въ университетъ, онъ не всегда можетъ обезпечить ему ежедневный обѣдъ. Хорошо для юноши и то, если онъ увѣренъ, что на завтракъ и на ужинъ получитъ мисочку супа.

— Бѣдняжки!—воскликнула Селія.—Боюсь, что Эдуардъ тратитъ столько же денегъ на перчатки и сигары, сколько бы ихъ

Digitized by Google

потребовалось на содержаніе экономнаго молодого человѣка въ голландскомъ университетѣ; ну, да вѣдь онъ поэтъ.

— А поэтъ ужъ непремѣнно—мотъ?

— Право, не знаю, но поэты вообще къ этому склонны; не правда-ли? Едва-ли можно отъ нихъ требовать, чтобы они особенно берегли фунты, шиллинги и пенсы. Мысли ихъ бродятъ въ облакахъ, и имъ дѣла нѣтъ до мелочныхъ заботъ ежедневной жизни.

Нѣсколько времени они шли молча, и Джерардъ задумчиво глядѣлъ на хорошенькое, молоденькое личико, съ его мелкими чертами и легкомысленнымъ выраженіемъ.

«Для человѣка моего закала было бы несчастіемъ, какъ и безуміемъ, влюбиться въ подобную дѣвушку,—говорилъ онъ себѣ,—но что за бѣда, если мнѣ съ ней весело».

Минуту спустя, Эдуардъ Клеръ подошелъ къ нему и взялъ его подъ-руку.

— Ну,—сказалъ онъ,—что же произошло между вами и Тревертономъ?

— Многое, а въ сущности почти ничего. Мнѣ его жаль.

— Вы, значитъ, не думаете, чтобъ онъ убилъ свою жену?

— Не знаю. Это глубокая тайна. Я бы совѣтовалъ вамъ оставить это дѣло на произволъ судьбы. Что вамъ за радость дѣлать несчастіе его бѣдной жены? Если онъ виновенъ, рано или поздно, онъ будетъ наказанъ. Если онъ невиненъ, зачѣмъ же вамъ преслѣдовать его?

— Какъ, неужели вы воображаете, что я такая размазня, что позволю ему идти своей дорогой, не подвергая его никакимъ разспросамъ? Я, который любилъ Лору и лишился ея? Предположите даже, что онъ невиненъ въ убійствѣ, я и этому повѣрю съ трудомъ; онъ все же виновенъ въ томъ, что жестоко обманулъ свою жену, безстыдно обманулъ душеприкащиковъ Джаспера Тревертона, изъ которыхъ одинъ—мой отецъ. Онъ имѣетъ такія же права на владѣніе этимъ замкомъ, какъ и я. Бракъ его съ Лорой Мальколмъ—вовсе не бракъ. Неужели мнѣ молчать, зная все это?

— Открывъ все, что вамъ извѣстно, вы разобьете сердце миссисъ Тревертонъ и обречете ее на нищету. Едва-ли это—былъ бы поступокъ друга.

— Страданіе я ей причинить могу, но на нищету ее не обреку. Она имѣетъ свой собственный, небольшой доходъ.

— А помѣстье пойдетъ на устройство больницы?

— Таковы условія духовной Джаспера Тревертона.

Digitized by Google

— Въ качествѣ врача я обязанъ радоваться, но въ качествѣ человѣческаго существа не могу не пожалѣть мистриссъ Тревертонъ. Она, повидимому, горячо любитъ мужа.

— Да,—отвѣчалъ Эдуардъ,—ему удалось обмануть ее; но можетъ быть, когда она узнаетъ, что Джонъ Тревертонъ—Джэкъ Шико, мужъ танцовщицы, она нѣсколько разочаруется.

Джерардъ на это ничего не возразилъ. Онъ начиналъ понимать, что личная ненависть—побудительная причина желанія Эдуарда бросить свѣтъ на тайну Джона Тревертона. Ему было почти жаль, что онъ содѣйствовалъ этому открытію; а между тѣмъ, онъ горячо желалъ, чтобы убійца la Chicot былъ наказанъ. Только съ послѣдняго разговора съ Джономъ Тревертономъ его мнѣніе касательно виновности мужа поколебалось.

Его цѣлый день преслѣдовали непріятныя мысли о владѣльцѣ Гальгёрстскаго замка и его прелестной молодой женѣ; мысли, до того непріятныя, что онѣ мѣшали ему наслаждаться веселымъ обществомъ Селіи, имѣвшимъ всю прелесть новизны для молодого человѣка, юность котораго не знала дѣвичьяго общества, и образъ жизни котораго доселѣ былъ скучный, суровый, трудовой. Онъ хотѣлъ возвратиться въ Лондонъ на слѣдующее утро, съ первымъ поѣздомъ, и хотя викарій просилъ его остаться, и даже Селія вставила ласковое словечко, онъ отъ намѣренія своего не отступилъ.

— Моя практика не такого рода, чтобы съ ней можно было шутить, — сказалъ онъ, поблагодаривъ мистера Клера за его гостепріимное предложеніе.—Тѣ немногіе платящіе паціенты, какихъ я имѣю, очень бы обидѣлись, еслибъ вообразили, что я ими пренебрегаю.

— Но бываютъ же у васъ иногда праздники? — спросила мистриссъ Клеръ, материнское сердце которой питало нѣкоторое расположеніе ко всѣмъ молодымъ людямъ единственно потому, что сынъ ея принадлежалъ къ этой общественной категоріи. — Вы отъ времени до времени навѣщаете вашихъ родныхъ, не правда-ли?

— Нѣтъ, дорогая мистриссъ Клеръ, я этого не дѣлаю, и по самой простой причинѣ: у меня нѣтъ родныхъ. Я—послѣдняя вѣтвь высохшаго дерева.

— Какъ грустно,—промолвила жена викарія.

Селія вздохнула и съ выраженіемъ состраданія взглянула на доктора, а состраданіе, когда оно отражалось въ голубыхъ глазахъ Селіи, было чувство, къ которому нельзя было отнестись равнодушно.

Digitized by Google

— Если вы позволите мнѣ снова навѣстить васъ когда-нибудь, когда я хоть нѣсколько подвинусь по своей спеціальности, у меня будетъ что-нибудь пріятное впереди,—сказалъ Джерардъ.

— Дорогой мой, мы всегда рады будемъ видѣть васъ,—задушевно отвѣчалъ викарій.—Мнѣ сдается, что вы именно такой другъ, въ какомъ нуждается мой сынъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава I. — Почему не довѣришься ты мнѣ?

Это зимнее воскресенье было печальнымъ днемъ для Джона Тревертона. На пути своемъ къ дому онъ почти не нарушалъ молчанія; Лора удивлялась его задумчивости и не безъ тревоги соображала, какія бы причины могли вызвать эту внезапную перемѣну въ его настроеніи духа. Не привезъ ли ему дурныхъ вѣстей этотъ другъ семейства Клеръ? Но какъ могло это быть? Не вѣрнѣе-ли, что эта встрѣча съ старымъ знакомымъ напомнила ему какой-нибудь тяжелый періодъ его прошлой жизни, о которой она знала такъ мало.

— Это мое несчастіе,—думала она.—Я только на половину жена ему, пока мнѣ неизвѣстны всѣ его старыя горести.

Она не безпокоила мужа никакими вопросами, но спокойно шла рядомъ съ нимъ мимо плантацій изъ различныхъ, преимущественно зимнихъ, кустарниковъ и молодыхъ деревъ, въ которыхъ ягоды дикаго терновника сверкали на полуденномъ солнцѣ, и безстрашные реполовы перепархивали съ боярышника на лавровое дерево.

— Я не выйду къ завтраку, дорогая,—сказалъ Джонъ, когда они дошли до дверей залы.—Я не совсѣмъ хорошо себя чувствую, у меня что-то болитъ голова, и я думаю, что мнѣ было-бы полезно прилечь на часокъ—другой.

— Не придти ли мнѣ почитать тебѣ, пока ты не уснешь, Джэкъ?

— Нѣтъ, дорогая, мнѣ лучше остаться одному.

— О, Джэкъ, отчего ты со мной не откровененъ?—жалобно воскликнула его жена.—Я знаю, что у тебя что-то есть на душѣ. Почему не довѣришься ты мнѣ?

— Погоди, дорогая; полагаю, что ты очень скоро узнаешь

Digitized by Google

все, что обо мнѣ знать можно. Но намъ нѣтъ надобности упреждать это открытіе. Оно не доставитъ особеннаго удовольствія ни тебѣ, ни мнѣ.

— Неужели ты думаешь, что измѣнитъ меня чтобы то ни было, что я когда-нибудь могу узнать о тебѣ? — спросила она, положивъ ему руку на плечо и устремивъ на него взглядъ, полный напряженнаго вниманія. — Развѣ я не слѣпо любила тебя, не слѣпо довѣрилась тебѣ?

— Да, голубка, слѣпо. Но какъ могу я знать, что ты почувствуешь, когда глаза твои откроются?

Она въ теченіе нѣсколькихъ минутъ молча смотрѣла на него, пытаясь понять выраженіе его лица; затѣмъ, съ самой трогательной настойчивостью сказала:

— Джонъ, если есть что-нибудь, что можно привести противъ тебя, если въ твоемъ прошломъ существуетъ поступокъ, о которомъ тебѣ стыдно вспомнить, въ которомъ совѣстно сознаться, поступокъ, извѣстный другимъ, то пусть, во имя состраданія, я услышу о немъ отъ тебя, а не отъ врага! Неужели я такой строгій судья, что ты боишься предстать передо мной? Развѣ я не до слабости любила тебя, не слѣпо тебѣ довѣрилась? Можешь ли ты сомнѣваться въ моемъ желаніи извинить и простить, даже въ томъ случаѣ, въ которомъ весь остальной родъ человѣческій былъ-бы неумолимъ?

— Нѣтъ,—быстро отвѣчалъ онъ,—я не хочу сомнѣваться въ тебѣ. Нѣтъ, голубка, дорогая, я пытался сохранить свою тайну не потому, чтобы боялся довѣриться тебѣ. Я хотѣлъ избавить тебя отъ страданія, такъ какъ зналъ, что тебѣ будетъ тяжело узнать, какъ низко я палъ, прежде чѣмъ твое вліяніе, твоя любовь не подняли меня изъ тины, въ которой я погрязъ. Повидимому, страданіе неизбѣжно. Какъ ты ни добра, какъ ни чиста, есть люди, которые не пожелаютъ избавить тебя отъ этой горькой истины. Да, милая, лучше, чтобы ты узнала правду отъ меня. Какіе бы искаженные варіанты этой исторіи тебѣ впослѣдствіи ни передавали, правду ты узнаешь отъ меня.

Онъ обнялъ ее за талію, и они поднялись по широкой старой лѣстницѣ и вошли въ комнату, служившую Джасперу Тревертону кабинетомъ, въ ту самую комнату, которую Лора украсила для своего мужа. Здѣсь они могли быть увѣрены, что никто ихъ не потревожитъ. Джонъ Тревертонъ придвинулъ любимый стулъ жены къ камину и сѣлъ рядомъ съ нею; точно такъ сидѣли они въ ту ночь, когда Лора разсказала мужу исторію мистера Дерроля.

Digitized by Google

Нѣсколько минутъ сидѣли они молча; Джонъ Тревертонъ смотрѣлъ въ огонь и размышлялъ о томъ, какъ лучше начать свою исповѣдь.

— О, Лора, желалъ бы я знать, не возненавидишь-ли ты меня, когда услышишь, что такое была моя прошлая жизнь?— сказалъ онъ наконецъ.—Я не стану щадить себя; но даже въ эту послѣднюю минуту мнѣ страшно произнести слова, могущія разрушить наше счастіе и разлучить насъ на вѣки. Ты сама рѣшишь нашу участь. Если, выслушавъ все, ты скажешь себѣ: *человѣкъ этотъ недостоинъ моей любви*, и если ты отвернешься отъ меня съ отвращеніемъ и ненавистью, что весьма возможно, я склоню голову передъ твоимъ приговоромъ и исчезну изъ твоей жизни навсегда.

Жена обратила къ нему блѣдное, какъ смерть, лицо.

— Какое преступленіе совершилъ ты, что считаешь возможнымъ, чтобы я отняла у тебя мою любовь?—дрожащими губами проговорила она.

— Я не совершилъ никакого преступленія, Лора; но я былъ заподозрѣнъ въ совершеніи худшаго изъ нихъ. Помнишь ли ты исторію человѣка, имя котораго безпрестанно попадалось въ газетахъ, около года тому назадъ; человѣка, жена котораго была убита, и котораго нѣкоторыя изъ лондонскихъ газетъ просто-на-просто обзывали убійцей, человѣка, по имени Шико, исчезновеніе котораго было одной изъ тайнъ, обратившихъ на себя общественное вниманіе въ нынѣшнемъ году?

— Да,—отвѣчала она, съ недоумѣніемъ глядя на него.— Что общаго можешь ты имѣть съ этимъ человѣкомъ?

— Я—этотъ человѣкъ.

— Ты? Ты, Джонъ Тревертонъ?

— Я, Джонъ Тревертонъ, иначе Шико.

— Мужъ танцовщицы?

— Да, Лора. Въ моей жизни было двѣ любви. Сначала любовь къ женщинѣ, не имѣвшей ничего кромѣ красоты своей для привлеченія мужскихъ сердецъ. Затѣмъ, любовь моя къ тебѣ, красота которой играетъ наименьшую роль въ твоей способности завоевать и сохранить мою привязанность. Исторія моя можетъ быть разсказана въ коротенихъ словахъ. Я началъ свою карьеру въ кавалерійскомъ полку, съ небольшимъ состояніемъ, заключавшимся въ акціяхъ и государственныхъ бумагахъ. Спускать ихъ было такъ легко, что прежде, чѣмъ я прослужилъ въ арміи пять лѣтъ, я ухитрился промотать все до послѣдняго пенса. Я не особенно кутилъ или моталъ, я не тягался съ нашимъ капита-

Digitized by Google

номъ, сыномъ вестъ-эндскаго кандитера, у котораго деньги шли какъ вода, ни съ полковникомъ, аристократомъ, имѣвшимъ тридцать тысячъ фунтовъ долгу; но я держалъ хорошихъ лошадей, вращался въ лучшемъ обществѣ и—сталъ нищимъ. Ничего больше не оставалось, какъ выйдти изъ полка, и я вышелъ; будучи человѣкомъ счастливаго, безпечнаго характера и наскучивъ уединеніемъ, сопряженнымъ съ деревенскими стоянками, я переплылъ каналъ и бродилъ по живописнѣйшей части Европы съ мѣшкомъ за плечами и альбомомъ въ рукахъ. Вскорѣ я очутился въ Парижѣ, съ продранными локтями, безъ гроша, съ влеченіемъ къ литературнымъ работамъ и бойкимъ карандашомъ. Я жилъ на чердакѣ въ латинскомъ кварталѣ, нашелъ себѣ друзей въ кружкѣ, состоявшемъ изъ истой богемы, и ухитрился заработывать ровно столько, сколько слѣдовало, чтобъ душа съ тѣломъ не разсталась. Я началъ вести эту жизнь съ мыслью, что когда-нибудь да завоюю себѣ почетное положеніе въ мірѣ искусства. У меня было желаніе работать, и добрый запасъ честолюбія. Но молодые люди, среди которыхъ я жилъ, мелкіе журнальные рабочіе, состоявшіе при маленькихъ театрахъ, вскорѣ научили меня иному. Я научился жить, какъ жили они, изо дня въ день. Всѣ высшія стремленія замерли въ душѣ моей. Я сдѣлался обычнымъ гостемъ въ закулисномъ кругѣ, писалъ газетныя статейки, былъ сотрудникомъ писателей, поставлявшихъ фарсы для Пале-Роялскаго театра, и почиталъ себя счастливымъ, когда въ карманѣ моего жилета лежали деньги на обѣдъ, а на плечахъ красовался приличный сюртукъ. Въ этотъ періодъ моей карьеры, влюбился я въ Заиру Шико, танцовщицу, которая пользовалась большой популярностью на сценѣ театра, наиболѣе посѣщаемаго студентами, юристами и медиками. Она была самая красивая женщина, какую я когда-либо видалъ. Никто не могъ слова сказать противъ ея репутаціи. Она не была хорошо воспитана; я это зналъ, даже когда былъ сильнѣйшимъ образомъ въ нее влюбленъ. Но вульгарность и невѣжество, которыя возмутили бы меня въ англичанкѣ, забавляли меня и даже нравились мнѣ въ этой дочери народа. Она полюбила меня, а я ее. Мы женились, не думая вовсе о будущемъ и очень мало заботясь даже о настоящемъ. Жена моя, знаменитая танцовщица извѣстнаго театра, настолько была болѣе важной особой, чѣмъ я, что со дня моей женитьбы я сталъ извѣстенъ подъ ея именемъ, сначала какъ мужъ Шико, впослѣдствіи просто, какъ Джекъ Шико. Мы были довольно счастливы другъ съ другомъ, пока жена моя не пріобрѣла несчастной привычки къ вину, окончательно омрачившей объ наши

Digitized by Google

жизни. Богъ видитъ, что я дѣлалъ все возможное, чтобы излѣчить ее. Я напрягалъ всѣ свои силы, чтобы удержать ее на краю пропасти, въ которую она готова была низвергнуться. Но я былъ безсиленъ. Никакими словами не передать мнѣ тебѣ всего ужаса, всѣхъ униженій, какими была исполнена моя жизнь. Я выносилъ ее. Можетъ быть, я не въ полной мѣрѣ сознавалъ свое несчастіе до того дня, въ который услыхалъ чтеніе духовной моего двоюроднаго брата Джаспера и узналъ, какое благополучіе могло бы достаться мнѣ на долю, еслибъ я былъ свободенъ отъ этого ненавистнаго рабства.

Лора молча сидѣла рядомъ съ нимъ, закрывъ лицо руками, склонивъ голову на спинку стула, подавленная чувствомъ глубокаго стыда, вызваннымъ исповѣдью мужа.

— Мнѣ остается досказать немногое. Когда я впервые увидалъ и полюбилъ тебя, я былъ мужемъ Шико—человѣкомъ, связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. Я не имѣлъ никакого права приближаться къ тебѣ, а между тѣмъ, приблизился. Я питалъ смутную, грѣшную надежду, что судьба какъ-нибудь освободитъ меня. Между тѣмъ, я старался честно выполнять свои обязанности относительно этой несчастной женщины. Когда жизнь ея была въ опасности, я помогалъ, ухаживалъ за нею. Послѣ ея выздоровленія, я терпѣливо выносилъ проявленія ея буйнаго характера. Когда годъ былъ почти уже на исходѣ, мнѣ пришло на умъ, что владѣніе помѣстьемъ моего двоюроднаго брата могло бы быть обезпечено тебѣ посредствомъ брака, который выполнилъ бы всѣ условія, поставленныя его завѣщаніемъ, и сдѣлалъ бы меня твоимъ мужемъ лишь по имени. Затѣмъ, еслибъ насталъ счастливый день, въ который я бы освободился отъ своихъ оковъ, мы могли бы снова обвѣнчаться—и обвѣнчались.

Онъ остановился. Лора ничего не отвѣчала, послышалось только глухое рыданье.

— Лора, можешь-ли ты пожалѣть и простить меня? Ради Бога скажи, что я въ твоихъ глазахъ не совершенно презрѣнный человѣкъ.

— Презрѣнный? Нѣтъ!—сказала она, открывая свое заплаканное, блѣдное, осунувшееся отъ страданія лицо,—не презрѣнный, Джонъ. Этимъ ты никогда не будешь въ моихъ глазахъ. Но ты виноватъ и глубоко виноватъ. Посмотри, какой стыдъ, какую муку ты навлекъ на насъ обоихъ! Неужели мы не могли жить безъ состоянія Джаспера Тревертона, что ты совершилъ подлогъ, пытаясь получить его для меня?

— Подлогъ?

Digitized by Google

— Да. Развѣ ты не видишь, что такъ-какъ нашъ первый бракъ не былъ дѣйствительнымъ бракомъ, а обманнымъ и мнимымъ, то ни ты, ни я не имѣемъ права владѣть ни единымъ пенсомъ изъ денегъ Джаспера Тревертона, ни единымъ акромъ его земли. Все должно пойти на устройство больницы. Мы не имѣемъ права жить въ этомъ домѣ. У насъ ничего нѣтъ, кромѣ моего дохода. Мы можемъ жить на это, Джекъ, я не боюсь бѣдности съ тобою; но я не хочу прожить лишняго часу подъ гнетомъ этой постыдной тайны. Мистеръ Клеръ и мистеръ Сампсонъ должны узнать всю правду.

Мужъ стоялъ передъ ней на колѣнахъ и смотрѣлъ на нее съ сіяющимъ лицомъ.

— Моя голубка, моя милая, ты дѣлаешь меня глубоко счастливымъ. Ты не отворачиваешься отъ меня, не покидаешь меня. Бѣдность! нѣтъ, Лора, ея я не боюсь. Я боялся только лишиться твоей любви. Этотъ страхъ вѣчно преслѣдовалъ меня. Одно это ужасное опасеніе налагало печать на уста мои.

— Любви моей ты никогда не можешь лишиться, милый. Я отдала тебѣ ее и не въ моей власти взять ее назадъ. Но если ты желаешь заслужить мое уваженіе, ты долженъ дѣйствовать мужественно и честно. Ты долженъ раздѣлить сдѣланное тобою зло.

— Нынѣче вечеромъ, Лора, мы созовемъ совѣтъ. Мы вырвемъ карты изъ рукъ Эдуарда Клера.

— Какъ? Развѣ Эдуардъ знаетъ?

— Онъ знаетъ, что я и Шико—одно и то же лицо.

— А, теперь я понимаю взглядъ, который онъ бросилъ на тебя въ день нашего перваго званаго обѣда — взглядъ полный злобы. Онъ только-что говорилъ объ Шико.

Она вздрогнула, произнося имя, напоминавшее такіе невыразимые ужасы. И это имя было именемъ ея мужа; человѣкъ, заклейменный подозрѣніемъ въ страшномъ преступленіи, былъ ея мужемъ.

— Боюсь, что Эдуардъ—твой тайный врагъ,—сказала она, послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Я въ этомъ увѣренъ и думаю, что онъ вскорѣ станетъ моимъ явнымъ врагомъ. Для меня будетъ въ нѣкоторомъ родѣ торжествомъ взять на себя иниціативу и отказаться отъ помѣстья.

Digitized by Google

Глава II.—Онъ обороняется.

Викарію подали письмо въ ту самую минуту, какъ онъ садился за обѣдъ въ кругу своего семейства. Викарій по воскресеньямъ обѣдалъ въ пять часовъ, предоставляя себѣ часъ на обѣдъ и пятьдесятъ минутъ на послѣобѣденный сонъ, прежде чѣмъ выходилъ изъ дому, отправляясь на вечернюю службу, начинавшуюся въ семь часовъ. Среди его паствы были люди, утверждавшіе, что тонъ вечерней проповѣди викарія въ значительной степени зависитъ отъ того, доволенъ-ли онъ своимъ обѣдомъ или нѣтъ. Если онъ хорошо пообѣдалъ, онъ снисходительно относился къ человѣческой природѣ и человѣческимъ слабостямъ и выказывалъ кротость, превышавшую кротость Іереміи Тэйлора. Если-же обѣдъ его былъ неудаченъ, то самый суровый кальвинизмъ казался ему недостаточно строгимъ.

— Изъ замка, сэръ,—объявила горничная.—Ждутъ отвѣта.

— Ну, зачѣмъ люди приносятъ мнѣ письма въ ту самую минуту, какъ я сажусь за столъ?—капризно воскликнулъ викарій.—Отъ Тревертона. О чемъ можетъ онъ писать?

Эдуардъ Клеръ поднялъ голову, на лицѣ его выразилось живое участіе.

— Желаетъ видѣть меня нынче вечеромъ послѣ службы по особенно важному дѣлу,—сказалъ викарій.

— Скажите слугѣ мистера Тревертона: *да*, Сусанна. Мой усерднѣйшій поклонъ, и я буду въ замкѣ ранѣе девяти часовъ.

Эдуардъ недоумѣвалъ. Неужели Джонъ Тревертонъ собирался возвзать къ милосердію викарія,—переманить этого добраго, стоворчиваго человѣка на свою сторону, убѣдить его взглянуть сквозь пальцы на обманъ, жертвой котораго стали душеприкащики, подписавшіеся подъ завѣщаніемъ Джаспера? Эдуардъ былъ не высокаго мнѣнія о мудрости отца своего и о силѣ его характера. Викарій до слабости любилъ Лору.

— Ненавижу я выходить вечеромъ въ такую погоду,—замѣтилъ мистеръ Клеръ,—но полагаю, что Тревертонъ имѣетъ сообщить мнѣ нѣчто важное, иначе онъ бы едвали сталъ приглашать меня рискнуть схватить бронхитъ.

Томъ Самсонъ, возсѣдавшій у своего уютнаго камелька и вознаграждавшій себя за воскресную скуку чашкой крѣпкаго чаю и цѣлымъ блюдомъ поджареннаго хлѣба съ масломъ, также получилъ изъ замка письмо, въ которомъ его просили прибыть туда между восемью и девятью часами вечера.

Digitized by Google

«Мнѣ очень жаль безпокоить васъ въ воскресенье, но это дѣло не терпящее отлагательства»,—писалъ Джонъ Тревертонъ.

— Сроду не слыхивала!—воскликнула Элиза Сампсонъ, когда братъ ея вслухъ прочелъ коротенькое письмо. Элиза постоянно увѣряла, что она *сроду не слыхивала*. Эта отрывочная фраза была ея любимымъ выраженіемъ удивленія.

Затѣмъ, миссъ Сампсонъ принялась соображать: что бы это было за дѣло, которое требуетъ присутствія брата ея въ замкѣ. Люди, живущіе въ такой уединенной деревнѣ, какъ Газльгёрстъ, очень рады, если имъ есть надъ чѣмъ призадуматься въ зимній воскресный вечеръ.

Ровно въ половинѣ девятаго мистеръ Сампсонъ явился въ замокъ и былъ введенъ въ библіотеку. Комната эта рѣдко бывала занята, такъ какъ мистеръ и миссисъ Тревертонъ всѣ свои любимыя книги держали въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь-же, на этихъ массивныхъ дубовыхъ полкахъ, не видно было литературнаго произведенія, которому-бы не было по крайней мѣрѣ, ста лѣтъ. То было хранилище для геніальныхъ твореній мертвецовъ. Путешествія отъ Марко-Поло до капитана Кука, историческія сочиненія отъ Геродота до миссисъ Екатерины Маколей, стихотворенія отъ Чаусера до Мильтона, всѣ эти книги были скромно переплетены въ темно-коричневую кожу; многолѣтняя пыль густымъ слоемъ покрывала ихъ верхніе края. То была длинная, узкая комната, съ тремя большими окнами, занавѣшенными выцвѣтшимъ краснымъ сукномъ. Она имѣла внушительный видъ, напоминавшій судебную залу въ этотъ воскресный вечеръ, тускло освѣщенная двумя лампами, стоявшими на среднемъ столѣ и образовавшими свѣтовой фокусъ посреди комнаты, тогда какъ углы ея оставались во мракѣ. Яркій огонь пылалъ въ широкомъ старинномъ каминѣ, имѣвшемъ форму корзинки, и Томъ Сампсонъ усѣлся подлѣ него въ ожиданіи появленія хозяина. Триммеръ сказалъ ему, что мистеръ Тревертонъ вскорѣ къ нему пожалуетъ.

Вскорѣ, повидимому, означало *черезъ полчаса*, такъ какъ часы пробили девять, а мистеръ Сампсонъ все еще ждалъ. Не чувствуя желанія углубиться въ изученіе литературы прошлыхъ временъ, онъ позволилъ огню усыпить себя, и преспокойно спалъ, когда дверь отворилась и Триммеръ доложилъ: мистеръ Клеръ.

Томъ Сампсонъ вскочилъ на ноги, протеръ глаза, вообразивъ въ первую минуту, что онъ уснулъ у камина въ своемъ кабинетѣ, и что Элиза пришла звать его ужинать: ужинъ былъ

Digitized by Google

также въ числѣ утѣшеній, въ которыхъ мистеръ Сампсонъ нуждался, чтобы скрасить скуку воскреснаго досуга.

Викарій удивился, увидавъ мистера Сампсона; мистеръ Сампсонъ одинаково удивился, увидавъ викарія. Они сообщили другъ другу о томъ, какъ они были вызваны.

— Должно быть, что-нибудь важное,—сказалъ мистеръ Клеръ.

— Должно быть, что-нибудь по имѣнію, иначе едва ли бы мы оба ему понадобились,—замѣтилъ Сампсонъ.

Джонъ Тревертонъ и жена его вошли въ комнату вмѣстѣ. Оба были очень блѣдны; но на лицѣ Лоры выражалось сильное горе, котораго не замѣтно было на лицѣ ея мужа. Увѣренный въ своей женѣ онъ готовъ былъ встрѣтить несчастіе, въ какомъ бы видѣ оно ни предстало.

— Мистеръ Клеръ, мистеръ Сампсонъ, я послалъ за вами какъ за душеприкащиками по завѣщанію моего двоюроднаго брата Джаспера,—началъ онъ, извинившись сначала передъ стряпчимъ, что такъ долго заставилъ его ждать, и усадилъ Лору въ кресло у камина.

— Вы невѣрно выразились,—замѣтилъ Сампсонъ.—Права наши, въ качествѣ душеприкащиковъ по завѣщанію Джаспера Тревертона, существовали только до дня вашей свадьбы. Мы лишь хранители дарственной записи, составленной въ пользу миссъ Малькольмъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ, а также дарственной записи, составленной вами, послѣ свадьбы, въ пользу вашей жены.

— Я послалъ за вами, чтобы сказать вамъ, что обманулъ васъ и эту леди,—твердымъ голосомъ отвѣчалъ Джонъ Тревертонъ. Онъ собирался продолжать это обвиненіе противъ самого себя, когда дверь отворилась, и Триммеръ доложилъ о приходѣ мистера Эдуарда Клера.

Молодой человѣкъ вошелъ въ комнату скорыми шагами и окинулъ всѣхъ присутствующихъ быстрымъ, ехиднымъ взглядомъ. Онъ удивился, увидавъ Лору, еще болѣе удивился присутствію Тома Сампсона. Онъ ожидалъ застать отца своего и Тревертона наединѣ.

Джонъ Тревертонъ взглянулъ на незваннаго посѣтителя съ нескрываемымъ раздраженіемъ.

— Вотъ поистинѣ неожиданное удовольствіе,—промолвилъ онъ,—но можетъ быть, если я скажу вамъ, что вашъ отецъ и мистеръ Сампсонъ сошлись здѣсь для обсужденія одного дѣла, представляющаго нѣкоторую важность какъ для меня, такъ и для нихъ, въ качествѣ охранителей интересовъ жены моей, то

Digitized by Google

вы будете такъ добры, что займетесь чѣмъ-нибудь въ гостиной, пока мы не кончимъ нашего разговора.

— Я пришелъ, чтобы говорить съ мистриссъ Тревертонъ. Я имѣю сообщить ей нѣчто, что́ она должна выслушать и выслушать немедленно,—сказалъ Эдуардъ.—Случай открылъ мнѣ тайну, касающуюся до нея и до ея благосостоянія; я явился сюда, чтобы сообщить эту тайну ей, и сначала ей одной. Ея дѣломъ будетъ дѣйствовать на основаніи сообщенныхъ мною свѣдѣній; моимъ—предоставить все на ея усмотрѣніе.

— Если тайна ваша касается меня, она должна также касаться и моего мужа,—сказала Лора, вставая и становясь рядомъ съ Джономъ Тревертономъ. Все, что́ касается моего счастія, касается тѣмъ самымъ и его. Можете говорить, Эдуардъ. Пожалуй, ваша воображаемая тайна вовсе не тайна.

— Что́ вы хотите сказать?—пробормоталъ Эдуардъ, пораженный ея спокойнымъ взоромъ и рѣшительнымъ тономъ.

— Не пришли ли вы сказать мнѣ, что мой мужъ, Джонъ Тревертонъ, въ теченіе короткаго періода своей жизни былъ извѣстенъ подъ именемъ Шико?

— Да, это и многое другое,—отвѣчалъ Эдуардъ, глубоко уязвленный тѣмъ, что его, повидимому, предупредили.

— Вы, можетъ быть, желаете сказать мнѣ, что онъ былъ заподозрѣнъ въ совершеніи убійства?

— Такъ сильно заподозрѣнъ и на основаніи такихъ данныхъ, что, для признанія его невиннымъ, потребуется вся ваша супружеская довѣрчивость,—съ злобной усмѣшкой возразилъ Эдуардъ.

— А, между тѣмъ, я вѣрю въ его невинность, я также убѣждена въ ней, какъ въ томъ, что я сама—не убійца, и еслибъ доказательства противъ него были вдвое сильнѣе, то и тогда вѣра моя въ него не поколебалась бы,—сказала Лора, съ гордостью въ осанкѣ стоя передъ обвинителемъ.

— А теперь, мистеръ Клеръ, такъ какъ вы видите, что ваша тайна не есть тайна, и что женѣ моей извѣстно все, что́ вы можете сообщить ей относительно меня...

— Женѣ вашей,—усмѣхнулся Эдуардъ.—Да, отчего же не назвать ее этимъ именемъ!

— Она—жена моя, настолько крѣпко связанная со мною, насколько могли связать ее законъ и церковь.

— Другая жена ваша была жива, когда вы женились на ней; развѣ вы вновь обвѣнчались послѣ смерти вашей первой жены?

Digitized by Google

— Мы обвѣнчались вновь. Жена моя была моей женою лишь по имени до тѣхъ поръ, пока я не сталъ свободнымъ человѣкомъ и не могъ признать ее своею передъ Богомъ и людьми.

— Въ такомъ случаѣ, вашъ первый бракъ былъ преднамѣреннымъ преступленіемъ, и преднамѣреннымъ обманомъ,—воскликнулъ Эдуардъ,—преступленіемъ потому, что вы стали двоеженцемъ, за что законъ страны можетъ покарать васъ, даже и теперь обманомъ, потому что вы, въ силу этого брака, какъ-бы выполняли условія, поставленныя вамъ въ завѣщаніи вашего двоюроднаго брата, тогда какъ вы въ дѣйствительности выполнить ихъ не могли.

— Позвольте, мистеръ Эдуардъ Клеръ,—воскликнулъ Томъ Самсонъ, который, тѣмъ временемъ, благодаря своей быстрой сообразительности, отлично понялъ самую *суть* вопроса,—вы предполагаете гораздо больше, чѣмъ въ силахъ доказать. Вы слишкомъ торопитесь съ своими заключеніями. Какія доказательства имѣете вы на то, что первый бракъ моего кліента былъ бракъ законный? Чѣмъ вы докажете, что онъ когда-либо былъ женатъ на m-lle Шикъ? Намъ извѣстно, какъ небрежно заключаются подобные браки въ тѣхъ слояхъ общества, къ которымъ принадлежала она.

— Почему я знаю, что онъ былъ на ней женатъ?—повторилъ Эдуардъ.—Да на основаніи его собственнаго сознанія.

— Мой кліентъ ни въ чемъ не сознается,—съ достоинствомъ замѣтилъ Самсонъ.

— Онъ сознается во всемъ, когда говоритъ вамъ, что вторично обвѣнчался съ миссъ Малькольмъ послѣ смерти m-me Шикъ. Еслибъ онъ признавалъ, что его первый бракъ съ миссъ Малькольмъ дѣйствителенъ, рѣшительно не къ чему было повторять обрядъ.

— Онъ могъ погрѣшить изъ излишней осторожности,—замѣтилъ Самсонъ.

— Джонъ Тревертонъ,—проговорилъ викарій, глаза котораго обращались то на одного, то на другого изъ говорившихъ, причемъ обстоятельства дѣла, мало-по-малу, становились для него все яснѣе и яснѣе,—это ужасно. Почему сынъ мой является въ качествѣ вашего обвинителя? Что все это значитъ?

— Это значитъ, что я совершилъ тяжкій проступокъ,—спокойно отвѣчалъ Тревертонъ,—и готовъ загладить его, насколько это въ моей власти. Но я не могу обсуждать этотъ вопросъ въ присутствіи вашего сына. Онъ вошелъ въ эту комнату въ качествѣ моего яваго врага. Съ вами, съ Самсономъ, какъ съ

Digitized by Google

душеприкащиками моего двоюроднаго брата, я готовъ говорить съ полной откровенностью, какъ уже говорилъ съ женою, но вашему сыну я исповѣдываться не обязанъ. Я не признаю за нимъ права вмѣшиваться въ мои дѣла.

— Нѣтъ, Эдуардъ, право, все это до тебя не касается,— промолвилъ викарій.

— Не касается? — съ горечью воскликнулъ его сынъ.— Еслибъ не сдѣланное мною открытіе, еслибъ не присутствіе Джорджа Джерарда сегодня въ церкви, то неужели вы думаете, что этотъ добродѣтельный джентльменъ сознался бы во всемъ женѣ своей или вамъ съ Сампсономъ? Сегодня его призналъ докторъ, лѣчившій его первую жену, человѣкъ, которому извѣстна его исторія за послѣдніе годы, подъ именемъ Шико. Очутившись лицомъ къ лицу съ неизбѣжнымъ изобличеніемъ, мистеръ Тревертонъ очень умно уступилъ давленію обстоятельствъ и во всемъ сознался. Еслибъ Джерардъ никогда не появлялся въ Газльгёрстѣ, этотъ достопочтенный джентльменъ продолжалъ бы вести ту же жизнь до скончанія вѣковъ, нетревожимый никакими угрызеніями совѣсти.

Викарій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на сына.

Честная-ли любовь къ истинѣ и справедливости, или духъ ненависти и зависти такъ сильно волнуютъ юношу? спрашивалъ онъ себя. Добрый, податливый викарій, преисполненный милосердія ко всему свѣту, за исключеніемъ плохой кухарки, не могъ сразу допустить себя до дурного мнѣнія о сынѣ. Съ другой стороны, ему не вѣрилось, чтобы Джонъ Тревертонъ былъ злѣйшимъ изъ грѣшниковъ. А между тѣмъ, этотъ самый Джонъ Тревертонъ обвинялся роднымъ сыномъ викарія въ непростительномъ обманѣ и подозрѣвался въ самомъ тяжкомъ преступленіи.

— Если вы прикажете сыну вашему удалиться, то мы можемъ обсудить это дѣло безпристрастно—замѣтилъ Джонъ.—Но пока онъ здѣсь, уста мои запечатаны.

— Я не желаю оставаться ни минуты долѣе,—отвѣчалъ Эдуардъ.—Надѣюсь, что мистриссъ Тревертонъ знаетъ, что я готовъ служить ей съ усердіемъ и преданностью, если она когда удостоитъ попросить моей помощи.

— Я знаю, что вы врагъ моего мужа,—съ холоднымъ презрѣніемъ отвѣчала Лора, — и это все, что я знаю или желаю знать о васъ.

— Вы жестоки къ старому другу, Лора,—замѣтилъ викарій, когда Эдуардъ вышелъ изъ комнаты.

Digitized by Google

— А развѣ онъ не жестоко поступилъ съ моимъ мужемъ?— съ подавленнымъ рыданіемъ отвѣчала Лора.

— Теперь, постараемся взглянуть этому дѣлу прямо въ глаза, — сказалъ мистеръ Сампсонъ, спокойно усаживаясь къ столу и вынимая свою записную книжку.—Согласно съ вашимъ показаніемъ, мистеръ Тревертонъ, жена ваша была жива, когда вы въ первый разъ вѣнчались съ миссъ Малькольмъ 31-го декабря третьяго года. Второй вашъ бракъ до насъ не касается — развѣ настолько, насколько онъ охраняетъ честь этой дамы. Этотъ второй бракъ не имѣетъ значенія въ имущественномъ отношеніи. Мнѣ очень прискорбно, но я долженъ сказать вамъ, что если вашъ бракъ съ французской танцовщицей былъ дѣйствительнымъ бракомъ, то вы имѣете такое же право жить въ этомъ домѣ или владѣть хотя бы однимъ акромъ земли Джаспера Тревертона, какъ и послѣдній мужикъ въ Газльгёрстѣ.

— Я готовъ завтра же отказаться отъ всего, чѣмъ владѣю. Пусть устроиваютъ больницу. Я признаю себя обманщикомъ. Какъ ни постыденъ кажется мнѣ этотъ поступокъ теперь, когда я хладнокровно обсуждаю его, онъ почти не представлялся мнѣ подлогомъ, когда впервые пришелъ мнѣ на умъ. Я видѣлъ средство закрѣпить помѣстье за пріемной дочерью моего двоюроднаго брата. Я зналъ, что задушевнымъ желаніемъ его было, чтобы она владѣла имъ. Когда я вѣнчался съ Лорой Малькольмъ въ Газльгёрстской церкви, я питалъ лишь самую слабую надежду когда-нибудь дѣйствительно стать ея мужемъ. Когда я составилъ дарственную запись, которая должна была обезпечить ей полное пользованіе помѣстьемъ, я не имѣлъ никакой надежды когда-нибудь вмѣстѣ съ нею владѣть имъ. Клянусь честью мужчины и джентльмена,—ради этого дорогого мнѣ существа поступилъ я такимъ образомъ, не имѣя вовсе въ виду моего личнаго счастія или обогащенія.

Рука Лоры оставалась въ его рукѣ все время, пока онъ говорилъ. Ея крѣпкое пожатіе при заключительныхъ словахъ его рѣчи сказало ему, что ему вѣрятъ.

— Если вы всѣ эти факты объявите во всеобщее свѣдѣніе, то вы и себя, и жену свою обречете на нищету,—замѣтилъ Сампсонъ.

— Нѣтъ, мы не будемъ въ совершенной бѣдности,—воскликнула Лора.—Намъ останется мой доходъ. Онъ не составляетъ и полныхъ трехсотъ фунтовъ въ годъ, но мы, можетъ быть, какъ-нибудь ухитримся прожить на это; не правда ли, Джонъ?

— Я могу жить на мрачномъ чердакѣ, питаться коркой

Digitized by Google

хлѣба въ день и быть довольнымъ своей судьбою, если ты будешь со мной, — тихимъ голосомъ отвѣчалъ ей мужъ. Мистеръ Клеръ расхаживалъ по комнатѣ, стараясь подавить свое волненіе. Вся эта исторія была слишкомъ ужасна: онъ съ трудомъ могъ повѣрить въ дѣйствительность столь чудовищнаго факта. Этотъ Джонъ Тревертонъ оказался негодяемъ, помѣстье должно цѣликомъ идти на устройство больницы. Бѣдная Лора должна покинуть свое роскошное жилище. Приходъ понесетъ тяжкую потерю. Все это грустно, несносно, и вообще сопряжено съ большими затрудненіями. Викарій, къ тому же, питалъ къ Джону Тревертону искреннюю симпатію.

— Что имѣете вы сказать относительно убійства этого бѣднаго созданія,—первой жены вашей?—воскликнулъ онъ, подходя къ камину, у котораго стояли Тревертонъ и Лора.

— Только то, что я столько же знаю, кто убилъ ее, сколько и вы,—отвѣчалъ Джонъ Тревертонъ.—Я сдѣлалъ глупость, можетъ быть, поступилъ какъ трусъ, когда въ ту ночь вышелъ изъ дому, съ твердой рѣшимостью никогда болѣе туда не возвращаться; но еслибъ вы могли знать, какъ невыносима была для меня моя прежняя жизнь, вы едва ли бы стали удивляться тому, что я воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ покончить съ этой жизнью.

— Намъ слѣдуетъ смотрѣть на вопросъ съ дѣловой точки зрѣнія,—замѣтилъ мистеръ Сампсонъ.—Мы ни съ чѣмъ не станемъ торопиться. Вамъ никогда не поздно будетъ отказаться отъ помѣстья, мистеръ Тревертонъ, и признать себя виновнымъ въ двоеженствѣ. Но прежде, чѣмъ вы рѣшитесь на такой шагъ, намъ не мѣшаетъ нѣсколько подробнѣе ознакомиться съ фактами. Вы женились на m-lle Шико въ Парижѣ?

— Да, 18-го мая, 68-го года. Бракъ нашъ былъ заключенъ въ мэріи, другого обряда не было.

— Подъ какимъ именемъ женились вы?

— Конечно, подъ своимъ. Лишь впослѣдствіи сталъ я извѣстенъ подъ именемъ жены моей.

— Многимъ ли личностямъ въ Парижѣ были вы извѣстны подъ вашимъ собственнымъ именемъ?

— Весьма немногимъ. Я писалъ въ газетахъ подъ псевдонимомъ; рисунки свои въ то время всѣ подписывалъ: *Джэкъ*. Вообще, я былъ извѣстенъ подъ именемъ Джэка, а послѣ свадьбы сталъ Джэкомъ Шико.

— Что знали вы о прошломъ жены вашей?

— Очень немногое, кромѣ того, что она прибыла въ Парижъ

Digitized by Google

изъ Орэ, въ Бретани, почти за пять лѣтъ до женитьбы моей на ней; что она жила добропорядочно, хотя ее окружало много дурныхъ примѣровъ.

— Но о жизни ея въ Бретани вы ничего не знали?

— Я зналъ только то, что она мнѣ разсказала. Она была дочерью рыбака, родилась и выросла въ крайней бѣдности. Ей наскучило суровое однообразіе ея жизни, она прибыла въ Парижъ одна, причемъ большую часть пути сдѣлала пѣшкомъ, думая составить себѣ карьеру. Орэ отъ Парижа—на разстояніи цѣлаго дня ѣзды по желѣзной дорогѣ. Ей пришлось употребить почти мѣсяцъ на то, чтобы пройти это разстояніе.

— Это все, что вамъ извѣстно?

— Рѣшительно все.

— Такъ вы не можете знать, что она была свободна и могла вступать въ бракъ, а потому не можете знать, были ли вы женаты на ней законнымъ бракомъ?—съ торжествомъ воскликнулъ Томъ Сампсонъ. Его собственные интересы, также какъ и интересы его кліента, были поставлены на карту, и онъ твердо рѣшился энергически отстаивать ихъ. Его должность управителя приносила ему добрыхъ пятьсотъ фунтовъ въ годъ. Если помѣстье перейдетъ въ другія руки и будетъ употреблено на устройство и содержаніе больницы, то онъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, лишится своего мѣста управляющаго и собирателя поземельной подати. Какой-нибудь услужливый комитетъ вытѣснитъ его. Его роль душеприкащика ничего не принесетъ ему, кромѣ заботъ и хлопотъ.

— Это—оригинальный взглядъ на вопросъ,—задумчиво сказалъ Тревертонъ.

— Это единственный правильный взглядъ. Что за радость человѣку торопиться доказывать всѣмъ и каждому, что онъ виновенъ въ преступленіи? Почемъ вы знаете, что m-lle Шико не оставила въ Орэ мужа. Можетъ быть, изъ желанія уйти отъ его дурного обращенія и явилась она въ Парижъ. Это былъ отчаянный шагъ для молодой женщины, — путешествовать цѣлый мѣсяцъ по незнакомой мѣстности, притомъ одной и пѣшкомъ.

— Она такъ была молода,—замѣтилъ Тревертонъ.

— Не настолько молода, чтобы не могла глупо выйти замужъ.

— Что бы вы посовѣтовали мнѣ дѣлать?

— Это я скажу вамъ завтра, пообдумавши дѣло на досугѣ. Покамѣсть могу сказать вамъ, чего-бъ я вамъ посовѣтовалъ не дѣлать.

— А именно?

Digitized by Google

— Не отказывайтесь отъ вашего помѣстья, пока вы сами не убѣдитесь и мы, въ качествѣ охранителей интересовъ жены вашей, не убѣдимся окончательно, что вы не имѣете права владѣть имъ. Мистеръ Клеръ, я долженъ просить васъ, какъ моего сотоварища по храненію дарственной записи, составленной въ пользу мистриссъ Тревертонъ ея мужемъ, послѣ свадьбы, умолчать о всѣхъ фактахъ, ставшихъ намъ извѣстными нынѣче вечеромъ, и потребовать также отъ вашего сына, чтобы онъ свои свѣдѣнія хранилъ про себя.

— Сынъ мой не можетъ имѣть никакой побудительной причины вредить мистеру и мистриссъ Тревертонъ,—сказалъ викарій.

— Разумѣется, нѣтъ,—возразилъ Самсонъ,—а между тѣмъ, въ его обращеніи мнѣ показалось нѣчто въ родѣ мести.

— Полагаю, что онъ былъ движимъ лишь своимъ расположеніемъ къ Лорѣ,—отвѣчалъ викарій.—Онъ горячо отнесся къ дѣлу, такъ какъ почелъ ее глубоко оскорбленной. Я самъ того же мнѣнія и вовсе не удивляюсь негодованію моего сына. Что касается до юридической стороны дѣла, предоставляю вамъ, мистеръ Самсонъ, судить о ней и обработывать ее сколько возможно лучшимъ образомъ въ интересахъ вашего кліента. Но разсматривая дѣло со стороны нравственной, я бы не выполнилъ своего долга, какъ служитель алтаря, еслибъ не заявилъ, что мистеръ Тревертонъ совершилъ грѣхъ, искупить который можетъ лишь глубокое и честное раскаяніе. Больше я теперь ничего не скажу. Доброй ночи, Тревертонъ. Доброй ночи, Лора.—Онъ обнялъ и поцѣловалъ ее съ отеческой нѣжностью.

— Мужайтесь, бѣдняжка моя,—тихимъ голосомъ проговорилъ онъ.—Ради васъ, желаю вашему мужу выйти изъ всѣхъ его затрудненій. Не отправитесь ли со мною въ викаріатъ потолковать съ Селіей о вашемъ горѣ? Это, быть можетъ, облегчитъ васъ.

— Оставить мужа!—воскликнула Лора.—Покинуть его среди горя и заботъ! Какъ могли вы счесть меня способной на это?—Затѣмъ она отвела викарія въ сторону и дрожащимъ голосомъ, почти шопотомъ, сказала ему:—Дорогой мистеръ Клеръ, ради меня, постарайтесь не думать дурно о моемъ мужѣ. Я знаю, что онъ согрѣшилъ, но искушеніе было немалое. Онъ не могъ видѣть всего значенія совершаемаго имъ проступка. Скажите мнѣ, что вы не подозрѣваете его въ томъ, въ чемъ онъ былъ заподозрѣнъ; что вы не находитесь подъ вліяніемъ жестокихъ словъ Эдуарда. Вы не думаете, чтобъ онъ убилъ свою жену?

— Нѣтъ, дорогая,—рѣшительно отвѣчалъ викарій.—Прежде всего онъ—Тревертонъ, и происходитъ изъ семьи, которую я люблю

Digitized by Google

я уважаю; потомъ я въ теченіе шести мѣсяцевъ былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и не думаю, чтобы я былъ такой глупецъ, чтобы могъ такъ долго оставаться на короткой ногѣ съ убійцей и не распознать его. Нѣтъ, дорогая, я думаю, что вашъ мужъ былъ слабъ и грѣшенъ; но я не думаю—я никогда не допущу—чтобы онъ былъ хладнокровнымъ убійцей.

— Да благословитъ васъ Богъ за эти слова,—сказала Лора, когда викарій отошелъ отъ нея.

— Если мистриссъ Тревертонъ согласится лечь и немного отдохнуть послѣ всѣхъ этихъ волненій, я буду очень радъ потолковать еще съ вами, прежде чѣмъ отправиться домой,—сказалъ Сампсонъ, когда дверь затворилась за мистеромъ Клеромъ.

Лора согласилась исполнить его просьбу. Она обратила къ мужу свое блѣдное, истомленное лицо, дышавшее довѣріемъ и любовью, когда онъ проводилъ ее до конца лѣстницы.

— Да благословитъ и сохранитъ тебя Господь, голубка,—шепнулъ онъ.—Ты указала мнѣ выходъ изъ всѣхъ моихъ затрудненій. Я готовъ лишиться всего кромѣ твоей привязанности.

Онъ возвратился къ Тому Сампсону, который что-то царапалъ въ своей записной книжкѣ, причемъ находился въ мрачномъ настроеніи духа.

— Ну, Сампсонъ, мы одни. Что имѣете вы сказать мнѣ?

— Очень многое. Въ отличное положеніе вы себя поставили. Почему не довѣрились вы мнѣ съ самаго начала? Что пользы человѣку имѣть повѣреннаго, если онъ всѣ дѣла свои держитъ въ секретѣ?

— Этого вопроса мы теперь обсуждать не станемъ,—сказалъ Джонъ Тревертонъ.—Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ для будущаго, а не ваши сѣтованія надъ прошлымъ. Какъ бы вы совѣтовали мнѣ поступить?

— Выѣхать отсюда нынче вечеромъ, на лучшей лошади, какая найдется у васъ на конюшнѣ. Сѣсть на первый поѣздъ, отходящій съ самой отдаленной станціи, до какой вы сможете добраться къ разсвѣту завтрашняго дня. Позвольте. Отсюда до Экзетера немногимъ больше тридцати миль. На хорошей лошади вы бы могли попасть въ Экзетеръ.

— Несомнѣнно. Но, что бы я выигралъ, поступивши такимъ образомъ?

— Вы были бы далеко прежде, чѣмъ бы васъ могли арестовать по подозрѣнію въ убійствѣ первой жены вашей.

— Кому арестовать меня?

— Эдуардъ Клеръ замышляетъ недоброе. Я въ этомъ убѣж-

Digitized by Google

денъ. Если онъ еще не далъ знать полиціи, такъ будьте увѣрены, что онъ сдѣлаетъ это безотлагательно.

— Пусть его,—отвѣчалъ Тревертонъ.—Если онъ это сдѣлаетъ, я прятаться не долженъ. Одинъ разъ я скрылся, и теперь чувствую, что, поступивъ такимъ образомъ, совершилъ величайшую ошибку въ своей жизни. Я не намѣренъ повторять ее. Если мнѣ суждено быть арестованнымъ, судимымъ за убійство, я всему покорюсь. Можетъ быть, это лучшее, что могло бы со мной случиться, такъ какъ на судѣ могла бы выясниться истина.

— Что-жъ, можетъ быть, вы и правы. Бѣгство послужило бы къ вашему обвиненію. Но я совѣтую вамъ переплыть каналъ, не теряя и часу времени. Для васъ крайне важно ознакомиться съ прошлымъ первой жены вашей. Еслибъ вамъ удалось открыть, что она была замужней женщиной, когда покинула Орэ, что мужъ ея былъ живъ, когда вы на ней женились...

— Почему вы все играете на этой струнѣ?—съ нетерпѣніемъ спросилъ Тревертонъ.

— Потому, что одна эта струна можетъ спасти ваше помѣстье.

— Я ни на что подобное не надѣюсь.

— Поѣдете вы въ Орэ, чтобы разслѣдовать исторію жены вашей? Позволите вы мнѣ ѣхать съ вами?

— Я ничего не имѣю противъ этого. Утопающій хватается за соломенку. Отчего мнѣ не ухватиться за эту соломенку скорѣй, чѣмъ за другую?

— Въ такомъ случаѣ, мы отправимся завтра съ первымъ поѣздомъ. Отсюда мы выѣдемъ совершенно открыто. Можете говорить публикѣ, что ѣдете въ Парижъ по дѣламъ; но если молодой Клеръ пошлетъ полицію въ погоню за вами, я думаю, что поимка наша покажется ей дѣломъ не легкимъ.

— Да, я поѣду въ Орэ, — сказалъ Джонъ Тревертонъ, задумчиво глядя въ огонь.—Въ прошломъ жены моей можетъ заключаться ключъ къ разгадкѣ ея ужасной смерти. Месть должна была быть побудительной причиной этого убійства. Кого могла она такъ глубоко оскорбить, чтобы ничѣмъ, кромѣ ея жизни, нельзя было утолить его бѣшенства?

— Кого, кромѣ покинутаго мужа или любовника?—настаивалъ Сампсонъ.

— А между тѣмъ мы два года прожили вмѣстѣ въ Парижѣ, и никто насъ не трогалъ.

— Мужъ или любовникъ могъ быть далеко, пожалуй за моремъ, ничего нѣтъ мудренаго, что онъ и морякъ. Орэ—портъ, не такъ ли?

— Да.

Digitized by Google

Было условлено, что они выѣдутъ въ Экзетеръ съ семи-часовымъ поѣздомъ изъ Бичамптона, попадутъ на курьерскій поѣздъ, отходящій изъ Экзетера въ Соутгэмптонъ, отсюда переправятся въ Сенъ-Мало на пароходѣ, отплывающемъ въ понедѣльникъ вечеромъ. Отъ Сенъ-Мало до Орэ — всего нѣсколько часовъ ѣзды. Они могутъ добраться туда почти также скоро какъ добрались бы до Парижа.

Глава III. — A la Morgue [1]).

Была полночь, когда Джонъ Тревертонъ вошелъ въ свой кабинетъ, гдѣ нашелъ зажженныя свѣчи и вновь разведенный огонь въ каминѣ; онъ вообще имѣлъ привычку читать или писать до поздней ночи. Въ этотъ вечеръ ему было не до сна. Онъ приподнялъ драпировку, раздѣлявшую обѣ комнаты, и заглянулъ въ спальню. Лора такъ наплакалась, что наконецъ уснула. Разметавшіеся волосы, судорожно сжатая рука, лежавшая на подушкѣ, говорили о томъ, какъ тревожны были ея мысли, когда она погрузилась въ дремоту, порожденную нравственной истомой. Джонъ Тревертонъ наклонился, поцѣловалъ щечку, на которой виднѣлись слѣды слезъ, и со вздохомъ отвернулся отъ кровати.

— Грѣхи мои тяжело отозвались на тебѣ, бѣдняжка моя,— сказалъ онъ себѣ, возвращаясь въ кабинетъ и садясь у камина, чтобъ хорошенько обсудить свое положеніе со всѣми его затрудненіями.

О снѣ нечего было и думать. Онъ могъ только сидѣть, глядѣть въ огонь и вспоминать свою прошлую жизнь съ ея многочисленными заблужденіями.

Какъ легко разстался онъ съ лучшимъ сокровищемъ — свободой! Не думая вовсе о будущемъ, связалъ онъ себя съ женщиной, къ которой питалъ лишь мимолетную симпатію, порожденную фантазіей молодого человѣка, о которой зналъ такъ мало, что теперь, оглядываясь назадъ, не могъ вспомнить ничего, кромѣ, такъ сказать, остова ея исторіи. Что-жъ, онъ дорогой цѣной расплачивался за это кратковременное увлеченіе; онъ теперь вносилъ штрафъ за беззаботные дни, которые провелъ среди безпутныхъ людей, причемъ и самъ спустился почти до такого же низкаго уровня, какъ тотъ, на которомъ стояли его товарищи. Онъ старался припомнить что-нибудь изъ разсказовъ жены о ея дѣтствѣ

[1]) Домъ, гдѣ выставляютъ мертвыя тѣла.

Digitized by Google

и юности, но вспомнилъ только, что она очень мало говорила о прошедшемъ. Разъ, одинъ только разъ, въ воскресный лѣтній вечеръ, когда они возвращались вдвоемъ съ обѣда въ Булонскомъ лѣсу и языкъ Занры развязался подъ вліяніемъ шампанскаго и кюрасо, она заговорила о своемъ путешествіи въ Парижъ, этомъ долгомъ, одиноком ъ путешествіи, во время котораго у нея въ карманѣ было такъ мало денегъ, что она не могла даже позволить себѣ, хоть не надолго, сѣсть въ дилижансъ, но довольствовалась тѣмъ, что, отъ времени до времени, даромъ ѣхала въ пустой телѣгѣ или, того хуже, могла присѣсть на мѣшкахъ съ пшеницей. Она разсказала ему, какъ она вошла въ Парижъ усталая, изнемогая отъ жажды, запыленная съ головы до ногъ, точно явилась съ мукомольной мельницы; и какъ громадный городъ— съ его міріадами фонарей, безчисленными голосами, грохотомъ колесъ по мостовой, ослѣпилъ ее, какъ у нея закружилась голова, когда она остановилась на перекресткѣ двухъ большихъ бульваровъ, глядя въ безконечную даль, гдѣ огни становились все меньше и меньше, а на самомъ краю темнаго неба превращались въ настоящія точки. Она говорила ему о своей парижской карьерѣ, о томъ, какъ она была прачкой на набережной, и какъ въ одинъ воскресный вечеръ въ Chateau des Fleurs, послѣ одной изъ кадрилей, къ ней подошелъ мужчина, толстякъ, съ сѣдыми усами, въ бѣломъ жилетѣ, и спросилъ ее, гдѣ она училась танцовать; на что она, смѣясь, отвѣчала ему, что никогда не училась, но что танцовать ей также легко, какъ ѣсть, пить и спать. Тогда онъ спросилъ ее, не желала-ли бы она поступить въ одинъ изъ театровъ въ качествѣ танцовщицы, носить юбку изъ золотой ткани и бѣлые атласные сапожки, шитые золотомъ, такіе, какіе она могла видѣть въ послѣдней большой фееріи: *La biche au Bois*, на что она отвѣчала ему: да, такая жизнь какъ-разъ по мнѣ! Тогда господинъ въ бѣломъ жилетѣ велѣлъ ей явиться на слѣдующее утро, въ одиннадцать часовъ, въ одинъ изъ большихъ бульварныхъ театровъ.

Она повиновалась, видѣла этого барина въ его собственномъ кабинетѣ, въ зданіи театра, и поступила въ число полутораста фигурантокъ, съ жалованьемъ по двадцати франковъ въ недѣлю.—«Съ этой минуты мнѣ ужъ было недалеко до той минуты, когда я стала производить фуроръ въ студенческомъ театрѣ,—сказала Шико съ дерзкой улыбкой на своихъ красныхъ губахъ.—Будь у меня другой мужъ, я бы производила фуроръ и на одномъ изъ бульварныхъ театровъ, и «Figaro» черезъ каждыя двѣ недѣли помѣщалъ бы статейку обо мнѣ».

Digitized by Google

— Тебѣ никогда не приходило на мысль съѣздить въ Орэ, повидать твоихъ старыхъ друзей?—однажды спросилъ мужъ, удивлявшійся холодному эгоизму этого существа.

— У меня въ Бретани никогда не было друга, которымъ-бы я настолько дорожила,—прищелкнувъ пальцами отвѣчала Зайра. Всѣ и каждый дурно обращались со мной. Отецъ мой былъ ходячій чанъ съ сидромъ [1]), бѣдная мать моя — теперь мнѣ ее жалко, она такая была несчастная — вѣчно хныкала и ныла. Для всѣхъ насъ было величайшимъ благополучіемъ, когда милосердый Богъ принялъ ее.

— А больше тебѣ некого было любить?—спросилъ Джэкъ. Жениха, напримѣръ?

— Жениха,—воскликнула Шико, причемъ большіе глаза ея гнѣвно сверкнули.—Какое дѣло было мнѣ до жениховъ? Мнѣ было только девятнадцать лѣтъ, когда я покинула эту трущобу.

— Я слыхалъ о дѣвушкахъ, у которыхъ въ такомъ же раннемъ возрастѣ бывали поклонники,—самымъ спокойнымъ тономъ замѣтилъ Джэкъ; послѣ этого жена его перестала толковать о своемъ прошломъ.

Въ описываемый нами вечеръ, Джонъ Тревертонъ, владѣлецъ Газльгёрстскаго замка, мужъ обожаемой жены, не имѣвшій ничего общаго съ беззаботнымъ Джэкомъ Шико, умѣвшимъ въ полной мѣрѣ довольствоваться настоящей минутой и никогда не дерзавшимъ заглядывать впередъ и думать хотя бы о неизбѣжномъ завтрашнемъ днѣ,—обращался мысленно ко днямъ, давно минувшимъ, и видѣлъ, какъ на картинѣ, тѣ сцены изъ своего прошлаго, которыя всего живѣе запечатлѣлись въ его умѣ.

Въ его брачной жизни былъ одинъ эпизодъ, возбудившій его удивленіе, такъ какъ жена его не была вообще женщиной впечатлительной или способной испытывать сильное волненіе, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда бывали затронуты ея личное удовольствіе или личные интересы. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, она показала себя столь же склонной къ состраданію и страху какъ семнадцатилѣтняя дѣвушка, только-что выпорхнувшая изъ монастырскаго пансіона.

Однажды лѣтомъ, послѣ обѣда, они оба, мужъ и жена, бродили по набережнымъ, останавливаясь, чтобы взглянуть на движеніе на рѣкѣ, садились отдыхать подъ деревьями или перелистывали старыя книги въ лавочкахъ букинистовъ. Такъ дошли они до Pont-Neuf.

---

[1]) Яблочное вино.

Digitized by Google

— Перейдемъ черезъ мостъ, взглянемъ на Notre Dame,— сказалъ мужъ, для котораго старая церковь имѣла безконечную прелесть.

— Ба!—воскликнула жена,—вотъ любитъ-то человѣкъ глазѣть на старые камни.

Они перешли мостъ и приблизились къ фасаду величаваго стараго собора, съ той стороны, гдѣ рука прогресса уже начинала сносить дома, тѣснившіеся вокругъ него и скрадывавшіе его красоту. Джэкъ Шико, поднявъ голову, смотрѣлъ на дивную западную дверь, густо-усѣянную изображеніями лилій и поставленную Филиппомъ-Августомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда красовались изваянія всѣхъ іудейскихъ царей въ каменныхъ нишахъ, тонкая работа которыхъ напоминала кружево или весеннюю листву. Глаза жены его обращались на-право, на-лѣво, окидывали всю окрестность, ища какого-нибудь занятія для ума, склоннаго утомляться, какъ только онъ находился подъ возбуждающимъ вліяніемъ удовольствія или развлеченія.

— Посмотри, другъ мой,—закричала она,—крѣпко ухватившись за руку мужа.—Тамъ что-то случилось, взгляни, какая толпа народу. Что это—процессія или несчастный случай?

— Я полагаю, послѣднее,—отвѣчалъ Шико, глядя вглубь улицы, противъ которой они стояли и по которой торопливо двигалась густая толпа, надвигавшаяся на нихъ, подобно могучей черной волнѣ.—Намъ-бы лучше выбраться отсюда.

— О, нѣтъ,—живо воскликнула жена.—Если есть что посмотрѣть, посмотримъ. Жизнь не особенно богата развлеченіями.

— Можетъ быть, это что-нибудь непріятное,—промолвилъ Джэкъ.—Боюсь, не несутъ ли тамъ какого-нибудь несчастнаго въ la Morgue.

— Это ничего не значитъ. Посмотримъ.

Они подождали, присоединились къ быстро двигавшейся толпѣ и услыхали нѣсколько голосовъ, обсуждавшихъ происшествіе, причемъ каждый голосъ предлагалъ новый варіантъ одной и той же страшной исторіи.

На бульварѣ задавили человѣка — матроса изъ провинціи, его сшибли съ ногъ лошади, впряженныя въ большую телѣгу. Лошади его затоптали, колеса переѣхали черезъ него; когда его подняли, онъ былъ мертвый,—толковалъ одинъ.

— Нѣтъ, онъ говорилъ и какъ будто ночти не сознавалъ, что ушибся,—замѣчалъ другой.—Онъ умеръ, пока ждали носилокъ, чтобы перенести его въ больницу,—повѣствовалъ третій.

Теперь его несли въ la Morgue, знаменитый домъ у рѣки,

Digitized by Google

гдѣ выставляютъ мертвыя тѣла. Его несли среди густой толпы, начавшей собираться съ той минуты, какъ носильщики двинулись съ своей страшной ношей отъ воротъ St.-Denis, у которыхъ случилось несчастіе. Онъ былъ тамъ въ центрѣ этой массы человѣческихъ жизней, въ видѣ страшной фигуры, закрытой съ головы до ногъ, скрывавшейся отъ всѣхъ этихъ любопытныхъ взоровъ.

Джэка и жену его унесло вслѣдъ за остальными, мимо знаменитаго собора, внизъ по рѣкѣ, къ дверямъ дома, предоставленнаго въ пользованіе мертвецамъ.

Здѣсь всѣ остановились; никому не дозволили войти, исключая покойника и носильщиковъ, да трехъ или четырехъ полицейскихъ.

— Надо подождать, пока они не кончатъ его туалета,— сказала Шико мужу,—тогда мы можемъ войдти и видѣть его.

— Какъ!—вскрикнулъ Джэкъ,—неужели ты хочешь смотрѣть раздавленнаго человѣка. Онъ долженъ представлять ужасное зрѣлище, бѣдняга.

— Напротивъ,—замѣтилъ кто-то изъ стоявшихъ возлѣ нихъ въ толпѣ,—лицо его осталось невредимымъ. Онъ красивый малый, загорѣлый матросъ, молодецъ.

— Взойдемъ, посмотримъ на него,—настаивала Шико; а когда Шико желала чего-нибудь, она всегда достигала желаемаго.

Итакъ, они ждали въ толпѣ, все еще многочисленной, хотя около двухъ третей зѣвакъ уже разошлось и возвратилось къ своимъ занятіямъ или удовольствіямъ—не потому, чтобы они не рѣшались взглянуть на смерть въ ея самомъ ужасномъ видѣ, а просто потому, что туалетъ могъ быть продолжителенъ, а зрѣлище не стоило того, чтобы его ждать полчаса, подъ лучами лѣтняго солнца.

Шико ждала съ упорнымъ терпѣніемъ, свойственнымъ ея характеру, когда она разъ на что-нибудь рѣшилась. Джэкъ также ждалъ терпѣливо; онъ разсматривалъ людей толпы и испытывалъ художественное наслажденіе при изученіи этихъ разнообразныхъ образчиковъ нѣсколько выродившагося человѣчества. Такъ прошло полъ-часа; двери отворились, и толпа ввалила въ домъ, точно спѣшила въ театръ или циркъ.

Вотъ онъ лежитъ, вновь прибывшій, озаренный свѣтомъ лѣтняго дня, спокойная фигура виднѣется за стекломъ, красивое, смуглое лицо, съ бородой и рѣзкими бровями. Коротко подстриженные волосы, золотыя кольца въ ушахъ, а на обнаженной рукѣ, не попавшей подъ колесо, подпись, нататуированная синимъ и краснымъ.

Digitized by Google

Джэкъ Шиво, съ участіемъ всматривавшійся въ лицо мертвеца и старавшійся удержать въ памяти его черты, наклонился, чтобы разсмотрѣть вытатуированную надпись и изображеніе.

На рукѣ выжженъ былъ корабль, роза и слѣдующія слова: «Посвящается святой Аннѣ Орэской».

Человѣкъ этотъ, несомнѣнно, былъ уроженцемъ Орэ, родины Шиво.

Джэкъ повернулся, чтобы сообщить о томъ женѣ.

Она стояла бокъ-о-бокъ съ нимъ, блѣдная какъ мертвецъ за стекломъ, съ искаженнымъ судорогою лицомъ. Крупныя слезы такъ и катились по ея щекамъ.

— Ты его знаешь?—спросилъ Джэкъ.—Это кто-нибудь, кого ты помнишь?

— Нѣтъ, нѣтъ,—рыдала она; — но это слишкомъ ужасно. Уведи меня, уведи меня отсюда, или со мной сдѣлается припадокъ.

Онъ поспѣшно вывелъ ее изъ толпы, протолкался на свѣжій воздухъ.

— Ты слишкомъ понадѣялась на крѣпость своихъ нервовъ, —сказалъ онъ, досадуя на безуміе, причинившее ей такое потрясеніе.—Ты бы не должна была любить такія ужасныя зрѣлища.

— Мнѣ скоро будетъ лучше,—отвѣчала Шиво,—это ничего.

Ей, однако, не скоро стало лучше. Цѣлый день она была точно въ истерикѣ, а ночью, какъ только закрыла глаза, приподняла голову съ подушки и зарыдала, закрывъ лицо руками.

— Не позволяй мнѣ смотрѣть на него!—кричала она.— Джэкъ, отчего ты такъ жестокъ, что заставляешь меня глядѣть на него? Ты держишь меня, прижимаешь лицо мое къ стеклу. Уведи, уведи меня.

Перебирая въ умѣ подробности страшной сцены, происходившей пять лѣтъ тому назадъ, Джонъ Тревертонъ задавалъ себѣ вопросъ: не существовало-ли какой-нибудь связи между этимъ человѣкомъ и Запрой Шиво?

О. П.

Digitized by Google

МАРКИЗЪ А. ВЕЛЕПОЛЬСКІЙ

ЕГО

ЖИЗНЬ И ПОЛИТИКА

ВЪ ПОЛЬСКО-РУССКОМЪ КОНФЛИКТѢ И ВОПРОСѢ

XIV *).

Между двумя катастрофами: 27 февраля и 8 апрѣля 1861 г.

Прорвавшееся на площадь и разлившееся по улицамъ, революціонное движеніе праздновало съ упоеніемъ послѣ 27 февраля 1861 г. въ теченіе почти шести недѣль свою побѣду. То была полнѣйшая анархія, въ особенности въ продолженіи первыхъ $2^1/_2$ недѣль, родъ подразумѣваемаго перемирія, вымаливаемаго изо дня въ день людьми умѣренными и разсудительными у болѣе порывистыхъ вожаковъ толпы, впредь до полученія отвѣта изъ Петербурга. Власть съ намѣстникомъ во главѣ держала себя пассивно и допускала демонстраціи подъ условіемъ, чтобы онѣ не переходили въ открытое нападеніе на органы правительства, на безопасность лицъ и имуществъ. Съ другой стороны, огромное большинство населенія очень хорошо понимало, что у правительства достанетъ силы, чтобы моментально раздавить движеніе; оно было по принципу противно открытому повстанію и надѣялось сначала удержать движеніе въ предѣлахъ демонстративнаго его фазиса, въ которомъ движеніе тогда находилось, а потомъ

*) См. выше: февраль, 1881, стр. 608.

Digitized by Google

по достиженіи демонстраціями положительныхъ результатовъ, затормазить его и заставить войти въ русло законнаго порядка. Но и самые сильные друзья и ревнители порядка не могли себѣ отказать въ удовольствіи демонстрировать всласть, демонстрировать до упоенія. Какъ послѣ продолжительной засухи почва способна всасывать, неразмокая, невѣроятно большое количество воды, такъ и населеніе, которое 30 лѣтъ принуждено было таить свои національныя чувства и которому строжайше воспрещалось свой патріотизмъ чѣмъ-либо проявлять, никакъ не могло не прельститься новизною положенія и не переставало стремиться къ нервному возбужденію средствами, которыя при иныхъ условіяхъ смертельно бы надоѣли, до того они были часты и утомительно однообразны. Съ 1859 года публика перестала посѣщать спектакли; мѣстами зрѣлищъ сдѣлались площади, украшенныя иконами и статуями святыхъ, церкви, могилы 5 убитыхъ на Позвонковскомъ кладбищѣ и иныхъ славныхъ умершихъ, покоющихся на другихъ и христіанскихъ, и еврейскихъ кладбищахъ. Къ оказательствамъ религіозно-патріотическихъ чувствъ пѣніемъ присоединялись оказательства костюмомъ, переодѣванія. Еще въ 1860 г. общество польское, начиная съ высшихъ слоевъ, прекратило балы, облеклось въ родъ траура, фракъ въ то время былъ повсемѣстно изгнанъ и замѣненъ сертукомъ, высокая круглая шляпа или такъ называемый цилиндръ уступила мѣсто низкой войлочной. Послѣ февральскихъ событій, въ мартѣ явился на улицѣ настоящій старопольскій костюмъ, во всей его восточной пестротѣ съ разноцвѣтными конфедератками, съ жупанами и кунтушами, съ штанами въ сапогахъ, съ булавками въ видѣ бѣлыхъ орликовъ на шейныхъ шарфахъ. Хотя потомъ послѣ 8 апрѣля эти наряды опять исчезли, но костюмный протестъ продолжался и впослѣдствіи въ менѣе театральной формѣ и въ болѣе темныхъ цвѣтахъ, причемъ въ мужскомъ нарядѣ преобладали чамарки, а появлялись и сукманы на подобіе крестьянскихъ или шерстяныя блузы съ пребольшущими кожаными поясами, украшенными разными эмблемами въ видѣ крестовъ, цѣпей или якорей. Само собою разумѣется, что дамы въ отношеніи изобрѣтательности далеко по этой части опережали мужчинъ и что главный городъ, а затѣмъ и другіе города въ провинціи представляли видъ импровизированнаго маскарада.

Когда въ ненавистной и долгое время стѣснявшей жизнь системѣ образуется трещина, по которой прорвется наружу народное движеніе, то даже при измѣненіи системы и допущеніи гуманнѣйшихъ уступокъ допущенное зло исправляется съ край-

Digitized by Google

нимъ трудомъ, во-первыхъ, потому что торжествующій на извѣстномъ пунктѣ безпорядокъ превращается, какъ бы ни было коротко его временное признанное со стороны власти существованіе, въ совершившійся фактъ, въ пріобрѣтеніе, которое потомъ отстаивается заинтересованною толпою на правахъ законнаго владѣнія; во-вторыхъ, потому что изъ того, что уступка послѣдовала за безпорядкомъ, выводится толпою заключеніе, что уступка одолжена своимъ существованіемъ безпорядку, а разъ мелькнула фальшивая мысль о такой причинной связи, изъ нея вытекаютъ поползновенія, не имѣющія конца, продолжать волноваться, чтобы цѣною новыхъ усилій и новыхъ жертвъ достигнуть постепенно все бо́льшихъ и бо́льшихъ результатовъ. Въ промежуткѣ времени между 27 февраля и концессіями, при бездѣйствіи власти, всѣ оттѣнки общественнаго мнѣнія въ движущемся населеніи успѣли организоваться, одни для наступательнаго усиленнаго дѣйствія, другія для замедленія движенія и даже для противодѣйствія виднѣющемуся уже на краю горизонта, въ видѣ черной тучи, возможному повстанью. Когда пришли уступки, а онѣ были гораздо болѣе значительны, чѣмъ того могли ожидать люди, питавшіе даже смѣлыя надежды, никому изъ самыхъ солидныхъ консерваторовъ, потиравшихъ руки отъ удовольствія въ виду достигнутыхъ оффиціально-обнародованныхъ пожалованныхъ благъ, не приходило на мысль, что они могли бы при измѣнившихся обстоятельствахъ сдѣлать полу-оборотъ кругомъ, стать фронтомъ къ движенію, сказать революціонерамъ: довольно, вы не пойдете дальше! и въ случаѣ нужды оказать дѣятельную, хотя бы только моральную, а вовсе не матеріальную поддержку правительству въ возстановленіи законнаго порядка, по крайней мѣрѣ, на столько, чтобы обѣщанныя реформы могли быть безъ помѣхи и въ скорѣйшемъ времени осуществлены.

Ставить подобныя требованія по отношенію къ образованному польскому обществу нельзя было потому, что ломка старыхъ привычекъ и строй политики не совершаются моментально, что намѣренія правительства, столь недавнія, извѣстны были только на словахъ по обѣщаніямъ и еще не проявились на дѣлѣ, наконецъ, что никакой, даже самый завзятый, консерваторъ, даже самъ Велепольскій не могъ по совѣсти рѣшиться помогать своими руками внѣшней силѣ, какою въ послѣднія 30 лѣтъ представлялось правительство, укрощать своихъ земляковъ, ведя съ ними въ союзѣ съ этою силою противоестественную братоубійственную борьбу. Наибольшее, чего правительство могло бы ожи-

Digitized by Google

дать отъ консерваторовъ поляковъ, въ данныхъ обстоятельствахъ могло заключаться только въ томъ, что тѣ изъ нихъ, которые уже состояли на службѣ, продолжали бы служить правительству, но только не по части политическихъ преслѣдованій, а тѣ, которые еще не состояли на службѣ, готовы были-бы служить, послѣ того какъ будетъ безъ нихъ и помимо ихъ возстановленъ законный порядокъ, обусловливающій основаніе и развитіе свободныхъ учрежденій. Велепольскій не принадлежалъ ни къ одной изъ этихъ категорій, но стоялъ между ними посединѣ и особнякомъ. Онъ опредѣлилъ себѣ напередъ съ тою отчетливостью и ясностью, которыя составляли особенность его ума, свой постъ, свои задачи, свою дѣятельность, свои права и обязанности. Они заключались въ слѣдующемъ.

Велепольскій не могъ ждать, пока бы внѣшній порядокъ былъ возстановленъ; если бы правительству удалось возстановить своими средствами внѣшній порядокъ, то оно не обратилось бы ни къ нему, ни къ кому бы то ни было изъ его соотечественниковъ, ни тѣмъ менѣе къ его идеямъ, столь противнымъ всей системѣ русской политики въ послѣднія 30 лѣтъ. Къ нему прибѣгли, чтобы съ одной стороны выборомъ лица дать извѣстнаго рода ручательство населенію, что серьёзныя перемѣны въ ненавистномъ порядкѣ рѣшены, и тѣмъ облегчить задачу укрощенія уличныхъ демонстрацій; съ другой стороны, чтобы тотчасъ по укрощеніи пустить въ ходъ цѣлую систему мѣръ, способныхъ успокоить общество и предотвратить опасность всеобщаго мятежа. Велепольскій не имѣлъ свободы выбора или, лучше сказать, выборъ представлялся ему только въ видѣ такой дилеммы: либо навсегда отказаться отъ всякой политической роли и потерять единственный моментъ, когда открывалась возможность что-нибудь великое совершить человѣку его поколѣнія, его преклоннаго уже возраста (58 лѣтъ), съ его консервативнымъ, слегка славянскимъ направленіемъ, усматривающимъ спасеніе для его народа подъ сѣнью россійской державы; либо спѣшить, какъ дѣлаютъ голландцы, на подвергающуюся опасности отъ напора волнъ плотину и во время самой сильной бури строить новую, которая бы была надежною отъ этихъ волнъ защитою. Предпріятіе сопряжено было съ опасностью и рискомъ, и Велепольскій рискнулъ, зная, что толпа сочтетъ его измѣнникомъ и что ему вмѣнятъ и ту кровь, которая будетъ пролита при водвореніи наружнаго спокойствія на улицахъ и площадяхъ. Когда кто рѣшается идти прямо къ цѣли, тотъ уже обсудилъ и необходимыя средства, которыя въ его сознаніи не могутъ не сливаться съ цѣлью въ не-

Digitized by Google

раздѣльное цѣлое. Натура энергическая и цѣльная, маркизъ и предвидѣлъ, и желалъ обусловливающаго всю его послѣдующую дѣятельность подавленія силою уличныхъ безпорядковъ. Хотя въ матеріальныхъ дѣйствіяхъ по укрощенію онъ не хотѣлъ участвовать, но нравственную полную отвѣтственность за эти дѣйствія онъ на себя принималъ безъ колебаній и лицемѣрія, безъ сантиментальныхъ слезъ, которыя были бы не у мѣста, безъ наружныхъ оказательствъ сожалѣнія. Онъ былъ рѣшительнѣе въ этомъ отношеніи и гораздо дальновиднѣе намѣстника. Лисицкій удостовѣряетъ (Le Marquis W. II, 174), что, пріѣхавъ въ Варшаву 27 марта, въ страстную середу, маркизъ совѣтовалъ князю Горчакову немедленно объявить осадное положеніе дней на восемь, закрыть въ этотъ періодъ времени делегацію, земледѣльческое общество и арестовать главнѣйшихъ агитаторовъ; но князь Горчаковъ не рѣшился, далъ движенію разыгрываться лишнюю недѣлю на Пасхѣ, далъ ему возможность воспользоваться закрытіемъ земледѣльческаго общества и былъ причиною того, что катастрофа 8 апрѣля вышла кровопролитнѣе того coup d'état, который былъ бы совершенъ въ послѣднихъ числахъ марта, если бы послушались маркиза.

Людей, затѣвающихъ повстаніе, маркизъ считалъ непримиримыми врагами—и въ этомъ отношеніи онъ былъ правъ. Но онъ жестоко ошибался насчетъ умѣренныхъ: онъ разсчитывалъ на бо́льшую долю трезвости, практичности, здраваго смысла въ интеллигентныхъ слояхъ; онъ забывалъ, какъ онъ глубоко непопуляренъ, какъ онъ одинокъ, какъ подозрительны казались всѣмъ наиболѣе разумныя его предложенія. Онъ думалъ, что съ властью въ рукахъ и съ задатками лучшаго будущаго въ видѣ пожалованныхъ концессій, онъ заставитъ своихъ противниковъ, Андрея Замойскаго и комитетъ земледѣльческаго общества, усиленный делегатами отъ воеводствъ, оказать ему поддержку и принять дѣятельное участіе въ реформахъ во имя общаго блага. Онъ чувствовалъ, что ему слѣдуетъ сдѣлать первый шагъ, и онъ этотъ шагъ сдѣлалъ. На Свѣтлое Христово Воскресеніе по польскому обычаю ѣздятъ знакомые безъ приглашенія другъ къ другу въ гости отвѣдать пасхальныхъ яствъ, или на такъ называемое «Swięcone». Маркизъ поѣхалъ къ Андрею Замойскому на это Swięcone и обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «сегодня вся Варшава съѣзжается къ вамъ, графъ, съ поздравленіемъ, и я пріѣхалъ тоже; надѣюсь, что отнынѣ мы будемъ работать сообща для блага страны»... (Aleks. W. I, 151). Говорятъ, что въ дальнѣйшей бесѣдѣ Велепольскій не могъ не похвалиться ре-

Digitized by Google

зультатомъ своей политики и замѣтилъ: «видите, графъ, польскій шляхтичъ вступилъ въ переговоры съ русскимъ правительствомъ и получилъ то, чего потребовалъ». Отвѣтомъ на эти авансы были со стороны Замойскаго ироническія поздравленія и ледяное равнодушіе. Сердца не открывались, не прояснялись лица; Замойскій на отрѣзъ отказался занять какое бы то ни было мѣсто въ проектируемыхъ учрежденіяхъ, даже предназначавшуюся для него должность вице-предсѣдателя государственнаго совѣта. Было ли то слѣдствіемъ непреодолимыхъ личныхъ антипатій, которыми столь богата лѣтопись послѣднихъ дней Польши, или, можетъ быть, мечтатель-визіонеръ инстинктивно противенъ былъ всякимъ попыткамъ, имѣющимъ цѣлью отдалить моментъ, когда Польша, какъ зрѣлый плодъ, отпадетъ, увлекаемая своею тяжестью отъ дерева? Можетъ быть дѣйствовала первая причина, можетъ быть—вторая, а можетъ быть обѣ вмѣстѣ. Сторону маркиза отказывались держать явнымъ образомъ помѣщики, обрекая себя на безмолвное выжиданіе; ему предстояло ограничиться пока только содѣйствіемъ однихъ чиновниковъ, между которыми имѣлись люди и усердные, и трудолюбивые, и способные. Ставъ у машины, Велепольскій очень скоро ознакомился съ ея особенностями и отправленіями и самъ себя явилъ отличнымъ администраторомъ, доходящимъ иногда до мелочей, но не теряющимъ отсюда изъ виду общихъ началъ и вопросовъ. Велепольскій предпочелъ бы начать дѣйствовать послѣ катастрофы, но принужденъ былъ высказаться раньше того, прежде чѣмъ пронеслась гроза, очистившая и освѣжившая немного удушливую атмосферу. Двуличность, недоговариваніе не были въ его характерѣ; съ ранней молодости притомъ онъ привыкъ къ рѣчамъ и любилъ щеголять ораторскимъ талантомъ, образностью слога, мѣткостью обдуманныхъ выраженій. Загадочный для публики человѣкъ опредѣлился, можетъ быть, даже слишкомъ откровенно и рѣзко при оффиціальномъ пріемѣ на третій день праздниковъ, 2 апрѣля 1861 г., чиновъ коммиссіи вѣроисповѣданій и просвѣщенія, и духовенствъ римско-католическаго и уніатскаго, и въ отвѣтной рѣчи, данной представлявшимся ему 4 апрѣля еврейскому духовенству и выборнымъ отъ еврейской общины въ маіоратскомъ его мѣстечкѣ Пинчовѣ.

Чиновникамъ онъ напомнилъ, что самый фактъ возстановленія бывшей коммиссіи вѣроисповѣданій и просвѣщенія (вмѣсто варшавскаго учебнаго округа) обозначаетъ существенную перемѣну въ положеніи вещей, состоящую въ томъ, что по волѣ монарха странѣ возвращено самоуправленіе въ самоважнѣйшихъ сферахъ жизни народной: въ дѣлѣ религіи и народнаго образованія, а

Digitized by Google

то, что́ теперь предоставлено мѣстному самоуправленію, послужитъ основаніемъ для другихъ усовершенствованій въ общественномъ быту въ будущемъ. Къ еврейской депутаціи маркизъ отнесся съ необыкновеннымъ радушіемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ всѣмъ сознаваемой потребности въ еврейской реформѣ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ полнымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія. «Я искренно желаю,—сказалъ онъ,—устраненія всѣхъ тяготѣющихъ на васъ стѣсненій и какъ завѣдывающій вѣроисповѣданіями, и какъ юристъ. Духу гражданскаго кодекса, составляющаго звено, которое связуетъ насъ съ Европою, противны всякія изъятія отъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ. Я вовсе не раздѣляю мнѣнія самоновѣйшаго чекана, будто бы вы, предварительно достиженія равноправности, должны сойти съ пути торговой промышленности и запречь себя въ плугъ. Очень почетно званіе земледѣльца, я самъ по ремеслу земледѣлецъ, но земледѣльцевъ было у насъ всегда вдоволь, а недоставало намъ такъ-называемаго средняго состоянія, котораго отъ Провидѣнія привитый намъ зародышъ, заключающійся въ васъ, пропадаетъ втунѣ. Постарайтесь этотъ зародышъ развить, въ томъ-то и заключается ваше общественное достоинство». Строже и суровѣе была рѣчь новаго министра къ сильно подмываемому революціоннымъ теченіемъ и отчасти уже предавшемуся революціи духовенству католическому, представлявшемуся вмѣстѣ съ уніатскимъ; впрочемъ, и эта рѣчь не содержала ничего, что́ бы могло считаться стѣсненіемъ церкви, посягательствомъ на ея права. Она выдвигала впередъ только два начала, которыя составляютъ коренныя основы современнаго государства и свободы религіозной: вѣротерпимость и невмѣшательство духовенства въ свѣтскую политику. «Римско-католической церкви,—сказалъ маркизъ,—посвящу я особое вниманіе. Помнить о томъ для меня тѣмъ естественнѣе, что католическая вѣра есть вѣра отцовъ моихъ и моя собственная. Но это мое доброжелательство по отношенію къ церкви я удержу въ надлежащихъ предѣлахъ. Я начальникъ установленія, завѣдующаго всѣми исповѣданіями, совокупно съ просвѣщеніемъ. Я не сойду съ пути истинной вѣротерпимости, одного изъ великихъ пріобрѣтеній нашего вѣка. Я—членъ правительства нашего всемилостивѣйшаго монарха. Никогда, на сколько силъ моихъ хватитъ, а тѣмъ болѣе въ моемъ вѣдомствѣ, не допущу я правительства въ правительствѣ... Полагаюсь на ваше благоразуміе и умѣренность, вы же, уважаемые господа, положитесь на мои добрыя пожеланія»... Велепольскій могъ съ нѣкоторымъ правомъ требовать къ себѣ довѣрія; онъ являлся предъ духовенствомъ не съ пустыми руками: онъ при-

Digitized by Google

носилъ преимущества и льготы, о которыхъ никто до того времени не могъ и подумать, начиная съ допущенія епископовъ въ государственный совѣтъ, съ изъятія духовныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія комиссіи внутреннихъ дѣлъ, то-есть изъ вѣдѣнія полиціи, и съ образованія задуманныхъ духовныхъ совѣтовъ, предназначенныхъ на то, чтобы сдѣлаться центромъ церковнаго самоуправленія. Велепольскій, конечно, могъ бы свое неудовольствіе за участіе духовенства въ демонстраціяхъ высказать сдержаннѣе, конфиденціальнѣе, келейнымъ образомъ, переговоривъ о томъ наединѣ съ епископами. Велепольскій былъ безусловно правъ по существу, а что касается до избранной имъ формы гласнаго и громкаго предостереженія вмѣсто келейнаго внушенія, то этотъ вопросъ, какъ вопросъ одного только приличія, не могъ, повидимому, имѣть важнаго значенія. Но общество было сильно возбуждено, слова маркиза вызвали яростные протесты со стороны духовенства и произвели дѣйствіе, совершенно противоположное тому, которое имѣлось въ виду; они подлили, такъ сказать, масла въ огонь. Отголоски тогдашняго впечатлѣнія слышатся и теперь. Графъ Ст. Тарновскій (Przegląd polski, list. 1879, s. 184) усматриваетъ въ словахъ 2 апрѣля къ духовенству одну изъ капитальнѣйшихъ ошибокъ, повліявшихъ на весь дальнѣйшій ходъ дѣлъ, и сравниваетъ маркиза съ Гамлетомъ, когда этотъ послѣдній закололъ по ошибкѣ за занавѣсью Полонія, думая, что онъ поражаетъ короля. По мнѣнію Тарновскаго, маркизъ словами рѣчи 2 апрѣля казнилъ земледѣльческое общество, но вмѣсто того попалъ въ духовенство, еще непричастное политикѣ, вслѣдствіе чего, обидѣвъ его, онъ заставилъ это духовенство кинуться въ объятія революціи. Легко доказать, какъ неосновательна эта критика, пытающаяся объяснить крошечною причиною великія послѣдствія. Духовенство варшавское не осталось въ долгу отвѣтомъ; коллективный протестъ поданъ былъ въ началѣ мая 1861 г., снабженный множествомъ подписей, варшавскому архіепископу Фіалковскому. Въ немъ рѣчь маркиза названа «угрожающею церкви, унижающею духовенство», и истолкована въ смыслѣ намѣренія отрицать духовную власть епископовъ, ограничить ее, поставить ее на ряду съ другими отраслями управленія, то-есть превратить ее въ учрежденіе религіозно-полицейское. Препровождая этотъ протестъ, Фіалковскій присовокупилъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ негодованіе духовенства, которому причинена обида (krzywda), тѣмъ болѣе *нестерпимая*, что она опубликована въ газетахъ; возмущался тѣмъ, что религія римско-католическая отнесена будто бы маркизомъ къ разряду *терпимыхъ*, между тѣмъ какъ она въ царствѣ поль-

Digitized by Google

своимъ *господствующая*, какъ вѣроисповѣданіе «почти всѣхъ» обитателей царства; наконецъ, замѣчалъ внушительно, съ высоты величія духовнаго состоянія предъ свѣтскимъ, что «только монархъ въ правѣ говорить про вѣротерпимость, а не подданный, въ особенности если притомъ сей послѣдній — римскій католикъ», то-есть лицо, обязанное церкви послушаніемъ въ области дѣлъ духовныхъ (Aleks. W. II, 95—97). Велепольскій имѣлъ повидимому основаніе гордиться, какъ католикъ, тѣмъ, что ему довѣрены были иностранныя исповѣданія, и разсматривалъ этотъ фактъ, какъ громадный успѣхъ для римскаго католицизма. Изъ словъ престарѣлаго пастыря вытекало, что правами, бо́льшими по отношенію къ церкви, пользовался бы иновѣрецъ нежели свой братъ католикъ, что духовенство не могло допустить маркизу того, что́ оно безропотно терпѣло бы со стороны Муханова; слѣдовательно указываемо было косвенно правительству, безъ вѣдома, конечно, писавшаго эти неразумныя строки, что въ его прямомъ интересѣ не имѣть римскаго католика на важномъ посту директора вѣроисповѣданій. Оба приведенные документы доказываютъ, что разномысліе между маркизомъ и духовенствомъ было столь велико, что исключало возможность всякихъ соглашеній и что маркизъ неповиненъ въ томъ, что будто бы онъ-то и толкнулъ духовенство въ объятія революціи. При совершенно безцвѣтномъ обращеніи маркиза къ духовенству не было бы повода къ пререканію, но миръ все равно не состоялся бы потому, что цѣли съ обѣихъ сторонъ были различны и что духовенство, начиная съ приходскихъ священниковъ и до епископовъ, было со всѣхъ сторонъ окружено революціею и неслось уже съ быстротою на всѣхъ парахъ въ роковое будущее. Первые протесты, вызванные рѣчью 2 апрѣля, освѣтили точно молніи положеніе вещей; тѣ трещины, которыя грозили опасностью, тѣ ужасающіе успѣхи революціоннаго движенія, котораго ядомъ были пропитаны слои и группы общества, наиболѣе повидимому заинтересованные въ томъ, чтобы не разъигралось повстаніе. Для начинающаго министра эти протесты равносильны были неудачѣ. Что́ попорчено было словами, то предстояло поправить настоящимъ дѣломъ, то-есть осуществленіемъ обѣщанныхъ реформъ. На выработку законопроектовъ и проведенія ихъ чрезъ Петербургъ требовалось два, три мѣсяца. Указъ 14 (26) марта 1861 г. содержалъ въ себѣ только одинъ перечень будущихъ учрежденій: совѣтъ государственный, совѣты губернскіе, уѣздные и городскіе. Съ введеніемъ ихъ должны были исчезнуть тѣ ихъ суррогаты, которые выдвинулись впередъ въ послѣднее время и функціонировали

Digitized by Google

кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ безъ всякаго опредѣленнаго круга вѣдомства и предѣловъ власти, вмѣшиваясь поминутно и въ то, что̀ ихъ вѣдѣнію и подлежать не могло, по ихъ назначенію. Такимъ иррегулярными институтами представлялись въ то время два: земледѣльческое общество со своимъ комитетомъ и городская делегація въ Варшавѣ. Ихъ можно было либо тотчасъ же упразднить, расчищая почву для будущихъ автономныхъ совѣщательныхъ установленій, либо оставить до самаго введенія въ дѣйствіе этихъ послѣднихъ установленій новой формаціи. И тотъ, и другой пріемы имѣли свои выгоды и свои неудобства. И делегація, и комитетъ земледѣльческаго общества, очень мало самостоятельные, исправляли функцію подушекъ, предупреждающихъ и ослабляющихъ столкновенія между уличною толпою и властью, но въ данномъ случаѣ эти два политическіе призрака могли превратиться въ орудія и знамена уличнаго движенія подъ натискомъ толпы, при извѣстной постановкѣ вопроса. Делегація причиняла меньше хлопотъ. Съ нею справился намѣстникъ еще до пріѣзда Велепольскаго въ Варшаву. 11 (23) марта онъ ей предложилъ выбрать изъ своей среды 8 выборныхъ, которые должны были образовать особый, такъ называемый, «обывательскій отдѣлъ» при магистратѣ. 4 апрѣля и этотъ отдѣлъ былъ упраздненъ, но члены бывшей делегаціи собрались еще разъ въ ратушѣ и выбрали *двенадцати-членную* коммиссію, долженствующую исправлять временно обязанности городского совѣта, обѣщаннаго указомъ 14 (26) марта 1861 года. Труднѣе была задача по отношенію къ земледѣльческому обществу. Оно не выросло внезапно, какъ делегація, безъ законодательной санкціи въ силу обстоятельствъ, среди борьбы разъяренныхъ стихій. Оно имѣло свой Высочайше утвержденный 12 (24) ноября 1857 г. уставъ, свое, хотя немноголѣтнее, но не безполезное, прошедшее. Крупную ошибку сдѣлали намѣстникъ и Мухановъ, когда, во избѣжаніе дачи царству польскому настоящихъ политическихъ реформъ и учрежденій, они дали этому сельско-хозяйственному обществу въ руки игрушку—крестьянскій вопросъ, въ полной увѣренности, что это развлеченіе не свяжетъ рукъ администраціи, не станетъ зародышемъ ни малѣйшаго самоуправленія и не повлечетъ за собою никакихъ ни перемѣнъ, ни послѣдствій. Оно на этомъ вопросѣ выѣхало, оно вкусило всю сладость запретнаго съ 1830 г. плода жизни общественной и соборнаго обсужденія жгучихъ животрепещущихъ вопросовъ настоящаго, оно сдѣлалось популярнымъ и пріобрѣло громадное вліяніе, совсѣмъ не соотвѣтствующее скромному его назначенію по уставу. Сжать его и заставить

Digitized by Google

войти въ узкія уставныя рамки, было весьма трудно и даже невозможно безъ противодѣйствія, которое оказываетъ всякое учрежденіе, когда его пытаются сдвинуть съ занимаемой имъ позиціи, и безъ попытокъ, еслибы оно было сдвинуто, возвратить себѣ по бывшимъ примѣрамъ и прецедентамъ прежнее значеніе. Земледѣльческое общество при реформахъ являлось просто-напросто помѣхою, которую, во избѣжаніе столкновеній, надлежало упразднить. Мотивы закрытія общества, сообщенные правительствомъ 12 апрѣля 1861 г. варшавскимъ газетамъ, чрезвычайно вѣски и убѣдительны. Несомнѣнно и безспорно то, что писалъ въ этомъ сообщеніи Велепольскій, что «въ послѣднемъ своемъ видѣ земледѣльческое общество было громадною хаотическою смѣсью стихій земледѣльческой и законодательно-политической, и что политика требовала—положить конецъ этому хаосу, раздѣлить эти стихіи». Вѣрно было то, что земл. общество въ силу обстоятельствъ сдѣлалось «ассоціаціею, чрезвычайно обширною, съ неограниченнымъ числомъ членовъ, преслѣдующею законодательныя и политическія цѣли, и считало себя, а фактически и сдѣлалось, чѣмъ-то въ родѣ представительства страны. Но чѣмъ больше оно приближалось къ этому *какъ-бы* представительству, тѣмъ болѣе готовило оно себѣ судьбу, которой подлежатъ по своему существу всѣ представительныя собранія. Всякое представительное собраніе подлежитъ по существу своему распущенію, ихъ достоинство и превосходство проявляются именно въ этомъ распущеніи, то-есть въ приведеніи ихъ въ соотвѣтствіе съ каждымъ новымъ состояніемъ того общественнаго тѣла, котораго они органъ» (Aleks. W. II, 91 — 93). Немедленное закрытіе и расформированіе общества составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ частей записки маркиза, поданной князю Горчакову, и представленія князя, ходившаго въ Петербургъ. Вмѣсто общества съ его средоточіями, общимъ собраніемъ и комитетомъ, предполагалось завести земледѣльческіе *съѣзды* или *комиціи* по образцу французскихъ «comices agricoles» по департаментамъ, безъ общаго центра. Въ пользу этой мѣры приводились и мотивы, повторенные въ сообщеніи 12 апрѣля, что правительство не можетъ допустить, чтобы существовало частное общество, которое бы, располагая превозмогающею силою и массою, могло стѣснять свободу дѣйствія у организованныхъ политическихъ или административныхъ учрежденій. Нераспущенное земледѣльческое общество сдѣлалось бы тормазомъ и препятствіемъ введенію новыхъ учрежденій, по тому именно, что оно въ себѣ выработало самаго превосходнѣйшаго, по сильной субординаціи членовъ, по

Digitized by Google

подчиненію ихъ комитету, что̀ предоставило бы обществу, на первыхъ же порахъ, излишнее вліяніе на самое начало и возникновеніе новыхъ институтовъ». Эти мотивы вполнѣ объясняютъ обдуманную рѣшимость Велепольскаго закрыть общество, которая не нуждалась ни въ какой примѣси личныхъ побужденій и не предполагала никакого злопамятства по отношенію къ Андрею Замойскому и комитету. На Пасхѣ 1861 г. такія побужденія и не могли существовать; Велепольскій еще заискивалъ у Замойскаго и надѣялся расположить его ко вступленію въ государственный совѣтъ въ званіи вице-предсѣдателя, но въ сущности съ властью предсѣдателя, такъ какъ предсѣдателемъ по § 4 указа 14 (26) марта 1861 г. считался намѣстникъ, которому трудно было бы руководить преніями по незнанію польскаго языка. Въ государственномъ совѣтѣ Замойскій былъ бы не одинъ; онъ вошелъ бы туда со всѣмъ своимъ штабомъ. Съ каждымъ по одиночкѣ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ комитета маркизъ совѣщался, каждому обѣщалъ мѣсто въ совѣтѣ, и всѣ по одиночкѣ высказались въ пользу необходимости распущенія общества. Конечно, онъ отъ нихъ не могъ и требовать, чтобы они сами наложили руку на общество, но онъ разсчитывалъ, что они отнесутся пассивно и нейтрально къ факту, и считалъ дѣло слаженнымъ, когда 6-го апрѣля, въ субботу на святой, явилось во всѣхъ газетахъ состоявшееся по его почину постановленіе совѣта управленія объ упраздненіи земледѣльческаго общества и заведеніи вмѣсто него земледѣльческихъ съѣздовъ (комицій). Постановленіе мотивировано было не совсѣмъ удачно, слишкомъ рѣзко; правительство оправдывалось тѣмъ, что «общество, будучи учреждено единственно для споспѣшествованія земледѣлію, заняло, вопреки своему уставу, положеніе, несоотвѣтственное современнымъ обстоятельствамъ». Этотъ актъ власти, выраженный внезапно и безъ подготовки среди города, въ которомъ уличный порядокъ не былъ еще возстановленъ и обезпеченъ, повелъ кратчайшимъ путемъ къ катастрофѣ 8-го апрѣля, которую Велепольскій предвидѣлъ и ускоренія которой онъ даже желалъ, но въ то же время актъ этотъ оттолкнулъ отъ него бывшихъ членовъ земледѣльческаго общества, раздѣлилъ ихъ съ нимъ навсегда, образовалъ между маркизомъ и комитетомъ, сдѣлавшимся кадромъ для организаціи бѣлой или умѣренной патріотической партіи, непроходимую пропасть. Въ этомъ отношеніи, судя по послѣдствіямъ, распущеніе общества стало второю неудачею для Велепольскаго; даже друзья и приверженцы его считаютъ это дѣйствіе крупною ошибкою. Ближайшій его пріятель, Сигизмундъ Гельцель, пи-

Digitized by Google

самъ, вскорѣ послѣ происшествія, котораго онъ былъ очевидцемъ: «Мы—большіе поклонники маркиза, но мы не можемъ постигнуть политики упраздненія земледѣльческаго общества». (Aleks. W. I, 199). Теперь, когда много времени ушло и мы отдалились отъ тогдашнихъ событій, легко опредѣлить, сдѣлалъ-ли промахъ Велепольскій, закрывая общество, и притомъ какой: малозначительный или крупный? Ошибка была сдѣлана и довольно значительная, въ которую Велепольскій былъ вовлеченъ своимъ неумѣніемъ хитрить и выжидать, своимъ воинственнымъ темпераментомъ, своею теоретичностью во взглядахъ на жизнь и отчасти своимъ оптимизмомъ по отношенію къ лицамъ. Земледѣльческое общество было, конечно, помѣхою въ настоящемъ, но полагающій конецъ ему coup d'état былъ вызовомъ, обращеннымъ къ революціи, былъ сопряженъ съ рискомъ и опасностью, а зло, которое заключалось въ этомъ образѣ дѣйствія, превосходило пользу отъ расчистки почвы подъ новыя учрежденія. Въ сущности земледѣльческое общество этимъ учрежденіямъ безусловно не препятствовало; его можно бы преспокойно и обойти, и оставить, пока бы само оно не скончалось естественною смертью послѣ двухъ, трехъ мѣсяцевъ безъ всякаго coup d'état. Полномочія его по крестьянскому вопросу были исчерпаны, послѣднее слово по этому предмету сказано въ заключеніяхъ въ февралѣ 1861 г. объ очиншеваніи и добровольномъ выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ. Послѣдствія доказали, что и земледѣльческое общество подмываемо было революціонною волною, но громадное большинство его состояло изъ людей степенныхъ, осторожныхъ и предусмотрительныхъ, такъ что оно ни въ какомъ случаѣ не стало бы во главѣ движенія и не соотвѣтствовало бы своими дѣйствіями той роли, на которую его наталкивали уличные агитаторы. Если бы общее годовое его собраніе было не въ январѣ, а немедленно, то и въ такомъ случаѣ оно обречено было бы на печальную необходимость съ высотъ политики низойти къ прозѣ жизни и разсуждать преважно о земледѣльческихъ машинахъ, о способахъ удобренія земли и о корнеплодныхъ растеніяхъ. Даже вліяніе общества на предстоящіе выборы въ автономическія совѣщательныя учрежденія не должно было сильно озабочивать правителей. Они должны были предвидѣть, что и по закрытіи общества организація, созданная имъ, останется, что эта организація умѣренныхъ можетъ оказать услуги въ борьбѣ съ главнымъ врагомъ правительства, революціонною организаціею красныхъ, и что чѣмъ больше людей изъ земледѣльческаго общества войдетъ въ составъ новыхъ автономическихъ институтовъ, тѣмъ будетъ лучше,

Digitized by Google

когда же они утвердятся въ уѣздныхъ, городскихъ и губернскихъ совѣтахъ и въ государственномъ совѣтѣ и обрѣтутъ тамъ подходящее поприще для осуществленія своихъ политическихъ идей, то они сами перестанутъ дорожить земледѣльческимъ обществомъ, отстаивать его и противиться его преобразованію. Если бы оно было даже политическимъ учрежденіемъ, его можно было бы безвредно оставить и дать ему прозябать нѣкоторое время на ряду съ учрежденіями новаго порядка, какъ существуютъ, напримѣръ, у насъ дворянскія собранія и особые представители этого состоянія послѣ введенія земствъ. Направленное не въ бровь, а въ глаза обществу обвиненіе въ томъ, что оно заняло неподобающее ему положеніе, было явно несправедливо и не могло не возмущать, потому что общество заняло это положеніе не само по своей волѣ, посредствомъ узурпаціи, а очутилось оно на этомъ посту отчасти по волѣ правительства, предложившаго ему политическій аграрный вопросъ, отчасти по силѣ извѣстнымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ. Обѣщанныя блага, или такъ называемыя концессіи, были еще въ туманѣ будущаго, впереди; горькимъ должно было показаться, въ виду только обѣщаннаго, разставаться съ тѣмъ единственнымъ пожалованіемъ цѣлыхъ 30-ти лѣтъ, которое въ послѣднее время утоляло, хотя и въ весьма недостаточной степени, пробужденную жгучую жажду дѣятельности общественной. Актъ закрытія и рѣзкая мотивировка этого закрытія ставили бывшихъ членовъ общества внезапно подъ два давленія: съ одной стороны, правительства съ маркизомъ во главѣ, не пріобрѣвшихъ еще общественнаго довѣрія, а съ другой стороны, общественнаго мнѣнія, революціонно возбужденнаго, поддающагося внушеніямъ агитаторовъ. Эти члены должны были напрямикъ и безъ обиняковъ высказать, чью сторону они держатъ? Одобряютъ-ли они упраздненіе общества, котораго заслуги были неоспоримы въ прошломъ, или же протестуютъ противъ закрытія, становясь въ рядахъ оппозиціи? Государственный человѣкъ не долженъ себѣ позволять играть въ столь азартную игру, ставя все свое дѣло на одну карту. Такъ какъ его искусство должно заключаться въ томъ, чтобы пользоваться всѣми ошибками противниковъ, раздѣлять стихіи движенія, и съ каждою справляться по одиночкѣ, то моральное насилованіе извѣстной партіи прямо противно его интересамъ и въ періодѣ прогрессирующей и, даже, въ періодѣ ослабѣвающей революціи: въ первомъ періодѣ потому, что давленіе съ улицы всегда возьметъ верхъ и подведетъ всѣ головы подъ одну шапку, а во второмъ періодѣ потому, что оно можетъ вновь оживить потухающее движеніе,

Digitized by Google

придавъ ему новыя силы, подливъ масла въ огонь. Велепольскій могъ убѣдиться, что въ данный критическій моментъ всѣ члены какой-нибудь организаціи, вмѣстѣ взятые, могутъ оказаться совсѣмъ противнаго мнѣнія тому, какое высказывали они каждый по одиночкѣ, и что одни по близорукости, другіе по отсутствію гражданскаго мужества и безхарактерности будутъ громко вопить противъ того, съ чѣмъ бы помирились въ тихомолку. Катастрофа наступила, и воздухъ немного очистился, но польза отъ того вышла малая; базисъ, на которомъ стоялъ маркизъ, значительно съузился, что́ не поколебало, однако, его самоувѣренности и не умалило нисколько его энергіи. Ходъ катастрофы былъ слѣдующій:

Въ воскресенье, 7-го апрѣля, то-есть въ день, слѣдующій за обнародованіемъ постановленія совѣта управленія отъ 5-го апрѣля объ упраздненіи земледѣльческаго общества, послѣдовали неизбѣжныя манифестаціи, имѣвшія теперь предлогъ: справлять по закрытомъ обществѣ поминки. Громадная толпа въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ собралась въ 4 часа пополудни передъ зданіемъ «кредитнаго общества», гдѣ помѣщалось бюро земледѣльческаго общества, неся цвѣты, вѣнки и бѣлаго польскаго орла, котораго повѣсили поверхъ двуглаваго чернаго на вывѣскѣ, украшающей зданіе. Пѣлись пѣсни и въ томъ числѣ: jeszcze Polska nie zginęła. Толпа послушалась однако предложенія генерала Панютина разойтись, но не разсѣялась, а перенеслась на Новый Свѣтъ къ дому Андрея Замойскаго, которому сдѣлала овацію. Графъ Замойскій долго не показывался, принялъ, однако, посланный ему вѣнокъ, но когда толпа не довольствовалась появленіемъ на балконѣ со словомъ благодарности секретаря его Гарбинскаго и потребовала его самого, то онъ появился лично. Нѣтъ достаточно основанія признать, чтобы имъ дѣйствительно произнесены были слова, которыя ему тогда приписывались, о томъ, будто бы къ пяти убитымъ (27-го февраля) жертвамъ присоединилась теперь новая шестая: земледѣльческое общество (Le marquis W. II, 179). По всей вѣроятности, Замойскій этихъ словъ не произнесъ и, можетъ быть, даже, какъ утверждаетъ Гиллеръ (Aleks. W. Lwów, 1878, стр. 60), онъ просилъ толпу прекратить манифестацію, которая грозила разрѣшиться несчастіемъ. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что и онъ, и его ближайшіе друзья, и родные считали всѣческія заявленія и протесты противъ закрытія общества и своевременными, и необходимыми. Съ Новаго Свѣта, отъ Замойскаго, толпа повалила къ статуѣ Сигизмунда III на Замковую площадь. Она становилась съ часу на часъ грозв-

Digitized by Google

нѣе, принимала вызывающее положеніе, шутила, глумилась надъ солдатами, офицерами, надъ самимъ намѣстникомъ, когда онъ вышелъ въ толпѣ на съѣздѣ къ Вислѣ въ пальто и съ хлыстикомъ и уговаривалъ стоящихъ: «rozchodźcie się!» (разойдитесь). «Мы у себя дома, — слышались отвѣты изъ толпы: — вы, князь, идите домой». Люди посмѣлѣй прибавляли: «иди домой, старина, холодно, насморкъ получишь!» (Записки Берга, стр. 286). Между тѣмъ, стемнѣло, и войска уведены были съ замковой площади; уличныя сборища тоже разсѣялись, весьма собою довольныя при крикахъ: побѣда! (wygrana). Ясно было, что ночь прервала только непріязненныя дѣйствія, но что они возобновятся на слѣдующій же день. Въ эту-то ночь, съ 7-го на 8-е апрѣля, по идеѣ Велепольскаго состоялось въ замкѣ новое законоположеніе *о сборищахъ*, облеченное въ форму постановленія совѣта управленія и опубликованное за подписями князя Горчакова, назначеннаго нѣсколько дней тому назадъ министромъ юстиціи (директоромъ коммиссіи) Яна Кантія Воловскаго и статсъ-секретаря Карницкаго. (Aleks. W. II, 55). Нельзя не отдать полной справедливости добрымъ намѣреніямъ составителей. Законъ былъ внушенъ чувствомъ строгой законности, желаніемъ разобраться съ крамольниками на общемъ основаніи, общими судами, и взять ихъ въ тиски не средствами террора, а одними только умѣренными, хотя и внушительными, карами, строго соотвѣтствующими установленнымъ довольно точно степенямъ вины. Внѣшняя форма констатированія порядка заимствована у англичанъ, и есть подражаніе статуту о Riot'ахъ или сборищахъ короля Георга I, 1715 г. (1 G. 1 st. 2 c. 5 s. 1). Когда произойдетъ противозаконное на публичномъ открытомъ мѣстѣ сборище, бургомистръ, гминный войтъ, полицейскій коммиссаръ или иной чиновникъ должны послѣ удара въ барабанъ сдѣлать троекратное воззваніе къ собравшимся, чтобы они разошлись. Взысканія за непослушаніе послѣ каждаго воззванія росли отъ простого ареста за непослушаніе по первому воззванію, до шестимѣсячнаго заключенія по второму, и до двухлѣтняго по третьему. Послѣ третьяго воззванія будетъ употреблена *вооруженная сила*, но и за сопротивленіе этой самой вооруженной силѣ положено только заключеніе на время отъ 3 до 5 лѣтъ въ одной изъ крѣпостей царства польскаго. Въ послѣдней чертѣ проглядывалъ, очевидно, патріотъ-полякъ, желающій справляться съ своими земляками домашними такъ-сказать, то-есть не выходящими за предѣлы царства, карательными средствами, безъ ненавистной, особенно для поляка, отрывающей его навсегда отъ родины, Сибири. Подстрекателямъ

Digitized by Google

къ сборищу или къ сопротивленію грозитъ удвоенное противъ физическихъ виновниковъ наказаніе. Меньшей тяжести мѣры положены за простыя приглашенія на сборище устныя, писанныя или печатныя. Исполненіе закона поручено директорамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, слѣдовательно, по общегражданскому, а не по военному уставу судопроизводства. Установлена была тогда же и формула воззванія: «въ силу закона и распоряженій власти приглашаю васъ разойтись; если же не исполните сего послѣ троекратнаго воззванія, то будете разогнаны вооруженною силою» (Зап. Берга, 293).

На слѣдующій день 8 апрѣля (28 марта) 1861, которое пришлось въ воскресенье, власть въ замкѣ поджидала мутителей порядка до самаго вечера. Не обошлось и въ этотъ разъ безъ примѣси церковнаго, безъ процессіи и безъ похоронъ. Толпа надвинулась съ съѣзда на Вислу. Тогда былъ посланъ къ ней полицейскій офицеръ съ барабанщикомъ, который сдѣлалъ три установленныя наканунѣ воззванія съ 10-минутными между ними промежутками. Когда толпа отвѣтила на эти воззванія хохотомъ и свистками, то военный начальникъ 1-го отдѣла Варшавы, вмѣщающаго въ себѣ замокъ, извѣстный по своимъ севастопольскимъ подвигамъ генералъ Хрулевъ, произвелъ нѣсколько аттакъ конными жандармами и пѣхотою, холоднымъ оружіемъ, но когда народъ сталъ вырывать камни изъ мостовой и бросалъ ихъ на солдатъ, то приказано было стрѣлять. Стрѣляли залпами вдоль главныхъ улицъ; выпущено зарядовъ около 500; кровопролитіе не было особенно велико (11 на мѣстѣ убитыхъ, 36 отъ ранъ умершихъ, 230 раненыхъ), но воображеніе дѣйствовало, дорисовывая картины ужаса; паника была большая, въ особенности когда, по взвившимся надъ замкомъ сигнальнымъ ракетамъ, войска явились мгновенно на напередъ указанныхъ мѣстахъ и бивакировали и послѣдующія ночи при пламени костровъ, пока не соорудили себѣ палатокъ. О кровопролитіи, которое ночь покрыла мракомъ, стали слагаться цѣлыя легенды: о громадномъ числѣ убитыхъ, о звѣрскомъ съ ними обращеніи разъяренныхъ солдатъ, о трупахъ, цѣлыми десятками бросаемыхъ въ Вислу, съ прибитыми къ черепамъ конфедератками, и тому подобныхъ небылицахъ. Мы сами слышали эти ходившія тогда легенды мѣсяца черезъ три, въ іюнѣ 1861 г., въ Варшавѣ. Впечатлѣніе было громадное, въ городѣ все на минуту замерло.

Возвратимся къ маркизу. Г. Бергъ въ своихъ запискахъ, въ которыхъ онъ наивно признается (253), что онъ берется живописать Велепольскаго не такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствитель-

Digitized by Google

ности по бумагамъ и документамъ, но «какимъ его нарисовала роковая (??) кисть общественнаго мнѣнія» и который этимъ признаніемъ отнимаетъ у своего разсказа всякое значеніе серьёзнаго сужденія, г. Бергъ выразился о Велепольскомъ (300), что его роль въ этотъ день или, лучше сказать, въ эту ночь была *забавна* и *плачевна*. Гиллеръ, одинъ изъ крайнихъ красныхъ, упрекаетъ (62) маркиза въ безсердечіи, съ которымъ онъ отказался въ замкѣ, несмотря на мольбы Шленкера, просить князя намѣстника о томъ, чтобы положенъ былъ конецъ кровопролитію. По свѣдѣніямъ Лисицкаго (Le marquis W. II, 176), маркизъ, въ то время какъ шла стрѣльба, бесѣдовалъ въ намѣстниковскомъ дворцѣ (гдѣ онъ проживалъ съ 28 марта, какъ утверждаетъ Бергъ, Зап. 300), съ другомъ своимъ Сиг. Гельцелемъ, когда явился весь разстроенный докторъ Халубинскій и сталъ его просить ѣхать въ замокъ, ходатайствовать о прекращеніи безцѣльнаго уже кровопролитія. Маркизъ не колебался ни минуту, хотя сама поѣздка въ замокъ сопряжена была для него съ величайшею опасностью, такъ какъ и раненые и умирающіе, и весь уличный народъ сваливали на него всю вину кровопролитія и осыпали его проклятіями, за которыми не далеко было до мести и кровавой расправы. Въ четырехмѣстную карету маркиза усѣлись онъ съ сыномъ своимъ Сигизмундомъ и Энокъ, на козлахъ возлѣ кучера помѣстился Халубинскій съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, вступиться за маркиза и защищать его своею громадною популярностью. Карета пробиралась съ трудомъ подъ градомъ камней, кидаемыхъ въ солдатъ; у Халубинскаго шляпа была сплюснута; стекла кареты разбиты въ дребезги; къ замку пришлось пробираться пѣшкомъ. На просьбу маркиза намѣстникъ тотчасъ же согласился и отдалъ приказаніе о прекращеніи стрѣльбы, а на слѣдующій день обнародовалъ онъ слѣдующее воззваніе къ жителямъ Варшавы, внушенное Велепольскимъ и указывающее на то, что на кровопролитіе онъ смотрѣлъ какъ на печальную необходимость и намѣренъ былъ пользоваться крайне умѣренно превосходствомъ силы (Aleks. W. II, 84): «во имя Бога, во имя уваженія къ монарху, къ общественному порядку, къ закону, къ счастію и чести страны умоляю васъ, опомнитесь, а если и новый законъ (о сборищахъ) не удержитъ злобы тѣхъ, которые васъ увлекаютъ къ погибели, тогда я буду принужденъ, потерявъ всякое терпѣніе, объявить осадное положеніе. Тогда дальнѣйшія несчастія да падутъ на отвѣтственность злоумышленниковъ». Маркиза событія дня не смутили, не поколебали, а вдохнули ему только и удвоили, такъ сказать, рѣшимость стать въ одинъ уровень съ усложняющимися обстоятельствами и

Digitized by Google

явить себя такимъ желѣзнымъ въ дѣйствіяхъ, какимъ онъ былъ въ мысляхъ и чувствахъ, взять на свои плечи двойную тяжесть, двойную отвѣтственность, подвергнуться еще большей опасности, бравируя ее и подставляя подъ удары грудь свою. Случай подходящій представился. Велепольскій, подписавшій законоположеніе о сборищахъ, до того потрясенъ былъ катастрофою 8 апрѣля, что подалъ въ отставку. Министерство юстиціи оказалось вакантнымъ, и Велепольскій взялъ его, не отказываясь отъ народнаго просвѣщенія и исповѣданій, прельщаемый желаніемъ доказать, что въ польской странѣ найдутся судьи поляки, которые съумѣютъ, во имя закона и изъ любви къ отечеству, охранять, какъ слѣдуетъ, власть и общественный порядокъ, отъ котораго зависитъ все будущее ея развитіе. Получивъ новое назначеніе, Велепольскій 10 апрѣля принималъ представлявшихся ему чиновъ министерства юстиціи, судебнаго персонала, прокуратуры и адвокатуры и произнесъ новую рѣчь, одну изъ самыхъ типическихъ и врѣзывающихся въ память, до того полна она «крылатыхъ» словъ, до того въ сильномъ, образномъ слогѣ отчеканился въ ней самъ человѣкъ упорный, непреклонный, а главное—прямой. Никакихъ въ этой рѣчи не было крокодиловыхъ слезъ и соболѣзнованій о случившемся, какъ о роковой необходимости, а сдѣлано прямое отождествленіе себя съ правительствомъ и мужественно принята на себя вся отвѣтственность. Противниковъ маркиза всего болѣе озлобила заявленная имъ моральная солидарность съ правительствомъ въ катастрофѣ 8 апрѣля, чего онъ могъ весьма легко избѣжать, намекнувъ, что происшедшее случилось за областью его вѣдомства, внѣ его спеціальности. Вотъ главныя мѣста этой рѣчи (Aleks. W. II, 87).

«Господа, прихожу передать вамъ въ руки *спасенный*, къ сожалѣнію, *въ кровавой схваткѣ порядокъ*, вооруженный новымъ законоположеніемъ (законъ о сборищахъ 8 апрѣля). Вашимъ завѣтнымъ дѣломъ будетъ озаботиться, чтобы мы отнынѣ спокойно владѣли этимъ общественнымъ добромъ. Общественный порядокъ не можетъ быть *выпрашиваемъ какъ милостыня* изо дня въ день; онъ долженъ самъ на себя опираться, быть непоколебимымъ, быть ежеминутно въ себѣ самомъ увѣреннымъ. Когда порядокъ *живетъ изъ милости на хлѣбахъ* у самоволія, легкомыслія и безначалія, тогда все въ народѣ принижается, засыхаетъ источникъ мужества гражданскаго, пропадаетъ независимое мнѣніе, пропадаетъ свобода мысли»... Велепольскій заявлялъ, что онъ только временно завѣдуетъ портфелемъ юстиціи, чѣмъ и воспользуется для созданія, купно съ вѣдомствомъ просвѣщенія, юри-

Digitized by Google

дическаго факультета, выразилъ надежду, что найдетъ между представлявшимися достойнаго преемника, послѣ чего кончилъ такимъ образомъ. «Жизнь моя въ рукѣ Божіей. Если бы, при помощи вашей, я достигъ только того, что укрѣпилъ бы и обезпечилъ бы на основаніи вновь изданнаго закона общественный порядокъ—это первое условіе всякаго народнаго прогресса на законномъ пути—то я думаю, что тѣмъ самымъ я бы уже оставилъ добрую о себѣ память дѣтямъ моимъ». Рѣчью къ лицамъ вѣдомства юстиціи кончались словесныя заявленія, которыми Велепольскій достаточно ясно и не двусмысленно себя опредѣлилъ. Требовались теперь настоящія дѣла, законодательныя работы, для обозрѣнія которыхъ намъ слѣдуетъ войти въ рабочій кабинетъ маркиза и порыться въ его законопроектахъ.

XV.

Законодательныя работы Велепольскаго. — Соціальныя реформы: еврейская и аграрная.

Вопросъ политическій спутанъ былъ, во многихъ отношеніяхъ, съ соціальнымъ въ польскомъ движеніи начала шестидесятыхъ годовъ. Польша, несмотря на свою близость къ европейскому западу, не выработала, какъ всѣ славянскія націи, своего роднаго крѣпкаго мѣщанства; вопросъ соціальный не ставился въ ней какъ вопросъ о рабочемъ наемникѣ, о фабричномъ пролетаріи, но распадался на два не одинаково важные: одинъ, поменьше, заключался въ сплоченіи въ одну массу съ поляками того пришлаго племени еврейскаго, которое являлось на этой почвѣ подспорьемъ, замѣщающимъ третье состояніе; другой вопросъ, гораздо покрупнѣе, былъ аграрный, касающійся отмѣны барщины и крестьянскаго надѣла. Оба вопроса пущены Велепольскимъ въ ходъ, оба поняты одинаково ясно и энергично, но разрѣшены не одинаково радикально.

Въ средніе вѣка еврея обособляла вѣра среди христіанскаго населенія; подъ ея вліяніемъ для этой крѣпко сплоченной вѣрою расы сложилось законодательство, стѣсняющее евреевъ и относительно мѣста жительства, и относительно землевладѣнія, и относительно промысловъ. Положеніе это было до нѣкоторой степени возможно и сносно, пока существовали классы, еще болѣе въ отношеніи правъ обиженные, закрѣпощенные и невольные, между тѣмъ какъ еврей, хотя откупался, но былъ вольный человѣкъ, под-

Digitized by Google

вижной и предпріимчивый, а если онъ принималъ христіанскую вѣру, то легко прокладывалъ себѣ дорогу и втирался въ среду привилегированныхъ классовъ, заметая слѣды своего происхожденія. Но когда при выходѣ изъ среднихъ вѣковъ, произошла отмѣна сословныхъ привилегій и тамъ даже, гдѣ не установилась свобода политическая, состоялось подведеніе всѣхъ гражданъ подъ общій знаменатель одного гражданскаго закона, еврей, если онъ остался внѣ этого общаго закона, очутился отверженцемъ-паріей, въ положеніи, совершенно не соотвѣтствующемъ его уму, способностямъ и средствамъ, и прямо располагающемъ его ко всякому перевороту, который-бы ему доставилъ равноправность гражданскую, т.-е. въ сущности, послѣ исчезновенія привилегій, права общечеловѣческія. Не считая тѣхъ евреевъ, которые всочились въ разныя времена въ составъ христіанскаго населенія, т.-е. сдѣлавшихся выкрестами, число исповѣдующихъ іудейство въ одномъ царствѣ польскомъ составляетъ нынѣ, при почти 7-милліонномъ населеніи царства, около 820,000 т.-е. около 12%. Процентное отношеніе евреевъ въ населеніи далеко не выражало еще степени вліянія этого элемента на массу. Слѣдуетъ сообразить, какимъ количествомъ денежнаго капитала онъ вращаетъ быстро въ своихъ умѣлыхъ рукахъ и какой контингентъ доставляетъ онъ въ интеллигентныя званія и занятія, въ прессу, искусство, адвокатуру. Равноправность для евреевъ обусловливается предварительнымъ отреченіемъ ихъ отъ обособленности и рѣшимостью распуститься въ массѣ не-еврейскаго населенія, усвоить себѣ языкъ, нравы, даже образъ мыслей и національныя привязанности среды, все, однимъ словомъ, кромѣ вѣры, которая ихъ спасала и дала уцѣлѣть типу въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и которая сродни христіанской, потому что составляетъ подкладку сей послѣдней. Такую наклонность къ превращенію изъ ветхозавѣтныхъ жидовъ въ «поляковъ израильскаго вѣроисповѣданія» обнаружило еврейское населеніе царства со свойственною ему чуткостью въ теченіе всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ 30 лѣтъ, съ 1831 по 1861 годъ, когда при полномъ практическомъ бездѣйствіи и политической несвободѣ, работала только поэтическая фантазія польскаго народа, развивая въ немъ мечтательный и восторженный патріотизмъ. Еврейскія дѣти посѣщали польскія школы; еврейскій плебсъ коснѣлъ въ мрачномъ талмудизмѣ; но все, что̀ было поразвитѣе, ополячивалось; а когда подошло движеніе 1861 г., то молодежь кинулась въ него опрометью, увлекая и стариковъ и соперничая въ самопожертвованіи и чувствахъ патріотизма съ самими поляками. Съ другой сто-

Digitized by Google

роны, польскимъ революціонерамъ-повстанцамъ всякій союзникъ былъ дорогъ. Сліяніе двухъ стихій въ одномъ общемъ движеніи обозначилось еще до вступленія Велепольскаго въ должность министра; но онъ его нашелъ, оцѣнилъ по достоинству и ввелъ его въ свою политику въ полномъ объемѣ, безъ всякихъ робкихъ колебаній и ограниченій, безъ всякой аристократической брезгливости, боящейся протянуть руку еврею, чтобы не заразиться чесоткой. Іудофильство маркиза было сознательное, основанное на цѣлой теоріи, выводимое изъ принциповъ 1789 года и изъ духа кодекса Наполеона, котораго онъ, какъ европеецъ, былъ горячимъ приверженцемъ и которому было противно всякое изъятіе изъ общаго правила (art. 8), что «каждый туземецъ пользуется гражданскими правами». Первый и весьма рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ посредствомъ допущенія евреевъ наравнѣ съ христіанами къ пользованію правами политическими. Въ уставѣ о выборахъ отъ 24 мая (5 іюня) 1861 г. въ уѣздные и городскіе совѣты, изъ среды которыхъ должны были комплектоваться губернскіе совѣты, въ избиратели допущены имѣющіе извѣстный цензъ подданные царства польскаго мужскаго пола, достигшіе 25-лѣтняго возраста, умѣющіе читать и писать по-польски, *безъ различія состоянія и вѣроисповѣданія*, слѣдовательно, со включеніемъ евреевъ. Евреи наравнѣ со всѣми могли быть также избираемы, могли попасть и въ губернскій совѣтъ; въ составъ членовъ государственнаго совѣта вошелъ еврей Матіасъ Розенъ. Потомъ, когда открылъ свои засѣданія государственный совѣтъ, имъ былъ одобренъ законопроектъ, который удостоился Высочайшаго утвержденія 5 іюня (24 мая) 1862 во время бытности Велепольскаго въ Петербургѣ на три дня передъ назначеніемъ его начальникомъ гражданскаго управленія въ царствѣ польскомъ. По этому закону отмѣнены всѣ запрещенія и ограниченія относительно недопущенія евреевъ проживать въ городахъ, деревняхъ и въ 21-верстовой пограничной полосѣ (ст. 2). Имъ дано право пріобрѣтать недвижимую собственность въ городахъ безусловно, а внѣ городовъ съ тѣмъ: а) что земель крестьянскаго надѣла они не могутъ покупать отъ крестьянъ, пока сами крестьяне не пріобрѣтутъ ихъ въ собственность; б) что въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ со дня изданія сего закона, они не могутъ быть избираемы въ должности войтовъ гминъ и заступающихъ ихъ мѣсто; в) что они не будутъ пользоваться помѣщичьими правами ктиторства и представленія кандидатовъ на духовныя должности въ своихъ имѣніяхъ (ст. 1). Имъ запрещено вести книги, корреспонденціи, совершать акты

Digitized by Google

и сдѣлки, выдавать обязательства, составлять духовныя завѣщанія на языкахъ еврейскомъ или еврейско-нѣмецкомъ, или еврейскими письменами, подъ страхомъ недѣйствительности въ силу самаго закона такихъ сдѣлокъ и документовъ (ст. 5). Приказано одновременно пересмотрѣть всѣ распоряженія, ограничивающія евреевъ въ производствѣ ремеслъ, промысловъ и торговли и всѣхъ постановленій объ особыхъ податяхъ, тяготѣющихъ исключительно на еврейскомъ населеніи.

Переходя къ аграрнымъ отношеніямъ, я долженъ, прежде всего, отмѣтить, что чрезвычайно трудно стать на точку зрѣнія, надлежащую для правильной и безпристрастной оцѣнки дѣятельности по этой части какъ Велепольскаго, такъ и его соотечественниковъ, въ сравненіи съ таковою же дѣятельностью смѣстившихъ ихъ чисто-русскихъ реформаторовъ, Н. Милютина, Ю. Самарина, князя Черкасскаго, взявшихся устраивать польскихъ крестьянъ послѣ подавленія мятежа. Вопросъ этотъ, крайне сложный, могъ быть рѣшенъ на множество ладовъ и съ безконечно различными результатами. Судить дѣятелей по однимъ результатамъ, какъ это дѣлаетъ оффиціозный публицистъ (*A. de Moller*, Situation de la Pologne au 1 janvier 1865. Paris 1865), было бы крайне несправедливо. Рѣшать его не могли одинаково полякъ и русскій, человѣкъ дѣйствующій въ своей средѣ или во враждебномъ ему чужомъ обществѣ, человѣкъ, разстроивающій начавшійся мятежъ или пришедшій послѣ пожара на пепелище и дѣйствующій въ отместку мятежу. Не отвлекая Велепольскаго отъ его національности, отъ его среды и отъ историческаго момента, поставимъ себѣ вопросъ: сдѣлалъ-ли Велепольскій все то, что долженъ бы былъ сдѣлать, въ данныхъ обстоятельствахъ, патріотъ-полякъ, дальновидкій политикъ? Испоконъ вѣка существуютъ и долго еще существовать будутъ коренной контрастъ и взаимодѣйствіе двухъ обществъ: аристократически-организованной народности польской, съ недавняго времени, съ небольшимъ сто лѣтъ демократизирующейся, но не могущей этого дѣлать сразу—съ одной стороны, и съ другой—насквозь демократической національности русской съ самодержавнымъ царемъ во главѣ и при крошечной, сравнительно съ массою, долѣ интеллигенціи, столь крошечной, что ее едва достанетъ на насущныя потребности управленія громадною бюрократическою машиною. Въ высшей степени несправедливо было бы укорять современное общество польское въ томъ, что оно не демократично, но оно демократично по-своему. Оно ближе стоитъ къ европейскому западу, оно крѣпче держится тѣхъ формъ идеи собственности, которыя

Digitized by Google

отчеканены еще римлянами и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе какъ нѣчто незыблемое, какъ самъ писанный разумъ. Никогда на этой почвѣ не могло бы явиться ученіе, подобное тому, которое составляетъ окончательный выводъ книги князя А. Васильчикова: «Землевладѣніе и земледѣліе» (Петербургъ, 1876, 2 тома), что характеристическую черту и едва-ли даже не преимущество Россіи передъ западомъ составляетъ то, что въ ней еще не кристаллизировалось донынѣ и не отвердѣло въ опредѣленныхъ формахъ право поземельной собственности, что понятіе собственности еще не выдѣлилось окончательно изъ понятія владѣнія, что ему неприсуще полное сознаніе права распоряженія и неотъемлемости имущества (298). Не подлежитъ сомнѣнію, что польское общество представляетъ почву, весьма мало пригодную для развитія соціалистическихъ идей, въ формѣ ли теорій объ отмѣнѣ законодательнымъ путемъ частной поземельной собственности, или въ формѣ ходящихъ въ простомъ народѣ легенды и вѣстей о черномъ передѣлѣ. Но независимо отъ этихъ качествъ, условія историческаго момента исключали возможность разсѣченія внезапно Гордіева узла, рубки съ плеча, мгновеннаго перехода изъ одного состоянія въ другое. Реформа имѣла на своей сторонѣ волю большинства, общественное мнѣніе, высказавшееся въ земледѣльческомъ обществѣ не только за очиншеваніе крестьянъ, но и за выкупъ. Страдающіе отъ реформы интересы при ея спокойномъ и добровольномъ осуществленіи требуютъ возможно большей пощады, и она бываетъ тогда компромиссомъ между крайними направленіями. Такимъ образомъ, и Положенія 19-го февраля 1861 г. далеко не соотвѣтствовали всѣмъ замысламъ и надеждамъ корифеевъ реформы, во главѣ которыхъ безспорно стоялъ Н. Милютинъ; положено было только основаніе и начало устроенію выходящаго изъ крѣпостной зависимости населенія, но какъ затѣмъ крестьянское дѣло перешло въ иныя руки и содержавшіеся въ Положеніяхъ зародыши будущаго не получили надлежащаго развитія, то крестьянскій вопросъ въ коренныхъ частяхъ имперіи стоитъ нынѣ хуже нежели на западной окраинѣ и въ царствѣ польскомъ и являетъ признаки обѣднѣнія и истощенія освобожденныхъ крестьянъ, въ сравненіи съ состояніемъ, въ которомъ они находились въ моментъ освобожденія, признаки — требующіе нынѣ весьма серьёзныхъ заботъ со стороны законодателя. Тѣ же самые люди, Н. Милютинъ и его сотрудники, очутились въ совершенно иномъ положеніи въ 1863 г. въ царствѣ польскомъ, гдѣ могли чертить, что угодно, потому что все общество было передъ ними какъ *tabula rasa*,

Digitized by Google

гдѣ и реформа становилась, по необходимости, тенденціозна и ставила себѣ задачею достигнуть, въ наиболѣе скоромъ времени, наиболѣе энергическими средствами, подъема крестьянства, какъ базиса для будущей русской политики въ царствѣ польскомъ съ соотвѣтствующимъ сокращеніемъ являющагося враждебнымъ Россіи помѣщичьяго элемента. Въ этой политикѣ сошлись и дѣйствовали за-одно люди совершенно противоположныхъ лагерей по крестьянской реформѣ внутри самой Россіи, каковы были, напримѣръ, Милютинъ и М. Н. Муравьевъ [1]). Гербертъ Спенсеръ въ своей «Соціологіи» (т. II, § 258) дѣлитъ общества по формѣ управленія на два типа: военный, съ принудительною кооперацією гражданъ правительству, и промышленный. Россія находилась, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ самомъ началѣ перехода отъ перваго типа ко второму, когда польскій мятежъ 1863 заставилъ ее возвратиться къ западной части государства, къ живымъ преданіямъ и крѣпкимъ привычкамъ первой системы, такъ что съ тѣхъ поръ установилось длящееся донынѣ двойственное управленіе: по типу промышленнаго общества, съ зачатками самоуправленія во внутреннихъ областяхъ, и по типу военнаго устройства на западной окраинѣ; что считается невозможнымъ по одной сторонѣ черты, отдѣляющей области на особомъ положеніи отъ средоточія государства, то считается какъ будто бы нормальнымъ по другой сторонѣ. Защитники крѣпостной зависимости у себя дома, въ томъ числѣ Муравьевъ, сами присовѣтовывали въ царствѣ польскомъ крутой аграрный переворотъ (ст. Леруа Больё, стр. 900). Относить исключительно на счетъ намѣреній русскихъ государственныхъ людей всю крестьянскую реформу въ царствѣ польскомъ, значитъ упускать изъ виду другой факторъ — повстанье 1863 г., сулившее также землю крестьянамъ и, вдобавокъ, даромъ и развязавшее руки русскимъ дѣятелямъ крестьянолюбцамъ, давшее имъ такой просторъ, какого они не имѣли въ центрѣ государства.

Но если невозможно прилагать одну и ту же мѣрку къ оцѣнкѣ работъ и предположеній по аграрному вопросу поляковъ патріотовъ до мятежа, и русскихъ дѣятелей послѣ мятежа, то нельзя не признать, что и польскій патріотъ-помѣщикъ могъ и долженъ былъ дѣйствовать рѣшительно и радикально въ пользу, если не внезапнаго, то постепеннаго, но, во всякомъ случаѣ, скораго снабженія крестьянъ земельнымъ надѣломъ на правахъ собствен-

[1]) Leroy Beaulieu, Un homme d'état russe, въ «Revue de Deux mondes» 15 февраля 1881 г.

Digitized by Google

ности. Побудительная причина, заставляющая его дѣйствовать, была бы не та, какая у прогрессиста русскаго, не одна любовь къ простонародію съ примѣсью отвращенія отъ дворянской своекорыстной замкнутости и исключительности. Полякъ бы дѣйствовалъ по чувству національнаго самохраненія, въ видахъ предупрежденія возможности возстановить одинъ классъ противъ другого, крестьянъ противъ помѣщиковъ, въ видахъ подведенія подъ національность такого широкаго основанія въ лицѣ надѣленныхъ собственностью крестьянъ, которая бы во много разъ увеличила силы національности, а можетъ быть, повела бы въ далекомъ будущемъ и къ возвращенію той самобытности политической, которая составляла горячую мечту смѣнявшихся поочередно поколѣній съ 1830 по 1861 годъ. Очень немногіе изъ числа людей, которыхъ можно-бы назвать шальными головами, ничему не выучившихся въ роковомъ 1846 году, берегли искренно или притворно при себѣ крестьянскій надѣлъ, чтобы его бросить какъ приманку, когда созрѣетъ повстаніе. Громадное большинство понимало, что немедленное и радикальное разрѣшеніе легальнымъ путемъ крестьянскаго вопроса, на основаніяхъ выкупа надѣловъ, подорветъ немедленно повстанское движеніе, осадитъ его и предотвратитъ повстаніе, котораго гибельныя для народности послѣдствія были очевидны и которое всѣ благоразумные люди считали опасностью и несчастіемъ. Состязаться съ русскимъ обществомъ на почвѣ крестьянскаго вопроса можно было только однимъ способомъ: предоставляя крестьянину въ царствѣ польскомъ никакъ не меньше того, что за нимъ обезпечивала законодательная власть въ имперіи Положеніями 19 февраля 1861 г. Исходя изъ основаній, общихъ для крестьянскаго дѣла и въ имперіи, и въ царствѣ, можно было, пользуясь минутою и торопясь, ускорить не только очиншеваніе, но и выкупъ, достигнувъ при этомъ случаѣ раздѣла помѣщичьей и крестьянской собственности, а также столь желательнаго для помѣщиковъ и столь существеннаго для успѣховъ земледѣлія при интенсивной обработкѣ почвы и плодопеременномъ хозяйствѣ, прекращенія сервитутовъ, то-есть отмѣны за вознагражденіемъ крестьянскихъ угодій въ помѣщичьихъ поляхъ и лѣсахъ. Это рѣшительное настроеніе сдѣлалось преобладающимъ въ средѣ земледѣльческаго общества, вопреки желаніямъ его вожаковъ, и выразилось въ постановленіяхъ его въ послѣднихъ засѣданіяхъ его въ концѣ февраля 1861 г. Государственный человѣкъ, который бы желалъ воспользоваться этимъ настроеніемъ, поискалъ бы себѣ сотрудниковъ не столько между ближайшими друзьями А. Замойскаго, не столько въ средѣ комитета общества, сколько между

Digitized by Google

молодыми и болѣе радикальными членами. Программа реформы была готовая, ее бы можно позаимствовать изъ прекрасныхъ сочиненій Ѳ. Потоцкаго по крестьянскому дѣлу. Если бы къ аграрной реформѣ приложено было столько старанья, сколько къ общественнымъ и политическимъ преобразованіямъ, которыя въ концѣ-концовъ не удались; еслибы провозглашено было начало обязательнаго выкупа и сдѣланы первые по этому пути шаги, то даже и при неудачѣ всѣхъ другихъ плановъ Велепольскаго были бы предвосхищены у Н. Милютина и его сподвижниковъ главныя орудія ихъ послѣдующаго дѣйствія; они должны были бы только продолжать начатое, а не отвергнуть все, до нихъ сдѣланное, какъ будто бы оно не существовало, какъ будто бы предъ ними была tabula rasa, во всякомъ случаѣ не существовалъ бы нынѣ вопросъ о сервитутахъ, нарочно припасенный дѣятелями учредительнаго комитета, чтобы оставить аграрную реформу открытою, не доводя по политическимъ соображеніямъ до окончательнаго разрѣшенія спутанное пользованіе крестьянами помѣщичьею собственностью [1]). Но чтобы дѣйствовать въ крестьянскомъ дѣлѣ твердо, скоро и радикально, необходимо было бы самому раздѣлять хотя бы тѣ убѣжденія, до которыхъ дошелъ путемъ размышленія кабинетный человѣкъ Ѳома Потоцкій, необходимо было бы проникнуться мыслью о крестьянскомъ правѣ на земельный надѣлъ, правѣ, которое никоимъ образомъ не дедуцировалось изъ кодекса, напротивъ того, выдвигалось силою вещей съ ломкою кое-чего въ теоріи собственности гражданскаго кодекса и съ разстройствомъ кое-какихъ изъ признаваемыхъ нерушимыми и коренными началъ этого института. Такая ширь во взглядѣ была, однако, совершенно чужда Велепольскому, въ чемъ легко убѣдиться изъ документовъ, которые тщательно собраны у Лисицкаго. Для Велепольскаго гражданскій кодексъ былъ столь же непреложенъ по части положеній, опредѣляющихъ понятіе собственности, какъ евангеліе; вводить крестьянскую общину, устанавливать новый видъ собственности въ надѣлахъ крестьянъ было равносильно въ его глазахъ попыткѣ «мѣнять кодексъ Наполеона на сербскіе законы царя Душана (A. W. I, 61. Замѣтимъ, что имя Душана употреблено здѣсь втунѣ; законовъ его Велепольскій, вѣроятно, и не зналъ, а употребилъ

[1]) Leroy Beaulieu, «Revue des Deux Mondes» du 15 fevrier, 1881, p. 905. On est encore à Varsovie ou Pétersbourg à la politique de 1864: on semble heureux d'avoir dans ces servitudes un moyen de semer la zizanie entre les deux classes rurales du royaume, comme si leur antagonisme était la condition nécessaire de la domination russe.

Digitized by Google

имя иронически для обозначенія учрежденій крайне зачаточныхъ и первобытныхъ въ сравненіи съ западною цивилизаціею, которой онъ поклонялся). Велепольскій стоялъ упорно на очиненіи крестьянъ долгосрочномъ, непревышающемъ, однако, 24-хъ лѣтъ и отвергалъ uwłaszczenie, т.-е. превращеніе крестьянъ въ собственниковъ въ формѣ ли экспропріаціи у помѣщиковъ крестьянскихъ надѣловъ правительствомъ, или въ формѣ обязательной продажи земли крестьянамъ по извѣстной таксѣ. «Исканіе права собственности,—писалъ онъ,—въ одной какой-нибудь жилкѣ общественнаго организма, уязвляетъ эту собственность и раздражаетъ ее во всѣхъ членахъ, такъ что будучи болѣзненно задѣта, она судорожно сжимается и обволакивается въ предосторожности, тяжелыя и для нея самой неудобныя. Свобода гражданскихъ сдѣлокъ стѣснена и разстраиваются соглашенія, для обѣихъ сторонъ несомнѣнно выгодныя... Приманка собственности, вытекающей изъ обязательнаго предоставленія ея одной сторонѣ, велика, но на оборотѣ этой позолоченной медали стоитъ надпись: *опасеніе захвата* (zmora zoboru). Переводъ съ лица на лицо права собственности (uwłaszczenie), хотя бы на основаніи принудительныхъ продажъ или обмѣна, рождаетъ боязнь и угрожаетъ всѣмъ родамъ земли, отдаваемой во владѣніе въ видѣ вѣчной аренды, мельницъ, фольварочныхъ усадебъ. Опасность возрастаетъ по мѣрѣ того, чѣмъ долгосрочнѣе владѣніе, а извѣстно, что чѣмъ долгосрочнѣе аренда, тѣмъ она полезнѣе» (A. W. I, 57). По понятіямъ маркиза, крестьянинъ страстно приверженъ къ землѣ, но не къ праву собственности, тонкостей различія основаній владѣнія онъ и не постигаетъ; его интересуетъ—какъ бы платить чиншъ вмѣсто барщины, какъ бы увеличить свой участокъ, какъ бы укрѣпить его за собою на извѣстное число лѣтъ, напримѣръ, на десять или на двадцать, дальше его мысли и желанія не идутъ. Ему не втолкуешь, что онъ долженъ будетъ сверхъ чинша платить выкупъ и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, считаясь будто бы собственникомъ, не имѣть возможности распорядиться этою собственностью, продать ее или заложить. Разъ вы пробудите въ немъ мечту собственности, онъ не допуститъ, чтобы вы пеленали ее, точно мумію, въ благовонныя обѣщанія, разсчитанныя на далекое будущее (A. W. I, 57). По своему образу мыслей Велепольскій всего ближе подходилъ къ комитету земледѣльческаго общества. Еще до упраздненія общества 1-го апрѣля (20-го марта) 1861, при коммиссіи внутреннихъ дѣлъ былъ образованъ полуоффиціальный совѣщательный отдѣлъ (sekcya rolna), въ который вошли вліятельнѣйшіе дѣя-

Digitized by Google

тели комитета [1]). Хотя послѣ катастрофы 8-го апрѣля отношенія Велепольскаго къ членамъ бывшаго комитета испортились и обострились, но онъ разсчитывалъ, что, несмотря на то, во имя общихъ интересовъ края и въ виду важности дѣла, тѣ изъ нихъ, которые участвовали въ совѣщательномъ земледѣльческомъ отдѣлѣ при коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, помогутъ ему устроить крестьянскія отношенія. Медлить крайне было опасно. Циркуляръ земледѣльческаго общества отъ 20-го марта, оповѣщавшій, что послѣ перевода крестьянъ по добровольному соглашенію рѣшено въ принципѣ обществомъ дать возможность купить свой надѣлъ въ собственность, посредствомъ соотвѣтствующей кредитной операціи, производилъ свое дѣйствіе на ничего не смыслящіе крестьянскіе умы. Въ плоцкой эпархіи послѣдовалъ циркуляръ отъ администратора эпархіи къ приходскимъ священникамъ, чтобы они внушали крестьянамъ въ проповѣдяхъ, во время великаго поста, что не король, но паны, т.-е. помѣщики, ихъ благодѣтели, рѣшившіеся за малость, за взносомъ крестьянами, въ теченіе какихъ-нибудь сорока лѣтъ, извѣстныхъ платежей, можетъ быть, меньшихъ, нежели тотъ чиншъ, на который бы крестьяне были переведены, предоставятъ крестьянамъ ихъ надѣлы въ собственность (A. W. II, 66—75). Эти извѣстія приводили простой рабочій народъ въ полнѣйшее замѣшательство, изъ котораго вытекалъ простой практическій выводъ: перестать работать на помѣщиковъ. Надобно было предупредить такую забастовку. При помощи земледѣльческаго отдѣла, при коммиссіи внутреннихъ дѣлъ выработанъ на скорую руку законъ *о замѣнѣ барщины законнымъ окупомъ*, который высочайше утвержденъ 4-го (16-го) мая 1861 г. и котораго содержаніе слѣдующее: днемъ прекращенія въ царствѣ польскомъ барщины съ переводомъ крестьянъ на оброкъ назначенъ не моментъ обнародованія закона, но 19-е сентября (1-е октября) 1861 г., то-есть конецъ уборки хлѣбовъ въ томъ году. Для всѣхъ крестьянскихъ дворовъ не переоброченныхъ и состоящихъ на барщинѣ (а такихъ состояло 137,250, изъ общаго числа дворовъ помѣщичьихъ крестьянъ 138,267, т.-е. 99,3%. A. W. II, 105), установлена такса рабочаго крестьянскаго дня, различная по мѣстностямъ. Всѣ уѣзды царства польскаго раздѣлены по добротѣ и урожайности почвы на 4 класса. Рабочій день крестьянскій пѣшій оцѣненъ

[1]) Составъ ея былъ слѣдующій: Ѳома Потоцкій, Александръ Островскій, Адамъ Гольцъ, Александръ Яцковскій, Войтехъ Венгленскій, Людвигъ Гурскій, Титъ Войцѣховскій, Климентъ Крыштофорскій, Александръ и Адольфъ Курцы, Антонъ Вротновскій, Леопольдъ Кроненбергъ и Сигизмундъ Велепольскій.

Digitized by Google

въ наиболѣе худородныхъ мѣстностяхъ, т.-е. въ IV классѣ, въ 7½ к., въ наилучшемъ, т.-е. въ I классѣ, въ 12 к. Цѣна дня съ упряжью въ пару рабочаго скота отъ 20—30 и въ двѣ пары отъ 30 до 40 к. Въ дополненіе къ имѣвшимся уже издѣльнымъ или рабочимъ таблицамъ (tabele prestacyjne), заведеннымъ по указу 26-го мая (7-го іюня) 1846 г., предписано составить дополнительныя съ обозначеніемъ годоваго количества оброка. Оброкъ этотъ долженъ быть вносимъ (ст. 4) крестьянами по четвертямъ года впередъ. Съ неуплатившаго въ срокъ взыскивается этотъ оброкъ въ *полуторномъ* количествѣ (ст. 14), въ видѣ неустойки за неисправность [1]). Крестьянамъ, не желающимъ перейти на оброкъ, дозволено оставаться при издѣльной повинности, но разъ они перешли на оброкъ, имъ не дозволено уже возвращаться на барщину (ст. 5). Сверхъ административныхъ средствъ взысканія оброка, помѣщику предоставлено прибѣгать и къ судебной экзекуціи посредствомъ судебныхъ приставовъ, съ жалобою на дѣйствія сихъ послѣднихъ къ предсѣдателямъ трибуналовъ первой инстанціи и съ описью, и продажею крестьянскаго имущества, за исключеніемъ, однако, земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота и хлѣба, предназначеннаго на обсѣмененіе полей (A. W. II, 122; ст. 21 особой инструкціи). Всѣ эти мѣры введены, какъ переходныя, впредь до изданія предвозвѣщеннаго особаго закона объ обязательномъ очиншеваніи.

Законъ 4 (16) мая 1861 г. о замѣнѣ барщины оброкомъ, несмотря на то, что въ составленіи его участвовали многіе, носитъ явственные отпечатки идей и воли Велепольскаго, постоянныхъ его стремленій въ области аграрной политики и, прежде всего, его желанія выбраться кратчайшимъ путемъ изъ спеціальныхъ аграрныхъ отношеній и подвести крестьянское землевладѣніе подъ общія нормы кодекса Наполеона. Это стремленіе сказывается, *во-первыхъ*, въ отмѣнѣ барщины, глубоко противной началу (1142 ст.) превращенія обязанности *дѣлать* только въ вознагражденіе за убытки, но никакъ не въ понужденіе къ работѣ, напоминающемъ невольничество; *во-вторыхъ*, въ явномъ предпочтеніи мѣръ легальной судебной экзекуціи по уставу судопроизводства передъ мѣрами административнаго взысканія. Въ этомъ пунктѣ наиболѣе расходились русскіе реформаторы, составители положеній 19 февраля, отъ поляковъ, работавшихъ по аграрной реформѣ. Забота русскихъ реформаторовъ была та,

[1]) Въ мотивахъ къ закону Велепольскій отмѣтилъ (A. W. II, 100), что эта статья 14 съ неустойкою введена не по его иниціативѣ, а по предложенію мужей довѣрія, то-есть комитетскихъ экспертовъ.

Digitized by Google

чтобы законъ былъ широкъ, растяжимъ, съ намѣченными только главными очертаніями замышляемаго дѣла; предполагалось, что пробѣлы будутъ восполнены и неточности опредѣлены дружными усиліями лицъ, подобранныхъ для осуществленія реформы и дѣйствующихъ въ одномъ и томъ же духѣ; на личный составъ дѣятелей возлагалось, по крайней мѣрѣ, столько-же надеждъ, сколько на самый законъ. Эти привычки, дѣйствовать какъ-бы въ разрѣженной атмосферѣ неконсолидированныхъ отношеній, допускать какъ можно меньше гарантій для заинтересованныхъ лицъ относительно обжалованія постановленій, учащать инстанціи, но дѣлать ихъ недосягаемыми для сторонъ, заслонять производство дѣлъ неудобопроницаемымъ покровомъ канцелярской тайны, составляютъ едва ли не самую слабую сторону положеній 19 февраля 1861 г., наиболѣе вреднымъ образомъ повліявшую и на весь дальнѣйшій ходъ крестьянскаго дѣла въ Россіи. Все, главнымъ образомъ, зависѣло отъ личнаго состава дѣятелей; не образовалось никакихъ традицій; съ перемѣною лицъ являлись новые дѣятели съ противоположными направленіями; и слѣдовали въ практикѣ колебанія или крутые повороты отъ одной крайности къ другой, причемъ терялись однообразіе, равномѣрность, дѣла вершились не безъ лицепріятія и не безъ предвзятыхъ идей, а страдало, очевидно, чувство справедливости, требующее, чтобы одна мѣрка была для всѣхъ. Въ желаніи Велепольскаго вставить разборъ коллизій между помѣщикомъ и крестьянами въ формы и гарантіи судебныя или заимствованныя изъ судопроизводства, была доля правды; но что выигрывалось въ точности, то терялось въ быстротѣ, и реформа затягивалась, такъ что она не поспѣла во-время, и всѣ ея работы были сметены и разсѣяны вихремъ повстанія и послѣдовавшимъ затѣмъ укрощеніемъ. Замѣтимъ притомъ, что хотя формы судебнаго состязанія основаны на отвлеченной равноправности сторонъ, но въ дѣйствительной жизни онѣ всегда разсчитаны въ пользу той, которая умнѣе, лучше знаетъ законъ и имѣетъ большія средства; онѣ всегда служатъ больше въ пользу взыскателя помѣщика, который, въ концѣ-концовъ, можетъ разорить и выжить неисправнаго плательщика. Главнымъ, въ законѣ 4 (16) мая 1861 г., пунктомъ былъ числовой: относительная высота окупа барщины въ таксѣ рабочаго дня. Она, конечно, не удовлетворяла ретроградовъ, которые хотѣли бы подводить обязательный трудъ крестьянина подъ цѣну стоимости вольнонаемной работы. Законъ исходилъ изъ того предположенія, что трудъ подневольный гораздо менѣе производителенъ, нежели добровольный по найму; тѣмъ

Digitized by Google

не менѣе, однако, такса была, по общимъ тогдашнимъ отзывамъ знающихъ дѣло людей, слишкомъ высока, слишкомъ тяжела для крестьянина, при переходѣ съ барщиннаго хозяйства на денежное, и давала возможность предусмотрительнымъ помѣщикамъ съ значительными сбавками съ окупа входить съ крестьянами въ сдѣлки объ очиншеваніи, не дожидаясь закона объ обязательномъ очиншеваніи. Велепольскій являлъ себя хотя и прогрессивнымъ человѣкомъ, но стоящимъ на точкѣ зрѣнія помѣщика, охраняющимъ бережливо интересы крупнаго землевладѣнія и, можетъ быть, разсчитывающимъ на то, что давши партіи, которую онъ считалъ, несмотря на ея къ нему враждебность, моральнымъ представительствомъ страны, столь существенныя гарантіи, онъ ее привлечетъ къ себѣ, сгруппируетъ вокругъ себя и пріобрѣтетъ ея содѣйствіе и поддержку для своихъ политическихъ реформъ. Разсчетъ этотъ, если онъ былъ, оказался невѣрнымъ. Партія къ нему все-таки не пристала, вокругъ него не сгруппировалась, хотя и помогла ему въ дальнѣйшемъ ходѣ аграрнаго вопроса, въ выработкѣ закона объ обязательномъ очиншеваніи, къ которому я перейду, хотя онъ состоялся уже въ 1862 г., чтобы избѣгнуть перерыва и покончить съ этимъ аграрнымъ вопросомъ, составляющимъ слабое мѣсто въ общей системѣ плановъ, задуманныхъ маркизомъ.

Законъ объ обязательномъ очиншеваніи Велепольскій выдѣлилъ изъ вѣдѣнія коммиссіи внутреннихъ дѣлъ и разработалъ соединенными силами коммиссіи юстиціи и такъ-называемыхъ мужей довѣрія, т.-е. экспертовъ изъ совѣщательнаго земледѣльческаго отдѣла. Затѣмъ эта работа прошла чрезъ совѣтъ управленія, подверглась сильной критикѣ со стороны коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, разсмотрѣна во второй половинѣ года государственнымъ совѣтомъ царства польскаго и высочайше утверждена 25 мая (5 іюня) 1862 года. Въ сущности, всѣ основанія новаго законоположенія уже содержатся въ первоначальномъ проектѣ, начертанномъ «мужами довѣрія» (mężowie zaufania), экспертами изъ помѣщиковъ, а всѣ послѣдующіе разборы и пренія добавили къ первоначальному проекту очень мало новаго. Исходная точка новаго закона заключается въ томъ, что духу кодекса Наполеона соотвѣтствуетъ идея раздѣльной единоличной собственности, вслѣдствіе чего, по 530 ст. всякая вѣчная рента подлежитъ выкупу. Сеймовый законъ 1 (13) іюня 1825 и указы 25 мая (7 іюня) 1826 ввели противный кодексу новый родъ совмѣстной собственности крестьянско-помѣщичьей, основанный на отношеніи вѣчнаго чинша, который подлежитъ устроить на правильномъ основаніи, болѣе раціо-

Digitized by Google

нальномъ, нежели издѣльныя табели и такса окупа барщины. Такъ какъ всякому вмѣшательству правительства въ частныя отношенія предпочтительна свобода соглашеній, то этой свободѣ далъ самый широкій просторъ съ тѣмъ, чтобы чиншевые договоры заключаемы были не менѣе какъ на 20 лѣтъ (ст. 2) и притомъ письменно (ст. 3), безъ всякаго уменьшенія крестьянскихъ надѣловъ въ томъ ихъ объемѣ, въ какомъ ихъ засталъ указъ 1846 г. Во всѣхъ имѣніяхъ, гдѣ не состоялись подобныя сдѣлки о вѣчной или долгосрочной арендѣ, каждая изъ заинтересованныхъ сторонъ, то-есть какъ помѣщикъ, такъ и крестьянинъ, въ правѣ потребовать *обязательнаго очиншеванія* по постановленію власти (ст. 8) на слѣдующихъ началахъ. Не обращаясь къ платимому по таксѣ окупа барщины чисто-эмпирически и случайно выведенному оброку, органы власти подвергаютъ усадьбу и крестьянскіе надѣлы кадастраціи, подводятъ ихъ подъ извѣстные предопредѣленные въ законѣ классы почвы по ея плодородности. Каждому классу соотвѣтствуетъ разсчитанный средній урожай съ единицы мѣры пространства (морга) въ извѣстномъ количествѣ гарнцевъ ржи (ст. 18). Изъ выведеннаго, такимъ образомъ, годового урожая скидывается одна треть въ пользу крестьянина въ виду тѣхъ повинностей и податей, которыя онъ будетъ нести съ своего участка, послѣ чего остальныя двѣ трети оцѣняются на деньги по средней цѣнѣ ржи въ ближайшемъ къ той мѣстности городѣ за послѣднія 20 лѣтъ (изъ суммы слагаемыхъ исключаются цѣны двухъ лѣтъ, когда онѣ были самыя высокія, и двухъ, когда онѣ были самыя низкія). Каждая изъ сторонъ имѣетъ право требовать внесенія въ приговоръ власти объ устанавливаемомъ, такимъ образомъ, количествѣ годового чинша по средней цѣнѣ ржи способной быть возвращаемою участкомъ, условія — чтобы, чрезъ каждыя 20 лѣтъ чиншъ былъ вновь вычисляемъ по среднимъ цѣнамъ ржи за этотъ послѣдній періодъ времени (ст. 19). Обѣимъ сторонамъ предоставлено просить объ обязательномъ очиншеваніи и обязательной сепараціи или разверстаніи угодій съ прекращеніемъ сервитутовъ (ст. 37), причемъ крестьянинъ получаетъ либо прирѣзку къ надѣлу, либо чиншъ его соотвѣтственно будетъ уменьшенъ. Механизмъ органовъ власти, производящихъ очиншеваніе, очень простъ и мало напоминаетъ крестьянскія учрежденія по положеніямъ 19 февраля. Предполагавшійся центральный комитетъ, соотвѣтствующій земскому отдѣлу, не состоялся, не были образованы и установленія, соотвѣтствующія губернскимъ присутствіямъ, а заведены только двѣ инстанціи: уѣздныя чиншевыя коммиссіи и уѣздныя чиншевыя делегаціи; какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ преобладаетъ помѣщичій элементъ и выборное начало. Уѣздные совѣты,

Digitized by Google

которые должны были сдѣлаться центрами уѣзднаго самоуправленія, должны выбирать изъ среды своей 6 делегатовъ, которые, въ свою очередь, должны пригласить къ себѣ въ помощь еще 6 новыхъ членовъ, имѣющихъ такой же цензъ. Къ этимъ двѣнадцати лицамъ, изъ коихъ совѣтъ управленія возводитъ одного въ предсѣдатели делегаціи, присовокупляется одинъ коронный членъ отъ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, подъ названіемъ «члена экономическаго» (ст. 61, 68). Делегація собирается по четвертямъ года, члены ея служатъ безъ жалованья; она можетъ дѣйствовать въ числѣ не менѣе пяти членовъ, но съ обязательнымъ присутствіемъ члена отъ короны (ст. 64); она рѣшаетъ дѣла по большинству голосовъ, но составляетъ только вторую инстанцію для дѣлъ крестьянскихъ, похожую на наши съѣзды мировыхъ посредниковъ. Первую инстанцію составляютъ трехчленныя чиншевыя коммиссіи, разъѣзжающія по имѣніямъ для регулированія чиншей на мѣстахъ. Въ каждую такую коммиссію делегація отряжаетъ предсѣдателя и ассистента его изъ своей среды; третьимъ членомъ являлся коронный чиновникъ, самъ экономическій членъ или одинъ изъ его помощниковъ (адъюнктовъ); коммиссія прибѣгаетъ къ экспертамъ и къ землемѣру. Постановленіе коммиссіи можетъ быть обжаловано сторонами въ делегацію; по этимъ жалобамъ делегація рѣшаетъ дѣла окончательно, и сообщаетъ свой приговоръ предсѣдателю ближайшаго трибунала для выдачи исполнительнаго листа (ст. 78). Приговоры делегаціи не подлежатъ оспариванію по существу, но допускается недовольной приговоромъ сторонѣ обращеніе въ государственный совѣтъ царства съ жалобою, въ родѣ кассаціонной, въ случаяхъ явнаго нарушенія либо самого закона, либо формъ и обрядовъ, установленныхъ для дѣйствія органовъ, производящихъ очиншеваніе (ст. 79).

По идеѣ, выраженной въ послѣднихъ постановленіяхъ земледѣльческаго общества, правительство должно помочь къ осуществленію 530 ст. код. Нап., то-есть къ выкупу вѣчныхъ рентъ или чиншей. Мысль эта занимала Велепольскаго, и въ его бумагахъ сохранился готовый проектъ «чиншеваго банка» съ предсѣдателемъ по назначенію Императора и съ директорами, по выбору совѣта управленія. О выкупѣ, при посредствѣ банка, могутъ просить состоящіе на вѣчномъ чиншѣ либо по формальному договору къ помѣщику, либо по приговору чиншевыхъ властей: коммиссіи или делегаціи. Выкупъ допускается только въ мѣстахъ, гдѣ состоялась уже сепарація. Если сервитуты не упразднены, то выкупу должно предшествовать упраздненіе ихъ съ соотвѣтствующею оцѣнкою ихъ на деньги и пониженіемъ

Digitized by Google

чинша. По требованію банка, чиншевыя установленія удостовѣряются на мѣстѣ въ томъ, обезпечиваетъ-ли сумму выкупа выкупаемый участокъ, послѣ чего банкъ, опредѣливъ сумму выкупа по 20-ти-лѣтней сложности чинша (то-есть капитализируя выкупъ изъ 5%), пріобрѣтетъ отъ помѣщика права по чиншу, выдавъ ему всю сумму выкупа своими чиншевыми листами, приносящими по 4%. Банкъ выгадываетъ, такимъ образомъ, 1%, который обращается на погашеніе выкупной ссуды долга въ теченіе 29-ти лѣтъ. Послѣ этихъ 29-ти лѣтъ, не подвергаясь никакому добавочному противъ чинша платежу, крестьянинъ пріобрѣтетъ въ полную собственность владѣемый имъ участокъ (A. W. III, 262).

Таковы были планы и работы по крестьянскому дѣлу, начертанныя совмѣстною дѣятельностью Велепольскаго и лучшихъ силъ изъ среды комитета земледѣльческаго общества и изъ интеллигенціи польскаго общества въ царствѣ польскомъ. По обстоятельствамъ времени можно сожалѣть, конечно, что реформа, по способамъ ея осуществленія, не была задумана смѣлѣе, что она не была скорѣе и рѣшительнѣе. Указъ 19-го февраля 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ въ ц. п. оставилъ ее далеко за собою, и устранивъ законъ отъ 24-го мая (5-го іюня) 1862 г. объ обязательномъ очиншеваніи, поставилъ крестьянъ въ царствѣ польскомъ въ положеніе гораздо болѣе выгодное, нежели то, въ которомъ они очутились бы не только по этому закону, но въ которомъ крестьяне находятся въ коренныхъ областяхъ имперіи по Положеніямъ 19-го февраля 1861 г. Нельзя, однако, сказать, чтобы эти труды и заботы Велепольскаго и его сотрудниковъ могли быть безусловно осуждаемы, чтобы они могли быть обвиняемы въ ретроградствѣ. Они не содержатъ всего, чего можно-бы желать, но за нихъ не приходится и краснѣть обществу польскому и его интеллигенціи, если только принять въ соображеніе моментъ историческій, положеніе дѣлъ, предшествующее мятежу, и необходимость, въ которой находились и общество, и правительство до мятежа, не разсѣкать, а развязывать гордіевъ узелъ крестьянскаго вопроса. Въ этихъ законоположеніяхъ 1861 и 1862 гг. содержатся уже тѣ зачатки, которые бы довели законодательство до созданія класса крестьянъ-собственниковъ въ царствѣ польскомъ не вдругъ, но постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, безъ тѣхъ потрясеній, какія производитъ и въ матеріальныхъ интересахъ, и въ идеяхъ всякій крутой переворотъ.

В. Спасовичъ.

Digitized by Google

ТОМАСЪ КАРЛЕЙЛЬ

Очеркъ его жизни и произведеній.

I.

Въ періодъ съ 1830-хъ до 1860-хъ годовъ въ Англіи было немного писателей, столь видныхъ и вліятельныхъ, какъ Томасъ Карлейль. Онъ составлялъ школу, какъ критикъ, историкъ и публицистъ, его необыкновенный талантъ увлекалъ всѣхъ; личный характеръ внушалъ глубокое уваженіе и довѣріе. Оригинальные взгляды, разныя симпатіи и антипатіи, высказываемыя съ поразительной силой и смѣлостью, возбуждали общественное вниманіе, встрѣчая одинаково страстныхъ приверженцевъ и противниковъ. Только подъ конецъ его литературной дѣятельности лагерь послѣднихъ сталъ постепенно усиливаться. Мистицизмъ Карлейля шелъ въ разрѣзъ съ естественно-научнымъ направленіемъ вѣка; односторонности проявлялись рѣзче; обличенія начали вырождаться въ однообразное брюзжаніе. Непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ Карлейль не поддавался вѣяніемъ времени и время оттѣснило назадъ прежняго «Пророка» и «учителя». Но на произведеніяхъ зрѣлыхъ лѣтъ писателя оставалась неизгладимая печать могучаго дарованія, отрезвляющей правды, рѣдкой проницательности и искренности, и эти свойства исчезнуть не могли и живо припомнились не только англійскому, но и всему европейскому обществу, при смерти Карлейля (5 февр. 1881 г.), вызвавшей самыя теплыя сожалѣнія и сочувствія.

Біографіи этого замѣчательнаго человѣка до сихъ поръ не было. Не потому, чтобы не нашлось охотниковъ писать ее, а

Digitized by Google

потому, что Карлейль при жизни упорно желалъ сохранить свою личную исторію про себя, находя, что все, имѣющее значеніе для публики, высказано въ его произведеніяхъ. Дѣйствительно, по любой изъ его книгъ можно было составить себѣ понятіе объ образѣ мыслей и характерѣ писателя; но желаніе узнать его ближе, отъ этого только увеличивалось. Понятно, что выходъ въ свѣтъ «Воспоминаній» [1]) возбудилъ общій интересъ. Личная жизнь Карлейля, его отношенія къ близкимъ людямъ, исторія его умственнаго развитія и борьба съ житейскими превратностями могли быть наконецъ узнаны изъ прямого источника. Эта жизнь не богата событіями, но полна внутренняго содержанія и представляетъ самую непосредственную связь съ его блистательной литературной дѣятельностью. Изученіе ея можетъ освѣтить и дополнить то, что извѣстно о Карлейлѣ изъ разнообразныхъ критическихъ очерковъ, и внушить свѣжій интересъ къ его произведеніямъ и личности.

Въ нашей литературѣ личность и произведенія Карлейля извѣстны до сихъ поръ очень мало; лишь немногое изъ него переведено. Между тѣмъ, онъ представляетъ весьма любопытную сторону европейской мысли, изученіе которой было бы очень не лишено поучительности. Мы разскажемъ здѣсь его біографію на основаніи «Воспоминаній», являющихся какъ послѣдній заключительный его трудъ, и сдѣлаемъ обзоръ его главнѣйшихъ произведеній.

«Благодареніе небу, я знаю, что значитъ быть сыномъ и любить отца, какъ родственную душу. Я обязанъ ему не только жизнью и образованіемъ, но и одушевляющимъ примѣромъ. Этотъ примѣръ я всегда желалъ бы имѣть передъ глазами, чтобы быть достойнымъ преемникомъ отца», — такъ выражается Карлейль вспоминая о безвѣстномъ каменьщикѣ. Отношенія Карлейля къ родителямъ были самыя близкія и искреннія. Здѣсь не было тѣни разлада, который такъ часто дѣлитъ развитого юношу отъ семьи простолюдиновъ, изъ которой онъ вышелъ; разстояніе было пополнено прочной почвой возвышенныхъ нравственныхъ началъ, на которой могутъ сходиться люди всѣхъ степеней образованія. Карлейль такъ часто упоминаетъ о своемъ сходствѣ съ отцомъ (называя себя его продолженіемъ и вторымъ томомъ) и о вліяніи, которое имѣла на него обстановка дѣтскихъ лѣтъ, что біографія не можетъ не остановиться на его семьѣ съ нѣкоторой подробностью. Каменьщикъ Джемсъ Карлейль былъ представи-

[1]) Reminiscences by Thomas Carlyle. „Вѣстн. Евр.", апрѣль 1881, Лит. Обозр.

Digitized by Google

телемъ лучшихъ свойствъ шотландскаго поселянина—религіознымъ, здравомыслящимъ, честнымъ труженикомъ, проходящимъ свой болѣе или менѣе тернистый путь съ спокойнымъ мужествомъ и упованіемъ и, въ то же время, человѣкомъ необыкновенно даровитымъ и воспріимчивымъ ко всему доброму и разумному. Его образованіе не шло далѣе грамоты и элементарныхъ понятій; но душа, пылкая и нѣжная подъ суровой оболочкой, тяготѣла къ свѣту, понимала все возвышенное какимъ-то инстинктомъ (Карлейль сравниваетъ его въ этомъ отношеніи съ Бёрнсомъ). И сынъ, бесѣдуя съ отцомъ, находилъ, что симпатичнѣе и умнѣе этого человѣка онъ никого не знаетъ. Статный старикъ, съ красивымъ блѣднымъ лицомъ, большими задумчивыми глазами, производилъ и на другихъ самое пріятное впечатлѣніе.

Наиболѣе выдающейся чертой Джемса Карлейля былъ замѣчательный даръ слова. До праздныхъ рѣчей онъ не былъ охотникъ, но когда приходилось разсказать что-нибудь, то лица и обстоятельства выходили у него точно живыя. Противъ его доводовъ не находили возраженій. Когда онъ бывалъ въ ударѣ, никто лучше его не умѣлъ позабавить компанію: слушая его, смѣялись до слезъ, и онъ смѣялся тогда добродушнымъ смѣхомъ. Пуританская правдивость въ веселую минуту допускала преувеличеніе ради краснаго словца (въ чемъ онъ потомъ сознавался). Кромѣ этихъ свойствъ, знакомыхъ и всякому, читавшему Томаса Карлейля, отецъ передалъ сыну еще одну мелкую, но характерную черту—именно любовь къ старомоднымъ вычурнымъ словамъ и замысловатымъ цвѣтистымъ сравненіямъ.

Старика не только уважали, но и побаивались въ околоткѣ. Ссоръ и поводовъ къ нимъ онъ избѣгалъ; свою природную вспыльчивость старался сдерживать; но, задѣтый за живое, могъ постоять за себя. Не пуская въ ходъ бранныхъ словъ, а тѣмъ менѣе своей необычайной физической силы (онъ стыдился драться даже въ молодости, послѣ того, какъ однажды чуть не убилъ противника, поднявъ его на воздухъ и бросивъ съ розмаха о-земь), онъ умѣлъ уничтожить лгуна и нахала, доказавъ ихъ неправоту до очевидности.

Лѣтъ до сорока-пяти онъ былъ каменьщикомъ, занималъ убогій домикъ въ мѣстечкѣ Эклефиканѣ, въ Эннанской долинѣ, Джифрійскаго графства (домикъ этотъ цѣлъ до сихъ поръ), и каждое лѣто уходилъ на заработки. Свое дѣло Джемсъ Карлейль зналъ въ совершенствѣ. Его цѣнили, какъ мастера, и любили, какъ то-

Digitized by Google

ница. Когда семья увеличилась, онъ рѣшился снять ферму, преимущественно изъ экономическихъ соображеній, отчасти же и потому, что новая система построекъ была ему не по душѣ. Все стали дѣлать наскоро, кое-какъ, лишь бы сбыть съ рукъ; а онъ привыкъ строить не спѣша, по совѣсти и мѣняться на старости лѣтъ не хотѣлъ. Всю свою энергію Джэмсъ Карлейль перенесъ на обработку фермы и обнаружилъ въ новомъ дѣлѣ тотъ же практическій смыслъ и ту же умѣлость. Доходы вскорѣ удвоились и семья была обезпечена [1]), конечно, при строгой бережливости. Старикъ не былъ скупъ, охотно помогалъ сосѣдямъ въ бѣдѣ (не лѣнтяямъ только), но въ домашнемъ обиходѣ не допускалъ роскоши. Всѣ, отъ мала до велика, работали; тунеядство преслѣдовалось строго. Отецъ былъ авторитетомъ безусловнымъ, но дѣти не видѣли несправедливыхъ требованій; власть главы семейства смягчалась общимъ тономъ любви и довѣрія, а всего болѣе вліяніемъ матери, кроткой, ласковой, трудолюбивой женщины, повѣренной всѣхъ дѣтскихъ плановъ, радостей и огорченій.

Отецъ и мать принадлежали къ сектѣ, отложившейся отъ пресвитеріанской церкви, и были благочестивы въ лучшемъ смыслѣ слова. Смиренное преклоненіе этихъ авторитетовъ предъ существомъ высшимъ и совершеннѣйшимъ запало глубоко въ душу впечатлительнаго ребенка. Оно отразилось въ томъ чувствѣ «благоговѣнія» къ нравственному величію, которое Карлейль считалъ драгоцѣннѣйшимъ свойствомъ разумнаго человѣка и страстно проповѣдовалъ всю жизнь въ своихъ произведеніяхъ. Проповѣдникъ секты обучалъ Томаса началамъ латинскаго языка и первый обратилъ вниманіе отца на его замѣчательныя способности. Отецъ, давно начавшій копить деньги на образованіе дѣтей, рѣшился отдать своего, очевидно-любимаго, сына въ университетъ. Сосѣди возстали, даже лучшій другъ его разсердился: «да, отдай послѣдній грошъ, чтобы ученый сынъ презиралъ потомъ тебя и мать свою».—«Богъ не допустилъ до этого», замѣчалъ впослѣдствіи старикъ съ гордостью.

На 11-мъ году, наперекоръ общественному мнѣнію, мальчикъ былъ отданъ въ школу сосѣдняго города Эннана. Мать, сестры и братья провожали его со слезами. Отецъ мѣрно ша-

[1]) Семья состояла изъ семи человѣкъ. Томасъ (род. 4 декабря 1795 г.) былъ старшій изъ дѣтей второго брака. Отъ первой жены, умершей рано, остался одинъ сынъ, Джонъ. Всѣ вышли въ люди.

Digitized by Google

гамъ, неся его узелокъ подъ мышкой. Томасъ брелъ возлѣ, стараясь не плакать, полный смутныхъ надеждъ и тревогъ.

Школа была первымъ разочарованіемъ. Серьёзный, задумчивый и мечтательный нравъ мальчика возбуждалъ насмѣшки товарищей. Онъ, съ своей стороны, чуждался ихъ буйныхъ игръ и тосковалъ о семьѣ. Только подъ самый конецъ освоился онъ съ гимназіей и нашелъ друзей. Отецъ навѣщалъ его всякій разъ, какъ бывалъ въ городѣ, ласково бесѣдовалъ съ нимъ, охотно давалъ деньги на книги и все нужное, видя, что они идутъ впрокъ. Сынъ учился отлично, особенно математикѣ. Большинство педагоговъ Эннанской гимназіи походили на описанныхъ имъ потомъ въ «Sartor'ѣ», т.-е. были педанты, не имѣвшіе понятія о дѣтской природѣ и неспособные научить чему-нибудь живому. Одинъ, впрочемъ, былъ педантъ особаго закала и имѣлъ несомнѣнное вліяніе на мальчика, быть можетъ потому, что попалъ на почву хорошо подготовленную (на фермѣ, отцомъ лжи и фальши считали именно сатану). Адамъ Гоппъ, учитель латинскаго и англійскаго языка, зналъ свое дѣло до тонкости; ненавидѣлъ поверхностное, а тѣмъ паче недобросовѣстное отношеніе къ ученью и жестоко преслѣдовалъ эти пороки; но старательныхъ и способныхъ учениковъ онъ всячески поощрялъ. Къ такимъ любимцамъ принадлежалъ Эдвардъ Ирвингъ [1]), позднѣе ближайшій другъ Карлейля. Ирвингъ оставилъ гимназію двумя годами раньше и только разъ потомъ зашелъ въ нее, чтобы повидать Гоппа. Вмѣстѣ съ прочими школьниками, юный Томасъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на высокаго, черноволосаго студента, весело говорившаго съ грознымъ Гоппомъ, и запомнилъ его красивое лицо, щегольской сюртукъ и вѣжливый общій поклонъ, который онъ отвѣсилъ классу при входѣ и выходѣ. Затѣмъ Ирвингъ исчезъ для него на цѣлыхъ семь лѣтъ, чтобы внезапно появиться потомъ и играть весьма замѣтную роль въ его жизни.

Въ то время въ университетъ поступали рано, и 14-ти-лѣтній Карлейль сдѣлался студентомъ богословія въ Эдинбургѣ. Факультеты не были строго раздѣлены, и теологи также слушали классиковъ, исторію, естественныя науки и математику. Классическая древность не привлекала его. Легко представить себѣ, что

---

[1]) Знаменитый проповѣдникъ и основатель религіозной секты „ирвингіанцевъ", въ послѣдніе годы забредшей между прочимъ и въ наше высшее общество. Его родители были богатыми фермерами въ той же Эннанской долинѣ, и принадлежали къ одной сектѣ съ Карлейлями, но знакомства между семьями, однако, не было.

Digitized by Google

міросозерцаніе языческаго міра съ культомъ красоты и счастья было слишкомъ чуждо его природѣ. Онъ увлекался исторіей среднихъ вѣковъ, реформаціи и революціи; учился новымъ языкамъ и много читалъ въ свободные часы, пользуясь довольно бѣдной университетской библіотекой и всѣми доступными ему источниками. Карлейль держался особняковъ, работалъ усердно; близкихъ друзей у него не было. Въ послѣдніе годы онъ жадно читалъ философскія книги, но избѣгалъ диспутовъ, составлявшихъ славу Эдинбурга. Хотя между тогдашними профессорами были люди съ громкими именами, Карлейль почему-то остался къ нимъ равнодушенъ и восхищался только математикомъ Лесли. Къ этой наукѣ онъ вообще имѣлъ большія способности и любилъ ее непреложность, какъ убѣжище противъ разныхъ вопросовъ и сомнѣній, волновавшихъ его въ эту пору. Съ каждымъ годомъ становилось ему тяжелѣе думать о будущемъ пасторствѣ: правдивая природа не допускала лицемѣрія, а убѣжденія и вкусы тянули въ иную сторону.

Въ 1814 году онъ кончилъ университетскій курсъ и поѣхалъ домой. Онъ не получилъ ученой степени (такъ какъ пренебрегъ нѣкоторыми обязательными предметами), но вынесъ обширный запасъ знаній и убѣжденіе, не исчезнувшее съ лѣтами, что хорошая коллекція книгъ есть лучшая школа. Относительно духовной карьеры Карлейль находился въ самой мучительной нерѣшимости. Нелегко было разорвать съ прошлымъ при серьёзной, глубоко-религіозной закладкѣ его души. Церковь, которой онъ предназначался, имѣла въ его глазахъ много преимуществъ передъ другими: простоту, отсутствіе внѣшнихъ прикрасъ, живую связь съ паствой. Но глазамъ его уже открылись «протертые локти и побѣлѣвшіе швы клерикальныхъ одеждъ», узкій формализмъ, оковы догматовъ, непримиримыхъ съ разсудкомъ. Душевная борьба обострилась необходимостью огорчить своимъ признаніемъ семью, столько потратившую на его образованіе, чтобы увидѣть его пасторомъ. Въ этихъ колебаніяхъ дѣло затянулось до того, что была уже назначена церковь для пробной проповѣди. Надо было рѣшиться. «Я ушелъ къ себѣ въ комнату и заперъ дверь,—такъ разсказываетъ Карлейль эту критическую минуту. И тутъ меня со всѣхъ сторонъ обступили призраки изъ темныхъ безднъ вѣчной погибели—сомнѣніе, страхъ, неврріе, отчаяніе, глумленіе. И я отбивался отъ нихъ въ невыразимой тоскѣ». Онъ рѣшился отказаться отъ духовнаго званія и немедленно искать работы, которою могъ бы существовать, не обременяя родителей. Благодаря великодушію послѣднихъ, внутренняя драма не была

Digitized by Google

осложнена книжкой. Отецъ понялъ мотивы сына, допуская, что Богу можно служить на разные лады; онъ не усумнился также въ его правилахъ и возможности успѣха на поприщѣ болѣе согласномъ съ его убѣжденіями. Мать, понимавшая его страданія, была съ нимъ еще ласковѣе обыкновеннаго. Разговоровъ на эту тему вообще не поднималось. Карлейль сохранилъ на всю жизнь глубокую, «невыразимую на словахъ» благодарность за отношеніе къ нему родителей въ эти скорбные дни. Малѣйшій упрекъ, презрительное слово или негодующій взглядъ съ ихъ стороны могли навсегда изгнать его изъ дому и лишить убѣжища душевнаго и матеріальнаго, въ которомъ онъ такъ нуждался не только теперь, но и впослѣдствіи.

Около этого времени въ Эннанской гимназіи открылось мѣсто учителя математики. Карлейль предложилъ свои услуги и былъ принятъ. Горькая необходимость учить тому, чего самъ не знаешь, была такимъ образомъ устранена, и онъ радовался, не предчувствуя, какъ уже вскорѣ опротивѣетъ ему учительство и самый Эннанъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и, несмотря на всю цѣну, которую имѣло для него матеріальное обезпеченіе, онъ готовъ былъ все бросать, чтобъ только вырваться изъ удушающей атмосферы этого городка. Книгъ было мало, пріятныхъ людей не встрѣчалось вовсе. Тутъ, вѣроятно, въ минуты отчаянія, его начали снова искушать мысли о духовной карьерѣ, потому что онъ два раза ѣздилъ въ Эдинбургъ для пробныхъ проповѣдей, возвращаясь съ еще болѣе мучительнымъ недовольствомъ собой и положеніемъ, изъ котораго не видѣлъ выхода. Во вторую поѣздку въ 1815 г., Карлейль въ одномъ знакомомъ домѣ встрѣтилъ Ирвинга, успѣшно дебютирующаго проповѣдника и весьма извѣстнаго педагога (онъ былъ учителемъ въ академіи г. Киркельди и давалъ частные уроки, между прочимъ, одной удивительно миленькой черноглазой дѣвочкѣ, хотѣвшей непремѣнно учиться всему наравнѣ съ братьями). На правахъ земляка, Ирвингъ, вообще крайне общительный, дружелюбно обратился къ Карлейлю, но желчно настроенный Карлейль отнесся къ нему грубо и враждебно. Карлейль признается, что постоянное восхваленіе талантовъ и успѣховъ Ирвинга пробудили въ немъ, измученномъ борьбой и неудачами, какое-то смутное недоброжелательство, и что онъ былъ кругомъ виноватъ. Тѣмъ живѣе подѣйствовала на него вторая встрѣча съ Ирвингомъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на похоронахъ жены Гоппа въ Эннанѣ.

При этомъ случаѣ онъ въ первый разъ слышалъ молодого пастора; проповѣдь показалась ему замѣчательной, но нѣсколько

Digitized by Google

дѣланной, блѣдное лицо проповѣдника и его голосъ необыкновенно эффектными. Послѣ обряда Ирвингъ подошелъ къ нему и очень любезно сталъ звать къ себѣ въ гости. Приглашеніе это имѣло опредѣленную цѣль, о которой Карлейль еще не догадывался. Именно, Ирвингъ, желавшій перебраться въ сосѣдній городъ Гаддингтонъ (гдѣ для него существовалъ магнитъ, въ образѣ той же дѣвочки, уже подросшей), наивѣтилъ себѣ въ преемники Карлейля и хотѣлъ показать ему городъ, прежде чѣмъ пустить въ ходъ приготовленныя заранѣе рекомендаціи и т. д. Преимущество Киркельди (близость къ Эдинбургу, центру шотландской интеллигенціи и библіотекамъ) было такъ очевидно, что Карлейль, послѣ своего визита, съ восторгомъ принялъ предложеніе и въ 1816 г. перебрался на новое мѣсто.

Молодые люди видались часто и скоро сблизились. Данныхъ для тѣсной дружбы, великодушныхъ стремленій, серьёзныхъ общихъ интересовъ и симпатій у нихъ было много; что же касается мелочей, то желчность и хандра Карлейля не отталкивали и не раздражали добраго мягкаго Ирвинга, который слишкомъ цѣнилъ горячее сердце и умъ своего друга. Съ другой стороны, природная живость Ирвинга, умѣнье отыскать вездѣ что-нибудь забавное и искренній заразительный смѣхъ были лучшимъ лекарствомъ для сумрачнаго пріятеля. Съ нимъ Карлейль, одаренный отъ природы неисчерпаемымъ юморомъ наравнѣ съ хандрой, много смѣялся и шутилъ. Чтеніе, прогулки, катанья по заливу, экскурсіи въ горы и безконечные споры и бесѣды объ отвлеченныхъ предметахъ разнообразили ихъ жизнь. Они не совсѣмъ сходились во взглядахъ и рѣзко отличались темпераментами: Ирвингъ увлекался, Карлейль вникалъ и анализировалъ. Въ числѣ нѣсколькихъ пріятныхъ знакомыхъ домовъ въ Киркельди былъ одинъ, гдѣ Карлейль встрѣчалъ симпатичную блондинку, большую мастерицу пѣть шотландскія мелодіи. Знакомство съ ней легко могло перейти въ нѣчто болѣе серьёзное, если бы не тётки и не житейскія соображенія, приведшія дѣвушку къ браку съ богатымъ ничтожествомъ; при данныхъ же условіяхъ оно оставило только романическое и элегическое воспоминаніе.

Карлейль не пріобрѣлъ популярности въ качествѣ школьнаго учителя, хотя училъ толково и добросовѣстно. Онъ оставилъ школу—по той причинѣ, что учительство и на этотъ разъ сдѣлалось для него совершенно невыносимымъ. Давно уже чувствовалъ онъ неодолимое стремленіе въ литературѣ, но все не рѣ-

Digitized by Google

нался выступить на это поприще, сомнѣваясь въ своихъ силахъ. Впрочемъ, пробы были. Въ 1816 г., онъ послалъ въ одинъ изъ эдинбургскихъ журналовъ описаніе своей экскурсіи въ горы, какъ ему казалось, «вѣрное и правдивое» и долго съ волненіемъ и напрасно слѣдилъ за выходившими нумерами.

Въ концѣ 1818 года оба друга переселились въ Эдинбургъ. Ирвингъ, окончательно отказавшійся отъ учительства для церкви, строилъ радужные планы на основаніи своихъ первыхъ успѣховъ. Карлейль, съ 100 ф. въ карманѣ, надѣялся прожить этими деньгами и уроками, пока не удастся пристроиться къ какому-нибудь журналу. У него составились хорошія знакомства въ столицѣ, благодаря Ирвингу. Разсчеты, по обыкновенію, оказались не совсѣмъ вѣрными; въ цѣлый годъ не удалось заработать ни копѣйки; запасный капиталъ исчезалъ; приходилось буквально голодать и зябнуть въ нищенской квартирѣ. Карлейль разстроилъ себѣ здоровье (его мучительная пожизненная dispepsia ведетъ свое начало съ этого періода) и страшно мучился сомнѣніями насчетъ своей пригодности къ чему-либо на свѣтѣ. Работать и учиться онъ, однако, не переставалъ и съ энергіей отчаянія писалъ статью за статьей, обращаясь въ разные журналы, отдавая статьи въ переписку, чтобы сходство почерка не предубѣдило редактора. Такимъ образомъ, онъ посылалъ статьи и въ «Эдинбургское обозрѣніе», украшеніемъ котораго онъ сталъ десять лѣтъ спустя. «Мои дебюты на литературномъ поприщѣ встрѣтили много осѣчекъ и были довольно жалки,—говоритъ Карлейль;—но и мало одаренный человѣкъ достигаетъ цѣли при настойчивости. Быть можетъ даже, повторенное захлопываніе дверей передъ носомъ новичка не лишено пользы». Наконецъ «Эдинбургская энциклопедія» напечатала одинъ изъ его біографическихъ очерковъ, а затѣмъ и нѣсколько другихъ (о Монтескьё, Монтенѣ, Питтахъ, Джонѣ Муре и д-рѣ Муре, Нельсонѣ).

По этимъ первымъ этюдамъ, не вошедшимъ въ полное собраніе сочиненій Карлейля, нельзя, однако, угадать будущаго великаго художника. Они отличаются только обиліемъ фактическихъ свѣдѣній и очень добросовѣстнымъ отношеніемъ къ предмету. Изрѣдка проскакивали, впрочемъ, и въ нихъ искры самобытнаго таланта. Первые успѣхи были пріятны автору, но увѣренности къ себѣ не внушили; не дали и средствъ къ жизни. Лѣто, ради здоровья и дешевизны, онъ рѣшилъ провести у родныхъ. Пріѣздъ Ирвинга былъ для него настоящимъ праздникомъ. Онъ оживалъ, начинались прогулки, бесѣды. Ирвингъ, горячо сочувство-

Digitized by Google

вшій другу, твердо вѣрившій въ его дарованія и будущіе успѣхи, умѣлъ утѣшить и успокоить его, какъ никто другой «Это былъ самый солнечный характеръ на свѣтѣ,—говоритъ про него Карлейль:—онъ игралъ относительно меня роль старшаго брата, добраго генія, а иногда и няньки».

Осенью 1819 года Ирвингъ получилъ мѣсто въ Глазго, и пріятели стали видѣться изрѣдка. Зима эта памятна Карлейлю волненіями рабочихъ въ Глазго и отголосками этихъ волненій въ Эдинбургѣ. Ходило много тревожныхъ слуховъ. Образовались двѣ рѣзко враждебныя партіи: консерваторы негодовали; радикалы, народъ, молодежь и наши пріятели сочувствовали. «Въ юности,—замѣчаетъ Карлейль,—сверженіе ига и торжество справедливости кажутся легкимъ дѣломъ». Около того-же времени посѣтилъ Эдинбургъ король Георгъ IV. Весь городъ былъ на ногахъ. Волна торжествъ не увлекала, однако, Карлейля: «во избѣжаніе искушенія надѣть бѣлый фракъ и черные панталоны вмѣсто предписанной магистратомъ парадной формы для обывателей», онъ уѣхалъ на недѣлю въ свои. Въ Глазго онъ бывалъ нѣсколько разъ. Одна изъ прогулокъ съ Ирвингомъ имѣла для него особенное значеніе. Въ задушевномъ разговорѣ Карлейль признался другу, что взгляды ихъ на христіанскую религію расходятся и никогда не могутъ сойтись. Какъ ни тяжела была исповѣдь, онъ былъ радъ, что между ними не существовало болѣе недомолвокъ. Ирвингъ, несмотря на свои пламенныя убѣжденія въ совершенно другомъ направленіи и искреннюю печаль, въ этомъ случаѣ тоже держалъ себя, какъ старшій любящій братъ.

Зима 1820—21 г., которую Карлейль провелъ на фермѣ, получая изрѣдка работу для «Энциклопедіи» — большею частью мрачный и больной — заслуживаетъ вниманія, какъ начало его знакомства съ нѣмецкимъ языкомъ. Извѣстно, что онъ былъ впослѣдствіи большимъ знатокомъ нѣмецкой литературы и болѣе всякаго другого писателя популяризовалъ ее въ своемъ отечествѣ. Кромѣ того, изученіе нѣмцевъ сдѣлалось поворотнымъ пунктомъ въ его жизни, убѣдивъ его наконецъ, что литература — его настоящее призваніе, и отразилось, какъ на его міросозерцаніи, такъ и на слогѣ. Еще студентомъ онъ заинтересовался книгой г-жи Сталь «о Германіи» и далъ себѣ слово выучиться нѣмецкому языку, но не могъ въ то время найти ни учителя, ни грамматики. Здѣсь-же, въ Энпанделѣ, случайно оказался пріятель, который прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи и предложилъ учить его по-нѣмецки въ обмѣнъ на уроки француз-

Digitized by Google

скаго языка. Между прочими книгами онъ прочиталъ Шиллера, который однако на первый разъ не произвелъ на него особеннаго впечатлѣнія.

Лѣтомъ 1821 года, Ирвингъ, по обыкновенію, пріѣхалъ къ своимъ и уговорилъ Карлейля отправиться вмѣстѣ въ Гаддингтонъ. Онъ хотѣлъ познакомить его съ вдовой и дочерью недавно предъ тѣмъ умершаго д-ра Уэльша (потомка Джона Нокса). Объ этой семьѣ Карлейль уже много слышалъ отъ своего друга. Миссъ Дженъ была, по словамъ Ирвинга, дѣвушка совсѣмъ особенная. Съ здравымъ смысломъ и познаніями мужчины (она настояла на томъ, чтобы ее учили вмѣстѣ съ братьями) она соединяла женскую мягкость и прелесть. Кроткіе каріе глаза смотрѣли умно, ясно и довѣрчиво на жизнь. Сердце не знало лжи, и, однако, обмануть ее было невозможно. Она вносила всюду миръ, радость и весенье. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ей была доступна всякая серьёзная мысль и глубокое чувство. Полюби она—и эта дѣвушка, блиставшая на балахъ, привычная къ роскоши, будетъ помощницей и поддержкой бѣдняка; изящныя руки, не знавшія ничего, кромѣ фортепьянъ и тонкихъ работъ, бодро примутся за любое дѣло. Ея бывшій учитель могъ знать это лучше всѣхъ поклонниковъ: онъ любилъ ее, быть можетъ, не безъ взаимности и все-таки безнадежно. Глупое слово, сорвавшееся нѣкогда съ языка, приковывало его къ некрасивой и не отъ міру разбитной дочкѣ мѣстнаго пастора. Миссъ Дженъ считала обѣщаніе вещью нерушимой; миссъ Мартинъ была весьма далека отъ мысли отступиться отъ своихъ правъ. (Бракъ съ ограниченной и пошлой миссъ Мартинъ впослѣдствіи значительно способствовалъ гибели Ирвинга). Нѣсколько дней, проведенныхъ въ домѣ элегантной миссъ Уэльшъ, сдѣлались новой эрой въ жизни Карлейля. Миссъ Дженъ очаровала его. Десятки лѣтъ послѣ онъ могъ по желанію вызывать въ своемъ воображеніи ея стройную фигуру, нарядъ, профиль русой головки, склоненной надъ работою у окна и тотъ внимательный взглядъ изъ-подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ, съ которымъ она слѣдила за разговоромъ, вѣрнѣе за тѣмъ, что говорилъ *онъ*. Ирвингъ, противъ обыкновенія, былъ въ этотъ разъ молчаливъ. Карлейль, съ своей стороны, произвелъ большое впечатлѣніе на миссъ Дженъ. Кто видѣлъ его портретъ, приложенный къ «Sartor'у», легко повѣритъ, что для многихъ его лицо могло казаться крайне симпатичнымъ; что касается увлекательности разговора, то у него почти не было соперниковъ.

Поздней осенью Ирвингъ уѣхалъ въ Лондонъ; его слава

Digitized by Google

достигла столицы, и друзья вызвали его туда для проповѣди. Пріятели прощались надолго и съ весьма различными чувствами. Новое поприще открывалось первому, и онъ жаждалъ испытать на немъ свои силы [1]). Сумрачный Томасъ (Новый Ѳома, какъ онъ себя часто называетъ) оставался одинокимъ съ своими вѣчными сомнѣніями и вопросами. Прибѣжищемъ отъ нихъ, по обыкновенію, была для него работа. Продолжая свои занятія нѣмецкой литературой, Карлейль однажды взялъ изъ библіотеки сочиненія Гёте и въ нихъ, особенно въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ», нашелъ откровеніе, котораго давно жаждала его душа. Вмѣсто хаоса внутренняго разлада, въ которомъ онъ столько лѣтъ бился, какъ рыба объ ледъ, передъ нимъ открылось цѣльное, ясное, стройное міросозерцаніе. Его охватила любовь къ жизни и вѣра въ жизнь, сознаніе правъ и обязанностей человѣка, и рѣшимость слѣдовать своему призванію съ надеждой и безъ боязни. Дочитавъ послѣднюю страницу книги, онъ ночью выбѣжалъ на улицу и долго бродилъ въ сильномъ волненіи. Никогда въ жизни не попадалось ему такой мудрой, глубокой, великой книги. Онъ вспоминалъ о ней 70-лѣтнимъ старикомъ, въ своей вступительной рѣчи при избраніи ректоромъ эдинбургскаго университета [2]). Карлейль навсегда сохранилъ родъ культа къ великому германскому поэту. «Безъ Гёте меня не было бы на свѣтѣ. Я всѣмъ обязанъ ему», говорилъ онъ не разъ.

Критики, разбиравшіе характеръ Карлейля и причины его тоски и хандры, обыкновенно указываютъ на непримиримыя противорѣчія его природы съ его образованіемъ, развитіемъ и условіями современной жизни. При данныхъ его характера было трудно найти настоящую дорогу и онъ, дѣйствительно, не находилъ ея и смутно сознавалъ это. Строгій пуританинъ и—поэтъ, увлекающійся, отзывчивый, страстный; аскетъ и—художникъ, полный юмора и бурнаго огня, чуткій къ красотѣ и безобразію

[1]) Карлейль въ своихъ Воспоминаніяхъ горячо защищаетъ Ирвинга отъ обвиненій въ тщеславіи: Ирвингъ искренно увлекался своимъ ученіемъ; и если популярность закружила и свернула его бѣдную голову, то лишь потому, что никто больше его не тяготѣлъ душой къ людямъ, не нуждался въ ихъ симпатіи и не былъ способенъ страдать отъ ихъ пренебреженія.

[2]) „Много лѣтъ тому назадъ попалась мнѣ въ руки эта книга. Я, можно сказать, вчитался въ самое сердце ея, когда переводилъ ее", говорилъ онъ своей аудиторіи, излагая основныя положенія Вильгельма Мейстера: это „дивная книга, способная просвѣтить и тронуть каждаго, у кого есть глаза, чтобы видѣть, и сердце, чтобы чувствовать. Въ ней, какъ мнѣ не разъ случалось повторять, есть десятокъ такихъ страницъ, что, руководись я однимъ честолюбіемъ, я предпочелъ бы написать эти немногія страницы вмѣсто всѣхъ книгъ, явившихся на свѣтъ со дня моего рожденія".

Digitized by Google

во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, къ грознымъ и плѣнительнымъ эффектамъ свѣта, тѣней и красокъ; благоговѣющій мистикъ и—реалистъ, глубоко понимающій дѣйствительность; шотландскій консерваторъ и—протестующій радикалъ, Карлейль, несмотря на Гёте, не могъ быть цѣльнымъ и не могъ найти покоя своей душѣ. Крайне важнымъ факторомъ въ его недовольствѣ собой и окружающимъ была болѣзненная нервность и постоянный неизлечимый недугъ.

Во всякомъ случаѣ, послѣ чтенія «Вильгельма Мейстера», онъ на время какъ будто нашелъ равновѣсіе и успокоился. Его глубоко-религіозная и страстная душа не могла остановиться на отрицаніи и бездѣйствіи. Ей были необходимы вѣра и дѣло, безъ котораго вѣра мертва. «Здѣсь или нигдѣ твоя Америка,—говоритъ Гёте,—не ищи далеко. Берись за первое, что у тебя подъ руками; слѣдующая минута укажетъ, что тебѣ дѣлать далѣе».

У него подъ руками было дѣло, къ которому всегда рвалось сердце: *писать книги*, учить людей добру и правдѣ, отвращать отъ зла и лжи. Карлейль всегда сохранялъ характеръ проповѣдника въ своихъ произведеніяхъ и даже разговорахъ. Литературная каѳедра замѣнила ту, отъ которой онъ отказался. Въ его глазахъ не было призванія выше и отвѣтственнѣе, власти могущественнѣе и страшнѣе печатнаго слова. Въ великомъ писателѣ онъ видѣлъ пророка и учителя, открывающаго людямъ вѣчныя истины; во всѣхъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ литературѣ, онъ видѣлъ служителей настоящей и единой современной церкви, или служителей сатаны.

Около этого времени Ирвингъ нашелъ ему мѣсто гувернера при талантливомъ и симпатичномъ Чарльзѣ Бёллерѣ (потомъ извѣстномъ парламентскомъ дѣятелѣ), поступившемъ тогда въ эдинбургскій университетъ. Это былъ «первый проблескъ счастья и первое прочное матеріальное обезпеченіе». Юноша сорви-голова, съ которымъ родные не могли справиться, страстно полюбилъ своего наставника и оказался въ рукахъ его мягче воска. Семья Бёллеровъ была пріятная; занятія съ Чарльзомъ были удовольствіемъ; свободнаго времени оставалось много. Съ Гаддингтономъ происходилъ, время отъ времени, обмѣнъ книгъ и привѣтствій; бывали пріятныя поѣздки туда. Живя съ Бёллерами то въ городѣ, то на дачахъ, Карлейль написалъ статью о «Фаустѣ» и «Жизнь Шиллера» (1823). Послѣднимъ произведеніемъ онъ остался недоволенъ (оно казалось ему безцвѣтнымъ, избитымъ), но кри-

Digitized by Google

тика отнеслась къ нему весьма благосклонно [1]). Прочитавъ одинъ, особенно лестный, отзывъ въ «Times», онъ на минуту поддался пріятному искушенію, но затѣмъ сказалъ себѣ: «мнѣ лучше знать», и вернулся къ прежнимъ мыслямъ. Осенью пріѣхалъ Ирвингъ (женатый уже на миссъ Мартинъ и, съ виду, счастливый) и увезъ его съ собой на экскурсію въ горы, которая освѣжила Карлейля особенно потому, что онъ отвелъ душу въ откровенной бесѣдѣ съ своимъ вѣрнымъ другомъ. Овладѣвъ къ концу зимы въ достаточной степени нѣмецкимъ языкомъ и «вчитавшись въ сердце» Мейстера, Карлейль принялся за переводъ этой книги, какъ за исполненіе священнаго долга по отношенію къ соотечественникамъ. Онъ окончилъ его весной 1824, на фермѣ дома, и самъ отвезъ въ Эдинбургъ, чтобы слѣдить за печатаніемъ. За книгу онъ получилъ 180 ф. ст. Книга однако не понравилась англійской публикѣ, какъ вещь, слишкомъ чуждая ей по духу и языку [2]).

Гёте былъ тогда еще очень мало извѣстенъ въ Англіи; авторъ и переводчикъ сдѣлались предметомъ весьма ѣдкихъ насмѣшекъ со стороны де-Квинси и другихъ, менѣе остроумныхъ, критиковъ. Но Карлейль, полный сознанія правоты своего дѣла, не упалъ духомъ. Покончивъ съ «Мейстеромъ», онъ, передъ отъѣздомъ въ Лондонъ, куда звали его Ирвингъ и Бёллеры, отправился въ Гаддингтонъ: въ семействѣ Уэльшъ его встрѣтили сочувствіемъ, о которомъ онъ уже не могъ сомнѣваться.

Лондонъ пріятно поразилъ Карлейля при утреннемъ освѣщеніи, но вскорѣ измучилъ своей суетой и, кромѣ того, вредно подѣйствовалъ на его здоровье. Видаясь часто съ Ирвингомъ во время десятимѣсячнаго пребыванія, онъ замѣтилъ въ его жизни что-то неладное. Проповѣдникъ былъ на верху славы; его жадно слушала избранная публика, его носили на рукахъ, посѣтители не переводились въ его домѣ. И, тѣмъ не менѣе, рядомъ съ почтенными и симпатичными людьми начинали уже показываться личности не перваго сорта, пошлыя, назойливыя, сообщавшія его существованію какой-то сомнительный блескъ, а не истинное величіе. Ирвингъ, казалось, видѣлъ это и умышленно закрывалъ

---

[1]) Извѣстно, что Гёте написалъ къ переводу *Жизни Шиллера* на нѣмецкій языкъ предисловіе, въ которомъ, послѣ лестнаго отзыва о самомъ трудѣ, распространяется о значеніи всемірной литературы для развитія человѣчества. Гёте въ разныхъ случаяхъ упоминаетъ о Карлейлѣ, которымъ онъ восхищался.

[2]) Здѣсь кстати замѣтить, что Карлейль отличается необыкновеннымъ мастерствомъ въ переводахъ—вѣрной передачей смысла съ возможно-близкимъ сохраненіемъ формы.

Digitized by Google

глаза. Прежнее ясное настроеніе исчезло; въ немъ было что-то неестественное, тревожное. Проповѣди Ирвинга также не произвели на Карлейля пріятнаго впечатлѣнія: имъ не доставало простоты, онѣ были слишкомъ эффектны. Черезъ своего друга Карлейль пріобрѣлъ здѣсь много знакомствъ между умственной и родовой аристократіей, которую въ своихъ «Воспоминаніяхъ» обрисовываетъ весьма мѣтко, и довольно непріязненно.

Послѣ пріятнаго лѣта въ окрестностяхъ Бирмингема, онъ совершенно случайно попалъ, въ сентябрѣ 1824 г., на нѣсколько дней въ Парижъ съ родственницами Бѣллера (уже вышедшаго изъ-подъ его опеки). Въ Парижѣ онъ бродилъ безъ устали по улицамъ и окрестностямъ, видѣлъ не мало интересныхъ людей. Это были первые дни послѣ смерти Людовика XVIII и воцаренія Карла X. Онъ встрѣтилъ разъ этого короля въ луврской галлереѣ и смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ сочувствіемъ, видя его старанія пріятно улыбаться публикѣ, не обращавшей на него вниманія. Карлейль не подозрѣвалъ тогда, что въ ближайшія десять лѣтъ будетъ до такой степени заинтересованъ трагической судьбой Бурбоновъ. Парижскія впечатлѣнія, знакомство съ мѣстностью, типами и т. д. оказались очень полезными для его исторіи французской революціи.

По возвращеніи въ Лондонъ, Карлейль, ради средствъ къ жизни, занялся пересмотромъ и исправленіемъ своего «Шиллера» для отдѣльнаго изданія. (Біографія эта появилась сначала въ «Лондонскомъ магазинѣ»). Затѣмъ, не имѣя опредѣленныхъ занятій, измученный возней съ насучившей книгой, нездоровьемъ и одиночествомъ, впалъ въ прежнюю хандру и уныніе. Между нимъ и Ирвингомъ начиналось отчужденіе. Городская жизнь ему надоѣдала. Вывело его изъ этого состоянія довольно курьёзное обстоятельство. Выглянувъ однажды утромъ изъ окна, онъ увидалъ въ садикѣ курицу, хлопотливо разгребавшую землю и весело подбиравшую свои находки. «Безумецъ, — сказалъ онъ себѣ: — вотъ тварь, которой отпущено съ полнаперстка мозга; а ты кичишься своимъ обширнымъ разумомъ. Посмотри, какъ она умѣетъ справляться съ жизненными задачами, и какъ справляешься ты. Собери-же, съ божьей помощью, свои мысли и поверни ихъ, куда слѣдуетъ». Примѣръ «символической курицы» побудилъ его бросить Лондонъ и честолюбивыя мечты и, не слушая никого, ѣхать домой въ Эннендаль, чтобы тамъ засѣсть за работу и, поправившись, искать спокойнаго мѣста. Первымъ дѣломъ его было написать миссъ Уэльшъ письмо, освобождающее ее отъ всякихъ мнимыхъ обязательствъ; но въ отвѣтъ онъ получилъ отказъ отъ

Digitized by Google

подобной свободы и выраженіе непремѣнной рѣшимости раздѣлить его судьбу, какова бы она ни была. Въ тѣ-же дни онъ имѣлъ другое радостное событіе—письмо Гёте, съ благодарностью за присылку перевода «Вильгельма Мейстера». Это было начало заочной дружбы и переписки между ними. Лишь только вышелъ «Шиллеръ», Карлейль (съ 100 ф. въ карманѣ) уѣхалъ къ роднымъ (весна 1825 г.) и возлѣ ихъ большой фермы нанялъ себѣ маленькую, завѣдываніе которой поручилъ своему брату. Самъ-же началъ дѣятельно работать надъ нѣмецкими романистами, продолжая свои другія литературныя изученія. Тамъ прожилъ онъ цѣлый годъ и былъ очень огорченъ, когда, вслѣдствіе недоразумѣній съ владѣльцемъ фермы, долженъ былъ слѣдующей весной перебраться вслѣдъ за семьей на новое мѣсто, которое, впрочемъ, оказалось во всѣхъ отношеніяхъ лучше.

Это былъ годъ окончательнаго, нравственнаго перелома въ Карлейлѣ, «свѣтлая идиллія», по его выраженію, среди сельской тишины и правильныхъ занятій, одинокихъ прогулокъ и размышленій. «Мысли обнимали собой весь міръ, вѣчность, время и пространство, и отовсюду приносили желаемую вѣсть». Сомнѣнія, мучительная борьба кончились разъ навсегда; «душа легко и свободно поднялась въ свѣтлую небесную лазурь». Онъ почувствовалъ освобожденіе отъ мірской суеты и понялъ то, что̀ древніе христіане называли обращеніемъ. Сердце было переполнено любви, состраданія къ человѣчеству, внутренней гармоніи. Здоровье его поправилось. Къ Гёте, который, пройдя черезъ одинаковое съ нимъ душевное состояніе, открылъ ему новый міръ, онъ чувствовалъ горячую благодарность. Стихи: sich des Halben zu entwöhnen und im Ganzen, Guten, Schönen resolut zu leben», сдѣлались и его жизненной программой [1]).

Была у него еще одна серьёзная причина для счастія. Миссъ Уэльшъ, «радость его жизни», пріѣхала познакомиться съ его семьей, очаровала всѣхъ и пробыла десять дней въ окрестностяхъ, гдѣ у нея были родные. Они катались и гуляли вмѣстѣ, и при одной прогулкѣ на вершинѣ холма, откуда открывался далекій горизонтъ, она сказала ему слова, наполнившія его сердце восторгомъ, гордостью и безпредѣльной благодарностью къ ней.

---

[1]) Довольно любопытно, что Карлейль, цитировавшій эти строки изъ „Generalbeichte“ Гёте, въ противность рѣчи всегда говоритъ *im Wahren* вмѣсто *im Schönen*. Это была безсознательная оговорка, съ которой обращенный пуританинъ принялъ новое ученіе (*Monro*, „Academy“, 1881, 26 февр.).

Digitized by Google

Осенью 1826 года Карлейль поселяется въ Эдинбургѣ съ молодой женой. Кончились дни одиночества. «Въ печальную жизнь проникли солнечные лучи» любви и нѣжной заботы, лучи преданной души, свѣтлаго ума, яснаго, дѣятельнаго, веселаго характера. Есть съ кѣмъ дѣлить мысли, чувства, планы, всякую мечту, всякое горе; хандрить можно будетъ только у себя въ кабинетѣ; она будетъ ему помощницей, поддержкой и отрадой его жизни; онъ не будетъ писать своихъ книгъ изъ-за денегъ, а только, когда душа захочетъ высказаться на благо и назиданіе людямъ. Много-ли, мало-ли будетъ у него денегъ, ихъ достанетъ всегда на все нужное; онъ не узнаетъ никакихъ лишеній, какъ не увидитъ пасмурнаго лица.

Дженъ Уэльшъ обладала многими талантами и солиднымъ образованіемъ [1]), вмѣстѣ съ большой изобрѣтательностью во всемъ, за что бралась. Всѣ свои способности она устремила теперь на хозяйство и достигла виртуозности въ доселѣ чуждой ей области стряпни и т. д., не отрываясь отъ умственныхъ интересовъ. Молодые супруги въ первую зиму жили очень бѣдно (небольшой доходъ, въ 200 ф., завѣщанный ей отцомъ, дочь оставила за матерью, привыкшей къ роскоши при жизни мужа). Фортуна улыбнулась не ранѣе весны 1827 г., когда Карлейль, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Проктера (Barry Cornwall), отправился къ лорду Джеффри, знаменитому редактору «Эдинбургскаго Обозрѣнія». Поговоривъ объ его послѣднемъ произведеніи «Сборникъ нѣмецкихъ повѣстей», Джеффри предложилъ Карлейлю написать статью о Жанъ-Полѣ. Статья эта произвела сенсацію; еще бо́льшее впечатлѣніе произвелъ этюдъ «о нѣмецкой литературѣ». Карлейля въ газетныхъ и журнальныхъ рецензіяхъ возвели на степень цѣлой «мистической школы», чему жена много смѣялась, требуя своей доли похвалы и брани въ качествѣ сообщницы. Затѣмъ наступилъ періодъ успѣховъ, приглашеній отъ разныхъ журналовъ, пріятельства съ Джеффри и его неизмѣннаго ухаживанія за миссисъ Карлейль, которая добродушно и весело отшучивалась. Мужъ искренно забавлялся этой игрой. Джеффри, черезъ котораго они пріобрѣли много знакомствъ, былъ имъ вообще очень полезенъ и старался пристроить Карлейля на профессорскую каѳедру, «по счастью» безъ успѣха. Между тѣмъ, журнальная работа не давала достаточныхъ средствъ

[1]) Историкъ Фрудъ замѣчаетъ, что она могла-бы составить себѣ самостоятельное имя въ литературѣ, но изъ любви къ мужу пожертвовала личнымъ честолюбіемъ и состояніемъ.

Digitized by Google

въ жизни, а городская суета — желаннаго досуга для занятій, отзываясь невыгодно и на здоровьѣ Карлейля. Годъ, проведенный прежде въ деревенской тишинѣ, оказалъ ему такую пользу, что онъ началъ мечтать о другой подобной-же пустынѣ. Жена вторила и обстоятельства благопріятствовали: докторъ Уэльшъ оставилъ дочери въ наслѣдство небольшую ферму и при ней маленькій домикъ, который требовалъ незначительныхъ передѣлокъ, чтобы сдѣлаться обитаемымъ. Къ веснѣ онѣ были вончены, и въ маѣ 1828 г. совершилось переселеніе.

«Въ нашей жизни въ Кредженнутовѣ, — разсказываетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—много такого, что могло-бы позабавить любопытныхъ [1]). Это было, въ самомъ дѣлѣ, довольно своеобразное мѣсто и поприще для такой пары, какъ мы съ Дженни, и при нашемъ прошломъ. Подобно Робинзону Крузе, мы поселились на необитаемомъ островѣ, въ сосѣдствѣ съ диквмъ населеніемъ, не совсѣмъ дружелюбнымъ и даже небезопаснымъ. Требовалась неисчерпаемая энергія, терпѣливая выносливость и врожденная изобрѣтательность со стороны Робинзона. Этой исторіи я не намѣренъ писать. Для меня въ ней есть нѣчто священное, согласимое только съ молчаніемъ». Онъ замѣчаетъ далѣе, что ихъ толкнула сюда нужда и житейскія неудачи, но что великодушіе, энергія, вѣрность и т. д. превратили пораженіе въ великую побѣду.

Шестилѣтнее пребываніе Карлейля въ горахъ, правильныя занятія, размышленія о любимыхъ предметахъ при тихомъ семейномъ счастьи принесли блестящіе плоды. Онъ выяснилъ себѣ свои будущія задачи, изучилъ вполнѣ то, что ему было нужно для предстоящихъ работъ, и написалъ много замѣчательныхъ вещей. Что касается подробностей его домашней жизни, то онѣ очень живо изображены въ его письмѣ къ Гёте.

«Мы живемъ не въ Думфри, а въ 15 миляхъ къ сѣверо-западу, среди песковъ, болотъ и скалъ, которые тянутся до самаго ирландскаго моря. Въ этой каменистой пустынѣ наша ферма точно оазисъ—клочокъ отгороженной, обработанной, засѣянной земли. Здѣсь созрѣваетъ хлѣбъ и деревья даютъ тѣнь, хотя кругомъ летаютъ однѣ чайки и бродятъ стада овецъ. Здѣсь, не безъ труда, устроили мы чистенькій уютный домикъ, гдѣ, за

[1]) Изъ разсказовъ миссъ Джусбёри и различныхъ мѣстъ „Воспоминаній“ можно дѣйствительно составить цѣлую повѣсть, назидательную и забавную. Неопытной, но мужественной молодой женщинѣ приходилось всему учиться, безъ руководства, и за отсутствіемъ прислуги иногда исполнять самой всѣ работы, отъ печенья хлѣба до мытья половъ и доенія коровы.

Digitized by Google

отсутствіемъ всякихъ обязательныхъ дѣлъ, занимаемся литературой, по мѣрѣ силъ и умѣнья. Мы надѣемся на процвѣтаніе розъ и цвѣтовъ въ нашемъ саду, — на здоровье и душевное спокойствіе для осуществленія нашихъ плановъ; розы, правда, еще не посажены, но онѣ уже цвѣтутъ въ нашихъ мечтахъ. Пара пони для разъѣздовъ и горный воздухъ—лучшее лѣкарство для нервовъ. Ежедневныя прогулки служатъ намъ развлеченіемъ и отдыхомъ, потому что уголокъ нашъ—самое глухое мѣсто въ цѣлой Англіи; въ шести миляхъ отъ всякаго человѣка, которому вздумалось бы посѣтить насъ. Здѣсь Руссо чувствовалъ бы себя такъ же хорошо, какъ на своемъ островѣ. Мои городскіе друзья объясняютъ переѣздъ сюда такими-же мотивами и не сулятъ ничего добраго. Между тѣмъ, я переѣхалъ сюда съ единственной цѣлью упростить, по возможности, мой образъ жизни и добиться независимости, при которой могъ бы оставаться вѣренъ себѣ. Этотъ уголокъ нашъ; тутъ мы можемъ жить, писать, думать, какъ намъ заблагоразсудится, будь хоть самъ Зоилъ царемъ литературы. Впрочемъ, наше уединеніе не безусловно: въ наемной каретѣ легко доѣхать до Эдинбурга, который мы считаемъ англійскимъ Веймаромъ. Сверхъ того, у меня въ настоящее время разбросана по столамъ кабинета цѣлая кипа французскихъ, нѣмецкихъ, американскихъ и англійскихъ журналовъ и газетъ. И по части древностей мы не оставлены: съ одной изъ высотъ, въ днѣ пути къ западу, виднѣется холмъ, гдѣ нѣкогда стоялъ лагерь Агриколы и его римлянъ. У подножія этого холма я родился; здѣсь и до сихъ поръ живутъ мои добрые старики. Что выйдетъ отсюда—покажетъ время».

Зимой 1828 г. Карлейль писалъ де-Квинси: «такой массы нѣмецкихъ журналовъ и мистическихъ умозрѣній среди шотландскихъ торфяныхъ болотъ нельзя, я полагаю, найти ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Мы, правда, живемъ безъ общества, но, по правдѣ сказать, кто-же наслаждается этимъ благомъ? Я не встрѣчалъ ничего, стоющаго названія общества съ тѣхъ поръ, какъ родился... Мы съ женой учимся теперь по-испански, прочли уже много изъ Донъ-Кихота... Весь предстоящій годъ я намѣренъ посвятить мистическимъ обозрѣніямъ. Долженъ читать по-гречески и изучать весь міръ, потому что понимаю его часъ отъ часу меньше».

Отчужденіе отъ общества было, однако, не полное. Если по временамъ, особенно въ зимнюю пору, на ферму мѣсяца по три не заглядывало ни души человѣческой (даже нищаго) и снѣжные заносы отрѣзывали ее отъ всякаго сообщенія съ міромъ, за то

Digitized by Google

лѣтомъ иногда пріѣзжали гости: отецъ и братья Карлейля, г-жа Уэльшъ, Ирвингъ, лордъ Джеффри съ семействомъ и другіе. Если хозяева были предувѣдомлены, то всѣ нужныя мѣры принимались заранѣе. Въ случаѣ гостей неожиданныхъ, г-жа Карлейль садилась на своего пони, скакала въ городъ за провизіей, и опять-таки никто не замѣчалъ суеты или бѣдности въ ихъ хозяйствѣ. Посѣтитель, оказавшійся по душѣ, уѣзжалъ очарованный любезностью хозяевъ. Карлейль шутилъ, смѣялся, нерѣдко разсуждалъ и о близкихъ его сердцу предметахъ съ свойственнымъ ему жаромъ и краснорѣчіемъ. Посѣщенія Джеффри всего болѣе способствовали оживленію фермы. Съ Карлейлемъ онъ много спорилъ и вынесъ убѣжденіе, что тотъ упрямъ, какъ шотландецъ, безвозвратно онѣмеченъ и черезъ-чуръ радикаленъ и серьёзенъ. Несогласіе въ мнѣніяхъ, а также споры по поводу статей, привели подъ конецъ къ нѣкоторому охлажденію между пріятелями.

Во всякомъ случаѣ, гости бывали рѣдкимъ явленіемъ на фермѣ, и время проходило въ чтеніи и работѣ. «Мы были счастливы,—пишетъ Карлейль;—постоянная полезная работа и работа успѣшная можетъ даже пески превратить въ зеленѣющую равнину. Я тамъ легко могъ дѣлать вдвое больше, чѣмъ при всѣхъ усиліяхъ въ Лондонѣ». Въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ были написаны превосходные критическіе очерки: «Бёрнсъ», «Гейне», «Гёте», «Нѣмецкіе драматурги», «Вольтеръ», «Новалисъ». По окончаніи каждой работы было принято ѣздить куда-нибудь, къ роднымъ или знакомымъ. Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха снова начиналась работа. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, именно къ г-жѣ Уэльшъ, Карлейлю внезапно пришла мысль о роли одежды въ исторіи человѣчества, и нарисовался весь планъ Sartor'a, на выполненіе котораго потребовалось около года.

Критическія статьи Карлейля помѣщались въ разныхъ журналахъ, но преимущественно въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи», выходившемъ до 1831 года подъ редакціей Джеффри. Послѣдній не могъ выносить своеобразности карлейлевскаго языка и, къ великой досадѣ автора, отстаивавшаго свои произведенія также упрямо, какъ все остальное, и не всегда особенно любезно [1]), исправлялъ и передѣлывалъ ихъ на свой ладъ. Дѣйствительно, языкъ этихъ очерковъ поражаетъ знающихъ манеру Карлейля своей гладкостью и отдѣлкой. Въ 1832 г. Джеффри писалъ къ

[1]) Карлейль признается въ этомъ самъ, отдавая полную справедливость деликатности и терпѣнію Джеффри.

Digitized by Google

своему преемнику по редакторству [1]): «Карлейль, я боюсь, окажется невозможнымъ, т.-е., если вы не захотите взять на себя хлопоть, которыя бралъ я, позволяя себѣ вычеркивать и поправлять различныя мѣста его статей, по собственному усмотрѣнію. На бѣду, онъ ужасно упрямъ и, какъ мнѣ кажется, слишкомъ много о себѣ думаетъ. А жаль, потому что онъ человѣкъ до нельзя талантливый и дѣльный и могъ-бы быть увлекательнымъ и изящнымъ писателемъ».

Вопреки предсказанію, Карлейль поладилъ съ новымъ редакторомъ и сдѣлался первокласснымъ писателемъ наперекоръ языку, становившемуся «все невозможнѣе и возмутительнѣе». Впрочемъ, и до сихъ поръ критики продолжаютъ задумываться надъ его слогомъ. Обиліе сравненій, образовъ, ссылокъ, намѣковъ, вычурныхъ построеній, необыкновенныхъ словъ, передѣланныхъ изъ разныхъ языковъ, при быстрой смѣнѣ мыслей и рѣзкихъ переходахъ отъ серьёзнаго и даже вдохновеннаго тона къ шуткѣ, каррикатурѣ, или сарказму, отъ идиллической нѣжности къ громамъ, отъ мистическихъ отвлеченностей къ осязательнѣйшему реализму,—всѣ эти свойства не дѣлаютъ изъ сочиненій Карлейля легкаго чтенія, даже для англичанъ, а тѣмъ болѣе для иностранцевъ. Французами онъ усвоивается всего труднѣе; Тэнъ признается, напримѣръ, что на первыхъ порахъ Карлейль утомителенъ до-нельзя: «надо бросить книгу, или заболѣть; но со временемъ привыкаешь и убѣждаешься, что человѣкъ, у котораго мысль текла такимъ быстрымъ и бурнымъ потокомъ, а умъ былъ полонъ такимъ необыкновеннымъ запасомъ разнообразныхъ свѣдѣній, не могъ писать иначе». Нѣмцы составляютъ исключеніе: они не находятъ ничего запутаннаго или мудренаго въ этомъ слогѣ и вообще считаютъ Карлейля на половину своимъ, упорно настаивая на вліяніи ихъ писателей и философовъ на его произведенія, особенно на вліяніи Жанъ-Поля и Новалиса на духъ и форму «Sartor'a». Знаніе нѣмецкаго языка можетъ облегчить чтеніе Карлейля. Вѣроятно, благодаря языку еще болѣе, нежели туманному и мистическому содержанію, англичане позже нѣмцевъ и американцевъ поняли и оцѣнили Sartor'a, едва-ли не лучшее изъ произведеній Карлейля.

Sartor Resartus — памятникъ совершившагося въ Карлейлѣ нравственнаго переворота, страстная исповѣдь и изложеніе его

[1]) Джеффри, въ качествѣ политическаго президента Шотландіи (генералъ-адвоката), переѣхалъ въ Лондонъ. Съ прекращеніемъ его участія въ основанномъ имъ журналѣ, „Эдинбургское Обозрѣніе“ утратило значеніе оракула для литературнаго общественнаго мнѣнія, какое имѣло съ 1816 г.

Digitized by Google

основныхъ взглядовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это—единственный въ своемъ родѣ сборникъ оригинальныхъ и глубокихъ мыслей и ѣдкая сатира на современныя учрежденія и нравы. Книгѣ придана слѣдующая форма. Мнимый другъ и почитатель мнимаго нѣмецкаго профессора, Діогена Тейфельсдрёка, хочетъ познакомить англійскую публику съ его сочиненіемъ: «Одежда, ея происхожденіе и вліяніе», и, комментируя это «великое твореніе», разсматриваетъ всѣ житейскія и общественныя отношенія при свѣтѣ философіи одежды.

Точкой отправленія для Карлейля служитъ, очевидно, ученіе трансцендентальныхъ философовъ, принимающихъ весь видимый міръ за символъ или воплощеніе (земное одѣяніе) вѣчной мысли. Столкновенія мистическаго идеализма съ будничной дѣйствительностью въ государствѣ, церкви и обществѣ, и разнообразныя примѣненія «философіи одежды» къ исторіи человѣчества открываютъ обширное поле для смѣлыхъ и глубокихъ выводовъ, рядомъ съ горькими сарказмами и яркими проблесками юмора, которому Карлейль здѣсь въ первый разъ далъ волю. Въ Sartor'ѣ передъ глазами читателя проходитъ вся исторія человѣчества въ картинахъ, поразительныхъ по контрасту высокаго и жалкаго, серьёзнаго и смѣшного—рядъ призраковъ, рядъ тѣней, смѣняющихъ другъ друга, долгая исторія борьбы, пораженій и побѣдъ, блужданія въ потьмахъ и стремленія къ свѣту,—великая драма, а не комедія, потому что голосъ страданія заглушаетъ всѣ остальные.

Общій выводъ этого обзора исторіи человѣчества, впрочемъ, далеко не безотраденъ. Все измѣнчиво, все условно, все «сукно и ткань», все держится, все сцѣпляется одеждой [1]); но въ раз-

[1]) Безъ нея немыслима по *Sartor'y* цивилизованная жизнь. Что сталось бы съ парадомъ, процессіей, торжественной рѣчью, еслибъ вдругъ съ многолюднаго собранія снали всѣ покровы? Безъ всемогущества цвѣта тканей могъ ли бы, напримѣръ, человѣкъ въ красномъ сказать человѣку въ синемъ: стунай на висѣлицу,—а тотъ, „хотя овечаленный", идти и отвисѣть положенное время и служить потомъ медицинскимъ цѣлямъ? Не будь на свѣтѣ панталонъ, куда бы дѣвалъ человѣкъ кошелекъ, настоящій жизненный нервъ современнаго общества? Не одеждой ли и покроемъ опредѣляется существованіе двухъ сектъ—нарядныхъ денди и покрытыхъ рубищемъ рабовъ, со всѣми различіями правъ, нравственнаго кодекса и свойствъ (притягиванія денегъ съ одной стороны и нищети съ другой). Могъ ли бы квакеръ Джорджъ Фоксъ жить въ дуплѣ, питаться лѣсными ягодами и думать о свободѣ совѣсти безъ своего кожана?" На ряду со зломъ одежда поддерживаетъ и добро въ человѣкѣ, напр., чувство стида. Человѣкъ нагъ и жалокъ при рожденіи. Онъ долженъ купить или украсть себѣ одежду, сшить и застегнуть ее. Великъ онъ въ ту минуту, когда сознаетъ свое ничтожество и условность одѣяній; гадокъ и презрѣненъ, когда безразсудно сбрасываетъ всякую одежду; примѣръ—санкюлотизмъ французской революціи.

Digitized by Google

ныхъ покроѣхъ и одѣяніяхъ (т.-е. внѣшнихъ формахъ и символахъ) проявляются вѣчныя свойства и стремленія безсмертнаго человѣческаго духа къ совершенству. Ветхость и протертые лохти, побѣлѣвшіе швы разныхъ временныхъ воплощеній человѣческой мысли — признаки близкаго обновленія. Явится новый портной (законодатель, вождь, жрецъ, поэтъ) съ новыми покроями, (прочными или нѣтъ, смотря по ихъ цѣлесообразности), и обветшалое рубище распадется само собой. Общественный фениксъ не осужденъ сгорать до тла на кострѣ; онъ постепенно обновляется самъ собою. Когда змѣя сбрасываетъ старую кожу, новая уже готова. По мѣрѣ распаденія износившихся органическихъ волоконъ, нарождаются свѣжія, съ сохраненіемъ всѣхъ родовыхъ признаковъ. Безсмертное человѣческое *я* облечено именно такими волокнами: они—его непосредственное одѣяніе; ими опредѣляется сродство людей между собою, чувство братства и солидарности—неизмѣнный залогъ совершенствованія и благоденствія въ будущемъ. Таково содержаніе I и III книги «Sartor'a».

Авторъ книги «Одежда, ея происхожденіе и вліяніе» пришелъ къ такой «Philosophie für's Leben», т.-е. къ такимъ утѣшительнымъ и ободряющимъ заключеніямъ, не вдругъ, а постепенно, послѣ долгихъ терзаній и долгой борьбы съ сомнѣніемъ, отрицаніемъ (*сатанинымъ нѣтъ*), отчаяніемъ и равнодушіемъ. Исторія этой борьбы, постепеннаго обращенія къ *сатанинскому да* или къ новой вѣрѣ: любви къ ближнему, сознанію труда и долга (въ которомъ Гёте играетъ тоже выдающуюся роль), составляетъ предметъ II-й книги. Мнимый издатель считаетъ необходимымъ познакомить публику съ біографіей нѣмецкаго ученаго, чтобы облегчить пониманіе всѣхъ особенностей его міросозерцанія и «широкихъ интуитивныхъ обобщеній» его пространнаго трактата, «далеко не отличающагося послѣдовательностью и ясностью изложенія». «Нить къ его философскому ученію надо искать въ индивидуальности мыслителя». За вѣрность сообщенныхъ ему свѣдѣній онъ, однако, не ручается: жизнеописаніе это можетъ быть *іероглифическимъ*, а не настоящимъ.

Іероглифы жизнеописанія Діогена Тайфельсдрёка представляютъ удивительныя, по разнообразію и поэтической прелести, картины. Предѣлы статьи не позволяютъ входить въ подробности II книги «Sartor'a». По ней недавно было принято читать и, какъ оказывается не безъ основанія, подлинную исторію не только внутренняго развитія, но и внѣшнихъ событій дѣтства и молодости Карлейля.

Digitized by Google

Первыя главы—настоящая «идиллія», очаровательная и поразительно-нѣмецкая во всѣхъ подробностяхъ [1]). Будущій авторъ философіи одежды, «Гнесхенъ» растетъ въ атмосферѣ любви и заботливости пріемныхъ родителей, въ убогомъ домикѣ мѣстечка Энтенфуль. Почтенные старики и тихій Энтенфуль, утонувшій въ зелени на скатѣ холма, съ свѣтлой рѣчкой и зеленой липой на площади, куда собирается старъ и младъ, нарисованъ художественно. Со стѣнъ отцовскаго сада мечтательный мальчикъ жадно смотритъ на зарево солнечнаго заката, въ тихій вечеръ, когда смолкаетъ дневная суета и стадо медленно возвращается домой подъ звуки пастушьихъ рожковъ. Природа для него полна тайнъ. Онъ любитъ бродить по берегамъ свѣтлой рѣчки, спрашивая, куда она бѣжитъ и откуда, и давно ли? Любитъ слушать разсказы стариковъ и прохожихъ и отъ нихъ узнаетъ, что Энтенфуль не есть конецъ міра, и что всякая дорога ведетъ куда угодно. Вечеромъ родители смиренно молятся, и глубокое благоговѣніе закрадывается въ душу ребенка при видѣ того, какъ люди, выше и лучше которыхъ нѣтъ въ его понятіяхъ, повергаются предъ существомъ еще высшимъ и лучшимъ. Слѣдующій отдѣлъ посвященъ педагогіи. Мальчика отводятъ въ школу и онъ у городской заставы впервые сталкивается съ дѣйствительностью въ образѣ обезумѣвшей отъ ужаса собаки, къ хвосту которой мальчики для потѣхи привязали жестяной кошикъ. Гнесхенъ тоскуетъ вдали отъ дома; маленькіе варвары—товарищи его вугаютъ. Онъ получаетъ кличку плаксы. (Слѣдуютъ замѣчанія объ учителяхъ педантахъ и невѣждахъ и польза школъ, руководимыхъ ими). Безъ сношеній съ честными ремесленниками и безъ книгъ, Діогенъ бы пропалъ. Въ университетѣ происходитъ то же. Представители науки, разъ пустивши въ ходъ мельничное колесо своей репутаціи, складываютъ съ себя всякую заботу и даютъ алчущему юношеству глотать «восточный вѣтеръ», вмѣсто духовной пищи. Діогенъ зубритъ и читаетъ; его волнуютъ мысли и вопросы. Далѣе мы видимъ молодого человѣка, вышедшаго на дорогу, въ борьбѣ съ бурными сомнѣніями, съ нуждой и голодомъ, и въ поискахъ за кускомъ хлѣба. Четвертая серія картинъ—любовь: *онъ* съ пламенной неопытной душой, и *она*, Блюмина, «царица цвѣтовъ», «царица сердецъ». Послѣ

---

[1]) Томъ Sartor'a вообще выдержанъ въ этомъ отношеніи до того, что иные рецензенты приходили въ недоумѣніе—нѣмецъ-ли это пишетъ или англичанинъ; не простой ли это переводъ?

Digitized by Google

первыхъ проблесковъ взаимности, происходитъ драма: одинъ близкій другъ Діогена дѣлается женихомъ Блюмины. Діогенъ прощается съ «царицей цвѣтовъ». Его отчаянія нельзя замѣтить ни по лицу, ни по голосу, ни по разговору; но его терзаетъ нестерпимая тоска: онъ беретъ посохъ и отправляется «писать свои страданья подошвами на молчаливой землѣ» — единственный, по его мнѣнію, достойный способъ выраженія скорби. Человѣкъ, какъ хорошая печь, обязанъ сжигать свой дымъ внутри себя. Слѣдуетъ живописный альбомъ странствованій Діогена. Въ Швейцаріи его внезапно поражаетъ видѣніе: «царица цвѣтовъ» катитъ мимо съ молодымъ супругомъ, безпечно кивнувъ головой остолбенѣвшему путнику. Онъ обходитъ весь міръ, изучаетъ всѣ книги, думаетъ свою думу днемъ и среди ночной тишины, тщетно отыскивая покоя и отвѣта на проклятые вопросы. Наконецъ, какъ уже извѣстно, онъ находитъ то и другое въ убѣжденіи, что цѣль человѣческаго бытія *не мысль*, а *дѣло*, и именно то дѣло, которое находится непосредственно подъ руками. Затѣмъ мы видимъ Тейфельсдрёка профессоромъ «предметовъ вообще» при университетѣ города Вейсихта, гдѣ онъ живетъ мудрецомъ и чудакомъ, пишетъ свое знаменитое сочиненіе объ одеждѣ и откуда въ одинъ прекрасный день исчезаетъ безслѣдно, — издатель надѣется не навсегда.

Просмотрѣвъ окончательно рукопись, Карлейль въ августѣ 1831 года поѣхалъ въ Лондонъ искать издателя. Но всѣ, къ кому онъ обращался, отвергли его произведеніе на основаніи нелестныхъ отзывовъ оцѣнщиковъ литературнаго товара. Дурной пріемъ, оказанный его любимому творенію, сильно огорчилъ его. «Я усталъ таскать мою бѣдную тетрадь по рынкамъ. Пусть она полежитъ до лучшихъ дней», пишетъ онъ осенью, вызывая жену въ Лондонъ. Годъ спустя «Sartor» началъ появляться по частямъ въ журналѣ Фрэзера, причемъ рукопись была снова перечитана и переправлена авторомъ; только въ 1837 г. сочиненіе вышло отдѣльной книгой. Въ Америкѣ она была напечатана годомъ раньше и имѣла громадный успѣхъ. Въ Англіи находили, на первыхъ порахъ, что у автора нѣтъ чувства мѣры въ парадоксахъ; что книга слишкомъ туманна и тяжеловѣсна, и даже что это «бессвязный бредъ» и «сборъ наглыхъ нелѣпостей». Всѣ сходились въ мнѣніи, что избытокъ геніальности и нѣмецкаго чтенія свелъ автора съ ума. Даже Миллъ, который впослѣдствіи такъ восхищался «Sartor'омъ», не сразу оцѣнилъ его.

Съ пріѣздомъ жены въ Лондонъ, печальное настроеніе духа

Digitized by Google

Карлейля разсѣялось. Онъ на время измѣнилъ своимъ привычкамъ, не чуждался людей, бывалъ въ обществѣ. Близость съ Миллемъ и многими другими литературными знаменитостями началась съ этихъ поръ. Въ январѣ 1832 г. Карлейля страшно поразила смерть отца. Въ это время былъ написанъ очеркъ «Джемсъ Карлейль», не предназначавшійся для печати. Оправившись, онъ занялся этюдомъ «о Джонсонѣ». Обстановка временной квартиры въ столицѣ была самая мизерная; съ трудомъ отыскался неразшатанный столъ, на которомъ можно было писать. Очеркъ интересенъ, какъ мастерская характеристика честнаго чудака Джонсона и его преданнаго друга Босвеля. Для пониманія Карлейля-историка, здѣсь есть любопытная страница, гдѣ онъ говоритъ о значеніи біографій вообще и ихъ значеніи для исторіи въ частности. «Нѣтъ ничего поучительнѣе вѣрнаго изображенія жизни человѣка; для біографій всего менѣе слѣдуетъ скупиться на чернила», говоритъ онъ. Разсуждая объ обычныхъ способахъ писать исторію, онъ замѣчаетъ: «Безконечныя старыя хроники и новѣйшія историческія сочиненія съ философскимъ направленіемъ (причемъ, философія сидитъ на крышѣ, подобно совѣ, испуская, съ надлежащей торжественностью, свой монотонный крикъ и ничего не видя и не слыша) не могутъ быть названы исторіей. Какая возможность познакомиться при этихъ условіяхъ съ исчезнувшими и мертвыми, но все еще дорогими братьями; видѣть, какъ они въ свое время жили, страдали и дѣйствовали; съ какимъ успѣхомъ и при какихъ обстоятельствахъ боролись они съ діаволомъ, низвергали его или были низвергнуты; словомъ—вникнуть въ смыслъ той вѣчной борьбы, которую люди называютъ жизнью, той борьбы, которую и намъ суждено испытать со всѣми шансами побѣдъ и пораженій, уступая поле сраженія сыновьямъ и внукамъ?» Подобныя сужденія о задачахъ исторіи встрѣчаются у Карлейля довольно часто, и эти взгляды не только проводились имъ самимъ, но и нашли многочисленныхъ послѣдователей въ талантливыхъ современныхъ историкахъ. Прескоттъ, Фриманъ и Фрудъ усвоили себѣ его манеру.

Мысли Карлейля стали все больше останавливаться на исторіи (статья «On History» написана въ 1830 г.), какъ на области положительныхъ конкретныхъ фактовъ, дававшей вмѣстѣ съ тѣмъ полный просторъ чувству—для него условіе непремѣнное. Какъ литературный критикъ, онъ уже доказалъ, что страстная симпатія способна служить торжеству справедливости и правды, и, какъ историкъ, намѣревался слѣдовать по тому-же пути.

Digitized by Google

Однимъ изъ огорченій супругомъ въ Лондонѣ была судьба Ирвинга. Въ своей проповѣди о новомъ пришествіи Христа на землю для спасенія людей Ирвингъ постепенно переходилъ отъ переноснаго смысла къ буквальному, на почву пророчествъ и чудесъ [1]). Карлейль не переставалъ горячо любить своего друга и въ это время не считалъ его еще безвозвратно погибшимъ. А потому, въ одно изъ рѣдкихъ посѣщеній Ирвинга, рѣшилъ собраться съ духомъ и выставить ему всю ложность его пути. Ирвингъ долго слушалъ молча, опустивъ голову (причемъ, на блѣдномъ и худомъ лицѣ его выражалось большое страданіе), затѣмъ, съ величайшей кротостью, сталъ защищать свою мысль и, кончивъ, ушелъ тотчасъ. Его прощаніе было какъ-то особенно печально и дружелюбно.

Весной супруги вернулись на ферму, и Карлейль снова принялся за интересовавшее его,—но противное его душѣ: «жалкое», «измотавшееся» «изолгавшееся»—XVIII столѣтіе. Нѣмцевъ онъ оставилъ [2]) и перешелъ къ французамъ, причемъ его занимали не столько творенія писателей, сколько ихъ отношеніе къ исторіи французской революціи. Статья о Вольтерѣ была первымъ выраженіемъ возникшаго въ немъ новаго ряда мыслей. Вольтера онъ не долюбливалъ за недостатокъ серьёзности и глу-

---

[1]) Популярность завлекала Ирвинга все далѣе и далѣе. При видѣ избранной публики, тѣснившейся вокругъ его каѳедры, передъ нимъ однажды „разверзлось небо", его осѣнила радостная, искренняя увѣренность, что христіанская религія сдѣлается снова живой истиной, а не мертвой формой, и будетъ царить надъ міромъ; а онъ, недостойный, будетъ однимъ изъ апостоловъ этой новой эры. Мало-по-малу онъ началъ придавать прежней мистической проповѣди нѣчто осязательное, т.-е. говорить о дѣйствительномъ пришествіи Христа. Горькое разочарованіе постигло его вскорѣ—избранное общество къ этой проповѣди отнеслось скептически—но отказаться отъ любимой мечты онъ уже не могъ, какъ не могъ отказаться отъ восторженныхъ слушателей. Жена подталкивала его на опасный путь, Карлейль предостерегалъ и убѣждалъ — напрасно. Когда высшій кругъ осталъ къ его проповѣди, Ирвингъ безсознательно началъ говорить языкомъ, пріятнымъ менѣе разборчивой публикѣ, впалъ въ явную *ересь* и былъ отлученъ отъ церкви. Спускаясь все ниже и ниже до уровня пошлыхъ ханжей и юродивыхъ съ пророчествами, видѣніями, и т. д., Ирвингъ, истерзанный, полусумасшедшій, умеръ 1834 г. За нѣсколько дней до смерти онъ сказалъ одному изъ близкихъ друзей: „мнѣ слѣдовало не разлучаться съ Карлейлемъ. Его совѣты, порицанія и похвала были всегда справедливы. Мало людей съ такимъ вѣрнымъ взглядомъ".

[2]) 1832 г. былъ годомъ смерти Гёте. Небольшая статья о немъ—послѣднее, что Карлейль написалъ о нѣмецкой литературѣ. Его усилія популяризовать ее въ Англіи не прошли даромъ. Въ 1830 г. онъ писалъ Гёте: „Знаніе и любовь къ нѣмецкой литературѣ быстро проникаютъ всюду, гдѣ говорятъ по-англійски. Даже Оксфордъ и Кембриджъ, оплоты инсулярной исключительности, начинаютъ сдаваться".

Digitized by Google

бины, слишкомъ поверхностное отношеніе къ жизни, безвѣріе и слишкомъ легкую и постоянную насмѣшку. Карлейль умѣетъ конечно отдавать должное его генію, вліянію и личному характеру, но все-таки замѣчаетъ, что Вольтеръ былъ только сыномъ своего вѣка и, соединяя въ одномъ лицѣ своемъ всѣ качества, умственныя и нравственныя, наиболѣе цѣнимыя и симпатичныя въ его время, не руководилъ цѣлымъ обществомъ, а только велъ его куда хотѣло идти большинство. Въ очеркѣ «Дидро», послѣднемъ написанномъ на шотландской почвѣ, необыкновенно живо представлена личность французскаго философа «въ его блужданіяхъ по распутіямъ недобропорядочности», а также смыслъ и значеніе его философскаго ученія, къ которому Карлейль не можетъ относиться сочувственно, такъ-какъ ему всегда нужно созиданіе новаго рядомъ съ разрушеніемъ стараго. Онъ касается здѣсь и просвѣтительнаго вліянія энциклопедистовъ, вліянія мимолетнаго и безплоднаго, по его мнѣнію, потому что они выхватили изъ цѣлаго міра одни диссонансы, пренебрегая гармоніями; а плодотворны и велики бываютъ не эпохи безвѣрія и отрицанія, а эпохи вѣры и положительныхъ началъ.

Задумавъ написать исторію французской революціи, Карлейль желалъ преимущественно выяснить причины ея возникновенія и еще болѣе—причины ея пораженія въ лицѣ наполеоновской диктатуры. Матеріалъ, которымъ онъ располагалъ на фермѣ, сдѣлался вскорѣ недостаточнымъ для его цѣли. Нужны были столичныя библіотеки и общеніе съ людьми, тѣмъ болѣе, что, при изученіи соціальнаго положенія прошлаго вѣка, ему упорно навязывались вопросы, волновавшіе современную Англію (доказательствомъ могутъ служить, кромѣ нѣсколькихъ страницъ въ «Sartor», статьи «Signs of the Times» и «Characteristics», написанныя около того же времени). Переѣздъ въ Лондонъ былъ, впрочемъ, рѣшенъ не сразу. Еслибы можно было прожить журнальными статьями и еслибы редакторы держали свои обѣщанія, пребываніе на фермѣ затянулось-бы на болѣе продолжительный срокъ. Но при данныхъ условіяхъ жить становилось тяжело, тѣмъ болѣе, что состояніе здоровья г-жи Карлейль (она начала страдать «ужасными» припадками головной боли) затрудняло ей хлопоты по хозяйству, особенно зимой и при плохой прислугѣ. Зиму 1832—33 г. супруги провели въ Эдинбургѣ, который, безъ прежнихъ друзей и послѣ горизонтовъ, открывшихся въ Лондонѣ, произвелъ на нихъ тягостное впечатлѣніе. Было еще одно обстоятельство, повліявшее на переѣздъ въ столицу, именно отказъ

Digitized by Google

Джеффри хлопотать о мѣстѣ для Карлейля при эдинбургской обсерваторіи. По своему математическому образованію, Карлейль считалъ себя способнымъ занять это мѣсто, видѣлъ въ немъ матеріальное обезпеченіе и былъ огорченъ отказомъ, въ которомъ, однако, впослѣдствіи признавалъ «перстъ Провидѣнія». Итакъ, къ великой и откровенно-высказываемой радости г-жи Карлейль, весной 1834 г. было рѣшено переѣхать въ Лондонъ на житье и окончательно оставить ферму.

А. С.

Digitized by Google

МОДЕСТЪ ПЕТРОВИЧЪ

МУСОРГСКІЙ

Біографическій очеркъ.

У насъ все любятъ откладывать, особенно то, что поважнѣе. Сюда я причисляю біографіи замѣчательныхъ людей русскихъ: онѣ, въ большинствѣ случаевъ, блещутъ въ нашей литературѣ своимъ отсутствіемъ, совсѣмъ наоборотъ противъ литературъ иностранныхъ, отличающихся необыкновеннымъ уваженіемъ къ талантливымъ людямъ и потребностью сохранять ихъ память. У насъ слишкомъ часто, что хочешь—все самое важное—трынъ-трава, и люди, которые могли бы сообщить много интереснаго, можетъ быть, даже важнаго, объ усопшихъ значительныхъ дѣятеляхъ, замыкаются въ упорное молчаніе: по ихъ мнѣнію, это признакъ скромности, благоразумія и солидности. «Поспѣемъ!» говоритъ обыкновенно большинство. «Не я, такъ другой, кто-нибудь сдѣлаетъ. А если и вовсе ничего не будетъ, чтожъ за важность!» И вслѣдствіе такой логики, наше отечество такъ скудно свѣдѣніями о самыхъ выдающихся, по таланту и творчеству, сынахъ своихъ, какъ ни одна земля въ Европѣ. Сначала тянутъ и медлятъ, потомъ окончательно забываютъ, а позже не остается никакой возможности собрать не только устные какіе-нибудь разсказы, но даже письма того историческаго русскаго человѣка, который, навѣрное, заслуживалъ бы лучшей участи. Какая печальная система, какая недостойная привычка!

Мнѣ было бы слишкомъ больно, чтобъ подобное случилось и съ Мусоргскимъ, котораго я зналъ въ продолженіе почти чет-

Digitized by Google

верти столѣтія, и у котораго привыкъ давно цѣнить и глубоко уважать не только крупный, оригинальный талантъ, но и всю прекрасную, свѣтлую личность. Поэтому я постарался собрать отъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ Мусоргскаго всѣ, доступные въ настоящее время извѣстные и письменные матеріалы, касающіеся этого замѣчательнаго человѣка, и надѣюсь оказать, изданіемъ ихъ въ свѣтъ, услугу всѣмъ, цѣнящимъ русскую самобытную талантливость. Мнѣ пріятно, при этомъ случаѣ, набросать, хотя бы въ краткихъ чертахъ, физіономію того талантливаго музыкальнаго кружка, къ числу замѣчательнѣйшихъ членовъ котораго Мусоргскій принадлежалъ, и который, съ самаго своего появленія у насъ, привлекъ къ себѣ столько горячихъ симпатій съ одной стороны, и столько злобныхъ насмѣшекъ и преслѣдованій съ другой. Ждать нечего, да и незачѣмъ.

I.

Модестъ Петровичъ Мусоргскій родился 16 марта 1839 года, въ имѣніи своихъ родителей, селѣ Каревѣ, торопецкаго уѣзда, псковской губерніи. Здѣсь онъ провелъ первыя свои 10 лѣтъ, и на всю жизнь остался подъ глубочайшимъ впечатлѣніемъ той народной жизни, тѣхъ сценъ и типовъ, которые окружали его молодость. Большинство лучшихъ его созданій, романсовъ и оперныхъ сценъ, воспроизводитъ народные, по преимуществу крестьянскіе, типы, мотивы и сцены. Вспомнимъ его романсы: «Калистратъ», «Колыбельная» изъ «Воеводы» Островскаго, «Савишна», «Семинаристъ», «По грибы», «Пирушка», «Стрекотунья-бѣлобока», «Озорникъ», «Сиротка», «Колыбельная Еремушки», «Раекъ», «Трепакъ»—и вмѣстѣ лучшія сцены изъ трехъ его оперъ: «Борисъ Годуновъ», «Хованщина», «Сорочинская ярмарка»;—вездѣ главную роль играетъ русскій народъ, деревня, мужикъ, баба, дьячокъ, семинаристъ, монахъ, попъ, всѣ они созданы для олицетворенія задачъ національныхъ. Въ нихъ присутствуетъ та искренность, та правда, то непосредственное чувство, которыхъ не почерпнуть ни изъ какихъ книгъ, ни изъ какихъ изученій издалека. Надо было самому среди всего этого родиться, все это увидать собственными глазами и услыхать собственными ушами, надо было все это перечувствовать не съ чужихъ словъ, а собственною душою. Впослѣдствіи, въ періодъ между 20-ми, 30-ми годами своей жизни, Мусоргскій часто проводилъ цѣлое лѣто въ деревнѣ, у родныхъ или знако-

Digitized by Google

ныхъ, и (какъ мы увидимъ изъ его писемъ) всегда пристально продолжалъ всматриваться здѣсь въ черты, характеръ и всяческія проявленія народной жизни, всего болѣе на свѣтѣ для него дорогой и любезной. Въ этомъ, уже вполнѣ сознательномъ, изученіи окончательно окрѣпнули національные задатки, заложенные въ него впечатлѣніемъ самой ранней молодости. «Въ отроческихъ и юношескихъ своихъ годахъ, а потомъ и въ зрѣломъ возрастѣ,—пишетъ мнѣ Фил. Петр. Мусоргскій,—братъ Модестъ всегда относился ко всему народному и крестьянскому съ особенною любовью и считалъ русскаго мужика *настоящимъ человѣкомъ*». Другими, столько же глубокими и сильными впечатлѣніями этого періода его жизни были впечатлѣнія дѣтской и няни. У большинства людей эти впечатлѣнія пропадаютъ безслѣдно, и лишь у немногихъ оставляютъ поэтическое и умиленное воспоминаніе, на столько сильное, что оно не покидаетъ человѣка даже въ годы его зрѣлости. У Мусоргскаго они запали въ душу на всю жизнь съ несокрушимой силой, и впослѣдствіи, въ лучшую эпоху его творчества, дали мотивы для цѣлаго ряда необыкновенно своеобразныхъ, поэтическихъ и совершенныхъ созданій, подъ названіемъ: «Дитя съ нянней», «Въ углу», «Съ куклой», «На сонъ грядущій», «Жукъ», «Поѣздка на палочкѣ въ Парголово», сцена съ нянней въ «Борисѣ Годуновѣ». «Няня,—разсказываетъ Мусоргскій въ своей краткой автобіографіи,—близко познакомила меня съ русскими сказками, и отъ нихъ я иногда не спалъ по ночамъ. Онѣ были тоже главнымъ импульсомъ къ музыкальнымъ импровизаціямъ на фортепьяно, въ то время, когда я не имѣлъ еще понятія о самыхъ элементарныхъ правилахъ игры на фортепьяно».

Собственно музыкой Мусоргскій началъ заниматься очень рано. Мать его Юлія Ивановна (урожд. Чирикова) стала давать ему сама первые уроки на фортепьяно; впослѣдствіи ея мѣсто заняла фортепьянная учительница, нѣмка. «Дѣло пошло такъ успѣшно,—разсказываетъ автобіографія,—что уже на 7-лѣтнемъ возрастѣ Мусоргскій игралъ небольшія сочиненія Листа, а на 9-лѣтнемъ, при большомъ обществѣ, въ домѣ родителей, онъ сыгралъ большой концертъ Фильда». Отецъ его, Петръ Алексѣевичъ Мусоргскій, обожавшій музыку, рѣшилъ развить способности ребенка. Въ августѣ 1849 года Модестъ Мусоргскій, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Филаретомъ, былъ привезенъ отцомъ въ Петербургъ и отданъ въ петропавловскую школу. Въ это же время, будучи 10 лѣтъ, онъ сталъ брать уроки на фортепьяно у Герке, знаменитаго тогда въ Петербургѣ фортепьяннаго учи-

Digitized by Google

теля и отличнаго піаниста. Дѣло пошло съ необыкновеннымъ успѣхомъ, такъ что, когда однажды Мусоргскій, будучи 12 лѣтъ, сыгралъ концертное Rondo Герца въ домашнемъ концертѣ, съ благотворительною цѣлью, у штатсъ-дамы Рюминой, знакомой ихъ семейства, впечатлѣніе, произведенное маленькимъ музыкантомъ, было таково, что Герке, всегда очень строгій въ оцѣнкѣ своихъ учениковъ, подарилъ этому своему ученику As-Dur'ную сонату Бетховена. Въ августѣ 1852 года Мусоргскій поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, пробывъ передъ тѣмъ годъ въ приготовительномъ пансіонѣ Комарова, помѣщавшемся въ измайловскомъ полку. Фортепьянные уроки у Герке продолжались и въ юнкерской школѣ, а когда Мусоргскій, будучи тутъ въ 4-мъ классѣ, вздумалъ попробовать свои сочинительскія силы (не имѣя, впрочемъ, ни малѣйшаго понятія о музыкальной граматикѣ) и написалъ маленькую фортепьянную пьесу: «Porte-enseigne Polka», то Герке съ удовольствіемъ занялся ея изданіемъ. Впрочемъ, въ краткомъ спискѣ сочиненій, написанномъ въ 1871 году по просьбѣ Л. И. Шестаковой, Мусоргскій отзывается объ этомъ сочиненіи слѣдующимъ образомъ: «Первымъ сочиненіемъ, къ прискорбію автора напечатаннымъ у Бернарда, въ 1852 году, была «Porte-enseigne Polka», посвященная товарищамъ по юнкерской школѣ (автору было 13 лѣтъ)». Однимъ изъ товарищей его въ школѣ былъ М. П. Аванчевскій, впослѣдствіи директоръ петербургской консерваторіи. «Находясь въ юнкерской школѣ,—сообщаетъ мнѣ Фил. Петр. Мусоргскій,—мой братъ игралъ на фортепьяно много, но послѣдніе два года бралъ у Герке уроки только уже по разу въ недѣлю, по субботамъ. За то онъ постоянно присутствовалъ при урокахъ музыки, даваемыхъ Герке дочери генерала Сутгофа, директора юнкерской школы, и часто игралъ у него. Учился онъ въ школѣ очень хорошо, былъ постоянно въ первомъ десятѣ учениковъ; съ товарищами былъ очень близокъ, былъ ими вообще любимъ и познакомился съ семействомъ многихъ изъ нихъ числа (какъ, напримѣръ, съ Евреиными, Кругликовыми, Смѣльскими). Читалъ онъ очень много, особливо всего историческаго; будучи въ старшихъ классахъ, читалъ также съ увлеченіемъ нѣмецкихъ философовъ [1]); одно время онъ усердно занимался переводомъ, съ нѣмецкаго на русскій, Лафатера».

Въ преображенскомъ полку, куда Мусоргскій поступилъ изъ

[1]) Нѣмецкому языку онъ хорошо выучился еще въ петропавловской школѣ, гдѣ также довольно изрядно учился и латинскому языку.

Digitized by Google

школы въ 1856 году, онъ нашелъ нѣсколько офицеровъ, любившихъ музыку и усердно ею занимавшихся. Тутъ были и пѣвцы, и піанисты. Къ первымъ принадлежалъ нѣкто Орфано, довольно пріятный баритонъ, ко вторымъ—Орловъ, носившій названіе «маршеваго музыканта», потому что особенно любилъ военные марши, и Ник. Андр. Оболенскій, изрядный піанистъ, которому Мусоргскій посвятилъ тогда же маленькую ф.-п. свою пьесу, уцѣлѣвшую и до сихъ поръ въ рукописи. Она озаглавлена такъ: «Souvenir d'enfance. A son ami Nicolas Obolensky. 16 октября 1857» [1]). Наконецъ, тутъ же, въ числѣ товарищей офицеровъ находился Григ. Алекс. Демидовъ, впослѣдствіи композиторъ романсовъ и въ 1860-хъ годахъ инспекторъ классовъ петербургской консерваторіи. Со всѣми этими музыкальными товарищами Мусоргскій часто встрѣчался и они занимались музыкой. При этомъ у нихъ нерѣдко происходили самые горячіе споры и схватки изъ-за музыки: несмотря на то, что и самъ онъ частенько ходилъ въ итальянскій театръ и игралъ отрывки изъ итальянскихъ оперъ, Мусоргскій уже и тогда (какъ мнѣ разсказывалъ одинъ изъ этихъ офицеровъ) начиналъ не любить итальянскую музыку и за нее нападалъ на своихъ товарищей преображенцевъ, разумѣется, безусловныхъ поклонниковъ модной музыки и моднаго пѣнія. Онъ и самъ еще немного зналъ хорошей музыки, и «Русланъ», и Жизнь за Царя», и «Русалка» были ему неизвѣстны, но онъ, по крайней мѣрѣ, ссылался на ту музыку, гораздо выше итальянской, какую успѣлъ узнать отъ Герке: онъ ревностно указывалъ товарищамъ на Моцартова «Донъ-Жуана», на дуэтъ и разные другіе нумера оттуда, какъ на образцы «настоящей и хорошей музыки».

Къ числу любопытныхъ подробностей этого періода жизни Мусоргскаго принадлежитъ еще то, что̀ мы читаемъ въ его маленькой автобіографіи: «Будучи въ школѣ,—пишетъ онъ,—М. часто посѣщалъ законоучителя, священника Крупскаго, и успѣлъ, благодаря ему, проникнуть въ самую суть древне-церковной музыки, греческой и католической».

Къ первому времени военной службы Мусоргскаго принадлежитъ встрѣча его съ однимъ юношей, впослѣдствіи великимъ его пріятелемъ и товарищемъ по музыкальному дѣлу, А. П. Бородинымъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Мусоргскомъ, написан-

[1]) Раньше этой фортепьянной пьесы Мусоргскимъ было предпринято, впрочемъ, неудачно, сочиненіе цѣлой оперы. Онъ говоритъ въ спискѣ своихъ сочиненій: „1856. Попытка оперы на сюжетъ Виктора Гюго: "Han d'Islande". Ничего не вышло, потому что и не могло выйти. Автору было 17 лѣтъ".

Digitized by Google

ныхъ по моей просьбѣ, А. П. Бородинъ сообщаетъ нѣсколько очень живыхъ и любопытныхъ подробностей объ этой эпохѣ. «Первая моя встрѣча съ М. П. Мусоргскимъ,—разсказываетъ онъ, — была въ 1856 году, кажется осенью, въ сентябрѣ или октябрѣ. Я былъ свѣже-испеченный военный медикъ и состоялъ ординаторомъ при 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ (на Выборгской); Мусоргскій былъ офицеръ преображенскаго полка, только-что вылупившійся изъ яйца [1]). Наша встрѣча произошла въ госпиталѣ, въ дежурной комнатѣ. Я былъ дежурнымъ врачомъ, онъ—дежурнымъ офицеромъ. Комната была общая; скучно было на дежурствѣ намъ обоимъ; экспансивны мы были оба: понятно, что мы разговорились и очень скоро сошлись. Вечеромъ того же дня насъ обоихъ пригласили на вечеръ къ главному доктору госпиталя, Попову, у котораго была взрослая дочь, значитъ, часто давались вечера, куда приглашались дежурные врачи и офицеры. Мусоргскій былъ тогда совсѣмъ «мальчонокъ», очень изящный, точно нарисованный офицерикъ: мундирчикъ съ иголочки, въ обтяжку, ножки вывороченныя, волоса тщательно приглаженныя, припомаженныя, почти точно выточенныя, руки выхоленныя, совсѣмъ барскія. Манеры у него были изящныя, аристократическія, разговоръ такой же, немного сквозь зубы, пересыпанный французскими фразами, нѣсколько вычурными. Даже нѣкоторый оттѣнокъ фатоватости, но очень умѣренной. Вѣжливость и благовоспитанность—необычайныя. Дамы ухаживали за нимъ. Онъ сидѣлъ за фортепьяно и, вскидывая кокетливо руками, игралъ весьма сладко и граціозно отрывки изъ «Trovatore», «Traviata»; кругомъ него жужжали хоромъ: «Charmant! Délicieux!» При такой обстановкѣ я встрѣчался съ Мусоргскимъ раза три, четыре, у Попова и на дежурствѣ въ госпиталѣ. Вслѣдъ затѣмъ я долго не встрѣчался съ Мусоргскимъ, такъ какъ Поповъ вышелъ, вечера у него прекратились, а я пересталъ дежурить въ госпиталѣ, такъ какъ сдѣлался ассистентомъ при каѳедрѣ химіи въ медико-хирургической академіи».

Зимою того же 1856 года одинъ изъ товарищей по полку, Ѳ. А. Вандлярскій, познакомилъ его съ Даргомыжскимъ. Сразу оцѣнивъ не только блестящую фортепьянную игру Мусоргскаго, но и его еще болѣе блестящія музыкальныя способности, Даргомыжскій тотчасъ сблизился съ нимъ. Даргомыжскій былъ въ ту минуту самымъ крупнымъ представителемъ музыкальнаго дѣла въ Россіи. Глинка былъ за-границей, и немного мѣсяцевъ спустя,

[1]) А. П. Бородину было тогда 22 года, М. П. Мусоргскому—17 лѣтъ.

Digitized by Google

въ февралѣ 1857 года, умиралъ въ Берлинѣ, давно уже переставъ создавать тѣ великія вещи, которыя сдѣлали его имя безсмертнымъ. Новая русская музыкальная школа еще не выступала впередъ. Даргомыжскій же только-что поставилъ на сцену свою «Русалку», первое крупное свое произведеніе, и, какъ единственный истинный музыкантъ того времени, привлекалъ къ себѣ лучшія музыкальныя силы, начинавшія возникать среди русской молодежи. Раньше всѣхъ другихъ появился у него Мусоргскій, и искренно привязался къ Даргомыжскому, который долженъ былъ впослѣдствіи имѣть на него такое сильное вліяніе. Даргомыжскій былъ въ то время въ состояніи самаго сильнаго раздраженія. Сознавая ту талантливость и ту новизну самобытнаго направленія, которое онъ вложилъ въ свою оперу «Русалка», онъ, конечно, имѣлъ все право разсчитывать на успѣхъ. Но успѣха этого не послѣдовало, онъ былъ болѣе, чѣмъ умѣренный. Горько уязвленный въ своемъ самолюбіи, а оно было у него громадное, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, Даргомыжскій писалъ одной энтузіастной своей почитательницѣ, старавшейся успокоить и утѣшить его: «Я не заблуждаюсь. Артистическое положеніе мое въ Петербургѣ не завидное. Большинство нашихъ любителей музыки и газетныхъ писакъ не признаетъ во мнѣ вдохновенія. Рутинный взглядъ ихъ ищетъ льстивыхъ для слуха мелодій, за которыми я не гонюсь. Я не намѣренъ снизводить для нихъ музыку до забавы. Хочу, чтобъ звукъ прямо выражалъ слово. Хочу правды. Они этого понять не умѣютъ. Отношенія мои къ здѣшнимъ знатокамъ и бездарнымъ композиторамъ еще болѣе грустны, потому что двусмысленны. Уловка этихъ господъ извѣстна: безусловно превозносить произведенія умершихъ, чтобы не отдавать справедливости современнымъ. Это ведется съ давнихъ временъ. Притомъ неуваженіе ко мнѣ дирекціи даетъ имъ сильныя противъ меня оружія. Сколько выслушиваю я нелестныхъ намековъ, но привыкъ и холоденъ къ нимъ» («Русская Старина», 1875, т. XIII, стр. 422). Глубоко огорченный, несмотря на весь наружный, вполнѣ притворный свой стоицизмъ, сильно скучающій отъ невольнаго бездѣйствія, такъ-какъ крылья у него въ это время совсѣмъ опустились, неудовлетворяемый концертами («послѣ театра, послѣ драматической оперной музыки они для меня скучны», писалъ онъ той же поклонницѣ своей), Даргомыжскій находилъ утѣшеніе и развлеченіе лишь въ средѣ того музыкальнаго кружка, который давно уже примкнулъ къ нему. «Еслибъ вы знали,—пишетъ онъ,—какъ я спокойно и пріятно провожу время дома въ немногочисленномъ, но взаимно-искреннемъ и

Digitized by Google

преданномъ искусству кружкѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ моихъ ученицъ и нѣсколькихъ талантливыхъ любителей пѣнія. Русская музыка исполняется у насъ просто, дѣльно, безъ всякой вычурной эффектности. Однимъ словомъ, исполненіе такое, какое любилъ покойный нашъ другъ Михаилъ Ивановичъ» (Глинка). («Русск. Стар.», т. XIII, стр. 426). Вотъ въ среду этого кружка и вступилъ Мусоргскій въ зиму съ 1856 на 1857 годъ. Правда, въ одномъ письмѣ самъ Даргомыжскій называетъ этотъ кружокъ свой «соннымъ и удрученнымъ»; правда, на музыкальныхъ собраніяхъ у него больше всего исполнялись довольно неважные романсы Глинки и самого Даргомыжскаго (всѣ самые значительные романсы этого послѣдняго явились на свѣтъ позже, около 60-го года), но все-таки тутъ же исполнялись иногда отрывки изъ «Жизни за Царя» и «Руслана» Глинки, и, чаще всего, много истинно-превосходнаго и глубоко-талантливаго изъ «Русалки», иногда въ превосходномъ исполненіи самого Даргомыжскаго, а въ музыкальной декламаціи, какъ сценъ драматическихъ, такъ и комическихъ, онъ былъ великій и неподражаемый мастеръ. Аккомпаньяторъ онъ былъ также превосходный. Въ такой средѣ, Мусоргскій, какъ онъ много разъ разсказывалъ впослѣдствіи, съ этихъ поръ только началъ жить настоящею музыкальною жизнью.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ перваго своего знакомства съ Даргомыжскимъ, Мусоргскій познакомился у него, во второй половинѣ 1857 года, съ Ц. А. Кюи, тогда совершенно еще молодымъ офицеромъ, только недавно выпущеннымъ изъ инженернаго училища, но уже сильно и серьёзно преданнымъ музыкѣ, и начинавшимъ пробовать свои силы въ музыкальномъ сочиненіи. Они тотчасъ сблизились, и почти сейчасъ же, можно сказать черезъ нѣсколько дней, Кюи познакомилъ его, тоже у Даргомыжскаго, съ М. А. Балакиревымъ, новою, возникавшею тогда, самобытною русскою музыкальною силою. Эти три талантливыхъ юноши сошлись необыкновенно близко, потому что, для всѣхъ трехъ одинаково музыка была первымъ дѣломъ на свѣтѣ, главнѣйшею задачею жизни. Притомъ же, всѣ трое готовились быть композиторами. Но роли ихъ были не одинаковы: Балакиреву было въ то время всего только 20 лѣтъ, но онъ являлся уже главою новаго маленькаго музыкальнаго кружка. Его вкусы и направленіе строго уже обозначились и опредѣлились. Несмотря на то, что онъ не проходилъ курсовъ ни въ какой музыкальной консерваторіи и не побывалъ въ рукахъ ни у какого профессора теоріи, композиціи и инструментовки, онъ былъ глубоко обра-

Digitized by Google

зованъ, вполнѣ сформированъ по всѣмъ этимъ частямъ, въ собственныхъ своихъ сочиненіяхъ почти съ первыхъ шаговъ сталъ проявлять необыкновенную оригинальность и самостоятельность, а во взглядахъ на чужія музыкальныя созданія обладалъ такою чуткостью, такою силою самостоятельной и вѣрной критики, что его талантливые товарищи невольно должны были признавать его главенство и идти по направленію, указываемому имъ. Послѣдствія показали, что они хорошо сдѣлали, и что они не ошиблись въ своемъ вождѣ. Этотъ 20-лѣтній юноша привелъ какъ ихъ, такъ и другихъ товарищей ихъ, впослѣдствіи къ нимъ примкнувшихъ, по вѣрному пути къ самосовершенствованію, и могучею рукою помогъ имъ стать тѣми замѣчательными, крупными художниками, какими они въ немногіе годы потомъ сдѣлались.

Мусоргскій былъ очень талантливъ по натурѣ, но онъ почти ничего не зналъ въ техникѣ своего дѣла («Герке давалъ моему брату Модесту уроки только фортепьянной игры и болѣе ничего, —пишетъ мнѣ Фил. Петр. Мусоргскій,—никакихъ музыкальныхъ правилъ онъ ему не преподалъ»); сверхъ того, до конца 1857 г. Мусоргскій слишкомъ мало зналъ изъ того, что̀ есть важнаго въ музыкальныхъ созданіяхъ новаго времени. Онъ зналъ по преимуществу почти все только однѣ фортепьянныя сочиненія, и лишь кое-что изъ Моцарта и Бетховена. Балакиревъ, по его просьбѣ, сталъ ему давать уроки композиціи. «Такъ какъ я не теоретикъ,—пишетъ мнѣ М. А. Балакиревъ,—я не могъ научить Мусоргскаго гармоніи (какъ, наприм., теперь учитъ Н. А. Римскій-Корсаковъ), то я объяснялъ ему «форму сочиненій». Для этого мы переиграли съ нимъ, въ 4 руки, всѣ симфоніи Бетховена и многое другое еще, изъ сочиненій Шумана, Шуберта, Глинки и другихъ; я объяснялъ ему техническій складъ исполняемыхъ нами сочиненій, и его самого занималъ разборомъ формы. Впрочемъ, сколько помню, платныхъ уроковъ у насъ было немного; они какъ-то и почему-то кончились и замѣнились пріятельской бесѣдой».

Въ первые же дни своего знакомства, Мусоргскій показалъ своему юному учителю и другу самое раннее свое сочиненіе (по выходѣ изъ юнкерской школы): «Souvenir d'enfance», посвященное Оболенскому, и сочиненное всего за мѣсяцъ или за два до знакомства съ Балакиревымъ. Конечно, оно было очень еще незрѣло; и Балакиревъ сталъ требовать чего-нибудь болѣе дѣльнаго. И дѣйствительно, скоро пошли у Мусоргскаго сочиненія, гораздо уже болѣе значительныя: въ 1858 году сочинены имъ

Digitized by Google

два скерцо, одно B-Dur, другое Cis-Moll, очень изящныхъ, и гдѣ видѣнъ уже успѣхъ. Первое изъ нихъ было вскорѣ потомъ инструментовано Мусоргскимъ, при помощи и съ поправками М. А. Балакирева, и исполнено въ 1860 году въ одномъ изъ концертовъ Русскаго Музыкальнаго Общества, подъ управленіемъ А. Рубинштейна. Въ то же время, Мусоргскій сочинилъ нѣсколько романсовъ, изъ которыхъ только одинъ издалъ: «Отчего, скажи, душа дѣвица», прочіе затерялись. Сверхъ того, онъ предпринялъ сочинить музыку къ трагедіи Софокла «Эдипъ», которая, въ русскомъ переводѣ Шестакова, была напечатана въ «Пропилеяхъ» 1852 года. Онъ сочинилъ всего нѣсколько нумеровъ, которыхъ теперь болѣе не оказалось въ бумагахъ Мусоргскаго, но которые мы, всѣ его знакомые, въ 1860-хъ годахъ видѣли у него написанными и не разъ слыхали въ его исполненіи на ф.-п. Уцѣлѣлъ одинъ только небольшой прекрасный хоръ народа у храма Эвменидъ предъ появленіемъ Эдипа: онъ былъ исполненъ въ 1861 году, въ концертѣ К. Лядова, гдѣ также исполнены были инструментальныя сочиненія и другихъ молодыхъ русскихъ композиторовъ: М. А. Балакирева, Ц. А. Кюи и А. С. Гусаковскаго, сверхъ того, все «Торжество Вакха» Даргомыжскаго. Балакиревъ, просматривая также и это сочиненіе Мусоргскаго, давалъ ему совѣты на счетъ его оркестровки.

Съ Ц. А. Кюи Мусоргскій былъ въ нѣсколько другихъ отношеніяхъ. Они были уже совершенно на равныхъ правахъ, товарищами-художниками, начинающими самостоятельно жить и талантливо создавать. Они часто и много видѣлись, много играли въ 4 руки Бетховена, Шумана и Фр. Шуберта, всего болѣе Шумана, указаннаго имъ Балакиревымъ, и одинаково имъ обоимъ до страсти любимаго. Мусоргскій начиналъ проявлять въ это время большой талантъ къ комизму, какъ пѣвецъ декламаторъ и какъ актеръ, и когда, въ домѣ у Кюи, бывали, въ дружеской компаніи, маленькіе домашніе спектакли, Мусоргскій занималъ тутъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Такъ, наприм., наканунѣ свадьбы Кюи, на «дѣвичникѣ», справлявшемся 8 октября 1858 года, Мусоргскій игралъ (какъ я вижу по печатной уцѣлѣвшей отъ того времени афишѣ) въ комедіи В. Крылова: «Прямо на бѣло», роль Александра Ивановича Порогина, учителя гимназіи и писателя. Въ февралѣ 1859 года былъ другой спектакль, гдѣ Мусоргскій (тоже по свѣдѣтельству уцѣлѣвшей афиши) игралъ въ «Тяжбѣ» Гоголя роль чиновника Пролетова (Бурдюкова игралъ В. А. Крыловъ). Въ этомъ послѣднемъ спектаклѣ была дана, въ первый разъ, одноактная комическая опера Кюи: «Сынъ Мандарина», безъ хо-

Digitized by Google

ровъ и съ разговорами, въ прозѣ, текстъ В. Крылова. Пьесу эту Ц. А. Кюи сочинилъ «преимущественно», какъ онъ говоритъ, для своей молодой жены, ученицы Даргомыжскаго. Увертюру сыграли въ 4 руки Балакиревъ и Кюи; изъ числа 5-ти дѣйствующихъ лицъ главную роль, мандарина Кау-Цинга, исполнялъ Мусоргскій, и съ такою жизнью, веселостью, съ такою ловкостью и комизмомъ пѣнія, дикціи, позъ и движеній, что заставилъ хохотать всю компанію своихъ друзей и товарищей.

Въ то же время шла у всѣхъ трехъ юношей-композиторовъ самая серьёзная работа собственнаго композиторства. Мусоргскій скоро пришелъ къ убѣжденію, что если въ самомъ дѣлѣ настоящая задача его жизни—быть музыкантомъ и композиторомъ, и если, чтобъ не отстать отъ старшихъ и болѣе его подвинувшихся впередъ товарищей, ему надо много и сильно работать, то не слѣдуетъ ему долѣе оставаться въ военной службѣ, къ которой у него было теперь уже слишкомъ мало симпатіи. Онъ рѣшился покинуть преображенскій полкъ и выйти въ отставку. Помню какъ теперь, какъ я, знакомый съ нимъ, благодаря М. А. Балакиреву съ 1857 же года, и тотчасъ же съ нимъ сблизившійся и часто видавшійся, — помню я, какъ лѣтомъ и осенью 1858 года, во время нашихъ прогулокъ, я усердно отговаривалъ Мусоргскаго отъ его рѣшимости выйти въ отставку: я ему говорилъ, что могъ же Лермонтовъ оставаться гусарскимъ офицеромъ и быть великимъ поэтомъ, не взирая ни на какія дежурства въ полку и на гауптвахтѣ, не взирая ни на какіе разводы и парады. Мусоргскій отвѣчалъ, что «то былъ Лермонтовъ, а то я; онъ, можетъ быть, умѣлъ сладить и съ тѣмъ, и съ другимъ, а я — нѣтъ; мнѣ служба мѣшаетъ заниматься какъ мнѣ надо!» Послѣднимъ поводомъ, рѣшившимъ дѣло, было въ особенности то обстоятельство, что его перевели въ стрѣлковый баталіонъ, и потому съ лѣта 1859 года онъ долженъ былъ отправляться на постоянное житье въ Царскую Славянку, а на это онъ рѣшительно уже не могъ согласиться: уѣхать изъ Петербурга — это значило для него не только покинуть мать, съ которою онъ неразлучно жилъ съ самаго своего рожденія, но еще покинуть Даргомыжскаго, Балакирева, Кюи, музыкальное ученье. Это было для него уже окончательно невозможно, и вотъ, весною 1859 года, онъ вышелъ въ отставку. Но лѣтомъ того года ему не удалось заняться музыкой, какъ онъ надѣялся: онъ заболѣлъ сильною нервною болѣзнью, и вылечился лишь, благодаря купаньямъ «въ ключахъ тихвинскаго уѣзда, новгородской губерніи» (какъ сказано въ его краткомъ спискѣ сочиненій). Когда прошла

Digitized by Google

болѣзнь, онъ успѣлъ сочинить только одну вещь: «Kinder-Scherz», очень граціозную ф.-п. пьесу, напечатанную въ первый разъ 14 лѣтъ позже, въ декабрѣ 1873 года.

На сколько онъ измѣнился противъ прежняго за все это короткое время (съ конца 1857 года), и какимъ онъ теперь сталъ, это очень живо изображено въ тѣхъ воспоминаніяхъ товарища по музыкѣ, изъ которыхъ я приводилъ уже выше отрывокъ. «Вторая встрѣча моя съ М. П. Мусоргскимъ,—пишетъ А. П. Бородинъ,—была осенью 1859 года, у бывшаго адъюнктъ-профессора медико-хирургической академіи и доктора въ артиллерійскомъ училищѣ, С. А. Ивановскаго. Въ то время М. былъ уже въ отставкѣ. Онъ порядочно возмужалъ [1]), началъ полнѣть, офицерскаго пошиба у него уже не было. Изящество въ одеждѣ, въ манерахъ были тѣ же, что и прежде, но оттѣнка фатовства не осталось ни малѣйшаго. Насъ представили другъ другу. Мы, впрочемъ, сразу узнали одинъ другого и вспомнили первое наше знакомство у Попова. М. объявилъ, что онъ вышелъ въ отставку, потому что «спеціально занимается музыкой, а соединить военную службу съ искусствомъ—дѣло мудреное», и т. д. Разговоръ невольно перешелъ на музыку. Я былъ тогда еще ярымъ мендельсонистомъ, Шумана не зналъ почти вовсе, а М. былъ уже знакомъ съ Балакиревымъ, понюхалъ всякихъ «новшествъ» музыкальныхъ, о которыхъ я не имѣлъ и понятія. Ивановскіе, видя, что мы нашли общую почву для разговора—музыку, предложили намъ сыграть въ четыре руки, и именно A-Moll'ную симфонію Мендельсона. Мусоргскій немножко поморщился и сказалъ, что очень радъ, только, чтобъ его уволили отъ Andante, которое совсѣмъ не симфоническое, а одно изъ «Lieder ohne Worte», или что-то въ родѣ этого, переложенное на оркестръ [2]). Мы сыграли первую часть и скерцо. Послѣ этого, М. началъ съ восторгомъ говорить о симфоніяхъ Шумана, которыхъ я тогда еще не зналъ вовсе. Онъ сталъ играть мнѣ кусочки изъ Es-Dur'ной симфоніи Шумана; дойдя до средней части, онъ бросилъ, сказавъ: «Ну, теперь начинается музыкальная математика!» Все это мнѣ было ново, понравилось. Видя, что я интересуюсь очень, онъ еще кое-что сыгралъ мнѣ новое для меня. Между прочимъ, я узналъ, что онъ пишетъ и самъ музыку. Я заинтересовался, ра-

[1]) Мусоргскому было въ это время 20 лѣтъ съ небольшимъ.

[2]) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что М. А. Балакиревъ первый у насъ возсталъ противъ повальной моды на Мендельсона, безраздѣльно царствовавшей у насъ въ то время, съ голоса нашихъ нѣмцевъ и всей Германіи, и первый повелъ походъ противъ большинства произведеній Мендельсона, манерныхъ, безвкусныхъ или рутинныхъ.

Digitized by Google

зумѣется, и онъ сталъ мнѣ наигрывать какое-то свое скерцо (чуть ли не B-Dur'ное). Дойдя до Trio, онъ процѣдилъ сквозь зубы: «Ну, это восточное!», и я былъ ужасно изумленъ небывалыми, новыми для меня элементами музыки. Не скажу, чтобъ они мнѣ даже особенно понравились сразу; они скорѣе какъ-то озадачили меня новизною. Вслушавшись немного больше, я началъ по-немногу оцѣнять и наслаждаться. Признаюсь, заявленіе его, что онъ хочетъ посвятить себя серьёзно музыкѣ, сначала было встрѣчено мною съ недовѣріемъ и показалось маленькимъ хвастовствомъ: внутренно я подсмѣивался немножко надъ этимъ. Но, прослушавши все его «Скерцо», я призадумался: вѣрить или не вѣрить? Вскорѣ потомъ я уѣхалъ за-границу, откуда воротился въ 1862 году, осенью».

II.

Періодъ музыкальнаго творчества Мусоргскаго продолжался 20-ть съ небольшимъ лѣтъ. Онъ начался, какъ выше указано, въ 1858 году, со времени знакомства Мусоргскаго съ Даргомыжскимъ, М. А. Балакиревымъ и Ц. А. Кюй, и прекратился въ концѣ 1880 года, лишь за немного мѣсяцевъ до смерти. Мнѣ кажется, эти 20 лѣтъ творчества состоятъ изъ трехъ, очень явственно отличающихся одинъ отъ другого, періодовъ: первый, идущій отъ 1858 до 1865 года, есть періодъ музыкальнаго ученія, собиранія силъ; второй, идущій отъ 1865 года до 1874 — 1875, есть періодъ полнаго развитія музыкальной личности и самостоятельности Мусоргскаго; третій періодъ, отъ 1874—1875 и до конца 1880 года—время начавшагося уменьшенія и ослабленія творческой дѣятельности Мусоргскаго. Въ продолженіе перваго періода, наибольшее вліяніе имѣлъ на него М. А. Балакиревъ. Въ это время онъ избиралъ еще сюжеты не русскіе, обще-европейскіе, нерѣдко историческіе и классическіе («Эдипъ», «Саулъ», «Саламбо»), нерѣдко онъ сочинялъ также для оркестра и инструментовъ (нѣсколько скерцо, начало сонаты, «Intermezzo symphonique», «Preludio in modo classico», «Menuetto»; общимъ характеромъ творчества была—идеальность. Въ началѣ второго своего періода, Мусоргскій былъ подъ сильнымъ вліяніемъ Даргомыжскаго, именно подъ вліяніемъ его направленія и стремленій, хотя все-таки никогда не повторялъ его музыкальныхъ формъ и постоянно оставался самостоятеленъ; чѣмъ дальше Мусоргскій подвигался въ жизни, тѣмъ становился само-

Digitized by Google

бытнѣе и оригинальнѣе. Сюжеты и задачи его, въ продолженіе этого періода, всегда національныя; таковы: значительное количество романсовъ, сочиненныхъ отъ 1865 по 1868 годъ; «Дѣтская», опера «Борисъ Годуновъ»; отрывки для оперы: «Млада»; Сочиненія на сюжеты не-русскіе (напримѣръ «Еврейская пѣснь, изъ Байрона, два «еврейскихъ хора») составляютъ очень рѣдкое исключеніе. Всѣ сочиненія—по преимуществу вокальныя, инструментальныя-же сочиненія (напр.: «Швея», «Картинки съ выставки Гартмана», «Ночь на лысой горѣ»)—рѣдкое исключеніе. Главный характеръ всѣхъ вообще сочиненій—реалистическій. Въ продолженіе третьяго періода реалистическое и національное направленіе Мусоргскаго остается по прежнему на первомъ планѣ (оперы: «Хованщина», «Сорочинская ярмарка», романсы: «Забытый», «Трепакъ», «Полководецъ», «Днѣпръ» и т. д.), но иногда къ нимъ присоединяются и сочиненія на тэмы, не заключающія спеціально-національнаго характера (рядъ романсовъ подъ заглавіемъ: «Безъ солнца», нѣкоторые изъ романсовъ на слова гр. А. К. Толстаго, «Пѣсня о блохѣ», на текстъ изъ «Фауста» Гёте и т. д.). Большинство сочиненій этого періода — опять-таки вокальныя, какъ и въ предыдущій періодъ, но въ это время Мусоргскій возвращается иногда охотно и къ сочиненіямъ инструментальнымъ, фортепьяннымъ (таковы два каприччіо: «Байдарки», «Гурзуфъ», музыкальная картина: «Буря на Черномъ морѣ» и оставшаяся неконченною «Большая сюита на средне-азіатскія тэмы»). При этомъ онъ иногда покидаетъ формы и характеръ спеціально-національные и возвращается, какъ было въ первый періодъ, къ формамъ обще-европейской музыки, но уже не съ прежнею силою и оригинальностью.

Изъ числа инструментальныхъ сочиненій перваго періода, безспорно самое замѣчательное «Intermezzo». Оно полно могучей силы и красоты, и самимъ авторомъ названо: «Intermezzo symphonique in modo classico» (въ классическомъ родѣ), что́ и дѣйствительно оправдывается общимъ складомъ и даже главною тэмою, нѣсколько въ Баховскомъ стилѣ. Но замѣчательно то, что даже несмотря на всю свою внѣшнюю классичность и европеизмъ, это сочиненіе носитъ внутри себя содержаніе національно-русское. Въ первое время Мусоргскій никому этого не говорилъ, но въ 70-хъ годахъ, въ эпоху самыхъ короткихъ, пріятельскихъ его отношеній со мною, онъ мнѣ много разъ разсказывалъ, что это «Intermezzo»—русское «по секрету»; что оно внушено ему одной сельской картиной, глубоко запавшей въ его воображеніи: а именно, зимой 1861 года онъ былъ въ деревнѣ

Digitized by Google

у своей матери, въ псковской губерніи и, однажды, въ прекрасный, зимній, солнечный день, въ праздникъ, онъ видѣлъ цѣлую толпу мужиковъ, шедшихъ по полямъ и съ трудомъ шагавшихъ по сугробамъ снѣга; многіе изъ нихъ поминутно проваливались въ снѣгъ и потомъ съ трудомъ опять оттуда выкарабкивались. «Это,—разсказывалъ Мусоргскій,—было все вмѣстѣ и красиво, и живописно, и серьёзно, и забавно. И вдругъ,—говорилъ онъ,—вдали показалась толпа молодыхъ бабъ, шедшихъ съ пѣснями, съ хохотомъ по ровной тропинкѣ. У меня мелькнула въ головѣ эта картина въ музыкальной формѣ, и, сама собою, неожиданно сложилась первая «шагающая вверхъ и внизъ» мелодія à la Bach: веселыя смѣющіяся бабенки представились мнѣ въ видѣ мелодіи, изъ которой я потомъ сдѣлалъ среднюю часть или Trio. Но все это —in modo classico, сообразно съ тогдашними моими музыкальными занятіями. И вотъ такъ и родилось на свѣтъ мое Intermezzo». Всѣ друзья Мусоргскаго всегда глубоко любовались на эту прелестную и могучую вещь. Впослѣдствіи, въ іюлѣ 1867 года, тоже въ деревнѣ, Мусоргскій наинструментовалъ эту пьесу для большого оркестра (даже съ 4-мя тромбонами) и посвятилъ ее одному изъ самыхъ любимыхъ и глубоко-уважаемыхъ товарищей по музыкѣ, А. П. Бородину. Другія инструментальныя его пьесы этого времени: «Impromptu», «Prélude», «Menuet-monstre» (какъ онъ названъ въ русской автобіографіи), не сохранились.

Немногимъ позже сочиненъ Мусоргскимъ (въ 1863 г.) лучшій и совершеннѣйшій романсъ перваго его періода: «Саулъ». Двадцать лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, но впечатлѣніе силы, страстности, красоты и увлеченія, въ немъ присутствующихъ, осталось неизмѣнно и до сихъ поръ. Онъ постоянно исполнялся въ концертахъ всѣми лучшими нашими пѣвцами.

Но въ эту пору Мусоргскій не могъ заниматься своимъ любимымъ дѣломъ, какъ бы и сколько бы хотѣлъ. Дѣла по имѣнію забросили его на все лѣто 1863 года въ провинціальную глушь, которая не очень-то благопріятствовала его творческому настроенію. Это было первое время послѣ освобожденія крестьянъ, то время, когда изъ всѣхъ дворянскихъ гнѣздъ полѣзли несмѣтныя тучи ничтожныхъ, но гадкихъ «мошекъ да букашекъ», заражавшихъ своими жалобами и сожалѣніями о невозвратномъ прошедшемъ всю атмосферу губернскихъ и уѣздныхъ городовъ. Мусоргскій писалъ изъ Торопца, 22 іюня этого года, своему близкому пріятелю, Ц. А. Кюй: «И скучно, и грустно, и досадно, и чортъ знаетъ что такое! Нужно-же было управляющему напакостить въ имѣніи. Думалъ заняться порядочными вещами, а

Digitized by Google

тутъ производи слѣдствіе, наводи справки, таскайся по разнымъ полицейскимъ и неполицейскимъ управленіямъ. Куда какъ много впечатлѣній! Если-бы еще, въ добавокъ къ тому, не было матушки въ Торопцѣ, я бы совсѣмъ ошалѣлъ отъ этой нелѣпой обстановки; только эта женщина и приковываетъ меня нѣсколько; она ужасно рада, что я съ нею вмѣстѣ, а мнѣ пріятно доставлять ей эту радость. И что у насъ за помѣщики? Что за плантаторы! Обрадовались заведенному въ городѣ клубу и, чуть-ли не каждый день, собираются туда пошумѣть. Дѣло начинается со спичей, заявленій господамъ дворянамъ, и доходитъ всякій разъ чуть не до драки, хоть полицію зови. У одного изъ главныхъ крикуновъ постоянныя стычки съ посредникомъ; посредникъ—это его bête de somme. Крикунъ разъѣзжаетъ по городу и собираетъ, Христа ради, подписки для удаленія посредника. Другой крикунъ, скорбный разумомъ, за неимѣніемъ достаточной силы убѣждать, скрѣпляетъ свои доводы поднятыми вверхъ кулаками, которые, рано или поздно, попадутъ по назначенію. И все это происходитъ въ дворянскомъ собраніи! И съ этими господами встрѣчаешься каждый день, каждый день они васъ слезливо мучатъ «утраченными правами», «крайнимъ раззореніемъ». Вопль, и стоны, и скандалъ!.. Есть, правда, порядочная молодежь, «мальчишки», да я ихъ почти никогда не вижу; молодежь эта посредничаетъ и потому постоянно въ разъѣздахъ. А я, многогрѣшный, вращаюсь въ оной, вышеописанной, ретирадной атмосферѣ. Ретирадная атмосфера рѣдко затрогиваетъ инстинктъ изящнаго, думаешь только о томъ, какъ-бы не провонять или не задохнуться (гдѣ тутъ думать о музыкѣ!..). На дняхъ попались мнѣ стишки Гёте, коротенькіе. Я обрадовался — и на музыку. Одно мѣсто вышло не дурно по фразѣ (*нотный примѣръ*). Большого ничего не придется сочинять; голова моя находится, благодаря управляющему, въ полицейскомъ управленіи, а заняться маленькими вещицами можно. Содержаніе словъ Гёте—Нищій, кажется изъ Вильгельма Мейстера. Нищій мою музыку можетъ пѣть безъ зазрѣнія совѣсти, я такъ думаю. Къ зимѣ приготовлю, во всякомъ случаѣ, «Intermezzo», инструментовка будетъ интересна [1]). Вы, милый Цезарь, я полагаю, кое-что уже сдѣлали и за многое другое принимаетесь. Напишите, какъ и что вы произвели, меня вашъ трудъ сердечно интересуетъ, и извѣстіе о немъ будетъ мнѣ очень пріятно, освѣжитъ меня... Дебе-

[1]) Какъ уже сказано выше, эта пьеса инструментована гораздо позже, лѣтомъ 1867 года.

Digitized by Google

лая Юдиѳь [1]), кажется, продолжаетъ рубить (подъ арфу) голову Олоферна во славу Сѣрова. Слушали ли вы ее, напишите. Если увидите С., поклонитесь отъ меня и скажите ему, что его статья «Послѣ выставки» [2]) привела меня въ совершенный восторгъ».

Та бездѣятельность музыкальная, на которую Мусоргскій такъ жалуется въ настоящемъ письмѣ, прекратилась тотчасъ же послѣ возвращенія его изъ Псковской губерніи въ Петербургъ. Надо замѣтить, что именно въ это время произошла очень значительная перемѣна во внѣшней жизненной его обстановкѣ. Всѣ годы дѣтства и юношества своего онъ прожилъ въ родительскомъ домѣ, сначала вмѣстѣ съ братомъ и матерью; потомъ, послѣ смерти отца (въ 1853 году) онъ постоянно жилъ съ матерью и старшимъ братомъ; въ 1862 году, послѣ отъѣзда матери въ деревню (гдѣ она и умерла въ 1865 году), онъ еще нѣсколько времени продолжалъ жить съ женатымъ братомъ. Но осенью 1863 года, воротясь изъ деревни, онъ поселился, вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми товарищами, на общей квартирѣ, которую они для шутки называли «коммуной», быть можетъ, изъ подражанія той теоріи совмѣстнаго житья, которую указывалъ знаменитый въ то время романъ «Что дѣлать?» У каждаго изъ товарищей было по отдѣльной своей комнатѣ, куда никто изъ прочихъ товарищей не смѣлъ вступать безъ спеціальнаго всякій разъ дозволенія, и тутъ же была одна общая большая комната, куда всѣ сходились по вечерамъ, когда были свободны отъ своихъ занятій, читать, слушать чтеніе, бесѣдовать, спорить, наконецъ, просто разговаривать, или же слушать Мусоргскаго, играющаго на фортепьяно, или поющаго романсы и отрывки изъ оперъ. Такихъ маленькихъ товарищескихъ «сожитій» было тогда не мало въ Петербургѣ, а можетъ быть, и въ остальной Россіи. Всѣхъ товарищей въ настоящемъ кружкѣ было шестеро, всѣ шестеро уже умерли, значитъ, можно, не нарушая ничьей скромности, назвать ихъ по именамъ. Тутъ были три брата Логиновыхъ (Вячеславъ, Леонидъ и Петръ), Николай Лобковскій, Левашевъ и Модестъ Мусоргскій. Все это были люди очень умные и образованные; каждый изъ нихъ занимался какимъ-нибудь любимымъ научнымъ или художественнымъ дѣломъ, несмотря на то, что

[1]) Мусоргскій говоритъ здѣсь о пѣвицѣ Валентинѣ Біанки, исполнявшей роль Юдиѳи въ оперѣ Сѣрова этого имени, поставленной на Маріинскомъ театрѣ весной 1863.

[2]) Рѣчь идетъ о моей статьѣ по поводу лондонской всемірной выставки 1862, напечатанной въ „Современникѣ“ за апрѣль и май 1863 г.

Digitized by Google

многіе изъ нихъ состояли на службѣ въ сенатѣ или министерствахъ; никто изъ нихъ не хотѣлъ быть празденъ интеллектуально, и каждый глядѣлъ съ презрѣніемъ на ту жизнь сибаритства, пустоты и ничего-не-дѣланья, какую такъ долго вело до той поры большинство русскаго юношества. Всѣ шестеро до тѣхъ поръ жили, какъ и Мусоргскій, среди семействъ своихъ, но теперь нашли нужнымъ все перемѣнить и жить иначе. Кончилась жизнь семейная, полу-патріархальная, съ старинным хлѣбосольствомъ, съ кормленіемъ и угощеніемъ въ родѣ перваго жизненнаго правила, чего-то въ родѣ священнаго обряда, всякаго знакомаго, забревшаго, отъ нечего дѣлать, въ гости; началась жизнь интеллектуальная, дѣятельная, съ дѣйствительными интересами, съ стремленіемъ къ работѣ и употребленію себя на дѣло. И тѣ три года, что прожили на новый ладъ эти молодые люди, были, по ихъ разсказамъ, одними изъ лучшихъ во всю жизнь. Для Мусоргскаго—въ особенности. Обмѣнъ мыслей, познаній, впечатлѣній отъ прочитаннаго, накопили для него тотъ матеріалъ, которымъ онъ потомъ жилъ всѣ остальные свои годы; въ это же время укрѣпился навсегда тотъ свѣтлый взглядъ на «справедливое» и «несправедливое», на «хорошее« и «дурное», которому онъ уже никогда впослѣдствіи не измѣнялъ. Во многихъ мѣстахъ текста его романсовъ, и, въ особенности, въ либретто оперы «Борисъ Годуновъ» ясны слѣды юношескаго, горячаго, благороднаго настроенія, прочно заложеннаго еще во времена товарищескаго «сожитія» съ друзьями 1863—1866 годовъ.

«Въ то время, — говоритъ Фил. Петр. Мусоргскій, — мой братъ, кромѣ музыки и сочиненій своихъ, занятъ былъ переводами знаменитыхъ уголовныхъ процессовъ французскихъ и нѣмецкихъ».

Въ числѣ книгъ, читанныхъ сообща въ «коммунѣ», былъ романъ Флобера «Саламбо», изданный въ 1862 году, но появившійся въ Петербургѣ лишь въ концѣ того года, или въ началѣ 1863. Всѣ «товарищи« были восхищены его картинностью, поэзіей и пластичностью; Мусоргскаго же больше ихъ всѣхъ поразилъ сильный восточный колоритъ, присутствующій въ этомъ романѣ, восточный колоритъ, къ воспроизведенію котораго онъ такъ стремился въ продолженіи всей своей жизни, точно также, какъ и всѣ ближайшіе его друзья и товарищи, принадлежащіе къ новой русской музыкальной школѣ. Онъ уже есть на лицо въ первомъ его (B-Dur'номъ) скерцо 1858 года, онъ играетъ важную роль въ музыкальныхъ задачахъ и намѣреніяхъ самаго

Digitized by Google

послѣдняго его времени (сюита на среднеазіатскія тэмы, задуманная въ 1879 году). И вотъ онъ рѣшается писать оперу «Саламбо», на либретто собственнаго сочиненія, въ стихахъ. Не надо думать, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ на него повліялъ примѣръ Сѣрова, который только-что въ томъ же году поставилъ на сцену свою «Юдиѳь», съ либреттомъ собственнаго своего произведенія, а въ предисловіи къ этому либретто говорилъ, что автору всегда «вѣрнѣе» самому писать для себя либретто. Гораздо раньше того, и еще отроду ничего не слыхавши про Сѣрова, Мусоргскій, еще 19-лѣтній юноша, принимался писать оперу «Han d'Islande» на либретто собственнаго издѣлія, а въ 1863 году сочинилъ романсъ «Саулъ» на собственный же текстъ. Притомъ, Сѣровъ тотчасъ же забросилъ въ сторону тотъ самый принципъ, который съ такимъ убѣжденіемъ провозглашалъ,—такъ мало онъ ему былъ дѣйствительно важенъ: Мусоргскій во всю жизнь не разстался съ нимъ. Еще раньше конца 1863 года была сочинена вся 2-я картина II-го дѣйствія (помѣчена: 15-го декабря 1863); къ концу слѣдующаго года кончены были еще двѣ большія части оперы: 1-я картина III-го дѣйствія (помѣчена: 23-го іюля и 10-го ноября 1864 г.) и 1-я картина IV-го дѣйствія (помѣчена: 26-го ноября 1864 г.). По либретту все это сцены, полныя драматическаго движенія, почти въ Мейерберовскомъ родѣ, представляющія, по преимуществу, цѣлыя массы народныя въ минуты громаднаго патетическаго возбужденія; сцены съ отдѣльными личностями играютъ здѣсь несравненно меньшую роль. Вторая картина II-го дѣйствія представляетъ, въ началѣ, молодую карѳагенскую царицу Саламбо, ночью, въ храмѣ богини Таниты (Венеры). Она молитъ богиню «божественный свой лучъ пролить на душу скорбную Саламбо и вновь зажечь въ ней огнь любви священной, и страшныхъ призраковъ толпы отъ сердца отженить». Она осыпаетъ цвѣтами изваяніе Таниты и, какъ охранительница священнаго богинина покрова «Заимфъ», съ обладаніемъ котораго связано счастье и неприкосновенность Карѳагена, ложится на храмовой одръ на покой. Во время ея сна въ храмъ прокрадывается юноша, ливіецъ Мато, бывшій карѳагенскій рабъ, влюбленный въ Саламбо, но теперь явившійся сюда, чтобы похитить «Заимфъ» и тѣмъ доставить своимъ соплеменникамъ торжество надъ Карѳагеномъ. Саламбо просыпается, но никакія ея мольбы и упреки не въ состояніи побѣдить Мато, не взирая на его страсть къ ней: преслѣдуемый ея проклятіемъ, онъ уноситъ талисманъ. Сцена сбѣгающагося народа, изображеніе его волненія и ужаса оканчиваютъ актъ. Въ промежуткѣ

Digitized by Google

между 1863 и 1864 годомъ Мусоргскій перекрестилъ свою оперу изъ «Саламбо» въ «Ливійца» и по всей справедливости: у него въ операѣ главнымъ лицомъ, отъ котораго исходитъ все дѣйствіе, является ливіецъ Мато, а никакъ не Саламбо, довольно пассивная, какъ всѣ влюбленныя примадонны. Первая картина III-го дѣйствія, непосредственно слѣдующая за финаломъ предыдущаго акта, представляетъ сцену жертвоприношенія Молоху: мѣдный колоссальный истуканъ этого бога стоитъ на верху террасы храма, передъ нимъ карѳагенскіе жрецы творятъ свои обряды и, подложеннымъ снизу костромъ, накаляютъ его докрасна, чтобъ бросить потомъ въ его огненное чрево младенцевъ, служащихъ умилостивительной жертвой. Въ этой сценѣ идутъ одновременно три хора: жертвенный хоръ жрецовъ, обращенный къ истукану Молоха; хоръ дѣтей, прощающихся съ жизнью и карѳагенскихъ женщинъ, плачущихъ надъ ними; наконецъ, хоръ народа, молящаго, чтобъ страшный богъ, въ благодарность за кровь дѣтей, принесенныхъ ему въ жертву, поразилъ враговъ, осадившихъ Карѳагенъ, и развѣялъ по полю прахъ ихъ. Саламбо, подъ вліяніемъ горячаго патріотическаго воодушевленія, объявляетъ народу, что пойдетъ въ лагерь ливійцевъ, проберется въ шатеръ Мато и добудетъ назадъ священный «Заимфъ». Въ первой картинѣ IV-го дѣйствія передъ зрителемъ является Мато, захваченный въ плѣнъ, вслѣдствіе предательства одного изъ ливійцевъ; онъ въ цѣпяхъ и въ темницѣ, онъ мечтаетъ о Саламбо, къ которой страсть его не измѣнилась; онъ грустно думаетъ о предстоящемъ концѣ и изливаетъ горькую думу въ монологѣ, могучіе стихи для котораго Мусоргскій взялъ изъ Полежаева:

Я умру одинокъ;
На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ.
На забаву дѣтей
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои;
Растерзаютъ, убьютъ,
И мой трупъ разорвутъ!
Но какъ дубъ вѣковой,
Грозныхъ бурь не страшась,
Встрѣчу мигъ роковой!..

Входитъ процессія жрецовъ, вмѣстѣ съ ними четыре пентарха, которые читаютъ ему, каждый со своей красной дощечки, приговоръ, и разбиваютъ ее потомъ, въ знакъ того, что, подобно

Digitized by Google

сокрушаемамъ дощечкамъ, должна быть сокрушена и его жизнь. Для текста приговора Мусоргскій взялъ стихотвореніе Гейне:

Сердце, зла источникъ, вырвать
На съѣденье псамъ поганымъ!
А языкъ, какъ зла орудье,
Дать клевать нечистымъ вранамъ!
Самый трупъ предать сожженью,
Напередъ проклявъ трикраты!
И на всѣ четыре вѣтра
Бросить прахъ его проклятый!

Потомъ они оставляютъ Мато одного.

Надо замѣтить, что въ либретто первой своей оперы Мусоргскій отводитъ очень значительное мѣсто описанію сценической обстановки: онъ подробно выбираетъ изъ разныхъ мѣстъ романа Флобера описанія костюма каждаго отдѣльнаго дѣйствующаго лица, народа, составляющаго разные хоры; подробно описываетъ мѣсто дѣйствія, архитектуру, храмъ, подземелье-тюрьму, картину природы въ фонѣ сцены, а потомъ, во время дѣйствія, каждое движеніе, жестъ, пластическую позу своихъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ не забываетъ указать въ разныхъ мѣстахъ: «вечеръ знойный, душный, предвѣщающій грозу»; «истуканъ Молоха накаляется докрасна; на сценѣ красноватый отблескъ, падающій и на мѣдныхъ коней Эйшмуна»; «Саламбо въ безсиліи преклоняется къ истукану и впадаетъ въ молчаніе»; «народъ стоитъ въ оцѣпенѣніи, пораженный красотой и рѣшимостью Саламбо...»; «Мато, одинъ, въ цѣпяхъ, мрачный, измученный пыткой, сидитъ на черномъ камнѣ, опустивъ голову; сбоку брошенъ его грубый сѣрый плащъ»..; «при послѣднемъ словѣ жрецовъ, Мато вскакиваетъ, но потомъ быстро опускается на камень и, склонивъ голову, произноситъ подавленнымъ голосомъ: конецъ!..» Все это указанія очень важныя и характерныя. Они доказываютъ, что, сочиняя оперу, Мусоргскій былъ не всего только музыкантъ, но и драматическій авторъ, наполненный всѣми подробностями изображаемаго сценическаго дѣйствія, всѣмъ тѣмъ живописнымъ и пластическимъ элементомъ, который присущъ драмѣ, но слишкомъ часто вовсе не существуетъ для композиторовъ, только-что занятыхъ своимъ музыкальнымъ дѣломъ. Впослѣдствіи, во время сочиненія Мусоргскимъ другихъ его оперъ, фантазія его точно также не была исключительно занята одною музыкой; она была, какъ во время «Саламбо», наполнена всѣми живописными и пластическими подробностями сцены, дѣйствія, позъ и движеній.

Опера «Саламбо» не была кончена, и осталась послѣ автора

Digitized by Google

въ рукописи: послѣдній отрывокъ (1-я картина IV-го акта) былъ написанъ въ декабрѣ 1864 года, и съ тѣхъ поръ Мусоргскій болѣе не продолжалъ ея [1]). Но сочиненное не погибло безъ слѣда и практическаго употребленія: всѣ лучшія части уже конченныхъ картинъ впослѣдствіи, лѣтъ 10 спустя, вошли въ составъ «Бориса Годунова» и нѣкоторыхъ другихъ сочиненій Мусоргскаго 70-хъ годовъ. Такъ, напримѣръ, обращеніе Саламбо (во II-мъ актѣ) къ богинѣ Танитѣ превратилось въ речитативъ умирающаго Бориса Годунова; молебный хоръ жрицъ, во время ея сна, къ Танитѣ и речитативъ Мато, прислушивающагося къ нему изъ-за колоннады храма—въ речитативъ Димитрія Самозванца, умоляющаго Марину о любви, въ сценѣ у фонтана; инструментальная фигура, служащая для характеристики Мато (и положенная въ основу превосходнаго, энергическаго «хора ливійцевъ», теперь болѣе не существующаго, такъ какъ онъ не былъ найденъ въ бумагахъ Мусоргскаго), послужила для хора «Ісусъ Навинъ», сочиненнаго въ началѣ 1870-хъ годовъ и окончательно изложеннаго на бумагѣ въ 1877 году; патетическая сцена Мато съ Спендіемъ и Саламбо, послѣ похищенія «Заимфа»—въ сцену двухъ іезуитскихъ патеровъ, Черниковскаго и Лавицкаго, схваченныхъ народомъ, въ послѣдней сценѣ оперы «Борисъ»; хоръ (F-moll) взволнованнаго карѳагенскаго народа (первоначально хоръ греческаго народа у храма Эвменидъ въ «Эдипѣ» Софокла) превратился, въ 1871 году, въ хоръ двухъ волнующихся народныхъ партій въ оперѣ «Млада», а впослѣдствіи, въ 1875—1876 году, послѣ того какъ «Млада» не состоялась—въ народный хоръ для «Сорочинской ярмарки». Начало сцены въ храмѣ Молоха послужило впослѣдствіи для Arioso Бориса въ III-мъ актѣ оперы «Борисъ Годуновъ»; торжественное «славленье» Молоха послужило для «славленья» Димитрія Самозванца народомъ, при въѣздѣ его въ городъ Кромы; послѣдняя сцена III-го акта «Саламбо» послужила главной основой для «сцены на Лысой горѣ», сочиненной въ 1875—1876 году для «Сорочинской ярмарки». Смертный приговоръ, читаемый пентархами заключенному въ тюрьму Мато, сдѣлался основой для «боярской думы», собравшейся, по повелѣнію Бориса, въ Кремлѣ и произносящей смертный приговоръ Димитрію Самозванцу. Такимъ об-

[1]) Кромѣ трехъ картинъ, вполнѣ докончепныхъ, въ бумагахъ Мусоргскаго нашелся еще маленькій отрывокъ для оперы „Саламбо", озаглавленный такъ: „Молоденькій балеарецъ поетъ, сидя на бочкѣ, съ металлическими тарелочками въ рукахъ, и покачивается"; къ сожалѣнію, на этомъ листкѣ написано всего только 16 тактовъ, для одного фортепьяно; потомъ написано „и т. д.".

Digitized by Google

разомъ, незаимствованными изъ «Саламбо» остались почти все только речитативы, и то немногіе. Но не надо думать, что заимствованія эти были простымъ повтореніемъ и механическимъ перенесеніемъ изъ одной оперы въ другую: нѣтъ, заимствованный матеріалъ подвергся значительной передѣлкѣ, разработкѣ, расширенъ и углубленъ, сообразенъ съ требованіями новаго сюжета и съ художественнымъ развитіемъ самого Мусоргскаго за истекшій промежутокъ годовъ. Вообще, матеріалъ этотъ значительно выигралъ, выросъ и похорошѣлъ. Быть можетъ, развѣ только «Arioso» Бориса въ III-мъ актѣ («Тяжкая десница грознаго судіи») не проявило измѣненія къ лучшему: служащая ему основой тэма, кажется, была несравненно болѣе къ своему авантажу въ первоначальномъ своемъ видѣ, въ видѣ широкаго и важнаго, многоголоснаго хора народнаго въ храмѣ Молоха: характеръ молебности, форма хора, послѣдовательное вступаніе одной половины хора за другою—все это, кажется, было для этой музыкальной мелодіи выгоднѣе и сроднѣе, чѣмъ самобичеваніе и страхъ раскаявающагося Бориса.

Но, несмотря на всю важность задачи «Саламбо», столько ему нравившейся, Мусоргскій не ограничился въ 1864 году одною этою оперою. Уже раннею весною того года онъ сочинилъ необыкновенно поэтическій и красивый романсъ «Ночь», на слова Пушкина: «Твой голосъ, для меня и ласковой, и томный» (романсъ помѣченъ: 10 апрѣля 1864). Четыре года спустя, онъ его наинструментовалъ для оркестра. Къ этому же году относится сочиненіе романса «Калистратъ» на слова Некрасова; про него Мусоргскій сдѣлалъ, въ краткомъ спискѣ своихъ сочиненій, такую замѣтку: «Первая попытка комизма».

Въ 1865 году скончалась мать Мусоргскаго. Онъ въ томъ же году посвятилъ ея памяти два новыхъ сочиненія своихъ, имѣвшихъ для него, въ эту минуту, особенно важное значеніе. Одно изъ нихъ—двѣ маленькихъ пьески для фортепьяно, озаглавленныя: «Изъ воспоминаній дѣтства».—№ 1. Няня и я.—№ 2. Первое наказаніе (няня запираетъ меня въ темную комнату). 22 апрѣля 1865 года». Вверху перваго листа: «Посвящаю памяти моей матушки». Другое сочиненіе: «Колыбельная пѣсня—Спи усни, крестьянскій сынъ», на слова Островскаго изъ «Воеводы». 5 сент. 1865. «Памяти Ю. И. Мусоргской. (Этотъ романсъ изданъ шесть лѣтъ спустя, въ 1871 году). Мусоргскій нѣжно любилъ свою мать, связанъ былъ съ нею крѣпкимъ чувствомъ послѣ столькихъ лѣтъ, дружески прожитыхъ вмѣстѣ, и если онъ посвятилъ ея памяти эти два сочиненія, то навѣрно потому, что

Digitized by Google

считалъ ихъ въ ту минуту особенно для себя важными, въ томъ или другомъ отношеніи. Разсматривая эти сочиненія, мы сначала остаемся нѣсколько озадачены, потому-что одно изъ двухъ посвященныхъ матери сочиненій: «Воспоминанія дѣтства» —сочиненіе крайне плохое, слабое, и Мусоргскій самъ это настолько хорошо понималъ, что не только никогда не напечаталъ этихъ фортепьянныхъ пьесокъ, но даже не докончилъ вторую («Первое наказаніе»), и такъ и оставилъ ихъ заброшенными въ своихъ бумагахъ. Но, всмотрѣвшись ближе, мы скоро понимаемъ значеніе обоихъ посвященій. Въ настоящемъ случаѣ важно не совершенство или несовершенство сочиненій, а то, что въ основу ихъ легли новая задача и мотивы, къ которымъ приступалъ въ ту минуту Мусоргскій. Это былъ рѣшительный переломъ въ направленіи его творчества. Онъ принимался за такое дѣло въ музыкѣ, котораго прежде почти не трогалъ, но на сторону котораго онъ долженъ былъ съ этой минуты перейти всецѣло и навсегда. Это—изображеніе, посредствомъ музыкальныхъ формъ, пережитаго и видѣннаго имъ самимъ въ продолженіи своей собственной жизни и, въ то же время, изображеніе характеровъ, типовъ, сценъ изъ среды и массы народной. Рѣшившись посвятить себя отнынѣ этой, и единственно этой, художественной задачѣ, *жизненному реализму*, Мусоргскій, конечно, чувствовалъ всю важность начинаемаго имъ дѣла, и, конечно, именно потому-то и посвящалъ дорогихъ своихъ первенцевъ памяти только-что скончавшейся матери. Ученическіе, несамостоятельные годы его кончались, онъ становился на свои собственныя ноги, онъ уже выросъ въ самобытнаго, зрѣлаго, смѣлаго мастера.

III.

Вторая половина 60-хъ годовъ была, для новой русской музыкальной школы, временемъ не только необыкновенно оживленной дѣятельности, но еще и эпохою самаго могучаго подъема творческихъ силъ. Съ одной стороны, стоялъ 50-лѣтній Даргомыжскій, вдругъ вспыхнувшій съ новою, неслыханною мощью, и смѣлымъ шагомъ двинувшійся къ созданію послѣдняго, геніальнаго своего созданія; съ другой выступала впередъ группа 20-лѣтнихъ юношей, съ сильными, оригинальными, въ высшей степени разнообразными, талантами, начинавшихъ творить многочисленныя, капитальнѣйшія музыкальныя созданія. Какое это было время оживленія, кипучей дѣятельности!

Digitized by Google

Даргомыжскій представлялъ примѣръ, почти небывалый въ исторіи русскаго художественнаго творчества: примѣръ талантливаго человѣка, не только не сошедшаго со сцены въ періодъ начинающагося старчества, не только не уставшаго, не сломленнаго, не обезкураженнаго, но проявившаго такую энергію, какой не бывало у него даже въ лучшіе годы юношества и зрѣлости. Даргомыжскій, долго хмурившійся и дувшійся послѣ незаслуженной неудачи, среди нашей публики, крупнаго его произведенія, оперы «Русалка», теперь вдругъ снова просвѣтлѣлъ и ожилъ. Онъ уже пересталъ, какъ прежде, за неимѣніемъ лучшаго, пробавляться стоическими размышленіями, что-молъ «уединеніе и постоянная забота объ усовершенствованіи своихъ произведеній—вотъ истинная жизнь художника, вотъ его счастье»... Или: «Тотъ, кто пишетъ съ цѣлью пріобрѣтенія богатства или громкой славы, уже не есть художникъ, а просто талантливый человѣкъ, торгующій способностями своими»... Или: «Никому другому невѣдомыя и никакою земною властью неотъемлемыя наслажденія дано художнику испытывать въ жизни» и проч. («Русск. Стар.», 1875, т. XIII, 429. Письмо къ Л. И. Кармалиной отъ 1860 г.); онъ пересталъ также увѣрять родныхъ, пріятелей и знакомыхъ, что «менѣе, чѣмъ когда-нибудь, расположенъ искать извѣстности въ Россіи, но что ему доставляетъ самое пріятное развлеченіе и услажденіе — печатаніе здѣсь у насъ хвалебныхъ про него статей иностранныхъ журналовъ, чтобъ пошиканировать петербургскихъ свиней, которыя столько лѣтъ хрюкали около него, и на сценѣ, и въ гостиныхъ, и въ журналахъ» (тамъ же, т. XII, стр. 101, письмо къ сестрѣ отъ 6 янв. 1865 г.). И напускной стоицизмъ, и ничтожное желаніе «пошиканировать» — все это разомъ исчезло, все это уступило тотчасъ же мѣсто чему-то свѣтлому, глубокому, благородному и поэтическому, едва только зашевелилось снова у Даргомыжскаго угасшее-было на время творчество, едва только онъ почувствовалъ внутри себя новую, громадную, вдругъ выросшую силу, и присутствіе новой задачи, превосходившей все, что только онъ, до тѣхъ поръ, предпринималъ. Не только «Русалка», но всѣ лучшія, оригинальнѣйшія и совершеннѣйшія созданія того десятилѣтія, которое за нею послѣдовало (отрывки изъ «Рогданы», «Баба-Яга», «Чухонская фантазія», «Восточный романсъ», «Паладинъ», «Старый капралъ», «Червякъ», «Титулярный совѣтникъ» и т. д.)—все это номерка передъ тѣмъ, что онъ теперь вдругъ предпринялъ, скоро послѣ возвращенія изъ заграничнаго путешествія (1864—65), все еще полнаго раздраженнаго самолюбія, неудовлетворенныхъ

Digitized by Google

надеждъ. «Пробую дѣло небывалое» (говоритъ онъ въ письмѣ къ Л. И. Кармалиной отъ 17 іюля 1866 г.): «пишу музыку на сцены «Каменнаго гостя», такъ какъ онѣ есть, не измѣняя ни одного слова. Конечно, никто не станетъ этого слушать». Онъ въ первое время говорилъ, что это онъ «забавляется надъ Донъ-Жуаномъ Пушкина». Но скоро онъ пересталъ это звать «забавой». Громадность труда, геніальное творчество, ему прежде незнакомая сила увлекли его на чудныя высоты. «Несмотря на тяжкое мое состояніе» [1]), — писалъ онъ Л. И. Кармалиной въ апрѣлѣ 1868 г., — я затянулъ лебединую пѣснь. Пишу «Каменнаго гостя». Странное дѣло. Нервическое настроеніе мое вызываетъ мысль одну за другою. Усилія почти нѣтъ. Я въ два мѣсяца написалъ столько, на сколько въ прежнія времена потребовался бы мнѣ цѣлый годъ. Вы, можетъ быть, подумаете, что я подъ старость лѣтъ пишу что-нибудь пустенькое, вяленькое. Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Пишу не я, а какая-то сила, для меня невѣдомая. «Каменный гость» обратилъ мое вниманіе еще лѣтъ 5 тому назадъ, когда я былъ совершенно здоровъ, и я отшатнулся передъ колоссальностью этой работы. А теперь, больной, въ теченіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ, написалъ почти три четверти всей оперы. Конечно, это произведеніе будетъ для немногихъ, за то мой музыкальный кружокъ вѣло доволенъ трудомъ моимъ. Посылаю вамъ отрывокъ газеты («С.-П.-Б. Вѣдомости»). Это отголосокъ о моемъ «Гостѣ» всей злобной Балакиревской партіи» («Русская Стар.», 1875, т. XIII, стр. 434). Даргомыжскій слишкомъ слабо высказывалъ тутъ то чувство, которое наполняло «Балакиревскую партію»: это былъ восторгъ, изумленіе, это было почти благоговѣйное преклоненіе передъ могучей творческой силой, преобразившей творчество и личность художника, сдѣлавшей этого слабаго, желчнаго, иной разъ мелкаго и завистливаго, человѣчка — какимъ-то могучимъ гигантомъ воли, энергіи и вдохновенія. «Балакиревская партія» ликовала и восторгалась. Она окружала Даргомыжскаго своимъ искреннимъ обожаніемъ, и своими глубоко-интеллектуальными симпатіями награждала бѣднаго старика, въ послѣдніе дни его жизни, за всѣ долгіе годы нравственнаго его одиночества и непризнаванія, своимъ же народомъ, его великаго историческаго значенія.

«Балакиревскій кружокъ», къ этому времени, и самъ уже значительно выросъ, и количественно, и качественно. Къ тремъ первоначальнымъ его членамъ (Балакиревъ, Кюи, Мусоргскій),

[1]) Послѣдняя болѣзнь Даргомыжскаго—аневризмъ сердца.

Digitized by Google

въ началѣ 60-хъ годовъ прибавилось еще два новыхъ члена: Н. А. Римскій-Корсаковъ и А. П. Бородинъ. Новые товарищи не уступали прежнимъ въ талантливости, силѣ и самобытности. Всѣ пятеро шли на всѣхъ парусахъ, ихъ талантъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разцвѣталъ и хорошѣлъ.

Впереди всѣхъ летѣлъ «орломъ» (выраженіе Даргомыжскаго) Милій Балакиревъ, оставшійся и въ этомъ періодѣ руководителемъ и главою партіи. Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ онъ сочинилъ цѣлый рядъ романсовъ, великолѣпныхъ по глубокой страстности, пламенной красотѣ и новизнѣ формъ («Приди ко мнѣ», «Введи меня, о ночь, тайкомъ», «Еврейская мелодія», «Изступленіе», «Пѣсня золотой рыбки», «Грузинская пѣсня»), оркестровую увертюру на русскія темы, чудную увертюру къ «Лиру», антракты, и—«Шествіе» къ той же трагедіи Шекспира, принадлежащее, конечно, къ числу высшихъ и капитальнѣйшихъ созданій новой музыки (я не говорю здѣсь о прочихъ крупныхъ сочиненіяхъ М. А. Балакирева; они принадлежатъ другой эпохѣ). Съ 1862 года онъ сталъ, вмѣстѣ съ Г. Я. Ломакинымъ, во главѣ созданной имъ Безплатной музыкальной школы. Эта школа, родившаяся на свѣтъ по чудесному примѣру безплатныхъ воскресныхъ школъ, вдругъ возникшихъ, по общему великодушному порыву, на пространствѣ цѣлой Россіи, пережила ихъ всѣхъ и принесла больше ихъ всѣхъ пользы тому дѣлу, для котораго возникла. Въ продолженіе 20 лѣтъ своего существованія она была постоянно истиннымъ русскимъ музыкальнымъ центромъ, около котораго тяготѣли лучшіе русскіе музыкальные интересы. Въ концертахъ этой школы исполнено все, что создано самаго крупнаго и выдающагося, настолько же самобытнаго, сколько и талантливаго, новою русскою школою. М. А. Балакиревъ былъ здѣсь съ самаго же начала душою и двигателемъ дѣла. Онъ самъ все велъ, все зачиналъ и устроивалъ, и самъ же, съ большимъ огнемъ и мастерствомъ, дирижировалъ, въ концертахъ Безплатной школы, оркестромъ. А въ этихъ концертахъ, кромѣ Бетховена, всего больше онъ исполнялъ—слишкомъ мало, или и вовсе неизвѣстныя у насъ сочиненія Глинки, Даргомыжскаго, Шумана, Шуберта, Листа, Берліоза. Этими концертами онъ сильно образовывалъ и развивалъ и товарищей своихъ, и русскую публику. Въ 1866 году, на придачу къ остальной разнообразной и энергической своей дѣятельности, Балакиревъ издалъ великолѣпный сборникъ русскихъ пѣсенъ, записанныхъ имъ въ приволжскихъ губерніяхъ—первый истинно-научный и художественный сборникъ нашихъ пѣсенъ. Этотъ сборникъ имѣлъ громадное

Digitized by Google

значеніе для нашей школы. Въ первые годы композиторской дѣятельности товарищей, Балакиревъ былъ самымъ надежнымъ критикомъ ихъ сочиненій, ихъ профессоромъ по части музыкальныхъ формъ и оркестровки. Во всемъ этомъ онъ раньше ихъ всѣхъ сложился, раньше всѣхъ ихъ поднялся на высоту, и оттуда протягивалъ имъ надежную руку. Даже большинство тѣмъ для крупнѣйшихъ произведеній товарищей намѣчено имъ М. А. Балакиревымъ: такъ онъ указалъ Ц. А. Кюи, какъ сюжетъ для оперы—«Ратклиффа»; Н. А. Римскому-Корсакову—«Псковитянку» и «Антара»; А. П. Бородину—«Царскую невѣсту (эта послѣдняя опера осталась, впрочемъ, едва начатою). На придачу ко всему остальному, М. А. Балакиревъ былъ однимъ еще необыкновенно полезенъ своему музыкальному кружку: ни у кого изъ остальныхъ товарищей не было, какъ у него, страсти отыскивать, узнавать и тотчасъ же исполнять неизвѣстныя еще созданія великихъ мастеровъ послѣбетховенскаго періода: Фр. Шуберта, Шумана, Берліоза, Листа. Всякое новое открытіе было для него истиннымъ счастьемъ, восторгомъ, и онъ увлекалъ за собою, въ пламенномъ порывѣ, всѣхъ товарищей своихъ. Около такого-то могучаго вождя, съ глубокою любовью и сочувствіемъ группировались остальные члены партіи.

Балакирева окружала фаланга товарищей съ натурами и складомъ самыми разнообразными, но съ талантомъ, одинаково горячимъ, могучимъ и глубокимъ. Они развились и пошли въ гору почти всѣ одновременно, и къ серединѣ 60-хъ годовъ у каждаго изъ нихъ было создано много оригинальныхъ и крупныхъ произведеній, играющихъ важную роль въ исторіи не только ихъ творчества, но и русской музыки. У Ц. А. Кюи была сочинена увертюра къ «Кавказскому плѣннику», прелестное скерцо для оркестра и нѣсколько романсовъ, гдѣ высказывалась вся его страстная, нервная и изящная натура, иногда напоминающая Шумана, но умѣющая брать душевныя ноты изъ такихъ психологическихъ глубинъ, которыя недоступны ни одному другому композитору. Лучшимъ изъ его романсовъ былъ, въ то время, романсъ на слова: «Въ душѣ горитъ огонь любви». Кюи уже приступалъ, въ это время, къ чудному своему созданію, оперѣ «Ратклиффъ». Н. А. Римскій-Корсаковъ, еще кадетомъ морского корпуса познакомившійся съ М. А. Балакиревымъ и начавшій сочинять талантливыя вещи, выступилъ въ 1865 году, едва возвратившись изъ кругосвѣтнаго плаванія, съ симфоніею, которая сразу обратила на себя вниманіе даже всей публики; потомъ вскорѣ сочинилъ цѣлый рядъ романсовъ, поразительныхъ по кра-

Digitized by Google

сотѣ и поэтичности («Еврейская пѣснь», «Плѣнившись розой соловей», «Изъ слезъ моихъ», «Сосна», «Южная ночь», «Въ темной рощѣ»), и задумывалъ уже «Садку» и «Антара». — Наконецъ, А. П. Бородинъ, позже всѣхъ выступившій съ чудесными своими созданіями, хотя и нѣсколько старшій годами противъ товарищей, уже началъ (1862) великолѣпную и оригинальную свою симфонію, глубоко поразившую, можно сказать, съ первыхъ-же тактовъ, М. А. Балакирева, который немедленно и оцѣнилъ всю своеобразность таланта новаго музыкальнаго товарища своего. Въ то время были уже у него сочинены также чудесные первенцы его романсовъ: «Фальшивая нота» и «Спящая княжна». Всѣ эти талантливые люди были не только товарищи, но и друзья между собою. Они поминутно встрѣчались, проводили цѣлые вечера вмѣстѣ за музыкой и, конечно, сильно дѣйствовали одинъ на другого, прибавляя подъемъ духа и раздувая поэтическій пламень. Мусоргскій былъ, въ ихъ средѣ, одинъ изъ самыхъ главныхъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ. Каково-же было впечатлѣніе, производимое на него этою чудною, могучею атмосферою талантливости и творчества, все только болѣе и болѣе разгорающагося, несущагося въ могучемъ полетѣ. Понятно, что и онъ тоже, какъ остальные товарищи, пошелъ впередъ мощнымъ шагомъ. А. П. Бородинъ, только-что воротившійся изъ-за границы (осенью 1862 года), такъ описываетъ возобновленіе, въ это время, своего знакомства съ Мусоргскимъ. «Я въ это время познакомился съ Балакиревымъ, и третья моя встрѣча съ Мусоргскимъ была именно у Балакирева. Мы снова узнали другъ друга сразу, вспомнили объ первыя встрѣчи. Мусоргскій тутъ уже сильно выросъ музыкально. М. А. Балакиревъ хотѣлъ тотчасъ-же меня познакомить съ музыкою своего кружка и, прежде всего, съ симфоніей «отсутствующаго» (это былъ Н. А. Римскій-Корсаковъ). Тутъ Мусоргскій сѣлъ съ Балакиревымъ за фортепьяно (Мусоргскій на primo, Балакиревъ на secondo). Игра была уже совсѣмъ не та, чѣмъ въ первыя двѣ встрѣчи. Я былъ пораженъ блескомъ, глубокою осмысленностью, энергіей исполненія и красотою вещи. Они сыграли финалъ симфоніи. Вскорѣ мы сошлись съ Мусоргскимъ близко». Всѣ художественныя качества, поразившія А. П. Бородина въ Мусоргскомъ 1862 года, продолжали въ немъ расти и въ слѣдующіе годы этого періода съ изумительной быстротой. Но скоро къ той трагичности, красотѣ, выразительности, которыя составляютъ главную основу лучшихъ произведеній перваго періода (хоры изъ «Эдипа» и «Саламбо», романсы: «Саулъ», «Колыбельная:— «Спи усни, крестьянскій сынъ»),

Digitized by Google

въ это время прибавился еще новый могучій художественный элементъ: элементъ національной жизненности и комизма.

Безъ сомнѣнія, этотъ элементъ глубоко лежалъ въ натурѣ Мусоргскаго и, рано или поздно, высказался-бы во всей своей характерности. Но что этотъ элементъ высказался именно въ ту минуту и сразу въ такомъ изумительномъ совершенствѣ — тому причиной былъ Даргомыжскій. Онъ первый ступилъ на эту новую, никѣмъ до тѣхъ поръ непробованную, дорогу (великолѣпный комическій элементъ, присущій таланту Глинки, не заключалъ ничего національнаго и имѣлъ характеръ обще-европейскій, отчасти даже итальянскій: вспомнимъ Фарлафа). Когда Мусоргскій въ 1857 году познакомился съ Даргомыжскимъ, у этого послѣдняго существовала уже цѣлая галлерея неподражаемыхъ жизненныхъ созданій, высоко-оригинальныхъ, и въ такихъ національныхъ формахъ, какихъ до него не пробовалъ никто въ мірѣ. «Титулярный совѣтникъ», «Червякъ», «Мчитъ меня въ твои объятія», «Какъ пришелъ мужъ изъ-подъ горокъ», «Охъ тихъ-тихъ-ти!»,—это все были высокія созданія, явившіяся на свѣтъ скоро послѣ «Русалки», въ антрактѣ передъ еще болѣе великимъ созданіемъ, «Каменнымъ гостемъ»; это все были высокіе образы самостоятельнаго, безпримѣрно-самобытнаго таланта, пробующаго свои силы передъ великимъ художественнымъ шагомъ впередъ. Примѣръ Даргомыжскаго долженъ былъ подѣйствовать съ увлекательною силою на Мусоргскаго, эту натуру, во многомъ столько родственную Даргомыжскому. Дорога была пробита, теперь уже легче ему было по ней идти, и создавать свое. Чѣмъ былъ для него Даргомыжскій, Мусоргскій засвидѣтельствовалъ это въ посвященіи ему двухъ, изъ числа самыхъ капитальныхъ, своихъ созданій 60-хъ годовъ: «Колыбельная Еремушки» и «Съ няней». На оригинальной рукописи онъ надписалъ:

«Великому учителю музыкальной правды».

Да, правда, наиближайшая близость къ натурѣ, вотъ какая была самая главная задача, вотъ какой былъ главный предметъ заботы и Даргомыжскаго и Мусоргскаго. Ихъ наполнялъ тотъ самый духъ правды и естественности, который оживилъ, сто лѣтъ тому назадъ, Глюка. Всѣ трое были всего болѣе проникнуты мыслью о необходимости приблизить пѣніе и декламацію къ интонаціямъ человѣческой рѣчи. Только Даргомыжскій и Мусоргскій пошли въ этомъ гораздо дальше Глюка: иначе и быть не должно было, они жили цѣлымъ столѣтіемъ позже его. У великаго нѣмца XVIII вѣка вся его реформаторская сила была

Digitized by Google

направлена только на выраженіе высокихъ, исключительныхъ и патетическихъ движеній. Изъ числа всѣхъ чувствъ, волнующихъ человѣческую душу, онъ заботился о выраженіи лишь немногихъ: любви, патріотизма, ревности, отчаянья, гнѣва. Притомъ у него дѣйствующими лицами являлись (сообразно съ тогдашними понятіями объ искусствѣ) все только герои, цари, принцессы и жрецы. У двухъ преемниковъ Глюка, въ XIX вѣкѣ задача не могла уже оставаться такъ узка и ограниченна: имъ нужно было распространить глубокую правду реальнѣйшаго выраженія на всю гамму человѣческихъ чувствъ и на каждаго изъ людей, взятыхъ ими въ свою картину, все равно большую или маленькую. Имъ выше всего дорога была та самая неподдѣльная неподкрашенность и правдивость, которыя давно уже существовали въ созданіяхъ великихъ русскихъ реалистовъ нашего вѣка: Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Островскаго, но которую все еще игнорировала музыка, продолжавшая по старымъ преданіямъ пребывать исключительно на лонѣ одного отвлеченнаго идеализма. Въ «Русалкѣ» Даргомыжскій стоялъ на порогѣ двухъ направленій: однѣ части его оперы—въ характерѣ идеальномъ, другія въ реальномъ. Но у него не было настоящей глубокой способности къ первому роду, въ которомъ созданы, съ недосягаемымъ совершенствомъ, великія, геніальныя творенія Глинки, и потому все сюда относящееся вышло у Даргомыжскаго въ оперѣ слишкомъ посредственно и второстепенно. Значительны въ «Русалкѣ» лишь тѣ мѣста, гдѣ Даргомыжскій является въ настоящей своей роли, роли реалиста. Послѣ «Русалки» его колебанія кончились, онъ разлучился съ прежнимъ, мало свойственнымъ его натурѣ, направленіемъ, сбросилъ его съ себя какъ чужой кафтанъ, и навѣки сдѣлался, наконецъ, самимъ собою. Періодъ «ношенія чужого кафтана» становился теперь для Мусоргскаго уже гораздо короче: то дѣло, до котораго Даргомыжскій добрался лишь не задолго до своихъ 50 лѣтъ, за него могъ Мусоргскій приниматься смѣлою, надежною рукою уже въ 25 лѣтъ.

«Въ 1865 году, осенью,—пишетъ мнѣ Фил. Петр. Мусоргскій,—мой братъ Модестъ сильно захворалъ. Подготовлялась ужасная нервная болѣзнь. Вслѣдствіе того моя жена употребила всѣ усилія, чтобъ заставить его переѣхать изъ «коммуны» къ намъ». Сначала это было ему даже непріятно (онъ такъ привыкъ къ жизни съ своими товарищами), но потомъ скоро опять освоился съ семейною жизнью и прожилъ съ братомъ и невѣсткой конецъ 1865 года, весь 66-й и 67-й и часть 1868 года, когда они окончательно выѣхали изъ Петербурга и навсегда пересели-

Digitized by Google

лись въ деревню. Эти года—періодъ появленія на свѣтъ цѣлаго ряда романсовъ, принадлежащихъ къ числу совершеннѣйшихъ созданій Мусоргскаго. Компанія музыкальныхъ товарищей часто собиралась тогда въ нѣсколькихъ знакомыхъ, близкихъ домахъ: то у Даргомыжскаго, то у Ц. А. Кюи, то у Л. И. Шестаковой (сестры Глинки), то, наконецъ, иногда и у меня. Ничто не можетъ сравниться съ чуднымъ художественнымъ настроеніемъ, царствовавшимъ на этихъ маленькихъ собраніяхъ. Каждый изъ «товарищей» былъ крупный талантливый человѣкъ и приносилъ съ собою ту чудесную поэтическую атмосферу, которая присутствуетъ въ натурѣ художника, глубоко занятаго своимъ дѣломъ и охваченнаго вдохновеніемъ творчества. Каждый изъ «товарищей» рѣдко приходилъ на собраніе съ пустыми руками: онъ приносилъ либо новое произведеніе свое, только-что оконченное, либо отрывки изъ создаваемаго въ ту минуту. Одинъ показывалъ новое скерцо, другой—новый романсъ, третій—часть симфоніи или увертюру, четвертый—хоръ, еще иной—оперный ансамбль. Какое это было раздолье творческихъ силъ! Какое роскошное торжество фантазіи, вдохновенія, поэзіи, музыкальнаго почина! Всѣ толпой собирались около фортепьяно, гдѣ аккомпанировалъ либо М. А. Балакиревъ, либо Мусоргскій, какъ самые сильные фортепьянисты кружка, и тутъ шла тотчасъ же проба, критика, взвѣшиваніе достоинствъ и недостатковъ, нападеніе и защита. Затѣмъ, игрались и пѣлись лучшіе, любимѣйшіе «товарищами» прежнія сочиненія. На этихъ собраніяхъ, гдѣ талантъ, одушевленіе, строгая художественная работа оцѣнки, веселость — били ключемъ, появленіе новыхъ романсовъ Мусоргскаго производило всегда великое впечатлѣніе. Трагизмъ однихъ, комичность и юморъ другихъ глубоко дѣйствовали на сильно воспріимчивыхъ, какъ всѣ таланты, «товарищей» Мусоргскаго. Эти романсы исполнялись, едва ли не всего чаще, по общему требованію. И не мудрено, когда съ талантливостью созданія постоянно соединялась столь же великая талантливость исполненія. Мусоргскій былъ великолѣпный пьянистъ, совершенствовавшійся все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ (конечно, рѣчь идетъ не о концертныхъ пьесахъ). Онъ аккомпанировалъ пѣнію — особливо своему собственному—съ несравненнымъ совершенствомъ. Каково же должно было быть увлеченіе слушателей отъ той необычайной правдивости, комизма, естественности, граціи, простоты, которые потоками лились изъ натуры Мусоргскаго!

В. Стасовъ.

Digitized by Google

АХАЛЪ-ТЕКИНСКІЙ ОАЗИСЪ

и

ПУТИ ВЪ ИНДІЮ [1]).

Послѣднее движеніе русскихъ въ среднюю Азію обратило на себя вниманіе всей Европы и въ особенности Англіи, гдѣ въ послѣдніе годы вышло множество сочиненій, посвященныхъ разсмотрѣнію вопроса о среднеазіатскихъ русскихъ владѣніяхъ вообще и въ частности о движеніи русскихъ въ текинскій оазисъ.

---

[1]) Пособіями при составленіи настоящаго очерка служили: 1) *Костенко*, Л. Ѳ. Туркестанскій край, т. I, II и III. Спб. 1880. 2) *Костенко*, Л. Ѳ. Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности. Спб. 1871. 3) *Терентьевъ*, М. А. Россія и Англія въ борьбѣ за рынки. Спб. 1876. 4) *Шашковъ*, Индустанъ и англичане. „Историческіе очерки С. С. Шашкова". Спб. 1875. 5) *Шаровъ*. О путяхъ для торговли Россіи съ Азіей. Спб. 1878. 6) *Петровскій* Н. Ѳ., Матеріалы для торговой статистики Туркестанскаго края. Спб. 1874. 7) Докладъ (комитету общества содѣйствія промышленности и торговли), составленный особою комиссіею по изслѣдованію путей для торговли Россіи съ Азіей. 8) *Петрусевичъ*, Записки Кавказскаго Отдѣленія Импер. Русск. Геогр. Общ. кн. XI, вып. I. Тифлисъ. 1880. 9) *Маевъ*, Матеріалы для статистики Туркестанскаго края, вып. I (1872 г.) и II (1873 г.). 10) *Борисъ*, Путешествіе въ Кабулъ и Бухару. I, II, III и IV т. *Мартенсъ*, Россія и Англія въ Средней Азіи. 11) Neues aus der Geographie, Kartographe, und Statistik Europa's und seiner Kolonien. Bearbeitet vom Grossen Generalstabe. Berlin. 1879. 12) *Marvin* Charles. Merv and the Man-stealing Turcomans. London. 1881. 13) *Torrens*. Empire in Asia. London. 1872. 14) *Boulger*. England and Russia in Central Asia. 1—2 vol. London. 1879. 15) *Hunter* W. W. The Indian Musalmans. London. 1872. 16) *Bousselet* Louis. L'Inde des Rajahs. Voyage dans l'Inde Centrale. Paris. 1877. 17) *Schuyler*, Phil. Turkistan. Notes of a Journey in Russian Tourkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja: 1 и 2 vol. London. 1876. 18) Montalembert. Un débat sur l'Inde au parlement anglais. Bruxelles. 1858. 19) *Legrand*. Les routes de l'Inde. Paris. 1880. 20) *Valbezen*. Les Anglais et l'Inde. Paris. 1875. 21) Барту де-Паноэкъ. „Индія подъ англійскимъ владычествомъ". I и II т. Москва. 1848.

Digitized by Google

Только-что окончилась неудачная для русскихъ экспедиція 1879 года, какъ въ Англіи появилось весьма объемистое сочиненіе Марвина подъ заглавіемъ: „Несчастный походъ русскихъ въ ахалъ-текинскій оазисъ".

Путешествіе Барнеби въ Хиву вышло уже, кажется, седьмымъ изданіемъ.

Книжка Бульгера: „Россія и Англія въ Средней Азіи", имѣла несомнѣнный успѣхъ: всѣ, сколько-нибудь значительные, органы англійской печати сдѣлали изъ нея выдержки, что также не мало способствовало ея успѣху.

Наконецъ, въ февралѣ настоящаго года, уже по взятіи Геокъ-Тепе, вышла книга того же Марвина: „Merv the Queen of the World" (Мервъ—Королева вселенной), имѣющая цѣлью ознакомленіе англійской публики съ такъ-называемымъ „Мервскимъ вопросомъ", вопросомъ, по мнѣнію автора, крайне важнымъ для англійскихъ интересовъ.

При составленіи этой книги, авторъ пользовался новѣйшими источниками и въ томъ числѣ русскими, каковы, напр., „Туркестанскій край" полковника Костенко и въ особенности статьями убитаго подъ Геокъ-Тепе генералъ-маіора Петрусевича; поэтому, онъ довольно обстоятельно описываетъ туркестанскій край, происхожденіе туркменъ, ихъ племенныя подраздѣленія, ихъ военный и домашній бытъ и проч. Затѣмъ касается колонизаціи закаспійскихъ степей, современнаго положенія и стратегическаго значенія Мерва и въ особенности останавливается на выясненіи того вліянія, которое Россія пріобрѣтаетъ на Хорассанъ послѣ взятія Мерва. По его мнѣнію, послѣ захвата Мерва, Хорассанъ неминуемо станетъ русской провинціей, причемъ Персія потеряетъ всякій признакъ самостоятельности, и для Россіи откроется, черезъ Гератъ, Астрабадъ и Мешхедъ, прямой путь въ Индію.

Хотя Марвинъ и старается увѣрить читателей въ своемъ расположеніи къ Россіи, тѣмъ не менѣе мысль о занятіи Мерва русскими ему, очевидно, не нравится и онъ прямо ставитъ вопросъ: что дѣлать Англіи?

Единственно, чѣмъ можно, по мнѣнію автора, отклонить опасное для Англіи положеніе дѣла—это не допустить Россію въ Мервъ,—Англіи же, завладѣвъ Кандагаромъ и Гератомъ и оставивъ въ покоѣ Константинополь, вступить съ Россіей въ переговоры относительно опредѣленія средне-азіатской границы; это послѣднее онъ считаетъ въ особенности возможнымъ на томъ основаніи, что, будто-бы, русское правительство обязалось „не расширять русскихъ границъ въ Средней Азіи".

Между тѣмъ, у насъ по означенному вопросу было написано

Digitized by Google

весьма немного, хотя онъ касается Россіи ничуть не меньше, чѣмъ Англіи. Русская публика мало знакома съ средне-азіатскими вопросами вообще и въ особенности съ вопросомъ о текинскомъ оазисѣ.

Неудача 1879 года, правда, возбудила нѣкоторый интересъ къ средне-азіатскому вопросу въ русскомъ обществѣ и, главнымъ образомъ, въ періодической печати, бо́льшая часть которой признавала невозможнымъ оставить безнаказанно означенное пораженіе; но никто, въ сущности, не сознавалъ всей той важности для Россіи, всей той необходимости, которая въ дѣйствительности заключалась въ покореніи дерзкаго племени, такъ долго бывшаго грозою Хорассана и всего пространства между Аральскимъ и Каспійскимъ морями съ кочующими на немъ туркменами и адаевскими киргизами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мало кому въ Россіи были извѣстны историческіе факты, касающіеся до этой отдаленной окраины; мало кому было извѣстно, что, умершій весною прошлаго года Нуръ-Верды-Ханъ, соединенный ханъ Ахала и Мерва, можетъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ воителей XIX столѣтія.

Онъ разбилъ на голову хивинцевъ въ 1855 году, затѣмъ персіянъ въ 1861 г. и наконецъ русскихъ въ 1879 году.

Первому пораженію предшествовали слѣдующія обстоятельства: послѣ погрома, нанесеннаго текинцамъ въ старомъ Сераксѣ, хивинскимъ ханомъ Медэміемъ, за постоянные грабежи хивинскихъ областей, и по возвращеніи его въ Хиву, текинцы вскорѣ вновь принялись за свои набѣги, уничтожили весь оставленный въ Серакс̀ѣ хивинскій отрядъ (500 человѣкъ) вмѣстѣ съ намѣстникомъ и опять принялись за прежніе грабежи. Тогда Медэмій-Ханъ въ 1855 году вновь собралъ войско и подступилъ къ Серакс̀у; здѣсь произошло нѣсколько стычекъ, окончившихся совершеннымъ пораженіемъ и бѣгствомъ хивинскаго войска; самъ Медэмій-Ханъ, вмѣстѣ съ окружавшими его лицами, былъ захваченъ на высокомъ курганѣ, съ котораго онъ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Его и всѣхъ бывшихъ при немъ текинцы зарѣзали и голову хана отправили къ Фетхъ-Али шаху въ Тегеранъ, тѣло же было доставлено въ Хиву.

Съ тѣхъ поръ текинцы сдѣлались еще смѣлѣе и стали грабить не только хивинцевъ, бухарцевъ и сарыковъ, жившихъ въ Мервѣ, но и всѣ провинціи Хорассана.

Въ 1857 году они были жестоко наказаны, но, тѣмъ не менѣе, вскорѣ оправились и стали дѣлать на Хорассанъ еще болѣе опустошительные набѣги.

Все это заставило персидское правительство двинуться на Мервъ, съ цѣлью разорить его окончательно.

Предварительно, въ 1860 году, было устроено укрѣпленіе на лѣ-

Digitized by Google

вомъ берегу рѣки Герры-Руда, названное новымъ Сераксомъ, и въ 1861 году двинулось черезъ Серахсъ въ Мерву персидское войско, въ составѣ 12,000 человѣкъ пѣхоты и около 10,000 кавалеріи съ 33 орудіями.

Персіяне настолько были увѣрены въ побѣдѣ, что когда текинцы предложили имъ 1000 семей заложниковъ, кромѣ того 1000 конныхъ на службу и наконецъ по мискалю (золотнику) золота съ каждаго двора, то главнокомандующій Хальве-Мирза отказался отъ этихъ предложеній, твердо вознамѣрившись окончательно уничтожить текинцевъ. Послѣднимъ, конечно, оставалось только защищаться, и результатъ оказался совершенно неожиданный; въ первый же день персіане были разбиты текинцами на-голову; все, что могло, бросилось бѣжать; но все-таки убитыхъ было очень много; а пѣхота и вся артиллерія досталась въ руки текинцамъ. Плѣнныхъ набралось столько, что текинцы не знали, куда ихъ дѣвать, и хотя Хива и Бухара представляли отличный рынокъ для сбыта плѣнныхъ, но, вслѣдствіе изобилія ихъ, цѣны на нихъ такъ понизились, что взрослый мужчина продавался за 25 кронъ (7 руб. 50 коп.).

Послѣ этого погрома, персіане окончательно отказались отъ мысли нападать на текинцевъ и ограничились лишь охраненіемъ отъ нихъ своихъ владѣній.

Текинцы же, послѣ такого успѣха, сдѣлались совершенно независимыми. До пораженія хивинцевъ и персіянъ они должны были признавать себя, то хивинскими, то персидскими подданными, смотря по тому, откуда шла гроза; но погромъ двухъ армій доставилъ имъ полную независимость. Съ этого времени грабежи ихъ сдѣлались еще болѣе жестокими и выразились страшнымъ опустошеніемъ всего сѣверо-восточнаго Хорассана и взятіемъ въ плѣнъ въ 1871 году 2000 семействъ салыровъ, жившихъ у Зуръ-Абада.

До сихъ поръ не удавалось и Россіи справиться съ текинцами: хотя во время ряда экспедицій, отправлявшихся съ 1871 по 1879 г., подъ начальствомъ генерала Ломакина, текинцы и были постоянно разбиваемы, но такъ какъ послѣ этого войска всякій разъ возвращались назадъ, то текинцы принимали это за признакъ безсилія русскихъ войскъ и, наконецъ, ободрились до того, что въ 1879 году отбили штурмъ Геокъ-Тепе, съ значительными потерями для русскихъ войскъ, привыкшихъ къ дешевымъ среднеазіатскимъ побѣдамъ.

Конечно, это пораженіе не могло остаться безъ вліянія на общее положеніе русскихъ въ средней Азіи и должно было, до извѣстной степени, поколебать обаяніе, столь прочно внушенное предъидущими побѣдами.

Нельзя, да и несправедливо также было бы искать виновника

Digitized by Google

этой неудачи, которая была положительно случайностью: на штурмъ пошли лучшіе наши кавказскіе полки, подъ начальствомъ храбрыхъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе легли, но штурмъ все-таки не удался. Тѣ же самыя войска, которыя не задолго до того побѣдоносно штурмовали Карсъ, остановились, въ сущности, передъ „глинянымъ горшкомъ"; и дѣйствительно, сравнивать штурмъ Карса со штурмомъ Геокъ-Тепе было бы все равно, что сравнивать, положимъ, безсмертную итальянскую кампанію Наполеона I съ весьма настойчивымъ и достойнымъ полнаго уваженія преслѣдованіемъ Пугачева Михельсономъ.

Доблестныя кавказскія войска не могли на этотъ разъ овладѣть Геокъ-Тепе, преимущественно по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

Вся предъидущая турецкая кампанія пріучила войска къ такому роду дѣйствій, при которомъ требовались большія усилія и значительныя жертвы для того, чтобы пройти подъ убійственнымъ огнемъ скорострѣльныхъ ружей и массы выпущенныхъ снарядовъ.

Но разъ удалось пройти этотъ огонь и достигнуть непріятельскихъ укрѣпленій, дѣло уже можно было считать выигранными;— такъ, по крайней мѣрѣ, было съ турками, которые, при встрѣчѣ холоднымъ оружіемъ, не представляли сильнаго сопротивленія и рѣдко встрѣчали штыкъ штыкомъ.

Въ 1879 году, подъ Геокъ-Тепе, бой представлялъ приблизительно слѣдующій фазисъ: у туркменъ не было большого количества огнестрѣльнаго оружія, такъ что огонь ихъ, хотя и мѣткій, не былъ тѣмъ частымъ огнемъ, къ которому русскіе войска привыкли въ Турціи, а потому обстрѣливаемое пространство было пройдено довольно легко.

Атака была произведена длинною и довольно растянутою цѣпью, что также было послѣдствіемъ предъидущей кампаніи, во время которой подобный строй оказывался необходимымъ.

Но тактика, оказавшаяся успѣшною при взятіи укрѣпленныхъ позицій въ окрестностяхъ Карса и Эрзерума, при другой обстановкѣ не имѣла успѣха; такъ при штурмѣ Геокъ-Тепе, въ тотъ моментъ, когда длинная и тонкая цѣпь войскъ вступила на брустверъ и даже за него, текинцы, вмѣсто того, чтобы оставить сопротивленіе, храбро бросились на нападающихъ, совершенно не ожидавшихъ отпора, и заставили ихъ отступить.

Такимъ образомъ, можно сказать, что одною изъ причинъ пораженія русскихъ войскъ подъ Геокъ-Тепе было примѣненіе тактики, оказавшейся столь цѣлесообразною въ послѣдній періодъ турецкой кампаніи, но не соотвѣтствующей условіямъ войны въ Средней Азіи, гдѣ, наоборотъ, необходимо держаться строя въ сомкнутыхъ частяхъ,

Digitized by Google

такъ какъ этотъ строй однимъ своимъ видомъ внушаетъ и уваженіе и страхъ.

Русскіе въ своихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ на $3^1/_2$ милліона туземныхъ жителей имѣютъ до 45 тыс. войска и держатся тамъ не матеріальною силою, а, главнымъ образомъ, силою того обаянія, тою нравственною силою, которая заключается въ дисциплинѣ и строѣ, соединенными съ мужествомъ; только благодаря этимъ условіямъ, русскіе имѣютъ такое громадное преимущество передъ нестройною толпою азіатовъ.

„Не то страшно,—говорилъ одинъ изъ побѣжденныхъ азіатовъ русскому офицеру,—что стрѣляютъ изъ пушекъ и скорострѣльныхъ ружей, а то страшно, что горсть людей, сплоченныхъ въ стройную роту, безъ выстрѣла, смѣло и непоколебимо движется впередъ на тысячныя толпы".

Этимъ-то обаяніемъ объясняются блестящія побѣды Черняева, Романовскаго и Кауфмана, которые съ нѣсколькими ротами разбивали въ десятеро сильнѣйшаго непріятеля. Въ примѣрахъ, подтверждающихъ означенный фактъ, нѣтъ недостатка.

Въ 1860 году, подъ Узунъ-Агачемъ, русскій отрядъ, силою въ 800 человѣкъ, на-голову разбиваетъ коканское скопище слишкомъ въ 20,000 человѣкъ.

Въ 1865 году отрядъ такой же силы беретъ штурмомъ городъ Ташкентъ, населенный 76,000 жителей.

Въ 1866 году, подъ Ирджаромъ, отрядъ, силою въ 14 ротъ, 5 сотенъ, 20 орудій и 8 ракетныхъ станковъ, всего около 3,000 человѣкъ, разбиваетъ сорока-тысячную армію бухарскаго эмира, въ первый разъ атаковавшаго русскихъ и совершенно увѣреннаго въ успѣхѣ.

Въ 1868 году, подъ Самаркандомъ, русскія войска, силою въ 3,500 человѣкъ, берутъ неприступную въ европейскомъ смыслѣ слова позицію, защищаемую 60,000 бухарцевъ, и т. д., и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что наши войска въ Средней Азіи не считаютъ врага: чѣмъ больше его будетъ, тѣмъ для нихъ пріятнѣе, потому что тѣмъ блистательнѣе побѣда. „Поздравляю", говорилъ одинъ изъ русскихъ военачальниковъ своему незначительному отряду въ виду наступленія въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго непріятеля: „ихъ такъ много, насъ такъ мало"! Строй, дисциплина, обаяніе постоянныхъ побѣдъ—вотъ что составляетъ силу русскихъ войскъ.

Но разъ это обаяніе поколеблено, разъ люди, привыкшіе давать тылъ передъ стройными, дисциплинированными войсками, потеряютъ эту привычку, то для возстановленія обаянія уже является необхо-

Digitized by Google

нимъ употребить гораздо болѣе серьёзное усиліе и располагать большими боевыми и денежными средствами.

Поэтому пораженіе русскихъ въ 1879 году подъ Геокъ-Тепе, несомнѣнно, должно было поколебать въ Азіи общее довѣріе къ ихъ непобѣдимости, такъ какъ, притомъ, главными виновниками означеннаго пораженія были тѣ самые алламанщики - текинцы, которые въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ держали въ страхѣ весь Хорассанъ и все обширное пространство закаспійской степи отъ береговъ Аму-Дарьи и Аральскаго моря до Каспія.

При этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что туркмены-текинцы всегда имѣли значительное вліяніе на туркменъ другихъ племенъ, отчасти подвластныхъ Россіи, отчасти же сохранившихъ свою независимость.

И подвластные русскимъ іомуды, живущіе на островѣ Челекени, а также кочующіе подъ Красноводскомъ и въ предѣлахъ хивинскаго царства по берегу Аму-Дарьи, и солоры, и сарыки, и племена джафарбаевъ, атабаевъ и гоклановъ, кочующіе зимой между Атрекомъ и Гіургенемъ, а лѣтомъ въ русскихъ владѣніяхъ—всѣ они съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за исходомъ борьбы русскихъ съ текинцами, чтобы, смотря по ходу ея, стать въ тѣ или другія отношенія къ воюющимъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многіе полагали возможнымъ не дѣлать экспедиціи въ 1880 году. Но ближайшее изученіе дѣла указывало на крайнюю ея необходимость.

Еслибы текинцы не были разбиты въ 1880 году, еслибы Геокъ-Тепе не пало 12-го января 1881 года, то русскимъ гарнизонамъ не было бы никакой возможности оставаться въ Красноводскѣ и Чикишлярѣ.

Неоднократно въ теченіе 1879—1880 гг., текинцы грозили взять Чикишляръ и устроить въ немъ *той*, т.-е. праздникъ.

Подъ новый 1880 годъ, Токма-Сердаръ съ текинской конницей грабилъ іомудовъ подъ самымъ Красноводскомъ. Киргизы-адаевцы, подъ Мангишлакомъ, сильно безпокоились за свою безопасность, и ни одинъ караванъ съ Аму-Дарьи и Аральскаго моря не посмѣлъ пройти къ берегамъ Каспія.

Но текинцы не могли имѣть прочнаго успѣха. Наши политическіе недоброжелатели не съумѣли или не успѣли ни снабдить текинцевъ надлежащимъ количествомъ ружей и артиллеріей, ни придать этому, дѣйствительно воинственному, племени болѣе правильную военную организацію, ни, наконецъ, укрѣпить на самомъ дѣлѣ ихъ земляныя „калы“ (укрѣпленія), чего, несмотря на хвастовство по этому поводу маіора Ботлера, въ дѣйствительности не было сдѣлано.

Digitized by Google

Но при соблюденіи всѣхъ вышеозначенныхъ условій, безъ сомнѣнія, смѣлые туркменскіе наѣздники не ограничились бы тѣмъ, что держали бы въ осадномъ положеніи наши войска въ Красноводскѣ и Чикишлярѣ; они, навѣрное, скоро показались бы въ оренбургской степи, а также подъ Ташкентомъ и Самаркандомъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этихъ краяхъ, столь недавно еще успокоенныхъ, они непремѣнно нашли бы элементы, склонные слѣдовать ихъ примѣру, и тогда, съ хорошо вооруженными всадниками на необыкновенно быстрыхъ и выносливыхъ лошадяхъ, нескоро можно было бы справиться.

Одно изъ двухъ: или надо было рѣшиться совершенно оставить восточный берегъ Каспійскаго моря и постоянно бояться за цѣлость русскихъ владѣній въ Средней Азіи, или произвести немедленно же самую энергическую, хотя и дорого стоющую, экспедицію, которая дала бы возможность сломить послѣднее сопротивленіе въ Средней Азіи и окончательно утвердить въ ней спокойствіе.

Несправедливо также мнѣніе противниковъ экспедиціи о томъ, что будто Закаспійскій край представляетъ собою безплодную пустыню, совершенно негодную ни для поселенія, ни для земледѣлія.

Мнѣніе это распространилось со словъ лицъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціяхъ генерала Ломакина, которыя, какъ извѣстно, едва только доходили до оазиса и дѣйствовали преимущественно на пространствѣ отъ Михайловскаго залива до Кизилъ-Арвата и отъ Чикишляра до Бами.

Означенныя мѣстности представляютъ собою пространства пустынныя, безводныя или съ водой плохого качества; но совершенно иной характеръ представляетъ, такъ-называемый, текинскій оазисъ, который, собственно, начинается у Кизилъ-Арвата и тянется вдоль Кюренъ-Дага и Копетъ-Дага черезъ Бами, Геокъ-Тепе и Асхабадъ въ Серахсъ. Первая часть этой полосы, идущая отъ Кизилъ-Арвата къ Бами, плодоносна и изобилуетъ водой, но, тѣмъ не менѣе, ее нельзя и сравнивать съ второю частью, идущею отъ Бами, черезъ Геокъ-Тепе, до Асхабада и далѣе до Теджента.

Эта часть покрыта цвѣтущими садами и обладаетъ такой почвой, которая даетъ въ годъ двѣ жатвы и о которой туркмены говорятъ, что „Адамъ, выгнанный изъ рая, не нашелъ лучшаго мѣста для своего поселенія, какъ этотъ плодоносный участокъ“.

Безъ сомнѣнія, плодоносность этого участка весьма много зависитъ отъ искусственнаго орошенія, которое здѣсь устроено, можно сказать, на каждомъ шагу и которое стоитъ не малаго труда.

Что же касается до воды, то она имѣется здѣсь въ изобиліи, такъ какъ вдоль всего Копетъ-Дага и Кюренъ-Дага (горные хребты,

Digitized by Google

окаймляющіе съ юго-восточной стороны оазисъ) вода многочисленными ручьями быстро вытекаетъ изъ названныхъ горъ и распредѣляется текинцами на безконечное количество канавъ и ручейковъ, которые вездѣ даютъ здѣсь жизнь и плодородіе этой богатой почвѣ.

Кромѣ того, долина Чандыря и Сумбара, притоковъ Атрека, также замѣчательна по своей плодоносности. Такимъ образомъ, полоса земли, около 200 верстъ въ ширину отъ Каспійскаго моря до оазиса, дѣйствительно, представляетъ собою степь, годную лишь для пастьбы скота кочующихъ тамъ туркменъ; но затѣмъ, текинскій оазисъ съ долинами Чандыря и Сумбара—это одна изъ плодоноснѣйшихъ странъ въ мірѣ и могущая продовольствовать до милліона населенія.

Нынѣ экспедиція совершена и достигла цѣли окончательнаго умиротворенія средней Азіи; а потому является крайне необходимымъ и своевременнымъ выяснить другой вопросъ, именно вопросъ объ относительномъ положеніи Россіи и Англіи въ Средней Азіи, вопросъ, который такъ сильно занимаетъ англичанъ и о которомъ многіе изъ англійскихъ писателей высказались еще ранѣе ахалъ-текинской экспедиціи.

Нельзя не обратить вниманія на то единодушіе, на то сходство мыслей, которое замѣчается у англійскихъ авторовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается Россіи и, въ особенности, русскихъ порядковъ. Тутъ у нихъ, можно сказать, одно мнѣніе, а отсюда и одно стремленіе, а именно, во что бы то ни стало доказать, съ одной стороны, до какой степени англичане надѣлили и облагодѣтельствовали свои владѣнія въ Азіи всѣми плодами современной цивилизаціи, желѣзными дорогами, школами, высшимъ образованіемъ, административными учрежденіями, основанными на самыхъ раціональныхъ началахъ и даже администраторами, которыхъ Англія, будто бы, беретъ изъ цвѣта своего населенія; а съ другой стороны, не менѣе энергичное стремленіе доказать, что русскіе ровно ничего не сдѣлали и не дѣлаютъ для тѣхъ народовъ, которыхъ они подчинили себѣ во имя принципа, цивилизующаго начала: образованіе вовсе не составляетъ предмета заботъ русскаго правительства, пути сообщенія въ прежнемъ жалкомъ видѣ, администрація находится въ рукахъ людей, совершенно неумѣлыхъ и незаслуживающихъ никакого довѣрія,—однимъ словомъ, положеніе края представляется самымъ безотраднымъ. При характеристикѣ отношеній англійскаго и русскаго правительствъ къ ихъ азіатскимъ сосѣдямъ, сплошь да рядомъ проводится параллель между „прямодушной“ политикой Англіи и необыкновенно ловкимъ „коварствомъ“ Россіи, причемъ доказывается,

Digitized by Google

что сосѣднія съ Россіей государства совершенно извѣрились въ ней и положительно ей не довѣряютъ.

Изъ новѣйшихъ англійскихъ писателей по средне-азіатскому вопросу, едва ли не съ наибольшимъ ожесточеніемъ относится къ постоянному поступательному движенію русскихъ въ среднюю Азію Вульгеръ, который считаетъ его крайне неблагопріятнымъ для Англіи, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ убѣжденъ—и доказываетъ это при описаніи англо-индійскихъ границъ—что Россія не можетъ быть опасна Англіи, если только эта послѣдняя приметъ нѣкоторыя мѣры относительно укрѣпленія границъ и преобразованія англо-индійской арміи.

При этомъ Вульгеръ указываетъ и направленіе, въ которомъ должно произойти столкновеніе, если только оно осуществится; это то же самое направленіе, по которому шелъ въ Индію Надиръ-Шахъ и многіе другіе завоеватели и по которому должны двигаться и русскіе, въ виду слѣдующихъ соображеній автора: такъ какъ, по подробному и, надо сказать, довольно вѣрному исчисленію Вульгера, войска туркестанскаго округа не могутъ выдѣлить значительной силы для наступленія внѣ предѣловъ своего округа, то онъ считаетъ кавказскую армію главнымъ источникомъ, изъ котораго Россія должна будетъ черпать войска, въ случаѣ приведенія въ исполненіе завоевательныхъ плановъ; и тогда путь на Красноводскъ, Кизилъ-Арватъ, Асхабадъ, Гератъ и Кандагаръ, естественно, является наиболѣе удобнымъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что послѣднія событія въ ахалъ-текинскомъ оазисѣ придаютъ особую важность мнѣнію автора и невольно заставляютъ внимательно отнестись къ труду, который, сколько извѣстно, имѣлъ значительный успѣхъ и въ средѣ англійскаго общества.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что вся книга пропитана злобою и раздраженіемъ, что, кстати сказать, не есть признакъ спокойной самосознающей силы; но надо надѣяться, что подобная раздражительность раздѣляется далеко не всѣми англичанами и что она составляетъ почти исключительно черту лишь ближайшихъ послѣдователей, такъ-сказать, романтической политики Биконсфильда.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что раздражительность тогда только представляетъ серьёзную опасность, когда она охватываетъ обѣ стороны, между которыми можетъ произойти столкновеніе, и что затѣмъ, она значительно уменьшается, когда одна изъ сторонъ относится къ дѣлу хладнокровно, спокойно, что, конечно, не можетъ не дѣйствовать успокоительно и на другую сторону.

Казалось бы далеко не безполезнымъ выяснить, до какой степени, въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, положеніе англичанъ въ Азіи

Digitized by Google

такъ прочно, дѣйствія ихъ такъ умѣлы, администрація такъ искусна, а съ другой, наоборотъ, Россія такъ слаба, дѣйствія ея такъ неискусны и администрація такъ плоха.

Для этого, кажется, лучше всего пользоваться англійскими источниками и, главнымъ образомъ, сочиненіями, которыя въ послѣднее время выходили въ Англіи и посвящались не только средне-азіатскому вопросу, а вообще разъясненію положенія внутренней административной дѣятельности англо-индійскаго правительства.

Прежде всего, въ дѣйствіяхъ, какъ англичанъ, такъ и русскихъ, на востокѣ поражаетъ, главнымъ образомъ, одна общая черта—это непреодолимое стремленіе впередъ, несмотря на самыя искреннія и рѣшительныя попытки обоихъ государствъ не двигаться впередъ и даже прекратить порывы къ этому движенію.

Такъ, почти во все время поступательнаго движенія англо-индійской кампаніи, большая часть лучшихъ людей Англіи считала завоеванія въ Индіи крайне вредными и опасными для государства.

Вопросъ этотъ неоднократно поднимался и въ парламентѣ. Фоксъ и Питтъ, эти два великихъ парламентскихъ соперника, оба вносили билли по поводу политики, которой необходимо было держаться по отношенію къ Индіи.

Билль Питта, принятый парламентомъ, сдѣлался основнымъ правиломъ англійскаго правительства; билль же этотъ объявлялъ формально: „Всякій проектъ завоеваній въ высшей степени противенъ желанію, чести и интересамъ Великобританіи. Генералъ-губернаторамъ Индіи воспрещаются всякаго рода враждебныя дѣйствія безъ особаго дозволенія совѣта директоровъ. Формально воспрещается не только вступать въ союзъ противъ какого-либо туземнаго государя, но даже вступать въ союзы въ видахъ взаимной гарантіи“ и проч., и проч.

Единственнымъ исключеніемъ изъ запрещенія всѣхъ враждебныхъ дѣйствій была необходимость защиты отъ неожиданныхъ нападеній или тотъ случай, когда явныя военныя приготовленія непріятеля будутъ имѣть значеніе объявленія войны. И не только въ эпоху Фокса и Питта центральное англійское правительство было противъ поступательнаго движенія въ Индію.

Постоянно, самые краснорѣчивые голоса, поддерживаемые и англійскимъ правительствомъ, убѣждали не двигаться впередъ и стараться ограничиться удержаніемъ уже поневолѣ взятыхъ областей; къ чему это привело, извѣстно: верховное главенство Англіи принято Непаломъ и Кашмиромъ, а затѣмъ всесильный рокъ влечетъ Англію въ Афганистанъ. Послѣ неудачнаго похода въ 1841 году англичане, прежде всего, оставили Афганистанъ и нынѣ очищаютъ

Digitized by Google

большую часть афганской территоріи; тѣмъ не менѣе, все-таки Авганистанъ находится подъ вліяніемъ Англіи; англо-индійское правительство постоянно вмѣшивается въ политическія событія, во внутреннія раздоры, происходящіе въ Афганѣ, и не можетъ поступать иначе, такъ какъ въ Пенджабѣ Англія владѣетъ значительнымъ афганскимъ населеніемъ; всѣ горные проходы, вся гористая страна на сѣверѣ и сѣверо-западѣ Индіи населены афганами; кромѣ того, несомнѣнно, что очень часто лучшій и наиболѣе дешевый способъ обороны заключается въ наступленіи и что, не имѣй Англія вліянія въ Кабулѣ, Кандагарѣ и Гератѣ, афганскія шайки, подстрекаемыя вѣчно безпокойными, вѣчно спорящими между собою афганскими властителями, угрожали бы англійскимъ властямъ не только въ Сингапурѣ и Пешаурѣ, но въ Лагорѣ и даже, быть можетъ, въ Дели.

Точно такое же явленіе мы видимъ и въ Россіи, гдѣ правительство, съ своей стороны, постоянно самымъ настойчивымъ, самымъ положительнымъ образомъ противилось всякому движенію въ Среднюю Азію; но опять-таки, въ силу тѣхъ же необъяснимыхъ причинъ, русскіе неуклонно шли впередъ.

Это движеніе въ Среднюю Азію началось еще въ 1730 году, когда киргизы малой орды, не находя нигдѣ спасенія отъ набѣговъ джунгаръ, башкиръ и яицкихъ казаковъ обратились къ Россіи съ просьбою принять ихъ въ подданство.

Послѣдовавшее затѣмъ учрежденіе пограничныхъ, со стороны Урала и Сибири, линій было таково, что шайки кочевниковъ свободно проходили вплоть до Иртыша и Урала. Правительство принуждено было принять противъ этого мѣры, и осуществленіе ихъ вызвало рядъ войнъ съ Коканомъ и Бухарой, послѣдствіемъ которыхъ было занятіе обширной территоріи, составляющей бассейны Сыръ-Дарьи, Чу, Или и Заравшана.

Завоеванія эти настолько были не въ видахъ русскаго правительства, что 31 октября 1864 года состоялось высочайшее повелѣніе о пріостановкѣ поступательнаго движенія.

Но обстоятельства показали, что Чемкентъ и Туркестанъ, которые въ началѣ рѣшено было отнюдь не занимать, не могутъ быть нами оставлены, такъ какъ, стоя на главныхъ путяхъ, ведущихъ изъ средне-азіатскихъ ханствъ въ Россію, они имѣютъ слишкомъ очевидное значеніе оплота для сибирской и оренбургской окраинъ.

Далѣе пришлось прочно занять Ташкентъ, который, согласно отношенія министерства иностранныхъ дѣлъ къ оренбургскому генералъ-губернатору (отъ 28 февраля 1866 года) предполагалось воз-

Digitized by Google

вратить обратно; но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ линія отъ Чемкента къ Ауліе-Ата не имѣла бы никакого опорнаго пункта.

Поступательное движеніе совершалось и обусловливалось необходимостью: Россія была къ этому вынуждена, такъ какъ ей нужно было быть весьма осмотрительной въ дѣлѣ упроченія пограничныхъ линій въ виду нравственнаго значенія и матеріальныхъ средствъ среднe-азіатскихъ ханствъ.

Такимъ образомъ, и въ Англіи, и въ Россіи, какъ со стороны общества, такъ и со стороны правительства, замѣчается одно и то же стремленіе, одно и то же твердое намѣреніе не двигаться впередъ, не дѣлать завоеваній,—и, несмотря на это, все-таки оба государства, по какимъ-то неисповѣдимымъ предначертаніямъ судьбы, постоянно двигаются впередъ.

При попыткѣ сколько-нибудь объяснить это, повидимому, странное явленіе и найти для этого точку опоры въ исторіи народовъ, прежде всего представляется слѣдующее:

Съ первыхъ временъ исторіи, въ мірѣ совершаются два великихъ движенія: одно влекло нѣкогда родъ человѣческій съ востока на западъ; другое же возвращаетъ его съ запада на востокъ; первое изъ этихъ движеній, съ которымъ связаны великія переселенія, наполнившія западъ Европы народами Азіи, началось, вѣроятно, еще задолго до историческихъ временъ; второе, открывшееся троянскою войною, продолжаемое государствомъ Александра, римскою имперіею, крестовыми походами, открытіемъ мыса Доброй Надежды и прямымъ послѣдствіемъ его—устройствомъ европейскихъ поселеній на востокѣ—существуетъ и до настоящаго времени.

Безъ сомнѣнія, тутъ сказывается какая-то историческая необходимость, какой-то законъ, который еще не извѣстенъ, но который, тѣмъ не менѣе, существуетъ и неумолимо подчиняетъ себѣ судьбу народовъ.

Поэтому очень можетъ быть, что движеніе это не остановится, пока не достигнетъ цѣли; пока, напримѣръ, пространства, отдѣляющія извѣстные народы, не исчезнутъ; пока западъ и востокъ, наконецъ, не сольются въ одно цѣлое; пока люди, до сихъ поръ чуждые другъ другу, не придутъ въ сближеніе и человѣчество не возстановится въ своемъ величественномъ единствѣ.

Фактъ подобнаго сближенія очевиденъ: Англія и Россія, при своемъ поступательномъ движеніи, явно, ежегодно, почти ежемѣсячно приближаются другъ къ другу;—но вопросъ заключается въ характерѣ, или, лучше сказать, въ результатахъ этого сближенія.

Хочется вѣрить, что означенное сближеніе отнюдь не должно повлечь къ борьбѣ между двумя государствами, что оно вполнѣ воз-

Digitized by Google

можно на мирной почвѣ торговли, промышленности и вообще международныхъ сношеній. Подобное сближеніе не только возможно, но и вполнѣ выгодно для обоихъ государствъ; каждому изъ нихъ представляется и теперь обширное поприще для дѣятельности среди тѣхъ народовъ, которые ему подвластны и которые нуждаются во внесеніи въ ихъ жизнь новыхъ цивилизующихъ началъ. Многое говоритъ въ пользу того мнѣнія, что столкновеніе между Англіей и Россіей не только безполезно для той и другой, но оно, во всякомъ случаѣ, принесетъ имъ обѣимъ не мало вреда.

Что касается Россіи, то здѣсь, можно сказать съ положительною увѣренностью,—всѣ, безъ исключенія, желаютъ мирнаго разрѣшенія дѣлъ на востокѣ.

Тѣмъ не менѣе, для того, чтобы опредѣлить почву, на которой возможно соглашеніе между Россіей и Англіей, казалось бы не лишнимъ провѣрить, дѣйствительно ли въ Индіи все представляется въ такомъ розовомъ свѣтѣ, какъ это обыкновенно изображается англійскими писателями;—и съ другой стороны—дѣйствительно, ли все такъ мрачно въ русскихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ? Нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, пятенъ на солнцѣ англо-индійскаго владычества и нѣтъ ли, наоборотъ, въ положеніи русскихъ въ Средней Азіи свѣтлыхъ сторонъ и притомъ такихъ, которыя давали бы имъ возможность съ увѣренностью, спокойно и хладнокровно ожидать возможныхъ недоразумѣній съ Англіею, еслибы, вопреки общественному мнѣнію и всѣмъ стремленіямъ правительства, подобное недоразумѣніе было вызвано какими-либо особыми обстоятельствами?

Опредѣленіе дѣйствительнаго взаимнаго положенія Англіи и Россіи въ Средней Азіи является необходимостью въ особенности по слѣдующимъ причинамъ: англійская печать послѣдняго времени съ особеннымъ рвеніемъ занималась вопросомъ о взаимномъ отношеніи русскихъ и англичанъ на азіатскомъ материкѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій передавались русской публикѣ, если не вполнѣ, то въ видѣ извлеченій и выдержекъ въ періодической печати.

Самостоятельныхъ же русскихъ сочиненій по означенному вопросу появилось очень мало [1]).

А потому относительное положеніе Англіи и Россіи въ Средней Азіи, съ русской точки зрѣнія, разсматривалось весьма мало. Неудивительно, что, подъ вліяніемъ англійскихъ мнѣній по среднеазіатскому вопросу, сложилось у нѣкоторой части общества убѣжденіе,

---

[1]) *Л. Ѳ. Костенко*, Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности; *Терентьевъ*, Россія и Англія въ борьбѣ за рынки; *Мартенсъ*, Россія и Англія въ Средней Азіи.

Digitized by Google

что вообще поступательное движеніе Россіи въ Среднюю Азію не вызывается дѣйствительною политическою необходимостью.

Мало того, многіе говорятъ, что при необходимости для Россіи серьёзно заняться внутренними вопросами, новыя пріобрѣтенія не только не принесутъ пользы, но могутъ оказаться весьма вредными, такъ-какъ, при ея плохомъ управленіи и огромныхъ разстояніяхъ, безъ путей сообщенія, рискованно приближаться къ могучему сосѣду, издавна отличающемуся умѣлостью и сильный флотъ котораго дастъ ему возможность такъ быстро подкрѣпить военныя силы въ Индіи.

Къ числу неудобствъ пользованія исключительно англійскими источниками относится еще и то, что нѣкоторыя обстоятельства, весьма существенныя при сравненіи положенія Англіи и Россіи въ Азіи, часто совершенно опускаются.

Кровавые взрывы въ Индіи и слѣдовавшія за ними энергическія, крайнія мѣры, которыми англичане подавляли возстаніе; затѣмъ, подтверждаемый всѣми путешественниками, фактъ крайней вражды и злобы населенія къ англичанамъ; постоянныя явленія голода, свирѣпствующаго въ цѣлыхъ странахъ и вырывающаго въ небольшіе промежутки времени массы населенія—все это тщательно обходится англійскими писателями, изображающими нынѣшнее отношеніе Россіи и Англіи къ ихъ владѣніямъ.

А между тѣмъ, это все факты несомнѣнные и подтверждающіе, что „блага“ столь воспѣтой англійскими писателями цивилизаціи, перенесенной англичанами на берега Инда и Ганга, весьма сомнительны, и что развитіе торговли, промышленности, путей сообщенія и даже школы не помогли индійцамъ переносить свое тяжелое положеніе и не отвлекли отъ попытокъ избавиться отъ него.

Точно также обходятся въ трудахъ англійскихъ авторовъ и такіе вопросы, какъ, напримѣръ, поземельный и податной, эти, можно сказать, самые существенные вопросы для каждаго населенія, какова бы ни было его экономическое развитіе, каковы бы ни были его вѣрованія и общественныя учрежденія.

Въ этомъ отношеніи любопытно взглянуть и сравнить положеніе народонаселенія въ „облагодѣтельствованной“ англичанами Индіи и въ русскомъ Туркестанѣ.

Индія—преимущественно страна земледѣльческая, въ которой промышленность существовала лишь въ формѣ кустарныхъ промысловъ; въ ней издавна установился взглядъ на поземельную собственность, выраженный старой поговоркой—судръ (каста земледѣльцевъ), которые говорили: „земля наша, но доходъ съ нея—царскій“. Въ дѣйствительности такъ оно было, и порядокъ этотъ сложился въ самыя древнія, можно сказать, до-историческія времена; онъ былъ удер-

Digitized by Google

жанъ и монголами-завоевателями, которые, не вмѣшиваясь въ сложную и вѣками освященную индійскую сельскую общину и ея организацію, довольствовались только сохраненіемъ вышеозначеннаго начала, такъ какъ получаемый ими при этомъ поземельный доходъ былъ весьма значителенъ: индіецъ-землевладѣлецъ уплачивалъ 45% валоваго дохода.

При подобной подати, по исчисленію многихъ изслѣдователей означеннаго вопроса англичанъ, землевладѣлецъ платитъ все то, что получаетъ съ земли; и если онъ имѣетъ возможность существовать, то это благодаря лишь тому, что индійцы въ общинахъ живутъ весьма многочисленными семьями, что значительно удешевляетъ жизнь, и притомъ крайне умѣренны и требуютъ чрезвычайно мало для своей пищи, одежды и утвари.

Прежде подобная непомѣрно-большая подать хотя отчасти облегчалась отличнымъ устройствомъ общиннаго быта, хорошими качествами общиннаго начальства, необыкновенно искуснымъ и дешевымъ сборомъ податей и кадастромъ земель, который издавна былъ произведенъ въ Индіи и давалъ возможность равномѣрно распредѣлять подати.

Что же дѣлаютъ англичане по поземельному и податному вопросу?

Въ половинѣ XVIII столѣтія первыя значительныя пріобрѣтенія ость-индской компаніи заключались именно въ томъ, что великій Моголъ уступилъ, за нѣкоторыя услуги, три богатѣйшихъ округа, Венгалъ, Бехаръ и Орисса, съ точки зрѣнія, именно взысканія съ нихъ поземельнаго налога.

Такимъ образомъ, англичане съ перваго же раза, а затѣмъ, при всѣхъ послѣдующихъ пріобрѣтеніяхъ, присоединеніяхъ и завоеваніяхъ, вездѣ и постоянно руководствовались однимъ и тѣмъ-же правиломъ—сохранять огромный поземельный налогъ, издревле установившійся въ Индіи и, какъ выше было сказано, доходившій до 45% съ валоваго дохода.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что въ концѣ XVIII столѣтія положеніе дѣлъ для индусовъ значительно ухудшилось, такъ какъ вслѣдствіе нѣкотораго числа недоимокъ и безпорядковъ въ этомъ дѣлѣ лордъ Корнуэльсъ въ бенгальскомъ генералъ-губернаторствѣ и сэръ-Томасъ Монроэ въ мадрасскомъ разомъ уничтожили прежнюю, вѣками созданную организацію сельской общины съ ея своеобразными и неподвижными, какъ все въ индійской жизни, формами и установили новые порядки, новыя отношенія.

Замѣчательно, что оба названные администратора придали своимъ реформамъ совершенно различный характеръ: лордъ Корнуэльсъ

Digitized by Google

старался придать организаціи Бенгаліи аристократическій оттѣнокъ, сознавая и придавая особое значеніе крупной поземельной собственности; напротивъ того, въ мадрасскомъ президентствѣ сэръ Томасъ Монроэ придавалъ особое значеніе мелкой поземельной собственности, демократическому началу.

Впрочемъ, нужно сказать, что хотя англійскіе администраторы исходили отъ діаметрально противоположныхъ началъ, но пришли, можно сказать, къ одному и тому же результату—оба одинаково потерпѣли неудачу.

Неудачи, постигшія эти мѣры, по мнѣнію многихъ писателей, объясняются недостаточнымъ знакомствомъ англійскихъ администраторовъ съ условіями индійской жизни, съ средой, къ которой эти мѣры примѣнялись.

Монталамберъ, одинъ изъ глубочайшихъ почитателей англійской конституціи, издалъ въ 1858 году брошюру, подъ заглавіемъ „Пренія объ Индіи", въ которой, восхваляя свободу парламентскихъ преній и возможность высказывать свои мнѣнія,—что въ эту эпоху наполеоновскаго режима было совершенно недоступно во Франціи,—вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ, что во время преній, поднятыхъ въ парламентѣ вслѣдствіе постановленія Каннинга о конфискаціи земель у земиндаровъ и таллукдаровъ, онъ былъ пораженъ совершеннымъ отсутствіемъ у ораторовъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній о поземельной собственности въ Индіи и объ отношеніи къ ней населенія.

Неудивительно поэтому, что новые порядки не прививались къ странѣ и служили причиной раззоренія для большинства населенія. Тяжелые налоги, собиравшіеся почти безнедоимочно, даже при монгольскихъ завоевателяхъ, стали поступать крайне неисправно. Слѣдствіемъ недоимокъ явилась продажа громаднаго количества земель; единственное средство помочь бѣдѣ—заключалось въ уменьшеніи налоговъ; правда, эта мѣра даже и предлагалась нѣсколько разъ, но не была приведена въ исполненіе, такъ какъ поземельный налогъ постоянно составлялъ почти единственную статью дохода сперва компаніи, потомъ правительства, а ежегодно увеличивавшійся бюджетъ англійскихъ владѣній въ Индіи не давалъ возможности осуществить эту мѣру.

Но главная причина неудачъ означенныхъ преобразованій, какъ уже было сказано, заключалась въ томъ, что они были предприняты безъ надлежащаго изученія и примѣненія къ той почвѣ, къ которой они прилагались.

Въ самомъ дѣлѣ, почву эту составляли незыблемыя формы, въ которыя вылилась индійская жизнь съ ея кастами, вѣрованіями, обычаями, освященными вѣками, никогда не измѣняющимися и рѣ-

Digitized by Google

шительно не поддающимися какимъ-бы то ни было измѣненіямъ и преобразованіямъ. Конечно, было бы еще нѣкоторое основаніе разсчитывать на успѣхъ, если бы эти реформы вносили съ собой хотя какое-нибудь улучшеніе или облегченіе быта; но, вѣдь, налогъ оставался тотъ же, измѣнялся лишь порядокъ сбора: вмѣсто прежнихъ, такъ-сказать, народныхъ сборщиковъ, устанавливались новые, зависящіе отъ иностранцевъ и, конечно, неудовлетворявшіе тѣмъ строгимъ требованіямъ, которыя предъявлялись лицамъ, назначавшимся ранѣе для отправленія этого, крайне важнаго и отвѣтственнаго вида общественной службы.

Податной и поземельный вопросы въ русскихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ разрѣшились совершенно иначе. Здѣсь, если и можно пенять на русскихъ, то развѣ только за дѣятельность совершенно противоположнаго характера. Подати, взимаемыя съ туземцевъ, были гораздо менѣе значительны податей, платимыхъ русскимъ населеніемъ даже въ томъ же Туркестанскомъ краѣ; такъ, напримѣръ, въ Сыръ-Дарьинской области за 1867 годъ, если сдѣлать раскладку по числу народонаселенія русскаго и туземнаго, то окажется, что русскіе внесли по 8 руб. 44 коп. съ человѣка, а туземцы лишь по 1 руб. 50 копѣекъ.

По проекту положенія для управленія киргизскими степями и Туркестанскимъ краемъ населеніе раздѣлено на двѣ категоріи: кочевниковъ и осѣдлыхъ; съ первыхъ взимается покибиточный сборъ по $3^1/_2$ рубля съ кибитки или по 70 коп. съ человѣка (считая среднимъ числомъ пять человѣкъ на кибитку), а со вторыхъ взимается поземельная подать (хераджъ), въ размѣрѣ около рубля съ человѣка, что не можетъ считаться сколько-нибудь обременительнымъ.

Кромѣ того, сборъ податей былъ возложенъ на туземное, сельское и волостное начальство, такъ что если и были случаи злоупотребленій и неудовольствій, то они вызывались своими же единоплеменниками, а русскій чиновникъ, скорѣй, являлся защитникомъ народа и контролеромъ дѣятельности туземныхъ властей.

Такимъ образомъ, главная и самая существенная для народа вещь—податная система явилась въ Индіи со стороны англичанъ новымъ тяжелымъ бременемъ, увеличивающимъ и безъ того невыносимо-трудное положеніе населенія.

Напротивъ того, для вновь присоединенныхъ подданныхъ Россіи податная система, введенная изъ Средней Азіи, быть можетъ въ ущербъ русскимъ въ Туркестанѣ, для жителей туземцевъ, во всякомъ случаѣ, была значительнымъ улучшеніемъ сравнительно съ прежнимъ положеніемъ у нихъ этого вопроса.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что для каждаго народа, на

Digitized by Google

ряду съ духовными и высшими стремленіями, и даже выше ихъ, будетъ всегда стоять стремленіе къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей; а потому какъ бы ни были „облагодѣтельствованы" индійцы при помощи „высшихъ школъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ" и прочихъ благъ цивилизаціи,—врядъ-ли они будутъ благодарны за нихъ чужестранцу, который, взамѣнъ этого, обременяетъ ихъ тяжелыми налогами.

Такимъ образомъ, новѣйшая реформа въ Индіи во многихъ отношеніяхъ ухудшила положеніе народа сравнительно съ періодомъ предшествовавшимъ англійскому владычеству, что́, безъ сомнѣнія, отразилось на общемъ экономическомъ состояніи Индіи. Многіе цвѣтущіе земледѣльческіе округа были обращены въ пустыню, какъ, напр., земля Рохиловъ, почти поголовно истребленныхъ. Майзоръ, по словамъ Милля, подъ властью Типпо Саиба, былъ самою обработанною страною, а жители его самымъ счастливымъ народомъ въ Индіи. Подъ англійскимъ же управленіемъ жители Карнатика и Луда совершенно обѣднѣли. Другой англійскій писатель, Шоръ, говоритъ прямо: мусульмане больше заботились о благѣ народа чѣмъ англичане. Одинъ только султанъ, Фирусъ-Тохлокъ, построилъ 50 рѣчныхъ плотинъ для орошенія полей, 40 мечетей, 30 учебныхъ заведеній, 100 караванъ-сараевъ, 30 бассейновъ для сохраненія воды внутри страны, 100 больницъ, 150 мостовъ, 100 общественныхъ банъ и множество другихъ полезныхъ заведеній. Его примѣру слѣдовали Акберъ, Шахъ, Джеханъ и другіе. Въ особенности замѣчательно царствованіе Акбара, этого знаменитаго правнука Тамерлана, въ мудрое управленіе котораго Индія достигла значительнаго экономическаго развитія. Но при англичанахъ превратилось въ развалины все, что́ было построено ихъ предшественниками.

Правда, съ тѣхъ поръ англичане многое сдѣлали въ этомъ отношеніи, но можно съ увѣренностью сказать, что далеко еще не вознаградили страну за разрушенныя ими магометанскія сооруженія. Дѣло въ томъ, что англичане заботятся, главнымъ образомъ, о постройкѣ дорогъ и каналовъ и преимущественно преслѣдуютъ чисто торговыя цѣли и интересы торговаго сословія; между тѣмъ такія сооруженія, какъ плотины, отводные и оросительные каналы, запасные водные бассейны въ особенности необходимы для Индіи въ виду частыхъ засухъ и наводненій, самымъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ которыхъ является страшный голодъ, уничтожающій цѣлыя провинціи. Такъ, напр., въ 1865 — 1866 году въ одной только провинціи Орисса изъ 2.600,000 жителей умерло отъ голода болѣе 1.000,000 человѣкъ, а въ Бенгалѣ въ 1870 году умерло съ голода около 10.000,000 человѣкъ.

Обширныя пространства прежде обработываемой земли были

Digitized by Google

брошены и поросли камышомъ. Знаменитый Боркъ, въ виду подобныхъ фактовъ, выразилъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что „Бенгалъ занятъ англичанами, но не управляется ими".

Цѣлые милліоны индійскаго пролетаріата живутъ подъ ежедневнымъ страхомъ голодной смерти. Они принадлежатъ къ многочисленнымъ, болѣе или менѣе презираемымъ кастамъ, напримѣръ: солеваровъ, кожевниковъ, кузнецовъ, гончаровъ и т. д. Все это люди крайне бѣдные, полунагіе и бо́льшею частью бездомные. Несмотря на весьма тяжелую работу, они получаютъ настолько ничтожную плату, что не могутъ удовлетворить даже своимъ первымъ потребностямъ. Оптимисты утѣшаются тѣмъ, что́ въ послѣднія 20 лѣтъ задѣльная плата все болѣе повышается, что́, конечно, не представляется особенно утѣшительнымъ; дѣйствительно, абсолютная цифра задѣльной платы увеличилась, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличилась, притомъ въ нѣсколько бо́льшей пропорціи, и цѣнность всѣхъ продуктовъ, такъ что въ концѣ-концовъ положеніе рабочихъ еще болѣе ухудшилось.

До англійскаго владычества Индія славилась своими мануфактурами, и значительная часть ея населенія занималась выдѣлкою тканей, начиная съ самыхъ грубыхъ и кончая самыми утонченными.

Надо при этомъ замѣтить, что всѣ производства, изъ которыхъ многія дошли до высокой степени совершенства, всегда имѣли характеръ кустарный. Большею частью одинъ изъ членовъ земледѣльческой семьи райотовъ устанавливалъ въ своей утлой лачугѣ станокъ и на немъ ткалъ тѣ знаменитыя кисеи и шали, которыми одинаково восхищался и далекій западъ, и крайній востокъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что могущественныя фабричныя и промышленныя заведенія Манчестера, Ливерпуля и Бирмингама, въ самомъ непродолжительномъ времени, задушили кустарную промышленность индійскихъ мелкихъ фабрикантовъ, и, по общимъ отзывамъ, какъ писателей объ Индіи, такъ и изслѣдователей ея экономическаго быта, фабричная и преимущественно кустарная индійская промышленность почти совершенно упала. Осталось только производство шалей, но и то ежегодно уменьшается, такъ-какъ сбытъ ихъ, вслѣдствіе обѣдненія Персіи и Турціи, съ каждымъ годомъ становится затруднительнѣе.

Нужно при этомъ прибавить, что индійская промышленность была убита не простымъ, такъ сказать, свободнымъ соперничествомъ съ англійскими произведеніями; для этого были употреблены еще вспомогательныя мѣры. Всѣ машины, всѣ орудія производства были обложены тяжелыми налогами: „маслобойня", говоритъ Кэри, „печь гончара, инструменты золотыхъ дѣлъ мастера, пила лѣсопильщика, ткацкій станокъ, лодка рыбака—все было подвергнуто налогу". Въ

Digitized by Google

то же время англійскимъ правительствомъ давались всевозможныя льготы для англійскихъ фабрикантовъ, щедро надѣлявшихъ Индію своими произведеніями, вслѣдствіе чего ввозъ ихъ увеличивался съ каждымъ годомъ, и въ то же время сокращалось туземное производство, а съ нимъ и средства къ жизни. Систематическое уничтоженіе мануфактурной и промышленной дѣятельности въ Индіи отдало страну въ безусловное распоряженіе англійскихъ фабрикантовъ.

Точно также была захвачена и торговля англичанами, которые постарались сдѣлать индійцевъ своими поставщиками сырья и покупателями своихъ мануфактурныхъ издѣлій, выдѣланныхъ бо́льшею частью изъ того же индійскаго сырья. Конечно, англичанину было выгодно, когда индіецъ отдавалъ ему фунтъ хлопка за $1^1/_2$ копѣйки и получалъ его обратно въ переработанномъ, на англійскихъ фабрикахъ, видѣ за 45—50 копѣекъ.

Но обработка дешеваго сырья и дорогая плата за англійскія мануфактуры разорили Индію не менѣе, чѣмъ поземельная реформа.

Въ этомъ отношеніи экономическая политика Россіи въ Среднеазіатскихъ владѣніяхъ не имѣетъ ничего подобнаго описанному. Подати, платимыя туземцами, какъ уже было сказано, весьма незначительны.

Кромѣ того, правительство принимало нѣкоторыя мѣры къ увеличенію благосостоянія края. Сознавая преимущество осѣдлаго быта предъ кочевымъ, оно пріохочивало туземцевъ къ земледѣлію и съ этой цѣлью ссужало ихъ деньгами, сѣменами и земледѣльческими орудіями.

Что же касается торговли и промышленности, то дѣйствительно, со времени занятія Ташкента и другихъ городовъ Средней Азіи, привозъ русскихъ товаровъ и, въ особенности, хлопчато-бумажныхъ издѣлій принялъ значительные размѣры, но это совсѣмъ не служитъ признакомъ того, что русская промышленность убила туземную, напротивъ: это есть еще одинъ изъ признаковъ увеличивающагося благосостоянія края, такъ-какъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ привоза,—увеличился и вывозъ и производство на мѣстѣ.

Такъ, напримѣръ, въ 1857 году вывозилось изъ Средней Азіи товаровъ на $5^1/_2$ милліоновъ руб., а черезъ 10 лѣтъ, въ 1867 году, ихъ вывозилось уже на сумму около 10 мил. рублей.

Но едва ли не самая важная роль Россіи, въ дѣлѣ развитія среднеазіатской промышленности и торговли,—а съ ними и благосостоянія края, заключается въ дарованномъ краю спокойствіи и обезпеченіи цѣлости имущества, при которыхъ только и мыслимо промышленное развитіе.

Таково дѣйствительное положеніе дѣлъ въ Индіи и въ нашихъ

Digitized by Google

среднеазіатскихъ владѣніяхъ по вопросамъ первостепенной важности, но о которыхъ, тѣмъ не менѣе, англійскіе писатели умалчиваютъ.

Но за то они нисколько не стѣсняются по части нападокъ на русскую администрацію съ точки зрѣнія злоупотребленій и того пагубнаго вліянія, которое она, будто бы, имѣетъ на нашихъ среднеазіатскихъ подданныхъ.

Нападенія эти большею частью позаимствованы изъ книги бывшаго въ Петербургѣ американскаго консула Скайлера, книги, не лишенной литературныхъ достоинствъ, но отличающейся, во многихъ отношеніяхъ, крайнею односторонностію.

Нельзя по этому поводу не обратить вниманія на нѣкоторую особенность русской жизни. Русскіе имѣютъ необыкновенную способность выказывать передъ первымъ попавшимся иностранцемъ всѣ ихъ мелкія дрязги и „исторіи“. Какой-нибудь, самъ по себѣ незначительный, фактъ передается въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ, затѣмъ онъ подхватывается людьми, падкими до „исторій“, еще болѣе преувеличивается, искажается и, наконецъ, прошедши длинный рядъ такихъ измѣненій, является въ видѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ своимъ первообразомъ. Конечно, нельзя утверждать, чтобы въ Туркестанскомъ краѣ не было никакихъ злоупотребленій по административной части. Напротивъ того, они положительно существовали и, вѣроятно, существуютъ; но дѣло въ томъ, что въ книгу Скайлера они вошли въ крайне преувеличенномъ видѣ, и съ его легкой руки пошли тѣ щедрыя нареканія на русскую администрацію въ Средней Азіи, которыя такъ и сыпятся со стороны иностранцевъ и въ особенности англичанъ.

Гёте сказалъ, что весь умъ человѣческій заключается въ умѣньи reduciren und klassificiren, т. е. умѣньи выбора и правильнаго расположенія фактовъ.

Вотъ этого-то качества именно и не доставало Скайлеру. Многіе изъ фактовъ, имъ приведенныхъ, вѣрны, но онъ не съумѣлъ дать имъ надлежащую оцѣнку; ему, какъ выражаются нѣмцы, „деревья помѣшали видѣть лѣсъ“. Г. Скайлеръ на все смотрѣлъ черезъ призму безпорядковъ и при этомъ совершенно упустилъ изъ виду все то доброе, что было внесено русскими въ Среднюю Азію; онъ совершенно не понялъ всѣ тѣ выгоды, которыя извлекли туземцы изъ установленныхъ русскими весьма умѣренныхъ налоговъ; его не поразило то широкое начало самоуправленія въ ближайшихъ къ народу инстанціяхъ, которое составляетъ общее достояніе русскаго народа и одно изъ непреложныхъ и добрыхъ началъ въ его общественной организаціи.

Единственно, чѣмъ онъ былъ пораженъ — это спокойствіе, которое русскіе внесли въ города, селенія и караванные пути, — это одно онъ

Digitized by Google

признаетъ за русскимъ владычествомъ, и это одно, съ его легкой руки, признаютъ за русскими и англійскіе писатели.

Но врядъ ли всѣ слова, сказанныя Скайлеромъ, должны быть признаваемы за евангельскія истины; а потому къ дѣлу такого огульнаго порицанія всей русской администраціи въ Средней Азіи необходимо отнестись съ нѣкоторою осторожностью.

Во всякомъ случаѣ, нельзя сказать, чтобы англійская администрація въ Индіи отличалась неизмѣреннымъ превосходствомъ и совершеннымъ безкорыстіемъ. По крайней мѣрѣ, если судить даже исключительно на основаніи англійскихъ источниковъ, то окажется, что англійскимъ администраторамъ многое, многое можно поставить въ укоръ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть сочиненіе Торренса „Имперія въ Азіи".

Это, впрочемъ, станетъ ясно, если указать на мотивы, которыми руководствовалось правительство при выборѣ администраторовъ въ Индію. Со времени лорда Корнуэльса, служба въ Индіи сдѣлалась средствомъ обогащенія младшихъ сыновей англійской аристократіи. И дѣйствительно, Англія высылала массы этихъ „наслѣдниковъ безъ наслѣдствъ" въ Индію, гдѣ они должны были заслужить пожизненный доходъ, сообразный съ ихъ высокимъ происхожденіемъ; только съ 1834—1852 гг. такихъ юношей отправилось въ Индію 5,284, да еще 1,440 человѣкъ, не столь знатныхъ фамилій. Едва ли нужно говорить, каковы администраторы,—эти юноши, являющіеся въ край съ такими стремленіями.

Кромѣ того, общій голосъ какъ англійскихъ писателей, такъ и различныхъ путешественниковъ говоритъ о неприступной гордости англійскаго джентльмена, пріѣхавшаго для управленія въ Индію; какъ офицеръ самаго низшаго чина, такъ и чиновникъ, занимающій самый невысокій постъ, считаютъ индійца, положительно, человѣкомъ низшаго разряда, хотя бы онъ принадлежалъ даже къ какому-нибудь роду *раджей*, ведущихъ свою родословную съ такого времени, когда пресловутой англійской аристократіи еще и не существовало.

Англичанинъ приноситъ на дальній востокъ, куда онъ старается прибыть, по-возможности, на короткое время, всѣ свои привычки, всѣ тѣ условія жизни, къ которымъ его пріучила чопорная англійская жизнь. Онъ окружаетъ себя массою слугъ, всевозможнымъ комфортомъ, затѣмъ съ величайшимъ презрѣніемъ смотритъ на то населеніе, судьбами котораго онъ призванъ управлять и которое ему совершенно чуждо.

Въ самомъ дѣлѣ, англичанину не только чужда, но и враждебна та особая, строго опредѣленная организація, въ которую, съ незапамятныхъ временъ, сплотилось индійское населеніе.

Digitized by Google

Устройство кастъ, вѣками утвердившихся въ Индіи, несмотря на всевозможные перевороты и завоеванія, находится и понынѣ въ полной силѣ. На основаніи этого кастоваго устройства и брамины (духовные), и кшатріи (воины), и весни (купцы) и судры (земледѣльцы) —всѣ они одинаково считаютъ англичанина существомъ нечистымъ, и никакія богатства въ мірѣ, никакія мученія не могутъ заставить ихъ сѣсть за одинъ столъ съ англичаниномъ. Только одни паріи (отверженные) готовы дѣлить хлѣбъ-соль со своими англійскими владыками.

Русскіе въ этомъ отношеніи стоятъ въ Средней Азіи въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Конечно, мусульманское населеніе Средней Азіи, въ большинствѣ случаевъ, относится къ русскимъ, какъ къ гяурамъ (невѣрнымъ), недостойнымъ участвовать во всѣхъ тѣхъ наслажденіяхъ, которыя рай Магомета обѣщаетъ всякому правовѣрному. Несомнѣнно также, что и въ русскомъ Туркестанѣ существуетъ между туземцами много недовольныхъ, много лицъ, положеніе которыхъ сильно измѣнилось къ худшему; большею частью лица эти принадлежатъ къ классу бывшихъ администраторовъ, нынѣ лишенныхъ власти и значенія. Несомнѣнно, что между туземцами есть и такіе люди, которые неохотно примиряются съ новымъ положеніемъ вещей, съ положеніемъ побѣжденнаго, которому такъ трудно бываетъ простить своему побѣдителю. Но въ то же время, нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти обстоятельства сильно смягчаются характеромъ русскихъ, ихъ мягкостью, добродушіемъ и способностью воспринимать привычки и обычаи той страны, въ которой они живутъ.

Вслѣдствіе этого, въ Туркестанѣ очень быстро завелось знакомство между сартами и русскими, которые посѣщаютъ другъ друга и поддерживаютъ дружественныя сношенія, причемъ со стороны русскихъ не имѣется и тѣни презрѣнія къ побѣжденнымъ.

Все это, конечно, повело къ смягченію и даже полному предотвращенію многихъ столкновеній, неизбѣжныхъ между побѣдителями и побѣжденными.

Посмотримъ теперь на положеніе вопроса, имѣющаго такое громадное значеніе въ жизни народовъ—вопроса религіознаго, и на тѣ отношенія, которыя установились къ нему, какъ со стороны англичанъ, такъ и со стороны русскихъ въ подпавшихъ ихъ владычеству земляхъ.

М. Аннинковъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е мая, 1881.

Отношеніе правительства къ печати, какъ признакъ и какъ одно изъ условій общаго положенія.—Недомолвки одной части печати и эксплуатація ихъ другою ея частью.—Новыя погудки на старый ладъ солидарности либерализма и нигилизма.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Необходимость пересмотра Положенія о начальныхъ училищахъ.—Порядокъ открытія народныхъ школъ, назначенія и увольненія народныхъ учителей.—Правительственная инспекція и училищные совѣты.

I.

Мѣсяцъ тому назадъ мы выразили надежду, что предостереженія и запрещенія, постигшія печать въ первой половинѣ марта, заключатъ собою длинный списокъ каръ русской прессы. Эта надежда не оправдалась; заключился, дѣйствительно, періодъ—но періодъ сравнительной терпимости къ печатному слову, начавшійся въ апрѣлѣ 1880 г., съ назначеніемъ Н. С. Абазы начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. За первыми мѣрами строгости послѣдовали другія, которыя трудно уже объяснить однимъ настроеніемъ минуты. Значительная часть періодической печати опять чувствуетъ себя заподозрѣнною; опять приходится спрашивать себя на каждомъ шагу: можно-ли высказать такую-то мысль, коснуться такого-то предмета? Неприкосновенными являются опять не только вопросы, но иногда и лица.

Своевременно-ли, однако, говорить о положеніи печати, своевременно-ли жаловаться на ея судьбу, когда кругомъ столько другихъ, болѣе важныхъ, поводовъ къ заботѣ и печали? Мы думаемъ, что—да, и думаемъ такимъ образомъ по двумъ причинамъ. Отношеніе правительства къ печати всегда бываетъ у насъ вѣрнымъ выраженіемъ господствующей въ данный моментъ—или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе близкой къ господству—правительственной системы. Эпохамъ

Digitized by Google

преобразованій, періодамъ подъема нашей внутренней жизни всегда соотвѣтствуетъ облегченіе гнёта, тяготѣющаго надъ печатью—и наоборотъ. Послѣ 1855 г. открывается эра реформъ—и сразу смягчается строгость цензуры. Первымъ проявленіемъ реакціи въ 1862 году служитъ запрещеніе „Современника“ и „Современнаго Слова“; кульминаціонный пунктъ ея знаменуется запрещеніемъ „Времени“. Второй періодъ реформъ приноситъ съ собою, вмѣстѣ съ судебными уставами и положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, законъ 6-го апрѣля 1865 года, освободившій столичную печать отъ предварительной цензуры. Съ 1866 г. наступаютъ продолжительные сумерки, постепенное сгущеніе которыхъ довольно точно можетъ быть изображено слѣдующею схемой: созданіе особой подсудности для процессовъ печати (декабрь 1866 г.)—совершенное прекращеніе этихъ процессовъ (1869 г.),—подчиненіе административному произволу тѣхъ произведеній печати, которыя въ 1865 г. были отъ него изъяты (1872 г.)—подчиненіе печати генералъ-губернаторской власти (апрѣль 1879 г.). Въ февралѣ 1880 г. занимается заря третьяго періода реформъ, столь трагически прерваннаго катастрофой 1-го марта; печать немедленно получаетъ нѣкоторую фактическую свободу, и на очередь ставится вопросъ объ узаконеніи этого факта. Удивительно-ли послѣ того, что въ судьбахъ печати русское общество привыкло видѣть нѣчто неразрывно связанное съ собственною его судьбою? Прислушиваясь къ голосу печати, правительство прислушивается къ голосу русскаго общества—и вотъ вторая, еще болѣе важная, причина, почему вопросъ о свободѣ печати всегда былъ и остается до сихъ поръ насущнымъ вопросомъ нашей внутренней жизни.

Намъ говорятъ, что печать—не представительница общества, еще меньше — представительница народа. Совершенно справедливо; но что же дѣлать, если мысли, бродящія въ народѣ и получающія болѣе опредѣленную форму въ обществѣ, могутъ быть, помимо исключительныхъ обстоятельствъ, высказываемы одною только печатью? Что же дѣлать, если нѣтъ другихъ путей для ихъ заявленія, другихъ средствъ для ихъ повѣрки? Откроются такіе пути, появятся такія средства—и роль печати измѣнится, умалится сама собою. Та часть печати, къ которой мы принадлежимъ, не желаетъ ничего лучшаго; она восторженно привѣтствовала бы тотъ моментъ, который освободилъ бы печать отъ незавидной монополіи слова среди всеобщаго безмолвія. Замѣчательно, что, въ рѣдкія минуты нарушенія этого безмолвія, постоянно звучитъ та самая нота, которую такъ любятъ называть фальшивой, когда она раздается въ печати. Припомнимъ недавнія рѣчи въ Новгородѣ и Самарѣ, припомнимъ встрѣченный ими пріемъ, припомнимъ послѣдній адресъ рязанскаго

Digitized by Google

земства. Не ясно-ли, что стремленія такъ-называемой „либеральной“ прессы коренятся въ требованіяхъ дѣйствительности, что не имѣя и не приписывая себѣ никакихъ полномочій, она представляетъ собою, однако, нѣчто гораздо бо́льшее, чѣмъ личное мнѣніе немногихъ мечтателей, разорвавшихъ, будто бы, всякую связь съ русскою жизнью? Нѣтъ, отвѣчаютъ намъ изъ Москвы; голосъ земства не доказываетъ рѣшительно ничего, „такъ какъ двѣ трети земства принадлежатъ къ той же интеллигенціи, которая выражаетъ себя въ „Голосѣ“, „Порядкѣ“, „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и т. п.“ (Русь“, № 22-й). Истиной, недоступной для интеллигенціи, для общества, владѣетъ одинъ народъ,—а возвѣщаютъ ее, отъ его имени, одни московскіе публицисты, проникшіе въ самую глубь народной мысли. Такова претензія самозванныхъ глашатаевъ народа,—претензія не новая, но получающая особенное значеніе въ переживаемое нами теперь тяжелое время. Выражаясь безпрепятственно и громко, широко пользуясь попутнымъ вѣтромъ, овладѣвая не только журнальной, но и ораторской трибуной, она можетъ произвести впечатлѣніе, вовсе не соотвѣтствующее ея внутренней силѣ. Оставаясь въ предѣлахъ нашей темы, мы укажемъ только на тѣ софизмы славянофильствующей прессы, которые были бы немыслимы при бо́льшей свободѣ печатнаго слова.

Когда реакціонная печать, притихшая въ прошломъ году, опять кликнула бранный кличъ противъ всего не помощаго въ унисонъ съ нею, можно было думать, что въ новомъ хорѣ заподозриваній и обвиненій слабѣе будетъ звучать одинъ мотивъ, составлявшій излюбленную спеціальность гг. Цитовича и Дьякова,—мотивъ отождествленія либераловъ съ нигилистами. Оказалось, однако, что наслѣдство „Берега“ приняла и свято сохранила „Русь“, присоединивъ только къ преступному союзу третьяго подсудимаго—петербургскій бюрократизмъ. „Всѣ они,—читаемъ мы въ газетѣ г. Аксакова (№ 19),—равно презираютъ русскій народъ и смотрятъ на народныя массы, какъ на удобный матеріалъ для лѣпки разныхъ фигуръ по образу и подобію того или другого иностраннаго государства... Всѣ они равно стоятъ въ отрицательномъ отношеніи къ русской народности, не признаютъ за нею никакихъ правъ на самостоятельное развитіе. Всѣ они не болѣе, какъ разновидности нашего западничества или европейничанья“. Для полноты сходства съ „Берегомъ“, нигилистамъ отдается и здѣсь „преимущество послѣдовательности“ передъ либералами. Конечная цѣль либерализма, по словамъ г. Аксакова—это водвореніе въ Россіи „*однородныхъ* съ западною Европой либеральныхъ учрежденій, по извѣстному шаблону“. Установивъ, такимъ образомъ, программу либерализма и изобразивъ, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, кар-

Digitized by Google

тину западно-европейскаго политическаго строя, г. Аксаковъ восклицаетъ („Русь", № 20): „и такія-то формы свободы сулитъ нашему народу та значительная и не лишенная силы часть нашей интеллигенціи, которая твердитъ неумолчно о введеніи въ Россію однородныхъ съ европейскими либеральныхъ учрежденій!"

Подобная смѣсь правды съ неправдой,— гораздо болѣе опасная, чѣмъ чистая ложь,—была бы невозможна, еслибы русскій „либерализмъ" (употребляемъ это слово за неимѣніемъ другого, столь же общаго и привычнаго) могъ высказаться безъ недомолвокъ, по крайней мѣрѣ въ печати. Тогда стало бы ясно, что либерализмъ—понятіе собирательное, обнимающее собою, на русской почвѣ, весьма различные взгляды; что въ узкомъ, спеціальномъ своемъ смыслѣ,—въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно все больше и больше теряетъ кредитъ въ Западной Европѣ, — оно непримѣнимо къ громадному большинству этихъ взглядовъ, а можетъ быть и ни къ одному изъ нихъ; что о преобразованіяхъ *по шаблону* думаютъ развѣ весьма немногіе, и что только эти немногіе „не признаютъ за русскою народностью права на самостоятельное развитіе"; что объ *однородности* учрежденій можетъ быть рѣчь лишь настолько, насколько она неизбѣжно вытекаетъ изъ однородныхъ причинъ и однородныхъ условій. Понять или угадать все это, при нѣкоторомъ вниманіи и нѣкоторой добросовѣстности, не особенно трудно и теперь; но, повторяемъ еще разъ, вынужденная недосказанность мысли благопріятствуетъ недоразумѣніямъ, вольнымъ и невольнымъ, эксплуатируется тѣми, для кого выгодно сліяніе разноцвѣтныхъ оттѣнковъ въ одну сѣрую, туманную массу. „Кто хочетъ западной конституціи,—говоритъ г. Аксаковъ,—тотъ не можетъ отвергать и послѣдняго слова западной политической жизни: соціальной революціи со всѣми ея проявленіями". Въ этомъ афоризмѣ заключаются двѣ грубыя ошибки; но, при настоящемъ положеніи нашей печати, вполнѣ освѣтить можно лишь одну изъ нихъ. Можно доказать, что соціальная революція должна имѣть соціальныя же причины, что странно выводить ее изъ конституціи, изъ политической жизни; но какъ доказать, что можно быть русскимъ „либераломъ" и вовсе не хотѣть рабскаго подражанія западной конституціи? Развѣ тѣмъ, что *западной конституціи* нѣтъ, а есть западныя конституціи, существенно различныя между собою? Это не разрѣшитъ вопроса, такъ-какъ мало разборчивый противникъ сохранитъ возможность утверждать, что „либералы" стремятся къ одной изъ западныхъ конституцій, которыя всѣ одинаково чреваты соціальной революціей. Ошибочно было бы думать, что вся эта путаница понятій, всѣ эти удары, не допускающіе рипоста — домашнее дѣло печати, ни для кого кромѣ нея не важное и не интересное; нѣтъ, привиле-

Digitized by Google

гированное положеніе однихъ, придавленное положеніе другихъ сгущаетъ тьму, висящую надъ русскимъ обществомъ. Разсѣять ее—не по силамъ одной печати; но содѣйствовать выходу на свѣтъ, на чистый воздухъ, печать могла бы, еслибы всѣмъ органамъ ея была дана равная, закономъ регулированная свобода. Въ стремленіи къ этой свободѣ могли бы сойтись, повидимому, представители самыхъ различныхъ направленій. Тяжело молчать, когда необходимо искреннее слово; но легко ли и говорить, когда заранѣе сознаешь невозможность своего возраженія? Казалось бы, что отвѣтъ на этотъ вопросъ не допускаетъ никакихъ сомнѣній; но не то мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Когда въ „Странѣ“ было высказано совершенно естественное желаніе полной свободы, хотя бы временной, для всѣхъ воззрѣній, не враждебныхъ государству, желаніе это было встрѣчено насмѣшкой со стороны „Новаго Времени“, презрительнымъ поученіемъ со стороны „Руси“. Обѣ газеты оказались одинаково неспособными понять, что чрезвычайнымъ обстоятельствамъ соотвѣтствуютъ и чрезвычайныя мѣры, что циклъ послѣднихъ не исчерпывается уставомъ о предупрежденіи преступленій, что временная свобода печати, въ тяжелую минуту, столь же мало можетъ быть признана аномаліей, какъ и допускаемая иными законодательствами временная свобода сходокъ въ періодъ выборовъ, что примѣръ временной—конечно, относительной—свободы воззрѣній, не враждебныхъ государству, мы видѣли у себя не дальше, какъ въ прошломъ году, что она можетъ наступить и безъ прямого опредѣленія закона. Незавидна роль, которую будутъ играть подобныя страницы въ исторіи нашей печати!

Противопоставлять общество народу, различать „петербургскую интеллигенцію“ отъ какой-то другой, воплотившей въ себѣ народную мудрость—пріемъ старый, но менѣе, чѣмъ когда-либо, позволительный въ наше время. Можно думать что́ угодно о разнообразныхъ направленіяхъ современной русской мысли, но нельзя добросовѣстно отрицать одного: что, за немногими исключеніями, они не отдѣляютъ себя отъ народа и преслѣдуютъ, прежде всего и больше всего, его интересы. Пускай намъ укажутъ между органами печати, надъ которыми занесенъ картонный мечъ „Руси“, хоть одинъ, который могъ бы быть названъ буржуазнымъ въ западно-европейскомъ смыслѣ слова, который служилъ бы интересамъ капитала или крупнаго землевладѣнія, желалъ бы обезземеленія или невѣжества крестьянъ, экономической и нравственной зависимости ихъ отъ имущихъ сословій. Не больше точекъ опоры имѣютъ буржуазныя теоріи и въ русской наукѣ, особенно въ молодыхъ представителяхъ ея; не больше точекъ опоры найдутъ онѣ и въ всесословныхъ собраніяхъ, когда послѣднія будутъ призваны сказать свое слово о вопросахъ дня и минуты. Чрезвычайно

Digitized by Google

характеристично, съ этой точки зрѣнія, отношеніе земства къ податной реформѣ — единственному общегосударственному дѣлу, которое предложено было на его обсужденіе. Демократичность русскаго общества сказывается во всѣхъ свободныхъ проявленіяхъ его мысли. Само собою разумѣется, что она не исключаетъ противоположныхъ теченій, — но эти теченія работаютъ въ тиши и тьмѣ, прорываясь наружу только въ самые печальные моменты общественной жизни, въ эпохи торжества ретроградныхъ стремленій и тѣсно связанныхъ съ ними узко-эгоистическихъ инстинктовъ. Не всѣ задачи, надъ которыми работаетъ и задумывается русская интеллигенція, понятны и близки въ настоящее время для народа; но значитъ ли это, что онѣ несогласны съ народнымъ духомъ? Нисколько; интеллигенція вездѣ и всегда опережаетъ сознательную мысль народа, хотя далеко не всегда опережаетъ его безсознательную творческую силу. Примѣры изъ отдаленнаго прошлаго, на которые любитъ ссылаться „Русь“, до тѣхъ поръ не могутъ служить аргументомъ въ пользу главной ея темы, пока не будетъ доказано, что три столѣтія ни въ чемъ не измѣнили положеніе Россіи, что русская жизнь въ настоящую минуту такъ же элементарна, такъ же несложна, какъ и въ началѣ XVII-го вѣка. Возвратъ къ тогдашнимъ формамъ общественности и государственности столь же невозможенъ, какъ и поворотъ къ первобытному міросозерцанію, къ пережитымъ мнѣніямъ и взглядамъ. Доктрина, краеугольнымъ камнемъ которой служитъ необходимость такого поворота, носитъ сама въ себѣ залогъ своей безнадежной несостоятельности. Преобразованію русскаго общественнаго и государственнаго строя должно предшествовать, по мнѣнію г. Аксакова, рѣшеніе въ общественномъ сознаніи стародавняго спора между славянофильскими теоріями и западными — рѣшеніе его, конечно, въ пользу первыхъ. „Начните съ того,—восклицаетъ онъ,—чтобы сперва искренно и вполнѣ усвоить своему сознанію *русскія* начала, усвоить ихъ до степени самодѣйствующей, творческой силы, проникнуться духомъ родной земли“. Въ устахъ славянофила той окраски, которую все больше и больше принимаетъ г. Аксаковъ, этотъ призывъ равносиленъ слѣдующему: „начните съ того, чтобы отказаться отъ общенія съ цивилизованнымъ міромъ, отъ пріобрѣтеній науки, отъ свѣта, проливаемаго ею на природу и на человѣка“. Нѣтъ, такой отказъ возможенъ только для отдѣльнаго лица, подъ вліяніемъ особыхъ, исключительныхъ условій; для совокупности образованныхъ людей—назовите ее какъ хотите, обществомъ или интеллигенціей— онъ просто немыслимъ, въ такой же мѣрѣ, какъ немыслимъ отказъ отъ дыханія или движенія. Дилемма, провозглашаемая г. Аксаковымъ: или назадъ вмѣстѣ съ народомъ, или впередъ безъ народа — суще-

Digitized by Google

ствуетъ, къ счастію, только въ его воображеніи. Примѣръ западной Европы показываетъ съ полною ясностью, что разногласіе по нѣкоторымъ отвлеченнымъ вопросамъ не создаетъ непримиримой розни между интеллигенціей и народомъ.

Съ публицистами „Руси“ соглашеніе столь же невозможно, какъ и съ публицистами „Московскихъ Вѣдомостей“. Кто рѣшается повторять, въ извѣстныя минуты, извѣстныя обвиненія, тотъ сжигаетъ за собой корабли и безповоротно причисляетъ себя къ группѣ, основанной и руководимой г. Катковымъ. Намъ кажется, однако, что съ болѣе умѣренными приверженцами славянофильства, съ людьми, не послѣдовавшими за новѣйшей эволюціей г. Аксакова, „либеральная“ часть интеллигенціи могла бы найти, по крайней мѣрѣ на время, общую почву. Эта почва—именно свобода слова, раздвинутая далеко за предѣлы печати, предоставленная всѣмъ слоямъ русскаго общества и русскаго народа. Кто вѣритъ въ свою идею, въ осуществленіе ея мирными средствами, тому нечего бояться всесторонняго ея обсужденія. Окажется ли при этомъ, что славянофильская программа дѣйствительно коренится въ народномъ сознаніи, исчезнетъ ли для нея, наоборотъ, возможность опираться на фикцію народной воли,—во всякомъ случаѣ положеніе дѣлъ станетъ болѣе яснымъ, болѣе опредѣленнымъ, а это уже само по себѣ пріобрѣтеніе первостепенной важности. Какъ ни мало утѣшительны, повидимому, условія настоящей минуты, мы вѣримъ, что движеніе только замедлено, но не остановлено, что оно скоро вступитъ въ свои права и выйдетъ на прямую, широкую дорогу.

II.

Перемѣна въ личномъ составѣ министерства народнаго просвѣщенія, совершившаяся годъ тому назадъ, была понята всѣми, какъ перемѣна системы или, по меньшей мѣрѣ, какъ отказъ отъ крайностей порядка, четырнадцатилѣтнее господство котораго принесло Россіи столько вреда и горя. Общественное мнѣніе не ошиблось. Недостатки системы, долго считавшейся непогрѣшимою, были констатированы оффиціально; примѣненіе ея на практикѣ потеряло прежній прямолинейный, доктринерски жесткій характеръ; вопросъ о пересмотрѣ главныхъ ея основаній не былъ окончательно разрѣшенъ ни въ одномъ изъ его многочисленныхъ развѣтвленій, но былъ поставленъ на очередь, признанъ неотложнымъ,—и это одно уже даетъ А. А. Сабурову право на благодарное воспоминаніе русскаго общества. Онъ расчистилъ путь для коренныхъ преобразованій; остается

Digitized by Google

только предпринять ихъ. Кое-что, конечно, можетъ быть сдѣлано и теперь простой отмѣной административныхъ мѣръ, принятыхъ при прежнемъ режимѣ, внесеніемъ новаго духа въ старыя формы; но для эластичности формъ есть предѣлъ, дальше котораго онѣ становятся прямой помѣхой движенію. Въ нѣкоторыхъ направленіяхъ этотъ предѣлъ достигнутъ уже при г. Сабуровѣ, и необходимый шагъ впередъ немыслимъ безъ перемѣнъ въ самомъ законѣ. Нѣтъ причины думать, что новый министръ народнаго просвѣщенія отступитъ передъ этой задачей. Въ назначеніи его никто не видитъ возвращенія къ прошедшему, только-что оставленному и осужденному. Меньше, чѣмъ когда-либо, можно теперь повторять зады или сидѣть сложа руки, и меньше чѣмъ гдѣ-либо это возможно въ области начальнаго образованія. Препятствія къ его развитію коренятся не въ однихъ только пріемахъ и привычкахъ учебной администраціи; они лежатъ въ самомъ Положеніи 25 мая 1874 г., насквозь проникнутомъ недовѣріемъ къ обществу, къ его нравственнымъ и умственнымъ силамъ. Протесты противъ основныхъ началъ положенія не прекращались съ самаго его изданія. Заранѣе увѣренныя въ безуспѣшности своихъ ходатайствъ, земскія собранія все-таки твердили о слабыхъ сторонахъ правительственной инспекціи, о жалкой роли училищныхъ совѣтовъ, о скудости свѣдѣній, сообщаемыхъ народной школой. Неудивительно, что эти жалобы повторились съ новой силой, какъ только явилась надежда на нѣкоторое вниманіе къ голосу общества. Пересмотръ положенія 1874 г.—такова общая тэма всѣхъ мнѣній, высказанныхъ земствомъ со времени наступленія новой эры. Единодушію требованій вполнѣ соотвѣтствуетъ внутренняя ихъ сила.

Стѣсненіе частной и общественной инціативы въ дѣлѣ учрежденія народныхъ школъ; стѣсненіе общественнаго участія въ дѣлѣ управленія и завѣдыванія ими; преобладаніе внѣшняго контроля надъ внутреннимъ, полицейскаго элемента надъ педагогическимъ; крайнее ограниченіе самыхъ задачъ народной школы—вотъ характеристическія черты положенія 1874 года. Для открытія школы необходимо согласіе инспектора и предводителя дворянства, для допущенія учителя къ преподаванію—согласіе инспектора; временное закрытіе училища предоставлено соглашенію инспектора и предводителя; временно устранить учителя каждый изъ нихъ можетъ и независимо отъ другого. Завѣдываніе учебною частью возложено исключительно на директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, безъ участія училищныхъ совѣтовъ. Выборные члены составляютъ меньшинство, какъ въ губернскомъ, такъ и въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ (предводителя, губернскаго или уѣзднаго, выборнымъ членомъ совѣта считать нельзя, какъ потому, что онъ избирается однимъ сословіемъ, прямо

Digitized by Google

незаинтересованнымъ въ процвѣтаніи народной школы, такъ и потому, что при избраніи его вовсе не принимается въ разсчетъ способность или неспособность, желаніе или нежеланіе его принимать участіе въ занятіяхъ училищнаго совѣта). Кругъ предметовъ, преподаваемыхъ въ народной школѣ, съуженъ до послѣдней возможности, и на расширеніе его наложено безусловное veto. Само собою разумѣется, что жизнь пробила кое-гдѣ брешь и въ этой административной стѣнѣ, такъ плотно окружившей народную школу. На помощь послѣдней пришла та сила, которая на каждомъ шагу тормозитъ наше развитіе, но въ данномъ случаѣ сослужила ему несомнѣнную услугу—сила громадныхъ русскихъ разстояній и русской бездорожицы. Районы дѣятельности инспектора большею частью такъ велики, что онъ физически не можетъ справиться съ своей задачей. Будучи членомъ трехъ, четырехъ училищныхъ совѣтовъ, въ городахъ, отстоящихъ одинъ отъ другого верстъ на сто и болѣе, имѣя въ своемъ завѣдываніи сто-тридцать-три школы (мы приводимъ примѣръ, хорошо намъ извѣстный и вовсе не исключительный), онъ долженъ, по необходимости, допустить хоть нѣкоторую самостоятельность хотя бы нѣкоторыхъ училищныхъ совѣтовъ, если только въ нихъ есть люди, готовые и способные взяться за безхозяйное дѣло. Умѣренно энергичный инспекторъ, скоро утомляющійся отъ разъѣздовъ, и достаточно энергичный предводитель дворянства, свободный отъ сословныхъ предразсудковъ, считающій себя по преимуществу земскимъ дѣятелемъ—вотъ комбинація, при которой легче всего живется народной школѣ; но кто-же не знаетъ, что она встрѣчается весьма рѣдко? Первый элементъ ея — явленіе довольно обыкновенное, но о послѣднемъ этого сказать никакъ нельзя. Слишкомъ непрочно, во всякомъ случаѣ, поставлено то дѣло, успѣхъ котораго зависитъ отъ бездѣйствія лица, призваннаго къ дѣйствію, отъ дѣятельности лицъ, призванныхъ къ чисто пассивной роли, отъ широкаго пониманія искусственно съуженной задачи. Насколько терпимость къ печати далека отъ свободы печати, насколько снисходительность къ расколу далека отъ свободы вѣроисповѣданія, настолько-же фактическое, сегодня существующее, завтра опять могущее исчезнуть, ограниченіе инспекторскаго всемогущества далеко отъ правильной организаціи школьнаго дѣла.

Народныхъ школъ у насъ мало, крайне мало; увеличеніе ихъ числа—первая и самая настоятельная задача. Само собою разумѣется, что для этого нужны большія денежныя средства,—нужно, слѣдовательно, вмѣшательство государства, принятіе на его счетъ значительной части затратъ, непосильныхъ для земства. Въ бюджетѣ, превышающемъ шестьсотъ милліоновъ, народная школа не должна

Digitized by Google

болѣе занимать скромнаго, едва замѣтнаго мѣста. Милліонныя сокращенія, проектируемыя, по слухамъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ бюджета, должны повлечь за собою не только уменьшеніе податного бремени, но и возвышеніе производительныхъ расходовъ, между которыми на первомъ планѣ стоитъ расходъ на народное образованіе. Гораздо болѣе спорнымъ представляется вопросъ о томъ: гдѣ и какъ найти людей для массы новыхъ школъ, когда и наличный составъ народныхъ учителей далеко не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Вопросъ этотъ можно формулировать и такъ: что́ должна давать учащимся народная школа, чего слѣдуетъ требовать отъ народнаго учителя? Съ перваго взгляда отвѣтъ кажется весьма простымъ: народная школа должна давать не только грамотность, но и извѣстную степень умственнаго и нравственнаго развитія; народный учитель долженъ быть человѣкомъ не только грамотнымъ, но и образованнымъ. Въ теоріи это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но указанія практики заставляютъ сдѣлать существенно важную оговорку. Пока народная школа, вполнѣ достигающая своей цѣли, остается достояніемъ немногихъ, до тѣхъ поръ не могутъ и не должны быть закрываемы другіе пути къ начальному образованію, пролагаемые самою жизнью. Какъ ни недостаточна одна грамотность, въ тѣсномъ смыслѣ слова, *мѣшать* пріобрѣтенію ея не слѣдуетъ, не только потому, что ею обусловливается возможность дальнѣйшаго развитія, но и потому, что она имѣетъ свою внутреннюю цѣну. Кто узналъ на опытѣ, что́ такое безграмотный крестьянинъ въ рукахъ сборщика податей или волостного писаря, въ рукахъ любого эксплуататора его невѣжества, тотъ не станетъ пренебрегать даже полуграмотностью, какъ орудіемъ самозащиты — плохимъ, слабымъ, но все-таки орудіемъ. Важный недостатокъ дѣйствующей системы — подведеніе подъ одну мѣрку случаевъ существенно различныхъ. Устроивая народную школу на земскій, городской или казенный счетъ, нельзя, конечно, ограничиваться однимъ обученіемъ грамотѣ и довольствоваться учителемъ, ни въ чему болѣе неспособнымъ; но когда идетъ рѣчь о *допущеніи* народной школы, задуманной и устроенной самими крестьянами, строгая разборчивость и требовательность перестаетъ быть умѣстной. Устранять наличный, но несовершенный учебный матеріалъ, ничѣмъ его не замѣняя — все равно, что запрещать ѣзду по проселочной дорогѣ, не устроивъ предварительно вмѣсто нея шоссе или рельсоваго пути. Упраздненіе школъ стараго типа должно идти параллельно съ превращеніемъ ихъ въ школы новаго устройства. Упорное нерасположеніе къ школѣ становится въ крестьянской средѣ все болѣе и болѣе рѣдкимъ; потребность въ ученьѣ растетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ личныя и матеріальныя средства, нужныя

Digitized by Google

для нормально-организованной школы. Выходъ изъ этого положенія только одинъ — широкое пользованіе всѣми силами, имѣющимися подъ рукою, лишь-бы только онѣ не угрожали вредомъ обществу и государству. Открытіе начальныхъ школъ и выборъ учителей необходимо освободить отъ всякихъ излишнихъ стѣсненій.

Предварительное разрѣшеніе на открытіе школы можетъ быть мотивировано — помимо такъ называемыхъ политическихъ соображеній, о которыхъ мы скажемъ ниже — только удостовѣреніемъ въ наличности тѣхъ условій, безъ которыхъ немыслимо существованіе школы. Что же это за условія, въ настоящее время, у насъ въ Россіи? Помѣщеніе, соотвѣтствующее всѣмъ требованіямъ школьной гигіены? Съ идеальной точки зрѣнія оно, безъ сомнѣнія, необходимо, но на практикѣ напрасно было-бы искать его въ большинствѣ даже земскихъ школъ. Пока самъ народъ живетъ въ тѣсныхъ, душныхъ избахъ, до тѣхъ поръ странно *запрещать* ему учиться въ нихъ, хотя, конечно, слѣдуетъ дѣлать все возможное, чтобы дать ему хорошія школьныя зданія и заставить его самого почувствовать въ нихъ потребность. Школьная мебель, устроенная по новѣйшимъ образцамъ? Къ ней еще въ большей мѣрѣ примѣнимо сказанное нами о школьномъ помѣщеніи. Достаточное число учебниковъ и другихъ учебныхъ пособій? Не говоря уже о томъ, что достаточность — понятіе относительное, лучше начать дѣло съ небольшимъ запасомъ матеріаловъ, чѣмъ не начинать его вовсе. Обязательство общества—или частнаго лица—поддерживать однажды основанную школу? Какъ ни печально закрытіе школы, за отсутствіемъ средствъ, оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть хуже неоткрытія ея. Школѣ, начавшей дѣйствовать и зарекомендовавшей себя съ хорошей стороны, легко, притомъ, найти такія средства, о которыхъ нечего было и думать до ея основанія. Наличность учителя, способнаго и желающаго взять на себя преподаваніе въ школѣ? Въ моментъ учрежденія школы учитель можетъ еще не быть приисканъ, и смѣшивать эти два различные момента не представляется никакого основанія. Что касается до политическихъ соображеній, то мы не понимаемъ, какую роль онѣ могутъ играть при разрѣшеніи вопроса объ *основаніи* школы. Оказаться вреднымъ, съ политической точки зрѣнія, можетъ лишь преподаваніе въ школѣ, а отнюдь не самый фактъ ея учрежденія; повѣрки подлежитъ, слѣдовательно, дѣятельность учителя, а не намѣреніе основателя школы. Предугадывать это намѣреніе и заранѣе заподозривать его — трудъ не только рискованный, но и совершенно напрасный, такъ-какъ впереди предстоитъ полная возможность судить о намѣреніи по его исполненію. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ добавокъ, народныя школы основываются не частными лицами, а обществами

Digitized by Google

или учрежденіями, о преступномъ направленіи или намѣреніи которыхъ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи. Итакъ, предварительное разрѣшеніе на открытіе школы—излишняя формальность, замедляющая и затрудняющая, безъ всякой пользы, движеніе дѣла, безъ того уже движущагося крайне медленно. Намъ извѣстны случаи такого рода: крестьянское общество рѣшаетъ открыть у себя начальное училище; инспектору кажется, что въ этой мѣстности удобнѣе основать двухклассное училище; начинается собираніе свѣдѣній, матеріаловъ—и нѣсколько лѣтъ спустя село оказывается, по прежнему, безъ двухкласснаго училища и безъ начальной школы. Увѣдомленіе училищнаго совѣта объ учрежденіи училища, какъ о совершившемся фактѣ, кажется намъ вполнѣ достаточнымъ, потому что оно даетъ совѣту возможность немедленно подчинить новое училище своему наблюденію и контролю [1]).

Необходимо ли, далѣе, предварительное утвержденіе учителя, выбраннаго основателемъ или содержателемъ училища—частнымъ лицомъ, обществомъ или учрежденіемъ? И на этотъ вопросъ мы отвѣтимъ отрицательно, съ одною только оговоркой. Учителемъ въ народной школѣ можетъ быть или всякое лицо, пользующееся гражданскими правами, или только лицо, спеціально приготовленное къ учительской дѣятельности. Первое мы допускаемъ, какъ видно изъ сказаннаго нами выше, для школъ, учреждаемыхъ и содержимыхъ крестьянскими обществами и частными лицами, безъ помощи правительства, города или земства; второго мы требуемъ для школъ, открываемыхъ земствомъ и городами. Въ обоихъ случаяхъ предварительное утвержденіе учителя, *какъ общее правило*, оказывается ненужнымъ: въ первомъ именно потому, что учителемъ можетъ быть всякій; во второмъ потому, что учитель, имѣющій установленное свидѣтельство, въ силу этого одного предполагается способнымъ къ преподаванію, а учитель, не имѣющій свидѣтельства, можетъ быть удаленъ училищнымъ совѣтомъ, какъ только послѣдній узнаетъ объ опредѣленіи его на должность (увѣдомленіе училищнаго совѣта о каждомъ вновь назначаемомъ учителѣ столь же необходимо, какъ и увѣдомленіе его о каждомъ вновь открываемомъ училищѣ). Можетъ, однако, случиться, что земство или городъ, основавъ школу, встрѣтятъ непреодолимыя препятствія къ пріисканію для нея лица, имѣющаго свидѣтельство на званіе народнаго учителя. Безусловное требованіе диплома было бы въ такихъ

[1]) За открытіе начальныхъ училищъ безъ предварительнаго разрѣшенія высказалось большинство комиссіи рязанскаго губернскаго земскаго собранія, подробно обсуждавшей вопросъ о преобразованіи начальной народной школы (см. „Земство", № 7).

Digitized by Google

случаяхъ равносильно оставленію цѣлой мѣстности безъ школы или безъ надлежащаго числа школъ. Съ другой стороны, ничѣмъ не ограниченное право земства и городовъ призывать къ преподаванію людей, достаточно къ нему не подготовленныхъ, было бы равносильно пониженію уровня начальнаго обученія и искусственному уменьшенію числа народныхъ учителей, вполнѣ соотвѣтствующихъ своему назначенію. Вотъ почему мы думаемъ, что опредѣленіе въ начальныя школы, содержимыя земствомъ и городами, учителей, не имѣющихъ установленнаго свидѣтельства, можетъ быть дозволяемо, какъ исключеніе, только училищнымъ совѣтомъ. Повѣркѣ совѣта будетъ подлежать при этомъ не столько педагогическая способность опредѣляемаго лица—о ней можно будетъ составить себѣ болѣе правильное понятіе на основаніи его учительской дѣятельности, — сколько невозможность найти учителя, удовлетворяющаго требованіямъ закона. Къ мысли, поддерживаемой нами, близко подходитъ заключеніе коммиссіи, избранной въ декабрѣ прошлаго года рязанскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Допуская вообще свободное избраніе учителя, учредителемъ школы, *изъ среды лицъ, имѣющихъ установленныя свидѣтельства на преподаваніе въ народной школѣ*, коммиссія требуетъ предварительнаго разрѣшенія училищнаго совѣта только на опредѣленіе, въ небольшихъ школахъ бѣдныхъ селеній, учителей, не снабженныхъ надлежащими аттестатами. Разница между взглядомъ коммиссіи и нашимъ мнѣніемъ заключается съ одной стороны въ томъ, что рязанскіе земцы не даютъ крестьянскимъ обществамъ и частнымъ лицамъ того простора въ выборѣ учителя, который кажется намъ необходимымъ, не различаютъ школъ спеціально крестьянскихъ отъ школъ земскихъ; съ другой стороны, въ томъ, что они ограничиваютъ предлагаемое ими исключеніе *небольшими* школами *бѣдныхъ* селеній, между тѣмъ какъ оговорка, дѣлаемая нами, не зависитъ ни отъ величины школы, ни отъ состоятельности селенія.

Чтобы окончательно убѣдиться въ томъ, до какой степени необходимо право крестьянскихъ обществъ и частныхъ лицъ избирать учителей, не стѣсняясь установленными свидѣтельствами, стоитъ только припомнить о существующихъ и теперь, если не de jure, то de facto, многочисленныхъ раскольническихъ школахъ. Правда, дѣти раскольниковъ начинаютъ посѣщать и въ городахъ, и въ деревняхъ, обыкновенныя начальныя школы; но едва ли близко время, когда такое посѣщеніе сдѣлается общимъ правиломъ. Ускорить наступленіе его можетъ только предоставленіе раскольникамъ полной свободы учить своихъ дѣтей въ спеціально устроенныхъ для нихъ школахъ. Переставъ относиться къ своимъ школамъ

Digitized by Google

съ тою лихорадочною ревностью, съ тою слѣпою привязанностью, которая всегда вызывается преслѣдованіями и стѣсненіями, раскольники получатъ возможность сравнить ихъ безпристрастно съ другими школами, болѣе совершеннаго типа, и преобразовать ихъ по образцу послѣднихъ или отказаться отъ отдѣльныхъ, конфессіональныхъ училищъ. Потребность въ грамотности у раскольниковъ такъ велика, что о насильственномъ уничтоженіи раскольническихъ школъ не можетъ быть и рѣчи; онѣ всегда найдутъ возможность существовать помимо закона или вопреки закону. Оставить ихъ въ томъ неопредѣленномъ положеніи, которое онѣ теперь занимаютъ, значило бы искусственно поддержать одну изъ тѣхъ перегородокъ, которыми охраняется замкнутость, устойчивость раскола. Дозволить открытіе раскольническихъ школъ, но подъ условіемъ выбора учителей изъ числа лицъ, снабженныхъ установленными свидѣтельствами, значило бы, въ большинствѣ случаевъ, обратить дозволеніе въ мертвую букву, такъ какъ лица, которымъ довѣряютъ раскольники, рѣдко имѣютъ и могутъ имѣть дипломъ на званіе народнаго учителя. Съ другой стороны, освободить однѣ только раскольническія школы отъ соблюденія требованія, безусловно обязательнаго для всѣхъ остальныхъ, значило бы дать имъ привилегію, которой легко могло бы позавидовать православное населеніе. Представимъ себѣ такой случай: въ бѣдной, глухой деревнѣ живутъ другъ подлѣ друга раскольники и православные. Основать и содержать народную школу, которая была бы чѣмъ-то бо́льшимъ, чѣмъ школа грамотности, ни тѣ, ни другіе не въ состояніи, да и не видятъ въ ней надобности,— но обучать грамотѣ своихъ дѣтей и тѣ, и другіе, одинаково желаютъ. Что̀ сказали бы, что̀ подумали бы православные, если бы имъ было запрещено, а раскольникамъ, въ то же самое время, разрѣшено пригласить въ учителя грамотнаго крестьянина или отставного солдата? Наоборотъ, сто̀итъ только дать и тѣмъ, и другимъ одинаковую свободу выбора—и въ деревнѣ можетъ появиться одна общая для всѣхъ школа, которую ничто не помѣшаетъ обратить, со временемъ, въ земскую, правильно организованную. Привычка къ совмѣстному ученью удержитъ раскольниковъ и въ преобразованной школѣ, и сближеніе произойдетъ на той же почвѣ, на которой, при другомъ образѣ дѣйствій, усилилось бы разъединеніе.

Но если учитель будетъ опредѣляемъ къ должности безъ предварительнаго утвержденія со стороны инспектора или училищнаго совѣта, то кто же будетъ удостовѣряться въ политической его благонадежности? Въ выборѣ благонадежныхъ учителей заинтересованы прежде всего, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, учредители и содержатели училищъ, дорожащіе правильнымъ ходомъ преподаванія

Digitized by Google

и репутаціею школы. Сознательное назначеніе учителемъ лица, способнаго воспользоваться своимъ положеніемъ для преступной пропаганды, составляетъ и всегда будетъ составлять явленіе крайне рѣдкое, исключительное, тѣмъ болѣе, что между дѣтьми младшаго возраста, образующими главный контингентъ начальной школы, едва ли мыслима какая бы то ни было пропаганда. То, что̀ признавалось до сихъ поръ доказательствомъ неблагонадежности учителя, имѣло обыкновенно совсѣмъ другой, гораздо болѣе невинный характеръ. Хорошо организованный контроль кажется намъ, поэтому, вполнѣ достаточнымъ, чтобы остановить въ самомъ началѣ вредную дѣятельность учителя. Мы не знаемъ такого признака (за исключеніемъ, конечно, судебнаго приговора), въ силу котораго можно было бы заранѣе закрыть извѣстному лицу или извѣстной категоріи лицъ доступъ къ учительству въ народной школѣ; но если бы установленіе подобныхъ признаковъ было найдено возможнымъ и необходимымъ, то ничто не мѣшало бы посвятить въ эту тайну училищные совѣты, которые и могли бы немедленно удалять учителей, подходящихъ подъ дѣйствіе запретительной мѣры.

Насколько желательна свобода въ выборѣ и назначеніи народныхъ учителей, настолько же необходимо установленіе точныхъ правилъ для ихъ увольненія. Положеніе 1874 г., вездѣ преслѣдующее одну главную задачу и слишкомъ часто забывающее изъ-за нея о всѣхъ остальныхъ, говоритъ только объ увольненіи *неблагонадежныхъ* учителей, предоставляя его уѣздному училищному совѣту (а временное удаленіе отъ должности — инспектору и предводителю дворянства). Отсюда можно, повидимому, заключить, что во всѣхъ остальныхъ случаяхъ увольненіе учителя зависитъ отъ лица, общества или учрежденія, основавшаго или содержащаго школу. На практикѣ, однако, встрѣчаются случаи увольненія учителей, незаподозрѣнныхъ въ неблагонадежности, и инспекторомъ, и училищнымъ совѣтомъ. Съ нашей точки зрѣнія слѣдуетъ различать, прежде всего, поводы къ увольненію. Если дѣятельность учителя оказывается несогласной съ тѣми началами, уваженія къ которымъ правительство въ правѣ требовать отъ народной школы, училищный совѣтъ можетъ и долженъ его уволить, все равно, кѣмъ бы онъ ни былъ опредѣленъ и къ какому бы разряду училище ни принадлежало. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ порядокъ увольненія долженъ зависѣть именно отъ этихъ послѣднихъ обстоятельствъ. Если школа учреждена и содержится частнымъ лицомъ, безъ всякой общественной поддержки, никто не можетъ помѣшать ему уволить учителя, хотя бы и безъ малѣйшаго къ тому основанія; никто не можетъ заставить его уволить учителя, хотя бы и очевидно неспособнаго къ преподаванію. То же

Digitized by Google

самое слѣдуетъ сказать и о школѣ, учрежденной крестьянскимъ обществомъ, безъ пособія отъ казны или земства. Если къ преподаванію въ подобной школѣ можетъ быть допущенъ всякій грамотный человѣкъ, то ожидать отъ него извѣстнаго уровня знаній, извѣстнаго педагогическаго искусства было бы явною непослѣдовательностью; стѣснять общество въ замѣнѣ одного случайнаго учителя другимъ также не представляется никакого основанія. Совсѣмъ другое дѣло — школы земскія или городскія, назначеніе которыхъ не исчерпывается однимъ обученіемъ грамотѣ. Отъ нихъ можно требовать опредѣленныхъ, болѣе или менѣе крупныхъ, результатовъ; можно, слѣдовательно, и принимать мѣры къ достиженію этихъ результатовъ, можно устранять лицо, неспособное или не старающееся ихъ достигнуть. Оцѣнить, съ педагогической точки зрѣнія, дѣятельность учителя всего лучше можетъ училищный совѣтъ, какъ по своему положенію, такъ и по своему составу. Съ другой стороны, необходимо оградить учителя, спеціально подготовленнаго къ преподаванію въ народной школѣ и вполнѣ посвятившаго себя этому дѣлу, отъ произвола учрежденій, дающихъ средства на содержаніе школы; нельзя допустить, чтобы участь такого учителя зависѣла отъ усмотрѣнія городского головы или предсѣдателя уѣздной земской управы. Право уволить учителя должно принадлежать одному училищному совѣту, обязанному предварительно выслушать оправданіе учителя и принять всѣ мѣры къ полному разъясненію взводимыхъ на него обвиненій. Въ предоставленіи отдѣльнымъ членамъ совѣта права на временное удаленіе учителя нѣтъ никакой надобности, такъ какъ, при правильной организаціи совѣта, промежутокъ времени между обнаруженіемъ поводовъ къ увольненію и рѣшеніемъ совѣта не можетъ быть продолжителенъ. Перемѣщеніе учителей, безъ ихъ согласія, изъ одной земской или городской школы въ другую должно быть обставлено тѣми же условіями, какъ и увольненіе ихъ, потому что иначе первое во многихъ случаяхъ могло бы оказаться равносильнымъ послѣднему.

Параллельно съ отмѣной излишнихъ стѣсненій, которыми обставлено теперь открытіе школъ и назначеніе учителей, параллельно съ бо́льшимъ обезпеченіемъ положенія учителя, должны идти другія мѣры, непосредственно направленныя къ увеличенію числа училищъ и учащихся. Сюда относится, напримѣръ, учрежденіе такъ-называемыхъ подвижныхъ или передвижныхъ школъ. Подробное обсужденіе ихъ достоинствъ и недостатковъ не входитъ въ предѣлы нашей задачи; замѣтимъ только, что разрѣшеніе вопроса о передвижныхъ школахъ состоитъ въ тѣсной связи съ общимъ взглядомъ на значеніе и призваніе народной школы. Кто безусловно требуетъ отъ нея широкаго вліянія на умственное и нравственное развитіе учениковъ, тотъ долженъ

Digitized by Google

подать голосъ противъ передвижной школы, которая, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, будетъ простою и далеко не совершенною школою грамотности; кто признаетъ долю пользы и за школой грамотности, за каждымъ, даже незначительнымъ, расширеніемъ сферы начальнаго обученія, тотъ станетъ на сторону передвижной школы, идущей на встрѣчу населенію, тамъ гдѣ населеніе еще не можетъ идти на встрѣчу школѣ. Новый законъ о начальномъ обученіи долженъ дать право гражданства передвижной школѣ, къ которой до сихъ поръ слишкомъ недружелюбно относилось учебное вѣдомство. Опытъ, произведенный въ широкихъ размѣрахъ, одинъ только можетъ опредѣлить степень примѣнимости ея къ Россіи. Прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ для производства этого опыта не будетъ надобности; его уже теперь готово, въ разныхъ мѣстахъ, предпринять земство. Въ вышедшей недавно брошюрѣ г. Герасимова: „Къ вопросу объ организаціи подвижныхъ школъ въ Россіи“ перечислены земскія собранія, въ которыхъ возникла мысль о передвижной школѣ. Мы встрѣчаемъ между ними уѣздныя собранія с.-петербургское и царскосельское; слѣдовательно, опытъ будетъ произведенъ при условіяхъ, самыхъ благопріятныхъ для наблюденія. Предрѣшать въ законѣ подробности устройства передвижной школы было бы совершенно излишне; достаточно гарантировать ей право на существованіе, для того чтобы она сама пустила корни и приспособилась къ средѣ, въ которой ей придется дѣйствовать.

Чѣмъ больше растетъ число народныхъ школъ, тѣмъ затруднительнѣе становится завѣдываніе ими для лица, кругъ дѣйствій котораго обнимаетъ собою нѣсколько уѣздовъ. При свободномъ развитіи школьнаго дѣла положеніе инспектора, какъ руководителя школы—положеніе и теперь уже крайне ненормальное—скоро сдѣлалось бы рѣшительно невозможнымъ. Соразмѣрное съ увеличеніемъ числа школъ увеличеніе число инспекторовъ—любимая мѣра министерства гр. Толстаго—потребовало бы не только громадныхъ, но и совершенно непроизводительныхъ расходовъ. Назначеніе инспектора въ настоящее время двоякое: какъ педагогъ, онъ долженъ руководить учебнымъ дѣломъ въ народной школѣ,—какъ правительственный агентъ, онъ долженъ наблюдать за направленіемъ преподаванія и благонадежностью преподавателей. На практикѣ послѣдняя задача почти всегда поглощаетъ первую, не только потому, что большинство инспекторовъ—педагоги лишь по имени, но и потому, что слишкомъ трудно стремиться, въ одно и то же время, къ двумъ, существенно различнымъ цѣлямъ. Гораздо лучше было бы, кажется, узаконить порядокъ, установленный самою силою вещей, и раздѣливъ несоединенное, оставить въ рукахъ инспектора исключительно *надзоръ* за преподаваніемъ. *За-*

Digitized by Google

вѣдываніе учебною частью рязанская земская комиссія, о которой мы уже упоминали, предлагаетъ предоставить учрежденіямъ, обществамъ или лицамъ, содержащимъ школы, подъ наблюденіемъ училищнаго совѣта. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, мы считаемъ только нужнымъ опредѣлить точнѣе предѣлы и характеръ *наблюденія* училищнаго совѣта—наблюденія, существенно отличнаго отъ надзора, которому, какъ уже сказано выше, одинаково должны подлежать всѣ начальныя школы. Наблюденіе дѣйствительно только тогда, когда оно располагаетъ извѣстною санкціей, когда съ нимъ сопряжено, напримѣръ, право на увольненіе учителя. Подчинять наблюденію совѣта тѣхъ учителей, назначеніе и увольненіе которыхъ, по нашему мнѣнію, должно зависѣть исключительно отъ основателя или содержателя школы, было бы, поэтому, совершенно излишне; *обязательно* подлежать ему могутъ только школы земскія, городскія и получающія пособіе отъ города или земства. Представимъ себѣ, что крестьянское общество учреждаетъ, на собственныя средства, начальную школу и назначаетъ учителемъ отставного солдата; какой смыслъ имѣло бы наблюденіе училищнаго совѣта за подобною школой? Что преподаваніе въ ней не соотвѣтствовало бы требованіямъ педагогіи, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но нельзя же обязать къ соблюденію ихъ человѣка, не имѣющаго о нихъ никакого понятія. Что успѣхи учениковъ были бы не блестящи—это болѣе, чѣмъ вѣроятно; но многаго не могло вѣдь и ожидать общество, избирая мало знающаго преподавателя. Вліяніе училищнаго совѣта на школы, основанныя крестьянскими обществами или частными лицами, можетъ быть весьма велико и благотворно, но оно должно выражаться не въ принудительныхъ мѣрахъ, а въ совѣтахъ, указаніяхъ, въ поощреніи наиболѣе способныхъ и усердныхъ учителей, въ пополненіи учебныхъ пособій. Чтобы опредѣлить, какія именно школы заслуживаютъ поддержки, чтобы имѣть понятіе объ общемъ ходѣ начальнаго обученія въ уѣздѣ, училищный совѣтъ, конечно, долженъ *знать* каждую школу, кѣмъ бы она ни была основана и содержима; но мы и не предлагаемъ закрыть членамъ совѣта доступъ въ частныя или общественныя школы—мы говоримъ только, что учебная часть этихъ школъ не должна быть регламентируема ими. Возможность ознакомиться съ характеромъ каждой школы и съ дѣятельностью каждаго учителя члены училищнаго совѣта будутъ имѣть, въ особенности, при испытаніяхъ на льготу по воинской повинности, производство которыхъ очевидно не можетъ быть предоставлено частнымъ и общественнымъ школамъ безъ участія училищнаго совѣта.

Итакъ, утвержденіе, увольненіе и перемѣщеніе народныхъ учителей, въ указанныхъ выше предѣлахъ; наблюденіе за учебною частью

Digitized by Google

въ школахъ земскихъ, городскихъ и получающихъ пособіе отъ города или земства; попеченіе о благосостояніи всѣхъ начальныхъ школъ; собраніе и группировка свѣдѣній, относящихся къ устройству и ходу начальнаго обученія въ цѣломъ уѣздѣ—вотъ задачи уѣзднаго училищнаго совѣта, насколько онѣ вытекаютъ изъ всего сказаннаго нами выше. Опредѣливъ кругъ дѣйствій совѣта, намъ легче будетъ разрѣшить вопросъ о желательномъ его составѣ. Съ перваго взгляда очевидно, что въ средѣ его не должно быть мѣста для представителя администраціи въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. министерства внутреннихъ дѣлъ (въ настоящее время членомъ совѣта со стороны этого министерства почти вездѣ является уѣздный исправникъ, отъ котораго, конечно, нельзя ожидать дѣятельнаго и полезнаго участія въ занятіяхъ совѣта). Между различными отраслями администраціи не можетъ или, по крайней мѣрѣ, не должно быть разногласія о томъ, что позволительно и что непозволительно въ дѣятельности народнаго учителя; присутствіе въ совѣтѣ уполномоченныхъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія вполнѣ достаточно для огражденія школы отъ вредныхъ элементовъ. Такихъ уполномоченныхъ въ настоящее время два: инспекторъ и еще другое лице (обыкновенно штатный смотритель уѣзднаго училища или завѣдующій городскимъ училищемъ, смотря по тому, какое изъ этихъ заведеній существуетъ въ данномъ городѣ). Если принять во вниманіе, что инспекторъ, имѣя въ своемъ вѣдѣніи нѣсколько уѣздовъ, не всегда можетъ присутствовать въ засѣданіяхъ совѣта, то участіе въ совѣтѣ второго члена со стороны министерства народнаго просвѣщенія нельзя не признать вполнѣ законнымъ. Какъ педагогъ по профессіи, онъ можетъ быть— и дѣйствительно иногда бываетъ—весьма полезнымъ и въ совѣщаніяхъ совѣта, и при испытаніяхъ на льготу, и при осмотрѣ училищъ. Присутствіе въ совѣтѣ одного духовнаго лица не вызываетъ никакихъ возраженій; желательно было бы только, чтобы оно избиралось самимъ духовенствомъ, а не назначалось епархіальною властью, выборъ которой останавливается слишкомъ часто не на самомъ способномъ и дѣльномъ, а на старшемъ, по своему положенію, городскомъ священникѣ. Число членовъ отъ земства должно быть увеличено уже для того, чтобы каждый изъ нихъ могъ принять на себя наблюденіе за школами въ одной, по возможности небольшой, части уѣзда. Предсѣдателя уѣздной земской управы и городского голову слѣдовало бы призвать въ совѣтъ для установленія болѣе тѣсной связи между учрежденіями, содержащими школы, и учрежденіемъ, наблюдающимъ за ними. Обязательное участіе въ совѣтѣ уѣзднаго предводителя дворянства, отвергаемое большинствомъ рязанской земской комиссіи, кажется и намъ совершенно излишнимъ. Дворянство,

Digitized by Google

какъ сословіе, не имѣетъ никакого непосредственнаго отношенія къ народной школѣ; какъ составная часть земства, оно всегда имѣетъ возможность получить голосъ въ училищномъ совѣтѣ. Многочисленность и разнообразіе обязанностей, лежащихъ на предводителѣ дворянства, дѣлаютъ его, въ большинствѣ случаевъ, однимъ изъ самыхъ безполезныхъ членовъ совѣта. Еще меньше основаній оставлять за нимъ обязательное предсѣдательство въ совѣтѣ. Училищный совѣтъ, по свойству своей задачи, долженъ быть учрежденіемъ по преимуществу выборнымъ—а успѣшно руководить дѣятельностью такого учрежденія можетъ только лицо, имъ самимъ на то уполномоченное. Само собою разумѣется, что на тѣхъ же основаніяхъ и въ томъ же смыслѣ долженъ быть измѣненъ составъ губернскаго училищнаго совѣта.

Мы говорили до сихъ поръ о тѣхъ элементахъ, которые теперь входятъ въ составъ училищныхъ совѣтовъ; необходимо было бы дополнить ихъ представителемъ или представителями той силы, отъ которой всего больше зависитъ процвѣтаніе народной школы—однимъ или нѣсколькими учителями земскихъ или городскихъ начальныхъ училищъ, по выбору остальныхъ. Условіемъ избранія слѣдовало бы поставить извѣстный—напримѣръ, пятилѣтній—minimum занятій въ народной школѣ. Какую пользу могло бы принести присутствіе въ совѣтѣ лица или лицъ, по собственному опыту знакомыхъ съ потребностями народной школы, съ положеніемъ народнаго учителя—это не требуетъ объясненія; скажемъ только, что мысль, предлагаемая нами, имѣетъ защитниковъ въ средѣ самихъ народныхъ учителей. Мы встрѣчались съ нею въ разныхъ мѣстахъ, слышали ее отъ лицъ, пришедшихъ къ ней совершенно независимо одинъ отъ другого. Обновленный, усиленный въ своемъ составѣ, облеченный дѣйствительными, но не чрезмѣрно широкими полномочіями, училищный совѣтъ могъ бы быть настоящимъ двигателемъ народнаго образованія, истиннымъ охранителемъ народной школы, а не тѣмъ пятымъ колесомъ, роль котораго онъ теперь слишкомъ часто играетъ.

Намъ могутъ возразить, что при предлагаемой нами системѣ завѣдываніе учебнымъ дѣломъ и отчасти даже наблюденіе за нимъ перейдетъ изъ рукъ спеціалистовъ-педагоговъ въ руки профановъ, и что отъ этого неминуемо должно пострадать преподаваніе въ народной школѣ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что *педагогическое руководство* народной школой существуетъ и теперь гораздо больше на бумагѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, какъ потому, что далеко не всѣ инспектора—педагоги въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ и потому, что инспекторъ не имѣетъ физической возможности руководить преподаваніемъ во всѣхъ ввѣренныхъ ему школахъ. Что касается до

Digitized by Google

педагогическаго надзора, то онъ не только остается вполнѣ возможнымъ, но можетъ быть даже усиленъ, разъ что главнымъ распорядителемъ народной школы сдѣлается земство, въ лицѣ земскихъ членовъ училищнаго совѣта. Земскія собранія давно уже ходатайствуютъ о предоставленіи имъ права избирать своихъ, земскихъ инспекторовъ. Получивъ это право, земство безъ сомнѣнія пользовалось бы имъ каждый разъ, когда педагогическій элементъ въ училищномъ совѣтѣ былъ бы недостаточно представленъ правительственнымъ инспекторомъ и вторымъ членомъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія. Возможна и другая комбинація, о которой, если мы не ошибаемся, была рѣчь въ прошлогоднихъ бесѣдахъ А. А. Сабурова съ земскими дѣятелями—слияніе обязанностей земскаго и правительственнаго инспектора въ одномъ лицѣ, такимъ образомъ, чтобы земство избирало нѣсколькихъ кандидатовъ на званіе инспектора, а правительство утверждало одного изъ нихъ, съ правомъ уволить его отъ должности до окончанія срока, на который онъ избранъ. Усиленію педагогическаго элемента въ училищномъ совѣтѣ содѣйствовало бы, наконецъ, и предлагаемое нами включеніе въ его составъ представителей отъ народныхъ учителей уѣзда. Для успѣшнаго наблюденія за ходомъ преподаванія въ народной школѣ спеціально педагогическая подготовка не представляется, впрочемъ, безусловно необходимой. Ознакомиться съ методами начальнаго обученія, усвоить себѣ его задачи легко можетъ всякій образованный или просто развитой, мыслящій человѣкъ, близко стоящій къ народной школѣ, т.-е. всякій правильно избранный членъ училищнаго совѣта. Съ другой стороны, народный учитель, окончившій курсъ въ учительской семинаріи—а число такихъ учителей постоянно возрастаетъ и будетъ, надѣемся, возрастать въ увеличивающейся прогрессіи—вовсе не нуждается въ постоянномъ руководствѣ; скажемъ болѣе, не нуждается въ немъ вообще большинство учителей, выдержавшихъ установленное испытаніе и получившихъ достаточный навыкъ къ преподаванію. Наблюденіе за ними можетъ быть сведено къ удостовѣренію въ томъ, что они добросовѣстно и усердно исполняютъ свои обязанности—а такое удостовѣреніе, очевидно, не требуетъ особыхъ педагогическихъ познаній. Поднять уровень начальнаго обученія можетъ не столько усиленіе педагогическаго надзора, сколько совокупность мѣръ, которыми увеличивался бы контингентъ достаточно развитыхъ народныхъ учителей, предупреждалось бы бѣгство ихъ изъ народной школы и поддерживался бы въ нихъ живой интересъ къ учебному дѣлу. Объ этихъ мѣрахъ мы поговоримъ въ другой разъ, когда перейдемъ къ остальнымъ вопросамъ,

Digitized by Google

касающимся народной школы и начальнаго обученія; теперь замѣтимъ только, что правомъ назначенія земскихъ инспекторовъ земство едва ли будетъ пользоваться такъ часто, какъ можно предполагать судя по числу и настойчивости относящихся сюда ходатайствъ. Съ прекращеніемъ антагонизма между земствомъ и учебной администраціей, ослабѣвшаго въ послѣднее время, но неустраненнаго вполнѣ, пока дѣйствуетъ положеніе 1874 г., земство охотно станетъ пользоваться той поддержкой, которую могутъ дать ему представители министерства народнаго просвѣщенія, и не будетъ безъ надобности прибѣгать къ дорого стоящей помощи другихъ экспертовъ. Оно пойметъ, что въ большинствѣ случаевъ земскія средства съ бо́льшей пользой могутъ быть употреблены на основаніе или содѣйствіе къ основанію новыхъ школъ, на лучшее обзаведеніе существующихъ, на лучшее обезпеченіе народныхъ учителей, на устройство педагогическихъ курсовъ и учительскихъ съѣздовъ. Вопросъ объ инспекціи—въ сущности вопросъ второстепенный; онъ обострился лишь вслѣдствіе неправильной его постановки и займетъ подобающее ему скромное мѣсто, какъ только исчезнутъ послѣдніе слѣды недовѣрія къ земской народной школѣ.

Digitized by Google

ПИСЬМА О МОСКВѢ.

Письмо второе *).

I.

Хозяйство Москви.—Типъ дома-особняка.—Живописность города.—Улицы.—Упорство обывателей.—„Глаголи“ гостинаго двора.—Недостаточность бюджета.—Чего ждать отъ кунеческаго представительства?

Тѣ неисправимые любители византійско-московской Руси, какихъ создала Москва, кричатъ теперь: „Пора домой! Надо перенести столицу сюда, въ центръ Руси, покончить ненавистный петербургскій періодъ исторіи государства!“ Восклицанія приходятся очень кстати. Полемизировать съ ними не стану потому, что вообще желалъ-бы придать моимъ очеркамъ болѣе общій характеръ. Минутное настроеніе проходитъ, факты остаются.

Чтобы толково устроиться въ какомъ-нибудь помѣщеніи, надо посмотрѣть, *каково оно*, уже помимо того, удобно-ли его положеніе, можно-ли изъ этого пункта управлять, представляетъ-ли онъ во всѣхъ смыслахъ очевидныя выгоды?

Мнѣ кажется, что Москву можно было бы сравнить съ домами-особняками, какихъ вы здѣсь найдете множество на дворянскихъ улицахъ и въ безчисленныхъ переулкахъ, гдѣ селились, и до сихъ поръ селятся, люди, не занимающіеся дѣлами. Посмотрите безъ предубѣжденія на такой особнячокъ. Это—почти всегда, небольшой домъ, въ пять, семь, много въ девять оконъ, одно-этажный, часто съ мезониномъ. На Садовой такіе дома всегда за палисадникомъ, да и въ другихъ улицахъ попадаются такіе, что стоятъ на дворѣ, какъ французы любятъ выражаться: „entre cour et jardin“. Такой особнячокъ по количеству комнатъ (да если еще прикинуть службы на дворѣ, сараи и конюшни) окажется нѣсколько дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ квартира такихъ-же размѣровъ. Но это не главное. Главное то, что особнякъ представляетъ собой маленькую усадьбу. Вы живете въ немъ отдѣльно отъ всего окружающаго, можете даже забыть, что есть тутъ улица. Весной, лѣтомъ, въ началѣ осени, если передъ балкономъ палисадникъ, а въ глубинѣ двора хорошій садъ, вы живете почти какъ на дачѣ. Такихъ удобствъ не добудешь въ

*) См. выше: мартъ, стр. 375.

Digitized by Google

Петербургѣ, или надо тратить очень большія деньги; да и то не на бойкихъ улицахъ, а гдѣ-нибудь на окраинахъ. Но загляните въ такой особнякъ, осмотрите его поближе и окажется, что онъ полонъ всякаго рода неудобствъ, отъ которыхъ вы сейчасъ-же будете страдать! Если вы не держите лошадей, то что вамъ въ томъ огромномъ дворѣ, который разстилается за домомъ? Дворъ этотъ немощенный, всегда грязный, поддерживать его нѣтъ возможности безъ большихъ расходовъ. Домъ еле-держится, бревна подгнили, штукатурка, скрывающая деревянныя стѣны, пропускаетъ холодъ, полы подались, изъ оконъ дуетъ, комнаты расположены такъ, что если вы человѣкъ не „до-реформенный", то найдете, что это расположеніе никуда не годится. Одна или двѣ большихъ комнаты, въ родѣ залы, неизбѣжныхъ во всѣхъ помѣщичьихъ постройкахъ; а потомъ клѣтушки, коридорчики, грязныя внутреннія лѣстницы, душныя антресоли. Для „людей" нѣтъ никакихъ помѣщеній въ самомъ домѣ. Очень часто въ передней сохранились классическіе „лари". Нѣтъ и никакихъ другихъ новѣйшихъ необходимыхъ приспособленій. Словомъ, жить въ такомъ особнячкѣ, на первый взглядъ, и пріятно, но подъ конецъ разворительно и неудобно. Бываетъ (и случаи нерѣдки), что вы можете въ Москвѣ нанять прекрасный барскій домъ, стоящій также entre cour et jardin, съ полной отдѣлкой, за поразительно дешевую цѣну. Я знаю одинъ изъ такихъ домовъ, который ходитъ за двѣ съ небольшимъ тысячи рублей, роскошно меблированный, со множествомъ произведеній искусства, картинъ, вазъ, скульптурныхъ вещей — настоящія барскія хоромы. Но отчего такая поразительная дешевизна? Вы узнаѣте, что тутъ какая-нибудь легенда, въ родѣ того, что по этимъ комнатамъ ходитъ тѣнь владѣльца. Не смѣйтесь, я сообщаю вамъ достовѣрный фактъ, не о видѣніяхъ, конечно, а о толкахъ, изъ-за которыхъ такой домъ, вмѣстѣ со всей обстановкой, идетъ за безцѣнокъ.

Такъ и вся Москва. Петербуржецъ, если и попадетъ въ нее на время или проѣздомъ, то рѣдко относится къ ней спокойно, объективно. Въ немъ всегда сидитъ протестъ человѣка, привыкшаго къ другимъ порядкамъ. Но иностранцы находятъ, обыкновенно, что Москва чрезвычайно занимательна и красива. Находятъ это и нѣкоторые петербуржцы. Въ самомъ дѣлѣ, *съ художественной точки зрѣнія* городъ, куда взбаламутившійся византіецъ хочетъ перенести фактическую столицу Россіи, довольно привлекателенъ. Прежде всего, онъ стоитъ, какъ Римъ, на холмахъ. Куда бы вы ни поѣхали, приходится спускаться и подниматься. Это очень неудобно для скорой ѣзды, но за то доставляетъ вамъ вездѣ разнообразіе видовъ. Москва вся состоитъ изъ „урочищъ", понимая это слово въ настоящемъ бытовомъ

Digitized by Google

смыслѣ. Не станемъ распространяться о Кремлѣ, о видѣ на Замоскворѣчье. Это все пункты, слишкомъ избитые; кто объ нихъ не говорилъ! Но поѣзжайте просто откуда-нибудь съ Мясницкой, или со Срѣтенки, и спускайтесь съ Рождественскаго бульвара. Съ половины его передъ вами откроется, въ солнечный день, чрезвычайно разнообразная, яркая красками и очертаніями городская панорама. Вся часть города, по ту сторону площадки, встаетъ передъ вами, поднимаясь въ гору: колокольни, главы церквей, линія бульвара, направо портикъ екатерининской больницы, дальше башня Страстнаго монастыря, справа и слѣва цвѣтныя пятна зеленыхъ и красныхъ крышъ. Такихъ пунктовъ, попадающихся здѣсь безпрестанно, нѣтъ въ Петербургѣ. Тамъ только одно и красиво: набережная Невы; остальное, при всемъ своемъ благоустройствѣ, представляетъ все ту же линію. Петербургъ прямолинеенъ, Москва богата всякими кривыми и ломаными. Поѣдете вы опять съ Мясницкой, или со Срѣтенки куда-нибудь на Солянку, къ воспитательному дому, путь вамъ лежитъ мимо Ивановскаго монастыря. Еслибы вы зажмурили глаза и вдругъ ихъ открыли, когда сани или дрожки спускаются или поднимаются „по изволоку", вамъ покажется, что вы гдѣ-нибудь за чертой города, въ монастырской слободѣ. Каждая почти церковь, если она старая, окружена здѣсь площадкой, обстроена домами, тѣмъ, что̀ по-московски называется также „монастыремъ". Все это — бытовые уголки, привлекательные для художника. Физіономія города гораздо медленнѣе вамъ пріѣдается. Вы долго (если разъѣзжаете во всѣ концы) будете находить характерные уголки, подъемы и спуски, отдѣльныя зданія, перспективы и панорамы...

Пойдите въ „городъ" (то-есть въ торговую часть Москвы, обнесенную стѣной) въ бойкій часъ. Три улицы „города": Никольская, Ильинка и Варварка, гораздо своеобразнѣе и колоритнѣе, чѣмъ, напримѣръ, петербургскій гостинный дворъ или мѣстности Васильевскаго Острова около голландской биржи. Даже и сравнивать нельзя. Вы тутъ чувствуете и видите сгущеніе огромной промышленной и торговой жизни. Улицы складывались историческимъ путемъ, новое перемѣшивалось со старымъ. Рядомъ съ модньмъ отелемъ стоитъ зданіе XVII вѣка, а тамъ выглядываетъ какая-нибудь свѣтло-зеленая или ярко-красная церковь, съ завитушками и зубцами своихъ главокъ. И людъ, кишащій въ дообѣденные часы, разнообразнѣе. Но проникните вы въ гостинный дворъ: что̀ это за грязь, тѣснота, въ полномъ смыслѣ „головоломные" корридорчики, гдѣ вывороченныя плиты идутъ съ обѣихъ сторонъ откосомъ, образуя ямы и впадины. Исторія этого гостиннаго двора всего убѣдительнѣе можетъ пока-

Digitized by Google

зать, какъ Москва туго поддается идеямъ о гигіенѣ, чистотѣ, просторѣ и удобствахъ. Сколько уже лѣтъ дума все собирается разрушить этотъ татарскій караван-сарай, только снаружи, съ Красной площади, похожій на какой-то неудавшійся просторный портикъ римскаго храма. Вы, вѣроятно, читали въ корреспонденціяхъ и статьяхъ безконечную исторію о томъ, какъ поступить съ „глаголями"? На московскомъ гостинодворческомъ жаргонѣ это—тѣ выступы, что́ находятся на обоихъ концахъ фасада гостиннаго двора. Вотъ и поднялся давно вопросъ: уступать ли землю внутри этихъ „глаголей" или же только до той линіи, которая идетъ вдоль фасада? И пока метафизическія пренія объ этихъ „глаголяхъ" происходили и въ думѣ, и въ коммиссіяхъ, и въ трактирахъ, и въ лавкахъ сундучнаго ряда, гостинный дворъ продолжалъ стоять. Накоплялась грязь, потолки проваливались, корридорчики загромождались, и покупатели все болѣе и болѣе подвергали свои особы опасности быть раздавленными или ломать себѣ ноги. Это фактъ характерный для Москвы. Централизація у насъ есть, чиновничество привыкло дѣйствовать съ большимъ произволомъ, но врядъ ли гдѣ накопилось такое громадное бытовое хозяйское упорство, какъ въ Москвѣ. Какое дѣло лавочникамъ, что гостинный дворъ безобразенъ? Они привыкли торговать по-азіатски. Заботы объ общемъ интересѣ у нихъ не ищите. Есть и еще примѣръ. Это—исторія съ внутреннимъ дворомъ Старыхъ Рядовъ. Онъ весь заваленъ хлопчато-бумажнымъ товаромъ, и до сихъ поръ, сколько полиція и даже высшая мѣстная власть ни добивалась того, чтобы очистить дворъ, владѣльцы лавокъ ревниво отстаиваютъ свои права, основываясь на томъ, что лавки они покупали въ личную собственность и могутъ, стало быть, загромождать зады ихъ, какъ имъ угодно.

Пойдемъ-ли мы дальше, направо, налѣво, спустимся-ли къ Москворѣкѣ, вездѣ намъ будетъ бить въ глаза живописная Москва. Но на Москворѣцкомъ мосту, если мы охладимъ свои художественные восторги, наглядимся вдоволь на стѣны Кремля, соборы, дворецъ, башни, на куполъ и фасадъ храма Спаса, и бросимъ болѣе внимательный взглядъ на рѣку, на ея набережную, на то, что́ можно сдѣлать изъ этой рѣки, то, конечно, согласимся, что тутъ передъ нами самое ординарное топографическое положеніе, плохая рѣка, отсутствіе рѣчного движенія, первобытная набережная.

Самостоятельность обывателей—вещь хорошая; но въ такомъ городѣ, какъ Москва, притокъ *народнаго* населенія дѣлаетъ борьбу администраціи, полицейской и городской, чрезвычайно затруднительной. Всѣ эти московскія „палестины", Замоскворѣчье, лавки, амбары, лабазы, все это живетъ *для себя*, въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть

Digitized by Google

къ самомъ себялюбивомъ и безпробудномъ. На тысячу человѣкъ врядъ ли одинъ доработался до сознанія, что нужно что-нибудь дѣлать и для общаго удобства, для оздоровленія города, для того, чтобы можно было жить въ немъ по-человѣчески. Одно время, подъ страхомъ бѣды, когда ждали ветлянскую чуму, дума взялась поэнергичнѣе за очищеніе города отъ всякой скверны; раздѣлили городъ на участки, назначили особыхъ попечителей, стали ходить по дворамъ, составлять протоколы, требовать бо́льшаго содѣйствія полиціи. Но чуму уже забыли теперь, грязь взяла опять свое. И каждый купецъ, хозяинъ заведенія или просто домохозяинъ изъ „простыхъ“, смотритъ на всё *это* какъ на лишнюю и раззорительную затѣю. Даже если его подвергнутъ взысканію, посадятъ куда-нибудь, онъ и тогда не считаетъ себя неправымъ, а скорѣе озлобляется на напраслину, глядитъ на себя какъ на мученика. Мнѣ очень памятно выраженіе лица того колбасника „изъ русскихъ“, котораго я нашелъ въ одной изъ одиночныхъ камеръ „Титовки“, тюрьмы, гдѣ отсиживаютъ за приговоры мировыхъ судей. Когда этотъ старичокъ на вопросъ попечителя тюрьмы: „за что онъ сидитъ?“ отвѣчалъ, глядя поверхъ очковъ: „за нечистоту“, то ясно было изъ его усмѣшки, что онъ считаетъ подобный приговоръ безобразнымъ и возмутительнымъ. А онъ посаженъ уже былъ послѣ нѣсколькихъ полицейскихъ протоколовъ, побужденій, штрафовъ. Даже самые богатые люди изъ фабрикантовъ держатъ свои заведенія въ грязи. Корреспонденціи, появлявшіяся объ этомъ въ газетахъ, разсказывали въ подробностяхъ, какую грязь репортеры находили на московскихъ мануфактурахъ и фабрикахъ, за исключеніемъ, быть можетъ, двухъ-трехъ фирмъ.

Такъ вотъ и выходитъ, что Москва, вопреки русской поговоркѣ, красна больше углами, чѣмъ пирогами, если подъ пирогами, въ нашемъ случаѣ, разумѣть городское благоустройство, порядочность, удобства и гигіеничность. На это есть множество историческихъ и бытовыхъ причинъ. Одна изъ главныхъ—объемистость Москвы. На сто домовъ придется, конечно, половина одно-этажныхъ. Безчисленные переулки, въ нѣкоторыхъ частяхъ города, набиты скорѣе домишками, чѣмъ домами. Пожалуй, иной гигіенистъ скажетъ, что это гораздо лучше, что люди не такъ скучены, живутъ на бо́льшемъ просторѣ. Это несомнѣнно, но вотъ бѣда: какъ поддерживать въ порядкѣ такое количество улицъ и переулковъ, гдѣ найти средства хорошо мостить ихъ, очищать, дѣлать всякія улучшенія муниципальнаго хозяйства? Оцѣпите вы иной кварталъ и сосчитайте, сколько въ немъ жителей, окажется, навѣрно, въ десять разъ меньше, чѣмъ въ Парижѣ или даже въ Петербургѣ, на такомъ же пространствѣ, а то такъ и на вдвое меньшемъ. Исторія о мощеніи Москвы,

Digitized by Google

ея тротуарахъ, бульварахъ, водостокахъ—довольно комическая исторія, опять въ родѣ „глаголей" гостиннаго двора. Всѣ жалуются, всѣ кричатъ или, по крайней мѣрѣ, тѣ, кто желалъ бы видѣть хоть нѣсколько менѣе татарское хозяйство. Дума давно уже принимаетъ мѣры; одинъ изъ членовъ управы ѣздилъ за-границу изучать это дѣло на думскій счетъ; составлялись потомъ комиссіи, смѣты, представлялись всевозможные проекты. Стали мостить и такъ, и этакъ, пробовать и асфальтъ, и торцовую мостовую, и какіе-то кирпичики; всаживали деньги въ болотистыя мѣстности, подновляли и подновляютъ бульвары; выписывали изъ за-границы даже деревья для бульваровъ. Кое-что и сдѣлано, но въ общемъ все хромаетъ; мостовыя почти вездѣ плохія, осенью и весной васъ немилосердно толкаетъ на саняхъ и дрожкахъ: ухабы, колеи, горы нечищеннаго снѣгу и льду, потоки грязи—все какъ и прежде. По крайней мѣрѣ, такъ кажется всякому, не углубившемуся въ исторію хозяйства города Москвы. Спеціалисты, занимающіеся этимъ, говорятъ: „дайте намъ нѣсколько милліоновъ, и мы покажемъ вамъ, какое будетъ у насъ уличное благоустройство". Но милліоновъ нѣтъ; съ трудомъ сколачиваютъ и нѣсколько сотъ тысячъ, которыя и поглощаются ежегодно этой бездонной прорвой. Петербургъ, напримѣръ, не знаетъ московскихъ бульваровъ. Съ гигіенической точки зрѣнія бульвары очищаютъ воздухъ, представляютъ собою широкую ленту, опоясывающую центръ города. Стало быть, они полезны. Но для ежедневнаго обихода жителей Москвы эти бульвары—почти-что роскошь. Зимой, осенью на нихъ не гуляютъ или очень мало гуляютъ, они не представляютъ собой естественныхъ артерій, какъ, напримѣръ, парижскіе бульвары. Только одинъ Пречистенскій, весной и лѣтомъ и въ началѣ осени—мѣсто прогулокъ дворянскаго общества, да Тверской, болѣе демократическій, собираетъ большую публику; остальные почти всегда пусты или же по вечерамъ служатъ уже *совсѣмъ не гигіеническимъ* цѣлямъ. На бульвары надо идти особо. Если вы дѣловой человѣкъ и вращаетесь постоянно въ центрѣ города, то вамъ совсѣмъ и не по дорогѣ заглянуть на бульвары. Есть и такіе бульвары, въ родѣ Чистыхъ Прудовъ, гдѣ прудъ, хоть и называется „чистымъ", но давно зазеленѣлъ и лѣтомъ издаетъ только зловоніе; а, между тѣмъ, на этотъ многоверстный поясъ бульваровъ, обсаженныхъ плоховатыми липками, идетъ очень мало денегъ, и даже какой-нибудь полуграмотный и закорузлый обыватель, по-своему, правъ, когда ворчитъ на то, что дѣлаются изящныя рѣшетки для бульваровъ, а самые проѣзжіе переулки въ „городѣ" и на другихъ улицахъ то-и-дѣло становятся невозможными по отвратительности своихъ мостовыхъ.

Digitized by Google

И какъ смѣшно читать именно здѣсь, въ Москвѣ, возгласы византійцевъ, восклицающихъ, что въ Москвѣ-то и теплится возрождающій духъ *земскаго устройства!* Но присутствіе кремлевскихъ преданій, всѣ эти царь-пушки и царь-колокола, и старые монастыри что-то не научили жителя Москвы тѣмъ гражданскимъ свойствамъ и чувствамъ, безъ которыхъ ничто не пойдетъ. Первобытное хозяйство и муниципальная безпорядочность Москвы и доказываютъ, что старина завѣщала только живописную татарщину и византійщину, и безсильна бороться съ тѣмъ, что есть въ русскомъ простомъ человѣкѣ антикультурнаго. Какъ бы кто ни возставалъ противъ чиновничества и администраціи на казенный ладъ, но никакъ уже нельзя сказать, что администрація *одна* виной здѣшнихъ первобытныхъ городскихъ порядковъ. Представительство (какъ я уже сказалъ въ первомъ письмѣ) попало въ руки купцовъ. Въ послѣднія десять лѣтъ купеческое сословіе выразило рѣзкій протестъ противъ интеллигенціи. До сихъ поръ число гласныхъ съ высшимъ образованіемъ, профессоровъ, землевладѣльцевъ дворянскаго происхожденія очень незначительно. Въ предѣлахъ своего полномочія и правъ городская дума (т.-е. обывательское представительство) можетъ дѣйствовать, какъ ей заблагоразсудится. Но почему же она, дѣйствуя вотъ уже нѣсколько лѣтъ, до сихъ поръ не провела ничего радикальнаго, не смотря на то, что при ней состоитъ нѣсколько коммиссій, между которыми распредѣлены насущные вопросы? Почему? Потому что умъ, развитость гражданскаго чувства, широта взглядовъ не даются такъ, сразу, они не пріобрѣтаются только за прилавкомъ, въ амбарѣ, въ воздухѣ барыша, въ погонѣ за нимъ. Ограниченный либерализмъ полагаетъ, что только имущіе люди могутъ заботиться о нуждахъ города и цѣлаго государства. Но есть страны, въ родѣ Франціи, освободившія себя отъ этого предразсудка. Муниципальный совѣтъ Парижа состоитъ изъ людей, выбираемыхъ не за то, что у нихъ есть купеческія свидѣтельства, а за то, что они извѣстны, какъ развитые и дѣльные люди. И вотъ этотъ совѣтъ, состоящій все изъ „пролетаріевъ интеллигенціи“, все-таки прекрасно справляется съ громаднымъ бюджетомъ города, заботится энергично объ его здоровьѣ, о школахъ, о всевозможныхъ улучшеніяхъ, ведетъ борьбу съ произволомъ высшей администраціи, представляетъ собою душу не только Парижа, но, можно сказать, всей передовой Франціи. Намъ въ Москвѣ еще далеко до такого муниципальнаго совѣта. Надо сначала перевоспитать купца и промышленника. Онъ привыкъ смотрѣть на общественныя обязанности, какъ на тягость, а если теперь и охотно идетъ въ гласные, то больше изъ тщеславія или изъ консерва-

Digitized by Google

тивнаго духа, чтобы отстаивать сословныя или владѣльческія преимущества.

II.

Какъ живется частнымъ людямъ.—Пріѣзжіе.—Нумера. — Квартиры. — Прислуга. — Барышничество.—Дачи. — Прогулки. — Лѣтнія удовольствія. — Бѣдность народныхъ увеселеній.

Каково хозяйство города, такова и жизнь частныхъ людей. Что бы ни кричали о дороговизнѣ Петербурга, о неудобствахъ и трудности работающему человѣку устроиться тамъ мало-мальски порядочно, все-таки въ этой столицѣ, хотя она и стоитъ на болотѣ, сдѣлано гораздо больше для того, чтобы человѣку небогатому устроиться и жить сносно. Мы ужасно много говоримъ, въ газетахъ и журналахъ, объ отвлеченныхъ вещахъ, но слишкомъ рѣдко занимаемся насущными подробностями жизни, не показываемъ, въ точныхъ и трезвыхъ описаніяхъ, какъ живутъ въ нашихъ городахъ всѣ, кто зарабатываетъ свои гроши или свои рубли личнымъ трудомъ.

Возьмемъ квартиру. Населеніе Москвы увеличивается. По старой переписи все еще значится 600 тысячъ жителей, но теперь навѣрно перевысило и за 700, а построекъ сравнительно мало. Очень немного домовъ надстраиваются, какъ это дѣлается въ Петербургѣ, то-есть пріобрѣтаютъ два, три лишнихъ этажа. Во всей Москвѣ преобладаютъ одно-этажные дома или дома съ мезонинами. Стало-быть, помѣстительность малая. Семейства, пріѣзжающія на зиму, и одинокіе люди, проводящіе здѣсь весь сезонъ, по-неволѣ селятся въ меблированныхъ комнатахъ или меблированныхъ квартирахъ. Въ Петербургѣ больше распространенъ обычай отдавать лишнія комнаты жильцамъ; здѣсь это, хотя и существуетъ, но далеко не въ такомъ развитіи, опять-таки, по бѣдности въ квартирахъ и по неудобству ихъ для такого рода промысла. Проѣзжайте по бойкимъ улицамъ Москвы, и васъ, конечно, поразитъ множество вывѣсокъ меблированныхъ комнатъ. Но все это плохіе нумера, грязные, безъ всякихъ удобствъ, съ разношерстной мебелью, убогими кроватями, а цѣнами выше петербургскихъ. Можетъ быть, во всей Москвѣ найдется пять, шесть такихъ „гарни“, гдѣ вы можете жить съ комфортомъ; есть даже два, три „пансіона“, на иностранный манеръ, съ табль-дотомъ, безъ того отвратительнаго характера „нумеровъ“, какой не выведется въ нашихъ большихъ городахъ и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Но все это—пристанища для пріѣзжающихъ. Пожалуй, москвичи увѣряютъ, что и здѣшніе отели лучше петербургскихъ. Здѣсь есть три, четыре хорошихъ отеля, въ родѣ „Славянскаго базара“, „Лос-

Digitized by Google

кутной гостиницы" и отеля „Дрезденъ"; но цѣны во всѣхъ выше петербургскихъ. Останавливаться въ нихъ на цѣлый мѣсяцъ и больше, брать меблированныя комнаты въ родѣ тѣхъ, какія существуютъ въ извѣстномъ домѣ Варгина, на Тверской, могутъ только люди съ большими средствами. Здѣсь именно ничто не приспособлено къ потребностямъ людей небогатыхъ, но привыкшихъ къ чистотѣ и удобствамъ. Самая грязь и безпорядочность типичныхъ московскихъ нумеровъ поддерживаются привычками пріѣзжаго люда. Онъ и у себя живетъ по-свински. Стоитъ только походить по различнымъ „отдѣленіямъ" дома Челышева, на Театральной площади, чтобы увидать, какъ этотъ пріѣзжій людъ, вотъ уже десятки лѣтъ, довольствуется самыми грязными комнатами, не освѣщенными корридорами, запахомъ кухни и всевозможными азіатскими неудобствами. Въ теченіе зимняго сезона, въ Москвѣ найдется гораздо больше семействъ и одинокихъ людей, проживающихъ, кое-какъ, въ дурныхъ помѣщеніяхъ, на бивакахъ, чѣмъ въ Петербургѣ. Только тѣ, кто можетъ нанимать цѣлые домики-особняки, устраиваются хозяйственно; все остальное должно довольствоваться, „чѣмъ Богъ послалъ". Варскія квартиры можно имѣть дешевле, средней цифрой; но квартиры людей, не желающихъ тратить болѣе шестисотъ-восьмисотъ рублей, положительно, и меньше, и тѣснѣе, и грязнѣе, и лишены тѣхъ удобствъ, къ которымъ привыкъ теперь каждый петербуржецъ, платящій за свою квартиру тѣ же деньги. Швейцаръ, теплая, чистая лѣстница, коверъ на ней, газовое освѣщеніе, все это такія вещи, какія попадаются здѣсь въ одномъ домѣ на пятьсотъ. Это заводится только въ новыхъ домахъ, много-этажныхъ, которые выстраиваются хозяевами уже прямо для того, чтобы отдавать квартиры въ наемъ. Если жить экономно и искать квартиру попросторнѣе, надо отправляться на окраины. Поразговорившись съ небогатыми людьми, получающими не болѣе двухъ, трехъ тысячъ жалованья или заработка, вы, конечно, услышите жалобы на дороговизну квартиръ. То же самое и дрова. Они, давнымъ-давно, вдвое и втрое дороже, чѣмъ въ Петербургѣ. Прислуга здѣсь дешевле, но за то гораздо хуже. Мужская—остатки крѣпостныхъ въ очень маленькомъ числѣ, или же тотъ сортъ служителей, какой подходитъ къ типу артельщиковъ. Здѣсь все равно, какъ въ столицѣ венгерскаго королевства, швейцаровъ одѣваютъ въ національный костюмъ. Эта прислуга почти не годится для комнатъ. Женская, точно также, набирается изъ пришлаго люда. Здѣсь еще не образовался тотъ классъ женской прислуги, какой выработался уже въ Петербургѣ.

Въ Москвѣ хорошо ѣдятъ, но только въ трактирахъ и у богатыхъ людей; среднее же кулинарное искусство должно стоять ниже,

Digitized by Google

уже потому одному, что повара теперь дороги, а кухарки слишкомъ первобытны. Если вы будете ставить ваше небольшое хозяйство на порядочную ногу, вы истратите здѣсь, конечно, гораздо больше петербургскаго. Да и вообще, ежедневные расходы человѣка, выходящаго часто изъ дому, значительнѣе. Правда, московскіе извощики—когда ѣзда на дрожкахъ — укрываютъ васъ хоть какимънибудь верхомъ своихъ пролетокъ; но за то зимой, что ни извощикъ, то Ванька безъ полости, на драной лошаденкѣ. А цѣны никакъ не меньше. Чтобы сдѣлать правильное сравненіе, слѣдовало бы двумъ пріѣзжимъ записывать, въ продолженіи недѣли, свой ежедневный расходъ одновременно въ Петербургѣ и Москвѣ. Пріѣзжій въ Москвѣ непремѣнно истратитъ больше: и за отель, и на разъѣзды по городу, и на ѣду, и на исполненіе порученій, и на вечернія удовольствія. Хлѣбосольство Москвы и постоянная ѣда въ трактирахъ вовсе не повели къ дешевизнѣ. Здѣсь надо идти *основательно* завтракать или обѣдать. Не всѣ хорошіе трактиры имѣютъ обѣды въ опредѣленную цѣну. Русскіе трактиры, получившіе извѣстность, какъ, напримѣръ, трактиръ Лопашова на Варваркѣ, Московскій, Троицкій, Патрикѣевскій, все это заведенія, въ которыхъ вы должны составлять себѣ обѣдъ по картѣ. Придете вы одинъ и составите себѣ обѣдъ по-европейски, въ пять, шесть блюдъ, онъ вамъ обойдется отъ семи до десяти рублей. Правда, можно въ два, три трактира зайти утромъ завтракать за опредѣленную цѣну холоднымъ и горячимъ кушаньемъ, но забѣжать закусить на ходу, какъ это можно въ очень многихъ мѣстахъ Петербурга, здѣсь почти-что некуда. Типичные трактиры, въ родѣ Московскаго или Патрикѣевскаго, не держатъ даже буфета. Вы приходите и должны непремѣнно садиться за столъ. Спросить себѣ рюмку водки и закусить—это уже цѣлая процедура. Вамъ подадутъ графинчикъ и тарелочку съ кускомъ ветчины и разрѣзаннымъ огурцомъ чуть не четверо половыхъ. Здѣсь все пригнано къ потребностямъ или обжоръ и ничего не дѣлающихъ людей, или торговаго человѣка, любящаго приходить въ трактиръ, не спѣша, что бы онъ ни собирался дѣлать, пить-ли чай или закусывать. День человѣка, не имѣющаго у себя стола, обойдется ему непремѣнно дорого. Точно также и удовольствія. Московскій Малый театръ, по цѣнамъ мѣстъ, дороже и Александринскаго, и Апраксинскаго Малаго. Кромѣ того, Москва въ поражающихъ размѣрахъ промышляетъ барышничествомъ. Слабость полиціи, а по всей вѣроятности, стачка мелкихъ агентовъ съ барышниками и съ завѣдующими продажей въ кассѣ дѣлаютъ то, что въ Москвѣ, въ разгаръ сезона, бойкіе бенефисы, на святкахъ, на масляницѣ, вообще, съ начала декабря до великаго поста, нѣтъ

Digitized by Google

почти возможности доставать въ кассѣ билеты людямъ, которые не позаботятся послать комиссіонера съ ранняго утра, или сами дежурить въ тотъ день, когда объявляется въ афишахъ спектакль, то-есть наканунѣ или за нѣсколько дней, смотря по тому, простое это представленіе или бенефисъ. Не только пріѣзжіе дѣлаются жертвами барышниковъ, но и старожилы Москвы проходятъ черезъ ихъ же руки. Есть здѣсь даже немало семействъ и одинокихъ людей, которые иначе не ѣздятъ въ театръ, какъ черезъ посредство барышниковъ. Они прямо подъѣзжаютъ и останавливаются около кучки барышниковъ, не стѣсняющихся нисколько близостью полиціи и театральныхъ служителей. Зимой здѣсь постоянно биржа съ утра вплоть до восьми-девяти часовъ вечера. На оперные и балетные спектакли можно легче доставать билеты; на балетные даже почти всегда безъ барышниковъ. Но главное, привлекательное мѣсто зрѣлищъ — это Малый театръ. Онъ и обойдется каждому москвичу или пріѣзжему втрое и вдвое дороже, чѣмъ драматическія зрѣлища въ Петербургѣ, и русскія, и французскія, и нѣмецкія. Частные театры, въ родѣ залы Солодовникова, гдѣ играютъ оперетки, или театра б. п. Пушкина, также съ дорогими цѣнами, выше казенныхъ. Въ театрѣ б. п. Пушкина двѣ залы; вторая считается публикой несовсѣмъ удобною. Въ ней начинаются кресла съ двѣнадцатаго или тринадцатаго ряда и только въ ней есть мѣста въ 1 р. 50 к. и дешевле; въ первой же залѣ цѣны minimum два рубля за кресло, которое можетъ находиться и въ послѣднемъ ряду, смежнымъ со второй залой. И частныя сцены не избѣгли барышничества. Когда театръ Пушкина во второй половинѣ сезона сталъ дѣлаться модными, и публика повалила, въ особенности на представленія съ участіемъ г-жи Стрепетовой, барышники просто-на-просто *грабили*. Они сами разсказывали, что имъ случалось продавать кресла во второй залѣ за пятнадцать, двадцать, двадцать-пять рублей! Можно, пожалуй, возразить, что барышничество существуетъ вездѣ. Но въ Москвѣ ему благопріятствуетъ общій халатный строй администраціи и надзора, который и отражается на карманѣ жителей.

Сообразите все это и вы увидите, что годовой бюджетъ, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, окажется въ Москвѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. А, за исключеніемъ русскаго театра, все остальное будетъ хуже качествомъ. Но прибавьте еще къ этому дурную мостовую, уличную грязь, тысячи непріятныхъ ощущеній, получаемыхъ вами отъ безпорядочнаго городского хозяйства. Это можетъ, въ извѣстной степени, окупаться климатомъ Москвы. Онъ, дѣйствительно, лучше, хотя за послѣдніе годы также сталъ пошаливать, сдѣлался весьма измѣнчивъ. Ранняя зима вдругъ перейдетъ

Digitized by Google

въ оттепель, и въ декабрѣ мѣсяцѣ на васъ льетъ такой же дождь, какъ и въ сентябрѣ. Но здѣсь существуетъ весна и болѣе постепенный переходъ къ лѣтнимъ жарамъ. И осень часто стоитъ сухая и теплая; она можетъ переходить въ морозные октябрьскіе дни, солнечные и сухіе, красиво освѣщающіе городъ. Бываетъ, что здѣсь на страстной и святой недѣлѣ такъ тепло, какъ въ Петербургѣ черезъ мѣсяцъ. Защищена Москва и отъ постояннаго петербургскаго вѣтра; не чувствуется здѣсь пронзительной сырости, того лихорадочнаго озноба, отъ котораго и настоящій петербуржецъ не можетъ часто освободиться. Всякій художникъ скажетъ вамъ, что солнечныхъ дней, или, по крайней мѣрѣ, настолько свѣтлыхъ, что можно порядочно работать, приходится здѣсь гораздо больше. Но весна, лѣто и ранняя осень не очень-то скрашиваютъ жизнь такого москвича, который не можетъ уѣхать куда-нибудь подальше, въ настоящую деревню, и долженъ довольствоваться или поѣздками за городъ, ночуя въ городѣ, или же жизнью въ ближайшихъ окрестностяхъ. Весной и лѣтомъ въ городѣ бульвары, это еще нѣкоторый рессурсъ; имъ можетъ пользоваться и всякій простолюдинъ. Но за то нѣтъ порядочнаго парка, негдѣ массѣ народа, напримѣръ, въ воскресенье, гулять на свободѣ. Старый, заброшенный Александровскій садъ находится въ какой-то котловинѣ, бѣденъ растительностью и превратился просто въ плоховатый бульваръ. Есть, правда, почти въ чертѣ города, прекрасный садъ, именно Нескучный, изъ котораго въ другой столицѣ непремѣнно сдѣлали бы оживленную прогулку. Но онъ посѣщается очень мало, стоитъ далеко; ѣзда непріятна по плохо мощеннымъ и пыльнымъ улицамъ. Пыль! Вотъ главная спеціальность Москвы въ лѣтнее время. Все отравляется этой пылью. Только съ годъ тому назадъ начали немножко попрыскивать по шоссе за заставой, по дорогѣ въ паркъ. Но это попрыскиванье не избавляетъ васъ отъ ядовитой шоссейной пыли. Ѣхать въ пролеткахъ—чистое мученье. Самое лучшее: забраться на имперіалъ желѣзно-конной дороги. И куда бы вы ни поѣхали за городъ, пыль преслѣдуетъ васъ. Еще не скоро муниципалитетъ Москвы въ состояніи будетъ ассигновать „надлежащія“ суммы для того, чтобы поѣздка на дачу не превращалась въ вѣрное средство засорять свои легкія.

Петровскій паркъ и Сокольники—вотъ гдѣ всего удобнѣе жить тѣмъ, кто долженъ часто ѣздить въ городъ. Сами по себѣ и паркъ, и сосновый лѣсъ, называемый Сокольниками, не плохи. Но цѣны дачъ высоки; удобствъ почти никакихъ; полиція такъ мало охраняетъ безопасность дачниковъ, что въ Сокольникахъ, то-и-дѣло, слышно о грабежахъ. Рѣдкая дачница рѣшится пойти на одну изъ отдаленныхъ просѣкъ, даже и среди бѣла дня. Московское чаепитіе

Digitized by Google

развело промыселъ *самоварницъ*, интересный, быть можетъ, въ бытовомъ отношеніи, но весьма непріятный для жителей Сокольниковъ. Вы, то-и-дѣло, наталкиваетесь на пьяныхъ, на арфистокъ, на бродячихъ пѣсенниковъ, вездѣ въ бойкихъ мѣстахъ насорено; самоварный дымъ и чадъ гуляютъ въ воздухѣ; слышатся всевозможные неблаговонные запахи. Въ паркѣ больше благоустройства, безопаснѣе; но за то неизмѣримо болѣе пыли и меньше тѣни; по вечерамъ толкотня на главной улицѣ; нѣтъ простора, и такое же отсутствіе лѣтнихъ удовольствій, какъ и въ Сокольникахъ, за исключеніемъ одного или двухъ трактировъ съ цыганами.

Неудивительно, что Москва на лѣто теряетъ менѣе свою городскую физіономію, чѣмъ Петербургъ. Вы не увидите здѣсь опустѣнія, какъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, когда Невскій послѣ пяти часовъ, или много шести, представляетъ собой какую-то пустыню. „Городъ“ живетъ также бойко; ѣзда на улицахъ не прекращается, и даже каждодневный вечерній центръ удовольствій оказывается не за чертой города, не на дачѣ, а въ саду Эрмитажа, на пригоркѣ около Самотеки. Если вы попадете туда въ одинъ изъ большихъ праздниковъ или на представленіе новой оперетки (въ прошломъ году ставили и цѣлыя оперы съ пріѣзжими знаменитостями), то на васъ пріятно подѣйствуетъ многолюдство, обстановка всего сада, его освѣщеніе, громадное количество потребителей всякихъ яствъ и напитковъ. Петербургскій Демидовъ садъ покажется, послѣ этого лѣтняго Эрмитажа, мизернымъ, съ его плохимъ освѣщеніемъ, бѣдной растительностью и однообразной публикой изъ мужчинъ и дамъ полусвѣта. Въ садъ Эрмитажъ въ Москвѣ ѣздитъ всякій. Тутъ приличная публика смѣшивается со всѣмъ московскимъ полусвѣтомъ; сюда ѣздятъ цѣлыми семействами; вы увидите даже дѣтей. Но опять-таки вечеръ въ этомъ увеселительномъ мѣстѣ обойдется вамъ довольно дорого. Въ театрѣ порядочное мѣсто будетъ стоить не менѣе двухъ рублей. Но для многихъ трудовыхъ людей, принужденныхъ работать до вечера, гораздо лучше пойти въ такой садъ, чѣмъ трястись на извощикѣ по пыли въ паркъ или Сокольники. Есть и еще мѣсто, которое могло-бы сдѣлаться хорошей прогулкой, это—тѣ два сада, которые находятся на Прѣснѣ: зоологическій и находящійся противъ него съ большимъ прудомъ. Давно, лѣтъ больше десяти, они были въ модѣ. Попытки лѣтнихъ зрѣлищъ: опереточнаго театра и кафе-шантана не удавались. Прудъ глохнетъ и зеленѣетъ.

Захотите вы поселиться гдѣ-нибудь подальше, вы наткнетесь на тѣ же самыя неудобства: плохія дачи, трудность сообщенія, пыль или сырость. Дѣловому человѣку положительно труднѣе пріискать мѣсто, откуда можно было бы, не теряя много времени, ѣздить еже-

Digitized by Google

дневно въ городъ. Москвичи не особенно долюбливаютъ Петровское-Разумовское. Они имѣютъ предубѣжденіе противъ академіи, на что я намекнулъ въ первомъ письмѣ. А въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы, за десять верстъ кругомъ, не найдешь такого прекраснаго парка, какъ академическій паркъ, съ его древними аллеями, прудомъ, размѣромъ въ цѣлое озеро, цвѣтниками, теплицами и обширными лѣсными прогулками. Но сообщенія все-таки еще лишены удобства. Вы должны довольствоваться линейкой первобытнаго типа или отправляться пѣшкомъ до станціи желѣзной дороги, то-есть дѣлать версты двѣ. Если не селиться въ низменной мѣстности Петровскаго-Разумовскаго, гдѣ сыро, и даже каждый вечеръ, какъ пелена, спускается туманъ, то надо платить дорого или же помѣщаться на такъ называемыхъ *выселкахъ*, на грязномъ шоссе, среди трактировъ, кабаковъ и полпивныхъ.

Все, что дальше, что разбросано кругомъ Москвы — довольно живописно для досужнаго обозрѣвателя. Люди со средствами могутъ выбрать себѣ красивую мѣстность, но истратятъ навѣрно на 30% дороже, чѣмъ петербургскіе дачники.

Въ такомъ городѣ, какъ Москва, который выставляется партизанами ея какъ сердце Россіи, поразительна также бѣдность *народныхъ* увеселеній и мѣстъ, гдѣ бы черный трудовой людъ и всѣ, кто заработываетъ побольше простого поденщика, могли находить пріятный отдыхъ, не толкающій его все больше и больше въ сторону пьянства и разгула. Въ самомъ городѣ, въ чертѣ его, какъ я уже сказалъ, нѣтъ мѣста для гулянья народа, за исключеніемъ бульваровъ, превращающихся по вечерамъ въ рынокъ очень печальныхъ нравовъ. На масляницѣ и на Святой балаганы гораздо первобытнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Мѣсто отведено для нихъ слишкомъ отдаленное. Въ обыкновенное время вы находите какой-нибудь одинъ звѣринецъ и жалкую панораму на Цвѣтномъ бульварѣ. Лѣтомъ, за городомъ въ Сокольникахъ, питье чая—поводъ къ разгулу. Ни даровой музыки, ни дешевыхъ зрѣлищъ, ничего такого, что показывало бы, что о трудовой массѣ кто-нибудь заботится, скрашиваетъ хоть-чѣмъ нибудь ея неприглядное существованіе. Поневолѣ рабочій идетъ все туда-же, то-есть въ мѣста, обильныя всякими притонами; остается круглый годъ въ духотѣ и грязи города, коротаетъ свой воскресный досугъ въ самыхъ трущобныхъ кварталахъ Москвы.

Digitized by Google

III.

Общественная жизнь имущихъ классовъ.—Купцы новые и старые. — Клубы: купеческій, нѣмецкій, „Кружокъ“. дворянскій, англійскій.—Трудовыя профессіи: учителя, гувернантки, студенты, адвокаты, доктора.

Отъ мужика, пришедшаго за заработкомъ въ Москву, до крупнаго промышленника, фабриканта, банкира, подрядчика или магазинщика есть сотни общественныхъ ступеней. Бытовая связь въ Москвѣ еще сильна. Сколько сотенъ „хозяевъ“, имѣющихъ лавки, заводы и конторы, продолжаютъ жить такъ, какъ они жили бы и въ большомъ селѣ или слободѣ. Та интеллигентная доля купечества, о которой я говорилъ въ первомъ письмѣ, есть все-таки меньшинство, и меньшинство далеко не крупное. Масса собственниковъ и дѣльцовъ купеческаго сословія продолжаютъ жить первобытно. У нихъ происходитъ процессъ растительный: наживаютъ деньги, строятъ дома, покупаютъ дачи, пріучаются къ чистотѣ и привычкамъ обезпеченныхъ людей. Разъѣдающій элементъ, который вноситъ съ собой вдеи, другіе умственные и нравственные запросы, приходитъ только въ видѣ дѣтей, когда имъ даютъ высшее образованіе. Такое бытовое купечество можетъ поддерживать и внѣшнюю городскую жизнь, то-есть ѣздить на гулянья, въ театры, въ цирки, но само по себѣ оно не въ состояніи еще создать какія-нибудь болѣе развитыя формы общительности. Мужья сидятъ въ лавкахъ, ходятъ въ трактиры, пьютъ чай или пьянствуютъ; жены толстѣютъ въ бездѣйствіи, сидятъ за самоваромъ, ѣздятъ часто въ баню, одѣваются, ходятъ по лавкамъ, играютъ въ карты. Этотъ міръ исчерпанъ авторомъ комедіи „Свои люди сочтемся“, въ его прочно сложившихся, но *до-реформенныхъ* чертахъ. Инстинкты остаются, конечно, тѣ же, но проявленія измѣняются. Очень можетъ быть, что лѣтъ черезъ двадцать, черезъ тридцать все, что̀ есть въ купечествѣ пообразованнѣе, побойчѣе умственно и посамостоятельнѣе характеромъ, будетъ вырабатывать свои формы общежитія, расширитъ уже сообща умственные интересы, повліяетъ на характеръ общественныхъ удовольствій. Все это можетъ быть, но пока и самая интеллигентная доля купечества, за очень немногими исключеніями, старается сгладить свои особенности и подойти къ дворянскому типу жизни, привычекъ и нравовъ. У кого много денегъ и нѣтъ уже прежнихъ стѣсненій и прежней наклонности къ домосѣдству, тотъ, покончивши дѣловой день, проводитъ время совершенно такъ, какъ и помѣщикъ, и школьникъ, и офицеръ, только погрубѣе, съ большей возможностью давать ходъ своимъ инстинктамъ. Зайдите вы въ здѣшній купеческій клубъ и

Digitized by Google

вы увидите, что въ немъ картежная игра идетъ едва-ли не сильнѣе, чѣмъ въ остальныхъ клубахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по внѣшнему виду, по физіономіямъ, по типамъ, по разговорамъ и купеческіе посѣтители этого клуба уже потеряли свою первобытную своеобразность, перемѣшались со множествомъ посѣтителей не-купеческаго рода, наполняющихъ каждый вечеръ высокія залы этого картежнаго пріюта.

Все, что̀ пониже, лавочники, прикащики, нѣмцы всякихъ практическихъ профессій, также не пошло дальше посѣщенія трактировъ, нѣмецкаго клуба и артистическаго кружка. Еще у нѣмцевъ существуютъ кое-какіе свои ферейны, пѣвческія и другія общества, но и то въ гораздо меньшемъ развитіи, чѣмъ въ Петербургѣ. Прикащики не имѣютъ даже своего особеннаго клуба; онъ существовалъ прежде, но теперь раззорился. Кромѣ игры въ карты и танцевъ, этотъ слой общества пользуется еще клубными спектаклями. Можетъ быть, если посмотрѣть на эти спектакли съ точки зрѣнія демократизаціи театральнаго искусства, то и выходитъ какая-нибудь польза; но за то составъ подобной публики дѣйствуетъ отрицательно на уровень исполненія. Вы сидите на спектаклѣ, который, по характеру пьесы и по игрѣ, относитъ васъ къ провинціи, да и въ провинціи очень часто публика навѣрно развитѣе, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ рядахъ креселъ и въ ложахъ бенуара и бельэтажа. Когда въ Петербургѣ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, клубъ художниковъ жилъ бойкой жизнью, но уже по публикѣ не отличался особенной порядочностью, то очень многіе петербуржцы возмущались и называли и считали этотъ клубъ „Богъ знаетъ чѣмъ“. Но стоило и тогда еще сравнить его съ артистическимъ Кружкомъ въ Москвѣ (а онъ десять лѣтъ тому назадъ считался выше, чѣмъ теперь): разница была поразительная, и всего болѣе по составу публики. Исторія московскаго артистическаго Кружка можетъ показать, какъ здѣсь трудно поддержать что-нибудь на извѣстной умственной и художественной высотѣ. „Кружокъ“ устроенъ былъ по очень хорошей программѣ. Первоначально въ него собирались дѣйствительно артисты, художники всякихъ спеціальностей: музыканты, актеры, беллетристы. Домъ помѣщался на Тверской, былъ не очень обширенъ, но совершенно достаточенъ для небольшихъ сборищъ, чтеній, иногда танцевъ. Каждый вечеръ вы могли, поработавъ, или изъ театра, заѣхать въ клубъ и найти тамъ непремѣнно нѣсколько знакомыхъ членовъ изъ литературнаго и артистическаго міра Москвы. Но потомъ клубъ перемѣнилъ помѣщеніе и превратился въ какую-то антрепризу. Устроитель спектаклей, актеръ Малаго театра, сдѣлался настоящимъ антрепренеромъ и подрядчикомъ, распоряжавшимся самовольно. Зрѣлища съ ихъ расходами, большой труппой и всякими другими подробностями

Digitized by Google

вызвали и необходимость большихъ сборовъ. Повалила всякая публика; въ члены „Кружка“ также принимались люди безъ всякаго разбора, неимѣющіе ничего общаго съ интеллигенціей, съ умственнымъ или художественнымъ трудомъ. И вотъ, въ нѣсколько лѣтъ изъ хорошаго интеллигентнаго клуба въ родѣ тѣхъ, какіе существуютъ въ Лондонѣ, „Кружокъ“ превратился въ частную плоховатую драматическую сцену, лишился порядочныхъ постоянныхъ посѣтителей, сдѣлался только обычнымъ пріютомъ, особенно постомъ, провинціальныхъ актеровъ. Два года тому назадъ, открыты были тамъ постоянные драматическіе курсы; но и это все-таки не подняло нравственнаго кредита „Кружка“ въ глазахъ болѣе избранной публики. Исторія довольно печальная, но она показываетъ также, что литературно-художественный міръ Москвы не чувствуетъ солидарности, что онъ недостаточно проникнутъ потребностью въ такомъ центрѣ, гдѣ бы происходило постоянно общеніе идей, интересовъ, вкусовъ. Это похоже на исторію каждаго нашего учрежденія, кружка, общества. И Петербургъ не имѣетъ и до сихъ поръ литературнаго клуба, несмотря на его громадный писательскій персоналъ. И въ обыкновенное время, даже въ разгаръ сезона, въ Москвѣ рѣшительно некуда поѣхать, если вы желаете попасть въ сферу людей, занимающихся умственными и художественными интересами. Въ одну изъ прошлыхъ зимъ профессора и ихъ ближайшіе знакомые согласились являться по субботамъ въ дворянскій клубъ, но и это продолжалось всего одну зиму.

Дворянскій клубъ представляетъ собой почти то же, что въ Петербургѣ „Благородное собраніе“. Въ него ѣздятъ помѣщики средней руки, чиновники, офицеры, адвокаты, состоятъ его членами и нѣсколько профессоровъ; но чисто мужская доля время-препровожденія—карточная. Въ осенній и зимній сезонъ все среднее общество Москвы собирается на музыкально-танцовальные вечера по средамъ, на балы и маскарады. Тутъ всего ярче виднѣется физіономія губернскаго города, эта та же Рязань, Калуга, Орелъ или Владиміръ, только увеличенные въ нѣсколько разъ. Вмѣсто двухсотъ человѣкъ вы можете иногда находить и до полутора тысячи. Настоящаго свѣтскаго изящества вы тутъ не ищите, хотя и много женскихъ туалетовъ съ претензіями. И по составу мужской публики всѣ эти вечера, балы и маскарады довольно-таки низменнаго уровня. Въ этомъ клубѣ нѣтъ даже особой гостиной въ его обыкновенномъ помѣщеніи, которая бы предназначалась для бесѣды, ничего подобнаго знаменитой когда-то „черногостиной комнатѣ“ англійскаго клуба.

Да и англійскій клубъ живетъ только традиціями, гораздо менѣе,

Digitized by Google

чѣмъ даже Малый театръ. Теперь время не дворянскихъ затѣй и сословной пышности. Англійскій клубъ, правда, помѣщается все въ томъ же домѣ, откуда онъ временно переѣзжалъ, комнаты тѣ же и внѣшній порядокъ, и игра въ карты, и обѣды; но все это уже *тронулось;* съ трудомъ вы найдете нѣсколько старичковъ, носителей прежней барской идеи; они всѣ на перечетъ. Разговоритесь съ ними, и они вамъ съ горечью будутъ передавать печальные итоги вырожденія. Всѣ ихъ сверстники перемерли. Въ клубъ попадаютъ уже, по ихъ понятіямъ, „разночинцы", еврен-подрядчики, хозяева банкирскихъ конторъ, присяжные повѣренные, всякій такой народъ, какому лѣтъ сорокъ тому назадъ нечего бы было и дерзать проникать въ англійскій клубъ. Да и спеціальностей такихъ не существовало. Правда, постомъ еще варятъ знаменитую уху; но обѣды уже не славятся, о нихъ не толкуетъ уже весь городъ. За два рубля вы гораздо лучше поѣдите въ какомъ-нибудь Эрмитажѣ, чѣмъ за обыкновеннымъ общимъ обѣдомъ англійскаго клуба. Художественное описаніе, какое читатель найдетъ въ романѣ графа Л. Н. Толстаго, „Анна Каренина", гораздо выше дѣйствительности. Англійскій клубъ уже не производитъ такого впечатлѣнія тонкаго барскаго комфорта. Сплошь и рядомъ слышите вы отъ людей, состоящихъ тамъ членами, что они задаромъ платятъ свои членскіе взносы и вовсе не пользуются клубомъ. Кромѣ картежниковъ, да людей, которыхъ тщеславіе тѣшится званіемъ члена англійскаго клуба, врядъ ли кого-нибудь онъ привлекаетъ. Не слышится и оживленныхъ разговоровъ, не завязывается преній, какъ въ былое время, потому-что университетъ и литература стоятъ вдали отъ этого клуба; и сословные мозги нуждаются въ постороннемъ возбужденіи.

Вотъ куда расплывшаяся на цѣлые десятки верстъ Москва ѣздитъ за набиваньемъ своего досуга ѣдой, картами, танцами и сплетнями. Чего-нибудь своеобразнаго, чисто-мѣстнаго, указывающаго на оригинальность вкусовъ и привычекъ общежитія я, право, что-то не вижу. Нельзя считать своеобразной чертой развившуюся во всевозможныхъ кружкахъ страсть къ театральному дилеттантству. То же самое мы видимъ и въ Петербургѣ. Здѣсь существуютъ цѣлыхъ два частныхъ помѣщенія для спектаклей, настоящія театральныя залы, хотя и очень маленькія. Это театръ Секретарева и театръ Нѣмчинова. Въ сезонъ они почти каждый день нанимаются какимъ-нибудь обществомъ любителей. Играютъ и въ дворянскихъ свѣтскихъ сферахъ, играютъ молодые купцы и купчихи, прикащики, студенты, курсистки, воспитанники техническаго училища, гимназисты, офицеры, играютъ рѣшительно всѣ. Но это море дилеттантства не выдѣлило до сихъ поръ еще ничего сколько-нибудь выдающагося. Нѣсколько лѣтъ тому

Digitized by Google

назадъ сложилось цѣлое общество любителей драматическаго и музыкальнаго искусствъ, выработало довольно хорошій уставъ, имѣетъ право до сихъ поръ давать спектакли и концерты круглый годъ въ неограниченномъ числѣ вечеровъ. Сначала оно еще жило и даже заставляло о себѣ говорить, но вотъ уже второй годъ, какъ это общество существуетъ болѣе на бумагѣ; если собирается, то, вѣроятно, для однихъ только толковъ. Концерты оно еще изрѣдка даетъ, а спектакли почти совсѣмъ заглохли. Этотъ фактъ тоже поучителенъ, въ родѣ исторіи артистическаго кружка. Всѣ играютъ, стремятся въ любители, интригуютъ, ссорятся, тратятъ деньги, находятъ даже платящую публику, а все-таки не могутъ образовать никакого прочнаго артистическаго товарищества, вести дѣло посерьёзнѣе, учиться, соединить свои упражненія съ теоретическимъ и практическимъ преподаваньемъ. Еще въ свѣтѣ задаются иногда благотворительные спектакли на французскомъ языкѣ, хотя по внѣшности, то-есть по публикѣ и отчасти по исполнителямъ, сколько-нибудь интересные. Но остальные спектакли, хотя ихъ и легіонъ, почти всегда чрезвычайно тусклы, неумѣлы и вялы до-нельзя. Поневолѣ вы поѣдете искать болѣе характерныхъ проявленій московскихъ инстинктовъ куда-нибудь за черту города, въ паркъ, на тройкѣ, въ увеселительныя заведенія въ родѣ „Яра“ или „Стрѣльны“. Тамъ, съ осени и до лѣта, раздается пѣніе цыганъ и русскихъ пѣвицъ, тамъ не смолкаютъ хутежи. Но и они лишились въ послѣднія двадцать лѣтъ прежнихъ своеобразныхъ особенностей. Это то же самое, что въ Петербургѣ „Ташкенты“, „Самарканды“ и „Дороты“, только погрубѣе, съ бо́льшей опасностью для случайныхъ посѣтителей наткнуться на какой-нибудь скандалъ. Прибавьте къ этому то, что́ я говорилъ о московскихъ трактирахъ въ первомъ моемъ письмѣ и вы составите себѣ довольно вѣрную картину того, какъ наполняютъ свои досуги всѣ тѣ, кому можно тратить деньги. Картина выходитъ, какъ сами вы согласитесь, такая же, какъ въ каждомъ большомъ губернскомъ городѣ.

Всѣмъ нужно куда-нибудь дѣться: однимъ отъ совершеннаго бездѣлья, другимъ отъ утомительной, однообразной работы, третьимъ отъ нормальной потребности смѣнять трудъ отдыхомъ. И если людямъ обезпеченнымъ, богатымъ, добывающимъ себѣ деньги всякими легкими способами, тоже не выдти изъ извѣстной однообразной колеи московской жизни, то все-таки они не должны очень биться, ломать голову надъ средствами къ жизни. Землевладѣльцы и домовладѣльцы пользуются постоянной рентой; купцы, фабриканты, директора банковъ, всякіе спекулянты—все это заработываетъ крупные куши и живетъ, спекулируя на самыя выдающіяся потребности го-

Digitized by Google

рода. А каково здѣсь живется серьёзнымъ работникамъ, тѣмъ, которые должны довольствоваться одной десятой, а то и меньше широкихъ заработковъ и доходовъ разныхъ рантьеровъ и ловкихъ дѣльцовъ? Не мѣшаетъ поговорить здѣсь и объ этомъ подробнѣе. Въ первомъ письмѣ я тронулъ только духовную сторону того, что составляетъ московскую интеллигенцію; но вѣдь все это—люди, у нихъ есть потребности, и они желаютъ также сносно жить, имъ также необходимъ отдыхъ. Уже изъ того, что́ я сказалъ о литературной жизни Москвы, прямо вытекаетъ, что здѣсь пишущему люду не можетъ быть особенно хорошо. Рынокъ маленькій, стало быть, и спросъ не великъ. Только самое крошечное меньшинство пользуется правильнымъ и постояннымъ заработкомъ, но и онъ сравнительно ниже петербургскаго, а о такихъ цѣнахъ, которыя существуютъ уже въ петербургской прессѣ на постоянныхъ сотрудниковъ: передовиковъ, фельетонистовъ, даже репортеровъ, здѣсь даже и рѣчи быть не можетъ. Если въ толстыхъ журналахъ поддерживаются почти тѣ же цѣны, то это благодаря примѣру Петербурга. Онъ даетъ толчокъ, онъ устанавливаетъ размѣры гонорара. Профессоръ точно также, еслибы онъ хотѣлъ поднять свой заработокъ, не найдетъ здѣсь достаточно занятій такъ легко, какъ въ Петербургѣ; много, много три, четыре человѣка имѣютъ по двѣ каѳедры, какъ, напримѣръ, одинъ изъ профессоровъ университета, состоящій также въ то же самое время и профессоромъ въ петровской земледѣльческой академіи. А между тѣмъ, нѣтъ никакихъ приспособленій, товарищескихъ и корпоративныхъ складчинъ и обществъ, позволяющихъ трудовому человѣку тратить меньше: ни интеллигентнаго клуба, ни дешевыхъ табль-дотовъ, ни читаленъ, ни увеселительныхъ какихъ-нибудь кружковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ завелись здѣсь обѣды разъ въ въ мѣсяцъ въ родѣ петербургскихъ литературныхъ обѣдовъ. На нихъ бывали профессора, адвокаты, литераторы, но и это не пошло; теперь они прекратились сами собой, безъ всякаго внѣшняго давленія. Говорятъ, отъ того, что будто бы большинство стало тяготиться тѣми разговорами и преніями, какіе бывали на этихъ обѣдахъ. Если оно такъ, то это указываетъ, до какой степени мала здѣсь даже въ интеллигентныхъ кружкахъ потребность въ общительности, въ обмѣнѣ мыслей, въ горячей бесѣдѣ, въ принципіальныхъ преніяхъ, которыхъ прежде не сторонились люди даже враждебныхъ лагерей.

Учителя гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній ведутъ, конечно, такую же жизнь: тусклую, однообразную, наполненную раздражающимъ трудомъ. Здѣсь есть не мало людей, положительно изнемогающихъ подъ бременемъ этой спеціальности. Они изъ куска хлѣба должны держаться учительскихъ мѣстъ, тогда какъ ихъ

Digitized by Google

наклонности, знанія, таланты, вкусы, все влечетъ ихъ въ сторону литературы или серьёзной, чистой науки. Но, что дѣлать! Надо просиживать цѣлыя ночи надъ поправленіемъ тетрадокъ. Подспорья, въ видѣ литературнаго труда, такіе мало; педагогическихъ журналовъ издается здѣсь одинъ, два, да и обчелся. Корпоративная жизнь не развита. Захочетъ учитель скоротать вечеръ, онъ долженъ идти въ какой-нибудь артистическій кружокъ или нѣмецкій клубъ, играть тамъ въ карты или смотрѣть на плохой спектакль. Исключеніе представляютъ тѣ педагоги, которымъ удастся составить учебную книжку, добиться ея рекомендаціи, выгодно продать ее или сдѣлать себѣ изъ нея ренту. Эта отрасль книжной торговли здѣсь въ ходу, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ видамъ литературы. Но все-таки и по этой части толчокъ даетъ Петербургъ. Мужчинамъ педагогамъ лучше, чѣмъ женщинамъ. Здѣсь существуетъ уже довольно давно „Общество гувернантокъ", задавшееся очень хорошими цѣлями взаимной помощи. Но общество это не въ состояніи удовлетворить всѣмъ нуждамъ его членовъ. Предложеніе въ нѣсколько разъ превышаетъ спросъ. Еслибы каждая дѣвушка или женщина, идущая въ гувернантки, хотѣла непремѣнно имѣть кусокъ хлѣба, оставаясь въ Москвѣ, она, конечно, умерла бы съ голоду. Къ учащему люду надо присоединить и студентовъ, если на нихъ посмотрѣть, какъ на трудовыхъ людей. Это у насъ въ полномъ смыслѣ умственный пролетаріатъ. Стипендій здѣсь меньше; общество, занимающееся пособіями, бѣднѣе составомъ членовъ; въ послѣднее время событія внутренней политики сдѣлали то, что студентамъ еще труднѣе добывать себѣ уроки. Помимо того, въ каждомъ семействѣ взрослыя дочери начали заниматься даваньемъ уроковъ своимъ братьямъ и сестрамъ. Явилась, значитъ, новая конкурренція и для учителей, и для гувернантокъ, и для профессіональныхъ учительницъ, и для студентовъ. А жизнь нисколько не дешевле петербургской. Точно также студентъ долженъ платить десять, пятнадцать рублей за порядочную комнату, также не менѣе тридцати, сорока копѣекъ за маломальски сносный обѣдъ; здѣсь даже гораздо меньше частныхъ приспособленій къ быту студентовъ, чѣмъ въ Петербургѣ. Блестящее исключеніе составляютъ только два общежитія, существующія въ Москвѣ, два дома, предоставленные купцами въ пользованіе студентовъ на извѣстное число комнатъ: это домъ Ляпина и недавно открытое, уже образцовое общежитіе Лепешкина. О нихъ уже было писано въ газетахъ. Ляпинскій домъ не очень что-то привлекаетъ студентовъ, которые и прозвали его характернымъ прозвищемъ „ляпинки". Лепешкинское общежитіе только-что почти открылось; оно устроено прекрасно, но всего на сорокъ человѣкъ. Это все-таки

Digitized by Google

капля въ морѣ. Тѣмъ рѣзче будетъ контрастъ между комфортомъ и обезпеченностью теперешнихъ и будущихъ пансіонеровъ Лепешкинскаго дома, и массой бѣдняковъ, иногда и очень способныхъ, дѣльныхъ, нравственно порядочныхъ, которые все-таки будутъ пробиваться. А жить студенту на двадцать, двадцать-пять цѣлковыхъ въ такомъ городѣ, какъ Москва, конечно, хуже, чѣмъ въ столицѣ, имѣющей гораздо больше всякихъ и матеріальныхъ, и умственныхъ рессурсовъ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, тотчасъ послѣ открытія новыхъ судебныхъ учрежденій, московскіе адвокаты ходко заторговали своей профессіей. Здѣсь загребать куши было еще легче, потому что самый объектъ эксплуатаціи былъ проще, первобытнѣе, богаче всякими инстинктами анти-гражданскаго, а то такъ и прямо уголовнаго свойства. Нѣсколько человѣкъ составили себѣ состояніе, были гораздо неразборчивѣе въ выборѣ дѣлъ, чѣмъ люди ихъ профессіи въ Петербургѣ. И въ шестидесятыхъ, и въ семидесятыхъ годахъ число адвокатовъ съ выдающимся талантомъ, а главное, съ хорошимъ образованіемъ было здѣсь гораздо меньше. Петербургская адвокатура положительно литературнѣе здѣшней; въ ней есть нѣсколько членовъ, имѣющихъ имя, какъ писатели. Такихъ здѣсь нѣтъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ человѣкъ. Меньшинству жилось хорошо и до сихъ поръ живется недурно, но заработки вообще сильно упали; на это вы услышите жалобы отъ перваго попавшагося адвоката или помощника присяжнаго повѣреннаго. Жалуются очень сильно. Есть также и недовольные болѣе строгими порядками, какіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ ввелъ предсѣдатель совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, оставившій теперь свой постъ. Адвокатскіе нравы стали теперь почище; есть большій корпоративный контроль! сословіе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, благодаря тому же бывшему предсѣдателю, организовано, раздѣлено на группы; оно начинаетъ работать серьёзнѣе, подъ руководствомъ опытныхъ адвокатовъ. Но ихъ развелось слишкомъ много для Москвы; юридическій факультетъ переполненъ студентами въ ущербъ другимъ отраслямъ университетскаго знанія. А дѣла нельзя вызывать искусственно; что прежде, лѣтъ двѣнадцать, четырнадцать тому назадъ, дѣлалось непремѣнно съ помощью адвоката по неопытности самихъ обывателей, то теперь дѣлается самими кліентами, да и, наконецъ, на цѣны установилась норма. Дѣло рухнувшаго банка было едва ли не однимъ изъ послѣднихъ, гдѣ мѣстные и пріѣзжіе адвокаты могли сдирать огромныя суммы съ тѣхъ коммерсантовъ, какихъ они обѣляли.

Сравнительно хуже живется здѣсь и актерамъ казенныхъ театровъ. Это можно доказать однимъ взглядомъ на списокъ окладовъ

Digitized by Google

и разовыхъ, получаемыхъ здѣшними и петербургскими артистами. Въ Петербургѣ любимая актриса, послѣ нѣсколькихъ успѣшныхъ спектаклей, легко получаетъ двадцать, двадцать-пять, тридцать-пять рублей разовыхъ, а здѣсь и любимицы публики долгіе годы сидятъ на какихъ-нибудь десяти, пятнадцати рубляхъ и на неполномъ окладѣ жалованья. Это одинаково вѣрно и для Малаго театра, и для оперныхъ и балетныхъ артистовъ. Только въ самое послѣднее время, то-есть въ эти два, три года, на частныхъ сценахъ Москвы, въ опереточномъ театрѣ, въ театрѣ б. п. Пушкина стали актеры и актрисы получать очень хорошіе оклады. Жалованья нѣкоторыхъ актеровъ и актрисъ дошли даже до небывалыхъ цифръ, напримѣръ, до тысячи рублей въ мѣсяцъ. Но и тутъ никакого обезпеченья. Хотя Москва и центръ, куда обыкновенно съѣзжаются къ посту всѣ провинціальные актеры, а до сихъ поръ не существуетъ никакого общества взаимной помощи и эмеритальной кассы, чего-нибудь, показывающаго, что актеры и актрисы хоть сколько-нибудь серьёзно думаютъ о своей судьбѣ. Драматическіе авторы были осмотрительнѣе; и, надо сказать правду, иниціатива въ дѣлѣ организаціи общества драматурговъ принадлежитъ Москвѣ. Въ концѣ истекшаго сезона актеры, съѣхавшіеся въ Москву, ужасно бѣдствовали; они остались и безъ ангажементовъ, и безъ задатковъ. Столовая артистическаго кружка сдѣлалась вмѣстилищемъ горькихъ разговоровъ всей этой стаи перелетныхъ птицъ.

Огромный персоналъ представляютъ собой и врачи. Ихъ больше, чѣмъ нужно для такого города, какъ Москва. А всѣмъ медикамъ, состоящимъ на казенной службѣ, частная практика необходима, потому что жалованья до сихъ поръ очень плохія, а въ нѣкоторыхъ больницахъ даже до смѣшного ничтожныя. Стóитъ только привести тотъ фактъ, что ординаторы Екатерининской больницы, то-есть клинической, для пятаго курса студентовъ, получаютъ небольше двухсотъ рублей жалованья въ годъ. При персоналѣ медиковъ до тысячи человѣкъ интеллигентная жизнь врачебной сферы питается кое-какъ засѣданіями обществъ, но въ научно-литературномъ отношеніи не богата. Здѣсь выходитъ всего одинъ журналъ „Медицинское Обозрѣніе“. Онъ, какъ слышно, еле-еле сводитъ концы съ концами своего редакціоннаго хозяйства. Въ Москвѣ множество бѣдныхъ врачей, но рядомъ съ ними десятки практиковъ, развившихъ въ себѣ такія пріобрѣтательныя привычки, которымъ Петербургъ, конечно, давалъ бы меньше поблажки. Давно уже ловкіе практиканты, профессора клиники, разные спеціалисты пользовались нравами Москвы, безъ церемоніи выжимая сокъ изъ обывателя. Они сами развращались отъ прикосновенія къ Титамъ Титычамъ Замоскворѣчья и Рогожской.

Digitized by Google

У богатаго мужика денегъ много; внутренней порядочности у него нѣтъ; онъ норовитъ и отъ смерти спастись какъ-нибудь подешевле. Стало быть, съ него нужно драть. Такъ стали давно разсуждать московскіе врачи, получая какую-нибудь извѣстность, и по этой программѣ многіе изъ нихъ дѣйствуютъ и до сихъ поръ. И купечество, и дворянство, и прочій людъ, имѣющій средства приглашать извѣстнаго доктора, отличаются однимъ и тѣмъ же свойствомъ: суевѣріемъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. Каждое ловкое излеченіе болѣзни можетъ здѣсь превращать любого доктора изъ простого смертнаго въ чудотворца. И начнется поклоненіе ему. Вчера онъ бралъ три или пять рублей, черезъ мѣсяцъ онъ беретъ десять, пятнадцать, а тамъ и начинаетъ назначать таксы, какія ему заблагоразсудится. Петербургъ не знаетъ такихъ поборовъ, по крайней мѣрѣ, не зналъ ихъ до самаго послѣдняго времени. Тамъ и знаменитости принимаютъ у себя въ извѣстные часы и довольствуются тѣмъ, что имъ дадутъ. Здѣсь же каждый вамъ разскажетъ про чисто московскую знаменитость, установившую громадную плату не только за визиты въ дома или за консультацію, но даже за пріемы у себя. Это все коробитъ петербуржца, когда онъ пріѣдетъ сюда и принужденъ бываетъ обратиться къ подобной знаменитости. Но фактъ на лицо. Виновницей является все та же Москва, то же отсутствіе культурнаго контроля. Каждая личность, сколько-нибудь даровитая и сильная, сейчасъ же становитъ себя внѣ всякой провѣрки собственнаго поведенія со стороны общества.

IV.

Народъ.—Что для него дѣлается?—Фабричные, мастеровые, уличный трудовой людъ.—Заработки.

Люди либеральныхъ профессій, хотя ихъ и довольно здѣсь, не составляютъ коренной Москвы. Это мужицко-купеческій городъ. Ходите вы съ утра до вечера по улицамъ, за исключеніемъ самыхъ бойкихъ, гдѣ магазины барскихъ товаровъ, или нѣкоторыхъ чисто дворянскихъ улицъ, и вы будете на каждомъ шагу встрѣчать простой народъ или разновидности торговаго и промышленнаго люда. Иногда вамъ такъ часто и много попадается обозовъ, розвальней, телѣгъ, полушубковъ и зипуновъ, что вы чувствуете себя совершенно на большой дорогѣ или въ какомъ-нибудь торговомъ селѣ. Сообразите только, какое чило крестьянъ притягивается къ Москвѣ для ежедневной работы, поденщиковъ, легковыхъ извозчиковъ, ломовыхъ, фабричныхъ и всевозможныхъ служителей. Здѣсь есть мѣст-

Digitized by Google

чести, гдѣ вы весной и лѣтомъ увидите народныя сцены, какія въ Петербургѣ—въ рѣдкость. Въ фабричныхъ кварталахъ Москвы вечеромъ раздаются пѣсни, водятъ даже хороводы. Вы очутитесь прямо среди праздничной деревенской жизни. Но это все-таки не дастъ вамъ настоящей ноты народнаго довольства. Правда, умный, ловкій, плутоватый крестьянинъ, пошедшій въ дѣтскомъ возрастѣ на заработки въ Москву, можетъ здѣсь выйти въ люди, особенно, если ему удастся попасть въ половые, въ поднощики, въ артельщики, въ банщики, въ служителя при амбарахъ, въ сидѣльцы. Но такіе крестьяне, а ихъ здѣсь сотни или тысячи, въ нѣсколько лѣтъ теряютъ свои хорошія мужицкія свойства; они превращаются въ дѣльцовъ съ самыми растяжимыми понятіями о совѣсти. Они воспитываются въ воздухѣ барыша и выколачиванья копѣйки. На своего брата, такого же крестьянина, начинаютъ они смотрѣть съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, видя въ немъ только матеріалъ для наживы. Передъ ними идеаломъ является *хозяинъ*, то-есть такой же когда-то, какъ они, мужикъ, разжившійся всякими правдами и неправдами. Нигдѣ, ни въ какомъ центрѣ крестьянинъ-работникъ не развращается такъ, какъ въ Москвѣ, не въ смыслѣ чувственной распущенности и пьянства, а въ смыслѣ погони за наживой. Да и удивляться этому нечего. У себя въ деревнѣ каждый терпитъ слишкомъ большую нужду, чтобы не стремиться всей душой къ пріобрѣтенію лишней копѣйки, которая одна только даетъ возможность дышать по-человѣчески. Но я хотѣлъ бы указать нашимъ византійцамъ-декламаторамъ на то, какъ въ ихъ излюбленной Москвѣ десятки тысячъ простого народа превращаются неминуемо, роковымъ образомъ, въ самыхъ закоренѣлыхъ буржуа съ гораздо худшими свойствами, чѣмъ парижскіе и берлинскіе лавочники; у тѣхъ, по крайней мѣрѣ, есть чувство формальной чести. И тутъ у мѣста спросить: что же эта Москва, эти безчисленные купцы, вышедшіе изъ народной же среды, дѣлали и дѣлаютъ для крестьянской массы, отдающей имъ свои руки, свою спину и свою голову? Мы любимъ декламировать о западныхъ буржуа, эксплуатирующихъ пролетарія, а попробуйте вы походить по московскимъ фабрикамъ и заводамъ, посмотрѣть, какъ содержатся рабочіе, гдѣ они спятъ, что ѣдятъ, въ какихъ отношеніяхъ настоящаго крѣпостничества находятся къ своимъ хозяевамъ, какъ они безпомощны всегда, когда имъ придется слишкомъ уже круто и они осмѣливаются сдѣлать что-нибудь въ родѣ не то, что уже стачки, а заявленія сообща? Если бытъ московскаго рабочаго сталъ въ послѣднее время приводиться въ извѣстность, то опять-таки не иниціативой хозяина-милліонера мануфактуриста, а по почину администраціи. Только на нѣсколькихъ фабрикахъ,—онѣ всѣ на перечетъ,—существуютъ необхо-

Digitized by Google

дымый гигіеническія условія и въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ происходитъ работа, и въ такъ-называемыхъ казармахъ, гдѣ живутъ рабочіе, а остальное все въ грязи, въ тѣснотѣ, безъ всякихъ приспособленій, не то, что уже для человѣчнаго существованія, а даже и на случай пожара, какъ это доказалъ недавно пожаръ одной такой фабрики. Въ этомъ мужицкомъ городѣ мужикъ-рабочій живетъ все-таки очень и очень дурно. А излишки его заработка (если они есть) точно также идутъ въ кабакъ, потому что для простонародія не выработано никакихъ художественныхъ и умственныхъ развлеченій, кромѣ чтеній съ туманными картинами, на которыхъ бываетъ ничтожный процентъ, да балагановъ два раза въ годъ. Уличные заработки стали плохи; стоитъ только побесѣдовать на эту тэму съ любымъ извощикомъ. Бѣдность въ деревняхъ гонитъ крестьянина въ Москву и расплажаетъ извощичій промыселъ. Сѣдоковъ мало, потому что нѣтъ здѣсь настоящей уличной жизни, кромѣ торговаго центра до извѣстнаго часа. Большинству извощиковъ нечего и думать о хорошихъ выручкахъ, о томъ, чтобы послать въ деревню тридцать, сорокъ, пятьдесятъ рублей, что прежде бывало; они всѣ въ рукахъ ростовщиковъ жидовъ, о какихъ прежде тоже не было слышно. Есть такіе чисто извощичьи ростовщики, у которыхъ на зиму стоятъ въ залогѣ сотни пролетокъ. Нищенство развилось чрезвычайно. На иныхъ улицахъ, особенно въ сумерки, вы не можете сдѣлать двухъ шаговъ, чтобы къ вамъ не приставали нищіе всякихъ типовъ: крестьянскія бабы, и городскіе оборванцы, и мастеровые, и какіе-то уже особые уличные пролетаріи, пристающіе къ вамъ съ исторіями своихъ бѣдствій. Врядъ ли въ Петербургѣ есть такой сборный пунктъ голоднаго, обнищалаго и испорченнаго люда, какъ московскій Хитровъ рынокъ. Онъ превратился въ клубъ, на открытомъ воздухѣ, для всѣхъ пролетаріевъ и отщепенцевъ. Тамъ же собираются и всѣ жаждущіе работы. Благотворительность и здѣсь, какъ вездѣ, получила или казенный, или тщеславный характеръ; одни занимаются этимъ отъ безделья, другіе — купечество, для пріобрѣтенія крестовъ и чиновъ. Нельзя указать ни на одно учрежденіе или общество, которое бы проявляло собой тотъ исконный духъ самопожертвованія и братства, который якобы, по увѣренію здѣшнихъ византійцевъ, знаменовалъ собой нравственное развитіе старой московской Руси. Еще сословная поддержка сказывается въ разныхъ пожертвованіяхъ, заведеніяхъ и капиталахъ; но мужикъ-рабочій точно также предоставленъ самому себѣ. Его матеріальный бытъ средней цифрой ниже, чѣмъ въ Петербургѣ. Если онъ меньше заболѣваетъ, то благодаря климату и топографическому положенію Москвы, благодаря тому, что тутъ нѣтъ такого количества сырыхъ подвальныхъ помѣщеній. Но зато въ боль-

Digitized by Google

лицахъ гораздо меньше мѣстъ. И куда бы вы ни вошли, въ любую лавку, амбаръ, булочную, ремесленное заведеніе, вездѣ вы видите одно и то же: выжиманіе сока изъ рабочаго, будетъ ли это мальчишка-ученикъ, или мастеръ, или подевщикъ. Лавочникъ и хозяинъ эксплуатируютъ не однихъ только рабочихъ, уже постоянно живущихъ въ Москвѣ, но и крестьянъ за тридцать, сорокъ, даже за сто верстъ вокругъ Москвы. Онъ раздаетъ заказы всевозможныхъ предметовъ: и мебели, и перчатокъ, и картузовъ, и картонокъ, и металлическихъ издѣлій, и различныхъ частей экипажнаго дѣла. Перечислить трудно, чѣмъ только не занимаются пригородные крестьяне. И нигдѣ вы не видите ни желанія, ни возможности сплотиться, образовать общество, промысловыя артели, сбросить съ себя эксплуатацію. Византійско-московскій духъ тутъ что-то не помогаетъ; отношенія, разсчеты, зависимость, безнаказанность эксплуатаціи,—все это остается такъ, какъ оно было десятки лѣтъ тому назадъ. Если что измѣнилось къ лучшему, то уже вслѣдствіе давленія экономическаго рынка. Цѣны поднялись, потому что и хлѣбъ сталъ въ пять, въ десять разъ дороже. Во всей Москвѣ найдется, можетъ быть, два, три негоціанта или фабриканта, способные подумать о поднятіи народнаго труда, завести у себя профессіональныя школы, обучать мальчиковъ раціональнымъ способамъ механическихъ ремеслъ. Вся масса крестьянъ-рабочихъ не можетъ выбиться изъ положенія самоучекъ или изъ тенетъ обыкновеннаго хозяйскаго обученія.

Точно то же самое и женщины-работницы; и онѣ должны жить въ фабричныхъ казармахъ, пріучаться тамъ къ разгулу или проходить печальную выучку въ мастерскихъ. Профессіональныя школы считаются у насъ роскошью. Да и простыя городскія школы существуютъ только для болѣе достаточнаго класса. Еслибы купецъ понималъ настоящимъ образомъ свои интересы, то онъ, какъ хозяинъ Москвы, прежде всего заботился бы о трудовомъ людѣ, хлопоталъ бы объ увеличеніи бюджета на потребности простонародія, дѣлалъ бы вездѣ и во всемъ своего рабочаго участникомъ барышей. Но куда еще ему до этого! Онъ и свои-то промышленныя дѣла сталъ обдѣлывать лучше, расширилъ производство, завелъ множество фабрикъ и мануфактуръ на половину не своимъ умомъ. Иностранцамъ-комиссіонерамъ и устроителямъ разныхъ мануфактуръ обязанъ московскій купецъ расширеніемъ всей чисто-московской производительности въ особенности одному недавно умершему милліонеру-негоціанту изъ нѣмцевъ, который поддержалъ и развилъ здѣшнюю хлопчато-бумажную производительность и на этомъ нажилъ много милліоновъ. Поразспросите людей знающихъ и они вамъ разскажутъ, что и до сихъ поръ вся крупная торговля и промышленность, находящіяся

Digitized by Google

въ постоянныхъ сношеніяхъ съ за-границей, держатся посредствомъ нѣмцевъ и англичанъ комиссіонеровъ. И тутъ византійско-московскій духъ оказывается несостоятельнымъ. Стало быть, гдѣ уже требовать высокихъ гражданскихъ и человѣчныхъ принциповъ! Тутъ христіанская заповѣдь исполняется только въ видѣ традиціонныхъ паникадилъ, колоколовъ, поминовеній и разныхъ другихъ чисто эгоистическихъ жертвъ...

Вотъ какіе итоги представляетъ бытовая жизнь полуупраздненной столицы. Каждый изъ такихъ итоговъ люди знающіе могутъ подтвердить отдѣльными фактами и цифрами.

П. Б.

ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНЕЙ КАРТИНЫ Г. КУИНДЖИ.

Новая картина г. Куинджи, „Березовая роща“, сильно затронула зрителей. Произведеніе талантливаго художника не только поражаетъ своимъ необыкновеннымъ эффектомъ, но и наводитъ мысль на нѣкоторыя основныя начала искусства.

Самая обстановка картины вполнѣ необычна. Вы входите въ темную обширную комнату; слабый свѣтъ едва проникаетъ при входѣ, но глубина помѣщенія потонула въ полномъ мракѣ. Въ этой глубинѣ, вдали, за силуэтомъ головъ зрителей ярко свѣтится, подобно транспаранту, блестящій цвѣтной прямоугольникъ. На немъ сразу выдѣляются горящіе яркимъ свѣтомъ стволы березъ. Передъ вами что-то совсѣмъ непохожее на картину. Наталкиваясь въ темнотѣ на зрителей, вы подвигаетесь впередъ до преграды, которая останавливаетъ васъ, и ощупываете невысокую балюстраду. Уже на близкомъ разстояніи представляется предъ вами не то транспарантъ, не то подобіе уменьшеннаго, игрушечнаго лѣса: рельефно, совсѣмъ по настоящему, выступаютъ маленькіе стволы березъ; рельефъ доходитъ до рѣзкой отчетливости стереоскопныхъ видовъ. Въ этой модели лѣса яркій свѣтъ падаетъ и на землю, на которой не настоящая трава, но что-то, похожее на мохъ или на траву стереоскопныхъ видовъ. Свѣтъ пробивается сквозь листву, и тамъ, и сямъ горитъ точками отблескъ на погруженныхъ въ тѣнь стволахъ березъ и на травѣ. Впечатлѣніе до того необычно, что только въ слѣдующія минуты

Digitized by Google

замѣчается, что при необыкновенной натуральности блеска цвѣтность листвы и травы совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Зрителю еще не до того, чтобы относиться критически: его поражаетъ еще новое. Вглядываясь, вы видите еще болѣе необыкновенное; тѣни, рѣзко отдѣляющія полосу свѣта, если въ нихъ всматриваться, становятся свѣтлѣе, прозрачнѣе. Какъ въ природѣ, вы начинаете замѣчать въ тѣни все болѣе подробностей, прежде незамѣченныхъ. Но этого мало. Вотъ, то тутъ, то тамъ трава, какъ-бы заблестѣла росою. Да, полно, такъ ли? Опять какъ будто и нѣтъ блеска; нѣтъ, нѣтъ, есть, опять на томъ же мѣстѣ.

Между тѣмъ, становится ясно, что нѣчто, не похожее на картину, и не транспарантъ, освѣщенный сзади. По мѣрѣ того, какъ глазъ привыкаетъ къ темнотѣ, представляется возможность различить и черную раму картины, болѣе свѣтлую, чѣмъ мракъ за нею, и полосу свѣта, идущаго передъ картиной съ лѣвой стороны. Между балюстрадою, которая остановила васъ, и картиною уже явственно видна черная перегородка съ прямоугольнымъ отверстіемъ, за которымъ поставлена картина. Предъ вами, несомнѣнно, картина, освѣщенная спереди отраженнымъ ламповымъ свѣтомъ, источникъ котораго за перегородкой. Засматривая со стороны, вы не видите лампы, но за перегородкою видно отверстіе, изъ котораго направленъ лучъ свѣта.

Но откуда же этотъ настоящій блескъ, возможный только при транспарантѣ? Всматриваясь ближе, вы ясно видите, что картина поставлена не параллельно къ балюстрадѣ и къ перегородкѣ, слѣдовательно, не перпендикулярно къ лучу вашего зрѣнія. Она поставлена подъ угломъ, причемъ отдалена отъ зрителя стороною, противоположною къ направленію свѣта. Такимъ образомъ лучи свѣта, до извѣстной степени, скользятъ по картинѣ, и картина *отсвѣчиваетъ* въ блестящихъ мѣстахъ. Если зритель постепенно подвигается передъ картиною слѣва направо, то постепенно выступаютъ отсвѣчивающія, невидимому, безцвѣтныя нити. Блескъ ихъ зависитъ отъ положенія зрителя, отъ угла зрѣнія.

Таково произведеніе талантливаго художника, которое онъ назвалъ картиною, хотя здѣсь могло бы быть употреблено и болѣе скромное названіе декораціи или панорамы. Не въ названіи тутъ главное дѣло, скажутъ мнѣ, не въ томъ дѣло, какимъ способомъ художникъ достигъ извѣстнаго эстетическаго впечатлѣнія. На это можно замѣтить, что, если взять сравненіе изъ другой сферы, въ общественномъ значеніи есть немалая разница между фокусникомъ, который продѣлываетъ свои штуки, называя ихъ фокусами, и фокусникомъ, который прикрывается явленіями спиритизма. Нѣчто подобное мы видимъ и здѣсь. Даровитый художникъ, ставя искусственное впе-

Digitized by Google

чатлѣніе, какъ результатъ средствъ въ живописи, тѣмъ самымъ ставить для живописи ложное противоестественное требованіе.

Стоитъ прислушаться къ голосу публики: „посмотрите, какъ дальняя-то береза блеститъ", восхищается кто-то въ темнотѣ. „Совсѣмъ блеститъ. Посмотрѣть бы эту картину при дневномъ свѣтѣ", всего чаще раздаются голоса кругомъ картины. Чувствуется въ отзывахъ зрителей, что впечатлѣніе сильно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушаетъ какое-то недовѣріе.

Но оставимъ въ сторонѣ вопросъ о средствахъ, которыми художникъ достигаетъ цѣли, достигаетъ извѣстнаго впечатлѣнія. И панорама, и декорація могутъ имѣть свое художественное значеніе, доставляя извѣстное эстетическое наслажденіе. Достигаетъ ли этого картина г. Куинджи, и можетъ ли вообще, идя по этому пути, художникъ создать художественное произведеніе? Первая половина вопроса относится къ области впечатлѣній, которыя могутъ быть лишь указаны, вторая же половина вопроса можетъ и должна подлежать доказательству. Выше уже было указано на совершенно особое впечатлѣніе не настоящаго, но миніатюрнаго лѣса. Это впечатлѣніе чуждо сповойнаго чувства, исполненнаго гармоническимъ величіемъ, которымъ услаждаетъ насъ природа. Не передавая намъ гармоніи тоновъ, присущихъ природѣ, картина не передаетъ и настоящей цвѣтности. Эта ложь впечатлѣній не случайна, она должна неминуемо вытекать изъ самой задачи художника, задачи представить на небольшомъ холстѣ полную силу свѣтового эффекта.

Прежде всего, независимо отъ пріема отсвѣчиванія картины, передача яркаго блеска возможна только сопоставленіемъ тоновъ, усиливающихъ контрастъ.—Отсюда невозможность обойтись безъ нарушенія натуральной цвѣтности и натуральной гармоніи. Далѣе. Декораціи или панорамы, которыя посредствомъ транспаранта могутъ передавать свѣтовой эффектъ и безъ усиленія контраста тѣней, должны быть большихъ размѣровъ для полной иллюзіи художественнаго впечатлѣнія. Это необходимо, потому что въ природѣ, при видѣ, напримѣръ, ярко освѣщеннаго ствола дерева, когда кора березы явственно блеститъ во всѣхъ подробностяхъ, неразрывно связано съ этимъ видомъ также и впечатлѣніе размѣра, такъ-какъ мы можемъ видѣть такой именно блескъ только тогда, когда дерево близко отъ насъ, а, слѣдовательно, тогда, когда получаемъ впечатлѣніе о его размѣрахъ. Вотъ почему при уменьшеніи масштаба получается въ такомъ случаѣ впечатлѣніе не настоящаго, а игрушечнаго лѣса.

Кромѣ того, если мы смотримъ на уменьшенный видъ природы въ камер-обскурѣ, то мы видимъ, что онъ не соотвѣтствуетъ вполнѣ впечатлѣнію, получаемому отъ природы. Въ камер-обскурѣ все ка-

Digitized by Google

жется отчетливѣе, какъ отчетливѣе представляется природа въ уменьшительное стекло. Если уменьшается размѣръ видимаго предмета и притомъ сохраняется та же сила свѣта и тѣни, то должна исчезать нѣкоторая гамма полутоновъ; между тѣмъ, эти полутоны обусловливаютъ во многомъ впечатлѣніе гармоніи, присущей природѣ. Въ природѣ, при перспективномъ уменьшеніи предмета, уменьшается и сила свѣта, и тѣни и, такимъ образомъ, сохраняется отсутствіе полутоновъ и не нарушается гармонія.

Эффектъ камер-обскуры или, вѣрнѣе, эффектъ уменьшительнаго темнаго стекла уже не въ первый разъ вводится художникомъ въ свои произведенія. „Березовый лѣсъ“ г. Куинджи, бывшій на прежней выставкѣ, не чуждъ этого эффекта. Съ перваго взгляда это точно сама природа, но въ слѣдующія минуты зритель чувствуетъ какое-то безпокойство, чувство, совершенно противоположное производимому природой, но сродное тому, которое мы испытываемъ, смотря въ стереоскопъ. Одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ художниковъ недавно обратилъ мое вниманіе, что „Украинская ночь“ производитъ на него впечатлѣніе, какъ будто хаты, освѣщенныя луной, были неестественно маленькія.

Введеніе въ живопись элемента камер-обскуры представляетъ въ живописи явленіе необычное, какъ-бы только нарождающееся.

Весьма важно уяснить себѣ, представляетъ ли подобное, новое слово искусства элементъ развитія или нѣтъ. Для уясненія этого вопроса, необходимо имѣть въ виду коренное различіе, существующее между фотографіей, какъ фиксированнымъ изображеніемъ камер-обскуры, и произведеніемъ живописи, какъ искусства. Какъ фотографія, такъ и живопись представляютъ намъ на плоскости изображеніе предмета. Но какое между ними различіе! Художникъ никогда не можетъ передавать природу, независимо отъ своего субъективнаго впечатлѣнія; фотографія же, какъ фиксированное зеркало, запечатлѣваетъ изображенія лишь согласно законамъ оптики. Это различіе весьма важно и придаетъ особое значеніе произведеніямъ искусства. Во-первыхъ, должно припомнить, что контуръ, который рисуетъ художникъ, является результатомъ зрѣнія двухъ глазъ и, тѣмъ самымъ, не соотвѣтствуетъ контурамъ камер-обскурнаго отраженія. Контуръ художника, передавая нѣкоторое пространство за предметомъ, тѣмъ самымъ достигаетъ рельефности, недоступной фотографіи. Далѣе. Впечатлѣніе художника не соотвѣтствуетъ отдѣльно взятому моменту природы. Если нуженъ цѣлый рядъ подобныхъ мгновенныхъ впечатлѣній на сѣтчатой оболочкѣ глаза, для возбужденія сознанія, то для передачи этого сознанія въ живописи нужны уже минуты, часы и дни. Такимъ образомъ, не только контуръ, но и

Digitized by Google

цвѣтность, переданная художникомъ, не могутъ соотвѣтствовать отдѣльному моменту природы, но представляютъ результатъ сложнаго психическаго процесса, результатъ цѣлаго ряда впечатлѣній. Въ способности человѣка передавать въ своемъ произведеніи это обобщающее впечатлѣніе и состоитъ сила искусства. Значеніе каждаго произведенія прямо пропорціонально глубинѣ и интенсивности этого впечатлѣнія. Вотъ почему передача природы въ спокойномъ состояніи въ рисункѣ не производитъ впечатлѣнія неподвижности, какъ въ фотографіи. Какъ же могло бы быть иначе, если вы видите въ рисункѣ именно то, что́ вы сами видите въ природѣ, а фотографическій моментъ вы не могли видѣть. Кромѣ того, такъ какъ абсолютнаго покоя въ живой природѣ не можетъ быть, то каждый отдѣльный моментъ природы, безъ сознанія послѣдующихъ, представилъ бы впечатлѣніе мертвенности. Если фотографія не доводитъ впечатлѣніе до крайняго предѣла, то только потому, что для фиксированія фотографическаго изображенія необходимъ извѣстный рядъ мгновеній. Если мы это видимъ при изображеніи природы въ относительномъ покоѣ, то еще рѣзче наблюдается это при изображеніи движенія. Такъ какъ каждый, отдѣльно взятый, моментъ движенія есть уже покой, а не движеніе, и сознаніе о движеніи неразрывно связано съ представленіемъ о перемѣнномъ изображеніи формы, то художникъ возбуждаетъ въ насъ сознаніе движенія только тѣмъ, что передаетъ итогъ этого сложнаго впечатлѣнія. Какъ линіи его контуровъ, такъ и цвѣтность передаютъ въ одномъ художественномъ моментѣ рядъ послѣдовательныхъ моментовъ природы. Это основное различіе между свѣтописью и изображеніемъ художника приводитъ къ тому, что художникъ можетъ пользоваться элементами свѣтописи крайне осмотрительно, лишь постольку, поскольку она не заслоняетъ вѣрность впечатлѣнія, получаемаго отъ природы. То же можетъ относиться ко всякому искусственному подспорью художественной дѣятельности. Я слышалъ объ одномъ художникѣ, что онъ для того, чтобы уловить эффектъ распредѣленія свѣта на фигурахъ, дѣлалъ небольшія модели комнаты и черезъ малое оконце пускалъ свѣтъ на изваянную группу фигуръ. Могъ ли получиться при этомъ эффектъ, вѣрный природѣ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ,—такъ какъ получилось какъ разъ то же, о чемъ сказано выше.

Съ уменьшеніемъ размѣровъ предмета, при той же силѣ источника свѣта, получилось распредѣленіе и общее впечатлѣніе совершенно иное. Большой цилиндръ и малый цилиндръ, при той же силѣ свѣта и той же окружающей ихъ обстановкѣ, произведутъ различное впечатлѣніе, если оба будутъ нарисованы въ одинаковомъ масштабѣ,—вслѣдствіе роли, которую играютъ полутоны и рефлексы, умѣряющіе

Digitized by Google

въ большомъ цилиндрѣ контрастъ свѣта и тѣней. Тотъ же фальшивый эффектъ получился и у талантливаго скульптора, который, чтобы достигнуть живописнаго освѣщенія, недоступнаго средствамъ скульптуры, освѣтилъ барельефъ, пустивъ лучъ свѣта черезъ оконце на небольшія фигуры. Онъ могъ получить только впечатлѣніе маріонетокъ. Каждое искусство имѣетъ свои предѣлы, которые, правда, еще могутъ расширяться, но только при расширеніи самой впечатлительности къ общей гармоничной красотѣ природы.

Всякое стремленіе уловить частный эффектъ можетъ быть полезно, какъ развитіе техническихъ пріемовъ, которыми могутъ воспользоваться, какъ новыми элементами, другіе художники, но оно неминуемо основывается на ложномъ представленіи всего остальнаго.

Тотъ-же талантливый художникъ, который подтвердилъ впечатлѣніе миніатюрности, производимое нѣкоторыми картинами г. Куинджи, высказалъ мнѣ достойную вниманія мысль объ аналогіи успѣха г. Куинджи съ успѣхомъ портрета г. Зарянки. У профессора Зарянки осязаемость частностей также поражала зрителей: не мало было толковъ о шляпѣ на портретѣ Черткова. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, прибавлю я, осязаемость могла быть достигнута только въ ущербъ общаго художественнаго значенія.

Насколько въ преобладаніи частнаго эффекта можно видѣть признаки утраты художественнаго впечатлѣнія природы, насколько это зависитъ отъ современнаго склада ума и насколько отъ самаго развитія техники, дошедшей до виртуозности,—эти сложные вопросы выходятъ изъ предѣловъ моей статьи. Важно то, что это явленіе далеко не одиночно, важно то, что современный плодъ ума дѣйствительно настолько отличается развитіемъ отвлеченнаго, научнаго мышленія, что мышленіе образами, которое мы можемъ видѣть въ дѣтяхъ и которое было присуще нѣкоторымъ эпохамъ человѣчества, нынѣ значительно утрачивается, такъ какъ въ развитіи не можетъ быть пріобрѣтеній безъ соотвѣтственной утраты. Нельзя не признать, что книга, до извѣстной степени, заслонила жизнь. Также достаточно извѣстно и то, что самое развитіе техники приводитъ къ виртуозности, которая можетъ заслонять впечатлѣніе природы.

Быстрое, необычное развитіе пейзажной живописи представляетъ намъ весьма поучительный примѣръ. Изъ всѣхъ родовъ живописи пейзажъ явился средствомъ, наиболѣе подходящимъ для выраженія духовнаго склада человѣка въ нашемъ столѣтіи. Хотя справедливо указываютъ на то, что поворотъ къ природѣ, выразителемъ котораго явился Руссо, уже долженъ былъ направить на стремленіе къ правдивой передачѣ ландшафта; но силу развитія пейзажъ почерпнулъ въ основномъ психическомъ складѣ современнаго человѣка. Наболѣв-

Digitized by Google

шая душа, полная разочарованія и жгучихъ стремленій, еще не вошедшихъ въ общее сознаніе, эта душа могла найти себѣ выраженіе въ нервной современной музыкѣ; а съ другой стороны, одна природа могла дать цѣлительное успокоеніе наболѣвшей душѣ: отсюда—любовь къ пейзажу. Еще нѣтъ ста лѣтъ, какъ пейзажная живопись вступила на путь быстраго развитія. Отъ историческаго условнаго пейзажа она перешла къ изученію природы и, побѣдивъ трудность этого изученія, уже проявляетъ виртуозность, которая снова какъ-бы заслоняетъ природу. Если чувство правды не оживляетъ искусства, то какъ въ дѣятельности каждаго художника, отдѣльно выработанный, при изученіи природы, пошибъ переходитъ въ манерность, такъ и цѣлыя отрасли искусства могутъ вырождаться. Только постоянно возвращаясь къ источнику вѣчной правды, къ природѣ, развивается искусство. Какъ правда въ жизни, такъ и правда въ искусствѣ не достигается легкимъ путемъ эффекта. Но если труденъ путь художника вообще, то еще труднѣе онъ у насъ въ Россіи.

И при тяжелыхъ-то условіяхъ сколько еще правды проявляется въ искусствѣ, свидѣтельствующей еще, что жива душа русскаго народа.

К. Быковскій.

Статья г. Быковскаго, ранѣе печати читанная нѣкоторыми изъ нашихъ художниковъ, возбудила ихъ вниманіе своими общими художественными замѣчаніями. Но, давая ей мѣсто, считаемъ нелишнимъ сдѣлать оговорку относительно освѣщенія картинъ. Дѣло въ томъ, что предъидущая картина г. Куинджи, „Ночь на Днѣпрѣ“, которая выставлялась для публики тѣмъ же способомъ какъ „Березовая роща“, ранѣе, когда была еще въ мастерской художника, произвела столь же глубокое впечатлѣніе на зрителей (въ томъ числѣ, на самыхъ компетентныхъ знатоковъ) при *дневномъ* освѣщеніи, какъ послѣ на массу публики при освѣщеніи искусственномъ. Слава „Ночи на Днѣпрѣ“ пошла именно отъ тѣхъ, кто видѣлъ картину днемъ, еще въ мастерской. Авторъ предыдущей замѣтки не видѣлъ этой картины вовсе, какъ самъ намъ сообщалъ. Мы слышали также отзывы знающихъ критиковъ, которые видѣли „Березовую рощу“ при дневномъ свѣтѣ и продолжаютъ считать ее картиной замѣчательной. Такимъ образомъ, искусственность эффекта, получаемаго путемъ искусственнаго освѣщенія, можетъ еще не говорить противъ самой картины, чтобъ можно было, такъ сказать, разжаловать ее изъ картины въ декорацію. Но, съ другой стороны, компетентные судьи и раньше находили, что при *дневномъ* свѣтѣ „Ночь на Днѣпрѣ“ доставляла

Digitized by Google

больше истинно-художественнаго впечатлѣнія, тогда какъ лампа давала ей видъ искусственной фантасмагоріи. Въ этомъ ихъ мнѣніе совпадаетъ съ мнѣніемъ г. Быковскаго, который прибавляетъ еще цѣнныя теоретическія замѣчанія о существѣ дѣла и даетъ полезныя предостереженія о необходимости соблюдать условія и предѣлы искусства.—*Ред.*

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 апрѣля, 1881.

Англійскія дѣла.

27-го марта (8-го апрѣля) парламентъ разошелся по случаю пасхальныхъ каникулъ. Наканунѣ Гладстонъ внесъ въ палату общинъ новый ирландскій земельный законъ. Такимъ образомъ, только по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, и въ такую сессію, которая открылась цѣлымъ мѣсяцемъ раньше обыкновеннаго, члены палаты очутились лицомъ къ лицу съ дѣломъ, признававшимся съ самаго начала ихъ непосредственной законодательной задачею—трехъ мѣсяцевъ, богатыхъ самыми сенсаціонными эпизодами и составляющими, безъ сомнѣнія, весьма важную эпоху въ исторіи нашего представительнаго правленія. Первой причиной отсрочки была рѣшимость правительства предпослать реформѣ ирландскихъ земельныхъ законовъ репрессивныя мѣры противъ ирландскихъ безпорядковъ. Даже среди самой либеральной партіи мнѣнія сильно раздѣлились относительно цѣлесообразности подобныхъ мѣръ, и самые прогрессивные члены ея называли близорукой глупостью со стороны, такъ называемаго, либеральнаго правительства, прибѣгать къ насильственной политикѣ, къ которой обращались такъ часто и всегда безъ всякаго успѣха. Оппозиція же, само собой разумѣется, съ самаго начала рукоплескала насильственной политикѣ, обсуждала ее *con amore* и обезпечивала за правительствомъ громадное большинство неизмѣннымъ постоянствомъ своихъ голосовъ.

Въ продолженіи трехъ недѣль, предшествовавшихъ каникуламъ, дѣла пошли неожиданно быстро. Съ дополнительными бюджетами покончили непредвидѣннымъ для Гладстона образомъ; интересно было вотированіе 500,000 фунт. стерл. изъ числа 5.000,000 фунт., окончательно опредѣленныхъ на расходы по остъ-индскимъ дѣламъ

Digitized by Google

и афганской экспедиціи. Проектъ организаціи арміи, внесенный военнымъ министромъ, былъ одобренъ палатою; результатомъ его будетъ увеличеніе срока активной службы, повышеніе возрастнаго цензa для рекрутовъ и улучшеніе положенія офицеровъ, не командующихъ частями. Окончательная отмѣна наказанія розгами въ арміи увѣнчала давно высказываемыя желанія либеральной партіи. Нѣсколько биллей, менѣе важныхъ—изъ нихъ важнѣе другихъ билль о предупрежденіи подкуповъ на выборахъ въ парламентъ и билль о преобразованіи законовъ о банкротствѣ—сильно подвинулись впередъ. Кромѣ того, палатѣ общинъ предстояло возражать, какъ можно скорѣе, на враждебную резолюцію, вотированную палатою лордовъ относительно восточной политики правительства. Въ началѣ марта лордъ Литтонъ, бывшій вице-король Индіи, внесъ резолюцію, порицающую министерство за предположенное очищеніе Кандагара. Руководящей идеей рѣчи лорда Литтона была необходимость выставить англійскую военную силу въ защиту Остъ-индской Имперіи отъ русскихъ наступательныхъ дѣйствій; но онъ настаивалъ также и на коммерческихъ выгодахъ этой позиціи и на опасности предоставленія Кандагара во власть разныхъ афганскихъ претендентовъ. Лордъ Дерби сдѣлалъ на это весьма солидныя возраженія. Онъ говорилъ, что нелѣпо удерживать, цѣною громадныхъ расходовъ, и съ увѣренностью раздражить афганцевъ, такой пунктъ, который въ мирное время можетъ служить только помѣхой и будетъ вовсе не такъ полезенъ въ случаѣ войны. Предложеніе, конечно, прошло большинствомъ 165 голосовъ противъ 76, что̀ не помѣшало палатѣ общинъ поддержать правительство въ томъ же вопросѣ громаднымъ большинствомъ голосовъ. Такъ какъ правительство подвергалось нападкамъ не только въ палатѣ лордовъ, но и въ палатѣ общинъ, то въ послѣдней его защищалъ сэръ Чарльзъ Дилькъ, доказывая, что Кандагаръ безполезенъ, какъ военная и какъ торговая станція, что страхъ передъ русскими—страхъ химерическій и наконецъ, что послѣднее правительство, повидимому, и само (если судить по его колебаніямъ) не имѣло намѣренія удерживать Кандагара. Резолюція была отвергнута большинствомъ 336 голосовъ противъ 216.

Въ этотъ же самый промежутокъ времени произошелъ другой удовлетворительный эпизодъ въ нашей внѣшней политикѣ: окончаніе злополучной трансваальской войны.

10-го (22-го) марта первый министръ возвѣстилъ палатѣ, среди взрывовъ рукоплесканій, что миръ заключенъ съ боэрами на слѣдующихъ условіяхъ: признаніе сюзеренной власти королевы надъ Трансваалемъ, полное самоуправленіе боэровъ, которые должны разойтись по домамъ, пребываніе англійскаго резидента въ будущей столицѣ

Digitized by Google

я проведеніе границъ королевскою коммиссіей. Нѣкоторая часть прессы, разумѣется, тотчасъ же подняла вопль о національномъ безчестіи, объ ослабленіи обаянія англійскаго авторитета и пр., и въ самой палатѣ послышались тѣ же восклицанія; но можно съ достовѣрностью сказать, что общественное мнѣніе страны было противъ этой войны. Либералы сожалѣли только о томъ, что правительство раньше не нашло нужнымъ выступить на путь умиротворенія, такъ-какъ въ такомъ случаѣ мы были бы спасены отъ нѣсколькихъ тяжелыхъ пораженій и не наслушались бы столькихъ кровожадныхъ рѣчей о необходимости британскаго возмездія. Теперь признано, что присоединеніе этой территоріи произошло вслѣдствіе того, что англійскія власти были введены въ заблужденіе заинтересованными сторонами, и если боэры, найдя всѣ миролюбивыя воззванія тщетными, вынуждены были наконецъ прибѣгнуть съ отчаянія къ войнѣ, съ цѣлью отстоять свою независимость, то ихъ поведеніе нельзя назвать иначе какъ геройскимъ, и оно получило достойную награду.

Но все еще оставалось покончить съ порядочнымъ количествомъ работы, прежде, чѣмъ расчистить мѣсто для нетерпѣливо ожидаемаго земельнаго закона. Марта 23-го (4-го апрѣля) Гладстонъ, въ качествѣ канцлера казначейства, явился съ своимъ ежегоднымъ финансовымъ отчетомъ и внесъ въ палату общинъ свой одиннадцатый бюджетъ, говоря, что онъ, вѣроятно, будетъ его послѣднимъ. Слава Гладстона, какъ финансиста, заставила многихъ ожидать отъ него великихъ вещей; но бюджетъ оказался весьма скромныхъ размѣровъ; въ немъ, правда, указаны различныя и важныя перемѣны, но только на будущее время. Надо помнить, какое тяжкое бремя унаслѣдовалъ теперешній канцлеръ отъ своего предшественника; весь, и довольно значительный, излишекъ доходовъ поглощенъ войною, такъ какъ расходы на армію въ Индіи и въ Трансваалѣ въ послѣдніе два года достигли не менѣе какъ 3.331,000 фунт. стерл. Что касается торговаго положенія страны, то, по заявленіямъ Гладстона, оно начинаетъ оживляться, но все еще далеко не блистательно. Перейдя къ подробностямъ, доходы текущаго года опредѣлены въ 85.990,000 фунт. стерл., вѣроятные же расходы въ 84.705,000. Пріятною вѣстью была отмѣна добавочнаго пенни съ подоходнаго налога, вотированнаго въ прошломъ году на спеціальные и временные расходы; это составляетъ убыль на 1.460,000 фунт. стерл., которую нужно покрыть различными мелкими доходами. Налогъ съ золотой и серебряной посуды, пива и спирта подвергся легкому измѣненію, а также и „налогъ съ смерти“, какъ его назвалъ Гладстонъ, т.-е. пошлины, которыя приходится платить наслѣдникамъ и которыя нѣсколько

Digitized by Google

облегчены, и въ концѣ-концовъ въ рукахъ канцлера оказался избытокъ въ 300,000 фунт. стерл.

Давно уже ни одинъ биллъ не ожидался съ такимъ всеобщимъ и напряженнымъ интересомъ и даже волненіемъ, какъ новый ирландскій земельный законъ. Газеты за нѣсколько мѣсяцевъ обсуждали ими ожидаемое, возможное или желанное содержаніе, и общественное мнѣніе усердно настроивалось относительно главныхъ чертъ этой реформы. По всей вѣроятности, немногія законодательныя задачи навлекали правительству такую массу совѣтовъ, указаній и предостереженій, какъ этотъ ирландскій земельный законъ, и рѣдко, конечно, бывало такъ трудно отличить и привести въ соотвѣтствіе все цѣнное въ этихъ совѣтахъ и указаніяхъ и все пустое, все безпристрастное и все корыстное. Само собой разумѣется, что Гладстонъ и его сотоварищи пользовались своими спеціальными источниками свѣдѣній, которымъ и придавали особенное и спеціальное значеніе, и не лишнее будетъ заняться ими, прежде чѣмъ приступить къ подробностямъ билля.

Двѣ коммиссіи работали по этому вопросу: одна разсматривала ирландскій земельный законъ только какъ часть болѣе крупнаго вопроса о британскомъ земледѣліи и называлась по имени своего президента коммиссіей Ричмонда; другая спеціально занималась одной Ирландіей. Коммиссія Ричмонда издала предварительный докладъ объ Ирландіи, получающій особенное значеніе, когда мы припомнимъ, что члены этой коммиссіи назначены прошлымъ правительствомъ и заключаютъ въ своей средѣ многихъ упорныхъ консерваторовъ. Эти джентльмены ясно высказываютъ, что, по ихъ мнѣнію, совершенно необходимо вмѣшательство закона для защиты фермеровъ отъ произвольнаго увеличиванія ренты. Докладъ меньшинства, подписанный шестью коммиссарами, идетъ гораздо дальше и опирается на три принципа: неизмѣнности аренды, справедливости ренты, и свободы отчужденія права аренды, которые уже были изложены въ предыдущихъ корреспонденціяхъ. Докладъ ирландской земельной коммиссіи, назначенной настоящимъ правительствомъ, но, говоря мимоходомъ, исключительно составленной изъ лэндлордовъ, также настаиваетъ на тѣхъ же трехъ принципахъ и рекомендуетъ вдобавокъ учрежденіе крестьянскаго землевладѣнія. Этотъ докладъ основанъ на показаніяхъ 700 свидѣтелей, собранныхъ со всѣхъ концовъ Ирландіи и присутствовавшихъ на шестидесятомъ засѣданіи коммиссіи. „Земельный законъ 1870 г.,—говорится здѣсь,—„не удовлетворилъ ни ту, ни другую сторону", ни лэндлордовъ, ни фермеровъ,—въ особенности же онъ нисколько не защитилъ фермеровъ отъ произвольнаго увеличенія ренты. Желательно, чтобы онъ былъ от-

Digitized by Google

нѣнемъ и вмѣсто него введенъ новый и болѣе существенный, распространенный на всю Ирландію.

Первый министръ внесъ законъ 26 марта (7 апрѣля) въ очень пространной рѣчи, которая, если и не отличается такимъ ораторскимъ краснорѣчіемъ, какъ нѣкоторыя изъ его предыдущихъ рѣчей о разныхъ важныхъ вопросахъ, но за то имѣетъ то достоинство, что соединяетъ обиліе подробностей, съ удивительной ясностью изложенія и силой выраженія. Вступительныя замѣчанія посвящены были земельному закону, изданному одиннадцать лѣтъ тому назадъ, и который могъ бы оказаться гораздо болѣе дѣйствительнымъ еслибы не искаженія, какимъ онъ подвергся въ палатѣ лордовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ораторъ допускаетъ, что законъ заключалъ въ себѣ много коренныхъ ошибокъ, и вслѣдствіе того рѣшено было внести новый, совершенно независимый билль, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ поправкамъ стараго. Принимая во вниманіе существующія отношенія между ирландскими лэндлордами и фермерами, факты, повидимому, показывали, что значительное большинство лэндлордовъ нельзя было назвать несправедливыми или тиранническими, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія существующаго закона, но что меньшинство лэндлордовъ дѣйствительно таково, и что необходимо законодательнымъ путемъ обуздать этихъ немногихъ несправедливыхъ угнетателей, хотя бы и большинству пришлось временно отъ того пострадать. Что касается общаго характера билля, то Гладстонъ удовольствовался краткимъ, но напыщеннымъ оправданіемъ, высказавъ знаменательное порицаніе тѣхъ, кто настаиваетъ „на примѣненіи во всей безусловной чистотѣ принциповъ абстрактной политической экономіи къ населенію и обстоятельствамъ Ирландіи, совершенно такъ, какъ еслибы они предлагали законодательныя мѣры для обитателей Сатурна или Юпитера!“

Это было направлено противъ все еще вліятельныхъ представителей школы непреклонной политической экономіи, лежащихъ во прахѣ передъ своей наукой и поклоняющихся ей съ полнымъ невниманіемъ къ безобразіямъ, творимымъ отъ ея имени, и считающихъ каждое вмѣшательство въ такъ называемую свободу договоровъ какимъ-то непростительнымъ грѣхомъ противъ цивилизаціи.

Затѣмъ Гладстонъ говорилъ о спеціальномъ правѣ, требуемомъ фермерами,—свободной продажѣ „права“ на аренду, противъ котораго сильнѣе возражали, чѣмъ противъ всѣхъ другихъ ихъ требованій, хотя, по мнѣнію оратора, оно менѣе всего заслуживало возраженій и его признаніе сопряжено со многими практическими выгодами. „Говорятъ,—замѣтилъ онъ,—что такое право устанавливаетъ совмѣстное владѣніе и что это худо. Я именно не согласенъ съ этимъ;

Digitized by Google

но если оно учреждаетъ совмѣстное владѣніе, то я нахожу, что при отсутствіи положительнаго ограниченія старинный мѣстный законъ, соотвѣтствующій, полагаю, общимъ законамъ Европы—признаетъ фермерское право и слѣдовательно признаетъ то, что̀ вы можете, если вамъ угодно, называть совмѣстнымъ владѣніемъ". Въ доказательство преимуществъ, связанныхъ съ признаніемъ этого права, онъ сравнивалъ положеніе, въ какомъ находились въ прошломъ году ирландскія графства Мейо и Гольвей, съ положеніемъ графства Донеголь, причемъ оказывается, что хотя всѣ они страдали отъ безплѣбья, но въ первыхъ двухъ эти страданія сопровождались преступленіями и безпорядками, тогда какъ въ Донеголѣ царствовали миръ и тишина, и только потому, что это графство, одно изъ трехъ, пользуется фермерскимъ правомъ.

Затѣмъ онъ перешелъ къ подробностямъ билля, которыя необходимо вкратцѣ привести. Центральная реформа учрежденія земельной коммисіи (съ обширными полномочіями, описаніе которыхъ послѣдуетъ въ непродолжительномъ времени), которая приметъ также форму судебной палаты и будетъ разбирать и рѣшать спорные случаи, возникающіе между лэндлордами и фермерами. Коммиссія должна состоять изъ трехъ лицъ: одному изъ нихъ, въ качествѣ судьи, будетъ предоставлена рѣшающая власть въ приговорахъ по всѣмъ поземельнымъ дѣламъ. Коммиссія должна будетъ выработать правила для руководства гражданскихъ судебныхъ палатъ (соотвѣтствующихъ англійскимъ судамъ графства, куда будутъ поступать дѣла въ первой инстанціи). Обращеніе къ суду будетъ не обязательно, но по добровольному соглашенію, и это правило Гладстонъ старательно защищалъ. По его мнѣнію, невозможно удержать фермера отъ обращенія къ суду путемъ застращиванія. Кромѣ того, факты показали, что существуетъ значительное число фермеровъ, которые охотнѣе уладятъ дѣло прямо съ своимъ лэндлордомъ, чѣмъ пойдутъ въ судъ, и было бы неразумно насильственно обезпечивать сохраненіе того, что̀, во всякомъ случаѣ, является ненормальной системой. Невозможно ввести механическое однообразіе въ легальное положеніе земледѣльческаго населенія Ирландіи, такъ-какъ не существуетъ страны въ мірѣ, гдѣ бы замѣчалось бо̀льшее разнообразіе въ характерѣ фермъ, въ способахъ аренды, въ свойствахъ лэндлордовъ и пр., чѣмъ въ Ирландіи.

Короче сказать, преимущества, извлекаемыя фермерами изъ билля, слѣдующія: право свободнаго отчужденія своей аренды или оставленія ея, подчиненное благоразумному *veto*, касательно покупщика, и право предпочтенія передъ другими покупщиками для лэндлорда; судебная палата будетъ рѣшать затрудненія, которыя возникнутъ по

Digitized by Google

послѣднимъ двумъ пунктамъ. Затѣмъ право обращаться въ судъ съ заявленіемъ того, что̀ онъ считаетъ „справедливой рентой“ для себя, или же, если эта рента назначена, право удерживать ее въ продолженіи пятнадцати лѣтъ и не подвергаться въ это время опасности быть изгнаннымъ или вынужденнымъ продать аренду, кромѣ случаевъ неуплаты ренты, запущенія хозяйства или отказа уважать разумныя права лэндлорда.

Если фермеръ не воспользовался правомъ обращенія въ судебную палату и лэндлордъ объявитъ объ увеличеніи ренты, то фермеру предстоятъ три способа дѣйствія: 1) онъ можетъ обратиться въ судъ съ просьбой назначить справедливую ренту и, такимъ образомъ, получить *quasi*-льготный срокъ на пятнадцать лѣтъ; 2) онъ можетъ согласиться на увеличеніе ренты и этимъ немедленно получить *quasi*-льготный пятнадцатилѣтній срокъ; 3) онъ можетъ отказаться отъ аренды и, въ такомъ случаѣ, продать ее, получивъ, кромѣ продажной цѣны, вдесятеро больше той суммы, которую судъ найдетъ превышающей размѣръ справедливой ренты, или же, если онъ не продастъ аренду, то можетъ потребовать вознагражденія за безпокойство.

Если лэндлордъ пожелаетъ прогнать фермера въ такое время, когда послѣдній не получилъ *quasi*-льготнаго срока аренды, то послѣдній можетъ обратиться въ судъ съ просьбой назначить справедливую ренту или же потребовать вознагражденія за безпокойство или же, наконецъ, продать аренду.

Въ законѣ оговорено, что мѣры къ изгнанію фермеровъ, начатыя, но не доведенныя до конца, до вступленія билля въ законную силу, не могутъ лишать фермеровъ тѣхъ правъ, какія даются имъ биллемъ.

Два случая предусмотрѣны, въ которыхъ фермеры могутъ договариваться помимо условій билля. Во-первыхъ, лэндлордъ и фермеръ могутъ договориться о долгосрочной арендѣ — не менѣе, какъ на 31 годъ—на условіяхъ, одобренныхъ судебною палатой. Во-вторыхъ, они могутъ договориться о „неизмѣнной арендѣ“ съ уплатою ренты, измѣненіе которой допускается не чаще, какъ по прошествіи пятнадцати лѣтъ. Для обезпеченія мелкихъ фермеровъ постановлено, что всѣ договоры, вопреки биллю, недѣйствительны, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда аренда оцѣнена свыше 150 фунт. стерл. въ годъ.

Остальные отдѣлы трактуютъ о дополнительныхъ полномочіяхъ земельной комиссіи. Ей предоставляется власть помогать фермерамъ покупать свои фермы, ссужая ихъ слишкомъ тремя четвертями покупной цѣны, а также покупать помѣстья и перепродавать ихъ мелкими участками. Министерству общественныхъ работъ дается также полномочіе давать ссуды подъ распашку пустошей, равно какъ и систематической организаціи эмиграціи.

Digitized by Google

Что касается общаго достоинства этого билля, то на счетъ этого существуетъ только одно мнѣніе; всѣ партіи, за исключеніемъ ультра-консерваторовъ, считающихъ „грабежомъ“ всякую мѣру, предназначенную къ огражденію бѣднаго отъ богатаго, согласны въ томъ, что онъ направленъ къ общему благу и достоинъ государственнаго человѣка по обширности операцій и изумительной точности подробностей. Однимъ изъ непосредственныхъ его результатовъ былъ выходъ въ отставку одного изъ членовъ правительства, герцога Аргайля. Этотъ нобльменъ счелъ невозможнымъ для себя одобрить проектъ вмѣшательства въ „свободу договоровъ“, такъ-какъ принадлежитъ къ упрямой экономической школѣ, о которой было выше упомянуто; мѣсто его занялъ лордъ Карлингфордъ, причемъ знакомство послѣдняго съ ирландскими дѣлами дѣлаетъ его цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ настоящую минуту. Сильное любопытство и большія сомнѣнія царствовали на счетъ того, какъ будетъ принятъ билль земельной лигой и ея представителями въ парламентѣ, и пріятно видѣть, что крайняя ирландская партія въ общемъ относится къ нему не враждебно. Парнелль, котораго слѣдуетъ теперь считать главою умѣренной фракціи земельной лиги, уже высказалъ нѣкоторые, не совсѣмъ логическіе, взгляды на счетъ билля, но, какъ кажется, не намѣренъ составлять противъ него оппозицію, чего одно время боялись. Національная ирландская печать вообще отзывается одобрительно объ усиліяхъ Гладстона. Теперь преобладаетъ мнѣніе, какъ у лэндлордовъ, такъ и у членовъ лиги, что самой дѣйствительной статьей въ биллѣ будетъ та, которая клонится къ учрежденію крестьянскаго землевладѣнія. Это имѣлось въ виду и въ законѣ 1870 г., но вслѣдствіе ошибокъ, упомянутыхъ мною раньше, осталось безъ всякаго практическаго результата. Насильственная экспропріація лэндлордовъ, хотя и рекомендуемая настойчиво земельною лигою и даже людьми, гораздо болѣе умѣренными и авторитетными, совсѣмъ не составляетъ задачи этого закона; но, съ другой стороны, приняты всѣ мѣры для того, чтобы какъ можно болѣе облегчить покупку земель фермерами, между тѣмъ какъ до сего времени дѣлалось обратное.

Признавъ честныя намѣренія и искусное примѣненіе билля, все еще остается вопросомъ: окажется ли онъ той панацеей отъ многочисленныхъ ирландскихъ золъ, какимъ его считаютъ многіе. Даже предположивъ, что страна внѣшнимъ образомъ будетъ умиротворена, путемъ ли принудительныхъ мѣръ или надеждою на реформы, и земледѣльческія отношенія, наконецъ, будутъ уравнены, все же это не доказываетъ, что почва станетъ производительнѣе, а населеніе счастливѣе. Фактъ остается, что во многихъ частяхъ Ирландіи существуетъ избытокъ населенія, прикрѣпленнаго къ землѣ, которая

Digitized by Google

не можетъ производить столько, сколько нужно, чтобы прокормить жителей. Однимъ изъ серьёзныхъ упрековъ, раздававшихся въ послѣднее время, былъ тотъ, что правительство пренебрегаетъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ къ улучшенію ирландскаго быта тѣмъ, что не старается поощрить развитіе дѣятельныхъ и выгодныхъ промышленностей. Бумажныя и шерстяныя фабрики уже существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и нѣтъ причины, почему бы имъ не расшириться, и, кажется, есть основаніе предполагать, что въ Ирландіи нѣтъ недостатка въ каменномъ углѣ и желѣзѣ, хотя до сихъ поръ это и воображали. Митчель Генри, ирландскій лэндлордъ и членъ парламента, мнѣніе котораго считается весьма авторитетнымъ, высказалъ недавно печатно, что „улучшеніе условій арендованія земли и увеличеніе числа мелкихъ фермеровъ хотя и безусловно необходимо, но не уладитъ ирландскаго вопроса. Сущность этого вопроса заключается въ нищетѣ населенія и скудости страны, гдѣ оно живетъ". Онъ считаетъ, что число семей, дѣйствительно бѣдствующихъ и требующихъ немедленной помощи, не превышаетъ 40,000 и что единственное средство помочь имъ—это разрѣдить населеніе. Эмиграція, организованная государствомъ, безъ сомнѣнія, оказалась бы дѣйствительнымъ средствомъ для этого, но если ее предложить прямо, какъ единственный исходъ, то это возбудитъ гнѣвныя чувства и вызоветъ безпорядки. Такимъ исходомъ, по его мнѣнію, должно быть пріобрѣтеніе государственныхъ земель въ Ирландіи и часть ихъ должна быть роздана фермерамъ, а другая, которая не годится для обработки, засажена лѣсами.

Въ этихъ предложеніяхъ есть, безъ сомнѣнія, много справедливаго, но можно опасаться, что даже этого рода мѣры не уладятъ всѣхъ существующихъ затрудненій. Писатели, трактующіе этотъ вопросъ съ болѣе глубокомысленной точки зрѣнія, чѣмъ простые политическіе раздоры, усматриваютъ болѣе глубокія причины волненія и недовольства въ Ирландіи. Оставляя въ сторонѣ требованіе самоуправленія, которое нѣсколько упустили изъ виду въ послѣднее время среди земельной агитаціи, ясно, что кромѣ матеріальныхъ неудобствъ, должны существовать другія причины, благодаря которымъ безпорядки такъ легко возбуждаются въ Ирландіи. Авторъ замѣчательной статьи, напечатанной въ мартовской книжкѣ „Blackwood's Magazine" и озаглавленной „Ireland under Ordinary Law", пытается раскрыть нѣкоторыя изъ этихъ причинъ. Авторъ утверждаетъ, что нѣтъ основанія предполагать, что соціальная война, если она продолжится, ограничится одними нападками на классъ лэндлордовъ; напротивъ, существуютъ доказательства противнаго. Одни фермеры были бы не въ состояніи разстроить весь порядокъ въ странѣ посредствомъ такой

Digitized by Google

агитаціи, какъ земельная лига, еслибы не разсчитывали на поддержку или, по меньшей мѣрѣ, на сочувствіе остального населенія. По послѣднему цензу все населеніе доходитъ до 5.412,377, и въ томъ числѣ земледѣльческій классъ насчитываетъ всего 1.062,008. Затѣмъ онъ утверждаетъ, что существуетъ весьма значительный классъ ирландцевъ, которые, благодаря, между прочимъ, необезпеченности ихъ занятій, могутъ быть втянуты въ любой моментъ, подъ дуновеніемъ агитаціи, со стороны порядка на сторону анархіи. Въ сущности, въ Ирландіи не существуетъ здороваго общественнаго мнѣнія, и не трудно замѣтить поразительное отсутствіе личнаго, нравственнаго мужества, въ особенности среди лэндлордовъ послѣдняго времени, которые не съумѣли дружно дѣйствовать противъ своихъ противниковъ, вслѣдствіе взаимныхъ раздоровъ и опасенія навлечь на себя непопулярность. Многое изъ этого авторъ приписываетъ національному характеру, такъ какъ ирландцы—„народъ, славящійся безпечнымъ великодушіемъ, не заботящимся о послѣдствіяхъ, и горячностью чувствъ, не умѣряемыхъ разумомъ". Въ Ирландіи замѣчается постоянное стремленіе, у людей, болѣе привилегированныхъ, уклоняться отъ исполненія общественныхъ обязанностей, въ особенности замѣтное въ юридической сферѣ. Такіе недостатки въ національномъ характерѣ, конечно, не могутъ быть устранены измѣненіемъ земельныхъ законовъ и вообще никакимъ законодательствомъ. Съ другой стороны, слишкомъ легко постояннымъ и систематическимъ дурнымъ управленіемъ усилить худшія черты въ народѣ, и англичане имѣютъ слишкомъ много причинъ считать себя виновными во многихъ недостаткахъ своихъ ирландскихъ соотечественниковъ.

Мы уже говорили о томъ, что еще до введенія принудительныхъ мѣръ въ Ирландіи, положеніе дѣлъ тамъ нѣсколько улучшилось; тонъ рѣчей, говорившихся на митингахъ земельной лиги, сталъ менѣе рѣзокъ, больше напиралось на политику пассивнаго сопротивленія, рѣже стали раздаваться неопредѣленныя угрозы, могущія приводить и часто приводившія къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Осторожность стала входить въ разсчеты ораторовъ, такъ какъ къ мѣрамъ, которыя готовились пускать въ ходъ, нельзя было относиться такъ легко, какъ къ безсильному процессу, только-что окончившемуся въ Дублинѣ съ заранѣе извѣстнымъ результатомъ—что присяжные не придутъ къ соглашенію относительно вердикта, и подсудимые будутъ оправданы. Со всѣмъ тѣмъ, лига продолжала распространяться и въ финансовомъ отношеніи даже замѣчательно процвѣтать, такъ какъ изъ одной Америки, по напечатаннымъ отчетамъ, она получала 1000 фунт. стерл. въ недѣлю, а изъ другихъ источниковъ не менѣе 500 фунт. Въ концѣ января образовалась женская лига

Digitized by Google

съ спеціальною цѣлью заботиться о семьяхъ лицъ, могущихъ пострадать отъ примѣненія принудительныхъ мѣръ. Тѣмъ временемъ носились слухи о болѣе серьёзномъ заговорѣ, составленномъ тайными обществами, которыя въ Ирландіи всегда готовы воспользоваться аграрными безпорядками. Двѣ неудачныхъ попытки взорвать казармы въ Манчестерѣ и Мешонъ-Гоузъ въ Лондонѣ повели къ различнымъ мѣрамъ предосторожности. Палаты въ парламентѣ зорко сторожились; казармы и правительственныя депо военныхъ снарядовъ поставлены были подъ особую охрану; въ Манчестерѣ особенно носились дикіе слухи, какъ, напр., о томъ, что готовятся взорвать газовый заводъ и отравить водопроводъ. Таинственный образъ дѣйствій Парнелля, который періодически исчезалъ и снова появлялся въ неожиданныхъ мѣстахъ, приводилъ къ самымъ разнообразнымъ предположеніямъ; враги его дѣла не преминули подчеркнуть его свиданіе съ парижскими соціалистами. Основательны или нѣтъ были эти страхи, одно несомнѣнно, что люди, наиболѣе замѣшанные въ ирландской агитаціи, приняли въ руководство принципъ, что „осторожность—лучшая сторона мужества“ и поспѣшно удалились въ вѣрныя убѣжища. Послѣ перваго чтенія охранительнаго закона, многое множество „сельскихъ тирановъ“ м-ра Форстера исчезли изъ своихъ обычныхъ резиденцій, и въ продолженіи нѣкотораго времени дублинскіе пароходы были осаждаемы лицами, находившими, что лучше имъ не дожидаться въ Ирландіи того времени, какъ билль вступитъ въ законную силу. Но ирландскій членъ парламента продолжалъ, однако, говорить рѣчи въ Ирландіи, убѣждая фермеровъ исполнять предписанія лиги, причемъ дѣло не обошлось безъ курьезовъ: Парнелль совѣтовалъ фермерамъ, которымъ угрожаютъ изгнаніемъ, вспахать свои поля прежде чѣмъ ихъ оставить, но когда ему напомнили, что это противозаконно, то онъ печатно отрекся отъ своихъ словъ, говоря, что не въ его принципахъ совѣтовать беззаконные поступки.

Когда билль прошелъ, то не стали терять времени въ примѣненіи его, и дублинская тюрьма быстро наполнилась заключенными. Форстеръ объявилъ, что законъ будетъ примѣняться только противъ „mauvais sujets“, „сельскихъ тирановъ и распутныхъ негодяевъ“, а отнюдь не противъ тѣхъ лицъ, которые занимались только дѣятельной организаціей лиги. Къ несчастью, это намѣреніе не было приведено въ исполненіе и до сихъ поръ арестованные состоятъ, главнымъ образомъ, изъ мелкихъ фермеровъ, ведущихъ агитацію подъ руководствомъ своихъ вожаковъ. Послѣдній арестъ, о которомъ сообщили 5 (17) апрѣля, постигъ издателя одной газеты, лицо очень респектабельное. Но, кромѣ своихъ непосредственныхъ результатовъ, принужденіе производитъ еще иное дѣйствіе, предвидѣнное опыт-

Digitized by Google

ными людьми. Кажется внѣ всякаго сомнѣнія, что худшіе изъ лэндлордовъ, пользуясь оказываемымъ имъ покровительствомъ и въ виду приближающейся реформы, спѣшатъ очистить свои помѣстья отъ невыгодныхъ фермеровъ. Въ отвѣтъ на запросъ, сдѣланный въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ парламентѣ, Форстеръ показалъ, что число изгнаній фермеровъ въ январѣ мѣсяцѣ доходило до 48, въ февралѣ до 92, въ мартѣ же не менѣе какъ до 215, причемъ статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ сознался, что такое положеніе дѣлъ серьёзно. Эти изгнанія привели въ послѣднее время къ нѣсколькимъ стычкамъ и въ послѣдней двое людей было убито полиціей и нѣсколько другихъ опасно ранено. Въ сущности принудительная политика, какъ это заранѣе предвидѣли дальнозоркіе люди, не можетъ помѣшать или можетъ помѣшать весьма слабо столкновеніямъ такого рода, и даже столкновенія между крестьянами и стражами закона въ послѣднее время какъ будто усилились. Съ другой стороны дѣйствія земельной лиги значительно стѣсняются двумя недавно образовавшимися обществами для защиты интересовъ лэндлордовъ: эти общества доставляютъ средства для веденія процессовъ, и организуется матеріальное сопротивленіе противъ „бойкоттированія“ особенно при продажѣ съ публичныхъ торговъ фермерскаго имущества, на которыхъ въ прежнее время всѣ покупщики застращивались терроризмомъ лиги. Трудно сказать, почему лэндлорды раньше не прибѣгали къ такой законной самозащитѣ, какъ бы это непремѣнно было во всякой другой странѣ, не привыкшей до такой степени къ пріостановкѣ обычныхъ законовъ въ пользу привилегированныхъ классовъ.

Возобновленіе преній о правѣ Брэдло засѣдать въ палатѣ общинъ, весьма непріятное, но, разумѣется, неизбѣжное обстоятельство. Если англійскіе избиратели посылаютъ въ парламентъ представителя, который изъ добросовѣстности не можетъ подчиниться всѣмъ формамъ допущенія членовъ въ палату, то ясно, что въ этихъ формахъ есть нѣчто неладное и что давно пора измѣнить ихъ, какъ и многія другія подробности парламентской рутины. Эпизодъ съ Брэдло, который сразу вызвалъ необыкновенно враждебное отношеніе въ англійской политической и общественной жизни, очень важенъ въ смыслѣ характеристики этой жизни. Напомнимъ эпизодъ. Будучи выбранъ представителемъ Нортгемптона, Брэдло сначала потребовалъ, чтобы отъ него приняли простое заявленіе вмѣсто обычной присяги, утверждая, что входитъ въ разрядъ тѣхъ лицъ, которыхъ недавній актъ парламента освободилъ отъ присяги. Коммиссія, выбранная палатою, отвергла его требованіе. Тогда Брэдло перемѣнилъ тактику и объявилъ, что готовъ принести присягу, хотя она для него и не имѣетъ значенія. Другая коммиссія запретила ему это. Тогда первый ми-

Digitized by Google

нистръ провелъ резолюцію, разрѣшавшую Брэдло сдѣлать заявленіе на собственный страхъ и отвѣтственность. Такимъ образомъ Брэдло сдѣлалъ заявленіе и занялъ свое мѣсто. Но существуетъ другой актъ парламента, въ силу котораго предоставляется право возбуждать преслѣдованіе противъ пэра или представителя палаты, который засѣдалъ и вотировалъ въ парламентѣ, не выполнивъ законныхъ формальностей, и такое преслѣдованіе начато было немедленно противъ нортгемптонскаго депутата извѣстнымъ консервативнымъ депутатомъ, подъ прикрытіемъ чужого имени. Послѣ долгихъ проволочекъ дѣло Брэдло было рѣшено противъ него, на томъ основаніи, что актъ, на который онъ ссылался, не касается парламентской присяги. Брэдло подалъ на апелляцію противъ этого рѣшенія, но и въ этой инстанціи оно было рѣшено противъ него, послѣ чего Брэдло объявилъ о своемъ намѣреніи перенести свое дѣло въ высшую инстанцію, въ палату лордовъ. Рѣшеніе противъ него было принято, мѣсто его очищено и назначены новые выборы въ Нортгемптонѣ, и результатомъ ихъ было вторичное избраніе Брэдло, хотя уже менѣе значительнымъ большинствомъ голосовъ. Онъ тотчасъ объявилъ о своемъ намѣреніи принести присягу, когда парламентъ снова соберется, прибавивъ, что немедленно внесетъ билль объ отмѣнѣ присяги въ тѣхъ случаяхъ, когда противъ нея возстаютъ. Брэдло, конечно, считаетъ такой образъ дѣйствій самымъ цѣлесообразнымъ, но, при всемъ уваженіи къ нему, можно разумно предположить, что законодательное дѣло, которое онъ можетъ совершить въ палатѣ, не такъ важно, какъ твердость убѣжденія, которую бы онъ выказалъ, до конца отказываясь принять мѣсто въ парламентѣ, которое ему приходится покупать цѣною лицемѣрной уступки. Съ другой стороны, слѣдуетъ ожидать, что палата опять окажетъ оппозицію принесенію присяги Брэдло, но въ его правѣ принести ее не можетъ быть сомнѣнія. Законъ допускаетъ это, и палата не имѣетъ никакого права мѣшать ему,—это было бы съ ея стороны противозаконно. Поэтому надо надѣяться, что нѣкоторые члены, славящіеся своимъ религіознымъ рвеніемъ, освободятъ палату отъ униженія переживать такія сцены, какія происходили въ прошломъ году.

Дѣло, обѣщающее возбудить не мало шума въ странѣ, это—арестъ и предстоящій процессъ Іоганна Моста, по случаю нѣкоторыхъ дикихъ выходокъ его въ газетѣ „Freiheit“ о послѣднихъ, печальныхъ событіяхъ въ Россіи. Мостъ былъ внезапно арестованъ 18 (30) марта; матеріалъ въ его типографіи секвестрованъ, а сама типографія закрыта, и эти послѣднія обстоятельства вызвали сильное негодованіе, такъ какъ вообще считаются незаконными. Когда онъ предсталъ передъ полицейскимъ судомъ, то былъ обвиненъ, въ качествѣ издателя и владѣльца

Digitized by Google

соціально-демократической газеты „Freiheit", въ напечатаніи гнуснаго пасквиля на покойнаго русскаго императора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ подстрекательствѣ къ убійствамъ въ Европѣ, внѣ владѣній ея величества. Но впослѣдствіи, марта 26 (7 апрѣля), формула обвиненія была нѣсколько измѣнена, и подсудимый обвиненъ въ подстрекательствѣ къ убійству императора Александра III, императора германскаго и другихъ и въ силу того отдается подъ судъ, причемъ въ отсрочкѣ отказано. Тѣмъ временемъ министръ внутреннихъ дѣлъ, сэръ Уильямъ Гаркортъ, выслушалъ нѣсколько запросовъ въ палатѣ на счетъ настоящаго отношенія правительства къ Мосту, и отвѣтъ его сводится къ тому, что этотъ случай входитъ въ разрядъ мѣстныхъ уголовныхъ проступковъ и что преслѣдованіе начато отнюдь не подъ давленіемъ иностранныхъ державъ. Далѣе министръ торжественно объявилъ, что процессъ этотъ не слѣдуетъ считать политическимъ дѣломъ, но обыкновеннымъ уголовнымъ и что его удивляетъ, что ему приходится объяснять, что убійство и подстрекательство къ убійству составляютъ преступленіе въ глазахъ англійскаго закона и что иностранцы, когда находятся въ Англіи, точно также отвѣтственны за него, какъ и англійскіе подданные.

Быть можетъ, будетъ небезъинтересно вкратцѣ отмѣтить, на какихъ основаніяхъ вообще англійское общественное мнѣніе питаетъ такую сильную антипатію къ подобнымъ мѣрамъ. Оставивъ въ сторонѣ непріятное ощущеніе, не разсѣявшееся несмотря на объясненія сэра Уильяма Гаркорта, что англійское правительство дѣйствовало въ этомъ случаѣ отчасти по чужой иниціативѣ,—обнаруживались основанія возражать противъ этой мѣры, во-первыхъ, въ силу задѣтаго національнаго чувства, а во-вторыхъ, съ точки зрѣнія непрактичности такой мѣры. Безусловная свобода печати въ политическихъ разсужденіяхъ—такое право, котораго англичане добились путемъ тяжелой борьбы, и, несмотря на случайныя уклоненія, это право до такой степени драгоцѣнно, что скорѣе, чѣмъ нарушить его, мы готовы допустить случайныя крайности. Если намъ возразятъ на это, что этотъ аргументъ, можетъ быть, хорошъ въ примѣненіи къ англійскимъ подданнымъ, направляющимъ свои нападки на отечественныя учрежденія и лица, но что онъ является непростительнымъ эгоизмомъ въ случаѣ нападеній на иностранныя державы со стороны выходцевъ, находящихъ убѣжище въ Англіи, то мы скажемъ, что, оставаясь въ границахъ невмѣшательства, мы можемъ указать на то, что наши суды открыты для людей всѣхъ націй, и всякая поддержка будетъ оказана лицамъ, которымъ угрожаетъ опасность, если они захотятъ дѣйствовать легальнымъ путемъ. Кромѣ того, англичане никакъ не могутъ повѣрить, чтобы такая ничтожная газета, имѣющая такъ мало чита-

Digitized by Google

телей, могла принести серьёзный вредъ. И это не потому, чтобы мы пренебрегали значеніемъ такихъ газетъ, но потому, что мы скорѣе видимъ въ нихъ слѣдствіе, нежели причину, и привыкли противодѣйствовать дурнымъ стремленіямъ иными средствами, чѣмъ простымъ преграждeніемъ для нихъ возможности выражать себя. Мало того, мы считаемъ даже выгоднымъ, чтобы они выражали себя. Долгій опытъ научилъ насъ, что мѣшать людямъ высказываться не только безполезно, но вредно, и, какъ нація, мы питаемъ инстинктивную антипатію ко всѣмъ непрактичнымъ мѣрамъ, тѣмъ болѣе, когда онѣ непріятны намъ и по другимъ причинамъ. Въ послѣднее время въ нашей памяти воскресъ нѣкій билль о заговорѣ на убійство, съ которымъ лордъ Пальмерстонъ претерпѣлъ нѣкогда рѣшительное фіаско, и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что всякое правительство, которое вздумаетъ повторить образъ дѣйствій Пальмерстона, встрѣтитъ также мало сочувствія въ массѣ населенія, какъ и этотъ послѣдній.

G. R. G.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Анти-еврейская агитація въ Германіи.

Люди, полагающіе во главу угла своихъ политическихъ теорій такъ-называемый принципъ національности или вѣроисповѣданія, дѣлаютъ большую, чтобы не сказать грубую ошибку. Съ конца прошлаго столѣтія общественная мысль и политическое развитіе народовъ сдѣлали такіе успѣхи, ихъ потребности и задачи такъ усложнились, что національность и вѣроисповѣданіе перестали быть исключительными двигателями государственныхъ и международныхъ отношеній. Къ этимъ прежнимъ двигателямъ присоединились, значительно ограничивая и даже оттѣсняя ихъ нерѣдко на второй и на третій планъ, сознанныя вопіющія потребности гражданскаго и государственнаго общежитія и экономическіе интересы, и въ наше время политическій человѣкъ, принимающій въ соображеніе одни только эти потребности и интересы, гораздо меньше рискуетъ надѣлать ошибокъ и повредить своей странѣ, чѣмъ тотъ, кто вздумалъ бы пренебречь ими и назойливо примѣшивать всюду вопросъ національности и вѣры.

Digitized by Google

Эта простая мысль стала теперь общимъ достояніемъ въ Европѣ. И если нѣкоторые слои одной изъ самыхъ просвѣщенныхъ національностей явили въ послѣдніе годы поразительные примѣры національной и религіозной нетерпимости, близкой къ изувѣрству, то крайне интересно вглядѣться въ причины такого замѣчательнаго явленія. Самый фактъ агитаціи противъ евреевъ и чуть не ежедневныя ея проявленія въ самомъ политическомъ центрѣ и другихъ городахъ Германіи болѣе или менѣе извѣстны изъ газетъ. Мы постараемся выяснить ея причины, изложить обвиненія, высказываемыя противъ евреевъ въ Германіи, и отвѣты самихъ евреевъ на эти обвиненія.

Противъ кого направлена агитація, и какіе слои населенія приняли въ ней дѣятельное участіе? Слово „еврей“ имѣетъ двоякій смыслъ: оно означаетъ, во-первыхъ, всѣхъ тѣхъ, кто принадлежитъ къ еврейской религіозной общинѣ; во-вторыхъ, всѣхъ людей еврейскаго племени, хотя бы они и отрѣшились отъ еврейскаго правовѣрія. Настоящая агитація въ Германіи направлена противъ евреевъ вообще, противъ расы. Многіе евреи или перешли въ христіанство, или перестали принадлежать къ какому-нибудь положительному вѣроисповѣданію, а изъ тѣхъ, которые еще остаются номинально членами синагоги, очень многіе совсѣмъ не посѣщаютъ ея. Судя по всѣмъ печатнымъ заявленіямъ представителей противо-еврейской агитаціи въ Германіи, она несомнѣнно направлена и противъ этихъ неіудействующихъ евреевъ. Самое общество, составленное съ цѣлью поддерживать агитацію, приняло названіе анти-семитической лиги, чтобы показать, что объектомъ его дѣятельности будетъ раса, а не одна только религія, и называетъ своихъ противниковъ не просто евреями, а семитами, въ отличіе отъ германцевъ.

Люди, примкнувшіе къ этой агитаціи, сильно расходятся между собою въ своихъ религіозныхъ и политическихъ мнѣніяхъ, но мирятся на этомъ полѣ въ виду такъ-называемаго общаго анти-семитическаго дѣла. Писатель ультра-консервативной партіи Марръ посвятилъ цѣлый памфлетъ желанію доказать, что соціаль-демократы, которыхъ онъ называетъ „красными крысами“, во всѣхъ отношеніяхъ лучше еврейскихъ „золотыхъ крысъ“. Д-ръ Дюрингъ, ненавистникъ всѣхъ положительныхъ религій, говоритъ противъ евреевъ тономъ защитника протестантской церкви. Ярый нѣмецкій патріотъ Трейчке заявляетъ, что самыми ревностными сторонниками защищаемаго имъ анти-семитическаго дѣла являются представители противо-національныхъ, по его мнѣнію, стремленій—партикуляристы и ультрамонтаны.

Въ чемъ же обвиняютъ евреевъ въ Германіи?

Digitized by Google

Выступая противъ евреевъ подъ вліяніемъ различныхъ побужденій и съ разныхъ точекъ зрѣнія, анти-семиты сходятся, однако, въ одномъ: всѣ они признаютъ, что положеніе дѣлъ въ Германіи неудовлетворительно, и что причиной тому—евреи. Напрасно возражаютъ имъ, что евреи живутъ и въ другихъ государствахъ Европы, нигдѣ не возбуждая подобныхъ обвиненій. Представители анти-семитическаго движенія отвѣчаютъ, что въ Германіи евреевъ гораздо больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, что ихъ политическое и соціальное вліяніе въ Германіи сильнѣе, и что германскіе евреи гораздо зловреднѣе евреевъ во Франціи и въ Англіи. Трейчке считаетъ въ Германіи 512,000 евреевъ, во Франціи 45,000, въ Великобританіи 45,000, въ Италіи 40,000, въ Испаніи 6,000, конечно евреевъ Моисеева закона. По его словамъ, евреи, живущіе въ западныхъ государствахъ Европы—потомки испанской отрасли еврейскаго племени, которая можетъ съ гордостью оглянуться на свое прошлое, тогда какъ нѣмецко-польскіе евреи „отмѣчены клеймомъ тысячелѣтней христіанской тиранніи“; въ жару спора онъ даже забываетъ, что если это такъ, то вѣдь они же были и жертвой этой тиранніи. А между тѣмъ, сами противники упрекаютъ евреевъ, и не безъ основанія, въ высокомѣріи и тщеславіи. „Опаснымъ духомъ самопрославленія повѣяло въ послѣднее время въ еврейскихъ кружкахъ“, говоритъ Трейчке. Другой анти-семитъ, извѣстный проповѣдникъ Штёкеръ, жалуется, что и правовѣрные и неправовѣрные евреи хвастливо присвоиваютъ себѣ роль проповѣдниковъ самыхъ высокихъ религіозныхъ и нравственныхъ идей, и совѣтуетъ имъ усвоить себѣ „немножко больше скромности“, тѣмъ болѣе что, по словамъ ихъ противниковъ, они повинны въ нечестіи. Трейчке говоритъ о „легкомысленныхъ и маловѣрныхъ кружкáхъ юдаизма“; по словамъ Штёкера, они вырвали съ корнемъ христіанскую вѣру и національное чувство германцевъ. „Ихъ символъ вѣры помѣщается на пустой страницѣ между ветхимъ и новымъ завѣтомъ“. Дюрингъ, самъ относясь чисто отрицательно ко всякой вѣрѣ, порицаетъ, напротивъ, то упорство, съ какимъ наслѣдственныя религіозныя воззрѣнія держатся въ еврейскихъ умахъ. По его словамъ, евреи до сихъ поръ не хотятъ и знать реальной философіи; еврей довольствуется своей религіей даже и тогда, когда онъ воображаетъ себя свободнымъ и просвѣщеннымъ мыслителемъ.

Но этимъ не исчерпываются обвиненія, высказываемыя противъ евреевъ въ Германіи сторонниками анти-семитической лиги. Имъ приписываютъ еще и непріязненное чувство ко всѣмъ другимъ народамъ и христіанству, какъ характеристическую черту ихъ ума и національности. Трейчке ссылается на Тацита, приписывающаго

Digitized by Google

еврейскому племени odium generis humani, и когда ему возражаютъ, что у Тацита это выраженіе относится къ христіанамъ, онъ отвѣчаетъ, что тѣ христіане, которыхъ разумѣлъ римскій историкъ, принадлежали всѣ къ еврейскому племени. По словамъ Штёкера, публичная ненависть евреевъ къ христіанству прекратилась, но еврейская печать дышетъ ненавистью ко всему христіанскому, и онъ желаетъ евреямъ не только побольше скромности, но и „немножко побольше терпимости". Дюрингъ распространяется въ томъ же тонѣ. „Евреи, несомнѣнно, были самымъ нетерпимымъ племенемъ на землѣ, и остаются такимъ же доселѣ, хотя и прикрываются густымъ слоемъ лоска, какъ-бы доказывающимъ противное. Это вѣрно не только по отношенію къ религіи, но и во всемъ другомъ. Когда они говорятъ о терпимости, то хотятъ ее только для самихъ себя. Такая терпимость означаетъ, въ сущности, ихъ собственное господство и носитъ въ себѣ зародышъ угнетенія и вражды противъ другихъ".

Въ этихъ обвинительныхъ актахъ сходятся почти всѣ дѣятельные участники анти-еврейской агитаціи. Но Дюрингъ прибавляетъ къ нимъ еще цѣлый списокъ другихъ обвиненій, приписывая евреямъ, въ числѣ многихъ другихъ пороковъ, низкопоклонство, самоуниженіе, чувственность, отвращеніе къ честному труду. Существо ихъ природы, ихъ великое себялюбіе, говоритъ онъ, всегда влекло ихъ и всегда будетъ увлекать ихъ къ такимъ средствамъ добывать себѣ пропитаніе, при которыхъ алчность нужнѣе совѣсти.

Таковы обвиненія, направленныя противъ свойствъ самой расы. Но въ чемъ же сказывается вредное вліяніе этихъ свойствъ полумилліоннаго населенія на политическую и соціальную жизнь многомилліоннаго германскаго народа?

„Въ дѣлѣ человѣческаго общежитія и кооперація, — говоритъ Дюрингъ,—евреи всегда были невѣждами и разрушителями. Въ Палестинѣ они не умѣли ужиться между собою безъ теократической формы правленія, самой безумной и вредной изъ всѣхъ. Ихъ кочевые нравы стали постоянною отличительною чертой племени и показываютъ, насколько сильнѣе при нихъ разъединяющее начало, чѣмъ связующее". Та нравственная связь между людьми, которая у германскихъ народовъ нашла себѣ выраженіе въ феодальныхъ узахъ, не существуетъ у евреевъ. Предательство Іуды не было слѣдствіемъ только личной испорченности одного человѣка. Евреи поступали предательски не только съ другими народами, но и между собою. Ихъ сплочиваетъ только гнуснѣйшее себялюбіе, и гдѣ карманный интересъ ихъ требуетъ предательства, тамъ и является предательство. „Они, по преимуществу, представители анархіи и соціальной неспособности. Ихъ ненависть къ человѣчеству заставила ихъ проповѣдывать войну

Digitized by Google

одного класса противъ другого. Уже еврей Рикардо сказалъ, что одинъ классъ обогащается на счетъ другого, а Лассаль и Маркъ проповѣдывали тоже ученіе въ болѣе насильственныхъ формахъ".

Евреи, говорятъ далѣе ихъ германскіе противники, вездѣ стараются направить законодательство въ пользу своихъ цѣлей и интересовъ. Въ то время, когда юридическое поприще было еще закрыто для евреевъ—говоритъ Дюрингъ,—единственной доступной имъ либеральной профессіей была медицинская. Еврейскіе врачи, всегда жадные до своихъ личныхъ выгодъ, ввели принудительное оспопрививаніе, съ цѣлью вызвать искусственный спросъ на медицинскую помощь. Они съумѣли произвести выгодныя для нихъ измѣненія въ новѣйшемъ законодательствѣ, установившемъ единообразную систему суда по всей Германіи. Въ настоящее время, когда многіе евреи стали членами адвокатуры, вмѣшательство адвоката стало обязательнымъ во всѣхъ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію высшихъ судебныхъ мѣстъ, единственно, какъ увѣряетъ Дюрингъ, для пополненія еврейскихъ кармановъ. Дюрингъ не можетъ не признать, что евреи, большею частью, принадлежатъ къ либеральнымъ партіямъ, но онъ приписываетъ и это явленіе единственно ихъ узкому себялюбію. Для евреевъ „либеральныя идеи не больше, какъ выгодная афера". Ихъ вліяніе вноситъ нравственную порчу въ ту партію, къ которой они принадлежатъ. Партіи прогрессистовъ и соціаль-демократовъ нравственно убиты евреями, а партія національ-либераловъ служитъ отличнымъ примѣромъ того, что еврейское вліяніе и нравственный упадокъ—совершенно равносильныя выраженія.

Другіе памфлеты сторонниковъ анти-семитической лиги также говорятъ о политическомъ вліяніи евреевъ въ Германіи, и тутъ собственно надо искать ключа къ современной агитаціи, противъ нихъ направленной. Для осуществленія единства Германіи и упроченія новой имперіи, было необходимо ослабить партикуляристическія стремленія отдѣльныхъ государствъ, въ томъ числѣ и Пруссіи. Князь Бисмаркъ прекрасно зналъ, что эта задача можетъ быть исполнена лишь при помощи либеральныхъ партій. Съ своей стороны, большинство либераловъ, видя успѣхъ его внѣшней политики, искало примиренія съ нимъ. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ теченій сложилась, такъ-называемая, національ-либеральная партія, которая помогла кн. Бисмарку установить имперію и повести борьбу съ ультрамонтанствомъ. Но она стала при этомъ въ совершенно ложное положеніе: поддерживать, въ одно и то же время, и кн. Бисмарка, и либеральныя стремленія, было невозможно. И какъ скоро канцлеръ пересталъ нуждаться въ ней, она утратила свой смыслъ и свое значеніе. Но при ея содѣйствіи и въ угоду ей произошли важ-

Digitized by Google

ныя перемѣны въ общественныхъ учрежденіяхъ: направленію первоначальныхъ школъ приданъ болѣе либеральный характеръ, принято нѣсколько крупныхъ мѣръ для объединенія имперіи, учрежденъ имперскій банкъ, изготовляется гражданскій кодексъ для всей Германіи. Подобныя мѣры не могли не затронуть много привычекъ и интересовъ и, естественно, вызывали противодѣйствіе и реакцію. А между членами національ-либеральной партіи, и притомъ самыми выдающимися и дѣятельными, начиная съ Ласкера, много евреевъ. Реакціонныя партіи воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы поднять агитацію.

Германія переживаетъ теперь трудную пору глубокаго и общаго недовольства настоящимъ положеніемъ дѣлъ, порождаемаго многими серьёзными причинами; реакціи надо свалить на кого-нибудь бѣды настоящей минуты, и вотъ она указываетъ на евреевъ, какъ на главныхъ виновниковъ общаго недовольства; нанося удары евреямъ, консерваторы наносятъ ихъ и національ-либеральной партіи. Оттого всѣ партіи, болѣе или менѣе пострадавшія въ полу-либеральное время союза ки. Бисмарка съ національ-либералами, пользуются нѣкоторой симпатіей памфлетовъ, направленныхъ противъ евреевъ. Но особенной благосклонностью ихъ пользуются ультрамонтаны; нѣкоторое поощреніе оказывается въ памфлетахъ даже и соціаль-демократовъ. „Справедливыя требованія соціаль-демократовъ,—говоритъ брошюра „Новая Палестина, или еврействующая Германія, соч. одного консерватора“,—гораздо скорѣе могутъ быть приняты во вниманіе христіанскимъ консервативнымъ правительствомъ въ Германіи, чѣмъ иными новѣйшими либералами“. И такихъ заявленій появилось очень много въ послѣднее время.

Своею силой въ Германіи, говорятъ тѣ же памфлеты, евреи обязаны своему вліянію на печать. По словамъ Трейчке, евреи „дѣлаютъ“ общественное мнѣніе въ большинствѣ германскихъ городовъ. „Безсиліе современной печати, говоритъ онъ, есть необходимое слѣдствіе этого противоестественнаго положенія вещей; почтеннаго домохозяина нельзя разубѣдить въ томъ, что всѣ газеты пишутся евреями, и потому онъ не вѣритъ ни одной изъ нихъ“. Въ другомъ памфлетѣ, подъ заглавіемъ: „Откройте глаза, читатели нѣмецкихъ газетъ“, Марръ обращаетъ вниманіе на то же самое явленіе. Любовь къ мелкимъ скандаламъ, особенное усердіе въ сообщеніи сенсаціонныхъ полицейскихъ извѣстій, развращающихъ читателя и оскорбительныхъ для попавшихъ подъ стражу, удовольствіе, съ какимъ печатаются двусмысленныя объявленія, — всѣ эти дурныя стороны германской печати приписываются вліянію евреевъ. Анти-семиты утверждаютъ также, что евреи, допущенные къ занятію общественныхъ должно-

Digitized by Google

стей, грозятъ разрушить лучшія преданія прусскаго чиновничества. По ихъ мнѣнію, судьи и чиновники изъ евреевъ неспособны служить государству съ тѣмъ самоотверженіемъ, какимъ уже много поколѣній могла гордиться прусская бюрократія.

Германія, какъ и нѣкоторыя другія государства, недавно испытала коммерческій и промышленный кризисъ, породившій много нищеты и недовольства. Вслѣдъ за уплатой французской военной контрибуціи, огромныя суммы были помѣщены у германскихъ банкировъ; сказался чрезвычайный избытокъ капиталовъ, искавшихъ какого нибудь употребленія. Возникло множество новыхъ предпріятій; биржевая горячка охватила страну. Чиновники, профессора, промышленники—всѣ пустились въ спекуляціи, разрѣшившіяся въ нѣсколько лѣтъ всеобщимъ крахомъ, къ которому присоединилось обѣднѣніе земледѣльческихъ классовъ подъ вліяніемъ цѣлаго ряда неурожаевъ. Многіе двигатели дутыхъ предпріятій, спохватившись во-время, вышли изъ нихъ и пріобрѣли большія богатства; дѣло получило такой видъ, что ловкое меньшинство ограбило публику, и такъ какъ это меньшинство состояло, главнымъ образомъ, изъ евреевъ, то и распространилось мнѣніе, что евреи обобрали христіанъ. Рядъ законодательныхъ экономическихъ мѣръ, относящихся къ этому времени, законы о свободномъ учрежденіи промышленныхъ компаній, объ упраздненіи серебряной монеты и введеніи золотой, наконецъ, учрежденіе германскаго имперскаго банка, были приписаны исключительно вліянію еврейскихъ капиталистовъ, направленному противъ германской публики. Подтвержденію этой мысли была посвящена еще въ 1877 году довольно обширная брошюра: „Такъ называемый нѣмецкій имперскій банкъ, привилегированное акціонерное общество изъ евреевъ и для евреевъ“, надѣлавшая тогда много шуму. Еще болѣе сильныя обвиненія противъ евреевъ были вызваны жалобами на дѣйствія ихъ въ земледѣльческихъ округахъ. Оказалось, что большинство сельскаго населенія Пруссіи находится совершенно въ рукахъ евреевъ, которые ссужаютъ ему деньги подъ залогъ земли и потомъ забираютъ ее себѣ. Затронутые интересы и возбужденное воображеніе вездѣ указывали руку еврея, вооруженную золотымъ ключемъ, который отпираетъ всѣ двери, и дразнящую имъ тѣхъ, кому не улыбнулось счастіе. Нѣмецкіе памфлеты говорятъ о евреѣ, какъ о человѣкѣ, который, при всякомъ торгѣ, можетъ осилить своего болѣе бѣднаго сосѣда и получить все лучшее. Евреямъ приписываютъ распространеніе привычки къ роскоши и выставкѣ тамъ, гдѣ прежде господствовали простота и бережливость. Указываютъ даже на постоянное присутствіе многочисленныхъ евреевъ въ театрахъ и концертахъ, на многочисленность еврейскаго юношества въ высшихъ

Digitized by Google

учебныхъ заведеніяхъ и т. п. До чего доходятъ анти-семиты въ своихъ обвиненіяхъ противъ евреевъ, показываетъ, всего лучше, брошюра профессора Лазара, превосходящая даже и упомянутое выше публицистическое произведеніе Дюринга. Профессоръ Лазаръ спускается въ область самыхъ низменныхъ обвиненій, вдается въ подробное описаніе физическаго разврата евреевъ и даже увѣряетъ, что девять-десятыхъ проститутокъ въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Пештѣ—непремѣнно еврейки!

Какія же практическія мѣры противъ евреевъ предлагаютъ эти гонители своихъ согражданъ еврейскаго происхожденія? Допустимъ, что если не всѣ, то нѣкоторые упреки, дѣлаемые германскимъ евреямъ, имѣютъ свое основаніе. Но развѣ такіе же упреки не могутъ быть предъявлены и ко многимъ группамъ германскаго племени? И развѣ возможно какое нибудь спеціальное отношеніе государствъ къ еврейскому слою населенія тамъ, гдѣ евреи такіе же граждане конституціоннаго государства, какъ и всѣ другіе, гдѣ существуетъ организованное народное представительство, правильный судъ и другія учрежденія, наблюдающія за соблюденіемъ существенныхъ условій гражданскаго общежитія? Развѣ исключеніе ихъ изъ общаго правила могло бы хоть на іоту способствовать устраненію тѣхъ вредныхъ сторонъ еврейства, на которыя жалуются анти-семиты, способствовать подъему ихъ гражданскаго уровня, ихъ германизаціи? Между тѣмъ Трейчке, не разъ провозглашающій въ своей брошюрѣ, что евреи составляютъ бѣдствіе Германіи, высказываетъ желаніе, чтобъ они стали настоящими нѣмцами. Подобная цѣль никогда не достигается исключительными мѣрами. Но другіе авторы анти-семитскихъ памфлетовъ идутъ гораздо дальше самого Трейчке. Штёкеръ, котораго брошюры обличаютъ тѣснѣйшую связь агитаціи противъ евреевъ съ реакціей вообще, требуетъ отмѣны закладовъ, введеніе гильдій, измѣненія системы кредита съ цѣлью освободить торговцевъ отъ произвольной власти капитала, пересмотра правилъ о биржевыхъ сдѣлкахъ и акціонерныхъ компаніяхъ, возстановленія религіознаго ценза, ограниченія числа судей изъ евреевъ соразмѣрно числу еврейскаго населенія, удаленія еврейскихъ учителей изъ первоначальныхъ школъ и „всего того, что можетъ способствовать укрѣпленію христіанско-германскаго духа“. Съ своей стороны, Дюрингъ, исходя отъ той основной мысли, что вѣротерпимость не должна распространяться на опасныя религіи, предлагаетъ очистить еврейское богослуженіе, и если евреи не захотятъ подчиниться этой операціи, то ихъ религія должна быть уничтожена. Какъ истый доктринеръ, этотъ книжникъ и педантъ предлагаетъ и самую безсердечную, самую жестокую мѣру, достойную Атиллы и Тамерлана.

Digitized by Google

Дюрингъ хочетъ далѣе, чтобы число общественныхъ должностей, занятыхъ евреями, было соразмѣрно числу еврейскаго населенія, и какъ скоро эта пропорція будетъ опредѣлена, къ общественнымъ должностямъ можетъ быть допускаемъ только тотъ, кто докажетъ, что въ его крови уже три поколѣнія не примѣшивалось крови еврейской. Каждому германцу должно быть предоставлено право не допускать, чтобы дѣло его разбиралось судьями изъ евреевъ, а судьямъ, въ свою очередь—право не довѣрять свидѣтельству евреевъ. Дюрингъ не затрудняется называть эти требованія наименьшими, на которыхъ можно пока остановиться. Чтобы положить предѣлъ преобладанію еврейскаго капитала, должны быть приняты, по его мнѣнію, строгія мѣры: капиталы богатыхъ евреевъ должны быть такъ же „медіатизированы", какъ были „медіатизированы" цѣлыя княжества. Всѣ состоянія евреевъ, превышающія извѣстную норму, должны поступать подъ надзоръ чиновниковъ впредь до полной ихъ медіатизаціи. Было бы правильнѣе сказать: до ихъ конфискаціи, но авторъ воздерживается отъ этого непріятнаго выраженія. Дюрингъ желаетъ примѣненія подобныхъ мѣръ къ однимъ только евреямъ. Ни одинъ еврей не долженъ быть ни хозяиномъ, ни кредиторомъ по закладнымъ, ни издателемъ или участникомъ журнала. Еврей не долженъ имѣть права на реальную недвижимую собственность или на пользованіе какимъ-либо изъ правъ такой собственности. Мѣстнымъ властямъ должно быть предоставлено предостерегать евреевъ противъ осѣдлости въ подвѣдомственномъ имъ районѣ. Переселеніе евреевъ въ Германію должно быть совсѣмъ запрещено. Евреи платятъ бо́льшіе налоги, чѣмъ другіе граждане. Еврей лишается права преподавать въ какомъ бы то ни было учебномъ заведеніи, за исключеніемъ еврейскихъ школъ. Но браки между евреями и нѣмцами не должны быть запрещаемы закономъ: по мнѣнію Дюринга, естественнаго отвращенія къ подобнымъ союзамъ и чувства національной чести достаточно для того, чтобы предотвратить возрастаніе числа брачныхъ союзовъ этого рода.

Разумѣется, не всѣ германскіе противники евреевъ позволяютъ себѣ подобныя разглагольствованія, обвиненія и нелѣпые проекты; но мы говоримъ о существующей агитаціи и ея проявленіяхъ въ печати, а эти проявленія именно таковы, какими мы ихъ представили сейчасъ. Брошюры, нами названныя, читались на расхватъ. Первое изданіе памфлета Дюринга появилось въ ноябрѣ прошлаго года, а второе потребовалось уже въ декабрѣ, и такъ какъ многіе обращались къ автору съ просьбой объ его автографѣ, то каждый экземпляръ второго изданія скрѣпленъ его собственной подписью.

Сами евреи отнеслись различно къ высказаннымъ противъ нихъ

Digitized by Google

обвиненіямъ. Одни, представителемъ которыхъ можно назвать профессора Греца, настаиваютъ на особенностяхъ своего племени и своего историческаго права, приписывая евреямъ совершенно исключительное призваніе и высшія способности. Но эта часть германскихъ евреевъ сравнительно не многочисленна. Большинство ихъ рѣшительно отвергаютъ мнѣнія, высказанныя Грецомъ, а къ большинству принадлежатъ самые выдающіеся члены еврейской религіозной общины, напр., бреславскій раввинъ, докторъ Жоэль. Лацарусъ, издающій вмѣстѣ съ Г. Штейнталемъ журналъ „Zeitschrift für Völkerpsychologie", въ своей брошюрѣ: „Что національно?" (Was heisst national) подробно излагаетъ элементы, входящіе въ составъ идеи національности, и доказываетъ, что германскіе евреи составляютъ столь же органическую составную часть германскаго народа, какъ и всякія другія племена, живущія на германской землѣ и говорящія нѣмецкимъ языкомъ.

Изъ брошюръ, направленныхъ противъ агитаціи, мы остановимся на брошюрѣ профессора Гарри Бресслау, въ видѣ письма къ Трейчке, чтобы показать читателямъ, какъ относятся образованные и просвѣщенные евреи къ настоящему анти-семитическому движенію въ Германіи. Д-ръ Бресслау сожалѣетъ о томъ, что такой человѣкъ, какъ Трейчке, примкнулъ къ недостойнымъ его союзникамъ. Настоящее движеніе,—говоритъ онъ, — не плодъ инстинктивнаго возбужденія германскаго народа противъ чуждыхъ вліяній, а старательно вызвано ради политическихъ цѣлей. Попытки возбудить его начались еще въ 1875 году, и авторы этихъ попытокъ принадлежали исключительно къ тѣмъ партіямъ, членамъ которыхъ, обыкновенно, даютъ названіе „враговъ имперіи" (Reichsfeinde). Д-ръ Бресслау считаетъ чистымъ вымысломъ мнѣніе Трейчке, что послѣ двадцати-вѣковой культуры германской, Германіи приходится теперь переживать періодъ смѣшанной, германско-еврейской культуры. „Три вліянія,—говоритъ онъ, сказались въ жизни германскаго народа: германство, христіанство и классическая древность. Тѣсная связь второго, самаго могущественнаго изъ этихъ элементовъ съ іудаизмомъ упущена изъ виду гордымъ отрицателемъ смѣшанной германско-еврейской культуры, какъ и то обстоятельство, что ветхій и новый завѣтъ имѣли сильнѣйшее вліяніе на умственную жизнь германскаго народа, а они были несомнѣнно созданіями іудаизма".

Д-ръ Бресслау вполнѣ раздѣляетъ обращенное къ евреямъ желаніе, чтобъ они стали германцами, и думали и чувствовали, какъ германцы. Если Трейчке хочетъ сказать, что многочисленные и вліятельные кружки германскихъ евреевъ стараются не дѣлаться германцами, то это его увѣреніе совершенно ложно. Неоспоримо, что

Digitized by Google

въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи многіе евреи еще не успѣли стать германцами; но на то есть свои очень простыя и извѣстныя причины. „Не дальше какъ сто лѣтъ тому назадъ, все настраивало евреевъ въ противоположномъ смыслѣ. Различіе въ религіи, нетерпимость христіанскаго и еврейскаго духовенства, наконецъ законодательство, ставившее еврея въ положеніе паріи, все препятствовало всякому лучу германской культуры проникнуть въ тѣ темныя и разбросанныя мѣстности, гдѣ милость территоріальныхъ властителей отводила имъ бѣдственное и униженное существованіе. Удивительно ли, что при такихъ условіяхъ процессъ германизаціи былъ задержанъ и совсѣмъ не совершался? Но въ то время, какъ число евреевъ, которыхъ не коснулось вліяніе германской культуры ни въ образѣ жизни, ни въ воспитаніи, съ каждымъ днемъ уменьшается, въ то время какъ я самъ и мои еврейскіе друзья неутомимо способствуютъ ускоренію этого процесса собственнымъ примѣромъ, вліяніемъ, преподаваніемъ и практикой, вы дѣлаетесь сами сообщникомъ тѣхъ, кто затрудняетъ наше дѣло и обостряетъ контрастъ, который мы стараемся сгладить нашимъ образомъ жизни“.

Вполнѣ справедливы, по мнѣнію д-ра Бресслау, однѣ только жалобы на евреевъ-ростовщиковъ и спекулянтовъ; но условія жизни, въ теченіе столѣтій направлявшія всю энергію еврейскаго племени на торговлю, много способствовали такому положенію вещей. Къ тому же ростовщичество и нечистыя финансовыя дѣла не составляютъ исключительной принадлежности евреевъ. Профессоръ Бресслау ссылается на кредитныя операціи Лоу во Франціи, на дутыя предпріятія въ Англіи и Голландіи. И что общаго имѣютъ съ ростовщичествомъ и спекуляціями тѣ евреи, которые не занимаются ни тѣмъ, ни другими?

Пресловутое преобладаніе евреевъ въ печати—или точнѣе въ либеральной печати—болѣе или менѣе миѳъ. Извѣстное число либеральныхъ и либерально-консервативныхъ газетъ насчитываетъ евреевъ въ числѣ своихъ главныхъ руководителей, и между ними „Національная Газета“, „Фоссова Газета“, „Кёльнская Газета“, „Аугсбургская Всеобщая Газета“, „Швабскій Меркурій“, „Везерская Газета“ и нѣсколько другихъ руководящихъ журналовъ. Но если нѣкоторымъ изданіямъ, руководимымъ евреями, дѣйствительно недостаетъ такта и тонкаго чувства, то развѣ евреи одни грѣшатъ въ этомъ отношеніи? Д-ръ Бресслау опровергаетъ мнѣніе, будто люди, стоящіе во главѣ умственной жизни Германіи, проникнуты антипатіей къ евреямъ. Конечно, нѣкоторые слои населенія нашли въ евреяхъ козла отпущенія, на котораго можно перенести отвѣтственность за недовольство, по многимъ причинамъ господствующее теперь въ Герма-

Digitized by Google

ніи. Консерваторы считаютъ евреевъ виновниками тѣхъ либеральныхъ мѣръ, которыя имъ непріятны; ультрамонтаны видятъ въ нихъ виновниковъ такъ-называемой „культурной борьбы“ противъ католической церкви. Ихъ тянутъ къ отвѣту за всякое злоупотребленіе, за всякую неудачу: за продажность печати, за экономическій кризисъ, за упадокъ музыкальнаго искусства; даже и неуспѣхъ спиритуализма въ Германіи приписываютъ еврейскимъ интригамъ. Но очень многіе евреи не переступали ни порога дворцовъ, занимаемыхъ счастливыми спекулянтами, ни порога тѣхъ темныхъ жилищъ, гдѣ скрываются старые торгаши. Эти евреи мало извѣстны остальному населенію: племенное предубѣжденіе заграждаетъ имъ доступъ въ общество. Они ведутъ спокойную, трудолюбивую, простую жизнь. „Еслибъ возможно было,—говоритъ д-ръ Бресслау,—опредѣлить значеніе слова „еврей“ по свойствамъ этого средняго класса, независимо отъ исключеній на верху и внизу, то, по моему мнѣнію, такъ-называемый, еврейскій вопросъ значительно подвинулся бы къ своему разрѣшенію“.

Къ сожалѣнію, еврейскій вопросъ бо́льшею частью берутъ съ такихъ сторонъ, съ которыхъ онъ неразрѣшимъ, и потому неизбѣжно запутываютъ и обостряютъ его до крайне прискорбныхъ размѣровъ. Для толпы довольно знать, что они, во-первыхъ, не-христіане, а во-вторыхъ, занимаются ростовщичествомъ и мелкимъ барышничествомъ, чтобъ относиться къ нимъ съ ожесточеніемъ и враждой. Ей нѣтъ дѣла до той школы, въ которой воспитала ихъ исторія. Негодуя на ихъ религіозную исключительность, бытовую обособленность и ненавистное кулачество, толпа, въ то же время, жаждетъ поставить ихъ въ такое положеніе, въ которомъ неминуемо должны усилиться именно тѣ стороны, на которыя она негодуетъ. И оттого этотъ вопросъ, крайне важный въ тѣхъ странахъ, гдѣ еврейское населеніе многочисленно, не перестаетъ безъисходно вращаться въ заколдованномъ кругѣ.

Еврейскій вопросъ есть, прежде всего, вопросъ гражданскій. Піетисты и реакціонеры только запутываютъ его и отодвигаютъ назадъ, придавая ему религіозный характеръ. Люди, въ томъ числѣ и евреи, никогда не могутъ быть хорошими гражданами, пока они не пользуются общимъ гражданскимъ воспитаніемъ и общими гражданскими правами. Тѣмъ лучшимъ среднимъ классомъ евреевъ, о которомъ говоритъ д-ръ Бресслау, Германія обязана единственно признанной ею равноправности между евреями и христіанами. Государству, которое бы отказалось отъ всякой надежды и попытки сдѣлать евреевъ своими гражданами наравнѣ съ господствующей національностью, оставалось бы только одно: насильственно истребить ихъ. Третьяго пути не существуетъ въ еврейскомъ вопросѣ. Евреи

Digitized by Google

бережливѣе, трезвѣе, изворотливѣе христіанъ; они дѣйствительно обладаютъ особеннымъ даромъ забирать чужое добро въ свои руки разными промышленными путями; простой народъ не безъ причины жалуется на нихъ и въ Германіи, и въ Россіи. Но государство не можетъ сдѣлать тутъ все то, чего отъ него требуютъ. Оно можетъ, оно обязано давать евреямъ общее гражданское образованіе; оно обязано имѣть правильный судъ для совѣстливаго рѣшенія споровъ, возникающихъ у христіанъ съ евреями; но оно не въ состояніи приставить къ каждому еврею надсмотрщика за его поведеніемъ, или къ каждому христіанину защитника отъ еврейской эксплуатаціи. Тутъ необходима собственная энергія и частная дѣятельность христіанскаго населенія, которыя однѣ могутъ предохранить его отъ неправыхъ покушеній спекуляціи. Это очень тяжело, очень трудно, но всякое другое средство будетъ только обманчивымъ миражемъ. Поддерживая вѣковые предразсудки и вѣковое разобщеніе племенъ, принужденныхъ жить вмѣстѣ, всякая другая политика относительно евреевъ можетъ только питать ихъ исключительность, религіозную и бытовую, и взаимную вражду между ними и христіанами.

Поднятая въ Германіи агитація противъ евреевъ изумила всѣхъ. Въ одной изъ просвѣщеннѣйшихъ странъ въ мірѣ, въ которой отвлеченная мысль и религіозное вѣрованіе пользовались полною свободой, вдругъ раздались дикіе голоса нетерпимости, отъ которыхъ вчужѣ дѣлалось страшно. Эти голоса встревожили самого германскаго наслѣднаго принца, который, несмотря на свое высокое общественное положеніе, не могъ не отозваться при одномъ удобномъ случаѣ, что считалъ подобную агитацію невозможной въ Германіи. И дѣйствительно, нельзя не видѣть въ этой агитаціи одного изъ симптомовъ той болѣзненной поры, какую переживаетъ теперь эта новоучрежденная военная имперія. Общее недовольство порождаетъ тамъ изумительное блужданіе политической и философской мысли. Кн. Бисмаркъ является соціалистомъ, проф. Дюрингъ—гонителемъ еврейства. Консерваторы становятся на почву соціаль-демократовъ, а піетистъ пасторъ Штёкеръ подаетъ руку отрицателю религій Дюрингу. Трудно разобраться въ этомъ хаосѣ, который, рано или поздно, можетъ повести къ катаклизму. Несомнѣнно одно: если евреи и внесли свою лепту въ эту общую сумятицу умовъ и интересовъ, то ихъ лепта не могла быть особенно крупною. Они шли по теченію, но не они одни давали ему направленіе. Они составляли только часть германскаго взбаломученнаго моря.

Digitized by Google

АВСТРІЯ, ГЕРМАНІЯ И СЛАВЯНЕ.

Политическія замѣтки.

II [1]).

Я сказалъ, что планъ Австріи и Бисмарка, насчетъ „австрійскаго панславизма", гораздо шире и либеральнѣй, чѣмъ просто окатоличеніе всѣхъ юго-западныхъ славянъ, или распространеніе среди нихъ уніи. Еслибъ только въ этомъ состоялъ весь планъ, онъ былъ бы нисколько не опасенъ ни для славянъ, ни для насъ, о немъ даже не стоило бы и говорить, пожалуй; такъ очевидна съ перваго взгляда его полная несостоятельность. Для всякаго трезво смотрящаго на вещи человѣка—а нѣмцамъ, даже самый злѣйшій врагъ ихъ не откажетъ въ трезвости взгляда—ясно, что если религія составляетъ превосходную охрану, крѣпкій оплотъ народности и могущественное орудіе борьбы противъ врага, во времена тяжелой политической зависимости и притѣсненія, то органическаго цѣлаго съ народностію она не составляетъ и не можетъ составлять и потому теряетъ свое первенствующее значеніе, какъ скоро народъ пріобрѣтаетъ независимость или хоть перестаетъ быть притѣсняемымъ. Еслибъ та или другая религія обусловливала собою ту или другую національность, какъ, по мнѣнію извѣстной партіи у насъ, славянство обусловливается православіемъ, то греки и румыны давно должны бы были обратиться въ славянъ или, по крайней мѣрѣ, ассимилироваться между собою и составить нѣчто среднее. Между тѣмъ ничего подобнаго не случилось. Эти три народа множество столѣтій живутъ рядомъ, а мѣстами, какъ, напримѣръ, въ Македоніи, вмѣстѣ и притомъ до того перемѣшаны, что ихъ и отдѣлить невозможно, и тѣмъ не менѣе каждый народъ и каждая отдѣльная личность въ совершенствѣ сохранили всѣ свои національныя особенности. Общность религіи не только не ассимилировала, но даже и не примирила ихъ между собою. Они такими же заклятыми врагами стоятъ другъ противъ друга теперь, какъ стояли десять столѣтій тому назадъ. Ужъ изъ одного этого примѣра очевидно, что такой безспорно геніальный политикъ, какъ Бисмаркъ, не могъ строить далеко идущаго политическаго плана на такомъ шаткомъ фундаментѣ, какъ религіозный вопросъ. Онъ и не строилъ бы его, еслибъ у этого плана не

[1]) См. выше: апрѣль, 854 стр.

Digitized by Google

было другого, болѣе крѣпкаго и прочнаго основанія—національности. „Австрія должна сдѣлаться прибѣжищемъ и оплотомъ національности, подъ могущественной защитой которой каждая народность могла бы развиваться мирно и свободно". Въ этихъ, или почти въ этихъ, словахъ выразился императоръ Францъ-Іосифъ, въ своей тронной рѣчи при открытіи новой парламентской сессіи полтора года тому назадъ; эта мысль лежитъ въ основѣ всего того, что происходитъ съ тѣхъ поръ въ Австріи и что политическій обозрѣватель „Руси" называлъ „грандіозной системой кокетничанія съ чехами, поляками, хорватами" и пр.; она же положена и въ основу „австрійскаго панславизма". Австрія обѣщаетъ покуда только своимъ славянамъ (хотя имѣетъ въ виду предложить и несомнѣнно предложитъ, въ удобную минуту, и другимъ) обезпечить имъ полную свободу національности, національную самобытность въ предѣлахъ (а другимъ славянскимъ племенамъ подъ защитою) австрійскаго государства. И напрасно московская газета думаетъ, что это только „грандіозная система кокетничанія" и что „славянское простодушіе, какъ водится, кокетства и не замѣчаетъ". Во-первыхъ, австрійскіе славяне вовсе не отличаются такимъ ужъ чрезвычайнымъ простодушіемъ, которое, впрочемъ, въ данномъ случаѣ гораздо вѣрнѣе было бы назвать глупостію, если бы только оно имѣло мѣсто. Во-вторыхъ, политика графа Таафе вовсе не кокетничаніе; это—зрѣлая и строго обдуманная система, идущая къ опредѣленной цѣли—„австрійскому панславизму", и умѣющая выбирать средства. Она также не выдумана, она предписана ему короной, а корона, въ этомъ случаѣ, дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ своимъ другомъ и союзникомъ, Германіей. Шмерлинги, Гербсты и прочіе корифеи нѣмецкой, якобы либеральной, партіи, поставившіе даже крестьянство нѣмецкое на ноги, чтобы остановить правительство на его пути справедливаго отношенія къ славянамъ, давно бы восторжествовали, какъ это и бывало всегда прежде, если бы нынѣшнія стремленія Габсбурговъ не встрѣчали сильной поддержки въ Германіи. Стоитъ обратить вниманіе на то, въ какой тѣсной связи находится, какъ безусловно согласована, внутренняя политика Австріи съ ея внѣшней политикой, чтобы сразу убѣдиться, что тутъ дѣло не въ кокетствѣ. А если при этомъ принять во вниманіе, что такое гармоническое согласіе той и другой политики замѣчается исключительно въ одной Австріи, что одна только эта держава, до того пестрая, что ее по причинѣ пестроты многіе къ смерти приговорили, и какихъ-нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ почти до варварства абсолютистская *дѣлаетъ* у себя дома то, о чемъ *проповѣдуетъ* у сосѣдей, между тѣмъ какъ всѣ другія европейскія государства очень красно говорятъ о національной свободѣ, когда дѣло касается до сосѣдей, а у себя

Digitized by Google

всякое проявленіе такой свободы строжайше подавляютъ; если обратить вниманіе на это въ высшей степени замѣчательное обстоятельство, то станетъ окончательно яснымъ, что руководящіе политики австрійскіе дѣйствуютъ вполнѣ сознательно и съ своей дороги не сойдутъ. А что Австрія дѣйствительно *дѣлаетъ*, какъ я говорю, и дѣлаетъ много и систематично, это доказываетъ все совершающееся въ разныхъ ея провинціяхъ. Не будемъ брать Галицію или Богемію, имѣющихъ множество представителей въ рейхсратѣ и могущихъ поэтому внѣ всякихъ политическихъ плановъ короны, самымъ обыкновеннымъ конституціоннымъ путемъ добиваться своихъ и историческихъ и національныхъ и всякихъ иныхъ правъ. Возьмемъ маленькую, бѣдную, почти забытую и Богомъ и людьми, славянскую провинцію, гдѣ славянское племя было забыто до того, что года два тому назадъ и пикнуть погромче не смѣло—возьмемъ Крайну. Тамъ губернаторствуетъ нынѣ назначенный графомъ Таафе нѣмецъ Винклеръ. Такъ вотъ этотъ нѣмецъ—чистокровный нѣмецъ, замѣтимъ—орудуетъ съ такимъ успѣхомъ, что въ годъ съ небольшимъ вся страна заговорила по-словенски, открыто нѣсколько словенскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и духъ приниженнаго доселѣ словенскаго крестьянства такъ поднялся, что нѣмцы, не массами покуда, а одиночными личностями, но начинаютъ понемножку перебираться въ другія провинціи. Чиновники, закоренѣлые нѣмцы-централисты, потихоньку, одинъ за однимъ переводятся на другія мѣста, а замѣняютъ ихъ все еще нѣмцами, но уже федералистами, отъ которыхъ притомъ требуютъ знанія словенскаго языка. Самъ губернаторъ у себя дома и на оффиціальныхъ пріемахъ говоритъ не иначе какъ по словенски и зачастую, за недостаткомъ чиновниковъ, знающихъ этотъ языкъ, самъ лично переводитъ и переписываетъ самыя даже мелкія бумаги, лишь бы упрочить и узаконить введеніе словенскаго языка въ мѣстной оффиціальной перепискѣ. Распоряженія оффиціальныя печатаются одновременно въ мѣстномъ правительственномъ органѣ и въ словенской газетѣ доктора Босняка, словенскаго депутата и горячаго патріота, дѣятеля, съ которымъ Винклеръ находится въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Мало того, губернаторъ снисходитъ, говорятъ, до журнальной полемики — разумѣется безъ подписи—когда надо защищать свои дѣйствія на пользу словенскаго народа противъ яростныхъ нападокъ нѣмецкой журналистики. Возможно-ли хоть на минуту допустить мысль, что всѣ эти поступки губернатора неизвѣстны въ Вѣнѣ, въ надлежащемъ министерствѣ и въ древнемъ Бургѣ? Разумѣется, нѣтъ, разумѣется, тамъ все знаютъ, какъ нельзя лучше, и одобряютъ.

Перейдемъ теперь въ другую часть монархіи и посмотримъ, что дѣлалось и дѣлается у хорватовъ. Извѣстно, какимъ смѣлымъ и даже

Digitized by Google

рѣзкимъ адресомъ отвѣтили они на тронную рѣчь въ 1878 году. Они тамъ открыто выражали желаніе, чтобъ было возстановлено Тріединое королевство. Но что мало кому извѣстно,—такъ какъ, по причинамъ весьма понятнымъ, объ этомъ ни одна газета, даже венгерская, не упоминала прямо,—это что адресъ хорватскій былъ просмотрѣнъ и одобренъ лично императоромъ прежде, чѣмъ былъ поданъ и даже прежде чѣмъ былъ утвержденъ хорватскимъ сеймомъ. Въ сеймѣ вышло разногласіе. Небольшая группа наиболѣе осторожныхъ депутатовъ, не желая безъ особенной надобности раздражать мадьяровъ, протестовали противъ казавшихся имъ черезъ-чуръ рѣзкими выраженій адреса и Мажураничъ, тогда еще банъ, тоже совѣтовалъ смягчить ихъ. Большинство не соглашалось и Мажураничъ придравшись, не помню ужъ къ какому случаю, поѣхалъ съ адресомъ въ Вѣну. Тамъ онъ былъ принятъ другомъ и покровителемъ хорватовъ, эрцгерцогомъ Альбрехтомъ, а затѣмъ и частнымъ образомъ императоромъ, который прочелъ адресъ и сказалъ Мажураничу: „Ничего, прекрасно, подавайте такъ, какъ есть, ничего не измѣняйте". Впослѣдствіи, политическія условія, необходимость щадить ревнивую щепетильность мадьяръ, заставили императора оффиціально отвѣтить довольно холодно хорватамъ, но хорваты этимъ не были особенно обезпокоены. У нихъ было слово императора Франца-Іосифа, который не меньше покойнаго Виктора-Эммануила заслуживаетъ названіе „честнаго человѣка", и они знали, что присоединеніе Далмаціи къ Хорватіи только вопросъ времени. Теперь, какъ извѣстно, его можно считать уже рѣшеннымъ, а присоединеніе Военной Границы—почти совершившійся фактъ.

Правда, что, рядомъ съ этимъ, чехи все еще не получили своего университета. Но въ этомъ ужъ виноваты не корона и не министерство, а исключительно сами чехи, которые упорно отказываются отъ сооруженія новаго спеціально-чешскаго университета, а требуютъ себѣ непремѣнно нынѣ существующій Пражскій университетъ, хотя онъ, какъ извѣстно, никогда чешскимъ не былъ, и нѣмцы, по численности своей въ Богеміи немногимъ уступающіе чехамъ, имѣютъ полное право сохранить для себя чисто нѣмецкій университетъ въ Прагѣ. Внѣ этого несчастнаго вопроса объ университетѣ, права чешскаго языка сравнены вполнѣ съ правами нѣмецкаго. Даже совсѣмъ въ сущности не нужныя, для успѣшнаго національнаго развитія, историческія права „короны св. Вацлава", и тѣ имѣютъ теперь шансы на возрожденіе. Уже была рѣчь о коронаціи императора чешскимъ королемъ, и императоръ лично вовсе не прочь отъ этого, только будучи прежде всего честнымъ конституціоннымъ монархомъ и разумнымъ человѣкомъ, онъ не желаетъ круто перевертывать все вверхъ дномъ, а идетъ самъ и ведетъ свое государство къ цѣли постепенно.

Digitized by Google

Цѣль же эта,—какъ, полагаю, ясно изъ предыдущаго (я могъ бы привести еще нѣсколько не менѣе рѣзкихъ примѣровъ, но думаю, что въ виду совершающихся у всѣхъ на глазахъ событій, и сказаннаго совершенно достаточно),—цѣль эта есть радикальное преобразованіе всего строя государства, созданіе новой Австріи, построенной на совершенно новыхъ началахъ въ новой государственной рамкѣ. Сама по себѣ эта мысль о новой Австріи не нова. Съ нею давно уже носятся вѣнскіе государственные люди и вся исторія габсбургской монархіи за послѣдніе 32 года, была не чѣмъ инымъ, какъ длиннымъ рядомъ безуспѣшныхъ попытокъ найти ту форму, въ которую могла бы вылиться эта желанная „новая Австрія". Послѣ 1848 года, это думали сдѣлать путемъ террористической централизаціи и унитаризма. Несчастная итальянская кампанія заставила вступить на иной путь, и тогда во-очію убѣдились, какъ абсолютно безплодна была прежняя система, несмотря на оцѣпенѣніе, въ какое она повергла народы Австріи и которое въ Европѣ долго считалось за спокойствіе. При первомъ словѣ свободы, раздавшемся со ступеней трона, въ надеждѣ, что жажда индивидуальной свободы и хоть приблизительно представительнаго правленія, заставитъ всѣхъ забыть свои частныя историческія и національныя права, народы эти пустились въ разсыпную. Мадьяры и хорваты наотрѣзъ отказались вступить въ имперскій парламентъ, чехи вступили лишь подъ условіемъ, что будутъ признаны историческія права ихъ короны, и немедленно ушли, какъ только имъ было въ этомъ отказано. Вмѣсто цѣльнаго крѣпкаго и государственнаго организма, съ братски соединенными народностями, передъ глазами изумленной Европы предсталъ заживо почти разлагающійся трупъ какого-то противуестественнаго чудовища. Зрѣлище было такъ неожиданно и такъ поразительно, что отовсюду поднялся крикъ о предстоящей, въ самомъ непродолжительномъ времени, погибели Австріи. Французскіе писатели и ученые, первые, не задумываясь, рѣшили, что Австрія *не можетъ* жить; за ними къ тому же заключенію пришли и англійскіе; что же касается до насъ, то мы этотъ мудрый приговоръ произнесли еще гораздо раньше, и тогда ухватились только за выводы французовъ и англичанъ, какъ за лучшее и несомнѣнное доказательство безошибочности своего приговора. У насъ причины и основанія этого приговора разработывались такъ тщательно, такъ подробно, доказывались такъ обстоятельно, что право можно до нѣкоторой степени допустить справедливость высказанной однимъ вѣнскимъ гофратомъ мысли, будто именно русскіе ученые и писатели болѣе всего способствовали уясненію для Австріи, гдѣ именно можетъ она, въ случаѣ крайности, искать спасенія. До 1866 года, связанная съ Германскимъ Союзомъ и соперничавшая въ немъ съ Пруссіей, Австрія фактически не могла

Digitized by Google

признать не только первенствующее, но даже равное значеніе славянскаго элемента въ своемъ государствѣ, принуждено было абсолютно во всемъ подчинять его элементу нѣмецкому. Но этотъ годъ, когда совершилось насильственное, но для Австріи спасительное изгнаніе ея изъ Германскаго Союза, указалъ, наконецъ, единственный вѣрный путь къ возрожденію габсбургской монархіи; а послѣдняя наша война съ турками, окончательно приниженная Турцію, дала и такъ долго и тщетно искомую форму „Новой Австріи". Форма эта—федеративная монархія, основанная на принципѣ—не отжившихъ историческихъ правъ, а новѣйшаго, болѣе могущественнаго и полнаго жизненныхъ силъ, права національности. Разъ найдя формулу, всегда—нельзя отрицать этого—отличавшіеся замѣчательнымъ политическимъ тактомъ Габсбурги смѣло, хотя и осторожно, пошли по такому пути, и теперь, всѣми находящимися въ ихъ рукахъ средствами, децентрализуютъ свою монархію, превращаютъ ее въ федерацію. При этомъ они вполнѣ сознаютъ и именно къ этому и стремятся, что федерація эта, по самому существу своему лишенная агрессивнаго характера и силы для нападенія на кого бы то ни было, но за то и по той же причинѣ, одаренная въ высшей степени силой дефенсивной, охранительной, сдѣлается непремѣнно центромъ тяготѣнія и для внѣ ея стоящихъ маленькихъ государствъ и народностей, имѣющихъ, по нѣкоторымъ причинамъ, поводъ опасаться, если не за политическую самостоятельность, то за національную самобытность свою. Болѣе чѣмъ вѣроятное отпаденіе, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, нѣмцевъ отъ этой федераціи, также предвидится Габсбургами и нисколько не страшитъ ихъ. Напротивъ, они также очень основательно видятъ въ этомъ залогъ и гарантію прочной будущности для „австрійскаго панславизма"—я употребляю это выраженіе единственно для того, чтобъ не отступать отъ термина принятаго „Русью", хотя это выраженіе само по себѣ вовсе не рисуетъ основной мысли австро-бисмарковскаго плана, и даже, напротивъ, искажаетъ его. Планъ этотъ имѣетъ въ виду создать не „австрійскій" и не „панславизмъ", а такъ сказать „габсбургскую восточную федерацію", которую потому уже нельзя назвать славянской, что въ нее должны войти въ качествѣ равноправныхъ членовъ и другія національности, а именно: мадьяры, румыны (всѣ вообще) и небольшая часть нѣмцевъ, имѣющихъ, путемъ организованной государствомъ эмиграціи, поселиться на Балканскомъ Полуостровѣ. Центромъ и связующимъ звеномъ этой федераціи служитъ, по мысли плано-составителей, не та или другая національность, изъ которыхъ ни одна не должна господствовать надъ другой, а одинаково внѣ всѣхъ ихъ стоящій домъ Габсбурговъ. Федерація подъ гегемоніей нѣмцевъ всегда была бы предметомъ недовѣрія и страха для сла-

Digitized by Google

ѣнскихъ и иныхъ національностей, которыя никогда не примкнули бы къ ней искренно и всегда старались бы найти себѣ иную точку опоры. Федерація же подъ главенствомъ умудренныхъ горькимъ опытомъ и сдѣлавшихся, вслѣдствіе того, дѣйствительно либеральными Габсбурговъ, не только не заключаетъ въ себѣ ничего страшнаго, но представляетъ даже много преимуществъ, такъ какъ эта государственная форма, обезпечивая законныя права каждой національности, имѣетъ въ то же время возможность сдерживать неумѣренные порывы нѣкоторыхъ изъ нихъ къ нарушенію права другихъ.

Вотъ настоящая суть габсбургско-бисмарковскаго плана. Къ этому остается прибавить только, что Габсбурги далеко не стоятъ съ нимъ совсѣмъ одинокими въ Австріи. Ихъ поддерживаютъ—кромѣ нѣмцевъ федералистовъ, число которыхъ возростаетъ съ каждымъ днемъ,—еще и часть вѣрно-конституціонной партіи, такъ-называемая „боснійская лѣвая", съ Плёнеромъ и Коронини во главѣ. Эти не проникнись еще всѣмъ планомъ, въ полномъ его объемѣ, еще стараются задержать его примѣненіе къ внутреннимъ вопросамъ, но за то внѣшнюю политику одобряютъ вполнѣ и ради нея примирятся очень скоро и съ внутренней.

А теперь возникаетъ самъ собою вопросъ: кто создалъ или, по крайней мѣрѣ, воздѣлалъ для плановъ Австріи почву, кто далъ возможность Габсбургамъ явиться въ вовсе несродной имъ роли охранителей и защитниковъ національности и ея естественныхъ правъ? Кто почти принудилъ славянъ къ печальной необходимости прислушиваться къ обѣщаніямъ Габсбурговъ и во вчерашнихъ заклятыхъ врагахъ провидѣть въ будущемъ, можетъ быть, единственныхъ защитниковъ? Разумѣется тотъ, кто далъ имъ поводъ думать, что наступитъ время, когда имъ понадобится такая защита, тотъ, кто внушилъ имъ серьёзныя опасенія, не только за религіозную свободу, но и за національную самобытность. А кто же это сдѣлалъ, какъ не тѣ же самые русскіе люди, которые и догматъ тождества славянства съ православіемъ провозгласили! Мнѣ почти совѣстно упоминать объ избитой и переизбитой фразѣ о „сліяніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ", но, къ сожалѣнію, ее совершенно невозможно обойдти молчаніемъ, такъ много эта злополучная фраза причинила намъ вреда въ нашихъ отношеніяхъ съ славянами. Сама по себѣ эта фраза, конечно, вполнѣ безобидная и прошла бы незамѣченной, какъ и масса другихъ подобныхъ фразъ, до и послѣ нея. Мало ли что случается иногда поэту сказать просто для звучности стиха! Значеніе положительнаго зла и притомъ очень большого историческаго зла придали этой фразѣ, во-первыхъ, то употребленіе, которое сдѣлали изъ нея наши славянолюбцы en titre, во-вторыхъ совершенно случайное, конечно, но роковое совпаденіе ея съ тенденціями нашей

Digitized by Google

внутренней политики. Послѣ многаго, что говорилось объ этомъ справедливаго, между прочимъ и въ „Вѣстникѣ Европы", быть можетъ, безполезно присоединять еще новыя разсужденія о значеніи языка въ жизни народной вообще и, въ особенности, въ жизни славянскихъ племенъ, которымъ онъ послужилъ почти единственнымъ факторомъ возрожденія. Такъ же, быть можетъ, безполезно вдаваться въ подробное изложеніе грустной роли, которую игралъ и играетъ въ между-славянскихъ отношеніяхъ то обстоятельство, которое въ несчастномъ стихотвореніи, откуда взята и фраза о „сліяніи ручьевъ", названа „споромъ славянъ между собою". Я—не ученый спеціалистъ, а простой наблюдатель современной жизни, познакомившійся со взглядами, симпатіями и мнѣніями славянъ изъ личныхъ сношеній съ ними, во время неоднократныхъ и довольно продолжительныхъ пребываній въ разныхъ славянскихъ земляхъ, гдѣ приходилось сталкиваться и бесѣдовать съ людьми самыхъ разнообразныхъ классовъ,—я могу только, такъ сказать, иллюстрировать взгляды, уже высказывавшіеся въ „Вѣстникѣ Европы" объ этихъ предметахъ, нѣсколькими разсказами изъ своихъ воспоминаній, которые, при всей ихъ частности, не лишены знаменательности. Прежде всего, ни въ одной изъ славянскихъ земель я не видалъ „славянъ". Я видѣлъ чеховъ, поляковъ, русскихъ-русиновъ-русьскихъ (кому какъ угодно назвать ихъ: они сами употребляютъ и то и другое и третье названіе, смотря по тому, къ какой партіи принадлежатъ), словаковъ, хорватовъ, сербовъ, болгаръ, встрѣчалъ черногорцевъ, но не видалъ „славянъ". Пониманія славянской идеи, сознанія общности славянскихъ интересовъ, серьёзныхъ симпатій и влеченія другъ къ другу я не могъ подмѣтить, какъ ни старался, ни въ одной изъ исчисленныхъ народностей. Лица, принадлежащія къ интеллигенціи, при встрѣчѣ съ русскимъ, начинаютъ обыкновенно рѣчь съ изъявленія своихъ нѣжнѣйшихъ чувствъ къ Россіи и пламенныхъ стремленій къ славянской солидарности. Но при дальнѣйшемъ знакомствѣ этотъ русскій, если только предвзятая идея не заполонила окончательно его ума и не лишила его способности правдиво смотрѣть на вещи и на людей, принужденъ бываетъ очень скоро сознаться самому себѣ, что у громаднаго большинства, если не у всего славянства, эти рѣчи суть пустыя слова, разсчитанныя на русское легковѣріе, что въ глубинѣ ихъ не лежитъ никакихъ дѣйствительныхъ симпатій, никакихъ стремленій, а просто частный интересъ той народности, къ которой принадлежитъ говорящій, а иногда и собственный его личный интересъ. Бесѣды съ сербами убѣдятъ всякаго, что въ ихъ глазахъ панславизмъ представляется нѣкоей могущественной машиной, которая поможетъ имъ съѣсть цѣликомъ хорватовъ, проглотить кусочекъ болгарской земли

Digitized by Google

съ ея ненавистнымъ населеніемъ, стереть съ лица земли албанцевъ, оттягать у мадьяръ всѣ тѣ части Венгріи, которыя когда-то, въ пропадающей во тьмѣ вѣковъ древности, принадлежали сербамъ, наконецъ, въ видѣ апоѳеоза ко всему этому, помѣшать дальнѣйшему самостоятельному существованію Черногоріи и болѣе или менѣе самобытному развитію Босніи и Герцеговины. Словомъ, панславизмъ долженъ, по мнѣнію сербовъ, сдѣлаться орудіемъ и слугою другого, единственно дорогого для нихъ пан-сербизма, создавъ для сербовъ то, никогда въ дѣйствительности не существовавшее Душаново царство, которое этотъ знаменитый сербскій царь мечталъ, но не успѣлъ осуществить. Болгары-съ своей стороны также держатъ въ головѣ свой частный пан-болгаризмъ, которому панславизмъ тоже долженъ послужить орудіемъ, помогши ему прежде всего освободиться окончательно отъ турокъ, затѣмъ полакомиться на радости вкусными блюдами изъ сербовъ и румынъ, потомъ—это главное!—уничтожить вѣкового врага болгаръ,—грековъ и, наконецъ, распространить Болгарію отъ моря до моря, разумѣется, со включеніемъ Константинополя. Чехамъ панславизмъ долженъ отдѣлать заново старую корону св. Вацлава и собрать вновь земли „чешской короны“, а затѣмъ уже чехи спокойно предадутся исполненію своей настоящей исторической миссіи, т.-е. обученію невѣжественныхъ другихъ славянъ. (Они ужъ отчасти и начали. Не говоря о нашихъ воспитателяхъ изъ братьевъ, пользующихся такой заслуженной симпатіей всего русскаго общества, массы чеховъ понаѣхали въ Болгарію, особенно въ Рущукъ и въ Софію и пооткрывали тамъ разныя торговыя и трактирныя заведенія и *нѣмецкія* школы). И такъ, каждое изъ славянскихъ племенъ. Въ размѣрѣ силъ и стремленій своихъ, они всѣ разсчитываютъ поживиться чѣмъ-нибудь отъ щедротъ и отъ услугъ могущественнаго „панславизма“, но самого этого таинственнаго незнакомца никто не понимаетъ, не знаетъ и не желаетъ узнать. Извѣстно только, что главнымъ представителемъ и проводникомъ „панславизма“ служитъ великая, богатая и ужасно сильная держава Россія, а затѣмъ ни въ какомъ дальнѣйшемъ знакомствѣ масса славянъ не чувствуетъ потребности. Не чувствуетъ же потому, что безусловно всѣ славяне не-великороссы и панславизма и Россіи до смерти боятся. И эта боязнь въ нихъ совершенно естественна. Даже независимо отъ всякихъ конкретныхъ явленій, уже одно представленіе о могуществѣ таинственнаго панславизма и его представителя, Россіи, заключало въ себѣ нѣчто страшное для маленькихъ и слабыхъ людей, въ которыхъ, помимо ихъ воли, сама собою рождалась мысль: а что, какъ этотъ богатырь, поѣвъ всѣхъ моихъ враговъ, потомъ и самого меня проглотитъ? вѣдь кто его знаетъ, какой у него аппетитъ! А тутъ еще и конкретныя явленія слагались именно

Digitized by Google

такъ, чтобы возбуждать и развивать эту мысль, изъ невольнаго, инволетнаго подозрѣнія превращать ее въ сознательный страхъ предъ грядущей, опредѣленной и всѣмъ понятной опасностію. Русскіе, пріѣзжавшіе къ славянамъ изучить ихъ и познакомить съ собою, соболѣзнуя объ участи бѣдныхъ „славянскихъ ручьевъ", распространялись главнымъ образомъ объ обширности и грозной силѣ „русскаго моря" и о необходимости для ручьевъ слиться поскорѣй съ этимъ моремъ, чтобы вмѣстѣ составить панславизмъ. Первымъ шагомъ къ этому счастливому сліянію должно было служить изученіе всѣми славянами русскаго языка, причемъ, однако, никто ни разу не заикнулся о необходимости взаимности въ этомъ отношеніи, о томъ, чтобъ и русскіе, съ своей стороны, учились славянскимъ языкамъ. Находились, правда, и между славянами ученые, которые, поддѣлываясь подъ тонъ „старшихъ братьевъ", говорили объ идеальныхъ благахъ слія нія и о выгодѣ имѣть одинъ дипломатическій и литературный языкъ. Одни изъ этихъ ученыхъ очень искренно увлекались своими проповѣдями, другіе же... Нѣкоторые изъ нашихъ дипломатовъ могли бы, еслибъ захотѣли, сказать, какова была эта искренность и чего она стоила въ смыслѣ сближенія насъ съ славянами,—сближала ли она насъ дѣйствительно, или разъединяла еще болѣе. Но искренніе или нѣтъ, эти ученые стояли совсѣмъ особнякомъ, среди своего народа. Народъ вездѣ, несмотря на неразвитость его въ большинствѣ славянскихъ племенъ, думаемъ, инстинктивно чувствовалъ, если не сознательно понималъ, всю фальшь того, что̀ ему проповѣдывалось. Немногочисленная интеллигенція славянская поняла, что за этими звучными и съ виду невинными словами „дипломатическій и литературный языкъ", скрывается стремленіе къ постепенному, но вѣрному уничтоженію всѣхъ славянскихъ языковъ, кромѣ русскаго, который, кстати, одинъ и удостоивался названія языка, а прочіе именовались нарѣчіями. Что писать, т.-е. хорошо писать, творить на языкѣ, на которомъ не говоритъ все вокругъ, на которомъ самъ не говоришь у себя дома, въ семьѣ—нельзя, это ясно для всякаго грамотнаго человѣка. А такъ какъ у младшихъ братьевъ славянъ, не исключая даже вчера лишь вышедшихъ изъ колыбели (вѣрнѣе, изъ гроба) болгаръ, гораздо больше грамотныхъ, чѣмъ у насъ, ихъ старшихъ братьевъ, то они очень скоро сообразили, что введеніе литературнаго родственнаго, но не роднаго языка низведетъ родной языкъ на степень грубаго, некультурнаго, мѣстнаго нарѣчія для домашняго обихода, въ объясненіи съ прислугой, съ торговками на базарѣ и т. п.; въ школѣ же онъ останется, многомного, что въ качествѣ вспомогательнаго средства для объясненія непонятныхъ вещей дѣтямъ, да и это лишь временно, покуда вся

Digitized by Google

масса не выучится литературному языку, ввести который придется очевидно даже въ первоначальныя народныя школы, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, народъ былъ бы отлученъ отъ литературы или, иначе говоря, отъ культуры. Ну, а что значитъ для народа его народная рѣчь, какъ она дорога ему — все равно будетъ ли это литературно-обработанный „міровой языкъ", или только грубое, даже совсѣмъ варварское, первобытное „мѣстное нарѣчіе",—это могутъ понять вполнѣ только тѣ несчастные, которымъ запрещаютъ говорить на ихъ языкѣ, которыхъ насильно заставляютъ выучиваться чужому. Мы, русскіе, принадлежимъ къ счастливымъ народамъ, языкъ которыхъ никогда, даже во времена татарскаго владычества, не подвергался гоненію; поэтому изъ насъ только тѣ могутъ составить себѣ приблизительное понятіе объ ужасѣ и жестокости лишенія родного языка, кому случалось долгое время жить за-границей, не встрѣчаясь ни съ однимъ русскимъ и слѣдовательно не слыша русскаго звука. Мнѣ это случалось, и потому-то, можетъ быть, такъ крѣпко залегло въ моей душѣ убѣжденіе, что нѣтъ на свѣтѣ мѣры болѣе возмутительной и безнравственной, какъ лишеніе народа его родной рѣчи. Это хуже даже, чѣмъ средневѣковое гоненіе на религію, потому что горячность религіознаго чувства далеко не во всѣхъ одинакова, слѣдовательно и страданіе отъ попранія этого чувства испытывается не всѣми и не въ одинаковой степени, между тѣмъ какъ гоненіе на родной языкъ поражаетъ всѣхъ одинаково, всѣхъ безъ исключенія заставляетъ страдать однимъ общимъ горькимъ, жгучимъ мученіемъ. Да, это безнравственная мѣра... Я глубоко убѣжденъ, что еслибы самому г. редактору „Руси", напримѣръ, пришлось, ну, хоть мѣсяца три-четыре прожить совсѣмъ одному, хотя бы въ той же самой Болгаріи, гдѣ все же-таки говорятъ по-русски, но плохо, очень плохо, ему никогда не пришло бы въ голову настойчиво совѣтовать болгарамъ выкинуть изъ своего литературнаго языка частицу *то*, да еще мотивировать этотъ совѣтъ тѣмъ, что безъ частицы *болгарскій языкъ сдѣлается ближе къ русскому*. Я только тѣмъ и могу объяснить себѣ этотъ—преподанный молодому народу, уже послѣ его освобожденія—совѣтъ, что г. Ив. Аксаковъ очень рѣдко выѣзжалъ изъ Москвы и слѣдовательно не можетъ вполнѣ понимать всей глубины страстной привязанности народа къ родному языку и его малѣйшимъ особенностямъ. Болгары, въ Восточной Румеліи, не посмѣли ослушаться авторитетнаго голоса г. Аксакова, они издали нѣсколько книжекъ безъ невзлюбленной имъ частицы, но смѣю увѣрить, что книжки эти не послужили лишнимъ звеномъ, соединяющимъ болгаръ съ нами. И то будетъ хорошо, если онѣ не лягутъ лишними камушками въ стѣнѣ, которая можетъ быть со временемъ отдѣлитъ болгаръ отъ насъ. Частица *то* нелѣпа, она портитъ и

Digitized by Google

безъ того довольно грубый болгарскій языкъ; она противна духу славянскихъ языковъ вообще, изъ которыхъ ни одинъ кромѣ болгарскаго не имѣетъ подобной частицы. Но именно потому-то, что она составляетъ характерную этнографическую особенность болгарскаго народа, т.-е. народа, который, только что недавно и то не вполнѣ освободился отъ страшнаго гнета и которому вдобавокъ она можетъ сослужить неоцѣненную службу, когда дѣло дойдетъ до разбора болгаро-сербскихъ правъ на граничащія съ Сербіей части Македоніи и такъ-называемой Старой Сербіи, именно поэтому-то ее и слѣдовало, можетъ быть, пощадить. По крайней мѣрѣ не слѣдовало, можетъ быть, приводить вышесказаннаго мотива въ виду того во-первыхъ, что болгарамъ не безъизвѣстны многочисленные трактаты друзей г. Аксакова о сліяніи (даже и теперь въ „Руси“ помѣщался рядъ статей, гдѣ трактуется о значеніи „мірового русскаго языка“ и *провинціальныхъ* мѣстныхъ славянскихъ нарѣчій), и во-вторыхъ, въ виду того, что среди болгаръ дѣйствовалъ, хоть и не долго, тоже другъ г. Ив. Аксакова — покойный князь Черкасскій. Можетъ быть, и несправедливо и вполнѣ ошибочно, но болгары оцѣнили дѣятельность покойнаго князя въ такомъ смыслѣ, вслѣдствіе котораго исходящіе изъ Москвы совѣты и въ особенности мотивировки ихъ, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, производятъ на нихъ особенно непріятное и для насъ русскихъ, полагаю, весьма нежелательное впечатлѣніе. Понимай г. Аксаковъ значеніе родной рѣчи, и значеніе согласія внутренней политики съ внѣшней, онъ вѣроятно не допустилъ бы въ своей газетѣ и замѣчаній, долженствующихъ быть язвительными, а въ сущности фальшивыхъ насчетъ толковъ и заботъ „нѣкоторыхъ органовъ печати, о распространеніи малорусскаго языка“, съ прибавленіемъ къ этимъ замѣчаніямъ вовсе не тонкихъ намековъ на солидарность органовъ печати съ претензіями кружка украйнофиловъ и приравненія малорусскаго языка къ платдейчу. Печальная исторія съ запрещеніемъ печатанія книгъ, пѣнія пѣсенъ, представленій на малорусскомъ языкѣ и употребленія этого языка въ церквахъ и въ школахъ, такъ сильно поработала надъ расширеніемъ той, и безъ того достаточно глубокой, пропасти, которую образовалъ между славянами и нами „споръ славянъ между собою“; т.-е. попросту говоря, наши отношенія къ полякамъ, что еслибъ только „Русь“ имѣла объ этомъ малѣйшее понятіе, она конечно, поспѣшила бы стать въ первые ряды честныхъ журналистовъ, защищающихъ малорусскій языкъ отъ несправедливыхъ и рѣшительно ничѣмъ не оправдываемыхъ гоненій на него. Я никогда не забуду той нерѣшительности, какъ-бы боязни оскорбить меня, съ которой маститый хорватскій славистъ Кукульевичъ, послѣ долгихъ коле-

Digitized by Google

баній, шепотомъ отвернувшись отъ присутствующихъ, спросилъ меня однажды: „скажите, только не обижайтесь и по совѣсти скажите, правда ли, говорятъ, у васъ въ малорусскихъ губерніяхъ ни въ церквахъ, ни въ народныхъ школахъ не употребляется малорусскій языкъ и даже печатаніе книгъ на этомъ языкѣ запрещено будто бы?“ и то выраженіе горькаго изумленія, почти страданія на лицѣ, съ которымъ бѣдный старикъ молча смотрѣлъ на меня минуты двѣ, когда я, не желая лгать, вынужденъ былъ отвѣтить ему, что да, это правда. „Боже мой, да чтожъ это такое! воскликнулъ онъ, наконецъ, чѣмъ это лучше мадьяръ! А мы, ей-Богу думали, въ полной увѣренности были, что это гнусныя клеветы мадьярскихъ и нѣмецкихъ газетъ. Онѣ вѣдь массу такихъ клеветъ пускаютъ. А тутъ вдругъ правда... Какъ это жаль, какъ это грустно!“ Это восклицаніе привлекло общее вниманіе, къ нашему a parte подошло нѣсколько человѣкъ, стали спрашивать, въ чемъ дѣло... Я отъ души желалъ бы, чтобъ на моемъ мѣстѣ былъ авторъ язвительныхъ замѣчаній въ „Руси“, когда раздалось общее: „Боже всемогущій!“ и затѣмъ посыпались разспросы и комментаріи. А общество состояло человѣкъ изъ 30 разныхъ славянскихъ національностей. При этомъ тотчасъ вспомнили и о привислянскомъ краѣ. Я старался, насколько могъ, растолковать моимъ собесѣдникамъ, что запрещеніе малорусскаго языка есть только временная и притомъ введенная, по распоряженію второстепенныхъ дѣятелей администраціи, мѣра, но боюсь, что мои толкованія не только не ослабили впечатлѣнія, а пожалуй еще подлили масла въ огонь. Но еслибъ все дѣло ограничивалось только подобными эпизодами, это бы еще куда ни шло, а то гоненіе на малорусскій языкъ причинило существенный, въ настоящее время еще почти неисчислимый, вредъ двумъ отраслямъ южно-русскаго племени—галицкимъ русинамъ и венгерскимъ карпато-руссамъ. Особенно послѣднее, злополучное, племя оно совсѣмъ сбило съ толку и даже до сегодня мѣшаетъ его возрожденію, въ гораздо большей степени, чѣмъ самыя притѣсненія мадьяръ. Это можетъ показаться непонятнымъ и даже невѣроятнымъ, но дѣло въ томъ, что наши своеобразные славянолюбцы воздвигли гоненіе на малорусскій языкъ въ Австріи и въ Венгріи гораздо раньше, чѣмъ рѣшились поднять его оффиціально въ самой Россіи. Задавшись, неизвѣстно кому и для чего понадобившейся, цѣлью доказать не только ближайшее кровное родство и полную солидарность, которыхъ никто не отрицалъ, но абсолютное тождество малороссовъ съ великороссами, эти господа задумали, во что бы то ни стало, всѣхъ малороссовъ, гдѣ таковые ни оказались, заставить говорить не иначе какъ по-великорусски. Къ несчастію ихъ, ни запретить народный языкъ, ни ввести обязательное обученіе русскому языку въ Австріи и въ Венгріи было невоз-

Digitized by Google

можно; тогда они повели дѣятельную пропаганду среди галицкихъ и карпатскихъ малороссовъ, убѣждая ихъ добровольно начать говорить по-русски, такъ какъ только этимъ однимъ путемъ они могутъ, будто бы, получить помощь Россіи и дождаться въ скоромъ времени присоединенія къ общей массѣ своихъ братьевъ въ Россіи, а въ противномъ случаѣ Россія ихъ не хочетъ знать и имъ останется только погибнуть подъ бременемъ польскаго и мадьярскаго гнета. Народъ слушалъ эти рѣчи, скорбѣлъ о своей горькой участи, но говорить продолжалъ, разумѣется, по-своему, такъ какъ не могъ же усвоить себѣ чуждую рѣчь наитіемъ святаго духа. Ревнители не смутились. Они принялись и совѣтами и деньгами поддерживать въ Галиціи львовское „Слово", газету политическую и литературную, издающуюся по мнѣнію ея редактора на русскомъ, а въ дѣйствительности, на совершенно карикатурномъ, сочиненномъ языкѣ, въ который вошли русскіе, малорусскіе, польскіе и нѣмецкіе слова и обороты, но который одинаково чуждъ всѣмъ этимъ языкамъ, и въ Карпатской Руси попробовали создать, примѣнялсь къ вкусамъ публики, политико-сатирическую газетку съ картинками „Сову". Послѣдняя, впрочемъ, безвременно погибла въ первый же годъ своего возникновенія, такъ какъ количество ея подписчиковъ, упорно не соблазнявшихся ни характернымъ названіемъ, ни даже весьма недурно исполненными картинками, не достигло даже и до 50. Послѣ такой грустной кончины, ревнителямъ пришлось ограничиться изданіемъ разныхъ народныхъ книжекъ. Эти газеты и книжки издавались при пособіяхъ частію, бывшаго, московскаго славянскаго комитета, частію другого, къ сожалѣнію, болѣе „компетентнаго" учрежденія, что въ значительной степени усиливало вредное вліяніе всѣхъ этихъ затѣй, придавая имъ характеръ, какъ-бы реальнаго политическаго факта. Еще „Слово", благодаря знанію русскаго языка его редактора, и сотрудничеству нѣсколькихъ человѣкъ изъ тѣхъ, что во множествѣ воспитывались въ Россіи, на русскія деньги, въ качествѣ стипендіатовъ, нѣсколько руссифицировалось, а многочисленныя цѣлыми столбцами перепечатки изъ русскихъ газетъ (почти сплошь изъ „Московскихъ Вѣдомостей") придаютъ ему хоть и сильно карикатурный, но все же почти русскій видъ. Но кому удавалось хоть разъ бросить бѣглый взглядъ на покойную „Сову", и на карпато-русскія книжки, тотъ, конечно, навсегда сохранитъ убѣжденіе, что изданіе подобныхъ по истинѣ ужасныхъ произведеній есть не просто праздная затѣя, а положительно политически вредная вещь. Нельзя представить себѣ, что это такое. Это даже не неудобоваримый винигретъ, подобно галицкому языку „Слова",— это какой-то до дикости нелѣпый язычный сумбуръ, гдѣ сохранились только нѣкоторыя русскія слова, но русскіе обороты рѣчи, духъ

Digitized by Google

русскаго языка исчезли безслѣдно. И на этомъ-то противоестественномъ сумбурѣ выучиваютъ говорить и заставляютъ писать несчастныхъ молодыхъ людей, сыновей священниковъ, изъ которыхъ собственно и состоитъ вся маленькая горсточка едва начавшей зарождаться карпато-русской интеллигенціи. А свой родной языкъ, чистый малорусскій языкъ, эти несчастные считали между тѣмъ революціоннымъ. Это премудрое понятіе сообщилъ карпато-русской юной интелигенціи, руководитель ея по пути политическаго спасенія и ревностный пропагандистъ сумбурнаго діалекта, покойный священникъ русской церкви въ окрестностяхъ Пешта, отецъ Кустодіевъ. Въ образчикъ „революціонной" книги мнѣ показали единственную— *Повѣсти Осипа Федьковича!* „Вы читали эту книгу?" спросилъ я.— „Нѣтъ, я подобныхъ мерзостей не читаю, да и никто у насъ не читаетъ. Намъ отецъ Кустодіевъ совѣтовалъ даже сжечь эту книгу". —„Вы, вѣроятно, что-нибудь путаете,—отвѣчалъ я. Отецъ Кустодіевъ не могъ называть вамъ именно эту книгу революціонной, ибо это—прелестнѣйшія художественныя повѣсти одного невиннѣйшаго малорусскаго поэта въ Галиціи, въ которыхъ столько же революціоннаго духа, какъ и въ томъ № „Русскаго Вѣстника", который вы принесли мнѣ вчера". Мнѣ возразили, что книга несомнѣнно революціонна, ибо печатана „кулишовкой" и на украинскомъ нарѣчіи. Это объяснилъ карпато-русской молодежи тотъ же отецъ Кустодіевъ. И она, несчастная, глубоко вѣрила этому, глубоко убѣждена, что все ея и всего народа спасеніе въ дикомъ сумбурѣ, который ее заставляли учить въ качествѣ русскаго языка. Она не подозрѣвала, что именно этотъ-то сумбуръ и сдѣлалъ бы карпато-русскій народъ совсѣмъ чужимъ среди великой русской семьи, еслибы онъ когда-нибудь присоединился къ ней. Можно ли представить себѣ положеніе болѣе трагическое, можно ли выдумать болѣе преступное средство отуплять и развращать умъ народный! Мудрено ли послѣ этого, что начавшееся-было возрожденіе карпато-руссовъ заглохло совсѣмъ и что лучшіе, наиболѣе сильные и живые умы изъ молодежи, не будучи въ состояніи примириться со всей этой ложью и мертвечиной, отшатываются отъ народнаго дѣла и мадьярятся до мозга костей. А народъ? Народъ коснѣетъ въ самомъ жалкомъ невѣжествѣ. Сумбурному языку онъ, конечно, не выучился и не выучится никогда, книжекъ на немъ не читаетъ и въ большинствѣ, по неграмотности, не можетъ читать, а немногіе грамотные крестьяне знаютъ исключительно мадьярскую грамоту. Таковы результаты гоненія на малорусскій языкъ въ Карпатской Руси. Въ Галиціи же, гдѣ языкъ этотъ тоже объявленъ былъ революціоннымъ, оно грозило принести плоды еще горчайшіе. Тамъ, несмотря на всѣ крики о нестерпимомъ польскомъ гнетѣ, о

Digitized by Google

насильственной полонизаціи и т. п., русины пользуются весьма широкой долей національной свободы. У нихъ есть свои школы, отъ первоначальныхъ до высшихъ (во львовскомъ университетѣ, какъ извѣстно, нѣсколько каѳедръ чисто русинскихъ), свои частныя и политическія общества, обладающія значительными капиталами и недвижимыми имуществами, своя печать, свои представители въ сеймѣ и въ рейхсратѣ. *Такъ* угнетенный народъ не столь легко было одурманить, какъ дѣйствительно забитыхъ и приниженныхъ карпато-руссовъ. Русинская интеллигенція возмутилась противъ направленія, которое хотѣли дать ей извнѣ, отвергла съ негодованіемъ замышленное искаженіе языка, этого палладіума національности и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ударилась въ противуположную крайность.

Нашлось нѣсколько человѣкъ, которые, не довольствуясь изданіемъ газетъ, народныхъ и иныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ, стали проповѣдывать, что изученіе русскаго языка, даже настоящаго, совсѣмъ ненужно для галичанъ. Образовалась, такъ-называемая партія „народовцевъ“, враждебная полякамъ, но столь же враждебная и Россіи. Г. Площанскій, редакторъ „Слова“, поклонникъ и подражатель г. Каткова, не преминулъ пустить въ ходъ оружіе, которое съ такимъ успѣхомъ употреблялъ его прототипъ. „Слово“ стало наполняться инсинуаціями, а подъ часъ и прямыми доносами на дѣятельность галицкихъ народовцевъ вообще и на того или другого изъ нихъ въ частности. Газета превратилась въ добровольный суккурсалъ политической полиціи. Борьба завязалась ожесточенная. Общество раздѣлилось на два лагеря, которые не разъ сцѣплялись между собою даже въ публичныхъ собраніяхъ. Но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой борьбы оказалось, что силы противниковъ не равны. Искусственная и крайне неразборчивая на средства партія „Слова“ таяла какъ воскъ. Его перестало читать даже духовенство, которымъ однимъ оно держалось. Стали происходить и повторялись все чаще случаи возвращенія даже даровыхъ экземпляровъ. Насколько дѣятельность г. Площанскаго содѣйствовала успѣху русскаго дѣла въ Галиціи, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ: заимствованныхъ изъ вышедшей въ концѣ 1879 г. книги отца Качалы. „Polityka Poliaków względem Rusi“: „Дѣйствительно, партіи умѣренныхъ (стремящихся къ соглашенію съ поляками), можетъ быть, давно не было бы уже, еслибы „Слово“ и его партія не раздражали и не отталкивали ихъ“ (ст. 364). У того же автора, одного изъ видныхъ народныхъ дѣятелей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ и до прошлаго года депутата въ рейхсратѣ, и въ той же книгѣ, написанной съ открыто заявленной въ предисловіи цѣлью доказать исторически несправедливости поляковъ относительно русиновъ, найдемъ и ясные

Digitized by Google

слѣды впечатлѣнія, произведеннаго на галичанъ запрещеніемъ ихъ родного языка въ Россіи. Вотъ что говорится на стр. 382: „Русинъ въ Галиціи не имѣетъ причины стремиться къ соединенію ни съ православіемъ, ни съ Россіей: а) съ православіемъ потому, что оно должно тоже послужить средствомъ денаціонализаціи; б) съ Россіей потому, что хотя русины въ Галиціи и лишены фактически политическихъ правъ, но все же имъ въ *Австріи живется легче, чѣмъ въ Россіи, гдѣ не только писать, но и говорить и даже петь по-малорусски запрещено*". А десятью страницами выше говорится: „Польско-русскій споръ не есть только споръ двухъ народовъ одного гнетущаго, другого угнетаемаго, а споръ двухъ гегемоновъ за владычество надъ третьимъ народомъ—народомъ русинскимъ".

Такъ выражается человѣкъ, многолѣтней дѣятельностію доказавшій и любовь свою къ народу, и глубокую симпатію къ Россіи. Что касается до поруганной, сбитой съ толку, ожесточенной молодежи, то много и много разъ случалось слышать отъ нея такія рѣчи: „Намъ все равно, подъ кѣмъ собраться—подъ царемъ или подъ цесаремъ (цесаремъ зовется галичанами императоръ австрійскій), лишь бы въ купу. Еще подъ цесаремъ лучше—тутъ насъ давятъ, но не убиваютъ". И это говорили не революціонеры, не соціалисты, а самые простые и благонамѣренные граждане, только любящіе свой народъ и дорожащіе его національной будущностью. Всѣ они, въ былое время, тяготѣли къ своему естественному центру — къ народу русскому, а теперь имъ все равно, гдѣ бы ни собраться, лишь бы оставаться самими собой. И что еще хуже, такъ говорили не одни австрійскіе подданные. Кто виноватъ въ этомъ измѣненіи, кто вложилъ имъ въ сердце страхъ за свое существованіе, если оно будетъ связано съ Россіей?

А чехи и ихъ взглядъ на странное противорѣчіе между нашими внутренними и внѣшними отношеніями? Я жалѣю, что тотъ профессоръ международнаго права, о проповѣди котораго, насчетъ необходимости для русскихъ задавить поляковъ, я говорилъ въ прошлой статьѣ, не могъ присутствовать невидимкой при разговорѣ, который произошелъ послѣ его ухода, между его слушателями. Онъ убѣдился бы во-очію, что проповѣди этого рода, по меньшей мѣрѣ, неумѣстны. „За кого принимаютъ насъ эти люди!"—воскликнулъ прежде всѣхъ хозяинъ, какъ только дверь затворилась за гостемъ. „Да,—подхватили другіе,—должно быть не высокаго мнѣнія о насъ, да и о себѣ тоже, если думаютъ обмануть кого-нибудь такими рѣчами". — „Какъ ни плохо наше положеніе въ Австріи, а какъ же можно сравнить его съ положеніемъ поляковъ въ Россіи! Тутъ даже православнымъ малороссамъ запрещаютъ на своемъ языкѣ говорить, а насъ, католиковъ, разумѣется, сравняли бы въ „правахъ" съ поляками".—„Нѣтъ,

Digitized by Google

ужъ зачѣмъ же намъ такія права, лучше останемся какъ-нибудь при теперешнемъ безправіи. Все же Габсбурги не то"... Мнѣ могутъ сказать, что это единичные и притомъ чисто частные факты. Нѣтъ, не единичные и не частные. Любой русскій, который, поѣхавъ въ славянскія земли, не станетъ съ перваго же шага объявлять себя именно русскимъ, т.-е. великороссомъ, и станетъ прислушиваться, а не проповѣдывать, услышитъ то же самое и вездѣ. Не отличавшееся особеннымъ тактомъ поведеніе нашихъ соотечественниковъ, главнымъ образомъ ревнителей славянства en titre, давно уже пріучило славянъ закрывать свою душу и смыкать уста передъ каждымъ русскимъ. Теперь, чтобы заглянуть въ эту душу и услышать слово правды, надо или выдать себя за инородца, или объявить себя врагомъ славянолюбцевъ. Это очень дико звучитъ: чтобъ добиться искренняго слова отъ *славянъ*, надо объявить себя *врагомъ славянолюбія!* Но что дѣлать, мало ли дикостей и получше этой создала наша своеобразная жизнь.

Если теоріи славянофиловъ и внутренняя политика наша страшили славянъ и толкали ихъ въ сторону Габсбурговъ, то нельзя сказать, чтобъ и многія явленія внѣшней политики не производили подчасъ того же дѣйствія. Трудности дѣла и неблагопріятныя условія заставляли насъ часто прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя придавали нашей политикѣ такой видъ, будто она видитъ въ славянахъ только средство, а не цѣль. Наши самые, казалось бы, наивѣрнѣйшіе приверженцы и друзья — черногорцы и до сихъ поръ съ горечью вспоминаютъ о Бокѣ Которской, уступленной ими Австріи, по приказанію Россіи. Не только такіе дѣятели, какъ Божидаръ Петровичъ, Станко Радовичъ и Мано Врбица, но самые простые, безграмотные вояки говорили не разъ при мнѣ: „Да, кабы тогда не Россія"... Сербы съ немельшей горечью вспоминаютъ, какъ и почему не достался имъ Нишъ въ первый же разъ, какъ они завоевали себѣ относительную независимость. Да и не одно это. Я помню, какъ два года тому назадъ, проѣзжая черезъ Бѣлградъ, случилось мнѣ быть у одного сановитаго приверженца „русской партіи" въ Сербіи. Въ то время Австрія сильно нажимала на бѣдное княжество, желая заставить его принять крайне невыгодныя для него условія торговаго трактата. Понятно, рѣчь скоро обратилась на то, что̀ дѣлать Сербіи, откуда ждать себѣ защиты. „Знаете ли",—сказалъ мнѣ при этомъ мой собесѣдникъ и также, въ родѣ Кукульевича, шепотомъ, наклонясь къ самому моему уху, хотя мы были совсѣмъ одни и даже въ сосѣднихъ комнатахъ не было ни души:—„Знаете ли, что Россія два раза соглашалась отдать насъ Австріи, формальнымъ условіемъ соглашалась допустить присоединеніе Сербіи къ Австрійской имперіи.—„Слышалъ, хотя не отъ русскихъ".—„Это вѣрно, мы знаемъ. Ну, что же вы на это ска-

Digitized by Google

жете?"—„Да что же сказать? По-моему, сказать можно одно: если два раза только соглашалась отдать, то въ третій отдастъ совсѣмъ, если вы будете вѣчно спутывать политику Россіи, вѣчно вызывать усложненія и столкновенія въ такое время, когда она нуждается въ мирѣ. Мы не въ состояніи вести въ настоящее время войны. Мы будемъ разбиты, если полѣземъ теперь въ драку. Еслибъ это случилось, и Россія вынуждена была бы купить миръ цѣною пожертвованія Сербіей, могли ли бы даже вы обвинять ее?"—„Да, конечно, своя рубашка ближе къ тѣлу;—мы сдѣлали бы то же самое". Но я увѣренъ, что, несмотря на полное сознаніе имъ вѣрности этихъ аргументовъ, въ его сербскомъ сердцѣ они заглушались вполнѣ горькимъ сознаніемъ, что „Россія два раза отдавала Сербію Австріи". А теперь уже ни для кого несомнѣнная и даже нашей дипломатіей не отрицаемая сущность извѣстной миссіи графа Сумарокова — согласіе наше на уступку Босніи Австріи? Оно также было дано Россіей по неволѣ; но могутъ ли славяне когда-нибудь примириться съ этимъ? Могли бы, еслибъ увидали зарю новаго направленія и въ политикѣ, и въ общественныхъ убѣжденіяхъ нашихъ; до тѣхъ поръ, пока все будетъ идти по старому, пока въ политикѣ внѣшней будутъ происходить таинственныя, но ни для кого, кому нужно знать ихъ, не тайныя соглашенія, чѣмъ бы таковыя ни обусловливались; пока политика внутренняя будетъ идти по направленію діаметрально противуположному тѣмъ принципамъ, которые провозглашаются за-границей; пока общество русское, устами самыхъ авторитетныхъ ученыхъ и публицистовъ своихъ, будетъ требовать отъ славянъ то отреченія отъ вѣры, то отказа отъ языка и отъ національныхъ особенностей своихъ, — до тѣхъ поръ некого намъ обвинять и нечего плакаться на враждебные планы „австрійскаго" или какого другого панславизма. Мы сами подготовили для него почву, сами посѣяли сѣмена его и теперь должны пожать плоды ихъ.

Въ заключеніе передамъ вкратцѣ еще одинъ частный, но характерный разговоръ. Было это въ 1878 году, въ Пештѣ. Обѣдали мы въ отдѣльной залѣ съ хорватскими и далматинскими делегатами. По обыкновенію, говорили о славянствѣ, о Россіи и пр. Собесѣдники мои, тогда еще мало знавшіе меня, наперерывъ другъ передъ другомъ излагали передо мной свои якобы мнѣнія, которыя, однако, слишкомъ припахивали московскимъ духомъ, чтобъ быть искренними въ устахъ представителей Загреба, Рагузы и Зары. Мнѣ ужъ не въ первый разъ приходилось бесѣдовать съ братьями славянами и я зналъ, какъ надо взяться за нихъ. „Постойте, господа,—сказалъ я: —извините, что прерываю васъ, но все то, что̀ вы говорите, я давно и гораздо подробнѣе читалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и прочихъ нашихъ газетахъ того же толка. Простите за откровенность,

Digitized by Google

но я долженъ сказать вамъ, что не вѣрю вашей искренности, напротивъ, совершенно убѣжденъ, что вы меня обманываете, полагая, что я раздѣляю взгляды г. Каткова и др.". Мои собесѣдники нѣсколько смутились и опѣшили отъ такой, сознаюсь, черезъ-чуръ рѣзкой откровенности.—„Но вѣдь вы же русскій", замѣтилъ одинъ изъ нихъ.—„Да, русскій, только я не сторонникъ „Московскихъ Вѣдомостей". Если хотите, я скажу вамъ, какъ я смотрю на славянское дѣло. Тогда намъ, по крайней мѣрѣ, не придется хитрить другъ съ другомъ".—„Скажите". Я сталъ излагать имъ свой взглядъ, который, не вдаваясь въ подробности, можно передать въ немногихъ словахъ: безусловная честность отношенія ко всѣмъ славянамъ, безусловная свобода каждой, *безъ единаго исключенія*, славянской національности въ общемъ союзѣ всѣхъ. Приведу только двѣ подробности: полная свобода совѣсти и взаимное изученіе языковъ славянами—русскаго, русскими—четырехъ главныхъ славянскихъ: польскаго, чешскаго, сербскаго и болгарскаго. По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, слушатели мои, сидѣвшіе группами по всей длинѣ огромнаго стола, придвигались все ближе и ближе, все тѣснѣй группировались вокругъ меня, и, наконецъ, одинъ изъ старѣйшихъ делегатовъ, меня раньше не знавшій, всталъ, по праву старости, обнялъ меня и со слезами въ дрожащемъ голосѣ повторялъ: „Мой милый, мой милый, благослови васъ Богъ". Сколько бы лѣтъ мнѣ ни пришлось прожить на свѣтѣ, мнѣ никогда не забыть этого благословенія маститаго славянскаго патріота... Въ числѣ присутствующихъ былъ одинъ крайне черно-желтый и даже бѣло-зелено-красный (мадьярскіе цвѣта) чиновникъ. Онъ очень внимательно слушалъ меня и потомъ сказалъ: „Исполненіе вашей программы было бы смертію Австріи".—„Да", замѣтилъ на это одинъ изъ вліятельныхъ хорватскихъ делегатовъ, человѣкъ извѣстный по своимъ черно-желтымъ симпатіямъ: „Да, это была бы смерть Австріи, но тогда дѣйствительно ни одинъ славянинъ не пошелъ бы съ нѣмцами противъ Россіи".—„А, наконецъ-то, вы договорились до искренняго слова. Такъ-какъ вы сами произнесли его, то продолжайте такъ же искренно, скажите: а теперь пойдете?" — „Теперь пойдемъ. Безъ увлеченья, безъ удовольствія будемъ драться, не такъ, какъ дрались бы съ русскими противъ мадьяръ, напримѣръ, но оружія не положимъ, этого нечего говорить; пойдемъ всѣ. Не одни мы, хорваты, а именно всѣ, и чехи тоже пойдутъ, несмотря на свое кокетство съ Москвою".—„Ну, а вы, какъ?" обратился я къ далматинскому делегату.—„Да вѣдь что же дѣлать, когда намъ въ теперешней Россіи мѣста нѣтъ", отвѣчалъ онъ.—„А съ вашей программой и я бы не пошелъ", весело смѣясь воскликнулъ огромнаго роста, полный краснощекій патеръ, то же делегатъ...

Дня черезъ три послѣ этого восемь изъ самыхъ вліятельныхъ

Digitized by Google

депутатовъ пригласили меня обѣдать. Мы, положимъ, всегда обѣдали вмѣстѣ, но по-нѣмецки, каждый на свой счетъ, а тутъ меня приглашали. Обѣдъ сервированъ очень тонкій, вина безподобныя, и когда подали кофе и слуги ушли, мои амфитріоны, усѣвшись поближе вокругъ меня, приступили къ настоящей цѣли всего пиршества. „Скажите,—спросили они, то, что вы намъ говорили тогда, это вашъ личный взглядъ, ваша личная программа, или ихъ раздѣляетъ и какая-нибудь партія?“..

Н. С.

Февраль 1881.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е мая, 1881.

— *Вл. Михневичъ.* Варшава и варшавяне.—Наблюденія и замѣтки.—С.-Петербургъ, 1881.

Г. Михневичъ имѣетъ уже нѣсколько лѣтъ репутацію талантливаго фельетониста. И настоящая его книжка, если не ошибаемся, составлена изъ его фельетоновъ въ одной петербургской газетѣ. „Фельетонъ“ не принадлежитъ къ крупнымъ разрядамъ литературы; масса читателей бросается къ нему обыкновенно съ любопытствомъ, къ которому, однако, прибавляется обыкновенно и нѣкоторая, большая или маленькая, доля пренебреженія, какъ къ вещи, которая насъ можетъ занять, позабавить, но не можетъ имѣть никакихъ дальнѣйшихъ притязаній, напримѣръ, чему-нибудь поучить насъ. Бывали въ европейской литературѣ фельетонисты съ великимъ дарованіемъ, и у насъ бывали писатели этого рода съ замѣчательной подвижностью и остроуміемъ; но всегда къ извѣстности „фельетониста“ примѣшивается что-то, чего, быть можетъ, и не очень желалъ бы самъ фельетонистъ. Виновато въ этомъ, конечно, большинство писателей этого рода, которые, выполняя свою профессію, „занимая“ читателя газеты въ извѣстный день, прибѣгаютъ для этого и къ сомнительному остроумію, и къ сомнительному способу трактовать общественные вопросы. Съ этой стороны, мы очень пожалѣли бы, что г. Михневичъ даетъ въ своей литературной дѣятельности такъ много мѣста именно фельетону. Но фельетонистъ имѣетъ и одно немаловажное преимущество; это—писатель, котораго, обыкновенно, не пропускаетъ читающая публика, и, съ этой стороны, онъ

Digitized by Google

имѣетъ возможность быстрѣе и чаще, чѣмъ другой писатель, дѣйствовать на своихъ читателей; а если онъ человѣкъ съ здравымъ образомъ мыслей, онъ имѣетъ прекрасное средство служить здравому развитію общественныхъ понятій и разсѣянію той безконечной массы непониманія, загрубѣнія, отсутствія сознательной общественной мысли, которыми, къ сожалѣнію, наше общество страдаетъ больше, чѣмъ какое-либо другое европейское общество. Съ этой стороны, „фельетонисту“ можетъ предстоять, хотя скромная, но въ высокой степени почтенная и благодарная задача—служить разъясненію общественныхъ понятій, между прочимъ, и о самыхъ серьёзныхъ предметахъ.

Г. Михневичъ издалъ двѣ-три книжки, спеціально фельетонныхъ, но, между прочимъ, издалъ одну, писанную въ той же манерѣ, но обратившую на себя больше вниманія, чѣмъ обыкновенно обращаютъ фельетоны. Это былъ „Очеркъ исторіи музыки въ Россіи“, книга объ очень интересномъ предметѣ, написанная очень легко, если не съ исторической ученостью, то съ большой и хорошо усвоенной начитанностью. Она была пріятнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей исторической популярной литературы и могла бы стать пріобрѣтеніемъ совсѣмъ серьёзнымъ, еслибы авторъ далъ больше мѣста настоящему историческому изслѣдованію.

Въ этомъ родѣ—и настоящая книга г. Михневича. Онъ старательно заботится сохранить за ней характеръ фельетона, выдаетъ ее не болѣе, какъ за случайныя наблюденія и замѣтки русскаго человѣка, заѣхавшаго изъ любопытства въ Варшаву; но, несмотря на то, въ ней есть точка зрѣнія, болѣе правдивая, чѣмъ сужденія многихъ ученѣйшихъ людей, писавшихъ о томъ же предметѣ серьёзно и тяжело.

Авторъ говоритъ въ предисловіи, что книга его вызвана тѣмъ стремленіемъ къ взаимному сближенію, какое въ настоящую минуту возникло съ обѣихъ сторонъ, русской и польской: обѣ стороны, болѣе или менѣе, сознаютъ, что пора разобраться въ хаосѣ взаимныхъ недоразумѣній, непониманія и недовѣрія и искусственно возбужденной непріязни; но примиреніе возможно только при взаимномъ *ознакомленіи* обѣихъ сторонъ, а именно въ этомъ отношеніи чувствуется большой пробѣлъ и въ русской, и въ польской литературѣ.

Недостатокъ взаимнаго знакомства не подлежитъ сомнѣнію, и, конечно, составляетъ одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ установленію мирныхъ отношеній между двумя народами, живущими въ очень несходныхъ условіяхъ, но въ одномъ государствѣ, между двумя племенами — самыми многолюдными частями славянскаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, огромная масса русскаго общества, унаслѣдовавъ враждебное отношеніе къ Польшѣ и всему польскому, не имѣетъ ни точ-

Digitized by Google

наго понятія о польской жизни и характерѣ, ни о тѣхъ условіяхъ, которыя, несмотря на долгое государственное господство Россіи, не давали образоваться мирной связи между племенами, ни о средствахъ, которыя одни могли бы привести къ этой связи. Мало того, вражда къ Польшѣ и польскому возводится въ русскій національный принципъ; Польша отвергается въ самомъ своемъ существѣ, т.-е., другими словами, у цѣлыхъ милліоновъ, еще живыхъ и дѣятельныхъ, отнимается право на ихъ племенное существованіе (ихъ должно поглотить „обрусеніе"),—и благо еще, еслибы племя все цѣликомъ находилось въ Россіи, а то этого нѣтъ; другіе милліоны того же племени живутъ въ Австріи и Пруссіи, такъ что карательный приговоръ какъ будто хотятъ распространить даже и на тѣхъ, кто находится *внѣ* всякихъ условій обрусенія.

Въ послѣднее время шло дѣйствительно много толковъ о *примиреніи*, хотя при этомъ гораздо больше было наговорено *противъ* этого примиренія, чѣмъ *за* него. Это уже достаточно свидѣтельствуетъ, какъ все еще труденъ вопросъ, какъ мало сознается ненормальная тягость русско-польскихъ отношеній и какъ мало чувствуется широкая политическая важность этого вопроса, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, въ отношеніяхъ Россіи къ славянскому міру, и затѣмъ—къ нѣмецкому міру. Если сопоставить всю важность вопроса, заключающагося въ русско-польскихъ отношеніяхъ, съ тѣмъ уровнемъ понятій, какой господствуетъ въ большинствѣ нынѣшней литературы (и, вѣроятно, общественнаго мнѣнія), то выходитъ несоотвѣтствіе, которое можетъ заставить опасаться многаго въ будущемъ. Такія же опасенія возбуждаетъ, конечно, и другая сторона, польская, съ *своимъ* непониманіемъ этихъ отношеній; но уже было замѣчено, что въ устраненіи печальной взаимной вражды идти впереди слѣдовало бы именно намъ, сторонѣ побѣдившей и господствующей.

Первыя впечатлѣнія автора, отправившагося по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Варшаву, были уже иллюстраціей положенія вещей и приготовляли къ впечатлѣніямъ Варшавы. Нѣсколько русскихъ ѣхало вмѣстѣ въ Варшаву, военныхъ и невоенныхъ, отправлявшихся „по дѣламъ службы", и ѣхалъ также „прусскій подданный", по словамъ автора, невообразимо наглый и глупый нѣмецъ, который напивался на каждой большой станціи и „начиналъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, бранить на своемъ діалектѣ Россію и русскихъ, не слушая возраженій и не стѣсняясь даже сосѣдствомъ суровыхъ (военныхъ) обрусителей" (стр. 2). Нашъ авторъ былъ единственный человѣкъ, который ѣхалъ въ Варшаву не по служебнымъ дѣламъ, а въ качествѣ любознательнаго русскаго путешественника, желавшаго изучить польскую столицу. Авторъ, правда, не хочетъ утверждать, чтобы непремѣнно такой же составъ пассажировъ повторялся на

Digitized by Google

всѣхъ поѣздахъ, идущихъ въ Варшаву и вообще въ царство польское извнутри Россіи; но рѣдкость такихъ поѣздокъ изъ любознательности едва ли подлежитъ сомнѣнію. „Напримѣръ,—говоритъ онъ,—многіе изъ соотечественниковъ и варшавянъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, изъявляли иногда очень наивное удивленіе, когда узнавали, что я пріѣхалъ въ Варшаву не для какой-нибудь „казенной надобности", даже не по коммерческимъ или тяжебнымъ дѣламъ, пріѣхалъ просто—самъ по себѣ, безъ всякой, повидимому, надобности. Внѣ службы и коммерціи, для этихъ людей непонятны и немыслимы какіе бы то ни было интересы и отношенія, могущіе привлекать русскаго человѣка въ среду варшавскаго общества и пріобщать къ его жизни. Объ интересахъ, чисто интеллектуальныхъ, не идетъ даже и рѣчи".

Рядомъ съ этимъ авторъ выноситъ другое впечатлѣніе, столько же вѣрное фактамъ,—именно, что „обрусеніе", о которомъ говорилось нѣкогда такъ много, не нашло себѣ никакой опоры въ русскихъ *общественныхъ* силахъ.

„Теперь,—говоритъ авторъ,—едва ли кто-нибудь станетъ утверждать, чтобы въ „обрусеніи", такъ-называемаго, привислянскаго края принимало дѣятельное участіе русское *общество* и чтобы въ этомъ дѣлѣ сколько-нибудь ясно выразилось воздѣйствіе нашей національной культуры. Хорошо это или худо, но оспоривать факта нельзя".

„Строго говоря,—продолжаетъ авторъ,—это всегда такъ было и иначе быть не могло, по весьма простой причинѣ: Россія съ давнихъ поръ была могуча силами государственными и очень слаба общественными и культурными.

„Вся наша исторія есть, собственно, исторія внѣшняго созданія имперіи и „собиранія" государства, за заботами о которомъ, поглощавшими всѣ народныя силы, у насъ не оставалось уже ни досуга, ни умѣнія устроиться у себя дома. Мы искони умѣли завоевывать „царства и народы", умѣли крѣпко удерживать разъ завоеванное; но на прочную, естественную ассимиляцію и „обрусеніе" своихъ завоеваній *насъ не хватало*, потому именно, что въ нашемъ распоряженіи не было надлежащаго, *единственно* надежнаго для этого цемента—культуры.

„Безсиліе наше въ этомъ отношеніи особенно рельефно сказывалось по отношенію къ такимъ „возсоединеннымъ" землямъ, въ которыхъ была уже, до нашего господства, своя европейская культура, стоявшая на значительной высотѣ развитія по сравненію съ нашей собственной.

„Отсюда-то и возникала иногда печальная необходимость прибѣгать, для достиженія данной цѣли, къ системѣ суроваго принужденія, къ исключительнымъ государственно-административнымъ мѣ-

Digitized by Google

рамъ, которыя, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могли замѣнить плодотворно-мирнаго, культивирующаго воздѣйствія общества, не могли дать, слѣдовательно, желанныхъ результатовъ.

„При иномъ складѣ и болѣе высокомъ уровнѣ силъ общественныхъ, самый вопросъ объединенія и слитія получилъ бы совершенно другое разрѣшеніе, да въ сущности и самаго вопроса такого не было бы, въ смыслѣ какой-нибудь предвзятой, канцелярски-оформленной схемы, осуществляемой предписаніями и мѣрами строгости. Если ужъ неизбѣжно поглощеніе одной національности другою, если необходимо приведеніе всѣхъ составныхъ разноплеменныхъ ингредіентовъ государственнаго цѣлаго къ одному знаменателю, то процессъ этотъ тогда только можетъ быть дѣйствителенъ, проченъ и жизненен, когда основывается на широкомъ развитіи и обобщеніи интересовъ духовныхъ и культурно-экономическихъ, одинаково близкихъ и дорогихъ населенію всей страны, безъ различія племенъ, словомъ, на созданіи такой истинно-ассимилирующей среды, внѣ которой никому не хотѣлось бы оставаться ради собственной выгоды".

Таковы общія разсужденія, съ точки зрѣнія которыхъ представились автору русско-польскія отношенія, видѣнныя въ Варшавѣ. Разсужденія несомнѣнно справедливы, но, несмотря на то, для большинства нашего общества и самой печати онѣ остаются еще непонятны.

Съ внѣшней стороны русская государственная сила поражаетъ въ Варшавѣ своей крѣпостью и непреклонностью. Снаружи Варшава производитъ иллюзію русскаго губернскаго города; вездѣ на стѣнахъ и вывѣскахъ—русскія надписи, хотя иногда безграмотно переведенныя съ польскаго (даже въ казенныхъ мѣстахъ, какъ александровскій паркъ); вездѣ слышна русская рѣчь, хотя ломаная; величественные русскіе храмы, масса правительственныхъ учрежденій русскаго склада, русскіе двуглавые орлы, мундиры, русское теченіе оффиціальной жизни—все это господство русской государственной силы тѣмъ болѣе удивляетъ автора, что онъ видитъ ее одинокою въ этой гигантской работѣ, потому что вліяніе русской чисто-общественной стихіи здѣсь безучастно, если не совсѣмъ отсутствуетъ. Внѣ области оффиціальныхъ отношеній, между русскимъ и польскимъ обществомъ здѣсь нѣтъ никакой внутренней связующей нити, и относительно ея отсутствія ни тамъ, ни здѣсь никто не обманывается. Два общества, связанныхъ единоплеменностью, принадлежностью къ одному государству, оставались и остаются совершенно чужды одно другому и, что всего хуже, ни съ той ни съ другой стороны не пробуждалось даже никакого желанія сблизиться и узнать короче другъ друга.

Это отсутствіе самаго желанія взаимнаго сближенія, по словамъ автора, „съ особенной болью рѣзало въ глаза именно въ наши дни—

Digitized by Google

дни увлеченій славянствомъ и великихъ кровавыхъ жертвъ, принесенныхъ для торжества славянской идеи, для освобожденія и духовнаго объединенія разобщенныхъ вражьей силой сыновъ славянской семьи... Тутъ-то и чувствовалось всего сильнѣе что-то недоговоренное и обойденное, что-то фальшивое въ пережитой нами бурной, столь богатой красивыми словами и патріотическими кликами, эпохѣ увлеченія славянскимъ вопросомъ".

Отчужденіе простирается на всѣ классы польскаго общества, не исключая высшихъ, и самаго интеллигентнаго передового слоя: русская литература полякамъ неизвѣстна, какъ, впрочемъ, плохо извѣстна и всему остальному славянству, кромѣ двухъ-трехъ писателей, на которыхъ и имъ указываетъ извѣстность и успѣхъ этихъ писателей въ европейской литературѣ.

Указавши нѣсколько примѣровъ этого прискорбнаго взаимнаго незнанія, авторъ продолжаетъ: „По всему этому выходитъ такая странность, что добровольцъ-путешественникъ, отправляющійся ради личныхъ впечатлѣній изъ Петербурга въ Варшаву или обратно, совершаетъ, нѣкоторымъ образомъ, открытіе Америки. Въ качествѣ такого-то вольнопрактикующаго Колумба, я и поведу рѣчь объ открытой мною новой диковинной странѣ и ея обитателяхъ".

Разсказъ новаго Колумба можно смѣло рекомендовать, какъ интересное и даже поучительное чтеніе. Авторъ заявляетъ, что онъ „не полонофилъ и не панславистъ", и дѣйствительно, у него нѣтъ пристрастій ни въ ту, ни въ другую сторону, и кромѣ способности къ хладнокровному наблюденію, онъ ранѣе приготовленъ былъ къ своей задачѣ хорошимъ, повидимому, знакомствомъ съ польской литературой. Передъ читателемъ проходитъ разнообразная картина различныхъ сторонъ варшавской и вообще польской жизни. Вотъ программа его книги: вступительныя замѣтки; значеніе Варшавы польско національное и обще-славянское; Варшава, какъ городъ; варшавяне; варшавская общественная жизнь; прошлое польскаго театра; современная польская комедія; варшавскіе театры и музеи; Крашевскій и его юбилей; чего хотятъ и куда идутъ привислянскіе поляки; послѣднее слово польской исторической науки; варшавская журналистика. Мы пожалѣли, что въ этомъ ряду достопримѣчательныхъ предметовъ варшавской жизни нѣтъ главы о варшавскомъ университетѣ: это—предметъ также очень любопытный и заслуживающій вниманія въ разныхъ отношеніяхъ.

Не знаемъ, обратитъ ли этотъ опытъ ближайшаго ознакомленія съ Варшавой вниманіе на себя въ самой Варшавѣ, а это было бы желательно: въ наблюденіяхъ русскаго автора есть, относительно польской литературы и, напр., особенно театра, критическая струна

Digitized by Google

зрѣнія, воспитанная понятіями русской литературы и часто несомнѣнно справедливая. Еслибъ установилась когда-нибудь эта взаимная разумная повѣрка двухъ литературъ, это могло бы принести только пользу обѣимъ.

Мы указывали, что авторъ самъ заявляетъ о своемъ безпристрастіи отказомъ отъ полонофильства и панславизма; безпристрастіе и необходимо въ подобныхъ спорныхъ и щекотливыхъ предметахъ; — но должно все-таки остерегаться, чтобы это прекрасное качество иной разъ не впадало въ свою крайность, которая есть — индифферентизмъ.

— *Калевала*, финскій народный эпосъ. Перевелъ *Э. Граншремъ*. Спб. 1881.

Знаменитая Калевала, сборникъ финскихъ эпическихъ пѣсенъ, была впервые издана и изслѣдована не далѣе какъ въ тридцатыхъ годахъ, въ особенности—трудами финскаго филолога Лепрота. Эти пѣсни хранились и собраны въ особенности въ русскихъ поселеніяхъ финновъ, въ архангельской и олонецкой губерніяхъ,—въ томъ родѣ какъ масса русскаго народно-эпическаго матеріала собрана была въ томъ же олонецкомъ захолустьѣ покойнымъ Гильфердингомъ—славный научный подвигъ, къ сожалѣнію стоившій жизни самоотверженному ученому. Финскій эпосъ нашелъ уже многочисленныхъ, финскихъ и шведскихъ, комментаторовъ и изслѣдователей, переведенъ былъ у насъ на нѣмецкій языкъ, но въ русской литературѣ вполнѣ еще не былъ извѣстенъ. Переводчикъ указываетъ русскимъ читателямъ, которые интересовались бы финской народной поэзіей, на журналы „Финскій Вѣстникъ“ (Дершау) и „Сѣверное Обозрѣніе“ (1845—50 г.) и на цѣнный трудъ г. Гельгрена, стихотворный переводъ эпизода изъ Калевалы, „Куллерво“, вышедшій въ 1880 въ Москвѣ. Можно было бы прибавить еще указаніе на популярное изложеніе „Калевалы“, сдѣланное въ одномъ изъ педагогическихъ изданій г. Чистякова. Переводъ г. Гранстрема (сдѣланный съ шведскаго) назначенъ также не для научныхъ цѣлей, но для популярнаго чтенія, и этотъ трудъ можно рекомендовать тѣмъ, кто захочетъ познакомиться съ знаменитымъ финскимъ эпосомъ: переводъ читается очень легко.

Не говоримъ объ оригинальности характера и содержанія этого произведенія: это—нѣчто совершенно своеобразное, какъ самая народность, первобытно фантастическое, вставленное въ рамки суровой, сумрачной, грандіозной сѣверной природы, и въ рамки народнаго финскаго быта, оноэтизированнаго до размѣровъ героическихъ подвиговъ и волшебства.

Русскій переводъ поэмы, которому давно пора было бы явиться, напоминаетъ еще одинъ изъ пробѣловъ нашей научной литературы. Много-

Digitized by Google

людное финское племя чуть не все цѣликомъ находится въ предѣлахъ Россіи; съ первыхъ вѣковъ оно, различнымъ образомъ, играетъ роль въ русской исторіи; оно, несомнѣнно, послужило однимъ изъ обильныхъ ингредіентовъ русской народности, именно сѣверной, великорусской; оно до сихъ поръ составляетъ, въ разныхъ вѣтвяхъ, цѣлыя поселенія и острова среди населенія русскаго, съ сѣвера до средней Россіи, гдѣ постепенно донынѣ обрусѣваетъ: и между тѣмъ, для изученія этого племени, именно въ его отношеніяхъ къ русской древности и народности, сдѣлано очень мало. Въ нынѣшнемъ году празднуетъ свой 50-лѣтній юбилей финское ученое общество, поставившее своей задачей разнородное изученіе финской народности, быта, исторіи, поэзіи, языка; оно успѣло, дѣйствительно, совершить въ этотъ періодъ времени замѣчательные труды, большого научнаго интереса и достоинства. Это — труды ученыхъ финскихъ и шведскихъ, къ которымъ примыкаютъ нѣмецкіе труды нѣсколькихъ членовъ нашей академіи наукъ; но труды, собственно русскіе, въ этой области, если не совсѣмъ отсутствуютъ, то составляютъ все-таки нѣчто, едва замѣтное. Между тѣмъ, только русскимъ ученымъ и доступно было бы вполнѣ изученіе вопроса съ той его стороны, на которую мы указывали—со стороны отношеній къ русской исторіи и народности, такъ-какъ при этомъ необходима была бы и разработка обширнаго русскаго матеріала. Пока, подобныя изученія только еще начинаются, и въ популярномъ обращеніи ходятъ очень смутныя свѣдѣнія о финскомъ племени; поэтому, еслибы переводчику „Калевалы“ довелось дѣлать новое изданіе своего труда, онъ оказалъ бы большую услугу читателю, прибавивши къ поэмѣ небольшой комментарій, который помогъ бы читателю ріентироваться въ содержаніи поэмы — въ финской миѳологіи, быту и преданіяхъ.

— Неудачная экспедиція въ Китай 1874—1875 гг. Въ отвѣтъ на защиту г. Сосновскаго по поводу книги „Путешествіе по Китаю“. *П. Я. Пясецкаго.* Спб. 1881.

Въ свое время мы говорили о замѣчательной книгѣ д-ра Пясецкаго: „Путешествіе въ Китай“. Новая книга его, посвященная тому же путешествію, подъ приведеннымъ заглавіемъ, имѣетъ, какъ видно изъ разсказа автора, слѣдующую исторію. Въ концѣ прошлаго года сочиненіе г. Пясецкаго вызвало статью (въ „Голосѣ“) г. Боярскаго, участвовавшаго же въ экспедиціи въ качествѣ фотографа. Въ этой газетной статьѣ „Путешествіе въ Китай“ трактовалось, какъ книга, весьма ничтожная и, главное, извращавшая факты. Доказательства представлены не очень многочисленныя, касавшіяся больше мелочей, по словамъ г. Боярскаго неправильно переданныхъ въ „Путешествіи“;

Digitized by Google

кромѣ того дѣлались какіе-то намеки, для читателя мало понятные и о которыхъ онъ лишенъ былъ возможности судить, и на весь трудъ г. Пясецкаго набрасывалась тѣнь недобросовѣстности. Авторъ „Путешествія“ доставилъ въ редакцію „Голоса“ отвѣтъ, предполагая, по литературнымъ обычаямъ, что отвѣтъ будетъ напечатанъ, когда было напечатано нападеніе; въ своемъ предположеніи авторъ ошибся: отвѣтъ не былъ принятъ. Но авторъ никакъ не хотѣлъ оставить дѣла невыясненнымъ; онъ рѣшилъ издать отдѣльно свой отвѣтъ и, не стѣсняемый уже предѣлами газетной статьи, вошелъ въ подробныя разъясненія, и,—вмѣсто статьи въ 300 строкъ, явилась книга въ 300 страницъ.

Мы не имѣемъ возможности входить въ детали этой полемики; можно сказать одно, что книга очень занимательна—предметомъ ея является окончательное выясненіе вопроса о характерѣ русской экспедиціи въ Китай 1874—75 г. и о причинахъ, почему она была такъ неудачна. Тѣмъ, кто знакомъ съ „Путешествіемъ“, безъ сомнѣнія, любопытно будетъ прочесть объясненія г. Пясецкаго на тѣ уничтожающіе отзывы, какіе сдѣланы были его противниками въ лицѣ г. Боярскаго. Но настоящая книга можетъ быть одинаково интересна и для тѣхъ, кто не читалъ самаго „Путешествія“. Въ своемъ нынѣшнемъ отвѣтѣ авторъ привелъ изъ прежней книги обширныя цитаты по всѣмъ тѣмъ пунктамъ, которыхъ коснулось обвиненіе г. Боярскаго, такъ что и для читателя, незнакомаго съ „Путешествіемъ“, разсказывается вся исторія экспедиціи въ ея наиболѣе критическихъ минутахъ. Съ новыми подробностями о путешествіи, вынужденными у него для объясненія нападокъ, отвѣтная книга г. Пясецкаго получаетъ особенное значеніе.

Г. Пясецкому пришлось писать pro domo sua. Это положеніе бываетъ часто очень трудно; если надо защищать свой трудъ противъ обвиненія, прямо враждебнаго, и которое не можетъ быть ясно постороннимъ читателямъ, то приходится самому указывать достоинства своего труда—положеніе столь щекотливое, что многіе, чтобы избѣжать его, совсѣмъ покидаютъ защиту своего дѣла, ожидая, что это сдѣлаетъ кто-нибудь другой. Часто этотъ другой и находится; но въ данномъ случаѣ дѣло было гораздо труднѣе: „другой“ можетъ признать только общую заслугу автора (она была оффиціально признана Имп. Географ. Обществомъ), но не можетъ стать судьей частностей, происходившихъ въ далекой недоступной странѣ, гдѣ всѣхъ участниковъ дѣла, способныхъ о немъ судить, было пять-шесть человѣкъ. Приходится защищать самому свое дѣло, самому объяснять его значеніе.

Авторъ вышелъ изъ этой трудности съ большимъ достоинствомъ,

Digitized by Google

и его слова, по этому поводу, могутъ быть хорошимъ поученіемъ для многихъ (у насъ, теперь особенно, слишкомъ многихъ), кому несовсѣмъ понятны нравственная сила и отвѣтственность печати.

Г. Пясецкій такъ заканчиваетъ защиту своего труда:

„...Мой трудъ мнѣ только тѣмъ и дорогъ, что все въ немъ—правда: я могъ заблуждаться, но не могъ сознательно и умышленно говорить не то, что я думалъ и зналъ,—если ужъ не въ силу нѣкоторой, заурядной порядочности, какою обладаетъ каждый, сколько-нибудь уважающій себя человѣкъ, то хотя изъ того страха, въ правилахъ котораго воспитывалъ насъ г. Сосновскій во время путешествія... „Богъ долго терпитъ, да больно бьетъ"! говаривалъ онъ намъ; и не разъ указывалъ, и намъ, и китайцамъ именно на печатное слово, какъ на самое могущественное средство карать человѣческіе пороки. И, слушая его, я вполнѣ раздѣлялъ справедливость его возрѣній: да,—думалъ я тогда про себя,—это печатное слово—опасная вещь; оно-то, пожалуй, и есть тотъ неумолимый бичъ Божій, которымъ онъ поражаетъ насъ, „лгуновъ, обманщиковъ и клеветниковъ", избирающихъ въ жизни „кривые" пути для достиженія своихъ негласныхъ цѣлей. Я вполнѣ тогда понималъ и понимаю теперь, какъ ужасно должно быть справедливое печатное слово, когда оно изобличаетъ насъ въ чемъ-нибудь, что не относится къ чести нашей... Да и кто же этого не знаетъ?! Кто станетъ отрицать, что всѣ мы очень чувствительны къ тому, что оно говоритъ о насъ, что мы такъ внимательно прислушиваемся къ отзывамъ печати! Вѣдь печать есть слово цѣлаго міра, есть міровой судъ, къ приговорамъ котораго съ небрежностью относиться никто не можетъ, въ какомъ бы положеніи въ государствѣ онъ ни находился... Вотъ почему печатаніе о комъ-либо оскорбительныхъ для его чести и самолюбія словъ и отказъ дать мѣсто его самозащитѣ есть актъ жестокій и несправедливый; и если онъ возмущаетъ насъ, то это только свидѣтельствуетъ о нашемъ почтеніи и уваженіи къ печати или къ ея данному органу. Вотъ почему только и указалъ я на отношеніе ко мнѣ редакціи газеты „Голосъ", какъ на незаслуженно-обидное... И не назвала ли бы она меня сама, по крайней мѣрѣ, страннымъ человѣкомъ, еслибы я потерялъ чувство стыда и оставался бы равнодушнымъ ко всему, что бы ни сказала она про меня цѣлому міру. Или, наоборотъ, не значило ли бы, что такой-то органъ печати совсѣмъ потерялъ общее уваженіе, еслибы къ словамъ его всѣ относились, какъ къ такимъ, на которыя не только обижаться нельзя, но и обращать вниманіе не стоитъ... Нельзя же этого сказать про такую газету, какъ „Голосъ".

„Нѣтъ, никогда печать не потеряетъ своего могущества надъ людьми; никогда не смолкнетъ на землѣ „гласъ народа", который

Digitized by Google

не даромъ называютъ „гласомъ Божіимъ“, выраженіемъ и средствомъ котораго было и есть человѣческое слово и по преимуществу печатное. Вотъ за него-то, за честно сказанныя мною слова моей книги и вступаюсь я въ настоящемъ случаѣ; вступаюсь за всѣхъ, кто говоритъ и будетъ говорить правдиво и честно, что̀ кому доведется сказать, а не за себя исключительно... Я, одинъ, ничего не значу. Что я—для Россіи?! Листъ съ дерева „лѣсовъ ея безбрежныхъ“,—атомъ ничтожный; но печать есть одна изъ силъ, распоряжающихся атомами, изъ которыхъ состоятъ націи; она является или силой созидательной, скрѣпляющей ихъ, или дѣйствующей на нихъ губительно и разъединяющей ихъ... Унизьте и оскорбите человѣка только разъ, за такое его дѣло, которое онъ исполнилъ съ беззавѣтной любовью къ родинѣ и полной готовностью служить ей по мѣрѣ своего умѣнья, и вы не только не прибавите ему силъ, а не съ разу поднимете и тѣ, какія были; а если еще, на ряду съ оскорбленіемъ за честно исполненное дѣло, вы станете защищать оскорбителя и то, что̀ у всѣхъ считается предосудительнымъ, то этого достаточно, чтобъ погубить въ человѣкѣ не малую долю его добрыхъ наклонностей и стремленій, или, по крайней мѣрѣ, охладить въ немъ тѣ порывы, которые, вѣдь за что же нибудь да называются у людей благородными и представляютъ далеко не пустой придуманный звукъ, а служатъ выраженіемъ одной изъ сторонъ человѣческой натуры.

„Я не писатель и не имѣю ни малѣйшихъ претензій на какое-нибудь значеніе моего труда въ русской литературѣ; но написанная мною книга есть все же трудъ; она останется, и вопросъ о ея правдивости или лживости—вопросъ не ничтожный; такъ можно ли допустить, чтобъ подобные (хоть по объему) труды сбрасывались, такъ сказать, подъ лавку, какъ ни на что негодная вещь, однимъ почеркомъ такого пера, которое пишетъ разные *матерялы съ ресунками* и *всью*, *двесты*, *солъй*. (Въ книгѣ г. Пясецкаго приведены оффиціальные образчики этой орѳографіи г. Боярскаго и доказывается, что письмо въ „Голосѣ“ не есть вовсе сочиненіе г. Боярскаго, а составлено г. Сосновскимъ, а г. Боярскимъ дана только подпись). Положимъ, что это фактъ и немыслимый, и желаніе недостижимое, но надо же оградить честь и время людей, дѣлающихъ что-нибудь гораздо больше для другихъ, чѣмъ для себя; надо, чтобы каждое перо писало то, что̀ ему писать надлежитъ, и подписывало только свои, а не чужія произведенія, когда послѣднимъ придается характеръ вполнѣ искреннихъ и безусловно правдивыхъ свидѣтельскихъ показаній, а не обманывало общества“.

Digitized by Google

— Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра. Книга первая. (Два выпуска). Изд. подъ редакціей В. С. Иконникова. Кіевъ, 1880.

— Андрея *Стороженка*, Очерки изъ исторіи чешской литературы. I. Рукописи Зеленогорская и Краледворская. Выпускъ 1-й. Очеркъ литературной исторіи рукописей (1817—1877). Историко-библіографическое изслѣдованіе, удостоенное совѣтомъ Импер. университета св. Владиміра, въ засѣданіи 16-го декабря, 1878 года, награжденія золотою медалью. Кіевъ, 1880.

Въ такую минуту, какъ теперь, когда въ разныхъ университетахъ происходили болѣе или менѣе крупные и, во всякомъ случаѣ, прискорбные безпорядки и газетная печать занималась этими происшествіями, отчасти справедливо ихъ осуждая, но чаще извращая факты и всѣя раздоръ между университетскими властями и слушателями,—пріятно отмѣтить изданіе какъ то, заглавіе котораго мы выписали. Это изданіе есть явленіе пріятное въ разныхъ отношеніяхъ. И друзья, и враги университетовъ, въ ихъ нынѣшнемъ быту, согласно признали, что дѣятелями и участниками безпорядковъ являются исключительно студенты 1—2 курсовъ, но что старшіе курсы въ нихъ обыкновенно вовсе не участвуютъ и ихъ не одобряютъ. Кажется, ясный выводъ изъ этого наблюденія—тотъ, что настроеніе юношества, способствующее безпорядкамъ, не есть вовсе созданіе самой университетской среды, но что, напротивъ, чѣмъ дольше юноша остается въ этой средѣ, тѣмъ меньше онъ поддается безпорядку, и что, слѣдовательно, причинъ упомянутаго настроенія надобно искать не въ университетѣ, а въ той школѣ, которая даетъ своимъ питомцамъ классическую „зрѣлость“, но не даетъ имъ никакой нравственной выдержки. Университетамъ достается только расхлебывать кашу, вовсе не ими изготовленную, и которая приходится имъ наконецъ черезчуръ солона.

Прибавимъ, для избѣжанія недоразумѣній, что бѣда этой школы—не въ самомъ классицизмѣ (въ извѣстной мѣрѣ—но только не въ томъ видѣ, какъ теперь—онъ можетъ имѣть мѣсто въ школѣ), а въ цѣлой постановкѣ школьнаго курса, которая, отрывая школу отъ семьи, отрывала ее отъ общества, отъ пониманія дѣйствительной жизни, превращала школу въ какую-то учебную казарму и ученіе—въ выучку и дрессировку, не давала юношеству (вступавшему въ казарму съ дѣтскихъ лѣтъ) ни добраго слова, ни вниманія къ дѣтской природѣ, ни нравственнаго примѣра, какой дается нравственной самостоятельностью и достоинствомъ самого учебнаго и начальственнаго персонала. Юношество дичало, и въ этомъ одичавшемъ видѣ являлось въ университеты и другія высшія школы.

Понятно, что университетская среда не вдругъ одолѣвала и очищала эту одичалость,—она и держится въ первыхъ двухъ курсахъ.

Digitized by Google

Не можемъ, къ сожалѣнію, сказать, чтобы составъ самихъ университетовъ въ настоящее время не давалъ повода къ очень серьёзнымъ упрекамъ. Долгій министерскій режимъ, грозившій и той скромной автономіи, какую имѣли университеты, эта жизнь науки подъ дамокловымъ мечомъ канцеляріи, не способствовали тому, чтобы въ профессорскомъ персоналѣ развивалось чувство свободнаго достоинства, которое и было бы авторитетомъ для учащихся; характеры портились и падали; иной разъ даже вопросы науки подгонялись подъ вкусы бюрократической канцеляріи. Но при всемъ томъ, духъ науки не погибъ совсѣмъ; она все еще имѣла своихъ преданныхъ работниковъ и представителей, и это была именно та сила, которая наконецъ успѣвала оказывать свое дѣйствіе на молодые умы, выводить ихъ на дорогу здравой критики, успокоивать раздраженное чувство. Намъ случалось указывать, въ „Литературномъ Обозрѣніи", замѣчательные труды питомцевъ петербургскаго университета, написанные въ качествѣ студенческихъ диссертацій. Теперь, въ названномъ „Сборникѣ", мы имѣемъ цѣлый рядъ прекрасныхъ студенческихъ работъ кіевскаго университета. Эти труды свидѣтельствуютъ, что среди всѣхъ треволненій, окружающихъ учащееся юношество въ послѣдніе смутные годы, серьёзный научный трудъ продолжаетъ привлекать его. Съ другой стороны, наша научная литература получаетъ въ этихъ трудахъ нѣсколько весьма полезныхъ пріобрѣтеній.

Въ первомъ выпускѣ „Сборника" помѣщены слѣдующія работы студентовъ, напечатанныя съ одобренія факультетовъ и собранныя здѣсь изъ кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстій" 1878—80 годовъ: Исторія Льва Діакона, какъ источникъ для русской исторіи, Дм. *Багалѣя;*—хроника Дитмара, какъ источникъ для русской исторіи, Петра *Голубовскаго;*—Свѣдѣнія о Руси, встрѣчающіяся въ хроникѣ польскаго лѣтописца Мартина Галла, Антона *Врублевскаго;*—Хроника Кадлубка, какъ источникъ для русской исторіи, Якова *Ярмоховича;*—Записки о Московіи Іоанна Перштейна (Кобенцела) и принца Данінла фонъ-Бухау, Дм. *Багалѣя;*—Еврипидова трагедія „Вакханки", переводъ и примѣчанія Петра *Кончука;*—Очеркъ литературной исторіи Зеленогорской (Судъ Любуши) и Краледворской рукописей, Андрея *Стороженка* (семь главъ).

Работа г. Стороженка явилась и въ отдѣльномъ изданіи, названномъ нами выше; но въ послѣднемъ трудъ является уже законченнымъ (двѣнадцать главъ). Тѣмъ, кто знакомъ хоть нѣсколько съ чешской литературой, хорошо извѣстны знаменитые памятники, которые послужили предметомъ изслѣдованія г. Стороженка, и тотъ длинный и настойчивый съ обѣихъ сторонъ споръ объ ихъ подлинности. Авторъ представилъ чрезвычайно обстоятельное изложеніе этого спора,

Digitized by Google

цѣлой учено-литературной драмы, финалъ которой все еще ожидается.

Второй выпускъ „Сборника" весь занятъ сочиненіемъ Павла *Березанскаго:* „Обычное уголовное право крестьянъ Тамбовской губерніи", составляющимъ подробное, систематическое изслѣдованіе оффиціальнаго матеріала, который представляютъ „Труды коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ",—относительно Тамбовской губерніи.

Отъ души привѣтствуя эти труды, пожелаемъ ихъ авторамъ не кончать на своихъ кандидатскихъ и медальныхъ диссертаціяхъ и, хотя бы не на спеціально ученомъ поприщѣ, сохранить благородную любовь къ наукѣ, въ которой—одно изъ главныхъ спасеній для нашего общества. Наукѣ у насъ все-таки приходится иногда слишкомъ жутко, и надо желать ей больше убѣжденныхъ и вѣрныхъ дѣятелей.

— О Компромиссѣ. *Джона Морли.* Переводъ *М. Цебриковой.* Петербургъ. 1881.

Редакторъ англійскаго, довольно распространеннаго, журнала „The Fortnightly Review", Джонъ Морли (Morley), еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ помѣщалъ на страницахъ своего изданія не мало бойкихъ статей, касающихся политическаго компромисса, то-есть тѣхъ границъ политическаго соглашенія, за которыми слѣдуютъ или шаткость убѣжденій при необузданныхъ порывахъ къ ихъ осуществленію на практикѣ, или слѣпое поклоненіе авторитету и обычаю при малодушіи, нерадивости и даже боязни всего новаго и свѣжаго. Статьи молодого публициста обратили на себя вниманіе не столько глубиной философскаго взгляда, сколько ловкимъ сопоставленіемъ тезисовъ англійскихъ и французскихъ мыслителей въ примѣненіи къ политической практикѣ англійской жизни. Дѣйствительно, Морли мастерски умѣетъ группировать и прошлое, и дѣйствительность для освѣщенія такихъ тезисовъ. Статьи автора—не жгучій памфлетъ, но и не политическій трактатъ; это—рѣчи умнаго и образованнаго человѣка, обращенныя къ обществу, у котораго въ достаточной мѣрѣ развита привычка политически мыслить. Для англичанъ книга Морли имѣетъ еще и ту привлекательность, что съ неменьшимъ искусствомъ авторъ умѣетъ льстить національному самолюбію, указывая, напримѣръ, на то, что хотя англійскій народъ мало впечатлителенъ въ области воображенія, но что онъ хорошо поработалъ міру, что за нимъ остаются блестящія историческія традиціи славной борьбы за честное дѣло. Важны настроеніе ума и образъ дѣйствія не заурядnаго человѣка, говоритъ Морли, а тѣхъ, которые должны стоять выше уровня заурядности, которые ведутъ или должны

Digitized by Google

вести націю, и только ими, по его мнѣнію, отчѣняются признаки подъема ея жизни.

Большой поклонникъ французскихъ энциклопедистовъ, посвятившій нѣсколько „опытовъ“ французскимъ мыслителямъ, Морли, въ своихъ политическихъ сужденіяхъ и въ выводахъ остается большимъ ихъ послѣдователемъ. Слѣдуя имъ, онъ талантливо строитъ отвлеченныя политическія формулы; но строитъ ихъ на голыхъ доктринахъ, къ которымъ искусственно подгоняетъ факты дѣйствительности прошлой и настоящей. Новыя, не столько бросающіяся въ глаза, кропотливыя, однообразныя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе точныя методы изученія соціальныхъ вопросовъ оставляются авторомъ въ сторонѣ. Для него отдѣльныя личности дѣлаютъ исторію; руководящія начала, опредѣляющія прогрессивное движеніе, складываются въ умахъ избранныхъ личностей; для него нѣтъ закона, нѣтъ порядка, которые удовлетворяли бы правдѣ и справедливости и были предъявляемы изъ-подъ спуда массовыхъ желаній, опредѣлялись бы народными стремленіями. Вмѣсто сухихъ данныхъ народной статистики и общественной психологіи, Морли довольствуется сентенціями энциклопедизма прошлаго вѣка и строитъ апріорныя формулы соглашеній и уступокъ между старымъ и новымъ, между авторитетомъ, обычаемъ, традиціями и свѣжими идеями, рвущимися къ примѣненію въ дѣйствительности. Спорный вопросъ опредѣляется у него, напр., такими заключеніями: „въ положительныхъ попыткахъ осуществить идею, воплотить теорію на практикѣ весьма часто бываетъ въ высшей степени необходимо уступать предразсудкамъ большинства, преклоняться предъ условіями status quo, держаться самой крайней трезвости, сдержанности и миролюбія; но затѣмъ самое высказыванье идеи, заявленіе несогласія съ общественными мнѣніями—дѣло совершенно другого рода: здѣсь причины уважать желанія и мнѣнія большинства далеко менѣе сильны, хотя и въ этомъ случаѣ онѣ несомнѣнно существуютъ и имѣютъ вѣсъ для всѣхъ разумно-мыслящихъ существъ“. Въ разсужденіяхъ о политической практикѣ подобнаго рода положенія имѣютъ конечно свое значеніе, но въ *общемъ* историческомъ теченіи жизни, подобныя формулы, къ сожалѣнію, часто являются безсодержательнымъ звукомъ; нѣтъ, да и не можетъ быть, въ общественной политикѣ провозвѣстниковъ такихъ истинъ, которыя бы не являлись законнымъ послѣдствіемъ уже заготовленныхъ самою жизнію условій. Новая „идея“ является только законченнымъ образомъ предъявляемыхъ жизнію требованій; потому для нея нѣтъ возможности предустановленныхъ формъ доктринерскаго соглашенія; она не требуетъ и не можетъ получить уступокъ и благоразумнаго умалчиванія, и въ общемъ ходу вещей борьба не устранится ни съ той, ни съ другой стороны, и борьба,

Digitized by Google

какъ всегда, рѣзкая и непримиримая. И что будетъ компромиссъ въ данномъ случаѣ? Авторъ дѣлитъ его на законный и незаконный. Незаконный по его словамъ, „поддерживаетъ господство предразсудковъ и замедляетъ наступленіе улучшеній; законный—дѣлаетъ, что можетъ, чтобы сократить срокъ господства этой задержки и чтобы ускорить и сдѣлать опредѣленнымъ наступленіе улучшеній; однако, онъ не требуетъ поспѣшныхъ перемѣнъ, потому что перемѣны для того, чтобы быть дѣйствительными, требуютъ дѣятельной поддержки со стороны множества лицъ, а лица эти еще не созрѣли для нихъ". Законный компромиссъ, словами автора, можетъ сказать: „я не ожидаю, чтобы вы сдѣлали такое-то улучшеніе или отреклись отъ такого-то предразсудка во время моей жизни; но, во всякомъ случаѣ, не моею виною будетъ, если улучшеніе это останется неизвѣстнымъ или будетъ отвергнуто. Пусть будетъ хоть одинъ человѣкъ, отрекшійся отъ предразсудка и не скрывающій этого факта". Незаконный компромиссъ скажетъ: „я не могу убѣдить васъ признать мою истину и потому я притворяюсь, будто признаю вашу ложь". Такимъ образомъ компромиссъ у автора является салоннымъ соглашеніемъ двухъ джентльменовъ, собирающихся потолковать о текущихъ дѣлахъ въ парламентѣ и нисколько не старающихся вникнуть въ жизненный смыслъ того, о чемъ имъ придется судить, отстаивать или дѣлать уступки. Повторяемъ, книга Морли это — умныя рѣчи разсудительнаго человѣка, способныя сдѣлаться политическимъ кодексомъ для сдержанныхъ джентльменовъ въ ихъ парламентской дѣятельности.

Въ Англіи книга „о Компромиссѣ" выдержала два изданія; это указываетъ, что содержаніе ея какъ разъ подходитъ къ настроенію англійской политической жизни. Русское общество съ взглядами автора могло познакомиться изъ статьи „о духѣ компромисса", помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1876 г., составленной по нѣсколькимъ статьямъ разбираемаго нами автора. Изданный переводъ, со второго англійскаго изданія книги, заключаетъ въ себѣ, въ видѣ предисловія, и помянутую статью „Отечественныхъ Записокъ". Несмотря на относительное достоинство книги Морли, во всякомъ случаѣ желательно было бы, чтобы она была прочитана русскимъ обществомъ. Дѣло въ томъ, если по западно-европейскому взгляду компромиссъ является уже практической необходимостью политики, то у насъ политическая мысль выражается слишкомъ часто или самымъ неосмысленнымъ отстаиваніемъ стараго, или столько же грубымъ, беззастѣнчивымъ стремленіемъ къ ломкѣ всего завѣтнаго. Русскимъ общественнымъ людямъ не мѣшаетъ познакомиться съ этимъ вопросомъ на западно-европейскихъ образцахъ и вдуматься въ эту формулу практической политической жизни, убѣждающую къ логически-спо-

Digitized by Google

койному, осторожному соглашенію, а не топтаться на одномъ мѣстѣ, продолжая безцѣльный споръ между славянофильствомъ и западничествомъ. Компромиссъ—это политическая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, философская система. Въ жизни западныхъ народовъ старое окрѣпло въ политическомъ сознаніи народа и проникло въ нравы и обычаи; съ другой стороны, новое, свѣжее является плодомъ глубокаго изученія и труда, не единичныхъ усилій, а цѣлой и совокупной дѣятельности. На западѣ старое смѣняется новымъ или путемъ логическаго соглашенія, или путемъ протеста и борьбы, расчищающихъ путь къ движенію впередъ. Въ этомъ смыслѣ компромиссъ является правильнымъ теченіемъ прогрессирующей жизни, и отыскать нормы приложенія его составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ политической философіи. Насильственная борьба новаго съ старымъ является уклоненіемъ отъ нормы и порождается или упорною задержкою старыхъ отжившихъ формъ, или быстрымъ и неумѣреннымъ стремленіемъ впередъ, такъ что жизнь не въ состояніи воспринять вновь выработанныхъ мышленіемъ формъ. Здѣсь уже прекращается возможность соглашенія и примиренія, и это, конечно, есть общественное бѣдствіе. Собственно, политическая жизнь не допускаетъ неподвижной однообразности, въ ней вѣчно царствуетъ компромиссъ, и вся она слагается изъ ряда уступокъ и соглашеній, совершаемыхъ между консервативными и либеральными стремленіями. Это мирная борьба, недоходящая до переворотовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, широко захватывающая интересы стараго и новаго. Борьба эта есть указатель политической развитости страны. Понятно, что для этого необходимо, чтобы въ странѣ были крѣпки и полны содержаніемъ два указанныя теченія; но если въ ней нѣтъ ни сознательнаго отношенія къ старому, ни права высказаться ясно новому,—тамъ не можетъ быть и рѣчи о правильномъ политическомъ ходѣ жизни. У насъ, здравомыслящимъ общественнымъ людямъ *обоихъ* направленій слѣдовало бы думать о достиженіи условій мирнаго развитія и компромисса двухъ теченій, несомнѣнно въ нашей жизни присутствующихъ.

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

ВОРОБЬИНЫЯ НОЧИ

ОЧЕРКЪ.

V *).

Двухъ-этажный княжескій дворецъ былъ, повидимому, почти необитаемъ. Огромныя окна, всѣ съ двойными невыставленными зимними рамами, угрюмо смотрѣли съ желтыхъ, мѣстами облупившихся, стѣнъ. Только въ верхнемъ этажѣ, сравнительно низкомъ и менѣе парадномъ, кое-гдѣ окна были отворены.

За то всѣ, такъ-называемыя, службы, двѣ людскія, два флигеля,—длинныя и нескладныя строенія,—были переполнены народомъ и оживленіемъ. Трапеза помѣщалась въ хорошенькомъ домикѣ, выстроенномъ сравнительно недавно, съ итальянскимъ окномъ чуть ли не во всю стѣну, съ восхитительнымъ видомъ изъ окна на рѣку и на безконечную степную полосу, уходившую въ ширь и даль до самаго горизонта. Флигель этотъ носилъ когда-то названіе «докторскаго» флигеля. Когда-то въ немъ былъ поселенъ и жилъ нѣкоторое время красавецъ итальянецъ докторъ, впослѣдствіи даже и съ женой. Въ порывѣ женскаго великодушія, княжна разрѣшила ему выписать изъ Италіи даже и жену, которую приняла чрезвычайно радушно, пыталась ввести въ общество и вообще, какъ говорится, «возилась» съ нею, пока не надоѣло.

Я подходилъ къ трапезѣ совершенно одинъ. Вѣроятно я опоздалъ нѣсколько, заглядываясь по сторонамъ, и въ простотѣ истиннаго гостепріимства меня не ждали, не стѣсняя себя и до-

*) См. выше: май, 5 стр.

Digitized by Google

рожа всего болѣе драгоцѣннымъ рабочимъ временемъ. Высокіе звуки женскихъ голосовъ неслись на встрѣчу мнѣ еще за нѣсколько шаговъ до крыльца. Мнѣ давно былъ знакомъ общій монастырскій обычай пѣнія «со святыми упокой», исполняющагося въ монастыряхъ всегда передъ трапезой... Женскій, неслишкомъ стройный хоръ не имѣлъ въ себѣ ничего выдающагося и поражающаго; я не узналъ въ немъ даже прелестнаго голоса, слышаннаго мною наканунѣ въ саду... Но поразительны были одни и сами по себѣ эти звуки,—знакомые и вѣчно-захватывающіе и съ такой потрясающей простотой своей печали и даже самой торжественности! И вдвойнѣ поразительны были здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, въ этомъ докторскомъ флигелѣ съ итальянскимъ окошкомъ, съ оленьими рожками по всѣмъ угламъ, съ швейцарской галлерейкой, обвивавшей весь домикъ затѣйливыми, точеными перильцами...

Я вошелъ. Молитва кончилась. Матушка (я насилу призналъ ее въ цѣломъ рядѣ одинаково покрытыхъ одинаковыми черными платками головъ) указала мнѣ движеніемъ руки и поклономъ мѣсто подлѣ себя въ переднемъ углу. Я сѣлъ. Меня интересовалъ весь внутренній, домашній обиходъ общины,—еще свѣжей, еще не успѣвшей сложиться и закалиться въ общую, рутинную форму монастырскаго «устава». Но я ошибался. Было ли это дѣломъ исключительнаго вліянія единичной личности, самой матушки, или кого-нибудь изъ такъ-называемыхъ «старшихъ»; или сказывалось тутъ общее всегдашнее свойство женской природы—стремленіе ранѣе всего другого къ внѣшней подражательности, къ декоруму и обрядности, — но я начиналъ разочаровываться въ своихъ наблюденіяхъ. Я замѣчалъ мало оригинальнаго въ внѣшнемъ складѣ жизни общины. Все, видимо умышленно, подводилось и втѣснялось въ твердо изученныя рамки «настоящаго монастырскаго устава». Все дѣлалось, очевидно, по такъ-называемому «послушанію»; и если допускались еще кое-какія вольности и отступленія въ родѣ, напримѣръ, крестьянскихъ сарафановъ московиковъ, не снятыхъ даже и на время трапезы, то допускалось это, конечно, не ради предпочтительнаго удобства такого рода костюма, а единственно по невозможности не допустить; говоря просто — по недостаточности средствъ для полной монастырской экипировки.

За то трапеза была безукоризненна въ смыслѣ монастырскаго благолѣпія и устройства. На нее было, видимо, обращено особенное вниманіе. Цѣлый иконостасъ образовъ,—разнообразныхъ, съ ризами и безъ ризъ, съ фольгой, перламутровыхъ и рѣзныхъ, съ

Digitized by Google

тремя лампадами передъ ними, — занималъ весь передній уголъ большой и длинной комнаты. Три стола, особой формы и размѣровъ, узкіе и длинные, тянувшіеся на всю комнату, были покрыты чистыми столешниками. Деревянной и даже бѣлой фаянсовой посуды было достаточно, и на каждые четыре прибора, составлявшіе собой такъ-называемый «крестъ», полагался верхъ роскоши — стеклянный стаканъ. Сестры столовщицы въ бѣлыхъ фартукахъ съ нагрудниками носили изъ кухни въ обѣихъ рукахъ наполненныя варевомъ чашки и ставили по одной на крестъ съ поклономъ и съ обычнымъ монашескимъ причитаніемъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» Четыре женщины, составлявшія крестъ, отвѣчали имъ, съ своей стороны, также поклонами, шопотомъ произнося обычное «аминь»; но не принимались за ѣду до тѣхъ поръ, пока кушанье не приносилось на всѣ столы. Тогда матушка дѣлала одинъ общій поклонъ; ей отвѣчали тѣмъ же, и только затѣмъ уже пускались въ ходъ ложки и начинался обѣдъ. Та же церемонія продѣлывалась съ каждою перемѣною кушанья.

Ѣда была постная и скудная, хотя было три перемѣны блюдъ. Въ общемъ это былъ обѣдъ нашего средняго степнаго хозяина-мужика.

Тихій, какъ шелестъ листьевъ, пробѣгалъ, время отъ времени шопотъ по чиннымъ рядамъ. Высокая дѣвушка въ бѣлесомъ платьѣ, съ нескладнымъ станомъ и гортаннымъ, непріятнымъ звукомъ голоса читала противъ образовъ, на складномъ кожанномъ аналойчикѣ, житіе. Я узналъ высокую разскащицу съ чотками и даже вспомнилъ, что звали ее Базой. Я узнавалъ нѣсколько знакомыхъ уже лицъ. Только это было что-то странно-знакомое въ нихъ? Гдѣ я видѣлъ ихъ! Словно во снѣ видѣлъ, въ сказкѣ? въ туманныхъ картинахъ съ луннымъ, голубымъ освѣщеніемъ?...

Лица бо́льшею частью молодыя, красивыя или дурныя собой, были еще всѣ привлекательны своимъ свѣжимъ, каждое по-своему, оригинальнымъ выраженіемъ. Въ нихъ не было еще того обязательнаго лака и лоска, общаго непремѣнно всѣмъ, *монашескаго* уныло-искательнаго и лицемѣрно-покорнаго выраженія. Я узналъ красивую голову съ лицомъ русской мадонны, съ двумя полукругами рыжеватыхъ волосъ, сбѣгавшими изъ-подъ платка на низкій, незагорѣвшій лобъ. Сѣрые глаза смотрѣли задумчиво немного тупымъ, но красивымъ взглядомъ; она ѣла медленно, поднося ко рту ложку большой, стройной рукой, и ѣла молча, но я узналъ въ ней дѣвушку съ необыкновеннымъ голосомъ.

Digitized by Google

Я увидѣлъ почти рядомъ съ собой, по другую сторону узкаго стола, знакомую, миніатюрную и кроткую старушечью фигурку въ неизмѣнной кацавейкѣ и съ неизмѣннымъ запахомъ камфоры и старыхъ сундуковъ... И вдалекѣ, на краю стола, увидѣлъ дѣтское лицо также въ рамкѣ чернаго монашескаго платка, съ парой черныхъ, огромныхъ глазъ, блестѣвшихъ напряженнымъ, почти лихорадочнымъ, блескомъ. Это была черненькая, напугавшая всѣхъ ночью въ саду дѣвочка. Всѣ были тутъ на лицо кромѣ одной дѣвушки, которая представляла нѣмого.

За все время обѣда я обмѣнялся съ своими сосѣдками лишь двумя-тремя незначительными фразами, изъ боязни помѣшать чтенію и нарушить общую тишину. Ѣлъ я немного; и съ тѣмъ неподражаемымъ тактомъ, такъ часто и полно отсутствующимъ въ русскомъ баринѣ и составляющимъ, почти всегда, присущую черту характера русскаго мужика и крестьянки,—никто не подчивалъ, не угощалъ меня. Послѣ обѣда матушка предложила прислать мнѣ въ мою комнату «молочка» и «самоварчикъ». Я отказался отъ молока и согласился на самоварчикъ.

Трапеза отошла. Сестрамъ полагался полутора-часовой отдыхъ, который каждая могла употреблять по своему благоусмотрѣнію. Женская толпа чинно поднималась изъ-за столовъ и разбрелась по сторонамъ.

О Макарѣ, между тѣмъ, не было ни слуху, ни духу, хотя времени прошло достаточно для того, чтобы съѣздить въ кузницу за пятнадцать, не только, что за пять верстъ. Экипажъ мой былъ вдвинутъ въ сарай; я не видѣлъ его во дворѣ. Пѣгая лошадка, одна изъ всей тройки, жевала у колоды подъ навѣсомъ накошенную траву.

Былъ въ началѣ первый часъ дня. Пàрило. Въ дни, слѣдующіе за «воробьиными» ночами, солнце кажется обыкновенно краснымъ, почти багровымъ, и стоитъ въ мутномъ небѣ небольшое, отчетливо-круглое и совсѣмъ не величественное, тупо глядя на землю распаленными взглядами и обдавая ее всю,—изнемогающую и раскаленную,—неумолимыми и жгучими, почти отвѣсными, лучами. Мертвая тишина въ этой, почти тропической, атмосферѣ. Безжизненно висятъ неподвижныя вѣтки. Нечѣмъ дышать! Но кто-то не только дышитъ, кто-то поетъ...

«Всѣ я страны облетала
Я тако древо искала,
Чтобъ найтить вѣчный спокой»...

Протяжный и унылый мотивъ, одинъ изъ характерныхъ мо-

Digitized by Google

тивовъ, такъ-называемыхъ, «кантовъ». А голосъ поетъ гдѣ-то недалеко, молодой и нѣжный, съ грудными, хорошими нотами. Вотъ измѣнился мотивъ, измѣнились слова; неизмѣннымъ остался только общій смыслъ содержанія:

«Ходилъ я, ходилъ я, ходилъ по горамъ;
Глянулъ я, глянулъ я въ бездну глубоку,
Увидѣлъ, узрилъ я гробикъ свой,
Гробикъ свой—превѣчный спокой»...

Но жаръ валитъ съ ногъ. Нѣтъ спасенія подъ деревьями и остается искать его въ комнатахъ.

Онѣ смотрятъ еще печальнѣе при дневномъ освѣщеніи, безжалостнѣе выдающемъ непоправимые изъяны, слѣды времени и мерзость запустѣнія. Съ первыхъ же шаговъ обдаетъ оригинальный букетъ сырости, ладана, яблоковъ и аниснаго сѣмени. Старинные портреты уцѣлѣли еще кое-гдѣ по стѣнамъ. Нигдѣ по прежнему—ни одной живой души, и мертвыя,—послушныя воспоминанію,—незримыя вставали уже передо мной, какъ вдругъ... я остановился какъ вкопанный. Въ комнатѣ было живое существо.

Въ комнатѣ съ розовыми, выцвѣтшими обоями, на полу, въ уголкѣ противъ оконъ,—сидѣла женщина. Яркій лучъ шелъ изъ окна, падалъ на хрустальную, граненую ручку скрытой въ обояхъ маленькой двери и зайчикомъ игралъ на противоположной стѣнѣ, какъ разъ надъ головой сидѣвшей женщины. Сильный, отраженный свѣтъ падалъ на эту голову, на страницы книги, раскрытой въ рукахъ, и, казалось бы, долженъ былъ мѣшать чтенію и какъ будто не мѣшалъ ему. Женщина сидѣла неподвижно. Плоскій дерюжный мѣшокъ замѣнялъ ей сидѣніе. Лицо было наклонено надъ книгой и не видно, а вытянутыя ноги изъ-подъ деревенскаго старушечьяго сукмана, босыя и неопрятныя, тихонько шевелились, почесываясь другъ объ дружку. Кожаные съ завязками башмаки стояли тутъ же рядомъ въ ногахъ.

Я подошелъ ближе и остановился въ двухъ шагахъ. Женщина подняла голову. Ко мнѣ поднялось не худое, но блѣдное до синевы старушечье лицо. Я не видалъ его раньше въ саду на работахъ; мы не встрѣчались за трапезой... И, однако, ни малѣйшей тѣни изумленія не выразилось на немъ, такъ, какъ будто бы мое появленіе не представляло собой ничего необыкновеннаго и я только-что успѣлъ выйти изъ этой самой комнаты. Глаза въ круглыхъ очкахъ смотрѣли покойнымъ и равнодушнымъ взглядомъ куда-то мимо меня, черезъ мою голову. Она наклонилась и почесала себѣ рукой ногу.

Digitized by Google

— Что это ты сидишь здѣсь, бабушка?—рѣшился я, наконецъ, предложить вопросъ.

Старуха сняла круглые въ мѣдной оправѣ очки и только тутъ, какъ-бы въ первый разъ, увидала меня. Она пожевала губами.

Я повторилъ вопросъ.

— Для мухъ,—выговорила она наконецъ.

— Какъ для мухъ?—переспросилъ я. Шевелившіяся, расчесанныя въ кровь, неопрятныя ноги еще разъ бросились мнѣ въ глаза.

— Муха больно у насъ въ церкви-то... Такая муха,— все одно пчела... могуты нѣту. Ну, тутъ-то быдто поменѣ.

Я оглянулся. Мухъ, въ самомъ дѣлѣ, было немного. Въ комнатѣ было, сравнительно, прохладнѣе. Яркій лучъ изъ окна поднялся надъ головой и ударился въ мѣдный кружокъ отдушника въ печи. Мухи слабо звенѣли и стукались о стекла. Я опустился на полъ рядомъ съ старухой и заглянулъ въ книгу. Книга была рукописная, плотно-переплетеная, крупно-исписанная славянскими, тщательно-выведенными, печатными литерами. Я взялъ книгу въ руки (старуха покорно выпустила ее) и сталъ читать съ первой страницы:

«Полученный мною капиталъ, Ежели раздѣлить онный на пять сотъ частей, но о мирномъ Духе сей капиталъ удостоенъ въ своемъ значеніи во благихъ водворятся какъ и видно Домъ, Божій какъ Святая обітель; и всехъ и вся; и азъ Діонисій цветемъ о дарехъ жертвъ аминь. И не теряю Духа моего повеленія заповедей Божіихъ; ихъ же есть Много, более пяти сотъ...»

Я развернулъ на удачу другую страницу:

«...Подтвердимъ къ дополненію, и нѣтъ ничего, чтобы Не царствовало; птицы и на земляхъ и вводахъ и о всехъ радуются съ трепетомъ, а послучаю нашихъ Жиланій и испытаній тилесныхъ...»

На заглавномъ листѣ прописными буквами стояло:

«Письма немощнѣйшимъ моимъ понятіемъ Соловецкія на беломъ Море обітели

Тихій Діонисій

послушникъ».

— Кто это далъ тебѣ эту книгу, бабушка?—спросилъ я.

— Старшія дали, — принимая книгу обратно, проговорила старуха.

Самой ей было на видъ лѣтъ восемьдесятъ, хотя, конечно, могло быть и менѣе. Трудно было съ точностью опредѣлить

Digitized by Google

годы въ этомъ полуразрушающемся, ветхомъ существѣ. Трудно было утвердительно сказать, что именно послужило причиною этого разрушенія: годы, болѣзнь или что иное. Щеки хранили слѣды отека; нижняя,—безъ одного зуба,—челюсть запала внутрь; свѣтъ и блескъ потухли давно въ слезящихся, странно-плоскихъ глазахъ, и временами, казалось, покидало ихъ сознаніе и самая мысль. Старуха раскрыла книгу и, расправляя шнурочекъ, связывавшій за концы, готовилась надѣть очки и продолжать чтеніе, но я остановилъ ее вопросомъ:

— Давно ли ты, бабушка, въ общинѣ?

— Давно.

— А раньше гдѣ же ты была?—Старуха молчала.

— Въ кельѣ раньше жила?—продолжалъ я.

— Въ кельѣ,—отвѣчала она.

Я не терялъ, однако, надежды вызвать ее на разговоръ. Отвѣчала она не то, чтобы неохотно,—скорѣе, казалось, ей трудно было понять, вникнуть въ смыслъ вопросовъ, какъ ни несложны были, сами по себѣ, предлагавшіеся ей вопросы. Поперечная морщина углубилась и вспухла у нея на лбу, означая усиліе мысли.

— Ну, а въ кельѣ много ли ты жила?—продолжалъ я.

— Въ кельѣ-то!.. Да кто знае... Опослѣ Дунюшки. (Она пожевала губами). Какъ Дунюшка мужа заморозила...

— Дунюшка—дочка твоя?—спросилъ я.

— Дочка, дочка, дочка!.. — спѣшно выговорила старуха. Дочка она моя,—подтвердила она еще разъ.

— Какъ же это она мужа-то заморозила?

— Нешь не слыхали?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

Старуха подняла голову. Это былъ первый пристальный и сосредоточенный встрѣченный мною взглядъ. Мутно-синіе, какъ бываютъ у новорожденныхъ младенцевъ, — глаза, не получившіе еще способности фиксированія, или тутъ, какъ-бы уже утратившіе ее — эту способность, внимательно остановились на мнѣ. Несказанное изумленіе отразилось въ нихъ.

— Не слыхали?...—повторила она, не сводя съ меня, устремивъ въ упоръ все тотъ же невѣрящій и изумленный взглядъ.

Возможно ли!—казалось говорилъ этотъ взглядъ, и она еще недовѣрчивѣй качала головой, какъ-бы тутъ же, тотчасъ же рѣшая, что—нѣтъ, это было невозможно!.. И въ самомъ дѣлѣ,—невозможно, потому что... гдѣ же можно было жить, что знать, что видѣть и слышать, если не знать и не слышать этого одного,

Digitized by Google

того единственнаго событія, на которомъ обрывалась здѣсь нить жизни, громадный смыслъ котораго поглощалъ въ себѣ однимъ смыслъ всѣхъ послѣдующихъ событій и явленій; того,—что дочка, Дунюшка, мужа заморозила!

— Нѣтъ, бабушка, не слыхалъ,—повторилъ я еще разъ, и мнѣ удалось, наконецъ, убѣдить старуху, что я точно, дѣйствительно не слыхалъ. — Какъ это у васъ дѣло-то вышло съ Дунюшкой. Жива ли она?—спросилъ я.

— Померла,—отвѣчала старуха.

Но таинственная, къ жизни поднимающая сила была, казалось, въ одномъ этомъ имени. Я еще разъ повторилъ просьбу разсказать про Дунюшку, и мутно-безжизненные глаза старухи оживились, кровь прилила къ отекшимъ щекамъ; отвислыя губы подобрались, и я увидѣлъ передъ собой обыкновенное бабье, старушечье лицо, простодушное и хлопотливо-озабоченное, съ поперечной горькой складочкой по угламъ рта, также составляющей обычную принадлежность этого типа лицъ. Она заглянула мнѣ въ глаза съ той довѣрчивой старушечьей миной, послѣ которой вы уже заранѣе знаете, что васъ непремѣнно возьмутъ за рукавъ, и что пойдетъ уже разговоръ по́-просту, по душѣ, и непремѣнно перейдетъ этотъ разговоръ въ какой-нибудь, секретнымъ полушопотомъ сообщаемый, разсказъ про какой-нибудь «случай»... Старуха дѣйствительно взяла меня за рукавъ и начала разсказъ.

— Померла, желанный ты мой...

— А еще-то дѣтокъ не было, бабушка?—перебилъ я.

— Нѣ, родной. И не рожала. Дочка она у меня, Дунюшка, одна, разъединая одна,—начала старуха. А не въ своей деревнѣ, въ чуждю деревню-то замужъ отдадена у меня. За вдоваго отдала, на дѣвочку. Чего станешь дѣлать! Недостатки, бѣднота, а онъ-то богатѣй. О-о-охъ, не хотѣла я и отдавать-то!—торопливо и горько, словно спохватившись, прибавила она.

— Зачѣмъ же отдала?

— Кормилецъ, какъ было не отдать! Наше-то дѣло вдовье—сиротско, а онъ пришелъ ко мнѣ,—Маркей: «у меня, говоритъ, нутренно сердце упало, что Дунюшкѣ быть за мной. Не отдашь, отобью, говоритъ».

— Молодой?—спросилъ я.

— Охъ, старикъ, кормилецъ, старикъ! Дунюшка-то ему бы въ дочки,—не въ жены... Шестнадцатый годокъ. Три годочка только съ имъ и пожила.

— Ну, какъ же это у васъ дѣло-то вышло?

Digitized by Google

— Охъ, не при своихъ глазахъ дѣло было!—Старуха отдѣлилась отъ стѣны и, оперевшись подбородкомъ въ ладонь, тихонько въ тактъ говорившемуся стала раскачиваться головой.— Не при своихъ глазахъ было-то.—А давно поговаривали, слухъ былъ, будто мужъ бьетъ... Да про его все, про Климена, каждый разъ все поминали—про плотника... Рязанцы-плотники на деревнѣ у ихъ водились въ ту пору, работали на барскомъ дворѣ.

— Холостой?—спросилъ я.

— Женатый, желанный ты мой, женатый. Да что толку-то! На ихъ нешто свя́за есть! Охъ, чуяло сердце, а чего я ей стану говорить! Я ей: «Дунюшка, молъ, дитятко»... А она мнѣ: «матушка, говоритъ, родимушка»... Ну мнѣ ее и жалко. Ну, все ничего, все быдто ничего... А тутъ—маслянница; на самый этта на прощеный день... и пріѣхали они ко мнѣ: зять-то съ Дунюшкой, да староста... Гляжу, и Клименъ съ имъ! Ахъ ты!.. Ну, вина навезли, угощенья, всего... Староста пьяный и напился, Маркей-то съ имъ. Дѣло—вечеръ, ѣхать ко дворамъ. Я его—старосту—подобрала, на возъ и положила, да и говорю: «Клименъ, сударикъ, ты съ ими, говорю, не садись! Ты со старостой садись; не вытряхнули бы вы его на гатѣ». А онъ переглянулся, да и значитъ—не послушался, съ ими сѣлъ. Ѣдутъ. На гатѣ-то старостина лошадь прямо идетъ, а Клименъ-то и свернулъ на Желтухино. Маркей ему и говоритъ: «Ты зачѣмъ же свернулъ?» говоритъ. «А я, говоритъ, пьяный».—«А коли ты пьяный, такъ давай возжи». Онъ его и зачалъ ругать, съ воза-то и спихнулъ, да лошадь-то и погналъ. Маркей и сталъ ей кричать: «Дунюшка!» кричитъ. А она ему: «Не пущатъ онъ меня». А мнѣ-то, послѣ время, сказывала сама: «Ухватилъ онъ меня», говоритъ, «это мѣсто за грудь, а глаза-то у самаго не-ловкіе такіе, а рука-то горячая, ровно огонь... Ну — пріѣхали. Ей бы сейчасъ сказать. Ей бы за безчестье—лошадь да сбрую, а она — молчокъ. Стали ее спрашивать свекровь, золовки: «Гдѣ мужъ?» Онѣ-то ее, онѣ-то ее! а она передъ ими убита стоитъ. А на другой ужъ день «сестрица Га́нюшка, и въ правду» говоритъ... А Маркея-то наутресь у грани нашли, у формальной межѣ. Пьяный, какъ видно, шелъ, да замерзъ. А волки и напали... такъ одинъ черепъ головной остался. Рубашенька-то его, коя на ёмъ была, вся въ клочки...

— Ну что же, судъ нарядили, слѣдствіе?

— Кого судить-то! Судить-то некого было, потому тутъ-же онъ ее и порѣшилъ.

— Кто? Кого?

Digitized by Google

— Дунюшку-то, самый онъ Клименъ-то и у...,—губы старухи беззвучно шевелились въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ: она отдѣлилась отъ стѣны; нижняя, отвисшая челюсть не повиновалась ей.—У-у-у-билъ! выговорила она съ страшной натугой, отъ которой напружились жилы на шеѣ, и словно выдавливая изъ себя каждый звукъ.—Въ лѣ-су... въ лѣсъ по-ѣхалъ съ нею, вина взялъ, да сѣмечки взялъ, да топорикъ взялъ... Въ лѣсу тама и нашли. И записку при ей прописалъ:

„До сего тѣла
Нѣтъ никому дѣла,
Кто любилъ,
Тотъ и убилъ".

— Ну, что же съ нимъ было?—спросилъ я.

— Самъ сказался. Самъ пошелъ на себя и показалъ. Въ острогъ заперли. Перва-то все куражился. «Кому острогъ», говоритъ, «а мнѣ добрый домъ!» А тамъ тосковать зачалъ, все объ ей, объ Дунюшкѣ: «Хоть бы я ей теперь словѣ-ечушко проговорилъ»... А тутъ и удавился на гашникѣ, на ременной петлѣ...

Старуха умолкла. И я тоже молчалъ. Лучъ изъ окна передвинулся съ отдушника на карнизъ, освѣщая узкую золотую полоску надъ обоями въ верху. Подвижная сѣтка мелкихъ, темныхъ кружковъ—тѣнь отъ колыхавшейся за окномъ вѣтки — трепетала на косякѣ отдѣланнаго подъ мраморъ окна. Мышь скреблась гдѣ-то за стѣной. Муха звенѣла въ паутинѣ, въ углу.

Старуха потянула меня за рукавъ.

— Сударикъ!

— Что ты, бабушка?

— Сударикъ, пытала я... и къ попамъ-то ходила, и къ ворожеямъ... Пытала все, спрашивала: чего будетъ-то ей?

— Кому, бабушка?

— Дочкѣ-то моей, Дунюшкѣ? Чего будетъ съ ею въ останный-то день?

— Ну, что же тебѣ сказали, бабушка?—Меня прежде всего самого заинтересовалъ отвѣтъ.

— Сказывала... Охъ, и самая она у насъ кредитная ворожейка... Сказывала: башни у ихъ тамъ калёныя, огненныя... и неустанно, говоритъ, снѣгъ идетъ, а и снѣгъ-то онъ огненный, а ни вѣтерка тебѣ, ни росинки...

Меня поразило вдругъ странное совпаденіе! Воспоминаніе блеснуло въ головѣ. Величественная и разительная картина — созданіе южной, пламенной и геніальной фантазіи вдругъ вста-

Digitized by Google

за передо мной—картина Дантова ада. Дантъ и Виргилій... Адъ... Глубокая темнота и огненныя, но безъ лучей, тупымъ свѣтомъ въ этой темнотѣ свѣтящіяся раскаленныя башни и въ безвѣтріи, среди мертвой неподвижности и тишины, тихо падающій огненными хлопьями нескончаемый огненный снѣгъ...

Но Дантъ! Дантъ! А тутъ...

Неопрятныя, шевелящіяся ноги все также шевелились еще на полу. Слезящіеся, страдальческіе глаза еще разъ остановились на мнѣ.

— Кормилецъ, материнско сердце, вѣдь мать...

И я вздрогнулъ, какъ Фаустъ при словахъ Мефистофеля.

...Was ist das Wort, das ich nicht hören mag!

Вся подавшись впередъ и перебирая въ рукахъ уголокъ головного платка, старуха произносила про себя еще какія-то слова, еще какіе-то нечлено-раздѣльные уже звуки, которыхъ я не могъ разобрать. Крохотныя, какъ бисеринки, двѣ слезы остановились въ морщинахъ, изрытыхъ морщинами щекъ.

Я старался, какъ умѣлъ, успокоить ее, для бо́льшей убѣдительности приводя мѣста изъ священнаго писанія и общеизвѣстныхъ молитвъ. Она слушала, все еще поднявъ голову, но видимо, уже тупо понимая смыслъ говорившагося. Разсчетъ мой оказался невѣренъ: Евангеліе и молитвы были совершенно незнакомы ей. Церковной грамотѣ она выучилась по псалтыри, и никакихъ иныхъ книгъ, кромѣ псалтыри и писемъ «Тихаго Діонисія», не бывало въ ея рукахъ. За старостью и немощью послушаніе ея въ общинѣ ограничивалось чтеніемъ, такъ называемой «Неугасимой псалтыри» днемъ и ночью. Она отбывала свои часы, читая въ церкви, и затѣмъ уходила читать одна. Отъ постоянной привычки къ чтенію губы ея шевелились, какъ-бы произнося слова, даже и тогда, когда она не произносила ихъ, храня молчаніе.

Внезапное и необычайное оживленіе, вызванное разсказомъ, мало-по-малу покидало ее и исчезало съ лица, смѣняясь утомленіемъ. Старуха вся опустилась тѣломъ и осѣла къ полу. Нижняя беззубая челюсть стала отставать. Ее, видимо, клонило ко сну. Голова только безпокоила ее. Она подсунула пальцы подъ платокъ, крѣпко почесала голову и туже перевязала ее платкомъ. Книга, скользя, выпала изъ ея рукъ. Черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ, какъ голова опустилась на грудь. Губы ея не переставали шевелиться, но изъ нихъ слышался слабый храпъ.

Я осторожно поднялся съ полу и остановился на минуту.

Digitized by Google

За выступомъ печи, на стѣнѣ, висѣлъ портретъ, незамѣченный мною раньше. Я узналъ его. Это былъ извѣстный мнѣ, недурной по исполненію, масляными красками написанный портретъ княжны, изображавшій ее за послѣднее время, уже не въ первой молодости. Какъ это часто случается съ женщинами, не обладающими нѣжностью и женственностью и сознающими въ себѣ недостатокъ этихъ качествъ, княжна постаралась восполнить этотъ недостатокъ, хотя бы на портретѣ, соединеніемъ всѣхъ, по ея мнѣнію, общепризнанныхъ аттрибутовъ граціи и женственности. Она изображена была съ кошкой, въ локонахъ, съ выставленнымъ круглымъ плечомъ и обнаженной, хорошенькой, немного черезъ-чуръ пухлой, рукой. Одинъ палецъ руки шаловливо прижатъ былъ къ губамъ. Что-то голубое и кружевное драпировалось вокругъ, но увы! Не помогли ни поза, ни кошка, ни локоны, ни даже голубой цвѣтъ! Все тѣ же оставались рѣзкія, почти мужскія, энергичныя черты, и то же характерно-высокомѣрное и жесткое выраженіе лежало въ нихъ, не поддаваясь лести покорно-услужливаго художника и плохо гармонируя съ полу-дѣтскимъ костюмомъ и наивными аксессуарами...

Старуха сильнѣе всхрапывала во снѣ. Яркій лучъ вспорхнулъ со стѣны на потолокъ, освѣщая разрисованный уголъ. Хорошенькій амуръ на потолкѣ, съ надутой розовой щечкой, жалобно смотрѣлъ сверху изъ-подъ трещины, перерѣзавшей стрѣлы и цвѣты, и поперегъ его пухлое, изогнутое тѣльце. Маленькая розовая дверь, скрытая обоями, подалась подъ напорами тяжелаго тѣла спящей, открывая темную и узкую щель. Она вела во внутреннія комнаты... Цѣлый міръ романовъ, запутанныхъ исторій, любовныхъ похожденій и интригъ глянулъ на меня въ эту узкую розовую щель..

Голова старухи покачнулась назадъ, вверхъ лицомъ. Она была живая, но лицо казалось мертвымъ. А надъ нимъ,—живое и выразительное, смотрѣло лицо мертвой княжны; оно надменно улыбалось вызывающей улыбкой и кокетливо грозило кому-то указательнымъ мертвымъ пальчикомъ.

VI.

Въ разсказѣ старухи была одна маленькая страшная подробность, не замѣченная мною въ первую минуту, но которая почему-то потомъ невольно пришла на умъ. Собираясь убивать Дунюшку, убійца беретъ топоръ и беретъ съ собой... сѣмечки.

Digitized by Google

Личность Дунюшки мало выяснилась въ разсказѣ матери; она оставалась въ тѣни. Но, вѣроятно, она любила сѣмечки; для нея не были позабыты онѣ даже и въ послѣднюю минуту. И вотъ, на основаніи этой только одной крошечной черточки, весь портретъ ея, сразу готовый, мгновенно всталъ передо-мной. Я увидѣлъ ее бѣлозубую, съ румяными губами, изъ которыхъ дождемъ сыпятся расколотыя на-двое скорлупки, съ быстротой, не дающей возможности прослѣдить ни одного послѣдовательнаго движенія. Это щелканіе сѣмечекъ — особое искусство въ своемъ родѣ, не всякому дающееся. Не видно, какъ рука беретъ сѣмечко, какъ подноситъ ко рту, какъ оно раскалывается... Видны только, летящія во всѣ стороны, скорлупки. Видны сверкающіе, бѣлые зубы. Слышенъ бойкій, задѣвающій смѣхъ. Она—непремѣнно охотница посидѣть за воротами, погрызть сѣмечки, покалякать съ пріѣзжимъ, новымъ, свѣжимъ человѣкомъ. У матери въ дѣвкахъ—одной, любимицѣ, баловницѣ дочкѣ—привольное житье. Тошнехонько и тяжело въ чужой деревнѣ, въ чужой, непривѣтливой семьѣ, съ старикомъ мужемъ. Матеріалъ для драмы готовъ—и драма не медлитъ разыграться. Герой ея—рязанецъ-плотникъ, непремѣнно молодецъ, какъ бываютъ они всѣ на подборъ. Вліяетъ ли тутъ здоровое ремесло — плотничья работа на чистомъ воздухѣ; или въ отхожіе промыслы пускается только кто поздоровѣй и побойчѣй, а малосильные дома, на землѣ сидятъ, но только всѣ они дѣйствительно молодецъ къ молодцу, всѣ плечистые, силачи, пѣсельники и остряки и губители женскихъ сердецъ. Каждый новый сезонъ—новая деревня и новая, болѣе или менѣе, легко дающаяся побѣда. Пѣсня есть народная, сложенная, какъ разъ, на этотъ сюжетъ.

Какъ вечоръ-то вечеромъ позднёхонько
Мальчикъ загулялся,
У чужихъ онъ воротъ застоялся;
Онъ не такъ стоялъ—увивался
Онъ чужу жену дожидался.
Не выйдетъ-ли Любонька
Ко мнѣ за ворота?
Не отвѣтитъ, не молвитъ-ли
Мнѣ словечко?
Безотвѣтна Любонька
На шеюшку бросилась...

Пѣсня кончается просьбой:

Ты ходи ко мнѣ, миленькій,
Да мной не хвалися!

Digitized by Google

Но одинъ неосторожный шагъ, одинъ роковой случай, и огласка дѣлается неизбѣжной. Чувство, между тѣмъ, заходитъ дальше и глубже, нежели предполагалось въ началѣ. Нѣтъ средствъ измѣнить, поправить положеніе, нѣтъ и разумѣнія его... Трудно прослѣдить въ разсказѣ, какимъ образомъ является мысль о необходимости трагической развязки. Парень женатъ; можетъ быть, также рано окрученный съ нелюбимой, несимпатичной женщиной, которой онъ, по условіямъ своего ремесла, по году не видитъ въ глаза. Дѣйствуетъ-ли тутъ страхъ огласки, извѣстный мужичій страхъ слѣдствія и неизвѣстнаго еще приговора суда... Или, можетъ быть, одна ревнивая мысль: «не достанешься мнѣ, такъ не доставайся же никому». Но какъ бы то ни было —съ вечера ѣдутъ въ лѣсъ украдкой вдвоемъ, а на утро находятъ въ лѣсу одинъ безжизненный и окровавленный трупъ. Бѣлые зубки страшно оскалены въ искаженномъ лицѣ, а на снѣгу кругомъ валяется разсыпанная скорлупа разгрызенныхъ подсолнечныхъ сѣмечекъ . . . . . .

. . . . . .

Шелъ пятый часъ дня. Я отлично выспался въ саду у копны. Сѣно было мелкое, сухое, почти перегорѣвшее и не душистое. Голова была свѣжа. Я еще разъ прошелъ навести справки во дворѣ и въ конюшняхъ, на силу разыскавъ кое-кого изъ сестеръ. Усадьба была почти пуста. Всѣ были на работѣ въ полѣ и на току. Макаръ словно въ воду канулъ съ кузницей и съ лошадьми. Я прошелъ на токъ поглядѣть, какъ молотятъ рожь. Человѣкъ восемь дѣвокъ и бабъ, въ распоясанныхъ, по жарѣ, ситцевыхъ сарафанахъ, съ утомленными, хлѣбной пылью запыленными лицами, молотили, раздѣлившись на двѣ группы по четыре цѣпа. Работа шла спóро и хорошо, но не было обычнаго шума и смѣху, не было веселаго оживленія, всегда сопровождающаго эту, сравнительно (съ жнитвомъ) уже легкую, работу, и вызываемаго обыкновенно совмѣстной, артельной работой и главное—присутствіемъ мужчинъ. Мужчинъ не было. Я постоялъ, поговорилъ и отошелъ. Въ слѣдъ мнѣ кто-то затянулъ было: «я сажу, сажу капустку, сажу бѣленькую», но голосъ оборвался. Работа, легкая сравнительно, не допускаетъ, однако, возможности пѣнія. Въ обычной обстановкѣ она сопровождается бойкимъ, гудящимъ говоромъ, не заглушаемымъ мѣрными ударами, въ пересыпку съ крупными словечками, съ болѣе или менѣе развязными шутками... Женщины однѣ работали молчаливо и напряженно.

Я вернулся въ паркъ. Жаръ свалилъ. Хоперъ — красивая

Digitized by Google

рѣка и весьма большая для степной рѣки, покойно, незамѣтно для глазъ уносилась по теченію прозрачными и широкими, лѣнивыми струями. Я шелъ у самаго края воды по отмелѣвшему за лѣто, песчаному берегу. Круглые листочки мать-и-мачихи —зеленые, словно лакированные сверху, съ серебристымъ, матовымъ подбоемъ внизу, покрывали берегъ, отчетливо выдѣляясь на бѣломъ фонѣ рѣчного песка. Круглые пауки съ брюхомъ въ видѣ пуговицы и отвратительными, длинными лапами, во множествѣ то-и-дѣло шныряли подъ ногами и по бѣлому песку. Я поднялся на тропинку повыше между кустовъ и тотчасъ же наткнулся на сброшенное мужичье платье, положенное въ кучѣ у дерева. Поодаль стояли небольшіе дегтярные сапоги; валялась смятая войлочная крестьянская шапка; на вѣткѣ висѣла чистая розовая мужская рубаха; на травѣ и на листьяхъ низкихъ кустовъ виднѣлась скорлупа разгрызенныхъ подсолнечныхъ сѣмечекъ. Образъ Дунюшки, не изглаженный сномъ, мгновенно и живо представился памятью и воображеніемъ. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и увидалъ... На мосткахъ, какія строятъ въ деревняхъ для полосканія бѣлья, повернувшись ко мнѣ въ полъоборота, съ опущенными въ воду ногами, совершенно раздѣтая и, повидимому, еще очень молодая, сидѣла женщина. Слегка изогнутая, съ нѣжными, розоватыми возвышеніями позвонковъ прелестная линія спины и широкихъ, стройныхъ плечъ и бѣлое колѣно, и грудь, и поза купающейся нимфы... хоть бы самому Нефу или Маковскому. Косой лучъ съ боку въ просвѣтѣ между деревьями освѣщалъ одну сторону тѣла: прозрачно-рдѣвшее маленькое ухо, плечо, локоть и часть ноги. Она наклонялась къ водѣ и мочила рукой волосы. Только волосы были странно-короткіе, остриженные, какъ у мальчика, да лицо, невидное мнѣ, наклоненное надъ водой, на полной, совершенно другого цвѣта, словно врѣзанной въ плечи загорѣлой шейкѣ казалось слишкомъ смуглымъ сравнительно съ общимъ цвѣтомъ кожи и рука, небольшая, но потемнѣвшая и огрубѣлая, рѣзкимъ пятномъ выдѣлялась на колѣнѣ.

Я осторожно перешелъ съ тропинки еще выше на крайнюю, параллельную рѣкѣ аллею въ саду и вскорѣ услыхалъ за собой всплескъ воды и тихій смѣющійся голосъ. Голосъ показался знакомымъ мнѣ. Я дошелъ до конца длинной аллеи, когда-то сливавшейся съ лѣсомъ, а теперь упиравшейся въ изгороду и повернулъ назадъ тѣмъ же путемъ. Не доходя мостковъ, гдѣ купалась женщина, на встрѣчу мнѣ изъ-за кустовъ поднялся крестьянскій мальчикъ въ розовой чистой рубахѣ, съ остриженными въ

Digitized by Google

кружало темными, мокрыми волосами, съ войлочной смятой шапочкой на затылкѣ и дегтярными сапогами въ рукѣ. Онъ остановился съ секунду, изумленно вглядываясь въ меня, и сдѣлалъ-было уже быстрое движеніе, какъ-бы желая сейчасъ же юркнуть обратно въ кусты, но я тоже остановился и остановилъ его.

Къ величайшему своему удивленію, я узналъ въ мальчикѣ только-что видѣнную, купавшуюся женщину и вчерашнюю видѣнную мною ночью въ саду дѣвушку, представлявшую нѣмого. Мнѣ вспомнился также и голосъ... И лицо, и голосъ были слишкомъ оригинальны; не узнать ихъ было нельзя. Днемъ, въ этомъ необыкновенномъ мужскомъ костюмѣ, съ завитками мокрыхъ, кудрявившихся отъ воды волосъ, съ выраженіемъ смущенія и удивленія въ сѣрыхъ, не какъ у Нефовской нимфы, но внимательно-серьёзныхъ, необычайно красивыхъ глазахъ, лицо это показалось мнѣ—прелестнымъ.

Я слегка удержалъ за руку мнимаго мальчика и прямо, безъ обиняковъ и предисловій спросилъ:

— Зачѣмъ это вы нарядились такъ, въ мужское платье?

— А вы почемъ угадали, что—дѣвка?—бойко и развязно, вскинувъ глазами, начала она, но тотчасъ же опустила глаза, и живая краска ярко выступила у нея по смуглымъ, загорѣлымъ щекамъ.

Сложена она была прелестно, ничуть не напоминая собой мальчиковъ-пажей, изображаемыхъ, обыкновенно, на театрѣ балетными танцовщицами. Въ ней совершенно отсутствовала эта, такъ-сказать, пухлость женскихъ формъ, еще сильнѣе выказываемая благодаря перетянутому стану. Это было дѣйствительно почти мужское сложеніе, мускулистое, сильное и гибкое, безъ рѣзкихъ перехватовъ, и, въ то же время, юношески стройное, поражавшее соразмѣрностью членовъ какъ античная статуэтка. Какъ это всегда бываетъ, строгая соразмѣрность членовъ и мужской костюмъ скрадывали ростъ и дѣлали всю фигуру миніатюрнѣе. Дѣвушка смотрѣла парнемъ лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, хотя по выраженію лица ей могло быть и болѣе. Одна только молодая грудь выдавала ее, недостаточно маскируясь складками ситцевой рубахи; рубаха была надѣта, очевидно, прямо на голое, не обсохшее еще, послѣ купанья, тѣло.

— Я васъ видѣлъ вчера въ женскомъ платьѣ,—началъ я, отвѣчая на вопросъ.

— Гдѣ-жъ вы видѣли?

Digitized by Google

— Ночью видѣлъ. Въ саду, изъ окна... Я ночевалъ въ домѣ и видѣлъ, какъ вы караулили садъ. И какъ играли, тоже видѣлъ.

Дѣвушка подняла голову. Лицо ея нахмурилось бровями и улыбнулось ртомъ.

— И какъ въ нѣмого играли, тоже небось видѣли?—все улыбаясь и, видимо, увлекаясь этимъ воспоминаніемъ, спросила она.— Дѣвки-то кричатъ: молонья! молонья! А я то въ отвѣтъ: у-у-у! у-у-у!....

Она опять передразнила, представила нѣмого, громко разсмѣялась, закинувъ голову, и не закрылась рукавомъ.

— Все видѣлъ. Видѣлъ и это,—сказалъ я, тоже улыбаясь.

Но выраженіе озабоченности мелькнуло вдругъ на ея лицѣ.

— Ну, это все ничего, видѣли—такъ видѣли. А вы вотъ чего, оборони Богъ, не сказывайте кому, что меня этакъ-то видѣли,—съ удареніемъ сказала она, указывая глазами и рукой на свой костюмъ.—Это я въ охотку, мимо матушки, тишкомъ. Меня вѣдь ужь теперь разрядили,—прибавила она.

— Какъ разрядили? Что это значитъ?—спросилъ я.

— А то и значитъ, что разрядили, запретъ положили этакъ-то ходить. Допрежъ мнѣ запрету не было. Какъ хочу, бывало, такъ и хожу,

— По-мужски? Здѣсь, въ монастырѣ?

— А то чего-жъ! Знамо, въ монастырѣ. Съ тѣмъ и въ монастырь пріймали, чтобъ этакъ ходить. Я какъ пришла, первымъ словомъ и говорю матушкѣ: «благословите», говорю, «матушка, въ эвтой одёжѣ послужить». «Ничего», говоритъ; благословила. А теперь, нако-сь... Чего вышло-то, поди! Разрядили! Все черезъ попа, черезъ кляузника. А мнѣ-то прямо, что бѣда! Съ сарафаньями-то съ этими, да въ работѣ... Прямо, что бѣда! Непривышна я.

Это становилось интереснымъ. Я предложилъ дѣвушкѣ спуститься къ рѣкѣ и посидѣть на берегу. Она согласилась просто и, повидимому, охотно. Дорогой она сообщила мнѣ, что отпахалась покуда до праздника, сейчасъ только успѣла вернуться изъ поля въ десяти верстахъ, гдѣ прожила безвыѣздно недѣлю втроемъ съ бабой и работникомъ, исправляя черную, полевую работу на монастырь: вспахала, забороновала и посѣяла озимое.

— Управилась, и землю смыла. Какъ лёгко-то стало съ воды,—прибавила она, спускаясь ближе къ водѣ. А то разморило вовсе. Недѣлю-недѣльскую въ полѣ—жара, тягота.

Мы сѣли.

Digitized by Google

Мѣстечко было прелестное: вода у ногъ, деревья надъ головой... Длинные лучи низкаго солнца освѣщали ландшафтъ на противоположномъ берегу: песчаный обрывъ съ однимъ краснымъ глинистымъ краемъ; зеленую равнину скошеннаго луга съ большой, сѣрой, аккуратно счесанной, копной и за лугомъ темную полосу лѣса вдали на горизонтѣ.

Дѣвушка присѣла на траву, вытянувъ ноги, босыя, большія и стройныя, съ правильными пальцами и ногтями. Такія ноги бываютъ иногда у нашихъ русскихъ дѣвокъ и бабъ; говорятъ, будто бываютъ у англійскихъ аристократокъ и бываютъ—у греческихъ статуй. Она сняла шапку, отчего волосы крупными завитками посыпались ей на лицо, наклонилась къ землѣ и оперлась на локоть.

— Давно-ли вы ходите такъ, въ мужскомъ платьѣ?—спросилъ я, также удобнѣе располагаясь подъ деревомъ.

— Да, давно. Какъ себя знаю, такъ и хожу,—отвѣчала дѣвушка, вынимая изъ кармана горсть подсолнуховъ, и, не грызя, стала разбирать ихъ на ладони.

— Зачѣмъ же это вы вздумали такъ ходить!

— Зачѣмъ! А вздумалось, затѣмъ и стала ходить. Показалось... Способнѣе никакъ въ сарафаньяхъ,—продолжала она, передернувъ широкими плечами, стройно обрисовывавшимися въ рубахѣ. Съ измальства этакъ-то хожу. Мало ли тоже унимали! Батюшка-то, бывало, бьетъ-бьетъ! Возьметъ, лавку постановитъ посередь избы, привяжетъ за руки къ лавкѣ-те, да опять же бьетъ. На убой бьетъ. Встану—недѣлю лежкой лежу, а тамъ опять за свое. Какъ не меня и били!

— Да гдѣ же вы одежду брали мужскую?—полюбопытствовалъ я.

— А у брата рубаху, портки скраду, да одѣну. Такая ужъ съ роду! На улицу съ ребятами въ бабки, въ козны... Тамъ ужъ и пошли особливую одёжу шить... За скотиной, въ полѣ—ну, мое дѣло; а что касаемое пряжа, шитво—постановила красна такъ имъ десята весна... Съ дѣвками и не водилась николи.

— Ну, а какъ же вы попали сюда въ общину, въ женскій монастырь?—спросилъ я.—Здѣсь-то ужъ и вовсе однѣ дѣвки да бабы?

Меня чрезвычайно интересовалъ отвѣтъ. До сихъ поръ мнѣ приходилось вести, болѣе или менѣе, продолжительныя бесѣды со стариками. Молодыя—а ихъ было большинство—на вопросы отвѣчали уклончиво, односложно и, видимо, избѣгая разговора, отговаривались недосугомъ и работой. Тутъ, повидимому, этого не было. Дѣвушка только-что успѣла вернуться съ десятидневной работы,

Digitized by Google

была видимо утомлена, но говорила охотно. Я невольно, слушая слова и съ большимъ интересомъ вникая въ смыслъ говорившагося, слушалъ въ то же время и самый звукъ этихъ словъ, звукъ этого страннаго, съ первой минуты поразившаго меня, голоса. Это не былъ обыкновенный, низкій женскій контральто; не былъ также и молодой, ломающійся голосъ мальчика... Нѣтъ, это былъ какъ-бы совсѣмъ уже установившійся и только необычайно свѣжій и нѣжный, но чисто мужской теноръ. Разъ въ жизни привелось мнѣ еще слышать подобный же голосъ. Это было въ Парижѣ, въ 1873 году, въ одномъ изъ загородныхъ cafés chantants, подъ еще свѣжимъ впечатлѣніемъ осады, коммуны и войны. Бѣлокурая, высокая дѣвушка, въ голубой тогѣ съ серебряными звѣздами, потрясая голой, худой рукой, пѣла популярную въ то время Marseillaise des travailleurs, вызывая оглушительныя рукоплесканія въ заднихъ рядахъ, сплошь занятыхъ синими блузами. Я запомнилъ даже слова повторявшагося припѣва: «et l'on entend monter dans l'air des travailleurs la Marseillaise», хотя собственно поразилъ меня только тэмбръ этого голоса, его прелестныя, мужской силой и полнотой звучавшія теноровыя ноты. Но въ нихъ тогда не доставало свѣжести. Француженка была худа, была несовсѣмъ уже молода и, несмотря на разстояніе и вечернее освѣщеніе, на румяна и гримировку, казалась истомленною. Время отъ времени, въ голосѣ прорывался надтреснутый, больной звукъ.

Со мной рядомъ на травѣ подъ косымъ, сильнымъ лучомъ золотого солнца сидѣлъ кудрявый красавецъ-мальчикъ, почти подростокъ. Розовый ситецъ рубахи хорошо оттѣнялъ смуглый загаръ нѣжныхъ щекъ съ тонкимъ пушкомъ. Въ женскомъ костюмѣ дѣвушкѣ можно было дать лѣтъ восемнадцать. Все было свѣжо, крѣпко, сильно и молодо это красивое, молодое тѣло. Степнымъ, нетронутымъ здоровьемъ вѣяло отъ него. Манеры дѣвушки также останавливали вниманіе своей оригинальностью: она не вертѣла головой, не отворачивала лица, не смѣялась, закрываясь рукавомъ по обычаю. Движенія ея были плавныя и спокойныя, съ тѣмъ особымъ оттѣнкомъ выдержки и спокойствія, которыми отличаются манеры нашихъ крестьянъ и именно не бабъ, а мужиковъ. Говоря вообще бойко и охотно, она каждый разъ до послѣдняго слога давала договаривать вопросъ или отвѣтъ собесѣднику и затѣмъ уже, послѣ маленькой паузы въ нѣсколько секундъ, начинала возражать и отвѣчать сама. Она повернулась къ дереву, покручивая между ладонями выдернутую былинку и повернулась ко мнѣ серьёзнымъ лицомъ.

Digitized by Google

— Какъ сюды-то пришла! А это уже особливое будетъ дѣло,—отвѣчая на мой вопросъ, начала она.—Сюды-то пришла не для дѣвокъ, не для себя... Для Бога пришла, для своей души,—медленно выговорила она и выронила былинку изъ рукъ.

— Что-жъ, развѣ только и спасенія душѣ, что въ монастырѣ?—сказалъ я.

— Да кто знаетъ! Мы не знаемъ. Можетъ, въ вашемъ-то быту и не такъ, а у насъ ужъ что-нибудь одно: либо замужъ идти, либо въ монастырь.

— Ну, такъ развѣ не лучше было замужъ выйти?

— Лучше!—Характерныя, загнутыя къ вискамъ и темныя брови ея сдвинулись поперечной, тонкой морщинкой, и усмѣшка, непривѣтливая и ироническая, показалась на губахъ.—Лучше! Кому лучше-то? Небитому? Кому въ диковину отвѣдать его, каковъ онъ-отъ—кнутъ съ узломъ! Ну, а я... будетъ съ меня. Довольно учена. Отъ батюшкиныхъ кулаковъ, гляди, синяки-то не пожелтѣли и посейчасъ!..

— Ну, будто такъ ужъ всѣ мужья и дерутся,—продолжалъ я.—Можетъ быть и смирный бы попался, богатый...

— Да какже, очень нужно его и богатаго,—съ особой живостью подхватила она.—На кой его и богатаго! Мы сами не бѣдные. Нешто мы бѣдные! Мельница у насъ, круподерка и посейчасъ, всего есть. Да то же, видѣли... Житье! Милая, родная, ложись въ постель нагая, одѣжа дорогая,—шутливо, презрительно выговорила она.—Богатство-то въ сундукѣ, а не-милъ-то на рукѣ... То-то! Это вотъ гдѣ на богатство зариться можно, понимай у купцовъ, у мѣщанъ. А что касаемое у муживовъ—наше замужество самое плохое. Не ровенъ часъ—головы не сносить на плечахъ, не то что... Не далеко ходить, въ своемъ дому!..

— Что же такое?—спросилъ я.

— Да-а.—Дѣвушка потупилась и опустила голову.—Случай такой вышелъ,—промолвила она.

— Случай! какой же случай?—Она помолчала нѣсколько секундъ и вдругъ, какъ-бы принимая рѣшеніе, подняла глаза и устремила ихъ передъ собой напряженнымъ взглядомъ.

— Брата у насъ... въ Сибирь угнали,—выговорила она. Невѣстку... это то-есть хозяйку-то свою порѣшилъ, значитъ...

— За что же?

— За что! Извѣстно за что! Ни за что!.. Извѣстно, съ пьяныхъ глазъ,—сверкая глазами, быстро заговорила она.—На моихъ глазахъ дѣло-то было!

— А давно-ли было-то?

Digitized by Google

— Недавнушко. Съ Микола съ зимняго другой годъ пошелъ.

— Но какъ же это случилось,—выспрашивалъ я, стараясь подзадорить ее вопросами, видя, что она снова уходила въ себя, наклонивъ голову и машинально разбирая подсолнечные сѣмечки на рубахѣ поверхъ колѣнъ.

— Такъ и случилось, значитъ, что порѣшилъ. Долго-ли!—заговорила она, поднося руку къ затылку, какъ это дѣлаютъ, обыкновенно, въ случаяхъ затрудненія мужики.—Не долго. Чего тутъ... Подъ праздникъ дѣло-то было, а онъ у насъ большакъ, въ городъ на базаръ ѣздилъ, рыбки купилъ... Купилъ рыбки-те, а невѣстка, хозяйка-то ево, у печи стоитъ, въ корытѣ бѣлье моетъ; а я-то—зазябла шибко на улицѣ—на печь и влѣзла, на печѣ лежу. Ну... (она перевела дыханіе, подавляя вздохъ). Взошелъ, значитъ, самъ—глаза налитые, а не помолился, ништо, прямо къ ей, да рыбу-то, мерзлую-то, на руки ей и суетъ. А она ему: «погоди, молъ, Митричъ! дай руки оботру!» И какъ же ее, рыбу-то мерзлую, да мокрой рукой взять, ну?—вопросительно обратилась ко мнѣ дѣвушка.—Стала обтирать руки-те, а онъ какъ закричитъ: «какъ смѣешь обтирать! Бери, кричитъ, бери!» Она и возьми руку-то, да подъ фартукъ, да фартукомъ рыбу-то и прихвати... Ка-какъ онъ выхватитъ рыбу-то, да какъ схватитъ ее рыбой по чемъ попало... Возилъ, возилъ... Я-то съ печи гляжу, не вступаюсь. Хуже будетъ. (Дѣвушка говорила относительно спокойно. Не грустныя ноты слышались въ тонѣ ея; въ немъ слышно было сдержанное ожесточеніе). Ну, бросилъ. Мальчонка въ зыбкѣ закричалъ. Подошла она, мать-то, покормить, а онъ: «бросай ребенка! меня разувай!» Бросила: стала разувать. А онъ опять же бить. Не такъ, не такъ, молъ, разуваешь! Взялъ ножъ, да ножомъ-то онучи и разрѣзалъ на себѣ; тряпицу взялъ, къ ей и пошолъ. А она, Марья-то, съ младенцемъ на лавкѣ, младенца кормитъ сидитъ. Подошелъ... Господи! Не вспомнилась... Тряпицу-то ей на лицо, лицо закрылъ, да голову нагнулъ, да по шеѣ-то ножомъ... ножъ-то въ рукавѣ... Младенецъ отъ грудей оторвался, на полъ упалъ, а она, Марьюшка, только и крикнула разокъ: «Дёмушка!» Мальчёнка-то Дёмкой звали... Я съ печи скатилась къ ему, а онъ, разбойникъ!.. стоитъ разбойникъ, ножъ-отъ полой обтираетъ, ровно овцу рѣзалъ, птицу... я младенца-то подобрала, въ двери—двери заперты. Я въ сѣни и сѣни на запорѣ. И ворота приперъ. Пока пробились, народъ скликали, а она ужъ еле-жива. Къ ночи и духъ вонъ. И ребеночка-то сгубили. Младенское съ имъ съ того-жъ часу. Померъ. Крестничекъ былъ,—закончила дѣвушка съ видимымъ противъ

Digitized by Google

воли овладѣвшимъ волненіемъ, отъ котораго вздрагивали ея губы и яркія пятна закраснѣлись на обѣихъ щекахъ.

— Да, это печальный случай,—промолвилъ я.—Ужасный!.. Кому же у васъ жить-то хорошо? Вдовамъ развѣ, да солдаткамъ, вопросительно обратился я къ ней.

— Солдаткамъ!—повторила она.

— Да. Ну, что же? Развѣ не такъ? Солдатка что вдова—ни мужа ни отца, значитъ, и бить некому. Мірской, вольный человѣкъ.

— Эхъ, какъ вы это... понимаете!—съ обычной, свойственной ей въ рѣчи серьёзностью и нѣсколько даже укоризненно начала она, какъ-бы съ нѣкоторой досадой на такое ребячливое непониманіе въ такомъ уже взрослomъ человѣкѣ.—Какъ вы это! А кормиться-то чѣмъ? А ребята пойдутъ! Солдатку-то кому бы не судить—судить, кому бы не ругать—ругаетъ. Станутъ землю, души дѣлить, скажутъ: она солдатка, досугъ ли ей державу держать! Стара—такъ не осилитъ; а молода—такъ скажутъ, пригуливаетъ. Оставятъ-те безъ борозды, тамъ какъ хошь, такъ и справляйся. Да что говорить! Тоже не слѣпыя были, видѣли!—закончила она и энергически встряхнула кудрявой, красивой головой.

— Ну, а здѣсь-то, что же вы видите?—спросилъ я, рѣшившись добиться возможно полнаго уясненія себѣ мотивовъ поступленія въ монастырь не келейницъ, не разбитыхъ жизнью полубольныхъ стариковъ, а такихъ полныхъ жизни и силъ, полныхъ, казалось бы, задатковъ на счастливую семейную жизнь, здоровыхъ и молодыхъ, изъ ряду вонъ красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Разговоръ нашъ напоминалъ нѣсколько утреннюю бесѣду съ матушкой. Но тамъ я видѣлъ конецъ, результатъ душевнаго процесса, постепенно доводившаго человѣка до состоянія, выразившагося въ одномъ опредѣленномъ желаніи, желаніи: «вѣчнаго спокоя». Тутъ же я присутствовалъ при самомъ началѣ этого процесса. Была раньше прежде всего несомнѣнная неудовлетворенность окружавшей обстановкой, было недовольство; недовольство, обострившееся трагическимъ случаемъ, выразилось исканіемъ; поиски привели къ монастырю, какъ къ единственному возможному выходу изъ тяжелаго положенія. «Что-либо одно: либо замужъ, либо въ монастырь»...

Дѣвушка сидѣла молча, скрестивъ руки у груди и вглядываясь куда-то въ даль большими, какъ-то потемнѣвшими, глазами; брови снова близко сдвинулись надъ ними, обозначая работу мысли.

Digitized by Google

— Такъ какъ же?—повторилъ я.

— Чего здѣсь-то, сейчасъ видимъ,—вдругъ съ живостью, почти рѣзко, начала она, повторяя вопросъ, какъ-бы сообразивъ отвѣтъ и приготовивъ неотразимо-убѣдительныя доказательства на него. Волненіе, возбужденное разсказомъ, видимо, еще не улеглось въ ней и слышалось въ голосѣ.—Нѣтъ, а вы-то скажите первa, вы вотъ чего скажите: допрежъ-то чего мы видѣли? Чего? А?.. Ничего не видѣли,—рѣзко, вскинувъ глазами и внезапно возвышая голосъ, отрѣзала она.—Окромѣ, что пьяной артели да избы ничего не видѣли и не увидимъ во вѣкъ... А тутъ... тутъ другое дѣло. Въ церкви у насъ не были?

Я отрицательно покачалъ головой.

— Какъ сестры-то убрали! А вы пойдите. Мило поглядѣть. Иконы—ризы серебряныя, ясныя, какъ горятъ! И духъ какой... сладкій! Чистота... Наше вѣдь все это. Первое дѣло—артель. Не одинъ человѣкъ... на міру.—Она говорила отрывочно и энергично, видимо, съ трудомъ только формулируя занимавшія ее и, можетъ быть, въ первый разъ высказываемыя ею мысли. На міру-то, какъ можно, во всякомъ дѣлѣ повадчѣе, никакъ одному. Хоть бы то въ примѣръ: въ полѣ сейчасъ работаю, черную работу работаю; изъ поля пріѣхалъ, поѣсть тебѣ, рубаха—готово! никакъ въ семьѣ... Въ семьѣ-то, семейскіе измыкаютъ. Дѣвку туды-сюды—всякій норовитъ. На огородъ, по воду, за ребятами... ахъ ты! Въ день-то закружатъ и не вспомнишься! А тутъ этого нѣтъ. Нѣту. Всякому свое послушаніе. Такъ какъ же не послушаться! Я и послушаюсь, завсегда послушаюсь.

— Вотъ и пришлось послушаться, и разрядили,—сказалъ я, слѣдя за впечатлѣніемъ своихъ словъ.

Дѣвушка вытянула руки въ длинныхъ, узкихъ рукавахъ мужской рубахи и опустила глаза, какъ-бы оглядывая эти руки и свой костюмъ.

— Разрядили, такъ разрядили,—промолвила она, взглядывая на меня. Кроткій, трогательно-покорный взглядъ смѣнилъ обычное горделивое выраженіе этого лица съ чертой упрямой воли въ глазахъ и по угламъ маленькаго, энергически очерченнаго рта.—Значитъ, такъ тому и быть. Тяти не послушалась, а сейчасъ—батюшка-то померъ—братья!.. Братьевъ-то и подавно не послушаюсь. Ну, такъ чтожъ! Вонъ Васёна-то и вовсе не послушалась, не захотѣла разрядиться. И изъ монастыря ушла.

— Какая Васёна?

— Да товарищъ у меня здѣсь былъ; тоже дѣвка, а въ мужской же одёжѣ этакъ же съизмальства ходила, Василиса — Ва-

Digitized by Google

силіемъ у насъ звали; въ пастухахъ здѣсь въ монастырѣ-то жила. Не захотѣла раздѣться, ушла. Матушка этакъ-то не позволять, а она: «легче же я уйду», говоритъ.

— Куда же она ушла?

— Да кто знать! Ушла.

— И часто это у васъ бываетъ такъ, что дѣвушки въ мужскихъ платьяхъ ходятъ?—спросилъ я. Въ первый разъ въ жизни мнѣ приходилось слышать объ этихъ деревенскихъ дѣвичьихъ похожденіяхъ, живо напоминавшихъ записки извѣстной Дуровой—дѣвицы-кавалериста.

— Нѣ, гдѣ часто! Въ рѣдкую, — отвѣчала дѣвушка. Тоже вѣдь другая... не всякая осмѣлится.

— А вы, значитъ, смѣлая?

— Что-жъ! Кто смѣлъ—мазанное и съѣлъ. А не осмѣлишься, пожалуй и безъ сухого останешься,—усмѣхнувшись, промолвила она.

— Справедливо!—замѣтилъ я и спросилъ: знаетъ ли она грамотѣ?

— Доходить стали. Зиму-то зимскую бились. Ну, сейчасъ ничего, разбираю...

— Кто же обучалъ васъ?

— Старшія,—отвѣчала она.

— Душа! Эй Душа! Ау!—послышался въ эту минуту женскій голосъ откуда-то издалека, эхомъ отдавшись съ противоположнаго высокаго берега.

— Здѣ-ѣся! Это меня!—промолвила дѣвушка. Вотъ душатъ онѣ здѣсь меня все этой Душей. Заладили: Душа, Душа!—передразнила она.

— Да какъ же васъ звать?

— А онѣ зови какъ слѣдоватъ—Авдокимъ. А то—Душа!.. И-ду!—протянула она въ отвѣтъ на призывъ, проворнымъ движеніемъ натягивая сапоги и поднимаясь съ травы.—Ко всенощной, знать, ударять хотятъ. Нынѣ служба у насъ...

Она кивнула мнѣ головой. Я не успѣлъ еще подняться, какъ она исчезла уже въ кустахъ, быстро мелькая стройной фигурой въ розовой рубахѣ съ помятой шапочкой на кудрявомъ затылкѣ и пробираясь берегомъ по направленію къ дому.

Жиденькіе звуки небольшихъ колоколовъ дѣйствительно, въ скоромъ времени, раздались въ сторонѣ дворца. Я всталъ и тоже поднялся съ берега въ садъ. Меня интересовала церковь, устроенная, какъ я узналъ, въ самомъ домѣ и занимавшая большую съ колоннами, когда-то танцовальную, залу; интересовала и

Digitized by Google

служба, и взаимное отношеніе священника и сестеръ; послѣ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ наканунѣ матушкой, и я рѣшился быть у всенощной. Но всего болѣе интересной въ эту минуту казалась мнѣ личность только-что встрѣченной мною дѣвушки. Хотѣлось разспросить объ ней, собрать болѣе подробныя свѣдѣнія о ея прежней жизни, о жизни въ общинѣ. Оригинальная физіономія представлялась мнѣ своимъ характернымъ, двойнымъ выраженіемъ: сдвинутыми бровями и смѣющимся ртомъ. Голосъ звучалъ еще въ памяти, отвлекая вниманіе отъ самого смысла, содержанія рѣчей, не менѣе интересныхъ оригинальною смѣлостью. Въ нихъ были живыя, новыя нотки, которыхъ не было въ разсказахъ матушки. Рядомъ съ тѣмъ же отвлеченнымъ вопросомъ о спасеніи души и Богѣ она ставила вопросъ чисто практичныхъ, житейскихъ преимуществъ, общиннаго сожительства—вопросъ объ артели, формулируя его по-своему, отрывочно, но опредѣленно...

Я былъ очень доволенъ, увидавъ матушку, спѣшной походкой, въ черномъ, на манеръ сарафана подобранномъ платьицѣ, пробиравшуюся цѣликомъ по скошенной куртинѣ. На рукѣ у нея въ корзинѣ было нѣсколько десятковъ опавшихъ яблокъ. Я подошелъ какъ знакомый человѣкъ, и пошелъ съ нею рядомъ. Матушка живо обдернула платье, привѣтливо поклонилась, но была, видимо, не въ расположеніи бесѣдовать. Она сильно торопилась и казалась озабоченной. Причиной этой озабоченности, какъ я догадывался, была, по всему вѣроятію, предстоявшая всенощная, да еще въ присутствіи посторонняго лица. Я заявилъ, что также направляюсь въ церковь, и по дорогѣ завелъ рѣчь объ интересовавшемъ меня предметѣ, минуя, разумѣется, мужской костюмъ и любопытство свое мотивируя красотой и интеллигентнымъ видомъ дѣвушки. Къ тому же оказывалось, что она исполняла почти одна всю, такъ-называемую, «чорную» работу въ монастырѣ, косила, а главное—пахала и бороновала, чего въ нашихъ краяхъ совершенно не принято дѣлать женщинами.

Въ отвѣтъ на мои разспросы, матушка коротко замѣтила, что: «дѣвка она съ виду тиха, а огня-то въ ей поболѣ самоварнаго»... Впрочемъ, съ большой похвалой отозвалась объ ея поведеніи и работѣ. Родомъ она была, какъ и сама матушка, изъ богатой крестьянской семьи, «богачиха-мельничиха»; въ монастырь ушла тайкомъ, противъ воли родныхъ, никакія усилія которыхъ не могли заставить ее вернуться домой. Жениховъ поразогнала, «не пожелала», какъ выразилась матушка. «А ничего, веселенькая у насъ ходитъ покудова, спаси ее Богъ! И за мужика

Digitized by Google

работаетъ. Намъ бы безъ ея чего бы и дѣлать!» продолжала она, подтверждая на мой вопросъ и другой интересный фактъ относительно другой дѣвушки, не захотѣвшей снять мужского платья и покинувшей монастырь. Фактъ этотъ, хотя въ видѣ рѣдкаго исключенія, тѣмъ не менѣе, однако, существовалъ. «Дѣвки», по выраженію матушки, надѣвали «мужескую одёжу» и работали за мужиковъ.

— Ну, та, Васенка-то, поплоше, нечего и говорить—гулена! На деревню, съ парнями въ обнимку... и испивать стала по-малости. Да чего! Третяя приходила этакъ же—въ караульники... Ну, да Богъ съ ими! Отъ людей только напрасный грѣхъ. А въ нашей жисти на кажный часъ бойся. Только свяжись—не развяжешься.

Мы подошли къ дому.

Матушка исчезла въ боковомъ крыльцѣ. Я прошелъ на парадное крыльцо; двери растворены были настежъ.

Группы крестьянъ, по преимуществу дѣтей, дѣвокъ и бабъ, хотя не мало было и мужиковъ, подходили по дорогѣ, поднимались на крыльцо и наполняли церковь. Народу набиралось множество. Черныя фигуры сестеръ мелькали въ пестрой толпѣ. Всѣ успѣли уже перерядиться изъ сарафановъ въ черныя, новымъ глянцемъ отливавшія, каленкоровыя платья монашескаго покроя съ черными платками на головахъ, съ длинными нитками чотокъ въ рукахъ.

Церковь помѣстилась въ комнатахъ очень удачно. Невысокій, золоченый иконостасъ въ два тябла [1]) загораживалъ полукруглую стѣну въ глубинѣ бывшей большой гостиной, соединенной съ залою аркой. Въ гостиной помѣщался алтарь и амвонъ; по обѣимъ сторонамъ арки стали два клироса; просторная и красивая съ колоннами зала, съ теплымъ паркетнымъ поломъ представляла прекрасное помѣщеніе для народа. По стѣнамъ между колоннами темными пятнами чернѣли мелкіе и темные безъ ризъ образа. Огромная икона Иверской Божьей Матери, также безъ ризы, но свѣже-написанная по золотому, словно пряничному, фону яркими, синими и алыми красками, загораживала правый клиросъ. На лѣвомъ (вѣроятно, по недостаткамъ, не успѣли еще справить) иконы недоставало, и для симметріи приставленъ былъ небольшой, темненькій образокъ. Но за то всѣ низá, подножья иконы, всѣ подсвѣчники и паникадила были унизаны, покрыты и разубраны своеобразными

[1]) Таблами называются въ иконостасѣ ряды иконъ.

Digitized by Google

украшеніями: бисерными кистями, лентами, шитыми полотенцами. Домодѣльные коврики тянулись по амвону, вдоль стѣнъ, лежали передъ иконами, придавая всей церкви, всему въ ней особоуютный, домашній видъ. Что-то трогательное было въ этомъ, на всемъ лежавшемъ женскомъ отпечаткѣ.

Толпа зашевелилась. Послышались голоса: «батюшка! батюшка идетъ!»

Небольшого росту, приземистый и толстый попъ, въ свѣтлой, суроваго цвѣту лѣтней рясѣ, прошелъ по церкви вслѣдъ за дьячкомъ, расталкивавшимъ передъ нимъ толпу. Другой дьячокъ слѣдовалъ позади. Чорная кучка сестеръ впереди народа зашевелилась, раздѣлилась по клиросамъ и чорной полосой протянулась вдоль стѣнъ. Толпа заколыхалась, творя крестное знаменіе, склоняясь и поднимаясь на поклонахъ, и служба началась.

Пѣніе еще разъ не оправдало моего ожиданія. Въ противоположность сѣвернымъ губерніямъ, напр., Московской и Тверской, въ которыхъ бабьи хоры поражаютъ необычайно-высокими, головными, фальцетными нотами—въ Саратовской южной губерніи большинство женщинъ, напротивъ, басятъ, поютъ низами, контральтовыми голосами. Общее впечатлѣніе женскихъ хоровъ, благодаря этому обстоятельству, болѣе пріятное, такъ какъ даже натужныя низкія ноты выходятъ всегда непремѣнно лучше и удачнѣе не подъ силу высокихъ нотъ. Въ хорѣ монахинь было нѣсколько недурныхъ голосовъ; выдавалось прелестное сопрано, замѣченное мною наканунѣ, нѣсколько, впрочемъ, форсировавшее грудныя ноты. Но, главнымъ образомъ, вредили всему манеры пѣнія: особенная, гнусливая, неестественная манера пѣнія въ носъ, не разъ замѣченная мною по монастырямъ. Особая репутація святости и старинѣ прочно установилась за этой манерой въ родѣ того, какъ установилась она же за образами старинаго греческаго письма. Наиболѣе святыми между ними почитаются наиболѣе уродливые, съ вытянутыми въ нитку, невозможными въ природѣ носами, съ непремѣнно тремя безобразными морщинами подведенными пухлыми вѣками, нечеловѣческими глазами и трехъ-угольными, всевидящее око напоминающими, неестественно-миніатюрными ротиками. Мысль и основаніе этой манеры въ сущности понятны и въ томъ, и въ другомъ случаѣ. Понятно желаніе чего-то иного, необыденнаго, нечеловѣческаго въ предметѣ, представляющемъ идеалъ, предметъ обоготворенія и поклоненія. И если это иное недоступно, превышаетъ силы и средства въ смыслѣ настоящей истинно идеальной красоты, то естественно желаніе представить его хотя бы только въ измѣ-

Digitized by Google

ненномъ, искаженномъ видѣ, лишь бы не напоминало оно одного: близкую, пошлую, обыденную и знакомую дѣйствительность. И кто скажетъ! Если невозможны Сикстинскія Мадонны и Гвидо-Реніевское Вознесеніе, то можетъ быть и желательны именно онѣ — греческія иконы съ нечеловѣческими, темными ликами, съ нечеловѣческимъ взоромъ въ странно-разрѣзанныхъ глазахъ, съ опухшими вѣками (словно отъ скорби, слезъ состраданія къ людской скорби), съ сжатыми устами и необычайно-драпированными одеждами и покровами... Можетъ быть, дѣйствительно именно онѣ лучше и способнѣе достигнуть цѣли: вознести мысль отъ земного горѣ, нежели хотя бы мадонны Мурильо и Корреджіо съ граціозными позами, женскими формами, полуоткрытыми улыбкой устами и очаровательно-живыми лицами, возбуждающими, можетъ быть, иныя желанія... желаніе, если и стать на колѣни, то лишь передъ земной прелестью этихъ, теплой кровью налитыхъ, жизнью дышащихъ членовъ. Искреннему вѣрующему человѣку подобное впечатлѣніе показалось бы кощунственнымъ, также точно, какъ не симпатично ему вообще смѣшеніе свѣтской и духовной музыки, свѣтски-концертныхъ мотивовъ и церковно-молитвеннаго содержанія.

Пожилая женщина, съ энергическимъ лицомъ и старческимъ высокимъ, разбитымъ голосомъ, управляла хоромъ, по-своему стройно исполнявшимъ длинную монастырскую всенощную. Народъ держалъ себя чиннѣе обыкновеннаго; не было обычнаго хожденія взадъ и впередъ, хлопанія дверями... У открытыхъ настежъ обѣихъ дверей по обѣ стороны стояли монахини.

Толстый, съ почти-женской грудью, священникъ, путаясь ногами въ длинной не по росту, шелковой ризѣ (непремѣнно перешитой изъ жертвованной купеческой юбки), служилъ неспокойно и торопливо, не дочитывая эктеніи, обрывая отвѣтное пѣніе. Несмотря на открытую дверь и часть оконъ, въ церкви было жарко до духоты. Жидкія пряди уже сѣдѣющихъ волосъ прилипали у него къ влажнымъ вискамъ, и лицо, отекшее въ вѣкахъ и щекахъ, болѣзненно-опухлое, принимало все болѣе и болѣе озлобленное, страдальческое выраженіе.

Онъ вышелъ и сталъ у аналоя посреди церкви съ Евангеліемъ.

Безконечная процессія черныхъ фигуръ, выстроенныхъ парами, протянулась черезъ всю церковь: каждая изъ сестеръ, подходя, клала земной поклонъ передъ аналоемъ, прикладывалась и, затѣмъ, по монашескому обычаю, дѣлала еще три поясныхъ поклона въ сторону батюшки и обоихъ клиросовъ. Онъ

Digitized by Google

пожиралъ каждую воспаленно-блестѣвшими, разъяренными глазами, едва держась на ногахъ и, видимо, теряя терпѣніе. Выраженіе лица и поза съ каждой минутой дѣлались все напряженнѣе. Это становилось слишкомъ замѣтнымъ. Монахини, между тѣмъ, продолжали поклоны, какъ-бы не замѣчая, каждая по четыре, пуще всего стараясь, очевидно, объ одномъ: потрафить точь-въ-точь по настоящему, «форменному» монастырскому уставу.

— Слабъ, больно ногами-то слабъ сталъ нашъ батюшка! опухли онѣ у его, сказываютъ всѣ ноженьки-то,—обращаясь ко мнѣ и съ состраданіемъ не спуская глазъ съ батюшки, промолвила сосѣдка моя, старая женщина въ темномъ сукманѣ и старинной бабьей повязкѣ на головѣ.

Кромѣ всѣхъ сестеръ, прикладываться желала и вся масса собравшагося народу. Я началъ уже опасаться и ждать скандала или несчастія, но неожиданное обстоятельство дало силы батюшкѣ выдержать и выстоять службу до конца.

Высокій старикъ благообразнаго вида, съ особо-елейнымъ выраженіемъ въ блѣдно-тощемъ, испитомъ лицѣ, въ священнической рясѣ, неожиданно появился изъ алтаря и сталъ на амвонѣ у клироса. Онъ искоса, творя поклоны, высматривающимъ взглядомъ исподлобья наблюдалъ за происходившимъ. Батюшка тотчасъ же примѣтилъ его. Это былъ, по всему вѣроятію, заштатный священникъ — предшественникъ, исполнявшій раньше, по словамъ матушки, службу въ общинѣ. Видъ соперника мгновенно удесятерилъ, поднялъ покидавшія уже силы. Крупныя морщины-складки набѣжали на облысѣвшій, огромный лобъ батюшки; маленькіе глазки вспыхнули энергіей; лицо загорѣлось. Онъ внимательнымъ взглядомъ оглядѣлъ меня съ головы до ногъ, когда я съ толпой народа подошелъ къ Евангелію, помазалъ мнѣ лобъ и, свѣтски любезно, съ поклономъ произнесъ: «съ пріѣздомъ-съ»!

Всенощная благополучно дотянулась до конца.

Было не болѣе восьми часовъ вечера. Я вышелъ на крыльцо и былъ въ раздумьѣ, что предпринять, не имѣя никакихъ извѣстій о лошадяхъ и кучерѣ и разсчитывая уже принанять мужичью пару и кого-нибудь изъ крестьянъ довезти меня до дому по холодку... какъ вдругъ незнакомый голосъ окликнулъ меня сзади по имени:

— Дмитрій Николаевичъ!

Я обернулся. Сзади меня стоялъ батюшка въ парусинной рясѣ съ палочкой и съ широкополой войлочной шляпой въ рукѣ.

Digitized by Google

Послѣдовали привѣтствія, увѣренія въ давнишнемъ знакомствѣ и памяти.

— Какъ-же-съ! И папеньку вашего покойника помнимъ, и маменьку—царство небесное! Какъ-же-съ, помилуйте. Здѣшніе, можно сказать, самые коренные господа-жители... Возможно-ли позабыть!

Я не сталъ спорить съ батюшкой о возможности или невозможности для него помнить моихъ папеньку и маменьку, о которыхъ онъ могъ знать по наслышкѣ и едва-ли когда-нибудь видѣть въ лицо. По старой памяти онъ убѣждалъ меня посѣтить его. Послѣ нѣкотораго колебанія съ моей и усиленныхъ просьбъ съ его стороны, я рѣшился отказаться отъ чаю у матушки и принять предложеніе его: отправиться на чашку чаю къ нему въ домъ, въ собственномъ приходѣ его, въ селѣ Покровскомъ.

VII.

Село Покровское было всего верстахъ въ полутора отъ монастыря и принадлежало также въ прежнее время князьямъ, составляя какъ-бы одно цѣлое съ Ольшанкой. Въ Покровскомъ жили мужики, помѣщались риги, скотные дворы, была церковь; въ Ольшанкѣ была усадьба, т.-е. княжій дворецъ, вотчинная контора, хлѣбные амбары и жили дворовые.

Мы сѣли съ батюшкой въ монастырскую телѣжку, запряженную берёжей, сѣдой кобылкой, также монастырской, хотя лошади у батюшки были, разумѣется, и свои. На козлахъ, понурившись длиннымъ туловищемъ безъ картуза, сидѣлъ знакомый Андрей Китовъ. Онъ вскинулъ на насъ острыми, свѣтлыми глазками, насунулъ картузъ, двинулъ лопатками и шибко хлестнулъ сѣдую кобылку. Мы живо подкатили къ низенькому въ двѣ ступеньки крыльцу низенькаго поповскаго домика.

Батюшка, снявъ шляпу и по-дамски придерживая полы рясы напереди, съ поклонами приглашалъ меня войти первымъ. Домикъ былъ выстроенъ на манеръ мужичьихъ избъ съ черной и чистой избой по обѣ стороны темныхъ, какъ погребъ, сѣней съ безконечнымъ количествомъ приступочекъ, ступенекъ и пороговъ. Я благополучно перешелъ всѣ, согнувшись по предупрежденію батюшки въ дверяхъ, и, наконецъ, взошелъ въ болѣе свѣтлое помѣщеніе, носившее смѣшанный характеръ прихожей, спальни и кухни: въ немъ помѣщалась вѣшалка для платья, стояла застланная ситцевымъ мозаичнымъ одѣяломъ кровать и, вылѣзая чуть

Digitized by Google

не на середину крохотной комнаты, высилась въ углу громадная, русская оштукатуренная печь. Деревянная перегородка съ сквознымъ рѣшетчатымъ верхомъ отдѣляла прихожую отъ слѣдующей, сравнительно большой, комнаты съ малыми и рѣдкими окнами; въ нихъ пробивался еще послѣдній свѣтъ вечерней зари, потухавшей за темными, накрывавшими небо, тучами.

Я попросилъ у батюшки позволеніе открыть окно.

— Помилуйте-съ! Какое же позволеніе! Покорнѣйше прошу какъ дома, безъ церемоніи,—стремительно выговорилъ онъ, распахивая настежъ одно за другимъ, всѣ три окна.—Чего прикажете? Чаю? Закусочки?

За деревянной перегородкой, въ сторонѣ русской печи, послышалась возня. Батюшка извинился и вышелъ распорядиться.

Обстановка комнаты напоминала точь-въ-точь обычную обстановку деревенскаго попа въ приходѣ средней руки, напоминая, въ то же время, до нѣкоторой степени, такъ называемыя «чистыя комнаты» на почтовыхъ станціяхъ. Оклеенныя бѣлой бумажкой стѣны; высокіе стульчики съ клеенчатыми тугими подушками; ломберный столъ въ простѣнкѣ, надъ нимъ на двухъ исполинскихъ костыляхъ высоко, почти подъ потолкомъ, оловяннаго цвѣта засиженное мухами зеркало; чижикъ въ клѣткѣ; геранъ на подоконникѣ; узкая кіота съ лампадой въ углу и миріады мухъ, носящихся въ воздухѣ и подавляюще дѣйствующихъ на самихъ таракановъ, меланхолически выглядывавшихъ изъ-за кіоты и по щелямъ длинными усиками.

Дѣтскіе и женскіе голоса и хозяйственная возня продолжали слышаться за перегородкой. Босоногая, въ подоткнутомъ сарафанѣ, здоровенная работница, съ грудью-горой и глазами на выкатѣ, внесла громадный самоваръ. Слѣдомъ за ней вошелъ и батюшка, успѣвшій уже перемѣнить рясу и пригладить волосы. Женщина подала жестяную съ цвѣточками, какія продаются по Святымъ мѣстамъ, сахарницу; батюшка придвинулъ стулъ и сталъ заваривать чай.

Я рѣшился предложить вопросъ о супругѣ и семействѣ батюшки.

— Вдовѣю-съ! Третій годъ вотъ какъ вдовствую-съ,—отвѣчалъ онъ, устанавливая чайникъ на самоварѣ.—Похинула меня покойница. Съ эстакой-то семьей... Вѣдь орава-съ! Трудно, что и говорить. Очень трудно по нонѣшнему времени, Дмитрій Николаевичъ.

— Да, всѣ вотъ что-то на нынѣшнее время жалуются, всѣ недовольны,—замѣтилъ я.

Digitized by Google

— Мудрено-съ и не жаловаться. Недовольство натуральное. Жить стало тяжело-съ, — промолвилъ батюшка, передавая мнѣ стаканъ крѣпкаго, какъ пиво, темнаго чаю.

Я попросилъ разбавить чай. Онъ очень ловко хозяйничалъ, управляясь съ широкими рукавами, несмотря на тѣсноту заставленнаго стола и придвигая ко мнѣ бутылки съ кагоромъ, ромомъ серизоваго оттѣнка и якобы коньякомъ. Я предпочелъ кагоръ, сохраняя къ нему на вѣки неизмѣнную, полумистическую привязанность и именно въ этомъ самомъ видѣ, со вкусомъ и осадкомъ сандала, съ легкой кислотой, напоминающими «теплоту» въ церкви, подаваемую послѣ причастія, и цѣлое множество иныхъ, теплыхъ, смутныхъ дѣтскихъ воспоминаній: начало дѣтскихъ болѣзней въ деревнѣ, безъ доктора, въ начинающемся жару и забытьѣ, въ натопленной комнатѣ, когда уже истощены всѣ имѣющіяся средства, въ родѣ липоваго цвѣту и горчичниковъ, богоявленской воды и кіевскаго масла, и, за полной невозможностью въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ арникѣ, постановляется рѣшеніе: обратиться къ послѣднему, героическому средству — церковному вину. Взволнованно-шепчущіе, нѣжно-озабоченные, словно сквозь сонъ слышимые, женскіе голоса шлютъ посла къ батюшкѣ, къ отцу Ефиму: «отслужить на-завтра заказную съ молебномъ Пантелеймону цѣлителю, а покудова Христомъ Богомъ, чтобы поскорѣй отпустить вина церковнаго бутылочку для дитяти, потому что церковное вино — первое средство въ *такихъ* случаяхъ».

Мало и рѣдко въ жизни впослѣдствіи случается встрѣчать и пить подобное вино; но вотъ именно такимъ виномъ въ бутылкѣ, съ темненькимъ ярлыкомъ и узкимъ горлышкомъ, и подчивалъ меня теперь батюшка. Я налилъ себѣ вина въ стаканъ, отчего тотчасъ же образовался лиловый вѣнчикъ вокругъ и осадокъ, замѣтный на днѣ стакана, отпилъ съ удовольствіемъ, еще усиливавшимся жаждой, которая испытывалась съ самой всенощной и, затѣмъ, обратился съ вопросомъ къ батюшкѣ:

— Странно не то, что жалуются, безъ этого нельзя, батюшка. Жалобы были и въ прежнія времена. А вотъ странно: нынѣ какъ-то всѣ поголовно жалуются, куда ни поглядишь. Неужели же всѣмъ стало жить хуже?—спросилъ я батюшку.

Онъ не донесъ до рта поднятый-было стаканъ, сильно разбавленный серизовымъ коньякомъ, и поставилъ его обратно на блюдечко.

— Именно, что такъ-съ! Справедливо замѣтить изволили, Дмитрій Николаичъ, что поголовно-съ, — съ большимъ одушевле-

Digitized by Google

ніемъ началъ онъ.—Именно что поголовно для всѣхъ ухудшилось. Хоть сейчасъ по примѣрамъ разобрать для очевидности. Вотъ позвольте-съ—ваше хоть положеніе,—осторожно произнесъ онъ.—Мое..., вотъ его,—продолжалъ онъ, дѣлая жестъ по направленію къ раскрытому окну, къ проходившему мимо безъ шапки мужику.—Баринъ обѣднялъ—помѣщикъ обѣднялъ и мужикъ обѣднялъ; а про насъ... про насъ-то чего ужъ и сказать! Рукава только что широки, а вылѣзть некуды! Да какъ еще къ тому же вотъ этакую обузу на своемъ горбѣ...—Онъ махнулъ рукой и залпомъ выпилъ остывшій стаканъ.

Обуза, повидимому, и въ самомъ дѣлѣ была немалочисленная. Цѣлая шеренга дѣтскихъ фигуръ, дѣтскихъ головъ всѣхъ возрастовъ, цвѣтовъ и оттѣнковъ выглядывали въ широкую щель до половины растворенной двери, съ любопытствомъ озирая новаго гостя. Батюшка махнулъ платкомъ по направленію къ двери. Дверь захлопнулась; головы исчезли.

— Ваши всѣ?—спросилъ я.

— Мои-съ. Всего-то живыми одиннадцать душъ, да схоронилъ четверыхъ... сыновья да дочери... внучата пошли... да духовное стадо...,—прихлебывая изъ стакана большими глотками и доливая его каждый разъ бутылкой, отрывочно произносилъ онъ.—Да еще артель эта тутъ же подъ бокомъ угнѣздилась, духовныя дочери...

Я понялъ, что дѣло шло объ общинѣ, но не показалъ виду и спросилъ батюшку:

— Какая артель?

— А откуда мы сейчасъ съ вами пріѣхавши...

— Монастырь?—переспросилъ я.

— Монастырь!—съ невыразимой ироніей повторилъ онъ.—Какъ же! Сдѣлайте ваше одолженіе, сейчасъ, затворницы, схимницы, монахини!.. Я вотъ тоже думаю: погожу, погляжу, да тоже въ монастырь уйду, дѣтей архіерею брошу.

— Вы, кажется, несовсѣмъ довольны новымъ сосѣдствомъ?—замѣтилъ я.

— Нѣтъ-съ, не недоволенъ-съ, Дмитрій Николаевичъ!—Батюшка неожиданно остановился и устремилъ на меня въ упоръ глаза, живо напомнившіе выраженіемъ то, съ которымъ они смотрѣли на раскланивавшихся за всенощною монахинь; они сверкнули озлобленіемъ, почти ненавистью. — Не недоволенъ-съ!—повторилъ онъ сильнѣй.—Какъ на горло наступятъ, да за глотку схватятъ, такъ тутъ не недовольство, а прямо что такъ надо сказать: не въ древнія времена распинали, а сейчасъ насъ

Digitized by Google

распинаютъ—поповъ! Сокращаешь себя, сдерживаешь, конечно, нельзя... Ну, и все-жъ-таки какъ бы чего не вышло подъ худой часъ... Ну, тогда косы отрѣжутъ, по столбовой дорогѣ погонятъ.

— Да помилуйте! Что вы? Какая же можетъ быть причина?

— А та самая и причина она, что у меня ихъ одиннадцать головъ, самъ двѣнадцатый; да теща... бабушка... да свояченa—пятнадцать ртовъ. Надо ихъ всѣхъ заткнуть? А? Надо-съ? Какъ вы... по вашему? Вы какъ-съ объ эвтимъ дѣлѣ полагаете?

— Разумѣется,—началъ-было я,—но онъ не далъ мнѣ договорить и стукнулъ (не слишкомъ громко впрочемъ) кулакомъ по столу.

— Нѣтъ, не разумѣется! Нѣтъ-съ, не скрывайтесь, не скрытничайте! Я вѣдь вижу, что вы думаете. По глазамъ сейчасъ вижу все одно, какъ-бы десять лѣтъ былъ знакомъ. Тоже не первый годъ на свѣтѣ живу, всякаго народу видалъ! Вы вотъ сейчасъ чего думаете...

— Но позвольте,—попробовалъ я перебить еще разъ.

— Нѣтъ-съ, вы позвольте! Позвольте, я вамъ все это сейчасъ роспишу, какъ по табельному. Сею минутою... (Батюшка допилъ стаканъ съ чаемъ и налилъ себѣ безъ чаю прямо одного коньяку). Вы сейчасъ, напримѣръ... напримѣръ, чего думаете! Вы думаете, глядя: мошенникъ попъ, грабитель и притомъ обидчикъ, и пьяница попъ... Послѣднее вѣрно, хоть я сейчасъ еще и не пьянъ, но обида... онѣ вамъ тамъ наговорили, знаю ужъ, что наговорили, сороки-стрекотухи, не вытерпѣли... Ну, такъ и я вамъ скажу: ежели мнѣ ихъ теперь не обижать, дѣло это сейчасъ по-ихнему вольно пустить (онъ сдѣлалъ жестъ по направленію къ монастырю), такъ мнѣ, Дмитрій Николаевичъ, доложу я вамъ-съ, здохнуть надобно самому того же дня. Клятвой клянусь. Понимаете, здохнуть, поколѣть должонъ неминуче съ чадами и домочадцами, все одно вѣрно, какъ вотъ съ вами сейчасъ говорю. Не я обидѣлъ, меня обидѣли...

— Чѣмъ же васъ-то обидѣли?—освѣдомился я.

— А чѣмъ? А хоть бы тѣмъ-съ... Нѣтъ-съ, позвольте! Вы позвольте!—проговорилъ онъ, хотя я и не думалъ его перебивать. Вы вотъ газеты, извѣстія тамъ разныя, проекты выписываете? Читаете? И я читаю-съ. Про реформу нашу штатную, чтобы то-есть штатъ вполнѣ, содержаніе коронное вполнѣ церковно-служителямъ—слышали? Ну, и я слышалъ-съ. И всѣ мы—слышали-съ. Только видѣть, никто не видѣлъ, потому — вилами это еще по водѣ писано-съ. Ну, а покудова оно сейчасъ въ эвтой степени, въ водяной типографіи состоитъ, находится

Digitized by Google

(съострилъ батюшка), такъ ежели мнѣ теперь изъ моихъ доходовъ къ примѣру третьей доли... да нѣтъ, какой-съ! половинной части у меня сейчасъ послѣ нихъ, послѣ монашенокъ вашихъ не хватаетъ, не достаетъ. Это по вашему шутки—нехватки! Ничего-съ?.. Молебны мои у нихъ, заказныя у нихъ; панихиды, и говорить нечего, опять же у нихъ!.. Такъ что-жъ мнѣ по-вашему въ самомъ дѣлѣ свадьбы одинѣ, что ли играть!—хрипло выкрикнулъ онъ и отпилъ изъ стакана. Ну, да вамъ, я понимаю, все это дѣло чуждо. Для васъ можетъ низко показаться, довольно мелко, ничтожно! Тонкаго, конечно, образованія и притомъ же можетъ новѣйшіе либералы, столичные жители. Понимаю! Понимаю! Какъ же-съ! Можетъ даже женскій вопросъ въ поощреніи... сліяніе тамъ сословій, единеніе... Какъ по латынѣ-то! Unita... unitas... можетъ тоже унію проповѣдуете?..

— Ну, полноте!

Но остановить батюшку уже не представлялось ни малѣйшей возможности. Онъ, что называется, разошелся. Новая бутылка, появившаяся на столѣ, но уже не съ ромомъ или коньякомъ, а просто-на-просто съ очищенной мѣстнаго завода, быстро осушалась въ свою очередь и приходила къ концу. Долго накапливавшееся и останавливаемое въ себѣ раздраженіе, возбужденное всенощной, раззадоренное присутствіемъ посторонняго лица, вопросами и выпитымъ виномъ послѣ долгаго воздержанія (по словамъ игуменьи, батюшка крѣпился и воздерживался болѣе мѣсяца), все одно къ одному оказывало свое дѣйствіе. Батюшка говорилъ неудержимо; говорилъ и пилъ съ ужимками пьяницы, съ особой манерой русскаго бурша изъ семинаристовъ—кутилы и забубенной головы, какимъ и былъ, по всей видимости, въ свое время, до того времени какъ надѣты были «широкіе рукава», изъ которыхъ по собственному сознанію вылѣзти было некуда. Онъ особо настойчиво и часто повторялъ эту одну, видимо, любимую фразу насчетъ рукавовъ: «рукава широки—выходу нѣту!» Потряхивая при этомъ широкими рукавами и засучивая ихъ къ локтямъ, отчего обнаруживались узкіе въ обтяжку рукава туальдюноровaго подрясника, засаленные съ нижней стороны. Огромное съ выпуклымъ лбомъ, увеличеннымъ лысиной, лицо батюшки, съ отекшими мѣшками подглазинами,—изъ блѣднаго принимало все болѣе яркій, характерно-багровый цвѣтъ. Голосъ возвышался и крѣпчалъ, и по мѣрѣ этого возвышенія стихали голоса, движеніе и шаги за перегородкой. Наружная дверь нѣсколько разъ къ ряду отворилась, хлопнула и заперлась, послышался топотъ сбѣгавшихъ ногъ; фигура краснощекой работницы мелькнула

Digitized by Google

подъ окнами; батюшка безмолвно поднялъ ей вслѣдъ кулакъ... Во всемъ домѣ настала тишина, нарушаемая только пьяными возгласами, разносившимися въ открытыя окна, да вечерними звуками деревенской улицы, доносившимися въ комнату.

Вѣтеръ поднималъ и крутилъ пыль по улицѣ. Тучи закрыли небо. Гроза собиралась. Въ комнатѣ совсѣмъ потемнѣло.

Черная тѣнь мелькнула вдругъ вдоль оконъ на улицѣ, остановилась съ секунду у одного окна, ухватившись руками въ подоконникъ и сдѣлала-было уже движеніе, какъ-бы имѣя намѣреніе исчезнуть, но батюшка успѣлъ замѣтить ее.

— А, Ипатій Никаноровичъ! Ипатій Никаноровичъ! Милости просимъ, жалуйте. А вы зайдите, ничего, они не взыщутъ. Вы не взыщите?—вопросительно обратился онъ ко мнѣ. Претензіи не окажете?

Я, разумѣется, не оказалъ претензіи.

Батюшка подошелъ къ стѣнѣ, чиркнулъ спичкой и засвѣтилъ небольшую, стѣнную керосиновую лампочку.

Въ комнату, согнувшись подъ притолкой и не разогнувшись на необыкновенно часто слѣдовавшихъ одинъ за другимъ многочисленныхъ поклонахъ, вошелъ маленькій человѣкъ въ черномъ сюртучкѣ, съ сѣденькой бородкой, птичьей физіономіей и тонкими, птичьими же, сѣменившими ножками. Крохотная головка поражала миніатюрностью, даже въ сравненіи съ миніатюрнымъ туловищемъ; такія головки бываютъ на булавкахъ, употребляемыхъ для прикалыванія насѣкомыхъ. Онъ остановился посреди комнаты, крайне смущаясь моимъ присутствіемъ, испуганно глянулъ раза два въ мою сторону и, съ почти умоляющимъ видомъ, обратился къ батюшкѣ.

— Ну, садись, садись!—снисходительно произнесъ батюшка. —Садись! Что стоять. Въ ногахъ правды нѣтъ... Въ должности конторщика у помѣщика здѣшняго, купца Цурикова, рекомендую-съ: — Скитскій, Ипатій Никаноровичъ,—съ комической выразительностью проговорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Вотъ не угодно ли-съ, сдѣлайте ваше одолженіе, прошу быть знакомы! Изъ философскаго классу—не подумайте! Не то, чтобы изъ синтаксису... (Батюшка многозначительно поднялъ палецъ вверхъ). И на пятнадцати рубляхъ трется. Такъ вотъ оно какъ-съ! А вы говорите...

Онъ не счелъ нужнымъ выяснять подробнѣе, что такое собственно говорилъ я, и обратился къ Ипатію Никаноровичу:

— Какъ полагаешь, Никанорычъ, коли ежели намъ теперь, не въ обиду сказать, пройтись по малости?.. Ась? Что? Не слышу-съ! Не лишнее?..

Digitized by Google

Ипатій Никаноровичъ конфузливо улыбнулся, однако принялъ рюмочку и безмолвно опрокинулъ ее себѣ въ ротъ. Выпивъ, онъ присѣлъ въ уголокъ, къ кіотѣ, на краешекъ стула, въ особенно неудобной позѣ, прижавъ локти къ бокамъ и зажавъ вывернутыми ладошками обшлажка своего сюртучка.

Батюшка немедленно обратился къ нему съ вопросами, требовавшими отвѣтовъ; онъ отвѣчалъ коротко, положительно или отрицательно, смотря по случаю, «да» или «нѣтъ», прибавляя при этомъ неизмѣнно одну и ту же фразу: «въ высшей степени!» Фразу эту онъ произносилъ весьма разнообразно, съ оживленными удареніями, прислушиваясь при этомъ съ чрезвычайной внимательностью ко всему говорившемуся.

Батюшка говорилъ безъ умолку за всѣхъ, обращаясь къ нему, ко мнѣ и даже ни къ кому изъ насъ и какъ-бы разсуждая по временамъ съ самимъ собой.

— Эй, кто тамъ!—крикнулъ онъ, выливая послѣднія капли изъ полуштофа въ рюмки.—Саничка! Матрена Ивановна!

Лицо старухи,—горбоносое, почти мужское и печальное, почти трагическое, въ бѣломъ платкѣ, напоминавшемъ мужской колпакъ,—безмолвно выглянуло изъ-за дверей. Батюшка поднялъ пустую бутылку и помахалъ ею надъ головой.

— Видѣли? Понимаете?.. Чтобъ духомъ! Поняли-съ?..

Старуха исчезла въ дверяхъ все по прежнему безмолвно, не проронивъ звука, словно въ театрѣ маріонетокъ.

— Такъ какъ же-съ, Дмитрій Николаичъ,—въ ожиданіи свѣжаго полученія покойнѣе усаживаясь къ столу и въ десятый разъ обращаясь ко мнѣ все съ тѣмъ же вопросомъ объ уніи, продолжалъ батюшка.—Какъ же-съ! Унію проповѣдуете? По-чьему, осмѣлюсь спросить, наущенію? Ну, а я,—мое мнѣніе... какъ у насъ теперь въ государствѣ догматовъ вѣры изъяснять не дозволяется, сейчасъ преграды есть... а у католиковъ... у католиковъ болѣе свободы, но притомъ — непогрѣшимость папы! А между тѣмъ, этого вѣдь никакъ нельзя допустить-съ, потому что такой же человѣкъ, имѣетъ кость, жилу... Вѣрно вѣдь? Какъ понимаете? И приходятъ къ итогу — заключенію одному: привилегія одна человѣку — сандаліи ему цѣловать. Вѣрно-съ?! А вы — унію... Унія, что такое? Унія—женщина и должно быть, что дурного поведенія... изъ монахинь... Унія и Цуриковъ тождественны. Откажись отъ уніи!—неожиданно провозгласилъ онъ, обращаясь къ конторщику, вставая и дотрогиваясь до его плеча, отчего тотъ встрепенулся всѣмъ тѣломъ на своемъ стульчикѣ.—Откажись, братъ! Понимаешь—унія и Цуриковъ тождественны, а Цуриковъ

Digitized by Google

— жидъ! Да ужъ вѣрно! Я тебѣ говорю... А жидъ не можетъ быть порядочнымъ человѣкомъ, потому что «съ намъ Богъ!» а вѣдь съ ними не можетъ быть Богъ. Жиды, цыгане — ихъ не разберешь. Жидъ продалъ Христа—ну, это положимъ не наше дѣло — продалъ за тридцать сребренниковъ, а цыганъ у него укралъ, да вымѣнялъ... Да-съ! Но... вѣдь мнѣ что! Мнѣ все одно. Есть почва и стой на ней.

— А какая почва?—рѣшился я предложить вопросъ.

— Почва-то!.. А это вы къ чему же любопытствуете, спрашиваете меня? Служите? Можетъ тоже въ земствѣ служите? Ну, что-жъ! И у насъ они сейчасъ заводятся эти земскія земства, фельдшеръ да акушерки... Акушерки-то насъ рвутъ да трутъ. Акушерка шляпу надѣнетъ, въ село, въ усадьбу поѣдетъ... ну, а нищенка родить собралась, замучилась на родахъ—за попомъ! Ну, попъ, на коронную службу ступай! Раздолье, мятель—сступай-ай!! Вы вотъ... почва... Сомнѣваетесь, почву спрашиваете. А пожалуй что... кто его знаетъ! и правы... потому что почвы-то... пожалуй что оно... ея-то и нѣту. Да такъ-съ, вѣрно-съ! Нечего и говорить... Потому которые Платоны тамъ жили—разныя разности, латынь тамъ въ семинаріи—все ни къ чему-съ! А народъ русскій надобно изучать... А какъ его изучать?

— Вамъ бы это, батюшка, всего ближе,—замѣтилъ я.

— Ну, это съ котораго конца брать ближе-то! И локоть вонъ близокъ, да не укусишь. Вѣрно, что-ли, Ипатій?

— Въ высшей степени!—пролепеталъ Ипатій, мотнувъ головой.

— Ну, то-то вотъ! Слышите? Въ высшей степени!.... А то пожалуй, прямо пишите, что самъ никуда не гожусь,—послѣ незначительной паузы, снова обращаясь ко мнѣ продолжалъ батюшка.—Что-жъ! Я не обижусь. Мнѣ что! Вы сомнѣваетесь, и я сомнѣваюсь. Я во всемъ сомнѣваюсь. Это вотъ, напримѣръ, что такое? а? Ариѳметика!—воскликнулъ онъ, доставая съ окна тоненькую книжку, разогнувъ и швырнувъ ее, отчего она полетѣла подъ стулъ вверхъ корешкомъ. Видѣли? Буссе, ариѳметика? Ну, а можетъ быть, это вещь дурная! А? Можетъ быть! Я во всемъ сомнѣваюсь. Я въ собственномъ существованіи сомнѣваюсь.... Сомнѣваюсь, а самъ живу. Все-таки вотъ... живу. Да! Пятый десятокъ живу... въ тюрьмѣ сидѣлъ... Не за кражу... ей-Богу, я не могу украсть! а такъ, знаете, романическое дѣло вышло, эпизодъ въ нѣкоторомъ смыслѣ... Плохой попъ обвѣнчаетъ—хорошій не развѣнчаетъ! Ну, вотъ полгода и высидѣлъ въ тюрьмѣ.

Digitized by Google

Записки написалъ одновременно съ Достоевскимъ. Онъ считалъ чиканье до 12,000, а я больше! Я до 18,000... Разорвалъ!...

Батюшка опустилъ голову и неожиданно умолкъ. Дверь отворилась между тѣмъ. Онъ не замѣчалъ этого. Сухая старушечья рука, цвѣта древесной коры, протянулась съ бутылью и молча держалась въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ. Я обратилъ вниманіе батюшки.

— А вы что же брезгуете, прячетесь, бабенька, сами не жалуете?—произнесъ батюшка, не вставая и только дѣлая знаки и маня ручкой весьма, впрочемъ, настоятельно.—Пожалуйте, пожалуйте-ка сюды! Вотъ рекомендую-съ—бабушка моя! Съ 1805 года пенсію получаетъ, и какъ видите-съ!... Ну, а эту рюмку у меня теперь самъ Гавріилъ не возьметъ!

Батюшка налилъ и выпилъ одну за другой двѣ рюмки, не закусывая и только слегка прикусивъ и понюхавъ корочку чернаго хлѣба. Онъ поднялъ вверхъ корочку:

— А это помните!—Онъ повернулся ко мнѣ и сталъ въ позу съ поднятой рукой, придерживаясь, впрочемъ, другой за край стола.—Одинъ братъ просилъ авву Даніила: «дай мнѣ, говоритъ, *одну* какую-нибудь заповѣдь и я буду соблюдать ее». Авва отвѣтствуетъ ему: «никогда не упускай руки своей въ блюдо вмѣстѣ съ женщиной». Такъ вотъ оно ка-акъ-съ,—въ растяжку и какъ-бы въ задумчивости выговорилъ батюшка, опуская руку съ корочкой. Никогда!.. Женщины! Знаю я ихъ... женщины! Я имъ еще подстрою, чего еще не видано было отъ меня...' Женщины!! Эй, женщина!—постепенно разгорячаясь, вдругъ крикнулъ онъ, обращаясь къ старой женщинѣ, громовымъ голосомъ, мгновенно заглушеннымъ ударомъ грома.

Высокая, сухая, согнувшаяся какъ старая высохшая лоза, съ крючковатыми, негнущимися пальцами, старуха безшумно двигалась по комнатѣ, не поднимая глазъ, снимая и прибирая остатки чайнаго прибора со стола. Птицеобразный конторщикъ сопѣлъ въ углу, медлительно пережевывая вяленаго леща, служившаго закуской, и крестясь на окна... Гроза разъигрывалась.

Облака дымчатаго цвѣта съ яхонтовыми подбоями, съ причудливо-изогнутыми, нѣжно-пушистыми отворотами, съ изумительной, для глазъ видимой, быстротой уносились къ западу. Тамъ уже вспыхивали давно желто-розовыя, огненныя полосы. Тонкія, какъ былки, деревца недавно подсаженныхъ ветелъ склонялись къ травѣ гибкими вѣтками. Шорохъ и трепетъ пробѣжалъ въ верхушкѣ стараго дерева. Зашуршала крыша. Звучно ударяя, словно градины, брызнули первыя, большія капли, и, мгновенно

Digitized by Google

за молніей, оглушельно-громкій и продолжительный прокатился громовый раскатъ.

— Ночка-то опять видно того... воробьиная!—проговорилъ батюшка, стихая, крестясь и останавливаясь противъ окна.

— Въ высшей степени!—подтвердилъ конторщикъ.—Воробьиная-съ!—повторилъ онъ, вставая и тоже подходя къ окну.

Старуха все также, не разжимая губъ, молча отстранила обоихъ рукой. Оба повиновались. Она закрыла послѣднее окно, отперла кіоту и вынула изъ нея одинъ изъ образовъ. По старинному обычаю, образъ былъ поставленъ на окно лицомъ къ стеклу. Конторщикъ продолжалъ креститься, безпорядочно болтая рукой по пуговицамъ. Батюшка нюхалъ корку чернаго хлѣба.

Временное затишье, вызванное грозой, продолжалось не долго.

— Когда легковѣренъ и молодъ я былъ, невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ!—неожиданно поднимаясь изъ-за стола, провозгласилъ батюшка.—Милая! Голубушка! Почемъ малина... за рюмку?

Старуха, проходя по комнатѣ, уносила со стола чашку съ собранной лѣсной малиной. Онъ поймалъ ее за платье.

— Ну, а ты вѣрная дѣва? Вѣрна ты своему мужу? Ну, зачѣмъ же ты его лобзаешь?...

Онъ выпустилъ юбку. Старуха съ окаменѣлымъ лицомъ стояла, покуда ее держали, и пошла, когда выпустили.

— Невѣрную дѣву лобзалъ аррмянинъ!... А это меня волнуетъ! Ахъ какая вы, странная женщина! Я говорю—противъ Бога вѣдь ничего нельзя. Я говорю—это не наше дѣло, это дѣло Божье, а вы... «Въ великомъ Римѣ былъ дворецъ. Созданье многихъ поколѣній, тамъ въ роскоши»... Послушай, откажись отъ уніи!..

Птицеобразный конторщикъ хлопалъ глазами и сидѣлъ нахохлившись, изрѣдка по-птичьи вздрагивая при особенно сильныхъ ударахъ.

— Не могу... душа моя,—прошепталъ онъ, на что батюшка тотчасъ же загремѣлъ:

— Душа! Нѣтъ у меня души! Не записанъ ни въ одной ревизіи... А самолюбіе есть? Нѣтъ, я пропилъ... А вы позвольте, господинъ, вы что же сидите, ничего не пьете? Гнушаетесь?—обратился онъ, близко подходя и нагибаясь ко мнѣ.

— Какъ не пью! Я пью, видите,—сказалъ я, указывая на недопитой стаканъ.

— Да, пьете. А, это хорошо. Онъ, повидимому, удовлетворился отвѣтомъ.—И я пью. Ваше здоровье пью-съ! Ваше и Николай Николаевича.

Digitized by Google

— Это кто-же—Николай Николаевичъ?

— А Николай Николаевичъ это... мы съ нимъ въ солидарныхъ отношеніяхъ. Это ходатай здѣшній по дѣламъ, частный повѣренный, у мировыхъ судей, на съѣздахъ тамъ, знаете... Талантъ! Поэтъ! Геній! Говоритъ, излагаетъ, стихи пишетъ. Угодно, я сейчасъ стихотвореніе могу прочесть? Желаете?

Батюшка исчезъ за перегородкой и вышелъ оттуда съ свертокъ пожелтѣвшихъ бумагъ, крупно исписанныхъ писарскимъ, разборчивымъ почеркомъ. Онъ прислонился плечомъ къ стѣнѣ подлѣ лампы и отставилъ бумагу на разстояніе вытянутой руки.

— Геній, геній! Критику, возвышенное, все можетъ. Все,— повторялъ онъ, перебирая несшитые листки. А то вотъ неугодно-ли сейчасъ... примѣнительно даже будетъ къ случаю: «Руси есть веселіе пить». Вѣрно-съ! «О великое пьянство,—къ пѣнію мой духъ бодритъ!» Извольте слушать. Вниманіе!

Онъ началъ чтеніе.

Наши предки въ вѣка отдаленные
Турьимъ рогомъ тянули меды,
Запивая и ночи безсонныя,
И свои боевые труды.
И, гордясь знаменитыми дѣдами,
Мы отъ нихъ не отстанемъ ни въ чемъ.
Пьемъ шампанское мы за обѣдами,
Въ большинствѣ же—«поповскую» пьемъ.
Всюду пьянство у насъ всесословное,
Интересовъ всѣхъ жизненныхъ нить—
Непробудное и поголовное...
Руси есть веселіе пить.

Собираетъ-ли земство собраніе
Для рѣшенья вопросовъ благихъ,
Первымъ долгомъ творитъ возліяніе
Въ честь успѣховъ грядущихъ своихъ.
А въ успѣхахъ увѣренъ заранѣе
Каждый гласный. Сомнѣнья нѣтъ тутъ.
Всѣ ихъ замыслы, всѣ начинанія,
Къ результатамъ благимъ приведутъ.
И начнутъ, дай Богъ только терпѣнія,
Говорить, говорить, говорить...
Общей выпивкой кончатся пренія...
Руси есть веселіе пить.

Длинное стихотвореніе перебирало всевозможные роды общественной дѣятельности, управу, волостной и окружной судъ, торговыя и адвокатскія сдѣлки, и заканчивалось повтореніемъ основной мысли:

Digitized by Google

«Руси есть веселіе пить»,
Такъ Владиміръ Святой намъ сказалъ,
И что трудно безъ выпивки жить —
Просвѣтитель нашъ то угадалъ.
Именины, крестины, рожденія,
Все пиры да пиры каждый разъ;
Даже грустный обрядъ погребенія
Безъ попойки немыслимъ у насъ.
Въ самомъ дѣлѣ, въ минуту рожденія
Пьетъ прислуга, пьютъ гости, семья,
Также пьютъ и въ моментъ погребенія:
Прежде пьютъ—за твое появленіе,
Послѣ пьютъ за конецъ твоего бытія.
Значитъ, въ выпивкѣ каждый нуждается,
Безъ нея рѣдко кто проживетъ.
Всякъ при ней въ этотъ міръ появляется
И при ней въ міръ загробный идетъ.

— Николай Инноковъ!—провозгласилъ батюшка. Что, каково-съ! А вѣдь вѣрно? Вѣрно-съ! Нечего и возразить. Рукава широки, а выходу нѣтъ... А вотъ онъ... вотъ онъ и выходъ-съ! Сомнѣваетесь? Онъ, онъ-съ, самый-съ! Воистину! Единственный-съ! Вѣрно-съ!... Выпьемъ, братъ, по этому случаю!

— Выпьемъ въ высшей степени!—заплетающимся языкомъ пролепеталъ конторщикъ, принимая рюмку и проливая дрожащими руками половину на себя. Руки не повиновались ему. Булавочная, съ растрепавшимися височками, головка запрокинулась назадъ въ уголъ между кіотой и стуломъ и безсильно качалась, ударяясь о стулъ. Я подошелъ помочь. Старое, крохотное, въ кулакъ величиной лицо поднялось, все замоченное слезами. Слезы текли и капали на грудь. Водка взяла свое и развязала наконецъ языкъ. Онъ заговорилъ шепча, захлебываясь и запинаясь.

— Все по ненависти, а полу-штофа у меня совершенно нѣтъ,— шепталъ онъ, не обращаясь ни къ кому, потупившись лицомъ и жестикулируя не руками, а пальцами, слабо двигавшимися на колѣняхъ.—Отецъ — дьячокъ... средства — соха да борона... ну, а все-жъ, таки изъ философскаго класса... изъ философскаго ей-Богу!.. Купецъ-неучъ — бить... Нешто можно бить! А единственное средство моего здоровья—я чай пью больше, въ высшей степени...

Но все кругомъ начинало уже достигать высшихъ степеней, и я началъ подумывать о способахъ удалиться и возвратиться хотя бы въ монастырь. Конторщикъ всхлипывалъ сильнѣй, подѣтски захлебываясь и сморкаясь въ углу. Батюшка, съ пучкомъ

Digitized by Google

стихотвореній, декламируя, прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ, но неожиданно остановился, круто повернулъ на мѣстѣ противъ оконъ и съ розмаху ударилъ рукой въ затворенную раму окна. Рама треснула и подалась; стекло задребезжало; одна половинка сорвалась и повисла на петлѣ. Струя свѣжаго вѣтру ворвалась въ комнату. Батюшка, навалившись на подоконникъ грудью, перевѣсился за окно руками и головой. Вѣтеръ подхватилъ и вырвалъ изъ руки пучокъ исписанныхъ листковъ, унося ихъ за собой. Онъ машинально слѣдилъ за ними нѣсколько времени, не дѣлая никакихъ попытокъ вернуть обратно.

Гроза стихала нѣсколько разъ и снова усиливалась. Дождь пересталъ, но громъ не смолкалъ, и бѣлыя молніи загорались жарче и сильнѣй. Страшный ударъ потрясъ вдругъ весь до основанія ветхій домишко. Гдѣ-нибудь ударило близко.

Я уговаривалъ батюшку отойти и затворить окно. Онъ отговаривался, отмахиваясь назадъ рукой.

— Глядите! Глядите! Вонъ пѣтухъ! Бѣлый пѣтухъ — блондинъ... и притомъ ёрникъ-пѣтухъ, ужъ я вижу,—заговорилъ онъ, указывая пальцами въ окно.—Клюкнулъ тоже, готовы! Пѣтухъ—а понимаетъ! Все понимаетъ...

Я подошелъ къ окну и увидѣлъ въ просіявшей темнотѣ, въ блескѣ молніи не пѣтуха, а верхового, очевидно, мужика, съ поднятымъ на голову отъ дождя кафтаномъ, безъ сѣдла; другая лошадь шла рядомъ въ поводу. Мгновенное соображеніе мелькнуло вдругъ у меня въ головѣ.

— Макаръ!—крикнулъ я, что было силъ, съ цѣлью перекричать батюшку, громъ и вѣтеръ, завывавшій съ особымъ присвистомъ, которому подражаютъ въ театрахъ съ помощью барабана, обтянутаго шелковой матеріей съ скользящими по ней гусиными перьями. Но вѣтеръ относилъ и заглушалъ звукъ словъ съ силой, на изображеніе которой не хватило бы никакихъ перьевъ и никакой матеріи.

— Эй, малый!—крикнулъ я еще разъ, высовываясь изъ окна надъ головой батюшки и желая остановить, во что бы то ни стало, всякаго, хотя бы это былъ и не Макаръ.

Мнѣ едва ли бы удалось это, но батюшка вдругъ заоралъ самъ что-то несообразное и страшно-оглушительное. Малый остановился. Я вышелъ на крыльцо.

Къ немалому удовольствію, заглушившему на этотъ разъ иныя соображенія, малый оказался дѣйствительно именно самимъ Макаромъ, возвращавшимся прямо изъ кузницы, по его словамъ, по холодку... Тонъ, которымъ произнесены были слова, весьма

Digitized by Google

близко напоминалъ только-что оставленныхъ мною собесѣдниковъ. Разсмотрѣть физіономію въ темнотѣ не было возможности, но я замѣтилъ, что онъ какъ-то особенно подобрался при моемъ появленіи и для чего-то подхлестнулъ кнутомъ подъ брюхо обѣихъ лошадей. Однако, долго разговаривать и разсматривать было некогда. Я велѣлъ обождать и вернулся въ комнату.

Я нашелъ окно уже запертымъ и разбитое стекло заткнутымъ, свернутой жгутомъ ситцевой юбкой. Старуха съ окаменѣлымъ лицомъ шмыгала по комнатѣ съ лампадкой въ рукахъ, потушенной вѣтромъ. Вѣтеръ оказалъ, однако, надлежащее дѣйствіе. Батюшка смирно сидѣлъ на стулѣ рядомъ съ плачущимъ конторщикомъ и проникнутымъ, тронутымъ голосомъ въ чемъ-то тихо убѣждалъ его:

— Зубы болятъ? Ну, отслужи молебенъ священномученику Антипію; ни одного зуба не будетъ, и зубы не будутъ болѣть. Вѣрно! Я тебѣ говорю. Да вотъ тебѣ и «въ высшей степени!» Я Алексѣю Митрополиту съ удовольствіемъ молебенъ отслужу, а Антипію нѣтъ, не согласенъ. А, впрочемъ, оставь ты все это Богу и Николаю Чудотворцу... A nom de Dieu! Это не наше дѣло, это дѣло Божье!.. Это что—ѣхать?!—воскликнулъ онъ, увидавъ у меня шляпу въ рукахъ и мгновенно срываясь со стула.—Это нелѣпо ѣхать! Не пущу!

— Пора, батюшка. И вамъ на покой пора.

— На покой! Я безпокоиться буду. Гроза... разразиться можетъ, несчастіе! Вѣдь вы Ильѣ пророку не родня? Такъ чего же тутъ разсуждать.

— Доѣду!

Я направился къ двери, но въ дверяхъ батюшка еще разъ остановилъ меня, двумя пальцами, съ чрезвычайной осторожностью, взявшись за пуговку, причемъ, однако, покачнулся и чуть-было не оторвалъ пуговку, но во-время ухватился за стулъ.

— Ну, послушайте! Ну, вы умнѣе меня во сто разъ, но... но когда мы водку пьемъ, къ чему тутъ умъ? Вѣрно-съ?

— Вѣрно,—подтвердилъ я, затворяя за собой дверь.

Изъ-за двери донеслось до меня въ послѣдній разъ:

— Это не наше дѣло разсуждать, это дѣло Божье! A nom de Dieu, ахъ, оставь ты это Богу и Ильѣ пророку, а Антипію молебенъ отслужи...

Я устроилъ, съ помощью пледа, подобіе сѣдла. Мы проѣхали межкой, полемъ не болѣе полуверсты. Бѣлый, трепетный свѣтъ бенгальскимъ огнемъ освѣщалъ путь. Черныя полосы распаханныхъ паровъ, словно пропасти, чернѣли по сторонамъ узкой межи;

Digitized by Google

онѣ смѣнились блестѣвшимъ отъ дождя, влажно-серебрившимся жнивьемъ. Паркъ всталъ въ сторонѣ неровной, темной стѣной.

Со стороны поля въ монастырѣ ограды не было. Мы спустились въ канавку и въѣхали во дворъ. Въ верхнемъ этажѣ дома и по флигелямъ мелькали еще маленькіе огни; но безпокоить обитательницъ дома на этотъ разъ мнѣ не хотѣлось, да и не было цѣли. Тарантасъ съ кожаными подушками въ прекрасномъ каретномъ сараѣ, въ которомъ не было ничего, кромѣ негодной телѣжки о трехъ колесахъ, представлялъ много преимуществъ, по сравненію съ душной комнатой и монашескимъ ложемъ. Дождь пересталъ и раскаты становились слабѣй. Макаръ, употреблявшій всѣ усилія, чтобы заслужить и, въ то же время, сохранить равновѣсіе, держась на ногахъ, разъискалъ женщину съ фонаремъ и съ ея помощью постлалъ охабку сѣна въ тарантасъ. Оставалось лечь и спать. Я такъ и сдѣлалъ, намѣреваясь выѣхать назавтра чѣмъ свѣтъ.

Л. Н.

Digitized by Google

МОДЕСТЪ ПЕТРОВИЧЪ МУСОРГСКІЙ

Біографическій очеркъ.

IV *).

Раньше всѣхъ сочиненъ былъ романсъ «Савишна». Какъ мнѣ разсказывалъ потомъ самъ Мусоргскій, онъ задумалъ эту вещь въ деревнѣ у брата (на мызѣ Минкино) еще лѣтомъ 1865 года. Онъ стоялъ разъ у окна и пораженъ былъ тою суетою, которая происходила у него передъ глазами. Несчастный юродивый объяснялся въ любви съ молодой бабенкой, ему нравившейся, умолялъ ее, а самъ себя стыдился, своего безобразія и несчастнаго положенія; онъ самъ понималъ, какъ ничто на свѣтѣ, особливо счастье любви, не существуетъ для него. Мусоргскій былъ глубоко пораженъ; типъ и сцена сильно запали ему въ душу; мгновенно явились своеобразныя формы и звуки для воплощенія потрясшихъ его образовъ; но онъ не докончилъ въ ту минуту этого романса, онъ написалъ напередъ свою «Колыбельную пѣсню («Спи, усни крестьянскій сынъ»), полную тяжелой, гнетущей грусти, и, лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ, докончилъ и написалъ «Савишну». Слова для этого романса сочинилъ самъ Мусоргскій, подобно тому, какъ для большинства всѣхъ послѣдующихъ, лучшихъ своихъ романсовъ. Въ этомъ онъ совершенно разнился отъ Даргомыжскаго, никогда не рѣшавшагося писать музыку на собственный текстъ,

*) См. выше: май, 285 стр.

Digitized by Google

несмотря на то, что, по общей талантливости своей, онъ вполнѣ былъ къ тому способенъ. Я много разъ высказывалъ это ему въ 1865 и 1866 году, до «Каменнаго гостя», когда онъ часто совѣщался со мною о либретто и либреттистѣ для какой-нибудь оперы для себя. Но мои убѣжденія были напрасны, и, въ концѣ-концовъ, онъ остановился на «Каменномъ гостѣ», о которомъ думалъ много лѣтъ раньше. Въ этомъ случаѣ Мусоргскій былъ храбрѣе, и почти всегда самъ писалъ себѣ текстъ. Товарищи-композиторы сразу нровозгласили эту вещь высокимъ художественнымъ произведеніемъ, лучшимъ изъ всего, что́ до тѣхъ поръ сдѣлалъ Мусоргскій.

Слѣдомъ за «Савишной полились великолѣпнымъ потокомъ остальные романсы въ слѣдующемъ порядкѣ. *Въ 1866 году* сочинены: «Гопакъ» на текстъ Шевченка, въ «Гайдамакахъ»; «Желаніе» (слова Гейне); «Семинаристъ» на свой собственный текстъ; «Пѣснь Яремы» (на текстъ изъ «Гайдамаковъ» Шевченка; эта пѣснь совершенно передѣлана въ 1880 году и кончена подъ названіемъ: «Днѣпръ»). *Въ 1867 году:* «По грибы» и «Еврейская пѣсня» (слова Мея); «Пирушка» (слова Кольцова); «Ковелъ» (свой текстъ); «Стрекотунья бѣлобока» (слова Пушкина); «Озорникъ» и «Классикъ» (свои слова). *Въ 1868 году:* «Сиротка» (свои слова); «Дѣтская пѣсенька» (слова Мея); «Дитя съ няней» (свои слова); «Колыбельная Еремушки» (слова Некрасова). Во всей этой массѣ романсовъ нѣтъ слабыхъ и посредственныхъ, кромѣ развѣ «Желанія» [1]). Уже одинъ выбранный вездѣ здѣсь текстъ рѣзко отличаетъ эти романсы отъ большинства прочихъ романсовъ. Подобно Даргомыжскому, въ лучшую и мужественную пору его развитія, Мусоргскій не согласенъ былъ писать романсы исключительно только на сюжеты «любовные», какъ это всегда почти бывало у композиторовъ-идеалистовъ. Любовь, конечно, чудесное и глубокое, поэтическое чувство, поднимающее иногда человѣка на великія высоты, но любовь и вѣчно одна только любовь — какъ это мало удовлетворительно, какъ это бѣдно и

[1]) Можно подивиться, какъ это романсъ „Желаніе“ совсѣмъ не удался Мусоргскому. Онъ писанъ въ минуты особеннаго возбужденія, ночью, съ 15 на 16 апрѣля 1866 г., какъ сказано въ припискѣ на оригинальной рукописи, и посвященъ Над. Петр. Опочининой „въ память ея суда надо мной“.—Впрочемъ, подобное же случилось съ Мусоргскимъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ романа „Кто виноватъ“, Мусоргскій сочинилъ небольшую пьесу для фортепьяно, озаглавленную такъ: „Impromptu passionné (Воспоминаніе о Бельтовѣ и Любѣ). 1 октября 1859 года“. Но несмотря на все одушевленіе отъ сильно увлекшей, повидимому, Мусоргскаго сцены „поцѣлуя“, сочиненіе его вышло очень незначительно, и никогда не было имъ напечатано.

Digitized by Google

ограниченно для людей, подвинувшихся интеллектуально! И насколько это стало уже невозможно для Даргомыжскаго, въ лучшіе его годы (послѣ того, какъ онъ столько лѣтъ писалъ все только одни «любовные романсы, на манеръ полу-дѣтскихъ, устарѣлыхъ романсовъ Глинки), настолько оно было теперь невозможно и Мусоргскому. Нѣтъ, и по врожденной натурѣ, и по долгому пребыванію въ интеллигентной и столько развитой средѣ «коммуны», Мусоргскій постоянно искалъ себѣ задачъ поважнѣе и посерьёзнѣе. И отъ этого-то, въ романсахъ своихъ будучи равенъ Даргомыжскому по таланту, по мастерству выраженія и формы, онъ далеко опередилъ его по содержанію. Можно смѣло поручиться, что эти романсы никогда не устарѣютъ и навсегда останутся дорогимъ достояніемъ русскаго народа: все это картинки изъ его жизни, изъ его страданій и радостей, изъ его вседневной, сѣрой, будничной жизни, такъ часто проходимой мимо и незамѣчаемой. Тяжелая, грозная трагедія въ однихъ, комизмъ и насмѣшливый юморъ въ другихъ, грація, кипучая веселость, разгулъ, широкій эпическій народный розмахъ еще въ третьихъ — все это дѣлаетъ эти романсы равными многимъ изъ крупнѣйшихъ созданій Гоголя. Какъ жалки были тѣ люди у насъ, которые столько разъ, словесно и печатно, повторяли (иногда Мусоргскому прямо въ глаза), что-молъ большинство изъ тѣхъ чудныхъ вещицъ—это только «шутки», далеко еще не «настоящая музыка». Шутки! Знаемъ мы эту пѣсню, мы давно ее слыхали, еще съ тѣхъ временъ, когда тяжелые педанты и деревянные тупицы печатно увѣряли Гоголя, что никакихъ у него нѣтъ художественныхъ созданій, а только шутки да пародіи, каррикатуры да малороссійскіе «жарты». Если такія прелестныя вещи Мусоргскаго, какъ напр. «Ковелъ» и др. только шутка, тогда и «Коляска» Гоголя, и «Носъ», и «Шинель»—все это не что иное какъ шутки, баловство, капризъ таланта, не заключающіе ничего настоящаго и дѣльнаго. Какая же нужна близорукость или недобросовѣстность, чтобъ не чувствовать глубокой художественности и значительности такихъ созданій. Да вѣдь тутъ живые типы и сцены, тутъ цѣлые характеры на лицо, тутъ цѣлыя картинки изъ вседневной нашей жизни. И это все только «шутки!» Прекрасныя «шутки» тоже «Червякъ» и «Титулярный совѣтникъ» Даргомыжскаго, его: «Какъ пришелъ мужъ изъ-подъ горокъ», его: «Мчитъ меня въ твои объятья!» Вѣдь это все одно семейство, это все типы и созданія родственные, исходящіе изъ одного и того же духа юмора, комизма, талантливой наблюдательности и даровитѣйшей музыкальной пластичности. Только разница между Дар-

Digitized by Google

гомыжскимъ и Мусоргскимъ была тутъ въ томъ, что большинство типовъ у этого послѣдняго взято изъ самой дорогой ему среды, почти постоянно одной только у него и воспроизводимой: изъ низшей народной среды, крестьянской, или близкой, по своему положенію, къ крестьянской. «Барышня», испугавшаяся козла и убѣжавшая спрятаться отъ него въ кустъ, но не испугавшаяся отвратительнаго стараго жениха и нѣжно къ нему приласкавшаяся, — принадлежитъ, въ видѣ исключенія, къ тому среднему сословію, которое рѣдко бралъ себѣ задачею Мусоргскій, но которое постоянно почти давало матеріалъ для ѣдкаго юмора Даргомыжскаго. Поэтому-то галлерея дѣйствующихъ лицъ у Мусоргскаго и разнообразнѣе, и разнороднѣе, и богаче; но вмѣстѣ у него затронуты болѣе глубокія внутреннія стороны натуры, характера—и самаго быта. Даргомыжскій еще иногда, изрѣдка, ограничивается немного поверхностнымъ, хотя и сильно талантливымъ, persifflage'емъ, немножко à la Béranger, котораго онъ такъ любилъ въ переводахъ и передѣлкахъ Михайлова. Мусоргскій никогда не беретъ своего сюжета на-легкѣ, для забавы, онъ идетъ до самыхъ корней и выноситъ на свѣтъ такія глубокія ноты человѣческой натуры вообще и русскаго склада въ особенности, которыя поражаютъ въ его романсахъ. Какіе это «романсы!» Это настоящія сцены, прямо изъ крупныхъ, широко и глубоко захватывающихъ свой сюжетъ оперъ, со всею ихъ сценичностью и драматизмомъ; каждый изъ этихъ, такъ-называемыхъ, «романсовъ» можно сейчасъ исполнять на сценѣ, въ костюмахъ, при декораціяхъ, такъ они полны сценичности, драматизма, такую богатую они представляютъ задачу для игры, для мимики. Мыслимо ли это для большинства прочихъ романсовъ? «Семинаристъ» его, принужденный долбить нелѣпую латынь, когда у него давно уже другое въ головѣ, а попъ на молебнѣ «благословилъ его трикраты по шеямъ» за то, что онъ на лѣвый клиросъ все поглядывалъ, на Стёпу [1]); его «Озорникъ» (помѣченъ: 19 декабря 1867 года), бѣгущій по улицѣ и безжалостно, тупо пристающій

[1]) Въ оригинальной рукописи (помѣченной: 27 сент. 1866 г.) есть отличія въ сравненіи съ печатнымъ экземпляромъ; такъ, напримѣръ, сказано: „У попа Семена дѣвка знатная такая", между тѣмъ, какъ въ печатномъ: „У попа Семена дочка знатная такая"—разница, очень существенная и прибавляющая новую юмористическую черту.—„Семинаристъ" напечатанъ Мусоргскимъ, въ Лейпцигѣ, въ 1870 году, а здѣсь, будучи задержанъ въ цензурномъ вѣдомствѣ, раздавался по особымъ разрѣшеніямъ этого вѣдомства, вслѣдствіе представленій автора.—Въ послѣдніе годы, этотъ романсъ довольно часто исполнялся, въ концертахъ, пѣвцомъ-любителемъ В. Н. Ильинскимъ, и съ такимъ талантомъ, съ такимъ юморомъ, которые глубоко восхищали самого Мусоргскаго.

Digitized by Google

къ несчастной старухѣ-развалинѣ, горбатой и исхудалой, преслѣдуя ее насмѣшливыми комплиментами (глубоко русскій народный мотивъ, повторенный Мусоргскимъ впослѣдствіи, въ послѣдней сценѣ оперы «Борисъ Годуновъ», гдѣ народъ, собирающійся чинить расправу надъ бояриномъ, играетъ съ нимъ, какъ кошка съ пойманною мышью, и насмѣшливо, съ поклонами, величаетъ его); сцены одичалаго крѣпостническаго разгула, какъ въ «Гопакѣ», или широкаго народнаго, полу-обрядоваго, эпическаго чествованія гостей, какъ въ «Пирушкѣ»; наконецъ, тяжелыя картины безотраднаго народнаго бѣдствія и страданія, какъ въ «Колыбельной Еремушки» и въ холодномъ и голодномъ «Сироткѣ» — это все такіе мотивы, все такія глубоко-правдивыя представленія народной жизни, какихъ вовсе еще не знало прежнее русское искусство, передъ которыми прежніе «Вани» и другія идеальныя фигуры кажутся блѣдными восковыми куколками или нарумяненными пейзанами.

Я уже разсказывалъ выше, какой великій мастеръ былъ Мусоргскій какъ аккомпаньяторъ и пѣвецъ-декламаторъ. Много разъ уже и тогда, да и впослѣдствіи, мы между собой, на нашихъ маленькихъ сходкахъ, собраніяхъ, говаривали, что въ этомъ онъ рѣшительно единственный, ни съ кѣмъ несравненный. Даже такой, совершенно выходящій изъ ряду вонъ піанистъ, какъ А. Рубинштейнъ, равнялся съ нимъ развѣ на половину: они съ одинаковымъ совершенствомъ аккомпанировали геніальные романсы Шумана, Шуберта и другія подобныя же высокія произведенія общеевропейской, идеальной и правильной музыки, но у Мусоргскаго была еще другая половина, недоступная ни для Рубинштейна, ни для всякаго иного общеевропейскаго музыканта: это сторона музыки національной, и, спеціально, тѣхъ глубоко-народныхъ, совершенно новыхъ и на манеръ Гоголя реальныхъ сценъ и картинокъ, о которыхъ я только-что говорилъ. Тутъ уже Мусоргскій былъ въ своемъ особенномъ, новомъ и оригинальномъ царствѣ, куда за нимъ не могъ проникнуть никакой музыкантъ общеевропеецъ. Но къ его счастью (а также къ счастью всей его компаніи, товарищей-композиторовъ) къ ихъ кружку присоединились, около середины 60-хъ годовъ, двѣ личности, которыя, въ исполненіи именно этихъ національныхъ, исключительныхъ созданій новой русской музыки, сдѣлались близкими его послѣдователями, товарищами и помощниками. Это были двѣ молодыя дѣвицы, необыкновенно талантливыя, Александра и Надежда Николаевны Пургольдъ, первая—пѣвица, вторая—фортепьянистка. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣтства онѣ находились

Digitized by Google

постоянно въ высоко-музыкальной средѣ: ихъ дядя, В. Ѳ. Пургольдъ—и самъ въ молодости пѣвецъ на собраніяхъ Даргомыжскаго—былъ очень близокъ съ этимъ послѣднимъ, и молодыя дѣвочки его племянницы съ самыхъ раннихъ лѣтъ, раньше даже всякаго систематическаго и техническаго ученья искусству, привыкли слышать все только одно глубоко-правдивое исполненіе, самимъ Даргомыжскимъ, его и Глинкинскихъ созданій: съ одною изъ нихъ онъ постоянно проходилъ лучшіе русскіе романсы, доискиваясь наибольшей правды, простоты и естественности выраженія, съ другою постоянно игралъ въ 4 руки все, что есть лучшаго въ музыкальныхъ созданіяхъ нашего вѣка. При талантливости обѣихъ сестеръ, такое ученичество, подъ руководствомъ Даргомыжскаго, должно было принести чудесные результаты. Даргомыжскій всегда высоко цѣнилъ ихъ (въ его письмахъ изъ-за границы 1864—65 года, мною напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», сохранились его отзывы объ одной изъ сестеръ). Позже, когда у Даргомыжскаго онѣ познакомились съ Мусоргскимъ и съ остальною «балакиревскою компаніею», онѣ пошли въ своемъ развитіи еще дальше, еще выше. Изъ нихъ образовались двѣ такія художницы, какихъ навѣрное не было еще раньше ихъ между русскими женщинами-музыкантшами. И Глинка, и Даргомыжскій были всегда окружены цѣлой толпой пѣвицъ-любительницъ и фортепьянистокъ, исполнявшихъ въ интимномъ кружкѣ, а иногда и въ публичныхъ концертахъ, ихъ романсы и аріи. Несомнѣнно, между ними была не одна съ истиннымъ дарованіемъ, съ симпатичностью выраженія, съ увлеченіемъ и огнемъ, съ неподдѣльнымъ чувствомъ или граціею. Но ни одна изъ нихъ (я имѣю все право сказать это—я всѣхъ ихъ переслушалъ, на своемъ вѣку, у Глинки и у Даргомыжскаго) даже издали не подходила, по талантливости и глубокому музыкальному чутью, къ сестрамъ Пургольдъ. Тѣ всѣ, дальше «любовныхъ романсовъ» и «любовнаго выраженія» не ходили въ своемъ пѣніи [1]). Единственное исключеніе составлялъ, въ кружкѣ

[1]) Одна изъ самыхъ способныхъ и даровитыхъ между ними, М. В. Шиловская (урожд. Вердеревская) была близкая знакомая Мусоргскаго. Во времена Глинки и Даргомыжскаго она отличалась очень одушевленнымъ исполненіемъ романсовъ съ ухарскимъ и немного цыганскимъ пошибомъ. Въ началѣ 1860-хъ годовъ Мусоргскій не разъ гостилъ у нея лѣтомъ, въ подмосковномъ имѣніи ея, селѣ Глѣбовѣ. Тамъ иногда, на довольно большомъ театрѣ, исполняли цѣлыя оперы, напримѣръ, „Жизнь за Царя“, подъ управленіемъ друга дома, капельмейстера К. Н. Лядова. Оркестръ и хоръ привозили тогда изъ Москвы, а сама хозяйка исполняла (впрочемъ очень посредственно) роль Вани.

Digitized by Google

Даргомыжскаго, пѣвецъ-любитель В. П. Опочининъ, необыкновенно талантливо, и совершенно въ стилѣ самого Даргомыжскаго, исполнявшій характерныя сцены и романсы его: «Титулярный совѣтникъ», «Червякъ», «Капралъ» и т. д. Но теперь была другая эпоха: новый періодъ музыки насталъ, и онѣ двѣ, какъ разъ, соотвѣтствовали, и по дарованію, и по музыкальной образованности, новымъ требованіямъ. Старшая сестра, пѣвица, была мало способна къ выполненію формальныхъ оперныхъ арій, но за то была неподражаема въ декламаціи, правдивой и жизненной, всѣхъ тѣхъ музыкальныхъ созданій, гдѣ на первомъ планѣ была неподдѣльная истина жизни, реализмъ, жаръ душевный, или комизмъ и юморъ. При такихъ условіяхъ, въ ея репертуарѣ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ занимали оригинальныя музыкальныя сцены Даргомыжскаго и Мусоргскаго. Но какъ она исполняла и именно всего чаще—лучшія созданія Мусоргскаго! Она очень близко воспроизводила его правдивую декламацію, столько ей симпатичную и дорогую, но не копировала рабски, а свободно возсоздавала исполняемое произведеніе, сообразно съ требованіями своей собственной натуры, прибавляла туда свой собственный элементъ, всего чаще элементъ тонкой и прекрасной женственности, и, по признанію самихъ авторовъ кружка, часто вкладывала такое выраженіе въ ихъ созданія, котораго они иногда и сами еще не подозрѣвали, сочиняя тотъ свой романсъ или сцену оперы. Ея младшая сестра точно также близко подошла, въ своемъ аккомпаниментѣ вокальныхъ сочиненій, къ аккомпанименту Мусоргскаго, но точно также часто вкладывала туда и нѣчто свое, свой собственный оттѣнокъ, душу и характеръ, свое собственное мужественное, энергическое или тонкое выраженіе (что̀ мудренаго: она и сама была прекрасная композиторша и сильная музыкантша). Мусоргскій обыкновенно называлъ ее въ разговорѣ и въ письмахъ: «нашъ милый оркестръ». Присутствіе этихъ двухъ сестеръ въ кружкѣ «товарищей-композиторовъ» прибавляло большую ноту къ общему великолѣпному аккорду. Когда, въ концѣ 1868 г., шли у Даргомыжскаго пробы «Каменнаго гостя», обѣ сестры играли тутъ крупную художественную роль: старшая великолѣпно и необыкновенно поэтично исполняла партію Доны-Анны и Лауры; младшая занимала роль оркестра. Самъ Даргомыжскій исполнялъ Донъ-Жуана, Мусоргскій—Лепорелло и Донъ-Карлоса. Навряд ли удастся кому-нибудь услыхать на театрѣ великое произведеніе Даргомыжскаго въ такомъ совершенномъ исполненіи. Одинъ Петровъ, на на-

Digitized by Google

шемъ вѣку, составлялъ исключеніе: онъ сдѣлалъ изъ Лепорелло одно изъ чудесъ своего и такъ уже изумительнаго репертуара.

Къ этому періоду дѣятельности Мусоргскаго относятся нѣкоторыя его сочиненія для оркестра, или съ оркестромъ, а равно нѣкоторыя его переложенія на оркестръ прежнихъ сочиненій. Такъ, въ началѣ 1867 года, сочиненъ имъ великолѣпный хоръ съ оркестромъ: «Пораженіе Сеннахериба» на слова одной изъ еврейскихъ мелодій Байрона (оригиналъ помѣченъ: «29 января 1867 года»). Какое значеніе признавалъ за этимъ сочиненіемъ самъ авторъ, о томъ можно судить по посвященію: Мусоргскій посвятилъ его своему другу, прежнему учителю, а теперь товарищу, М. А. Балакиреву, а чтобъ посвятить что-нибудь такому грозному музыкальному судьѣ, надобно было много. И дѣйствительно, хоръ этотъ заключаетъ крупныя музыкальныя красоты. Въ немъ соединяется превосходно схваченный восточный элементъ, немного дикій, но красивый, и—характерно-эпическій, строгій и суровый ритмъ, сильно напоминающій Востокъ. Инструментованъ онъ, быть можетъ, слишкомъ густо на низахъ оркестра, но и это выходитъ въ настоящемъ случаѣ не бѣда: эти постоянно низкіе, густые звуки напоминаютъ всегдашнюю гортанную рѣчь восточниковъ. Самая слабая часть—тріо. Что за непремѣнное Trio, на классическій манеръ! И что за подражаніе, хотя невольное, западнымъ хоралямъ! Впрочемъ, и самъ авторъ чувствовалъ это, и зимой съ 1873 на 1874-й годъ передѣлалъ среднюю часть, замѣнивъ условный, какъ будто казенный, хоралъ длинною грандіозною педалью, съ новою темою въ оркестрѣ, для куплета: «Ангелъ смерти взмахнулъ крыломъ». Хоръ этотъ исполненъ въ первый разъ въ февралѣ 1867 года въ одномъ изъ концертовъ Безплатной музыкальной школы, подъ управленіемъ М. А. Балакирева. Надо замѣтить, что задачи на сюжеты изъ библіи такъ заинтересовали въ это время Мусоргскаго, что онъ лѣтомъ того же года сочинилъ свою чудесную, съ глубокимъ восточнымъ оттѣнкомъ «Еврейскую пѣсню» на слова Мея («Еврейская пѣсня» помѣчена: «12 іюня 1867 г.»). Въ томъ же году, лѣтомъ, въ деревнѣ у брата (на мызѣ Минкино), Мусоргскій инструментовалъ свое «Intermezzo» 1861 года и посвятилъ его другому своему пріятелю и товарищу, А. П. Бородину. Сверхъ того, въ этомъ же году онъ сочинилъ и инструментовалъ большую симфоническую картину подъ названіемъ «Иванова ночь на Лысой горѣ» (или, какъ онъ тогда для краткости называлъ: «Вѣдьмы»). Это было глубоко-оригинальное сочиненіе, полное силы, энергіи и своеобразныхъ красотъ, вызванное всего скорѣе тѣми инстру-

Digitized by Google

ментальными созданіями, въ фантастическомъ картинномъ родѣ, Листа, Берліоза и Вагнера, которыя такъ часто и въ такомъ множествѣ мы слышали тогда, впервые, въ Россіи, въ концертахъ Безплатной школы. Только Мусоргскій, когда у него загорѣлось воображеніе, взялъ опять-таки задачу глубоко-національную и придалъ ей музыкальныя формы, въ высшей степени оригинальныя и самобытныя. Позже, спустя 12 лѣтъ, Мусоргскій распространилъ эту пьесу, задумавъ вдвинуть ее, сначала въ оперу «Млада», а потомъ въ «Сорочинскую ярмарку». О ней я буду еще говорить ниже.

На всѣхъ этихъ оркестровыхъ сочиненіяхъ и переложеніяхъ глубоко отозвалось вліяніе Балакиревскихъ концертовъ и всего новаго, чудеснаго, слышаннаго тамъ по части оркестра. Мусоргскій не былъ, по натурѣ своей, ни симфонистомъ, ни оркестраторъ, какъ М. А. Балакиревъ, или А. П. Бородинъ, и Н. А. Римскій-Корсаковъ; но, какъ вообще талантливый музыкантъ, онъ быстро схватывалъ и усвоивалъ себѣ все ему нужное для полнаго выраженія собственнаго творчества, и въ теченіе этого періода сдѣлалъ значительные успѣхи въ инструментовкѣ. Она у него выходила, во многихъ случаяхъ, очень эффектна, звучна и самобытна [1]).

Въ этотъ-же періодъ времени Мусоргскій сдѣлалъ также не мало фортепьянныхъ арранжировокъ: онъ часто бывалъ тогда, вмѣстѣ съ Даргомыжскимъ, у общаго ихъ знакомаго, Ал. Петр. Опочинина, и не только много исполнялъ тамъ своихъ и чужихъ романсовъ и сценъ, но также фортепьянныхъ переложеній. Уцѣлѣла цѣлая тетрадь такихъ переложеній въ двѣ руки. Въ ней заключаются: Scherzo, Adagio и финалъ изъ Cis-Moll'наго квартета Бетховена, и два скерцо изъ его-же квартетовъ, F-Dur'наго (opus 135) и E-Moll'наго (op. 59). Всѣ эти переложенія дѣланы лѣтомъ 1867 года, на мызѣ Минкино, и надписаны сверху: «Для Опочининскихъ субботъ». Мусоргскому всегда хорошо работалось въ деревнѣ, да еще въ деревнѣ у брата и невѣстки, съ которыми онъ былъ постоянно такъ друженъ.

---

[1]) Къ числу самыхъ первоначальныхъ пробъ Мусоргскаго, по части инструментовки, надо отнести пьесу „Alla Marcia notturna", съ подписью наверху: „Опытъ инструментовки—урокъ къ середѣ. 14 марта 1861". Съ кѣмъ онъ продѣлывалъ эти уроки инструментовки—неизвѣстно, только не съ М. А. Балакиревымъ, которому это сочиненіе вовсе неизвѣстно. Сомнительно, чтобы такіе уроки происходили у Мусоргскаго съ Даргомыжскимъ: тотъ и самъ былъ не слишомъ силенъ по этой части. Во всякомъ случаѣ, въ этой пьесѣ и сочиненіе и оркестровка очень посредственны.

Digitized by Google

V.

Послѣ романсовъ Мусоргскаго 1866—1868 годовъ, явно было, что его назначеніе—быть оперным композиторомъ. Ближайшіе пріятели его, Даргомыжскій и Ц. А. Кюи, настойчиво совѣтовали ему приниматься за оперу, да этого и онъ самъ болѣе всего хотѣлъ, помимо всякихъ совѣтовъ. Большинство товарищей его заняты были тогда мыслью объ оперѣ. Даргомыжскій съ 1866 года писалъ своего «Каменнаго гостя» и почти кончалъ его; Ц. А. Кюи доканчивалъ великолѣпнаго своего «Ратклиффа»; М. А. Балакиревъ съ 1863 года принимался за волшебную оперу «Жаръ-птица» и набросалъ для нея нѣсколько сценъ въ блестящихъ отрывкахъ; А. П. Бородинъ принимался за «Царскую невѣсту» и также набрасывалъ эскизы нѣсколькихъ сценъ. Въ 1868 году Мусоргскій остановился на «Женитьбѣ» Гоголя. Выборъ понятный: и Гоголь, и его высокое произведеніе были слишкомъ близки къ натурѣ Мусоргскаго. Но онъ вздумалъ переложить на музыку эту комедію всю цѣликомъ, безъ единаго пропуска, подобно тому, какъ въ это самое время Даргомыжскій перелагалъ на музыку «Каменнаго гостя» Пушкина, цѣликомъ, безъ пропусковъ. Только попытка Мусоргскаго была еще смѣлѣе, шла еще дальше: онъ перелагалъ на музыку не стихи, а прозу—дѣло уже окончательно до него небывалое. Какъ онъ смотрѣлъ на свою задачу, какъ былъ ею наполненъ, какъ глубоко вглядывался въ характеры и типы, въ ходъ сценъ и ихъ наиближайшее выраженіе, какъ онъ весь, всѣмъ существомъ своимъ проникнутъ былъ геніальнымъ комизмомъ великаго гоголевскаго созданія и, вмѣстѣ, какъ онъ, несмотря на весь пылъ собственнаго въ ту минуту сочинительства, не переставалъ любоваться на новыя капитальныя сочиненія своихъ товарищей, какъ онъ интересовался дѣятельностью своего кружка,—показываютъ слѣдующія два письма Мусоргскаго къ Ц. А. Кюи, писанныя изъ деревни Шилово, принадлежащей брату и невѣсткѣ Мусоргскаго.

3 іюля 1868.

«Милый мой Чезаре, здравствуйте! Вотъ я и на подножномъ корму, en forme et matière. Помѣщаюсь въ избѣ, пью молоко и цѣлый день состою на воздухѣ, только на ночь меня загоняютъ въ стойло. Почти наканунѣ отъѣзда досаднаго, ибо васъ не видѣлъ, я покончилъ первую сцену «Женитьбы». Первое дѣйствіе дѣлится на три сцены: со Степаномъ 1-я, со свахой

Digitized by Google

2-я, и съ Кочкаревымъ 3-я. Руководствуясь вашими замѣчаніями и Даргомыжскаго, я успѣлъ извлечь изъ нихъ необходимое, значительно упростилъ то, что показывалъ вамъ, и пріобрѣлъ для Подколесина очень удачную оркестровую фразу, которая пригодна мнѣ, какъ нельзя болѣе, для сцены его сватовства *(нотный примѣръ)*. Даргомыжскій ею доволенъ, повидимому, вполнѣ, и въ первый разъ она является въ разговорѣ со Степаномъ, при словахъ: «Ну, а не спрашивалъ» и проч., на счетъ женитьбы, однимъ словомъ. Это, какъ видите, fragment темки; вся цѣликомъ она явится въ моментъ формальнаго сватовства въ 3-мъ дѣйствіи, когда уже Подколесинъ рѣшился жениться. На ней очень выгодно строить тупое замѣшательство Подколесина. Въ первой же сценѣ мнѣ удалось сдѣлать ловкую выходку Степана. Когда его зовутъ въ третій разъ, онъ входитъ оскорбленно, но сдержанно, разумѣется, и на слова Подколесина: «Я хотѣлъ, братецъ, тебя поразспросить», отвѣчаетъ fortissimo: «Старуха пришла», совершенно сбивая, такимъ образомъ, надоѣданья барина.—Въ настоящее время набросана вчернѣ вторая сцена (со свахой). «Песъ вретъ» и «сѣдой волосъ» очень удались. Думаю, что сценка недурна и интересна. Въ самомъ концѣ ея, медвѣжья ажитація Подколесина, при словѣ «сѣдой волосъ» вышла очень курьёзна. Теперь принимаюсь за Кочкарева. Въ концѣ-концовъ, 1-е дѣйствіе, по моимъ соображеніямъ, можетъ служить опытомъ «opéra dialogué». Хотѣлось бы кончить къ зимѣ 1-е дѣйствіе; тогда можемъ судить и рядить. Кочкаревъ sera fait spécialement pour vous, mon cher. Скажите вашей милой барынѣ, что сцена съ Ѳеклой (свахой) удалась; она будетъ рада. Спасибо ей, сочувствуетъ моей продервостной работѣ.— Теперь, противъ обычая, начну вчернѣ, ибо инструмента нѣтъ. Приводить въ порядокъ буду въ Питерѣ. Такъ какъ не знаю, въ городѣ ли Корсинька [1]), или уплылъ «на финскія хладныя скалы» замораживать пламеннаго Антара, то прошу васъ, милый, буде это ему интересно станетъ, прочесть ему мое царапанье... Ну, а вы, Чезаре, comment cela va-t-il avec la versification? Молодецъ! Вотъ, подумаешь, благословенный кружокъ: не хватаетъ текста, сами кропаемъ! И ничего, ладно выходитъ. Много ли подвинули инструментовки, какъ идетъ докончательное сочиненіе?.. Вотъ предметы вашей записочки, если вы, милый, не подѣнитесь оживить меня въ моемъ «редюитѣ». Въ моей «opéra dia-

---

[1]) Н. А. Римскій-Корсаковъ, кончавшій въ то время свою превосходную программную симфонію: „Антаръ".

Digitized by Google

logué» я стараюсь, по возможности, ярче очерчивать тѣ перемѣны интонаціи, которыя являются въ дѣйствующихъ лицахъ во время діалога, повидимому, отъ самыхъ пустыхъ причинъ, отъ самыхъ незначительныхъ словъ, въ чемъ и таится, мнѣ кажется, сила гоголевскаго юмора. Такъ, напримѣръ, въ сценѣ со Степаномъ, послѣдній вдругъ мѣняетъ ласковый тонъ на озлобленный, послѣ того, какъ баринъ доѣхалъ его ваксой (мозоли я выпустилъ). Въ сценѣ съ Феклой, такіе моменты нерѣдки; отъ хвастливой болтовни до грубости или сварливой выходки для нея одинъ шагъ. Впрочемъ, все это увидите на дѣлѣ лучше»...

Приписка отъ 10-го іюля. «Письмо это запоздало отправленіемъ и опоздало очень кстати. Я окончилъ 1-е дѣйствіе. Шли дожди, три дня сряду, безъ устали шли, и я работалъ безъ устали, такая ужъ у насъ съ погодой линія вышла. Что касается меня, то «Женитьба» не давала мнѣ покоя — ну и написалъ. Вмѣсто трехъ сценъ, оказалось четыре: такъ нужно. Теперь опять славная погода, отдыхаю. Крѣпко цалую васъ, милый. Даргомыжскому отъ меня поклонъ учините».

15 августа 1868.

«Спасибо, милый Чезаре, за вѣсточку. А я было-задурилъ на вашъ счетъ. Что дѣлать? Удѣлъ мой — вѣчно подозрѣвать себя, гдѣ не слѣдуетъ, и подозрѣвать, гдѣ слѣдовало-бы. Cela doit vous prouver un peu ma stupidité. Qu'y faire? — Я привелъ въ порядокъ сочиненное и зубрю, чтобъ вамъ показать. Зубрить труднѣе безъ инструмента, чѣмъ писать. Изъ письма Корсиньки я еще разъ убѣдился, что вы отреклись отъ вашего «инструментальнаго отреченія» [1]). Честь вамъ и слава! Изъ вашего милаго посланія я извлекъ надежду услышать «Ратклиффа»; хотя и подождемъ, но все-же услышимъ. Ну, да хорошія вещи всегда заставляютъ себя искать и ждать, а «Ратклиффъ» болѣе чѣмъ хорошая вещь, о которой я говорю. «Ратклиффъ» не только вашъ, но и нашъ. Онъ выползалъ изъ вашего художническаго чрева на нашихъ глазахъ, росъ, окрѣпъ и теперь въ люди выходитъ, на нашихъ-же глазахъ, и ни разу не измѣнилъ нашимъ ожиданіямъ. Какъ-же не любить такое милое и хорошее существо, какъ-же не сказать, что оно болѣе, чѣмъ хорошее. Что касается сдѣланнаго вами въ послѣднее время, то я твердо убѣжденъ, что при томъ настроеніи, въ какомъ я васъ оставилъ, вы сдѣлали превосходное дѣло. Настроеніе для художника —

[1]) Одно время, тогда, Ц. А. Кюи колебался, и, конечно, совершенно понапрасну, на счетъ оркестрованія своей оперы.

Digitized by Google

важная вещь! И что вы меня «насладите» при пріѣздѣ — въ этомъ я тоже убѣжденъ. Въ 20-хъ (съ небольшимъ хвостикомъ) числахъ этого мѣсяца свидимся. Я все еще отдыхаю отъ 1-го акта, т.-е. обдумываю, складываю 2-й актъ, но за писанье не принимаюсь. Чувствую, что выждать надо, чтобы купеческій характеръ (начало акта) и Жевакинъ съ Яичницей вышли на столько-же путно окрашенными, какъ удалось окрасить Ѳеклу и Кочкарева. А многое складывается. Вотъ уже по истинѣ, «чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ!» И что за капризный, тонкій Гоголь!—Наблюдалъ за бабами и мужиками, извлекъ аппетитные экземпляры. Одинъ мужикъ—сколокъ съ Антонія въ шекспировскомъ «Цезарѣ», когда Антоній говоритъ рѣчь на форумѣ, надъ трупомъ Цезаря. Очень умный и оригинально-ехидный мужикъ! Все сіе мнѣ пригодится, а бабьи экземпляры—просто кладъ! У меня всегда такъ: я вотъ запримѣчу кой-какихъ народовъ, а потомъ, при случаѣ, и тисну. А намъ потѣха! Вотъ что я дѣлаю въ настоящее время, мой милый Чезаре... Вотъ что странно: «Ратклиффъ» Гейне—ходуля, «Ратклиффъ» вашъ—типъ бѣшеной страсти, и до того живой, что изъ-за вашей музыки ходули не видишь—ослѣпляетъ. Вотъ еще почему «Ратклиффъ» болѣе, чѣмъ хорошая вещь: потому, что это первый подобный типъ въ музыкѣ—*выполненный*. A vous l'honneur, le charme à nous!».

Осенью, по возвращеніи Мусоргскаго въ Петербургъ, 1-й актъ «Женитьбы» исполнялся въ кружкѣ товарищей-музыкантовъ: Даргомыжскій, въ началѣ лѣта восхищавшійся первыми пробами оперы, исполнялъ теперь роль Кочкарева, самъ Мусоргскій—Подколесина, сваху Ѳеклу — Ал. Ник. Пургольдъ, аккомпанировала ея сестра—Над. Ник. Пургольдъ. Репетиціи и исполненіе были непрерывнымъ взрывомъ хохота, такъ вѣрны были поминутно, на каждомъ шагу, комическія интонаціи гоголевской геніальной комедіи. Нѣсколько лѣтъ спустя, Мусоргскій подарилъ мнѣ оригинальную фортепьянную партитуру своей «Женитьбы» и писалъ мнѣ (2 января 1873): «Въ дорогой для меня *вами* день (день моего рожденья) вы не выходите изъ моихъ мозговъ, это дѣлается какъ-то «само-собой», и понятно, что если такъ это дѣлается, то приходитъ на мысль: чѣмъ-бы потѣшить дорогого человѣка? Отвѣтъ безъ малѣйшаго замедленія, какъ у всѣхъ продерзостныхъ головъ: подарить самого себя. Такъ и дѣлаю. Возьмите мою юную работу на гоголевскую «Женитьбу», посмотрите на попытки музыкальной рѣчи, сравните съ «Борисомъ», сопоставьте 1868-й и 1871-й годъ и увидите, что я дарю вамъ,

Digitized by Google

безповоротно, самого себя. Я вложилъ списанную Даргомыжскимъ роль Кочкарева, какъ драгоцѣнный памятникъ того, кѣмъ былъ Даргомыжскій въ послѣднее время: роль списана имъ, не смотря на тяжелую болѣзнь и работу «Каменнаго гостя». Терпѣть не могу потёмокъ и думаю, что на охотника «Женитьба» многое раскроетъ по части моихъ музыкальныхъ дерзостей. Вы знаете, какъ я дорого цѣню ее, эту «Женитьбу», и, правды ради, знайте, что она подсказана Даргомыжскимъ (въ шутку) и Кюи (не въ шутку). Время и срокъ работы показанъ, мѣсто также показано, словомъ—все обстоитъ благополучно и нѣтъ утайки [1]). Берите же меня, дорогой мой, и дѣлайте со мной, что хотите». Я и сдѣлаю теперь, послѣ смерти Мусоргскаго, не то, что хочу, а то, что долженъ: я внесу эту фортепьянную партитуру въ народную нашу публичную библіотеку, вмѣстѣ съ большинствомъ музыкальныхъ автографовъ, бумагъ и писемъ покойнаго моего друга. Этотъ «опытъ драматической музыки въ прозѣ» недостаточно оцѣненъ еще. Мнѣ кажется, онъ не останется безъ послѣдствій и послѣдователей. Придетъ время свергнуть предразсудокъ на счетъ неизбѣжной необходимости «текста въ стихахъ» для либретто, и когда опера, въ рукахъ будущихъ продолжателей Мусоргскаго, будетъ становиться все реальнѣе и реальнѣе, какъ все вообще будущее искусство, «Женитьба» Мусоргскаго получитъ надлежащее мѣсто и оцѣнку. Въ настоящую минуту, эта смѣлая, небывало-оригинальная, попытка кажется большинству тѣхъ, кто ее знаетъ, лишь непозволительною, капризною дерзостью. Авось такое мнѣніе будетъ не вѣчно. Мало ли сколько починовъ въ искусствѣ, казавшихся въ первое время непозволительною дерзостью и безумнымъ капризомъ, признаны были потомъ законными и входили въ кровь и плоть искуства! Я вѣрую и исповѣдую, что то же самое нынче случается и съ самостоятельною попыткой Мусоргскаго, идущей пока, до поры до времени, въ разрѣзъ со всѣми музыкальными привычками и признаваемыми за законъ правилами. Но, что бы ни сулило будущее «Женитьбѣ» Мусоргскаго, несомнѣнно то, что, если брать сцены этой попытки даже въ отдѣльности, разлагая ихъ на части, то на каждомъ шагу въ нихъ встрѣчаются та изумительная правда выраженія, то приближеніе къ обыкновенной, всегдашней человѣческой рѣчи, которыя не могутъ не считаться великимъ ша-

[1]) На заглавномъ листѣ рукописнаго оригинала стоитъ: „Опытъ драматической музыки въ прозѣ", а на верху перваго листа музыки: „Началъ писать во вторникъ 11 іюня 68 г. въ Петроградѣ. Окончилъ дѣйствіе во вторникъ 8 іюня 68 г., въ тульской деревнѣ Шилово".

Digitized by Google

томъ впередъ въ дѣлѣ искусства, даже въ сравненіи съ оригинальными романсами Мусоргскаго 1866—1868 года. Мусоргскій сталъ тутъ на совершенно новую почву: онъ отбрасывалъ въ сторону всякую условность формы и художественный формализмъ, онъ преслѣдовалъ только одно выраженіе текста, и въ этомъ шелъ даже дальше Даргомыжскаго, все-таки еще державшагося, даже и въ «Каменномъ гостѣ», въ иныхъ случаяхъ, «условныхъ закругленныхъ формъ». Близость къ тексту не можетъ уже дальше идти. Нѣтъ такого изгиба мысли, чувства, мимолетнаго настроенія, мимическаго движенія, душевнаго или чисто физическаго выраженія, которыхъ бы не передавала здѣсь музыка Мусоргскаго. Для нынѣшнихъ слушателей, пріученныхъ всего болѣе къ «музыкѣ» въ операхъ, такая новизна и дерзость художественная не могутъ не казаться дикими и странными. Будущее разсудитъ, кто тутъ былъ правъ: смѣлый ли новаторъ, глядящій впередъ, «къ новымъ берегамъ» (какъ онъ однажды написалъ мнѣ, въ своемъ письмѣ отъ 18 октября 1872 года, которое я приведу ниже), или слушатели, не разстающіеся съ прежними привычками. Но даже и теперь, когда музыка Мусоргскаго признается слишкомъ «пестрою», составленною изъ разнообразнѣйшихъ, никакою правильною нитью «несвязанныхъ лоскутковъ», «мозаикою», разсказъ свахи Ѳеклы и большинство рѣчей Кочкарева и Подколесина—не могутъ не казаться чѣмъ-то безконечно талантливымъ, правдивымъ и оригинальнымъ. Притомъ же, эти сцены, тянувшіяся сплошнымъ непрерывнымъ речитативомъ, очень часто напоминаютъ, по складу, по всѣмъ интонаціямъ, даже иногда по звукамъ, одинъ изъ величайшихъ chefs-d'oeuvre'овъ Мусоргскаго: сцену въ корчмѣ оперы «Борисъ Годуновъ». Сходство поразительное. Не мудрено, что такъ искренно и глубоко радовался на «Женитьбу» Даргомыжскій, лучшій судья въ томъ новомъ неслыханномъ дѣлѣ, которое было затѣяно имъ двумя: имъ самимъ и Мусоргскимъ.

VI.

Послѣ нѣсколькихъ исполненій 1-го акта «Женитьбы», Мусоргскій оставилъ сочиненіе прочихъ актовъ, несмотря на то, что у него для этихъ актовъ былъ уже напасенъ богатый матеріалъ въ головѣ. Его увлекла новая задача, глубоко поразившая его воображеніе. Это былъ «Борисъ Годуновъ» Пушкина, предложенный ему, въ это время, однимъ пріятелемъ его по собра-

Digitized by Google

нямъ у Л. И. Шестаковой, профессоромъ В. В. Никольскимъ. Этотъ сюжетъ въ такой степени поразилъ его, до того захватилъ всего его, что онъ уже ни о чемъ другомъ не могъ думать, и все другое оставилъ. Это всего лучше можно видѣть изъ того, что, едва принявшись за оперу въ сентябрѣ, онъ кончилъ весь первый актъ 14 ноября. Быстрота невѣроятная, если вспомнить, что онъ сочинялъ тутъ не одну музыку, но и текстъ. Но онъ всегда сочинялъ съ необыкновенною быстротою тѣ вещи, которыхъ сюжетъ глубоко ему нравился. Годъ спустя, въ октябрѣ или ноябрѣ 1869 года, была кончена уже и вся опера. Зимой съ 1869-го на 1870-й годъ онъ ее инструментовалъ. Онъ писалъ, 13 іюня 1870 года, А. Н. Пургольдъ за-границу: «Былъ у директора театровъ, онъ сказалъ, что въ этомъ году они ничего не могутъ ставить новаго, а, впрочемъ, меня могутъ позвать въ половинѣ августа, или въ началѣ сентября, попугать ихъ Борисомъ».

Воротясь въ концѣ лѣта 1868 года изъ деревни отъ брата, Мусоргскій поселился на житье у своего стариннаго пріятеля, А. П. Опочинина, въ инженерномъ замкѣ. Покидая навсегда Петербургъ въ 1862 году, мать Мусоргскаго передала своего дорогого Модеста попеченію и заботѣ Александра Петровича и Надежды Петровны Опочининыхъ, старинныхъ своихъ знакомыхъ, и тѣ обѣщали замѣнить Мусоргскому родное семейство. Они сдержали свое обѣщаніе, и были для него ближайшими родными людьми не только въ продолженіи тѣхъ $2^1/_2$ лѣтъ, что онъ прожилъ съ ними въ одной квартирѣ [1]), но и всегда до того и послѣ того. Вынужденный обстоятельствами пойти на государственную службу, Мусоргскій служилъ съ 1863-го по 1868-й годъ въ инженерномъ департаментѣ, а въ этомъ году, при сокращеніи тамъ штатовъ, перешелъ на службу въ лѣсной департаментъ министерства государственныхъ имуществъ, гдѣ и оставался до 1879 года. Ничто не могло быть благопріятнѣе той обстановки, въ которой находился Мусоргскій въ продолженіи всего періода, когда онъ сочинялъ своего «Бориса». Правда, все утро было для него потеряно, онъ принужденъ былъ просидѣть его въ департаментѣ (только Глинка и Даргомыжскій, какъ достаточные помѣщики, одни изъ всѣхъ нашихъ композиторовъ имѣли возможность не служить и располагать цѣлымъ своимъ днемъ, какъ хотѣли); но потомъ остатокъ дня Мусоргскій проводилъ среди дорогихъ и близкихъ ему людей, любящихъ и уважаю-

[1]) Съ августа 1868 по конецъ мая 1871 года.

Digitized by Google

щихъ его, высоко цѣнящихъ его талантъ. Онъ занятъ былъ сочиненіемъ своей оперы не только прилежно, но просто неутомимо, онъ посвящалъ ей все свое свободное время; отдыхомъ и антрактомъ ему служила бесѣда и чтеніе съ людьми, прекрасно образованными, много читавшими и слѣдившими за всѣмъ новымъ и важнымъ, что появлялось въ русской и иностранныхъ литературахъ. И брату, и сестрѣ, Мусоргскій посвятилъ нѣкоторыя изъ лучшихъ своихъ созданій (А. П. Опочинину: «Саула», Н. П. Опочининой: «Impromptu passionné», сцену Бельтова съ Любой; «Ночь»; «Желаніе»; обоимъ вмѣстѣ «Стрекотунья бѣлобока»). Н. П. Опочинина имѣла на него особенно благодѣтельное вліяніе, и при всей дружбѣ, не щадила его недостатковъ: вспомнимъ приписку на романсѣ «Желаніе»: «въ память ея суда надо мной». Въ такой-то отрадной средѣ, совершенно родственной, сочинялся «Борисъ».

Мусоргскій лишь въ немногихъ мѣстахъ близко слѣдовалъ за текстомъ драмы Пушкина. При всѣхъ многочисленныхъ ея красотахъ, она не могла быть передаваема ни сплошь, ни цѣликомъ, такъ-какъ состоитъ, по большей части, изъ сценъ, черезъчуръ короткихъ, слишкомъ сжатыхъ (злоупотребленіе подражанія Шекспиру). Мусоргскій самъ сочинялъ большинство своего текста. Его впослѣдствіи много упрекали за это (особливо самые плохіе наши музыкальные критики), не разбирая того, что ему ничего другого не оставалось дѣлать. У него не было въ распоряженіи не только самого Пушкина, но даже посредственнаго стихокропателя; да еслибы и былъ, то навѣрно пришлось бы съ нимъ только намучиться (какъ это и случалось раньше съ Глинкой и Даргомыжскимъ, все-таки принужденными вставлять въ либретто, заимствованное у Пушкина, не мало своихъ собственныхъ стиховъ). Впрочемъ, не будучи поэтомъ по профессіи, Мусоргскій и для «Бориса Годунова», какъ до того для многихъ романсовъ, сочинялъ много стиховъ талантливыхъ, поэтическихъ, полныхъ силы, сжатости, мѣткости, выразительности и образности. Въ то же время, вѣрный своей системѣ, испробованной въ «Женитьбѣ», Мусоргскій писалъ музыку прямо на прозу, на этотъ разъ то Пушкинскую, то свою, и музыка отъ этого ничуть не потерпѣла; напротивъ, часто выигрывала. Вообще говоря, наши глубокіе художественные критики не замѣтили того, что изъ всѣхъ музыкальныхъ композиторовъ, сочинявшихъ на свои собственные тексты, Мусоргскій сочинялъ стихи и прозу далеко лучше всѣхъ остальныхъ (конечно, со включеніемъ сюда и Берліоза, съ его

Digitized by Google

напыщенными стихами и прозой, и Вагнера, съ его нестерпимо вычурною и туманною реторикой).

Сочиняя свою новую оперу, Мусоргскій, какъ во время «Саламбо», глубоко проникнуть былъ не однѣми рѣчами своихъ дѣйствующихъ лицъ, но и всею обстановкою сцены, всѣми подробностями драмы, внѣшними и внутренними, мимикой, группировкой, позами и т. д. Я приведу всего одинъ примѣръ, но вполнѣ характеристичный. На автографномъ либретто, 1-я картина оперы сопровождается слѣдующими указаніями. «Стѣна Новодѣвичьяго монастыря подъ Москвою. Ближе, къ серединѣ сцены, выступомъ, большія монастырскія ворота съ навѣсомъ. Народъ небольшими кучками собирается на монастырскомъ дворѣ: движенія народа вялы, походка лѣнивая. Черезъ сцену проходятъ бояре и, обмѣниваясь поклонами съ народомъ, пробираются къ монастырскимъ воротамъ. Когда бояре скрылись въ монастырѣ, народъ начинаетъ бродить по сценѣ: иные (преимущественно женщины) заглядываютъ въ ворота, другіе шепчутся, или просто почесываютъ въ затылкѣ. Входитъ приставъ. Завидя его, народъ собирается въ сплошную толпу и стоитъ неподвижно: женщины — склонясь щекою на руку, мужчины, съ шапками въ рукахъ, скрестивъ руки на животѣ и понуря голову». Подобныхъ примѣровъ можно привести изъ оперы очень много.

Первоначально опера «Борисъ Годуновъ» должна была состоять изъ 4-хъ только дѣйствій и почти вовсе была лишена женскаго элемента. Всѣ ближайшіе къ Мусоргскому люди (въ томъ числѣ и я), любуясь съ восторгомъ на чудеса драматизма и правды народной, которыми наполнены были эти четыре акта, все-таки поминутно замѣчали ему, что опера его неполна, что многаго необходимаго въ ней недостаетъ, и что какъ ни велики красоты, уже и теперь существующія въ оперѣ, она можетъ казаться подъ-часъ неудовлетворительною. Мусоргскій, всегда упорно защищавшій (какъ всякій настоящій авторъ) сдѣланное имъ, явившееся плодомъ размышленій и вдохновенія, долго не соглашался съ нами, и, наконецъ, уступилъ только силѣ, когда, осенью 1870, театральная дирекція отказала ему въ пріемѣ «Бориса» на сцену, находя тамъ преобладаніе хоровъ и ансамблей, и слишкомъ чувствительное отсутствіе сценъ для отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ. Этотъ отказъ былъ очень благодѣтеленъ для оперы. Мусоргскій рѣшился пополнить ее. Уступая просьбамъ друзей, особливо моимъ и талантливаго архитектора Виктора Гартмана, страстно любившаго сочиненія Мусоргскаго и особенно отрывки его «сцены у фонтана», онъ снова взялся за эту

Digitized by Google

сцену, великолѣпные матеріалы для которой, уже давно прежде почти совершенно готовые, Богъ знаетъ почему были имъ заброшены. Я присовѣтовалъ также сочинить пѣсенку хозяйки корчмы, которой роль ранѣе того была слишкомъ мала и не рельефна — всего нѣсколько словъ; мы же порѣшили вдвоемъ, что хорошо ей придать «характеръ», и именно характеръ прежней кутилы, прошедшей сквозь огонь и воду (такъ-какъ она—корчмарка на большой дорогѣ); текстъ для этой пѣсенки: «Поймала я сизя селезня» взята Мусоргскимъ изъ сборника Пеина, мною незадолго до того узнаннаго. Оттуда же взятъ имъ текстъ для пѣсенки мамы: «Какъ комаръ дрова рубилъ» и пѣсенки царевича: «Туру-туру — пѣтушокъ». Текстъ для разсказа царевича Ѳеодора: «Попинька нашъ сидѣлъ съ мамками въ свѣтлицѣ» сочиненъ самимъ Мусоргскимъ, на основаніи вычитаннаго нами у Карамзина свѣдѣнія, что при царѣ Борисѣ впервые привезены въ Россію попугаи, въ подарокъ царю. Сценѣ съ курантами послужилъ также основаніемъ открытый нами подробный разсказъ у Карамзина. Точно также и другой разсказъ того же Карамзина, о возстаніи народномъ и іезуитахъ Черниковскомъ и Лавицкомъ, было нами рѣшено взять тэмой для великолѣпнѣйшей сцены глумленія народнаго надъ бояриномъ Хрущевымъ, воеводой въ Кромахъ, и для сцены расправы народной съ іезуитами, въ минуту приближенія побѣдоноснаго Самозванца съ войскомъ [1]). Текстомъ для народнаго хора: «Гайда! Расходилась, разгулялась сила молодецкая!» послужила разбойничья пѣсня, предложенная Д. Л. Мордовцевымъ, а для пѣсни Варлаама, еще въ первой редакціи оперы, нами отыскана, согласно короткому указанію самого Пушкина, пѣсня: «Какъ въ городѣ во Казани», текстъ которой есть въ «Древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ» и другихъ мѣстахъ [2]). Замѣчу еще, что въ это же время вновь прибавлено также многое въ сценѣ Пимена, именно хоръ «Полунощницы» издали, въ концѣ сцены. Всѣ эти капитальныя созданія Мусоргскаго не существовали бы, по всей вѣроятности, еслибъ его опера была принята дирекціей съ-разу и поставлена на сцену.

---

[1]) Я не могу забыть, какъ, по желанію Мусоргскаго, я долженъ былъ прінскивать для іезуитовъ латинскіе возгласы съ преобладаніемъ буквъ і и и (чтобы вѣрнѣе и ближе выразить низко-трусливый испугъ іезуитовъ); для этого я предложилъ возгласы: „Sanctis—si—ma Vir—go Ju—va servos tu—os!"

[2]) Я помню радость Мусоргскаго, когда я ему принесъ этотъ отысканный, наконецъ, текстъ, зимой 1868—69 года, въ одинъ изъ концертовъ Безплатной школы, въ залу дворянскаго собранія и съ какою жадностью онъ сталъ пробѣгать его тутъ же сейчасъ же въ залѣ, во время музыки. Онъ былъ отъ него въ восхищеніи.

Digitized by Google

Что касается до самой музыки, то большинство новыхъ нумеровъ, послѣ такого отказа, были сочинены вновь, а другіе заимствованы изъ прежняго матеріала. Какъ я указывалъ выше, большинство заимствованій взяты изъ «Саламбо», но въ значительно измѣненномъ и распространенномъ видѣ. Мелодію для фанатической проповѣди народу, Варлаама и Мисаила: «Солнце, луна померкнули», Мусоргскій взялъ изъ былиннаго напѣва у олонецкаго народнаго пѣвца, Рябинина, пріѣзжавшаго зимой 1868 года въ Петербургъ и слышаннаго Мусоргскимъ въ публичномъ засѣданіи географическаго общества, а потомъ у А. Ѳ. Гильфердинга. Но, кромѣ всего этого, Мусоргскій сдѣлалъ, зимою 1870, еще одно важное измѣненіе въ своей оперѣ: онъ рѣшилъ кончить ее не смертью Бориса, а сценою возставшаго расходившагося народа, торжествомъ Самозванца и плачемъ юродиваго о бѣдной Руси. Насколько выиграло при этомъ заключеніе оперы въ трагичности, потрясающей силѣ и грозномъ значеніи! Эту столько важную перестановку присовѣтовалъ Мусоргскому его пріятель, В. В. Никольскій. Мусоргскій былъ въ восхищеніи и въ немного дней перестроилъ и приладилъ этотъ конецъ. Признаюсь, я былъ въ отчаяніи, и глубоко завидовалъ В. В. Никольскому, что онъ, а не я присовѣтовалъ Мусоргскому такую блестящую, такую великолѣпную идею.

Опера «Борисъ Годуновъ», достигшая, послѣ передѣлокъ и прибавокъ 1870—71 годовъ, полнаго своего состава, есть одно изъ самыхъ крупныхъ произведеній не только русскаго, но всего европейскаго искусства. Изображеніе народа является тутъ въ такихъ формахъ правды и реальности, какихъ никто еще до него не пробовалъ (въ «Каменномъ гостѣ» Даргомыжскаго народа на сценѣ вовсе нѣтъ). Еще больше, чѣмъ по поводу романсовъ 1866—68 годовъ, на тексты изъ народной жизни, надо сказать, что, въ сравненіи съ дѣйствующими лицами изъ «Бориса», всѣ прочія личности изъ среды народа, представленныя раньше того русскими композиторами—пейзаны и условныя куклы, несмотря на всю психическую, иногда, правду и красоту выраженія, на всю общую талантливость музыкальныхъ формъ. Монахи Варлаамъ и Мисаилъ, хозяйка корчмы, мама царская, пристава (полицейскіе), юродивый, наконецъ, многія лица безъ имени, въ народныхъ сценахъ, и, всего больше, народныя массы крестьянъ и бабъ въ первомъ и послѣднемъ актѣ—все это типы небывалые еще въ операхъ и въ Россіи, и во всей Европѣ. Въ сравненіи съ ними, даже лучшіе народные хоры Мейербера (не говоря уже о Глинкѣ и Вагнерѣ) идеальны, безличны, условны и не націо-

Digitized by Google

нальны. Такую близость къ дѣйствительности, какую мы находимъ у Мусоргскаго въ музыкѣ, можно найти только въ лучшихъ народныхъ картинахъ Гоголя и Островскаго. Въ этихъ сценахъ Мусоргскій рѣшительно равенъ имъ. Постиженіе исторіи, глубокое воспроизведеніе безчисленныхъ оттѣнковъ народнаго духа, настроенія, ума и глупости, силы и слабости, трагизма и юмора—все это безпримѣрно у Мусоргскаго. Народъ, покорный и глупый, какъ овцы, и избирающій Бориса на царство изъ-подъ палки полицейскаго, а потомъ, только этотъ полицейскій отошелъ въ сторону, полный юмора надъ самимъ-же собою (1-й актъ); толпа народная изъ людей, сбѣжавшихся со всей Россіи, творящая дикую расправу надъ домашними и пришлыми недругами, жестокими начальниками и католическими іезуитами, но передъ этимъ свирѣпо играющая съ жертвой своей и надъ нею насмѣхающаяся; свирѣпый и жадный Варлаамъ съ приставами въ корчмѣ; кроткій инокъ Пименъ, лѣтописецъ и набожная душа, истинно эпическая русская личность—какія все это глубокія, вѣрныя историческія картины! И какая глубокоправдивая русская рѣчь у всѣхъ этихъ Митюхъ, Ѳомокъ, Ефимовъ, юродивыхъ Иванычей, Афимій, корчмарокъ, мальчишекъ-сорванцевъ, и десятковъ безыменныхъ личностей! Какія русскія интонаціи голоса [1]). Не даромъ историкъ Костомаровъ, такъ долго изучавшій смутную эпоху русскаго народа, увидавъ и услыхавъ на сценѣ «Бориса Годунова» Мусоргскаго, въ восхищеніи говорилъ автору: «Да, вотъ это—такъ страница исто-

---

[1]) Не могу не указать здѣсь того, какъ мало смыслящіе въ народномъ духѣ и въ новыхъ стремленіяхъ капельмейстеры распоряжаются иногда съ тѣмъ матеріаломъ, который стоитъ выше ихъ пониманія. Въ народныхъ сценахъ у Мусоргскаго, среди хоровыхъ массъ, нерѣдко выдѣляются разговоры отдѣльныхъ лицъ. Въ 1-мъ актѣ: „Митюхъ, а Митюхъ, чего оремъ? — Вона, почемъ я знаю! — Царя на Руси хотимъ поставить!—Ой, лихонько! совсѣмъ охрипла! Голубка, сосѣдушка, не пришасла-ль водицы?—Вишь, боярыня какая!—Орала пуще всѣхъ, сама-съ и пришасала!“ Въ послѣднемъ актѣ: „Чтожъ, братцы, аль такъ, безъ почету боярина оставимъ?—Такъ, безъ почету!—Чтой-то за невидаль! Аль николи бояринъ нашъ зазнобушки не вѣдалъ?—Валя, красавица (100-лѣтняя старуха) къ боярину“... и т. д. Всѣ эти, характерно-единичные возгласы, представляющіе такое „новое слово“ въ оперномъ дѣлѣ, г. капельмейстеръ заблагоразсудилъ исполнять на сценѣ все сплошь хоровыми группами! Все было искажено, перевернуто вверхъ дномъ. И, что всего обиднѣе, подъ вліяніемъ человѣка, отъ котораго слишкомъ многое зависѣло при постановкѣ оперы, Мусоргскій, иногда слишкомъ мягкій и податливый въ практической жизни, отказался отъ своего почина, согласился на это искаженіе (точь-въ-точь какъ было, за 30 лѣтъ раньше, съ Глинкой, по поводу лучшихъ мѣстъ его „Руслана“), и въ этомъ искалѣченномъ же видѣ напечаталъ свою оперу (опять какъ Глинка). О, непостижимая русская безхарактерность!

Digitized by Google

рів!» Вотъ гдѣ отозвалось то изученіе народа, въ деревнѣ, которымъ былъ вѣчно полонъ Мусоргскій. Другихъ результатовъ и быть не могло у такого истинно-народнаго человѣка, какъ Мусоргскій, и у такого истинно-народнаго художника, какъ онъ.

Но, кромѣ самого народа, главнаго дѣйствующаго лица въ операхъ, великолѣпны и чудно-правдивы и другія дѣйствующія лица великой драмы. Борисъ, мучимый совѣстью, но царственный и торжественный—среди массы народной и царедворской, любящій и нѣжный,—когда онъ одинъ съ семействомъ; хитрый, умный, лукавый и пронырливый Шуйскій; рыцарскій, талантливый, блестящій, горячій Самозванецъ; ловкая, безсердечная, холодная притворщица—что это за несравненная галлерея живыхъ, историческихъ лицъ у Мусоргскаго!

Я не могу разбирать здѣсь всѣхъ совершенствъ оперы, но твердо вѣрую, что чѣмъ дальше будетъ расти художественная и историческая интеллигентность нашего общества, тѣмъ глубже и больше будутъ изучать этотъ chef-d'oeuvre, одинъ изъ величайшихъ перловъ русскаго народнаго искусства. Если у нѣмцевъ съ любовью такъ пристально и подробно изучаются оперы Вагнера, кажущіяся имъ истинно-народными и великими, то чего-же должна ожидать для себя въ будущемъ опера Мусоргскаго, уже не кажущаяся, а дѣйствительно въ такой мѣрѣ народная, историческая и безконечно-правдивая въ каждой своей рѣчи, фразѣ, словѣ.

Съ самой зимы 1868 года и по начало 1874 года (когда «Борисъ» поставленъ на сцену), сначала отрывки оперы, а потомъ и вся опера цѣликомъ десятки разъ исполнялась въ кружкѣ товарищей-композиторовъ. Радость, восхищеніе, любованіе были всеобщія; каждый изъ этихъ талантливыхъ людей, хотя и находилъ разные недостатки въ операхъ, но все-таки чувствовалъ, какое крупное, новое дѣло тутъ у всѣхъ ихъ на глазахъ творится. Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни Даргомыжскій слышалъ тоже отрывки оперы, изъ числа самыхъ тузовыхъ: первую сцену и сцену въ корчмѣ, и даромъ, что занятъ былъ въ ту минуту окончаніемъ великаго, геніальнаго своего созданія, «Каменнаго гостя», вѣнца всей его художественной жизни, онъ съ великодушнымъ восторгомъ повторялъ передъ всѣми, что Мусоргскій идетъ еще дальше его. Обыкновенно, Мусоргскій исполнялъ все самъ, на музыкальныхъ сходкахъ товарищей, и хоры, и речитативы, и ансамбли, и партіи отдѣльныхъ личностей. Чудеснымъ помощникомъ его являлась А. Н. Пургольдъ; она исполняла всѣ женскія партіи: Ксеніи, царевича, мамки, Марины,

Digitized by Google

мальчишекъ, пристающихъ къ юродивому, и исполняла съ художественностью, огнемъ, страстью, граціею, задоромъ и шаловливостью, а главное—съ простотой и естественностью, близко подходившими къ несравненному исполненію самого Мусоргскаго. Эти пробы «Бориса» бывали на собраніяхъ у Л. И. Шестаковой, у В. Ѳ. Пургольда, у Ал. Ал. Хвостовой. Эта послѣдняя пѣвица тоже была всегда превосходной исполнительницей романсовъ и оперныхъ сценъ музыкальнаго кружка: она отлично, просто и правдиво, съ большимъ художественнымъ чувствомъ исполняла женскія партіи изъ «Ратклиффа» и «Псковитянки», лучшіе романсы Балакирева, Кюи, Римскаго-Корсакова, Бородина, Мусоргскаго и, можетъ быть, лучше всего—чудную сказку мамки въ «Псковитянкѣ». На всѣхъ этихъ собраніяхъ «Борисъ Годуновъ» съ каждымъ разомъ разростался все больше и больше; когда опера была уже совсѣмъ кончена, то зимой 1871 и 1872 года отрывки оттуда нѣсколько разъ исполнялись Ю. Ѳ. Платоновой и Ѳ. П. Комиссаржевскимъ, у начальника костюмной и декораціонной части театровъ, г. Лукашевича, въ то время еще живо интересовавшагося участью новой русской оперы. Въ февралѣ 1873 года были, наконецъ, даны на Маріинскомъ театрѣ, въ бенефисъ режиссёра Кондратьева, три отрывка изъ оперы: «Сцена въ корчмѣ», «Сцена въ будуарѣ у Марины» и «Сцена у фонтана». Незадолго передъ тѣмъ онъ мнѣ писалъ (2-го января 1873 г.): «Скоро на судъ! Весело мечтается о томъ, какъ станемъ мы на лобное мѣсто, думающіе и живущіе о «Хованщинѣ» (новая предпринятая уже тогда Мусоргскимъ опера), въ то время, когда насъ судятъ за «Бориса». Бодро, до дерзости, смотримъ мы въ дальную музыкальную даль что̀ насъ манитъ къ себѣ, и не страшенъ судъ. Намъ скажутъ: «Вы попрали законы Божескіе и человѣческіе!» Мы отвѣтимъ: «Да», и подумаемъ: «То ли еще будетъ!» Про насъ прокаркаютъ: «Вы будете забыты скоро и навсегда!» [1]) отвѣтимъ: «Non, non, et non, madame!» Однако, успѣхъ трехъ сценъ былъ громадный. Выше всѣхъ былъ Петровъ, геніально исполнявшій Варлаама; быть можетъ, изъ всего громаднаго и талантливаго репертуара цѣлой его жизни у него никогда не бывало ролей, исполненныхъ съ бо́льшимъ талантомъ, и поразительнѣйшимъ творчествомъ, чѣмъ роль Лепорелло въ «Каменномъ гостѣ» и роль Варлаама въ «Борисѣ». Здѣсь

[1]) Намекъ на письмо одного знаменитаго нашего литератора, писавшаго мнѣ незадолго передъ тѣмъ, что вся новая русская школа, никуда негодная, будетъ скоро забыта, какъ египетскіе Рамписниты XLIV-ые.

Digitized by Google

высказалась, еще выше, чѣмъ во всѣ времена прежде, вся зрѣлость, вся возмужалость, вся глубина его таланта. Типичность и юморъ, историчность и полнота народной фигуры не могутъ идти дальше того, что представлялъ тутъ Петровъ. Прочіе исполнители были также превосходны, всѣхъ выше—Д. М. Леонова въ характерной роли шинкарки. На другое утро друзья прислали ему, кто свое «ура!» кто поздравленія и горячіе привѣты; одна почитательница прислала въ это утро Мусоргскому первый его вѣнокъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ начались репетиціи на театрѣ всей оперы. Послѣ первой, 9-го января 1874 г., Мусоргскій, сильно оживленный, довольный, весь «распаленный» (какъ онъ мнѣ тогда писалъ) снялъ съ себя у Лоренца лучшій свой фотографическій портретъ. Мнѣ, по уговору, онъ подарилъ *первый* экземпляръ.

Наконецъ, 24-го января 1874 года, пошла и вся опера цѣликомъ. Это было великое торжество Мусоргскаго. Старики, индифференты, рутинисты и поклонники пошлой оперной музыки дулись и сердились (это тоже торжество); педанты консерваторіи и критики протестовали съ пѣной у рта. Какая-то тупая интрига устроила такъ, что четыре вѣнка отъ молодыхъ почитательницъ Мусоргскаго, съ надписями: «Слава тебѣ за Бориса, слава!», «Поднялась сила нодонная» (текстъ изъ народнаго хора 5-го акта), «Къ новымъ берегамъ!» и проч., не были поднесены Мусоргскому во время перваго представленія, такъ что бѣдныя почитательницы принуждены были отправить вѣнки Мусоргскому на-домъ. Но за то молодое поколѣніе ликовало и сразу подняло Мусоргскаго на щитахъ. Что имъ было за дѣло до того, что рецензенты принялись въ запуски терзать Мусоргскаго: кто говорилъ про его безграмотность, кто про грубость и безвкусіе, кто про нарушеніе традицій, кто про негодность начинать хоръ прямо съ педали, кто про какую-то мелодраматичность іезуита Рангони, кто про то, что лучше всего «округленныя», по обыкновенному оперному рецепту, мѣста оперы (напр., милый, но ничѣмъ особеннымъ не отличающійся, дѣтскій разсказъ: «Попинька нашъ сидѣлъ» или тріо въ концѣ «сцены у фонтана»), кто, наконецъ, про то, что авторъ слишкомъ «самодоволенъ собою» (!), что музыка его «незрѣлая, спѣшная» (!) и т. д.—что имъ было за дѣло до всей этой пошлости, неотесанности, непониманія, схоластики,—закоренѣлыхъ привычекъ зависти и злости! Молодежь свѣжимъ своимъ, неиспорченнымъ еще чувствомъ понимала, что великая художественная сила создала и вручаетъ народу нашему новое, чудное на-

Digitized by Google

родное произведеніе, и ликовала, и радовалась, и торжествовала. Двадцать представленій прошли съ полнехонькимъ театромъ; не разъ толпа молодыхъ людей распѣвала ночью, на улицѣ, подходя къ Литейному мосту и собираясь переходить на Выборгскую сторону, хоръ «величанья боярина народомъ» и другіе хоры. Молодое поколѣніе, пропуская мимо то, что было слабаго и неудовлетворительнаго въ оперѣ (напримѣръ, сцену Марины въ уборной съ прислужницами и сандомирскими дѣвушками, и немногія другія), привѣтствовало все остальное съ тѣмъ самымъ восторгомъ, съ какимъ его старшіе братья и отцы привѣтствовали лучшія народныя созданія Пушкина, Гоголя и Островскаго. Она *понимала* и потому рукоплескала Мусоргскому, какъ своему настоящему, дорогому.

VI.

Въ промежуткѣ, между окончаніемъ «Бориса Годунова» и постановкой его на сцену, Мусоргскій не былъ празденъ. Какъ можно! Это была, какъ я уже сказалъ выше, эпоха самаго сильнаго разцвѣта таланта Мусоргскаго. Потребность творить новые образы, новые типы и сцены была у него непреодолимая. И вотъ онъ создаетъ, начиная съ середины 1870 года, цѣлый рядъ превосходныхъ музыкальныхъ сценъ и романсовъ.

Раньше всего онъ сочинилъ свой «Раешъ» (оригиналъ помѣченъ: 15-го іюня 1870 года). Уже за три года передъ тѣмъ, весной или лѣтомъ 1867 года онъ сочинилъ своего «Классика», какъ онъ называетъ въ краткомъ спискѣ: «сочиненій начало музыкальныхъ его памфлетовъ». На верху этого романса напечатано: «По поводу нѣкоторыхъ музыкальныхъ статеекъ г. Фаминцына», а текстъ (самого Мусоргскаго) говорилъ: «Я простъ, я ясенъ, я скроменъ, вѣжливъ и прекрасенъ; я плавенъ, важенъ, я въ мѣру страстенъ—я чистый классикъ! Я стыдливъ, я учтивъ. Я злѣйшій врагъ новѣйшихъ ухищреній, заклятый врагъ всѣхъ нововведеній: ихъ шумъ и гамъ, ихъ страшный безпорядокъ, меня тревожатъ и пугаютъ, въ нихъ гробъ искусства вижу я. Но я—я простъ» и т. д. Все это было выражено такими музыкальными фразами, такими комическими интонаціями, отъ которыхъ невольно хохоталъ каждый, особливо при мастерскомъ исполненіи Мусоргскаго. Это былъ новый родъ въ музыкѣ, новое пріобрѣтеніе, жестокая, но талантливая расправа съ отсталыми и каррикатурными противниками, какихъ въ ту пору было у

Digitized by Google

Мусоргскаго, да и у всей музыкальной «Балакиревской компаніи», множество. Скоро талантливая сатира Мусоргскаго распространилась по всѣмъ музыкальнымъ вружкамъ Петербурга; не было такого музыканта, который-бы ея не зналъ. Но къ 1870-му году накопилось много враждебныхъ элементовъ въ томъ-же родѣ, какъ и изображенные въ «Классикѣ». То было время ожесточенной борьбы между направленіемъ кружка товарищей-композиторовъ и большинствомъ остальныхъ петербургскихъ музыкантовъ. Человѣкъ, стоявшій во главѣ враждебныхъ партій, Сѣровъ, давно уже переставъ быть тѣмъ прогрессивнымъ человѣкомъ, музыкантомъ и критикомъ, какимъ былъ въ молодые свои годы. Онъ теперь сочинялъ плохія оперы, способныя нравиться грубой толпѣ. Давно замерзши на однихъ только симпатіяхъ юныхъ своихъ лѣтъ, утверждалъ, что послѣ Бетховена немыслимы ничьи болѣе симфоніи, и потому съ слѣпымъ изувѣрствомъ нападалъ на Франца Шуберта и Шумана (котораго признавалъ только «полу-музыкантомъ»), на Берліоза и Листа; верхомъ оперной музыки считалъ Вагнера и его полу-бездарныхъ «Тангейзера» и «Лоэнгрина», а потомъ топталъ въ грязь «Руслана и Людмилу» Глинки, увѣряя (въ 1868 году), что лѣтъ черезъ 5 эта опера навсегда сойдетъ со сцены; по поводу концертовъ Вагнера въ Петербургѣ, въ 1863 году, писалъ въ пользу его чудовищныя рекламы, утверждая, что Вагнеръ «продумалъ міры»; въ музыкальныхъ критикахъ постоянно былъ надутъ собою, придирчивъ безъ толку, мелокъ и безсильно дерзокъ, направленъ на личности. Въ 1866 году, отдавая публикѣ, печатно, отчетъ о представленіяхъ «Руслана» въ Прагѣ подъ управленіемъ М. А. Балакирева, я сказалъ, что Балакиревъ съ своими талантливыми товарищами-новаторами образуютъ «могучую кучку». Сѣровъ ухватился за это выраженіе и сталъ преслѣдовать имъ Балакиревскую партію, какъ насмѣшливымъ прозвищемъ: другіе товарищи Сѣрова, по ненависти къ новому музыкальному направленію, гг. Ларошъ, Званцовъ, и другіе обрадовались прозвищу и стали употреблять его въ видѣ браннаго слова. Они находили въ этомъ, кажется, много остроумія и глубины. Когда, въ 1867 году, Берліозъ былъ въ Россіи (2-мъ разомъ) и постоянно окружалъ себя талантливыми представителями новой русской школы, Сѣровъ (впрочемъ, постоянно нападавшій на Берліоза въ своемъ журналѣ «Музыка и Театръ») былъ внѣ себя отъ досады. Такая личность и такое писательство о музыкѣ (прежняя личность и писательство Сѣрова отстояли отъ позднѣйшихъ, какъ небо отъ земли, до того Сѣровъ измѣнился!) не

Digitized by Google

могли не быть антипатичны и даже отчасти презрѣнны талантливому кружку. О Сѣровѣ и другихъ его товарищахъ по ретроградной оппозиціи поминутно шла рѣчь въ средѣ «могучей кучки»; о нихъ очень часто писалъ въ своихъ талантливыхъ и блестящихъ полемическихъ статьяхъ Ц. А. Кюи, въ продолженіи многихъ лѣтъ выразитель не только своихъ личныхъ мнѣній, но и всего кружка, и въ особенности главы партіи, М. А. Балакирева. Бой кипѣлъ постоянно ожесточенный, и вотъ однажды, въ 1870 году, я посовѣтовалъ Мусоргскому выступить еще разъ съ тѣмъ самымъ страшнымъ бичемъ музыкальной сатиры, которую онъ такъ талантливо испробовалъ уже въ «Классикѣ». Онъ съ одушевленіемъ схватился за мое предложеніе, взялъ даже предложенное мною заглавіе «Раёкъ», и представилъ себя «раёвщикомъ», показывающимъ народу курьёзныхъ чудушекъ морскихъ. «Раёкъ» вышелъ chef-d'oeuvre'омъ талантливости, ѣдкости, комизма, насмѣшки, блеска, пластичности. Первымъ выступалъ тутъ Заремба (въ то время директоръ консерваторіи), поющій на окарикатуренную «классическую» Генделевскую тэму, лже-классическія свои изреченія, что «минорный тонъ—грѣхъ прародительскій, а мажорный—грѣхъ искупленія» (Заремба былъ гернгутеръ-піэтистъ и дѣйствительно проповѣдывалъ это на своихъ лекціяхъ въ консерваторіи). Вторымъ являлся Ростиславъ (Θифъ—сокращенное имя Θеофилъ), плохой музыкальный критикъ, фанатическій обожатель итальянской музыки, воспѣвающій на мотивъ пошлаго каррикатурнаго вальса, и съ глупѣйшими итальянскими руладами, «чудную, милую, славную, дивную Патти», съ ея бѣлокурымъ паричкомъ (о которомъ Ростиславъ патетически разсказывалъ въ одномъ изъ великосвѣтскихъ фельетоновъ своихъ); еще далѣе представленъ былъ музыкальный критикъ—посредствомъ мелодіи одного же его собственнаго романса,—съ разсказомъ о томъ, какъ онъ процессомъ хотѣлъ смыть съ себя «пятно», «неприличное пятно», нанесенное ему кѣмъ-то въ печати, между тѣмъ какъ прежде онъ былъ «невиненъ, и послушаньемъ старшихъ плѣнялъ, лепетомъ милымъ, дѣтски-стыдливымъ, многихъ сердца обольщалъ», но теперь «съ врагомъ (на судѣ) въ бой вступилъ, и—погибъ, понеся ударъ моральный». Послѣднимъ представленъ былъ, посредствомъ мелодій изъ «Рогнѣды», Сѣровъ, какъ онъ «мчится, несется, мятется, рветъ и мечетъ, злится, грозитъ, на тевтонскомъ букефалѣ, замореннымъ цукунфтомъ (т.-е. фанатическимъ послѣдователемъ Рихарда Вагнера)». «Кресло генію скорѣй, негдѣ генію присѣсть!» возглашаетъ раёвщикъ (Сѣровъ былъ тогда страшно сердитъ и жаловался въ печати, что

Digitized by Google

ему не даютъ даровато кресла въ концертахъ русскаго музыкальнаго общества); «на обѣдъ его скорѣй зовите!» (Сѣровъ жестоко былъ сердитъ, что Берліозъ не позвалъ его на обѣдъ, данный въ Михайловскомъ дворцѣ «могучей кучкѣ»); «всѣхъ директоровъ долой, онъ одинъ ихъ всѣхъ замѣнитъ» (Сѣровъ печатно гнѣвался на то, что его не дѣлаютъ директоромъ русскаго музыкальнаго общества). «Къ воеводамъ удалымъ» (т.-е. тремъ предъидущимъ личностямъ) сей титанъ, сей титанъ — въ компанію попалъ и тотчасъ-же осерчалъ, съ яростью на нихъ напалъ, ужъ онъ ихъ трепалъ-трепалъ-трепалъ-трепалъ-трепалъ». «Но грянулъ громъ, густая мгла затрепетала» (фраза изъ «Рогнѣды»), и пали ницъ въ священномъ прахѣ всѣ четверо, сама богиня Евтерпа (аллегорія на одну очень извѣстную тогда въ музыкальномъ мірѣ личность) сходитъ съ небесъ, и всѣ четверо запѣли ей «гимнъ молебный» (на тэму «Дураковой пѣсни» изъ «Рогнѣды», въ торжественной, каррикатурно-величественной формѣ), о томъ, чтобы она «оросила ихъ златымъ дождемъ съ Олимпа», а они «ее воспоютъ на звонкихъ цитрахъ!» Ничего подобнаго этой грозной и ѣдкой сатирѣ и каррикатурѣ музыка еще среду не представляла. Это было что-то новое и непробованное. Успѣхъ былъ громадный, особливо въ чудно-талантливомъ исполненіи самого Мусоргскаго, а потомъ и его вѣрной ученицы и послѣдовательницы, А. Н. Пургольдъ. Въ короткое время было раскуплено два изданія. Хохотали до слезъ сами осмѣянные, такъ была талантлива и заразительно весела, забавна эта оригинальная новинка.

Четыре года спустя, въ іюнѣ 1874 г. (т.-е. скоро послѣ всѣхъ критикъ о «Борисѣ Годуновѣ») я предложилъ Мусоргскому еще нѣчто подобное, въ томъ же родѣ: ньеску, для голоса съ ф. п. «Ракъ» Здѣсь должна была явиться на сценѣ еще цѣлая толпа ретроградныхъ противниковъ Мусоргскаго и «могучей кучки». Въ началѣ долженъ былъ быть представленъ самъ Ракъ (критикъ Л—ъ), какъ онъ, въ темную непроглядную ночь, вползаетъ на крапивную гору, заросшую бурьяномъ, и оттуда сзываетъ все свое ретроградное войско: тутъ всѣ они съ разныхъ сторонъ начинаютъ ползти, лѣзть, прыгать, скакать на вершину горы; между ними присутствуютъ многіе русскіе писаки и писатели, всю жизнь осыпавшіе Мусоргскаго грубо-невѣжественными сатирами и насмѣшками (наприм., что ему бы надо сочинить, какъ самоваръ шипитъ на столѣ, какъ извощикъ трагически нищетъ въ темнотѣ потерянный кнутъ, и такъ далѣе, все въ томъ-же родѣ); они выстраиваются, Ракъ держитъ имъ рѣчь о непріятеляхъ:

Digitized by Google

о «могучей кучкѣ» и Мусоргскомъ, самомъ ненавистномъ, невѣжественномъ и дерзкомъ изъ всѣхъ. Воинство вопіетъ, присягаетъ на вѣрность и устремляется на врага. А между тѣмъ, въ тѣни, внизу, бродитъ «нѣкто», прямо не смѣющій стать противъ бѣднаго автора, но тайно сочувствующій всѣмъ нападкамъ «Раковъ». Задача понравилась Мусоргскому; въ короткое время онъ сочинилъ добрую четверть пьески, даже написалъ начало (изображеніе ночи и крапивной горы); къ сожалѣнію вещь осталась не конченною: онъ весь предался сочиненію «Хованщины».

Въ одно время съ «Райкомъ» началось сочиненіе ряда другихъ еще музыкальныхъ сценъ, принадлежащихъ къ числу лучшихъ созданій Мусоргскаго. Это—собраніе пяти пьесъ на тэмы изъ дѣтскаго міра, окрещенное (по моему предложенію) общимъ именемъ: «Дѣтская». Первая изъ пяти: «Съ няней», была, впрочемъ, сочинена первоначально еще въ апрѣлѣ 1868. Даргомыжскій, которому она тогда же была посвящена, сразу призналъ все ея крупное значеніе и требовалъ, чтобъ Мусоргскій «продолжалъ». Но этого нельзя было тогда: онъ сочинялъ «Бориса Годунова». Едва покончивъ съ оперой (еще въ первой ея редакціи и составѣ), Мусоргскій вспомнилъ совѣтъ и указаніе Даргомыжскаго, тогда уже покойнаго, и въ немного мѣсяцевъ сочинилъ четыре новыхъ сценки: «Въ углу», «Жукъ», «Съ куклой», «На сонъ грядущій». Онѣ всѣ были готовы раньше конца 1870 года. Исполненіямъ ихъ въ лучшихъ петербургскихъ музыкальныхъ кружкахъ не было конца. Самые даже ретрограды и враги не могли уже оспоривать ихъ талантливость, оригинальность и новизну этихъ маленькихъ по размѣрамъ, но крупныхъ по содержанію и значенію chefs-d'oeuvre'овъ. Все, что есть поэтическаго, наивнаго, милаго, немножко лукаваго, добродушнаго, прелестнаго, дѣтски-горячаго, мечтательнаго и глубоко-трогательнаго въ мірѣ ребенка—являлось тутъ въ формахъ небывалыхъ, еще никѣмъ не троганныхъ. Ребенокъ, разговаривающій съ няней о букѣ и волшебной сказочкѣ; ребенокъ, поставленный въ уголъ, будирующій на няню, пробующій свалить вину на «котеночка» и доѣхать няню тѣмъ, что у ней у самой «носикъ-то запачканный»; мальчикъ, разсказывающій про свой домикъ изъ прутиковъ въ саду и про налетѣвшаго на него и ударившагося объ его щечку жука [1]); дѣвочка, укладывающая спать

[1]) Въ письмѣ, 10 августа 1871 года, Мусоргскій шутливо писалъ мнѣ, что «Попинька», сочиненный имъ въ «Борисѣ Годуновѣ»,—есть «седьмый звѣрь, иною любезно воспѣваемый. Въ исторической послѣдовательности выскакивали: 1) Сорока, 2) Козелъ, 3) Жукъ, 4) Селезень, 5) Комаръ съ Клопомъ, 6) Сычъ съ Воробьемъ, 7) Оный Попка».

Digitized by Google

куклу и напѣвающая ей про волшебные сады на чудномъ островѣ; наконецъ дѣвочка, передъ сномъ читающая молитву за папу и маму, за братца Васиньку и братца Мишеньку; потомъ «за бабушку старенькую», и «пошли ты ей, Господи, доброе здоровьице»; а потомъ поименно, за всѣхъ тётей и дядей, цѣлый легіонъ, и вслѣдъ за ними, за цѣлый легіонъ крѣпостныхъ своихъ: «и Филю, и Ваню, и Митю, и Петю, и Дашу, Пашу, и Сашу, Соню, Дуняшку» (все скорѣе и скорѣе, безконечный списокъ), а потомъ, со словъ няни, когда сама позабыла: «Господи помилуй и меня грѣшную». Господи, что это за нити жемчуговъ и бриллiантовъ, что это за неслыханная музыка, что это за интимнѣйшее чувство и поэзія, что это за маленькія созданьица, стоющія цѣлыхъ симфоній и оперъ! Никто еще въ цѣлой Европѣ подобнаго не задумывалъ и не создавалъ подобнаго. Лучшія дѣтскія сценки для фортепьяно, созданныя Шуманомъ, полны красоты и правдивости, но все еще и идеальнѣйшей идеальности. Какъ онѣ еще далеки отъ этихъ картинокъ, народныхъ, принадлежащихъ и извѣстному народу, и вѣку, и индивидуальнымъ типамъ! Когда, въ 1873 году, по выходѣ въ свѣтъ «Дѣтской», Листъ пришелъ отъ нея въ такое восхищеніе, что хотѣлъ переложить ее для одного фортепьяно и посвятить Мусоргскому что-нибудь изъ «своего», то Мусоргскій писалъ мнѣ въ Вѣну: «Листъ поражаетъ меня, это невѣроятно! Глупъ я или нѣтъ въ музыкѣ, но въ «Дѣтской» я кажется не глупъ, потому что пониманіе дѣтей и взглядъ на нихъ, какъ на людей съ своеобразнымъ міромъ, а не какъ на забавныхъ куколъ, не должны бы рекомендовать автора съ глупой стороны. Я никогда не думалъ, чтобъ Листъ, избирающій колоссальные сюжеты, могъ серьёзно понять и оцѣнить «Дѣтскую», а главное, восторгнуться ею: вѣдь все же дѣти-то въ ней—россіяне, съ сильнымъ мѣстнымъ запашкомъ». Одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ художниковъ, архитекторъ Гартманъ, увѣрялъ постоянно, что «Дѣтская» мало того, что громадно-талантлива, но есть рядъ истинныхъ сценъ, и постоянно совѣтовалъ исполнять ихъ въ декламаціи талантливой молоденькой актрисы, или пѣвицы, въ костюмахъ и среди декорацій, на сценѣ «Художественнаго клуба». Можетъ быть, эта талантливая и глубоко-вѣрная мысль осуществится; но для того надобна такая же необычайная правдивость исполнительнаго таланта, какая была у самого Мусоргскаго, или у А. Н. Пургольдъ. Восхищенный «живописностью» всѣхъ пяти сценокъ, И. Е. Рѣпинъ нарисовалъ для «Дѣтской» заглавный прелестный листъ, гдѣ текстъ составленъ изъ игрушекъ и нотъ, а кругомъ расположены пять маленькихъ сценъ.

Digitized by Google

Мусоргскій не думалъ ограничиваться только пятью романсами этого рода; у него были задуманы (отчасти по моимъ предложеніямъ) еще нѣсколько подобныхъ же: «Ѣзда верхомъ на палочкѣ въ Юкки» [1]); «Фантастическій сонъ ребенка»; «Ссора двухъ дѣтей» и т. д. Но дѣйствительно сочиненъ имъ одинъ первый романсъ (покуда еще не изданный); изъ прочихъ онъ игралъ намъ только нѣкоторые отрывки, и никогда не кончилъ, поглощенный «Хованщиной» и «Сорочинской ярмаркой». Но надо замѣтить, «Поѣздка на палочкѣ» удалась меньше пяти предъидущихъ романсовъ.

Весь 1871 годъ Мусоргскій занятъ былъ новыми сценами, прибавляемыми въ «Бориса»; онъ особенно ревностно работалъ съ конца года, живя вмѣстѣ, въ одной квартирѣ, съ искреннимъ другомъ своимъ, Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ. Какой небывалый примѣръ въ исторіи музыки: въ одной и той же квартирѣ, въ одной и той же комнатѣ, въ одни и тѣ же дни и часы, сочинялось цѣлыхъ двѣ высоко-талантливыхъ оперы: «Борисъ» и «Псковитянка». Два пріятеля сидѣли, каждый за своимъ столомъ, и, молча, писали свою оперу. Потомъ, когда данный отрывокъ, сцена, хоръ, ансамбль были готовы, они показывали на фортепьяно новую вещь другъ другу, а потомъ прочимъ товарищамъ и пріятелямъ. Когда еще подобное видано и слыхано въ исторіи музыки? Но зимой этого же года (съ 1871 на 1872 г.) тогдашній директоръ театровъ, С. А. Гедеоновъ предложилъ четыремъ музыкальнымъ пріятелямъ (А. П. Бородинъ, Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргскій, Н. А. Римскій-Корсаковъ) сочинить музыку къ написанной имъ пьесѣ, оперѣ-балету «Млада». Мнѣ поручено было сдѣлать имъ это предложеніе, они его приняли, и ранней весной 1872 года всѣ четверо уже кончили каждый свою часть. Всѣ четверо были тогда въ полномъ разцвѣтѣ своего таланта. Немудрено, что они сочинили вещи съ высокимъ художественнымъ достоинствомъ. Я не имѣю возможности разсказывать здѣсь подробности объ этомъ совмѣстномъ сочиненіи четырехъ русскихъ талантовъ; скажу только, что на долю Мусоргскаго приходилось (по развертѣ самихъ авторовъ между собою): нѣсколько народныхъ сценъ, «маршъ» или «шествіе славянскихъ князей», и большая фантастическая чародѣйственная сцена: «Служеніе черному козлу», на Л. горѣ, нѣчто въ родѣ сцены на Броккенѣ въ «Фаустѣ», только на мотивы славянской миѳологіи. Для народныхъ сценъ Мусоргскій взялъ (всего болѣе вслѣдствіе очень короткаго времени, удѣ-

[1]) Деревня въ живописной мѣстности близъ Парголова.

Digitized by Google

ленаго авторамъ) хоры изъ «Эдипа», перешедшіе потомъ въ «Саламбо» и все продолжавшіе лежать безъ употребленія. Маршъ князей сочиненъ имъ вновь: онъ его въ 1880 году оркестровалъ, и, придѣлавъ новую среднюю часть, создалъ изъ него ту превосходную «восточную картину» (подъ именемъ «Marcia alla Turca»), которую исполнялъ, въ концѣ зимы 1880 г., въ одномъ изъ концертовъ Русскаго Музыкальнаго общества. Основой для картины «Служеніе черному козлу» послужили отрывки изъ конца III акта «Саламбо» (Саламбо и хоръ: «И врагъ, смертельнымъ ужасомъ сраженный, отъ стѣнъ священныхъ побѣжитъ!») и отрывки изъ «Ночи на Лысой горѣ» («Вѣдьмы») 1866 года. Но и тутъ большая картина эта не получила еще настоящаго своего развитія и вида: Мусоргскій довончилъ сцену эту во всемъ блескѣ и красотѣ лишь въ 1875—76 году, когда перенесъ ее въ «Сорочинскую ярмарку», какъ видѣніе паробка Грицко, заснувшаго на Лысой горѣ. Тутъ уже сцена получила окончательный свой видъ и, по грандіозности, фантастичности и оригинальности, принадлежитъ къ числу самыхъ высокихъ созданій Мусоргскаго за всю его жизнь.

Въ ту эпоху, когда Мусоргскій кончалъ «Бориса», писалъ «Дѣтскую» и «Младу» и приготовлялся къ «Хованщинѣ», его товарищи по искусству тоже создавали крупныя, великолѣпнѣйшія свои произведенія. Мусоргскій приходилъ отъ нихъ въ искренній восторгъ и съ глубокимъ мастерствомъ исполнялъ ихъ или аккомпанировалъ имъ на музыкальныхъ собраніяхъ, всего чаще происходившихъ въ эту эпоху у Л. И. Шестаковой, и, конечно, оставившихъ у всѣхъ присутствовавшихъ тамъ неизгладимыя, драгоцѣннѣйшія воспоминанія. Лѣтомъ 1870 г. Мусоргскій писалъ столь дорогимъ для него сестрамъ Пургольдъ за-границу: «Я слышалъ превосходное нѣчто. Это нѣчто не иное что, какъ черточка въ талантѣ Корсиньки (Н. А. Римскій-Корсаковъ), познавшаго драматическую суть музыкальной драмы. Онъ великолѣпно состряпалъ исторію съ хоромъ въ вѣчѣ («Псковитянка»), совсѣмъ, какъ тому быть надлежитъ; я даже засмѣялся отъ восторга». Въ августѣ 1873 года онъ писалъ мнѣ за-границу: «Кюи сдѣлалъ очень хорошую сцену Родольфа съ Анафестой (въ «Анджело») и *удивительную* повѣсть Тизбы передъ Анджело о матери, на нашей любимой темѣ *(нотный примѣръ)*. О, чего онъ туда посадилъ — важно! Въ III-й актъ сдѣлалъ Notturno очень милое, очень итальянское, инструментовать можно волшебно! А тамъ, гмъ! тарантеллу-pifferari, и я настаиваю, чтобы онъ удержалъ ее, настаиваю до-нельзя, чую, что это то, самое

Digitized by Google

то!» Великолѣпную 2-ю симфонію А. П. Бородина онъ иначе не называлъ какъ «Героической славянской симфоніей» (т.-е. равнялъ ее, какъ многіе изъ насъ съ «Героической» симфоніей Бетховена).

Какіе-же у него самого были, въ эту, самую важную и крупную его эпоху, выросшіе и окончательно сложившіеся взгляды на искусство, покажутъ слѣдующіе его отрывки изъ писемъ ко мнѣ: «Отчего, скажите (письмо отъ 13 іюля 1872 г.), когда я слышу бесѣду юныхъ художниковъ, живописцевъ или скульпторовъ, я могу слѣдить за складомъ ихъ мозговъ, за ихъ мыслями, цѣлями и рѣдко слышу о техникѣ, развѣ въ случаѣ необходимости. Отчего, когда я слушаю музыкантовъ, я рѣдко слышу живую мысль, а все больше школьную скамью: технику и музыкальные вокабулы? Развѣ музыкальное искусство потому только и юно, что его работаютъ недоросли?..» — «Художественное изображеніе одной красоты, въ матеріальномъ ея значеніи — грубое ребячество, дѣтскій возрастъ искусства. Тончайшія черты природы человѣка и человѣческихъ массъ, назойливое «ковырянье» въ этихъ малоизвѣданныхъ странахъ и завоеваніе ихъ — вотъ настоящее призваніе художника. «Къ новымъ берегамъ!» Безстрашно, сквозь бурю, мели и подводные камни, «къ новымъ берегамъ!» Въ человѣческихъ массахъ, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, всегда есть тончайшія черты, ускользающія отъ хватки, никѣмъ не тронутыя. Подмѣчать, и изучать ихъ, въ чтеніи, въ наблюденіи, по догадкамъ, всѣмъ нутромъ изучать, и кормить ими человѣчество, какъ здоровымъ блюдомъ, котораго еще не пробовали — вотъ задача-то, восторгъ и присно восторгъ!..» (письмо 18 октября 1872 г.). «Когда же люди (писалъ онъ мнѣ еще, 7 августа 1875 г.), вмѣсто фугъ и обязательныхъ трехъ дѣйствій — въ путныя книги посмотрятъ, и въ нихъ съ путными людьми побесѣдуютъ? Не этого нужно современному человѣку отъ искусства, не въ этомъ оправданіе задачи художника. Жизнь, гдѣ бы ни сказалась; правда, какъ бы ни была солона; смѣлость, искренняя рѣчь къ людямъ à bout portant — вотъ моя закваска, вотъ чего хочу и въ томъ, въ чемъ боялся-бы промахнуться. Такъ меня кто-то толкаетъ и такимъ пребуду»... Получивъ портретъ одного, обоимъ намъ очень близкаго человѣка, Мусоргскій писалъ мнѣ (октябрь 1875 г.): «Этотъ энергическій и вдаль смотрящій ликъ подталкиваетъ меня на всякія хорошія дѣла. Весь собравшись, онъ вдаль смотритъ, что-то впереди чуетъ; силой и сознаніемъ правоты врѣзалась всякая морщинка. Вотъ эти-то хорошія, живые *вдаль*, да *впередъ* и подталкиваютъ

Digitized by Google

меня. Какъ припомню нѣкіихъ художниковъ «за шлагбаумомъ». не то тоска, не какое-то слякотное навожденіе приключится. Все-то ихъ стремленіе—моросить капелька за капелькой, и капельки все такія ровненькія, полюбленныя; ихъ тѣшитъ, а человѣку тоска и скука. Да прорвись ты, любезный, какъ живые люди прорываются, покажи ты: когти у тебя, или ластовицы; звѣрь ты, либо амфибія какая! куда! А «шлагбаумъ!» Безъ разума, безъ воли, сами себя окружили они традиціонными путами, подтверждаютъ законъ инерціи, воображая, что дѣло дѣлаютъ. Все бы это было только мало заманчиво, до нѣкоторой степени антипатично, еслибъ эти художники не брались прежде за древко другой хоругви и не пытались «гордо поднять ее передъ человѣческимъ обществомъ». . . . . .

. . . . . .

Они задавались задачами, безпокоющими крупныхъ людей. Но разжалась желѣзная рукавица, и они почувствовали, что устали, отдыхъ понадобился. Гдѣ-же искать этотъ отдыхъ? Въ традиціи, конечно: «какъ наши предки дѣлали, такъ и мы будемъ дѣлать!» Поставили славную боевую хоругвь въ укромное мѣсто, попрятали ее тщательно и приперли семью замками, за семью дверьми. Они отдыхали и отдохнули. Безъ знамени, безъ желаній, не видя и не желая видѣть вдаль, корпятъ они надъ тѣмъ, что давно сдѣлано, къ чему ихъ никто не зоветъ. И вотъ, отъ времени до времени, ква́кушки, умильно пыхтя въ своемъ наслѣдственномъ болотѣ, раздаютъ этимъ художникамъ ободреньица. И какъ не одобрять! Они выродились въ бездушныхъ измѣнниковъ; бичъ оказался дѣтскою плеточкой. Безучастные къ сущности жизни, ненадобнѣе ихъ для современнаго творчества, я думаю, въ Небесной Имперіи не сыщешь»...

Будучи всю жизнь искреннимъ обожателемъ истинныхъ великановъ музыки: Бетховена, Шумана, Берліоза, Листа, Глинки и Даргомыжскаго, Мусоргскій, несмотря на всю мягкость и терпимость свою, искренно не могъ выносить всего половинчатаго, посредственнаго, рутиннаго и бездарнаго. Въ ноябрѣ 1875 г. онъ мнѣ писалъ, прослушавъ «Danse macabre» Сен-Санса: «Что дѣлаетъ m-r de Saint-Saens? Утилизируетъ камерную миніатюру и доходитъ въ этомъ дѣлѣ до такой стойкости, что являетъ, въ богатыхъ оркестровыхъ силахъ, крошечныя мыслишки, навѣянныя крошечнымъ стихоплетомъ, и называетъ эту крошку «Danse macabre!» Мозговое его направленіе было въ состояніи переработать такую неудобоваримую мысль, какъ сопоставленіе давящей и щемящей «Dies irae» аббата Листа—сентиментальной

Digitized by Google

миніатюркѣ «Violino solo» m-r de Saint-Saens'a! Съ мозгами кончено. Не вѣрю въ «Самсона» его, какъ не вѣрю въ его новаторскія игрушки. Не музыки намъ надо, не словъ, не палитры и не рѣзца, — нѣтъ, чортъ бы васъ побралъ, лгуновъ, притворщиковъ с tutti-quanti — мысли живыя подайте, живую бесѣду съ людьми ведите, какой бы сюжетъ вы ни избрали для бесѣды съ нами! Красивенькими звуками не обойдете: это барыня съ удобствомъ передаетъ милому знакомому корнетъ съ бомбошками — и только. Вы, владѣющій оркестровыми силами, m-r de Saint-Saens, вы, творческая крошка, всеядны до того, что тѣшитесь разными trio, quartetti, quintetti, и т. д., по ариѳметикѣ. Новаторствующій m-r Saint-Saens! Всѣми мозгами моего черепа я отрицаю его; всей силой біенія моего сердца — отталкиваю! Утилизаторъ миніатюры, что̀ намъ за дѣло до него! То-ли дѣло maestro senatore Verdi! Вотъ этотъ крупно «валяетъ», не стѣсняется сей новаторъ. Вся его «Аида» — тутъ есть всего, отъ всѣхъ и даже отъ себя самого. Уложилъ «Троватора», Мендельсона, Вагнера, чуть не Америго Веспуччи. Спектакль чудесный и баснословное безсиліе въ воплощеніи цанающей зубами африканской крови. «Сарданапала» Фаминцына дважды слышалъ. Полнѣйшая невмѣняемость».

Послѣднія крупныя вещи этого періода: 1) фортепьянная сюита подъ названіемъ: «Картинки съ выставки. Воспоминаніе о Викторѣ Гартманѣ» (помѣчено: 22 іюня 1874 [1]); 2) баллада («Забытый»), на сюжетъ картины В. В. Верещагина (соч. осенью 1874 года на прекрасный текстъ гр. Кутузова, и 3) соло и хоръ «Іисусъ Навинъ» («Стой, солнце!») Этотъ хоръ есть переработка, сдѣланная въ 1874—75 годахъ, изъ первоначальнаго «Хора ливійцевъ» въ операѣ «Саламбо, съ прибавленіемъ новой средней части («Плачутъ жены Ханаана»): основой для этого

[1]) Послѣ смерти В. Гартмана, мной была устроена, весной 1874 года, въ залахъ академіи художествъ, выставка всѣхъ его рисунковъ и акварелей. Мусоргскій, страстно любившій Гартмана и глубоко пораженный его смертью, задумалъ „нарисовать въ музыкѣ“ лучшія картинки покойнаго своего друга, представивъ тутъ и самого себя прогуливающимся по выставкѣ, радостно или грустно вспоминающимъ о покойномъ высоко-талантливомъ художникѣ („Promenade“). Картинки слѣдующія: 1) Гномъ (фантастическая хромая фигурка, на кривыхъ ножкахъ); 2) старый замокъ (Трубадуръ); 3) дѣти съ молодой няней (играющія въ Тюльерійскомъ саду; 4) польская телѣга; 5) балетъ птичекъ; 6) два еврея: богатый и бѣдный; 7) споръ бабъ на рынкѣ, въ Лиможѣ; 8) парижскія катакомбы (приписка: „Творческій духъ Гартмана ведетъ меня къ черепамъ, взываетъ къ нимъ, черепа тихо засвѣтились“); 9) избушка Бабы-Яги на курьихъ ножкахъ; 10) богатырскія ворота (ворота, сочиненныя Гартманомъ на конкурсъ для Кіева).

Digitized by Google

сочиненія послужили оригинальныя еврейскія темы, слышанныя Мусоргскимъ однажды изъ окна, во время молитвы, на дворѣ, сосѣда-еврея [1]). Всѣ три сочиненія могутъ считаться вполнѣ неизданными: первое и третье дѣйствительно остались въ рукописи, второе хотя и напечатано съ разрѣшенія цензуры, но все-таки не было выпущено въ свѣтъ, вслѣдствіе какихъ-то нелѣпыхъ слуховъ о картинѣ Верещагина, лишенныхъ всякаго фактическаго основанія. Всѣ три вещи — необычайно талантливы, самобытны и изящны въ высокой степени. Наконецъ 4) рядъ романсовъ подъ общимъ заглавіемъ «Пляска смерти». Эта послѣдняя *задача* предложена была мною; графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, пріятель Мусоргскаго, въ 1874 — 75 году вмѣстѣ съ нимъ жившаго на одной квартирѣ, сочинилъ текстъ, музыку написалъ Мусоргскій. Романсы эти были слѣдующіе: а) *Трепакъ*. Смерть застаетъ крестьянина, пьяненькаго, горемычнаго старика, въ лѣсу, среди мятели, и замораживаетъ его. Этотъ трагическій романсъ, одно изъ чудеснѣйшихъ произведеній Мусоргскаго, былъ много разъ исполненъ, въ собраніяхъ кружка у Л. И. Шестаковой, О. А. Петровымъ, съ тою же потрясающею правдой и трагичностью, съ какою онъ исполнялъ въ то время всегда и «Савишну» Мусоргскаго (романсъ помѣченъ: 17 февраля 1875 г.). 2) *Колыбельная*. Смерть вырываетъ больного ребенка изъ объятій матери. Этотъ романсъ, тоже чудесный по красотѣ и глубокому драматизму, однажды такъ подѣйствовалъ на одну изъ слушательницъ, молодую мать, что она упала въ обморокъ. Всего чаще исполняла его, съ неподражаемымъ совершенствомъ, Анна Яковлевна Петрова (жена О. А. Петрова), не обладавшая уже давно тѣмъ чуднымъ контральтомъ, отъ котораго сходилъ съ ума весь Петербургъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, въ роляхъ Вани и Ратмира, но сохранившая въ пѣніи, даже и въ годы старости, такую талантливость, страстность и драматическое выраженіе, съ какими нельзя было сравнить ничье другое исполненіе. На этихъ-же собраніяхъ у Л. И. Шестаковой, истинно незабвенныхъ для всѣхъ счастливцевъ, тамъ бывавшихъ, А. Я. Петрова иногда исполняла также «Сиротку» Мусоргскаго и «Пѣсню раскольницы Марѳы» (изъ «Хованщины») съ истинно несравненнымъ трагизмомъ и чувствомъ (романсъ помѣченъ: 14 апрѣля 1875 г.). в) *Серенада*. Смерть, подъ видомъ рыцаря-трубадура, задушаетъ молодую красавицу, пока онъ поетъ ей любовную серенаду: вещь крайне изящная (романсъ помѣ-

[1]) Положено на ноты это сочиненіе гораздо позже. На поляхъ помѣта: 2 іюля 1877 года.

Digitized by Google

чень: 11 мая 1875 г.). г) *Полководецъ*. Смерть, въ образѣ полководца, губитъ цѣлую толпу людскую среди бури и развала битвы—картина великолѣпная, одно изъ лучшихъ созданій Мусоргскаго (романсъ помѣченъ: іюнь 1877). Кромѣ этихъ четырехъ, я предлагалъ еще другія тэмы: смерть суроваго монаха-фанатика въ его кельѣ, при дальнихъ ударахъ колокола; смерть политическаго изгнанника, возвращающагося назадъ и гибнущаго въ волнахъ, въ виду родины; смерть молодой женщины, умирающей среди воспоминаній о любви и послѣднемъ, дорогомъ балѣ, наконецъ, еще нѣсколько другихъ тэмъ. Но Мусоргскій, хотя и чрезвычайно ими довольный, не поспѣлъ ихъ выполнить, только игралъ мнѣ и другимъ отрывки оттуда. Даже и четыре написанныя сцены остались неизданными.

VI.

Послѣднія пять-шесть лѣтъ своей жизни Мусоргскій весь былъ поглощенъ двумя операми, сочиняемыми одновременно: «Хованщиной» и «Сорочинской ярмаркой». Первый сюжетъ предложилъ ему я, весной 1872 г., когда «Борисъ Годуновъ» не былъ даже еще поставленъ на театрѣ. Мнѣ казалось, что борьба старой и новой Руси, схожденіе со сцены первой и нарожденіе второй—богатая почва для драмы и оперы, и Мусоргскій раздѣлялъ мое мнѣніе. Центромъ всего я думалъ поставить величавую фигуру Досиѳея, главы раскольниковъ, сильнаго, энергическаго, глубокаго умомъ и много испытавшаго, который, какъ могучая пружина, управляетъ всѣми дѣйствіями двухъ князей, Хованскаго (представителя древней, темной, фанатической и дремучей Руси) и Голицына, представителя Европы, начинаемой уже быть понимаемой и цѣнимой даже среди партіи царевны Софіи. Разныя лица и событія въ нѣмецкой и стрѣлецкой слободѣ, пасторъ и его старушка сестра, ихъ молоденькая племянница-нѣмка, двѣ раскольницы—одна, пышущая молодостью и страстью, Марѳа (нѣчто въ родѣ Путифаровой жены), другая—сухая, желтая, злая и фанатичная Сусанна, обѣ въ безпрерывной коллизіи, молодой 10-лѣтній Петръ съ потѣшными, умная энергическая Софья съ дикими стрѣльцами, скитъ раскольничій, самосожженіе изувѣровъ въ концѣ оперы, когда Досиѳей увидѣлъ, что «старая Русь гибнетъ, и новая начинается»—все это казалось намъ благодарной задачей. Мусоргскій занялся этой оперой съ жаромъ, изученіе имъ расколь-

Digitized by Google

ничьихъ, древне-русскихъ и вообще всяческихъ историческихъ источниковъ XVII вѣка—было громадно. Его многочисленныя и часто пространныя письма ко мнѣ изъ этой эпохи наполнены подробностями этого изученія, нашими преніями о составѣ оперы, характерахъ и сценахъ. Лучше всего изъ сочиненнаго, иногда великолѣпно и громадно талантливо то, что относится къ періоду 1872—75 года. Послѣ того, подъ вліяніемъ слабѣющаго здоровья и потрясеннаго организма, талантъ его сталъ слабѣть и, видимо, измѣняться. Его сочиненія стали становиться туманными, вычурными, иногда даже безсвязными и безвкусными. Чтобы быстрѣе дойти до конца оперы, которая начинала быть ему не подъ силу, онъ сильно передѣлалъ либретто и выпустилъ вонъ множество сценъ, подробностей, даже лицъ—часто во вреду оперы. Лѣтомъ 1880 г., живя на дачѣ у близкой пріятельницы своей, Д. М. Леоновой, талантливой исполнительницы роли «хозяйки корчмы» (въ «Борисѣ»), раскольницы Марѳы (въ «Хованщинѣ») и многихъ лучшихъ его романсовъ, онъ наконецъ кончилъ «Хованщину».

Мысль о другой оперѣ: «Сорочинская ярмарка», возникла у Мусоргскаго въ 1875 году, вслѣдствіе желанія создать малороссійскую роль для О. А. Петрова, котораго необычайный талантъ онъ страстно обожалъ, и съ которымъ (а равно и съ его талантливой и въ самой старости супругой, А. Я. Петровой) онъ чрезвычайно сблизился послѣ постановки «Бориса» въ 1873 и 1874 годахъ. Опера осталась далеко неконченною, но второй актъ (сцена Хиври съ дьячкомъ, и другія мѣста) представляетъ комическіе моменты, достойные лучшихъ временъ Мусоргскаго.

Два ряда романовъ послѣдняго времени, одинъ подъ заглавіемъ: «Безъ солнца» (1874 г., на слова его пріятеля, гр. Кутузова), другой на слова гр. А. Толстаго (1877 г.), мало даютъ уже узнать прежняго Мусоргскаго.

Послѣдними же вообще сочиненіями Мусоргскаго были: «Пѣснь Мефистофеля въ Ауэрбаховомъ погребѣ о блохѣ», сочиненная во время путешествія 1879 года, и, какъ впечатлѣніе изъ этого же путешествія, два каприччіо: «Байдарки» и «Гурзуфъ», и большая сцена: «Буря на Черномъ морѣ», всѣ три для фортепьяно. Затѣмъ онъ задумалъ, тогда же, большую «сюиту для оркестра съ арфами и фортепьяно», на мотивы, собранные имъ (какъ онъ мнѣ писалъ 5 августа 1880 г.) «отъ разныхъ добрыхъ странниковъ сего міра: программа ея—отъ болгарскихъ береговъ, черезъ Черное море, Кавказъ, Каспій, Ферганъ до Бирмы. Сюита уже немножко начата». Наконецъ, онъ изъ романса

Digitized by Google

1866 «Пѣснь Яремы» передѣлалъ романсъ «Днѣпръ». Но, за исключеніемъ «Пѣсни о блохѣ», всѣ прочія эти сочиненія Мусоргскаго, послѣдняго его времени, уже мало представляютъ прежней его талантливости, силы и оригинальности.

Недовольство службой (о чемъ не разъ говорено въ его письмахъ ко мнѣ), недостатокъ средствъ, необходимость выйдти изъ министерства государственныхъ имуществъ въ 1879 г., а въ слѣдующемъ году изъ департамента контроля, куда онъ былъ помѣщенъ стараніями Т. И. Филиппова, разстроивающееся его здоровье, а всего болѣе кастрированіе «Бориса» театральнымъ начальствомъ, и, наконецъ, снятіе его совсѣмъ съ репертуара по неизвѣстнымъ причинамъ — все вмѣстѣ пагубно подѣйствовало на его расположеніе духа, на весь его нравственный складъ, и вмѣстѣ глубоко измѣнило его творчество и самое дарованіе. И то, и другое стало слабѣть. Одно, что еще его поддерживало и утѣшало, это было поминутное участіе въ безчисленныхъ концертахъ, куда его приглашали, какъ великолѣпнаго аккомпаньятора, аккомпанировать пѣвцамъ и пѣвицамъ. Большинство этихъ концертовъ имѣли цѣлью собраніе денегъ для учащихся, для бѣдной молодежи, и Мусоргскій никогда не отказывался. Но тутъ его успѣхъ былъ всегда громадный, такъ что онъ думалъ даже, одно время, жить своимъ фортепьяннымъ и аккомпаньяторскимъ талантомъ. Онъ мнѣ писалъ 15 іюня 1876 года: «За это время много дѣйствуя на клавикордахъ, я начинаю приходить къ убѣжденію, что если велѣно будетъ снискивать насущный хлѣбъ «брацаніемъ», съумѣемъ...» Но этого не случилось. Фортепьяно и концерты никогда ничего не принесли ему. Надо было продолжать существовать казенной службой, которую ему ставили въ такой упрекъ, и надъ которою такъ насмѣхались Ростиславъ и другіе жалкіе музыкальные критики. Путешествіе по Россіи, вмѣстѣ съ Д. М. Леоновой, лѣтомъ 1879 г., рядъ тріумфовъ, испытанныхъ съ нею вмѣстѣ въ концертахъ въ Полтавѣ, Херсонѣ, Одессѣ и т. д., на минуту оживили его. Но скоро его здоровье пошло окончательно подъ гору, и онъ скончался 16 марта 1881 года, въ николаевскомъ военномъ госпиталѣ. Никакія попеченія друзей и поклонниковъ его таланта ничего ужъ не могли подѣлать.

Свою краткую автобіографію (на русскомъ языкѣ) Мусоргскій кончаетъ слѣдующими словами: «Ни по характеру своихъ композицій, ни по своимъ музыкальнымъ воззрѣніямъ, Мусоргскій не принадлежитъ ни къ одному изъ существующихъ музыкальныхъ кружковъ. Формула его художественнаго profession de

Digitized by Google

foi: «Искусство есть средство для бесѣды съ людьми, а не цѣль». Этимъ руководящимъ принципомъ опредѣляется вся его творческая дѣятельность. Исходя изъ убѣжденія, что рѣчь человѣка регулируется строго музыкальными законами (Вирховъ, Гервинусъ), М. смотритъ на задачу музыкальнаго искусства какъ на воспроизведеніе, въ музыкальныхъ звукахъ, не одного только настроенія чувства, но и, главнымъ образомъ, настроенія рѣчи человѣческой. Онъ признаетъ, что въ области искусства только художники-реформаторы, какъ Палестрина, Бахъ, Глюкъ, Бетховенъ, Берліозъ, Листъ, создавали законы искусству, но не считаетъ эти законы за непреложные, а прогрессирующіе и видоизмѣняющіеся, какъ весь духовный міръ».

Мусоргскій умеръ, далеко не выполнивъ всего, что обѣщала богатая его натура, но и далеко не вполнѣ оцѣненный своимъ отечествомъ. Это послѣднее дѣло—задача будущаго времени и будущихъ поколѣній.

В. Стасовъ.

Digitized by Google

ОТЕЦЪ ИВАНЪ

и

ОТЕЦЪ СТЕФАНЪ

I.

По большой дорогѣ отъ города А до города Б расположено село. Покривившійся на бокъ полосатый столбъ съ прибитой вверху дощечкой гласитъ: «Село Лемехи. Дворовъ 91. Душъ мужеска пола»... неизвѣстно сколько, ибо дожди совсѣмъ смыли цифры, означавшія сколько жило когда-то въ Лемехахъ душъ мужеска пола. Замѣтно только, что тутъ были цифры.

Съ одной стороны Лемеховъ вьется лентой небольшая рѣчка Новля, а за Новлей зеленѣющая болотистая мѣстность, поросшая высокой, крупной травой, ни на что не пригодной, кромѣ развѣ подстилки для скота. Съ другой — поля, разстилающіяся далеко, далеко за самый горизонтъ, разстилающіяся полосатымъ ковромъ желтоватой ржи, темнозеленой конопли и черныхъ полосъ, оставленныхъ *подъ паръ* [1]). Мѣстность ровная, болѣе низменная, чѣмъ возвышенная. Весною, когда ручьи отъ тающаго снѣга текутъ со всѣхъ сторонъ, скромная, тихая, невозмутимая Новля дѣлалась такой бурной, сердитой, что куда тебѣ! хоть съ Днѣпромъ готова помѣряться. Впрочемъ, она скоро смирялась и снова дѣлалась тихою, какъ прежде, невозмутимою. Кое-гдѣ по берегамъ ея стояли сѣдыя ракиты, и печальныя ивы наклоняли къ

[1]) Для посѣва ржи.

Digitized by Google

ея, вовсе не свѣтлымъ, струямъ свои длинныя, тощія вѣтви. Немного поодаль отъ Новли тянутся линіей крестьянскія хаты, прерываясь на отлогомъ пригоркѣ. Тутъ сельская площадь. Среди этой площади стоитъ сельская церковь удивительно простой архитектуры, обнесенная деревянной оградой. На воротахъ ограды, въ трехугольникѣ глядѣло одно очень большое око, знаменующее всевидящее око. Желѣзная зеленая крыша церкви чуть виднѣлась изъ-за зелени липъ и кленовъ, которыми была усажена ограда. Только крестъ на главѣ ярко сверкалъ на солнцѣ надъ сѣрыми крышами хатъ, надъ темной зеленью деревьевъ. Подъ липами и кленами въ оградѣ кое-гдѣ виднѣются простыя могильныя насыпи: тутъ причтъ села Лемеховъ хоронитъ своихъ усопшихъ сродниковъ. Въ оградѣ такъ чисто, уютно, зелено; такъ прохладно подъ густой сѣнью широколистныхъ кленовъ и старыхъ липъ. Трава аккуратно подкошена, и вокругъ церкви идетъ протоптанная дорожка. Съ одной стороны церкви, въ оградѣ стоитъ крохотная хатенка — сторбжка для церковнаго сторожа и тутъ-же на суку липы виситъ желѣзная доска, въ которую онъ бьетъ по ночамъ, чтобъ злые люди услышали и убоялись, и не замыслили худого дѣла. Сторожъ, дѣдушка Пахомъ, и старушка его, бабушка Тарасьевна, живутъ въ этой хаткѣ вотъ уже скоро 15 лѣтъ. Когда дѣдушка Пахомъ крѣпко спитъ, тогда сама бабушка Тарасьевна выходитъ потихоньку, потихоньку стукнетъ раза три, чтобы добрыхъ людей не разбудить, и тоже возвращается на теплую печку. По другую сторону церкви, уже внѣ ограды, стоялъ чистенькій домикъ, почти еще новый. Такъ привѣтно, такъ ласково глядѣли три окошка съ бѣлыми ставнями. На окошкахъ, лѣтомъ всегда раскрытыхъ, стояли горшки съ цвѣтами. Роза, фуксія, различные сорты крапивки и много другихъ, простыхъ, незатѣйливыхъ цвѣтовъ тѣсно сплетались своими тонкими стеблями. Волнуемые вѣтеркомъ, они кланялись прохожимъ, такъ любовно улыбаясь, такъ привѣтливо приглашая въ прохладныя комнаты. Домикъ былъ покрытъ соломой; но его соломенная кровля не глядѣла такъ печально, не была такъ растрепана, какъ крыши крестьянскихъ хатъ. Солома была точно причесана гребнемъ. Она придавала окружающей простотѣ еще больше поэтической прелести. Около воротъ была придѣлана лавочка, чтобъ вечеромъ можно было посидѣть и поглядѣть на заходящее солнце, на стадо, бѣгущее домой, и мало ли на что можно смотрѣть въ деревнѣ. Сбоку домика зеленѣлъ садъ... Все дышало такой тихой прелестью, такой простотой, все глядѣло такъ ласково, что, проходя мимо,

Digitized by Google

невольно думалось: а какіе, должно быть, хорошіе люди живутъ въ этомъ домикѣ. Даже собака, лежавшая всегда у воротъ, и та рѣдко лаяла; она постоянно дремала, свернувшись, или разсматривала прохожихъ.

Это былъ домъ сельскаго священника, о. Ивана.

Прямо противъ церкви, на другой сторонѣ площади, стоялъ другой, вѣрнѣе домъ, чѣмъ домикъ. Крыша на немъ была тесовая; смотрѣлъ онъ четырьмя окнами.

Тутъ жилъ другой священникъ села Лемеховъ, отецъ Стефанъ. Отецъ Иванъ былъ старшій, или настоятель; отецъ Стефанъ—младшій. Отецъ Иванъ былъ уже человѣкъ не молодой, хотя еще и не старый: на видъ ему можно было дать 48 лѣтъ. Это былъ добрый, кроткій священникъ, любимый своими прихожанами. Роста онъ былъ немного выше средняго; худой, съ клинообразной темнорусой бородкой, съ задумчиво спокойнымъ выраженіемъ лица, онъ напоминалъ исповѣдниковъ христіанской церкви первыхъ вѣковъ, какъ ихъ обыкновенно изображаютъ на стѣнахъ и дверяхъ церкви. Злоба, казалось, не могла быть причастна его дѣтски-любящей, дѣтски-довѣрчивой натурѣ. Ходилъ онъ обыкновенно немного сгорбившись, наклонивъ голову, какъ-бы о чемъ размышляя. И шаги его были тихіе, неслышные. Онъ терпѣть не могъ сапоговъ со скрипомъ и говорилъ всегда на этотъ счетъ, укоризненно качая головою: «гордыня, все это гордыня; а гордость происходитъ отъ козней діавола». Заказывая себѣ сапоги, онъ всегда нѣсколько разъ повторялъ: «смотри-жъ, братецъ, пожалуйста, чтобъ безъ скрипа; потому вѣдь... Эхъ! вѣдь все это гордыня». Его обыкновенной одеждой былъ темносѣрый тиковый подрясникъ. Множество пятенъ, множество дыръ, заштопанныхъ и незаштопанныхъ, доказывали его долговѣчность, но отецъ Иванъ ни за что не хотѣлъ оставить его. Онъ говорилъ, что въ немъ ему теплѣе и мягче; въ новомъ онъ чувствовалъ себя неловко. Лѣтомъ о. Иванъ почти все время проводилъ въ садикѣ, который онъ самъ-же насадилъ въ первое время своего пребыванія въ Лемехахъ. Въ саду его любимое мѣсто было на лавочкѣ подъ густою тѣнью вишень и сирени; и лавочку эту онъ сдѣлалъ самъ. Теперь въ саду уже были плоды. Отецъ Иванъ съ наслажденіемъ и гордостью смотрѣлъ на свой садъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ любилъ похвастаться большими яблоками и превосходными грушами, плодами собственныхъ рукъ. Зимою онъ тщательно сберегалъ ихъ въ погребѣ, зарытыми въ песокъ для предохраненія отъ порчи. Кто-бы и въ какое-бы время ни заѣхалъ къ о. Ивану, онъ первымъ долгомъ считалъ

Digitized by Google

угостить яблоками и грушами.— «Нѣтъ, батюшка мой,—говорилъ онъ обыкновенно гостю мужского пола, а если гость былъ женскаго пола, то: «матушка моя»,—вотъ я угощу васъ лучше плодами собственныхъ рукъ моихъ. Вотъ покушайте-ка... Главное, не купленые, а свои, — это дороже всего. Да, не купленые,— прибавлялъ онъ уже въ какомъ-то тихомъ восторгѣ,—самъ вѣдь садилъ, самъ прививалъ, вотъ и привелъ Господь покушать. Да покушайте-жъ, покушайте, вѣдь одно слово — свои. Вотъ это вотъ возьмите: оно лучше будетъ,—такое румяненькое»...

И не отстанетъ онъ бывало до тѣхъ поръ, пока гость дѣйствительно не покушаетъ румяненькаго яблочка и не скажетъ: да, дѣйствительно, хорошо. И онъ радовался такъ искренно, такъ простодушно, что похвалили его яблочки и все повторялъ, кротко улыбаясь: самъ вѣдь садилъ, батюшка, самъ садилъ...

Но отецъ Иванъ былъ не одинъ. Была у него и подруга жизни, матушка Настасья Петровна. Это была женщина средняго роста, полная, суровая на видъ, съ вѣчно нахмуреннымъ лбомъ. Глядя на нее, такъ и думалось: вотъ-вотъ разразится гроза. Она почти никогда не была въ духѣ. Вѣчно она была чѣмъ-либо раздражена. Въ комнатахъ ея мѣстопребываніе было временное; постоянное—въ кухнѣ и на дворѣ. Тутъ она была неограниченнымъ властелиномъ. Впрочемъ, и въ комнатахъ ей никто не осмѣлился бы противорѣчить. Но въ комнатахъ ей было какъ-то тѣсно, не по себѣ. Ея громкій, грозный голосъ постоянно раздавался то въ кухнѣ, то на дворѣ. Тутъ она, подоткнувъ платье, для большей свободы движеній, сама мѣсила свиньямъ, загоняла овецъ, кормила куръ и гусей. Она не отпускала работника одного въ амбаръ и всегда сопровождала его, чтобъ посмотрѣть, не взялъ бы онъ муки больше, чѣмъ слѣдуетъ. Тутъ все трепетало въ ея присутствіи. Куры, завидѣвъ ее, бѣжали подъ повѣть. Работницы торопились скорѣе взять что-нибудь въ руки.

— Ты что шляешься безъ дѣла?—кричитъ матушка, завидѣвъ работника, возвращающагося въ сѣни,—лежни вы, пустодомы... вамъ-бы все спать! Когда-то вы выспитесь?

За то весь домъ, все хозяйство держалось исключительно руками Настасьи Петровны. И надо отдать должную ей честь,— хозяйство процвѣтало въ полномъ смыслѣ этого слова. Отецъ Иванъ почти вовсе не вмѣшивался въ хозяйственныя заботы, отчасти стѣсненный супругою, давно оцѣнившей его неспособность въ этомъ отношеніи.

Замѣчательны были ихъ отношенія между собою. Другъ друга

Digitized by Google

они рѣдко называли по имени, но всегда: ты, попъ, или ты, попадья.

— Попадья, что ты все кричишь?—спроситъ отецъ Иванъ, когда Настасья Петровна ужъ больно разволнуется.

— А ты сиди, молчи... вѣдь тебя не трогаютъ?—отвѣтитъ она.

Задумаетъ она что-нибудь сдѣлать, она безъ совѣта съ нимъ не начнетъ дѣла; хоть для проформы, но посовѣтуется.

— Попъ, я хочу вотъ то-то сдѣлать; какъ ты думаешь,— хорошо это будетъ?

— Я не знаю, попадья, смотри сама.

— Я думаю, что это будетъ хорошо.

— Да оно и по-моему такъ выходитъ, что недурно.

Случалось, что Настасьѣ Петровнѣ надоѣстъ наконецъ смотрѣть, какъ о. Иванъ все сидитъ молча или ходитъ изъ угла въ уголъ, тоже молча; тогда она разсердится и даже плюнетъ съ досады.

— Попъ!—крикнетъ она грозно.

Отецъ Иванъ, внезапно выведенный изъ своей задумчивости, вздрогнетъ, подниметъ на нее кроткіе глаза свои вопросительно.

— Ну, чего ты шляешься изъ угла въ уголъ, какъ угорѣлый?

— А что, попадья?

— Да что тебѣ дѣла нѣтъ, что-ли?

— Что-жъ мнѣ дѣлать, попадья? Ну, ты скажи, я и сдѣлаю.

— Ну, на гумно сходи, посмотри, что тамъ дѣлаютъ.

Отецъ Иванъ покорно бралъ шапку и уходилъ посмотрѣть, что дѣлаютъ на гумнѣ.

Когда наступала осень и дождливая сырая погода не позволяла проводить большую часть дня въ саду,—фигура о. Ивана, мѣрно шагавшая изъ угла въ уголъ, чаще попадалась ей на глаза и раздражала ее.

— Господи мой, хоть бы ужъ сапоговъ-то ты пожалѣлъ.

Отецъ Иванъ остановится, посмотритъ внимательно на свои сапоги и скажетъ:

— Да они еще крѣпки, попадья.

— Крѣпки... а надолго? Я говорю, пожалѣлъ бы безъ толку топтать ихъ. Ступай-ка лучше по приходу походи, поколядуй [1]). Вѣдь осень давно ужъ; недолго и до зимы.

— Да еще, кажется, не время, попадья, подождать бы немного.

---

[1]) Колядовать—значитъ собирать новину осенью. Въ Малороссіи коляда называется руга.

Digitized by Google

— Покуда ждать-то? Ступай-ка, ступай. Тебѣ это я вижу лѣнь, оттого и не время.

И отецъ Иванъ повинуется. Вздохнетъ онъ, надѣнетъ свою шапку, возьметъ палку въ руки, — у него была любимая суковатая палка, — туже стянетъ поясомъ свой подрясникъ и поплетется. Работникъ запряжетъ въ старую телѣгу пѣгую кобылу, матушка положитъ туда дерюгу и нѣсколько мѣшковъ и скажетъ: ну, ступай! да не крѣпко-то ихъ жалѣй, а то вѣдь я знаю тебя.

И покорный велѣнью своей мудрой половины, ходитъ отецъ Иванъ отъ двора до двора, а вслѣдъ за нимъ и привычная пѣгая кобылка, останавливаясь у каждыхъ воротъ.

Войдетъ отецъ Иванъ въ избу, перекрестится на образа и скажетъ:

— Ну, здравствуйте.

Присутствующіе отвѣчаютъ тѣмъ же и подходятъ подъ благословеніе.

— А хозяинъ вашъ дома?

Отыщутъ хозяина. Придетъ онъ и тоже сначала, не спѣша, подойдетъ подъ благословеніе.

— Ну, что, Сидоръ, — начнетъ отецъ Иванъ, — я пришелъ къ тебѣ коляды попросить.

— Коляды? — повторитъ мужикъ, какъ будто не зная, а самъ ужъ давно замѣтилъ пѣгую кобылу около воротъ.

— Ты вѣдь, я слышалъ, отмолотился?

— Да я-то отмолотился... — и Сидоръ начинаетъ почесывать затылокъ, — да хлѣбушка, вишь ты, нонѣ не дюже того... чтобъ умолотенъ былъ. Не съ чего вѣдь и давать-то, самому, почитай, до Рожства не хватитъ.

— Да развѣ мнѣ много надо? Я вѣдь не обижу тебя. Гарчикъ дашь и за то спасибо.

— Да, право слово, батюшка, душою радъ бы... что-жъ... Богъ обидѣлъ, совсѣмъ какъ есть плохо.

— Ну, хоть гречишки.

— Да и гречишки совсѣмъ у меня малость; вотъ развѣ конопелекъ... ну, конопелекъ я тебѣ дамъ.

— Ну, давай ужъ хоть конопелекъ.

И такъ далѣе отъ двора до двора. Мужики знаютъ его слабость, — его излишнюю доброту и пользуются ею. И часто отецъ Иванъ выходитъ со двора, не получивъ ничего, и идетъ дальше, а за нимъ и пѣгая кобылка.

Возвращается онъ къ вечеру домой, радуясь, что кончилъ, что теперь отдохнетъ. Утомленный, медленно шагаетъ онъ возлѣ

Digitized by Google

телѣги съ мѣшками. Понуривъ голову, тихо плетется кобылка. Телѣга скрипитъ: она почти наполнена. Тутъ есть и рожь въ мѣшкѣ, есть и гречишки немного, и конопель. Въ одномъ дворѣ хозяйка дала поросенка. Визжитъ онъ на телѣгѣ, связанный весь, не понимая, что съ нимъ. Есть у отца Ивана на телѣгѣ и льну вязанка, и масла въ горшечкѣ.

Пріѣхалъ, наконецъ, слава Богу! Отецъ Иванъ даже шапку снялъ и перекрестился. Настасья Петровна стояла на дворѣ и за что-то бранила работницу.

— Что?—обратилась она къ нему.

— Ничего, слава Богу, — отвѣчаетъ онъ и вынимаетъ изъ кармана красный носовой платокъ, чтобъ отереть крупный потъ, катившійся съ его лба.

Настасья Петровна недовѣрчиво подходитъ къ телѣгѣ и осматриваетъ ее.

— Такъ это, по-твоему, слава Богу?—гнѣвно восклицаетъ она, ворочая мѣшки:—что-жъ тутъ? вишь, вишь ты!..—кричитъ она уже совсѣмъ грозно,—развѣ столько слѣдовало бы, еслибъ ты добрый былъ, еслибъ ты былъ, какъ люди?

Отецъ Иванъ смущенный стоялъ около телѣги и не зналъ, что ему отвѣчать.

— Что-жъ дѣлать, попадья! И за это слава Богу.

— Ну, затвердилъ одно: слава Богу. Вонъ поглядѣлъ бы ты, какіе возы возитъ отецъ Стефанъ, тогда не сказалъ бы слава Богу. Тому это можно сказать,—а это что?... это что?! Ты видно и не просишь? Дали, спасибо, а не дали—и не надо?

— Нѣтъ, я просилъ... Что-жъ дѣлать, когда говорятъ, самимъ нечего; я ужъ говорю, давайте что есть, хоть немного.

— То-то, что есть, хоть немного,—передразнила его Настасья Петровна. Ты и повѣрилъ, что у нихъ нѣтъ? Они знаютъ ужъ твой дурацкій характеръ, ну, и надуваютъ. А подрясникъ-то свой гдѣ это такъ разорвалъ?

Отецъ Иванъ осмотрѣлся. Лѣвая пола его подрясника была оторвана.

— А это, попадья, собаки на меня напали на одномъ дворѣ. Я ихъ отгонялъ, отгонялъ... нѣтъ, одна таки-наскочила, какъ схватила зубами, такъ и оторвала. Впрочемъ, я поднялъ клокъ и спряталъ,—онъ, можетъ, годится.

И онъ досталъ изъ кармана клокъ отъ полы своего подрясника, оторванный собакой и подалъ его Настасьѣ Петровнѣ. Она взяла его въ руки, повернула, поглядѣла и бросила въ сторону.

Digitized by Google

— Не годится, вѣрно?

Но она не удостоила отвѣтомъ.

II.

Замѣчательная женщина была Настасья Петровна. Если она говорила своему отцу Ивану: посмотрѣлъ бы на отца Стефана,— за то всѣ батюшки окрестныхъ селъ и даже дальше, часто говорили своимъ матушкамъ: «посмотрѣла-бъ ты на Настасью Петровну, вотъ ужъ то попадья, одно слово... изъ горла вытащитъ, а свое возьметъ». Слава ея гремѣла; имя ея было далеко извѣстно. И она заслуживала этой чести. Она знала всѣхъ и живыхъ, и умершихъ жителей села Лемеховъ. Она знала всю подноготную ихъ жизни... Она до точности знала, сколько въ какомъ дворѣ лошадей, коровъ, свиней, куръ и т. п. Она безошибочно могла указать каждую корову, когда онѣ проходили мимо дома стадомъ. Она знала, на сколько душъ земли у каждаго изъ прихожанъ; знала, сколько намолотитъ тотъ, сколько другой; а потому знала, сколько кто можетъ дать отцу Ивану коляды; но *не дать*,—не полагалось. Тутъ ужъ не допускались никакіе резоны. И горе тому, кто дастъ меньше, между тѣмъ какъ матушка знаетъ, что онъ могъ бы дать больше. Но еще большее горе тому, кто отпуститъ батюшку ни съ чѣмъ. Достойная кара, рано или поздно, обрушится на его главу, и онъ глубоко раскается въ своемъ дерзкомъ поступкѣ.

— Ты чего пришелъ?—спрашиваетъ она мужика, пришедшаго къ нимъ въ домъ.

— Да я того... — отвѣчаетъ мужикъ, запинаясь и низко кланяясь.

Всѣ давно уже знаютъ строгій нравъ матушки и всегда стараются лично добраться до батюшки. Но это удавалось только очень, очень немногимъ счастливцамъ. Настасья Петровна смотрѣла въ оба. Обыкновенно крестьянинъ, идя къ отцу Ивану, обѣщалъ поставить свѣчку Николаю угоднику, если минуетъ матушку. Но Николай угодникъ не всегда исполнялъ усердную мольбу.

— Что того?—спрашиваетъ она мужика, и голосъ ея звучитъ еще грознѣе, и смотритъ она еще суровѣе.

Мужикъ переступаетъ съ ноги на ногу; рука бредетъ въ заѣтный затылокъ. Онъ видимо колеблется: сказать, аль не сказать матушкѣ?

Digitized by Google

— Да, я того... стало быть... я къ батюшкѣ, по дѣлу значитъ... оченно мнѣ надоть повидѣть его.

— А я что? А я что?!.. — грозно вопрошаетъ матушка, — я-то что?!..

— Вѣстимо что... рази-жъ мы не знаемъ, да...

— Что да?! говори, что да... аль тебѣ корова языкъ оторвала, что ты слова путнаго не промолвишь?

— Мнѣ къ батюшкѣ...

— Да матушка-то что-жъ? Я спрашиваю: или матушка не нужна? Къ батюшкѣ онъ! вишь!.. да развѣ я батюшкѣ не супруга? Развѣ я не могу знать, что тебѣ нужно? Развѣ мужъ и жена не едина плоть и кровь? И въ святомъ писаніи сказано, что мужъ и жена едина плоть и кровь.

Мужикъ, оторопѣвъ, не знаетъ, что дѣлать и высказываетъ, наконецъ, путаясь въ каждомъ словѣ, свою просьбу. Сердце его бьется. Совѣсть ужъ упрекаетъ, что онъ въ нынѣшнемъ году мало далъ коляды отцу Ивану. Внутренній голосъ шепчетъ ему: «а вѣдь матушка-то знаетъ».

Да, матушка это знаетъ. Она ждала этого случая и дождалась. Она ждала, пока онъ обратится съ просьбой къ батюшкѣ, потому что какъ тамъ ни виляй, а безъ батюшки мужику не обойтись. Рано или поздно онъ все-таки придетъ къ нему. И она внутренно торжествовала, что вотъ дождалась-таки. Побѣда, очевидно, на ея сторонѣ. Но она, какъ искусный дипломатъ, скрываетъ свою радость и спокойно, но сурово предлагаетъ вопросъ.

— А коляды ты батюшкѣ давалъ нынѣшній годъ?

— Давалъ, какъ же, вѣстимо давалъ. Сколько можно было, столько и давалъ,—завсегда я давалъ коляды. Это вы напрасно, —дерзаетъ возражать мужикъ, а у самого ужъ кошки скребутъ на сердцѣ. Но эта дерзость окончательно губитъ его. Кара, заслуженная имъ, падаетъ на его голову. Цѣлый потокъ уворовъ, брани льется на него. Онъ молчитъ. Скажи онъ слово вопреки, —будетъ хуже. И онъ знаетъ это, а потому и молчитъ: нехай, молъ, что-жъ, тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, коли попался.

И матушка припомнитъ ему все, ничего не забудетъ. Она разскажетъ ясно и отчетливо, все по порядку, сколько онъ далъ нынѣшній годъ, сколько прошлый, запрошлый и т. д.; она напомнитъ, когда онъ молебны служилъ, что онъ нехристь, за то и Господь его наказываетъ: недаромъ же у него прошлый годъ градъ половину хлѣба отбилъ, а нынѣшній—волкъ свинью утащилъ изъ хлѣва.

Digitized by Google

— Все за то, что вы Бога забываете, знать не хотите батюшки...—и въ гнѣвѣ она пророчитъ ему еще бо́льшія несчастія.

Отецъ Иванъ въ комнатахъ и слышитъ крикъ, да не рѣшается вмѣшиваться; знаетъ, что и его не пощадятъ, коли онъ замолвитъ слово.

— Пусть ее!—подумаетъ онъ и махнетъ рукою.

Иногда, впрочемъ онъ выйдетъ, когда брань начнетъ принимать ужъ очень грандіозные размѣры и замѣтитъ только: ты бы, попадья, немножко потише кричала, а то вѣдь на улицѣ все слышно; народъ останавливается.

Брань кончалась тѣмъ, что мужикъ долженъ былъ уплатить удесятеренную контрибуцію хлѣбомъ, гречихой, овсомъ, льномъ и т. п. И онъ готовъ былъ уплатить; онъ охотно соглашался, лишь бы освободиться отъ этого крика.

Отецъ Иванъ склонялся предъ своей супругой. Онъ повиновался ей безусловно; да и мудрено было не повиноваться. Онъ вполнѣ сознавалъ геніальность ея практическаго ума и нерѣдко называлъ ее: ты настоящій Бисмаркъ... нѣтъ, съ тобою и Бисмаркъ бы не справился.

И Настасья Петровна сама сознавала свое могущество.—Что бы ты былъ безъ меня? — говорила она иногда отцу Ивану: — вѣдь у тебя и ѣсть было бы нечего.

Отецъ Иванъ сознавалъ всю глубокую истину ея словъ и самъ уже не разъ задавалъ себѣ вопросъ: Что́ бы я былъ безъ нея? Я былъ бы нищимъ. А теперь у меня домъ—чаша полная, —все есть. Да, я былъ бы бѣднякомъ. На меня всѣ смотрѣли бы съ презрѣніемъ, а теперь и меня уважаютъ изъ-за нея. Да, она великая женщина...

И онъ съ глубокой сердечной молитвой обращался къ углу, гдѣ стояли образа: продли, милосердный Господи, ея дни на землѣ,—молится онъ и вздыхаетъ, какъ будто ему дѣйствительно скоро предстояло потерять ее.

Дѣйствительно трудно сказать, чѣмъ былъ бы отецъ Иванъ безъ своей Настасьи Петровны!

III.

Нѣсколько ужъ лѣтъ Настасья Петровна собиралась на богомолье въ Кіевъ. Во время болѣзни, единственной въ ея жизни, она дала обѣтъ поклониться мощамъ святыхъ угодниковъ, почивающихъ въ Кіевскихъ пещерахъ, помолиться въ святой Лаврѣ.

Digitized by Google

Прошло ужъ нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, а она все собиралась и не могла собраться: такъ опасалась она покинуть домъ и хозяйство на одинъ мѣсяцъ. Только прошедшую зиму у нея вдругъ, ни съ-того ни съ-сего, пало двѣ коровы. Какъ истинная христіанка она поняла, что это была божія кара за несовершенный обѣтъ, и тогда же рѣшила, во что бы то ни стало, отправиться слѣдующимъ лѣтомъ. Очень ее мучилъ вопросъ: что тутъ будетъ безъ нея? Дѣтей у нихъ было только двѣ дочери, но прежде онѣ были очень малы, а теперь хоть и подросли, но до хозяйства не доходили: онѣ были барышни. На нихъ она тоже не могла положиться. А ѣхать все-таки было необходимо, чтобы избѣжать небеснаго наказанія.

— Боюсь попа одного оставить. Охъ, боюсь! Такъ боюсь, такъ боюсь, что и сердце-жъ мое замираетъ, какъ подумаю, что онъ останется одинъ,—говорила она однажды, уже собираясь къ поѣздкѣ, одной своей знакомой.—На дѣтей какъ положиться?! Онѣ до этого у меня не доходятъ. Разволокутъ тутъ все, растащутъ. Люди какіе теперь стали,—ничего плохо не клади, мигомъ улетитъ. А онъ у меня простоватъ, что грѣха таить. Охъ, боюсь...

Она сокрушенно качала головою, глубоко вздыхала и отирала фартукомъ набѣгавшія слезы. Ее, конечно, утѣшали и ободряли, увѣряя, что, Богъ дастъ, все будетъ въ порядкѣ.

Наконецъ, она рѣшила уже окончательно, и задолго былъ назначенъ день отъѣзда.

Еще за мѣсяцъ почти, она начала читать свои нравоученія, наставленія и приказанія отцу Ивану, прислугѣ, дѣтямъ. Ни одной вещицы она не забыла, чтобъ не распорядиться на ея счетъ. Она тщательно пересмотрѣла и пересчитала все, хранившееся въ сундукахъ, хотя и безъ того отлично знала, сколько чего есть, и что гдѣ хранится.

День отъѣзда приближался. Всѣ ходили печальные, какъ будто кого хоронили. Къ отъѣзду приготовлялись какъ къ какому-то таинству.

Назначенный день наступилъ.

Отецъ Иванъ отслужилъ напутственный молебенъ. Настасья Петровна молилась горячо, со слезами, на колѣняхъ, поручая Матери Божіей и супруга, и домъ, и дѣтей. Отецъ Иванъ тоже не разъ отеръ слезу, невольно набѣгавшую на глаза. Послѣ молебна всѣ присѣли по обычаю. Потомъ Настасья Петровна первая встала, еще разъ помолилась и подошла къ мужу.

Digitized by Google

— Ну, прощай, попъ,—произнесла она нѣжно, какъ никогда, такъ что у него забилось сердце.

— Прощай,—пролепеталъ онъ.

И они нѣжно поцѣловали другъ друга трижды на крестъ. Это была первая продолжительная разлука ихъ со дня свадьбы. Потомъ она благословила дѣтей, поцѣловалась съ каждымъ изъ присутствующихъ, а ихъ не мало собралось поглядѣть на проводы матушки, и сѣла въ повозку. Село Лемехи расположено довольно далеко отъ желѣзной дороги, потому надо было ѣхать на своихъ.

Далеко за село проводилъ отецъ Иванъ свою подругу и печальный возвратился домой. Его домикъ показался ему теперь пустыннымъ и огромнымъ. Кругомъ царила непривычная тишина. Онъ оглядѣлся кругомъ, но каждый уголъ говорилъ ему: она уѣхала. Онъ прислушался, но нигдѣ не раздавался ея голосъ. Работница на дворѣ манила курей, подъ окнами хрюкала свинья, въ сосѣдней комнатѣ о чемъ-то спорили дочери, но все какъ-то присмирѣло, притихло. Эта непривычная тишина томила его. Онъ не зналъ ее до сихъ поръ. Онъ открылъ окно въ садъ, но и туда его уже не манило такъ, какъ прежде. Онъ присѣлъ на диванъ и заплакалъ.

Велика сила привычки.

Медленно потянулись дни за днями, тихіе, однообразные, скучные. Молчаливый, онъ то ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, то сидѣлъ въ садикѣ на своей любимой лавочкѣ и все о чемъ-то думалъ. Онъ видимо тосковалъ. По временамъ, выведенный какимъ-нибудь шумомъ изъ задумчивости, онъ вздрагивалъ, поднималъ голову и прислушивался.

— Господи Іисусе Христе!—шепталъ онъ потомъ,—это пѣтухъ закричалъ, а мнѣ показалось—попадья кричитъ: точно будто ея голосъ.

Пьяный мужикъ пройдетъ по улицѣ, выкрикивая пѣсню, мальчишки ли схватятся драться на улицѣ, отецъ Иванъ торопливо подбѣгаетъ къ окну.

— Не попадья ли? Нѣтъ.

И онъ печально вздыхаетъ. Привычка сдѣлала и крикъ ея, и брань необходимыми для него. Онъ сжился съ ними, сроднился. Онъ привыкъ слышать ея голосъ во всякое время дня, видѣть ее вездѣ. Онъ жилъ ея жизнью, хотя ихъ натуры были радикально противоположны. Ея интересы были его интересами, хотя самъ онъ и неспособенъ былъ къ нимъ. Но тутъ-то яснѣе всего выступала необходимость ея для него. Она думала за него,

Digitized by Google

дѣлала за него. Спроситъ ли бывало его кто-либо о чемъ, онъ отвѣчаетъ: подожди, вотъ пойду у попадьи спрошу, — что она скажетъ. Внѣ своихъ прямыхъ обязанностей: отслужить обѣдню, причастить больного, похоронить, окрестить, — внѣ этого, онъ не зналъ ничего, исключая только еще его сада, въ который онъ, кажется, и влагалъ всю остальную душу. Теперь ужъ не у кого было спросить, не съ кѣмъ посовѣтоваться. Часто, когда работникъ или работница спрашивали его о чемъ, ожидая его распоряженія, приказанія, онъ только растерянно смотрѣлъ, взявшись за бороду.—Я не знаю, право... какъ же тутъ быть?—говорилъ онъ и въ душѣ думалъ: вотъ еслибъ попадья... она все на свѣтѣ знаетъ.

Окружающее его не интересовало; выходящее за предѣлы прихода и исполненія требъ—и подавно. Книгъ и газетъ онъ не выписывалъ. Правда, однажды, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ, послѣ долгаго раздумья, заикнулся-было сказать Настасьѣ Петровнѣ, что вотъ, молъ, попадья, хорошая газета выходитъ въ Петербургѣ, всего-то 4 рубля и стоитъ.

Настасья Петровна поглядѣла на него съ удивленіемъ. Она не поняла, къ чему это онъ повелъ рѣчь.

— Ну, такъ что-жъ изъ того? Пусть выходитъ. Намъ-то что? намъ-то какое дѣло?

— Не выписать бы, я думаю?—робко проговорилъ онъ.

— Это-жъ на что намъ ее выписать?—не переставала удивляться Настасья Петровна.

— А ты бы тогда знала всякія новости: про войну, напримѣръ, или про политику, тамъ обо всемъ пишется.

— Не затѣвай-ка ты пустяковъ,—сурово замѣтила Настасья Петровна:—и слышать не хочу про такія глупости. Ты это выбрось изъ головы, этому не быть.

И онъ дѣйствительно выбросилъ изъ головы эту мысль. Съ тѣхъ поръ у него и въ мысляхъ ужъ не было выписать когда-нибудь газету. Онъ вполнѣ согласился, что это въ самомъ дѣлѣ только глупости, выдуманныя продувными людьми, чтобъ обирать недогадливыхъ.

— Эхъ, батюшка мой,—говорилъ однажды послѣ этого отецъ Иванъ своему знакомому, когда тотъ завелъ рѣчь о томъ, что какъ это хорошо выписывать газеты, что какъ это онъ, т.-е. отецъ Иванъ, можетъ жить въ этой глуши и не чувствовать потребности знать, что́ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.—Эхъ, батюшка мой, на что намъ тѣ газеты? Моя попадья говоритъ, что это

Digitized by Google

глупости, и это вѣрно. Это такъ вѣрно, я вамъ скажу, какъ дважды-два—четыре.

— Какъ такъ глупости?—спросилъ изумленный въ высшей степени собесѣдникъ.

— А такъ, весьма просто. Я вамъ сейчасъ докажу. Живемъ мы тутъ себѣ потихоньку, помаленьку, смирненько, какъ и слѣдуетъ добрымъ людямъ. Пашемъ, сѣемъ, косимъ,—это наши обязанности хозяйственныя. Крестимъ, причащаемъ, вѣнчаемъ, хоронимъ, т.-е. исполняемъ свои пастырскія обязанности. Есть у насъ, слава Богу, свой кусокъ хлѣба. Мы и поработаемъ, и отдохнемъ. Съ Божіей помощью мы можемъ надѣяться, что пока живы, будемъ и сыты. И что намъ за дѣло до того, что́ свершается на бѣломъ свѣтѣ? Міръ великъ, житейское море широко, его не исчерпать. Желаніе много знать есть желаніе суетное, грѣшное. Да и зачѣмъ? Наши Лемехи, наша семья—вотъ нашъ міръ. Есть у насъ въ этомъ мірѣ свои и скорби, и радости; свои потери и пріобрѣтенія; свои побѣды и пораженія. Живутъ и у насъ тутъ и гордость, и честолюбіе, и ненависть и многое, многое... только хорошаго, конечно, какъ и вездѣ, меньше, чѣмъ злого, дурного. Хоть бы съ своимъ-то міромъ хорошенько управиться, а не то что думать о томъ, что́ насъ и не касается. Мы молимся за благочестивѣйшаго Государя нашего и весь царствующій домъ, за воинство и за всѣхъ православныхъ христіанъ. Родится кто въ царствующемъ домѣ, мы и безъ того узнаемъ, узнаемъ и безъ газетъ: Государь пришлетъ манифестъ, мы отслужимъ молебенъ и на эктеніи новое имя станемъ произносить. Война настанетъ, намъ также объявятъ, чтобъ мы молились за успѣхъ русскаго воинства. Миръ заключатъ, опять-таки мы узнаемъ, и все безъ газетъ. На что же намъ газеты? А что тамъ разныя мелкія событія бываютъ, такъ Господь съ ними! Намъ одно желательно, чтобъ прожить свой вѣкъ тихо и мирно; чтобъ насъ не трогали и не обижали. Что намъ за дѣло до того, что дѣлается въ святѣйшемъ синодѣ? когда придутъ къ важному рѣшенію, намъ скажутъ; а заранѣе знать всякія предположенія намъ нѣтъ никакой нужды. Возвышать свой голосъ... ну, куда намъ соваться?! Тамъ ужъ не подъ стать нашимъ. Развѣ насъ послушаютъ? Только гнѣвъ на себя можно навлечь этимъ. Мы люди богобоязненные, кроткіе; мы исполняемъ свой долгъ, на который поставлены. И лишь бы мы честно исполняли свой долгъ, до остального намъ мало нужды.

— Но какой же собственно вашъ долгъ? въ чемъ вы его полагаете?

Digitized by Google

Отецъ Иванъ немного замялся.

— Какъ въ чемъ нашъ долгъ? Я рукоположенъ преосвященнымъ владыкою, посвященъ имъ быть пастыремъ того селенія, куда меня назначили, или которое я самъ выбралъ.

— Но что значитъ по вашему *быть пастыремъ?*—спросилъ снова собесѣдникъ, дѣлая удареніе на послѣднихъ словахъ.

Отецъ Иванъ широко раскрылъ глаза.

— Ахъ, батюшка мой, что-жъ вы это спрашиваете?!—и онъ укоризненно покачалъ головою, удивляясь отъ всей души, что такой умный человѣкъ, какъ Николай Ѳедоровичъ, не понимаетъ такихъ простыхъ вещей.—Слово пастырь происходитъ отъ слова пасти. Коль скоро я пастырь, я долженъ пасти ввѣренное мнѣ стадо, т.-е. людей. Конечно, вы понимаете, что пасти есть слово иносказательное. Я долженъ заботиться о моихъ прихожанахъ, т.-е. пасти ихъ въ духовномъ отношеніи. Я долженъ наблюдать, чтобы они точно исполняли законы религіи, чтобы они были нравственны. Я долженъ встрѣтить приходящаго въ сей міръ, долженъ проводить и отходящаго изъ сей юдоли скорби и плача. Я долженъ напутствовать болящихъ святыми таинствами Господа Іисуса Христа.

Отецъ Иванъ растрогался совсѣмъ. Его голосъ дрожалъ, и слеза блестѣла въ его кроткихъ сѣрыхъ очахъ. Въ своемъ увлеченіи онъ не замѣчалъ, какъ странная, насмѣшливая улыбка скользила по губамъ его собесѣдника.

Онъ продолжалъ.

— Да, нашъ долгъ и великъ, и святъ. Мало того: онъ труденъ, весьма труденъ. Нашъ крестъ тяжелъ; мы должны предъ Богомъ, предъ праведнымъ судьею, дать отчетъ въ дѣлахъ своей паствы.

— Все-таки я, признаться, хорошенько не понялъ, что вы дѣлаете, чтобы достойно вести свою паству по пути истиннаго благочестія и нравственности?—спрашивалъ скептическій товарищъ отца Ивана.

— Какъ, что мы дѣлаемъ?!—воскликнулъ отецъ Иванъ, почти въ ужасѣ. Онъ даже немного обидѣлся такимъ непониманіемъ. — Я же вамъ говорилъ уже объ этомъ раньше. Я уже сказалъ: мы встрѣчаемъ приходящаго въ сей міръ, провожаемъ уходящаго. Мы крестимъ, причащаемъ, вѣнчаемъ, хоронимъ; мы говоримъ поученія.—Тутъ о. Иванъ какъ-бы смутился немного: онъ вспомнилъ, что никогда не говорилъ поученій. Но продолжалъ:—вся духовная жизнь нашихъ пасомыхъ лежитъ на нашей отвѣтственности. Но мы вѣдь тоже люди, а потому и всѣ

Digitized by Google

слабости людскія причастны и намъ, несмотря на всю высоту нашихъ обязанностей. Мы исполняемъ свой долгъ. Но что же дѣлать намъ, если сердца людей такъ очерствѣли, что они не слушаютъ нашихъ поученій; мы, такъ сказать, сѣемъ божественное сѣмя, но что-жъ намъ дѣлать, если почва камениста и не производитъ плода. Это ужъ не наша вина. Намъ сказали: сѣй! и мы сѣемъ. До остального намъ ужъ нѣтъ дѣла.

Онъ замолчалъ. Собесѣдникъ его пристально смотрѣлъ въ дальній уголъ комнаты. Странная, не то недовѣрчивая, не то насмѣшливая улыбка, казалось, застыла на его лицѣ. Отецъ Иванъ замѣтилъ эту улыбку. Она смутила достойнаго священника. Онъ ужъ опасался новаго вопроса. Продолжительная, непривычная рѣчь ужъ и безъ того утомила его. Но гость молчалъ.

Отецъ Иванъ прошелся по комнатѣ, съ минуту постоялъ у окна. Онъ, самъ не зная чего, все болѣе и болѣе смущался улыбки гостя. Вдругъ какая-то мысль блеснула въ его головѣ. Онъ подошелъ къ Николаю Ѳедоровичу.

— Извините меня,—началъ онъ.—Теперь есть всякіе люди... Я слышалъ, что есть и такіе, что и въ Бога не вѣруютъ, и противъ Государя идутъ... но мы люди простые, довольны своимъ жребіемъ и многаго стараемся не желать. *Ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ.* Оставимъ эти мудреные вопросы. Вотъ лучше, давайте, по рюмочкѣ разрѣшимъ. Вѣдь безъ рюмочки никакая политика не можетъ существовать; да вотъ покушаемъ яблочекъ, грушъ... вѣдь самъ, батюшка, садилъ, самъ ухаживалъ... вотъ и привелъ Господь покушать собственные плоды рукъ.

Николай Ѳедоровичъ улыбнулся, но улыбка ужъ была другая, ласковая, хорошая.

Отецъ Иванъ тоже улыбнулся и налилъ по рюмочкѣ своей прекрасной домашней наливки изъ собственныхъ вишенъ.

Къ случаю надо замѣтить, что *по рюмочкѣ* отецъ Иванъ позволялъ себѣ только въ отсутствіе Настасьи Петровны. При ней—нѣтъ. Но зато безъ нея онъ пользовался всякимъ случаемъ налить по рюмочкѣ. Вообще говоря, онъ наклоненъ былъ и къ болѣе тѣсной дружбѣ съ рюмочкой; но еще ни разу эта дружба не переходила должныхъ границъ.

Digitized by Google

IV.

Въ отсутствіе Настасьи Петровны болѣе всего высказался слабый характеръ отца Ивана. Онъ вполнѣ, безпрепятственно отдавался влеченію своей доброй натуры. Треба-ль какая случится, — мужикъ даетъ денегъ, сколько ему заблагоразсудится; всегда, конечно, меньше узаконеннаго. Отцу Ивану и въ умъ не придетъ просить больше. И то еще хорошо, что дастъ хоть сколько-нибудь; а не дастъ вовсе, отецъ Иванъ только замѣтитъ: а деньги-жъ какъ?

— Да деньги, батюшка, послѣ. Таперича, вишь, такая оказія случилась, что въ дворѣ гроша не сыщешь. Послѣ ужо отдамъ.

— Ну, послѣ и послѣ; только не забудь.

— Ладно, не забуду.

Потомъ отецъ Иванъ забывалъ, а мужикъ не старался напомнить.

Слѣдствіемъ этого было то, что во время знаменитаго путешествія Настасьи Петровны вдругъ почти прекратились всѣ доходы. Если бы не было требъ, тогда это было бы понятно; но вѣдь были и похороны, и крестины, были и еще кое-какія требы, а денегъ не было. Понадобятся отцу Ивану деньги на что-нибудь, онъ подойдетъ по привычкѣ къ шкафу, гдѣ на полкѣ всегда лежали деньги, протянетъ руку, — полка пуста, денегъ нѣтъ.

— Что за оказія такая?—размышлялъ отецъ Иванъ:—гдѣ-жъ это деньги дѣваются? вѣдь я, кажется, не тратилъ ихъ. Не крадетъ ли кто? Да кому-жъ бы, кажется, красть; вѣдь и красть-то некому. Псаломщикъ тоже какъ будто недоволенъ. Чѣмъ? Господь его вѣдаетъ. Я же, кажется, ничѣмъ его не обидѣлъ; да и въ мысли-то у меня не было никогда даже и намѣренія его обидѣть.

Между тѣмъ приближалось время возвращенія Настасьи Петровны. Псаломщикъ то-и-дѣло спрашивалъ: что, матушка, еще не пріѣхали?

— Да нѣтъ еще,—со вздохомъ отвѣчаетъ отецъ Иванъ.—Все поджидаемъ. Хотя бы ужъ скорѣе пріѣхала. Я самъ стосковался совсѣмъ. Пора бы ужъ: вѣдь три недѣли, какъ отправилась.

— Да, плохо безъ матушки,—добавлялъ псаломщикъ.

Наконецъ дождались.

Digitized by Google

Въ одинъ прекрасный вечеръ отецъ Иванъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на дорогу. Вдали показалась повозка. Сердце у него ёкнуло: не попадья ли? И вдругъ ему стало чего-то страшно. А повозка все приближается. Работница, бывшая на дворѣ, завидѣла и кричитъ: матушка ѣдетъ! матушка ѣдетъ!

Выбѣжалъ работникъ изъ-подъ повѣти, выбѣжали гдѣ-то бывшія дочки, заскрипѣли ворота.

Отецъ Иванъ тоже поспѣшилъ на встрѣчу. Онъ былъ блѣденъ, и колѣни его дрожали.

Ласковая, улыбающаяся вылѣзала Настасья Петровна изъ повозки. Снова, какъ и при прощаньи, трижды поцѣловалась съ каждымъ.

— Ну, ты какъ?—обратилась она къ отцу Ивану.—Ты что-то похудѣлъ, желтый сталъ.

— Нѣтъ, это такъ,—отвѣчалъ отецъ Иванъ,—это отъ радости.

— Все благополучно?

— Все, слава-Богу.

— У тебя все слава-Богу! Развѣ я не знаю,—замѣтила она, но голосъ ея былъ ласковый, добрый.

Отецъ Иванъ не зналъ, что ему дѣлать отъ восторга, и только потихоньку улыбался и потиралъ руки одна о другую. Начало было такъ хорошо, что у него прошла вся боязнь. А онъ вѣдь ждалъ грозы и грозы страшной. Однако, все шло пока благополучно. Настасья Петровна бережно вынула, тщательно завернутыя и увязанныя въ кіевской корзинѣ, просфоры, съ надписями о здравіи рабовъ Божіихъ. Пришли многія сосѣдки, знакомыя, съ которыми Настасья Петровна водила хлѣбъ-соль; всѣ поздравляли ее съ пріѣздомъ и святыхъ таинъ принявши. Она благодарила, цѣловалась со всѣми и всѣхъ награждала просфорами.

Все было такъ хорошо, какъ врядъ ли когда и было. Въ такой пріятной тревогѣ прошелъ остатокъ дня. Настасья Петровна не успѣла разсмотрѣть,—въ порядкѣ ли хозяйство. За то на другой день она первымъ долгомъ начала все осматривать, все пересчитывать. И, о ужасъ!.. Въ кладовой былъ такой безпорядокъ... Кастрюли стояли не на той полкѣ, которая была для нихъ опредѣлена; муки вышло очень много, масла тоже... вездѣ соръ... но, о удивленіе!.. Настасья Петровна только печально покачала головою, глубоко вздохнула и... только...

Это было просто невѣроятно.

Она начала считать посуду. Но тутъ ужъ дѣло было еще хуже. Горшокъ и кувшинъ были разбиты, — въ этомъ призна-

Digitized by Google

лась работница сама. Двухъ тарелокъ не оказывалось; куда онѣ дѣвались, — было неизвѣстно. Кромѣ всего этого издохла овца, тоже отъ неизвѣстной причины. Все это были такія упущенія, что Настасья Петровна чуть не плакала.

— Я такъ и думала, я такъ и ждала,—говорила она, ломая руки отъ горя и печали.—Боже мой, Боже мой! двѣ тарелки, совсѣмъ вѣдь новенькія... вѣдь это легко сказать... Такъ ты говоришь, что ихъ не разбили?—обращалась она уже чуть ли не въ сотый разъ къ отцу Ивану.

— Да нѣтъ же, попадья, вотъ ей-Богу не разбили,—искренно клялся отецъ Иванъ.

— Такъ гдѣ-жъ онѣ?

И она набрасывалась на работницу.

— Признайся, ты ихъ разбила?

Та клялась всѣми возможными клятвами, что она ихъ не разбила, и что онѣ неизвѣстно куда запропастились,—можетъ, еще и найдутся.

Отецъ Иванъ ходилъ на цыпочкахъ, какъ будто боялся кого разбудить. Онъ старался даже тише дышать. Сердце его чувствовало: быть грозѣ. Съ минуты на минуту ждалъ онъ, что вотъ-вотъ вся вина упадетъ на него. Но туча по неисповѣдимымъ путямъ шла мимо, хотя недалеко отъ его головы. Но что еще болѣе необъяснимо, это то, что Настасья Петровна еще не справлялась о доходахъ. «Неужели она забыла?—думалъ отецъ Иванъ.—Не можетъ быть». А этого онъ боялся больше всего.

Пришелъ и псаломщикъ поздравить матушку съ пріѣздомъ и нѣсколько разъ выразилъ, какъ онъ радъ, что она, наконецъ, возвратилась.

Сѣли вмѣстѣ пить чай.

Къ Настасьѣ Петровнѣ снова воротилось доброе настроеніе духа. Она разсказывала, какъ удостоилъ ее Господь поклониться мощамъ угодниковъ божіихъ, святой великомученицы Варвары. Разсказывала она о пещерахъ, о лаврѣ, о монахахъ. Разсказывала, какъ при ней Матерь Божія исцѣлила одну бѣсноватую и т. п.

— Да, городъ древній, великій городъ. Тамъ вѣдь впервые крестилась наша Русь,—замѣтилъ отецъ Иванъ.

— Да, тамъ, при князѣ Владимірѣ,—подтвердилъ и псаломщикъ.

— Тамъ храмъ есть очень древній и очень знаменитый, называется Софійскій соборъ. Ты была въ немъ?—обратился отецъ Иванъ къ Настасьѣ Петровнѣ.

Digitized by Google

— Въ Софійскомъ-то? Нѣтъ, не была. Да Богъ съ нимъ. Я слышала про него, многіе туда ходили, и я собиралась-было, да сказали, что тамъ мощей нѣтъ, я и не пошла. Я была только тамъ, гдѣ угодники божіи почиваютъ, да есть чудотворныя иконы.

— Древній храмъ, еще онъ, кажется, построенъ въ византійскомъ стилѣ.

— Да Богъ съ нимъ, что онъ древній. Мнѣ-то что до того, когда онъ построенъ. Мощей въ немъ нѣтъ, а я ѣздила, чтобъ Богу помолиться.

— Конечно.

— А какъ вы тутъ безъ меня поживали?—вдругъ обратилась она къ псаломщику.

— Поживали... да что? безъ васъ плохо.

— Какъ такъ? Требы были?

— Да требы-то были. Ѳедоръ Мосѣевъ сына своего женилъ.

— Женилъ?—радостно переспросила Настасья Петровна.

— Женилъ.

— Ну-ну!.. много-жъ вы взяли съ него?

— Восемь рублей.

— Сколько?

— Восемь.

— Восемь рублей?—И лицо Настасьи Петровны вытянулось такъ, что даже псаломщикъ испугался.—И только?

— Нѣтъ, онъ тебѣ было бубликовъ въ гостинецъ принесъ, —замѣтилъ отецъ Иванъ,—да вѣдь тебя не было. Онъ жалѣлъ очень. Онъ вѣдь и на свадьбу хотѣлъ тебя звать. Горевалъ все, что ты на этотъ разъ не была дома.

— Боже мой! Боже мой!

И Настасья Петровна отодвинула отъ себя чашку съ чаемъ и крѣпко стиснула руки. — Восемь рублей... восемь рублей... —повторяла она съ такимъ отчаяніемъ въ голосѣ, что отецъ Иванъ даже поблѣднѣлъ.

— Куда-жъ вы-то глядѣли?—обратилась она уже къ псаломщику.

— Да я говорилъ батюшкѣ, что мало, что съ Мосѣева слѣдуетъ больше взять, да они...—Онъ нерѣшительно остановился, какъ-бы опасаясь свалить всю вину на бѣднаго о. Ивана.

— Да я, попадья, больше съ него просилъ; я даже сказалъ, что и вѣнчать не буду, если онъ больше не дастъ, да что-жъ? Не могу, говоритъ, теперь, никакъ не могу. Вѣдь онъ на образъ, попадья, крестился, что теперь не можетъ, и эти деньги, говорилъ, что занялъ.

Digitized by Google

— Да тебѣ-то какое дѣло, что онъ занялъ? Ты требуй, ты требуй!

— Я и требовалъ. Что-жъ дѣлать? Ну, гдѣ-жъ въ самомъ дѣлѣ и ему взять? Вѣдь это свадьба: и на то, и на другое, и на пятое, и на десятое... А человѣкъ онъ нельзя сказать, чтобъ богатый, такъ себѣ...

Но тутъ ужъ мѣра переполнилась. Затылокъ Настасьи Петровны весь побагровѣлъ. Багряный румянецъ перешелъ на подбородокъ и залилъ все лицо.

«Ну, начинается», подумалъ псаломщикъ.

Настасья Петровна, вся пылающая огнемъ, встала съ своего мѣста и остановилась предъ отцомъ Иваномъ, живое олицетвореніе грозы и бури.

Отецъ Иванъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ.

— Онъ не богатъ, а ты богатъ? ты богатъ?.. богатъ?—все больше и больше возвышая голосъ повторяла Настасья Петровна. — Ему неоткуда взять... а тебѣ есть откуда? Ты богатъ! Гдѣ-жъ твой капиталъ? Много ты нажилъ? Вонъ, погляди-ка, у людей деньги въ банкѣ лежатъ, а у тебя что? У тебя есть что-нибудь? Если тебѣ ничего не нужно, такъ ты бы обо мнѣ подумалъ, о дѣтяхъ. Вѣдь у тебя жена, дѣти. Чего ты ждешь? Куда ты смотришь? На кого ты полагаешься? Вонъ у Сосновскаго какое приданое дочерямъ, а у твоихъ что?

И все жирное тѣло ея тряслось отъ злобы и негодованія. Лицо пылало, какъ въ огнѣ. Капли пота такъ и струились съ ея лба. Она отерла ихъ фартукомъ.

Отецъ Иванъ сидѣлъ блѣдный, неподвижный. Онъ вполнѣ сознавалъ свою вину.

— Ну, прости, попадья, прости Бога-ради,—проговорилъ онъ, когда она замолчала, чтобъ перевести духъ.

— Извините ужъ, матушка,—вмѣшался и псаломщикъ,—что дѣлать? мы вмѣстѣ виноваты. Въ другой разъ будемъ осторожнѣе.

Эта ли смиренная просьба двоихъ, или ужъ часъ такой вышелъ, только новой вспышки не произошло. Настасья Петровна утихла. Это было неожиданно. Это случалось такъ рѣдко, что отецъ Иванъ, изумленный, даже осмѣлился поднять глаза на супругу. Обыкновенно такія бури не всегда проходили такъ благополучно. Поговаривали даже, что будто борода отца Ивана такая жиденькая вслѣдствіе этихъ бурь. Но это была супружеская тайна, въ которую проникать не слѣдуетъ.

Теперь случилось не то.

Digitized by Google

Настасья Петровна тяжело опустилась на стулъ. Горькія слезы ручьями обильно потекли изъ ея глазъ.

Гроза кончилась благотворнымъ дождемъ.

— Видно ужъ доля моя такая,—говорила она жалобно хлипая и отирая фартукомъ слезы. — Видно ужъ я такая несчастная уродилась. Жизнь я прожила не такъ, какъ добрые люди, а подъ старость, видно, и куска хлѣба не будетъ.

И слезы еще обильнѣе потекли по ея щекамъ.

— Да вы ужъ такъ не убивайтесь, матушка, не разстраивайте себя,—увѣщевалъ псаломщикъ,—отъ этого здоровье можетъ пострадать. Вы поберегите себя.

— Нѣтъ, ужъ видно я такая несчастная; видно ужъ такъ мнѣ на роду написано,—всхлипывала Настасья Петровна.

Отецъ Иванъ только повторялъ про себя: Господи, помяни царя Давида и всю кротость его.

Эту маленькую молитву онъ считалъ чуть ли не заклинательною для умиротворенія Настасьи Петровны. Да и на самого его она дѣйствовала въ высшей степени успокоивающе. Всегда, при малѣйшей вспышкѣ Настасьи Петровны, онъ первымъ долгомъ повторялъ ее. Но бывали случаи... Бывали страшныя грозы... Такія грозы, что стекла въ окнахъ дрожали, прислуга пряталась по угламъ. Отецъ Иванъ, обыкновенно съёжившись, согнувшись, шепталъ: помяни Господи царя Давида и всю кротость его, и опять, и опять... Онъ во время такихъ грозъ не удалялся и въ тайнѣ гордился этимъ: онъ считалъ это признакомъ мужества.

— Зачѣмъ удаляться?—думалъ онъ,—это будетъ малодушіе, недостойное малодушіе.

Особенно страшныя грозы происходили въ первое время ихъ супружеской жизни, когда отецъ Иванъ еще пытался иногда проявлять свою волю, отстаивать свои мнѣнія. Онъ всегда былъ побѣждаемъ;—въ этомъ нечего сомнѣваться.

Теперь гроза прошла совсѣмъ благополучно, разразившись обильнымъ дождемъ.

И снова потекла жизнь ихъ со дня на день, какъ прежде, то бурная, то тихая, не выходящая за предѣлы личнаго существованія.

V.

Была у отца Ивана одна завѣтная мечта. Эту мечту онъ хранилъ и лелѣялъ, какъ любимое дитя. Онъ носилъ ее въ душѣ, какъ молодая, нѣжная женщина носитъ подъ сердцемъ ребенка-

Digitized by Google

первенца. Онъ таилъ ее отъ всѣхъ, какъ свое лучшее дражайшее сокровище.

Эта мечта была звѣздою надежды для отца Ивана. И эта звѣзда ласкала его своими лучами. Почти старикъ, онъ мечталъ, какъ дѣвушка шестнадцати лѣтъ.

Въ тихія, лучшія минуты своей жизни онъ садился у окна и смотрѣлъ на крестъ, сіявшій на церковной главѣ. Онъ сравнивалъ съ нимъ свою мечту. Онъ глядѣлъ на вечернюю звѣзду, ярко блестѣвшую на синемъ небѣ и опять уподоблялъ ей свою мечту. Замѣчательно, что даже Настасьѣ Петровнѣ, которой онъ ввѣрился и которой повиновался такъ беззавѣтно, даже ей не ввѣрилъ онъ своей мечты. Онъ смутно чувствовалъ, что она не поймета, но посмѣется надъ его священнѣйшей мечтой. А этого-то онъ и боялся больше всего. Только разъ и только одному человѣку высказался онъ. Этотъ человѣкъ былъ псаломщикъ. Но пора сказать, что это за человѣкъ, который стоитъ и идетъ по одной дорогѣ съ отцомъ Иваномъ.

Аполлоній Поликарповичъ, такъ звали псаломщика, былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ. Не кончивъ курса въ семинаріи по какой-то причинѣ, онъ поступилъ псаломщикомъ въ село Лемехи и съ тѣхъ поръ не покидалъ его. Тутъ онъ женился и обзавелся маленькимъ хозяйствомъ, насколько позволяли ему скудныя средства псаломщика. По уму это былъ человѣкъ ограниченный, по характеру, онъ напоминалъ пресмыкающееся животное. Если смѣялись поставленные выше его, и онъ смѣялся; если горевали, и онъ выражалъ свое сожалѣніе. Являясь къ благочинному, онъ считалъ своей обязанностью низко поклониться, дотронувшись двумя пальцами до пола, и тогда уже принять благословеніе. Хитрый и пронырливый, онъ высматривалъ, на какой сторонѣ сила и склонялся на ту сторону. Онъ не считалъ низкимъ унижаться. Безусловная покорность власти была для него непреложнымъ закономъ.

И этому человѣку отецъ Иванъ рѣшился повѣрить свою тайну.

Спросятъ, пожалуй, почему именно ему, а не кому другому? Это понятно. Добрый, простодушный, безъ всякаго лукавства въ сердцѣ, отецъ Иванъ принималъ за чистую монету его видимую преданность. Притомъ, и это главное, онъ не боялся насмѣшки съ этой стороны, не боялся осужденія. Да и какъ бы посмѣлъ Аполлоній Поликарповичъ осуждать того, съ кѣмъ такъ тѣсно связаны были его интересы. Притомъ отецъ Иванъ былъ для него власть, поставленная Богомъ, посвященная преосвященнымъ владыкою.

Digitized by Google

Дѣло было такъ.

Однажды, во время какого-то кратковременнаго отсутствія Настасьи Петровны, послѣ отправленія какой-то требы, отецъ Иванъ, заговорившись, пригласилъ Аполлонія Поликарповича посидѣть и побесѣдовать.

Выпили по рюмочкѣ, и бесѣда мало-по-малу приняла интимный характеръ. Завязался легкій споръ. Разсуждали о таинственныхъ именахъ апокалипсиса: кто такіе — Гогъ и Магогъ, неоднократно упоминаемые тамъ. Отецъ Иванъ высказывалъ свои предположенія; Аполлоній Поликарповичъ почтительно заявлялъ свои, но, впрочемъ, склонялся на сторону отца Ивана. Далѣе, да далѣе, дошли и до антихриста. Тутъ, естественно, возникъ вопросъ: что-такое этотъ антихристъ и когда онъ придетъ. Вдругъ отецъ Иванъ остановился и о чемъ-то задумался. Потомъ всталъ, прошелся по комнатѣ и остановился предъ псаломщикомъ. Лицо его выражало что-то таинственное; руки были сложены на груди. Лицо вспыхнуло слабымъ румянцемъ и затѣмъ снова поблѣднѣло. Очи заискрились.

— Аполлоній Поликарповичъ,—заговорилъ онъ. Голосъ его дрожалъ. Аполлоній Поликарповичъ даже всталъ съ своего мѣста.

Отецъ Иванъ продолжалъ.

— Аполлоній Поликарповичъ! есть у меня тайна на душѣ. Я храню ее, яко зѣницу ока. Какъ другу я довѣряю ее вамъ.

Аполлоній Поликарповичъ смотрѣлъ на него съ величайшимъ почтеніемъ. Даже слезы готовы были навернуться на его глаза.

Отецъ Иванъ снова прошелся по комнатѣ и снова сѣлъ. Онъ видимо волновался.

— Да, я довѣрю ее вамъ. Вы сбережете ее?

— Сберегу.

— И никому не выдадите?

— Никому.

Отецъ Иванъ опять всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Поклянитесь.

Аполлоній Поликарповичъ всталъ, и обернувшись къ иконамъ, положа руку на грудь торжественно произнесъ клятву.

Прошло минуты двѣ. Отецъ Иванъ никакъ не могъ собраться съ духомъ.

— Слушайте,—заговорилъ онъ наконецъ, и взявъ Аполлонія Поликарповича за руку, крѣпко сжалъ ее.—Слушайте... я... я хочу написать сочиненіе... — Да... сочиненіе... Положимъ, я созна̀ю всю, такъ-сказать, скудость своего ума; положимъ, я грѣш-

Digitized by Google

ный человѣкъ, какъ и всѣ, можетъ еще сторицею грѣшнѣе всѣхъ... Положимъ, это дерзкая мысль... но... вотъ куда глубоко глубоко запала она мнѣ.—И отецъ Иванъ при этомъ усердно стукнулъ кулакомъ себѣ въ грудь. — Сочиненіе... идея... о, это идея богатая. Это идея великая, святая. Оттого-то я и чувствую себя такимъ недостойнымъ, дерзкимъ.—Я хочу... хочу... т.-е. употреблю всѣ свои усилія, чтобъ на основаніи священнаго писанія, на основаніи преданія, а также и науки, т.-е. исторіи, какъ частной, церковной, такъ и всеобщей... на основаніи этихъ трехъ началъ, какъ на трехъ камняхъ, утвердить свое сочиненіе. То-есть я хочу на основаніи всего этого доказать... доказать...

Голосъ его задрожалъ.

— Доказать, что антихристъ долженъ возстать изъ Рима.

Аполлоній Поликарповичъ въ глубочайшемъ благоговѣніи сложилъ руки и поднялъ взоръ на отца Ивана.

— Да, это мое глубокое убѣжденіе. Какой-то тайный голосъ подсказываетъ мнѣ это. Открою вамъ вполнѣ. Часто, когда я стою на молитвѣ, или просто размышляю, я слышу, будто кто-то тихимъ голосомъ шепчетъ у меня надъ главою: *антихристъ возстанетъ изъ Рима.* И такъ ясно, такъ отчетливо слышу. И я вѣрю, что это голосъ божій, утверждающій меня недостойнаго въ моей мысли. Конечно, я сознаю, сколько я грѣшенъ и недостоинъ, но сознаю и то, что я совершу великій грѣхъ, если не внемлю этому гласу. Ибо и въ самомъ дѣлѣ,—что такое Римъ? Римъ—это та апокалипсическая «*блудница, которая сидитъ на звѣрѣ багряномъ, преисполненномъ именами богохульными, съ седмью головами и десятью рогами. И на челѣ ея написано: тайна, Вавилонъ великій, мать мерзостямъ земнымъ*». А вѣдь Римъ-то и есть этотъ новый Вавилонъ, ибо древній Вавилонъ давно палъ; на мѣстѣ его пустыня. Вотъ эта-то мысль и поглощаетъ все мое существо. И днемъ и ночью я все думаю объ этомъ сочиненіи. Даже во снѣ оно мнѣ снится.

Аполлоній Поликарповичъ въ безмолвномъ благоговѣніи внималъ отцу Ивану.

— О, напишите, напишите!..—вдругъ заговорилъ онъ, — и какъ можно скорѣе напишите. Вѣдь это... о, вѣдь это, такъ сказать, будетъ роковая ступень для васъ. Вы сразу перешагнете лѣстницу и станете на верху. Вѣдь, знаете, васъ къ наградѣ тогда представятъ; вы камилавку можете получить, а можетъ, и протопопство... судьбы Господни неисповѣдимы.

— Да, судьбы Господни неисповѣдимы,—повторилъ и отецъ

Digitized by Google

Иванъ,—можетъ быть, воля Божія... Только я главнымъ образомъ не объ этомъ думаю. Я думаю, какъ эта мысль быстро распространится, всѣ поймутъ, что это дѣйствительно такъ... Да, это сочиненіе должно, такъ-сказать, глаза раскрыть всѣмъ, должно распространить истину.

— О, да, да... и вотъ непремѣнно за это дадутъ протопопство; въ этомъ я васъ увѣряю; такое сочиненіе не должно остаться безъ награды.—И гдѣ-то глубоко, глубоко на самомъ днѣ души отца Ивана поднималось что-то такое, что радостно заставляло биться его сердце.—Протопопство... вѣдь это... а попадья-то какъ радовалась-бы тогда. Тогда ужъ можно-бы и приданое дать Липочкѣ и Любочкѣ не хуже кого-нибудь другого.

И отецъ Иванъ сладко улыбался. Радужныя грёзы убаюкивали его.

Но пора уже сказать нѣчто и о дѣтяхъ достойныхъ знакомцевъ нашихъ, отца Ивана и Настасьи Петровны. Тогда предстанетъ предъ нами полная картина семейной жизни, и намъ станетъ понятно многое, что до сихъ поръ представлялось туманнымъ пятномъ.

VI.

Богъ благословилъ супружество отца Ивана и Настасьи Петровны обильнымъ плодородіемъ: у нихъ родилось десять сыновей и восемь дочерей. Аккуратно каждый годъ являлось на свѣтъ бѣдное маленькое существо и аккуратно къ концу года уходило опять въ свою отчизну, чтобъ уступить на землѣ мѣсто новому пришельцу, который тоже скоро кидалъ эту юдоль скорби и плача. Настасья Петровна плакала, какъ оно и слѣдуетъ каждой любящей матери, убирала маленькаго мертвеца въ бѣленькую кисейную рубашку съ оборочками, опоясывала розовою лентою, на лобикъ надѣвала вѣнчикъ; затѣмъ приносили крошечный гробикъ и уносили разборчиваго гостя, чтобы зарыть его въ сырую землю, въ церковной оградѣ. Затѣмъ вскорѣ являлся новый пришелецъ, занималъ колыбельку своего предшественника, носилъ его рубашки и т. д., и т. д... И въ концѣ-концовъ изъ восемнадцати пришельцевъ удержались на землѣ только двое — двѣ дочери; удержались потому, что по существу скорѣе подходили къ землѣ, чѣмъ къ небу. Оттого онѣ и не спѣшили воротиться на свою родину.

Одну звали Липочка, другую Любочка. Липочкѣ было ужъ

Digitized by Google

22 года, Любочкѣ отъ апрѣля пошелъ 20-й годъ. Обѣ были давно невѣсты. Обѣ онѣ были прекрасныя дѣвицы, степенныя, скромныя, особенно при гостяхъ, умѣренно-развязныя. Онѣ были примѣромъ, который на двадцать верстъ въ окружности матушки указывали своимъ дочкамъ, совѣтуя подражать Липочкѣ и Любочкѣ.

Извѣстно, что въ уѣздахъ рѣдко-рѣдко какая дѣвица избѣгнетъ распускаемой про нея сплетни, скандальной исторіи и т. п. Липочка и Любочка были счастливымъ исключеніемъ. Еще никто ничего не сказалъ про нихъ дурного. Репутація ихъ была чиста и незапятнана. Онѣ вполнѣ заслуживали быть счастливыми, и Настасья Петровна понять не могла, почему ея дочери еще не попадьи. Сама она выходила замужъ на 17-мъ году, а Липочкѣ вотъ ужъ 22, и она все еще дѣвица. Это обстоятельство очень огорчало ея любящее материнское сердце.

Липочка была высокаго роста. Ея роскошное тѣло было, можетъ быть, немного роскошнѣе, чѣмъ слѣдовало бы по взгляду эстетика, но именно, это больше всего и нравилось въ ней мѣстнымъ цѣнителямъ красоты. Русскій-же народъ вообще не признаетъ худощавой, блѣдной красоты. По праздникамъ, или когда бывали гости, она стягивалась шнуровками; но упругое, привыкшее къ свободѣ будничнаго костюма, здоровое тѣло не поддавалось и шнуровкамъ. И бѣдная дѣвушка часто съ досадою должна была починивать ихъ, потому что онѣ постоянно лопались. Постоянно отрывавшіяся пуговицы составляли также не малый поводъ къ огорченію.

Должно быть на этомъ основаніи, когда достойныя мамаши говорили своимъ дочкамъ: ты бы взяла себѣ въ примѣръ Липочку..., огорченныя дочки всегда замѣчали презрительно: вотъ ужъ корова! есть съ кого примѣръ брать.

У Липочки прекрасныя, густыя, темно-русыя косы, но она не довольствовалась этимъ и по праздникамъ воздвигала на головѣ огромный шиньонъ изъ фальшивыхъ волосъ. Но къ сожалѣнію Липочка чесать свои волосы вообще очень не любила. Она чесала ихъ, во-первыхъ—по праздникамъ; во-вторыхъ—когда пріѣзжали гости; въ-третьихъ—когда она сама отправлялась въ гости. У ней очень недурные, большіе сѣрые глаза; но, опять-таки надо замѣтить къ крайнему сожалѣнію, они всегда были такіе сонные, вялые, даже припухшіе... Она очень любила спать.

Любочка была пониже ростомъ, волосы въ косахъ были немного темные, носъ болѣе вздернутъ кверху, и верхняя губа чуть-чуть приподнята. На этомъ останавливалось внѣшнее различіе въ сестрахъ. Что касается до внутренняго различія, то

Digitized by Google

оно больше всего выражалось въ томъ, что Липочка любила преимущество вязанье: она всегда вязала салфетки большія, салфеточки маленькія, и кружева всевозможныхъ сортовъ. Любочка предпочитала шитье и вышиванье. Между обѣими сестрами почти ежедневно завязывался споръ о томъ, что́ лучше: вязанье или шитье. Липочка утверждала, что вязанье, Любочка, что шитье. И ни одна не хотѣла уступить. Споръ часто доходилъ до личныхъ упрековъ и часто кончался слезами.

За всѣмъ этимъ сестры представляли много родственнаго сходства. Любо было смотрѣть на эти два здоровыя, цвѣтущія существа. Глаза едва виднѣлись изъ-за пухлатыхъ щекъ; на щекахъ игралъ свѣжій здоровый румянецъ. Глядя на нихъ, невольно думалось: какъ-бы чего поѣсть, невольно хотѣлось прилечь и сладко вздремнуть.

Глядя на нихъ, трудно было сказать: посѣщала-ли эти два чела когда-либо какая-либо мысль? Навѣрно, нѣтъ. Она оставила бы на нихъ свой слѣдъ. Она наложила бы свою печать и придала бы жизни этимъ подернутымъ влагою очамъ; дала-бы выраженіе мысли этимъ лбамъ, спокойнымъ, гладкимъ, невозмутимымъ. Хорошенько выспаться, встать, напиться чаю, посидѣть до обѣда за избранной работой, потомъ пообѣдать, послѣ обѣда отдохнуть, снова поработать до чаю, а тамъ ужинъ и опять спать. Это были двѣ откормленныя тёлки. Онѣ не знали, что такое горе и радость, ибо не испытали ихъ; не знали жизни, ибо никогда не оглядывались на окружающее ихъ. Какое имъ дѣло до того, что́ кругомъ дѣлается?

Жизнь ихъ текла тихо и мирно. Онѣ никому не мѣшали, никто и имъ не мѣшалъ. А какое дѣло имъ до другихъ, если ихъ никто не трогаетъ? Ни одна страсть не дотрогивалась до нихъ своей могущественной рукой.

Такъ течетъ по болотистой почвѣ тихій ручеёкъ. Мягкое ложе, трава по берегамъ, склоняющіяся ивы... и вода, будто дремля, тихо и медленно течетъ впередъ, пока не исчезнетъ въ озерѣ или въ рѣкѣ. Тучи надвинутся на небо и закроютъ солнце, буря налетитъ, вихрь, ломая и уничтожая все на своемъ пути, промчится надъ ручейкомъ,—ему не страшно. Вѣтру не взволновать болота, ему не поднять съ тинистаго ложа, не вспѣнить мутныхъ, сонныхъ струй.

Чернымъ щитомъ закроется ясное солнце; мракъ ляжетъ на землю; громъ загремитъ, засверкаетъ молнія... Испуганныя птички спрячутся въ гнѣзда, деревья тревожно зашумятъ листвою... Мягкое ложе ручья, трава, ивы по берегамъ не допустятъ взвол-

Digitized by Google

новаться тихимъ струйкамъ ручья; грому не разбудить крѣпкаго сна; вѣтру не взволновать болото.

Но въ каждой каплѣ живутъ милліоны организмовъ, милліоны живыхъ существъ. Для каждаго изъ этихъ существъ капля есть міръ. И для каждаго существа въ этомъ мірѣ есть свои треволненія, свои бури, свои грозы, свои радости и печали.

Были и у Липочки съ Любочкой свои заботы. Липочка даже плакала нѣсколько разъ; у ней было свое горе. У ней было только одно шелковое платье, только одно! Нужно поставить себя въ положеніе Липочки, чтобъ понять, что то было дѣйствительное горе. Не сочувствовать ей нельзя, тѣмъ болѣе, что это платье было давно уже сшито, такъ что подолъ уже немного пообился. Двѣ свадьбы она отпраздновала въ немъ, да такъ сколько разъ надѣвала,—не пересчитаешь. Положимъ, у ней есть много шерстяныхъ и ситцевыхъ, но... ахъ! вѣдь то шерстяныя... можно-ли ихъ считать... Ей такъ хочется, чтобъ про неё говорили: у Липочки два шелковыхъ платья.

У Любочки тоже было горе и не маленькое; даже болѣе достойное сочувствія, чѣмъ горе Липочки. У Любочки не было и *одного* шелковаго платья. Она была младшая. Младшая!... О, это слово, точно червь, точило ея молодое сердце.

— Мамаша, купите мнѣ на платье,—умоляющимъ голосомъ просила Любочка каждый разъ, когда Настасья Петровна отправлялась въ городъ.

— Подожди, еще успѣешь.

— Да когда-же это успѣю?!

— Вѣдь еще есть платья? Ну, и носи ихъ.

— Да, носи!! А каковы онѣ? ни одного хорошаго. Хотябы одно!

— У тебя есть старшая сестра, прежде ей надо.

— Все ей, да ей, а мнѣ-жъ когда?

— Тебѣ тогда будемъ справлять все новое и хорошее, когда Липочку замужъ отдадимъ.

— Господи! Да когда-же вы отдадите её замужъ? Когда я избавлюсь отъ нея?!—восклицала въ глубокомъ горѣ Любочка. И слезы тогда текли изъ ея припухшихъ очей по лицу. Она горько плакала и жаловалась, что она «такая несчастная, такая несчастная, что ужъ и платья-то хорошаго ей не сошьютъ, а все это Липка противная... и когда это её замужъ отдадутъ?!»

Въ такіе дни она вдругъ дѣлалась религіозной. Вечеромъ она уходила въ маленькую заднюю комнатку, зажигала лампадку

Digitized by Google

предъ образомъ, становилась на колѣни и долго, горячо молилась, усердно отбивая земные поклоны.

Иногда она выпрашивала у матери пятакъ и ставила свѣчку предъ образомъ Гурія, Самона и Авива съ тайной надеждой, что они пошлютъ Липкѣ жениха. Кто-то ей сказалъ, что эти святые особенно покровительствуютъ молодымъ дѣвушкамъ и заботятся о пріисканіи имъ женіховъ. Она, конечно, не сомнѣвалась въ этомъ.

Липочка относилась къ своей судьбѣ болѣе спокойно. Она терпѣливо ждала. Она съ непоколебимой вѣрой глядѣла въ будущее. Она знала, что придетъ желанный день,—она станетъ женою, попадьею, а можетъ быть, и за свѣтскаго придется ей выйти. Она непоколебимо вѣровала, что своей судьбы конемъ не объѣдешь; что кому суждено, тому того не миновать.

И одно только горе тяготило ея душу. Это ея одно шелковое платье. Съ этимъ она никакъ не могла помириться.

VII.

Сестры не любили другъ друга. Любочка не любила Липочку, потому что та стояла ей на дорогѣ и была причиной недостаточности нарядовъ Любочки. Липочка не любила сестру, потому что вообще никого не любила и ко всѣмъ, и ко всему относилась безучастно, исключая, разумѣется, шелковое платье.

Между ними не было явной вражды, но не было ничего, что хоть намекало-бы на дружбу, на любовь, на привязанность. О, съ какой радостью каждая изъ нихъ освободилась-бы отъ другой.

Но все-таки онѣ были прекрасныя дѣвицы, и въ этомъ соглашались всѣ. За ними никто не зналъ предосудительныхъ поступковъ, хотя и хорошихъ тоже никто не зналъ. Онѣ не были вѣтренницами, взбалмошными, какъ многія, а этого было уже очень довольно, чтобы о нихъ составилось хорошее мнѣніе. Онѣ были степенны и скромны. Онѣ были безпечны. Онѣ были, какъ всѣ и лучше многихъ.

И онѣ сознавали свои достоинства. Гордыя этими достоинствами, онѣ отличались олимпійскимъ спокойствіемъ, вполнѣ справедливымъ сознаніемъ своего превосходства въ сношеніяхъ съ другими. Ихъ души витали въ какихъ-то недосягаемыхъ высотахъ. Имъ казалось слишкомъ низкимъ спускаться до мелкихъ,

Digitized by Google

чуждыхъ имъ интересовъ. Онѣ не знали заботъ, не знали тревожнаго состоянія пробуждающейся мысли.

Гордыя своимъ превосходствомъ, онѣ съ презрительнымъ равнодушіемъ относились ко всѣмъ треволненіямъ человѣческаго рода. Онѣ твердо вѣровали, что родъ человѣческій дѣлится на двѣ половины: на низшую и высшую. Одна осуждена страдать и повиноваться; вторая пользоваться благами жизни и повелѣвать. Липочка умѣла читать и писать, и бабы деревенскія всегда обращались къ ней съ просьбой записать въ поминанье то новоумершаго *Микитку*, то рабу Божію *Палагею*, то младенца *Кита* [1]) и т. п.; кромѣ того, она знала ариѳметику; по праздникамъ она читала иногда акаѳистъ сладчайшему Іисусу или Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Любочка тоже умѣла и читать, и писать, и больше всего въ жизни любила переписывать стихи и пѣсни. Однажды она нашла въ старинныхъ книгахъ отца Ивана старую географію. Её заинтересовали перечисляемыя тамъ названія заливовъ, лѣсовъ и т. п. Она часто брала эту книгу, перечитывала названія, останавливаясь на тѣхъ, которые ее болѣе интересовали. Съ тѣхъ поръ она стала говорить, что очень любитъ географію.

Но лучше всѣхъ сознавала достоинства своихъ дочерей сама Настасья Петровна. Да и какъ ей было не сознавать этого? И Липочка, и Любочка своими прекрасными качествами были обязаны исключительно ей одной.

— Я васъ вспоила, вскормила, я болѣла изъ-за васъ, я страдала; теперь вонъ какія коровы стали, знать, для васъ теперь не нужна... нѣтъ... погодите, еще узнаете... чѣмъ-бы вы были безъ меня?—говорила часто Настасья Петровна, раздраженная неповиновеніемъ дочерей.

И этотъ протестъ ея былъ вполнѣ справедливъ. Именно: чѣмъ бы онѣ были безъ нея. Особенно, если принять во вниманіе, что съ пятилѣтняго возраста она отдѣлила каждой изъ нихъ по сундуку. Въ эти сундуки она по-ровну складывала холстины, скатерти, полотенца; это предназначалось имъ въ приданое. Она шила себѣ и отцу Ивану бѣлье изъ самого грубаго домашняго полотна, лучшее откладывая въ дочерніе сундуки.

Однажды отецъ Иванъ замѣтилъ-было: что это, попадья, ты крѣпко толстую рубашку мнѣ сшила?

— Э, попъ!—возразила Настасья Петровна,—у насъ дѣти. Намъ съ тобою не жениться вѣдь и замужъ не выходить, а имъ надо. Я хочу, чтобъ мои дочки были не какъ-нибудь, а чтобъ

[1]) Такъ народъ измѣняетъ имя *Титъ*.

Digitized by Google

все у нихъ было хорошо, чтобъ всего было у нихъ много. Я хочу, чтобъ люди не смѣялись, не осуждали, а завидовали-бы.

Отецъ Иванъ конечно признался, что это дѣйствительно вѣрно и покорился.

И старанія Настасьи Петровны вѣнчались полнымъ успѣхомъ. Съ каждымъ годомъ сундуки наполнялись все болѣе и болѣе; число холстинъ увеличивалось, число полотенецъ у каждой уже превышало 50, и Настасья Петровна надѣялась довести ихъ до 100. Часто, открывъ сундуки, она самодовольно улыбалась, съ наслажденіемъ смотря на столбики холстинъ, на ряды скатертей, на кипы полотенецъ. Она созерцала ихъ иногда очень по-долгу. Часто она открывала сундуки только затѣмъ, чтобы полюбоваться своими сокровищами, а закрывая ихъ, съ благоговѣніемъ прислушивалась къ звону замка.

Дѣвицы и сами прилагали старанія, чтобъ сундуки были полны, и дополняли своими собственными произведеніями. Липочка—продуктами вязанья, Любочка—продуктами шитья.

У обѣихъ дѣвицъ были опредѣленныя мѣста, на которыя онѣ садились съ работой. И ни одна не смѣла сѣсть на мѣсто другой. Оба мѣста находились подъ окнами. Одна сидѣла у одного, другая у другого. Обѣ окна выходили на улицу, на дорогу: изъ оконъ виднѣлась эта дорога, выходящая изъ села и теряющаяся за пригоркомъ: никому нельзя было ни пройти, ни проѣхать въ село или изъ села, чтобъ Липочка и Любочка не увидѣли. Управившись по хозяйству, нерѣдко и сама Настасья Петровна присоединялась къ дочерямъ. Она тоже усаживалась съ чулкомъ въ рукахъ возлѣ одной изъ нихъ, и любопытство матери превосходило любопытство дочерей. Необыкновенно дѣятельная, энергичная, она живо интересовалась всѣмъ, что могло имѣть хотя самое отдаленное отношеніе къ ея семейству. Интересы дочерей гораздо больше трогали и волновали ее, чѣмъ ихъ. Сердце матери билось сильнѣе, трепетнѣе, чѣмъ сердца дочерей. Она все чаще и чаще пересчитывала лѣта Липочки, все чаще и чаще задумывалась. Она не могла понять: отчего нѣтъ жениховъ.

— Чортъ ихъ знаетъ, прости меня Господи окаянную, какъ сквозь землю провалились; какъ чума ихъ подобрала. Хоть бы одинъ! хоть-бы нарочно,—думала Настасья Петровна, и крестилась, и плевала съ досады.

Да, дѣйствительно, хоть-бы нарочно! Тогда она похвалилась-бы своимъ знакомымъ, сказала-бы: а у Липочки у нашей женихъ былъ, да мы отказали; неподходящій, не пара ей.

Digitized by Google

Ужъ сколько лѣтъ она тайно мечтаетъ объ этомъ, и какъ жарко мечтаетъ. Она воображаетъ себѣ жениха Липочки студента-богослова. Она старается представить себѣ заранѣе, какая будетъ свадьба; заранѣе дѣлаетъ смѣту, что будетъ нужно и сколько чего можетъ выйти. Она давно уже рѣшила въ умѣ, кого нужно звать на свадьбу, кого нѣтъ.

И, какъ на грѣхъ, ни одинъ женихъ не являлся.

Она ждала, не теряя надежды.

— Ну-ка, Липа, подвинься,—говорила она, подходя къ дочери съ чулкомъ. Невозмутимая, спокойная Липа подвигалась, и Настасья Петровна усаживалась. Она имѣла способность вязать, не смотря на работу. И между тѣмъ, какъ ея пальцы быстро перебирали петли, она глядѣла на дорогу, зорко оглядывая всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ. Не ѣдетъ-ли кто?

Вотъ черное пятно показалось вдали, на верхней точкѣ пригорка. Пятно движется. Настасья Петровна кладетъ чулокъ на колѣни и, заслонивъ рукою глаза отъ солнца, пристально всматривается.

— Липочка, ѣдетъ кто-то,—обращается она къ дочери. Та тоже смотритъ и тоже замѣчаетъ, что кто-то дѣйствительно ѣдетъ.

— Не къ намъ-ли?

— Можетъ къ намъ, а можетъ и нѣтъ,—отвѣчаетъ, апатически зѣвая, Липочка. Но продолжаетъ всматриваться.

— Вѣдь это, кажись, мужчина?

— Да, мужчина.

— И въ шляпѣ?

— Да, въ шляпѣ.

— И шляпа съ широкими полями?

— Съ полями.

— Кто-бы это былъ? Любочка! Любочка!—кричитъ Настасья Петровна,—иди-ко сюда скорѣе.

— Что тамъ?—спрашиваетъ Любочка изъ сосѣдней комнаты.

— У тебя глаза лучше видятъ. Иди посмотри: кто-то ѣдетъ.

— Смотрите сами... Что мнѣ за дѣло высматривать чужихъ жениховъ,—ворчитъ Любочка.

— И не одинъ,—продолжаетъ, между тѣмъ, свои наблюденія Настасья Петровна.

— Двое,—подтверждаетъ Липочка.

А черное пятно дѣлается яснѣе и яснѣе. Наконецъ совсѣмъ ужъ ясно видна большая повозка, запряженная парою лошадей. На повозкѣ сидятъ два человѣка: одинъ въ шляпѣ и въ пальто, другой въ свитѣ и колпакѣ,—очевидно, кучеръ. Повозка медлен-

Digitized by Google

но приближается. Вотъ она начала спускаться съ пригорка. Видно, какъ кучеръ старается сдерживать рвущихся впередъ лошадей.

У Настасьи Петровны сердце тревожно бьется; она даже замѣтно поблѣднѣла. Губы шепчатъ что-то; рука невольно сдѣлала крестное знаменіе. Въ душѣ она проситъ Бога послать имъ хорошаго человѣка.

— Не къ намъ ли?—произноситъ она съ замѣтнымъ волненіемъ въ голосѣ.

— Кто его знаетъ.

— Ты-бъ, Липочка, платьице чистое надѣла.

Липочка оглядываетъ свое, до крайности засаленное, платье; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на немъ безстыдно смотрятъ дыры.

— Успѣю еще,—получается лаконическій отвѣтъ.

— И причесалась бы.

Липочка поправляетъ рукою растрепавшіяся косы и опять отвѣчаетъ въ томъ же родѣ.

— Тогда-жъ и причешусь.

А Настасья Петровна глядитъ, глядитъ во всѣ глаза и крестится и шепчетъ: о, Господи, о Господи! Надоуми Ты милосердный, направь къ намъ кого-нибудь. Матерь Божія, заступница, пошли свою милость. Святители, угодники Божіи, печерскіе чудотворцы... И она даетъ себѣ слово поставить въ пятнадцать копѣекъ свѣчку въ слѣдующее воскресенье передъ образомъ Скорбящей Божіей Матери, если она пошлетъ человѣка, т.-е. попросту—жениха.

А повозка, между тѣмъ, тихо и благополучно спустилась съ пригорка. Изъ окна все хорошо видно. Вотъ кучеръ дернулъ возжи, и лошади весело побѣжали рысью. Человѣкъ въ шляпѣ... Теперь Настасья Петровна ужъ и сама разглядѣла, что онъ съ небольшой черной бородкой и жиденькими усами; что у него саквояжъ черезъ плечо и перчатки на рукахъ. Онъ немного приподнялъ шляпу, чтобъ лучше видѣть окружающее.

Вотъ, вотъ ужъ близко. Въѣхали въ село. Липочка хочетъ ужъ встать и идти, чтобъ принарядиться. Настасья Петровна усердно молится. Вотъ ужъ завернули за уголъ, вотъ подъѣзжаютъ къ дому, вотъ поровнялись съ окошками.

Настасья Петровна и Липочка отклонились въ сторону, чтобъ ихъ не было видно. Человѣкъ въ шляпѣ пристально глядитъ на окна.

У Настасьи Петровны на сердцѣ похолодѣло.

Неизвѣстный, желанный, еслибъ ты зналъ, какъ тебя тутъ ждутъ, какъ высматриваютъ, съ какой мучительной тревогой

Digitized by Google

слѣдятъ за твоими движеніями... Еслибъ ты зналъ, ты навѣрное заѣхалъ бы, иначе въ твоей груди не сердце горячее, а холодный камень.

А онъ такъ пристально смотритъ на окна, какъ будто хочетъ кого-то увидѣть. И мать, и дочь, казалось, замерли на своихъ мѣстахъ.

Вдругъ лошади рванулись...

— Ха-ха-ха!..—раздался изъ сосѣдней комнаты голосъ Любочки.—Проѣхалъ! мимо проѣхалъ!

Настасья Петровна опрометью бросилась къ окну. Пара коней бѣжала легкою рысью дальше по селу, а человѣкъ въ шляпѣ также пристально смотрѣлъ на темныя невзрачныя окна мужицкихъ хатъ.

И плюнула Настасья Петровна съ досады, и крѣпко, русскимъ словцомъ, обругала проѣзжаго. Липочка, невозмутимая, какъ всегда, опять ближе подсѣла къ окну и снова принялась за свое нескончаемое вязанье.

Если ночью кто-либо постучится въ ихъ ворота, прося ночлега или, если дѣло зимою, чтобъ обогрѣться, — каждый разъ повторяется та же исторія. Въ каждомъ проѣзжающемъ Настасья Петровна видитъ милость Божію. Но до сихъ поръ эта милость Божія постоянно проѣзжаетъ мимо ихъ дома. Въ каждомъ, заѣхавшемъ случайно или съ умысломъ, имъ видится женихъ. Разсказываютъ даже такой случай, что нѣсколько молодыхъ людей въ окружности, узнавъ эту ихъ слабость, однажды, въ числѣ пяти человѣкъ, нагрянули въ домъ отца Ивана. Они были приняты по всѣмъ правиламъ русскаго хлѣбосольства. Липочка для нихъ нарядилась въ свое шелковое завѣтное платье и пришпилила шиньонъ. Настасья Петровна съ замирающимъ сердцемъ бѣгала то изъ кухни въ комнаты, то изъ комнатъ въ кухню, распоряжаясь на счетъ самовара, хлопоча о закускѣ. Вездѣ въ уголкахъ дома раздавалось слово: сваты! женихи!.. Крестьяне и крестьянки, проходя мимо, слыша шумъ, видя освѣщеніе во всѣхъ окнахъ, говорили: у попа, видно, сваты.

А гости изподтишка посмѣивались между собою и весело оплетали все, предлагаемое радушными хозяевами. Напились, наѣлись, да съ тѣмъ и уѣхали.

Ни Настасья Петровна, ни отецъ Иванъ, ни Липочка никогда не догадались, что то была условленная шутка.

Только послѣ каждаго посѣщенія, обманувшаго ихъ надежды, Настасья Петровна презрительно плюетъ и ругается, Липочка зѣваетъ, Любочка смѣется, а отецъ Иванъ шагаетъ изъ угла въ

Digitized by Google

уголъ по комнатѣ или въ саду на лавочкѣ размышляетъ на тэму о пришествіи антихриста. Его не трогали всѣ эти волненія. За то и доставалось-же ему за это равнодушіе!

— Какой ты отецъ! ну, какой ты есть отецъ?—кричала на него Настасья Петровна: —или ты Бога не боишься, не стыдишься добрыхъ людей, что о родномъ дѣтищѣ ты не хочешь позаботиться?

— Какъ же мнѣ заботиться? Ну, скажи, попадья, я позабочусь, развѣ-жъ я отказываюсь? чего ты кричишь? Ну, скажи, научи...—кротко замѣчаетъ отецъ Иванъ; но эта кротость еще больше ее раздражаетъ.

— Вонъ поглядѣлъ бы какъ другіе отцы заботятся о дочеряхъ. По десять разъ къ архирею ѣздятъ, выпросятъ, вымолятъ, а жениха добудутъ. А ты... ты и въ усъ не дуешь. Какъ будто это дѣло тебя и не касается. Ну, что ты есть за человѣкъ такой? Тьфу, прости Господи! Я и за человѣка-то тебя не считаю.

А отецъ Иванъ сидитъ, повѣсивъ голову и терпѣливо выслушиваетъ все, развѣ только, когда ужъ очень надоѣстъ, заговоритъ.

— Ну, будетъ, попадья, будетъ. Погоди, вотъ соберусь и я когда-нибудь, съѣзжу къ преосвященному... чего-жъ ты кричишь? Экая ты!..

— Ты уже съѣздишь! Я тебя давно знаю... на тебя только положись, то и ѣсть нечего будетъ, не то что другое что-нибудь. А вѣдь Липочку-то давно-бъ ужъ пора...

— То, что времена теперь ужъ не такія,—произноситъ въ раздумьи отецъ Иванъ.

— Времена не такія, такъ деньги все такія-жъ, какъ и прежде... съ деньгами можно и старыя времена вернуть. Деньгамъ-то вѣдь законъ не писанъ. Развѣ не знаешь отца Василія? Вѣдь вотъ съумѣлъ-же выхлопотать своей дочкѣ жениха и мѣсто. Что твои законы, что твои правила, когда въ карманѣ есть? Да вотъ же отецъ Василій: тому подарилъ, другому поклонился, третьему въ консисторіи, да келейнику преосвященнаго далъ... Нашли и правила подходящія, нашли исключенія въ законахъ, да постановленіяхъ и дѣло съ концомъ... А вѣдь ужъ его-то дочка не чета нашей Липочкѣ: она и мизинца ея не стоитъ.

— Погоди ужъ, съѣзжу и я, не кричи только.

Р. Сосна.

Digitized by Google

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

ВО

ФРАНЦІИ

„Nous ne voulons pas faire de vous des machines à enseigner".

Buisson—объ учителяхъ народной школы.

Извѣстно, какой взглядъ на Францію сложился подъ вліяніемъ событій франко-прусской войны. Въ Россіи и Германіи большинство держалось мнѣнія, что французскій народъ выродился, развратился, измельчалъ и, задавленный внѣшними и междоусобными войнами, долженъ стать второстепеннымъ народомъ Европы; Франціи предсказывали судьбу Испаніи и Польши; приходилось слышать, что французскій народъ неспособенъ къ свободной жизни и постепенному правильному развитію, а обреченъ періодическимъ переворотамъ, и т. п.

Кто помнитъ это, тому странно теперь читать сужденія газетъ и журналовъ, особенно нѣмецкихъ, о французскихъ дѣлахъ. Прошлымъ лѣтомъ, послѣ fête national и лоншанскаго смотра, нѣмецкія газеты единогласно признали, что французы успѣли очень много сдѣлать въ истекшее десятилѣтіе для матеріальнаго благосостоянія страны, для воспитанія политическаго смысла въ народѣ и укрѣпленія своихъ учрежденій, и всего этого они достигли, несмотря на тяжелыя жертвы развитію военныхъ силъ страны. Въ одной нѣмецкой газетѣ мнѣ пришлось прочитать слѣдующую замѣтку о причинахъ этого. «Національный праздникъ

Digitized by Google

несомнѣнно показалъ громадные, сравнительно съ Германіей, успѣхи, достигнутые Франціей въ развитіи своего благосостоянія и своей общественной жизни. Въ чемъ искать причину этого? Во Франціи работали всѣ, начиная съ президента и кончая послѣднимъ рабочимъ: всѣ внесли въ это дѣло и энергію, и патріотизмъ; у насъ работали одни только наши великіе люди. Понятно, результатъ былъ плачевный: что̀ можетъ сдѣлать горсть великихъ людей, какъ бы велики они ни были, сравнительно съ единодушной работой цѣлаго народа!» Мнѣніе это, не исчерпывая, конечно, вопроса, выражаетъ совершенно правильную мысль и невольно приходитъ въ голову, при сравненіи успѣховъ какой-нибудь отдѣльной отрасли у насъ и на западѣ, особенно при сравненіи успѣховъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Сравненіе съ Франціей представляетъ въ этомъ случаѣ особенный интересъ, такъ-какъ она въ послѣднее десятилѣтіе была пренебрегаемой страной.

Болѣе близкое знакомство съ дѣлами народнаго образованія и со способами, избранными во Франціи для его улучшенія, должно пролить новый свѣтъ на причины, опредѣляющія уровень народнаго образованія, и предостеречь насъ отъ односторонности, къ какой необходимо приведетъ подражательность Германіи. Въ прошлое десятилѣтіе вся Европа для нашего учебнаго вѣдомства заключалась въ одной побѣдоносной Германіи; все остальное: Англія, Франція и маленькія государства Европы—земли, которыя создали величайшія идеи и были всегда свѣточами цивилизаціи,—представлялись неимѣющими ничего поучительнаго для педагога; онѣ какъ будто не были одобряемы ученымъ комитетомъ министерства просвѣщенія. По разности условій жизни, одностороннее подражаніе Германіи выходило безплоднымъ для дѣла и гибельнымъ для собственной иниціативы учебнаго персонала.

Французы, работая надъ возрожденіемъ своего народнаго образованія, не искали нѣмецкихъ образцовъ, не посылали своихъ учителей въ Германію, не заставляли ихъ разучивать, подъ руководствомъ инспектора, одобренную имъ методику; они взглянули на дѣло иначе. Признавая невѣжество народа тяжкой болѣзнью государства, они знали также, что такая болѣзнь проходитъ сама собою при хорошихъ условіяхъ. Они поняли, что приниженный и предоставленный произволу префекта, священника и мэра, учитель, обязанный услуживать всѣмъ имъ и въ экономическомъ отношеніи плохо обезпеченный, окажетъ всегда весьма маленькіе успѣхи, какіе образцы ни предпиши ему для подражанія. Измѣнить эти условія къ лучшему, сдѣлать учителя зави-

Digitized by Google

симымъ только отъ закона, гарантировать ему обезпеченное матеріальное положеніе, дать ему возможность дополнить свое образованіе, возбудить его соревнованіе съ товарищами и предоставить ему самому улучшить свои методы — вотъ мѣропріятія французовъ.

Мы пошли по другому пути. Мы прежде всего отняли у учителя всякую инициативу, т.-е. одинъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ къ самообразованію, закрыли его отъ всѣхъ вліяній, кромѣ вліянія его ближайшаго начальства; позаботились отнять у учителя возможность читать даже цензурныя книги, если онѣ не прошли черезъ руки директора и инспектора училищъ, — почти ничего не сдѣлать для улучшенія матеріальнаго положенія школы и учителя, но усиленно заставлять каждый годъ въ теченіи мѣсяца по 6 часовъ въ день разучивать, подъ руководствомъ инспектора методу, избранную послѣднимъ, и потому обязательную и превосходную для всего участка: вотъ наши мѣропріятія.

Цѣль этой статьи — дать возможность сравнить вліяніе на судьбу народной школы этихъ двухъ различныхъ способовъ дѣйствія. Изученіе исторіи народной школы во Франціи даетъ, мнѣ кажется, нѣкоторые элементы для этого. Поэтому, очерку современнаго положенія дѣла народнаго образованія во Франціи предпошлемъ краткій историческій очеркъ его судебъ со времени первой французской революціи.

I.

Народное образованіе трудно поддается точному измѣренію. Статистическіе выводы, даже если они относятся къ фактамъ матеріальнымъ, могутъ быть, по самому своему характеру, только приблизительны и нуждаются въ двойной критикѣ — критикѣ основныхъ цифръ и выводовъ. Народное образованіе есть дѣло нравственнаго характера; величина пользы, которую населеніе получаетъ отъ школы, не измѣряется только числомъ учениковъ и числомъ грамотныхъ, выходящихъ изъ нея. Школа можетъ оказывать воспитательное вліяніе на все общество, помимо прямого воздѣйствія на дѣтей. Если общество чувствуетъ себя заинтересованнымъ и нравственно отвѣтственнымъ за то или другое состояніе школы, если общество обязано вникать въ школьныя нужды и изыскивать средства къ ихъ удовлетворенію, оно пріучается думать о своей школѣ и о множествѣ вещей, связанныхъ съ нею, начинаетъ любить ее и гордиться ею. Это чрезвычайно

Digitized by Google

благотворно дѣйствуетъ на все общество, группируетъ его около школы, которая тогда дѣлается дѣйствительнымъ источникомъ свѣта. Наоборотъ, если общество не имѣетъ нужды заботиться о своей школѣ, если вся ея судьба зависитъ исключительно отъ префекта и патера, оно не можетъ уже гордиться своею школою, перестаетъ думать о ней и обращается въ простого поставщика для нея дровъ и воды. При этихъ условіяхъ школѣ очень трудно сдѣлаться средоточіемъ высшихъ духовныхъ интересовъ общины; польза ея ограничивается тогда почти исключительно обученіемъ грамотѣ. Поэтому, сравнивая данныя двухъ періодовъ, различныхъ по режиму, нельзя судить по однѣмъ только цифрамъ: нужно прибавлять къ нимъ тотъ или другой коэффиціентъ, сообразно обстоятельствамъ времени. Часто одна перемѣна режима, безъ увеличенія даже числа учениковъ и школъ, благопріятна развитію образованія въ обществѣ, и наоборотъ, часто съ увеличеніемъ числа школъ и учениковъ можетъ идти рука объ руку усиленное униженіе учителей, и пониженіе ихъ умственнаго уровня, что, конечно, отражается и на упадкѣ школы.

Эта оговорка необходима особенно при сравненіи цифръ французской статистики различныхъ эпохъ.

Статистическія свѣдѣнія о народномъ образованіи во Франціи восходятъ только до временъ первой революціи, но несомнѣнно, что передъ революціей города и большее число сельскихъ приходовъ имѣли школы; всѣ они были дѣломъ чисто мѣстнымъ; центральное правительство не обращало на нихъ никакого вниманія; поэтому не было одной опредѣленной системы народнаго образованія и статистики его; но передъ революціей было уже сознано, сколь важно для благосостоянія народа не оставлять его въ невѣжествѣ; окружныя тетради (les cahiers des bailliages), составленныя третьимъ сословіемъ въ 1789 году, почти всѣ требуютъ введенія опредѣленной системы образованія. Поэтому и учредительное, и законодательное собраніе, и конвентъ много занимались народнымъ образованіемъ. Комитетъ о «призрѣніи бѣдныхъ» учредительнаго собранія, представляя проектъ закона о бѣдныхъ, высказался, что недостаточно давать помощь старикамъ и калѣкамъ, но что гораздо важнѣе — дать ребенку образованіе, которое можетъ сдѣлать производительной работу взрослаго, предупредить бѣдность и возвысить за-разъ и матеріальныя, и нравственныя условія народной жизни.

Въ первой главѣ конституціи 1791 написано, какъ одно изъ положеній новаго французскаго общества: «будетъ создано и организовано общественное образованіе, одинаковое для всѣхъ

Digitized by Google

гражданъ, безплатное въ частяхъ образованія, необходимыхъ для всѣхъ людей; учебныя заведенія будутъ равномѣрно расположены по территоріи королевства». Исполненіе этого постановленія было предоставлено законодательному собранію. По труднымъ обстоятельствамъ времени и краткости своего существованія, оно не успѣло сдѣлать никакихъ распоряженій, но съ сочувствіемъ слушало докладъ Кондорсе, вдохновленный лучшими идеями того времени.

Конвентъ объявилъ народное образованіе первою обязанностью государства къ гражданамъ и ассигновалъ на это дѣло 20 милліоновъ франковъ, извиняясь за столь малую цифру тяжелыми денежными обстоятельствами. Но внѣшнія войны не позволили ему выполнить своего обѣщанія. Усиліямъ Кондорсе и нѣсколькихъ другихъ дѣятелей, Франція обязана закономъ, который конвентъ вотировалъ въ двухъ послѣднихъ своихъ засѣданіяхъ 3 и 4 брюмера IV года. По этому закону дѣлалось обязательнымъ для каждаго кантона содержать, по крайней мѣрѣ, одну школу, гдѣ учили бы читать, писать, считать и общимъ основаніямъ республиканской морали. Этотъ законъ, гарантировавшій Франціи извѣстный минимумъ школъ,—былъ почти все, что̀ было сдѣлано во время первой революціи для народнаго образованія. Но съ другой стороны, вслѣдствіе гражданскихъ смутъ и внѣшнихъ войнъ, много школъ закрылось — или потому, что учителя пошли въ армію, или потому, что были изгнаны, какъ члены духовныхъ конгрегацій. Тѣмъ не менѣе, Лаканаль, извѣстный астрономъ того времени, свидѣтельствуетъ въ докладѣ конвенту (флореаль, III г.), что во Франціи существуетъ 20,500 школъ. Неизвѣстно, откуда взята имъ эта цифра; до нашего времени сохранились подробныя свѣдѣнія о школахъ только изъ 99 округовъ. Эти округа, при населеніи въ 2.915,404 человѣка, имѣли 3,486 школъ; если принять эту цифру за среднюю для всей Франціи, получимъ число школъ для нея въ 28,935, или одну на 835 жителей.

Этотъ выводъ, хотя даетъ, вѣроятно, число преувеличенное, но показываетъ, что во Франціи были мѣстности, гдѣ дѣло народнаго образованія было поставлено довольно удовлетворительно; цифра же Лаканаля, при сближеніи ея съ цифрами 99 округовъ, даетъ понять, что во Франціи были мѣстности, почти лишенныя школъ.

Въ періодъ консульства и первой имперіи, центральное правительство только два раза вспомнило о народныхъ школахъ. Въ первый разъ въ 1802 г., въ законѣ 11 флореаля X г., который предоставляетъ выборъ учителей мэру и муниципальнымъ

Digitized by Google

совѣтамъ, а содержаніе ихъ—родителямъ учениковъ; это было только подтвержденіемъ давно существовавшаго факта. Во второй — въ законѣ 17 мая 1808 г., который, давая организацію всѣмъ учебнымъ заведеніямъ Франціи, упоминаетъ въ VI разрядѣ маленькія школы, гдѣ учатъ читать, писать и первымъ правиламъ счета, и возвращаетъ духовнымъ конгрегаціямъ право вновь открыть ихъ школы.

Кромѣ этихъ двухъ разъ, народная школа не поминается болѣе центральнымъ правительствомъ: она была предоставлена общинамъ. Наполеонъ заговорилъ объ ней только во время Ста дней. Тогда, по докладу Карно онъ издалъ декретъ объ учрежденіи образцовой школы въ Парижѣ, началъ говорить о важности первоначальнаго образованія для улучшенія положенія общества, и выразилъ свое желаніе «поднять эти учрежденія на высоту вѣка».

Въ періодъ реставраціи, правительство также очень мало занималось народнымъ образованіемъ и ограничилось двумя законами, которые остались почти только на бумагѣ. Французская статистика новѣйшаго времени, на основаніи альманаховъ, издававшихся въ нѣкоторыхъ департаментахъ, вычисляетъ цифру школъ для 1821 г. въ 28,236; первая точная оффиціальная статистика въ 1829 году даетъ 30,536 школъ для 38,135 общинъ королевства. Эти цифры нельзя сравнивать съ цифрами временъ конвента и между собою, такъ-какъ онѣ не относятся строго къ однѣмъ и тѣмъ же категоріямъ учрежденій и основаны на данныхъ различной точности; но онѣ все-таки указываютъ на нѣкоторый прогрессъ въ дѣлѣ народнаго образованія, который былъ слѣдствіемъ обращенія лучшихъ силъ страны къ мирной дѣятельности; на это, конечно, имѣли вліяніе и два упомянутые закона періода реставраціи. Первый изъ нихъ, законъ Кювье, обязалъ каждую общину имѣть собственную отдѣльную школу для мальчиковъ, или войти въ соглашеніе съ сосѣдними для содержанія школы сообща. Второй законъ, Ноэля, въ 1820 г. распространилъ предъидущее постановленіе и на дѣвочекъ. Впрочемъ, никто не былъ сдѣланъ отвѣтственнымъ за неисполненіе ихъ, и не было оказано помощи бѣднымъ общинамъ.

При іюльской монархіи, народное образованіе сдѣлало значительные успѣхи. Революція 1830 года наслѣдовала отъ Карла X 30,000 школъ и передала второй республикѣ 63,000 школъ [1])—возрастаніе, безпримѣрное въ исторіи Франціи. При-

[1]) Приводимъ вообще круглыя цифры, отбрасывая дроби.

Digitized by Google

чиной его было, кромѣ общаго матеріальнаго преуспѣянія страны, увеличеніе политической свободы и законъ 1833 года, который далъ жизнь двумъ законамъ предъидущаго періода и сталъ какъ-бы хартіей народнаго образованія. Онъ опредѣлилъ, какая доля расходовъ падаетъ на общину, департаментъ и государство; средства на школу брались чрезъ прибавку нѣсколькихъ сантимовъ къ налогамъ въ пользу общины—коммунальные школьные сантимы; къ налогамъ въ пользу департамента—сантимы департаментскіе. Они взыскивались вмѣстѣ съ прочими податями. Далѣе, законъ точно опредѣлилъ долю участія родителей учениковъ въ содержаніи школы и назначилъ извѣстный минимумъ жалованья учителю. Учрежденіе школы сдѣлалось очень простымъ: требовалось только желаніе общины нести извѣстный расходъ. Благодаря этому закону, всѣ сколько-нибудь значительныя общины обзавелись школами или собственными, такъ называемыми, публичными, или частными, по условіямъ съ частными лицами. Законъ этотъ носитъ имя Гизо.

Дѣятельность іюльской монархіи не ограничивалась изданіемъ этого закона, хотя его одного было-бы достаточно, чтобы сдѣлать эпоху въ народномъ образованіи. Государственные люди того времени много хлопотали о немъ; они опубликовали статистическія свѣдѣнія о народномъ образованіи, относящіяся къ царствованію Карла X; чрезъ посредство учрежденныхъ финансовыми законами 1834 и 1837 гг. инспекторовъ и ихъ помощниковъ, составили первую подробную статистику народнаго образованія, чѣмъ уяснили потребности Франціи въ этомъ отношеніи. Власть инспекторовъ была еще совершенно ничтожна, ограничиваясь, главнымъ образомъ, собираніемъ разныхъ свѣдѣній: община была еще господиномъ своей школы.

Вотъ цифры возрастанія числа школъ и учениковъ по двумъ крайнимъ годамъ этого періода:

Года.	Число учениковъ.	На 10,000 жителей учениковъ.	Число школъ всѣхъ категорій.
1829	1.357,000	417	30,536
1847	3.530,000	997	63,761

Число учителей къ концу этого періода превысило уже 75,000 чел.

Народное образованіе, очевидно, сдѣлало большіе успѣхи въ этотъ періодъ. Но эти цифры даютъ еще не все, что было сдѣлано. Рядомъ съ возрастаніемъ числа школъ шло ихъ матеріальное улучшеніе и усиленіе ихъ вліянія на народъ. Эти обстоя-

Digitized by Google

тельства не легко поддаются статистикѣ, но о нихъ можно составить понятіе по числу построекъ, сдѣланныхъ для школъ, и по числу курсовъ для взрослыхъ, учрежденныхъ при школахъ. Въ 1830 году только около одной трети изъ всего числа школъ, владѣли спеціально для этой цѣли приспособленнымъ помѣщеніемъ и самою необходимою мебелью; остальныя были помѣщены очень плохо — часто въ овинахъ или старыхъ конюшняхъ. Къ 1850 году уже 28,000 школъ (т.-е. около половины) имѣли болѣе или менѣе удовлетворительныя помѣщенія, нарочно для нихъ выстроенныя или приспособленныя; заслуга столь быстраго умноженія школьныхъ домовъ принадлежитъ въ значительной степени Гизо, который считалъ пріобрѣтеніе собственнаго помѣщенія важнѣйшимъ шагомъ въ развитіи школы. Курсы для безграмотныхъ взрослыхъ были учреждены въ это время при очень многихъ школахъ. Первая мысль учрежденія такихъ курсовъ относится еще къ первымъ годамъ XVIII вѣка и принадлежитъ аббату де-ла-Саллю, основателю ордена Frères des écoles chrétiennes. Но въ 1830 году во всей Франціи насчитывалось такихъ курсовъ только 12; въ 1847 году они были устроены при 6,877 школахъ, т.-е. при одной изъ 9, и имѣли больше 100,000 учениковъ. Число этихъ курсовъ, какъ увидимъ, можетъ служить нѣкоторымъ мѣриломъ умственнаго уровня учителей и степени ихъ вліянія на народъ.

Послѣ событій 1870—1871 годовъ, на французовъ посыпались обвиненія, что они не способны къ здравой школьной дѣятельности, что они любятъ больше заниматься политикой и общими вопросами, чѣмъ разработкою частностей и прозаическимъ мелкимъ трудомъ. Но внимательное разсмотрѣніе исторіи послѣдняго столѣтія показываетъ, что это отнюдь не противорѣчитъ одно другому. Совершенно напротивъ: періоды сильнаго политическаго возбужденія были періодами нравственнаго и умственнаго роста и успѣховъ народнаго образованія, а время наполеоновскаго «порядка» было если не временемъ упадка, то чрезвычайно медленнаго роста народнаго образованія. Наполеоновская реакція стала съ недовѣріемъ относиться къ народному образованію и избѣгать гласности въ этомъ дѣлѣ: статистическія свѣдѣнія переставали публиковаться; учителя, которые увлеклись политикой и участвовали въ февральскомъ движеніи, стали считаться неблагонамѣренными и должны были покинуть свои школы, число которыхъ, быстро возроставшее до тѣхъ поръ, стало уменьшаться, и съ 63,761 (въ 1847 г.) упало до 60,579 въ 1850 г.

Чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ этого періода,

Digitized by Google

упомянемъ въ двухъ словахъ о школьныхъ законахъ при президентствѣ Наполеона и второй имперіи. Основной законъ, управлявшій народнымъ образованіемъ въ это время, былъ законъ 15-го марта 1850 г. Во главѣ народнаго образованія былъ поставленъ высшій совѣтъ—conseil supérieur. Этотъ совѣтъ, засѣдавшій въ Парижѣ подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, состоялъ изъ 27 человѣкъ. Въ него входило 7 человѣкъ духовныхъ (4 католическихъ епископа, 1 священникъ реформатской церкви, 1 аугсбургскаго исповѣданія, 1 раввинъ), 9 правительственныхъ чиновниковъ (3 члена государственнаго совѣта, 3 члена кассаціоннаго суда, 3 члена института); эти 16 человѣкъ выбирались своими товарищами; изъ остальныхъ 11-ти трое были назначаемыми изъ представителей свободнаго обученія, т.-е. тоже изъ лицъ духовныхъ, и 8 изъ чиновниковъ министерства; послѣдніе восемь составляли «постоянную секцію» и подготовляли проекты для обсужденія въ совѣтѣ. Такимъ образомъ совѣтъ являлся чисто административнымъ учрежденіемъ—помощникомъ министра при разработкѣ подробностей, и не могъ имѣть никакой самостоятельной инициативы; онъ былъ то же что нашъ ученый комитетъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Непосредственно за «высшимъ совѣтомъ» стояли «академіи», въ каждомъ департаментѣ, и при нихъ «департаментскіе совѣты». Академія состояла изъ ректора и нѣсколькихъ инспекторовъ; ректоръ могъ быть и не изъ лицъ учебнаго персонала, но обязанъ былъ имѣть среднее образованіе. Департаментскій совѣтъ состоялъ изъ ректора-предсѣдателя, одного инспектора, префекта, епископа, одного представителя протестантской церкви и одного раввина, 4-хъ членовъ суда, 2-хъ членовъ, взятыхъ изъ состава генеральнаго совѣта, и еще двухъ лицъ по благоусмотрѣнію; всѣ они назначались министромъ.

Декретомъ 9-го марта 1852 года, эта организація нѣсколько измѣнена, именно: избирательные члены высшаго совѣта сдѣлались членами по назначенію; уничтожена постоянная секція этого совѣта, и между департаментами и министромъ поставлена промежуточная ступень.

Вся Франція была раздѣлена на 16 округовъ. Во главѣ каждаго изъ нихъ была «академія». Каждая академія состояла изъ инспекторовъ, декановъ факультетовъ и 3-хъ духовныхъ членовъ по назначенію министра; предсѣдателемъ былъ ректоръ. Департаментскій совѣтъ пользовался прежними правами и состоялъ изъ тѣхъ же членовъ, кромѣ предсѣдателя, которымъ былъ префектъ. Назначеніе и увольненіе учителей предоставлено было пре-

Digitized by Google

фекту; отъ него же зависѣло награжденіе учителя и дисциплинарное наказаніе его.

Такимъ образомъ, во главѣ народнаго образованія были поставлены люди, чуждые школьному дѣлу и далекіе, по своимъ симпатіямъ и роду своей дѣятельности, отъ пониманія народныхъ нуждъ.

Результатъ этихъ мѣропріятій былъ печальный; число школъ и учителей уменьшалось; умственный уровень преподавателей понизился; они сдѣлались усердными помощниками префектовъ при выборахъ, писарями мэровъ; ухудшилось въ общемъ и ихъ матеріальное положеніе, которое стало зависѣть отъ подачекъ префекта.

Хорошо подготовленные учителя стали не нужны, и вмѣсто непрерывнаго возрастанія учительскихъ семинарій, мы видимъ ихъ уменьшеніе. Въ періодѣ 1850 — 1870 гг., несмотря на увеличеніе народонаселенія и присоединеніе двухъ провинцій, число семинарій съ 76 въ 1847 году, упало на 72 въ 1870 году. Приращеніе школьныхъ домовъ стало слабѣе: между тѣмъ, какъ въ періодъ 1833—1850 гг. число школьныхъ домовъ возросло съ 10 до 28 тысячъ, въ періодъ 1850 — 1872 гг. оно дошло только до 39. Число курсовъ для взрослыхъ начало падать, и въ 1863 году вмѣсто 6,877 курсовъ 1847 года находимъ только 5,186. Этотъ упадокъ долженъ быть приписанъ, главнымъ образомъ, исчезновенію собственной иниціативы учителей и пониженію ихъ умственнаго уровня.

Но не надо думать, чтобы французская администрація бездѣйствовала; она издала массу постановленій, разъясненій, циркуляровъ, которые должны были замѣнить живое отношеніе къ дѣлу въ нашемъ учебномъ персоналѣ; и, несмотря на развившуюся промышленность и возраставшее народонаселеніе, число школъ достигло только до 70,000 въ 1866 году. Въ этомъ числѣ находятся притомъ школы Савойи и Ниццы, гдѣ въ моментъ присоединенія этихъ областей (1860 г.) ихъ было 1,726. Увеличеніе оказывается весьма небольшое. Но это составляетъ только часть явленія; другая его сторона выясняется при разсмотрѣніи элементовъ, изъ которыхъ составлялась общая сумма школъ въ различные періоды.

II.

Всѣ школы во Франціи раздѣляются на два разряда: общественныя и частныя; тѣ и другія распадаются въ свою очередь на свѣтскія и школы духовныхъ конгрегацій. Чтобы видѣть, какъ

Digitized by Google

измѣнялось отношеніе между этими двумя разрядами школъ въ различное время, воспользуемся данными изъ прекрасной работы французскаго министерства: Statistique de l'enseignement primaire, 1880, и приведемъ цифры двухъ крайнихъ годовъ:

	Школы.		Ученики.		Учителя.	
Года.	Свѣтскія.	Конгрег.	Свѣтск.	Конгрег.	Свѣтск.	Конгрег.
1843	52,092	7,613	2.457,380	706,917	58,577	16,958
1876—77	51,657	19,890	2.648,562	2.068.373	64,025	46,684

Изъ подробныхъ цифръ видно, что число школъ, учениковъ и учителей вообще возростало, но школы конгрегацій умножались скорѣе. Дѣйствительно, здѣсь цифры возросли съ 12,7% до 27,8% для школъ, съ 22% до 43% для учениковъ и съ 21% до 41% для учителей въ періодъ съ 1843 до 1846 г. Чѣмъ объясняется это явленіе въ странѣ, имѣющей репутацію свободомыслія? Прежде всего представляется объясненіе, что причиною было покровительство, оказываемое конгрегаціямъ второй имперіей. Конгрегаціи послѣ первой революціи вновь основывались во Франціи вслѣдъ за декретомъ 17 марта 1808 г., и до 1847 успѣли завести до 7,600 школъ съ 700,000 учен.; въ слѣдующее затѣмъ двадцатилѣтіе онѣ увеличиваютъ число своихъ школъ на десять тысячъ и число учениковъ на 900,000 человѣкъ. По средней цифрѣ годичнаго возрастанія въ первый періодъ, мы имѣли бы приращеніе самое большее—на 4,000 школъ съ 400,000 учениковъ; излишекъ противъ этого, съ нѣкоторымъ правомъ, можетъ быть приписанъ перемѣнѣ режима.

Начавшаяся вскорѣ послѣ февральской революціи реакція подчинила школы департаментскимъ совѣтамъ съ префектомъ во главѣ. Послѣдніе, подготовляя декабрьскій переворотъ или защищая его, стали предъявлять къ учителямъ такія требованія, на которыя не каждый учитель, оставаясь вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, могъ согласиться. Уважающіе себя люди стали покидать школы; мѣста ихъ занимались людьми, болѣе податливыми и услужливыми. Чтобы добыть учителей, не пренебрегали и людьми мало-образованными; для занятія учительскаго мѣста было достаточно представить только свидѣтельство отъ священника; умственный уровень преподавателей понизился—понизились и успѣхи учениковъ; преподаватель, извѣстный *съ хорошей стороны* префекту, могъ не дорожить этими успѣхами: положеніе его и безъ нихъ было обезпечено. Однимъ словомъ, режимъ второй имперіи создалъ для свѣтскихъ общественныхъ школъ *подборъ плохихъ учителей*.

Digitized by Google

Иначе сложились условія для школъ конгрегацій: имъ благопріятствовала поддержка правительства, духъ собственной иниціативы, проявляющійся въ католицизмѣ въ настоящее время, и отсутствіе конкурренціи со стороны свѣтскихъ учителей. По 4-му параграфу закона 1852 года: каждый разъ, когда свѣтскій учитель умираетъ, выходитъ въ отставку или увольняется, происходитъ выборъ между двумя классами учителей, когда коммунальная школа свѣтская; въ школахъ конгрегацій этой перемѣны управленія произойти не можетъ. Этотъ параграфъ до самаго послѣдняго времени давалъ конгрегаціямъ лишній шансъ въ борьбѣ съ свѣтскими учителями.

Другое важное постановленіе въ законѣ 1850 г. разрѣшало общинамъ, вмѣсто открытія собственной школы, входить въ соглашеніе съ частными учителями и открывать вмѣсто общественной школу частную (école libre). Такъ какъ открытіе этихъ послѣднихъ для общинъ обходилось безъ хлопотъ и дешевле, если веденіе ихъ ввѣрялось конгрегаціямъ, то многія общины предпочли имѣть частныя школы, ввѣривъ ихъ конгрегаціямъ. Такимъ образомъ, явилось множество школъ частныхъ, замѣняющихъ общественныя.

По цифрамъ статистическимъ, свѣтскія школы въ 40 лѣтъ, 1837—77 г., увеличили свой учебный персоналъ съ 48,000 до 64,000, что составляетъ увеличеніе на $^1/_3$; конгрегаціи въ тотъ же періодъ съ 11,000 до 46,000—болѣе чѣмъ учетверили его и изъ $^1/_5$ общаго числа поднялись почти до половины.

Для числа учениковъ въ первый разъ имѣются детальныя данныя за 1843 годъ. Въ 1843 году ученики конгрегаціонныхъ школъ составляли менѣе 25% всѣхъ учениковъ и меньше $^1/_3$ учениковъ свѣтскихъ школъ. Въ 1876—1877 годахъ они составляли 44% общаго числа учениковъ и почти $^4/_5$ числа учениковъ свѣтскихъ школъ. Въ свѣтскихъ школахъ, за 1843—77 г., число учениковъ возросло меньше, чѣмъ на $^1/_{10}$; въ школахъ конгрегацій оно почти утроилось. Такимъ образомъ, начавъ вновь свою дѣятельность послѣ того, какъ декретъ конвента отъ 3-го и 4-го брюмера IV года, изгонявшій законъ Божій изъ школъ, былъ въ силѣ цѣлыя 15 лѣтъ, ордена захватываютъ въ свои руки воспитаніе почти половины дѣтей цѣлой Франціи.

Католическое духовенство давно должно было бороться за сохраненіе стариннаго преобладанія надъ умами народа. Пока королевская власть была сильна, духовенство старалось захватить въ свои руки воспитаніе высшихъ сословій. Теперь оно начало искать поддержки въ народѣ и энергически взялось за

Digitized by Google

народную школу. Этимъ путемъ духовенству удалось собрать вокругъ себя нѣкоторые элементы народной массы и сдѣлаться представителемъ ихъ интересовъ и ихъ міровоззрѣнія. Отсюда—сила духовенства и его независимость отъ центральной власти. Это основывается, конечно, также на устойчивости въ характерѣ народа, высказавшейся и въ тѣхъ слояхъ, которые чувствуютъ себя солидарными съ духовенствомъ, и на способности ихъ организоваться. Въ населеніи политически-безправномъ, не могущемъ или не умѣющемъ отстаивать свои взгляды, каковы бы они ни были, духовенство не можетъ быть сильно, если только не опирается на привилегіи, данныя центральною властью.

Исторія французскихъ конгрегацій въ послѣднее столѣтіе даетъ возможность замѣтить довольно легко этотъ общественный элементъ ихъ значенія. Возьмемъ для примѣра одну изъ самыхъ популярныхъ и самыхъ многолюдныхъ теперь конгрегацій Frères des écoles chrétiennes. Основатель этого ордена, де-ла-Салль (1651—1710), задавшись высокою цѣлью учить бѣдныхъ [1]), роздалъ свое имѣніе и увлекъ своимъ примѣромъ нѣсколько послѣдователей. Вотъ главнѣйшіе пункты статута, образовавшагося въ 1680 г. братства. Члены братства образуютъ общество, назначеніе котораго давать безплатное обученіе дѣтямъ; обученіе должно быть христіанскимъ и состоять только изъ чтенія, письма, счета и черченія. Орденъ управляется начальникомъ и его помощниками, образующими совѣтъ. И тотъ и другіе выбираются капитуломъ ордена, члены совѣта—на 10 лѣтъ, начальникъ—пожизненно. Директоры и инспекторы школъ назначаются начальникомъ ордена. Умирая, де-ла-Салль оставилъ 20 домовъ въ различныхъ городахъ Франціи съ 7,400 учениками. Послѣ его смерти орденъ продолжалъ возрастать, пользуясь покровительствомъ королей. Ко времени революціи, онъ имѣлъ во Франціи и Италіи около 100 домовъ съ 45,000 учениковъ [2]). Декретъ 1790 г., уничтожившій всѣ духовные ордена во Франціи, не коснулся этого ордена. Онъ былъ закрытъ только послѣ, декретомъ 18 августа 1792 г. Но въ 1802 г. разсѣянные члены общества опять берутся за дѣло и основываютъ нѣсколько школъ. Наполеонъ послѣ коронованія началъ явно покровительствовать ордену; въ 1806 году освободилъ его членовъ отъ воинской повинности, а 1808 г. призналъ его статуты, позволилъ ему строить дома и учреждать школы.

---

[1]) Armand Rabelet, Histoire du vénérable Jean Baptiste de-Lasalle. Paris. 1874.

[2]) Poujoulat, Vie du Frère Philippe. Tours. 1875.

Digitized by Google

По декрету 3 и 4 брюмера IV года предметами первоначальнаго обученія во Франціи сдѣланы были чтеніе, письмо, счетъ и элементы «республиканской морали»; обученіе религіозное было изгнано изъ школъ. Декретъ 1808 года не вводилъ еще религіознаго обученія, но изгналъ уже республиканскую мораль. Frères des écoles chrétiennes первые ввели религіозное обученіе, стараясь «возродить нравы и вѣру отцовъ». Наполеонъ не мѣшалъ имъ. Съ этого времени конгрегація начинаетъ развиваться и часто встрѣчаетъ поддержку правительства. Въ концѣ прошлаго столѣтія, послѣ столѣтняго существованія, орденъ едва имѣлъ 100 домовъ и до 45,000 учениковъ; нынѣ это братство имѣетъ 2,157 школъ съ 20,000 взрослыхъ учениковъ, съ 4,332 изучающими ремесла, съ 12,000 пансіонеровъ, до 5,000 полу-пансіонеровъ, и до 300,000 безплатныхъ учениковъ-дѣтей; все число учениковъ достигаетъ 355,000. Кромѣ того, братство имѣетъ учрежденія для сиротъ, глухо-нѣмыхъ и т. п. Изъ всѣхъ учрежденій и учениковъ конгрегаціи на Францію приходится $^5/_6$; остальная $^1/_6$ приходится на Канаду, Бельгію, Тунисъ, Индію, Мадагаскаръ и пр. Братство имѣетъ теперь 12,000 членовъ [1]). По неимѣнію данныхъ для другихъ конгрегацій, мы не можемъ сдѣлать для нихъ подобнаго сравненія. Но общая цифра школъ и учениковъ всѣхъ конгрегацій къ нашему времени чрезвычайно возросла.

Объясненіе этого успѣха мы уже указывали въ измѣненіи положенія католическаго духовенства. Въ прошломъ столѣтіи духовенство, обезпеченное въ своемъ преобладающемъ положеніи абсолютною королевскою властью, мало думало о сочувствіяхъ народа и не имѣло почти никакой опоры въ немъ; но потерявъ поддержку центральнаго правительства, оно должно было опереться на народныя массы, и успѣло въ этомъ [2]). Вѣрующіе католики, а ихъ множество во Франціи, сгруппировались около духовенства и притянули многихъ, которымъ казалось, что ихъ интересы солидарны съ интересами католичества. Это возрожденіе религіознаго чувства и политическое искусство духовенства должны были дать конгрегаціямъ перевѣсъ въ борьбѣ съ свѣт-

[1]) Statistique de l'institut des Frères des écoles chrétiennes. 31 decembre 1879.

[2]) Оно любитъ теперь говорить о любви къ простому народу и упрекать своихъ противниковъ въ холодности къ нему и лицемѣріи. Въ доказательство оно любитъ дѣлать выдержки изъ сочиненій Вольтера; напримѣръ: „слѣдуетъ вести народъ, а не учить его; онъ недостоинъ этого". Письмо отъ 17 марта 1766 года. „Мнѣ кажется необходимымъ, чтобы бѣдняки были невѣжественны; учить надо не рабочихъ, а горожанъ". Письмо 1 апр. 1766 г. „Народъ подобенъ быкамъ, которые нуждаются въ палкѣ, ярмѣ и сѣнѣ". Письмо 17 апр. 1766 г.

Digitized by Google

скими учителями. Притомъ члены орденовъ, особенно же Frères des écoles chrétiennes умѣли пріобрѣсти репутацію опытныхъ педагоговъ; этой репутаціи много способствовало присутствіе въ орденахъ даровитыхъ образованныхъ людей, и свобода, которая была предоставлена имъ въ школахъ и которой не было у свѣтскихъ учителей.

Какъ ни странно можетъ показаться, но конгрегаціи были убѣжищемъ свободы преподаванія. Правительственная регламентація въ нихъ не проникала; учителя, правда, подчинены были дисциплинѣ ордена, и должны были дѣйствовать въ его духѣ, но разъ это совпадало съ убѣжденіями учителя, онъ могъ совершенно свободно и самостоятельно работать надъ выработкой лучшихъ методовъ. Это было основаніемъ новыхъ успѣховъ ихъ школы. Всемірныя выставки показали, что ордена успѣли кое-что сдѣлать: Frères des écoles chrétiennes получили медали или почетные отзывы за свои книги и учебныя пособія. Въ недавно учрежденномъ педагогическомъ музеѣ въ Парижѣ, изданія духовныхъ конгрегацій занимаютъ весьма почетное мѣсто.

Итакъ, причиной успѣховъ школъ конгрегацій надо считать: пробужденіе духа иниціативы въ католицизмѣ, покровительство законовъ, плохое положеніе свѣтскихъ учителей и, явившееся слѣдствіемъ этого, превосходство конгрегаціонныхъ школъ въ преподаваніи.

III.

Начало послѣдняго десятилѣтія было однимъ изъ самыхъ тяжкихъ моментовъ во французской исторіи. Вслѣдъ за иностраннымъ нашествіемъ и междоусобною войною выступила на сцену новая опасность,—опасность государственнаго переворота. Лишь съ паденіемъ «министерства нравственнаго порядка», окончательно спали оковы съ Франціи, тяготѣвшія надъ ней съ 1852 года, и она вздохнула свободно. Съ этого времени начинается усиленная работа въ области народнаго образованія—сначала въ обществѣ, потомъ въ законодательствѣ. Въ 1879, для обсужденія проекта закона, составленнаго Бародэ и его сотоварищами, была образована парламентская коммиссія. Въ декабрѣ этого года коммиссія внесла въ палату проектъ новаго закона, обнимавшій всѣ стороны первоначальнаго народнаго образованія [1]). Часть

[1]) La loi de l'enseignement primaire (proposition Barodet). Rapport présenté à la chambre des députés par P. Bert. Paris, 1880.

Digitized by Google

проекта уже утверждена обѣими палатами; остальное должно было стать предметомъ ихъ обсужденія въ слѣдующую сессію и имѣло всѣ шансы быть принятымъ. Этотъ законъ, кромѣ чисто-мѣстнаго французскаго интереса, замѣчателенъ еще тѣмъ, что представляетъ первую въ Европѣ, со стороны великаго государства, рѣшительную попытку построить законодательство о народной школѣ въ полномъ соотвѣтствіи съ новѣйшими требованіями общественной жизни, и можетъ быть названъ первымъ искренно-либеральнымъ закономъ о народномъ образованіи во Франціи.

Обязательность, безплатность, свѣтскость—вотъ три основныя и нераздѣльныя положенія новаго закона: безплатность и свѣтскость необходимыя слѣдствія обязательности. Едва ли нужно доказывать, какъ естественна обязательность воспитывать дѣтей и что государственная польза, въ широкомъ смыслѣ слова, требуетъ этого. Кто можетъ отрицать у государства право требовать, чтобы отцы давали дѣтямъ извѣстный минимумъ образованія? Не заинтересовано ли государство, чтобы каждый проявлялъ возможно большую часть умственныхъ силъ, которыя даны ему природою, и увеличивалъ, такимъ образомъ, общую сумму производительности и богатства народа. Не заинтересовано ли государство, которое есть только собирательное выраженіе желаній и интересовъ всѣхъ гражданъ,—не оставаться въ условіяхъ низшихъ, чѣмъ указываетъ природа и организація общественной жизни? Не заинтересовано ли оно, чтобы каждый занималъ мѣсто по своимъ природнымъ способностямъ? Не есть ли это необходимое условіе внутренняго спокойствія, крѣпости и мира? Наконецъ, нѣтъ ли высшаго государственнаго интереса въ возвышеніи уровня общественной нравственности и не доказано ли, что этотъ уровень неразрывно связанъ съ уровнемъ народнаго образованія?

Новый французскій проектъ принимаетъ обязательность обученія за исходную точку всего закона. Онъ состоитъ изъ шести главъ, въ 109 параграфахъ. Первая глава устанавливаетъ раздѣленіе первоначальныхъ школъ на три разряда: écoles enfantines, écoles primaires и supérieures, и учебные предметы ихъ. Глава вторая обязываетъ всѣхъ дѣтей, въ возрастѣ отъ шести до тринадцати лѣтъ посѣщать школу. Дѣти могутъ быть освобождены отъ посѣщенія школы въ послѣдній обязательный годъ, если представятъ certificat d'études; дѣти, получающія домашнее воспитаніе, обязаны каждый годъ подвергаться соотвѣтственному экзамену; родители или заступающіе ихъ мѣсто, въ случаѣ неиспол-

Digitized by Google

неніи этого закона, подвергаются наказанію отъ выставленія имени на доскѣ у мэріи до денежнаго штрафа.

Каждая община съ пятьюстами жителей обязана имѣть одну школу для мальчиковъ и одну для дѣвочекъ; департаментскій совѣтъ можетъ, однако, разрѣшить и общинамъ съ 500 и болѣе жителей имѣть одну только смѣшанную школу для обоихъ половъ; дѣтскія школы должны быть учреждены въ общинахъ, имѣющихъ 2,500 жителей. Высшія народныя школы должны быть основаны въ каждомъ кантонѣ по одной. Завѣдываніе дѣтскими школами по закону принадлежитъ женщинамъ, которыя завѣдуютъ и школами для дѣвочекъ низшими и высшими, и школами смѣшанными; остальныя ведутся мужчинами; въ мужскія школы могутъ быть допущены женщины въ качествѣ помощницъ учителя подъ условіемъ близкаго родства съ нимъ.

Для пополненія учительскаго персонала, каждый департаментъ обязанъ имѣть двѣ учительскія семинаріи (écoles normales), мужскую и женскую, съ достаточнымъ числомъ пансіонеровъ. При каждой нормальной школѣ должна существовать первоначальная школа. Для подготовленія директоровъ и директрисъ нормальныхъ школъ должны быть учреждены курсы въ нѣкоторыхъ городахъ Франціи; въ одной изъ нормальныхъ школъ каждаго учебнаго округа (académie) должны быть учреждены спеціальные годичные курсы для подготовленія профессоровъ нормальныхъ школъ и инспекторовъ, и инспектрисъ народныхъ школъ; на эти курсы допускаются лица, имѣющія высшія свидѣтельства (brevet supérieur) и бывшія преподавателями въ начальныхъ школахъ, по крайней мѣрѣ, одинъ годъ.

Наблюденіе надъ всѣмъ педагогическимъ дѣломъ страны распадается на двѣ отдѣльныя системы; одна коллегіальная, выборная, другая административная, съ министромъ во главѣ. «Высшій совѣтъ» состоитъ теперь изъ 39 членовъ подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія. Въ него входятъ два депутата и два сенатора, по выбору товарищей, пять членовъ, по выбору каждой изъ пяти академій, 12-ти профессоровъ, по выбору университетовъ, юридической, медицинской, фармацевтической школъ, трехъ учителей высшей нормальной школы, восьми человѣкъ, по выбору всѣхъ членовъ средняго образованія во Франціи, шести членовъ, по выбору избирательнаго корпуса, составленнаго изъ инспекторовъ школъ, директоровъ и директрисъ нормальныхъ школъ, и двухъ членовъ отъ каждаго изъ департаментскихъ совѣтовъ. Такой составъ совѣта гарантируетъ сосредоточеніе въ немъ всѣхъ лучшихъ педагогическихъ силъ Франціи и собираетъ въ

Digitized by Google

нѣмъ самыхъ компетентныхъ лицъ во всѣхъ отрасляхъ учебнаго дѣла. Члены среднихъ учебныхъ заведеній всей Франціи, напр., образуютъ отдѣльный многочисленный избирательный корпусъ; избранными могутъ быть и не принадлежащіе къ этимъ корпораціямъ; выборы эти, правда, нѣсколько затруднительны и потребовали на первый разъ перебалотировки, такъ-какъ только двое собрали достаточное число голосовъ; вторая балотировка дала вполнѣ удовлетворительный результатъ [1]). Новый совѣтъ, избираемый на 6 лѣтъ, представляетъ высшій педагогическій авторитетъ республики, и декреты по предметамъ педагогики, издаваемые министромъ, подписываются имъ ниже этого совѣта. Всѣ новые проекты законовъ принадлежатъ совѣту, и черезъ него проходятъ всѣ мѣры по учебному дѣлу. Духъ новаго учрежденія хорошо выраженъ въ рѣчи министра, который сказалъ, между прочимъ, что новое управленіе резюмируется въ слѣдующихъ словахъ, которыя суть формула логики и здраваго смысла: «управленіе учебнымъ дѣломъ принадлежитъ людямъ науки» [2]).

Кромѣ этого высшаго законодательнаго учрежденія, при министрѣ народнаго просвѣщенія находится совѣщательный комитетъ. Онъ раздѣляется на три отдѣла по тремъ родамъ образованія: отдѣлъ высшаго образованія состоитъ изъ инспекторовъ, ректоровъ и профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній государства; отдѣлъ средняго образованія—изъ главныхъ инспекторовъ средняго образованія, главныхъ инспекторовъ живыхъ языковъ, изъ вице-ректора парижской академіи и директора высшей нормальной школы; отдѣлъ первоначальнаго образованія—изъ главныхъ инспекторовъ первоначальнаго образованія (titulaires, honoraires, hors cadres ou délégués), вице-ректора парижской академіи,

---

[1]) Достаточно назвать нѣкоторыхъ только членовъ его, чтобы убѣдиться въ этомъ: Бертело, Жюль Симонъ, Бертранъ, Бреаль, Фюстель-де-Куланжъ, Лабуле, Фреми, Вюльціанъ и друг.

[2]) Говоря о проектѣ новаго закона, по которому три первые класса среднихъ школъ должны быть *безъ* древнихъ языковъ, слѣдующіе три съ *однимъ* латинскимъ и только послѣдніе три класса съ обоими древними языками, министръ дѣлаетъ слѣдующее разумное замѣчаніе о „классической“ системѣ: „Французскій характеръ,—говорилъ онъ,—имѣетъ счастливое свойство сохранять среди возрастающаго индустріализма свѣтлое и благотворное наслѣдство двухъ великихъ цивилизацій древности, которыя дали новѣйшему обществу все, что оно имѣетъ лучшаго: культъ любви добра, идеи и формулы права; но здѣсь же является и опасность, что образованіе, забывая свой вѣкъ и его методы, не съумѣетъ приспособиться къ новымъ нуждамъ и будетъ стремиться дать обществу, которое проситъ только согласоваться съ нимъ, вмѣсто системы, способной образовать людей, пріемы для выработки поверхностныхъ ученыхъ и плохихъ грамматиковъ“.

Digitized by Google

директора педагогическаго музея, директора нормальной парижской школы, директрисы дѣтскихъ школъ, одной инспектрисы этихъ школъ. Эти отдѣлы даютъ свое мнѣніе о повышеніи служащихъ въ министерствѣ учителей, инспекторовъ и пр. и по всѣмъ вопросамъ, которые имъ будутъ предложены министромъ.

Такимъ образомъ, высшая власть надъ учебнымъ дѣломъ въ государствѣ принадлежитъ двумъ коллегіямъ, составленнымъ изъ лучшихъ учебныхъ силъ страны; министръ народнаго просвѣщенія есть только первый членъ высшаго совѣта, который является истиннымъ распорядителемъ всего учебнаго дѣла страны. За высшимъ совѣтомъ слѣдуютъ департаментскіе совѣты, кантональные комитеты и муниципальныя школьныя коммисіи.

«Департаментскій совѣтъ» состоитъ изъ департаментскаго директора предсѣдателя, директора и директрисы нормальныхъ школъ, нѣсколькихъ генеральныхъ совѣтниковъ, по одному изъ каждаго округа по выбору генеральнаго совѣта, нѣсколькихъ лицъ по выбору директоровъ первоначальныхъ школъ, по одному отъ каждаго округа, и, наконецъ, одного инспектора и одной инспектрисы по выбору закрытой балотировкой остальными членами совѣта. Префектъ или его представитель могутъ участвовать въ засѣданіяхъ совѣта, если находятъ это нужнымъ; избирательные члены назначаются на три года и могутъ быть избраны вновь. Департаментскій совѣтъ наблюдаетъ за исполненіемъ предписаній высшаго совѣта и выполненіемъ программъ, утверждаетъ правила, касающіяся внутренняго строя заведеній для первоначальнаго обученія, обсуждаетъ отчеты и предложенія кантональныхъ комитетовъ и школьныхъ муниципальныхъ коммиссій, даетъ свое заключеніе о реформахъ, которыя полезно ввести въ преподаваніе, о наградахъ учителямъ, о пособіяхъ школамъ; обсуждаетъ отчетъ департаментскаго директора о состояніи и нуждахъ нормальныхъ школъ и о частныхъ школахъ. Эти отчеты и сужденія о нихъ совѣтъ препровождаетъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Члены совѣта имѣютъ право инспектировать всѣ учебныя учрежденія департамента.

«Кантональные комитеты» учреждаются въ каждомъ кантонѣ и состоятъ изъ генеральнаго совѣтника предсѣдателя, одного или нѣсколькихъ окружныхъ кантональныхъ совѣтниковъ, директора и директрисы публичной школы, избираемыхъ всѣмъ учебнымъ персоналомъ кантона; изъ коммунальныхъ делегатовъ кантона по одному изъ каждыхъ 5 общинъ, съ тѣмъ, однако, чтобы число ихъ не было меньше трехъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ муни-

Digitized by Google

ципальныхъ школьныхъ коммиссій кантона. Члены комитета избираются на три года.

Инспекторъ и инспектриса округа имѣютъ право участвовать съ совѣщательнымъ голосомъ въ засѣданіяхъ комитета; члены комитета имѣютъ право инспектировать всѣ заведенія первоначальнаго обученія; каждая школа должна быть посѣщена, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ каждые три мѣсяца однимъ изъ членовъ комитета. Кантональный комитетъ даетъ свое заключеніе по слѣдующимъ вопросамъ: объ открытіи новыхъ школъ; соединеніи общинъ для содержанія вмѣстѣ одной школы; объ учрежденіи высшихъ первоначальныхъ школъ и школъ дѣтскихъ тамъ, гдѣ это не прямо обязательно по закону (т.-е. свыше нормы одной высшей школы въ кантонѣ и одной дѣтской школы въ каждой общинѣ съ населеніемъ бо́льшимъ $2^1/_2$ тысячъ), и объ улучшеніяхъ, которыя онъ находитъ полезнымъ ввести въ школы; разрѣшаетъ открывать школы для совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ; учреждаетъ курсы для взрослыхъ; опредѣляетъ начало уроковъ и продолжительность ихъ, продолжительность вакацій, и составляетъ ежегодно отчетъ о состояніи школъ и преподаванія въ кантонѣ и препровождаетъ его въ департаментскій совѣтъ. Кантональному комитету принадлежитъ окончательное право вводить въ школы предметы сверхъ обязательныхъ, напр., иностранные языки, ремесла и пр.

Въ каждой общинѣ существуетъ «муниципальная школьная коммиссія». Эта коммиссія выбирается каждый годъ муниципальнымъ совѣтомъ и равна, самое бо́льшее, третьей части его членовъ; но члены коммиссіи могутъ и не принадлежать къ муниципальному совѣту. Коммиссія наблюдаетъ главнымъ образомъ за исполненіемъ закона объ обязательности обученія, о чемъ и даетъ департаментскому директору отчетъ каждые три мѣсяца; коммиссія заботится о школьныхъ домахъ и учебныхъ принадлежностяхъ; члены ея имѣютъ право посѣщать публичныя и частныя школы общины.

Рядомъ съ этой системой общественнаго контроля, существуетъ другая — административная, зависящая отъ министра. Она поставлена въ параллель съ только-что описанной: высшее лицо администраціи, министръ — параллельно высшему совѣту; затѣмъ департаментскій директоръ — параллельно департаментскому совѣту; наконецъ инспекторъ — параллельно кантональному комитету. Такимъ образомъ, рѣзкость или нерадивость одного изъ о́ргановъ администраціи всегда встрѣтитъ противодѣйствіе въ какомъ-нибудь избирательномъ коллегіальномъ учрежденіи.

Digitized by Google

Департаментскій директоръ имѣетъ обязанность управлять первоначальнымъ образованіемъ; онъ назначается декретомъ президента республики и можетъ быть уволенъ тѣмъ же путемъ, но только по заключенію высшаго совѣта; министръ, въ случаѣ надобности, можетъ удалить временно директора отъ должности; департаментскіе директора раздѣляются на три класса; классъ связанъ съ лицомъ, а не съ мѣстомъ; повышеніе изъ одного класса въ другой можетъ имѣть мѣсто только послѣ трехъ лѣтъ пребыванія въ предъидущемъ. Директору подчинены инспектора; проектъ предполагаетъ ихъ столько, чтобы на каждаго приходилось осмотрѣть не больше ста школъ въ годъ; кромѣ того, предполагается учредить въ каждомъ департаментѣ нѣсколько инспектрисъ для осмотра женскихъ школъ и пансіоновъ. Инспектора раздѣляются тоже на три класса и назначаются министерскими приказами. Для полученія инспекторскаго мѣста нужно имѣть высшій дипломъ учителя или степень бакалавра и заниматься, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ публичнымъ преподаваніемъ и, кромѣ того, сдать установленное спеціальное испытаніе. Для этихъ испытаній каждый годъ назначается коммиссія изъ пяти лицъ; испытанія бываютъ двухъ родовъ, устныя и письменныя. Письменныя производятся въ главныхъ городахъ департаментовъ въ два послѣдовательные дня, одновременно для всей Франціи; они состоятъ изъ двухъ вопросовъ: одинъ—по педагогикѣ, другой—по школьной администраціи; сочиненія при протоколахъ засѣданія препровождаются къ министру; вышепоименованная коммиссія разсматриваетъ ихъ и допускаетъ достойныхъ къ устному испытанію.

Устныя испытанія раздѣляются на двѣ части: теоретическую и практическую. Теоретическая есть экзаменъ, обнимающій все, что входитъ въ понятіе педагогики [1]).

---

[1]) Вотъ ея программа:

1. Воспитаніе (главные принципы).—*Воспитаніе физическое.* Общая гигіена. Игры и упражненія дѣтей. Гимнастика.—*Воспитаніе чувствъ.* Упражненія въ наблюдательности.—Воспитаніе *умственное.* Понятіе объ умственныхъ способностяхъ. Ихъ развитіе въ различные возрасты. Ихъ воспитаніе и ихъ приложеніе къ различнымъ родамъ знаній. Роль памяти, сужденія, умозаключенія, воображенія. Метода; ея различные процесы: анализъ и синтезъ, индукція и дедукція.—*Воспитаніе нравственное.* Желаніе, свобода человѣка, изучаемая въ ребенкѣ, *совѣсть* (conscience morale), отвѣтственность, обязанности. Отношеніе между обязанностями и правами. Воспитаніе чувствительности въ ребенкѣ. Измѣненіе характера и образованіе привычекъ. Естественное различіе инстинктовъ и характеровъ.

2. Школа (воспитаніе и обученіе въ обществѣ).

Школы дѣтскія (Salles d'asile). Школы первоначальныя, элементарныя и вис-

Digitized by Google

Практическая часть состоитъ въ инспектированіи какого-нибудь учебнаго заведенія и словесномъ тотчасъ послѣ этого отчетѣ.

По окончаніи всѣхъ испытаній, коммиссія препровождаетъ къ министру списокъ лицъ, которыя могутъ получить мѣсто инспектора [1]).

Полученіе всѣхъ вообще должностей по министерству народнаго просвѣщенія и увольненіе не есть дѣло чьего-либо личнаго произвола, а обставлено точными правилами. Для полученія мѣста учителя начальнаго училища требуется экзаменъ (окончаніе курса въ нормальной школѣ не избавляетъ отъ него) и пребываніе въ должности помощника учителя въ теченіи 2-хъ лѣтъ. Разъ утвержденный директоромъ въ должности, учитель можетъ быть смѣщенъ только по соглашенію департаментскаго совѣта и директора. Въ мотивахъ этого постановленія высказана именно забота объ интересахъ самаго дѣла и забота о томъ, чтобы до-

---

шія. Дополнительные курсы.—*Матеріальная организація.* Помѣщеніе и мебель. Учебныя принадлежности. Коллекціи. Библіотеки.—*Педагогическая организація.* Раздѣленіе учениковъ на классы; употребленіе времени; классные журналы; формы обученія; воззрѣніе; наглядность обученія; объясненіе; вопросы; упражненія устныя, письменныя, задачи и ихъ исправленія; школьныя прогулки. Ученіе о способахъ, приложенныхъ къ преподаванію каждой изъ частей программы.

Экзамены. Свидѣтельство о первоначальномъ образованіи (certificat d'études primaires). Сочиненія и конкурсы.

Дисциплина. Награды, наказанія; соревнованіе, чувство собственнаго достоинства у ребенка.—Личное вліяніе учителя и условія для его дѣйствительности; власть его и отношенія къ ученикамъ и семействамъ.

8. Исторія педагогики.

Главные педагоги и ихъ ученія; разборъ важнѣйшихъ работъ по этой отрасли.

Испытаніе по этой программѣ обязательно и для желающихъ получить мѣсто директора или директрисы нормальныхъ школъ. Только для нихъ условія допущенія къ экзамену другія—обязательное пребываніе извѣстнаго числа лѣтъ въ должности учителя или этихъ школъ, или другихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

[1]) Въ „Revue Pédagogique" за 1880 г. находимъ свѣдѣнія о первыхъ экзаменахъ на эти должности. Всѣхъ, подвергшихся испытаніямъ, было 182 человѣка. Изъ педагогики для письменнаго отвѣта былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: „Съ сожалѣніемъ приходится видѣть, что большое число учителей и учительницъ, вскорѣ послѣ вступленія въ должность, теряютъ любовь къ личнымъ занятіямъ науками, вносятъ въ свои классы охладѣвшее усердіе, довольствуются посредственными результатами и наконецъ дѣлаются жертвою рутины. Изслѣдовать причины этого зла и указать главныя средства для его исцѣленія". Къ устнымъ испытаніямъ были допущены 67 человѣкъ. Но изъ нихъ только 19 человѣкъ выдержали эти испытанія: именно 13 мужчинъ и 6 женщинъ. Ничтожный процентъ сдавшихъ экзаменъ обусловливается серьёзными свѣдѣніями, которыя требовались на устномъ испытаніи. Списокъ вопросовъ, предложенныхъ на устномъ испытаніи, показываетъ, что сдавшіе экзаменъ должны быть знакомы хорошо не только съ современными теоріями воспитанія, но и съ ихъ подробной исторіей.

Digitized by Google

стойный учитель могъ найти себѣ оцѣнку, поддержку, а также и защиту отъ несправедливыхъ нападеній.

Большинство коммиссіи склонилось къ мнѣнію поставить учителей въ положеніе общее для всѣхъ чиновниковъ государства, принадлежатъ ли они къ учебному вѣдомству или другимъ частямъ управленія, т.-е. предоставить ихъ назначеніе ихъ іерархическимъ начальникамъ,—именно департаментскимъ директорамъ. Но учитель не будетъ сразу окончательно назначаемъ въ свою должность: онъ долженъ прежде этого заниматься, по крайней мѣрѣ, два года въ общественной школѣ. Дѣйствительно, свидѣтельство, которое онъ имѣетъ, совершенно достаточно для доказательства познаній и даже педагогическихъ способностей его, но это свидѣтельство не можетъ показать, владѣетъ ли онъ тѣми многочисленными качествами, которыя справедливо требуются отъ учителя. Для учителя недостаточно однихъ теоретическихъ познаній; терпѣніе, настойчивость, любовь къ порядку суть качества, не менѣе необходимыя для него въ виду учениковъ; не говоря уже о другихъ качествахъ, необходимыхъ при сношеніяхъ съ родителями и властями. Обо всѣхъ этихъ качествахъ экзаменъ не можетъ дать никакихъ указаній. По окончаніи двухъ-лѣтняго періода, учитель можетъ быть или уволенъ, или утвержденъ. Разъ это послѣднее сдѣлано, онъ уже гарантированъ отъ произвола. Директоръ, конечно, имѣетъ право дисциплинарныхъ взысканій, которое простирается даже до двухъ-мѣсячнаго удаленія отъ должности. Но эта мѣра оставлена только какъ предосторожность, а не какъ наказаніе: при обвиненіи въ дѣйствіяхъ, которыя по своему свойству опасны для школьной дисциплины или нравовъ, рискованно оставлять завѣдываніе школой лицу, которое не можетъ совершенно ясно опровергнуть обвиненій. Но временное удаленіе отъ должности есть всегда начало разбирательства, которое должно происходить предъ департаментскимъ совѣтомъ. Настоящія же дисциплинарныя наказанія—пониженіе въ классѣ, отозваніе—требуютъ необходимо участія департаментскаго совѣта. То же самое и въ отношеніи выговоровъ, когда они даются публично; директору остаются замѣчанія, болѣе или менѣе строгія, которыя всякій старшій имѣетъ право давать младшимъ себя устно или письменно. Кромѣ этого, удерживаются только двѣ степени дисциплинарныхъ взысканій; одно отличается отъ обыкновеннаго замѣчанія только существованіемъ оффиціальной бумаги, сохраняемой въ столѣ учителя и не публикуемой, а другое, болѣе тяжкое, вносимое въ Bulletin administratif scolaire и объявляемое директоромъ предъ департаментскимъ совѣтомъ; эта

Digitized by Google

формальность есть гарантія, что подобное наказаніе не можетъ быть налагаемо легкомысленно. Для пониженія въ классѣ должности приняты еще большія предосторожности. Учитель лично вызывается въ совѣтъ, обвиненіе вручается ему письменное и не можетъ быть анонимнымъ, т.-е.: нельзя сказать учителю, что про него говорятъ,—надо сказать, кто именно; учитель можетъ защищаться, и только послѣ его защиты совѣтъ высказываетъ свое заключеніе на предложеніе директора. Директоръ можетъ, съ своей стороны, согласиться съ заключеніемъ совѣта и понизить учителя. Но, въ случаѣ такого столкновенія между совѣтомъ и директоромъ, послѣдній долженъ предоставить совершенно удовлетворительныя объясненія своего образа дѣйствій министру и общественному мнѣнію. Въ случаѣ отозванія, учителю дана еще новая гарантія отъ этого тяжелаго наказанія. Апелляціонный трибуналъ можетъ отмѣнить постановленіе директора. Этотъ трибуналъ засѣдаетъ въ главныхъ академическихъ городахъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Онъ состоитъ изъ четырехъ членовъ, назначаемыхъ каждый годъ министромъ и находящихся, слѣдовательно, въ согласіи съ настроеніемъ общества цѣлой Франціи и взятыхъ изъ учащаго персонала — товарищей, въ высшей области, обвиняемаго учителя, т.-е. профессоровъ факультетовъ и лицеевъ. Такимъ образомъ, трибуналъ соединяетъ въ себѣ качества авторитета, независимости и снисхожденія къ обвиняемому, который долженъ явиться передъ нимъ лично.

Законъ 1850 года различалъ два вида увольненія: — увольненіе съ правомъ впослѣдствіи заниматься преподаваніемъ и увольненіе безъ этого права. Это различіе теперь уничтожается: такъ-какъ всякое отрѣшеніе мотивируется постановленіемъ компетентнаго трибунала, было на обсужденіи департаментскаго совѣта, и поводы увольненія изложены обстоятельно въ бумагахъ учителя, то каждый можетъ самъ судить о степени и родѣ опасности, которой подвергаются дѣти въ случаѣ приглашенія уволеннаго учителя.

Рядомъ съ наказаніями стоятъ награды. Они состоятъ изъ повышенія въ классѣ и награжденій медалями. Остается упомянуть о содержаніи учителей. Оно измѣняется отъ 800 до 2,200 франковъ; учителя раздѣляются на 4 класса; классъ связанъ съ личностью учителя, а не мѣстомъ; причина этого постановленія совершенно понятна; если школы, какъ это у насъ, раздѣлены по служебнымъ выгодамъ учителей на нѣсколько группъ, то смѣна учителей и переводъ ихъ изъ одной школы въ другую является дѣломъ обыкновеннымъ; при ограниченномъ числѣ школъ

Digitized by Google

повышеніе однихъ часто невозможно безъ пониженія другихъ; это разрушаетъ товарищество между учителями и часто склоняетъ учителей на особую откровенность о своихъ товарищахъ при разговорѣ съ инспекторомъ. Въ каждомъ классѣ содержаніе представляетъ колебанія на 200—300 франковъ, это позволяетъ увеличивать содержаніе учителя еще до повышенія его въ слѣдующій классъ, такъ, однако, что максимумъ содержанія въ данномъ классѣ на 100 франковъ меньше минимума въ слѣдующемъ. Директора и директрисы первоначальныхъ школъ получаютъ къ своему классному содержанію добавку въ 300 франковъ. Содержаніе учителей и учительницъ сравнено совершенно.

Высшій окладъ назначенъ въ 2,200 франковъ. Но это назначеніе не уменьшитъ окладовъ въ тѣхъ общинахъ (напримѣръ, въ Парижѣ), гдѣ въ настоящее время учителя получаютъ больше; напротивъ, парламентская коммиссія надѣется, что соревнованіе общинъ по увеличенію содержанія выше упомянутой цифры будетъ продолжаться и впредь, какъ это было доселѣ. Но и безъ этого учитель можетъ увеличить свое содержаніе: полученіе высшаго диплома даетъ прибавку, въ 300 франковъ; курсы для взрослыхъ даютъ также право на прибавку, и наконецъ полученіе медали даетъ опредѣленный ежегодный доходъ. Такимъ образомъ, по вычисленію парламентской коммиссіи содержаніе, достигнуть котораго можетъ надѣяться въ 32 годамъ всякій учитель, есть 3,000 франковъ при готовой квартирѣ.

Такимъ образомъ, въ положеніи народнаго учителя во Франціи произойдетъ коренная перемѣна; учитель перестанетъ быть лицомъ подчиненнымъ чьему-либо произволу. Онъ станетъ лицомъ обезпеченнымъ матеріально и подчиненнымъ точному закону. Увольненіе отъ должности за малую услужливость или «превратный образъ мыслей» сдѣлается невозможнымъ. На это измѣненіе въ положеніи учителя всего болѣе разсчитываютъ для поднятія нравственнаго и умственнаго уровня въ обществѣ. Французы не разсчитываютъ при этомъ на мелочную регламентацію учебнаго дѣла и предоставляютъ ее почти всецѣло учителямъ или кантональнымъ съѣздамъ учителей. Они держатся совершенно вѣрнаго взгляда, что успѣхъ школы зависитъ не отъ того или другого учебника и метода, а отъ любви учителя къ дѣлу, отъ его энергіи и его умственнаго уровня. Парламентская коммиссія видитъ лучшее средство къ поднятію народнаго образованія въ возвышеніи учителя, въ широкомъ самоуправленіи и самодѣятельности учащаго сословія.

Въ этомъ отношеніи большую роль должны играть канто-

Digitized by Google

нальныя педагогическія конференціи или съѣзды. Эти конференціи [1]) учреждаются въ каждомъ кантонѣ по распоряженію «академіи». Два или больше кантона могутъ соединиться для этого; учителя и учительницы могутъ образовать одну общую конференцію; предсѣдательство принадлежитъ инспектору академіи или, въ случаѣ его отсутствія, инспектору школъ (inspecteur primaire). Члены конференціи выбираютъ каждый годъ изъ своей среды вице-предсѣдателя и секретаря. Здѣсь обсуждаются всѣ теоретическіе и практическіе вопросы обученія. Въ послѣднее засѣданіе каждаго учебнаго года конференція предлагаетъ вопросы для обсужденія въ слѣдующемъ году. Списокъ этихъ вопросовъ въ возможно маломъ промежуткѣ времени утверждается и публикуется инспекторомъ академіи.

Посѣщеніе конференцій обязательно для всѣхъ учителей публичныхъ школъ; учителя частныхъ школъ тоже могутъ бывать на нихъ; мѣсто и время открытія конференцій зависитъ отъ академіи. Эти конференціи не похожи, однако, на наши съѣзды, гдѣ собранные учителя въ теченіе мѣсяца отданы, какъ въ школѣ, въ распоряженіе инспектора и другихъ руководителей, и только обязываются заучивать указанія старшихъ. Кантональный съѣздъ имѣетъ болѣе важное назначеніе: ему принадлежитъ ближайшее завѣдываніе школьнымъ дѣломъ кантона относительно методовъ и книгъ. Высшій совѣтъ въ засѣданіи 17-го іюня 1880 года [2]) предоставилъ кантональнымъ съѣздамъ важное право выбора книгъ. По этому новому закону, каждый годъ, въ каждомъ департаментѣ составляется списокъ книгъ, которыя могутъ быть допущены къ употребленію въ первоначальныхъ низшихъ и высшихъ публичныхъ школахъ. Для этого учителя и учительницы кантона собираются въ одно особенное засѣданіе для сужденія о книгахъ, которыя они считаютъ годными для допущенія къ употребленію въ школахъ. Составленные такимъ образомъ во всѣхъ кантонахъ списки пересылаются инспектору академіи. Коммиссія, засѣдающая въ главномъ городѣ департамента, подъ предсѣдательствомъ инспектора академіи, изъ инспекторовъ, директоровъ и директрисъ нормальныхъ школъ и изъ учителей этихъ учрежденій пересматриваетъ кантональные списки и составляетъ каталогъ книгъ для департамента. Здѣсь и находится гарантія противъ ошибокъ, въ которыя можетъ впасть отдѣльный учитель.

[1]) Arrêté relatif aux conférences pédagogiques des instituteurs et institutrices publics. Journal de l'instr. № 24, 1880.

[2]) Arrêté relatif aux livres classiques en usage dans les écoles primaires publiques.

Digitized by Google

Въ мотивахъ этого постановленія «высшій совѣтъ» замѣчалъ, что для такой большой и разнообразной страны, какъ Франція, нелѣпо поручать одному центральному учрежденію судить о томъ, что̀ полезнѣе для школы даннаго кантона въ виду его особенностей культурныхъ и промышленныхъ; притомъ обязанность учителей самимъ обдумывать способы веденія дѣла, самимъ выбирать книги и методы, и необходимость публично передъ товарищами защищать свой выборъ—должна дѣйствовать лучше всякаго, составленнаго самыми компетентными людьми, регламента.

Не то мы видимъ и читаемъ у насъ. Особый комитетъ, одинъ на цѣлыя двѣ части свѣта, засѣдающій на краю имперіи, состоящій въ большинствѣ изъ лицъ, не только нивогда не занимавшихся въ народной школѣ, но часто и вообще никакимъ учебнымъ или ученымъ дѣломъ, считаетъ себя въ правѣ предписывать мельчайшія подробности веденія преподаванія во всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ-какъ введеніе учебника опредѣляетъ методъ преподаванія. Благодаря этому, часто случается, что человѣкъ, только по какой-нибудь статьѣ составившій себѣ понятіе о дѣлѣ, но твердо увѣровавшій въ свой взглядъ, связываетъ по рукамъ и по ногамъ всѣхъ, которые дѣйствительно трудятся для дѣла народнаго образованія въ различныхъ безвѣстныхъ уголкахъ громадной имперіи.

IV.

Нынѣшнее французское правительство, задавшись цѣлью возбудить самодѣятельность общества и учительскаго персонала въ дѣлѣ народнаго образованія, старается уяснить дѣйствительное состояніе его въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи и тѣмъ возбудить соревнованіе на этомъ поприщѣ между ними. На этомъ пути ему предшествуютъ либеральныя преданія іюльской монархіи. Еще Монталивѣ, министръ народнаго просвѣщенія іюльской монархіи, находилъ страннымъ, что когда каждый годъ публикуютъ отчеты о движеніи торговли, о числѣ осужденныхъ и т. п., ничего не пишутъ о движеніи народнаго образованія. «Полная статистика первоначальнаго образованія,—писалъ онъ въ ноябрѣ 1831 года,—есть средство ускорить во Франціи прогрессъ цивилизаціи: таблицы, публикуемыя въ опредѣленныя эпохи, будутъ показывать нѣкоторымъ образомъ французскій народъ во всѣхъ его шагахъ на дорогѣ усовершенствованій и сдѣлаются для насъ

Digitized by Google

какъ-бы страницами, послѣдовательно издаваемыми въ свѣтъ, самой полезной и самой интересной изъ всѣхъ исторій — исторіи народнаго воспитанія, которая есть также исторія его умственнаго развитія, исторія нравовъ, вообще исторія развитія лучшихъ сторонъ народной жизни». Этому министру принадлежитъ первая попытка созданія точной статистики народнаго образованія, съ этой широкой точки зрѣнія. Долгій опытъ подобнаго рода во Франціи, въ періодъ времени, столь обильный событіями въ ея политической и экономической жизни, можетъ быть весьма поучителенъ и для другихъ народовъ, особенно для насъ, у которыхъ правильная статистика народнаго образованія есть еще дѣло будущаго. Укажемъ здѣсь требованія, которыя предъявляются теперь къ ней во Франціи; требованія эти ясно формулированы въ отчетѣ статистической коммиссіи первоначальнаго образованія, состоящей изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ Франціи подъ предсѣдательствомъ Левассёра.

Коммиссія опредѣлила задачу статистики въ трехъ вопросахъ: 1) Каковы нужды страны въ отношеніи народнаго образованія? 2) Какія мѣры приняты для ихъ удовлетворенія? 3) Какое употребленіе дѣлаетъ населеніе изъ средствъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе?

Нужды страны въ отношеніи народнаго образованія опредѣляются, конечно, главнымъ образомъ числомъ дѣтей школьнаго возраста. Но для точнаго сужденія о дѣлѣ при сравненіи различныхъ провинцій или государствъ, этого еще недостаточно; нужно принять во вниманіе два обстоятельства, которыя имѣютъ прямое вліяніе на потребность въ школахъ и которыя даютъ тождественнымъ цифрамъ разное значеніе: это съ одной стороны отношеніе числа дѣтей къ общему числу жителей, съ другой — густота населенія и способъ распредѣленія его по территоріи. Разсѣянное народонаселеніе нуждается сравнительно въ бо́льшемъ числѣ школъ, чѣмъ населеніе густое. Страна, гдѣ число дѣтей велико сравнительно съ числомъ жителей, должна употребить больше усилій, чѣмъ та, гдѣ это число мало. Къ этому надо прибавить топографическое и климатическое положеніе, экономическое состояніе, бытовыя особенности каждой мѣстности; все это обстоятельства, которыя, хотя ихъ нельзя занести въ статистическія таблицы, существенно измѣняютъ школьныя нужды и средства къ ихъ удовлетворенію. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ есть разница не только между сельскимъ населеніемъ и городскимъ, но также между населеніемъ большого и маленькаго города, большой и маленькой деревни; что́ легко для однихъ, бываетъ

Digitized by Google

трудно для другихъ. Поэтому коммиссія дѣлитъ статистику на городскую (включая въ число городовъ всѣ общины, имѣющія, по крайней мѣрѣ, 2000 человѣкъ населенія) и сельскую. Коммиссія высказывается за необходимость болѣе подробной группировки общинъ по ихъ величинѣ, но пока не выполняетъ этого за недостаткомъ данныхъ.

Указывая число дѣтей школьнаго возраста, способъ ихъ распредѣленія и условія ихъ жизни, должно дать свѣдѣнія объ учебныхъ заведеніяхъ, объ ихъ числѣ, величинѣ и качествѣ. Такимъ образомъ, статистика изслѣдуетъ: 1) число, родъ и матеріальное положеніе школъ; 2) число и подраздѣленія классовъ; 3) число, гражданское состояніе и ученое званіе учителей и учительницъ.

Цифры школъ, классовъ и учителей тѣсно связаны между собою и одинаково служатъ для оцѣнки средствъ, открытыхъ населенію для образованія дѣтей; но эти средства, какъ и нужды населенія, должны быть сравниваемы съ общей цифрою населенія, съ цифрою дѣтей школьнаго возраста, съ густотою населенія и его распредѣленіемъ по территоріи. Къ школамъ въ тѣсномъ смыслѣ слова нужно прибавить школы для приготовленія учителей, школы для маленькихъ дѣтей (salles d'asile), школы для взрослыхъ, ремесленныя, библіотеки народныя и школьныя, свѣдѣнія о различныхъ проявленіяхъ жизни, которыя даютъ санкцію образованію: свидѣтельства на различныя званія, подписи подъ брачными контрактами, свѣдѣнія о грамотности въ арміи и т. п. Также существенно важно знать, во что обходится населенію веденіе школьнаго дѣла вообще и одинъ грамотный.

Въ вопросѣ *объ употребленіи*, которое населеніе дѣлаетъ изъ школъ, нужно различать число учениковъ, внесенныхъ въ школьные списки, и число дѣйствительно посѣщающихъ школу. Ни то, ни другое изъ этихъ чиселъ, конечно, не можетъ быть абсолютно точнымъ. При опредѣленіи числа внесенныхъ въ списки учениковъ, что́ нужно принять за мѣру времени одного вписыванья: учебный годъ, семестръ, мѣсяцъ, день? И въ послѣднемъ случаѣ будетъ ли это одинъ опредѣленный день или среднее дневное вписыванье? Всѣ эти способы имѣютъ нѣкоторыя неудобства; во французскихъ статистикахъ 1864 и 1867 г. за періодъ принятъ гражданскій годъ; учитель составлялъ списокъ наличныхъ учениковъ 1-го января и затѣмъ вписывалъ въ теченіе года новыхъ учениковъ по мѣрѣ ихъ поступленія. Это даетъ, очевидно, сильно преувеличенный результатъ, такъ какъ здѣсь считается и число учениковъ, оставившихъ школу.

Digitized by Google

Таковъ былъ способъ статистики при второй имперіи, и это надо имѣть въ виду при сравненіи цифръ этого періода съ цифрами позднѣйшими.

Отъ подобной ошибки преувеличенія не избавленъ и другой изъ упомянутыхъ періодовъ—учебный годъ. Здѣсь не можетъ, правда, случиться внесенія въ одинъ списокъ учениковъ, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ школьнымъ періодамъ. Но этотъ способъ даетъ отвѣтъ только на вопросъ, сколько дѣтей перешло черезъ школу. Кто изъ нихъ посѣщалъ школу одинъ мѣсяцъ, кто десять, узнать невозможно, всѣ записаны вмѣстѣ. Ясно, что сравненіе такимъ образомъ полученнаго числа учащихся съ общимъ числомъ дѣтей даетъ пропорцію, очень благопріятную, и можетъ также подать поводъ къ иллюзіямъ, если принять это отношеніе за выраженіе вѣроятной степени образованія страны.

Первый способъ исправить эти результаты, это—разбить общую годовую сумму на мѣсячныя. Если окажется, что всѣ мѣсячные итоги равны приблизительно между собою и недалеко отстоятъ отъ годовой суммы, то это покажетъ устойчивость школьнаго населенія и удостовѣритъ, что оно посѣщало школу круглый учебный годъ. Если мѣсячные итоги равны между собой, но гораздо ниже годового, это значитъ, что выходъ учениковъ изъ школы пополняется вновь поступившими, т.-е. что часть учениковъ покидаетъ школу каждый мѣсяцъ и замѣняется новыми. Разность показываетъ величину частнаго возобновленія школы; большая разность покажетъ, что значительная часть учениковъ остается въ школѣ только не надолго. Напр., возьмемъ классъ съ 50 мальчиками, который даетъ въ годовомъ спискѣ 100 учениковъ: это значитъ, что классъ сполна возобновился въ теченіе года. Чтобы болѣе приблизиться къ истинѣ, нужно уменьшать періодъ, принятый за единицу. Швейцарія приняла за единицу внесенія въ списки и присутствія въ школѣ день, или лучше сказать половину учебнаго дня. Ученикъ, не пропустившій ни одного дня въ недѣлю (въ недѣлѣ 5 учебныхъ дней) даетъ 10 вписываній и десять посѣщеній. Другой, пропустившій 2 учебныхъ дня, даетъ 10 вписываній и 6 посѣщеній; эта система сильно уменьшаетъ число двойныхъ вписываній (въ двухъ различныхъ школахъ), особенно, если предположить, что родители извѣщаютъ всякій разъ о причинѣ отсутствія ихъ дѣтей. Этотъ методъ даетъ точное состояніе школы изо-дня въ день, но представляетъ великія неудобства въ исполненіи и налагаетъ на учителей и администрацію трудную работу. Во Фран-

Digitized by Google

ціи все-таки остановились на ней, но на 1876—77 года были приняты всѣ три метода статистики для того, чтобы можно было найти, болѣе или менѣе, точное отношеніе между данными, полученными по различнымъ способамъ, и получить возможность сравнивать цифры, полученныя по прежнимъ способамъ, съ цифрами новѣйшими.

Французская школьная статистика изслѣдуетъ три числа: вписываніе и присутствіе въ школѣ годовое, мѣсячное и дневное; распредѣленіе этихъ трехъ чиселъ статистика изучаетъ по возрасту, по полу, по роду школъ. Эти данныя потомъ сравниваются съ числомъ дѣтей каждой категоріи. Но эти сравненія даютъ ли мѣру степени образованія, которой достигаетъ населеніе? Очевидно, нѣтъ. Нужно сдѣлать еще очень тонкія и трудныя изслѣдованія для того, чтобы опредѣлить число дѣтей, которыя въ концѣ года научились читать, писать, считать или пріобрѣли ту или другую степень познаній. Вторая имперія хотѣла рѣшить этотъ вопросъ, поручивъ дѣло учителямъ и инспекторамъ. Нынѣ отказались отъ этой попытки. Коммиссія рѣшилась ограничиться одними положительными, легко повѣряемыми фактами: сколько школъ, учителей, сколько учениковъ, записанныхъ въ теченіе года, въ теченіе каждаго мѣсяца, каждаго дня. Эти свѣдѣнія, хотя и не избавлены отъ погрѣшностей, менѣе чѣмъ другія подвержены произвольнымъ искаженіямъ.

Приводимъ изъ французской оффиціальной статистики нѣсколько данныхъ, которыя допускаютъ интересныя сближенія съ нашими и даютъ общее представленіе о народномъ образованіи во Франціи.

1) *Потребность населенія въ школахъ.* Франція въ декабрѣ 1876 года имѣла 36,905,000 жителей; въ томъ числѣ дѣтей школьнаго возраста (отъ 6 до 13 лѣтъ) 2,278,000 мальчиковъ и 2.224,000 дѣвочекъ, всего 4,502,000 человѣка, т.-е. на сто жителей—дѣтей школьнаго возраста 12,2; это число распадается на двѣ части: для части городской приходится на 100 жителей 11,53, для сельской 12,67%. Что касается распредѣленія населенія по территоріи и числа дѣтей на квадратный километръ, то при выводѣ этихъ цифръ надо выкинуть департаменты, содержащіе большіе города; за исключеніемъ ихъ, среднее для всей Франціи число будетъ 70 жителей и въ ихъ числѣ 9 человѣкъ дѣтей школьнаго возраста (отъ 6 до 13 лѣтъ) на одинъ квадратный километръ. Самый неблагопріятный въ этомъ отношеніи департаментъ, Нижнихъ Альпъ, имѣетъ 20 жителей и 2 дѣтей на квадратный километръ. При разсмо-

Digitized by Google

трѣніи въ подробностяхъ Франціи въ этомъ отношеніи оказывается, что сотня жителей въ разныхъ частяхъ ея должна учить различное число дѣтей, различно распредѣленныхъ по территоріи. Такимъ образомъ, въ различныхъ мѣстностяхъ должно употреблять и разныя усилія, и содержать различное число школъ для одного и того же числа дѣтей и одного и того же числа жителей; понятно, что бѣдное, разсѣянное по маленькимъ разбросаннымъ деревушкамъ, населеніе должно содержать сравнительно больше школъ, чѣмъ населеніе богатое, живущее въ городкахъ и мѣстечкахъ, расположенныхъ близко другъ отъ друга. Эта разница доходитъ до того, что на одно и то же число жителей приходится содержать школъ въ пять разъ больше. Напримѣръ, департаментъ Верхнія-Альпы и Лозеръ должны обучать каждыхъ 15 дѣтей, распредѣленныхъ на 5 квадратныхъ километрахъ; въ Финистерре тоже число дѣтей, сгруппированное на одномъ километрѣ. Дѣйствительно, первые департаменты по числу школъ занимаютъ первое мѣсто, а Сенскій (съ Парижемъ) — послѣднее. Но было бы ошибочно заключать, что сенскій департаментъ есть послѣдній по постановкѣ народнаго образованія.

При этомъ важно еще замѣтить другое распредѣленіе—*по общинамъ*. Въ сельской части департаментовъ среднее число дѣтей на одну общину 80—90, въ части городской—600; а въ сельской части число дѣтей на одну общину колеблется отъ 256 (Finistérre) до 40 (Haute-Marne). Это уже показываетъ, что въ каждомъ департаментѣ «община» и «школа» имѣютъ разное значеніе. Понятно, что департаменты, гдѣ община должна воспитывать 200 человѣкъ дѣтей, будутъ бѣдны школами сравнительно съ тѣми, которыя должны воспитывать 40 или 50 дѣтей, но есть вѣроятность, что обученіе будетъ поставлено въ первыхъ лучше и съ матеріальной, и съ педагогической стороны.

2) Французская статистика въ вопросѣ *о средствахъ* образованія даетъ абсолютное число школъ, классовъ и учителей; процентное отношеніе ихъ на 1,000 жителей, и на 1000 дѣтей школьнаго возраста; далѣе число школъ на квадратный километръ въ части городской и сельской, и на одну общину. Абсолютное число школъ во Франціи 71,547 школъ съ 106,927 классами или 1 школа на 515 жителей; изъ нихъ школъ для мальчиковъ и смѣшанныхъ 42,421,—женскихъ 29,126; и 59,021 публичныхъ, 12,526 частныхъ. Частныя школы раздѣляются, въ свою очередь, на школы частныя свѣтскія (libres laïques) и частныя школы конгрегацій (écoles libres dirigées par les congréganistes). Изъ 59,021 публичныхъ школъ 45,816 ведутся свѣтскими учителями, 13,005 конгреганистами, т.-е. изъ 100

Digitized by Google

школъ публичныхъ 78 ведется свѣтскими и 22 членами конгрегацій. Первыя 45,816 школъ имѣютъ 59,993 класса; послѣднія 13,205—25,283 класса; такимъ образомъ, на каждыя 100 свѣтскихъ школъ приходится 115 классовъ и на каждыя 100 конгреганистскихъ школъ 191 классъ, т.-е. изъ каждыхъ 100 классовъ конгреганистами ведется 32 класса. Изъ 12,526 частныхъ 6,685 завѣдуются конгреганистами и 5,841 свѣтскими учителями. Изъ 42,421 школъ для мальчиковъ и смѣшанныхъ—39,764 публичныхъ и частныхъ 2,657; изъ 29,196 женскихъ—публичныхъ 19,257 и частныхъ 9,863; изъ общаго числа школъ для мальчиковъ и смѣшанныхъ ведется свѣтскими учителями 37,149 и 4,274 конгреганистами; изъ 29,196 женскихъ первымъ принадлежитъ 13,508, вторымъ 15,618.

Учителей и учительницъ во всѣхъ школахъ Франціи считалось въ 1877 г. 110,700 человѣкъ. Учителя и учительницы распадаются также на свѣтскихъ и конгреганистскихъ: первыхъ 64,020, вторыхъ 46,684; это несоотвѣтствіе въ числѣ классовъ и учителей происходитъ въ свѣтскихъ школахъ отъ того, что часто директоры и директрисы не ведутъ сами отдѣльнаго класса; въ конгреганистскихъ же школахъ отъ того, что часто въ ихъ школахъ, особенно съ однимъ классомъ, занимаются два учителя или учительницы, причемъ они обыкновенно получаютъ одно содержаніе. Въ связи съ этимъ находится большее число помощниковъ учителя у конгреганистовъ; когда у свѣтскихъ приходится на каждыхъ 100 учителей 19 помощниковъ, у конгреганистовъ на 100 учителей 70 помощниковъ; и на 100 учительницъ 29 помощницъ у свѣтскихъ и 54 у конгреганистовъ. Впрочемъ, это только среднія цифры для всей Франціи; отношеніе между различными категоріями школъ и учителей мѣняется съ переходомъ отъ одного департамента къ другому; есть департаменты, гдѣ на сто школъ свѣтскихъ приходится болѣе сотни конгреганистскихъ и наоборотъ, есть департаменты, гдѣ послѣднихъ почти вовсе нѣтъ. На 10,000 жителей приходится 19 школъ всѣхъ родовъ, съ 29 классами, съ 14 учителями и 12 учительницами; изъ этого числа на долю публичныхъ школъ приходится 16 школъ съ 21 классомъ, съ 12 учителями и 9 учительницами. Учебный персоналъ распредѣляется между свѣтскими и конгреганистскими такъ: на 10,000 жителей 17 свѣтскихъ учителей и учительницъ, и 12 конгреганистскихъ.

На 1,000 дѣтей школьнаго возраста приходится 20 школъ съ 24 классами въ сельской части, и 9 школъ съ 24 классами въ городской. На квадратный километръ во Франціи приходится 13 школъ съ 20 классами. Изъ всего числа 36,056 общинъ,

Digitized by Google

Франціи 34,383 владѣли одной или нѣсколькими школами; въ 103, публичныя школы замѣнялись частными; 1,256 общинъ, на основаніи закона соединились для содержанія школы сообща; слѣдовательно, 312 общинъ оставались вовсе безъ школъ. Эти цифры, относящіяся къ 1876—77 году, сильно измѣнились въ лучшую сторону послѣ изданія закона о школьныхъ классахъ.

3) Переходя къ тому, какъ *населеніе пользуется* имѣющимися въ его распоряженіи средствами, напомнимъ о трудностяхъ, мѣшающихъ получить точное число учениковъ и не позволяющихъ оцѣнить успѣхъ, достигнутый учениками. Эти трудности ясно видны изъ слѣдующаго. Общее число дѣтей школьнаго возраста во Франціи 4.502,000; школы же даютъ цифру 4.716,000 внесенныхъ въ списокъ учениковъ, т.-е. въ нихъ, какъ-будто учениковъ на двѣсти слишкомъ тысячъ больше, чѣмъ все наличное школьное населеніе. Цифры по мѣсяцамъ, конечно, колеблются. При сравненіи мѣсячныхъ списковъ съ годовыми, январю принадлежитъ 90%—maximum учениковъ, іюлю только 76%—minimum; для дѣвочекъ это колебаніе меньше, именно 89% и 78%; это объясняется меньшею надобностью дѣвочекъ при полевыхъ работахъ.

Кромѣ школъ для дѣтей собственно школьнаго возраста, во Франціи существуетъ еще 4,147 школъ для дѣтей отъ 4-хъ до 6-ти лѣтъ, что составляетъ три школы на 1,000 дѣтей этого возраста, съ 6,223 директрисами и учительницами и 532,000 дѣтей: $^3/_4$ этихъ школъ ведутся конгреганистами и $^5/_6$ всего учебнаго персонала принадлежитъ имъ. Бо́льшая часть этихъ школъ, именно $^9/_{10}$, находится въ городахъ, гдѣ потребность въ нихъ сильнѣе. Бѣдная рабочая семья, обязанная въ полномъ составѣ ходить на работу, вынуждена имѣть кого-нибудь, кто-бы присмотрѣлъ за дѣтьми. Таково происхожденіе этихъ школъ, которыя и называются по этому назначенію salles d'asile. Только послѣднее министерство избѣгаетъ употреблять это названіе, находя его обиднымъ, и предлагаетъ замѣнить его словомъ école enfantine. Но первое названіе, конечно, ближе отвѣчаетъ ихъ значенію: дѣти собираются въ эти школы съ 7—8 часовъ утра и остаются тамъ до 6—7 часовъ вечера; только часть времени посвящается занятіямъ, состоящимъ въ чтеніи, счетѣ, предметныхъ урокахъ, пѣніи и гимнастикѣ. Бо́льшую часть времени дѣти проводятъ въ саду, который обязателенъ для этого рода учрежденій.

Извѣстно, наконецъ, что число внесенныхъ въ списокъ учениковъ не есть всегда число учениковъ, которые научились чему-нибудь, и изъ этихъ послѣднихъ одни научились больше, другіе

Digitized by Google

меньше. Опредѣленіе этого результата есть вопросъ чрезвычайной трудности. Статистики довольствуются изученіемъ величины, которая можетъ быть принята за пропорціональную достигнутой степени образованія — именно времени, которое дѣти провели въ школѣ, числа учебныхъ дней или, точнѣе, сравненіемъ числа дней *дѣйствительнаго пребыванія въ школѣ* съ числомъ всѣхъ вписываній въ школьные годичные, мѣсячные, дневные списки. Особенный интересъ здѣсь представляетъ изученіе этого явленія по мѣсяцамъ, именно рѣшеніе вопросовъ: 1) сколько присутствуетъ въ такой-то мѣсяцъ въ школѣ учениковъ сравнительно съ maximum вписываній въ тотъ же мѣсяцъ; 2) сколько присутствуетъ учениковъ въ теченіе того же мѣсяца сравнительно съ среднимъ числомъ вписываній?

Оба эти числа покажутъ дефицитъ въ посѣщеніи школъ, сравнительно съ номинальнымъ числомъ учениковъ; первое число покажетъ общій дефицитъ, происходящій или отъ выхода изъ школы или отъ пропусковъ уроковъ; второе — прилежаніе учениковъ въ собственномъ смыслѣ слова; — первое получается отъ дѣленія числа возможныхъ присутствій на число дѣйствительныхъ классныхъ полудней, второе отъ дѣленія суммы дѣйствительныхъ присутствій на то же число. Статистическая коммиссія даетъ эти цифры для каждаго отдѣльнаго департамента; во всѣхъ департаментахъ оказывается maximum присутствій зимой — около января, minimum — лѣтомъ.

На 10,000 жителей во всей Франціи приходится 1,281 годичное вписываніе въ школьные списки, и только 987 среднихъ дневныхъ присутствій.

Эти цифры показываютъ, что школы доставляютъ образованіе далеко не всему населенію и далеко не всѣмъ дѣтямъ, даже попавшимъ въ школу. Этотъ недостатокъ пополняется отчасти другими средствами: учебными заведеніями среднимъ и спеціальными, а также курсами для взрослыхъ и особенно вліяніемъ промышленной и общественной жизни и литературы. Изъ всѣхъ этихъ дополненій къ образованію, точному счету подлежатъ только курсы для взрослыхъ. Въ настоящее время эти курсы обязательны при каждой школѣ, но уже въ 1877 году до 21,000 общинъ имѣли курсы для взрослыхъ; для мужчинъ существовало 22,000 и для женщинъ 5,284 курса съ 560,000 посѣтителей и съ 105,000 посѣтительницъ. Изъ этого числа вступило совершенно безграмотныхъ до 8,000 мужчинъ и до 22,000 женщинъ.

Н. Бобровниковъ.

Digitized by Google

ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

ИЗЪ ГУСТАВА НАДО.

Воздушная ладья, какъ перышко, взвилась
И въ бездну синюю безоблачнаго свода
По атмосферному теченью понеслась
При оглушительныхъ напутствіяхъ народа.

Какъ хорошо! прощай, постылая земля!
Узорчатымъ ковромъ раскинулись подъ нами
Ея безбрежныя, волнистыя поля,
Зубчатые хребты съ ихъ вѣчными снѣгами,

Темнозеленые, угрюмые лѣса,
Овраги черные, цвѣтущія долины
И водъ серебряныхъ зеркальныя равнины.
Все выше мы летимъ. Все шире небеса.

Земной мозаики знакомые детали
Слились въ огромное туманное пятно—
И намъ почудилось въ тотъ мигъ, что мы порвали
Съ планетой брошенной послѣднее звено.

Въ тотъ мигъ лишь стало намъ понятно, какъ убоги
Всѣ наши помыслы, желанія, мечты,
Печали, радости, заботы и тревоги—
Всѣ эти факторы житейской суеты!

Digitized by Google

И подъ вліяніемъ отваги вдохновенной,
Среди торжественно-могучаго, ничѣмъ
Ненарушимаго безмолвія вселенной,
Безтрепетно впередъ несемся мы... Межъ тѣмъ

Блѣднѣетъ огненно-лазурное сіянье
Полуденныхъ небесъ—и меркнетъ круговоръ.
Свѣжо. Вечерняя роса туманитъ взоръ.
Ослабѣваетъ мысль. Спирается дыханье.

Нѣтъ силъ... Сочится кровь изъ глазъ и изъ ушей...
Безумный пылъ угасъ. Разсѣялись химеры.
Довольно! не для насъ заоблачныя сферы!
Остановись, ладья—и на землю скорѣй!

Туда, гдѣ день за днемъ, въ невозмутимомъ строѣ,
Проходитъ наша жизнь,—гдѣ ждетъ меня семья—
Подъ сѣнью очага, въ довольствѣ и покоѣ...
О! наконецъ, мы внизъ летимъ! Земля! земля!..

В. Лихачовъ.

Digitized by Google

ТОМАСЪ КАРЛЕЙЛЬ

Очеркъ его жизни и произведеній.

II *).

Въ Лондонѣ, въ предмѣстьѣ Чельзи, Карлейль нашелъ уютный домикъ. «Мы покинули старое гнѣздо,—пишетъ онъ сэру Гамильтону, — и не безъ суеты и хлопотъ устроили себѣ новое въ совершенно иныхъ условіяхъ. Кажется, будто между пустынными молчаливыми скалами Нитсделя и грязно-шумной мостовой Пиккадилли всего одинъ шагъ,—а между тѣмъ, какая разница. Но человѣкъ ко всему привыкаетъ. Плотники съ стукомъ и соромъ, наконецъ, убрались. Книги разложены по полкамъ; столъ прочно установленъ на своемъ мѣстѣ. Остается ждать, что́ время и я вынесемъ изъ неравной борьбы».

Чельзи въ то время было уединеннымъ мѣстомъ съ нѣсколько дачнымъ характеромъ. Изъ оконъ Карлейля были видны поля, деревья и цвѣтники. Всему этому было суждено измѣниться за его почти полувѣковое пребываніе (городъ захватилъ въ своемъ ростѣ мирное предмѣстье и внесъ въ него свою обычную суету), но пока здѣсь можно было наслаждаться сравнительной тишиной и спокойно работать. Жизнь свою Карлейль правильно распредѣлилъ: послѣ утренней прогулки и завтрака, въ 10 ч. онъ садился за работу и не показывался до 3-хъ. Тутъ не допускалось никакихъ помѣхъ, даже письма не распечатывались. Затѣмъ шла прогулка пѣшкомъ или въ омнибусѣ, чтеніе писемъ, визиты. Свободные вечера уходили на приготовленіе къ работѣ слѣдую-

*) См. выше: май, 256 стр.

Digitized by Google

щаго дня. Переписка отнимала много времени. Кромѣ многочисленныхъ знакомыхъ и литераторовъ, съ которыми онъ поддерживалъ письменныя сношенія, къ нему обращались за совѣтомъ дебютанты на разныхъ поприщахъ, особенно шотландцы. На всѣ письма, въ особенности дѣловыя, онъ имѣлъ привычку отвѣчать немедленно. Посѣтителей было тоже достаточно [1]), даже слишкомъ много, по мнѣнію Карлейля, котораго они отрывали отъ работы чаще, нежели онъ желалъ. Жена, впрочемъ, умѣла выручать его съ большимъ искусствомъ. Ей лондонская жизнь нравилась безусловно, и общество, относившееся къ ней съ симпатіей и уваженіемъ, доставляло искреннее удовольствіе. Мужъ нерѣдко имѣлъ случай восхищаться ея тактомъ въ разнообразномъ кругу, въ которомъ его литературная извѣстность заставляла ихъ вращаться.

Въ первыя недѣли пребыванія въ Лондонѣ супруги встрѣтили случайно въ паркѣ Ирвинга и ужаснулись: черные волосы его посѣдѣли въ нѣсколько мѣсяцевъ; лицо исхудало и осунулось; онъ казался автоматомъ. Доктора долго убѣждали его оставить городъ и пожить въ деревенской тишинѣ и, наконецъ, убѣдили. При своемъ прощальномъ визитѣ въ Чельси, онъ былъ молчаливъ и задумчивъ, но крайне дружелюбенъ; радовался, что Карлейль перешелъ въ область, болѣе достойную его таланта (т.-е. занялся исторіей), любовался уютностью квартиры: «вокругъ васъ всегда будетъ рай», сказалъ онъ г-жѣ Карлейль. О своихъ дѣлахъ не говорилъ ни слова, и его не разспрашивали. Всѣ трое были внутренно убѣждены, что не увидятся болѣе. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришло извѣстіе о его смерти. Небольшая статья, написанная по этому поводу, можетъ служить доказательствомъ дружбы и уваженія, которыя Карлейль сохранилъ къ Ирвингу до послѣдняго времени.

Всякій перерывъ заставлялъ Карлейля возвращаться съ удвоеннымъ жаромъ къ исторіи французской революціи, которою онъ былъ поглощенъ въ это время. Но при всемъ увлеченіи своимъ новымъ трудомъ, онъ былъ угрюмъ и желченъ. Неудача *Sartor*'а не выходила у него изъ головы; здоровье страдало отъ городской жизни, и самый предметъ слишкомъ возбуждалъ его нервы. Во время прогулокъ ему раза два случилось зайти въ Гайдъ-

[1]) Обширный кругъ знакомыхъ Карлейля составляли выдающіеся писатели, ученые, эмигранты и аристократы (также писательницы, къ дѣятельности и произведеніямъ которыхъ онъ однако относился недружелюбно, не дѣлая исключенія даже для Дж. Эліота). Въ первое время Карлейль близко сошелся съ Миллемъ и пріятелемъ послѣдняго Стерлингомъ, біографію котораго написалъ въ 1851 г.

Digitized by Google

Паркъ въ предобѣденное время. «Да,—говорилъ онъ себѣ, глядя на толпу гуляющихъ и вереницу экипажей,—быть можетъ ни одинъ изъ васъ неспособенъ выполнить то, что я задумалъ. Кончу мою книгу, брошу вамъ ее подъ ноги, куплю ружье и лопату и скроюсь въ глубь Америки, подальше отъ людской пошлости и низости». Мысль о переселеніи въ Америку служила ему облегченіемъ, хотя онъ сознавалъ ея несбыточность. Иногда онъ говорилъ женѣ: «ну что, если эту книгу, вылившуюся изъ самой души человѣка, въ самомъ дѣлѣ, растопчутъ подъ ногами и копытами?» Она успокоивала его. Прежде, однако, чѣмъ эти предчувствія могли сбыться, I-й томъ книги погибъ отъ несчастной случайности. Невольной причиной бѣды былъ Милль [1]). Онъ взялъ совсѣмъ готовую рукопись Карлейля для прочтенія и отдалъ г-жѣ Тэйлоръ (своей будущей женѣ). Та положила ее къ себѣ на столъ, а кухарка, принявъ эту испещренную помарками, вставками и наклейками тетрадь (таковы были всѣ рукописи Карлейля) за вещь ненужную, извела на растопки и подъ пироги. «Живо помню я тотъ вечеръ,—разсказываетъ Карлейль,—когда Милль, бѣдный, какъ тѣнь Гектора, пріѣхалъ сообщить намъ, что мой бѣдный первый томъ сгорѣлъ. Для насъ это было нѣчто въ родѣ смертнаго приговора; но мы должны были принять эту вѣсть, по возможности, легко и стараться отвлечь его мысли въ другую сторону — до того ужасно было его отчаяніе. Онъ просидѣлъ около трехъ смертельныхъ часовъ. Отъѣздъ его былъ истиннымъ облегченіемъ для насъ. О, съ какимъ порывомъ сочувствія бросилась ко мнѣ на шею моя бѣдняжка, соболѣзнуя, утѣшая, ободряя меня, точно лучшее второе я... Мы просидѣли, бесѣдуя, до поздней ночи. «Напишу снова», рѣшилъ и обѣщалъ я, наконецъ, — задача, оказавшаяся тяжелѣе всего, когда-либо предпринятаго мною. Окончивъ уже начатое «Торжество Копій» (т. II), я попробовалъ приняться за первый томъ; но въ теченіе двухъ слишкомъ недѣль рѣшительно не могъ. Три недѣли собирался я съ силами (читая повѣсти Марріетта), потомъ началъ выступать осторожно, точно по льду въ бумажный листъ толщиной, —словомъ, испыталъ такую муку, какъ никогда въ жизни. Дженни одна въ цѣломъ мірѣ горѣла возлѣ меня неугасающей лампадой».

---

[1]) Милль очень интересовался новымъ произведеніемъ Карлейля, отдалъ въ его распоряженіе весьма цѣнную коллекцію книгъ и сообщалъ устно много полезныхъ свѣдѣній. Былъ еще одинъ человѣкъ, съ которымъ Карлейль много говорилъ о своей работѣ, именно Кавальякъ („душа Баяра"). Они рѣзко расходились въ мнѣніяхъ, но споры ихъ не остались безъ вліянія на автора исторіи французской революціи.

Digitized by Google

Отчаяніе Милля заставило Карлейля сказать, что, по оставшимся замѣткамъ, не будетъ особенно трудно возстановить погибшій томъ. На самомъ же дѣлѣ, не существовало ни замѣтокъ, ни черновыхъ листовъ. Онъ имѣлъ привычку, собравъ весь нужный матеріалъ, переработывать его въ головѣ и затѣмъ писать прямо: — «разматывать разсказъ, какъ шелкъ съ катушки», по выраженію жены. Пришлось продѣлать весь процессъ сызнова для перваго тома, когда въ головѣ былъ уже готовъ второй, и въ концѣ всѣхъ усилій, вынести убѣжденіе, что наладиться на прежній тонъ все-таки не удалось, что старый первый томъ былъ лучше новаго.

Наконецъ, въ 1837 г. вышла въ свѣтъ «Исторія Французской Революціи» съ именемъ автора [1]). Она, подобно *Sartor*'у, не сразу нашла издателя и не сразу имѣла успѣхъ. Большинство не съумѣло понять ея красоты и значенія, смущаясь пренебреженіемъ автора къ завѣтнымъ преданіямъ. «Фантасмагорическая исторія на языкѣ вавилонскаго столпотворенія» — былъ первый приговоръ публики. И дѣйствительно, это исторія совсѣмъ особенная: не повѣствованіе, не критика или философія событій, а рядъ яркихъ картинъ, величественныхъ, страшныхъ и трогательныхъ, рядъ потрясающихъ драматическихъ эпизодовъ съ комментаріями, какъ-бы отъ лица, видѣвшаго эти событія въ толпѣ другихъ зрителей, взволнованныхъ, трепещущихъ какъ онъ самъ. Можно подумать, что всѣ три тома написаны въ одинъ присѣстъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ. Страстность тона заразительна, и языкъ, отличающійся необычайной силой (при свойственной Карлейлю эксцентричности), увлекаетъ, неотразимо, мучительно дѣйствуетъ на нервы. Знатоки тотчасъ увидали въ «Исторіи Революціи» то́, что́ признали потомъ всѣ — величественную поэму въ прозѣ, а въ авторѣ не только глубокаго мыслителя, но и великаго художника и поэта. (Карлейля сравниваютъ всего чаще не съ великими писателями, а съ живописцами: Рембрандтомъ, Сальваторомъ Розой, Дюреромъ, Теньеромъ). Въ этомъ произведеніи онъ осуществилъ свою теорію, по которой историкъ, при послѣдовательномъ изложеніи событій, долженъ умѣть воспроизвести въ воображеніи читателя *дѣйствіе* со всѣми свойствами одновременности и образности. Впечатлѣніе должно быть не «линейно», какъ разсказъ, а «тѣлесно», какъ дѣйствіе. Что касается критическаго взгляда на значеніе самой революціи, «этого открытаго

[1]) До тѣхъ поръ Карлейль не подписывался подъ своими статьями, хотя имя его было всѣмъ извѣстно.

Digitized by Google

неспроверженія общественной Лжи и побѣдоноснаго возстанія угнетенныхъ противъ развращенной и безсильной Власти», то Карлейля упрекаютъ (Тэнъ и французы въ особенности) въ пристрастномъ и одностороннемъ отношеніи къ добру и злу, сопряженному съ этимъ великимъ историческимъ событіемъ, и въ несправедливой оцѣнкѣ побужденій и поступковъ прямыхъ и косвенныхъ участниковъ, которыхъ онъ непремѣнно хочетъ мѣрить на пуританскій аршинъ [1]). Преобразовать развращенное общество могутъ, по мнѣнію Карлейля, не насильственные перевороты (они могутъ только разрушить существующее зло), а нравственное развитіе, сознаніе долга и опредѣленныя твердыя убѣжденія, строгое отношеніе къ себѣ, крайняя добросовѣстность [2]) и способность не ставить личныхъ интересовъ на первый планъ. Вопреки краснорѣчивымъ и многочисленнымъ проявленіямъ героизма и самопожертвованія ради идеи, онъ какъ будто не признаетъ этихъ свойствъ въ французскомъ обществѣ XVIII ст. Безвѣріе, громкія слова, чувственность — вотъ пружины переворота; неспроверженіе всѣхъ формъ общественной лжи и отрицаніе всего сверхъ-естественнаго — вотъ ея кодексъ [3]). Прочныхъ началъ для созиданія новаго зданія на развалинахъ стараго не существовало; и власть, утратившая смыслъ, должна была смѣниться анархіей. Къ чему доброму могли привести неистовства грубой черни, разнузданной невѣрующими резонерами? Когда кончилось дѣло разрушенія, остались на лицо всѣ пять неудовлетворенныхъ

---

[1]) *Taine*, Histoire de la littérature Anglaise: „Thomas Carlyle". Характеристика Карлейля по Тэну помѣщена въ „Невскомъ Сборникѣ" 1867 г.

[2]) Разсуждая о пренебреженіи къ власти и религіи въ періодъ революціи и перебирая виновниковъ столь прискорбнаго состоянія умовъ, Карлейль (врагъ анархіи и безвѣрія) замѣчаетъ: „виноватъ не кто-нибудь одинъ:—не онъ и не она, не то или другое. Виноватъ всякій негодяй, который, притворялся, что дѣлаетъ дѣло, только наѣдался, пренебрегалъ своимъ дѣломъ — все равно въ качествѣ ли короля или чистильщика сапоговъ,—каждый по-своему, со временъ Карла Великаго и ранѣе. Вся эта ложь (посѣянный обманъ не умираетъ, а растетъ и даетъ плоды) накоплялась тысячелѣтія, и, наконецъ, пришелъ страшный часъ расплаты... О, братъ мой! (восклицаетъ онъ) не будь обманщикомъ. Если хочешь послушать добраго совѣта — лучше умри. Умрешь единожды и покончишь разъ навсегда. Проклятое это ремесло, и несетъ съ собой проклятія, которыя разразятся, никто не знаетъ, надъ кѣмъ и когда..."

[3]) Карлейль въ своихъ статьяхъ часто возвращается къ французской революціи, называя ее то борьбой за идею человѣческихъ правъ, свободы и родины, то просто (и гораздо чаще) возстаніемъ противъ обмановъ и насилій всякаго рода (весьма назидательнымъ для потомковъ, способныхъ мыслить). Онъ видитъ въ ней „исполненіе божескихъ предначертаній", но и „лапу дьявола" и умѣетъ заставить звучать въ своемъ мѣстѣ и съ должной силой адскія струны, натянутыя въ его лирѣ, рядомъ съ небесными, какъ того требовалъ смѣшанный характеръ явленій и событій.

Digitized by Google

чувствъ и шестое, ненасытимое, —тщеславіе. Темныя силы человѣческой природы вышли наружу и съ ними каннибализмъ. То, къ чему приходитъ изолгавшееся и невѣрующее общество, «для котораго нѣтъ неба надъ головой и нѣтъ ада подъ ногами», выражается «общимъ самоубійствомъ», колоссальнымъ «Пожарищемъ Лжи» («братство Каина», «Искаріотское равенство» и «Свобода общественной тюрьмы» гибнутъ въ томъ же огненномъ морѣ) и залпами наполеоновскихъ пушекъ, которыя «разносятъ въ пространство то, что̀ спеціально принято называть французской революціей, и дѣлаютъ изъ нея нѣчто *бывшее*». Этой картиной и краткимъ словомъ къ читателю заканчивается и повѣствованіе. — Общее мнѣніе таково, что если другіе историки съумѣли изложить полнѣе, основательнѣе и безпристрастнѣе причины и слѣдствія французской революціи, то никто живѣе и поразительнѣе Карлейля не представилъ всѣхъ ужасовъ и глубинъ этой сложной драмы.

Возвращаясь къ революціи въ своихъ лекціяхъ «о герояхъ», по поводу Наполеона, Карлейль продолжаетъ свою проповѣдь о гибельныхъ слѣдствіяхъ лжи и неправды. «Геніальный честолюбецъ, долго глядѣвшій на процессъ разрушенія, рѣшился воспользоваться «дорогой, открытой талантамъ», чтобы вывести общество изъ хаоса. И дѣйствительно, онъ съумѣлъ взять власть въ свои руки: проницательности и практичности, извѣстнаго рода правды, въ немъ было довольно. Но и онъ вскорѣ погибъ, какъ и то общество, которое распалось на его глазахъ, и отъ тѣхъ же причинъ—отъ примѣси лжи и шарлатанства въ правдѣ. Обманъ не выгоденъ, если воздвигаемое сегодня зданіе должно стоять завтра. Общественная ложь открывается, и слѣдуетъ кара страшная — лжецу перестаютъ вѣрить. Бѣдный Наполеонъ ошибся; онъ слишкомъ понадѣялся на *обманываемость* людей (*dupability*, одно изъ словъ обширнаго Карлейлевскаго лексикона), не съумѣлъ видѣть въ природѣ человѣческой факта положительнѣе голода, не съумѣлъ понять, что не голодъ произвелъ революцію, а сознаніе лжи нестерпимой, выразившейся въ голодѣ, въ общемъ банкротствѣ и призрачности всего окружающаго. Онъ обманывалъ—и зданіе, построенное на пескѣ рухнуло, и чѣмъ деспотичнѣе и безразсуднѣе попиралъ онъ міръ, тѣмъ ужаснѣе было озлобленіе міра, который свергъ его иго. Неправды выплачиваются сложными процентами, страшно-сложными процентами».

Упомянутыя лекціи о «Герояхъ» были послѣдними изъ читанныхъ Карлейлемъ въ періодъ времени 1837—40 г. Замедленіе выхода въ свѣтъ «Исторіи революціи» имѣло непосредственнымъ

Digitized by Google

слѣдствіемъ истощеніе финансовъ автора. Триста фунтовъ, привезенные изъ Шотландіи, въ надеждѣ прожить ими до окончанія работы, исчезли ранѣе предполагаемаго срока, несмотря на величайшую бережливость (супруги отказывали себѣ даже въ извощикѣ, возвращаясь вечеромъ изъ города). Изобрѣтательность г-жи Карлейль разбивалась о лондонскую дороговизну. Доходъ съ книгъ не превышалъ 200 ф. [1]). Приходилось отрываться отъ работы для журнальныхъ статей. Очерки: «Графъ Каліостро», «Исторія Ожерелья», «Мирабо» [2]), «Парламентская исторія французской революціи» выдѣлились, такимъ образомъ, изъ собраннаго имъ богатаго историческаго матеріала, какъ прологъ и эпилогъ къ исторіи революціи. Уступая доводамъ друзей, Карлейль рѣшился, наконецъ, читать публичныя лекціи, чтобы выйти изъ финансоваго затрудненія. Лично для него, ненавидѣвшаго выставлять себя на показъ, эта «отвратительная смѣсь актерства и проницанія» составляла невыносимую пытку. Со дня объявленія курса, онъ почти не спалъ и былъ мраченъ и нервенъ. Залу чтеній онъ называлъ мѣстомъ казни; его обыкновенно должна была вести туда жена, захвативъ бутылку вина, изъ которой онъ выпивалъ глотокъ для храбрости.

Первые курсы *о Нѣмецкой литературѣ* и *Исторіи европейской литературы* или *культуры* [3]), посѣщались мало. Лекціи о *Революціонномъ движеніи современной Европы* имѣли уже бо́льшій успѣхъ, а лекціи 1840 года *о Герояхъ*, т.-е. великихъ людяхъ, руководителяхъ, преобразователяхъ и просвѣтителяхъ общества, привлекли цѣлую массу избранной и блестящей публики, желав-

[1]) „Мои труди до сихъ поръ не принесли мнѣ почти никакого денежнаго вознагражденія и, вѣроятно, не принесутъ никакого при жизни", пишетъ онъ въ 1839, въ прошеніи къ парламенту для обезпеченія правъ литературной собственности наслѣдникамъ. Его книги перепечатывались въ Америкѣ и Европѣ.

[2]) Эти три очерка, также: Бёрнсъ, Вальтеръ Скоттъ, Дидро и Вольтеръ, переведени на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: „Критическіе и Историческіе опыты". Москва 1878.

[3]) Лекціи эти до сихъ поръ не были напечатаны. Недавно, въ майской книжкѣ журнала „Nineteenth Century" помѣщены выписки изъ нихъ, весьма интересныя. Исторія культуры разсматривается какъ рядъ послѣдовательныхъ періодовъ вѣры, прерываемыхъ послѣдовательными періодами скептицизма. Та же мысль лежитъ въ сущности въ основѣ лекцій о „Герояхъ". Вѣра, въ глазахъ Карлейля,—важнѣйшій фактъ въ жизни человѣка и человѣчества,—не та или другая церковь, а убѣжденія, которыя человѣкъ проводитъ въ своей жизни, тѣ идеалы, которымъ онъ поклоняется. Каждая эпоха имѣетъ свои идеалы и особыхъ выразителей, одаренныхъ чутьемъ „правды", которыхъ называли богами, героями, пророками, поэтами, царями, которымъ поклонялись и за которыми шли массы. Исторія міра является такимъ образомъ исторіей великихъ людей.

Digitized by Google

шей слышать и видѣть знаменитаго писателя. При первомъ взглядѣ, многіе были разочарованы: на каѳедру входилъ мужчина среднихъ лѣтъ и средняго роста, съ далеко не красивымъ лицомъ и, не поднимая глазъ съ положеннаго передъ нимъ листка, начиналъ читать какъ-то торопливо и неувѣренно, причемъ шотландскій говоръ непріятно рѣзалъ лондонскія уши. Близкіе страдали, замѣчая его блѣдность и нервное движеніе пальцевъ. Проходило нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ онъ вполнѣ овладѣвалъ собой и начиналъ говорить, какъ обыкновенно, звучнымъ, груднымъ голосомъ, слышнымъ, безъ всякаго усилія съ его стороны, отъ одного конца залы до другого. Тутъ передъ публикой являлся лекторъ особаго закала, весь проникнутый своимъ предметомъ и говорившій тономъ глубокаго убѣжденія, задушевной искренности, безъ мысли о томъ, какъ онъ говоритъ. Начиналась не лекція, а бесѣда въ пріятельскомъ кругу, переходившая обыкновенно въ страстную проповѣдь. Особенно пѣвучій ритмъ его фразъ и своеобразный языкъ, вмѣстѣ съ одушевленіемъ выразительнаго лица, блескомъ глазъ и энергическимъ жестомъ, дополняли впечатлѣніе чего-то особеннаго и высокаго. Карлейль увлекалъ не ораторскимъ искусствомъ, не безусловной вѣрностью или послѣдовательностью своихъ доводовъ (этими свойствами онъ вообще не отличался), а вдохновеніемъ минуты, огнемъ своей рѣчи. Его слушали, «какъ пророка». Разсужденія и критика являлись позже.

Критика останавливалась на отсутствіи логическаго метода въ его аргументаціи; на бросаніи прямо въ голову ошеломленныхъ слушателей парадоксами, несовмѣстимыми ни съ какой политической или религіозной системой; на странномъ выборѣ героевъ [1]), и на проповѣдуемой имъ необходимости героическаго элемента для спасенія общества. Лекціи «о Герояхъ» и особенно книжка, составляющая буквальное воспроизведеніе ихъ [2]), вслѣдствіе своей популярности, возбуждали особенно много толковъ. Карлейль самъ сознавалъ, что при обширности предмета и ограниченности времени (6 лекцій) многія изъ его сужденій, высказанныхъ отры-

---

[1]) „Тотъ, кого онъ не хочетъ называть, но передъ которымъ благоговѣетъ всякое *человѣческое* сердце“ (т.-е. Христосъ)—первый герой Карлейля. Прочіе герои, взятые для примѣра изъ сонма, Одинъ, Магометъ, великіе поэты и писатели, Кромвель и Нокъ, Кромвель и наконецъ Наполеонъ въ качествѣ лже-героя.

[2]) Карлейль не хотѣлъ ничего измѣнять или исправлять въ ней. Ея отличительная черта—языкъ чрезвычайно легкій и простой. Въ „Современникѣ“ 1856 помѣщены статьи В. П. Боткина о „Шекспирѣ“ и „Дантѣ“, заимствованныя изъ книжки о „Герояхъ“.

Digitized by Google

вочно, безъ связи съ другими, должны произвести неблагопріятное впечатлѣніе; но результаты превзошли его ожиданія. Ему досталось во-первыхъ за слова: «исторія міра есть исторія великихъ людей», и за то, что зависимость между духомъ времени и героями или вождями какъ-то обойдена или слабо указана [1]) въ его библейскихъ метафорахъ. Въ Англіи ему, конечно, не могли приписать раболѣпныхъ наклонностей за проповѣдь о повиновеніи волѣ «ниспосланныхъ съ неба» вождей и о благоговѣніи передъ величіемъ и геніемъ, какъ высшемъ свойствѣ человѣка, хотя вообще замѣчали, опираясь на довольно густое «облако свидѣтелей», что слѣпая вѣра не особенно спасительна, а произволъ — вещь слишкомъ скользкая и опасная при общечеловѣческихъ страстяхъ и недочетахъ. Критики другихъ странъ позволили себѣ дѣлать нелестное удареніе на фразѣ «всякая власть нравственна», выхваченной изъ цѣлаго ряда разсужденій о томъ, что прочное вліяніе на людей возможно только при нравственномъ и умственномъ превосходствѣ. Безъ этихъ условій, прочной власти, по мнѣнію Карлейля, быть не можетъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ щедро надѣляетъ своихъ любимцевъ разными свойствами, не столь несомнѣнными для холодныхъ глазъ, и слѣпъ къ ихъ недостаткамъ; но программа для его отвлеченныхъ идеаловъ, во всякомъ случаѣ, довольно мудреная: начало силы и правды — прежде всего; затѣмъ безкорыстіе полнѣйшее, самоотверженное служеніе идеѣ и т. д. Если вождь, законодатель, мыслитель или поэтъ единый разъ поставилъ свое *я* выше интересовъ общихъ, выше правды — то конецъ: онъ уже не герой, а служитель мрака. Лже-героевъ, враговъ человѣчества, Карлейль казнитъ жестоко. Такой вождь, побуждаемый личными разсчетами, ведетъ общество, цѣлыя царства, въ пучину привраковъ, обмановъ и преступленій съ финаломъ разложенія или разрушенія. Онъ настойчиво убѣждаетъ общество, слѣдующее за подобнымъ вождемъ, помнить, что ложь никогда не сходитъ съ рукъ даромъ, что «за годами гнилого застоя, вѣрнѣе смерти, неминуемо, неизбѣжно, слѣдуютъ года тяжкихъ переворотовъ, страшнаго возмездія». Карлейля далѣе порицали за то (Тэнъ), что онъ, повидимому, считаетъ героевъ нормальнымъ явленіемъ, тогда какъ они могутъ и должны родиться лишь въ критическія эпохи, при рѣзкихъ колебаніяхъ общественнаго равновѣсія. Но въ сущности,

[1]) Такъ, очевидно, не могъ думать историкъ, постигшій зависимость и сцѣпленіе всѣхъ явленій прошлаго, настоящаго и будущаго. Это обвиненіе можетъ быть опровергнуто ссылками на многія мѣста той же книжки о „Геролхъ".

Digitized by Google

обвиняемый—одного мнѣнія съ обвиняющимъ. Конечныя цѣли провидѣнія, въ туманныхъ метафорахъ Карлейля, именно и заключаются въ томъ, чтобы «посредствомъ героевъ вывести людей, потерявшихъ почву подъ ногами и судорожно протягивающихъ руки изъ пучины на болѣе и болѣе прочную ступень приближенія къ вѣчной правдѣ». «Здоровье лучше всякихъ кризисовъ,—говоритъ Тэнъ,—qui fait l'ange fait la bête». Тѣмъ не менѣе, другой французскій критикъ (Вальберъ) полагаетъ, что между обществомъ, спокойнымъ и однообразнымъ, какъ устричная отмель, съ ея понятнымъ, но незавиднымъ счастьемъ, и обществомъ, волнуемымъ великодушными грёзами и геніальными затѣями, никто не задумается выбирать. Парадоксы Карлейля вообще значительно смягчаются, если переложить его библейскіе термины на общеупотребительный языкъ и разсматривать ихъ въ логической связи съ мыслями, занимавшими его въ то время. Проповѣдь его, устная и литературная, имѣла спеціальный характеръ протеста противъ современнаго матеріалистическаго и практическаго направленія. Утилитаризмъ, себялюбіе и разсчетъ, возведенные въ принципъ нравственности, механическое объясненіе всѣхъ душевныхъ и умственныхъ процессовъ [1]), возмущали чувство этого идеалиста столько же, какъ духъ наживы и алчности былъ противенъ его безкорыстной, честной природѣ. Обществу, «забывшему Бога», поглощенному эгоистическими цѣлями, мыслями о «пуддингѣ» и наибольшей порціи его для себя (пудингъ у Карлейля соотвѣтствуетъ щедринскому «пирогу»), онъ съ опредѣленной тенденціей указывалъ на тѣ идеалы, которымъ, по его убѣжденію, необходимо поклоняться и служить, чтобы быть достойнымъ имени человѣка; тѣ идеалы, которые умереть не могутъ, потому что корни ихъ заложены въ духовной природѣ человѣка, а могутъ лишь на время уснуть. «Природа божественна, правда безсмертна, и міръ всегда будетъ имѣть своихъ героевъ»—таково заключеніе Карлейля.

Карлейль слѣдилъ за общественными вопросами съ страстнымъ вниманіемъ и давно уже началъ разсуждать о нихъ въ журнальныхъ статьяхъ. Первыми пробами были *Signs of the Times* (1829) и *Characteristics* (1831), написанные на фермѣ,

[1]) Карлейль относился вначалѣ очень враждебно къ ученію Дарвина и вообще къ попыткамъ истолкованія психическихъ процессовъ съ естественно-научной точки зрѣнія. Все это казалось ему униженіемъ достоинства человѣка, почти святотатствомъ или признакомъ умственной и нравственной тупости. Мысль о возможности полнаго соглашенія не приходила ему въ голову въ 40-хъ годахъ. Впослѣдствіи онъ, до извѣстной степени, смирился передъ фактами.

Digitized by Google

одновременно съ *Sartor*'омъ и совершенно въ томъ же духѣ. Вообще можно сказать, что разъ сложившись, міросозерцаніе Карлейля оставалось неизмѣннымъ въ теченіе его долгой литературной дѣятельности, наперекоръ всякимъ вліяніямъ времени. Оттого въ его статьяхъ, рядомъ съ необыкновенной силой, глубиной и проницательностью, заслужившей ему титулъ пророка, замѣчается фанатическое предубѣжденіе противъ современнаго направленія, противъ натуралистовъ, экономистовъ, соціологовъ и ихъ теорій — «внѣшнихъ способовъ исцѣленія внутреннихъ общественныхъ недуговъ» — то предубѣжденіе, которое доводило его не только до пристрастныхъ, но даже превратныхъ сужденій. Познакомившись съ его первыми дебютами въ роли публициста, можно пожалуй составить себѣ приблизительное понятіе о характерѣ прочихъ статей. Мы, однако, приведемъ въ общихъ чертахъ содержаніе главнѣйшихъ, предупреждая, что подобныя извлеченія не способны дать и отдаленнѣйшаго представленія о блестящей постановкѣ доводовъ, глубинѣ и обиліи мыслей, юморѣ и оригинальномъ краснорѣчіи въ цѣломъ, которые заставляли публику слушать эти повторенія съ неизмѣннымъ интересомъ, даже при рѣзкомъ различіи взглядовъ.

Въ статьѣ: «Признаки времени» (Signs of the Times) Карлейль разсуждаетъ о печальномъ положеніи вещей въ настоящемъ и средствахъ выйти изъ него. Найти эти средства можно, по его мнѣнію, только вникая въ смыслъ совершающагося вокругъ насъ и изучая внимательно ошибки и заблужденія нашего времени. Заниматься модными гаданіями безполезно. Эмпирическія средства, предлагаемыя «милленаріями» и Бентамистами, изъ которыхъ одни обѣщаютъ, что послѣдняя печать снимется не позже 1860 г., а другіе, что принципъ наибольшаго счастья превратитъ землю въ рай еще ранѣе этого срока, — одинаково нелѣпы и безсильны вывести общество на вѣрную дорогу. Переходя затѣмъ къ опредѣленію отличительнаго характера нашего вѣка, Карлейль называетъ его *механическимъ*, занятымъ исключительно вопросомъ о приложеніи средствъ къ цѣлямъ въ самыхъ разнородныхъ сферахъ и безъ надлежащей критики. Не одна внѣшняя физическая работа производится теперь машинами; ихъ всемогущество распространяется на умственную и духовную дѣятельность человѣка. Воспитаніе, религія, наука, искусство, поэзія приведены къ этому знаменателю. Мало того—мысль и воля человѣка, непосредственнѣйшія чувства его, объясняются механическимъ путемъ: машина замѣнила умъ и сердце. Люди утратили вѣру въ личную инціативу и въ собственныя силы.

Digitized by Google

Общественныя язвы, возбуждающія ропотъ всей Европы, тоже хотятъ лечить механически: перемѣной образа правленія, внѣшними преобразованіями въ законахъ, контролѣ, судѣ. Словомъ, вездѣ предлагаютъ внѣшнія и только внѣшнія средства — формулы удобства, разсчета и выгоды, для рѣшенія всѣхъ задачъ— какъ будто рядомъ съ человѣческой механикой не существуетъ динамики, науки о первичныхъ неразрушимыхъ духовныхъ силахъ человѣка. Хорошія учрежденія безспорно значатъ очень много, но не всѣ. Машины оказали неисчислимыя услуги человѣчеству, но всѣмъ его потребностямъ онѣ удовлетворить не въ состояніи. Можно-ли забывать, что совершеннѣйшая форма мертва, если ее не оживляетъ духъ, что необходимо взаимодѣйствіе внѣшнихъ и внутреннихъ условій для стройнаго цѣлаго. Вотъ о развитіи и надлежащемъ направленіи этихъ силъ во всѣхъ и каждомъ, и слѣдуетъ заботиться. Формы же существованія создадутся сами собою, и создадутся хорошо и прочно изъ здоровыхъ цѣлесообразныхъ жизненныхъ элементовъ. Системы и теоріи — пѣна, поднимающаяся на поверхности океана, песчаные наносы, которые время выбрасываетъ и снова смываетъ. Если удастся перенести океанъ въ мельничные пруды, и закупорить силу тяготѣнія въ бутылки для розничной продажи, тогда только можемъ мы надѣяться свести безконечность человѣческаго духа къ формуламъ прибыли и убытка и управлять имъ, какъ патентованной машиной посредствомъ колесъ, клапановъ и рычаговъ. А до тѣхъ поръ слѣдовало бы внимательнѣе присмотрѣться къ тому, что творится кругомъ. «Время вышло изъ суставовъ», всѣ мыслящіе люди требуютъ перемѣны. Между старымъ и новымъ порядкомъ вещей приготовляется страшное столкновеніе и оно произойдетъ, если не будутъ приняты надлежащія мѣры. Политическая свобода—непосредственная цѣль обще-европейскаго движенія, не можетъ быть конечной цѣлью человѣческихъ усилій. Есть еще другая высшая свобода, къ которой слѣдуетъ стремиться. Преобразовать вдругъ цѣлую націю возьмется развѣ безумецъ. Существуетъ только одинъ вѣрный, хотя и медленный, способъ— то преобразованіе, которое каждый начинаетъ съ самого себя.

Статья «Характеристики» (Characteristics) можетъ служить продолженіемъ предыдущей. Карлейль видитъ печальный симптомъ въ наклонности общества копошиться въ своихъ язвахъ и постоянно толковать о себѣ. Такъ-ли поступаютъ люди здоровые, такъ-ли поступали великія, цѣльныя историческія личности, творившія великія дѣла молча, проникнутыя однимъ чувствомъ и одной мыслью? Отдавать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ и по-

Digitized by Google

ступкахъ хорошо; но зачѣмъ это пугливое озираньe и неувѣренность при каждомъ сдѣланномъ шагѣ? Можетъ-ли при такихъ условіяхъ сохраниться энергія и вѣра въ себя? Общество стонетъ, и вотъ на помощь стекаются отовсюду доктора, каждый съ своимъ патентованнымъ средствомъ; рецепты такъ и сыплются: кооперативныя общества, общая подача голосовъ, новыя системы постройки домовъ и хлѣвовъ, ограниченіе народонаселенія, запрытая балотировка... всѣхъ не перечтешь. Общество стонетъ не напрасно. Оно безспорно одержимо не только многими нравственными, но и однимъ страшнымъ внѣшнимъ недугомъ: накопленіемъ богатствъ на одной сторонѣ, накопленіемъ нищеты — на другой. И обѣ стороны относятся между собой, какъ силы положительнаго и отрицательнаго полюса. Владыки міра сидятъ на высокихъ престолахъ, на подобіе эпикурейскихъ боговъ, праздныхъ и безсильныхъ; а подъ ними колеблется безконечный живой океанъ невѣжества и голода. Государства процвѣтаютъ, земля изобилуетъ плодами, а люди на ней, $^{9}/_{10}$ человѣчества, нуждаются въ пищѣ тѣлесной и духовной. На высшей ступени нашей цивилизаціи мы видимъ низменнѣйшую борьбу дикаго, животнаго человѣка съ голодомъ. Въ прошломъ, разумѣется, не лучшемъ, была, по крайней мѣрѣ, вѣра, была религія, были идеалы. Нынѣче вѣра изсякла; церковь стала мачихой; ея увѣщанія и укоры не двигаютъ впередъ и не останавливаютъ. Старые идеалы отжили свой вѣкъ, новыхъ не народилось. Ощупью бродитъ человѣкъ, натыкаясь на призраки. Небо мертво для него, земля глуха. Безотрадное состояніе, вдвойнѣ безотрадное, если-бы опытъ не училъ, что такія смѣны невзбѣжны въ жизни человѣчества. Печальная картина имѣетъ свѣтлую оборотную сторону. Мракъ — предвѣстникъ зари. Безпорядокъ и потребность перемѣны — слѣдствіе накопленія новыхъ силъ, которыхъ прежнія формы не способны ни сдержать, ни направить; слѣдствіе накопленія новыхъ богатствъ, не помѣщающихся въ старые сундуки. Что расшатываетъ и колеблетъ устои всѣхъ современныхъ политическихъ системъ и волнуетъ всю Европу ужасными предчувствіями, какъ не возрастаніе общественныхъ силъ? Всемогущество современной паровой машины прорываетъ не однѣ географическія, а и совсѣмъ другія горы. Старыя формы управленія непригодны; нужны новыя. Если прежніе вожди утратили господство надъ умами, слѣдуетъ искать новыхъ. Оковы прошлаго стряхнуть не особенно трудно, и стѣны европейской «черной ямы» легко пробить, потому что онѣ сдѣланы по преимуществу изъ бумаги и воздуха. И что такое самый скептицизмъ съ его печальными сторонами,

Digitized by Google

если не зародышъ благодатнаго плода познанія? Пусть онъ спокойно зрѣетъ. Пусть лихорадка и судороги сомнѣнія проходятъ своимъ чередомъ. Исцѣленіе явится въ новой вѣрѣ, въ побѣдѣ творческаго духа надъ механическими путами, надъ условной ложью и отжившими формулами, въ новомъ творчествѣ и въ новыхъ идеалахъ. Что бы ни говорили, въ мистической отвлеченной области заключается родникъ всякой поэзіи, религіи, соціальныхъ реформъ, всего святого и великаго. По счастію, эта Америка не за морями. Не мудрствуй надъ тѣмъ, что дѣлать въ будущемъ, а испытай добросовѣстно дѣло ближайшей минуты. Нѣтъ такого положенія, которое не заключало-бы въ себѣ своего долга, своего идеала. Идеальная сторона присуща всякому труду, самой бѣдной, безцвѣтной сферѣ.

Въ интересной статьѣ «Чартизмъ» (Chartism) Карлейль разбираетъ вопросъ о пауперизмѣ, самый настоятельный и важный изъ всѣхъ современныхъ вопросовъ. Если правящіе классы пропустятъ удобное время взять инціативу его раціональнаго рѣшенія въ свои руки, то легко можетъ произойти нѣчто такое, что никому не понравится. Причинъ для недовольства у рабочихъ классовъ слишкомъ много по винѣ законодателей и правителей и при посредствѣ всякихъ парламентскихъ реформъ [1]). Безумныя и безобразныя проявленія этого недовольства (чартизмъ, стачки, факельныя шествія, поджоги и убійства) свидѣтельствуютъ не о нелѣпости самаго чувства, а о томъ нравственномъ и умственномъ уровнѣ, на которомъ находятся низшіе классы послѣ вѣковой опеки высшихъ. Пора вникнуть въ смыслъ явленій и понять, что ни насильственными и полицейскими мѣрами, ни палліативами ничего нельзя сдѣлать. Они способны только раздувать вражду, а въ данномъ случаѣ необходимо прежде всего кончить распрю для обоюднаго блага, т.-е. выяснить недоразумѣніе между воюющими сторонами. Массы были до сихъ поръ игрушкой въ рукахъ правителей; ихъ обманывали на всѣ лады, для нихъ ничего не дѣлали. Неизбѣжность возмездія за такія преступленія доказана французской революціей. При наличности всѣхъ элементовъ, подобный пожаръ, съ его ужасающими послѣдствіями, можетъ вспыхнуть въ любомъ мѣстѣ. Судьба аристократіи, которая не управляетъ, и духовенства, которое не учитъ—бѣдствія такого порядка вещей и бѣдствія его неисповѣренія—записаны огненными буквами на скрижаляхъ исторіи для общаго назиданія. Необходимы, поэтому, мѣры разумныя

[1]) Статья „Чартизмъ“ полна нападковъ на праздный англійскій парламентъ и его праздныя реформы.

Digitized by Google

и рѣшительныя, соотвѣтствующія дѣйствительнымъ правамъ и требованіямъ рабочаго сословія. Требованія эти пока очень скромны. Чартизмъ и подобныя ему вещи выражаютъ одно: притязаніе свободнаго рабочаго на участь раба — на обезпеченный кусокъ хлѣба, кровъ и разумное управленіе за свой трудъ. Ужели это не право и ужели въ этой темной средѣ не хватитъ силъ поддержать его? Сила и право (mights and rights) идутъ всегда рука объ руку и въ сущности тожественны. Таинственно подготовляются Провидѣніемъ геніальные вожди, заявляютъ о себѣ въ минуту нужды и покоряютъ себѣ всѣхъ, какъ власть разумная. Власть неразумная и незаконная долго удержаться не можетъ. Правда должна торжествовать; обманъ обреченъ на гибель. Таковъ божественный законъ.

Говорящіе классы давно толкуютъ о своихъ нуждахъ; народъ до сихъ поръ не имѣлъ словъ для выраженія своей гнетущей скорби. Какъ Энцеладъ [1]), придавленный горой, онъ былъ осужденъ безмолвствовать или колебать землю своими стонами. Но всѣ люди, рано или поздно, должны найти слова, замѣчаетъ Карлейль отъ имени «Зауэртейга» (фиктивный другъ его и мудрецъ), какъ нѣмой сынъ древности при видѣ ножа у горла отца своего. Послѣ бароновъ заговорило третье сословіе (портной изрѣзалъ недавно великую хартію на мѣрки), послѣ третьяго заговоритъ четвертое. Это не бунтъ, а естественное слѣдствіе пробужденія сознанія, расширенія человѣческихъ понятій и потребностей. Стрѣлки отмѣчаютъ теперь новую эру на міровомъ циферблатѣ и, по счастью, отмѣчаютъ безшумно. Надо смотрѣть: часы съ боемъ Кромвелевскаго возстанія или французской революціи, для вразумленія смертныхъ на счетъ времени, стоятъ слишкомъ дорого. Уразумѣвъ смыслъ настоящей эры, что̀ надо дѣлать для общей безопасности? Необходимо прежде всего справедливое распредѣленіе труда. Если однимъ суждено работать руками, пусть другіе работаютъ головой, думаютъ и учатъ. Исцѣленія общественныхъ недуговъ, очевидно, нельзя ожидать въ скоромъ времени; но двѣ настоятельныя мѣры навязываются уже сами собой общественному сознанію, и къ нимъ нужно слѣдовательно обратиться ранѣе прочихъ: это — общее образованіе и эмиграція. «Не странно ли, что приходится отстаивать необходимость образованія для массъ?» замѣчаетъ Карлейль. «Неужели правители не должны были озаботиться прежде всего о пробужденіи мысли въ тѣхъ, кто еще не умѣетъ мыслить, но одаренъ къ тому природ-

[1]) Гигантъ, надъ которымъ Юпитеръ нагромоздилъ Этну.

Digitized by Google

ной способностью? Прискорбно было-бы видѣть все населеніе извѣстной области искалѣченнымъ, здоровыхъ и сильныхъ мужчинъ безъ правой руки. Гораздо ужаснѣе видѣть души народа, лишенныя зрѣнія—искусственно сомкнутыя вѣки здоровыхъ глазъ. Свѣтъ пришелъ въ міръ, но не для нихъ. Шесть тысячъ лѣтъ борятся сыны Адама, родные братья этихъ несчастныхъ, съ нуждой и тьмой, и ихъ завоеванія тутъ на лицо въ видѣ несмѣтныхъ благъ, а для слѣпцовъ точно ничего не было и нѣтъ. Буквы азбуки—для нихъ загадка. Весь духовный міръ для нихъ закрытъ. Есть ли на землѣ неправда болѣе вопіющая; можно ли говорить о ея виновникахъ въ приличныхъ выраженіяхъ?» Оставляя въ сторонѣ отвлеченныя идеи справедливости, Карлейль снова переходитъ на практическую почву гибельныхъ результатовъ для всей страны и для всѣхъ сословій (такъ-какъ всѣ люди, по счастью, неразрывно связаны между собою) отъ небрежности признанныхъ опекуновъ. «Нельзя забывать,—говоритъ онъ,—что эти милліоны, оставленные въ хаотической тьмѣ, будутъ выбиваться изъ нея по собственному усмотрѣнію и могутъ мало-по-малу превратить міръ въ груду развалинъ. Слѣдовательно, вывести ихъ оттуда мирнымъ путемъ необходимо во что бы то ни стало, и средство наиболѣе легкое — просвѣщеніе ихъ темныхъ умовъ». Переходя къ вопросу объ эмиграціи, Карлейль видитъ въ ней средство избавить одну страну отъ излишка населенія, облагодѣтельствовавъ другую и не прибѣгая къ системамъ истребленія. Теорія Мальтуса кажется ему возмутительной и преступной. На землѣ еще такъ много мѣста для всѣхъ; безграничные равнины, луга и лѣса ждутъ только рабочихъ рукъ, чтобы отплатить сторицей, пріютить и накормить.—Статья кончается призывомъ къ вождямъ, которые, на подобіе древнихъ варваровъ, но только съ плугомъ и паровикомъ, вмѣсто сѣкиры и военныхъ колесницъ, вывели-бы излишнія массы терпѣливаго труда и мужественной энергіи изъ тѣсной родины въ новую отчизну. Теперешніе же правители Англіи, по его мнѣнію, заняты только парламентскимъ пустословіемъ и охраной дичи своихъ парковъ, пренебрегая насущными потребностями страны.

Въ то время соціально-политическіе вопросы занимали всѣхъ и каждаго. Неудивительно поэтому, что Карлейль посвятилъ нѣсколько лѣтъ изслѣдованію современнаго положенія Англіи и его отношенія къ великой исторической эпохѣ англійской революціи, которой онъ спеціально занимался [1]) для задуманной имъ исто-

[1]) Впрочемъ, и въ это время онъ отвлекался отъ главнаго предмета своихъ занятій для журнальныхъ статей: Вальтеръ Скоттъ, Варнагенъ (1838); Баль (1841);

Digitized by Google

рія Кромвеля. Въ 1843 г. вышло отдѣльной книжкой «Прошлое и Настоящее» (Past and Present), поэтическая параллель между энергичной, цѣлесообразной и сознательной работой людей Кромвелевской эпохи и скептическимъ, шатким, безплоднымъ метаніемъ въ разныя стороны современныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей. Вдали онъ видитъ идеалы, стройное космическое движеніе, въ настоящемъ — ничего кромѣ хаоса, безпорядка и разложенія. Позабывъ божественные законы, современныя поколѣнія не знаютъ другихъ принциповъ, кромѣ принципа наибольшаго счастія и парламентаризма. Евангеліе Мамоны признается непреложной истиной. Платежи составляютъ и единственную связь между людьми. Позорное бездѣйствіе соединено съ наглой пустотой и лживостью громкихъ рѣчей. Аристократія, охраняющая права охоты, и ничего не производящая; аристократія эксплуатирующая, дѣятельная и денежная, и аристократія пергаментная, съ соотвѣтствующими притязаніями, лежатъ на обществѣ тяжкимъ бременемъ вмѣстѣ съ разными другими язвами, сбивая съ толку общественную мысль и дѣятельность. О господствѣ аристократіи законной, т.-е. о сосредоточеніи власти въ рукахъ достойнѣйшихъ и мудрѣйшихъ, забыли думать. Надежды, впрочемъ, терять не слѣдуетъ. Англія, несмотря на теоретическій вздоръ, который она любитъ молоть, обладаетъ глубокимъ практическимъ смысломъ. Изъ европейскихъ народовъ англичане, по мнѣнію Карлейля, всѣхъ глупѣе на словахъ и всѣхъ умнѣе на дѣлѣ; къ тому же они народъ энергичный и трудолюбивый. Въ мірѣ, въ сущности, есть только одно страшное чудовище—праздный и лѣнивый человѣкъ. Всякой работѣ присуще внутреннее благородство, и блаженъ тотъ, кто нашелъ себѣ дѣло. Другого блаженства не нужно. Не нужно и другой религіи. Пріятнѣйшая Богу молитва—молитва труда. Да, велика эта молитва и нѣтъ ея выше. Сдѣлать клочокъ земли плодоноснымъ, сдѣлать нѣсколько человѣческихъ сердецъ разумнѣе, мягче, счастливѣе—развѣ это не приближеніе къ Богу?—Какъ поясненіе къ парадоксу силы и права, эта проповѣдь труда пріобрѣтаетъ особенный интересъ, и ея не слѣдуетъ упускать изъ виду для справедливой оцѣнки міросозерцанія Карлейля. По естественному сцѣпленію мыслей, онъ перешелъ отъ преклоненія передъ героизмомъ, громкимъ, величественнымъ, потрясающимъ міръ, къ поклоненію передъ скромнымъ, безвѣстнымъ героизмомъ терпѣливаго труда.

д-ръ Франція (1843). Выборы въ долгій парламентъ (1844); не считая мелкихъ замѣтокъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Digitized by Google

Великъ, прекрасенъ, достоинъ поклоненія въ его глазахъ герой, открывающій новые горизонты или держащій въ рукахъ своихъ судьбы міра, но столь же великъ, прекрасенъ и достоинъ поклоненія безвѣстный труженикъ, который честно и мужественно борется съ нуждой и искушеніями въ своей узкой сферѣ, внося свою скромную лепту въ общую сокровищницу вѣчности.

Уваженіе къ труду и труженику рѣзко выражается во всѣхъ статьяхъ Карлейля. Начиная съ Sartor'a, можно вездѣ встрѣтить у него варіанты на тэму: «двухъ людей я уважаю на свѣтѣ и только двухъ—чернорабочаго съ мозолистыми руками и загорѣлымъ лицомъ и работника мысли, проливающаго свѣтъ въ міръ». Работникъ, дѣлающій свое дѣло съ любовью, добрый, поющій за работой—его идеалъ. «Кто не работаетъ—не долженъ ѣсть, не долженъ жить». Симпатіи къ народу очевидны и изъ небольшой статьи (1832) по поводу Cornlaw Rhymes, сборника соціально-политическихъ стихотвореній одного простолюдина. Сборникъ этотъ, по словамъ Карлейля, замѣчателенъ вдвойнѣ: онъ знакомитъ насъ съ малоизвѣстнымъ бытомъ рабочихъ и представляетъ правдивое выраженіе ихъ чувствъ и понятій въ истолкованіи поэта, вышедшаго изъ той же среды. «Пѣсни раздаются тутъ изъ-подъ земли, гдѣ идетъ непрерывная работа въ потѣ лица, суровая борьба съ нуждой и всѣми темными силами, гдѣ нѣтъ досуга для пустословія и жалобъ отъ скуки. Мы видимъ поэта чистосердечнаго и непосредственнаго, изображающаго міръ и свои отношенія къ нему совершенно такъ, какъ они сложились въ его умѣ, безъ предвзятыхъ теорій и искусственной сентиментальности философа, разсуждающаго о дѣйствительной, а не призрачной жизни. Какіе голоса имѣютъ право на вниманіе, если не эти? Они такъ рѣдки въ наше изолгавшееся и невѣрующее время».

Первое десятилѣтіе лондонской жизни Карлейля прошло въ усиленныхъ трудахъ и составило ему почетное имя, но принесло мало внѣшнихъ перемѣнъ. Семейное счастье продолжалось, здоровье было по-прежнему плохо, финансы поправились, такъ какъ со смертью тещи 200 ф. дохода съ фермы перешли къ г-жѣ Карлейль [1]). Лѣтомъ или осенью супруги позволяли себѣ поѣздки въ Шотландію, на берегъ моря, или къ знакомымъ. Одна изъ поѣздокъ (1842 г.) была связана съ посѣщеніемъ родины Кромвеля, для исторіи котораго Карлейль собиралъ матеріалы или,

[1]) Шотландскую ферму, завѣщанную ему женой, Карлейль въ свою очередь завѣщалъ Эдинбургскому университету.

Digitized by Google

вѣрнѣе, разбиралъ груды рукописей и сбивчивыхъ старыхъ книгъ, темноту на темнотѣ. Знакомство съ мѣстностью много способствовало рельефности изображенія театра разныхъ событій. Кромвель стоилъ Карлейлю четырехъ лѣтъ утомительной и скучной работы при плохомъ здоровьѣ. Новый историческій трудъ, вышедшій въ 1845 г. подъ заглавіемъ «Oliver Cromwell's Letters and Speeches» (Письма и Рѣчи Оливера Кромвеля) имѣлъ сразу громадный успѣхъ и высоко цѣнится знатоками. Жизнь Кромвеля (послѣ краткаго «вступленія» и указанія главнѣйшихъ событій, предшествовавшихъ началу его общественной дѣятельности) разсказана здѣсь подлинными рѣчами и письмами съ краткими поясняющими замѣтками Карлейля. Комментаріи къ этому тексту составлены съ удивительнымъ мастерствомъ, и документы подобраны необыкновенно искусно, такъ что въ результатѣ получается увлекательная и цѣльная картина.

Разсуждая объ этомъ замѣчательномъ сборникѣ писемъ и рѣчей, критики говорятъ обыкновенно, что Карлейль, какимъ-то особеннымъ волшебствомъ поэтическаго творчества, съумѣлъ вызвать изъ прошлаго не тѣни, а живые образы Кромвеля и его сподвижниковъ, воспроизвести весь внѣшній обликъ (отъ ландшафта до мелочей домашней обстановки) и все внутреннее содержаніе этой великой исторической эпохи. «Передъ нами Кромвель лицомъ къ лицу,—говоритъ Тэнъ (нѣмецкіе критики и англичане говорили то же на разные лады),—мы слышимъ его слова и звукъ его голоса. Намъ извѣстны всѣ побудительныя причины каждаго его поступка. Онъ въ палаткѣ, въ совѣтѣ, на полѣ битвы съ своей особенной физіономіей, со всѣми подробностями костюма»[1]). И мысль, руководившая пуританами, становится ясной, какъ черты ихъ суровыхъ честныхъ лицъ. «Такъ ли я поступаю, какъ велитъ долгъ и совѣсть? Какой судъ произнесъ-бы надо мной въ эту минуту Господь праведный?» Эта основная мысль, создавшая энергичныхъ независимыхъ гражданъ, послушныхъ одной совѣсти, переродила и распущенную, изнѣженную Англію. Особенности карлейлевскаго старозавѣтнаго слога много способствуютъ цѣльности впечатлѣнія. Комментаторъ и дѣйствующія лица какъ-будто принадлежатъ одной эпохѣ по духу и языку и страннымъ образомъ переносятъ въ свой міръ и посвящаютъ въ свои интересы читателя, отдаленнаго отъ нихъ двухсотлѣтнимъ промежуткомъ времени.

Стремленія Карлейля проникать *въ душу* историческихъ лич-

[1]) Сравн. Althaus. „Thomas Carlyle". Unsere Zeit. 1866.

Digitized by Google

ностей, отыскивать тайныя пружины ихъ поступковъ, угадывать ихъ чувства среди внѣшнихъ событій (а не ограничиваться одними внѣшними событіями какъ «Драйасдѣстъ» — фиктивное лицо, типъ педанта и сухого компилятора) и талантъ, создавать по этимъ даннымъ поразительно-жизненные образы, не могли найти болѣе отраднаго для его сердца примѣненія, какъ въ данномъ случаѣ. Кромвель былъ однимъ изъ его любимѣйшихъ героевъ; пуританизмъ, строгое различеніе между добромъ и зломъ, расширенное и развитое сообразно съ потребностями времени — его завѣтнымъ идеаломъ. Изображая «послѣднюю героическую эпоху англійской исторіи», онъ работалъ усидчиво, не жалѣя ни времени, ни труда для розысковъ, чтобы дѣло могло говорить само за себя, чтобы правда получила осязательную убѣдительность для всякаго, а скромный собиратель документовъ могъ стушеваться, не выдавъ своихъ слишкомъ горячихъ симпатій [1]). «Болѣе искуснаго адвоката не имѣлъ ни одинъ кліентъ», замѣчаютъ обыкновенно его критики. Кромвель вышелъ не только оправданнымъ отъ обвиненій, тяготѣвшихъ надъ нимъ около двухсотъ лѣтъ, но покрытымъ славой. Великій протекторъ (сознававшій невозможность безпристрастнаго суда современниковъ) не обманулся слѣдовательно въ своемъ упованіи, что Богъ сердцевѣдецъ пошлетъ человѣка для возстановленія его добраго имени.

Въ продолженіи слѣдующихъ пяти лѣтъ, Карлейль ничего не писалъ. Онъ называетъ ихъ періодомъ глубокой тоски, отчаянныхъ сомнѣній и мучительныхъ мыслей. Поводомъ къ такому душевному состоянію были не личныя невзгоды — жизнь его текла также безмятежно и однообразно какъ прежде — а политическія и общественныя событія: ирландскій голодъ, ирландская эмиграція, революціи на континентѣ, не говоря о другихъ менѣе важныхъ происшествіяхъ, повѣтріяхъ и вопросахъ. Карлейль, вообще не знавшій равнодушія, переживалъ много волненій, надеждъ и разочарованій. Ирландскія дѣла приводили его въ негодованіе; революціонное движеніе, встрѣченное съ живымъ сочувствіемъ, вновь убѣдило въ горькой истинѣ, что общество созрѣло только для разрушенія и ничего новаго изъ себя создать не въ состояніи.

Изъ этого тяжелаго настроенія духа возникли въ теченіе 1849—50 гг. знаменитые «Памфлеты послѣднихъ дней» (Latter-day Pamphlets), выходившіе отдѣльными брошюрами, а позднѣе

[1]) Карлейль, тѣмъ не менѣе, не избѣжалъ обвиненій въ пристрастіи къ своему герою. Morley, „Carlyle's Cromwell".

Digitized by Google

изданные вмѣстѣ. Они произвели впечатлѣніе болѣе сильное, чѣмъ всѣ прежнія обличенія строгаго «цензора вѣка». Даже въ статьѣ «Чартизмъ» онъ не доводилъ своихъ взглядовъ до такихъ, исключавшихъ всякую возможность соглашенія, крайностей, и не высказывалъ ихъ съ такой горячностью и безстрашіемъ. Мрачныя картины общественнаго разложенія и безумія, жестокія обличенія активныхъ или пассивныхъ преступленій и нелѣпыхъ бредней казались страннымъ диссонансомъ въ такое время, когда общество, до извѣстной степени упоенное своими подвигами, самодовольно останавливалось на разныхъ парламентскихъ и филантропическихъ нововведеніяхъ, соціальныхъ и экономическихъ теоріяхъ, научныхъ открытіяхъ и утѣшительныхъ цифрахъ возростающаго благосостоянія страны. Памфлеты не щадили ни одной партіи, ни одного существующаго учрежденія, ни одной изъ предлагаемыхъ государственныхъ или общественныхъ мѣръ. Все было гнило, нелѣпо, фальшиво, смѣшно или преступно. Только геніальный вождь, истинный цезарь и диктаторъ могъ, по мнѣнію Карлейля, спасти общество, собрать бродячіе элементы, превратить хаосъ въ стройное цѣлое.

Серія памфлетовъ началась «Рѣчью по поводу невольничьяго вопроса» (Occasional discourse on the Nigger-question), заставившей обвинять автора въ сочувствіи рабству и крѣпостному состоянію. Дѣйствительно, она написана не въ «либеральномъ» духѣ и представляетъ самое крайнее развитіе карлейлевскихъ любимыхъ теорій «силы и права», «справедливости», «власти и подчиненія». Карлейль безпощадно осмѣиваетъ ложное направленіе филантропіи, выразившееся въ освобожденіи невольниковъ въ англійскихъ колоніяхъ, и рисуетъ картины «умилительныя» для общества, «плавающаго въ пѣнѣ розовой сентиментальности»: съ одной стороны кучка счастливыхъ черныхъ за морями нѣжится подъ благодатнымъ небомъ, по уши въ сладкой тыквенной кашѣ (причемъ, плантаціи, созданныя энергіей англичанъ и необходимыя для страны, идутъ къ чорту, за недостаткомъ рабочихъ рукъ); съ другой—милліоны несчастныхъ бѣлыхъ выбиваются изъ силъ, на глазахъ у всѣхъ, безъ всякихъ правъ, не имѣя даже картофеля для утоленія голода. Не того требуетъ, по мнѣнію Карлейля, справедливость. Человѣкъ долженъ и можетъ пользоваться только тѣмъ, что̀ заслужилъ, на что имѣетъ дѣйствительныя, а не «отвлеченныя» права. Филантропическія бредни приносятъ не пользу, а вредъ. Неразвитому негру можно благодѣтельствовать лишь на одинъ ладъ, заставивъ его, такъ или иначе, исполнять земное назначеніе каждаго существа—трудиться

Digitized by Google

по мѣрѣ способностей и силъ. Лѣнь и пьянство, поприще открытое ему «эманципаціей» погубитъ его, сгноитъ нравственно, а не выведетъ на путь человѣческаго развитія. Карлейль далекъ отъ ненависти или предубѣжденія противъ негровъ. «Quashee» (кличка негровъ)—въ сущности милый человѣкъ, веселый, добродушный (если душа въ немъ не убита), почтенный человѣкъ, если онъ трудится (во сто кратъ почтеннѣе отъѣвшихся бѣлыхъ слугъ, порожденій новой теоріи повышенія низменнаго нравственнаго уровня посредствомъ простого улучшенія внѣшнихъ условій). Негръ одинъ изъ всѣхъ дикарей способенъ существовать рядомъ съ бѣлыми и быть съ ними въ добрыхъ отношеніяхъ, *но только* при разумномъ руководствѣ. Руководство ему положительно необходимо; управлять собой Quashee не въ состояніи. Невольничество съ его ужасами и жестокостями возмутительно для Карлейля, какъ и для всякаго порядочнаго человѣка, но оно особенно возмущаетъ его въ примѣненіи не къ чернымъ, а къ бѣлымъ рабамъ, напр., къ ирландцамъ. Притомъ рабство бѣлыхъ сложнѣе. Расѣ низшей справедливо и неунизительно подчиниться племени высшему и способнѣйшему. Но что сказать о подчиненіи сильнаго слабому, возвышеннаго низкому. Что сказать о подчиненіи мудрости безумію—толпѣ безумцевъ во всеоружіи балотировочныхъ ящиковъ [1]) и другихъ измышленій «зловѣщихъ наукъ» (т.-е. соціологіи, политической экономіи, статистики, конституціонализма и т. д.), заставляющихъ молчать здравый смыслъ и вертящихъ по произволу милліонами. Этому унизительному рабству можетъ быть конецъ, только когда мудрѣйшій будетъ стоять во главѣ государства и каждый займетъ мѣсто, соотвѣтствующее его способностямъ, въ строгой послѣдовательности власти и покорности. Безъ такой іерархіи немыслима, въ глазахъ Карлейля, истинная свобода и стройный порядокъ, а возможны только ужасы, хаосъ и анархія. Возвращаясь къ неграмъ, Карлейль повторяетъ, что имъ, преимущественно передъ прочими, надобенъ разумный хозяинъ, и предлагаетъ, для обоюдной пользы, долгосрочный или пожизненный наемъ (принципъ *номадности* ужасаетъ его во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ) или же нѣчто въ родѣ средневѣкового крѣпостного состоянія—въ полной увѣренности, что злоупотребленій властью со стороны хозяина не будетъ, и что негръ бу-

[1]) Передъ балотировочнымъ ящикомъ Христосъ и Іуда имѣютъ равные шансы, замѣчаетъ Карлейль; Іуда можетъ нагло смотрѣть ему въ лицо: „чѣмъ я хуже тебя!“ и даже весело побрякивать тридцатью монетами въ карманѣ панталонъ.

Digitized by Google

жетъ пользоваться разумной свободой вмѣсто нелѣпой «эманципаціи». Сознавая, что онъ останется съ своимъ мнѣніемъ въ меньшинствѣ одного голоса, Карлейль рѣшается стоять за него до конца. Съ своей точки зрѣнія онъ не ошелъ и впослѣдствіи: сѣверо-американская война за уничтоженіе невольничества не пользовалась его сочувствіемъ. Ему жаль было жизни цивилизованныхъ людей для мнимаго блага дикарей, неспособныхъ пользоваться гражданскими правами, и всегда казалось наиболѣе раціональнымъ заботиться о безправныхъ и голодныхъ массахъ у себя дома.

«Рѣчь о невольничьемъ вопросѣ» не расположила публику въ пользу слѣдующаго памфлета: «Настоящее Время» (The present Time), посвященнаго общеевропейскому революціонному движенію 1848 г. Результатъ этого движенія казался Карлейлю весьма прискорбнымъ. Все ограничилось удаленіемъ нѣсколькихъ мнимыхъ повелителей и жалкими попытками перенести къ себѣ англійскую конституцію, которая и дома-то оказывается никуда не годной — «идеаломъ недостижимымъ и не стоющимъ достиженія». Уничтоженіе обмановъ и призраковъ вещь превосходная и желательная (даже дорогой цѣною), но необходимо замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь положительнымъ. Положительное начало или стремленіе современнаго общества, повидимому, демократія — начало вѣрное лишь въ такомъ случаѣ, если понимать подъ нимъ господство достойнѣйшихъ и разумнѣйшихъ людей цѣлой націи надъ остальными. Иначе оно способно внести въ общество однѣ бѣдствія и должно погибнуть наравнѣ со всѣми уклоненіями отъ естественнаго порядка вещей (слѣдуютъ краснорѣчивыя иллюстраціи). Республика Соединенныхъ-Штатовъ не удовлетворяетъ Карлейля. Это — «анархія *плюсъ* уличный констебль», и онъ убѣжденъ, что констебль не долго удержится на своемъ мѣстѣ. Привилегія неразумныхъ и незнающихъ — быть руководимыми знающими и разумными. Судьба эманципированной безпомощности, во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія, — явленіе печальное, приносящее гибель, ведущее за собой неизбѣжно трагическую развязку. (Карлейль сочувствуетъ «эманципаціи» женщинъ также мало какъ и «эманципаціи» негровъ; онъ требуетъ сначала данныхъ для самостоятельной жизни). Современная Англія упорно стремится, по его мнѣнію, къ конституціонной анархіи. «Промышленная жизнь ея быстро превращается въ болото съ ядовитыми испареніями». Соціальныя науки и экономическія теоріи сбиваютъ съ толку, а не указываютъ пути. Для спасенія страны необходима *правильная организація труда*, а еще болѣе (вѣч-

Digitized by Google

ный его припѣвъ!)—правитель энергичный и мудрый, настоящій, а не мнимый (не въ родѣ тѣхъ, которые были низвергнуты послѣднимъ революціоннымъ движеніемъ, или сами ушли по добру по здорову). Пора перестать болтать и приниматься за дѣло. Обстоятельства слишкомъ серьёзны.

Третій памфлетъ: «Образцовыя тюрьмы» (Model Prisons) энергически порицаетъ направленіе извращенной современной филантропіи и образъ дѣйствія недальновидныхъ и пожалуй даже не искреннихъ филантроповъ. У всѣхъ ихъ общая замашка: пренебрегать матеріаломъ здоровымъ или подающимъ надежды, возвращаться къ нему, когда онъ сгнилъ (чтобы съ заботливымъ вниманіемъ отыскивать, не осталось ли гдѣ живой нитки), и въ концѣ-концовъ гордиться своими подвигами. Образцовыя тюрьмы—въ которыхъ отъявленные злодѣи, представители всѣхъ звѣрскихъ и животныхъ сторонъ человѣческой природы, умственные или нравственные идіоты помѣщены какъ принцы въ идеальномъ комфортѣ и при идеальной деликатности обращенія—возмущаютъ чувство справедливости въ Карлейлѣ безотносительно. А тѣмъ болѣе въ виду того, что тутъ же, бокъ-о-бокъ съ образцовымъ дворцомъ для «дьявольской дружины», честные труженики, сохранившіе образъ человѣческій въ борьбѣ съ нуждой и искушеніями, скучены въ жилищахъ, напоминающихъ свиные хлѣва, и тысячи дѣтей отданы на произволъ соблазнамъ и невѣжеству. Филантропамъ необходимо преступленіе (и чѣмъ ужаснѣе, тѣмъ лучше), чтобы сдѣлать изъ субъекта предметъ нѣжной любви и заботливости. Общества этого рода Карлейль называетъ «обществами покровительства негодяямъ и лѣнтяямъ»—отребью, которому по всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ слѣдуетъ сгинуть и исчезнуть, все равно, какъ и гдѣ, только чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, чтобы дать мѣсто честнымъ людямъ. Тюремную реформу онъ совѣтуетъ англичанамъ рѣшить поскорѣе въ смыслѣ согласномъ съ божескими законами и заняться реформами, болѣе важными и настоятельными для блага страны.

Памфлетъ: «Downing Street» направленъ противъ англійской политической системы, въ которой авторъ видитъ одну жалкую рутину, «непроходимую чащу, обитаемую существами совсѣмъ или почти совсѣмъ глухими къ голосу человѣческаго разсудка и человѣческихъ нуждъ». Вмѣсто нихъ онъ, разумѣется, желаетъ видѣть главой государства одного великаго человѣка, избраннаго изъ 27-милліоннаго населенія,—не призракъ власти достоинства и мудрости, а дѣйствительное олицетвореніе этихъ свойствъ въ одномъ, или пожалуй въ нѣсколькихъ правителяхъ. Тогда нач-

Digitized by Google

нется царство желанной демократіи и кончится анархія. Памфлетъ касается спеціальныхъ англійскихъ общественныхъ и колоніальныхъ вопросовъ и злобъ дня. «New Downing Street», четвертый памфлетъ,—продолженіе разсужденій на ту-же тэму. Покончивъ съ спеціальными вопросами и переходя къ общимъ, Карлейль находитъ, что общественная и частная жизнь, государство и религія, въ ихъ настоящемъ положеніи, представляютъ повсемѣстно въ Европѣ смѣсь полу-истинъ и цѣлыхъ лжей. Условія прочнаго и вѣрнаго улучшенія порядка вещей возможны только при уничтоженіи важнѣйшей изъ общественныхъ язвъ и тягчайшаго изъ общественныхъ преступленій — пауперизма; но осуществленіе разумныхъ и цѣлесообразныхъ мѣръ въ этомъ смыслѣ возможно лишь тогда, когда власть будетъ сосредоточена въ рукахъ способныхъ людей. Необходимо не только умѣть повелѣвать, но и повиноваться. Кто не умѣетъ ни того ни другого—ни на что не годенъ. Для развитія этихъ существенныхъ добродѣтелей нужно разумное воспитаніе молодого поколѣнія; современная же система воспитанія состоитъ изъ осколковъ пустыхъ фразъ. Карлейль полагаетъ и надѣется, что будущіе наставники станутъ прежде всего учить молчаніемъ.—Въ пятомъ памфлетѣ: «Ораторъ Чурбанъ» (Stump orator) Карлейль изливаетъ свою жолчь противъ ненавистнаго ему разглагольствованія нашего вѣка. «Слова и слова—слова вездѣ!» Весь міръ поклоняется Молоху публичныхъ рѣчей, парламентскому краснорѣчію, и послѣдствіемъ бываетъ неспособность къ дѣлу, умственная смерть. Нужны не пустыя слова, а разумное дѣло; не болтунъ, а работникъ. Благодѣтельной реформой было бы для злополучнаго нашего общества, еслибы хоть одно поколѣніе провело свою жизнь въ молчаніи: вся мякина отпала бы тогда отъ зерна въ людяхъ и предметахъ. «Не стремись быть ораторомъ или публицистомъ, юный британецъ; не говорить и писать обязала тебя природа, а работать», совѣтуетъ Карлейль молодому поколѣнію. При такихъ воззрѣніяхъ, онъ, очевидно, не могъ ждать пути отъ парламентаризма. Его всегдашняя нелюбовь къ послѣднему постепенно усиливалась при видѣ того, какъ палаты разсуждаютъ о пустякахъ, пренебрегая насущными интересами страны. «Парламентъ,—замѣчаетъ Карлейль въ другомъ памфлетѣ,—безполезенъ въ своей настоящей формѣ, и всѣ усилія преобразовать его не поведутъ ни къ чему; это учрежденіе не относится серьёзно ни къ чему, не исключая рѣчей и балотировокъ». Въ исторіи были только два вліятельныхъ парламента, англійскій

Digitized by Google

долгій парламентъ и французскій конвентъ. Слѣдуетъ стремиться не къ фикціи парламентскихъ реформъ, а къ реальности верховнаго руководителя. Толпа, кишащая вокругъ избирательной трибуны, въ глазахъ Карлейля, явленіе безобразное. Еслибы можно было исключить избирательные голоса рабовъ и негодяевъ, сохранивъ голоса свободныхъ и достойныхъ людей, тогда, безспорно, настало бы лучшее время. Теперь же,—какъ онъ показываетъ въ шестомъ памфлетѣ: «Памятникъ Гудсону» (Hudson's statue),—нѣтъ надежды на свѣтлую будущность, потому что герои дня—Гудсонъ, желѣзно-дорожный царь, и безчисленные фетиши, а не Кромвель и предметы достойные поклоненія. По смыслу послѣдняго изъ памфлетовъ: «Іезуитизмъ» (въ началѣ котораго помѣщена рельефная характеристика Лойолы и его ученія), ложь и лицемѣріе распространились всюду вмѣстѣ съ матеріализмомъ и практичностью—лисьей мудростью, знающей, гдѣ гуси и какъ ихъ душить. Человѣческое міросозерцаніе, человѣческая религія, человѣческіе интересы и понятія вытѣсняются... философіей свиней. Упомянутый «Зауэртейгъ» сообщилъ Карлейлю удивительный документъ — изложеніе основныхъ началъ свинской философіи, знакомство съ которой необходимо при системѣ общей подачи голосовъ: «какъ же предписывать законы, не зная потребностей и желаній голосующихъ?» (Само собой разумѣется, что для свиней весь міръ воплощенъ въ неизмѣримомъ корытѣ съ помоями: зло есть невозможность пристроиться у этого корыта, добро — свободный доступъ къ нему; рай, онъ же и золотой вѣкъ,—неограниченное пользованіе помоями; адъ—вѣчное лишеніе оныхъ. Наука, поэзія, законы, гражданскіе и нравственные,—словомъ, всѣ помыслы и идеалы свиней сосредоточены вокругъ корыта. Каждый пунктъ опредѣляется особымъ §, и таковыхъ набирается 52). Со всякой религіей вообще, продолжаетъ Карлейль, вытѣснена теперь и религія изящныхъ искусствъ. И тутъ мы видимъ ложь, лицемѣріе или пустую забаву. При подобномъ вырожденіи того, что было нѣкогда святымъ для людей, можно пожелать («съ однимъ пріятелемъ»), «чтобы чортъ побралъ всѣ искусства!» (Нужно замѣтить, что, преслѣдуя лже-искусство, Карлейль много способствовалъ развитію любви къ искусству истинному). Въ концѣ памфлета онъ выражаетъ отрадную увѣренность, что нравственный упадокъ и скептическое оцѣпенѣніе общества не могутъ продолжаться долго. Подъ этимъ болотомъ лежитъ заколдованная мысль, способная сдѣлаться героической и подвинуть людей на великія дѣла.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе этихъ страстныхъ іе-

Digitized by Google

реміадъ. Въ свою вѣру Карлейль, разумѣется, не обратилъ ими никого: соотечественники его остались вѣрны конституціоннымъ преданіямъ, и общественная мысль, взявъ однажды анти-мистическое направленіе, бодро шла впередъ по пути научныхъ теорій и изслѣдованій. Ему, не безъ основанія, ставили въ упрёкъ, что онъ смѣшиваетъ средства съ цѣлями и не хочетъ принимать въ разсчетъ послѣдовательности историческаго развитія; далѣе, что безпощадно порицая придуманныя другими средства лечить общество и заносчивыя увлеченія модными ученіями, онъ, съ своей стороны, не указываетъ никакого выхода. «Вотъ вы продѣлали или открыли новую дыру въ старомъ общественномъ котлѣ; какъ же вы намѣрены починить ее?» спрашивалъ де-Квинси—и отвѣта не получилъ. Дѣйствительно, талантами государственнаго человѣка Карлейль не обладалъ вовсе и не предложилъ ни одной практически-осуществимой мѣры—напротивъ, много туманныхъ и неуловимыхъ. Его соціальныя и политическія теоріи представляютъ въ сущности стремленіе къ невозможному идеалу, попытки соединить и удержать все, что́ было лучшаго въ прошломъ и настоящемъ. Глубокія, хотя суровыя, истины, высказанныя рядомъ съ задирательными парадоксами, дѣлали свое дѣло, но (мнимый) «обскурантизмъ» памфлетовъ поражалъ всѣхъ и даже послужилъ поводомъ къ разрыву съ многими пріятелями. Карлейль былъ осаждаемъ письмами отъ незнакомыхъ людей и посторонними посѣтителями, требовавшими разъясненій. Многіе полагали, что онъ сошелъ съ ума, спился и т. под. Сочувствіе и поддержку онъ встрѣчалъ въ очень немногихъ, если не считать «одной особы», неизмѣнно убѣжденной въ его правотѣ и всегда понимавшей именно то, что́ онъ хотѣлъ сказать.

Освободившись посредствомъ памфлетовъ отъ «мыслей, давившихъ его, какъ гора», въ періодъ литературнаго молчанія, Карлейль сдѣлался покойнѣе, но чувствовалъ себя утомленнымъ, «обезсиленнымъ борьбой». Онъ стремился къ работѣ, на которой могъ бы отдохнуть душой, и придумалъ написать біографію незадолго передъ тѣмъ умершаго друга своего Стерлинга. При всемъ домашнемъ и мирномъ характерѣ этой книги, она возбудила въ свое время не мало толковъ, такъ какъ и въ ней косвенно изображена исторія времени и затронуты тѣ же жгучіе вопросы. Особенно энергично протестовало духовенство, которому Карлейль не польстилъ. «Жизнь Стерлинга» (въ смыслѣ біографіи) считается мастерскимъ произведеніемъ. Самъ авторъ любилъ эту книгу всего болѣе потому, что, касаясь семейной жизни

Digitized by Google

Стерлинга и подробностей сближенія съ нимъ, удалось очень живо изобразить г-жу Карлейль. Можно прибавить, что, безсознательно для него самого, ему удалось изобразить и себя донельзя мягкимъ и добрымъ человѣкомъ, полнымъ сочувствія къ горю и радостямъ другихъ. Такимъ и былъ въ дѣйствительности суровый обличитель лицемѣрія и пороковъ, несмотря даже на свою диспепсію. На этой біографіи Карлейль отдохнулъ и собрался съ силами для своего послѣдняго великаго труда.

Принимаясь въ 1852 г. за приготовленія къ *Исторіи Фридриха Великаго*, Карлейль находилъ полезнымъ представить современникамъ живой примѣръ торжества созидательныхъ началъ и спасительнаго вліянія геніальныхъ вождей на судьбу народовъ. Среди общаго банкротства XVIII ст., человѣкъ—отнюдь не полубогъ—одаренный свѣтлымъ умомъ, живымъ чутьемъ правды и дѣйствительности, правдивый и искренній въ словахъ и дѣлахъ, могъ сдѣлать чудеса, олицетворяя собою идеалъ монарха. Такую жизнь стоило изучить съ особеннымъ вниманіемъ, въ назиданіе всѣмъ и каждому. Ни для одной изъ своихъ историческихъ работъ не потратилъ Карлейль столько труда; не было той книги или брошюры, имѣвшей отношеніе къ изучаемой эпохѣ, которую онъ бы не прочелъ съ должнымъ вниманіемъ. При всемъ отвращеніи къ путешествіямъ, онъ поѣхалъ въ Германію изучать мѣстность и типы (причемъ воспользовался случаемъ посѣтить мѣста, связанныя съ именами Гёте, Шиллера и Лютера), а по возвращеніи буквально заперся въ мезонинѣ, устроенномъ спеціально «для Фридриха» [1]). Никто, за исключеніемъ «назойливыхъ глупцовъ», не рѣшался отрывать его отъ дѣла. Такъ провелъ онъ цѣлыхъ тринадцать лѣтъ за усиленной работой, на «ненавистномъ чердакѣ».

Исторія Фридриха, прельстившая Карлейля издалека, сдѣлалась для него, съ теченіемъ времени и вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, тяжкимъ испытаніемъ. Къ мучительному напряженію всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ, присоединялась, по его словамъ, совершенная безнадежность, не то что выполнить свою задачу съ успѣхомъ, а просто одолѣть ее. Онъ называетъ «Фридриха» не иначе, какъ «кошмаромъ», отъ котораго онъ никакъ не могъ освободить мысль; ропщетъ при воспоминаніи о томъ, сколько лѣтъ онъ напрасно «прижималъ къ своей груди

[1]) Съ цѣлью избавиться отъ городского шума и имѣть подъ рукой весь обширный матеріалъ.

Digitized by Google

нечистыхъ тварей, прусскихъ тупицъ, въ надеждѣ подслушать тайны ихъ сердца». Для его бѣдной жены испытаній было не меньше: «мои книги всегда дорого обходились ей,—замѣчаетъ Карлейль по поводу Кромвеля,—обрушиваясь на нее, какъ болѣзнь или непогода, безъ вѣдома и выбора». Но всего дороже обошелся ей Фридрихъ. Ей приходилось дѣлать невѣроятныя усилія, «чудеса алхиміи», чтобы, превозмогая собственныя страданія (нервныя боли, признанныя докторами за симптомы пораженія спинного мозга, не давали ей покоя ни днемъ, ни ночью), находить ту золотую ясность духа, которая была необходимымъ лекарствомъ для его хандры и усталости. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Карлейль много разъ упрекаетъ себя за невниманіе къ женѣ, но особенно за зимніе вечера 1858 года. Она лежала больная, а онъ, «подавленный кошмаромъ», приходилъ къ ней на какіе-нибудь ½ часа... разсказывать про битву подъ Молльвицемъ! Она слушала эту «скучную канитель» молча, но, повидимому, съ интересомъ, и только два года спустя, когда ей стало немного легче, призналась съ доброй улыбкой, что была въ это время какъ на горячихъ угольяхъ, отъ боли и мысли, что сойдетъ съ ума.

Тяжелые тринадцать лѣтъ Фридриха могутъ быть разсказаны въ немногихъ словахъ. Внѣшнихъ событій никакихъ [1]). Со стороны жены—длинный мартирологъ; въ довершеніе бѣдъ, она въ 1863 г. упала изъ экипажа и вывихнула ногу, что вмѣстѣ съ параличемъ правой руки дѣлало ея положеніе весьма тяжелымъ; со стороны мужа — плохое здоровье, горе изъ-за жены, «кошмаръ» и «прусскіе тупицы». «Никакой отрады не дала мнѣ эта работа—одни мученія», признается Карлейль въ 1858 г. Варнгагену, при вторичной поѣздкѣ въ Германію для изученія полей битвъ Фридриха II.

Первая половина его историческаго труда (исторія Фридриха-Вильгельма I и молодости Фридриха II) вышла въ 1858 г. и встрѣтила довольно холодный пріемъ: публика не могла сразу заинтересоваться мало симпатичными нѣмцами, о которыхъ приходилось читать массу подробностей, изложенныхъ довольно туманно и сбивчиво на весьма эксцентричномъ языкѣ. За то второй томъ (въ первоначальномъ изданіи теперешнія пять книжекъ составляли двѣ) поразилъ всѣхъ своими художественными достоинствами, сжатостью разсказа, живостью изображаемыхъ лицъ,

[1]) Кромѣ смерти матери. Карлейль, посѣщавшій ее почти ежегодно, радовался, что, несмотря на всѣ хлопоты, успѣлъ посѣтить ее передъ отъѣздомъ въ Германію.

Digitized by Google

страстью, силой и прелестью драматическихъ эпизодовъ [1]). Съ другой стороны, этотъ томъ, болѣе прочихъ, подвергся осужденію спеціалистовъ за пренебреженіе къ исторической правдѣ и чрезмѣрную «независимость» въ оцѣнкѣ характера Фридриха-Вильгельма I. Карлейль, наперекоръ историкамъ (которыхъ онъ безцеремонно называетъ безсмысленными педантами, «Драйасдѣстами», прибавляя, что «Dryasdust» по-нѣмецки значитъ «gelehrter Dummkopf»), изображаетъ отца Фридриха II существомъ, «отмѣченнымъ Божьимъ перстомъ, оклеветаннымъ и непонятымъ, правдивымъ и правосуднымъ, человѣкомъ съ нѣжной и поэтической душой подъ грубою оболочкой». Прусскіе историки, отдавая должное заслугамъ и достоинствамъ этого своеобразнаго деспота, относились обыкновенно довольно мягко къ его странностямъ и жестокостямъ; но идеализировать его не отваживался рѣшительно никто. Карлейль же съумѣлъ сдѣлать его героемъ историческаго романа, смягчить до послѣдней степени звѣрское обращеніе съ сыномъ, въ которомъ упрямый консерваторъ преслѣдовалъ ненавистные французскіе идеи и нравы, навести розовый свѣтъ на примиреніе отца съ сыномъ и доводить не особенно крѣпкихъ нервами читателей до слезъ картиной горькихъ разочарованій и печальныхъ послѣднихъ дней этого сердитаго сумасброда. Недаромъ, слѣдовательно, прижималъ онъ прусскихъ тупицъ къ своему сердцу и не даромъ считалъ, что писать исторію, способную дѣйствовать на умы, должны великіе художники, а не кто другой. Несостоятельность излишней субъективности въ исторіи доказывается, однако, всего лучше послѣднимъ произведеніемъ Карлейля. Любовь къ избранному герою увлекла его до слѣпоты не лучше той, въ которой онъ упрекалъ педантовъ, и до положительной несправедливости къ другому лицу, сроднаго типа, но стоящему несравненно выше по всѣмъ даннымъ ума, характера и замысловъ. Петръ Великій, какъ безусловный врагъ «хаоса и анархіи», первый работникъ на престолѣ, великій реформаторъ, истинный творецъ государства, долженъ былъ бы повидимому пользоваться всѣми симпатіями Карлейля. Недостатки, которые не отталкивали его въ Фридрихѣ-Вильгельмѣ, не должны были отталкивать и въ Петрѣ. Между тѣмъ, Карлейль (упоминающій о Петрѣ по поводу проѣзда черезъ Берлинъ въ 1717 г.), назвавъ его «смѣсью геройской доблести

[1]) Желающимъ познакомиться подробнѣе съ этимъ произведеніемъ можно указать на двѣ прекрасныя статьи Дружинина: „Фридрихъ-Вильгельмъ I“ и „Первые годы царствованія Фридриха II“ (по Карлейлю). Собр. Соч. 1865, Т. V.

Digitized by Google

и животнаго самоѣдскаго варварства», останавливается преимущественно на послѣднихъ свойствахъ—даже гораздо подробнѣе, чѣмъ бы слѣдовало въ бѣгломъ очеркѣ — и оставляетъ доблести совершенно въ сторонѣ [1]).

Что касается главнаго героя этой исторіи, т.-е. самого Фридриха II, то и онъ, безъ всякаго сомнѣнія, идеализированъ. Недостатки смягчены, достоинства выставлены въ особенно благопріятномъ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе, по общему признанію, портретъ его, въ этой поэтической Вандиковской редакціи, даетъ болѣе полное и вѣрное понятіе о геніальномъ монархѣ и человѣкѣ, чѣмъ точнѣйшая, но сухая фотографія. Любой художникъ могъ бы позавидовать рельефности и жизненности не только главнаго лица, но и всѣхъ остальныхъ, а также пейзажа и аксесуаровъ каждаго описываемаго событія, отъ сраженій до шутливыхъ бесѣдъ за ужиномъ въ кругу приближенныхъ. Нѣмецкая критика, которая, какъ и слѣдовало ожидать, обратила особое вниманіе на новое произведеніе Карлейля, отнеслась къ нему вообще вполнѣ справедливо въ похвалахъ и порицаніяхъ. Отдавая должное красотамъ «историческаго романа» (дѣйствительно эта исторія читается, какъ повѣсть), нѣкоторые спеціалисты рѣшили, впрочемъ, что подобныя произведенія роняютъ достоинство исторіи. По этому поводу Альтгаузъ (разсуждая объ исторіи Фридриха и другихъ историческихъ сочиненіяхъ Карлейля) замѣчаетъ: «Карлейля нужно брать такимъ, каковъ онъ есть, со всѣми достоинствами и недостатками. Къ этой сильной и самобытной личности, къ этому оригинальному и бурному мыслителю, взирающему на все и творящему по собственнымъ законамъ, не-

[1]) Русскаго читателя можетъ особенно остановить здѣсь описаніе парадная пріема при берлинскомъ дворѣ, гдѣ своеобразная свита непригладной царицы Екатерины—смѣсь кухарокъ и шутихъ въ засаленныхъ балаганныхъ костюмахъ (каждая „дама“ съ младенцемъ на рукахъ, въ знакъ царскаго вниманія)—громко судачитъ, смѣется и хихикаетъ между собой на глазахъ удивленной и сконфуженной королевы (англичанки родомъ), принцессъ, придворныхъ и быстроглазой Вильгельмины, изъ записокъ которой Карлейль заимствовалъ эту картину. Не только его „дамы“, но и самъ Петръ играетъ очень странную роль среди европейцевъ, не внѣшностью разумѣется: его красивое лицо, стройная фигура и простота одежды располагаютъ всѣхъ въ его пользу, а (скандалёзные анекдоты мы оставимъ въ сторонѣ) совершеннымъ неумѣніемъ держать себя въ обществѣ: пальцы королевы хрустятъ отъ его пожатія, и она невольно вскрикиваетъ, вызывая хохотъ Петра и замѣчаніе, что „у его жены кости будутъ по-прочнѣе“. Вильгельмина думаетъ, что онъ, цѣлуя ее, задушитъ или сдеретъ кожу съ лица. За ужиномъ онъ дѣлаетъ такія тѣлодвиженія съ ножомъ въ рукѣ, что сосѣдки обмираютъ со страха; наконецъ напивается и уходитъ, не простясь ни съ кѣмъ, въ отведенный „московитамъ“ дворецъ, гдѣ всѣ хрупкіе и цѣнные предметы заранѣе убраны съ глазъ.

Digitized by Google

приложимы обычныя мѣрки. Не заискивая ничьего расположенія и не страшась ничьей вражды, онъ стоитъ какъ могучій титанъ на твердомъ утесѣ, о который безплодно разбиваются волны океана, громы и потоки небесные. Умъ у него по преимуществу интуитивный. Онъ не можетъ быть строго логичнымъ мыслителемъ, его слишкомъ увлекаетъ воображеніе; онъ поэтъ и юмористъ столько-же, какъ и историкъ; онъ полонъ пантеистическаго уваженія къ жизни въ маломъ и большомъ, и въ то же время непоколебимъ въ своихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ. Стерлингъ справедливо замѣчаетъ, что «Карлейлю мало любить и искать добро, мало изображать его или созерцать въ изображеніи другихъ; мало понимать и радоваться этому познанію; ему нужно передовое мѣсто въ рядахъ бойцовъ за добро, нужно служить ему одному, жить и умереть для него». Такой человѣкъ, если онъ пишетъ исторію, не можетъ подойти къ обычному шаблону, и вопросъ объ уровнѣ достоинства исторіи долженъ быть оставленъ въ сторонѣ. Правда, Карлейль не даетъ округленнаго, безупречнаго въ своей отдѣлкѣ произведенія, подобно Маколею, а вводитъ читателя въ свою мастерскую, показывая снаряды и матеріалъ, служащій ему для постройки зданія; онъ обыкновенно слѣдитъ за ходомъ драмы, вставляя свои замѣчанія, на подобіе греческаго хора или зрителя партера; одобряетъ, порицаетъ, смѣется, скорбитъ, возвращаясь неизмѣнно къ трансцендентальнымъ идеямъ, которыя его проницательный глазъ видитъ въ основѣ всякой смѣны явленій. Если особенности его мысли и слога доведены подчасъ до крайности, порой нарушаютъ цѣльность впечатлѣнія и даже утомляютъ читателя, за то какой записной историкъ можетъ похвалиться способностью воспроизвести въ своемъ повѣствованіи цѣлую историческую эпоху въ лицахъ и представить ее въ яркихъ краскахъ, полною жизни, движенія, глубокаго драматизма? Кто, подобно Карлейлю, умѣетъ указать не только на сокровенныя причины событій, но представить ихъ какими-то стихійными нравственными силами? Подъ чьимъ перомъ давно умершіе люди оживаютъ со всѣми особенностями почвы, костюма, обстановки своего времени? Кто, въ такой мѣрѣ, обладаетъ талантомъ превращать хаотическую массу подробностей въ цѣнный матеріалъ для рельефности исторической картины?.. Можно смѣло сказать, что при всѣхъ странностяхъ метода и языка, «Исторія Фридриха» есть такое произведеніе, изъ котораго глубочайшіе знатоки прусской исторіи и величайшіе художники могутъ научиться, какъ слѣдуетъ, писать, чтобы исторія не была сухимъ перечнемъ событій, а изображеніемъ

Digitized by Google

человѣческихъ судебъ, способнымъ наставить и просвѣтить умы людей».

Карлейлевская манера, какъ извѣстно, нашла многочисленныхъ подражателей въ Англіи не только между историками, но и между біографами и критиками. Историческія произведенія Прескотта, Фримана и Фруда плѣняютъ именно благодаря изображенію живыхъ людей и живыхъ интересовъ. Превосходная біографія Гёте, Льюиса, и «Жизнь Мильтона», Массона, напоминаютъ литературные очерки Карлейля. Кингслей и Рёскинъ открыто признавали себя его учениками. Тэккереевскій «другъ Томасъ» говоритъ его устами. Можно смѣло сказать, что ни одинъ изъ современныхъ писателей не избѣгъ его вліянія. Неудивительно также, что при рѣзкихъ особенностяхъ его манеры и языка, при односторонности нѣкоторыхъ, страстно защищаемыхъ взглядовъ, нашлось много бездарныхъ охотниковъ подражать внѣшней формѣ, пренебрегая внутреннимъ смысломъ, и развивать его парадоксы до нелѣпости. Особенно злостному искаженію подверглось, какъ и слѣдовало ожидать, его излюбленное единство «права и силы» (передѣланное въ законъ господства грубой матеріальной силы надъ лучшими, хотя и слабыми, элементами человѣческой природы) и теорія «возмездія», какъ неизбѣжнаго и естественнаго порядка вещей. Суровый догматъ этотъ много разъ непріятно рѣзалъ слухъ въ варіантахъ современной литературы и составляетъ единственное пятно на свѣтлой памяти Карлейля [1]).

---

[1]) Противъ Карлейля существуетъ еще одно важное обвиненіе (слѣдствіе его нападокъ на заносчивость новыхъ, неустановившихся ученій), которое, однако, опровергается теперь письмомъ знаменитаго профессора физики Тиндаля къ редактору „Times'a“, отъ 3 мая 1881 г. „При всемъ уваженіи моемъ къ мнѣніямъ другихъ, я бы очень желалъ, при вашемъ любезномъ посредствѣ, разсѣять весьма распространенное заблужденіе на счетъ покойнаго Карлейля. Говорятъ обыкновенно, будто онъ относился къ наукѣ не только индифферентно, но даже враждебно. Я лично другого мнѣнія. Посѣщая его очень часто, при жизни его жены и послѣ, я не помню ни одного визита, при которомъ онъ не разспрашивалъ бы меня о моихъ спеціальныхъ занятіяхъ и современномъ состояніи науки. Въ дѣлѣ физическихъ вопросовъ я не встрѣчалъ ума болѣе глубокаго и проницательнаго. Если мнѣ удавалось описать что-нибудь ясно, онъ всегда опережалъ мои выводы. Четыре или пять лѣтъ тому назадъ, когда я ратовалъ противъ „химеры“ самопроизвольнаго зарожденія, онъ бывалъ у меня въ лабораторіи и слушалъ съ жаднымъ вниманіемъ и покорностью ребенка мои объясненія на счетъ роли, которую играетъ пыль воздуха въ процессахъ гніенія и зарожденія. Такимъ бывалъ онъ, однако, не всегда. Ему случалось съ жаромъ оспоривать вещи, въ которыхъ я былъ компетентнѣе его, и тогда ему приходилось отступать. Позвольте привести одинъ примѣръ. Въ 1866 г. я поѣхалъ съ нимъ въ Ментону и, по желанію доброй хозяйки дома, остался съ нимъ нѣсколько дней. Разъ вечеромъ, когда мы возвращались съ прогулки, зарево заходящаго солнца на

Digitized by Google

Но что значитъ это относительное зло въ сравненіи съ благимъ вліяніемъ его произведеній? Въ наше время, когда многія изъ его мыслей стали обычными, а другія отжили свой вѣкъ, всякій, тѣмъ не менѣе, можетъ извлечь много полезныхъ уроковъ изъ его страстныхъ воззваній къ добру, правдѣ и труду, а также и изъ графически наглядныхъ примѣровъ послѣдствій уклоненій общества отъ основныхъ и вѣчныхъ нравственныхъ началъ. И какъ въ тѣ дни, несмотря на мистицизмъ, піэтизмъ, односторонности и пристрастія Карлейля, люди всякихъ лагерей становились честнѣе, лучше и даже вѣрнѣе своимъ знаменамъ, слушая его,—такъ можетъ быть и теперь.

Около 1865 г. Карлейль находился на высшей точкѣ славы и вообще чувствовалъ себя счастливымъ. Здоровье жены значительно поправилось, и лѣто, проведенное съ нею въ Шотландіи, безъ «кошмара» (Фридрихъ вышелъ въ январѣ 1865 г.), возстановило его силы и бодрость духа. Зимой Эдинбургскій университетъ, въ знакъ уваженія къ нему, избралъ его ректоромъ. Послѣ долгихъ колебаній и усиленныхъ убѣжденій друзей, Карлейль рѣшился принять этотъ почетный титулъ, и въ первыхъ числахъ апрѣля 1866 отправился въ Эдинбургъ для обычной церемоніи и вступительной рѣчи. Къ его великому огорченію «бѣдная Дженъ» была не въ силахъ сопровождать его. Снарядивъ мужа

морѣ и въ горахъ вызвало разговоръ о свѣтѣ. Онъ высказалъ очень опредѣленное свое мнѣніе, противное моему, и у насъ завязался горячій споръ... Наконецъ онъ замолчалъ, и мы подъѣхали къ дому. Въ комнатѣ, снимая пальто, Карлейль посмотрѣлъ на меня серьёзно и кротко и сказалъ, указывая на кресло: „Мнѣ не слѣдовало спорить съ вами, присядьте, пожалуйста, и объясните мнѣ вашу теорію". Я разсказалъ, какъ могъ, начиная съ азбуки вопроса. Онъ слушалъ болѣе часа, не только терпѣливо, а съ истиннымъ интересомъ. Его вопросы были всегда умѣстны, а замѣчанія часто глубоки. Не рѣшусь сказать, какъ относился онъ къ вопросамъ изъ естественной исторіи, но въ отношеніи къ физикѣ, контрастъ между нимъ и Гёте былъ рѣзкій.

„Его воззрѣнія уже вполнѣ сложились ранѣе появленія Дарвиновой теоріи происхожденія человѣка. Одно время теорія эта ужасала его, какъ ученіе, подрывающее въ человѣкѣ нравственное начало, которое въ его глазахъ (и многихъ другихъ) стоитъ по важности выше всего, что̀ можетъ дать наука. Впослѣдствіи предубѣжденіе его смягчилось. Я положительно знаю, что онъ сочувственно относился къ нѣкоторымъ сочиненіямъ, въ которыхъ защищалось ученіе м-ра Дарвина, и далѣе, что послѣ личнаго свиданія съ великимъ натуралистомъ, Карлейль отзывался о немъ, какъ о самомъ обворожительномъ человѣкѣ.

„Карлейль былъ строго реаленъ, но, въ то же время, джентльменъ въ полномъ смыслѣ этого слова"... (Слѣдуютъ горячіе отзывы объ его возвышенномъ характерѣ). Письмо кончается словами... „Такимъ образомъ онъ посвятилъ свою жизнь родинѣ и человѣчеству. Англія можетъ забыть это на время, но наконецъ когда-нибудь припомнитъ".

Digitized by Google

съ обычной заботливостью, она сдала его на руки проф. Тиндалю, который выполнилъ свою миссію какъ «нѣжнѣйшій сынъ», увѣдомляя ее телеграммами объ эдинбургскомъ пріемѣ, который можно было, по всей справедливости, назвать тріумфомъ. Громадная концертная зала города, едва вмѣщавшая всѣхъ желавшихъ видѣть Карлейля, гремѣла молодыми горячими рукоплесканіями. Взойдя на каѳедру, новый ректоръ спокойно снялъ шитую золотомъ мантію (требуемую церемоніаломъ) и посмотрѣвъ на эти сотни оживленныхъ юныхъ лицъ—третье поколѣніе съ тѣхъ поръ, какъ его поблеклое лицо было такимъ же—посмотрѣвъ на нихъ долгимъ ласковымъ взглядомъ, рѣшился сказать имъ не формальную рѣчь, а нѣсколько задушевныхъ словъ въ назиданіе, какъ отецъ дѣтямъ. (Дженъ такъ и совѣтовала, не готовиться, а говорить, что̀ Богъ на душу положитъ). Рѣчь длилась $1^1/_2$ часа. Въ ней были, можно сказать, азбучныя истины... объ уваженіи къ высшимъ, о томъ какъ учиться, какія книги читать, какъ жить..., но юная аудиторія не только не скучала этой «моралью», а слушала съ увлеченіемъ, прерывая оратора громкими одобреніями. Авторитетъ этихъ сѣдинъ, долгой жизни честнаго и славнаго труда, полнѣйшаго согласія между словомъ и дѣломъ, придавали особое значеніе его назиданіямъ, проникнутымъ глубокимъ чувствомъ. Послѣ рѣчи, Карлейль надѣялся исчезнуть незамѣченнымъ, такъ какъ домъ, гдѣ онъ остановился, былъ близко; но напрасно—наэлектризованная толпа устремилась ему вслѣдъ. Стоя на крыльцѣ, онъ снялъ шляпу и низко поклонился, въ знакъ благодарности и прощанья. Тогда въ толпѣ раздался послѣдній привѣтственный крикъ такой дружный, сердечный, горячій, что онъ отозвался и въ душѣ Карлейля, всегдашняго врага аплодисментовъ и овацій. Онъ вошелъ въ домъ глубоко растроганный. Весь этотъ день (3-е апрѣля) и слѣдующіе были рядомъ торжествъ [1]), которыми Карлейль тяготился, утѣшая себя только мыслью, что Дженъ будетъ счастлива. И дѣйствительно, газеты и журналы, восторженно отзывавшіеся о Карлейлѣ и его рѣчи, а также

[1]) Въ числѣ прочихъ знаковъ вниманія, Карлейлю былъ предложенъ орденъ Бани и титулъ доктора. Отъ того и другого онъ отказался; отъ диплома—подъ предлогомъ, что „существуетъ уже одинъ д-ръ Карлейль и что на томъ свѣтѣ могутъ произойти недоразумѣнія“. Его брата Джона, медика и переводчика Данта, дѣйствительно не разъ смѣшивали съ нимъ. Былъ еще одинъ Карлейль (адвокатъ), начавшій досаждать ему съ университетской скамьи. Этотъ тёзка въ Англіи и на континентѣ разыгрывалъ роль Томаса Карлейля, выдавалъ свои статьи за его, его за свои, принималъ даже обѣды и овація, предназначенные вовсе не ему.

Digitized by Google

выраженія сочувствія лондонскихъ друзей, доставляли ей невыразимую отраду.

Г-жѣ Карлейль было, такимъ образомъ, суждено дожить до минуты признанія ея мужа тѣмъ, чѣмъ онъ былъ всегда въ ея глазахъ, но не суждено было долго наслаждаться этимъ счастьемъ. 21 апрѣля, катаясь въ паркѣ, она внезапно умерла — нужно думать, вслѣдствіе волненія и испуга при видѣ любимой собаки, попавшей подъ колеса кэба. Кучеръ видѣлъ, какъ она выскочила и внесла изувѣченное животное въ экипажъ, затѣмъ поѣхалъ домой, и отворяя дверцы, нашелъ свою госпожу безъ всякихъ признаковъ жизни.

Карлейль былъ до того пораженъ смертью жены, что друзья боялись за его разсудокъ. Онъ бродилъ какъ помѣшанный, не сознавая, что дѣлаетъ и говоритъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, какъ единственное возможное для него занятіе, онъ началъ приводить въ порядокъ ея письма и писать для себя очеркъ «Дженъ Уэльшъ Карлейль», въ которомъ мѣстами такъ и слышатся рыданія осиротѣлаго старика. Вспоминая прошлое и все, чѣмъ была для него эта женщина, ему постоянно кажется, что онъ не умѣлъ цѣнить ее и не умѣлъ выразить, до чего она была ему дорога, и прерывая разсказъ, онъ обращается къ ней съ трогательными выраженіями нѣжности и благодарности. Зимой друзья общими и энергическими усиліями заставили его ѣхать въ Ментону; увезти его взялся Тиндаль и пробылъ съ нимъ первое время. Здѣсь Карлейль написалъ очерки: «Эдвардъ Ирвингъ», «Лордъ Джеффри», «Соути», «Вордсвортъ»; всѣ они не были предназначены для печати. Вѣрная подруга его жизни занимаетъ почетное мѣсто во всѣхъ его воспоминаніяхъ.

Весной Карлейль вернулся въ Лондонъ, въ тотъ же домъ, гдѣ съ нимъ поселились племянникъ и племянница, заботившіеся о немъ, какъ могли, и сталъ жить съ виду по прежнему: тѣ же прогулки, тѣ же занятія по мѣрѣ силъ. Но всѣмъ было ясно, что «свѣтъ жизни угасъ для него» со смертью жены. Печально доживалъ онъ свой вѣкъ «зубромъ стараго германскаго лѣса», расходясь все болѣе и болѣе съ современниками, переживая себя и ожидая смерти, какъ избавленія. Писать для печати онъ пересталъ [1]). Послѣднія статьи были «Shooting Niagara and after?», въ которой онъ далъ волю своей желчи противъ новой парла-

[1]) Отъ ректорства Карлейль отказался въ 1868, пославъ своимъ юнымъ друзьямъ трогательное прощальное письмо съ тѣми же совѣтами: стоять до конца за правое дѣло, вести себя, какъ честные солдаты въ жизненномъ бою, любить добро и правду ради нихъ самихъ.

Digitized by Google

ментской реформы, и нѣсколько страницъ «по поводу франко-прусской войны» [1]). Какъ и слѣдовало ожидать, симпатіи Карлейля были не на сторонѣ Франціи (вполнѣ заслужившей, по его мнѣнію, постигшія ее бѣды не только историческимъ отношеніемъ къ Германіи, но и современной хвастливой ложью и нравственнымъ упадкомъ общества). Упорная вѣрность своимъ убѣжденіямъ и пристрастіямъ рѣзко выразилась въ послѣдней статейкѣ, открывая обширное поле для превратныхъ толкованій. Не предусматривая, какой смыслъ примутъ его *mights and rights* въ вольномъ переводѣ кн. Бисмарка, Карлейль горячо сочувствовалъ ему, какъ талантливому выразителю великой идеи объединенія Германіи. Послѣдствія милитаризма, ясныя уже въ то время Гервинусу и многимъ просвѣщеннымъ нѣмцамъ, не представлялись его воображенію. Симпатіей къ Германіи слѣдуетъ объяснить и то, что онъ въ 1875 г. не отказался отъ прусскаго ордена «*pour le mérite*», присланнаго ему по случаю 80-го дня его рожденія. Въ этотъ день онъ получилъ отовсюду множество телеграммъ и писемъ, доказывавшихъ, что его не забыли. Вообще почтенный старикъ не оставался одинокимъ: знавшіе его близко относились къ нему съ любовью, всѣ вообще съ уваженіемъ. Его «вѣчное брюзжаніе», жолчныя выходки противъ лжи, лицемѣрія и пустословія мнимыхъ реформъ и т. д., никому не надоѣдали, напротивъ, неизмѣнно нравились. Всѣ слышавшіе его говорятъ, что знать Карлейля по однимъ книгамъ, значило не знать его: разговоръ его былъ увлекателенъ, полонъ юмора, оригиналенъ чрезвычайно [2]). Съ гостями онъ бывалъ всегда привѣтливъ, но особенно оживлялся на прогулкахъ, когда кто-нибудь изъ близкихъ, зная его часъ, приходилъ за нимъ. Тутъ онъ иногда смѣялся и шутилъ, какъ въ доброе старое время. Такимъ видѣла его нѣсколько лѣтъ тому назадъ наша соотечественница О. К., подѣлившаяся съ публикой своими впечатлѣніями [3]). Весной 1880 г. Карлейль, больной и слабый, съ испугомъ отвергъ ея «до свиданья» «О, нѣтъ, о, нѣтъ, желайте мнѣ поскорѣе смерти!» Цѣлый почти годъ онъ прохворалъ, постепенно слабѣя, и 5-го февраля 1881 г., наконецъ, разстался съ постылой жизнью. Его похоронили не въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, которое желало принять его прахъ, а въ родномъ Эклефикенѣ.

[1]) Въ 1875 г. Карлейль написалъ еще статью о портретахъ Джона Нокса—тоже дань своимъ завѣтнымъ идеаламъ.

[2]) Не менѣе бесѣдъ восхищались его шутками. Ни одной изъ нихъ не слѣдуетъ пропасть для потомства, по мнѣнію англичанъ.

[3]) Русь 1881, № 13: „Нѣсколько словъ о Карлейлѣ".

Digitized by Google

Тѣло провожали Фрудъ, Тиндаль, близкіе друзья и родные. Глубокій снѣгъ покрылъ землю сельскаго кладбища; небо было свинцовое, и въ ту минуту, какъ опускали въ могилу дубовый гробъ, дождь хлынулъ вдругъ, какъ изъ ведра, придавая печальному обряду какой-то особенно унылый характеръ.

Со дня смерти Карлейля, имя его не сходитъ съ столбцовъ газетъ и журналовъ, особенно англійскихъ, въ формѣ болѣе или менѣе подробныхъ некрологовъ, біографическихъ очерковъ, воспоминаній, писемъ, замѣтокъ [1]). Вслѣдъ за потокомъ восторженныхъ и не строго-обдуманныхъ похвалъ—обычной дани великимъ покойникамъ—обнаружились и признаки обратнаго теченія въ формѣ столь же поспѣшныхъ, но еще менѣе обдуманныхъ порицаній. Появились также двѣ отдѣльныя книжки Г. Николя и У. Вайли, обѣ впрочемъ довольно незначительны. Критикъ ихъ въ журналѣ «Academy» (23 апр. 1881) справедливо замѣчаетъ, что скороспѣлая оцѣнка характера и твореній не соотвѣтствуетъ значенію и достоинству такого человѣка и писателя, и что Карлейлю слѣдуетъ ожидать отъ будущаго того же, что́ сдѣлалъ Босвель относительно Джонсона или что́ сдѣлалъ онъ самъ относительно Бёрнса, Шиллера и Стерлинга.

А. С.

[1]) Отмѣтимъ въ особенности статьи въ „Times“ (съ февраля и доныне), въ «Academy» и другихъ англійскихъ журналахъ, въ „Revue d. d. Mondes“ и проч.

Digitized by Google

РАЗДВОЕННОЕ КОПЫТО

Романъ миссъ Брэддонъ

Съ англійскаго *).

Глава IV.—Джорджъ Джерардъ въ опасности.

Хотя Джорджъ Джерардъ твердо рѣшился выѣхать изъ Бичамптона въ понедѣльникъ утромъ съ первымъ поѣздомъ, хотя онъ начиналъ сомнѣваться въ чистотѣ намѣреній Эдуарда Клера, и вообще чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко въ обществѣ этого молодого человѣка, тѣмъ не менѣе, когда понедѣльникъ насталъ и онъ увидалъ въ окно темное небо и размытую дождемъ окрестность, то онъ уступилъ, легче чѣмъ то было въ его характерѣ, дружескимъ убѣжденіямъ мистриссъ Клеръ и ея дочери, ранехонько явившейся въ столовую, съ цѣлью напоить отъѣзжающаго гостя чаемъ.

— Вы право не должны отправляться въ такое ужасное утро,—съ материнской лаской замѣтила жена викарія.—Я бы не позволила Эдуарду пуститься въ дальній путь въ такую погоду.

Джорджъ Джерардъ подумалъ о неудобствахъ, которыми изобилуетъ вагонъ третьяго класса, о струяхъ оледенѣлаго воздуха, проникающихъ во всѣ щели, о нашествіи мокрыхъ пассажировъ на каждой станціи, причемъ отъ нихъ несетъ холодомъ, а покрытая грязью одежда ихъ касается его колѣнъ, о зонтикахъ по угламъ, о лежащемъ на всѣхъ и на всемъ отпечаткѣ нищеты; затѣмъ задумчивые глаза его окинули быстрымъ взглядомъ хо-

*) См. выше: май, 168 стр.

Digitized by Google

рошенькую маленькую столовую, за мебель которой на аукціонѣ едва ли бы выручили двадцать фунтовъ, но уютность которой просто цѣны не имѣла. Осмотрѣвъ комнату, онъ взглянулъ на занимавшихъ ее, на Селію въ ея темномъ зимнемъ платьѣ, изъ синей саржи, сидѣвшемъ безукоризненно и скрашеннымъ воротничкомъ и рукавчиками самоновѣйшаго фасона.

— Что ты пристаешь къ мистеру Джерарду, мама?—спросила Селія, поднимая голову, склоненную надъ чайникомъ.— Развѣ ты не видишь, что у насъ здѣсь такая ужасная тоска, и ему такъ хочется отсюда выбраться, что онъ готовъ пройдти черезъ испытаніе, несравненно болѣе тяжкое, чѣмъ путешествіе въ сырую погоду, лишь бы убѣжать.

— Желалъ бы я, чтобы вы знали, какъ слова ваши жестоки, миссъ Клеръ,—сказалъ Джерардъ, съ серьёзной улыбкой глядя на нее съ своего мѣста у камина.

— Почему жестоки?

— Потому что вы, сами того не сознавая, ставите мнѣ въ укоръ мою бѣдность. Тѣ восемь или десять паціентовъ, которыхъ я долженъ навѣстить завтра утромъ, приносятъ мнѣ отнюдь не болѣе ста фунтовъ въ годъ, а между тѣмъ, мнѣ никакъ бы не слѣдовало рисковать этимъ незначительнымъ доходомъ.

— Какъ вы все это будете вспоминать, какъ надъ всѣмъ этимъ станете смѣяться много лѣтъ спустя, когда будете ѣздить въ своемъ экипажѣ изъ Sovile-row на станцію желѣзной дороги, чтобы отправиться въ Виндзорскій замокъ, въ силу полученнаго по телеграфу королевскаго приказанія.

— Оставивъ въ сторонѣ королевскія телеграммы и Виндзорскій замокъ, между моимъ настоящимъ мѣстомъ жительства и Sovile-row такое разстояніе, что я сомнѣваюсь въ возможности когда-либо осилить его,—замѣтилъ Джерардъ,—а покамѣсть мои немногіе платящіе паціенты крайне для меня важны, и среди моихъ бѣдныхъ больныхъ есть нѣсколько довольно критическихъ случаевъ.

— Бѣдняжки, я увѣрена, что всѣ они могутъ подождать,— сказала Селія.—Можетъ быть имъ и полезно будетъ пріостановить леченіе на день или на два. Лекарства, даже и въ лучшихъ случаяхъ, представляютъ такую сомнительную выгоду.

— У меня есть пріятель, который присматриваетъ за моими серьёзными больными,—нерѣшительно проговорилъ Джерардъ.— Еслибъ я рѣшился поступить по собственному желанію, я бы, конечно, остался.

— Такъ рѣшайтесь,—воскликнула Селія.—Я всегда такъ

Digitized by Google

поступаю. Мама, положите мистеру Джерарду ветчины съ картофелемъ, пока я сбѣгаю къ Петру и пошлю его въ гостинницу Георга, сказать, что омнибусу незачѣмъ сюда заѣзжать.

— Боюсь, что я злоупотребляю вашимъ милымъ гостепріимствомъ и причиняю вамъ большія хлопоты,—сказалъ Джерардъ, когда Селія выскользнула изъ комнаты, чтобы отдать нужныя приказанія.

— Вы не причиняете намъ никакихъ хлопотъ, и должны знать, что я очень счастлива видѣть у себя друга моего сына.

При этихъ словахъ блѣдныя щеки Джерарда слабо вспыхнули. Онъ чувствовалъ, что положеніе, занимаемое имъ въ викаріатѣ, есть какъ-бы плодъ обмана. Всѣ смотрѣли на него какъ на близкаго друга Эдуарда Клера, а ему уже стало ясно, что Эдуардъ—человѣкъ, съ которымъ ему никогда не подружиться. Но къ матери и сестрѣ Эдуарда Клера онъ питалъ гораздо болѣе теплое чувство.

Онъ усѣлся за ранній завтракъ съ обѣими дамами. Викарій завтракалъ позже, а однимъ изъ преимуществъ Эдуарда, какъ будущаго поэта, было предоставленное ему въ настоящемъ право каждое утро лежать въ постели до десяти часовъ. Никогда не бывало болѣе веселаго завтрака. Джерардъ, рѣшившись остаться, всецѣло отдался удовольствію минуты. Селія разспрашивала его объ его образѣ жизни, и вызвала его на живой разсказъ о нѣкоторыхъ, наиболѣе любопытныхъ, эпизодахъ его карьеры. Онъ рѣдко принималъ участіе въ буйныхъ удовольствіяхъ своихъ товарищей студентовъ, но все же участвовалъ въ нихъ настолько, что видѣлъ все, что̀ есть своеобразнаго и интереснаго въ лондонской жизни. Селія слушала, широко раскрывъ глаза.

— Вотъ это я называю жизнью,—воскликнула она.—Какая разница съ нашимъ прозябаніемъ здѣсь. Я убѣждена, что еслибъ Гарвей весь свой вѣкъ прожилъ въ Газльгёрстѣ, онъ бы ни за что не открылъ кровообращенія. Я даже не вѣрю, чтобы наша кровь обращалась.

— Еслибъ вы только могли знать, какъ ваша деревенская тишина мила городскому жителю,—сказалъ Джерардъ.

— Пусть городской житель попробуетъ насладиться ею въ теченіе мѣсяца или шести недѣль,—замѣтила Селія.—Къ концу этого срока онъ порядкомъ истомится; если онъ только не изъ числа людей, которые всегда счастливы, пока могутъ расхаживать съ ружьемъ или удочкой и хоть что-нибудь убивать.

— Я бы не нуждался ни въ ружьѣ, ни въ удочкѣ,—ска-

Digitized by Google

залъ Джерардъ.—Я думаю, что могъ бы найдти полное счастіе среди этихъ горъ.

— Какъ, вдали отъ всѣхъ вашихъ больницъ?

— Я говорю о праздничной сторонѣ моей жизни. Я бы не могъ постоянно жить вдали отъ больницъ. Я долженъ слѣдить за своей наукой.

— Я думала, что вы покончили со всѣмъ этимъ, когда сдали экзаменъ.

— Врачъ никогда не перестаетъ учиться. Медицина развивается. Нынѣшній новичокъ знаетъ больше, чѣмъ зналъ опытный врачъ сто лѣтъ тому назадъ.

Такъ какъ мистеръ Джерардъ могъ провести въ викаріатѣ всего одинъ день лишній, то Селія, съ величайшимъ добродушіемъ и любезностью, взяла на себя трудъ сдѣлать этотъ день для него пріятнымъ. Братъ ея смотрѣлъ скучнымъ, угрюмымъ, и на цѣлый день заперся у себя въ комнатѣ, подъ предлогомъ окончательной отдѣлки лирическаго стихотворенія, набросаннаго имъ, въ минуту вдохновенія, для одного изъ журналовъ, такъ что гость всецѣло остался на рукахъ Селіи, на что она впослѣдствіи жаловалась, хотя въ данную минуту довольно весело снесла ниспосланное судьбою наказаніе.

Молодые люди провели утро въ разговорахъ у камина въ столовой, причемъ Селія дѣлала видъ, что усердно трудится надъ вышиваніемъ накидки на кресло, тогда какъ Джерардъ расхаживалъ по комнатѣ, смотрѣлъ въ окно, вертѣлся на стулѣ, вообще велъ себя такъ, какъ молодой человѣкъ, не принадлежащій къ породѣ ручныхъ кошекъ, долженъ вести себя, когда его запрутъ въ четырехъ стѣнахъ, съ глазу на глазъ съ молодой женщиной. Несмотря на эту непосѣдливость, докторъ, повидимому, былъ очень доволенъ своимъ, въ праздности проведеннымъ, утромъ. Онъ съумѣлъ найти множество предметовъ для разговора, толковалъ о людяхъ, о различныхъ мѣстностяхъ, о книгахъ, о жизни въ отвлеченномъ смыслѣ и, въ заключеніе, о собственномъ дѣтствѣ и юности. Онъ разсказалъ Селіи гораздо больше, чѣмъ привыкъ разсказывать знакомымъ.

Ея голубые глаза выражали такое нѣжное сочувствіе, хорошенькая, слегка отдувшаяся, нижняя губка была такъ мила, что ему захотѣлось довѣриться ей. Какъ физіономистъ, онъ готовъ былъ составить себѣ хорошее мнѣніе о Селіи, несмотря на ея легкомысліе. Какъ молодой человѣкъ, готовъ былъ влюбиться въ нее.

— Юность ваша должна была быть очень суровой,—съ со-

Digitized by Google

страданіемъ замѣтила она, выслушавъ полугрустное, полуюмористическое описаніе его жизни въ Абердинской коллегіи.

— Да, по всѣмъ вѣроятностямъ и въ зрѣломъ возрастѣ мнѣ суждено испытать ту же суровость судьбы,—серьёзно отвѣчалъ онъ.—Какже мнѣ послѣ этого осмѣлиться предложить женщинѣ раздѣлить жизнь, обѣщающую такъ мало радостнаго.

— Но развѣ не всѣ великіе люди вашей профессіи начинали съ того же?—спросила Селія.—Сэръ Астлей Куперъ, напримѣръ, или тотъ бѣдняжка, что открылъ различныя функціи нервовъ, руководящихъ нашими мыслями и движеніями, хотя Аллаху извѣстно, какую дѣйствительную пользу открытіе это могло принести кому-либо.

— Я полагаю, что вы говорите о сэръ Чарльзѣ Беллѣ,—подсказалъ Джерардъ, нѣсколько возмущенный столь непочтительнымъ отношеніемъ къ геніальному человѣку.

— Вѣроятно,—сказала Селія.—Онъ, кажется, написалъ цѣлую книгу о рукѣ. Желала бы я, чтобъ онъ написалъ книгу о перчаткахъ; понятія перчаточниковъ объ анатоміи просто нелѣпы. Я еще не встрѣчала перчаточника, который бы понималъ строеніе моего большого пальца.

— Какое преимущество мой полъ имѣетъ надъ вашимъ въ этомъ отношеніи,—замѣтилъ Джерардъ.

— Какъ такъ?

— Мы можемъ вовсе не носить перчатокъ, развѣ когда танцуемъ или правимъ лошадьми.

— А,—вздохнула Селія, съ недоумѣніемъ глядя на него.—Вѣроятно, въ большихъ городахъ, каковы Лондонъ и Манчестеръ, встрѣчаются молодые люди, находящіеся въ здравомъ умѣ и не носящіе перчатокъ. Они бы не стали этого дѣлать здѣсь, гдѣ всѣ другъ друга знаютъ.

— Я думаю, что я купилъ пары двѣ перчатокъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ взрослымъ человѣкомъ,—сказалъ Джерардъ.

— А для танцовальныхъ вечеровъ? тутъ вы какъ ухитряетесь?

— Очень просто. Я никогда не танцую.

— Какъ, неужели вамъ не надоѣстъ сидѣть на мѣстѣ? И вальсъ не вдохновляетъ васъ?

— Я не имѣлъ случая въ этомъ убѣдиться. Я ни разу не былъ на вечерѣ съ тѣхъ поръ, какъ прибылъ въ Лондонъ.

— Боже милосердый! Почему не ѣздите вы на вечера?

— Я-бы могъ привести на то пятьдесятъ причинъ, но можетъ быть и одной достаточно. Меня никто не приглашаетъ.

Digitized by Google

— Бѣдненькій!—воскликнула Селія. Ни одинъ изъ разсказовъ его о рано начавшейся борьбѣ съ жизнью не тронулъ ее такъ, какъ тронуло это. Вотъ верхъ несчастія.—Какъ, вы проводите въ Лондонѣ весь сезонъ, и никто не приглашаетъ васъ на танцовальные вечера?

— Въ той части Лондона, гдѣ я живу, сезона не существуетъ. Тамъ жизнь течетъ, круглый годъ, по тому же однообразному руслу; круглый годъ—бѣдность, тяжелая работа, долги, всяческія затрудненія, болѣзни и горе.

— Слушая васъ, сердце мое обливается кровью,—сказала Селія:—впрочемъ, это кажется физіологически невозможно, и я не должна говорить подобныхъ нелѣпостей доктору; но вы положительно огорчаете меня.

— Мнѣ это было-бы очень прискорбно,—кротко возразилъ Джерардъ,—и было-бы плохой благодарностью за вашу ко мнѣ доброту. Не воображайте, чтобы жизнь, которую я веду, была мученическая. Я счастливъ, люблю свое дѣло, подвигаюсь впередъ такъ быстро, какъ только могъ надѣяться. Я думаю, да, я право думаю, что рано или поздно составлю себѣ имя и состояніе, если только проживу достаточно долго. Лишь когда я подумаю, сколько времени должно пройти, прежде чѣмъ я завоюю себѣ положеніе достаточно хорошее, чтобъ жена могла раздѣлить его, начинаю я чувствовать нетерпѣніе.

Селія вдругъ сосредоточила все свое вниманіе на вышиваніи темными тѣнями винограднаго листка, и такъ низко наклонила голову надъ работой, что яркій румянецъ залилъ ей щеки, и ей не хотѣлось поднять глазъ.

Вскорѣ она слегка кашлянула, и такъ какъ Джерардъ молча расхаживалъ по комнатѣ, почувствовала, что должна хоть что-нибудь сказать.

— Мнѣ думается, что молодая особа, съ которой вы обручены, будетъ ждать, какъ бы долго ни пришлось,—вымолвила Селія:—или же, если она очень мужественна, не побоится раздѣлить съ вами борьбу съ жизнью.

— Такой молодой особы не существуетъ,—отвѣчалъ Джерардъ.—Я не обрученъ.

— Прошу васъ извинить меня, я забыла, что вы не ѣздите на вечера.

— Развѣ вы думаете, что человѣкъ долженъ выбирать себѣ жену на балѣ?

— Не знаю. Подобныя вещи случаются на балахъ, не правда ли?

Digitized by Google

— Можетъ быть. Что до меня, я бы предпочелъ видѣть мою будущую жену въ ея домашнемъ кружкѣ, у отцовскаго очага.

— Штопающую чулки,—подсказала Селія.—Мнѣ кажется, это настоящая проба женской добродѣтели. Женщинѣ можно дозволить играть и пѣть, даже говорить на нѣсколькихъ живыхъ языкахъ, но ея главное достоинство заключается въ ея способности штопать чулки и приготовлять пуддингъ. Сознайтесь, мистеръ Джерардъ, развѣ не таково издавна-установившееся понятіе объ идеальной женщинѣ?

— Мнѣ кажется, что штопанье чулокъ и приготовленіе пуддинга какъ-бы олицетворяютъ всѣ домашнія добродѣтели. Влюбленный, принимающій во вниманіе подобныя подробности, можетъ показаться скрягой, но счастіе мужа отчасти зависитъ отъ умѣнья жены хозяйничать. Можетъ ли тотъ домъ быть раемъ, гдѣ кухарка мѣняется каждый мѣсяцъ, а полисмэнъ съѣдаетъ всю холодную говядину?

Селія разсмѣялась, а потомъ вздохнула. Она твердо рѣшила, что если когда выйдетъ замужъ, то мужъ ея долженъ быть достаточно богатъ, чтобы стоять выше жалкихъ соображеній по части домашней экономіи, неизбѣжныхъ при ограниченномъ доходѣ. Онъ долженъ имѣть возможность держать, по крайней мѣрѣ, пони-чэзъ, и экипажъ этотъ долженъ быть содержанъ въ отмѣнномъ порядкѣ. Безъ мужской прислуги Селія можетъ обойтись, но ей необходима изящная горничная. Она не мечтаетъ о туалетахъ отъ Ворта, но не потерпитъ никакихъ ограниченій по части воротничковъ и рукавчиковъ, и должна имѣть возможность заказывать свои платья у лучшей модистки въ Экзетерѣ или Плимутѣ. И вдругъ является молодой человѣкъ, который долженъ цѣлые годы ждать возможности жениться, или же рѣшиться увлечь за собой несчастную молодую дѣвушку въ унылое болото приличной бѣдности. Селія искренно жалѣла о немъ. Изъ всѣхъ, когда-либо виданныхъ ею мужчинъ, онъ казался ей самымъ мужественнымъ, самымъ умнымъ, самымъ энергичнымъ—вообще лучшимъ. Если его нельзя было назвать красивымъ, то въ чертахъ его оживленнаго лица было нѣчто, казавшееся Селіи болѣе привлекательнымъ, чѣмъ совершенная правильность линій или великолѣпнѣйшій цвѣтъ лица. Мистриссъ Клеръ не показывалась цѣлое утро, занятая мелкими домашними заботами, которымъ она придавала большую важность, тогда какъ Селія характеризовала ихъ однимъ словомъ: возня. Хозяйка появилась ко второму завтраку, и занимала гостя разсужденіями о докуч-

Digitized by Google

ливости прислуги и разнообразныхъ затрудненіяхъ, встрѣчающихся въ хозяйствѣ, до тѣхъ поръ, пока Эдуардъ — почтившій семейный кружокъ своимъ присутствіемъ и питавшій свою истомленную музу холоднымъ ростбифомъ и пикулями — безцеремонно не прервалъ рѣчей матери и не завелъ съ Джорджемъ Джерардомъ спора касательно относительныхъ достоинствъ Броунинга и Суинбёрна.

Селія была поражена начитанностью молодого врача. Она ожидала найти въ немъ невѣжду почти по всѣмъ отраслямъ знанія, исключая его спеціальности.

— Какъ умудряетесь вы находить время для легкаго чтенія? — спросила она.

— Легкое чтеніе, единственное мое развлеченіе.

— Бываете же вы, отъ времени до времени, въ театрѣ?

— Охотно бываю, когда даютъ что-нибудь хорошее, — отвѣчалъ Джерардъ, краснѣя при воспоминаніи о томъ времени, когда онъ ходилъ три раза въ недѣлю любоваться цвѣтущей красотой Шико.

Онъ стыдился увлеченія, казавшагося ему нѣкогда столь же благороднымъ, какъ поклоненіе, воздаваемое древними греками отвлеченной красотѣ.

Къ концу завтрака дождь пересталъ, и сѣрое, зимнее небо, хотя и не согрѣтое солнечными лучами, уже болѣе не имѣло угрожающаго вида.

— Не дурное время для прогулки, по полямъ, — сказалъ Джерардъ, стоя у окна и глядя на виднѣвшійся изъ него ландшафтъ.

— Не рѣшитесь ли вы, миссъ Клеръ, быть моимъ проводникомъ?

Селія вопросительно взглянула на брата.

— Я не въ такомъ настроеніи, чтобъ еще марать бумагу сегодня, — сказалъ Эдуардъ, — такъ можетъ быть хорошая длинная прогулка была бы самымъ легкимъ способомъ провести время до обѣда. Надѣнь свой непромокаемый плащъ, Селія, калоши, и показывай намъ дорогу.

Селія убѣжала въ восторгѣ отъ представившагося случая. Прогулка по полямъ съ разговорчивымъ молодымъ человѣкомъ была, по крайней мѣрѣ, новинкой.

Въ залѣ дѣвушка встрѣтила мать, и подъ вліяніемъ овладѣвшаго ею оживленія, остановилась и сжала ее въ дочернихъ объятіяхъ.

Digitized by Google

— Приготовь намъ что-нибудь вкусное къ обѣду, мама милая,—просила она.—Это его послѣдній вечеръ.

Тонъ просьбы внушилъ мистриссъ Клеръ смутныя опасенія. Дѣвушка навряд ли бы могла сказать больше, будь гость ея обрученнымъ женихомъ.

— Что за мысль!—добродушно воскликнула она.—Конечно, я сдѣлаю, что могу, но понедѣльникъ такой неудобный день.

— Разумѣется, голубушка. Всѣ мы это знаемъ, но ты ужъ устрой не совсѣмъ понедѣльничный обѣдъ,—настаивала Селія.

— Что касается до этого молодого человѣка, я не думаю, чтобъ онъ замѣчалъ что онъ ѣстъ.

— Сохрани Богъ, чтобъ онъ походилъ на отца моего, и чтобъ обѣдъ былъ самымъ важнымъ событіемъ въ его днѣ!—возразила Селія, тогда какъ мистриссъ Клеръ кротко прошептала:

— Дорогая, у отца твоего очень странная натура. Иныя вещи онъ можетъ ѣсть, другихъ не можетъ.

— Разумѣется, милая, обманутая mater. Холодная баранина для него ядъ; но я никогда не слыхала, чтобъ ему была вредна индѣйка съ трюфелями.

Затѣмъ Селія побѣжала одѣваться, и облеклась въ темносѣрый плащъ и кокетливую круглую шляпу.

Прогулка по полямъ оказалась вполнѣ удачной. Эдуардъ держался въ сторонѣ, и въ мрачномъ молчаніи курилъ сигару, но остальные двое были также веселы, какъ двое школьниковъ, украдкой вырвавшихся на свободу. Они карабкались по самымъ крутымъ тропинкамъ, бродили по горамъ и долямъ, чуть-чуть не завязли въ болотѣ, и все время, въ порывѣ неистощимой веселости, болтали и смѣялись. Джорджъ Джерардъ съ трудомъ узнавалъ себя, и былъ пораженъ удивленіемъ, убѣдившись, что жизнь можетъ быть такъ пріятна. Зимній воздухъ былъ свѣжъ и чистъ, вѣтеръ весело посвистывалъ надъ обширнымъ полемъ, поросшимъ дерномъ и вереском. Въ самую минуту заката цѣлый потокъ желтоватаго свѣта залилъ западный край низко-надвинувшагося неба; то была прощальная улыбка солнца, скрывавшагося въ теченіе цѣлаго дня.

— Боже милосердый!—воскликнула Селія,—мы едва будемъ имѣть время добѣжать до дому къ обѣду; если что раздражаетъ отца—такъ это ждать обѣда въ теченіе пяти минутъ. Болѣе пяти минутъ онъ никогда не ждетъ, а еслибъ и попробовалъ, то я думаю, до наступленія десятой, сошелъ бы съ ума. Вамъ не слѣдовало увлекать меня такъ далеко, мистеръ Джерардъ.

— Мнѣ кажется, вы меня увлекли,—полусерьёзно, полуве-

Digitized by Google

село замѣтилъ Джерардъ.—Я никогда въ жизни не чувствовалъ себя дальше отъ своего будничнаго *я*. Вы за многое отвѣтите, миссъ Клеръ.

Селія покраснѣла при этомъ обвиненіи, но ничего на него не возразила. Она повернулась и окинула взоромъ пройденное ими пространство.

— Я нигдѣ не вижу Эдуарда!—воскликнула она.

— Знаете-ли, мнѣ думается, что онъ покинулъ насъ съ часъ тому назадъ, замѣтилъ Джерардъ.

— Что за смѣшной человѣкъ! А теперь онъ вернется домой Богъ знаетъ за сколько времени до насъ, и будетъ выставлять свою аккуратность передъ отцомъ, конечно, не безъ выгоды для себя.

— Неужели вы считаете его способнымъ на такую низость?

— Онъ братъ,—отвѣчала Селія,—и въ качествѣ такового способенъ на всѣ. Двигайтесь пожалуйста, мистеръ Джерардъ. Мы должны поскорѣй добѣжать домой.

— Не обопретесь-ли на мою руку?—спросилъ Джерардъ.

— Расхаживать подъ ручку по полямъ! Это было бы слишкомъ смѣшно,—воскликнула Селія, быстрыми и легкими шагами поднимаясь на пригорокъ и снова спускаясь въ долину.—Торопитесь, мистеръ Джерардъ, а не то мы заблудимся въ потьмахъ.

Джорджъ Джерардъ подумалъ, что славно было бы заблудиться въ полѣ съ Селіей или, по крайней мѣрѣ, проплутать съ часокъ и тѣмъ продолжить ихъ прогулку. По счастью, однакожъ, огоньки деревни, мерцавшіе въ долинѣ, лежавшей у ногъ ихъ, были имъ вѣрнымъ путеводителемъ, а Селія знала дорожку, по которой они шли, также хорошо, какъ знала отцовскій садъ. Единственная опасность заключалась въ возможности попасть въ болотистую часть луга, начинавшагося на краю поля, но даже и въ этомъ отношеніи знакомство Селіи съ мѣстностью спасло ихъ отъ бѣды.

Они явились въ викаріатъ едва переводя духъ, съ разгорѣвшимися щеками, какъ разъ во-время, чтобы наскоро переодѣться къ обѣду. О, какъ коротокъ показался этотъ зимній вечеръ, одинъ изъ длиннѣйшихъ въ году, Джорджу Джерарду! А между тѣмъ, удовольствія, имъ извѣданныя, были не изъ хитрыхъ. Трое друзей Селіи, единственный газльгёрстскій женихъ и двѣ сестры его, зашли провести вечерокъ, и гостиная викаріата наполнилась молодыми голосами и молодымъ смѣхомъ. Селія и обѣ молодыя дѣвушки играли и пѣли, и хотя ни игра, ни пѣніе не были выше средняго уровня дѣвичьихъ талантовъ, голоса были

Digitized by Google

мелодичны и свѣжи, а пальцы способны надлежащимъ образомъ исполнить вальсъ. Газльгёрстскій женихъ могъ участвовать въ хорѣ, при исполненіи пѣсенокъ съ припѣвомъ, и Джорджъ Джерардъ согласился попробовать басовую партію, причемъ оказался обладателемъ прекраснѣйшаго баса, и вдобавокъ одареннымъ хорошимъ слухомъ. Они исполнили, между прочимъ, знаменитую пѣснь Бишопа: *Останься, останься, молю!* причемъ сбились не болѣе пятнадцати разъ, и вообще ужасно веселились, пока викарій прочитывалъ свои двѣ газеты отъ первой строчки до послѣдней, а добрая мистриссъ Клеръ мирно дремала подъ шерстянымъ шарфомъ, отъ времени до времени тыкая на-угадъ крючкомъ изъ слоновой кости въ вязаніе, въ полномъ убѣжденіи, что она усердно работаетъ. Эдуардъ сидѣлъ въ сторонкѣ, читая «Paracelsus» Броунинга и едва-ли понимая хотя бы слово изъ прочитаннаго. Умъ его былъ полонъ недоумѣнія; самыя мрачныя мысли роились въ немъ.

Такъ шелъ вечеръ, пока появленіе подноса съ тартинками и съ чашей грѣтаго бордо не дало понять пирующимъ, что время расходиться. Церковные часы пробили половину двѣнадцатаго, когда Джорджъ Джерардъ вошелъ къ себѣ въ комнату.

— Завтра вечеромъ я буду одинъ въ моей пріемной въ улицѣ Сибберъ,—сказалъ онъ себѣ,—и можетъ быть никогда болѣе не увижу Селіи Клеръ. Пожалуй, такъ лучше. Что такой хорошенькой и легкомысленной дѣвушкѣ дѣлать въ моей суровой жизни?

Глава V.—Путешествіе съ научной цѣлью.

Проведя всю ночь на морѣ, перебрасывавшемъ ихъ съ волны на волну съ такою силой, что они даже нѣсколько побаивались кораблекрушенія, Джонъ Тревертонъ и его вѣрный повѣренный прибыли въ Сенъ-Мало послѣ полудня; комфортъ и удобства прекраснѣйшаго отеля Франклина показались имъ особенно пріятны, послѣ ихъ холоднаго и унылаго переѣзда.

Поѣзда, могущаго доставить ихъ въ Орэ въ тотъ же вечеръ, не оказалось, а потому они преспокойно пообѣдали въ отдѣльной комнатѣ у ярко топившагося камина, и за бутылкой шамбертена съ настоящимъ букетомъ, напоминавшимъ запахъ фіялки, обсуждали всю затруднительность и всю опасность положенія Джона Тревертона.

Въ продолженіи этого длиннаго разговора Томъ Сампсонъ выказалъ столько же проницательности, сколько и преданности.

Digitized by Google

Онъ схватывалъ главнѣйшія черты вопроса; вполнѣ измѣрялъ всю трудность его; понималъ, что рано или поздно Джонъ Тревертонъ могъ быть арестованъ по подозрѣнію въ убійствѣ жены, и что тогда ему придется доказывать свою невинность. Сампсонъ, равно какъ и Тревертонъ, замѣтили, сколько злобы таится въ душѣ Эдуарда Клера; оба считали возможнымъ, что злоба эта пойдетъ еще далѣе.

— Еслибъ мы только могли доказать, что вашъ первый бракъ былъ недѣйствителенъ, мы бы тѣмъ самымъ доказали отсутствіе всякаго повода къ убійству съ вашей стороны, — сказалъ Сампсонъ.

— Вы бы не могли доказать, что я зналъ, что мой первый бракъ недѣйствителенъ, — отвѣчалъ Тревертонъ, — развѣ вы будете пытаться доказать ложь.

— Не знаю, чего бы я не попытался сдѣлать, еслибъ жизнь ваша была въ опасности, — возразилъ Сампсонъ. — Я бы не погнался за пустяками, можете быть въ томъ увѣрены. Самое существенное будетъ открыть: была-ли жена ваша замужемъ прежде. Послѣ вашего разсказа о матросѣ, видѣнномъ вами въ la Morgue, я склоненъ надѣяться на успѣхъ.

— Право? Бѣдный Сампсонъ, я сильно подозрѣваю, что мы отправляемся искать журавля въ небѣ.

На слѣдующее утро они выѣхали изъ Сенъ-Мало, и прибыли въ Орэ вскорѣ послѣ полудня. Со станціи желѣзной дороги они потряслись, вдоль длиннаго бульвара, до города въ омнибусѣ, высадившемъ ихъ, наконецъ, въ Pavillon d'en haut, очень удобномъ отелѣ, гдѣ они были встрѣчены улыбающейся хозяйкой и хорошенькой горничной въ изящномъ черномъ платьицѣ, отороченномъ бархатомъ, въ чепцѣ изъ бѣлаго кембрика столь-же своеобразнаго фасона, какъ головной уборъ монахини, въ передникѣ, воротничкѣ и рукавчикахъ изъ той же бѣлоснѣжной ткани.

Такъ какъ знанія Томаса Сампсона во французскомъ языкѣ были знаніями англійскаго школьника среднихъ способностей, то онъ, естественно, не могъ понимать уроженцевъ мало-извѣстнаго бретонскаго порта. Онъ находился при своемъ кліентѣ въ качествѣ совѣтника, но кліенту приходилось взять на себя всю работу.

— Ну, голубчикъ мой, — сказалъ Тревертонъ, когда они оставили свои дорожные мѣшки въ отелѣ, и стояли посреди пустой рыночной площади, осматриваясь съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ: — вотъ мы и здѣсь; за что же намъ сначала приняться, если ужъ мы сюда пріѣхали?

Digitized by Google

— Я полагалъ-бы, что самое лучшее обойти церкви и просмотрѣть церковныя книги, — предложилъ Сампсонъ. — Вамъ, вѣроятно, извѣстно настоящее имя первой жены вашей?

— Нѣтъ, если оно не было Шико, я женился на ней, какъ на m-elle Шико.

— Шико, — недовѣрчиво повторилъ Сампсонъ. — Оно звучитъ нѣсколько дико, но оно ничто сравнительно съ именами, красующимися на здѣшнихъ вывѣскахъ. Такихъ варварскихъ именъ я никогда не видывалъ. Что-жъ, пойдемте, посмотримте всѣ церковныя книги, будемъ искать имя Шико.

— При этомъ способѣ дѣло пойдетъ слишкомъ медленно, — сказалъ Тревертонъ, думавшій о милой молодой женѣ, которая осталась дома, съ душой, переполненной страхомъ и заботой, не помышляла ни о чемъ, кромѣ своего горя, въ то именно время, когда всѣ должны были-бы стараться сдѣлать ея жизнь ясной и счастливой.

Онъ написалъ Лорѣ утѣшительное письмо изъ Сенъ-Мало, полное надежды, которой самъ не имѣлъ; но ему было извѣстно, какимъ жалкимъ утѣшеніемъ должно послужить всякое письмо; онъ жаждалъ покончить съ дѣлами и возвратиться домой.

— Можете вы указать мнѣ на болѣе скорый способъ? — спросилъ Сампсонъ.

— Я думаю, что самое лучшее было бы розыскать старѣйшаго священника въ приходѣ и разспросить его. Священникъ въ такомъ мѣстечкѣ, какъ это, долженъ быть живой хроникой жизни его обитателей.

— Недурная мысль, — одобрительно замѣтилъ Сампсонъ. — Чѣмъ скорѣе розыщете вы вашего священника, тѣмъ лучше.

— Ну, такъ пойдемте, — сказалъ Тревертонъ, и они поднялись по ступенькамъ ближайшей церкви и вошли въ темный храмъ, въ которомъ, среди зимнихъ сумерекъ, виднѣлось нѣсколько колѣнопреклоненныхъ старушекъ, и гдѣ лампада предъ алтаремъ сверкала въ отдаленіи подобно ярко-красной звѣздѣ.

«Что бы сказали у насъ въ Газльгёрстѣ, еслибъ могли видѣть меня въ католической церкви?» — подумалъ Сампсонъ. — «Меня сочли бы погибшимъ».

Джонъ Тревертонъ тихими шагами обошелъ почти всю церковь, и тогда только встрѣтилъ священника, запиравшаго свою исповѣдальню и готовившагося уходить. То былъ довольно моложавый человѣкъ, съ добродушной наружностью, отвѣтившій на поклонъ незнакомца дружеской улыбкой. Джонъ Тревертонъ послѣдовалъ за нимъ изъ церкви, и тогда только рѣшился просить

Digitized by Google

у него нужныхъ ему свѣдѣній, причемъ выразился въ возможно краткихъ словахъ.

— Я прибылъ изъ Англіи, чтобы получить свѣдѣнія касательно одной здѣшней уроженки, — сказалъ онъ. — Не найдется ли въ числѣ священниковъ при вашей церкви человѣка, который бы помнилъ событія послѣднихъ двадцати лѣтъ, и былъ бы настолько обязателенъ, чтобы отвѣтить на мои вопросы?

— Несомнѣнно, monsieur, тѣмъ болѣе, что, какъ я надѣюсь, разспросы ваши имѣютъ цѣль добрую.

— Даю вамъ въ томъ слово. Этотъ джентльменъ — мой повѣренный, и еслибъ онъ говорилъ по-французски, или вы говорили по-англійски, онъ бы могъ поручиться вамъ за мою добропорядочность. Къ несчастью, онъ не въ состояніи связать и нѣсколькихъ словъ на вашемъ прекрасномъ языкѣ. По крайней мѣрѣ, я боюсь, что онъ не въ состояніи это сдѣлать. Какъ вамъ кажется, могли ли бы вы сказать этому джентльмену, кто я такой, Самсонъ? — спросилъ Джонъ Тревертонъ, обращаясь къ своему союзнику.

Мистеръ Самсонъ страшно покраснѣлъ и раздулъ щеки какъ индѣйскій пѣтухъ.

— Mon ami, monsieur, — началъ онъ, съ отчаянной рѣшимостью. — Er, mon ami est bien riche homme, bien à faire le plus fort riche homme dans notre part de la campagne. Il a un grand état, très-grand. Je suis son lawyer — comprenez, monsieur? — son avocat [1]).

Священникъ выразилъ свою глубочайшую увѣренность въ томъ, что оба путешественника занимаютъ вполнѣ почетное общественное положеніе, хотя онъ въ душѣ и не понималъ, что за радость человѣку бродить по свѣту въ обществѣ своего адвоката.

Затѣмъ онъ сообщилъ Джону Тревертону, что его начальникъ, отецъ le Mescam, священникъ здѣшняго прихода, состоитъ при этой церкви тридцать лѣтъ, и несомнѣнно можетъ припомнить всякое сколько-нибудь важное событіе, какое совершилось въ городѣ за этотъ періодъ времени. Ему, по всѣмъ вѣроятностямъ, извѣстно многое изъ частной жизни его паствы, и такъ какъ онъ самый любезный человѣкъ, то, конечно, охотно сообщитъ все, что только имѣетъ право сообщить незнакомому человѣку.

— Вы крайне обязательны, — сказалъ Джонъ Тревертонъ. —

---

[1]) Мой пріятель человѣкъ очень богатый, очень зажиточный, самый богатый человѣкъ въ нашей сторонѣ. У него большое помѣстье, очень большое. Я его стряпчій, понимаете, его адвокатъ.

Digitized by Google

Окажите намъ еще любезность, и пожалуйте съ отцомъ le Mescam откушать со мной и моимъ пріятелемъ нынче въ шесть часовъ, за что я буду вамъ безгранично благодаренъ.

— Вы очень добры,—прошепталъ священникъ.—Всенощная у насъ въ пять часовъ; да, въ шесть мы будемъ свободны. Я охотно берусь убѣдить отца le Mescam принять ваше любезное приглашеніе.

— Тысячу разъ благодарю. Я считаю вопросъ рѣшеннымъ. Мы остановились въ Pavillon d'en haut, и мнѣ думается, что если человѣку нельзя тамъ *пообѣдать*, то можно, по крайней мѣрѣ, *поѣсть*.

— Беру смѣлость поручиться вамъ за отель. Какъ представитель провинціальной кухни, Pavillon d'en haut покажетъ себя достойнымъ вашего добраго о немъ мнѣнія. Вы не останетесь недовольны вашимъ обѣдомъ. Ручаюсь въ томъ. До шести часовъ, monsieur.—Викарій приподнялъ шляпу и удалился.

— Очень ужъ судьба будетъ ко мнѣ немилостива, если я не узнаю чего-нибудь о прошломъ жены своей отъ человѣка, прожившаго тридцать лѣтъ въ Орэ,—сказалъ Джонъ Тревертонъ, идя со своимъ товарищемъ по узкой улицѣ, ведущей къ рѣкѣ.—Такая красивая женщина не должна была остаться незамѣченной въ такомъ городкѣ, какъ этотъ.

— Судя по образцамъ женской красоты, попадавшимся мнѣ до сей минуты, она должна была бросаться въ глаза,—замѣтилъ Сампсонъ,—такъ-какъ, за исключеніемъ хорошенькой горничной въ гостинницѣ, я не видалъ ни одной женщины приличной наружности съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ Сенъ-Мало.

Они спустились къ мосту; Сампсонъ прихрамывалъ по каменистой дорожкѣ, и на чемъ свѣтъ стоитъ бранилъ общинный совѣтъ, а также комитетъ, завѣдующій городомъ Орэ, причемъ обнаружилось, что, по его понятіямъ, учрежденія эти устроены здѣсь совершенно также какъ въ англійскихъ городкахъ.

Они перешли мостъ, и пошли взглянуть на построенную на противоположномъ берегу рѣки старинную церковь, стѣны которой были увѣшаны моделями трехмачтовыхъ кораблей и винтовыхъ пароходовъ, принесенными рыбаками въ даръ покровительствующимъ имъ святымъ; затѣмъ воротились назадъ и поднялись на гору, у подножія которой разстилался городокъ; съ этого обсерваціоннаго пункта они обозрѣли мѣстность, насколько она была видна среди надвигавшихся зимнихъ сумерекъ, а затѣмъ мистеръ Сампсонъ,—на котораго Везувій, во время изверженія, можетъ быть, и произвелъ бы впечатлѣніе, но на котораго не дѣйство-

Digitized by Google

вало вообще ничто оригинальное и живописное, если представлялось его взорамъ въ маломъ масштабѣ,—предложилъ возвратиться въ отель и приготовиться къ обѣду.

— Я бы желалъ умыться, если здѣсь можно найти кусокъ мыла, — замѣтилъ стряпчій,—но судя по наружности обитателей я подозрѣваю, что нельзя. Мыло для нѣкоторыхъ изъ нихъ было бы просто насмѣшкой. Ничто, кромѣ скребницы, не могло бы принести настоящей пользы.

Гостиная ихъ въ отелѣ оказалась ярко-освѣщенной восковыми свѣчами и пылавшимъ въ каминѣ огнемъ. Мистеръ Сампсонъ едва-едва не растянулся на натертомъ воскомъ полу, и протестовалъ противъ натиранія половъ, какъ противъ остатка варварства. Вообще же онъ во всемъ находилъ больше признаковъ цивилизаціи, чѣмъ ожидалъ, такъ-какъ до сего времени никогда не переплывалъ Канала, и въ своихъ понятіяхъ о нравахъ и обычаяхъ чужеземцевъ придерживался строго-англійскихъ воззрѣній.

— Надѣюсь, что старый джентльменъ, который будетъ обѣдать съ нами, говоритъ по-англійски,—сказалъ онъ;—оно бы не мѣшало въ его-то годы.

— Но если онъ весь свой вѣкъ прожилъ въ Орэ?

— Да, конечно, городишко этотъ пучина невѣжества,—согласился Сампсонъ.—Вѣроятно, глупый старикашка не пойметъ ни слова изъ всего, что́ я буду говорить.

О приходѣ священниковъ доложили въ ту самую минуту, какъ большіе часы на рыночной площади пробили шесть.

— Отецъ le Mescam, отецъ Gedain,—самымъ почтительнымъ тономъ проговорила хорошенькая горничная, послѣ чего оба джентльмена вошли. Они были чисто одѣты, тщательно выбриты, улыбались и не имѣли вовсе того мрачнаго и зловѣщаго вида, какой Томъ Сампсонъ ожидалъ встрѣтить въ каждомъ католическомъ священникѣ.

Отецъ le Mescam былъ маленькій старичекъ, съ оригинальнымъ, нѣсколько комическимъ, лицомъ, которое бы отлично подошло къ роли перваго могильщика въ «Гамлетѣ»; маленькими блестящими глазками, полными хитраго юмора, подвижнымъ ртомъ и маленькимъ носомъ, торчащимъ вверхъ, словно подъ вліяніемъ добродушнаго презрѣнія къ безумію, свойственному человѣческой природѣ вообще.

— Я крайне вамъ обязанъ за это любезное посѣщеніе, отецъ le Mescam, — сказалъ Джонъ Тревертонъ, когда отецъ Gedain представилъ его своему принципалу.

Digitized by Google

— Любезный monsieur, когда симпатичный путешественникъ приглашаетъ меня обѣдать, я съ великой радостью принимаю приглашеніе,—простодушно отвѣчалъ священникъ.—Струя воздуха изъ внѣшняго міра сообщаетъ намъ, въ этомъ мирномъ уголкѣ вселенной, какъ-бы нѣкоторое оживленіе.

— Да сжалится Господь надъ нами, какъ старикашка-то трещитъ,—въ душѣ восклицалъ Сампсонъ.—Слава Богу, нашъ братъ англичанинъ никогда такъ не болтаетъ.

Затѣмъ, рѣшившись принять хотя какое-нибудь участіе въ разговорѣ, мистеръ Сампсонъ собрался съ духомъ и приготовился къ смѣлой попыткѣ. Онъ благосклонно поглядѣлъ на отца le Mescam и крикнулъ изъ всей силы своихъ легкихъ:

— Fraw, Mossoo, horriblemong fraw [1]).

Маленькій священникъ любезно улыбнулся, но пожалъ плечами съ выраженіемъ полусерьёзной, полу-комической безпомощности.

— Non moing c'est raisonable temps pour le temp de l'ong [2]), —продолжалъ Сампсонъ, становясь сильнѣе, и чувствуя, будто всѣ знанія, пріобрѣтенныя имъ по части французскаго языка въ школѣ, такъ и льются ему въ голову подобно свѣтовому потоку. Отецъ le Mescam все еще имѣлъ видъ нерѣшительный.

— Ну,—воскликнулъ Сампсонъ, обращаясь къ Джону Тревертону,—я всегда слыхалъ, что французы не легко выучиваются иностраннымъ языкамъ; но никогда бы не повѣрилъ, что они такъ отвратительно глупы, что и своего-то не понимаютъ. Честное слово, Тревертонъ, я не вижу никакой причины, по которой вы бы могли такъ хохотать,—усовѣщивалъ онъ, когда Тревертонъ откинулся на спинку стула въ припадкѣ неудержимаго смѣха.—Allong,—крикнулъ Сампсонъ,—voyci le pottage; чуть ли они хлѣбъ, со всего дома собранный, въ него не окунули!—воскликнулъ онъ, съ невыразимымъ отвращеніемъ заглядывая въ суповую чашку, въ которой увидалъ куски хлѣба, плавающіе на поверхности жидковатаго бульона.—Venez dong, Treverton, si vous avez finni de faire un sot de voter même nous pouvons aussi bien commencer [3]).

— Mais oui, monsieur,—воскликнулъ священникъ, въ восторгѣ оттого, что понялъ два слова изъ этой послѣдней рѣчи, и улыбаясь англичанину въ припадкѣ добродушія.

---

[1]) Холодно, ужасно холодно.

[2]) Тѣмъ не менѣе, время сносное по времени года.

[3]) Идите, Тревертонъ, если перестали корчить дурака, намъ можно бы и начинать.

Digitized by Google

— Oui, oui, oui, monsieur, commençons, commençons. C'est très bien dit.

— А,—проворчалъ Сампсонъ,—старый идіотъ оживляется, когда заговоришь объ обѣдѣ. Если этотъ водянистый бульонъ съ хлѣбомъ есть образчикъ здѣшней кухни, я о ней не высокаго мнѣнія,—прибавилъ онъ.

Какъ ни плохъ былъ супъ съ виду, мистеръ Сампсонъ нашелъ, что на вкусъ онъ недуренъ, а когда вкусное блюдо, приготовленное изъ какой-то невѣдомой ему рыбы, явилось вслѣдъ за супомъ, и фрикасе изъ дичи и грибовъ смѣнило рыбу, онъ примирился съ Pavillon d'en haut. Баранина довершила его примиреніе съ провинціальной кухней, а ванильный кремъ à la Chateaubriand привелъ его въ восторженное состояніе духа. Оба священника кушали съ удовольствіемъ, и весело болтали во время ѣды; но не ранѣе той минуты, когда бойкая горничная обнесла всѣхъ присутствующихъ десертомъ, и на столѣ явилась бутылка помара, Джонъ Тревертонъ коснулся серьёзнаго вопроса, имѣющаго быть обсужденнымъ въ этотъ вечеръ. Онъ подождалъ, пока горничная вышла изъ комнаты, и тогда, подкативъ свой стулъ къ камину, пригласилъ отца le Mescam сдѣлать то же самое. Мистеръ Сампсонъ и отецъ Gedain послѣдовали ихъ примѣру, и всѣ четверо уютно усѣлись въ кружокъ около камина. У каждаго въ рукахъ былъ стаканъ краснаго вина.

— Я намѣренъ предложить вамъ не мало вопросовъ, отецъ le Mescam,—началъ Джонъ Тревертонъ.—Надѣюсь, вы не сочтете меня докучливымъ или любопытнымъ до дерзости. Мои вопросы могутъ показаться вамъ мелочны, но отвѣтъ вашъ будетъ для меня дѣломъ жизни или смерти.

— Спрашивайте все, что вамъ угодно, сэръ,—отвѣчалъ священникъ. — Если вы не предложите мнѣ вопроса, на который служитель алтаря не отвѣчаетъ, я весь къ вашимъ услугамъ.

Глава VI.—Жена Кергаріу.

— Отецъ le Mescam,—сказалъ Джонъ Тревертонъ,—помните ли вы дѣвушку, которая покинула этотъ городъ простой прачкой, а впослѣдствіи стала парижской знаменитостью, въ качествѣ балетной танцовщицы?

— Я долженъ ее помнить,—отвѣчалъ священникъ, повидимому нѣсколько удивленный вопросомъ: —такъ-какъ я крестилъ ее, я

Digitized by Google

приготовлялъ ее, бѣдняжку, къ ея первой исповѣди и къ причащенію, я же и вѣнчалъ ее.

Джонъ Тревертонъ вскочилъ со стула, а затѣмъ снова сѣлъ глубоко взволнованный. Сампсонъ правъ. Да, она прежде была замужемъ. Но, можетъ быть, еще рано ликовать. Первый мужъ могъ умереть до прибытія Шико въ Парижъ.

— Объ одной и той-ли же женщинѣ говоримъ мы?—спросилъ онъ;—о дѣвушкѣ, извѣстной подъ именемъ м-lle Chicot?

— Да,—отвѣчалъ отецъ le Mescam,—она единственная женщина, покинувшая Орэ, чтобъ сдѣлаться танцовщицей. Наша почва не такая, чтобы на ней въ изобиліи росли подобнаго рода цвѣты. Я имѣю основаніе помнить эту дѣвушку, такъ-какъ меня очень заинтересовала ея рѣдкая красота, и я заботился о спасеніи души ея среди сѣтей и соблазновъ, въ которые впадаетъ, которымъ подвергается такая замѣчательная красота. Я, какъ могъ, училъ ее,—старался закалить ее въ виду всѣхъ будущихъ опасностей; но она была также пуста внутри, какъ прекрасна извнѣ. Я право не знаю, должно ли почитать подобное существо отвѣтственнымъ за всѣ ея заблужденія. Невѣжество ея было непреодолимо. Церкви приходится имѣть дѣло со многими подобными характерами,—съ сердцами твердыми, какъ камень, и съ совершенно бездѣятельными умами.

— О чемъ онъ тараторитъ?—сказалъ Томъ Сампсонъ, обращаясь къ своему кліенту. — У васъ такое лицо, точно вы что-нибудь открыли.

— Подождите, любезный другъ. Я на пути къ открытію. Вы были правы въ своихъ догадкахъ, Сампсонъ; первый мужъ существовалъ.

— Разумѣется,—торжествующимъ тономъ воскликнулъ Сампсонъ.—Меня только удивляетъ, что у подобной женщины былъ всего одинъ мужъ до васъ, я думалъ услыхать о шестерыхъ.

— Молчите,—повелительно проговорилъ Джонъ Тревертонъ; а затѣмъ наполнилъ до краевъ стаканъ отца le Mescam, прежде чѣмъ сталъ продолжать свое изслѣдованіе. — Вы говорите, что вы вѣнчали Шико?

— Когда я вѣнчалъ ее, она не называлась la Chicot, а была просто Мари Помлекъ, старшей дочерью стараго пьяницы-рыбака, жившаго на набережной. Пьянство было наслѣдственнымъ въ ея семействѣ. Дѣдъ и прадѣдъ, всѣ были пьяницами изъ поколѣнія въ поколѣніе. Дѣти должны были заботиться о себѣ съ той минуты, какъ начинали бѣгать. Мнѣ думается, что это могло ожесточить ихъ, хотя иныя избранныя души воспитываютъ

Digitized by Google

себя для царства небеснаго среди такой же суровой жизни. Когда Мари выросла и превратилась въ славную, высокую, тоненькую дѣвушку, ея красивое лицо привлекло общее вниманіе. Она поняла, что она—самая хорошенькая женщина въ Орэ, и сознаніе это скоро испортило все, что̀ въ ней было хорошаго. Я видѣлъ всю опасность ея положенія:—развращенные родители, полное отсутствіе внѣшняго руководства, умъ слишкомъ легкомысленный, чтобъ онъ могъ служить ей руководителемъ. По моимъ понятіямъ, единственное спасеніе заключалось для нея въ томъ, чтобы раньше выйти замужъ, и хотя ей было всего семнадцать лѣтъ, когда Жанъ Кергаріу просилъ ее быть его женою, я, не колеблясь, совѣтовалъ ей идти за него.

— Кто такой былъ Кергаріу?

— Матросъ, и такой славный малый, какой когда-либо плавалъ по морямъ. Они съ Мари играли вмѣстѣ, ходили въ одну и ту же школу. Жанъ былъ уменъ, Мари—тупа. Жанъ былъ откровененъ и добродушенъ, Мари сдержанна и своевольна. Но бѣднякъ былъ ослѣпленъ красотой дѣвушки, и она была дорога ему по старымъ воспоминаніямъ. Онъ говорилъ мнѣ, что она единственная женщина, которую онъ когда-либо любилъ, единственная женщина, которую когда-либо любить будетъ. Онъ скопилъ немного деньжонокъ, и могъ меблировать одинъ изъ домиковъ въ той улицѣ, близъ набережной. Ему, конечно, придется идти въ море, а Мари останется дома, на своемъ хозяйствѣ, и можетъ быть будетъ зарабатывать немного денегъ стиркою бѣлья, благо рѣка подъ рукой. Я бы лучше желалъ видѣть ее женой мужа-домосѣда, но Жанъ былъ отличнѣйшій малый, и я думалъ, что такой мужъ долженъ удержать ее на прямомъ пути. Онъ не такой былъ человѣкъ, чтобъ какая-нибудь женщина могла пытаться посмѣяться надъ нимъ.

— И онъ женился на ней?

— Да, они обвѣнчались вонъ въ той церкви, въ понедѣльникъ на святой.

— Не можете ли вы сказать мнѣ число?

— Я могу найти его вамъ въ книгѣ, куда вносятся подобныя событія. Въ эту минуту я не могу сказать, сколько лѣтъ тому назадъ это было. Я могу назвать вамъ годъ смерти бѣднаго Кергаріу.

— О, такъ онъ умеръ? — спросилъ Тревертонъ, сердце котораго упало.

— Да, бѣдняжка. Позвольте: прошлымъ лѣтомъ должно быть

Digitized by Google

минуло три года, какъ бѣднаго Кергаріу постигла печальная смерть.

— Печальная смерть,—повторилъ Тревертонъ.—Почему печальная?

— Онъ былъ убитъ, раздавленъ телѣгой на бульварѣ St. Denis, въ Парижѣ.

— Раздавленъ телѣгой, три года тому назадъ, на бульварѣ, — повторялъ Джонъ Тревертонъ.—Да, я помню.

— Какъ, развѣ вы его знали?

— Нѣтъ, но я былъ въ Парижѣ во время катастрофы.

Джону Тревертону припомнилась сцена въ la Morgue, и страшное лицо жены, умолявшей его увести ее. Да, эта страница, рѣзко выдѣлявшаяся среди прочихъ въ книгѣ его памяти, и освѣщенная мрачнымъ свѣтомъ, была точно страница многознаменательная.

— Разскажите мнѣ все, что́ знаете о Жанѣ Кергаріу и женѣ его,—сказалъ онъ священнику.—Для меня крайне важно это знать. Вы оказываете мнѣ услугу, за которую я всю жизнь буду вамъ благодаренъ.

— Надѣюсь, что не такъ долго,—съ лукавой улыбкой возразилъ священникъ. — Человѣкъ былъ бы недолговѣченъ, еслибъ жизнь его измѣрялась продолжительностью его благодарности. Это дивная добродѣтель, но недолговѣчная.

— Испытайте меня! — воскликнулъ Джонъ Тревертонъ. — Дайте мнѣ юридическія доказательства въ томъ, что Мари Помлекъ и танцовщица, именуемая Шико, одно и то же лицо и что человѣкъ, убитый три года тому назадъ на бульварѣ, былъ мужемъ Мари Помлекъ, и вы можете подвергнуть меня самому строгому испытанію, какому только пожелаете, но никогда не найдете меня неблагодарнымъ.

— Благородныя исключенія несомнѣнно существуютъ,—замѣтилъ священникъ, пожимая плечами,—точно также, какъ отъ времени до времени рождается ребенокъ о двухъ головахъ. Что же касается до исторіи Мари Помлекъ и ея замужества, она проста, обыденна; доказательства могутъ быть найдены въ книгахъ мэріи, тогда какъ самый фактъ извѣстенъ всѣмъ обитателямъ набережной, гдѣ жила и жена Жана. Что человѣкъ, убитый въ Парижѣ, былъ Жанъ Кергаріу, также достовѣрно; его призналъ товарищъ-матросъ, пока онъ лежалъ въ la Morgue, и отчетъ объ этомъ происшествіи появился въ нѣсколькихъ парижскихъ газетахъ въ рубрикѣ Faits divers. Одно, что́ могло бы быть подвержено сомнѣнію, это тождество танцовщицы m-lle

Digitized by Google

Шико съ женою Кергаріу, но оно хорошо извѣстно многимъ въ Орэ, видавшимъ ее танцующей въ Парижѣ и привезшимъ сюда вѣсти о ея успѣхахъ, не говоря уже о ея фотографическихъ карточкахъ, сходство которыхъ несомнѣнно.

— Какъ вздумала Мари Кергаріу покинуть Орэ?

— Кто знаетъ? Не я во всякомъ случаѣ. Какой мужчина съумѣетъ объяснить капризъ женщины? Она жила довольно скромно въ теченіе перваго года послѣ своего замужества. Кергаріу большую часть времени былъ въ отлучкѣ; онъ находился на китоловномъ суднѣ въ Гренландіи. Когда онъ возвращался домой, онъ и его хорошенькая жена, казалось, страстно любили другъ друга. Но на второй годъ дѣла пошли ужъ не такъ хорошо. Кергаріу жаловался мнѣ на характеръ своей жены. Мари избѣгала посѣщать исповѣдальню, и стала небрежно посѣщать церковныя службы. Сосѣди говорили мнѣ, что бывали ссоры; вы знаете конечно, что сосѣди охотно говорятъ другъ о другѣ, и священникъ не всегда долженъ затыкать себѣ уши, такъ какъ чѣмъ больше онъ знаетъ о своихъ прихожанахъ, тѣмъ скорѣй можетъ помочь имъ. Я имѣлъ съ Мари серьёзный разговоръ, но нашелъ ее совершенно безчувственной. Она жаловалась на свою суровую жизнь. Ей приходилось работать также упорно, какъ самой некрасивой женщинѣ въ Орэ. Я напомнилъ ей, что Пресвятая Дѣва, изображаемая во всѣхъ нашихъ церквахъ въ видѣ высшаго идеала человѣческой красоты, вела на землѣ смиренную и трудовую жизнь, прежде, чѣмъ вознеслась и стала Царицей Небесной. Неужели красота избавляетъ отъ труда и лишеній? Будь она слаба и уродлива, толковалъ я, она могла бы оправдывать свою лѣность немощью; но Господь даровалъ ей здоровье и силу, и она должна гордиться мыслью, что съ помощью ея труда поддерживается приличный домашній уголокъ для ея мужа, дѣятельность котораго сопряжена съ постоянной опасностью. Я бы могъ съ такимъ же успѣхомъ расточать свое краснорѣчіе передъ камнемъ. Мари сообщила мнѣ, что очень сожалѣетъ, что вышла за матроса. Подожди она немного, она несомнѣнно могла бы имѣть своимъ мужемъ богатаго молодого фермера,— человѣка, который сидѣлъ бы дома, былъ бы для нея пріятнымъ обществомъ и дарилъ ей красивыя платья. По истеченіи полугода, я услыхалъ, что между Кергаріу и женой его, наканунѣ его отплытія въ Гренландію, произошла отчаянная ссора; со дня его отъѣзда не прошло и недѣли, какъ Мари исчезла. Сначала всѣ думали, что она покончила съ собой, и нѣсколько добродушныхъ рыбаковъ, знавшихъ ее съ дѣтства, принялись искать

Digitized by Google

ее на днѣ рѣки. Но когда сосѣди пришли осматривать ея хижину, они убѣдились, что она взяла съ собой всѣ свои платья и немногочисленныя золотыя бездѣлушки, подаренныя ей Жаномъ во дни его ухаживанія; вскорѣ послѣ того, извощикъ разсказалъ, что повстрѣчалъ ее на дорогѣ въ Реннъ, тогда всѣмъ стало ясно, что жена Кергаріу бѣжала просто потому, что ей наскучила ея трудовая, честная жизнь въ Орэ. У нея, повидимому, вырвался не одинъ намекъ въ этомъ смыслѣ, когда она стирала бѣлье на рѣкѣ, среди своихъ товарокъ; имъ было совершенно ясно, что она отправилась въ Парижъ съ цѣлью составить себѣ карьеру, и что если ей не достигнуть своей цѣли добрыми путями, она достигнетъ ея дурными. Ей было только девятнадцать лѣтъ, но по своей испорченности она была такъ стара, какъ еслибы ей было пятьдесятъ.

— Когда возвратился ея мужъ?

— Не ранѣе конца слѣдующаго года. Онъ испыталъ всякаго рода превратности въ сѣверныхъ моряхъ, и возвратился тѣнью красиваго молодца, котораго я вѣнчалъ за два года передъ тѣмъ. Узнавъ о случившемся, онъ хотѣлъ отправиться въ Парижъ розыскивать жену свою, но заболѣлъ перемежающейся лихорадкой, пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ, между жизнью и смертью, въ домѣ одного своего пріятеля. Какъ только онъ получилъ способность двигаться, онъ отправился въ Парижъ, истратилъ остатокъ своихъ сбереженій на поиски за женою, но безъ всякаго успѣха. Она, надо вамъ сказать, еще не обратила на себя общаго вниманія какъ танцовщица, фотографическія карточки ея еще не были выставлены въ магазинахъ. Кергаріу возвратился въ Орэ въ отчаяніи, и затѣмъ, снова отправился въ сѣверныя моря, очень равнодушный къ тому, суждено ли ему когда воротиться на родину или нѣтъ. Онъ, однако жъ, вернулся, пробывъ въ отсутствіи болѣе трехъ лѣтъ. За это время Мари Помлекъ прославилась въ Парижѣ подъ именемъ Заиры Шико, и парижскій фотографъ, путешествовавшій по Бретани, оставилъ въ Орэ съ полъ-дюжины ея фотографическихъ карточекъ. Онѣ были выставлены въ окнѣ книжнаго магазина, когда Жанъ Кергаріу воротился домой изъ своего послѣдняго путешествія; какъ только случившееся стало ему ясно, онъ снова отправился въ Парижъ, на этотъ разъ пѣшкомъ, такъ какъ бѣднякъ истратилъ всѣ свои деньги во время прежнихъ поисковъ за женой. Онъ покинулъ Орэ въ половинѣ іюня, а въ началѣ іюля я прочелъ извѣстіе о его смерти въ Moniteur Universel, который мнѣ каждую недѣлю присылаетъ одинъ пріятель изъ Орлеана. На-

Digitized by Google

шелъ-ли онъ свою жену или нѣтъ, мнѣ неизвѣстно. Никто никогда ничего болѣе о судьбѣ его не слыхалъ, кромѣ того, что онъ добрался до Парижа и тамъ нашелъ свою смерть.

— Печальный конецъ,—сказалъ Джонъ Тревертонъ.

— Не печальнѣе конца его жены,—возразилъ отецъ le Mescam,—если справедливъ разсказъ, прочитанный мною въ прошломъ году и заимствованный изъ англійской газеты. Несчастная была убита человѣкомъ, съ которымъ жила—быть можетъ, вторымъ мужемъ своимъ.

Сердце Джона Тревертона сжалось. Всѣ, даже этотъ вдали отъ свѣта живущій старикъ священникъ, считаютъ виновность мужа дѣломъ рѣшеннымъ. А если ему когда придется доказывать свою невинность, какъ докажетъ онъ ее? Онъ, конечно, сдѣлалъ важный шагъ, разузнавъ все, касательно первой жены своей, и удостовѣрившись въ томъ, что второй бракъ его былъ дѣйствителенъ. Онъ владѣлъ помѣстьемъ Джаспера Тревертона безъ тѣни обмана. Хотя виновный по намѣренію, онъ былъ фактически невиненъ. Но затѣмъ все еще оставалась другая, злѣйшая опасность, возможность сѣсть на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ убійствѣ Шико. Оба священника помогли выпить вторую бутылку помара, а затѣмъ удалились послѣ того, какъ отецъ le Mescam обѣщалъ познакомить мистера Тревертона съ почтеннымъ нотаріусомъ, который доставитъ ему юридическія доказательства касательно брака Мари Помлекъ. Пока онъ будетъ надъ этимъ работать въ Орэ, Джонъ Тревертонъ и спутникъ его, не теряя времени, отправятся въ Парижъ и тамъ соберутъ всѣ подробности касательно смерти и погребенія Жана Кергаріу.

Свиданіе съ нотаріусомъ было назначено на слѣдующее утро въ девять часовъ,—такъ горячо желалъ Джонъ Тревертонъ подвинуть это дѣло.

— Ну,—разразился Самсонъ по уходѣ священниковъ,—если когда человѣкъ изображалъ изъ себя статую терпѣнія въ теченіе длиннаго зимняго вечера, то я полагаю, что этотъ человѣкъ—я. Теперь, когда они ушли, вы, можетъ быть, разскажете мнѣ, что вамъ говорилъ этотъ смѣшной старикашка. Отъ роду не видывалъ старика, который бы такъ размахивалъ руками, точно съумасшедшій. Еслибъ меня не одолѣвало любопытство, я бы право наслаждался представленіемъ, какъ отличной пантоминой.

Джонъ Тревертонъ сообщилъ своему совѣтнику сущность всего имъ слышаннаго отъ священника.

— Развѣ я этого не говорилъ!—воскликнулъ Самсонъ.—

Digitized by Google

Развѣ я не говорилъ, что болѣе чѣмъ вѣроятно, что прежній мужъ скрывается въ глубинѣ сцены? Конечно, это была отчаянная догадка, и я не стану утверждать, чтобы я былъ совершенно въ этомъ убѣжденъ, когда впервые выразилъ это мнѣніе. Но это все-таки лучше, чѣмъ отказаться отъ помѣстья, что́ вы имѣли бы глупость сдѣлать, не будь вашимъ совѣтникомъ проницательный человѣкъ. Любая изъ высшихъ лондонскихъ фирмъ прямо бы обратилась за совѣтомъ и указаніемъ къ опытнымъ юристамъ, и прежде, чѣмъ вы бы успѣли опомниться, эти совѣтники лишили бы васъ вашей собственности.

Сампсонъ былъ въ полнѣйшемъ восторгѣ отъ результата, который всецѣло приписывалъ собственной проницательности. Онъ расхаживалъ по комнатѣ, посмѣиваясь про себя, въ порывѣ самодовольства. Его взволнованныя чувства, наконецъ, побудили его искать облегченія въ какомъ-нибудь напиткѣ. Онъ попросилъ Джона Тревертона заказать ему стаканъ горячаго джина съ водой и пришелъ въ совершенное негодованіе, когда ему сообщили, что Pavillon d'en haut не можетъ снабдить его этимъ англійскимъ угощеніемъ.

— Полагаю, что если я закажу вамъ грогъ, вы получите нѣчто въ родѣ горячей водки съ примѣсью воды,—сказалъ Тревертонъ.

— Пожалуйста, не дѣлайте этого. Попросите ту черноглазую дѣвушку принести кувшинъ. О, да вотъ и она.

Мистеръ Сампсонъ обернулся къ хорошенькой горничной, громко кашлянулъ и обратился къ ней съ слѣдующей рѣчью:

— Mada-moyselle, voulez vous avez le bonty de apporter o boyllong; prenez vous garde que c'est tout boyllong, avec une demi-pinte de o de vie, et ong bassing de sooker, et ong quiller [1]). Тутъ онъ остановился, замѣтивъ исполненный недоумѣнія взглядъ дѣвушки и понявши, что ни единый лучъ британскаго свѣта не проницалъ ея истинно-гальскаго ума.—Пойдите сюда, Тревертонъ,—нетерпѣливо крикнулъ онъ.—Растолкуйте ей. Она глупа.

Джонъ Тревертонъ отдалъ приказаніе, и мистеръ Сампсонъ имѣлъ удовольствіе приготовить себѣ истинно англійскую, крѣпкую смѣсь водки съ водою, и выпивъ ее, отправился спать совершенно довольный.

---

[1]) Потрудитесь принести кипятку, но самаго горячаго, полъ-кружки водки, сахарницу и ложку.

Digitized by Google

Какъ только на слѣдующее утро открыли телеграфное бюро, Джонъ Тревертонъ отправилъ слѣдующую депешу женѣ:

«Добрыя вѣсти для тебя. Всѣ подробности въ сегодняшнемъ письмѣ».

Въ одиннадцать часовъ мистеръ Тревертонъ и его повѣренный были на пути въ Реннъ, направляясь въ Парижъ.

Глава VII.—Вичамптонскій арендаторъ.

Пока Джонъ Тревертонъ находился въ Парижѣ и ожидалъ доказательствъ тождества Жана Кергаріу съ матросомъ, тѣло котораго, на его глазахъ, было доставлено въ la Morgue, Лора сидѣла одна въ кабинетѣ мужа, съ душой, полной тревожныхъ мыслей. Телеграмма изъ Орэ была доставлена въ замокъ вскорѣ послѣ полудня и нѣсколько успокоила истомленное сердце жены Джона Тревертона, хотя даже обѣщаніе мужа сообщить ей добрыя вѣсти не могло окончательно побѣдить томившаго ее страха. Одна ужасная мысль преслѣдовала ее, о чемъ бы она ни думала. Ея мужъ, человѣкъ, за котораго она рада была отдать жизнь, былъ заподозрѣнъ и даже прямо обвиненъ въ убійствѣ. Куда-бы онъ ни пошелъ, какъ бы часто ни мѣнялъ своего имени и своей обстановки, это безобразное подозрѣніе послѣдуетъ за нимъ подобно его тѣни. Ей вспомнилось многое изъ прочитаннаго въ газетахъ объ убійствѣ Шико. Она припоминала, какъ сама остановилась на мысли о виновности мужа. Всѣ обстоятельства дѣла, повидимому, указывали на него. Да и кого, кромѣ его, можно было подозрѣвать? Твердо вѣря въ любимаго человѣка, Лора Тревертонъ была также убѣждена въ невинности своего мужа, какъ еслибъ стояла подлѣ него, когда онъ возвратился домой въ ночь убійства и въ ужасѣ остановился на порогѣ комнаты жены своей, глядя на страшный красный ручей, на это доказательство совершоннаго злодѣянія. Въ умѣ ея не было сомнѣній, въ мысляхъ не было колебаній: но она знала, что то же, что думала она, читая о человѣкѣ извѣстномъ подъ именемъ Шико, подумаютъ и другіе, если Джонъ Тревертонъ, alias Шико, предстанетъ передъ судомъ по дѣлу объ обвиненіи его въ убійствѣ своей жены.

Тягостно ей было останавливаться на этой возможности, среди своего одиночества, при сознаніи, что любимый мужъ далеко, что за нимъ, можетъ быть, тайно слѣдитъ полиція, легко могущая придать самымъ невиннымъ поступкамъ его значеніе новыхъ доказательствъ его виновности.

Digitized by Google

— Будь онъ дома, здѣсь подлѣ меня, я бы не испытывала этихъ терзаній,—думала она.—Здѣсь ему и слѣдовало бы быть.

Селія была въ замкѣ два раза со времени отъѣзда мистера Тревертона, но оба раза Лора не пожелала ее видѣть, извинившись подъ предлогомъ нездоровья, не дозволявшаго ей принимать кого бы то ни было. Поведеніе Эдуарда Клера наполнило душу ея отвращеніемъ и страхомъ. Она почувствовала скрытый зубъ змѣи и знала, что имѣетъ дѣло съ врагомъ, ненависть котораго достаточно сильна, чтобы принести съ собою смерть. Она не въ силахъ была пожать руку сестрѣ этого человѣка, цѣловать ее такъ, какъ привыкла прежде. Она не довѣряла любви, въ которой увѣряла ее Селія. Братъ и сестра были одной крови. Могла ли она быть искренна, когда онъ оказался такимъ лживымъ?

— Я буду теперь бояться Селіи,—говорила она себѣ.

Когда добродушный викарій самолично явился къ ней на другой день по полученіи телеграммы, съ цѣлью успокоить и развеселить ее въ столь тяжкое для нея время, Лора не могла заставить свое сердце отвернуться отъ него, хотя и въ его жилахъ текла кровь предателя. Она не въ силахъ была помыслить зла о человѣкѣ, на колѣняхъ котораго часто сиживала въ ранніе годы своей счастливой жизни въ Газльгёрстскомъ замкѣ; ей не вѣрилось, чтобы онъ былъ врагомъ ея мужа. Онъ выказалъ примѣрную кротость, когда Джонъ Тревертонъ стоялъ передъ нимъ обвиняемый во лжи и подлогѣ. Самые упреки его были полны милосердія. Онъ, можетъ быть, не былъ человѣкомъ возвышеннаго ума, не отличался особой широтою взглядовъ; въ немъ почти ничего не было апостольскаго, хотя онъ честно старался исполнять свой долгъ въ предѣлахъ своихъ понятій,—но онъ былъ истинно добрый человѣкъ, готовый принять на себя всяческія безпокойства, лишь бы не наступить на тѣхъ червяковъ въ образѣ человѣческомъ, которыхъ христіане, принадлежащіе къ болѣе возвышенному типу, иной разъ довольно безцеремонно попираютъ ногами.

Лора, въ эту горькую минуту, не боялась упрековъ своего стараго друга. Онъ, пожалуй, скучноватъ, но онъ не пуститъ заостренной стрѣлой презрѣнія въ ея израненное сердце. Въ его состраданіи она была увѣрена.

— Дорогая моя, очень это все грустно,—сказалъ онъ, усѣвшись подлѣ нея и потрепавъ ее по рукѣ.—Вамъ не слѣдуетъ унывать, дорогая Лора, не слѣдуетъ поддаваться; но право это очень печальная исторія; такія усложненія, такія затрудненія

Digitized by Google

со всѣхъ сторонъ — право не знаешь, какъ и смотрѣть-то на вопросъ. Подумать только, что такой приличный молодой человѣкъ, какъ Джонъ Тревертонъ, женился на французской балетной танцовщицѣ, на *французской танцовщицѣ!* — повторилъ викарій, упирая на національность, точно она усиливала униженіе его молодого пріятеля.—Знай это мой бѣдный старый другъ, я увѣренъ, что онъ бы составилъ совершенно другое завѣщаніе. Онъ бы, несомнѣнно, все оставилъ вамъ.

— Никогда,—почти съ негодованіемъ воскликнула Лора.— Вы забываете, что онъ поклялся этого не дѣлать.

— Дорогая, клятву такого рода можно было бы обойти, не нарушая ея. Мой милый, старый другъ никогда бы не завѣщалъ своего состоянія молодому человѣку, способному жениться на французской танцовщицѣ.

— Къ чему намъ толковать объ этомъ ненавистномъ бракѣ? —сказала Лора. Если... если мой мужъ не былъ свободенъ и не могъ жениться на мнѣ въ то время, когда мы вѣнчались въ газльгёрстской церкви — мы должны отказаться отъ помѣстья, этого требуетъ простая честность. Мы оба очень охотно это исполнимъ. Вамъ и мистеру Сампсону остается только исполнить вашу обязанность душеприказчиковъ, и приступить къ устройству больницы.

— Милая моя, вы также легко готовы отказаться отъ четырнадцати тысячъ фунтовъ въ годъ, какъ еслибъ это было ничто. Вы не имѣете даже возможности оцѣнить вашу потерю. Вы жили въ этомъ домѣ съ тѣхъ поръ, какъ себя помните, были хозяйкой этого удобнаго и роскошнаго гнѣздышка. Вы и понятія не имѣли о томъ, что такое жизнь внѣ стѣнъ этого дома.

— Я знаю, что могла бы жить счастливо съ мужемъ во всякомъ домѣ, лишь бы совѣсть наша была чиста.

— Дорогая, думали-ли вы о томъ, какія жалкія средства даетъ вамъ вашъ маленькій доходъ. Двѣсти-шестьдесятъ фунтовъ въ годъ на двоихъ, при настоящихъ цѣнахъ на жизненные припасы, причемъ одинъ изъ двухъ—расточительный молодой человѣкъ.

— Мой мужъ не расточителенъ. Онъ зналъ бѣдность, и можетъ жить на очень маленькія средства. Кромѣ того, у него есть таланты, онъ будетъ заработывать деньги. Онъ не намѣренъ сложить руки, и оплакивать потерю своего состоянія.

— Моя дорогая Лора, я содрагаюсь при мысли, что вамъ придется жить на крошечныя средства, вамъ, никогда не знавшей недостатка въ деньгахъ.

Digitized by Google

— Мистеръ Клеръ, вы должны считать меня очень слабой и даже трусливой, если думаете, что я испугаюсь бѣдности съ любимымъ мужемъ. Я могу вынести все, кромѣ его позора.

— Бѣдное дитя мое, да избавитъ васъ Господь отъ этого горькаго испытанія. Если мужъ вашъ неповиненъ въ смерти первой жены своей, какъ мы съ вами думаемъ, будемъ надѣяться, что свѣтъ никогда не узнаетъ въ немъ человѣка, заподозрѣннаго въ совершеніи столь страшнаго преступленія.

— Вашъ сынъ знаетъ,—сказала Лора.

— Сынъ мой знаетъ. Да, Лора, но вы ни минуты не должны думать, чтобъ Эдуардъ употребилъ имѣющіяся у него свѣдѣнія противъ васъ. Его преданность вамъ побудила его дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ въ прошлое воскресенье.

— Неужели преданность мнѣ заставляетъ его ненавидѣть моего мужа? Простите, что говорю съ вами такъ откровенно, дорогой мистеръ Клеръ. Вы были такъ добры ко мнѣ всегда, съ тѣхъ поръ какъ я себя помню. Сердце мое полно любви къ вамъ и вашей доброй женѣ; но я знаю, что вашъ сынъ—врагъ моего мужа, и дрожу при мысли о томъ, сколько зла онъ можетъ намъ сдѣлать.

Викарій слушалъ ее съ нѣкоторымъ страхомъ. Онъ также замѣчалъ озлобленіе, съ какимъ Эдуардъ относился къ Джону Тревертону. Онъ приписывалъ озлобленіе молодого человѣка ревности отвергнутаго обожателя; ему также было извѣстно, что отъ ревности до ненависти—одинъ шагъ. Но ему не вѣрилось, чтобы его сынъ—плоть отъ плоти и кровь отъ крови его—былъ способенъ причинить серьёзное зло человѣку, никогда сознательно не оскорбившему его. Чтобы Эдуардъ употребилъ во зло свои свѣдѣнія, касательно тождества Джона Тревертона съ заподозрѣннымъ Шико, это было, по понятіямъ викарія, невѣроятно, мало того—невозможно.

— Вамъ нечего опасаться Эдуарда, дорогая,—сказалъ онъ: —успокойтесь на этотъ счетъ.

— Вотъ еще мистеръ Джерардъ. Ему также извѣстна тайна моего мужа.

— Онъ также сохранитъ ее. Никто, заглянувшій въ лицо Джона Тревертона, не сочтетъ его убійцей.

— Нѣтъ,—простодушно воскликнула Лора;—эти жестокіе люди, писавшіе въ газетахъ, никогда его не видали.

— Дорогая Лора, вы не должны тревожиться мыслью о газетныхъ писакахъ. Они обязаны писать о чемъ-нибудь. Они въ

Digitized by Google

состояніи разсердиться на того старика, котораго крестьяне видятъ на поверхности луны, если имъ больше некого бранить.

Лора разсказала викарію о телеграммѣ, полученной изъ Орэ и сулившей ей добрыя вѣсти.

— Чего же лучше, дорогая,—съ восторгомъ воскликнулъ онъ.—А теперь я бы желалъ, чтобъ вы отправились со мною въ викаріатъ. Селія жаждетъ васъ тамъ видѣть, такъ какъ увѣряетъ, что здѣсь вы ее къ себѣ на глаза не пускаете.

— Селія знаетъ?—нетвердымъ голосомъ спросила Лора.

— Ровно ничего. Ни Селія, ни мать ея не имѣютъ понятія о случившемся. Онѣ знаютъ, что Тревертонъ уѣхалъ по дѣламъ, и только.

— Неужели вы думаете, что Эдуардъ ничего не сказалъ?

— Я вполнѣ увѣренъ, что Эдуардъ молчалъ какъ сфинксъ. Жена моя и пяти минутъ не выдержала бы, сейчасъ бы заговорила объ этой печальной исторіи, еслибъ только хотя что-нибудь подозрѣвала, Селія точно также. Онѣ разразились бы восклицаніями удивленія, и до смерти надоѣли бы мнѣ разспросами. Нѣтъ, дорогая Лора, вы можете преспокойно отправиться въ викаріатъ. Тайна вашего мужа извѣстна лишь Эдуарду и мнѣ.

— Вы очень добры,—кротко проговорила Лора:—я знаю, какое доброе намѣреніе скрывается подъ вашимъ приглашеніемъ. Но я не могу отлучиться изъ дому. Джонъ можетъ вернуться каждую минуту. Я постоянно ожидаю его.

— Бѣдное дитя мое, развѣ это благоразумно? Подумайте, какъ далеко отсюда до Орэ.

— Подумайте, какъ быстро онъ поѣдетъ, если только будетъ имѣть возможность вернуться.

— Хорошо, Лора, приходится вамъ уступить. Я пришлю Селію посидѣть съ вами.

— Пожалуйста не дѣлайте этого, — быстро проговорила Лора. — Вы знаете, какъ я всегда любила Селію, но теперь я предпочитаю быть совершенно одной. Она такъ весела и беззаботна. Едва-ли могла бы я это вынести. Не сочтите меня неблагодарной, дорогой мистеръ Клеръ, но я бы желала справиться съ своимъ горемъ наединѣ.

— Никогда не сочту васъ ничѣмъ инымъ, какъ только лучшей изъ женщинъ,—отвѣчалъ викарій: — а теперь надѣньте-ка шляпу и проводите меня до калитки. Вы страшно блѣдны.

Лора повиновалась, и прошлась по саду съ своимъ старымъ другомъ. Она не выходила изъ дому съ отъѣзда мужа, и рѣзкій зимній воздухъ нѣсколько оживилъ ее. По этой самой каш-

Digitized by Google

тановой аллеѣ шли они съ Джономъ Тревертономъ въ тотъ лѣтній вечеръ, когда онъ впервые признался ей въ любви. Вотъ и славное старое дерево, подъ сѣнью коего они заключили союзъ вѣчной преданности. Сколько сомнѣній, сколько горя извѣдала она съ этой блаженной минуты, казавшейся ей порукой постояннаго счастья. Она молча шла рядомъ съ викаріемъ, думая объ этомъ странномъ прощаніи съ женихомъ, происходившемъ полтора года тому назадъ.

— Что бы ему довѣриться мнѣ,—съ глубочайшимъ сожалѣніемъ думала она: — что бы ему только быть откровеннымъ и прямодушнымъ, и отъ какого горя мы этимъ могли бы быть избавлены! Но онъ подвергся тяжкому искушенію. Могу-ли я винить его за то, что онъ слишкомъ легко ему поддался?

Она не могла заставить свое сердце обвинить его; хотя благородная сторона ея природы съ негодованіемъ относилась ко всякой лжи, она помнила, что любовь къ ней сдѣлала его слабымъ, что желаніе обезпечить ей владѣніе любимымъ ея домомъ сдѣлало его лжецомъ.

На полъ-пути между домомъ и большой дорогой они встрѣтили незнакомца, человѣка среднихъ лѣтъ, приличной наружности, человѣка, который могъ быть клеркомъ, распорядителемъ на строительныхъ работахъ, желѣзно-дорожнымъ служащимъ въ штатскомъ платьѣ, вообще чѣмъ-нибудь практическимъ, дѣловымъ. Приближаясь, онъ внимательно смотрѣлъ на Лору, а затѣмъ остановился и обратился къ ней, слегка коснувшись своей шляпы.

— Прошу извиненія, сударыня, но могу-ли я спросить: дома мистеръ Тревертонъ?

— Нѣтъ, онъ въ отлучкѣ.

— Мнѣ это очень прискорбно, у меня есть до него важное дѣло. Какъ вы полагаете, сударыня, долго онъ пробудетъ въ отсутствіи?

— Я ожидаю его каждый день,—отвѣчала Лора.—Вы одинъ изъ его арендаторовъ? Я что-то не помню, чтобъ я видала васъ прежде.

— Нѣтъ, сударыня. Но тѣмъ не менѣе, я арендаторъ. Мистеръ Тревертонъ владѣетъ землей, на которой построено нѣсколько моихъ домовъ въ Бичамптонѣ; возникъ вопросъ объ осушкѣ мѣстности, и я шагу не могу ступить, не переговоривши съ нимъ. Я буду очень радъ переговорить съ нимъ какъ можно скорѣе. Осушка болотъ — дѣло, не терпящее отлагательства, сэръ, — прибавилъ неизвѣстный, обращаясь къ викарію.

Обращеніе этого человѣка отличалось замѣчательной вѣжли-

Digitized by Google

востью, съ примѣсью какой-то старомодной церемонности, повравившейся мистеру Клеру.

— Боюсь, что вамъ придется ждать до конца недѣли,—сказалъ викарій.—Мистеръ Тревертонъ уѣхалъ по очень важнымъ дѣламъ, и я не думаю, чтобъ онъ могъ вернуться ранѣе этого срока.

Незнакомецъ былъ слишкомъ вѣжливъ, чтобъ послѣ этого настаивать.

— Очень вамъ благодаренъ, сэръ,—сказалъ онъ:—придется снова зайти.

— Скажите мнѣ лучше ваше имя,—сказала Лора, — и я сообщу мужу о вашемъ посѣщеніи, какъ только онъ вернется.

— Благодарю васъ, сударыня, нѣтъ особой надобности безпокоить васъ какими-либо порученіями. Я остановился у пріятеля на деревнѣ, и зайду тотчасъ, какъ услышу о возвращеніи мистера Тревертона.

— Препорядочный человѣкъ,—замѣтилъ викарій, когда незнакомецъ, приподнявшій шляпу и удалившійся быстрыми шагами, былъ уже такъ далеко, что ничего не могъ слышать.—Несомнѣнно—владѣлецъ нѣсколькихъ изъ этихъ нарядныхъ новыхъ лавокъ на главной улицѣ Бичамптона. Странно, что я прежде никогда его не видалъ. Мнѣ казалось, что я всѣхъ въ городѣ знаю.

Вслѣдствіе тревогъ послѣднихъ дней, Лора впала въ такое нервное состояніе, что даже появленіе вѣжливаго незнакомца смутило ее и показалось ей дурнымъ предзнаменованіемъ.

Глава VIII.—Поклонники Селіи.

На другой день послѣ посѣщенія мистера Клера, Лора получила отъ мужа ожидаемое письмо, длинное посланіе, въ которомъ онъ описывалъ ей всѣ свои похожденія въ Орэ.

«Изъ этого ты видишь, дорогая,—писалъ Тревертонъ, въ заключеніе своего разсказа обо всемъ сообщенномъ ему отцомъ le Mescam,—что, что бы ни случилось, а положеніе наше, касательно помѣстья моего двоюроднаго брата Джаспера, обезпечено. Въ этомъ случаѣ, злоба никакъ повредить намъ не можетъ. Съ той минуты, какъ я, вмѣстѣ съ тобой, преклонилъ колѣни предъ алтаремъ Газльгёрстской церкви, я былъ твоимъ мужемъ. Эта злополучная француженка, передъ закономъ, никогда не была моей женой. Сознательно ли она меня обманула, или имѣла свои

Digitized by Google

причины считать Жана Кергаріу умершимъ, мнѣ неизвѣстно. Вполнѣ возможно, что она дѣйствительно почитала себя вдовою. Она могла слышать, что Кергаріу погибъ на морѣ. Кораблекрушеніе и смерть слишкомъ обычныя явленія среди бретонскихъ моряковъ, отправляющихся въ сѣверныя моря. Мелкіе порты Бретани населены вдовами и сиротами. Я охотно вѣрю, что бѣдная Заира считала себя въ правѣ выйти замужъ. Этимъ можно было бы объяснить ужасное волненіе, овладѣвшее ею, когда она узнала тѣло своего мужа въ la Morgue. А теперь, голубка, дорогая, я пробуду въ Парижѣ столько времени, сколько его потребуется для собранія необходимыхъ документовъ, доказывающихъ смерть Жана Кергаріу; а затѣмъ поспѣшу домой успокоить свою дорогую жену и смѣло встрѣтить всякую новую бѣду, могущую возникнуть изъ вражды Эдуарда Клера. Я чувствую, что одного его должны мы опасаться въ будущемъ, и судьба будетъ ко мнѣ крайне неблагосклонна, если я не одолѣю столь превзойденнаго врага. Омнибусъ ждетъ, чтобы доставить насъ на станцію. Да благословитъ тебя Богъ, радость моя, и да вознаградитъ за твою великодушную преданность твоему недостойному мужу.

Джонъ Тревертонъ».

Письмо это несказанно успокоило Лору. Сознаніе, что первый бракъ ея дѣйствителенъ, имѣло свою цѣну. Еще важнѣе было ей узнать, что мужъ ея освобожденъ отъ обвиненія въ присвоеніи себѣ помѣстья двоюроднаго брата посредствомъ обмана и подлога. Нравственная вина его не уменьшилась, но ему болѣе не приходилось бояться позора, сопряженнаго съ его отреченіемъ отъ помѣстья.

— Милый старый домъ, слава Богу, насъ никогда не изгонятъ изъ-подъ твоего крова! — воскликнула Лора, окидывая взоромъ кабинетъ, въ которомъ ею было пережито столько знаменательныхъ минутъ ея жизни, комнату, въ которой они съ Джономъ Тревертономъ впервые встрѣтились.

Пока Лора сидѣла у камина съ письмомъ мужа въ рукѣ, размышляя о содержаніи его, дверь внезапно распахнулась, Селія вбѣжала въ комнату и бросилась на колѣни передъ стуломъ пріятельницы.

— Лора, что встало между нами? — воскликнула она. — Почему изгоняешь ты меня изъ своего сердца? Я знаю, что происходитъ что-то недоброе. Я это вижу по обращенію отца.

Digitized by Google

Неужели я была такимъ ложнымъ другомъ, что ты боишься довѣриться мнѣ?

Ея всегда веселое, а теперь серьёзное, личико дышало такимъ теплымъ, такимъ искреннимъ чувствомъ, что Лора не имѣла духу разсердиться за это вторженіе. Она объявила Триммеру, что никого видѣть не желаетъ, но Селія взбунтовалась противъ Триммера и настояла на томъ, чтобъ ее, безъ доклада, впустили въ кабинетъ.

— Ты не ложный другъ, Селія,—серьёзно отвѣтила Лора,—но мнѣ отлично извѣстно, что твой братъ врагъ моего мужа.

— Бѣдный Эдуардъ,—вздохнула Селія.—Съ твоей стороны очень жестоко говорить такія вещи, Лора. Ты знаешь, какъ нѣжно онъ тебя любилъ, и какимъ ударомъ было для него твое замужество.

— Неужели Селія? Онъ, однако, не особенно заботился объ отвращеніи удара.

— Ты хочешь сказать, что онъ никогда не дѣлалъ предложенія,—сказала Селія.—Дорогая Лора, что пользы было ему просить тебя выйти за него, когда онъ не имѣлъ средствъ содержать жену. Все, что онъ можетъ—это одѣться прилично, и то цѣною величайшихъ усилій своего генія, хотя, какъ тебѣ извѣстно, онъ право уступаетъ одному Суинбёрну. У него слишкомъ поэтическая натура, чтобы ему смѣло идти на встрѣчу всѣмъ ужасамъ бѣдности,—заключила Селія, приводя слова брата о самомъ себѣ.

— Мнѣ кажется, нѣкоторые поэты, и въ числѣ ихъ нѣсколько первостепенныхъ, извѣдали эти ужасы, Селія.

— Потому, что имъ ничего другого не оставалось, дорогая. Они залѣзли въ болото и вылѣзти не могли, какъ Чаттертонъ и Бёрнсъ, и множество другихъ бѣдняжекъ. Но право они не были поэтами высшаго разбора. Великіе поэты похожи на Байрона и Шелли. Имъ нужны яхты, итальянскія виллы, кровныя лошади, ньюфаундлэндскія собаки, всякая-всячина,—съ убѣжденіемъ замѣтила Селія.

— Ну, дорогая, я на Эдуарда не сержусь за то, что онъ не сдѣлалъ мнѣ предложенія, такъ-какъ сдѣлай онъ его, я могла бы только отказать ему; но неужели ты не находишь, что онъ обнаруживаетъ крайнюю степень безумія и безхарактерности, притворяясь, что оскорбленъ бракомъ моимъ съ другимъ?

— Это не притворство,—протестовала Селія.—Это дѣйствительность. Онъ чувствуетъ себя глубоко, жестоко оскорбленнымъ отъ брака твоего съ мистеромъ Тревертономъ. Ты не можешь на

Digitized by Google

него сердиться, Лора, за предубѣжденіе, проистекающее изъ привязанности его къ тебѣ.

— Я очень на него сердита за несправедливую и неблагоразумную ненависть, какую онъ питаетъ къ моему мужу. Мнѣ думается, Селія, что еслибъ ты узнала, до чего доходитъ его вражда, ты также бы вознегодовала на подобную несправедливость.

— Я ничего не знаю, Лора, кромѣ того, что бѣдный Эдуардъ очень несчастливъ. Онъ сидитъ у себя въ комнатѣ цѣлый день, дѣлая видъ, что усердно работаетъ, но мнѣ кажется, что половину этого времени онъ проводитъ, погруженный въ размышленія, у камина, и онъ куритъ, какъ,—право я и сравненія-то подобрать не могу. Паровозы ничто передъ нимъ.

— Я очень рада, что у него есть совѣсть,—мрачно проговорила Лора.

— Это значитъ, что ты рада, что онъ несчастливъ,—возразила Селія,—такъ-какъ мнѣ кажется, что главная роль совѣсти заключается въ причиненіи людямъ страданія. Совѣсть никогда не остановитъ насъ, когда мы собираемся совершить дурной поступокъ. Она только мучаетъ насъ впослѣдствіи. Но не будемъ болѣе толковать о непріятныхъ вещахъ. Мама сказала мнѣ, что я всячески должна стараться развеселить и оживить тебя. Она очень о тебѣ безпокоится, думая, что ты совсѣмъ впадешь въ уныніе въ отсутствіе мужа.

— Жизнь не очень весела для меня безъ него, Селія, но нынѣче утромъ я получила радостное письмо, и въ очень скоромъ времени ожидаю его возвращенія, а потому готова быть веселой. Сними шляпу и кофточку, голубка, и рѣшись погостить у меня. Я просто была неблагодарнымъ медвѣдемъ, когда заперла свою дверь для моего вѣрнаго дружка. Я напишу матери твоей нѣсколько строкъ и скажу, что намѣрена продержать тебя здѣсь до воскресенья.

— Можешь, если хочешь,—сказала Селія.—Я не буду въ отчаяніи провести внѣ дома день или два.

Она бросила шляпу, и съ такой же граціей выскользнула изъ своей кофточки, съ какой Ламія, женщина-змѣя, освободилась отъ своей чешуйчатой оболочки. Лора дернула сонетку и потребовала чаю. Небо, съ каждой минутой, становилось темнѣе, грачи съ страшнымъ шумомъ неслись на западъ, въ углахъ комнаты сгущались тѣни. Былъ тотъ часъ зимняго послѣ-обѣда, когда всего пріятнѣе сидѣть у камелька, и когда, почти съ сожалѣніемъ, думаешь, что дни становятся длиннѣе и милая зима готовится стать достояніемъ прошлаго.

Digitized by Google

Чайный столъ былъ придвинутъ къ камину, и Селія разливала чай. Лора ничего не ѣла съ аппетитомъ съ того рокового воскресенья; но въ этотъ вечеръ на сердцѣ ея было легче, и она спокойно сидѣла, откинувшись на спинку стула, прихлебывая чай и съ удовольствіемъ кушая прекрасный хлѣбъ домашняго приготовленія, съ таковымъ же масломъ. Слѣдующія десять минутъ Селія просидѣла необычайно смирно.

— Ты говоришь, что мать твоя особенно настаивала на томъ, чтобы ты была весела, Селія,—вскорѣ замѣтила Лора:— ты совсѣмъ не исполняешь ея желанія. Не думаю, чтобы я когда-нибудь видѣла тебя безмолвной въ теченіе десяти минутъ подъ-рядъ до нынѣшняго вечера.

— Будемъ говорить,—воскликнула Селія,—съ усиліемъ отрываясь отъ своихъ мечтаній.

— Я готова.

— О чемъ же мы говорить будемъ.

— Чтожъ, если ты ничего противъ этого не имѣешь, я бы желала поговорить о нѣкоемъ молодомъ человѣкѣ.

— Селія!

— Это звучитъ ужасно, не правда ли?—простодушно спросила Селія,—но, по совѣсти говоря, ничто другое, въ настоящую минуту, меня особенно не интересуетъ. Молодой человѣкъ не выходитъ изъ моихъ мыслей въ теченіи послѣднихъ трехъ дней.

Лицо Лоры стало серьёзнѣе. Она просидѣла нѣсколько минутъ въ мрачномъ молчаніи, глядя въ огонь.

— Мистеръ Джерардъ, я полагаю?—вымолвила она наконецъ.

— Почему ты догадалась?

— Очень легко. Въ Газльгёрстѣ всего двое молодыхъ людей; ты мнѣ сто разъ толковала, что ни тотъ, ни другой твоей симпатіей не пользуется. Мистеръ Джерардъ—единственный пріѣзжій появлявшійся въ викаріатѣ. Изъ этого легко построить силлогизмъ.

— Лора, неужели ты считаешь меня дѣвушкой, способной выйти за бѣднаго человѣка?—съ внезапной энергіей спросила Селія.

— Мнѣ кажется, ты очень легко можешь это сдѣлать; именно потому, что всегда горячо увѣряла, что ни за что на это не рѣшишься,—отвѣчала Лора, улыбаясь пылкости своего друга.

— Ни за что не рѣшусь,—сказала Селія.

— Право?

— Развѣ отчаянно влюблюсь въ нищаго.

Digitized by Google

— Какъ, Селія, неужели дѣло зашло такъ далеко?

— Очень далеко, если ты разумѣешь мое сердце. О Лора, еслибъ ты знала только, какъ онъ добръ, какъ мужественно онъ боролся, какъ онъ уменъ, какъ онъ восторженъ, какъ горячо онъ любитъ свою профессію, ты не могла бы не восхищаться имъ. Честное слово, мнѣ думается, что въ такой карьерѣ, какъ его, гораздо болѣе признаковъ геніальности, чѣмъ во всѣхъ поэтическихъ усиліяхъ Эдуарда. Я вполнѣ убѣждена, что онъ со временемъ будетъ великимъ человѣкомъ, будетъ жить въ одномъ изъ великолѣпныхъ домовъ Уэстъ-Энда, и будетъ держать экипажъ и лошадей.

— И ты собираешься выйти за него на основаніи этого убѣжденія?

— Онъ даже еще не дѣлалъ мнѣ предложенія; хотя я должна сказать, что онъ, много разъ, былъ на волоскѣ отъ объясненія, пока мы были въ полѣ. Мы, надо тебѣ сказать, въ понедѣльникъ совершили длинную прогулку по полямъ. Дома воображали, что Эдуардъ съ нами, но какъ-то случилось, что бо́льшую часть времени мы были одни. Онъ такъ скроменъ, бѣдняжка, и такъ живо чувствуетъ свою бѣдность. Онъ живетъ въ мрачной улицѣ, въ мрачной части Лондона. Онъ зарабатываетъ около полутораста фунтовъ въ годъ. Квартира обходится ему въ тридцать фунтовъ. И подумать-то объ этомъ ужасно, не правда ли, Лора, дѣвушкѣ такой взыскательной, какъ я, относительно воротничковъ и рукавчиковъ?

— Ужасно, голубка, если почитать элегантный туалетъ и роскошный образъ жизни главнѣйшими благами въ мірѣ,—отвѣчала Лора.

— Я не почитаю ихъ главнѣйшими благами въ мірѣ, дорогая, но думаю, что отсутствіе ихъ—большое зло. А между тѣмъ, увѣряю тебя, что когда мы съ этимъ бѣднякомъ бродили по полямъ, мнѣ казалось, что деньги почти никакого значенія не имѣютъ, и что я въ силахъ вынести и раздѣлить съ нимъ страшнѣйшую бѣдность. Я чувствовала, что парю надъ мелочами житейскими. Вѣроятно, причина тому—высота, на которой мы находились, и чистота воздуха. Разумѣется, это была лишь минута энтузіазма.

— Я бы не вышла замужъ подъ вліяніемъ минуты энтузіазма, Селія, изъ опасенія, чтобы за нею не послѣдовало раскаяніе на всю жизнь. Ты такъ мало можешь знать объ этомъ мистерѣ Джерардѣ. Почти невозможно, чтобы ты любила его.

— Кто изъ любившихъ не любилъ съ перваго взгляда?—

Digitized by Google

смѣясь спросила Селія.—Я еще не такая глупенькая, чтобы влюбиться съ перваго взгляда, но мнѣ кажется, я въ три дня узнала мистера Джерарда также хорошо, какъ еслибъ мы три года были друзьями.

— Они съ твоимъ братомъ короткіе пріятели,—не такъ ли?

— Я что-то не разберу исторію ихъ дружбы. Эдуардъ до отвращенія сдержанъ въ разговорахъ о мистерѣ Джерардѣ, а мнѣ не хочется обнаруживать любопытства изъ страха, какъ бы онъ не подумалъ, что я принимаю слишкомъ большое участіе въ этомъ молодомъ человѣкѣ.

— Мистеръ Джерардъ возвратился въ Лондонъ,—не правда ли?

— Да,—вздохнула Селія.—Онъ выѣхалъ во вторникъ рано утромъ. Представь себѣ только будущаго сэра Вильяма Дженнера путешествующимъ съ ужаснымъ пассажирскимъ поѣздомъ, въ вагонѣ, напоминающемъ тѣ, въ которыхъ перевозятъ скотъ.

— Онъ будетъ щедро вознагражденъ впослѣдствіи, если онъ дѣйствительно будущій Дженнеръ..

— Да, но ждать-то долго,—печально замѣтила Селія.

— Несомнѣнно,—согласилась Лора:—а женѣ, сидящей дома у скуднаго очага, время показалось бы еще продолжительнѣе.

— Сидящей,—повторила Селія:—она бы никогда не могла сидѣть. Ей было бы некогда скучать у камина. Она бы постоянно стирала пыль, мела комнаты, приготовляла пуддингъ, пришивала пуговицы.

— Мнѣ кажется, тебѣ лучше отказаться отъ этой мысли,—сказала Лора.—Тебѣ никогда не вынести жизни, полной лишеній. Твое домашнее гнѣздышко было слишкомъ мягко и удобно. Гораздо лучше тебѣ подумать о мистерѣ Сампсонѣ, который очень искренно поклоняется тебѣ, имѣетъ славный домикъ и порядочный доходъ.

— Славный домикъ!—съ невыразимымъ презрѣніемъ воскликнула Селія.—Квинтъ-эссенція пошлости средней руки. Я бы предпочла жалкое помѣщеніе Джорджа Джерарда. Славный домикъ! О, Лора, какъ можешь ты, живя въ этихъ чудныхъ старыхъ комнатахъ, такъ называть эту безобразную оштукатуренную современную виллу, съ ея ужасными стульями, диванами и шифоньерками изъ орѣховаго дерева, разукрашенными безобразнѣйшей рѣзьбой, плохо приклеенной, съ ея липкимъ на видъ буфетомъ краснаго дерева, съ этими повсюду, красующимися, антимакассарами, вязанными крючкомъ...

— Дорогая, антимакассары-то не прилѣплены. Ты могла бы отъ нихъ избавиться. Мнѣ даже кажется, что еслибъ мистеръ

Digitized by Google

Сампсонъ зналъ, что его мебель—единственное препятствіе его счастію, онъ охотно бы за́-ново меблировалъ весь свой домъ.

— Его мебель—единственное препятствіе!—съ негодованіемъ повторила Селія.—Что ты такого видѣла въ моемъ поведеніи, или характерѣ, Лора, что́ бы давало тебѣ право предполагать, что я въ состояніи выйти за коротенькаго человѣчка съ рыжими волосами?

— Въ такомъ случаѣ, мы не станемъ вообще касаться вопроса о замужествѣ. Ты говоришь, что не хочешь выходить за мистера Сампсона, а я увѣрена, что ты не должна выходить за мистера Джерарда.

— Нѣтъ основанія опасаться, чтобы я сдѣлала подобную глупость,—съ покорнымъ видомъ возразила Селія.—Онъ возвратился въ Лондонъ, и Господь вѣдаетъ, увижу ли я его когда. Но я увѣрена, что еслибъ ты узнала его покороче, онъ бы тебѣ очень понравился.

Лора содрогнулась, вспомнивъ, что благодаря Джорджу Джерарду было доказано тождество ея мужа съ исчезнувшимъ Шико. Зная это, она не могла питать къ мистеру Джерарду особенно дружескаго чувства, но съ удивительнымъ терпѣніемъ слушала, пока Селія распространялась о благородныхъ качествахъ молодого человѣка, и повторяла все, что́ онъ говорилъ ей въ полѣ, гдѣ онъ, повидимому, въ назиданіе Селіи, разсказалъ всю свою біографію. Утѣшенная письмомъ мужа, Лора была въ состояніи выносить живость Селіи, а потому длинный зимній вечеръ прошелъ довольно пріятно. Слѣдующій день была суббота. Лора разсчитала, что если въ Парижѣ все пойдетъ хорошо, то Джонъ Тревертонъ можетъ вернуться домой въ субботу вечеромъ. Эта возможность волновала ее въ теченіе цѣлаго дня. Тщетно предлагала Селія прокатиться въ Бичамптонъ или прогуляться по полямъ. Лора не хотѣла сдѣлать шагу далѣе садовъ за́мка. Ее даже нельзя было убѣдить отправиться въ фруктовый садъ, такъ-какъ оттуда она бы не могла видѣть экипажа, подвозящаго мужа къ дверямъ, а она ежеминутно ожидала его возвращенія.

— Развѣ ты не знаешь вульгарной старой пословицы, гласящей, что *горшокъ, за которымъ присматриваютъ, никогда не закипитъ*, Лора?—убѣждала миссъ Клеръ.—Будь увѣрена, мужъ твой ни за что не пріѣдетъ, пока ты все безпокоишься объ немъ. Ты должна была бы стараться изгнать его изъ своихъ мыслей.

— Не могу,—отвѣчала Лора.—Всѣ мои мысли о немъ. Онъ часть моей души.

Digitized by Google

Селія вздохнула и почувствовала, что настроена сочувственнѣе обыкновеннаго. Въ теченіе послѣднихъ четырехъ дней она думала о Джорджѣ Джерардѣ гораздо болѣе, чѣмъ повелѣвало благоразуміе; и ей пришло на умъ, что еслибы ей когда суждено было серьёзно влюбиться, то она легко могла бы быть такой же дурочкой, какъ ея пріятельница.

День прошелъ очень медленно для обѣихъ женщинъ. Лора посматривала на часы и предалась изученію желѣзно-дорожныхъ росписаній, съ цѣлью разсчитать время возможнаго возвращенія Джона Тревертона. Она послала экипажъ на встрѣчу поѣзду, приходившему послѣ полудня; экипажъ воротился пустымъ. То было разочарованіе, хотя она впослѣдствіи убѣждала себя, что не имѣла никакого права ожидать мужа съ этимъ поѣздомъ.

Особенно изысканный обѣдъ былъ заказанъ въ надеждѣ, что хозяинъ дома вернется во-время, чтобы съѣсть его. Пробило семь часовъ; Джона Тревертона не было; обѣдъ отложили до восьми; въ восемь Лора охотно бы отложила его до девяти, еслибъ Селія не протестовала противъ подобной жестокости.

— Не думаю, чтобы ты пригласила меня гостить съ твердымъ намѣреніемъ морить меня голодомъ, — сказала она, — а между тѣмъ ты поступаешь именно такъ. Мнѣ кажется, недѣли прошли съ тѣхъ поръ, какъ я что-нибудь ѣла. Нѣтъ никакой возможности — принимая во вниманіе время прихода поѣздовъ — чтобы мистеръ Тревертонъ былъ здѣсь ранѣе половины десятаго; ты право можешь позволить мнѣ поѣсть немного, даже если слишкомъ паришь въ облакахъ, чтобы самой обѣдать.

— Я не парю въ облакахъ, дорогая, я только безпокоюсь.

Онѣ вошли въ столовую и сѣли за столъ, казавшійся пустымъ и скучнымъ безъ хозяина дома. Экипажу было приказано ѣхать на послѣдній поѣздъ. Селія отлично пообѣдала и почти все время разговаривала. Лора была слишкомъ взволнована, чтобы ѣсть что-нибудь. Она была рада вернуться въ гостиную, гдѣ она могла ходить по комнатамъ и, отъ времени до времени, приподнимать занавѣску у одного изъ оконъ, чтобы выглянуть изъ него и прислушаться къ стуку колесъ, который нельзя было надѣяться услышать ранѣе какъ черезъ часъ.

— Лора, ты положительно мучишь меня, наконецъ, — воскликнула Селія. — Движенія твои также однообразны, какъ движенія бѣлки въ колесѣ, причемъ ты далеко не смотришь такой счастливой какъ бѣлка. Вечеръ славный, сухой. Намъ всего лучше закутаться хорошенько и пройтись до воротъ, на встрѣчу экипажу. Все легче, чѣмъ такъ проводить время.

Digitized by Google

— Я очень, очень рада,—сказала Лора.

Черезъ пять минутъ онѣ обѣ, облеченныя въ мѣховыя кофточки и круглыя шляпы, быстро шли по направленію къ экипажной аллеѣ.

Ночь была дивная; луны не было, но ясное небо, съ блѣднымъ сіяніемъ звѣздъ, давало совершенно достаточно свѣта, чтобы направлять шаги двухъ женщинъ, отлично знавшихъ дорогу.

Онѣ были еще не далеко отъ дому, когда Селія, языкъ которой весело трещалъ, а глаза блуждали по всѣмъ направленіямъ, замѣтила человѣка, шедшаго нѣсколько впереди ихъ.

— Незнакомецъ, — воскликнула она. — Взгляни, Лора! Надѣюсь, что онъ не разбойникъ.

— Зачѣмъ же ему быть разбойникомъ? Вѣроятно, это какой-нибудь лавочникъ, только-что оставившій товаръ свой у кухонной двери.

— Въ десять часовъ?—воскликнула Селія.—Ни съ чѣмъ несообразно. Каждый добропорядочный деревенскій лавочникъ въ это время спитъ.

Лора не высказала другого предположенія. Предметъ разговора ее не занималъ. Она напрягала свой слухъ, чтобы уловить первый стукъ колесъ по окованной морозомъ дорогѣ. Селія ускорила шаги.

— Постараемся догнать его,—сказала она:—мнѣ кажется, это наша обязанность. Ты не должна позволять незнакомцамъ подозрительной наружности бродить по твоимъ владѣніямъ, не попытавшись, по меньшей мѣрѣ, узнать, кто они такіе. При немъ, пожалуй, револьверъ, но я рискну.

Съ этимъ геройскимъ рѣшеніемъ, Селія побѣжала и вскорѣ почти поравнялась съ неизвѣстнымъ, спокойно шедшимъ впереди ея. При звукѣ ея шаговъ, онъ остановился и оглянулся назадъ.

— Извините, пожалуйста,—промолвила Селія, едва переводя духъ и съ тревогой высматривая, нѣтъ ли гдѣ ожидаемаго револьвера.—Вы что-нибудь заносили въ замокъ.

— Нѣтъ, сударыня. Я только заходилъ за справкой,—спокойно возразилъ неизвѣстный.

— Это одинъ изъ арендаторовъ Джона, Селія,—проговорила Лора, догоняя ихъ.—Вы, вѣроятно, заходили узнать, не вернулся ли мистеръ Тревертонъ?—прибавила она, обращаясь къ незнакомцу.

— Да, сударыня. Пребываніе мое здѣсь должно окончиться въ понедѣльникъ утромъ, и я начинаю тревожиться. Мнѣ не-

Digitized by Google

обходимо видѣть мистера Тревертона прежде, чѣмъ я возвращусь во-свояси. Это избавитъ меня отъ новой поѣздки, а для человѣка въ моихъ условіяхъ, сударыня, время—деньги.

— Я ожидаю его нынѣче вечеромъ,—ласково отвѣчала Лора:—и если онъ точно пріѣдетъ сегодня, какъ я надѣюсь, то я увѣрена, что онъ приметъ васъ въ понедѣльникъ утромъ, такъ рано, какъ вы пожелаете. Въ девять часовъ, если это не будетъ слишкомъ рано для васъ.

— Благодарю васъ, сударыня. Мнѣ это очень удобно.

— Добрый вечеръ,—промолвила Лора.

Незнакомецъ приподнялъ шляпу и удалился.

— Очень приличная фигура,—замѣтила Селія,—ни на волосъ не подходитъ подъ народное представленіе о разбойникѣ, но можетъ быть въ дѣйствительности, онъ недалеко отъ этого ушелъ. Добропорядочная внѣшность должна представлять для преступника большую выгоду.

— Вотъ онъ,—радостно крикнула Лора.

— Что?

— Экипажъ. Да, я увѣрена. Да, онъ ѣдетъ. Побѣжимъ къ воротамъ, Селія. Онѣ побѣжали также быстро, какъ двѣ пансіонерки, и прилетѣли къ воротамъ, всѣ взволнованныя, какъ разъ во время, чтобы видѣть, какъ экипажъ заворачивалъ въ аллею.

— Джэкъ,—крикнула Лора.

— Стой,—крикнулъ Джэкъ, высунувъ голову въ окно кареты. Кучеръ только-что успѣлъ остановить лошадей, какъ баринъ выпрыгнулъ изъ экипажа.

— Выходите, Самсонъ,—сказалъ мистеръ Тревертонъ.—Мы дойдемъ до дому съ дамами.

Онъ подалъ женѣ руку и пошелъ съ нею впередъ, оставивъ Селію подъ покровительствомъ мистера Самсона.

Многое имѣли мужъ съ женою сообщить другъ другу въ первую минуту радостнаго свиданія. Джонъ Тревертонъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, восхищенный тѣмъ, что вернулся къ женѣ, и торжествуя при мысли, что никто не можетъ выгнать его изъ любимаго ими обоими дома.

Томъ Самсонъ шествовалъ въ арьергардѣ съ миссъ Клеръ. Ей смертельно хотѣлось разспросить его о томъ, гдѣ они съ кліентомъ побывали и что тамъ дѣлали, но она чувствовала, что исполнить это было неприлично и, кромѣ того, безполезно. А потому она ограничилась общими замѣчаніями вѣжливаго характера.

Digitized by Google

— Надѣюсь, что вы пользовались тѣмъ, что́ янки называютъ *веселымъ времечкомъ*, мистеръ Сампсонъ,—сказала она.

— И весьма; благодарю васъ, миссъ Клеръ,—отвѣчалъ Сампсонъ, вспомнивъ обѣдъ, съѣденный наканунѣ вечеромъ у Вефура, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Парижа.—Кухня у нихъ точно *первоклассная*.

Если существовало въ лексиконѣ ненавистное для Селіи слово, то это было послѣднее прилагательное.

— Вы пріѣхали съ четырехъ-часовымъ поѣздомъ изъ Ватерло, я полагаю?—рискнула спросить Селія.

— Да, отличнѣйшій поѣздъ.

— Ахъ!—вздохнула Селія,—желала бы я покороче ознакомиться съ поѣздами. Я все торчу въ своей родимой почвѣ и чувствую, что начинаю быстро превращаться въ растеніе.

— Этого нечего опасаться,—воскликнулъ мистеръ Сампсонъ.—Такая дѣвушка, какъ вы—дышащая жизнью, веселостью, умомъ—нечего опасаться, чтобы *вы* когда-нибудь попали въ категорію растеній. Вонъ моя бѣдная сестра Элиза много общаго имѣетъ съ растеніемъ. Мысли ея вращаются въ такомъ тѣсномъ кругу. Прежде, чѣмъ я утромъ сойду къ раннему завтраку, я съ точностью могу опредѣлить, что́ она мнѣ скажетъ, и я уже начинаю отвѣчать ей механически. За обѣдомъ мы снова сидимъ другъ противъ друга, какъ пара говорящихъ автоматовъ. Печальная это жизнь, миссъ Клеръ, для человѣка имѣющаго претензію на умственныя способности. Еслибъ вы только знали, какъ я иногда вздыхаю о болѣе симпатичномъ товарищѣ.

— Но, я ничего объ этомъ не знаю, мистеръ Сампсонъ,—рѣзко отвѣчала Селія.—Да какъ мнѣ и знать это?

— Вы-бы могли это знать,—нѣжно прошепталъ Сампсонъ,—еслибъ сочувствовали мнѣ, какъ я сочувствую вамъ.

— Пустяки!—воскликнула Селія.—Какое сочувствіе можетъ существовать между вами и мной? У насъ нѣтъ ни одной общей мысли. Такой дѣловой человѣкъ какъ вы, съ умомъ, всецѣло занятымъ договорами, черновыми, завѣщаніями, записями, всякой всячиной, и дѣвушка, не имѣющая никакого понятія о законахъ.

— Въ томъ-то и сила!—воскликнулъ Сампсонъ.—Человѣку въ моихъ условіяхъ нужна отрада въ жизни, убѣжище, гавань среди океана дѣлъ, оазисъ въ пустынѣ юридическихъ сдѣлокъ. Я жажду своего уголка, миссъ Клеръ,—своего уголка!

— Какъ вамъ не стыдно говорить это, мистеръ Сам-

Digitized by Google

сонъ? Мнѣ кажется, у васъ очень уютный домикъ и образцовая хозяйка въ лицѣ вашей сестры.

— Молодая женщина можетъ быть слишкомъ хорошей хозяйкой, миссъ Клеръ,—серьёзно отвѣтилъ Сампсонъ.—Моя сестра черезъ-чуръ добросовѣстно ведетъ свое хозяйство. Въ своемъ желаніи сократить расходы, она иной разъ пересаливаетъ. Я не любитель мотовства, я содрогаюсь при мысли о немъ, но мнѣ непріятно, когда меня просятъ ѣсть соленое масло въ субботу утромъ, такъ какъ запасъ свѣжаго вышелъ, а Элиза не позволяетъ покупать новаго ранѣе вечера. Это значитъ доводить добродѣтель до порока, миссъ Клеръ.

— Бѣдная миссъ Сампсонъ. Какая она добрая, что такъ заботится объ вашихъ интересахъ!

— Такъ-то оно такъ, миссъ Клеръ,—неувѣренно отвѣчалъ стряпчій,—но я вижу на Элизѣ ленты, шляпки, происхожденіе которыхъ не всегда могу объяснить себѣ. У нея есть свой небольшой доходъ, какъ вы, конечно, знаете, такъ-какъ всѣ все знаютъ въ Газльгёрстѣ; она изъ своего маленькаго дохода помѣщала деньги подъ коттеджи, да и доходъ-то, какъ вы можетъ быть знаете, получается также съ коттеджей; она, то тамъ, то сямъ прибавляла новый коттеджъ, теперь у нея, можно сказать, скоро образуется маленькій городокъ; положимъ, что у нея всего-навсе двадцать пять квартиръ,—и я иногда задаю себѣ вопросъ, какъ она ухитряется помѣщать главную значительную часть своего дохода, а между тѣмъ, одѣваться такъ нарядно. Въ цѣломъ Газльгёрстѣ нѣтъ молодой дѣвушки, которая-бы лучше одѣвалась—о присутствующихъ я, разумѣется, умалчиваю—чѣмъ моя сестра. Вы, можетъ быть, это замѣтили.

— Замѣтила, — отвѣчала Селія, задыхаясь отъ внутренняго смѣха.—Ея шляпки составляли предметъ моихъ восторговъ, возбуждали мою зависть.

— Вашу зависть? нѣтъ, нѣтъ, миссъ Клеръ,—съ чрезмѣрной нѣжностью протестовалъ Сампсонъ.—Вы никому завидовать не можете. Совершенство не должно знать зависти. Оно сознаетъ собственное превосходство. Но я хотѣлъ замѣтить, по секрету, что предпочиталъ бы, чтобы расходныя деньги тратились на масло, а не на шляпки; и что когда я вижу, что меня лишаютъ моихъ маленькихъ прихотей, то для меня составляетъ слабое утѣшеніе знать, что мое самопожертвованіе доставитъ Элизѣ шейную ленту. Нѣтъ, дорогая моя миссъ Клеръ, настанетъ часъ, когда сестрѣ придется сдать ключи отъ своихъ шкаповъ и удалиться въ собственный уголокъ. Она вполнѣ обезпечена. Въ подобной разлукѣ

Digitized by Google

не будетъ никакой жестокости. Когда я женюсь, Элизѣ придется отъ меня уѣхать.

— Но вы, я надѣюсь, еще не скоро думаете жениться, мистеръ Сампсонъ?

— Еще не скоро! — повторилъ Сампсонъ.—Мнѣ тридцать три года. Если я не возьмусь теперь за это дѣло, миссъ Клеръ, будетъ поздно. Я думаю о женитьбѣ, я думалъ о ней постоянно въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ. Но въ цѣломъ мірѣ — одна только дѣвушка, на которой я бы желалъ жениться, и если она не захочетъ за меня выйти, я сойду въ могилу холостякомъ.

— Не говорите этого, — воскликнула Селія. — Это значитъ рѣшать вопросъ слишкомъ поспѣшно. Вы не видали всѣхъ дѣвушекъ въ мірѣ. Какъ можете вы судить о нихъ? Газльгёрстъ — такая тѣсная сфера. Это все равно, какъ еслибъ человѣкъ жилъ въ орѣховой скорлупѣ и называлъ это жизнью. Вамъ надо путешествовать. Вамъ надо видѣть свѣтъ. Въ Брайтонѣ, напримѣръ, существуютъ прекрасные пансіоны, гдѣ вы бы могли встрѣтить очень блестящихъ дѣвушекъ. Почему не съѣздите вы въ Брайтонъ?

— Я не хочу ѣхать въ Брайтонъ, или куда бы то ни было,— съ обиженнымъ видомъ воскликнулъ мистеръ Сампсонъ.—Говорю вамъ, что выборъ мой сдѣланъ. Въ этой дивной вселенной — одна только дѣвушка, которую я бы желалъ видѣть своей женою. Селія, вы должны это чувствовать, вы должны это знать, — эта дѣвушка—вы.

— О, мнѣ такъ жалко,—вскрикнула Селія.—Это ужасно.

— Это вовсе не ужасно. Не пугайтесь перваго впечатлѣнія. Я, можетъ быть, мало васъ подготовилъ. О, Селія, я слишкомъ долго молча поклонялся вамъ и я, быть можетъ, слишкомъ поспѣшилъ съ моимъ признаніемъ. Но когда человѣкъ такъ сильно чувствуетъ какъ я, онъ не останавливается на подробностяхъ. Селія, вы не должны говорить *нѣтъ*.

— Но я говорю *нѣтъ*,—протестовала Селія.

— Не непреложное *нѣтъ*?

— Да, самое непреложное *нѣтъ*. Я, разумѣется, очень польщена, и я право очень васъ люблю—какъ и всѣ мы—за то, что вы добрый, честный, искренній. Но я никогда, никогда, никогда не могла бы смотрѣть на васъ иначе, какъ на вѣрнаго друга.

— Неужели вы думаете то, что́ говорите? — съ ужасомъ спросилъ бѣдный Сампсонъ. Онъ былъ совсѣмъ подавленъ этимъ неожиданнымъ ударомъ. Чтобы любая молодая дѣвушка въ Газльгёрстѣ могла отказаться отъ чести выйти за него, казалось ему

Digitized by Google

невозможнымъ. Онъ не торопился съ своимъ рѣшеніемъ по матримоніальному вопросу. Онъ былъ остороженъ, онъ выжидалъ, пока вполнѣ не убѣдился, что Селія Клеръ именно такая жена, какая ему требуется, и тогда только сдѣлалъ серьёзное предложеніе. Онъ заботился о томъ, чтобы его вниманіе не приняло слишкомъ многозначительнаго характера, пока окончательный жребій не былъ еще брошенъ. Путешествіе его въ Бретань дало ему достаточно свободнаго времени для размышленій. Распростертый на своей покойной койкѣ, при слабомъ свѣтѣ лампы, спускавшейся съ потолка каюты, убаюкиваемый однообразнымъ покачиваніемъ парохода, онъ имѣлъ возможность разсмотрѣть брачный вопросъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, и сегодняшнее предложеніе было результатомъ этихъ размышленій.

Селія повторила ему, въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, свой отказъ.

— Вы могли бы сдѣлать худшую партію, — уныло молвилъ онъ.

— Несомнѣнно могла бы. Какая-то вульгарная особа сравнила замужество съ мѣшкомъ, полнымъ змѣй, въ которомъ всего одинъ угорь. Можетъ быть, вы — этотъ единственный угорь. Но съ другой стороны, я же не обязана выходить замужъ за кого бы то ни было. Я могу прожить какъ королева Елизавета, «въ дѣвичьихъ мечтахъ, съ свободной душою».

— Это невѣроятно мрачно, — проговорилъ мистеръ Сампсонъ. — Молодой особѣ вашего закала не остаться въ дѣвушкахъ. Вы для этого слишкомъ привлекательны и слишкомъ живого характера. Нѣтъ, вы выйдете за какого-нибудь негодяя ради его красивой наружности, и можетъ быть настанетъ день, когда вы вспомните нынѣшній вечеръ и пожалѣете, что отвергли предложеніе честнаго человѣка.

Тѣмъ временемъ они дошли до дому, къ великому облегченію Селіи, чувствовавшей, что разговоръ едва ли можетъ продолжаться, не впадая въ непріятный тонъ.

Она остановилась въ залѣ и протянула руку своему опечаленному поклоннику.

— Давайте руку, мистеръ Сампсонъ, въ доказательство того, что не сердитесь на меня, — сказала она. — Будьте увѣрены, что я всегда буду любить и уважать васъ, какъ друга нашего семейства.

Она не стала ждать его отвѣта, но легкими шагами поднялась по лѣстницѣ, рѣшившись въ этотъ вечеръ болѣе не появляться въ гостиной.

Томъ Сампсонъ ощущалъ желаніе вернуться къ себѣ домой,

Digitized by Google

не прощаясь съ своимъ кліентомъ, но пока онъ стоялъ въ залѣ, обдумывая этотъ вопросъ, Джонъ Тревертонъ вышелъ изъ столовой, ища его.

— Сампсонъ, что вы здѣсь дѣлаете?—крикнулъ онъ.—Войдите, поужинайте. Вы немного ѣли съ отъѣзда нашего изъ Парижа.

— *Немного*,—уныло повторилъ Сампсонъ.—Кусочекъ черстваго сухаря на пароходѣ, да чашка слабаго чаю въ Дуврѣ были моей единственной пищей. Но мнѣ что-то не хочется ужинать,—прибавилъ онъ, окидывая столъ меланхолическимъ взоромъ.—Мнѣ бы слѣдовало быть голоднымъ, но я не голоденъ.

— Вы какъ будто пріуныли, мистеръ Сампсонъ?—ласково промолвила Лора.

— У меня сегодня нерадостно на душѣ, мистриссъ Тревертонъ.

— Пустяки, пріятель. Нерадостно на душѣ въ такую ночь какъ эта, послѣ побѣды, одержанной въ Орэ. Неудивительно ли, Лора, что проницательный Сампсонъ напалъ на мысль о незаконности моего перваго брака? Это была одна наша надежда —одно, что могло спасти помѣстье.

— Разумѣется,—замѣтилъ Сампсонъ,—оттого-то я объ этомъ и подумалъ. Стряпчій обязанъ все предвидѣть, хвататься за всякую, хотя бы самую слабую, надежду. Не поручусь, чтобъ я въ душѣ дѣйствительно считалъ возможнымъ, чтобы первая жена ваша была удручена живымъ мужемъ, когда вы женились на ней; но я видѣлъ, что это единственная лазейка, благодаря которой вы могли вывернуться изъ проклятаго затрудненія.

Развеселившись при мысли, что *онъ* спасъ состояніе своего кліента, освѣжившись стаканомъ другимъ безукоризненнаго шампанскаго, мистеръ Сампсонъ умудрился прекрасно поужинать, и часовъ въ двѣнадцать быстрыми шагами направился къ своему жилищу, довольный собою и жизнью вообще.

— Пожалуй, если все взять въ соображеніе, мнѣ будетъ лучше житься холостякомъ, чѣмъ съ самой очаровательной женою, —размышлялъ онъ.—Но я долженъ объясниться съ Элизой. Экономія—очень хорошая вещь, пока меня не обижаютъ. Мнѣ слѣдуетъ дать понять Элизѣ, что хозяинъ — я, и что она должна соображаться съ моими вкусами во всѣхъ мелочахъ. Когда я вспомню только топленое масло, которое мнѣ подали вчера вечеромъ у Вефура, и соусъ къ этой sole normande, я содрогаюсь при воспоминаніи о клейстерѣ, которымъ меня угощали за собственнымъ столомъ. Если Элиза хочетъ по прежнему вести мое

Digitized by Google

хозяйство, въ поваренномъ искусствѣ долженъ произойти у насъ переворотъ.

Джонъ Тревертонъ и жена его провели воскресенье тихо и мирно. Они были вмѣстѣ въ церкви, утромъ и вечеромъ, къ великому неудовольствію Эдуарда Клера, пораженнаго ихъ счастливымъ видомъ.

— Неужели онъ воображаетъ, что буря разсѣялась?—спрашивалъ себя Эдуардъ.—Несчастный! Онъ вскорѣ сознаетъ ошибку свою.

Викарій зашелъ въ замокъ послѣ вечерней службы; они съ Джономъ Тревертономъ часъ съ чѣмъ-то просидѣли, запершись въ библіотекѣ, и въ теченіе этого времени Джонъ сообщилъ попечителю жены своей обо всемъ случившемся въ Орэ и показалъ ему документы, доказывавшіе бракъ Мари Помлекъ съ Жаномъ Кергаріу и смерть Кергаріу, спустя два года послѣ ея второго брака.

— Провидѣніе было къ вамъ очень милостиво, Джонъ Тревертонъ!—сказалъ викарій, выслушавъ все до конца.—Вы должны непрестанно благодарить Его за то, что Оно сняло съ васъ позоръ, вывело васъ изъ затрудненій вашихъ. Но вы, я надѣюсь, всегда будете помнить, что вашъ собственный грѣхъ нисколько не умаляется сдѣланнымъ открытіемъ. Надѣюсь, что вы честно и искренно каетесь въ этомъ грѣхѣ.

— Могу ли я не каяться?—печально спросилъ Джонъ Тревертонъ.—Развѣ этотъ грѣхъ мой не причинилъ страха и горя той, кого я люблю больше чѣмъ самого себя? Дѣло было сдѣлано въ видахъ ея пользы, но теперь я сознаю, что оно оттого не стало менѣе безчестнымъ.

— Ну, мы постараемся все это забыть,—сказалъ добродушный викарій, который, убѣждая грѣшника раскаяться, никогда не желалъ сдѣлать бремя раскаянія слишкомъ тяжкимъ для него.—Мнѣ хотѣлось только, чтобъ вы увидали поведеніе ваше въ настоящемъ свѣтѣ, какъ христіанинъ и джентльменъ. Богъ видитъ, какъ я Ему признателенъ за Его милосердіе къ вамъ и моей дорогой Лорѣ. Сердце мое изстрадалось бы, видя васъ изгоняемыми изъ этого дома.

— Какъ Адамъ и Ева изъ рая,—улыбаясь сказалъ Тревертонъ,—причемъ моя бѣдная Ева была бы безгрѣшной страдалицей.

Послѣ этого серьёзнаго разговора викарій и хозяинъ дома возвратились въ гостиную, гдѣ Лора и Селія, сидя у ярко пылавшаго въ каминѣ огня, читали проповѣди Робертсона.

Digitized by Google

— Что онъ за милашка былъ!—порывисто восклицала Селія.—Какъ бы отчаянно я была въ него влюблена, еслибъ жила въ Брайтонѣ въ его время и слышала его проповѣди. Онѣ—единственныя, которыя я могу читать безъ скуки. Что́ бы моему милому, старому болтуну-отцу поучиться! — Появленіе отца заставило ее замолчать въ ту самую минуту, какъ она готовилась критиковать его какъ проповѣдника. Викарій прямо подошелъ къ Лорѣ, взялъ ее за обѣ руки и крѣпко, дружески пожалъ ихъ.

— Дорогая, дорогая моя, — сказалъ онъ. — Господь все устроилъ вамъ на благо. Больше вамъ нечего бояться.

Не ранѣе слѣдующаго утра вспомнила Лора о заботливомъ арендаторѣ изъ Бичамптона. Мужъ съ женою сидѣли одни за раннимъ завтракомъ въ книжной комнатѣ. Было половина восьмого; Джонъ Тревертонъ былъ одѣтъ въ охотничій костюмъ, совсѣмъ на-готовѣ, чтобы ѣхать верхомъ за шесть миль, гдѣ онъ долженъ былъ присоединиться къ прочимъ охотникамъ, которые должны были собраться съ своими собаками среди покрытыхъ пастбищами горъ. Селія, не думавшая, чтобы въ число ея обязанностей, въ качествѣ гостьи, включалась и обязанность вставать рано, еще наслаждалась утренними грезами.

— Кстати,—воскликнула Лора, когда они съ мужемъ потолковали уже о многихъ предметахъ:—я совсѣмъ забыла тебѣ сказать о твоемъ арендаторѣ изъ Бичамптона. Онъ нынче утромъ въ девять часовъ будетъ у тебя. Онъ говорилъ, что хочетъ видѣть тебя по какому-то важному дѣлу. Онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ твоего возвращенія.

— Мой арендаторъ изъ Бичамптона, дорогая?—съ недоумѣвающимъ видомъ промолвилъ Джонъ Тревертонъ. — Кто бы это могъ быть? У меня въ Бичамптонѣ нѣтъ никакой собственности, кромѣ поземельныхъ доходовъ, а ихъ получаетъ Сампсонъ. Я никакого дѣла не имѣю съ арендаторами.

— Да, но это что-то насчетъ осушки болотъ, и твой арендаторъ желаетъ тебя видѣть. Онъ говоритъ, что ты владѣешь землей, на которой построено нѣсколько его домовъ.

Джонъ Тревертонъ съ покорной миной пожалъ плечами.

— Скучновато,—замѣтилъ онъ.—Но если онъ будетъ здѣсь въ девять часовъ, я, пожалуй, его повидаю, ждать его я не стану. Я заказалъ себѣ лошадь ровно къ девяти часамъ. Я приказалъ заложить для тебя и Селіи шарабанъ прокатиться, вы взглянете на охотничій сборъ. Утро прекрасное, свѣжій воздухъ принесетъ тебѣ пользу.

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ надо послать предупредить Селію,—сказала Лора.—Она зимой любитъ поздно вставать.

Она позвонила и приказала Триммеру послать одну изъ горничныхъ къ миссъ Клеръ сказать ей, чтобы она была готова ѣхать кататься въ девять часовъ; затѣмъ Джонъ съ женою продолжали болтать за завтракомъ до половины девятаго, а тѣмъ временемъ, январьское солнце начало свѣтить такъ ярко, что имъ захотѣлось прогуляться по саду.

— Переодѣнься пока, Лора, и приходи пройтись по саду,—сказалъ мистеръ Тревертонъ.

Послушная жена удалилась и черезъ пять минутъ вернулась въ темно-коричневомъ суконномъ платьѣ, съ кофточкой, шапкой и муфтой, опушенными мѣхомъ.

Они вышли въ голландскій садъ, — тотъ садъ, по которому Джонъ Тревертонъ прогуливался наединѣ въ первое утро послѣ своего перваго пріѣзда въ Газльгёрстъ,—тотъ садъ, въ которомъ онъ увидалъ Лору, стоящей подъ аркой изъ тисовыхъ деревьевъ при радостномъ свѣтѣ апрѣльскаго солнца. Они сегодня прошли подъ арку и обошли весь фруктовый садъ. Они вслухъ соображали, сколько должно пройти времени, прежде, чѣмъ цвѣты бѣлой буквицы не оживятъ зеленѣющихъ скатовъ, и синіе цвѣточки дикаго шафрана не выставятъ своихъ головокъ изъ земли, уподобляясь душамъ, томившимся въ заточеніи и возстающимъ изъ зимней могилы.

Никогда не бывали они счастливѣе—быть можетъ, никогда не бывали такъ счастливы—такъ какъ душа Джона Тревертона не была болѣе удручена тайной, связанной съ его несчастнымъ прошлымъ. Сегодня имъ обоимъ казалось, что на ихъ горизонтѣ нѣтъ ни единаго облачка. Они бродили по фруктовому и по цвѣточному саду, пока на церковныхъ часахъ не пробило девять; тогда Джонъ прямо направился къ выходной двери, у которой ожидала его прекрасная гнѣдая лошадь, и гдѣ пони Лоры потрясали своими хорошенькими породистыми головками и всѣми своими движеніями выражали нетерпѣливое желаніе что-нибудь да предпринять, хотя бы побѣжать, увлекая за собою легкій экипажъ въ видѣ корзины, въ который они были впряжены.

— Вотъ твой арендаторъ,—сказала Лора, когда они съ мужемъ огибали экипажную дорогу на пути изъ сада,—онъ стоитъ у дверей, ждетъ тебя.

— Это онъ!—воскликнулъ Тревертонъ. — Онъ удивительно похожъ на лондонскаго жителя. Ну, голубчикъ, — началъ онъ,

Digitized by Google

подходя къ незнакомцу съ хлыстомъ въ рукѣ, собираясь сейчасъ же сѣсть на лошадь,—какое у васъ до меня дѣло? Потрудитесь объясниться какъ можно короче, мнѣ надо проѣхать шесть миль верхомъ, прежде, чѣмъ я приступлю къ своимъ обычнымъ занятіямъ.

— Я буду говорить кратко, мистеръ Тревертонъ, — тихимъ и серьёзнымъ тономъ отвѣчалъ незнакомецъ, близко подходя къ владѣльцу Газльгёрстскаго замка:—такъ какъ хочу попасть на поѣздъ, отходящій въ 11 ч. 30 м., и долженъ увезти васъ съ собой. Я—полицейскій офицеръ изъ Скотландъ-ярда, и явился сюда, чтобы арестовать васъ по подозрѣнію въ убійствѣ жены вашей, извѣстной подъ именемъ m-lle Шико, въ улицѣ Сибберъ, въ Лейстеръ-сквэрѣ, 19-го февраля 187... года.

Лицо Джона Тревертона покрылось смертельной блѣдностью; но онъ смѣло смотрѣлъ въ глаза говорившему.

— Я сію минуту отправлюсь съ вами,—сказалъ онъ; — но вы можете оказать мнѣ снисхожденіе. Не говорите женѣ моей, какого рода дѣло призываетъ меня въ Лондонъ. Я могу такъ устроить, что ей по-немногу раскроютъ истину послѣ моего отъѣзда.

— Какъ вамъ кажется, не лучше-ли вамъ самимъ ей все сказать?—дружескимъ тономъ предложилъ сыщикъ.—Она приметъ это извѣстіе отъ васъ лучше, чѣмъ отъ кого-либо другого. Я много видѣлъ тому примѣровъ. Скажите ей всю правду и позвольте ей ѣхать съ нами въ Лондонъ, если она пожелаетъ.

— Вы правы,—сказалъ Тревертонъ,—она будетъ счастливѣе возлѣ меня, чѣмъ терзаясь здѣсь. Съ вами, вѣроятно, кто-нибудь есть. Не разсчитывали же вы арестовать меня безъ чьей-либо помощи?

— Я не разсчитывалъ ни на какое сопротивленіе съ вашей стороны. Вы для этого слишкомъ джентльменъ и слишкомъ свѣтскій человѣкъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы оправдаетесь, когда явитесь предъ судомъ, и что дѣло дальше не пойдетъ. Ваше отсутствіе во время слѣдствія выставило дѣло въ неблагопріятномъ для васъ свѣтѣ.

— Да, это была ошибка,—отвѣчалъ Тревертонъ.

— У меня тамъ человѣкъ дожидается,—сказалъ сыщикъ.— Если вамъ угодно пройти въ гостиную и объясниться съ женою, онъ можетъ подождать въ залѣ. Быть можетъ, вы прикажете заложить какой-нибудь экипажъ, чтобы отвезти насъ на станцію. Для васъ лучше ѣхать въ собственномъ экипажѣ.

Digitized by Google

— Да, я объ этомъ позабочусь, — съ разсѣяннымъ видомъ согласился Джонъ Тревертонъ.—Будьте добры, отвѣтьте мнѣ на одинъ вопросъ. Кто навелъ Скотландъ-ярдъ на мой слѣдъ. Кто довелъ до вашего свѣдѣнія фактъ, что я—человѣкъ, называвшійся Шико?

— Не заботьтесь о томъ, какъ мы до этого добрались, сэръ,—премудро отвѣчалъ сыщикъ.—Такого рода вещей мы никогда не говоримъ. Мы ухватились за настоящій конецъ, это все, что вамъ подобаетъ знать. Для васъ не составляетъ никакой разницы, какъ мы его добыли, не такъ-ли?

— Нѣтъ, — сказалъ Джонъ Тревертонъ, — составляетъ, и большую. Но я полагаю, что въ скоромъ времени узнаю все.

О. П.

Digitized by Google

МАРКИЗЪ А. ВЕЛЕПОЛЬСКІЙ

ЕГО

ЖИЗНЬ И ПОЛИТИКА

ВЪ ПОЛЬСКО-РУССКОМЪ КОНФЛИКТѢ И ВОПРОСѢ

XVI *).

Законодательныя работы: церковь и школа.

Тѣ отрасли государственнаго управленія въ имѣющемъ получить автономію царствѣ польскомъ, которыя выдѣлилъ для себя съ разсчетомъ и сознательно Велепольскій, были лучшія части администраціи, самыя красивыя и самыя заманчивыя для полька. Русскій государственный человѣкъ, еслибы ему пришлось выбирать, предпочелъ бы, можетъ быть, вѣдомство внутреннихъ дѣлъ, крестьянское дѣло, вообще власть въ ея проявленіяхъ болѣе матеріальныхъ, но въ обществѣ польскомъ съ давнихъ поръ и донынѣ на первомъ планѣ стоятъ идеальныя силы, нравственные интересы. Среди глубочайшаго своего паденія во второй половинѣ XVIII вѣка, общество стало возрождаться къ новой жизни посредствомъ литературы и училищъ. Раньше всякихъ реформъ, распахали общественную почву работы эдукаціонной коммиссіи. Велико было обаяніе имени Александра I, преимущественно благодаря зажженнымъ имъ двумъ свѣтильникамъ просвѣщенія, университетамъ виленскому и варшавскому. Самымъ печальнымъ и

*) См. выше: май, 221 стр.

Digitized by Google

тягостнымъ послѣдствіемъ тридцатилѣтняго періода, съ 1830 по 1860 годъ, стяжавшимъ правительству всего болѣе враговъ, было систематическое количественное сокращеніе преподаванія и сильное пониженіе его въ качественномъ отношеніи, вслѣдствіе чего культура падала, общество дичало, но вовсе не дѣлалось чрезъ то ручнѣе и покорнѣе. Существуетъ драгоцѣнный источникъ для характеристики, съ народно-русской точки зрѣнія, результатовъ этой политики, а именно *объяснительная записка* Николая Алексѣевича Милютина, отъ 24-го мая 1864 года, объ устройствѣ учебной части въ царствѣ польскомъ, въ которой Милютинъ, вооружаясь противъ ополячивающей системы воспитанія Велепольскаго, не стѣсняясь, смѣло, откровенно и рѣзко немногими штрихами высказывается въ пользу безусловной несостоятельности другой предшествовавшей реформѣ В., системы, во главѣ которой стоялъ въ послѣднее время Мухановъ, но которая исходила изъ Петербурга и создана была въ началѣ сороковыхъ годовъ гр. Уваровымъ. Заимствуемъ изъ этой записки нѣсколько данныхъ. «Высшее образованіе,—говоритъ Милютинъ,—считалось дѣломъ не безопаснымъ, ибо, при мѣстномъ составѣ и настроеніи общества, открывало бы доступъ революціоннымъ идеямъ, враждебнымъ монархическому порядку. Послѣ закрытія варшавскаго университета, въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ не было допускаемо ни одно высшее учебное заведеніе, ни общеобразовательное, ни спеціальное». Уменьшилось и число среднихъ учебныхъ заведеній, изъ 15 гимназій 1830 г. въ 1833 г. сохранено только 11, а въ сороковыхъ годахъ—только 7. Въ 1851 г. (послѣ февральской революціи) право поступать въ гимназіи предоставлено только дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ. Начальное образованіе по числу училищъ стояло почти на точкѣ замерзанія, т.-е. не дѣлало успѣховъ. Учебнымъ заведеніямъ давали по возможности спеціальный, утилитарный характеръ, въ особенности съ 1835 г., чѣмъ думали отвратить учащихся отъ политическихъ затѣй. Правительство стало направлять молодыхъ поляковъ, желающихъ получить высшее образованіе, въ русскіе университеты, учредивъ тамъ множество стипендій. Для выработки юристовъ, чиновниковъ и судей, сначала заведены юридическіе высшіе практическіе курсы въ Варшавѣ, а потомъ каѳедра польскаго права въ университетахъ петербургскомъ и московскомъ. «Результаты системы,—говоритъ Милютинъ,—не оправдали ожиданій. Уровень образованія упалъ. Поколѣніе, воспитанное послѣ 1830 г., невѣжественнѣе прежняго и, въ то же время, гораздо хуже въ политическомъ отношеніи, гораздо намъ враждебнѣе. Затрудняя полякамъ доступъ къ выс-

Digitized by Google

шему образованію и распространяя поверхностное матеріальное знаніе въ ущербъ серьёзной наукѣ, мы тѣмъ самымъ открывали просторъ революціонной пропагандѣ, которая всего успѣшнѣе дѣйствуетъ на людей полу-образованныхъ... Система воспитанія отстраняла все то, что способно направить молодого человѣка къ критическому анализу и пріучить его къ логической повѣркѣ своихъ мыслей. Такимъ образомъ, приготовилась почва, на которой всякая ложь могла привиться въ обществу, по своей природѣ легковѣрному и гдѣ (по мнѣнію Милютина противъ котораго мы возражаемъ, такъ какъ это мнѣніе предубѣжденнаго человѣка, не оправдываемое ни тогдашними и тѣмъ болѣе теперешними обстоятельствами) крайній матеріализмъ (?) такъ безобразно сочетался съ подчиненіемъ фанатическому духовенству. Съ другой стороны, явное предпочтеніе, оказываемое русскому языку передъ польскимъ, во всѣхъ училищахъ, имѣло послѣдствіемъ, что мы раздражали поляковъ, не достигая никакихъ существенныхъ результатовъ; мы не обрусили ни одного поляка, а между тѣмъ являлись какъ бы посягающими на польскую національность... Для обрусенія у насъ нѣтъ достаточно средствъ. Опытъ показалъ, что за превосходнѣйшимъ знаніемъ русскаго языка и даже за полнымъ наружнымъ обрусеніемъ весьма часто скрывается непримиримая вражда къ Россіи... 30 лѣтъ мы учили цѣлыя поколѣнія по-русски, знакомили ихъ съ силою и славою нашего отечества, съ историческими недугами Польши, сдѣлавшими невозможнымъ ея независимое существованіе. Однако, ученіе наше не передѣлало ни одного изъ нихъ, ибо характеръ и образъ мыслей слагаются подъ вліяніемъ религіи, семьи и общества, а не подъ однимъ дѣйствіемъ внѣшняго знанія, пріобрѣтаемаго уроками и являющагося на экзаменахъ». Главная руководящая мысль Милютина поразительно проста и теоретически безусловно вѣрна и безспорна: просвѣщеніе не можетъ сдѣлаться предметомъ второстепеннымъ; въ воспитаніи на первый планъ не должна выступать цѣль политическая. «Общественное образованіе было политическимъ орудіемъ въ рукахъ нашихъ съ 1831 по 1861 г.; въ 1861 оно же обратилось какъ политическое орудіе противъ насъ. Можемъ ли мы и должны ли мы оставаться на этой же почвѣ? Надобно себѣ рѣшительно сказать, что нѣтъ... Достаточно, если поляки будутъ учиться русскому языку, какъ необходимому для нихъ предмету общаго образованія»... Какъ трудно съ высоты несомнѣнно вѣрной теоріи спускаться на низменныя плоскости обыденной практики, доказывается всего лучше, *во-первыхъ*, примѣромъ самого Милютина, который, извѣрившись въ руссификацію и обращаясь съ

Digitized by Google

польскимъ элементомъ какъ съ врагомъ, предложилъ педагогическую систему своего изобрѣтенія на весьма своеобразной, но сильно политической подкладкѣ и присовѣтовалъ покровительствовать и насаждать, при содѣйствіи правительства, національныя польскія училища: русскія, нѣмецкія, литовскія и даже *еврейскія* (?). Великій государственный человѣкъ смѣшалъ временное съ постояннымъ, мѣру укрощенія возвелъ въ систему управленія. Его идея была бы, можетъ быть, вѣрна, еслибы на вѣки продолжалась эта двойственность системъ управленія военно-завоевательной въ одной полосѣ и мирно-промышленной въ другой,—двойственность, на которую мы намекали въ XV статьѣ. Разъ мы допустимъ необходимость настоящаго объединенія государства, то окажется, что обнѣмечивая окраины или возвращая еврейскую особенность и исключительность, мы дѣлали бы чужую не нужную, можетъ быть весьма вредную работу. *Второе* доказательство трудности примѣнять теорію къ практикѣ заключается въ томъ, что, несмотря на неоспоримую вѣскость доводовъ, которыми Милютинъ разбивалъ систему воспитанія временъ императора Николая, къ ней вернулись, послѣ малаго промежутка; политическія цѣли опять взяли верхъ надъ цѣлями преподаванія, и эта окаменѣвшая рутина пережила даже времена управленія возстановившаго ее министра просвѣщенія гр. Толстого и можетъ, ко вреду для обѣихъ національностей, и польской, и русской, долго существовать. Осуждая вліяніе политики въ преподаваніи и рѣзко отзываясь о системѣ воспитанія Уваровской, Милютинъ съ той же точки зрѣнія осуждалъ и всю систему Велепольскаго, какъ ту же политику, перевернутую на изнанку: тамъ обрусеніе, тутъ систематическое ополяченіе. Маркизъ Велепольскій по его словамъ направилъ общественное образованіе къ тому, чтобы устранить всякое вліяніе Россіи на Польшу. Намъ предстоитъ теперь изучить въ подробности педагогическую систему маркиза и опредѣлить, насколько уважительны упреки Милютина. Этотъ вопросъ мы можемъ разрѣшить только уяснивъ себѣ условія, при которыхъ Велепольскій дѣйствовалъ, сознаніе имъ его задачи и цѣлесообразность ея осуществленія.

Начну съ того, что я не вѣрю въ искреннюю любовь къ отвлеченному просвѣщенію, лишенному національнаго колорита, разсматриваемому внѣ общественной его среды и внѣ связи съ его приложеніями къ жизни и къ практическимъ результатамъ. Велепольскій былъ несомнѣнно очень просвѣщенный человѣкъ, но, въ то же время, патріотъ и политикъ, ни на минуту не упускавшій изъ виду, какъ бы посредствомъ просвѣщенія воспиты-

Digitized by Google

вать новыя поколѣнія полезныхъ гражданъ, совмѣщающихъ страстную любовь къ своей народной культурѣ съ обдуманною преданностью тому порядку вещей, который бы дозволилъ этой культурѣ, послѣ невозвратной утраты самостоятельности политической, развиваться свободно и автономно подъ сѣнью русской державы, на почвѣ общеславянскихъ интересовъ. Самъ онъ, какъ истый европеецъ, признавая громадное превосходство двухъ культуръ: французской и нѣмецкой (въ особенности первой изъ нихъ, съ которою его соединялъ кодексъ Наполеона), хотѣлъ бы привить результаты обѣихъ культуръ къ своей родинѣ посредствомъ школы. Школу эту не пришлось выдумывать и организовать; польская школа существовала съ конца прошлаго вѣка и имѣла свои прекрасныя традиціи, соединенныя съ именами Коллонтая, Почобута, Снядецкихъ; она внушала съ малолѣтства дѣтямъ: изъ любви къ родинѣ учись; ты—народъ павшій; единственное средство явить, что мы чего-нибудь да стоимъ, — заключается въ томъ, чтобы успѣвать въ знаніи и доказать въ наукахъ и искусствахъ, что мы не одичали, но живемъ. Нота эта сильнѣе всего звучитъ во всѣхъ рѣчахъ къ юношеству самого Велепольскаго, ректора Мяновскаго (A. W. II, 431), Крживицкаго (II, 413, 445), профессора Шмурло (II, 248). Что въ этихъ рѣчахъ не однѣ только фразы—доказалъ опытъ. Дорого казнѣ стоющее привлеканіе молодыхъ поляковъ въ русскіе университеты, по системѣ Уварова, оказалось поразительно безплоднымъ и почти не выработало никакихъ сколько-нибудь видныхъ дѣятелей, но въ малый промежутокъ времени,—до преобразованія варшавской главной школы, польской по преподаванію, въ университетъ съ безусловно обязательнымъ на всѣхъ каѳедрахъ русскимъ языкомъ,—подготовилось цѣлое поколѣніе людей, которые занимаютъ теперь первыя мѣста по таланту въ литературѣ и вносятъ въ нее духъ научнаго изслѣдованія и положительнаго знанія, борясь съ преданіями отжившаго польскаго романтизма, который и былъ главною движущею силою въ повстаніи 1863 года. Самъ Милютинъ удивляется, что въ главной школѣ, занятія которой ни на одинъ моментъ не прерывались, изъ числа студентовъ за 1862—63 годъ (728 чел.) только 13 ушли въ банды; а въ 1863—64 изъ 649 только 72 оказались замѣшанными въ политическія дѣла. «Эти цифры,—присовокупляетъ Милютинъ,—довольно благопріятны и свидѣтельствуютъ о томъ, въ какой мѣрѣ, даже во время разгара революціоннаго движенія, занятія наукою могутъ отвлечь большинство юношей отъ политическихъ предпріятій». Что дѣйствуя въ царствѣ польскомъ, Велепольскій обращался для образованія

Digitized by Google

школъ къ традиціямъ народной польской школы—то было совершенно естественно; такъ поступилъ бы даже и просвѣщенный иностранецъ, дѣйствующій безъ предвзятой политической идеи. Что онъ надѣялся поднятіемъ уровня преподаванія въ польской школѣ, усовершенствованіемъ методовъ, усиленіемъ интензивности въ знаніяхъ сдѣлать эту школу свѣточемъ, распространяющимъ польскую культуру—и это натурально; это единственный законный способъ національной пропаганды, человѣчески общеполезной и заслуживающей полнѣйшаго сочувствія. Еще менѣе основаній винить Велепольскаго въ томъ, что онъ заботился объ одной польской школѣ и не заботился о таковыхъ же школахъ для другихъ національностей: для нѣмцевъ, для латышей, для евреевъ и русскихъ. Велепольскій по свойству своей задачи, проводимой завѣдомо Россіи, былъ полякъ автономистъ, дѣйствующій въ предѣлахъ края, въ которомъ польская національность имѣла на своей сторонѣ фактъ вѣкового спокойнаго владѣнія, потревоженнаго за послѣднія 30 лѣтъ неудачными, по словамъ Милютина, опытами руссификаціи. Русскій языкъ предстояло въ пользахъ преподаванія сократить, какъ языкъ преподаванія другихъ наукъ, и оставить его какъ необходимый предметъ общаго образованія. Если при такомъ сокращеніи обнаруживалось, что въ царствѣ польскомъ русскій ребенокъ не получитъ образованіе чисто-русскаго, на что жаловался Милютинъ (одна изъ статей Leroy Beaubieu въ Revue des deux Mondes 1880 г.), то отвѣтственность за этотъ результатъ должна быть отнесена на прежнюю систему, которая главнымъ образомъ озабочена была обрусеніемъ всѣхъ польскихъ школъ, а и не думала припасать спеціально русскія для русскихъ дѣтей. Я не буду опровергать совершенно непрактичную мысль Милютина объ искусственномъ насажденіи, средствами правительства, отдѣльныхъ училищъ для иноплеменныхъ стихій: нѣмецкихъ и еврейскихъ. Къ счастію эта часть системы Милютина не была приведена въ исполненіе министерствомъ графа Толстого, и совершенно резонно. Есть пословица: «travailler pour le roi de Prusse»; она шла бы здѣсь прямо къ дѣлу. Она была бы повтореніемъ Стадіоновской политики въ Галичинѣ по отношенію къ русинамъ, политики, которая несомнѣнно оказалась ошибочною съ точки зрѣнія цѣлости и безопасности Австро-Венгерской монархіи. По нашему мнѣнію, свобода преподаванія требуетъ разрѣшать всякой національности въ государствѣ заводить на свои средства свои національныя школы подъ контролемъ государства и съ включеніемъ въ преподаваніе государственнаго языка, какъ необходимаго предмета образованія, но воспитывать

Digitized by Google

національныя разновидности на казенныя средства, не можетъ лежать въ задачахъ политики какого бы то ни было правительства. Такимъ образомъ остается для разрѣшенія вопросъ: достаточно ли былъ уваженъ русскій языкъ не какъ средство преподаванія другихъ наукъ, но какъ общеобразовательный предметъ въ школѣ, созидаемой Велепольскимъ. Надобно замѣтить, что маркизъ не только о русской культурѣ не имѣлъ понятія, но русскаго языка совсѣмъ не зналъ и не умѣлъ бы даже имени своего на немъ подписать. Представленія Велепольскаго о русской образованности и культурѣ были крайне смутныя, вѣроятно, въ родѣ понятій о сербскомъ царѣ Душанѣ (гл. XV); вообще взаимное знаніе между обѣими національностями находится и нынѣ, послѣ двухъ почти десятковъ лѣтъ, на весьма низкой степени развитія. Но значеніе русскаго языка, какъ государственнаго для поляковъ, Велепольскій понималъ, что́ признаетъ и Милютинъ: «уставъ (Велепольскаго) 1862 г. даетъ русскому языку должное значеніе; къ сожалѣнію правительственная коммиссія дозволила училищнымъ начальствамъ и ученикамъ выказывать къ нему пренебреженіе. Необходимо взяться за строгое буквальное исполненіе постановленій устава 1862 г. и вывести его изъ положенія, въ которое онъ поставленъ по злоупотребленію мѣстныхъ властей». Такимъ образомъ крупныя и главныя обвиненія противъ системы Велепольскаго не важны; есть недостатки въ подробностяхъ. Сама система можетъ быть обрисована слѣдующими главными чертами по высочайше утвержденному 8 іюня (29 мая) 1862 г. составленному въ коммиссіи исповѣданій и просвѣщенія уставу. (A. W. II, 278—358).

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе та часть закона, которая посвящена начальнымъ (элементарнымъ) школамъ. До сихъ поръ ихъ было мало, онѣ содержались изъ складчинъ и на средства общинъ и состояли подъ контролемъ общихъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія по учебному округу. Главное лицо съ 1833 г. былъ *опекунъ* школы, отъ котораго зависѣлъ сельскій учитель, преимущественно предъ иными лицами сельскій священникъ или викарій. Надъ ними стояли надзиратели уѣздныхъ училищъ, директора гимназій округа и самъ попечитель округа. Поставимъ себя въ положеніе школьнаго учителя, которому только по уставу 1862 г. жалованье повышено и опредѣлено не менѣе 60 р. въ годъ; надъ нимъ клерикальное вліяніе, а надъ клерикальнымъ формальное, въ сущности безучастное, отношеніе къ дѣлу чиновниковъ министерства, занятыхъ непосредственно общими и высшими учебными заведеніями, и не имѣю-

Digitized by Google

щихъ досуга заниматься начальными. Уставъ прежде всего обратился къ самодѣятельности общественной и предоставилъ приходскимъ священникамъ, землевладѣльцамъ и магистратамъ мѣстечекъ учреждать, сколько угодно, начальныхъ училищъ, донося о томъ только губернскому правленію (ст. 1). Независимо отъ этихъ училищъ, содержимыхъ на частныя средства, учреждаются казенныя одноклассныя и двухклассныя (числомъ 3,000) на средства казны, изъ указанныхъ особыхъ источниковъ, для дѣтей обоего пола, а гдѣ можно для дѣвочекъ особо отъ мальчиковъ. Школьные учителя назначаются изъ выдержавшихъ экзаменъ и получившихъ надлежащее свидѣтельство. Особенную черту въ законѣ составляло то, что начальныя школы изъяты и изъ исключительнаго вѣдѣнія мѣстнаго духовнаго лица въ качествѣ *опекуна*, и отъ контроля обыкновеннаго училищнаго начальства и переданы въ вѣденіе того, что́ мы бы назвали теперь *земствомъ*. Велепольскій вернулся къ постановленію эдукаціонной палаты 1808 г. и подчинилъ школьныхъ учителей коллегіальнымъ *дозорамъ* изъ войта гмины и двухъ выборныхъ отъ землевладѣльцевъ въ деревняхъ, изъ бургомистра и двухъ выборныхъ отъ города, въ городахъ. Прежній опекунъ, мѣстный священникъ, вошелъ въ составъ этой коллегіи какъ предсѣдатель. Въ иновѣрческихъ школахъ протестантскихъ и уніатскихъ, членами дозора были пасторы и священники уніатскіе, и преподавались въ числѣ другихъ предметовъ богослужебные языки нѣмецкій и церковно-славянскій (ст. 29). За школами и дозорами наблюдали, съ правомъ вмѣшательства въ ихъ содержаніе, преподаваніе, уѣздные совѣты. Какъ дозоры, такъ и школы состояли въ вѣдѣніи губернскихъ правленій. На всѣ начальныя школы въ царствѣ установленъ одинъ инспекторъ, участвующій какъ членъ въ высшемъ педагогическомъ установленіи, совѣтѣ воспитанія. Признаніе польскаго языка господствующимъ не прошло въ государственномъ совѣтѣ единогласно; тайный совѣтникъ Крузенштернъ, отстаивая интересы нѣмецкаго элемента, требовалъ, чтобы 285 существующихъ начальныхъ нѣмецкихъ училищъ остались въ вѣдѣніи протестантскихъ консисторій, съ преподаваніемъ исключительно на нѣмецкомъ языкѣ (А. В. III, 420). Это особое мнѣніе провалилось; оно было противно и коренной идеѣ реформы: возстановить польскую національную школу, и другой идеѣ о секуляризаціи преподаванія. На бюджетъ начальныхъ школъ, превышающій 370 т. р., предполагалось усилить число этихъ школъ съ 1,114 до 3,000 (III, 413). Въ своей заботливости о распространеніи образованія въ массахъ, Велепольскій пошелъ еще дальше, и

Digitized by Google

усвоивая себѣ систему прусскую, самую радикальную и самую демократическую, предложилъ *обязательное обученіе* дѣтей съ шестого года, въ теченіе 4-хъ или 5-ти лѣтъ, съ денежною отвѣтственностью не посылающихъ дѣтей въ школу родителей или опекуновъ (штрафъ, доходящій до 8 коп. въ сутки). Эта статья прошла чрезъ государственный совѣтъ (III, 281, 419), но отвергнута въ Петербургѣ.

Въ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній Велепольскій, сверхъ увеличенія возможно бо́льшаго этихъ заведеній въ количественномъ отношеніи, боролся съ двумя чертами ихъ организаціи, вынесенными изъ Россіи и не безъ основанія разсматриваемыми имъ какъ коренные пороки. Одна черта была искони присуща русской школѣ и заключалась въ присутствіи въ управленіи школою и въ преобладаніи чиновнаго не-педагогическаго элемента, въ видѣ инспекторовъ и директоровъ гимназій, и подчиненныхъ инспекторамъ, надзирателей уѣздныхъ училищъ. Гимназіи и уѣздныя училища обособлены; послѣднія поставлены наравнѣ съ первыми въ непосредственную зависимость отъ коммиссіи исповѣданій и просвѣщенія. Онѣ разсматривались какъ тѣ же гимназіи, но только не полныя. Первые четыре класса ихъ по преподаванію совершенно уравнены съ низшими классами гимназій. Пятый классъ, прибавочный въ уѣздномъ училищѣ, устраивался тремя разными способами, вслѣдствіе чего и училища дѣлились на 3 вида: a) общія для оканчивающихъ въ нихъ свое образованіе, b) педагогическія для приготовленія учителей для элементарныхъ училищъ и c) спеціальныя вмѣсто бывшихъ реальныхъ, съ преобладающимъ преподаваніемъ естественныхъ наукъ и математики. Готовящіеся въ главную школу, ученики изъ четвертаго класса уѣзднаго училища поступали въ пятый гимназическій. Во главѣ каждаго заведенія, какъ уѣзднаго училища, такъ и гимназіи, поставленъ преподающій педагогъ, одинъ изъ учителей, въ званіи ректора училища или гимназіи, съ добавочнымъ содержаніемъ; по назначенію коммиссіи ему данъ въ помощники другой учитель съ званіемъ префекта. Другая черта, съ которою боролся Велепольскій, занесена въ педагогическую систему послѣ передрягъ 1848 и 1849 годовъ, когда начальство, думая о возможномъ ограниченіи доступа юношамъ въ университетъ, спеціализировало знанія въ самихъ гимназіяхъ и раздѣлило ихъ на два отдѣленія: физико-математическое и филологическое, съ включеніемъ въ преподаваніе по филологическому отдѣленію ни на что непригоднаго курса законовѣдѣнія, состоящаго изъ смѣси поверхностныхъ и отрывочныхъ юридическихъ свѣдѣній. Рѣшено, что

Digitized by Google

среднее образованіе должно быть универсальное, подготовляющее и къ спеціальному развитію и къ общечеловѣческому образованію и открывающее всѣмъ поступающимъ, какъ въ уѣздныя училища, такъ и въ гимназіи, возможность поступить и въ главную школу. Латынь начиналась съ 1-го класса, греческій языкъ съ 4-го; съ перваго же класса по всѣмъ высшимъ велось преподаваніе русскаго языка, словесности и исторіи, съ изустными и письменными упражненіями (ст. 94). Плата за ученіе положена самая малая, по 8 рублей съ ученика уѣзднаго училища, по 15 руб. съ ученика гимназіи. На первый разъ число гимназій съ бывшихъ 7 увеличено до 13 (онѣ заведены вездѣ, гдѣ съ давнихъ временъ существовали зданія отъ прежнихъ гимназій, закрытыя послѣ 1830 г.). Уѣздныхъ училищъ положено сразу открыть 23. Сверхъ гимназій существовало въ Варшавѣ, подъ именемъ благороднаго института, закрытое заведеніе для такъ называемыхъ маменькиныхъ сынковъ, изъ знатнаго и богатаго дворянства, воспитываемыхъ на особыхъ, болѣе льготныхъ относительно требованій при испытаніи, условіяхъ. Не желая ломать это непопулярное и неудачное учрежденіе, Велепольскій удалилъ его изъ Варшавы въ Люблинъ подъ именемъ лицея, открылъ въ него доступъ не-дворянамъ, и сдѣлалъ заведеніемъ полу-закрытымъ чрезъ допущеніе и приходящихъ учениковъ, такъ-что со временемъ лицей уровнялся бы во всемъ съ гимназіями. На мѣсто благороднаго института въ его просторныя зданія переведенъ изъ Пулавъ (Новой Александріи) дѣвичій институтъ. Въ Варшавѣ учреждена казенная высшая 6-ти-классная женская школа. Въ мужскихъ среднихъ заведеніяхъ переходныя испытанія облегчены, но особенными условіями обставлены три вступительныя: 1) въ 1-й классъ, 2) при переходѣ съ 4-го класса въ 5-й и 3) окончательный для полученія свидѣтельства о зрѣлости, обусловливающаго доступъ къ университетскому образованію. Испытаніямъ въ зрѣлости могутъ быть подвергаемы и лица, получившія домашнее воспитаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, они должны держать экзаменъ и на 5-й классъ гимназіи.

Въ опустѣвшихъ по выводѣ института дѣвицъ Пулавахъ (Новой Александріи) основано обширное заведеніе для подготовки техниковъ по всѣмъ родамъ земледѣлія, архитектуры и промышленности, подъ именемъ политехническаго и земледѣльческо-лѣсного института, съ подраздѣленіемъ на 5 отдѣленій: механиковъ, гражданскихъ инженеровъ, горныхъ инженеровъ, агрономовъ и лѣсоводовъ. На это заведеніе обращены были средства бывшихъ заведеній вошедшихъ въ него: реальной гимназіи вар-

Digitized by Google

шавской и маримонтскаго сельско-хозяйственнаго института. Предположено развить и разширить школу художествъ варшавскую, съ подраздѣленіемъ ея на отдѣленія архитектуры, живописи и скульптуры. Но главное созданіе по части не только высшаго образованія, но и всей педагогической системы, такъ сказать, ключъ свода этой системы былъ университетъ, который пришлось поневолѣ вводить, нѣкоторымъ образомъ, съ переодѣваньемъ, давъ ему весьма неподходящее наименованіе *главной школы*. Забавны резоны, оправдывающіе этотъ терминъ въ объяснительной запискѣ: (A. W. III, 394) и то, что недостаетъ въ заведеніи богословскаго факультета, и то, что нѣтъ отдѣленій для знаній камеральныхъ, реальныхъ, прикладныхъ. Настоящая причина заключалась въ противодѣйствіи, которое даже и по смерти князя Горчакова встрѣчала мысль объ университетѣ въ высшихъ сферахъ въ Петербургѣ, напуганныхъ студентскими волненіями и доискивавшихся причинъ зла въ универсальности преподаванія, скучивающаго подъ одною крышею громадное число разными предметами занимающихся молодыхъ головъ. Мартовскія концессіи разрѣшали только высшія училища въ царствѣ польскомъ, въ томъ числѣ училище правовѣдѣнія. Приходилось пространно доказывать, что обособленіе высшихъ училищъ вводило бы между учащими и учащимися вредный антагонизмъ (что не совсѣмъ вѣрно) и отнимало бы у заведеній ту разносторонность, которая и для преподавателей полезна, потому что хранитъ крайнихъ спеціалистовъ отъ односторонности и заставляетъ умы взаимно себѣ содѣйствовать, хотя они посвящаются, ничего общаго, повидимому, неимѣющимъ, знаніямъ; она же и для учащихся выгодна, потому что даетъ средство студентамъ ходить изъ любознательности на лекціи и не своихъ факультетовъ. Наконецъ, сводя студентовъ разныхъ факультетовъ и заставляя ихъ сталкиваться другъ съ другомъ, это общеніе факультетовъ хранитъ учащихся отъ «усматриванія всей человѣческой мудрости только въ той спеціальности знанія, которой они себя посвящаютъ» (A. W. III, 393). На первыхъ порахъ главная школа открывалась для всѣхъ, кто выдержитъ вступительное испытаніе. Учреждены были 14 (26) октября 1861 г. пріуготовительные курсы для занятій молодыхъ людей, пока поспѣлъ университетскій уставъ и пока состоялось образованіе главной школы, открывшейся только (25) 13-го ноября 1862 г. Огромное число лицъ разныхъ возрастовъ отъ весьма юныхъ до порядочно пожилыхъ толпились на этихъ курсахъ съ одинаковою жаждою знанія. Послѣ первыхъ 4-хъ лѣтъ (ст. 308) предположено принимать безъ пріемнаго экзамена по

Digitized by Google

однимъ аттестатамъ зрѣлости. Главную школу образовали 4 факультета: медицинскій — изъ бывшей медико-хирургической академіи, физико-математическій, юридическій-административный и филологическо-историческій. Первые два помѣщены въ корпусѣ, а послѣдніе два въ флигеляхъ Казимировскаго дворца на Краковскомъ предмѣстьѣ, въ такъ-называемыхъ кадетскихъ казармахъ или рыцарской школѣ, основанной королемъ Понятовскимъ, въ которой воспитывался Косцюшко. Преподавателями были штатные профессора экстра-ординарные, ординарные, и адъюнкты и приватъ-доценты. Всякій ученый, либо съ ученою степенью, либо извѣстный трудами своими, можетъ ходатайствовать о разрѣшеніи ему преподавать безплатно тѣ самые предметы, которые читаются штатными преподавателями. Доцентъ считается кандидатомъ на штатныя вакансіи, но если онъ четыре года преподавалъ, не попадая на штатное мѣсто, то перестаетъ быть доцентомъ, чтобы не заграждать дорогу другимъ соискателямъ. Всѣ штатные преподаватели факультета, со включеніемъ адъюнктовъ, собираются въ засѣданія факультетскія и выбираютъ на два года декана. Ректоръ назначался только на первые три года совѣтомъ управленія, послѣ чего должность эта должна была быть замѣщаема по утверждаемому Государемъ выбору, производимому не всѣми, а только ординарными профессорами. Совѣтъ университета подъ предсѣдательствомъ ректора дѣйствуетъ въ двоякомъ составѣ: либо маломъ изъ четырехъ декановъ и восьмерыхъ ординарныхъ профессоровъ (по два по выбору отъ каждаго факультета), либо въ большомъ изъ всѣхъ ординарныхъ профессоровъ для замѣщенія преподавательскихъ вакансій и разрѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ по преподаванію. Хозяйственная и полицейская часть, подобно какъ и въ русскихъ университетахъ, возложена на правленіе, состоящее изъ ректора и 4-хъ декановъ, а по дѣламъ о проступкахъ студентовъ и изъ особаго университетскаго судьи. Этотъ чиновникъ, назначаемый изъ лицъ судебнаго вѣдомства, по соглашенію коммиссій просвѣщенія и юстиціи, производитъ слѣдствія, налагаетъ на учащихся мелкія дисциплинарныя взысканія; важнѣйшія, простирающіяся до ареста, до consilium abeundi и до исключенія изъ университета безъ права быть опять принятымъ, налагались только властью правленія либо совѣта. По старому польскому и западно-европейскому обычаю каникулы перенесены на осень (августъ и сентябрь); ученіе дѣлится на 2 семестра, разграничиваемые 15-мъ марта. Студенты не носятъ форменнаго платья, и платятъ крайне умѣренную плату за слушаніе лекцій, по 10 руб. за полугодіе. Сверхъ жалованья

Digitized by Google

преподаватели получаютъ особый гонораръ не за преподаваніе, а за производимые экзаменаціонными коммиссіями полукурсовыя испытанія, безъ выдержанія коихъ студентъ не можетъ перейти въ 3-й курсъ и окончательныя для полученія ученыхъ степеней (6 р. и 15 р.; докторскій экзаменъ—30 р.). При двухъ факультетахъ: физико-математическомъ и филологическо-историческомъ учреждены учительскія семинаріи изъ студентовъ-стипендіатовъ (по 12 въ каждой), живущихъ въ стѣнахъ университета и упражняющихся для подготовленія къ педагогической дѣятельности подъ руководствомъ особо приставленнаго къ каждой семинаріи и живущаго вмѣстѣ со студентами профессора. Изъ книгохранилищъ, принадлежавшихъ къ закрываемымъ или преобразовываемымъ заведеніямъ и казнѣ, департаментамъ сената и бывшей кодификаціонной коммиссіи, предположено устроить одну *главную*, которая бы, состоя при главной школѣ, составляла нѣчто отдѣльное, подчиняющееся непосредственно коммиссіи исповѣданій и просвѣщенія. Самоуправленіе главной школѣ дано весьма широкое, но она лишена того, что составляло особенность организаціи бывшаго виленскаго университета: она не завѣдывала низшими и средними училищами. Начальными школами коммиссія исповѣданій и просвѣщенія занималась мало, предоставивъ всю власть надъ ними уѣзднымъ совѣтамъ и губернскимъ правленіямъ. Зато управленіе среднихъ заведеній, гимназій и главной школы стягивалось въ ея рукахъ посредствомъ довольно сильной централизаціи, причемъ по части, такъ-сказать, законодательной, то-есть составленія правилъ, инструкцій, оцѣнокъ сочиненій, въ помощь директору коммиссіи устроено, подъ его предсѣдательствомъ, существенно важное совѣщательное установленіе: *Совѣтъ воспитанія*, изъ директора отдѣленія просвѣщенія, двухъ постоянныхъ визитаторовъ училищъ, ректора главной школы, директоровъ главной библіотеки и музеевъ, инспектора начальныхъ училищъ и лицъ, по особому назначенію, опредѣляемыхъ изъ педагоговъ, ученыхъ и спеціалистовъ совѣтомъ управленія царства польскаго. (Уставъ коммиссіи исп. и пр. 8 января 1862—27 дек. 1861 года).

Въ школьной организаціи, осуществляемой Велепольскимъ, недоставало только, по очень понятнымъ причинамъ, учебныхъ заведеній военныхъ и духовныхъ. Отношенія правительственной власти, которую онъ представлялъ въ своемъ лицѣ, къ духовенству важнѣйшаго по числу и вліятельнѣйшаго римско-католическаго исповѣданія, были крайне натянутыя и непріязненныя. Стоявшій во главѣ этого духовенства архіепископъ Фіалковскій,

Digitized by Google

старый и дряхлый, находился вполнѣ подъ вліяніемъ окружающихъ. Въ польскомъ изданіи Лисицкаго (III, 203) помѣщена записка, поданная епископами царства польскаго 25-го сентября 1861 г. намѣстнику графу Ламберту, съ перечнемъ требованій, начинающихся 1) съ возвращенія религіи римско-католической прежняго (первенствующаго) ея значенія; 2) отмѣны многихъ статей уложенія о наказаніяхъ и закона о бракѣ 1836 года съ его постановленіями о смѣшанныхъ бракахъ, какъ противныхъ и католическому праву, и всякой вѣротерпимости; 3) невмѣшательства свѣтской власти въ богослуженіе, проповѣди; 4) разрѣшенія епископамъ открывать епархіальные съѣзды духовенства и т. п. Большинство этихъ пунктовъ были таковы, что не было вѣроятно, чтобы русское правительство, при необострившемся до крайности состояніи дѣлъ, на нихъ согласилось; разрывъ свѣтской власти съ духовенствомъ близился, ставилась со стороны духовенства дилемма: все или ничего. На увлекшееся духовенство римско-католическое въ царствѣ польскомъ можно было искать управы только въ Римѣ, но на престолѣ св. Петра возсѣдалъ Пій IX, совсѣмъ не расположенный къ какимъ-бы то ни было компромиссамъ, съ духомъ ли вѣка или со свѣтскими правительствами. Возможность сближенія съ Римомъ и дѣйствія черезъ Римъ на духовенство наступила только по смерти Фіалковскаго въ 1862 году; мы тогда остановимся подольше на самой сущности римско-католическаго вопроса въ Россіи, но намъ необходимо указать теперь же, какія облегченія и гарантіи вносилъ съ собою Велепольскій еще въ 1861, на первыхъ порахъ послѣ того какъ онъ вступилъ на важный и трудный постъ министра исповѣданій и просвѣщенія. Мартовскія концессіи, по отношенію къ вѣроисповѣданіямъ, выразились въ высочайше утвержденномъ уставѣ о коммиссіи исповѣданій и просвѣщенія отъ 8 января 1862 (27 декабря 1861 г.). Руководящимъ идеаломъ являлось возможно широкое самоуправленіе церковное, котораго органомъ долженъ былъ сдѣлаться особый самостоятельный римско-католическій духовный совѣтъ, установленіе коллегіальное, состоящее не изъ командируемыхъ отъ епархій, какъ-бы для отбыванія повинности ассессоровъ, но изъ лицъ, первенствующихъ въ церкви, опредѣляемыхъ по выборамъ и притомъ дѣйствующихъ въ самомъ ограниченномъ составѣ: три дѣйствительные члена да два ассесора-докладчика съ совѣщательнымъ голосомъ —изъвысшихъ духовныхъ лицъ. Предсѣдательствующимъ долженъ быть архіепископъ или епископъ. Всѣ члены засѣдаютъ въ совѣтѣ временно по четырехлѣтней очереди, обходящей всѣ епархіи. Вы-

Digitized by Google

боры совершаются въ капитулахъ епархій. Совѣтъ даетъ заключеніе по всѣмъ назначеніямъ на духовныя должности, по всѣмъ представленіямъ отъ орденовъ и епархій въ Римъ, по пропуску къ печати духовныхъ книгъ; составляетъ проекты законоположеній въ области церковнаго порядка и благочинія; принимаетъ участіе въ обсужденіи вопросовъ, требующихъ совмѣстнаго дѣйствія свѣтскихъ и духовныхъ властей и ходатайствуетъ передъ правительствомъ о нуждахъ и потребностяхъ духовенства. Всѣ вѣроисповѣданія сходятся, такъ-сказать, на нейтральной почвѣ въ общемъ совѣтѣ комиссіи исповѣданій и просвѣщенія, состоящемъ изъ главнаго директора комиссіи, директоровъ и вице-директоровъ отдѣленій вѣроисповѣданій и просвѣщенія и управляющаго канцеляріей комиссіи, особаго управляющаго дѣлами грекоуніатскаго исповѣданія, двухъ визитаторовъ училищъ, почетныхъ членовъ присутствія, предсѣдателя, а по вопросамъ, касающимся римско-католическаго исповѣданія, и всѣхъ трехъ членовъ духовнаго римско-католическаго совѣта, и представителей другихъ исповѣданій по одному отъ каждаго изъ нихъ, а именно: православнаго, греко-уніатскаго, лютеранскаго и реформатскаго. Въ будущемъ предположено участіе одного представителя и отъ еврейской вѣры. Члены-представители назначаются: православнаго исповѣданія изъ духовныхъ по назначенію архіепископа варшавскаго и ново-георгіевскаго, греко-уніатскаго по выбору холмскаго капитула по назначенію холмскаго епископа; представителями протестантовъ являлись въ совѣтѣ по званію своему предсѣдатели духовныхъ протестантскихъ консисторій.

Уставъ комиссіи исп. и пр. 8-го января 1862 г. заключалъ въ себѣ только начало преобразованія; дальнѣйшія идеи и планы Велепольскаго по устроенію сложнѣйшаго и, можно сказать, единственнаго труднаго изъ вѣроисповѣдныхъ вопросовъ—римско-католическаго, находитъ свое объясненіе въ двухъ запискахъ, относящихся къ 1861 году (A. W. II, 215—223 №№ 50 и 51), въ которыхъ Велепольскій являетъ себя послѣдовательнымъ автономистомъ, одинаково нерасположеннымъ жертвовать самостоятельностью національной римско-католической церкви государству, какъ и римской куріи. По присвоенному себѣ государствомъ и признанному въ конкордатахъ праву (jus placeti regii) всякія сношенія мѣстнаго духовенства съ Римомъ проходятъ черезъ посредство разрѣшающаго каждое сообщеніе государства. Съ 1845 г. корреспонденція эта направлялась черезъ Петербургъ, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ по департаменту иностранныхъ исповѣданій. Велепольскій хлопочетъ о возстанов-

Digitized by Google

ленія порядка, существовавшаго до 1845 г., когда мѣстное духовенство царства польскаго сносилось съ папою черезъ коммиссію исповѣданій и просвѣщенія, чрезъ намѣстника и чрезъ русское посольство въ Римѣ, минуя Петербургъ. Монашескіе ордена, не подчиняясь мѣстнымъ епископамъ, зависѣли только отъ пребывающихъ въ Римѣ генераловъ орденовъ. Велепольскій предлагалъ подчинить ихъ епископамъ, подобно тому, какъ это сдѣлано въ имперіи въ 1784 г. при Екатеринѣ II. Съ папскимъ престоломъ труднѣе сноситься въ Римѣ, а легче и скорѣе разрѣшались бы требующіе соглашенія обѣихъ властей вопросы, если бы въ Петербургѣ или Варшавѣ имѣлъ постоянное пребываніе нунцій папскій, который бы большинство вопросовъ разрѣшалъ самъ по своему полномочію и только о важнѣйшихъ дѣлалъ представленія римской куріи. По конкордату 1847 г. 3-го августа (23-го іюня) третья инстанція суда духовнаго по дѣламъ брачнымъ установлена въ Римѣ. Велепольскій ходатайствовалъ о возстановленіи, существовавшаго по закону о бракѣ 1836 г., суда третьей инстанціи или такъ-называемаго апостольскаго суда въ Варшавѣ изъ лицъ по назначенію папы. Всѣ эти и измѣненія, и предположенія касались малопонятныхъ обществу подробностей въ положеніи и организаціи духовныхъ властей. Для убѣжденія общества, что государственная политика ступила на путь настоящей религіозной вѣротерпимости, нуженъ былъ бы болѣе осязательный залогъ, нужна была бы отмѣна насилующихъ религіозную свободу совѣсти строгихъ статей уложенія о наказаніяхъ, о совращеніи и отпаденіи отъ православія и постановленій гражданскаго кодекса о смѣшанныхъ бракахъ, съ обязательными подписками отъ неправославныхъ брачущихся о томъ, что они всѣхъ дѣтей будутъ крестить и воспитывать въ православной вѣрѣ. Есть части россійской державы, напримѣръ, Финляндія, на которыя этотъ законъ не распространяется. Онъ не распространялся и на области отъ Польши присоединенныя въ силу трактата 13-го (24-го) февраля 1768 г.; по этому трактату сыновья слѣдовали вѣрѣ отца, дочери — вѣрѣ матери; дворянамъ разрѣшалось заключать особые договоры о вѣрѣ дѣтей. Но постановленія трактата были русскимъ правительствомъ отмѣнены какъ льготы, похеренныя мятежемъ 1830 г., и коренное русское начало исключительной принадлежности дѣтей церкви православной водворено въ губерніяхъ западной окраины имперіи указомъ 23-го ноября 1832 г., а въ царствѣ польскомъ положеніемъ о бракѣ 16-го (28-го) марта 1836 г. Велепольскій надѣялся, что со временемъ онъ одолѣетъ этотъ пунктъ и возстановитъ прежнія отношенія, чѣмъ будетъ покрыта и изглажена

Digitized by Google

одна изъ самыхъ чувствительныхъ утратъ, понесенныхъ польскимъ обществомъ послѣ мятежа 1830 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ, и устранится одна изъ причинъ, порождающихъ, вслѣдствіе присущаго ей принужденія, всего болѣе раздоровъ, страданій, безвѣрія и соблазна въ средѣ семействъ, возникающихъ изъ смѣшанныхъ браковъ. Если бы въ этомъ главномъ пунктѣ удалось достигнуть уравненія другихъ христіанскихъ вѣръ съ православіемъ, то за симъ послѣдовало бы и упраздненіе уголовныхъ запретовъ, направленныхъ противъ религіозной пропаганды. Этой послѣдней цѣли Велепольскій стремился достигнуть инымъ путемъ, а именно, посредствомъ предполагаемой имъ отмѣны уложенія о наказаніяхъ 1847 года, а эта отмѣна состояла въ связи съ преобразованіемъ цѣлой карательной системы судопроизводства.

XVII.

Законодательныя работы: гминное устройство.

Когда въ 1807 г. въ Дрезденѣ Наполеонъ въ часъ времени продиктовалъ герцогу Бассано, хватавшему на лету слова его и записывавшему ихъ, такъ сказать, на колѣнѣ, конституціонный статутъ для княжества Варшавскаго, обнародованный 22 іюля 1807 г.[1]), то по этому статуту край весь раздѣленъ на департаменты, департаменты на уѣзды, уѣзды на общины или муниципалитеты; въ общинѣ поставленъ во главѣ мэръ или президентъ по назначенію отъ правительства, вмѣстѣ съ муниципальнымъ совѣтомъ, приставленнымъ къ нему (art. 67 и 68).—Муниципальные совѣты такъ и остались на бумагѣ, они вовсе не были заведены; мэры явились простыми полицейскими чиновниками, соотвѣтствующими полицейскимъ коммиссарамъ или нашимъ становымъ приставамъ и переименованы по старой памяти въ войтовъ. Войтъ, по конституціи Александра I для царства польскаго 1815, долженъ былъ составлять послѣднее звено администраціи (art. 84. Un bailli dans chaque commune sera chargé de l'exécution des ordres du gouvernement et formera le dernier chainon du service administratif). Такъ какъ и по конституціонной хартіи утвердилось правленіе преимущественно помѣщичье и все царствованіе императора Николая, вплоть до указа 1846 г., ограждало, какъ способъ и утвержденіе порядка—помѣщичьи интересы, то постепенно совершалось удобное, по понятіямъ того времени, сліяніе власти по-

[1]) Pamiętniki Józefa Wybickiego. Lwó.. 1881, стр. 253.

Digitized by Google

мѣщичьей съ полицейской. По акту 30 мая 1818 г. владѣлецъ селенія ipso jure дѣлался *войтомъ* гмины или общины, или предлагалъ отъ себя кандидата, или замѣстителя (zastępca), котораго утверждало правительство [1]). Гмины были весьма неравномѣрны; селеніе изъ 10 дворовъ могло составить гмину, но и нѣсколько десятковъ селеній одного помѣщика могли образовать тоже одну гмину, наконецъ нѣсколько помѣщиковъ могли соединить свои селенія въ одну гмину и условиться, кто изъ нихъ будетъ войтомъ. Бо́льшая часть должностей войтовъ была занята наемными за довольно низкую плату помѣщичьими замѣстителями. Единственное измѣненіе, которое правительство предположило сдѣлать въ этихъ умилительно-патріархальныхъ отношеніяхъ, заключалось въ увеличеніи наименьшаго пространства гмины; указомъ 3 (15) марта 1859 г. minimum гмины положенъ въ 50 обитаемыхъ дворовъ, вслѣдствіе чего и выборное начало усилилось, не выходя, однако, изъ рамокъ патримоніальной юрисдикціи. Явилось больше общинъ изъ многихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые условливались между собою, кто изъ нихъ будетъ войтомъ. Еслибы Велепольскій былъ въ самомъ дѣлѣ тѣмъ паномъ и аристократомъ, какимъ онъ неизмѣнно представляется донынѣ въ глазахъ русскаго читателя по книгамъ и газетамъ, и какимъ его изобразилъ, напримѣръ, знающій подкладку событій, но тенденціозный A. de Moller [2]), то безъ сомнѣнія Велепольскій ухватился бы, такъ сказать, клещами за столь твердо стоявшее и десятилѣтіями отвердѣвшее начало панской полиціи и расправы, онъ бы его защищалъ тѣми доводами, которые Моллеръ приводитъ изъ записки графа Александра Островскаго, управлявшаго коммиссіею внутр. дѣлъ, отъ 9 ноября 1863 г., что польскій простой народъ не обладаетъ еще составными частями сельской общины и не въ состояніи оцѣнить необходимость мѣстнаго самоуправленія. Подобный выводъ вытекалъ бы неизбѣжно изъ шаблонныхъ понятій о дѣятельности и цѣляхъ маркиза, а между тѣмъ онъ отъ начала до конца невѣренъ. Обстоятельства помѣшали Велепольскому провести свою гминную организацію, но мотивированный совсѣмъ готовый ея проектъ уцѣлѣлъ (A. W. III, 440—483). Этотъ проектъ при-

[1]) См. Biblioteka umiejętności prawnych. Wykład prawa administracyjnego przez D-ra A. Okolskiego 1880. Warszawa (serya 3, zeszyty 48—52).—Juljan Lapicki, Stosunki gminne w kr. p. Ateneum 1880 r. listopad, grudzień.

[2]) Situation de la Pologne au 1 janvier 1865, 274: Wielopolski était l'incarnation de la Pologne aristocratique, considérant tous les pouvoirs politiques comme un attribut ou un coroleaire de la grande propriété foncière.

Digitized by Google

надлежитъ къ числу лучшихъ работъ маркиза и даетъ столь-же высокое понятіе о его политическихъ способностяхъ и умѣ, какъ и уставъ о воспитаніи, который считается его капитальною работою.

Главныя идеи этого проекта воспроизводятся и въ указѣ 19 февр. (2 марта) 1864 г. объ устройствѣ сельскихъ гминъ, а такъ какъ онѣ своеобразны и прямо противоположны положеніямъ о крестьянахъ въ Россіи и расходятся съ этимъ положеніемъ въ самомъ коренномъ пунктѣ, который дѣятели крестьянской реформы въ имперіи, Милютинъ, Самаринъ и Черкасскій, положили въ основаніе сельскаго и волостного устройства, а именно въ томъ, что волость исключительно только крестьянская, а гмина всесословная, то я и заключаю, что составители указовъ 19 февраля 1864 г., вводя такъ называемую *всесословную* гмину, воспользовались готовымъ планомъ и усвоили себѣ самую существенную часть плана, задуманнаго Велепольскимъ, и что эта всесословная, а не крестьянская гмина, вводимая потомъ въ 1864 г. хотя конечно во враждебномъ къ помѣщичьему элементу направленіи, есть въ сущности идея неотъемлемо польская и должна быть поставлена въ заслугу Велепольскому.

Пора разстаться съ предубѣжденіемъ и предвзятыми мыслями, сложившимися по извѣстному шаблону. Демократическія идеи суть главный двигатель людей въ началѣ XIX столѣтія. Онѣ прокладывали себѣ дорогу и между русскими, и между поляками, но у каждаго на иной ладъ, смотря по его темпераменту и исторіи, каждое общество демократизируется иначе, по болѣе подходящему къ нему способу; одно, заботясь болѣе о матеріальныхъ экономическихъ условіяхъ и предпосылкахъ желаемому подъему народныхъ массъ, другое—о гражданской и политической выправкѣ этихъ массъ, дѣлающей ихъ способными принимать участіе въ широкой дѣятельности общественной. Русскихъ двигателей крестьянской реформы занимало главнымъ образомъ только первое; что касается до второго, то правильной его постановкѣ мѣшалъ духъ нашего дворянства. Подобно французскому XVIII в. оно не въ отдѣльныхъ лицахъ, а въ массахъ, горой стояло за свои привилегіи, гораздо сильнѣе дорожило своими изъятіями отъ государственныхъ повинностей и податей, своими особенными льготами, нежели своимъ дѣйствительнымъ политическимъ вліяніемъ, которое всегда пропорціонально количеству услугъ, а слѣдовательно, тяготѣ обязанностей, принимаемыхъ на себя сословіемъ, поставившимъ себѣ задачею быть общеполезнымъ, и чрезъ то популярнымъ и вліятельнымъ. Дворянство противно было всякой

Digitized by Google

мысли быть поставленнымъ на одну ногу съ освобождаемымъ крѣпостнымъ людомъ, и еслибы могло согласиться на всесословную волость, то подъ условіемъ, чтобы ему отъ государства предоставлена была *доминіальная* власть, чтобы, подобно какъ въ царствѣ польскомъ до 1861 г., помѣщикъ сдѣлался у себя и становымъ — желаніе со стороны государства недопустимое, такъ какъ оно равнялось бы возстановленію подъ другимъ именемъ и въ иныхъ формахъ прежней зависимости, обратнымъ закрѣпощеніемъ раскрѣпощаемыхъ крестьянъ. При нежеланіи дворянства распуститься въ массѣ и отказаться отъ привилегій, крестьянская реформа не коснулась этихъ привилегій и разрубила только имущественный вопросъ, но затѣмъ дѣятели реформъ, хотя сами вышедшіе изъ среды дворянства, повели по необходимости устроеніе освобождаемыхъ крѣпостныхъ въ духѣ, наиболѣе анти-дворянскомъ. Они съ противоположной стороны подпирали всячески ту стѣну, которая такъ ревниво оберегалась и дворянствомъ по отношенію къ простонародію. Устроена замкнутая мужицкая община съ ея специфическими великорусскими особенностями общей собственности, круговой поруки, а надъ нею такая же замкнутая волость со своимъ судомъ, не руководимая оторвавшеюся отъ своего основанія интеллигенціею, но сданная въ опеку развивающихъ ее крестьянофиловъ — мировыхъ посредниковъ. Не буду касаться магическихъ свойствъ, приписываемыхъ крестьянскому общинному землевладѣнію, институту съ невѣдомымъ еще содержаніемъ, которому увлекающіеся общиною сторонники пророчили широкое распространеніе на западъ чуть ли не до Атлантическаго океана. Кажется, что послѣ высокихъ надеждъ [1]) наступило нѣчто похожее на разочарованіе. Но что касается до волости, до звена, связующаго крестьянскій міръ съ опекающеюся имъ бюрократіею, то оказывается, что эта изолированная крестьянская волость съ одной стороны не исполняетъ функцій, необходимыхъ для крестьянства, а занята только исполненіемъ требованій полиціи, земской управы и т. д., и что она не служитъ

---

[1]) Нынѣ довольно странно звучатъ разсужденія въ родѣ слѣдующихъ: depuis l'émancipation la commune est devenue le conservateur et le gardien de l'ordre public et même de l'équité. Dans les innombrables litiges qu'elle a eu à regler avec la noblesse, la commune a contenu les impatiences et régularisé les aspirations des masses et su par son attitude à la fois calme et décidée rallier à ses interéts l'immense majorité des arbitres de paix. C'est grace à cette maturité politique des arbitres de paix et des communes, que le bilan de l'époque de servage a pu être déposé sans soulever ces haines des diverses classes si funestes à la Pologne. — A. de Moller, p. 369.

Digitized by Google

выразителемъ нуждъ и потребностей крестьянства, съ другой стороны, что земство безъ волости есть зданіе безъ фундамента; «сферы, въ которыхъ проявляетъ свою дѣятельность земство, настолько удалены отъ массы населенія,—по мнѣнію тверской губ. земской управы («Порядокъ» 1881, № 108), настолько сложны, что земство и до сихъ поръ для массы населенія еще слишкомъ чуждо». «Волость должна быть не административнымъ центромъ», какимъ она неминуемо останется при изолированности ея, «а наименьшею земскою единицею». Велепольскій въ свойства особеннаго крестьянскаго землевладѣнія не вѣрилъ, существованія замкнутой крестьянской общины не предполагалъ, съ аграрною реформою мирился неохотно и не безъ опасеній, что усѣченіемъ легальной собственности въ одномъ пунктѣ породится соблазнъ, будетъ поддерживаться въ массахъ желаніе новыхъ передѣловъ, будетъ возрождаться аграрный вопросъ чрезъ каждые три, четыре десятка лѣтъ. Что при рѣшенной крестьянской реформѣ онъ позаботился объ устроеніи всесословной гмины, какъ основной земской единицы, и это совершенно понятно. Въ реформѣ поспѣшила принять починъ шляхта, само осуществленіе реформы должно было отражать въ себѣ ея инціативу, а не признаки бюрократическихъ тенденцій. Но я не могу не признать за Велепольскимъ свойства великаго государственнаго ума въ томъ, что, проектируя всесословную волость или *гмину*, онъ радикальнѣйшимъ образомъ вырвалъ изъ нея съ корнемъ помѣщичью полицію и юстицію и, поставивъ помѣщика на одну ногу съ осѣдлыми въ ней земледѣльцами и даже не земледѣльцами, а просто интеллигентными людьми, все затѣмъ устройство гмины основалъ на выборномъ началѣ [1]). Ничего подобнаго этому началу не существовало въ законодательствѣ. Еще въ законѣ 3 (15) марта 1859 объ устройствѣ гминъ, изданномъ по представленію кн. Горчакова: «право быть войтомъ гмины сопряжено съ вотчиннымъ правомъ владѣнія имѣніемъ» (ст. 4), а по запискѣ Муханова 1858 года, «эта система имѣла ту неоспоримую и доказанную многолѣтнимъ опытомъ пользу, что предоставленіе поземельнымъ владѣльцамъ должности гминнаго войта даетъ правительству ручательство должнаго исполненія оной, и притомъ служба эта исполняется безвозмездно». Единственное неудобство, по мнѣнію Муха-

[1]) У меня подъ руками первоначальный проектъ устава о гминахъ съ собственноручными поправками и отмѣтками карандашемъ Велепольскаго. Заимствую изъ него ст. 33: Jeżeli cały okrąg gminy jest własnością jednego dziedzica tedy on jest wojtem z prawa bez wyboru. Отмѣтка Велепольскаго: jest kandydatem obok kandydatow z wyboru do nominacyi władzy.

Digitized by Google

нова, то, что гминъ слишкомъ много (около 5 т.), вслѣдствіе чего по усиленіи размѣра гмины до 50 жилыхъ домовъ, ихъ образовалось въ царствѣ польскомъ съ небольшимъ 3 тысячи (3069). Это число Велепольскій предположилъ сократить, увеличивъ единицу, и образовать 1761 гминъ, ничѣмъ уже ненапоминавшихъ прежнія гмины, раздѣленныя межами помѣщичьяго землевладѣнія. Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ, была ли его идея удачная: за основаніе дѣленія онъ взялъ приходъ и хотѣлъ устроить столько гминъ, сколько приходовъ римско-католическихъ или уніатскихъ. Самоуправленіе гмины выражается въ выборныхъ войтѣ и совѣтѣ. Участію въ самоуправленіи дано изумительно широкое основаніе. Избирателями состояли всѣ совершеннолѣтніе мущины, безъ различія состоянія и вѣроисповѣданія, по слѣдующему цензу, опредѣленному либо *землевладѣніемъ* (всѣ помѣщики, арендаторы, закладодержатели или главные управляющіе, собственники и управляющіе заводами и промышленными заведеніями, крестьяне собственники или обязанные окупомъ вмѣсто барщины или чиншомъ, имѣющіе участки болѣе 3 морговъ, наконецъ, приходскіе священники, тоже какъ владѣющіе земельнымъ участкомъ—церковнымъ), либо *доходомъ* (платящіе за наемъ квартиръ не менѣе 15 р. въ годъ, либо пользующіеся постояннымъ жалованьемъ, или рентою не менѣе 90 р.), либо наконецъ *родомъ занятій* (купцы, фабриканты, мастера, учителя, артисты, получающіе эмеритальные пенсіоны, настоятели монашескихъ мужскихъ орденовъ). Всѣ избиратели могутъ быть избираемы въ гминный совѣтъ, если они грамотны. Отъ избираемыхъ въ войты требуются два спеціальныя условія: 1) христіанская вѣра; 2) свидѣтельство объ окончаніи 4-класснаго (уѣзднаго) училища. По деревнямъ войту подчинены, какъ исполнители его распоряженій, выборные солтысы, отъ которыхъ не требуется даже условія грамотности. Срокъ служенія по выборамъ трехлѣтній, гминный совѣтъ обновляется въ одной половинѣ своихъ членовъ каждые три года, утверждаетъ ихъ начальникъ уѣзда; губернаторъ, по порученію совѣта управленія, или самъ совѣтъ управленія назначаетъ на должность войта одного изъ 3 избранныхъ гминою кандидатовъ. Войтъ есть начальствующее въ гминѣ лицо по типу французскаго мэра, представитель гмины и вмѣстѣ съ тѣмъ органъ государственной, исполнительной полицейской и административной власти въ самомъ обширномъ смыслѣ. Изъ судебныхъ функцій на его долю приходилось только судопроизводство охранительное, попеченіе объ открывающихся наслѣдствахъ, предсѣдательствованіе въ семейныхъ совѣтахъ, да веденіе

Digitized by Google

метрическихъ книгъ въ качествѣ officier de l'état civil для всѣхъ не-христіанскихъ исповѣданій (въ христіанскихъ эту функцію исправляло духовенство). Уголовной власти онъ не имѣлъ никакой, кромѣ права штрафовать до 75 к., либо арестовать на время до 24 часовъ лицъ, сопротивляющихся или не исполняющихъ его законныхъ распоряженій, да и въ этомъ случаѣ недовольный могъ апеллировать къ начальнику уѣзда. Гминный совѣтъ собирается два четырежды въ году. Къ составу совѣта принадлежатъ по закону: предсѣдательствующій въ немъ войтъ, ректоръ уѣзднаго училища, а гдѣ его нѣтъ, школьный учитель гмины и приходскій священникъ и по выборамъ не менѣе 6 членовъ. Функціи совѣта двоякаго рода: a) составленіе бюджета расходамъ по гминѣ, а также податямъ и другимъ источникамъ, изъ коихъ расходы должны быть покрыты; управленіе и опредѣленіе способа пользованія гминною собственностью, ревизія кассы, заботы по охраненію и содержанію церквей, училищъ, больницъ, доставленію врачебной помощи жителямъ; b) дача заключеній по всѣмъ вопросамъ о нововведеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ гминѣ, о ея нуждахъ и потребностяхъ. Бюджетъ гмины утверждаетъ губернское управленіе. Постановленія гмины представляются начальнику уѣзда, который можетъ ихъ опротестовать въ восьмидневный срокъ, если же не опротестовалъ, то они вступаютъ въ законную силу. Должности войта гмины и членовъ совѣта безвозмездны. Войтъ съ подначальными ему солтысами (на жалованьѣ) и наемными всякаго рода десятниками и сторожами входитъ въ общій составъ судебной полиціи и долженъ оказывать содѣйствіе органамъ юстиціи. Уставъ о сельской гминѣ распространяется и на малые города и мѣстечки, не имѣющіе особаго городского самоуправленія, съ тою разницею, что вмѣсто войта управляетъ гминою бурмистръ, и его участковые помощники называются *лавниками*.

Послѣ усмиренія мятежа въ періодъ сильнѣйшихъ репрессалій, когда царство польское было переустраиваемо въ концѣ 1863 г. со спеціальною цѣлью опереться прямо и непосредственно на крестьянскихъ массахъ, съ устраненіемъ отъ дѣятельности общественной польской интеллигенціи, считаемой во всѣхъ ея видахъ неблагонадежною, неосуществившійся проектъ гмины Велепольскаго былъ на разсмотрѣніи учредительнаго комитета, какъ одинъ изъ главныхъ матеріаловъ для выработки новаго закона. Учредительный комитетъ подвергъ этотъ проектъ строгой критикѣ, которая въ многихъ отношеніяхъ была и явно пристрастна и несправедлива. Записка исполнена сѣтованій о томъ, что «патри-

Digitized by Google

моніальная власть, вытѣсненная со всего европейскаго материка, въ *одной Польшѣ* нашла себѣ нынѣ послѣднее прибѣжище» (стр. 33), причемъ умалчивалось, что она это прибѣжище нашла она только въ *русской* Польшѣ и что она особенно расцвѣла только въ тѣ 30 лѣтъ (1831—1861) послѣ повстанья, когда общество судьбами своими не распоряжалось ни въ малѣйшей степени, а на патримоніальную власть смотрѣли Паскевичъ и Мухановъ какъ на столбъ и утвержденіе законнаго порядка, когда слѣдовательно высшіе русскіе чиновники и не считали вовсе своею обязанностью «пролагать себѣ доступъ къ тѣмъ отдаленнымъ и низменнымъ сферамъ, гдѣ польскій простолюдинъ безмолвно, но съ затаенною злобою страдалъ подъ тяжкимъ гнетомъ единоплеменнаго ему войта» (стр. 34). Самъ Велепольскій предложилъ вырвать патримоніальную власть съ корнемъ. Находя его предложеніе неуязвимымъ съ этой стороны, учредительный комитетъ обвиняетъ его въ другой крайности, а именно, въ увлеченіи «теоріею всеобщей подачи голосовъ (suffrage universel)». Включить въ гмину помѣщика и всѣхъ его крестьянъ, поставивъ ихъ на одну ногу, давъ имъ всѣмъ по одному голосу — пожалуй, но зачѣмъ давать голосъ всѣмъ нанимающимъ квартиры за 15 р., всѣмъ получающимъ постояннаго жалованья или дохода 90 р., всѣмъ арендаторамъ, ремесленникамъ, мелкимъ торговцамъ. «Такое расширеніе права голоса имѣетъ, по мнѣнію комитета, очевидною цѣлью (?) усилить вліяніе помѣщика или, лучше сказать, обезпечить безусловное его преобладаніе на гминномъ сходѣ чрезъ посредство всѣхъ его оффиціалистовъ, работниковъ, арендаторовъ, жильцовъ» (стр. 33). Учредительный комитетъ упустилъ изъ виду, что демократическій институтъ всеобщаго голосованія и аристократическое преобладаніе, единицы съ ея челядью и агентами суть два совершенно несовмѣстимыя понятія,—въ особенности при посредствѣ голосованія закрытыми записками или шарами, изъ каковыхъ способовъ одинъ прямо указанъ въ проектѣ Велепольскаго (47 стр.), а другой непротивенъ проекту и могъ бы практиковаться. Вспомнимъ, что по проекту Велепольскаго гмина могла доходить по людности до 10,000 жителей, что если взять среднюю гмину въ 5,000 ч. исключить и женскій полъ, не имѣющихъ ценза, неспособныхъ и т. д., то все-таки осталось бы около 1,000 человѣкъ избирателей, самыхъ разнообразныхъ званій и самыхъ противоположныхъ интересовъ, которыхъ нельзя въ массѣ ни подкупить, ни заставить во вредъ самимъ себѣ вотировать, и что еслибы при этихъ условіяхъ выбранъ былъ помѣщикъ, то это бы свидѣтельствовало, что онъ—не угнетатель, а дѣйствительно по-

Digitized by Google

лезный и популярный человѣкъ. По мнѣнію учредительнаго комитета, несносно и стѣснительно то, что по проекту Велепольскаго отъ войта требуется, чтобы онъ кончилъ 4 класса уѣзднаго училища, чѣмъ «рѣшительно исключаются изъ этого круга (избираемыхъ въ войты) крестьяне». Въ этомъ сужденіи начало демократическое переходитъ уже въ демагогическое, войтъ есть хозяинъ въ гминѣ, въ хозяева гминъ открывается доступъ людямъ совсѣмъ необразованнымъ, даже неграмотнымъ, то-есть такимъ, къ которымъ, по условіямъ современнаго быта, вполнѣ основательно и резонно присвоивается названіе *черни* или стихійной силы. Комитетъ не можетъ допустить, чтобы въ совѣтѣ гмины вмѣстѣ съ войтомъ и выборными засѣдателями по званію своему засѣдали священникъ и школьный учитель, потому что, по мнѣнію комитета, въ комплектѣ 6 членовъ гмины изъ нихъ «трое: войтъ, ксендзъ и учитель, при согласномъ дѣйствіи, могутъ безгранично распоряжаться всѣми общественными дѣлами, гминными повинностями и даже работою крестьянъ подъ видомъ общеполезныхъ цѣлей». Въ этомъ пунктѣ разсужденіе не только невѣрно, но подъ него подложены искаженные факты. По ст. 21 проекта, сверхъ трехъ членовъ ex officio въ совѣтѣ полагается 6 выборныхъ, итого 9 человѣкъ, а въ гминахъ съ населеніемъ, превышающимъ 2,000, число это можетъ быть удвоено, слѣдовательно, комплектъ доведенъ до 15. Возражая противъ участія ксендза и въ гминномъ сходѣ, и въ совѣтѣ, учредительный комитетъ всѣ проекты устройства гминъ, а въ томъ числѣ и проектъ Велепольскаго называетъ *клерикальными* потому, что они основаны на дѣленіи страны на *приходы*, слѣдовательно, «на стремленіи сосредоточить въ рукахъ духовенства административно-полицейское вліяніе и *безусловно* (!!) подчинить сельское населеніе ксендзамъ» (стр. 33). Проектъ Велепольскаго говоритъ самъ за себя; содержаніе его разрѣшаетъ вопросъ, отводилось ли въ немъ не только преобладающее, но и вообще значительное вліяніе на дѣла гмины духовнымъ лицамъ. Устранить совсѣмъ духовенство изъ области земскаго самоуправленія не рѣшилось даже и русское законодательство въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ 1 янв. 1864 г. Основаніе гмины въ предѣлахъ древняго прихода приводилось и въ Россіи много разъ писателями изъ лагеря славянофиловъ, а въ настоящее время оно предлагается всѣми почти органами печати, старающимися дать земскому самоуправленію недостающій нижній этажъ; въ проектѣ Велепольскаго оно проистекало изъ желанія порвать связи новой гмины съ прошлою патримоніальною, опредѣляемою границами отдѣльныхъ помѣщичьихъ имѣній. Во вся-

Digitized by Google

комъ случаѣ, оно въ проектѣ Велепольскаго имѣетъ значеніе только второстепенное.

Не удостоивъ проектъ Велепольскаго ни одной похвалы, смѣшавъ его въ одну кучу со всѣми крѣпостническо-клерикальными затѣями прошлаго [1]) учредительный комитетъ приступилъ къ созданію своего новаго проекта, который и послужилъ основаніемъ одному изъ указовъ 19 февр. (2 марта) 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ. Намъ подлежитъ разсмотрѣть этотъ законъ объ устройствѣ гмины въ связи съ проектомъ Велепольскаго, чтобы опредѣлить взаимное ихъ отношеніе.

Совершенно послѣдовательно и въ духѣ крестьянской реформы въ Россіи, по положеніямъ 19-го февраля 1861 г., внутри гминъ, какъ крупныхъ союзовъ лицъ всѣхъ сословій, образованы меньшіе союзы — сельскія общества, но уже замкнутыя и чисто крестьянскія, изъ крестьянъ одного села, съ исключеніемъ изъ этого союза землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ не-крестьянъ, ихъ оффиціалистовъ, прислуги и наемныхъ работниковъ. Въ сельскомъ обществѣ главное лицо — выборный солтысъ; онъ созываетъ сходъ изъ всѣхъ домохозяевъ. На сходѣ могутъ участвовать и женщины, владѣющія усадебными участками. Эта сельская община есть новый пересаженный на почву царства польскаго русскій институтъ, полезный и цѣлесообразный. Сельская община была по-русски загорожена и отдѣлена отъ всего не-крестьянскаго; слѣдовало ли продолжать ту же стѣну и въ области единицы высшаго порядка — гмины, соотвѣтствующей русской *волости*, и устроить и эту волость-гмину сплошь изъ одного крестьянскаго элемента? Составители закона натолкнулись по этому вопросу на двойную невозможность: 1) нельзя было обойтись безъ войта, а войтъ не то что волостной старшина, онъ тоже что становой приставъ, невыдѣлимый изъ администраціи, послѣдній ея органъ — представитель правительства, по отношенію ко всѣмъ безъ различія состояній осѣдлыхъ въ извѣстной мѣстности, жителямъ; и 2) кодексъ Наполеона до того перемололъ всѣ состоянія, что они вовсе не существовали въ 1864 г., что дворянство сдѣлалось миѳомъ, и осталось только одно органическое, но не юридическое дѣленіе людей по профессіямъ и роду занятій. Итакъ, по необходимости надо было склониться къ идеѣ Велепольскаго и образовать всесословную волость, какъ «союзъ лицъ, всѣмъ сословіямъ принадлежащихъ» (стр. 36, п. 5). Но нисходя къ этой мысли, учредительный комитетъ поставилъ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ,

---

[1]) Стр. 33: „Таковы виды польской шляхты и польскихъ ксендзовъ на будущее!“

Digitized by Google

другую задачу (стр. 36, п. 6): «противопоставленіе вліянію шляхты и ксендзовъ новаго мірского начала: *громады*». Для достиженія этой цѣли необходимо было: 1) устранить отъ дѣлъ, выдѣливъ ее, всю интеллигенцію, всѣ лица, не обладающія поземельною собственностью, хотя и образованныя, хотя и въ высшей степени заинтересованныя въ благосостояніи гмины; 2) оставить въ гминѣ одного помѣщика и свести его съ крестьянами, поставивъ его изолированнаго съ ними на одной доскѣ; 3) прихлопнуть его, такимъ образомъ, численнымъ превосходствомъ громады предъ каждою входящею въ ея составъ единицею. Громада, по мѣрѣ того, какъ она растетъ, становится чѣмъ-то неустроеннымъ, она неспособна дѣйствовать осмысленно, безъ возложенія полномочія дѣйствовать на своихъ представителей. Даже и волостной сходъ въ Россіи образуется не изъ сельчанъ поголовно, а изъ представителей селеній: «избираемыхъ отъ каждаго селенія или поселка, къ волости принадлежащаго, по одному отъ каждыхъ *десяти* дворовъ» (ст. 71, общаго полож. о крест. въ особомъ прил. къ т. IX Св. Зак.). Выборное представительство по проекту Велепольскаго въ составѣ 9-членнаго или 15-членнаго гминнаго совѣта, могло казаться слишкомъ ограниченнымъ, тогда надлежало бы его расширить, удвоить, утроить число членовъ, подойдя къ началамъ русскаго волостного схода. Не такъ поступилъ учредительный комитетъ; онъ создалъ свой *гминный сходъ*, нѣчто напоминающее польскій сеймикъ или новгородское вѣче, собраніе всѣхъ членовъ всѣхъ сельскихъ громадъ поголовно, въ одну огромную массу, съ примѣсью къ нимъ всѣхъ вообще домохозяевъ-землевладѣльцевъ — собственниковъ, утопающихъ въ этой численно превозмогающей крестьянской массѣ, но съ самымъ рѣшительнымъ устраненіемъ и исключеніемъ всякихъ другихъ осѣдлыхъ въ гминѣ промышленниковъ, людей, живущихъ собственнымъ капиталомъ и доходомъ или занимающихся умственнымъ трудомъ. Изъ схода исключены по званію, хотя бы и владѣли собственною землею въ размѣрѣ, превышающемъ 3 морга, мѣстные мировые судьи, чины мѣстной полиціи, а главное—духовныя лица. Гминный сходъ созывается обязательно по четвертямъ года, четырежды въ году. Онъ избираетъ на всѣ гминныя должности, въ томъ числѣ и войта, лицъ членовъ схода христіанской вѣры, не моложе 25 лѣтъ, имѣющихъ двойной противъ другихъ цензъ, т.-е. не менѣе 6 морговъ (нѣсколько менѣе 4 десятинъ), причемъ устранены всякія условія образованія, даже сама грамотность не требуется (ст. 67). Всѣ должностныя лица на жалованьи (82). По русскому обычаю, господствующему въ состоя-

Digitized by Google

ніяхъ податныхъ, пріемъ должностей обязателенъ для избираемыхъ безъ отговорокъ (72). На каждую должность избираются два кандидата, изъ которыхъ уѣздный начальникъ утверждаетъ любого, а можетъ и совсѣмъ забраковать выборы, назначить новые, въ случаѣ же неудовлетворительности и тѣхъ новыхъ войти съ представленіемъ къ губернатору. По проекту Велепольскаго должность войта поставлена весьма почетно съ отвѣтственностью его за дѣйствія только по суду, но по закону 1864 г. уѣздному начальнику предоставлено штрафовать войта до высоты 5 р. или сажать его подъ арестъ на недѣлю. Хотя званіе войта съ этой стороны сильно понижено, но власть ему предоставлена большая надъ лицами всѣхъ званій, проживающими въ гминѣ: штрафовать ихъ до рубля и сажать подъ арестъ на время до двухъ дней. Сверхъ того, ему дано предсѣдательствовать въ гминномъ судѣ, изъ выборныхъ лавниковъ, рѣшающемъ дѣла о движимомъ имуществѣ и обязательствахъ до 30 руб. безапелляціонно и дѣла о маловажныхъ проступкахъ; это учрежденіе просуществовало до 1-го іюля 1875 г., когда съ введеніемъ судебной реформы въ царствѣ польскомъ устроены новые гминные суды безъ войта подъ предсѣдательствомъ особыхъ гминныхъ судей, дѣйствующіе хотя и въ коллегіальномъ составѣ, но на подобіе единоличныхъ мировыхъ судей имперіи и не имѣющіе съ прежними гминными судами ничего общаго. Отвергнувъ образованіе гминъ въ предѣлахъ прихода, законъ 19-го февраля 1864 г. предположилъ новое раздѣленіе царства сообразно потребностямъ края на гмины, но не осуществивъ его, оставилъ все по прежнему, т.-е. съ 3069 гминами, основанными на произвольныхъ очертаніяхъ границъ бывшихъ помѣщичьихъ имѣній, такъ-что затѣмъ остается открытымъ вопросъ, не согласнѣе ли было бы съ потребностями края и не раціональнѣе ли дѣленіе, совпадающее съ границами приходовъ, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ о границахъ нисколько не предрѣшаетъ другого вопроса объ участіи въ гминныхъ собраніяхъ духовенства?

Организацію гмины по идеѣ учредительнаго комитета нельзя назвать ни демократическимъ учрежденіемъ, ни опытомъ самоуправленія. Демократія предполагаетъ участіе массы въ общественныхъ дѣлахъ, но массы процѣженной при посредствѣ фильтра, называемаго представительствомъ; въ противномъ случаѣ оно будетъ не демократія, а охлократія: господство грубой черни. Громада въ сыромъ видѣ никогда не даетъ въ результатѣ самоуправленія, а обыкновенно ее ведутъ по своей волѣ ея опекуны, такъ-сказать, на помочахъ. Приведемъ слова автора, написавшаго

Digitized by Google

лучшую монографію по устройству гмины, г. Лапицкаго (Ateneum 1880, grudzień 432): «Сходъ не можетъ помѣститься ни въ одномъ изъ деревенскихъ строеній, посему онъ располагается бивуакомъ подъ открытымъ небомъ, а такъ-какъ нѣтъ наказа о томъ, какъ совѣщаться, то всѣ совѣщанія превращаются въ безпорядочное галдѣніе или въ разговоры въ отдѣльныхъ кружкахъ. Послѣ многочасового безплоднаго каляканья, когда утомленные и отощавшіе члены схода начинаютъ расходиться, войтъ съ писаремъ, если нуженъ приговоръ, или если начальникъ уѣзда поручилъ имъ заручиться приговоромъ, пишутъ постановленіе, которое кто-нибудь подписываетъ за неграмотныхъ. Голосованіе посредствомъ раздѣленія на двѣ расходящіяся въ разныя стороны партіи практикуется весьма рѣдко и то въ такихъ гминахъ, гдѣ имѣются войты, которые добросовѣстнѣе, нежели другіе, относятся къ своимъ обязанностямъ. Рѣдкій уѣздный начальникъ не вліяетъ на выборы, рѣдкій предоставляетъ сходу полную свободу; всего чаще онъ заправляетъ голосованіемъ, причемъ практикуются два метода: либо выкликается кандидатъ, котораго желаетъ начальство, послѣ чего предлагаютъ несогласнымъ на выборъ его выйти впередъ изъ толпы, чѣмъ причиняется психическое насиліе лицамъ, не обладающимъ гражданскимъ мужествомъ и не желающимъ навлекать на себя гнѣвъ начальства; либо называются два кандидата и предлагаютъ членамъ схода, чтобы они разошлись въ двѣ противоположныя стороны, одна группа за одного, а другая за другого кандидата, что крайне неправильно, потому что многіе члены схода могутъ одинаково недолюбливать обоихъ кандидатовъ или быть одинаково къ обоимъ расположены, а отъ нихъ непремѣнно требуютъ, чтобы они выбирали либо одного либо другого». Какъ ни далеко это устройство гмины отъ проекта Велепольскаго, но изъ этого проекта сдѣлано одно, хотя частичное, заимствованіе. Законъ 19 февраля 1864 г. устроилъ гмину далеко не всесословную, какъ предлагалъ Велепольскій, но скорѣе двусословную съ сліяніемъ въ ней во едино и мелкаго крестьянскаго, и крупнаго помѣщичьяго землевладѣнія. Этого одного заимствованія уже было достаточно для оказанія извѣстной доли пользы, но она проявилась неожиданно для опекуновъ крестьянства тѣмъ, что помѣщикъ всплылъ наверхъ въ этой двусословной гминѣ и сдѣлался во многихъ мѣстахъ войтомъ, а еще въ большемъ числѣ гминъ—гминнымъ судьею. Въ «Новомъ Времени» 28 апрѣля 1881, № 1854 (П.: «къ отвѣту польскому публицисту Голоса») по этому случаю помѣщенъ фельетонъ, который можно бы назвать «плачемъ Іереміи» о паденіи

Digitized by Google

всего того, что̀ насаждено Н. Милютинымъ. «Система Велепольскаго,—говоритъ этотъ писатель,—въ полномъ ходу: элементъ помѣщичій незамѣтно возобладалъ надъ крестьянствомъ, вопреки чаяніямъ Милютина, коего законодательныя мѣры утратили значеніе. Крестьянскій элементъ слишкомъ въ Польшѣ пассивенъ, чтобы можно было разсчитывать на него какъ на политическій факторъ. Въ извѣстномъ своемъ довѣріи къ его могуществу Милютинъ организовалъ всесословную волость, разсчитывая, что крестьянскій элементъ подчинитъ себѣ элементъ помѣщичій. Это, да будетъ позволено сказать,—крупная ошибка. При всесословной волости помѣщики, при помощи ксендзовъ, поведутъ крестьянъ куда угодно, особенно если добьются прекращенія крестьянскихъ сервитутовъ на своихъ земляхъ». Странная вещь! Система Милютина въ полномъ дѣйствіи, никто ее не отмѣнялъ; если же она не дала чаемыхъ результатовъ, значитъ, она сама въ томъ виновата; значитъ, по выраженію того же автора, «естественная сила вещей выпираетъ вонъ клинья», вбитые между различными классами связуемаго одною національностью населенія. Безуміемъ было бы противиться естественной силѣ вещей; нельзя искусственно подчинять одинъ элементъ другому, когда у нихъ оказываются общіе интересы. Съ этой точки зрѣнія не только не слѣдовало бы увѣковѣчивать нѣкоторыя ошибочныя идеи Н. Милютина и его друзей, идеи уже значительно устарѣвшія, не только не слѣдовало бы подкрѣплять новыми подпорками въ самой внутренней Россіи непроходимую стѣну, отдѣляющую помѣщиковъ отъ крестьянъ, но желательно было бы самой Россіи усвоить главныя идеи проекта Велепольскаго: всесословную волость или всесословный приходъ, участіе въ дѣлахъ этой наименьшей земской единицы всѣхъ интеллигентныхъ классовъ и занятій, съ устраненіемъ по возможности всякихъ перегородокъ между сословіями, наконецъ участіе въ земскомъ дѣлѣ всѣхъ осѣдлыхъ жителей не непосредственно нестройною толпою, а только посредствомъ земскаго представительства. Полагаю, что внѣ этихъ условій не можетъ установиться успѣшно и на прочныхъ основаніяхъ никакое земское самоуправленіе.

Digitized by Google

XVIII.

Законодательныя работы: высшіе органы самоуправленія, судъ.

Въ образованіи представительныхъ высшаго порядка органовъ самоуправленія Велепольскій принималъ только посредственное участіе. Онъ бы охотно держался по принципу установленій хартіи 1815 года и возстановилъ бы по возможности всѣ, кромѣ центральныхъ: сената и сейма, о которыхъ незачѣмъ было и мечтать. Въ Петербургѣ восторжествовало въ мартѣ 1861 года другое мнѣніе: придерживаться болѣе установленій органическаго статута 1832 г.; сама работа по этой части возложена главнымъ образомъ на В. Платонова и Карницкаго; выработанные ими проекты по представленію намѣстника удостоились Высочайшаго утвержденія въ Москвѣ 24 мая (5 іюня) 1861 г. въ формѣ пяти отдѣльныхъ законовъ: о *выборахъ*, о *совѣтахъ городскихъ*, *уѣздныхъ*, *губернскихъ* и о *государственномъ совѣтѣ*. И по малому участію въ этихъ законахъ самого Велепольскаго, и по эфемерному существованію этихъ установленій имъ слѣдуетъ удѣлить сравнительно меньшую долю вниманія. Ограничимся самымъ бѣглымъ ихъ очеркомъ.

Общія черты, присущія всѣмъ этимъ установленіямъ, кромѣ государственнаго совѣта, слѣдующія: 1) широкое участіе всѣхъ званій и занятій людей осѣдлыхъ въ мѣстности въ самоуправленіи, но не непосредственное, а только посредствомъ выборныхъ представительствъ; 2) малый комплектъ этого представительства, избираемаго на 6 лѣтъ, выбывающаго по частямъ, не засѣдающаго сплошь, а собирающагося только отъ времени до времени, періодически; 3) вліяніе тревожнаго времени отразилось въ постановленіяхъ о негласности засѣданій этихъ собраній, совѣщающихся при закрытыхъ дверяхъ. Общій законъ о выборахъ требуетъ отъ избираемыхъ 25 лѣтъ возраста, грамотности (умѣніе читать и писать по-польски) и *имущественнаго* ценза, опредѣляемаго либо высотою *податей* съ недвижимости (6 рублей, платимые либо собственниками, либо вѣчными чиншевиками, эмфитевтами, либо священниками съ церковныхъ земель; въ городахъ высота подати, дающая право быть избираемымъ, сведена до 4 р.; арендаторы и въ уѣздѣ и въ городѣ состоятъ избираемыми при условіи платежа податей свыше утроенныхъ минимумовъ 6 и 4, т.-е. 18 р. въ уѣздахъ и 12 въ городахъ), либо доказаннымъ постояннымъ *доходомъ* не менѣе 180 руб., либо цѣною найма квартиры не менѣе 60 р. въ годъ. Выборами руководятъ миро-

Digitized by Google

вые судьи или президенты городовъ. Выборный сходъ не можетъ состоять изъ большаго числа нежели 600 человѣкъ, въ противномъ случаѣ, онъ дѣлится на отдѣленія; городъ Варшава имѣетъ 12 такихъ избирательныхъ коллегій по числу околотковъ. Условія отъ избираемыхъ въ совѣты уѣздные и городскіе: 30 лѣтъ, 15 р. подати съ недвижимости въ уѣздѣ или 10 р. въ городахъ (арендаторы втрое больше), постоянный доходъ или высота найма квартиры устранены, какъ показатели имущественнаго ценза съ движимости, но за то открытъ доступъ въ совѣты и неизбирателямъ, имѣющимъ особыя условія по образованію или роду занятій: профессора общихъ учебныхъ заведеній, ученые, художники, литераторы, купцы, фабриканты и мастера, содержащіе извѣстное число подмастерьевъ (10 въ уѣздѣ, 3 въ городѣ).

Наименьшею долею самостоятельности въ самоуправленіи надѣлены были города; они были центромъ революціоннаго движенія, и могло явиться нелишенное основанія опасеніе, чтобы муниципальныя власти, вновь образованныя, не сдѣлались органами повстанія. Только *городской совѣтъ*, соотвѣтствующій нашей городской думѣ, былъ выборный (въ Варшавѣ—изъ 24, въ второстепенныхъ городахъ—изъ 12, а въ третьестепенныхъ—изъ 8 членовъ). Но образованіе *магистрата*, соотвѣтствующаго нашей городской управѣ, олицетворяющаго исполнительную власть и состоящаго изъ президента и 2 или 3 ратмановъ, зависѣло больше всего отъ правительства, которое само назначало отъ себя президента и утверждало въ званіи ратмановъ кандидатовъ, представляемыхъ совѣтами. Совѣту управленія царства польскаго предоставлена власть по усмотрѣнію распускать строптивые городскіе совѣты и назначать временные новые впредь до выборовъ, долженствующихъ послѣдовать не позже 6 мѣсяцевъ отъ дня, когда упраздняемый совѣтъ былъ распущенъ. Городскіе органы самоуправленія не состоятъ ни въ какой связи съ земскими, т.-е. съ уѣздными и губернскими совѣтами, которые по устройству своему очень похожи на русскія уѣздныя и земскія собранія по положенію 1 января 1864 года, въ томъ отношеніи, что губернскій совѣтъ состоитъ изъ выборныхъ отъ уѣздныхъ совѣтовъ (по одному отъ уѣзда), но не составляетъ высшей инстанціи для дѣлъ вѣдаемыхъ уѣздными совѣтами, такъ-что и губернскій, и уѣздные дѣйствуютъ самостоятельно. Губернскій совѣтъ собирается разъ въ году, уѣздные—четыре раза. Въ губернскомъ присутствуетъ губернаторъ въ роли правительственнаго коммиссара и съ правомъ протеста и даже остановки засѣданій, въ уѣздномъ эти же права принадлежатъ начальнику уѣзда. Губернскому со-

Digitized by Google

вѣту предоставлено всеподданнѣйше ходатайствовать о нуждахъ и потребностяхъ губерніи чрезъ посредство государственнаго совѣта. Какъ въ губернскихъ, такъ и въ уѣздныхъ совѣтахъ предсѣдательствуетъ одинъ изъ членовъ совѣта по назначенію отъ правительства.

Вершиною, вѣнчающею зданіе новыхъ пожалованныхъ институтовъ, былъ особый, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, государственный совѣтъ царства польскаго, учрежденіе по устройству аналогичное съ государственнымъ совѣтомъ имперіи, лишенное совсѣмъ выборнаго элемента и состоящее либо изъ лицъ засѣдающихъ въ совѣтѣ по званію (министровъ, членовъ совѣта управленія), либо изъ заслуженныхъ сановниковъ, назначаемыхъ безсрочно для присутствованія и въ отдѣленіяхъ, и въ общемъ собраніи совѣта, либо изъ временныхъ членовъ тоже по назначенію, присутствующихъ только въ общемъ собраніи. Велепольскій не могъ не знать, что этотъ институтъ уже по своему составу, при возбужденномъ состояніи умовъ и при находящихся въ обращеніи широкихъ надеждахъ, не можетъ быть популяренъ въ массахъ, но онъ разсчитывалъ на возможность привлечь къ содѣйствію въ работахъ государственнаго совѣта людей серьёзныхъ и пользующихся авторитетомъ. Онъ полагалъ въ особенности развить учрежденіе временныхъ членовъ, призываемыхъ по 2 ст. закона о госуд. совѣтѣ, изъ епископовъ, предсѣдателей и членовъ губернскихъ совѣтовъ, и земскаго кредитнаго общества, однимъ словомъ, изъ именитѣйшихъ обывателей и свѣтилъ мѣстнаго общества. Тѣмъ моральнымъ представительствомъ края, какимъ было земледѣльческое общество, могло бы сдѣлаться и общее собраніе государственнаго совѣта, собирающееся ежегодно 1 октября (19 сентября). При горячемъ участіи этого обывательскаго элемента, онъ бы бралъ верхъ надъ сановнымъ при окончательномъ разрѣшеніи вопросовъ, только подготовляемыхъ въ отдѣленіяхъ. Обывательскій элементъ привлекаемъ былъ туда прежде всего обусловливающимъ его участіе въ преніяхъ употребленіемъ польскаго языка. На этотъ счетъ Велепольскій былъ весьма категоричнъ и заявлялъ (Le marquis W. II, 199), что такъ какъ онъ не знаетъ русскаго языка, то въ случаѣ введенія этого языка онъ не могъ бы участвовать ни въ совѣтѣ управленія, ни въ государственномъ. Новымъ членамъ изъ обывателей не могла нравиться устанавливаемая закономъ (ст. 35) негласность засѣданій, но ихъ не могли не поражать разнообразіе предметовъ вѣдомства и громадная важность предлагаемыхъ имъ на рѣшеніе задачъ. Государственный совѣтъ въ своихъ отдѣленіяхъ вѣдалъ дѣла такъ-называемой

Digitized by Google

административной юстиціи, пререканія о подсудности, отдавалъ подъ судъ и судилъ за преступленія по должности, начиная съ министровъ и кончая губернаторами. Для докладовъ по этимъ дѣламъ существовали по отдѣленіямъ особые референдаріи, а для защиты особые адвокаты при государственномъ совѣтѣ. Въ общемъ собраніи государственный совѣтъ разсматривалъ законопроекты, бюджеты царства польскаго, отчеты министровъ, ходатайства губернскихъ совѣтовъ и совѣты города Варшавы о нуждахъ и потребностяхъ населенія, наконецъ, всевозможныя жалобы на злоупотребленія должностныхъ лицъ и нарушенія ими законовъ, а также давалъ свои заключенія по всѣмъ дѣламъ и вопросамъ, по которымъ таковыя заключенія требовались бы намѣстникомъ. При государственномъ совѣтѣ положено состоять особому статсъ-секретарю; должность эту занялъ Ю. Энохъ. Можно было предвидѣть, что намѣстникъ будетъ не часто присутствовать, а потому положено во время его отсутствія предсѣдательствовать особому вице-президенту по Высочайшему назначенію.

На общее собраніе государственнаго совѣта царства польскаго перешли теперь спеціальныя функціи бывшаго общаго собранія варшавскихъ департаментовъ сената, остались самые эти департаменты, IX и X, одинъ — гражданскій — другой уголовный, судящіе въ послѣдней инстанціи дѣла и только по нумераціи связанные съ сенатомъ имперіи, такъ какъ никогда не практиковался переносъ дѣлъ изъ Варшавы въ Петербургъ чрезъ коммиссію прошеній въ государственный совѣтъ имперіи. Въ интересѣ Велепольскаго по его автономистической программѣ было разорвать и эту номинальную связь высшихъ варшавскихъ судилищъ съ Петербургомъ; предположено переименовать оба департамента, IX и X, въ одинъ судъ наивысшей инстанціи, подраздѣляющійся на двѣ палаты, уголовную и гражданскую (A. W. II, 168); впрочемъ, осуществленіе этого проекта отложено было впредь до выработки проекта, за который взялась уже послѣ 8 апрѣля 1861 г. коммиссія юстиціи подъ управленіемъ Велепольскаго, общаго преобразованія въ царствѣ польскомъ и судоустройства и судопроизводства. Эта задача поздно была предпринята и не подвинулась впередъ по недостатку времени, такъ что до самаго повстанія 1863 г. она носилась предъ Велепольскимъ въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ. Гражданскій судъ не представлялъ большихъ затрудненій; слѣдовало только примкнуть какъ можно ближе къ первообразу судовъ гражданскихъ царства польскаго: французскому судоустройству, отбросивъ пристроенное послѣ 1830 г.

Digitized by Google

и заведя немногія перемѣны, требуемыя обстоятельствами времени. По уголовной части приходилось все созидать за-ново, чтобы вырваться на свѣжій воздухъ изъ затхлаго канцелярско-келейнаго производства съ теоріею законныхъ доказательствъ, пропитаннаго запахомъ XVII и XVIII вѣковъ. Образцы отсутствовали; русскіе судебные уставы еще не существовали, не было даже основныхъ положеній. Между польскими теоретическими и практическими законовѣдами были хорошіе цивилисты, не было вовсе криминалистовъ. Не изъ-чего было и образовать редакціонную коммиссію, которая бы задалась работою выбиранія изъ иностранныхъ законодательствъ всего, что̀ получше, и эклектическаго укладыванія заимствованныхъ частей въ то свое собственное, подобное тому, которое возникло подъ именемъ уставовъ 20 ноября 1864 г., уже усвоено русскою національностью и разсматривается ею, какъ свое неотъемлемое и коренное. Ни Велепольскій, ни его сотрудники въ коммиссіи юстиціи не забѣгали далеко и ни о чемъ крупномъ, новомъ и не думали, ни о судѣ присяжныхъ, ни о введеніи выборнаго начала въ судоустройство. Предполагаемо было раздѣленіе края на 250 мировыхъ округовъ для столькихъ же судей отъ правительства, судящихъ менѣе цѣнныя дѣла гражданскія и менѣе важные проступки и, можетъ быть, производящихъ предварительныя слѣдствія (A. W. III, 483). Едвали выработано было понятіе о судебномъ слѣдствіи, предположено свести рѣшающія дѣла по существу инстанціи къ двумъ вмѣсто трехъ (упразднивъ апелляціонный судъ) и ввести нѣкоторыя изъ формъ аккузаціоннаго судопроизводства или такъ-называемаго состязательнаго при разрѣшеніи дѣлъ по актамъ предварительнаго слѣдствія, а именно допустить пренія на судѣ между обвинителемъ-прокуроромъ и защитникомъ изъ установленныхъ при судилищахъ адвокатовъ. Находясь, какъ министръ юстиціи, въ постоянномъ почти столкновеніи съ военно-слѣдственными и военно-судными коммиссіями, вѣдающими дѣла о всѣхъ политическихъ преступленіяхъ и проступкахъ, начиная отъ простыхъ уличныхъ безпорядковъ до бунта, заговора и государственной измѣны, Велепольскій многократно, но безуспѣшно хлопоталъ въ 1861 г. (A. W. II, 171), чтобы такія политическія преступленія передавались обыкновеннымъ уголовнымъ судамъ гражданскаго вѣдомства, а болѣе тяжкія судились главнымъ судомъ по политическимъ преступленіямъ (Główny Sąd stanu), составленнымъ, какъ и верховный уголовный судъ имперіи, на половину изъ сенаторовъ (изъ IX и X

Digitized by Google

департаментовъ), на половину изъ членовъ государственнаго совѣта царства польскаго.

Существенно важно было для царства польскаго освободиться въ возможно скорѣйшемъ времени отъ одного изъ худшихъ произведеній законодательства, составленнаго въ чисто византійскомъ стилѣ и даже по своей техникѣ не выдерживающаго никакой критики, а именно, отъ Kodeks'a kagłównych i poprawczych 1847 г., составляющаго почти дословный переводъ нашего уложенія о наказаніяхъ, изд. 1845 г., который признается нынѣ и въ Россіи однимъ изъ главныхъ тормазовъ, мѣшающихъ развитію и усовершенствованію уголовнаго суда. На первыхъ же порахъ, послѣ открытія государственнаго совѣта въ Варшавѣ, законодательное его отдѣленіе внесло въ общее собраніе предложеніе, которое было принято въ засѣданіи 25 ноября 1861 г. о томъ, чтобы отмѣнить кодексъ 1847 г. и возстановить сеймовое уголовное уложеніе 1818 г., которое, хотя никогда не считалось образцомъ совершенства, но и по духу, и по изложенію было неизмѣримо выше замѣнившаго его кодекса 1847 года.

Мы начертили всю программу Велепольскаго, всѣ его планы о преобразованіяхъ общественныхъ и административныхъ въ царствѣ польскомъ. Теперь намъ предстоитъ изобразить, какъ онъ стоялъ за свои идеи, съ какими препятствіями и противниками боролся и какъ, наконецъ, онъ не справился съ задачею и былъ побѣжденъ въ этой весьма неровной борьбѣ, въ которой ему приходилось сражаться чуть ли не одному противъ всѣхъ.

В. Спасовичъ.

Digitized by Google

СОЛЯНОЙ НАЛОГЪ

и

ПОСЛѢДСТВІЯ ЕГО ОТМѢНЫ

въ Англіи и Россіи.

I.

Нѣтъ сомнѣнія, что изслѣдованіе результатовъ отмѣны какого-либо налога въ странѣ представляетъ собой задачу, весьма трудную и отчасти даже неблагодарную. Множество совмѣстно дѣйствующихъ причинъ мѣшаютъ нерѣдко выяснить въ достаточной степени и выдѣлить то вліяніе, которое въ какой-либо отрасли народнаго хозяйства принадлежитъ, напримѣръ, отмѣнѣ соляного налога. Кромѣ того, налогъ, непріятный для народа, пока онъ существуетъ, вызываетъ противъ себя равно здравую критику и протесты, а также и рѣзкіе, нерѣдко преувеличенные отзывы и страстное обсужденіе; но разъ цѣль достигнута, нелюбимый налогъ отмѣненъ, то о хорошихъ сторонахъ такой реформы забываютъ весьма скоро, а если и поминаютъ, то по поводу лишь какихъ-нибудь новыхъ неудобствъ или осложненій. Въ результатѣ, такимъ образомъ, получается весьма незначительный матеріалъ, съ помощью котораго возможно непосредственно познакомиться съ дѣйствительными послѣдствіями данной реформы. Справедливость этого положенія сказывается, между прочимъ, и на исторіи отмѣны соляного налога: съ 1825 года (времени отмѣны его въ Англіи), въ англійской литературѣ почти не встрѣчается, кромѣ мимоходно брошенныхъ замѣчаній въ экономическихъ трудахъ

Digitized by Google

или въ парламентскихъ преніяхъ, никакихъ прямыхъ указаній на тѣ или иныя послѣдствія соляной реформы. Чуть не единственнымъ исключеніемъ являются лишь труды коммиссіи 1836 г. о соляномъ налогѣ въ Индіи, въ которой нѣкоторыми изъ допрашиваемыхъ лицъ были прямо предлагаемы вопросы о томъ вліяніи, какое отмѣна соляного налога въ Англіи оказала на ея народное хозяйство.

Но какъ ни трудно, слѣдовательно, ознакомиться съ этими послѣдствіями, и хотя это ознакомленіе возможно лишь въ нѣкоторыхъ, болѣе рельефныхъ, случаяхъ и сравнительно въ узкихъ рамкахъ, тѣмъ не менѣе, оно не можетъ для насъ русскихъ не быть полезнымъ и поучительнымъ, такъ-какъ *на основаніи чужого опыта*, мы можемъ яснѣе судить о значеніи собственной, только-что совершенной соляной реформы и имѣть, наконецъ, точку отправленія, чтобы составить себѣ представленіе о тѣхъ *вѣроятныхъ послѣдствіяхъ*, которыя можно отъ нея ожидать для Россіи [1]).

Общая суть всѣхъ ожиданій отъ отмѣны соляного налога въ Англіи, какъ и у насъ, сводилась къ *увеличенію потребленія соли* во всѣхъ видахъ и къ тѣмъ благимъ послѣдствіямъ, которыя отсюда необходимо должны произойти. Современники считали соляной налогъ въ тридцать, а нѣкоторые (напримѣръ, анонимный авторъ «Арматы») даже въ сорокъ разъ превышавшимъ истинную стоимость соли. Предполагалось, слѣдовательно, и соотвѣтственное уменьшеніе ея цѣны послѣ отмѣны налога, а съ нимъ и увеличеніе, какъ ея производства, такъ ея потребленія. Отмѣна налога была произведена въ Англіи не сразу, а въ теченіе трехъ лѣтъ (въ 1823—25 г.), а потому и цѣна на соль понижалась постепенно; но и послѣ полной отмѣны, цѣна соли понизилась въ Англіи съ $4^1/_2$ пенсовъ за фунтъ, при розничной продажѣ на $^1/_4$ пенса или на одинъ фартингъ, т.-е. въ восемнадцать разъ, а при оптовой—въ двадцать, т.-е., по крайней мѣрѣ, на одну треть менѣе того, что ожидалось [2]). Кромѣ того, оказалось, что отмѣна налога не сообщила цѣнѣ соли большей твердости и постоянства, а, напротивъ, усилила колебанія. Средняя цѣна обыкновенной поваренной соли отъ 1845 по 1850

[1]) См. статью того же автора, о причинахъ и исторіи отмѣны соляного налога въ Англіи, въ „Отечественныхъ Запискахъ", за февраль настоящаго года.

[2]) Если же вѣрить Кингзетту, то соль спустилась въ цѣнѣ за отмѣной налога съ 35 ф. с. за тонну на 2 ф. 10 шил., т.-е. подешевѣла всего лишь въ четырнадцать разъ. См. The History, Products and Processes of the Alkali Trade, by Charles Th. *Kingzett*. London, 1879, стр. 72.

Digitized by Google

годъ, напримѣръ, равнялась 7 шил. 6 пен. за тонну на мѣстѣ производства; затѣмъ она нѣсколько разъ падала до 5 шил., а также поднималась до 12 шил. Въ 1863—64 гг. цѣна достигла крайняго минимума въ теченіе всего столѣтія — 3 шил. 9 пен. за тонну, а въ 1872 году, послѣ нѣсколькихъ скачковъ, дошла до огромной цифры 20 шиллинговъ [1]).

Какъ бы то ни было, а такое сильное пониженіе — въ восемнадцать разъ — должно было оказать все-таки благодѣтельное вліяніе на оживленіе производства и торговли солью. Около 1825 года, напримѣръ, въ двухъ важнѣйшихъ пунктахъ добычи соли: въ Норгвичѣ и Винсфордѣ, производство ея не превосходило 250,000 тоннъ въ годъ; въ настоящее же время оно достигло въ этихъ двухъ мѣстахъ до 1.250,000 тоннъ, или возросло въ пять разъ. Въ 1817 году добыча соли въ Англіи не превосходила 10.000,000 бушелей, изъ которыхъ за-границу вывозилось около половины или 5.000,000 бушелей [2]); въ 1844 году, лишь за-границу Англія отправляла свыше 13.000,000 бушелей и такое же количество удерживала для туземнаго потребленія. Въ одни Соединенные-Штаты она уже отправляла почти столько же, сколько 25 лѣтъ тому назадъ всего за-границу. Въ цѣломъ, въ 1844 году производство соли, считая его въ тоннахъ, уже составляло 1.306,224 тонны, т.-е. количество *въ два съ половиною раза* больше, нежели до уничтоженія налога. Въ настоящее время вся добыча въ Англіи составляетъ не менѣе *двухъ милліоновъ тоннъ*, изъ которыхъ около половины вывозится за-границу, а остальное потребляется дома [3]). Большую часть свѣта Англія снабжаетъ въ настоящее время своею солью; но главнѣйшіе ея покупатели — Остъ-Индія, куда отправляется болѣе

---

[1]) См. A Cyclopoedia of Commerce by William *Waterston*. A New Edition by P. S. *Simmonds*. 1863, стр. 594; а также: British Manufacturing Industries, edited by G. P. *Bevan*. Salt, Preservation of Food, etc. by I. I. *Manley*. Second edition. 1878, стр. 43.

[2]) *Parliamentary Papers*. Accounts and Papers. 1818. Vol XIV etc., стр. 217.

[3]) Всѣ статистическія данныя о количествѣ соли отличаются необыкновенными противорѣчіями, и за послѣднее время несомнѣнно ниже истинныхъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ оффиціальномъ донесеніи весь вывозъ соли изъ Англіи за-границу составляетъ 833,701 тонну; между тѣмъ, въ другомъ изданіи, частномъ, но весьма солидномъ, отпускъ соли, только изъ двухъ пунктовъ, Ливерпуля и Рѣнкорна, показывается въ 943,971 тонну. См. *Parl. Papers*. Report to the Secretary of the Board of Trade on the Prices of Exports of British and Irish Products in the years 1861—1877, стр. 10—15; и *Salt Chamber of Commerce*. Report of the Council, presented to the Chamber at the 12-th annual Meeting held at Northwich 29 July, 1870, стр. 30.

Digitized by Google

311,000 тоннъ въ годъ, Соединенные-Штаты Сѣверной Америки (болѣе 212,000 тоннъ) и прибалтійскія государства Европы (въ ихъ числѣ главное мѣсто Россія), куда Англія ежегодно шлетъ свыше 100,000 тоннъ соли.

Такимъ образомъ, мы видимъ, производство и торговля соли въ Англіи, со времени отмѣны налога, значительно увеличились и расширились (въ сложности болѣе, чѣмъ въ четыре раза), и этому не мало способствовала, нѣтъ сомнѣнія, отмѣна налога. Конечно, за тотъ же періодъ времени нѣкоторыя другія производства въ Англіи и отрасли торговли усилились и разрослись еще болѣе, нежели соль, напримѣръ, хлопчато-бумажное или желѣзное, но это весьма легко объясняется слѣдующими соображеніями. Какъ ни важна по своимъ свойствамъ и примѣненіямъ соль, тѣмъ не менѣе, въ качествѣ предмета питанія (главное ея назначеніе), ея потребленіе имѣетъ свой естественный ограниченный предѣлъ, дальше котораго оно не можетъ идти; обратно съ предметами второстепенной необходимости, распространеніе которыхъ гораздо болѣе растяжимо. Что касается до ея примѣненія къ сельскому хозяйству и фабрично-заводской промышленности, то какъ бы оно ни было велико и разнообразно, но и тутъ, конечно, оно является гораздо болѣе узкимъ и ограниченнымъ сравнительно, напримѣръ, съ производствомъ хлопка, желѣза или добываніемъ каменнаго угля, которые чуть не ежедневно получаютъ новыя области примѣненія и находятъ себѣ новые рынки. Не надо забывать также, что въ Англіи до отмѣны налога соль, предназначенная для заграничнаго вывоза, земледѣлія и скотоводства и частью промышленности, была свободна отъ обложенія; въ противномъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, контрастъ между теперешними размѣрами соляного промысла въ Англіи и существовавшими до отмѣны налога былъ бы гораздо рѣзче и значительнѣе. Что касается до возрастанія соли для потребленія прямо въ пищу, то и тутъ замѣчается увеличеніе, хотя можетъ быть и не столь значительное, какое предполагалось. Какъ видно изъ сообщенія Крауфорда передъ парламентской соляной коммиссіей, въ началѣ нынѣшняго вѣка, въ трехъ англійскихъ рабочихъ домахъ, имъ взятыхъ для образца, потребленіе соли составляло 16 фунтовъ на душу, что онъ и считаетъ за минимумъ потребленія соли на человѣка въ Англіи; средняя величина, конечно, нѣсколько больше и равнялась 18 фунтамъ [1]). Въ настоящее время

[1]) *Parl. Papers.* Reports and Committees, Select Committee on Salt (British India). Vol. XVII, Appendix. 1836. Стр. 187.

Digitized by Google

по послѣднему извѣстному мнѣ вычисленію, этотъ минимумъ потребленія соли въ Великобританіи, по Маккуллоху, равняется 22 фунтамъ, т.-е. на цѣлыхъ 4 фунта выше противъ средняго размѣра потребленія, какимъ оно было до отмѣны налога [1]).

Но чтобъ судить о значеніи этого размѣра потребленія, нужно сопоставить Англію съ другими странами. Наибольшая послѣ Англіи, изъ извѣстныхъ мнѣ данныхъ, цифра потребленія соли для человѣческой пищи имѣетъ мѣсто въ герцогствѣ Баденскомъ, гдѣ она составляетъ 18,11 германскихъ таможенныхъ фунтовъ на человѣка; въ Баваріи она равняется 16,66 фунтамъ, во Франціи—16,60, Россіи—16,48 [2]), Пруссіи—15,53, Австріи—14,37 и т. д. [3]). Короче, въ Англіи, единственной изъ всѣхъ приведенныхъ странъ, до послѣдняго времени свободной отъ соляного налога, потребленіе соли есть наибольшее, и во всѣхъ приведенныхъ странахъ размѣры потребленія почти не превосходятъ, принимая даже во вниманіе разницу германскаго фунта отъ англійскаго, тотъ размѣръ, который существовалъ въ Великобританіи при тяжеломъ соляномъ налогѣ болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ.

Перемѣна, произведенная уничтоженіемъ налога на производство соли, была настолько значительна, что не могла не бросаться въ глаза современникамъ этой отмѣны, близко стоявшимъ къ соляному дѣлу. Такъ, когда въ 1836 году (черезъ 10 лѣтъ послѣ отмѣны налога) былъ назначенъ парламентомъ комитетъ для изслѣдованія вопроса о снабженіи солью Индіи и о тамошней соляной монополіи, то изъ присяжныхъ допросовъ передъ этой коммиссіей разныхъ лицъ весьма характерны были показанія одного солепромышленника въ Нортвичѣ, Вильяма Вортингтона. *Вопросъ председателя:* «Думаете ли вы, что уничтоженіе у насъ налога произвело перемѣну въ соляной промышленности?» *Отвѣтъ Вортингтона:* «Очень большую перемѣну».— *Вопросъ:* «Полагаете ли вы, что она расширилась въ значительной степени?» *Отвѣтъ:* «Да, совершенно такъ, очень расширилась.»—*В.:* «Какъ много капитала было затрачено въ послѣдніе

---

[1]) *M'Culloch's* Commercial Dictionary. Art. *Salt.* Стр. 1202.

[2]) По „Ежегоднику министерства финансовъ" показывается потребленіе соли въ Россіи Европейской 26 ф. и Сибири 12 ф. Но здѣсь, вѣроятно, вычисляется все потребленіе соли въ странѣ для всѣхъ цѣлей (а идетъ не мало на промышленность); въ свѣдѣніяхъ же, выше помѣщенныхъ—лишь потребленіе на пищу людей. Германскій таможенный фунтъ больше русскаго болѣе чѣмъ на одну пятую.

[3]) Das Salz. Eine volkswirthschaftliche und finanzielle Studie von D-r *Alfred Schmidt.* 1874. Стр. 38.

Digitized by Google

годы на воздвиженіе новыхъ солеварень въ вашей мѣстности?» *О.*: «Немедленно за отмѣной налога замѣчается ихъ большое увеличеніе, по меньшей мѣрѣ вдвое сравнительно съ прежнимъ, и вслѣдствіе того цѣны на соль понизились, *благодаря большой и неожиданной конкурренціи*».—*В.*: «Много ли было сдѣлано улучшеній за послѣдніе годы въ способахъ очистки соли?» *О.*: «Да, много».—*В.*: «Со времени уничтоженія налога на соль, большое ли увеличеніе произошло въ этомъ производствѣ?» *О.*: «Да, большое увеличеніе».—*В.*: «Думаете ли вы, что теперь бо́льшее количество соли потребляется для кулинарныхъ цѣлей, не говоря о ея мануфактурныхъ примѣненіяхъ, нежели въ то время, когда соляной налогъ еще существовалъ?» *О.*: «Теперь потребляется несравненно больше».—*В.*: «Думаете ли вы, что рабочіе въ настоящее время потребляютъ соли гораздо больше, чѣмъ до уничтоженія налога?» *О.*: «Совершенно такъ, они потребляютъ больше, потому что не стѣсняются, какъ прежде, цѣной».—*Вопросъ* одного изъ членовъ коммиссіи: «Со времени отмѣны, не замѣчается ли увеличенія спроса на ту соль, которая идетъ для домашнихъ цѣлей?» *Отвѣтъ:* «Очень значительное» [1]).

Какъ ни высоко въ Англіи потребленіе соли въ настоящее время сравнительно съ другими странами, но оно было бы еще выше, еслибъ не существовало условій, которыя, за послѣднее время въ особенности, сильно уменьшаютъ ея потребленіе. Дѣло въ томъ, что это потребленіе до нѣкоторой степени обусловливается свойствомъ и характеромъ народной пищи и частью зависитъ даже отъ столь, повидимому, отдаленныхъ факторовъ, какъ улучшеніе и быстрота путей сообщенія и успѣхи современной техники. Какъ извѣстно, растительная пища вообще требуетъ гораздо больше приправы солью, нежели мясная, почему даже англійскіе размѣры потребленія соли въ пищу, при потребленіи въ Англіи мяса въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, были бы недостаточны для Россіи, живущей преимущественно на растительной пищѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ во многихъ злакахъ химики едва могутъ найти слѣды присутствія соли, въ сыромъ мясѣ, по изслѣдованію Либиха, заключается не менѣе 3,5% соли, а въ вареномъ—1%, и слѣдовательно, при мясной пищѣ, особенно въ сыроватомъ видѣ, какъ это принято у англичанъ, почти можно обходиться совсѣмъ безъ соли.

---

[1]) *Parl. Papers. Salt* (India). Report from Select Committee on Salt (British India) with Minutes of Evidence and Appendic. 1836. Vol. XVII. Стр. 1—11.

Digitized by Google

Дешевая соль послѣ отмѣны налога должна была, конечно, удешевить соленое мясо всякаго рода и увеличить его потребленіе; но почти въ одно время съ отмѣной произошло весьма важное улучшеніе въ способахъ сохраненія мяса и иной пищи, причемъ найдена возможность обходиться почти безъ соли.

Мы разумѣемъ приготовленіе такъ называемыхъ *консервовъ* въ герметически закупоренныхъ жестянкахъ. Этотъ родъ промышленности въ Англіи получилъ свое начало почти въ одно время съ отмѣной соляного налога. Одна изъ старѣйшихъ промышленныхъ фирмъ этого рода, Диллонъ и К⁰ въ Лейдсѣ, была основана еще въ 1817 году, а съ 1829 года ведетъ производство мяса, рыбы и разнаго мясного сока въ консервахъ на крупную цифру. Другая большая промышленная фирма того же рода, Мойръ и Сынъ въ Эбердинѣ (центры этого производства) въ Шотландіи, приготовляетъ съ 1822 года въ огромномъ количествѣ консервы мяса, дичи, домашней птицы и рыбы, преимущественно лососины. Насколько велики размѣры производства этой консервной фабрики, можно судить по тому, что во время крымской войны она могла поставлять по заказу военнаго министерства ежедневно по 5,000 жестянокъ, каждая въ 6 фунтовъ мяса. Такихъ консервныхъ заведеній въ Англіи въ настоящее время насчитывается до десяти, и консервы не могутъ, конечно, служа замѣной солонинѣ, не вліять репрессивно на потребленіе соли.

Еще болѣе имѣетъ значеніе огромный, ежегодно увеличивающійся, ввозъ въ Англію тѣхъ же мясныхъ консервовъ изъ Австраліи и Америки; а за послѣдніе годы, благодаря быстротѣ сообщеній и нѣкоторымъ техническимъ пріемамъ, найдена возможность доставлять на англійскіе рынки даже битый скотъ въ свѣжемъ видѣ. Въ 1879 году было ввезено мяса въ консервахъ и въ свѣжемъ видѣ болѣе, чѣмъ на 3.000,000 ф. с. Сверхъ того, соль, идущая на приготовленіе привозимаго въ Англію соленаго мяса, сыра, масла и прочихъ продуктовъ, безъ сомнѣнія, не входитъ въ разсчетъ туземнаго потребленія соли; а между тѣмъ, Англія ежегодно ввозитъ одной солонины болѣе, чѣмъ на 400,000 ф. с., свинины (свѣжей и соленой)—на 691,369 ф. и главное окороковъ и ветчины, на огромную сумму—8.880,223 ф. с. въ годъ [1]).

Само собой разумѣется, если принять всѣ приведенныя данныя во вниманіе, то истинное потребленіе соли въ Англіи слѣ-

[1]) *Agricultural Returns* of Great Britain with Abstract Returns for the United Kingdom. 1880. Стр. 133.

Digitized by Google

дуетъ считать гораздо выше, нежели то, которое показано было по Маккуллоху (22 фунта на человѣка), и слѣдовательно, прогрессъ въ этомъ отношеніи, сдѣланный ею со времени отмѣны соляного налога, окажется еще серьёзнѣе и значительнѣе.

Сказанное о вліяніи путей сообщенія какъ фактора, видоизмѣнившаго размѣры потребленія соли въ Англіи, послѣ отмѣны налога, еще въ большей степени примѣняется къ рыболовству и потребленію рыбы. На рыболовство въ Англіи всегда привыкли смотрѣть, какъ на источникъ морской силы Великобританіи и слѣдовательно ея богатства и могущества, и возлагали большія надежды на отмѣну налога. Рыбная ловля, нѣтъ сомнѣнія, представляетъ сама по себѣ весьма прибыльный промыселъ для народа и важный источникъ дохода. «Берега Великобританіи,— говоритъ одинъ англійскій писатель,—доставляютъ такую продолжительную и выгодную морскую жатву всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ надъ ней потрудиться съ прилежаніемъ, что ни одно время года не проходитъ безъ возможности выгоднаго занятія рыболовствомъ, которое продолжается круглый годъ съ начала и до конца, въ томъ или другомъ углу королевства, доставляя въ руки рыбаковъ такія миріады и толпы рыбъ, что это не можетъ не возбуждать справедливаго удивленія не только иностранцевъ, но и самихъ тружениковъ, которые заняты этимъ дѣломъ». Такимъ образомъ, рыболовство для Великобританіи, это—жатва, готовая для сбора круглый годъ и во всякое время, безъ всякаго труда на пашню, безъ издержекъ на сѣмена и удобреніе, безъ платежа ренты и налоговъ... Но продукты моря доставляются сравнительно даже въ болѣе изобильныхъ размѣрахъ, нежели продукты земли. Наиболѣе часто посѣщаемыя рыболовами мѣста въ морѣ даютъ гораздо болѣе на томъ же пространствѣ, нежели самая плодородная земля. Однажды въ годъ акръ земли, заботливо воздѣланной, даетъ тонну пшеницы или два, много три квартера мяса или сыра. То же самое пространство моря въ хорошемъ рыбномъ мѣстѣ даетъ рыбаку даже еженедѣльно соотвѣтственно бо́льшее количество пищи. Пять судовъ, принадлежащихъ одному и тому же хозяину, въ одну ночь могутъ наловить 17 тоннъ рыбы—итогъ равный по питательности пятидесяти головамъ рогатаго скота или тремъ стамъ овецъ [1]).

Одну изъ важнѣйшихъ, если не самую важную, отрасль рыболовства составляетъ сельдяная ловля; о ея значеніи можно судить по тому, что съ этой цѣлью изъ одной лишь Англіи вы̀ѣз-

[1]) The Commercial Products of the Sea. By P. S. *Simmonds*. 1879. Стр. 5—9.

Digitized by Google

жаетъ на ловлю 10,974 бота и 41,045 матросовъ съ сѣтями въ 81.934,330 квадр. ярдовъ пространства, т.-е. ими можно покрыть площадь въ 26 1/2 квадратныхъ миль, а если расположить ихъ въ линію, то это заняло бы разстояніе въ 4,741 милю [1]).

Такъ какъ рыболовство въ Англіи, и до отмѣны налога, получало соль свободно отъ него, то, конечно, нельзя ждать большого вліянія этой отмѣны на увеличеніе ловли и заготовки рыбы въ прокъ; тѣмъ не менѣе, даже противникъ отмѣны соляного налога, что̀ въ данномъ случаѣ особенно важно, Маккуллохъ считаетъ, что уничтоженіе соляныхъ законовъ и налога на соль оказало значительную услугу рыболовству и наиболѣе именно отразилось на ловлѣ сельдей [2]). Въ 1823 году было посолено пойманныхъ сельдей 248,889 баррелей, въ 1825 г. — уже 347,665, въ 1833 г.—уже 416,964, барреля, а въ 1843 г. — 667,245, и затѣмъ ихъ ловля колеблется между 600,000 и 800,000 баррелей въ годъ, причемъ значительная часть ихъ (до 400,000) вывозится за-границу [3]). Что касается до другихъ сортовъ рыбы и ихъ ловли, то здѣсь нельзя подмѣтить никакого вліянія отмѣны соляного налога: съ одной стороны, съ улучшеніемъ способовъ и снарядовъ ловли замѣчается съ двадцатыхъ годовъ (особенно съ 1823 года — времени изобрѣтенія особаго рода сѣтей) медленное постепенное увеличеніе ловли нѣкоторыхъ рыбъ, съ другой стороны—общее затѣмъ уменьшеніе ея въ послѣднее время. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи, въ промыслѣ рыболовства, *надежды*, возлагавшіяся на отмѣну налога, *осуществились лишь отчасти*. Что касается собственно до сельдей, на которыхъ единственно отразилась отмѣна, то и тутъ фабрикація консервовъ рыбы и улучшеніе путей сообщенія въ значительной степени ослабили значеніе дешевой соли, такъ-какъ соленая рыба замѣщается въ употребленіи все больше и больше свѣжей. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ дало возможность массы свѣжей рыбы провозить быстро на большія разстоянія. Напримѣръ, въ 1853 году изъ Ярмута было привезено въ Лондонъ и провинціи однихъ свѣжихъ сельдей 12,000 тоннъ (тонна—примѣрно 60 пудовъ). Количество рыбы, вывезенной изъ Гримзби, въ 1872 году составляло по 600 тоннъ въ недѣлю или 301,000 тоннъ въ годъ; отъ 4,000 до 5,000 тоннъ другой рыбы было послано по же-

[1]) См. *Journal of the Statist. Soc. of London*, vol. XVIII, 1855. On the Causes of the Fluctuations in the Herring Fishery. By John *Cleghorn*. Стр. 241.

[2]) *M'Culloch's* Com. Dict. Art. *Herring*.

[3]) Тамъ-же. См. также: Encyclopoedia Britannica. Art. *Fisheries*. Стр. 640.

Digitized by Google

лѣзной дорогѣ изъ Дёндара, лишь въ теченіе одной недѣли, во внутренность Шотландіи... Прежде же бѣдный только и зналъ въ странѣ изъ рыбы лишь соленую селедку... [1]). Однимъ словомъ, расходы соли на рыбу годъ отъ году ограничиваются въ странѣ.

Гораздо важнѣе опредѣлить вліяніе отмѣны налога на интересы сельскаго хозяйства въ обширномъ смыслѣ. Какъ уже замѣчено, тягость для земледѣлія была важнѣйшимъ изъ доводовъ въ пользу его отмѣны. Кромѣ дѣйствительной важности этой мѣры, нѣтъ сомнѣнія, много способствовало уничтоженію соляного налога преобладаніе землевладѣльцевъ въ британскомъ парламентѣ. Но эта могущественная партія, отстаивавшая прежде всего здѣсь свои интересы, какъ путемъ изустнаго слова въ парламентѣ, такъ и печатнаго въ странѣ, безъ сомнѣнія, какъ и всякая односторонно-дѣйствующая сила, нерѣдко впадала въ жару полемики въ нѣкоторыя преувеличенія и неточности [2]). Если бы повѣрить всему, что тогда говорилось по этому поводу, то соль являлась универсальнымъ средствомъ, какъ для поднятія скотоводства, такъ и земледѣлія: не только общее здоровье скота обусловливалось дачей соли, но даже многочисленныя болѣзни его предупреждались и излечивались пріемами соли; плодородіе животныхъ увеличивалось, а всѣ животные продукты улучшались въ качествѣ, преимущественно благодаря той же соли; соль должна была явиться важнѣйшимъ удобреніемъ, чуть-ли не превосходящимъ всякое иное и имѣющимъ получить повсемѣстное широкое примѣненіе при всякой почвѣ и климатическихъ условіяхъ. Нѣкоторые увѣряли даже, что дешевая соль явится предупредительнымъ средствомъ противъ болѣзней не только хлѣба на корню и скота, но и самихъ людей...

Въ результатѣ, какъ и слѣдовало думать, эти ожиданія опять оказались значительно *преувеличенными* и сбылись невполнѣ. Послѣдствія обнаружили, что отмѣна налога на соль и ея удешевленіе имѣютъ безспорно полезное значеніе для сельскаго хозяй-

---

[1]) *Simmonds*, Commercial Products of the Sea. 1879, стр. 8.

[2]) М-ръ Доуэль, президентъ акцизнаго управленія, допрашиваемый соляной коммиссіей 1836 года (индійской), привелъ по этому поводу слѣдующій характерный случай. До уничтоженія соляного налога въ Англіи, передъ одной изъ соляныхъ коммиссій, допрашивался одинъ крупный землевладѣлецъ съ острова Вайта, который всегда являлся горячимъ адвокатомъ его отмѣны и доказывалъ всю пользу этой отмѣны для интересовъ земледѣлія. Какъ обнаружилось изъ его показаній, онъ не зналъ ничего о томъ важномъ фактѣ, что соляной налогъ никогда не распространялся на его родину островъ Вайтъ, и впервые узналъ объ этомъ въ коммиссіи!..

Digitized by Google

ства, но далеко не въ той степени, какъ предполагалось энтузіастами—его противниками. Наиболѣе эти надежды осуществились на скотоводствѣ, но и тутъ не въ той сильной мѣрѣ, какъ это ожидалось, и притомъ нѣкоторые вопросы до сихъ поръ остаются спорными. Въ настоящее время никто не сомнѣвается лишь въ одномъ положеніи, что соль нужна для пищи скота не менѣе чѣмъ для человѣка. Вопросъ же о размѣрахъ этой пищи для разнаго рода скота является открытымъ, и большинство авторитетовъ въ скотоводствѣ признаютъ пользу соли лишь въ извѣстныхъ, довольно ограниченныхъ, предѣлахъ. По свѣдѣніямъ, которыя сообщаетъ Керстъ, въ Англіи, а за ней въ Швейцаріи, соли идетъ всего больше для корма скота; для первой онъ даетъ слѣдующія данныя:

для лошади или быка. . .	11 лот.	соли	ежедневно.
« дойной коровы. . . .	8 «	«	«
« теленка старше года .	5 «	«	«
« овцы, свиньи и козы .	1 «	«	«

Въ Швейцаріи потребленіе соли для корма скота нѣсколько менѣе. Если взять во вниманіе нѣмецкіе научные авторитеты по этимъ вопросамъ, то такой размѣръ окажется страшно великимъ и, если только показанъ Керстомъ вѣрно, то много соли пропадаетъ даромъ; такъ, напр., по словамъ извѣстнаго агронома Зеттегаста для лошади вполнѣ достаточно отъ $^1/_2$ до 1 лота ежедневно, а для рогатаго скота не болѣе 2 лотовъ [1]). Точно также извѣстный натуралистъ Шлейденъ считаетъ мнѣніе профессора Блюмейера, а за нимъ Шмидта, о превосходствѣ англійскаго скота передъ нѣмецкимъ и о значеніи въ этомъ случаѣ корма солью—отнюдь не доказаннымъ, и справедливо указываетъ на существованіе для того многихъ иныхъ причинъ [2]).

Англійскій авторитетъ, Дж. Мортонъ, авторъ извѣстной земледѣльческой энциклопедіи, отдавая полную справедливость важному значенію соли для улучшенія общаго здоровья животныхъ, увеличенія ихъ аппетита, возбужденія силы пищеваренія и т. д., считаетъ долгомъ оговориться о необходимости этого употребленія соли въ

---

[1]) Alfred *Schmidt*, Das Salz. 1874, стр. 23.

[2]) Любопытно, что англичане, по крайней мѣрѣ, до отмѣны соляного налога, наоборотъ весьма восхваляли хорошее состояніе скота въ Германіи. Въ этомъ смыслѣ, напр., въ 1816 г. говоритъ въ одной рѣчи президентъ департамента земледѣлія, лордъ Сомервиль. См. Communications of the Board of Agriculture, Vol. II, стр. 471; а также *Schleiden*. Das Salz, Seine Geschichte etc. 1871. Leipzig. Стр. 205.

Digitized by Google

умѣренныхъ размѣрахъ [1]). Что же касается до значенія соли, какъ предупредительнаго средства противъ всякихъ болѣзней, то нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь соль имѣетъ значеніе лишь по стольку, по скольку способствуетъ общему здоровью животнаго и не болѣе, конечно, какъ добавленіе къ хорошему питанію его; усиленное потребленіе соли нисколько не предупредило въ Англіи въ послѣднее время сильнаго развитія заразительныхъ болѣзней и падежа скота (въ одномъ 1867 году пало такъ до 160,000 головъ скота), и парламентъ вынужденъ былъ издать нѣсколько законовъ, запрещающихъ ввозъ живого скота изъ значительной части Европы, и вообще обставить его большими затрудненіями и предосторожностями. Такимъ образомъ, повторяемъ, соль, безъ сомнѣнія, весьма полезна для корма скота или, точнѣе, какъ приправа къ корму, и потому отмѣна налога оказала въ этомъ отношеніи благія послѣдствія, распространивши и усиливши ея потребленіе, но въ то же самое время и здѣсь ея значеніе было сильно преувеличено; особенно же касательно ея предохранительной и цѣлебной силы въ отношеніи скота. Впрочемъ, образцы такихъ преувеличеній относительно соли встрѣчаются даже и въ наше время и притомъ самаго противоположнаго характера. Такъ, напр., неизвѣстный авторъ, брошюры, изданной въ 1871 году, очевидно врачъ, доказывая благодѣтельность соли для уничтоженія разныхъ ядовъ, рекомендуетъ какъ лучшее средство, испытанное имъ нѣсколько разъ, противъ оспы и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней — леченіе обыкновенной поваренной солью [2]). Наоборотъ, нѣкто Робертъ Говардъ (докторъ медицины) въ пятидесятыхъ годахъ издалъ въ свѣтъ два трактата, въ которыхъ происхожденіе чуть не половины всѣхъ золъ этого міра объясняетъ употребленіемъ въ пищу соли, приписываетъ ей происхожденіе многихъ болѣзней человѣка (чахотки, сумасшествія и т. д.) и приводитъ рядъ примѣровъ, гдѣ полное воздержаніе отъ соли будто бы излечивало весьма трудныя болѣзни и въ заключеніе предлагаетъ основаніе лиги съ цѣлью противодѣйствія употребленію и распространенію этого ядовитаго зелья! [3]).

---

[1]) A Cyclopoedia of Agriculture, by John C. *Murton*. Vol. II, стр. 793.

[2]) Common Salt. A Remedy against Small-Pox based on Physiological Investigation and proved by Practical Application. London, 1871.

[3]) Robert *Howard*, Revelations of Egyptian Mysteries. History of the Creation the Causes and the Progress of the Degeneration of Nature etc. London, 1850. Его же: A Treatise on Salt, showing its Hurtful Effect on the Body and Mind of Man and on Animals; its Tendency to cause Consumption, Insanity and other Diseases, 1851. Эта сумасшедшая книга имѣла три изданія въ одномъ году.

Digitized by Google

Еще менѣе выясненъ и рѣшенъ вопросъ о значеніи соли какъ удобренія: здѣсь имѣется весьма широкое поле для разнородныхъ толкованій. Изъ многочисленныхъ опытовъ оказывается, при одинакихъ повидимому условіяхъ, что въ однихъ случаяхъ соль какъ удобреніе производила весьма благодѣтельное вліяніе, а въ другихъ—оказывалась безполезной и даже сильно вредной. Множество трудовъ посвящено этому вопросу въ англійской литературѣ, и между тѣмъ *до отмѣны налога* не встрѣчается ни одного труда, гдѣ бы высказывалось сомнѣніе въ достоинствѣ его какъ удобренія. Наоборотъ, *послѣ отмѣны* эта вѣра нѣсколько поколебнулась. Соль имѣла также не мало горячихъ защитниковъ въ этомъ отношеніи, во главѣ которыхъ долго стоялъ извѣстный ученый К. Вильямъ Джонсонъ. Онъ выпустилъ въ свѣтъ цѣлый рядъ трактатовъ подъ разными названіями, но толкующихъ объ одномъ и томъ же предметѣ—объ употребленіи соли какъ удобренія, и сочиненія эти выдержали множество изданій; нѣкоторыя дошли, напр., до 13 изданій [1]). Эти многочисленные труды Джонсона представляютъ собой доказательство всей популярности вопроса о соляномъ удобреніи; но изъ этихъ же трудовъ видно, что распространеніе соли для данной цѣли въ народѣ подвигалось весьма туго, что онъ приписываетъ только тому обстоятельству, что употребленіе это *требуетъ осторожности и опытности*. Общія положенія его по данному вопросу сводятся въ послѣдней инстанціи къ слѣдующему: 1) соль въ небольшихъ пропорціяхъ имѣетъ свойство способствовать разложенію животныхъ и растительныхъ остатковъ; 2) соль истребляетъ червей, насѣкомыхъ и способствуетъ уничтоженію сорныхъ травъ; 3) она составляетъ въ небольшихъ пропорціяхъ прямую пищу растеній; 4) она стимулируетъ силу произрастенія; 5) она имѣетъ силу сохранять растительные соки и почву, на которой растеніе живетъ, отъ дѣйствія быстрыхъ переходовъ въ температурѣ атмосферы и 6) она увеличиваетъ способность почвы къ поглощенію сырости атмосферы.

Какъ ни расходились во множествѣ изданій сочиненія Джонсона, но, повидимому, распространеніе соли, какъ удобренія, встрѣчало столь значительныя практическія неудобства и неудачи, что союзъ англійскихъ соляныхъ заводчиковъ въ Нортвичѣ въ шестидесятыхъ годахъ счелъ нужнымъ, въ видахъ бо́льшаго сбыта

[1]) Cuthbert William *Johnson*, An Essay on the Uses of Salt for Agricultural Purposes and in Horticulture. 1821. 5-th edition; Observations on the Employment of Salt in Agriculture and Horticulture with Directions for its application. 13-th edition. 1838; Remarks on the Use of Salt in Agriculture. London, 1848.

Digitized by Google

своего продукта, объявить конкурсъ и назначить двѣ большія преміи за популярныя сочиненія объ употребленіи соли, какъ удобренія. Преміи эти получили агрономъ Роб. Фалькъ и д-ръ Фипсонъ, сочиненія которыхъ и были изданы въ свѣтъ на счетъ союза солеваровъ [1]). Но и эти труды, какъ ни много они приводятъ старыхъ и новыхъ данныхъ въ пользу благодѣтельнаго дѣйствія соли на почву, совсѣмъ, однако, не рѣшили вопроса, и въ королевскомъ сельско-хозяйственномъ обществѣ не проходитъ почти года безъ докладовъ, отчетовъ объ опытахъ, или статей въ его журналѣ, трактующихъ, въ ту или другую сторону, вопросъ о значеніи соли для удобренія. Мы приведемъ для образца рядъ этихъ противорѣчивыхъ толковъ и фактовъ pro и contra, чтобы познакомиться лучше съ настоящимъ положеніемъ этого вопроса въ Англіи и вѣрнѣе судить о значеніи въ этомъ отношеніи отмѣны соляного налога.

Джонъ Раули (Rowly), въ статьѣ своей о сельскомъ хозяйствѣ въ Дербиширѣ, увѣнчанной преміей королевскаго сельско-хозяйственнаго общества, утверждаетъ, что употребленіе соли крайне распространено въ этой части Англіи для удобренія полей подъ пшеницу и ячмень, и что соль увеличиваетъ количество зерна, укрѣпляетъ стебель и предупреждаетъ его паденіе. Она примѣняется въ размѣрахъ отъ семи до десяти квартеровъ на каждый акръ [2]).

Въ томъ же томѣ журнала англійскаго сельско-хозяйственнаго общества, Сидней Эвершедъ (Eversbed) говоритъ то же самое объ употребленіи соли въ графствѣ Сёррей: «Въ послѣдніе годы,—по его словамъ,—сильно и значительно увеличилось тамъ искусственное удобреніе, какъ въ формѣ гуано, такъ и азотно-кислыхъ солей, соды и *поваренной соли*. Тотъ фактъ, что всѣ эти удобренія гораздо болѣе нынѣ употребительны, нежели прежде, есть лучшій признакъ ихъ благодѣтельности (полезности). Поваренная соль,—продолжаетъ онъ,—идетъ, главнымъ образомъ, на легкія глинистыя почвы и пески въ размѣрѣ отъ двухъ до четырехъ квартеровъ на акръ. Ея общее дѣйствіе выражается въ томъ, что она укрѣпляетъ солому безъ увеличенія ея объема и т. д. Далѣе онъ приводитъ рядъ опытовъ на фермѣ нѣкоего Джона Эллиса, которые наглядно и неопровержимо доказали всѣ выгоды

[1]) The Use of Salt in Agriculture. Prize Essays published by the Salt Chamber of Commerce of Northwich. Liverpool, 1863. R. Falk's Prize Essay. D-r T. L. Phipson's Prize Essay.

[2]) The Journal of the Royal Agricultural Society of England. Vol. XIV. 1853. Стр. 60.

Digitized by Google

соляного удобренія, которое тотъ и употребляетъ нынѣ регулярно въ размѣрѣ отъ $2^1/_2$ до 4 квартеровъ на акръ» [1]).

Августъ Фельнеръ, извѣстный ученый агрономъ, въ своей статьѣ объ опытахъ надъ турнипами, приводитъ примѣры личныхъ и вполнѣ успѣшныхъ экспериментовъ соляного удобренія подъ посѣвы турниповъ [2]).

Тамъ же, Клэръ Ридъ, въ статьѣ о недавнихъ усовершенствованіяхъ сельско-хозяйственной культуры въ Норфолькѣ, говоритъ слѣдующее объ употребленіи въ этой мѣстности соли, какъ удобренія: «Количество соли, теперь употребляемой въ Норфолькѣ, весьма значительно; желѣзныя дороги открыли сообщеніе съ мѣстами ея добыванія, и здѣсь большое требованіе на соль, хотя цѣна недавно и поднялась съ 3 на 4 шил. на тонну. Она примѣняется вообще не одна, а вмѣстѣ съ гуано въ размѣрѣ отъ 3 до 5 квартеровъ на акръ для посѣва мангольдовъ (родъ свеклы)... Соль замѣтно увеличиваетъ какъ количество, такъ улучшаетъ и качество мангольдовъ и на легкихъ почвахъ, во время засухи, способствуетъ поглощенію влажности изъ атмосферы или удерживаетъ ту, которая въ землѣ. Весьма употребительно также посыпаніе солью полей передъ посѣвомъ пшеницы въ видахъ укрѣпленія соломы и улучшенія зерна. Много употребляется соли также для уничтоженія сорныхъ травъ, а нѣкоторые хозяева имѣютъ обыкновеніе примѣшивать соль къ навозу при свозкѣ его на поле. Кромѣ всего этого, Ярмутъ во время сельдяной ловли снабжаетъ большимъ количествомъ рыболовной соли, смѣшанной съ остатками при чисткѣ рыбы и съ испорченною рыбою, и такая смѣсь очень цѣнится и продается по 40 шил. за тонну, а ея цѣна, впрочемъ, много зависитъ отъ количества рыбныхъ остатковъ, прибавленныхъ къ соли» [3]).

Профессоръ Августъ Фельнеръ, въ статьѣ о значеніи содовыхъ солей въ земледѣліи, заявляетъ, что хотя онъ и не считаетъ эти соли, равно какъ и поваренную соль, безусловно нужными для растеній—причемъ ссылается на соотвѣтственные опыты проф. Кнопа въ Лейпцигѣ—тѣмъ не менѣе, признаетъ благодѣтельное дѣйствіе соли въ нѣкоторыхъ случаяхъ. «Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,—мой личный опытъ заставляетъ меня допустить, что соль есть полезное и дешевое удобреніе, которое, будучи разумно примѣняемо, доставляетъ большіе урожаи зернового хлѣба,

---

[1]) Тамъ-же, стр. 91—92.

[2]) Journal of the R. Agr. Soc. of England. Vol. XIX. 1858. Стр. 175.

[3]) Тамъ-же, стр. 279.

Digitized by Google

корнеплодныхъ и сѣна, и рѣдко приноситъ вредъ». Между прочимъ, онъ указываетъ здѣсь на одну полезную сторону соли, какъ удобренія, а именно, что она продляетъ періодъ, который растеніе остается въ полѣ (задерживаетъ нѣсколько быстрый ростъ), что́ во многихъ случаяхъ, на песчаныхъ почвахъ, въ сухое лѣто и для корнеплодныхъ—крайне существенно... «Поэтому перуанское гуано съ солью есть любимое удобреніе у многихъ фермеровъ, и это основательно» [1]).

Точно также извѣстный знатокъ англійскаго земледѣлія Джэмсъ Кэрдъ приводитъ въ одной изъ своихъ книгъ примѣръ употребленія въ разныхъ мѣстахъ Англіи (между прочимъ, въ Ноттингамѣ и Нортгамптоншире) соли, какъ удобренія, и притомъ съ самыми благодѣтельными послѣдствіями: соль уничтожаетъ сорныя травы, увеличиваетъ количество и улучшаетъ качество урожаевъ и предупреждаетъ разныя болѣзни хлѣба, какъ, наприм., ржавчину на растеніяхъ (mildew blight and rust) [2]).

Соль, какъ извѣстно, наконецъ, употребляется отчасти въ огородничествѣ и даже садоводствѣ, хотя и съ весьма сомнительными результатами и въ немногихъ случаяхъ. По словамъ англійскаго авторитета въ этомъ дѣлѣ, Чарльса Макинтоша, соль употребляется съ замѣтною выгодою для растеній, свойственныхъ морскому берегу,—спаржи и т. п., и въ такихъ случаяхъ соль сѣютъ на поверхности земли передъ дождемъ въ размѣрѣ отъ 16 до 20 бушелей на акръ [3]).

Но рядомъ съ этими фактами, доказывающими распространеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи соляного удобренія, и сельско-хозяйственными опытами, говорящими въ пользу его, встрѣчается не меньшее число данныхъ противъ, и притомъ изъ одинаково авторитетныхъ источниковъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ и первоначально опять изъ того же журнала королевскаго сельско-хозяйственнаго общества.

Обратно съ приведенными выше опытами Клэра Рида, упомянутый уже проф. Фелькеръ сообщаетъ рядъ своихъ опытовъ удобренія солью при посѣвѣ мангольдовъ, которые считаются наиболѣе для того благопріятными. Онъ пришелъ къ заключенію, что соль не только не оказывала никакого полезнаго дѣйствія, но, напротивъ, принесла значительный вредъ, и какъ защитникъ соляного удобренія въ иныхъ случаяхъ, Фелькеръ объ-

---

[1]) Journal of the R. Agr. Soc. Second Series. Vol. I. 1865. Стр. 301—312.

[2]) English Agriculture in 1850 and 1851, by *Caird*. 1852. Стр. 212, 419, 427.

[3]) Ch. *Mac Intosh*: The Book of the Garden. Vol. II, стр. 297—8.

Digitized by Google

ясняетъ эту неудачу тѣмъ, что соль не подходитъ къ известково-суглинистой почвѣ и дѣйствуетъ хорошо лишь на легко-песчаныхъ почвахъ [1]).

Тотъ же Фелькеръ производилъ рядъ опытовъ съ соляннымъ удобреніемъ для картофеля, и въ результатѣ «соль оказалась безполезной». При этомъ онъ придаетъ уже важное значеніе не одной только почвѣ, но и погодѣ; особенно, по его словамъ, соляное удобреніе не годится въ сухую погоду. Важно также, когда оно произведено: «если поваренная или поташная соль не можетъ быть употреблена на землю самой ранней весной и во всякомъ случаѣ не позднѣе начала марта, то въ девяти случаяхъ изъ десяти гораздо лучше постараться совсѣмъ обойтись безъ этого рода удобренія»... [2]).

Для улучшенія луговъ, о чемъ твердили такъ часто прежде, соль оказывается «едва-ли благопріятной». По крайней мѣрѣ, опыты того же Фелькера въ этомъ отношеніи привели къ заключенію, что удобреніе поваренной солью уменьшаетъ по вѣсу сборъ сѣна.

Но самымъ рѣшительнымъ противникомъ распространенія и полезнаго дѣйствія соляного удобренія является въ Англіи весьма извѣстный агрономъ Джонъ Лоусъ (Lawes), который, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Кэрдъ въ своей послѣдней книгѣ по земледѣлію Англіи, затратилъ болѣе тридцати лѣтъ и большое состояніе на разные сельско-хозяйственные опыты. Въ засѣданіи королевскаго сельско-хозяйственнаго общества 17 февраля 1864 г. Лоусъ прочиталъ докладъ «о дѣйствіи обыкновенной соли, какъ удобренія» — результатъ его опытовъ съ этой цѣлью въ теченіе болѣе тринадцати лѣтъ. Въ этомъ докладѣ Лоусъ отвергалъ почти всякое полезное значеніе соли для земледѣлія, и высказывая такую ересь, онъ считалъ, тѣмъ не менѣе, нужнымъ оговориться, что соль весьма сильно употреблялась сельскими хозяевами Великобританіи. Лоусъ пробовалъ соль на землѣ, въ видѣ удобренія, при самыхъ различныхъ посѣвахъ, причемъ, какъ это видно изъ представленной имъ въ таблицахъ массы статистическихъ данныхъ, соль никакой пользы не оказала. Какъ на косвенное подтвержденіе своихъ выводовъ, онъ ссылался на авторитетъ французскаго ученаго Мильнъ-Эдвардса, который еще раньше утверждалъ (въ Journal d'Agriculture Pratique), что *соль безполезна, какъ удобреніе*. Общее заключеніе Лоуса было

[1]) Journal of the Roy. Agr. Soc. of England. Vol. XXV, 1864. Стр. 240—242.
[2]) Journal of the Roy. Agr. Soc. Second Series. Vol. VI. 1870. Стр. 397.

Digitized by Google

таково: «Не выражаясь рѣшительно по этому вопросу, я могу лишь высказать, что общее мое заключеніе, къ которому я пришелъ, это—что *соль не дѣйствуетъ благодѣтельно, какъ удобреніе*, хотя случайно и можетъ оказать дѣйствіе того или иного рода; и что если существуютъ многія раціонально веденныя фермы, на которыхъ соль употребляется, то существуютъ многія другія, и такой же высокой степени сельско-хозяйственнаго совершенства, которыя не дѣлаютъ этого...» [1]).

Если обратимся къ авторитету Мортона, то у него также встрѣтимъ многія соображенія противъ употребленія соляного удобренія, *но притомъ именно въ Англіи*. «Въ другихъ странахъ,—говоритъ онъ,—употребленіе соли для растеній было найдено гораздо болѣе полезнымъ, нежели у насъ; мѣстности, гдѣ употребленіе соли (какъ удобренія) обнаруживаетъ наиболѣе плодотворные результаты, лежатъ обыкновенно внутри страны, далеко отъ моря, и въ такихъ мѣстахъ полезное дѣйствіе соли вполнѣ понятно. На нашемъ островѣ сосѣдство съ моремъ снабжаетъ въ достаточной степени почву солью, которая вѣтромъ (напримѣръ, во время сильной бури брызги попадаютъ на нѣсколько десятковъ миль) заносится внутрь страны на значительное разстояніе». «Точно также въ Англіи рѣдко падаетъ дождь, въ которомъ нельзя бы было найдти болѣе или менѣе значительнаго количества поваренной соли...» «Для насъ вообще соль имѣетъ во всякомъ случаѣ гораздо меньшее значеніе, нежели на континентѣ». Въ другомъ мѣстѣ своего труда Мортонъ прямо заявляетъ, что *соль, какъ удобреніе, въ настоящее время въ Англіи вообще уважается меньше, нежели въ прошломъ вѣкѣ* [2]).

Другой изслѣдователь, нѣкто Пюси (Pusey), производившій цѣлый рядъ опытовъ, опубликованныхъ въ журналѣ сельско-хозяйственнаго общества, пришелъ къ заключенію, что «соль *нѣкогда была весьма любимымъ удобреніемъ, употребленіе котораго было покинуто ея адвокатами*, вслѣдствіе многихъ ея вредныхъ результатовъ». Между прочимъ, Пюси приводитъ, какъ разъ обратно всему, что̀ утверждалось раньше, что соль способствуетъ паденію хлѣба въ поляхъ (благодаря слабости соломы) и происхожденію «ржавчины» и иныхъ болѣзней и т. д. [3]).

Изъ всего, что̀ до сихъ поръ мы говорили о значеніи соли

---

[1]) Journal of the Roy. Agr. Goc. of England. Vol. XXV. 1864. Стр. 514—517.

[2]) *Morton*, A Cyclopoedia of Agriculture. Vol. II. Стр. 333 и 795.

[3]) James *Caird*, English Agriculture in 1850 and 1851. Стр. 529.

Digitized by Google

для скотоводства и земледѣлія, можно придти къ слѣдующему общему заключенію. Во-первыхъ, соль для корма скота, въ умѣренныхъ, впрочемъ, дозахъ, имѣетъ безусловно важное значеніе, а потому отмѣна соляного налога, снявшая всякія препоны для свободнаго пользованія сельскими хозяевами солью, безъ сомнѣнія, принесла свою долю пользы англійскому скотоводству. Во-вторыхъ, большія надежды на соль, какъ удобреніе, которыя возлагались многими на отмѣну, оправдались далеко не въ предполагавшихся размѣрахъ: соль, какъ удобреніе, какъ показали послѣдствія, имѣетъ полезное значеніе, но съ большими исключеніями, при сложныхъ условіяхъ, еще мало изученныхъ наукой и недостаточно провѣренныхъ практикой. Оказалось, что свойства химическаго состава почвы, климата, рода растенія играютъ здѣсь такую крупную роль, что, вѣроятно, въ отдаленномъ будущемъ, при дальнѣйшихъ усовершенствованіяхъ сельско-хозяйственной химіи, соль, въ качествѣ удобренія, получитъ гораздо большее примѣненіе и во всякомъ случаѣ въ странахъ континентальныхъ болѣе, нежели въ Англіи, гдѣ почва и такъ, если вѣрить Мортону, достаточно имѣетъ соли.

Какъ бы то ни было, употребленіе соли въ Англіи для сельско-хозяйственныхъ цѣлей и въ настоящее время въ сложности довольно значительно. По разсчету Манлея, для земледѣльческихъ цѣлей, т.-е. главнымъ образомъ для корма скота и удобренія, затрачивается въ Великобританіи не менѣе 200,000 тоннъ (свыше 12 мил. русскихъ пудовъ) соли въ годъ, преимущественно въ видѣ мелко-раздробленной каменной соли [1]).

Такимъ образомъ, въ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ областяхъ народнаго хозяйства, каковы рыболовство, скотоводство и земледѣліе, далеко не всѣ надежды, обыкновенно питаемыя при отмѣнѣ налога на его благодѣтельныя послѣдствія, осуществились. Но остается еще обширная область — фабрично-заводская промышленность, и относительно ея потомство получило не только все ожи-

---

[1]) British Manufacturing Industries. J. J. *Manley*: Salt, Preservation of Food. 1878. Стр. 38.

Одинъ изъ видовъ примѣненія соли къ сельскому хозяйству, о которомъ не мало говорили при отмѣнѣ налога — солка сѣна, повидимому, мало привилась въ Англіи, такъ что англійскій писатель Раттонъ, толкуя объ этомъ процессѣ сохраненія травы (ensillage), ни слова не говоритъ объ этой практикѣ въ Англіи, а ограничивается лишь примѣромъ Соединенныхъ-Штатовъ Америки, гдѣ этотъ процессъ практикуется, по его словамъ, съ большимъ успѣхомъ. См. A Handbook of Common Salt, by *Ratton*, Madras. 1877. Стр. 35.

Digitized by Google

даемое отъ отмѣны соляного налога самыми горячими его противниками, но едва ли даже не болѣе того... Всѣмъ извѣстно, какую большую роль играетъ соль во множествѣ промышленныхъ производствъ. Альфредъ Шмидтъ насчитываетъ *двадцать девять отраслей промышленности*, въ которыхъ соль настолько нужна, что въ Пруссіи считаютъ необходимымъ снабжать всѣ эти промыслы, при существованіи соляного налога, безпошлинной солью, и кромѣ того Шмидтъ указываетъ еще на нѣсколько такихъ производствъ, которыя потребляютъ соль и нуждаются въ ней. Но во главѣ всѣхъ этихъ производствъ, тѣсно связанныхъ съ солянымъ промысломъ, является одно изъ наиболѣе важныхъ по своему значенію и разнообразію приложенія, это—*производство соды* въ широкомъ смыслѣ, т.-е. со всѣми побочными продуктами или, какъ англичане въ этомъ случаѣ называютъ соду, все производство *алькали*. Какъ высоко стоитъ значеніе соли для промышленности, лучшимъ свидѣтельствомъ можетъ служить слѣдующій отзывъ знаменитаго Юстуса Либиха: «Фабрикація соды изъ обыкновенной соли,—говоритъ онъ въ своихъ Химическихъ Письмахъ,—можетъ разсматриваться какъ базисъ великаго развитія, какое современная индустрія получила во всѣхъ направленіяхъ; она представляетъ поучительный образчикъ той тѣсной зависимости, которая связываетъ самыя разнообразныя отрасли промышленности и торговли между собою, а также въ свою очередь съ химіею» [1]).

До 1793 года сода получалась исключительно изъ золы морскихъ растеній (Salsala Soda и Salicornia Herbacea), въ большихъ количествахъ доставлявшейся изъ Аликанте въ Испаніи, изъ Сициліи и Тенериффа, а также изъ морскихъ растеній, произрастающихъ у самыхъ береговъ Великобританіи (Fucus Versiculosus). Зола первыхъ двухъ растеній носила торговое названіе *барилья* (barilla), и главнымъ поставщикомъ ея была Испанія. Растенія эти сѣялись въ поляхъ въ концѣ года и собирались въ слѣдующемъ сентябрѣ; значеніе ихъ такъ высоко цѣнилось для промышленности, что по испанскимъ законамъ вывозъ ихъ сѣмянъ наказывался смертной казнью. Послѣ того какъ растеніе созрѣвало, оно скашивалось, высушивалось на солнцѣ, особымъ образомъ сжигалось, и зола образовывала требуемый продуктъ. Англійскій же продуктъ, составлявшій другую коммерческую форму соды и носившій названіе *кельпъ* (kelp), получался посредствомъ сожженія извѣстныхъ морскихъ растеній — водорослей,

[1]) Chemische Briefe, von Justus *Liebig*. Zweiter Abdruck. Heidelberg. 1845.

Digitized by Google

встрѣчающихся у береговъ Ирландіи и Шотландіи. Вообще кельпъ былъ гораздо ниже барильи, содержа много поташу и нейтральныхъ солей, и Англія вынуждена была ежегодно ввозить по нѣсколько сотъ тысячъ тоннъ барильи изъ-за границы для своихъ выроставшихъ мануфактуръ. Она имѣла, какъ мы знаемъ, у себя огромныя залежи и источники соли, изъ которой теперь приготовляютъ соду; но искусство дешеваго приготовленія ея было найдено не раньше конца восемнадцатаго вѣка, и честь этого великаго открытія принадлежала Франціи, хотя имъ и наиболѣе воспользовалась Англія [1]).

Какъ извѣстно, во время французской революціи съ 1793 года, благодаря войнѣ и блокадѣ, прекратился ввозъ многихъ продуктовъ во Францію и въ томъ числѣ соды, т.-е. барильи. Конвентъ обратился тогда къ націи и назначилъ комитетъ, чтобы отыскать средства снабженія ею французской промышленности изъ туземныхъ источниковъ. Изъ тридцати способовъ, о которыхъ было сообщено, одобрено было изобрѣтеніе Леблана (Leblanc). Человѣчество обязано ему за открытіе выгоднаго способа добывать соду изъ поваренной соли, и это открытіе занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ лѣтописяхъ промышленности... «Но, какъ это часто случается,—говоритъ объ этомъ съ горечью извѣстный химикъ Гофманъ,—Лебланъ не пожалъ плодовъ своего удивительнаго изобрѣтенія. Этотъ человѣкъ, котораго по справедливости слѣдуетъ причислить къ благодѣтелямъ человѣчества и которому уже много лѣтъ Франція и Англія обязана воздвигнуть памятникъ, жилъ въ бѣдности и умеръ въ отчаяніи. Творецъ неисчислимыхъ богатствъ для себѣ подобныхъ, онъ не имѣлъ для себя куска хлѣба. Къ стыду Европы, человѣка, который подарилъ ее дешевой содой, т.-е. доставилъ ей стекло и мыло, свѣтъ и чистоту и сотню другихъ выгодъ, составляющихъ неизмѣримыя благодѣянія—допустили окончить свои дни въ госпиталѣ. Онъ долго страдалъ жертвою несчастія, болѣзни и разбитыхъ надеждъ, пока самый разумъ его не покинулъ, и въ отчаяніи онъ лишился жизни отъ собственной руки...» [2]).

Изобрѣтеніемъ Леблана прежде всего воспользовались, конечно, во Франціи, позднѣе же, и въ болѣе сильной степени, въ Англіи, которая своей враждой къ Франціи подала косвенно

---

[1]) The History, etc, of the Alkali Trade, by *Kingsett*. Стр. 70—71.

[2]) Exposition Universelle de Londres 1862. Classe II, Section A. Rapport sur les produits et procédés chimiques par A. W. *Hofmann*. Paris, 1866. Стр. 60.

Digitized by Google

поводъ къ самому изобрѣтенію. Непреодолимымъ препятствіемъ ко введенію содоваго производства въ Англіи, по процессу Леблана, служило первоначально существованіе соляного налога. Нѣкто м-ръ Лошъ (Losh), напр., познакомившійся съ изобрѣтеніемъ Леблана въ бытность свою на континентѣ, основалъ-было содовый заводъ, но благодаря дороговизнѣ соли, при налогѣ на нее, попытка установить содовое производство въ Англіи оказалась невозможной, и онъ не могъ конкуррировать съ барильей и кельпомъ. Какъ налогъ дѣйствовалъ на цѣны, видно изъ того, что, по словамъ историка содовой промышленности Госсэджа (Gossage), во времена Лоша (въ началѣ нынѣшняго вѣка), кристаллизованная сода стоила 60 ф. с. за тонну, а нынѣ—лишь 4 гинеи, т.-е. въ четырнадцать разъ дешевле [1]). По единогласному свидѣтельству трехъ авторитетныхъ писателей по содовому производству (Госсэджъ, Кингзеттъ и Гофманъ), *начало* ему въ Англіи было положено *отмѣной налога на соль*. Въ 1823 году, т.-е. въ первый годъ его отмѣны (или точнѣе, его уменьшенія), Джэмсъ Муспраттъ (Muspratt) открылъ содовое производство въ Ливерпулѣ по способу Леблана и притомъ сразу въ большомъ размѣрѣ. При дешевой соли и большомъ спросѣ на соду, производство Муспратта оказалось настолько выгоднымъ, что нашлись другіе капиталисты, пожелавшіе вложить свои капиталы въ содовое дѣло; разъ введенная мануфактура соды приняла такое быстрое развитіе, что въ нѣсколько лѣтъ образовала самую важную отрасль химической промышленности королевства, важную—какъ Ричардсонъ и Ваттъ указываютъ—по капиталу и труду, на нее употребляемому, и пользѣ для всей промышленности.

Мыловареніе и стеклянное производство—вотъ двѣ промышленности, которыя прежде всего воспользовались сильно подешевѣвшей, какъ мы упоминали, солью. Производство въ этихъ двухъ отрасляхъ, благодаря тому, что въ дѣло начала употребляться чистая сода, вмѣсто прежней барильи и поташа, потребовало затратъ меньшихъ капиталовъ, усилило конкурренцію и удешевило продукты.

Но еще важнѣе стало значеніе вновь появившейся содовой мануфактуры—благодаря тѣмъ побочнымъ продуктамъ, которые получаются при ея производствѣ, или родственнымъ съ нею.

---

[1]) *Parl. Papers.* Report from the Select Committee of the House of Lords on Injury from *Noxious Vapours.* Ordered by the House of Commons to be printed 1-st Aug. 1862. Minutes of Evidence. Vol. XIV, стр. 83.

Digitized by Google

Такъ, при фабрикаціи соды, между прочимъ, получается соляная кислота, весьма важная въ свою очередь для многихъ химическихъ производствъ; ея наибольшее же назначеніе состоитъ въ томъ, что изъ нея выдѣлывается хлоръ и т. п., бѣлильный порошокъ (bleaching powder), произведшій громадный переворотъ въ самой важной изъ отраслей всей промышленности—обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Производство хлора поставило англійскую хлопчато-бумажную фабрикацію на ту высоту, которой она пользуется. При прежнемъ примитивномъ способѣ бѣленія тканей на травѣ, съ помощью лишь воздѣйствія солнца и воздуха, она никогда не могла бы конкуррировать въ цѣнѣ своихъ хлопчато-бумажныхъ матерій съ Германіей или Франціей. Одна единственная, не очень большая бѣлильня въ сосѣдствѣ съ городомъ Глазго бѣлила ежедневно 1,400 штукъ бумажной матеріи зимой и лѣтомъ одинаково. Какой капиталъ потребовался бы, чтобы закупить около многолюднаго города достаточно земли, чтобы производить бѣленіе старымъ образомъ [1])! Мы не говоримъ уже о томъ, что то́, что прежде требовало много дней, а можетъ и недѣль, смотря по погодѣ, теперь исполняется навѣрнака въ нѣсколько часовъ. Самое главное условіе фабричнаго производства —быстрота, непрерывность работъ и увѣренность въ извѣстномъ срокѣ процесса сдѣлались возможны лишь со времени примѣненія хлора къ бѣленію, и этимъ Англія опять обязана развитію содоваго производства, а въ связи съ нимъ—отмѣнѣ соляного налога.

Одинаково съ этимъ содовая мануфактура косвенно дала толчокъ и развитію еще одной крайне важной отрасли химическаго производства, значительно обогатившей Англію,—мы разумѣемъ выдѣлку сѣрной кислоты, о которой Либихъ говоритъ, что, по числу фунтовъ ея потребленія въ странѣ, можно судить и о самыхъ размѣрахъ всей ея химической промышленности. Сѣрная кислота есть тотъ продуктъ, который требуется необходимо для того, чтобы обратить поваренную соль первоначально въ глауберову соль и затѣмъ въ соду. Понятно, что быстро развившаяся содовая мануфактура вызвала и большой спросъ на сѣрную кислоту. Между тѣмъ, сѣра, необходимая для выдѣлки этой кислоты, долго получалась почти исключительно изъ Сициліи и потому, когда въ 1838 году король неаполитанскій отдалъ все добываніе сѣры въ Сициліи въ монополію одной французской компаніи, сразу поднявшей цѣну на нее съ 5 до 14 фунтовъ стерл. за

[1]) Chemische Briefe, von *Justus Liebig*. Zweiter Abdruck, стр. 108.

Digitized by Google

тонну, то въ Англіи начали искать способовъ вырабатывать сѣру дома изъ туземныхъ продуктовъ и нашли ее въ желѣзномъ колчеданѣ (iron pyrite), имѣющемся въ большомъ количествѣ въ Ирландіи. Такимъ образомъ, развилось новое англійское производство; цѣна сѣры постепенно спустилась даже ниже 5 ф., такъ что король неаполитанскій, по выраженію Госсэджа, «оказалъ большую услугу англійской промышленности своей неблагоразумной мѣрой» [1]).

Но развитіе содоваго производства врядъ ли не имѣло благодѣтельнаго вліянія даже на такую отрасль народнаго хозяйства, которую наименѣе всего можно было ставить съ нимъ въ связь, а именно на рыболовство. Дѣло въ томъ, что по донесеніямъ комиссіонеровъ для изслѣдованія британскаго сельдянаго рыболовства долго замѣчалось постепенное удаленіе сельдей отъ нѣкоторыхъ береговъ и острововъ на западномъ берегу Великобританіи, и это находило себѣ такое толкованіе: «Единственное раціональное объясненіе,—говорили комиссіонеры,—это ловля и рѣзка морскихъ водорослей для приготовленія кельпа (нечистой соды) въ заливахъ и бухтахъ, куда рыба привыкла приходить изъ глубины морской для метанія икры, и гдѣ икра нынѣ, благодаря удаленію водорослей, не находитъ уже для себя никакой защиты и прицѣпки» [2]). Вмѣстѣ съ развитіемъ содоваго производства добываніе кельпа для соды постепенно совсѣмъ прекратилось и, согласно технологіи Ричарсона и Ватта, кельпъ въ настоящее время добывается лишь въ крайне незначительныхъ размѣрахъ для полученія нѣкоторыхъ іодистыхъ и поташныхъ солей. Такимъ образомъ, одна изъ причинъ упадка сельдяной ловли была мало-по-малу устранена и, какъ мы знаемъ, это—единственный видъ рыболовства, возрастаніе котораго замѣтно совпадаетъ съ эпохой отмѣны соляного налога и его ближайшими послѣдствіями.

Всего въ настоящее время въ Англіи насчитывается болѣе пятидесяти содовыхъ заводовъ съ производствомъ около полумилліона тоннъ соды, которой лишь за-границу отправляется на 2.618,034 ф. с., причемъ этотъ вывозъ быстро ростетъ. Въ 1861 году, напр., онъ составлялъ лишь 0,5% всего заграничнаго отпуска, въ 1877 году—1,1%. Къ этому нужно причис-

[1]) См. цитованное показаніе Госсэджа въ Report etc. on Injury from Noxious Vapours, стр. 88, а также: „On the History of the Alkali Manufacture". by W. *Gossage* въ „Трудахъ британской ассоціаціи для споспѣшествованія науки. Засѣданіе въ Манчестерѣ 1861 г." стр. 80—81.

[2]) Journal of the Statistical Society of London. Vol. XVIII, 1855, стр. 240.

Digitized by Google

лить около полъ-милліона фунт. стерл. стоимости соли, вывозимой за-границу, и почти одинаковое количество всѣхъ продуктовъ, оставляемое дома для тувемнаго потребленія и промышленности. Все производство, слѣдовательно, соли и соды съ нѣкоторыми родственными продуктами (производство одного хлора—болѣе чѣмъ на 1 мил. ф. с.) представляетъ собой ежегодный доходъ Великобританіи свыше *четырехъ съ половиною милліоновъ ф. с.*, т.-е. соль въ настоящее время доставляетъ Англіи не менѣе какъ въ девять разъ большее богатство чѣмъ то, которое получалось отъ соли до отмѣны налога (не включая его въ разсчетъ).

Ив. Янжулъ.

Digitized by Google

АХАЛЪ-ТЕКИНСКІЙ ОАЗИСЪ

и

ПУТИ ВЪ ИНДІЮ.

II *).

Въ Индіи, рядомъ съ огромнымъ большинствомъ (до $^4/_5$ населенія) индусовъ, англичанамъ пришлось встрѣтиться еще и съ магометанами.

Англійская политика была преимущественно основана на особомъ покровительствѣ исламизму. Изъ послѣдователей Магомета набирались большею частью туземныя войска, изъ нихъ же выбирались мелкіе чиновники для второстепенныхъ мѣстъ, предоставлявшихся англичанами туземцамъ; они сдѣлали это отчасти потому, что явились преемниками мусульманъ, владѣвшихъ до того Индіей и которымъ они должны были оставить часть власти, — отчасти же вслѣдствіе недовѣрія къ индусамъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы мусульманская часть населенія Индостана всегда и вездѣ одинаково вѣрно служила интересамъ Великобританіи.

И возстаніе сипаевъ въ 1859 году, большая часть участниковъ котораго были магометане, и движеніе вагабитовъ въ Сѣверной Индіи, и постоянныя кровопролитныя войны съ афганистанскими горцами, изъ коихъ столь памятна ситанская экспедиція 1863 года на гору Махабунъ—все это вмѣстѣ взятое даетъ поводъ сильно сомнѣваться, чтобы магометане были столь вѣрными и преданными англійской политикѣ, какъ это нѣкоторые предполагаютъ.

Съ другой стороны, Индія съ древнихъ временъ служила приман-

*) См. выше: май, стр. 317.

Digitized by Google

кой для весьма значительнаго числа христіанскихъ миссіонеровъ; начиная съ Несторіанской епархіи, которая была образована въ Гоа, сюда начали являться и католики, и протестанты всевозможныхъ національностей и оттѣнковъ. Въ Индію ихъ привлекала кажущаяся легкость обращенія индусовъ въ христіанство. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени любопытны многія записки и даже цѣлыя книги, напечатанныя миссіонерами по настоящему вопросу.

Дѣйствительно, въ началѣ индусы принимали, повидимому, съ необыкновенною легкостью основные догматы христіанской религіи,—такъ что были миссіонеры, считавшіе своихъ прозелитовъ десятками тысячъ; но затѣмъ миссіонеры сами же убѣждались, что вновь обращенные принимали только тѣ изъ догматовъ христіанской религіи, которые подходили къ ихъ браманскимъ вѣрованіямъ, и затѣмъ оставались непоколебимо твердыми въ огромной массѣ своихъ вѣрованій и убѣжденій, которыя совершенно не сходны съ христіанской религіей и не могутъ быть допускаемы ею.

Нѣкоторымъ изъ миссіонеровъ удалось составить себѣ извѣстное число послѣдователей святостью своей жизни, вліяніемъ, которое они умѣли пріобрѣтать на массу, и горячностью тѣхъ убѣжденій, которыя они проводили. Но для этого имъ приходилось проходить чрезъ невѣроятные подвиги самоотверженія, жить подобно бѣднѣйшимъ индусамъ и вообще служить примѣромъ мужества въ перенесеніи разнаго рода лишеній. Но и на этомъ поприщѣ, приближающемся, такъ сказать, къ мученичеству, они были положительно побѣждены тѣмъ, невѣроятнымъ по степени самопожертвованія, фанатизмомъ, которымъ такъ отличаются факиры и ихъ многочисленные послѣдователи.

Такимъ образомъ, христіанская пропаганда, съ которой въ Индію явились цѣлыя массы людей, не имѣла тамъ положительнаго успѣха; но мало того, она имѣла еще и дурныя стороны, притомъ довольно серьёзныя: въ народѣ, напр., укоренилось мнѣніе, что у завоевателей есть непреклонное намѣреніе насиловать его убѣжденія и заставить отказаться отъ вѣры предковъ.

Но въ особенности народъ не могъ быть доволенъ, когда англійское правительство, назначая въ Индію епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ, заставляло магометанъ и браманистовъ содержать ихъ. Насколько эти расходы были велики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несоразмѣрны съ расходами на другія потребности—видно изъ того, что въ 1851 году жители Индостана, браманисты и магометане, уплатили на содержаніе англійскаго духовенства 112,425 фунт. стерл. и въ то же время на потребности просвѣщенія—66,993 фунт. стерлинговъ.

Русскіе и въ этомъ отношеніи держались другого способа дѣйствій;

Digitized by Google

хотя, впрочемъ, нужно сказать, что раціональность его въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоже не можетъ быть одобрена, но по совершенно инымъ причинамъ.

Русскіе относились къ религіозному вопросу туземныхъ жителей Туркестана совершенно равнодушно, и сколько извѣстно, тамъ вовсе и не появлялись русскіе миссіонеры; но русскіе въ этомъ отношеніи не ограничились пассивною ролью; они пошли потомъ такъ далеко, что, можно сказать, навязывали магометанство киргизамъ, издавна славящимся своимъ религіознымъ индифферентизмомъ, и между которыми только князья и ханы въ дѣйствительности были магометанами; а между тѣмъ, одно время, русское правительство начало строить въ киргизскихъ степяхъ мечети для этихъ мнимыхъ послѣдователей ислама. Конечно, съ основательностью этого распоряженія нельзя согласиться, но тѣмъ не менѣе безспорно, что совершенный индифферентизмъ русскихъ въ религіозномъ вопросѣ, и даже болѣе, чѣмъ индиферентизмъ, долженъ былъ вполнѣ успокоить побѣжденныхъ съ точки зрѣнія неприкосновенности ихъ совѣсти, ихъ вѣрованій.

Исторія неоднократно показываетъ, что магометанскія населенія способны на взрывы самаго ожесточеннаго фанатизма. Появленіе одного духовнаго лица, умѣющаго увлечь за собою массы, способно воскресить потухающій огонь ислама — этой религіи, основанной на мечѣ и силѣ. Конечно, подобный взрывъ возможенъ какъ въ Индіи, такъ и въ русскомъ Туркестанѣ, съ той громадной разницей для обѣихъ державъ, что въ Индостанѣ на 250 милліоновъ индусовъ, изъ коихъ 30 милліоновъ мусульманъ, имѣется 60 тысячъ собственно англійскаго войска,—причемъ все народонаселеніе скучено такъ, что на квадратную милю приходится 4,356 человѣкъ. Въ русскомъ же Туркестанѣ $3^1/_2$ милліона жителей, на которыхъ приходится 45 тысячъ русскихъ войскъ, при огромной разбросанности населенія, а именно 56 человѣкъ на квадратную милю.

Такимъ образомъ, для Россіи общій взрывъ фанатизма представляетъ гораздо меньше опасности, чѣмъ для англичанъ въ Индіи, гдѣ, въ буквальномъ смыслѣ, недостаетъ только кого-нибудь, кто бы послѣдовалъ примѣру Туссенъ-Лувертюра, который весьма наглядно доказывалъ возможность поглощенія бѣлыхъ неграми, встряхивая большое количество черныхъ бобовъ съ очень небольшимъ количествомъ бѣлыхъ. Число англичанъ въ Индіи дѣйствительно весьма незначительно, такъ какъ сюда пріѣзжаютъ лишь лица, предназначенныя для занятія мѣстъ въ администраціи или же для военной службы.

Англичане, можно сказать, и не дѣлали попытокъ къ колонизаціи страны своими единоплеменниками. Въ эпоху самаго сильнаго

Digitized by Google

движенія ирландскихъ эмигрантовъ въ Сѣверную Америку въ 30—40-хъ годахъ и въ мысль никому не приходило направить колонизацію въ Индію. Трудно опредѣлить истинныя причины, почему означенная колонизація въ дѣйствительности не происходила, но это фактъ несомнѣнный и, вѣроятно, на него вліяло, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, весьма значительное количество разнообразныхъ причинъ. Тутъ сказалось и политическое недовѣріе къ ирландцамъ, которые большею частью выселялись не только въ голодные годы, но въ особенности въ годы, когда броженіе подстрекалось враждебными Англіи политическими партіями.

Несомнѣнно, тутъ имѣлъ вліяніе и убійственный для англичанъ климатъ, который, въ особенности, плохо выдерживаютъ дѣти, такъ что всѣ, сколько-нибудь достаточные, родители посылаютъ своихъ дѣтей для воспитанія постоянно въ Англію. Но несомнѣнно также, что никакой серьёзной попытки колонизаціи англичанами въ Индіи не сдѣлано, и что, наоборотъ, каждый англичанинъ думаетъ о томъ, какъ бы въ Индіи провести поменьше времени изъ своей служебной карьеры и въ этотъ, по возможности короткій, срокъ заработать и привезти въ Англію какъ можно болѣе средствъ для своей комфортабельной жизни въ возлюбленномъ отечествѣ.

Что касается русскихъ въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, то нельзя не видѣть, что, несмотря на всѣ затрудненія, которыми въ послѣднее время, послѣ освобожденія крестьянъ, правительство обставляло переселенія,—колонизація шла своимъ путемъ и притомъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ, въ особенности по направленію Семипалатинска, Сергіополя, Копала и Вѣрнаго. Очень часто даже означенное переселеніе совершалось такъ, что о томъ ничего не знала мѣстная администрація, которая иногда находила значительныя села тамъ, гдѣ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, не числилось никакихъ поселковъ. Кромѣ того, при каждомъ изъ фортовъ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ образовались небольшія поселки изъ выслужившихъ срокъ воинскихъ чиновъ, оставшихся тамъ для занятія торговыми дѣлами.

Существуетъ такого рода мнѣніе, что для Россіи новыя земельныя пріобрѣтенія не нужны, что и безъ того государство это слишкомъ обширно, а народонаселеніе въ немъ слишкомъ рѣдко.

Но на вопросъ о переселеніи, на вопросъ о пріобрѣтеніи новыхъ обширныхъ пространствъ, которыя могутъ быть заселены, лишь бы они были годны къ земледѣлію, не можетъ ли быть представленъ слѣдующій взглядъ:

Имѣть въ своемъ распоряженіи обширныя плодородныя земли, на которыя постепенно могутъ переселяться излишнія силы, не на-

Digitized by Google

ходящія болѣе для себя достаточно производительной рабочей дѣятельности,—не значитъ-ли располагать однимъ изъ новыхъ источниковъ богатства, и вмѣстѣ съ тѣмъ, средствомъ для улучшенія матеріальнаго быта тѣхъ населеній, которымъ уже недостаточно земли въ занимаемой ими мѣстности.

Что вновь занимаемыя плодоносныя пространства могутъ служить источникомъ богатства для страны, лучше всего убѣждаетъ изслѣдованіе о хлѣбной торговлѣ въ Америкѣ г. Орбинскаго, который доказываетъ, что, вмѣстѣ съ отличными способами передвиженія хлѣбныхъ товаровъ, сильнымъ развитіемъ кредита, введеніемъ агрономическихъ машинъ и лучшихъ способовъ производства,—одна изъ причинъ, почему американцы начинаютъ одолѣвать русскихъ на европейскихъ рынкахъ въ дѣлѣ хлѣбной торговли, заключается въ обширныхъ пространствахъ земли, ежегодно американцами вновь запахиваемой и дающей обильные урожаи.

На это можно возразить, что Америка преимущественно получаетъ населеніе извнѣ, при помощи эмиграціи изъ Европы и другихъ частей свѣта, а что въ Россіи не имѣется, въ этомъ отношеніи, живыхъ силъ въ государствѣ.

Но и прошедшее, и настоящее положительно опровергаетъ подобнаго рода мнѣніе.

Давно ли новороссійскія степи служили только для пастьбы обширныхъ стадъ татаръ, владѣтелей Крыма и поселенныхъ на низовьяхъ Днѣстра и Днѣпра?

Еще 100 лѣтъ не успѣло пройти, а ужъ мы видимъ многолюдные, торговые города, обработанныя и дающія обильныя жатвы поля. И все это, надо замѣтить, произошло при отсутствіи путей сообщенія, такъ-какъ желѣзныя дороги только въ послѣднія 20 лѣтъ нѣсколько оживили этотъ богатый край.

Что же касается рѣдкости населенія въ Россіи, то это, конечно, можно признать справедливымъ относительно такихъ губерній, какъ, напримѣръ, вологодская, но это будетъ совершенно неправильно относительно губерніи, положимъ рязанской, гдѣ, въ раненбургскомъ уѣздѣ, арендная плата за десятину земли необыкновенно высока сравнительно со стоимостью обработки той же десятины.

Факты эти неотразимо доказываютъ, что въ этой мѣстности количество земли далеко не соотвѣтствуетъ количеству рабочей силы, могущей приложить свой трудъ къ обработкѣ земли.

Въ положеніи судебнаго дѣла также замѣчается совершенная противоположность между направленіемъ, даннымъ этому дѣлу въ Индіи и въ русскихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ.

Въ Индіи во всѣхъ тѣхъ областяхъ, которыя управляются не-

Digitized by Google

посредственно англійскою администраціею—англичане уничтожили всѣ прежнія судебныя учрежденія и ввели англійскихъ судей, которые ведутъ дѣло или по индусскому закону, если судятся послѣдователи Брамы, или по корану, если судятся мусульмане, или, наконецъ, по англійскимъ законамъ, если въ дѣлѣ замѣшаны англичане.

Изъ экономическихъ видовъ число лицъ, назначенныхъ къ отправленію обязанностей судей, было весьма незначительно, такъ что территорія и въ особенности число жителей въ этомъ густо населенномъ краѣ совершенно не соотвѣтствовали числу судей.

Весьма значительное число англійскихъ писателей, и преимущественно вышедшихъ изъ судебнаго сословія, разсказываютъ самые невѣроятные факты, связанные съ этимъ преобразованіемъ: о невозможности для судей исполнять добросовѣстно ихъ обязанности при обширности ввѣренныхъ ихъ попеченію округовъ, о всѣхъ тѣхъ почти невѣроятныхъ затрудненіяхъ, которыя это дѣло внесло въ жизнь индійскаго народа, помимо уничтоженія формъ стариннаго суда, вслѣдствіе того духа формализма, который такъ свойственъ англійскимъ судьямъ,—духа быть можетъ заслуживающаго полнаго уваженія въ Англіи, но совершенно непримѣнимаго въ Индіи.

Вотъ что говоритъ по этому поводу Торренсъ въ своемъ сочиненіи „Имперія въ Азіи".

Самое замѣчательное изъ всѣхъ учрежденій индусовъ была вездѣ привившаяся система присяжныхъ, которые выбирались въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ всеобщей подачей голосовъ. Предсѣдатели этихъ судовъ были также выборные и притомъ принадлежали къ числу такихъ лицъ, которыя были извѣстны, какъ защитники народа отъ всякаго рода притѣсненій и злоупотребленій.

Каждый судящійся имѣлъ право удалить изъ состава присяжныхъ тѣхъ, которыхъ онъ считалъ способными пристрастно отнестись къ его дѣлу.

Быть выбраннымъ въ члены суда присяжныхъ считалось большимъ почетомъ, на выборъ же въ предсѣдатели подобнаго суда смотрѣли, какъ на высшую награду, которую общество можетъ предоставить одному изъ своихъ членовъ.

Торренсъ говоритъ: чтобы уничтожить подобные порядки, успѣвшіе войти въ плоть и кровь общества, надо было быть ослѣпленнымъ блескомъ завоеваній и безотвѣтственностью владѣнія завоеванной землей; тѣмъ не менѣе, эти учрежденія, оставленныя неприкосновенными даже и монголами, были уничтожены европейскими завоевателями, причемъ вмѣсто суда присяжныхъ были установлены судьи изъ англичанъ.

Такимъ образомъ, жителямъ приходилось являться предъ судомъ

Digitized by Google

не своихъ согражданъ, а иностранца, который, конечно, не могъ знать и малой доли всѣхъ тѣхъ сложныхъ отношеній, которыя существуютъ въ индійской общинѣ.

Кромѣ того, и самое судебное разбирательство совершалось судьями, за незнаніемъ туземнаго языка, при помощи переводчиковъ, что также не можетъ быть отнесено къ удобствамъ новыхъ судебныхъ учрежденій.

Ни одинъ историкъ не можетъ говорить объ этомъ фактѣ, не осуждая его и не удивляясь вновь заведенному порядку.

Самъ Гэстингсъ, при которомъ означенное нововведеніе было сдѣлано, говоритъ, что онъ очень хорошо понимаетъ неудобство этой мѣры, но что это было необходимо, дабы между администраціей и судомъ не было постоянныхъ столкновеній, и вотъ причины, почему, несмотря на очевидное неудобство новаго судебнаго устройства, оно все-таки было введено.

Въ Туркестанскомъ краѣ судебный вопросъ былъ разрѣшенъ совершенно иначе. Для кочующихъ киргизовъ были установлены выборные судьи, такъ-называемые біи; судебная власть для сартовъ осталась по прежнему въ рукахъ кази, но при условіи выбора со стороны населенія округа. Русскимъ же судебнымъ учрежденіямъ предоставлены лишь тѣ дѣла, въ которыя были замѣшаны русскіе, и затѣмъ тѣ дѣла между туземцами, которыя, по предоставленному туземцамъ праву, вносились на судъ съ согласія обѣихъ тяжущихся сторонъ.

Такимъ образомъ, русскій судъ не имѣлъ характера апелляціоннаго, а только былъ, такъ сказать, высшимъ арбитромъ.

Для выясненія стратегическаго положенія русскихъ въ Средней Азіи и англичанъ въ Индіи, лучше всего остановиться на книгѣ Вульгера, который этому вопросу посвящаетъ нѣсколько объемистыхъ главъ и даетъ подробное описаніе, какъ организаціи, такъ и военныхъ силъ обѣихъ державъ.

Надо замѣтить, что многія изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, относительно русскихъ войскъ въ Туркестанѣ, довольно вѣрны, причемъ онъ чистосердечно признается, что русское, хотя и немногочисленное, войско въ Средней Азіи имѣетъ значительное превосходство предъ англійскимъ тѣмъ, что оно составлено изъ русскихъ элементовъ и что при этомъ русскіе не обучали туземцевъ военному дѣлу, такъ сказать „противъ самихъ себя“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вѣрно указываетъ на тѣ затрудненія, которыя Россія имѣла бы въ случаѣ необходимости подать туркестанскому округу подкрѣпленіе изъ Оренбурга, такъ-какъ подкрѣпленію этому надо употребить на переходъ около двухъ мѣсяцевъ.

Воззрѣнія его на кавказскую армію, на возможность подкрѣпить

Digitized by Google

туркестанскія войска со стороны Красноводска также вполнѣ оправдались послѣдними событіями. Но при всемъ томъ, кажется, что Бульгеръ не совсѣмъ вѣрно оцѣнилъ положеніе небольшой горсти англійскихъ войскъ въ Индіи, въ особенности при появленіи европейскаго врага, имѣющаго на своихъ границахъ регулярное войско. Главное затрудненіе, которое при этомъ встрѣтится, заключается именно въ свойствахъ индійскихъ войскъ, даже при томъ предположеніи, что войска эти останутся вѣрны своему долгу и не будутъ увлечены общимъ возстаніемъ, возможность котораго весьма вѣроятна.

Регулярное войско сильно, главнымъ образомъ, дисциплиною и тѣмъ духомъ, который въ немъ укрѣпляется путемъ извѣстнаго воспитанія. Между тѣмъ, въ воспитаніи туземныхъ индійскихъ войскъ главную роль играетъ убѣжденіе ихъ въ томъ, что европейцы значительно превосходятъ ихъ и представляютъ собою нѣчто для нихъ недосягаемое. Какъ же воспитаннаго такимъ образомъ индійскаго солдата, хотя бы и подъ начальствомъ англійскаго офицера, вывести въ поле и вселить въ него возможность побѣды надъ европейцемъ? Какъ ему объяснить, что вотъ эти войска, составленныя изъ европейцевъ съ тѣми же почти пріемами, какъ и англійскія войска, очень легко разбить, когда онъ жилъ и служилъ всю жизнь при томъ убѣжденіи, что европейскія войска непобѣдимы, что они составлены изъ высшаго рода людей и что они, индусы, безсильны противъ европейскаго строя? Бульгеръ въ своей книжкѣ предлагаетъ нѣсколько мѣръ, нужныхъ, по его мнѣнію, для усиленія англійскаго могущества въ Индіи; между прочимъ, въ особенности настаиваетъ на скорѣйшемъ уничтоженіи войскъ нѣкоторыхъ союзныхъ государей, которыхъ онъ считаетъ недостаточно надежными союзниками и войска которыхъ, въ случаѣ нападенія внѣшняго врага, могутъ быть опасными. Но врядъ ли эта мѣра и другіе предлагаемые Бульгеромъ палліативы могутъ принести существенную пользу. И въ этомъ отношеніи, кажется, положеніе англичанъ дѣйствительно серьёзно.

Первыя туземныя войска, подъ предводительствомъ Клайва, Гэстингса и Уэльсли (впослѣдствіи знаменитаго герцога Веллингтона), оказали англичанамъ значительную помощь въ дѣлѣ завоеванія Индіи. Многіе полки этой арміи покрыли себя громкою славою и дѣйствительно служили съ большимъ самопожертвованіемъ и мужествомъ. Многими изъ славныхъ военныхъ дѣйствій въ Индіи англичане обязаны первоначальнымъ организаторамъ означенныхъ туземныхъ полковъ, съумѣвшимъ понять и оцѣнить свойство тѣхъ солдатъ, которые имъ были ввѣрены, и дать имъ надлежащую организацію. Индійскіе солдаты, любящіе военное дѣло, весьма легко его усвоиваютъ, но при непремѣнномъ условіи личной преданности сво-

Digitized by Google

ему вождю. Это до такой степени вѣрно, что первые полки долго еще послѣ ихъ переформированія носили названіе своихъ первоначальныхъ организаторовъ. Такъ, напр., были полки Гемсена, Маттью и проч.

Само собою разумѣется, что этихъ свойствъ отъ начальниковъ можно было требовать только при первоначальной организаціи, когда полки были малочисленны. Какъ только армія разрослась и дошла, наконецъ, до нынѣшнихъ размѣровъ, когда въ рядахъ англо-индійской арміи считается до 200 тысячъ войска, удержать это свойство сдѣлалось невозможнымъ. Тутъ уже, такъ сказать, личные полки были немыслимы, — имъ поневолѣ пришлось придать болѣе общую организацію. Но и въ этомъ случаѣ были приняты нѣкоторыя мѣры, которыя даже англійскіе писатели считаютъ необходимымъ измѣнить. Такъ, напримѣръ, число офицеровъ изъ англичанъ было значительно увеличено противъ прежнихъ штатовъ, причемъ, конечно, уменьшилось число офицеровъ изъ туземцевъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ухудшилось и безъ того уже незавидное ихъ положеніе въ смыслѣ служебной карьеры. Для туземца были доступны только чины поручика и капитана; далѣе онъ идти не могъ. Такимъ образомъ, у офицеровъ отнималась возможность отличиться, выдвинуться впередъ, что, какъ извѣстно, во всѣхъ арміяхъ въ мірѣ составляетъ одно изъ весьма сильныхъ побужденій къ военнымъ подвигамъ.

Кромѣ того, послѣ возстанія сипаевъ, въ 1857 году было рѣшено не имѣть туземной артиллеріи за весьма небольшими исключеніями, сдѣланными для сѣверной части Индіи. Затѣмъ вся туземная пѣхота вооружена ружьемъ *Снайдера*, между тѣмъ, какъ англійская пѣхота вооружена ружьями *Генри-Мартини*, несравненно лучшей системы, чѣмъ первыя.

Однимъ словомъ, туземныя войска поставлены въ такое положеніе, что они не могутъ не видѣть того недовѣрія, которымъ ихъ, со всѣхъ сторонъ, окружаетъ англійское правительство.

Войско, какъ извѣстно, держится на рядѣ нравственныхъ началъ: вѣрность царю и отечеству, знамя, изображающее честь и славу части, къ которой солдатъ принадлежитъ, любовь къ своей части, къ своей военной семьѣ—вотъ основанія нравственной силы солдата. Солдатъ свято блюдетъ все это, онъ сознаетъ долгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаетъ и свои права; онъ считаетъ себя защитникомъ извѣстныхъ началъ и, въ силу этого, лицомъ, заслуживающимъ довѣрія и уваженія.

Нельзя же допускать, напримѣръ, въ Европѣ мысль о войскѣ, гдѣ солдату дано будетъ ружье, но по улицамъ города за нимъ будутъ ходить два другихъ солдата, которые будутъ смотрѣть, чтобы

Digitized by Google

онъ не стрѣлялъ въ мирныхъ гражданъ; а въ сущности, въ такомъ именно положеніи находятся въ Индіи туземныя войска, которымъ не довѣряютъ артиллеріи и которымъ даютъ ружья менѣе хорошаго образца, очевидно съ тою цѣлью, чтобы ихъ легче побить, если бы они вздумали взбунтоваться.

Россель въ своемъ роскошно изданномъ сочиненіи о путешествіи въ Индію разсказываетъ эпизодъ, весьма ясно характеризующій отношенія англійскихъ офицеровъ къ сипаямъ.

Надо замѣтить, что все сочиненіе Росселя проникнуто глубочайшей признательностью къ англійскимъ офицерамъ за ихъ любезность и все то содѣйствіе, которое они ему оказали во время путешествія, а потому книга эта не только не безпристрастна, но, напротивъ, отличается явными симпатіями къ англичанамъ.

Между прочимъ, Россель разсказываетъ, что онъ находился въ Сегорѣ (королевство Бопалъ) во время празднованія дня рожденія королевы Викторіи. Во время завтрака, англійскій резидентъ, маіоръ Уильсби Осборнъ нашелъ подъ салфеткою, положенную какимъ-то доброжелателемъ, вырѣзку изъ журнала, которая извѣщала о мѣстномъ возстаніи въ Мерутѣ и о томъ, что это только начало общаго возстанія сипаевъ. Было это въ 1867 году, и по этому поводу англійскій резидентъ разсказывалъ французскому путешественнику, что дѣйствительно были свѣдѣнія о волненіяхъ среди туземныхъ солдатъ и что, по его мнѣнію, движеніе это тѣмъ болѣе опасно, что подобныя движенія замѣчались въ десятилѣтніе періоды—такъ, напримѣръ, общему и сильному возстанію 1857 года предшествовали менѣе сильныя движенія въ 1847, 1837 и 1827 годахъ. Англійскій офицеръ безпокоился въ особенности потому, что въ это время у нижнихъ чиновъ были патроны на рукахъ, между тѣмъ, какъ обыкновенно ихъ стараются держать безъ патроновъ.

Нельзя не замѣтить, что оригинально состояніе того войска, гдѣ слѣдуетъ опасаться, что самыя средства, необходимыя для войны, находятся не въ безопасности, когда они въ рукахъ у тѣхъ, которымъ приходится ихъ употреблять.

На этотъ разъ частная вспышка была быстро подавлена; но при этомъ нельзя не замѣтить, что опасность существуетъ, если возможны факты, подобные вышеописанному.

Русскіе въ Средней Азіи не устраивали туземныхъ войскъ. Набираемые *джигиты* служатъ преимущественно какъ проводники, для перевозки почты и корреспонденціи и, въ рѣдкихъ случаяхъ, для исполненія сторожевой службы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ точки зрѣнія общей справедливости такая постановка вопроса неправильна, такъ-какъ туземцы

Digitized by Google

не несутъ главной повинности государства, повинности крови и жизни—воинской повинности. Но при этомъ нельзя не сказать, что въ виду недавняго покоренія страны, эта система кажется правильною и разумною. Несомнѣнно, что лучше выждать нѣкоторое время вводить воинскую повинность, нежели созидать самимъ себѣ непреодолимыя затрудненія организаціей туземной милиціи; впослѣдствіи, когда край освоится съ новымъ для него положеніемъ и сколько-нибудь пріобрѣтетъ право на званіе члена русской семьи—и въ этомъ краѣ, конечно, придется ввести тотъ порядокъ, который составляетъ основаніе русской военной системы, т.-е. воинскую повинность, и такимъ образомъ влить жителей Средней Азіи въ тотъ великій жерновъ русской арміи, гдѣ въ 75% велико- и мало-руссовъ такъ удачно до сихъ поръ смалывались столь разнообразные элементы нашихъ окраинъ.

Все вышесказанное достаточно указываетъ, что англійскіе писатели въ своихъ картинахъ относительнаго положенія Англіи и Россіи въ Средней Азіи, придаютъ слишкомъ темный колоритъ всему тому, что касается Россіи и, наоборотъ, не жалѣютъ яркихъ красокъ для того, чтобы представить положеніе Англіи въ Индіи въ наиболѣе розовомъ свѣтѣ.

Россія, какъ было сказано выше, не желаетъ столкновенія; напротивъ того, огромное большинство въ ней полагаетъ вполнѣ возможнымъ сойтись съ Англіей и дружески протянуть ей руку съ полнымъ и совершеннымъ убѣжденіемъ, что для каждой изъ двухъ великихъ державъ остается достаточное поле для дѣятельности и полезной, и плодотворной.

Но тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду, что значительное количество англійскихъ сочиненій посвящено исключительно цѣли доказать, до какой степени положеніе Россіи въ Азіи слабо и, наоборотъ, положеніе Англіи прочно, не безъинтересно будетъ ближе сравнить взаимныя отношенія обѣихъ державъ.

1) Русскіе въ своихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ имѣютъ главнымъ врагомъ огромныя разстоянія, пересѣкаемыя вдобавокъ безводными пространствами, что̀ крайне затрудняетъ какъ всѣ движенія войскъ, такъ и въ особенности подвозъ боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ.

Нельзя не сознаться, что пресловутый „корабль пустыни“, дѣйствительно приносящій столько пользы мирнымъ караванамъ, оказывается никуда негоднымъ для потребностей военныхъ передвиженій. Прежде всего, нельзя не обратить вниманія на то, что съ перваго же дня совмѣстной службы солдатъ и верблюдовъ между ними на-

Digitized by Google

чинается ожесточенная борьба, въ которой несомнѣнно побѣждаетъ человѣкъ и страдаетъ животное. Дѣло въ томъ, что всѣ условія жизни того и другого совершенно различны: верблюду выгодно выступить попозже, послѣ пастьбы, идти безъ привала медленнымъ шагомъ $3^1/_2$—4 верстъ въ часъ, придти пораньше и снова идти на пастьбу, которая притомъ, чтобы быть полезной, должна быть раскинута, по возможности, на большее пространство. Солдату, наоборотъ, лучше выступить пораньше, пока солнце не даетъ себя знать; ему необходимъ привалъ; кромѣ того, пастьба верблюдовъ для него представляетъ значительное увеличеніе и безъ того не легкихъ трудовъ, потому что послѣ перехода или привала надо идти въ пикетъ для прикрытія верблюдовъ. Напоить верблюдовъ, если транспортъ довольно значителенъ—опять не малый трудъ для солдатъ, прикрывающихъ верблюдовъ.

Кромѣ того, верблюдъ можетъ идти свободно только при извѣстномъ среднемъ грузѣ, котораго ни въ какомъ случаѣ не должно превышать. Но войсковыя части, несмотря на самыя большія усилія со стороны начальствующихъ лицъ, имѣютъ всегда обыкновеніе брать больше, чѣмъ слѣдуетъ, и такимъ образомъ совершенно изнуряютъ верблюдовъ. Результатомъ дурного и неумѣлаго ухода является страшная потеря верблюдовъ.

Но въ этомъ отношеніи и англичане, и русскіе во всѣ свои походы подвергались одной и той же участи: верблюды, такъ сказать, таяли въ ихъ рукахъ.

Лучшее подтвержденіе сказаннаго мнѣнія дала ахалъ-текинская экспедиція 1879 года, во время которой изъ 10,000 верблюдовъ погибло 9,600 шт., а также нынѣшняя экспедиція, къ концу которой изъ бывшихъ въ ея распоряженіи 18 тысячъ верблюдовъ осталась всего одна тысяча.

Безъ сомнѣнія, строющаяся нынѣ отъ Михайловскаго залива до Кизилъ-Арвата и уже отчасти построенная, желѣзная дорога значительно измѣняетъ положеніе дѣла. Эта дорога дастъ возможность справиться со всѣми прежними затрудненіями по части передвиженія войскъ и ихъ снабженія. Безводное пространство уже пройдено, и затѣмъ быстрая постройка дороги въ предѣлахъ плодоноснаго текинскаго оазиса дастъ несомнѣнно новое, усиленное орудіе войны.

2) Русскіе, какъ сказано было выше, не обучали своихъ среднеазіатскихъ подданныхъ военному дѣлу. Конечно, это лишитъ ихъ нѣкотораго числа союзниковъ, которые, при извѣстныхъ условіяхъ, могли бы быть полезны, но за то, съ другой стороны, гарантируетъ, въ случаѣ возстанія, отъ непріятеля, хорошо вооруженнаго, умѣющаго владѣть оружіемъ и знающаго европейскую тактику. Нужно,

Digitized by Google

впрочемъ, замѣтить, что въ этомъ отношеніи могутъ быть сдѣланы исключенія для тѣхъ изъ подвластныхъ Россіи азіатскихъ племенъ, которымъ есть основаніе довѣрять, которыя могутъ быть вооружены и употреблены съ значительной пользой на службу въ тылу. Такъ, напримѣръ, во время послѣдней ахалъ-текинской экспедиціи, адаевскіе киргизы, еще недавно волновавшіеся, служили отлично, съ замѣчательной вѣрностью, и многіе изъ нихъ совершили подвиги самопожертвованія, нерѣдко соединенные съ потерею жизни. Разъѣзды, перевозка почты и всякаго рода казенной корреспонденціи—все это лежало на нихъ. Они никогда не отказывались отъ тяжелой службы, хотя знали,что отъ текинцевъ имъ пощады не будетъ. И дѣйствительно, ихъ не мало погибло на русской службѣ.

Въ Индіи же имѣется 200 тысячъ туземнаго войска, отлично обученнаго, составленнаго изъ людей храбрыхъ и дисциплинированныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ, которые при извѣстныхъ обстоятельствахъ могутъ обратить свою силу и искусство противъ тѣхъ, кого они призваны защищать.

Выше, при сравненіи англійскихъ и русскихъ военныхъ учрежденій, было изложено положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи; но здѣсь необходимо прибавить, что въ дѣлѣ народныхъ возстаній иногда самое ничтожное обстоятельство, какъ, напримѣръ, знаменитое дѣло о смазываніи патроновъ коровьимъ саломъ, вызвавшее возстаніе сипаевъ въ 1857 году, можетъ повести къ самымъ неожиданнымъ, къ самымъ серьёзнымъ результатамъ; и безъ сомнѣнія, этотъ, такъ сказать, народный взрывъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ масса, которой онъ сообщается, плотнѣе, чѣмъ населеніе гуще и чѣмъ она дольше сдерживалась подъ сильнымъ гнетомъ искуснаго и могучаго врага.

Въ этомъ отношеніи, какъ уже сказано выше, положеніе русскихъ болѣе счастливое. Огромное пространство, на которомъ разсѣяно населеніе Туркестана, допускаетъ лишь незначительные мѣстные взрывы, не имѣющіе ничего подобнаго подготовляемому англичанами взрыву 250-милліоннаго населенія.

3) Союзники могутъ также играть извѣстную роль въ возможномъ столкновеніи. Несомнѣнно, что переходъ отъ положенія независимыхъ владѣтелей къ положенію ленныхъ не могъ быть пріятенъ ни для хановъ, окружающихъ русскіе предѣлы, ни для прежнихъ сильныхъ властителей, окружающихъ индійскія владѣнія.

Въ этомъ отношеніи русскимъ надо быть совершенно готовымъ къ тому, что союзники ихъ неблагонадежны. Но и англичане находятся не въ лучшемъ положеніи. По крайней мѣрѣ, изъ исторіи послѣднихъ событій извѣстно, что эмиръ Кабула уступилъ нѣкоторый, небольшой участокъ своихъ владѣній владѣтелю Кашемира,

Digitized by Google

который далъ ему весьма значительную сумму денегъ, въ видѣ субсидіи для веденія войны съ англичанами. А между тѣмъ, послѣдній владѣтель считается однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ союзниковъ Англіи.

4) Отличная сѣть англійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Индіи, построенная весьма раціонально съ точки зрѣнія стратегіи для обороны сѣверо-западныхъ предѣловъ Индіи, послужитъ англичанамъ сильнымъ подспорьемъ въ военномъ отношеніи и дастъ возможность сосредоточить войска на томъ или другомъ угрожаемомъ пунктѣ. Но это все имѣетъ значеніе лишь при томъ предположеніи, что общее возстаніе въ Индіи не уничтожитъ означенной сѣти и не помѣшаетъ, такимъ образомъ, искусственнымъ путямъ сообщенія сослужить столь важную для англичанъ службу. Кромѣ того, Англія владѣетъ сильнымъ военнымъ флотомъ и самымъ могущественнымъ въ мірѣ торговымъ флотомъ. Но здѣсь опять надо замѣтить, что даже при направленіи на Суэзскій каналъ, необходимо около полутора мѣсяца, чтобы къ индійскимъ берегамъ могло приплыть сколько-нибудь значительное подкрѣпленіе.

Ничего подобнаго Россія не имѣетъ. Сѣть желѣзныхъ дорогъ въ ней далеко еще недостроена, количество паровыхъ и парусныхъ судовъ на Каспійскомъ морѣ незначительно. Тѣмъ не менѣе, Россія находится, въ этомъ отношеніи, въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ: постройка паровой дороги отъ Михайловскаго залива до Кизилъ-Арвата, можно сказать, значительно измѣнила положеніе дѣлъ, существовавшее до сихъ поръ. Безводное пространство не будетъ болѣе служить помѣхой къ быстрому появленію резерва въ Средней Азіи,—до оазиса онъ пройдетъ паромъ, а далѣе 100-тысячная армія можетъ во всякое время двигаться впередъ съ однимъ колеснымъ обозомъ, не требуя болѣе для себя столь дорого стоющихъ и столь быстро уничтожающихся верблюжьихъ транспортовъ.

Что же касается перевозки по Каспійскому морю, то здѣсь необходимо сдѣлать еще нѣкоторыя поясненія. Быстро развивающееся въ Баку нефтяное дѣло заставляетъ ежегодно увеличивать количество паровыхъ и парусныхъ судовъ на Каспійскомъ морѣ; но кромѣ того, въ случаѣ надобности, часть большихъ волжскихъ пароходовъ, въ особенности тѣхъ, которые ходятъ по Нижней Волгѣ, можетъ быть взята въ самое непродолжительное время для усиленія перевозочныхъ средствъ по Каспійскому морю. Въ крайнемъ же случаѣ туда могутъ быть переведены черезъ каналы суда изъ Балтійскаго моря.

Такимъ образомъ, вотъ въ какомъ видѣ представляется дѣйствительное положеніе дѣлъ.

Россія можетъ встрѣтиться въ Гератѣ или за Гератомъ, имѣя

Digitized by Google

100-тысячную однородную русскую армію, опирающуюся на желѣзную дорогу и далѣе на Волгу и Кавказъ.

Англія можетъ выставить тысячъ 30—40 отличнаго англійскаго войска и тысячъ 100 туземныхъ войскъ, такъ какъ часть войскъ необходима для оставленія гарнизоновъ въ Индіи.

Весь вопросъ, слѣдовательно, будетъ заключаться въ томъ, до какой степени англичане могутъ разсчитывать на своихъ туземныхъ союзниковъ и туземныхъ солдатъ.

Выше этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ подробно, и кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія, что союзники крайне сомнительны, солдаты крайне неблагонадежны. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ всѣ тѣ мѣры, которыя англичане сами принимаютъ въ этомъ смыслѣ и которыя ихъ же писатели такъ усиленно рекомендуютъ. Мѣры эти заключаются въ томъ, чтобы обезоружить и послѣднихъ ленныхъ владѣтелей, у которыхъ есть хотя нѣкоторое подобіе войскъ, и кромѣ того, еще болѣе усилить англійскій элементъ въ туземныхъ войскахъ и слѣдовательно, идти еще далѣе по тому пути недовѣрія, который и теперь такъ ясно проглядываетъ во всѣхъ мѣропріятіяхъ, касающихся до туземныхъ войскъ.

Но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что борьба двухъ обширнѣйшихъ державъ въ мірѣ не можетъ быть дѣломъ легкимъ ни для той, ни для другой стороны. Не принесетъ она также и пользы ни имъ, ни вообще человѣчеству.

Тѣ жертвы, тѣ средства, которыя будутъ поглощены этой борьбой, могли бы найти несравненно лучшее назначеніе.

Россія не желаетъ борьбы; она вынуждена была произвести послѣднюю экспедицію, возбудившую столько опасеній и толковъ въ Англіи, исключительно ради цѣли окончательнаго умиротворенія русскихъ владѣній въ Средней Азіи. Текинцы покорены и нынѣ въ предѣлахъ русскаго вліянія нѣтъ болѣе племени, которое могло бы чѣмъ-нибудь обезпокоить ту или другую часть обширныхъ русскихъ владѣній въ Азіи. Теперь Россія можетъ направить всѣ свои усилія къ проложенію новыхъ путей, развитію торговли и промышленности въ этомъ, нынѣ совершенно успокоенномъ краѣ.

Торговыя сношенія Европы съ народами Средней Азіи восходятъ до самой глубокой древности, и коммерческій путь въ Индію—было завѣтное стремленіе народовъ всѣхъ временъ, — стремленіе, весьма понятное, если обратиться къ исторіи, ясно указывающей, что когда торговый путь на Индію принималъ извѣстное постоянное направленіе, то вмѣстѣ съ нимъ связывалось значительное развитіе и бо-

Digitized by Google

гатство того края, которому удавалось овладѣть означеннымъ путемъ.

Впервые упоминается въ исторіи объ этомъ пути при изслѣдованіи необыкновеннаго развитія цивилизаціи на берегахъ Тигра и Евфрата, гдѣ роскошный Вавилонъ и Ниневія получали индійскіе товары караванами, которые шли черезъ Белуджистанъ, далѣе черезъ страну халдеевъ, проникали въ Финикію, откуда уже финикіяне—эти смѣлые мореплаватели—развозили ихъ по всему Средиземному морю до отдаленныхъ береговъ Африки и Европы.

Этотъ путь изъ Индіи на западъ можетъ считаться первымъ.

Второй путь, по которому индійскіе товары направлялись въ древности на западъ, былъ, такъ сказать, проложенъ владѣльцами судовъ по Тигру и Евфрату, которые плавали не только по означеннымъ рѣкамъ, но, пройдя Персидскій заливъ и черезъ проливъ входили въ Аравійское море. И безъ сомнѣнія, удивительныя богатства Египта, древняя его цивилизація объясняются направленіемъ индійскаго торговаго пути по Аравійскому морю, и далѣе по особому каналу, вырытому Сезострисомъ для того, чтобы дать возможность индійскимъ товарамъ проходить въ Средиземное море.

Знаменитый индійскій походъ Александра Македонскаго, совершенный вдоль Атрека черезъ Гератъ, Кабулъ, Хейберскій проходъ до береговъ Инда и далѣе, не можетъ быть объясненъ никакою иною политическою идеею, какъ намѣреніемъ разбить Персію—это варварское государство, ставшее съ своими полчищами на пути между Европою и древнимъ Востокомъ. Трехлѣтній походъ Александра противъ кочующихъ, между Сыръ-Дарьею и Аму-Дарьею, племенъ получаетъ совершенно иное освѣщеніе, когда онъ объясняется не только страстью этого военачальника къ завоеваніямъ, какъ это многіе утверждаютъ, но, главнымъ образомъ, необходимостью обезпечить отъ постоянныхъ набѣговъ неутомимыхъ степныхъ наѣздниковъ большой торговый индійскій путь,—тотъ путь, ради котораго, въ то же время, Александръ приказывалъ строить суда и заводить флотилію на Каспійскомъ морѣ.

Этою же самою необходимостью обезпечить торговый индійскій путь, объясняется колонизація береговъ Аму-Дарьи и Мургаба, а также основаніе знаменитой Бактріаны, удержавшей на долгое время свое цвѣтущее состояніе.

Въ римскія времена индійскіе товары шли Аравійскимъ моремъ и волокомъ, черезъ Александрію, доходили до Рима, который ихъ настолько цѣнилъ, что тамъ ежегодно снаряжалось 120 судовъ для однихъ только индійскихъ товаровъ.

Затѣмъ начинается необыкновенное процвѣтаніе арабскаго пе-

Digitized by Google

ріода, причемъ, послѣ долгой борьбы между абасидами и омендами, центральнымъ пунктомъ является Багдадъ, богатство котораго снова объясняется транзитнымъ путемъ изъ Индіи, какъ тѣмъ же объяснялось богатство древняго Вавилона и Ниневіи.

Но набѣги турокъ и монголовъ уничтожили цвѣтущее государство, и индійскій путь снова отклоняется къ Египту и идетъ черезъ Аравійское море. Путемъ этимъ (которымъ также пользовались арабы и даже дошли до Китая, гдѣ позаимствовали изобрѣтеніе компаса и пороха) индійскіе товары продолжаютъ приходить въ Европу до времени знаменитаго открытія Васко-де-Гама.

Въ послѣднее время нѣкоторые историки старались уменьшить значеніе услуги, оказанной міру португальцами; при этомъ говорили, что и прежде этотъ путь былъ извѣстенъ, что арабы изъ Аравійскаго моря доходили до мыса Доброй Надежды прежде Васко-де-Гама и что другіе европейскіе мореплаватели достигали означеннаго пункта по Атлантическому океану. Но во всякомъ случаѣ, португальцамъ принадлежитъ честь не только открытія, но и утвержденія этого новаго направленія индійскихъ товаровъ, благодаря побѣдамъ знаменитаго Альбукерка.

Дѣло въ томъ, что недостаточно было только открыть путь, но надо было, вмѣстѣ съ тѣмъ, исторгнуть изъ рукъ семитовъ перевозку индійскихъ товаровъ, помѣшать имъ и вообще мореплавателямъ возить означенные товары египетскимъ путемъ, т.-е. черезъ Аравійское море. Для достиженія этой цѣли пришлось совершить рядъ славныхъ морскихъ кампаній, какъ въ Персидскій заливъ, такъ и въ Аравійское море и устроить тамъ нѣсколько морскихъ станцій. Это и было сдѣлано Альбукеркомъ, и въ этомъ заключается его заслуга въ дѣлѣ утвержденія за португальцами пути, столь способствовавшаго развитію ихъ богатства.

Такого рода дѣятельность португальцевъ заставила ихъ учредить рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ для обезпеченія проложеннаго ими пути: имъ принадлежалъ проливъ Бабъ-Эль-Мандебъ съ фортомъ на островѣ Сокотора; въ Персидскомъ заливѣ городъ Маскатъ, островъ и проливъ Ормузъ и наконецъ Бассора на Шатъ-Эль-Арабѣ, т.-е. при сліяніи Тигра и Ефрата въ одну рѣку.

Англичане, въ сущности, только продолжали начатое великимъ португальцемъ; установивъ рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ вдоль по пути къ Индіи и завладѣвъ ея торговлею, они утвердили за своей страной значеніе посредницы между торговлею востока и запада и тѣмъ положили основаніе изумительному богатству Англіи. Вся Европа, которая нуждается въ хлопкѣ, индиго, пряностяхъ и другихъ индійскихъ товарахъ, должна обращаться на англійскіе доки, кото-

Digitized by Google

рые составляютъ славу и богатство Англіи. Достигнуто это было, какъ сильнымъ развитіемъ коммерческаго и военнаго флота, такъ и устройствомъ ряда морскихъ станцій, предназначенныхъ для обезпеченія плаванія торговаго флота. Станціи эти на Средиземномъ морѣ: Гибралтаръ, Мальта и Кипръ—для обезпеченія пути на Суэзъ; затѣмъ островъ Св. Елены, мысъ Доброй Надежды и Иль-де-Франсъ—для обезпеченія пути вокругъ мыса Доброй Надежды, и, наконецъ, Перимъ и Аденъ—для обезпеченія плаванія по Аравійскому морю.

Всѣми этими укрѣпленными пунктами, на которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, устроены угольныя станціи для безчисленнаго множества коммерческихъ и военныхъ пароходовъ, нынѣ плавающихъ между Англіей и Индіей, англичане прочно утвердили свое торговое могущество. Иногда слышались возраженія относительно дороговизны устройства всѣхъ этихъ фортовъ, станцій, содержанія гарнизоновъ; но изумительное богатство Англіи неопровержимо доказало всю пользу подобныхъ издержекъ, и приходится вспомнить пословицу древнихъ: „для того, чтобы быть счастливымъ, надо быть сильнымъ“.

Такимъ образомъ, португальцы и за ними англичане утвердили первенство за круговымъ путемъ мимо мыса Доброй Надежды, и индійскіе товары стали проходить въ Европу преимущественно по этому направленію.

Тѣмъ не менѣе, не прекращались также попытки возвратиться и къ прежнему (египетскому) пути.

Такъ, напр., въ эпоху Людовика XIV и, вмѣстѣ съ тѣмъ, господства французовъ въ Средиземномъ морѣ, знаменитый Лейбницъ предлагалъ имъ покорить Египетъ съ цѣлью завладѣть индійской торговлей. Къ числу подобныхъ попытокъ слѣдуетъ отнести и покореніе Египта Наполеономъ, но проектъ не осуществился, вслѣдствіе абукирской побѣды Нельсона надъ французскимъ флотомъ. Это, впрочемъ, не заставило Наполеона отказаться отъ мысли объ индійскомъ походѣ, и онъ намѣревался его совершить или въ союзѣ съ Россіей, причемъ предполагалось идти по Дунаю, Черному и Азовскому морямъ, Дону, Волгѣ и Каспійскому морю въ Астрабадъ и далѣе,—или же въ союзѣ съ Персіей (куда для этой цѣли былъ посланъ генералъ Гарданъ съ цѣлой миссіей) и Турціей, причемъ походъ долженъ былъ совершиться черезъ Турцію и Гератъ. Любопытно, что конечною операціонною линіею, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, была избрана линія Гератъ-Кандагаръ.

Въ предъидущемъ бѣгломъ очеркѣ указаны только южные пути въ Индію. Но кромѣ того, существовали еще и сѣверные пути, по которымъ нѣкогда происходили торговыя сношенія, между прочимъ, и съ Россіей, и которые касаются Россіи очень близко въ особен-

Digitized by Google

ности въ виду открывающейся возможности возстановленія этихъ путей.

Плиній говоритъ, что индійскіе товары съ верховьевъ Инда приходили въ семь дней въ Бактріану на берега Икаровой рѣки, впадавшей въ Оксусъ (Аму-Дарью). По Оксусу они слѣдовали въ Гирканское море (Каспій) и изъ него въ рѣку Кирусъ (Кура), потомъ пять дней проходили они сухимъ путемъ по Колхидѣ до города Сарапона, который былъ складочнымъ пунктомъ на этомъ торговомъ пути, и, наконецъ, товары по Фазису достигали Эвксинскаго Понта (Чернаго моря).

Въ началѣ VIII вѣка, по завоеваніи арабами византійскихъ владѣній, торговый путь изъ Азіи въ Европу уклонился отъ прежняго направленія еще болѣе къ сѣверу. Восточные товары провозились въ Константинополь такимъ путемъ: изъ Каспійскаго моря они входили въ Волгу и, проплывъ небольшое разстояніе, переѣзжали по сухому пути до Танаиса (Дона), изъ котораго на корабляхъ по Эвксинскому Понту переѣзжали въ Константинополь.

Около этого же времени начались и сношенія Россіи съ дальнимъ востокомъ. Вотъ что объ этомъ говоритъ персидскій писатель, жившій въ IX вѣкѣ: „Что касается купцовъ русскихъ—они же суть племя изъ славянъ—то они ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ славянской (Волгѣ), проходятъ по заливу Хазарской столицы (городъ Итиль при впаденіи Волги въ Каспійское море), гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину. Затѣмъ они ходятъ къ морю Ожурджаль (Аральское), къ Балху и Маверанагру, а потомъ до Сина (Китай)".

Такимъ образомъ, еще въ IX вѣкѣ русскіе купцы проникали и въ Багдадъ, и Балхъ, и даже въ Китай Волгою, Каспійскимъ моремъ и степями. Вѣроятно, что и въ Россію по этой же дорогѣ ходили арабскіе, индійскіе, бухарскіе, хивинскіе и персидскіе купцы, и есть весьма вѣскія доказательства, что они дѣйствительно провозили свои товары по Каспійскому морю и Волгѣ до Казани, гдѣ новгородскіе купцы забирали ихъ, доставляли въ Новгородъ и Старую Ладогу, откуда затѣмъ отправляли въ сосѣднія государства.

Доказательствомъ этого служатъ клады, находимые до сихъ поръ по берегамъ Волги, съ монетами арабскими, индійскими и бактрійскими. Деньги, очевидно, зарывались въ случаѣ крушенія или нападенія разбойниковъ съ тѣмъ, чтобы въ другой пріѣздъ отыскать мѣсто и забрать деньги. Но владѣльцу, конечно, не всегда удавалось воротиться домой и снарядить новое судно, а если это удавалось, то все-таки часто онъ не былъ въ состояніи найти свой кладъ.

Скоро узнали азіатскіе купцы и о томъ, что великая славянская рѣка можетъ довести ихъ не только къ славянамъ, но и къ нѣмцамъ.

Digitized by Google

И несомнѣнно, что они пробирались и туда, такъ-какъ клады, однородные съ волжскими, встрѣчаются и вдоль всего пути, которымъ ѣздили сами русскіе въ нѣмецкую землю.

Татарское иго на время прервало не только эти, но и другія торговыя сношенія. Только Новгородъ и Смоленскъ могли поддерживать торговлю съ западомъ, или вѣрнѣе, съ одной Ганзой. Дальній же востокъ былъ совершенно отрѣзанъ. О немъ начали забывать, и только оставались однѣ преданія о баснословныхъ богатствахъ восточныхъ странъ.

И такъ длилось до тѣхъ поръ, пока Россія не стряхнула съ себя монгольское иго.

Индія опять явилась приманкой для всѣхъ.

Насколько извѣстно, первый попытался проѣхать въ Индію тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ въ концѣ XV столѣтія, но добрался только до Хорассана.

Нѣсколько позднѣе, генуэзецъ Паоло Чентуріоне предлагалъ великому князю Василію Ивановичу завести торговыя сношенія съ Индіей черезъ Каспійское море. При этомъ онъ указывалъ, какъ выгодно было бы для Россіи, если бы индійскіе товары привозились по Каспійскому морю въ Астрахань, потомъ Волгою и Окою въ Москву, оттуда сухимъ путемъ до Двины, далѣе Двиною въ Ригу, которая уже моремъ снабжала бы этими товарами всю Европу.

Англичане также не оставались безучастными къ вопросу о томъ, какъ бы пробраться въ Индію черезъ Россію. Вступивъ съ Иваномъ Васильевичемъ въ сношенія, они стали привозить въ Россію въ значительномъ количествѣ свои товары, имѣя впрочемъ въ виду не самую Россію, а удобство черезъ нее добраться до восточныхъ государствъ, лежавшихъ близъ Каспійскаго моря, и завязать съ ними торговыя сношенія. Въ Англіи образовалось особое торговое общество, которое поставило себѣ цѣлью отыскать наиболѣе короткій и удобный путь въ Индію и Китай. По порученію этого общества черезъ Астрахань проѣзжало много лицъ для разрѣшенія этой задачи. Извѣстнѣйшимъ изъ нихъ былъ Антоній Дженкинсонъ. Въ 1555 году онъ отправился черезъ Россію въ Астрахань, затѣмъ по Каспійскому морю достигъ Мангуслова (Мангишлакъ), лежащаго на восточномъ берегу моря, а оттуда пробрался въ Бухару. Но это трудное и опасное путешествіе было почти безполезно: Бухара снабжалась такимъ огромнымъ количествомъ товаровъ черезъ Алеппо и Смирну, что Дженкинсонъ принужденъ былъ продать привезенные имъ товары почти безъ барыша.

Тогда англійское торговое общество рѣшило вступить въ непосредственныя торговыя связи съ Персіей. Съ этой цѣлью оно въ

Digitized by Google

1561 году отправило въ Персію черезъ Россію Дженкинсона, который поѣхалъ туда изъ Москвы сухимъ путемъ вмѣстѣ съ персидскимъ посломъ, возвращавшимся изъ Москвы въ свое отечество. Сѣвъ на корабль въ Астрахани, Дженкинсонъ прибылъ въ Шабранъ, гдѣ разгрузился и со всѣми товарами отправился сухимъ путемъ черезъ Шемаху, Ардебиль и Тебрисъ въ Казбинъ, столицу тогдашняго персидскаго государя. Тамъ Дженкинсонъ пробылъ цѣлую зиму и затѣмъ возвратился въ Россію.

Но не одна Англія старалась завязать черезъ Каспійское море сношенія съ Персіею и вообще съ востокомъ. Въ 1602 году черезъ Россію былъ отправленъ отъ римскаго императора Рудольфа семиградскій дворянинъ Стефанъ Кáкашъ посломъ въ Персію. Но онъ умеръ на пути. Въ 1635 году герцогъ Фридрихъ голштейнъ-готторпскій отправилъ пословъ въ Россію и Персію съ цѣлью завязать съ ними дружественныя сношенія въ виду торговыхъ цѣлей и главнымъ образомъ полученія изъ Персіи черезъ Россію шелка. Около того же времени посолъ шведской королевы Христины, Андрей Буррей составилъ планъ наиболѣе удобнаго проѣзда изъ Бѣлаго моря въ Астрахань и по Каспійскому морю далѣе на востокъ. Наконецъ голландцы, уже въ то время извлекавшіе не малыя выгоды изъ торговли съ Остъ-Индіей, также направили свое вниманіе на Россію, какъ на страну, черезъ которую было бы несравненно легче вести торговыя сношенія съ востокомъ.

Но и сама Россія, независимо отъ иностранцевъ, старалась завести сношенія съ Индіей.

Царь Алексѣй Михайловичъ два раза посылалъ пословъ къ великому моголу, но оба раза персидскій шахъ Абасъ II не пропускалъ ихъ. Тогда придумали послать пословъ черезъ Бухару, и для разузнанія пути отправили въ 1669 году Пазухина; развѣдка Пазухина въ Бухарѣ показала возможность пробраться въ Индію этимъ путемъ, и въ 1675 году посланъ былъ къ великому моголу Эвренкзебу астраханскій татаринъ Юсупъ Касымовъ. Въ 1676 году онъ добрался до Кабула, но здѣсь былъ задержанъ и выпровоженъ обратно, такъ-какъ ѣхалъ безъ товара съ одною грамотою. Великій моголъ, которому донесено было о прибытіи русскаго посла, счелъ сношенія съ Россіею для себя невыгодными, такъ какъ очевидно, что „россійскій царь къ индійскому шаху посылаетъ посланниковъ для богатства, а не для какихъ иныхъ дѣлъ“.

И только посланный въ 1695 году съ царскими товарами и золотыми, купецъ Семенъ Маленькій безпрепятственно проѣхалъ до Дели, распродалъ всѣ свои товары, накупилъ взамѣнъ того индійскихъ, нагрузилъ ими два корабля и, получивъ, вдобавокъ, слона

Digitized by Google

въ подарокъ русскому царю отъ могола, благополучно выѣхалъ оттуда и поѣхалъ черезъ Бендеръ-Абасси въ Россію; но на пути умеръ въ Шемахѣ, такъ что подробныхъ свѣдѣній объ этомъ путешествіи не осталось.

Затѣмъ Петръ Великій, подъ вліяніемъ баснословныхъ разсказовъ о богатствахъ Индіи, снарядилъ двѣ экспедиціи: одну со стороны Сибири, подъ начальствомъ Бухгольца, а другую со стороны Астрахани, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго. Первая должна была добраться до города Эркета (Яркенда), славившагося золотыми розсыпями, а вторая должна была снабдить хивинскаго хана, уже принявшаго русское подданство, русскою гвардіей, а также предложить бухарскому хану послать отъ себя въ Индію караванъ изъ 35 купцовъ (въ томъ числѣ 13 русскихъ), съ поручикомъ Кожинымъ, „подъ видомъ купчины", съ тѣмъ, чтобы подъ Эркетомъ соединиться съ сибирскимъ отрядомъ; но соединенія этого не произошло, и конецъ экспедиціи былъ самый печальный. Бековичъ-Черкасскій, почти со всѣмъ своимъ отрядомъ, былъ измѣнически истребленъ подъ Хивой.

Въ 1750 году попытка послать караванъ въ Индію была вновь повторена, благодаря настояніямъ Неплюева, бывшаго въ то время оренбургскимъ губернаторомъ. Съ этою цѣлью учреждена была даже русско-индійская компанія, которая и снарядила два большихъ каравана въ Индію, но опытъ и на этотъ разъ не удался, и компанія его больше не повторяла.

Такимъ образомъ, несмотря на весьма настойчивыя попытки Россіи завязать сношенія съ Индіею, это какъ-то не удавалось.

Правда, во время существованія континентальной системы Наполеона, по словамъ знаменитаго путешественника Бёрнса, не только индійскіе колоніальные товары, но и англійскіе открыли себѣ путь черезъ Кабулъ, Бухару и Оренбургъ, но съ послѣдовавшей вскорѣ отмѣной этой системы все пошло по старому, и дороговизна перевозки остановила индійскіе товары на пути въ Оренбургъ.

Такимъ образомъ, выяснилось лишь то, что прямое сообщеніе съ Индіею возможно, но представляетъ много затрудненій. Оставалось пока завязать торговыя сношенія хотя съ ближайшими средне-азіатскими ханствами. Первый караванъ туда былъ снаряженъ въ 1753 году подъ начальствомъ самарскаго купца Рукавишникова. Дальнѣйшія торговыя сношенія совершались хотя и урывками, но никогда надолго не прекращались, въ особенности благодаря разнымъ льготамъ, предоставленнымъ средне-азіатскимъ купцамъ.

Вотъ перечень (по Бёрнсу) русскихъ товаровъ, достигавшихъ черезъ Бухару даже до Кабула: пистолеты, ружья, ружейные замки, висячіе замки, ножи, бритвы, желѣзная и мѣдная проволока, иглы, ки-

Digitized by Google

товый усъ, очки, зеркала, фаянсъ, писчая бумага, тонкія сукна, бархатъ, атласъ, ситцы, нанка, чай и проч.

Развитіе нашей азіатской торговли выражается слѣдующими цифрами, въ сложности:

годы:	привозъ:	отпускъ:
1773—1777	214,794 р. асс.	206,136 р. асс.
1793—1797	1.547,069 »	1.579,445 »
1804—1807	2.071,564 »	987,974 »
1812—1815	4.071,564 »	3.582,881 »
1820—1823	5.381,155 »	3.763,611 »
1824—1827	5.759,252 »	4,389,705 »
1828—1831	6.267,414 »	5.889,646 »

Такимъ образомъ, въ первое пятилѣтіе среднимъ числомъ привозилось на 43 тысячи рублей ассигнаціями въ годъ, а вывозилось на 41 тысячу. Черезъ двадцать лѣтъ привозъ доходилъ уже до 309,413 руб., а отпускъ до 315,888 руб. въ годъ. Затѣмъ торговля все разширялась до 1839 года, т.-е. до неудавшейся русской экспедиціи въ Хиву, когда торговый оборотъ съ 15 слишкомъ милліоновъ рублей сразу упалъ на 5 милліоновъ. Потомъ, конечно, мало-по-малу торговыя сношенія возстанавливались, и торговый оборотъ достигъ въ 1867 году до 53.074,000 руб. серебромъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ фактовъ, которые были изложены выше, слѣдуетъ, что всѣ попытки установить торговыя сношенія среднеазіатскихъ ханствъ: Хивы и Бухары съ Россіею черезъ Красноводскъ и Каспійское море, не удавались вслѣдствіе постоянныхъ грабежей въ степи, между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, производившихся племенемъ, занявшимъ берега Мургаба и Теджента. Грабежи эти привели къ тому, что ни одинъ караванъ не рѣшался проходить съ Аму-Дарьи къ Каспійскому морю.

Изъ предъидущаго бѣглаго очерка путей въ Индію, оказывается, что въ сущности, теперь имѣется лишь два пути, по которымъ индійскіе товары идутъ въ Европу или, правильнѣе, въ англійскіе доки—эти необъятные резервуары произведеній дальняго Востока, а именно: круговой путь, мимо мыса Доброй-Надежды, преимущественно для судовъ парусныхъ и путь на Суэзъ, по которому ходятъ главнымъ образомъ паровыя суда.

Вотъ разстояніе и продолжительность переѣзда по этимъ путямъ отъ Фальмута до Бомбея:

1) Фальмутъ, островъ св. Елены, м. Доброй-Надежды и Бомбей.

Digitized by Google

Разстояніе—10,400 миль (18,200 верстъ). Продолжительность переѣзда 42 дня.

2) Фальмутъ, Мальта, Александрія, Суэзъ и Бомбей. Разстояніе 6,000 миль (10,500 вер.). Продолжительность переѣзда 24 дня.

Такимъ образомъ, второй путь представляетъ значительное преимущество предъ первымъ; но тѣмъ не менѣе, существовало опасеніе, что съ прорытіемъ Суэзскаго канала уменьшится значеніе англійской торговли и ея торговаго флота. Опасенія эти не оправдались. Дѣло въ томъ, что съ появленіемъ болѣе сильнаго и удобнаго способа передвиженія всегда въ значительной степени увеличивается и пассажирское, и товарное движеніе. Многіе товары, которые до сихъ поръ были доступны лишь „избраннымъ", съ сокращеніемъ стоимости перевозки, дѣлаются достояніемъ массъ. Многія лица, которыя никогда бы не рѣшились на далекое путешествіе, благодаря удобствамъ, представляемымъ быстрыми и роскошными пароходами, дѣлающими рейсы на Суэзъ,—начали предпринимать означенныя поѣздки и ничего въ этомъ отношеніи не можетъ быть убѣдительнѣе, какъ свѣдѣнія о пассажирскомъ движеніи по Суэзскому каналу со времени его открытія.

Движеніе судовъ по Суэзскому каналу:

годы:	число судовъ:	на сумму:
1869	10	49,600 франк.
1870	486	5.048,394 »
1871	765	8.993,733 »
1872	1,082	16.407,591 »
1873	1,173	22.775,802 »
1874	1,264	25.218,580 »
1875	1,494	28.776,027 »
1876	1,457	29.896,025 »
1877	1,663	32.554,548 »

При развитіи паровыхъ двигателей нерѣдко приходится встрѣчать такіе факты, какъ напр. одновременное существованіе двухъ и даже трехъ линій, идущихъ по одному направленію и для которыхъ тѣмъ не менѣе на столько достаточно и пассажировъ и грузовъ, что въ этомъ отношеніи всѣ линіи вполнѣ гарантированы.

Вотъ почему, несмотря на существующіе уже два морскихъ пути въ Индію, постоянно являются попытки къ устройству кратчайшаго пути или исключительно желѣзно-дорожнаго, или же, по крайней мѣрѣ, смѣшаннаго, т.-е. воднаго и желѣзно-дорожнаго. Въ этомъ смыслѣ было сдѣлано уже не мало предложеній.

Первый изъ этихъ путей (смѣшанный), идетъ отъ Парижа до

Digitized by Google

Калькутты (по направленію: Бриндизи, Александрія, Суэзъ, Аденъ и Бомбей), и имѣетъ протяженіе 6,164 мили (10,787 вер.).

Второй путь (также смѣшанный), который неоднократно проектировался англійскими и другими предпринимателями, начиная со Скутари имѣетъ два направленія до Александретты (одно на Бульваденъ и Адану, а другое — на Кара-Гиссаръ и Коніегъ), затѣмъ идетъ черезъ Алеппо, Евфратъ и Багдадъ въ Бассору, а оттуда, воднымъ путемъ, до Бомбея—всего на разстояніи 3,380 м. (4,170 в.).

Третій путь между Парижемъ и Калькуттой (черезъ Оренбургъ, Ташкентъ, Балхъ и Пешаверъ), предложенный инженерами Лессепсомъ и Котаромъ, представляетъ собою исключительно желѣзно-дорожную линію, длиною въ 5,783 мили (10,120 верстъ).

Но кратчайшій путь и, повидимому, самый удобный между Парижемъ и Ширкапуромъ (чрезъ Варшаву, Москву, Баку, Михайловскій заливъ, Кизилъ-Арватъ, Серахсъ, Гератъ, Кандагаръ и Кветту) равняется 4,326 м. (7,571 верста).

Этотъ путь въ настоящее время пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Покореніе Ахалъ-Текинскаго оазиса и окончательное утвержденіе въ немъ русскихъ несомнѣнно поведетъ къ полному спокойствію степи, что, въ свою очередь, сдѣлаетъ возможнымъ движеніе торговыхъ каравановъ между Аму-Дарьей, Аральскимъ и Каспійскимъ морями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это кратчайшее направленіе желѣзной дороги отъ Каспійскаго моря до восточной границы Индіи.

Возражать противъ осуществимости означеннаго пути еще можно было до постройки желѣзной дороги отъ Михайловскаго залива къ Кизилъ-Арвату. Теперь же, когда работы на этой линіи вышли изъ предѣловъ безводнаго пространства и остается достроить лишь участокъ (отъ Казанджика до Кизилъ-Арвата), идущій уже по началу оазиса, гдѣ вода имѣется въ совершенно достаточномъ количествѣ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что осуществленіе желѣзной дороги по этому направленію вполнѣ возможно.

Путь этотъ представляетъ еще и то преимущество, что онъ проходитъ по степи, неудобной для жизни, всего на пространствѣ 125 в.; между тѣмъ какъ, въ случаѣ постройки дороги по предложенію Лессепса и Котара, придется захватить 740 верстъ безлюднаго пространства; а желѣзно-дорожный путь, проектируемый изъ Александретты черезъ Тигръ и Евфратъ, долженъ будетъ пройти 720 верстъ безплодной степи. Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія, что ближайшій путь, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и наиболѣе удобнымъ относительно тѣхъ земель, черезъ которыя онъ проходитъ.

Когда и какимъ образомъ удастся осуществить продолженіе означеннаго важнаго торговаго пути, неизвѣстно,—но, во всякомъ случаѣ,

Digitized by Google

это будетъ, безъ сомнѣнія, ближайшій и наиболѣе удобный путь между центрами европейской жизни и Индіей.

Участокъ линіи, какъ только онъ достроится до Кизилъ-Арвата, будетъ немедленно занятъ перевозкой грузовъ, и въ этомъ отношеніи уже сдѣланы сношенія, чтобы караваны двинулись къ Кизилъ-Арвату по нижеслѣдующимъ направленіямъ:

1) Хивинскіе и бухарскіе грузы (преимущественно хлопокъ), идущіе нынѣ по Аму-Дарьѣ до ея устьевъ и далѣе на Усть-Юртъ и Казалу въ Оренбургъ, несомнѣнно пойдутъ съ Аму-Дарьи на Орта-Кую, Игды и Кизилъ-Арватъ.

Послѣдній походъ туркестанскаго отряда, подъ начальствомъ полковника Куропаткина, съ 700 верблюдовъ, показалъ полную возможность движенія по этому пути не только для небольшихъ каравановъ, какъ это дѣлалось прежде, но и для весьма большихъ верблюжьихъ транспортовъ. Если по этому пути до сихъ поръ не было торговыхъ сношеній, то этому преимущественно мѣшали постоянные алламаны туркменъ.

Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ бухарскій и хивинскій хлопокъ шелъ въ Россію или черезъ Казалинскъ, или черезъ Усть-Юртъ—въ Оренбургъ. Такъ-какъ разстояніе между Оренбургомъ и Хивою равно 1,300 верстъ, и такъ-какъ мѣсячная наемная плата за верблюда, нагруженнаго 15 пудами, доходитъ до 25 рублей, то за 43-хъ-дневный путь, обыкновенно употребляемый на этотъ переходъ, приходится заплатить слишкомъ 35 руб. или около $2^1/_2$ рублей съ пуда. Между тѣмъ, разстояніе отъ Хивы, черезъ Орта-Кую, до Кизилъ-Арвата равняется 475 верстамъ и проходится въ 15—16 дней, причемъ за перевозъ пуда хлопка или вообще какого-либо груза придется заплатить около рубля.

2) Торговая персидская дорога, идущая нынѣ отъ Нишапура въ Астрабадъ, также найдетъ болѣе удобнымъ повернуть изъ Буджнурта въ Келету и далѣе, на Бами, къ Кизилъ-Арвату, чтобы, вмѣсто 300 верстъ верблюжьяго пути, выйти на желѣзную дорогу.

3) Третій караванный путь долженъ образоваться, начиная отъ Кандагара и идя на Гератъ, Серахсъ, Асхабадъ, Бами и Кизилъ-Арватъ. Весьма вѣроятно, что этотъ кратчайшій путь по богатому и обильному водой Ахалъ-Текинскому оазису существовалъ и прежде, но затѣмъ, со времени поселенія текинцевъ въ оазисѣ, былъ оставленъ вслѣдствіе невозможности, какимъ бы то ни было образомъ, устроиться съ этими постоянными грабителями.

Вотъ тѣ три направленія, по которымъ несомнѣнно обнаружится тяготѣніе торговыхъ каравановъ къ Кизилъ-Арвату, послѣ того, какъ къ нему подойдетъ линія закаспійской желѣзной дороги.

Digitized by Google

Задача, указанная Петромъ Великимъ и ради которой онъ посылалъ двѣ экспедиціи (одну черезъ Сибирь, а другую черезъ Красноводскъ), разрѣшена въ концѣ царствованія императора Александра II. Паровой путь по направленію къ Индіи начатъ; и если англичане съ своей стороны доведутъ паровую дорогу отъ Кандагара къ Герату, а русская линія будетъ продолжена отъ Кизилъ-Арвата, черезъ Серахсъ, до Герата, то въ 11 дней пароваго пути, съ небольшимъ морскимъ переѣздомъ, можно будетъ проѣхать изъ Парижа въ Ширкапуръ. При этомъ нельзя не предвидѣть, что пассажирское движеніе, нынѣ совершаемое черезъ Суэзскій каналъ, въ значительной степени перейдетъ на означенный путь. Путешествіе въ Индію сдѣлается достояніемъ не только самаго ничтожнаго числа лицъ, какъ это было до сихъ поръ (потому что на Суэзъ все-таки надо ѣхать около мѣсяца). Кромѣ того, для 250 милліоновъ индійцевъ, которымъ религія запрещаетъ уѣзжать изъ своего отечества по морю, откроется міръ путешествій, изслѣдованій и изученій. Россія же будетъ имѣть возможность получать изъ первыхъ рукъ индійскія произведенія и, съ другой стороны, продавать свои хлѣбныя произведенія столь часто голодающему населенію Индіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что участокъ желѣзной дороги до Герата можетъ быть построенъ англійской компаніей и безъ окончательнаго занятія Афганистана англичанами; необходимо только, чтобы въ означенной странѣ установилось спокойствіе и твердая власть, что̀ можетъ быть достигнуто англичанами при помощи тѣхъ же средствъ, которыя, съ подобной же цѣлью, были употреблены Россіею относительно Хивы и Бухары.

Такимъ образомъ, Афганъ останется нейтральною (между Россіею и Англіею) землею, хотя, безъ сомнѣнія, англійское вліяніе въ ней будетъ преобладать на томъ основаніи, что Англія уже владѣетъ частью афганскаго населенія, живущаго въ сѣверныхъ частяхъ Пенджаба и въ горныхъ проходахъ.

Конечно, при сопоставленіи положеній: съ одной стороны—безконечной войны, которая, происходя между двумя колоссальнѣйшими имперіями въ мірѣ, несомнѣнно поглотитъ цѣлые потоки крови и милліарды денегъ; а съ другой стороны — мирной картины торговыхъ сношеній, которыя откроютъ для обѣихъ странъ новые рынки для сбыта и послужатъ, такимъ образомъ, развитію въ нихъ народной производительности, — едва ли можетъ быть колебаніе относительно выбора одного изъ этихъ положеній. Говорятъ, что даже „худой миръ лучше доброй ссоры“.

Что же касается до опасенія конкурренціи, которая можетъ быть приписана новому пути по отношенію къ старымъ, то можно смѣло

Digitized by Google

утверждать, что развитіе новыхъ, могущественныхъ средствъ передвиженія, о чемъ и ранѣе уже было сказано, до такой степени увеличиваетъ торговые обороты и развиваетъ промышленность, что ея теперь перестали опасаться и проводятъ параллельные пути не только на огромныхъ разстояніяхъ, какъ предполагается въ данномъ случаѣ, но иногда, можно сказать, почти рядомъ.

Вотъ та мирная почва столкновенія, которой только и желаютъ русскіе и которой должны бы желать и англичане въ видахъ пользы человѣчества и успѣховъ цивилизаціи.

Эта почва, повторяемъ, не только желательна, но и вполнѣ возможна, такъ-какъ и Англіи, и Россіи остается весьма широкое поле для самостоятельной дѣятельности среди подвластныхъ имъ въ Азіи народовъ.

М. Аннѣнковъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюня, 1881.

Перемѣны въ высшемъ государственномъ управленіи.—Манифестъ 29-го апрѣля и циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ.—Безпорядки на югѣ Россіи.—Указъ Св. Синода о назначеніи благочинныхъ.—Возможенъ ли русскій клерикализмъ? — Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія. — Мѣры, которыми можетъ быть поднятъ уровень начальнаго обученія.

Въ западно-европейскихъ государствахъ перемѣна системы всегда влечетъ за собою перемѣну въ личномъ составѣ высшаго государственнаго управленія, и наоборотъ, новый составъ управленія всегда свидѣтельствуетъ о происшедшей или готовящейся перемѣнѣ системы. Въ Россіи такой параллелизмъ былъ до сихъ поръ скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ. У нашихъ сосѣдей мѣняются министерства, у насъ мѣнялись только отдѣльные министры. Увольненіе и назначеніе ихъ иногда проходило совершенно безслѣдно, иногда отражалось на данной отрасли управленія, нисколько не затрогивая всѣхъ остальныхъ. Ожидать отъ министра строго опредѣленнаго, неизмѣннаго направленія мы не привыкли; намъ слишкомъ часто случалось видѣть одно и то же лицо на одномъ и томъ же мѣстѣ въ существенно различные моменты нашей внутренней жизни. Измѣненіе системы безъ соотвѣтствующей перемѣны лицъ было для насъ явленіемъ столь же обычнымъ, какъ и перемѣна лицъ безъ измѣненія системы. Примѣромъ послѣдней можетъ служить назначеніе А. Е. Тимашева на мѣсто П. А. Валуева, Л. С. Макова на мѣсто А. Е. Тимашева; самый яркій примѣръ перваго мы видѣли въ 1866 г. Никто не станетъ отвергать, что этотъ годъ былъ однимъ изъ поворотныхъ пунктовъ въ исторіи прошедшаго царствованія; новыхъ назначеній онъ принесъ съ собою, однако, всего два: назначеніе гр. Д. А. Толстого министромъ народнаго просвѣщенія и гр. П. А. Шувалова главнымъ начальникомъ третьяго отдѣленія. Не говоря уже о министерствахъ второстепенныхъ, не политическихъ, министромъ

Digitized by Google

внутреннихъ дѣлъ остался П. А. Валуевъ, только два года спустя удалившійся на время съ административной сцены. Намъ могутъ замѣтить, что П. А. Валуевъ былъ предвѣстникомъ, піонеромъ того направленія, которое окончательно побѣдило въ 1866 г., но проявлялось наружу гораздо раньше, съ самаго 1861 года, что сохраненіе въ тѣхъ же рукахъ портфеля внутреннихъ дѣлъ было, слѣдовательно, вполнѣ совмѣстно съ торжествомъ новой политики. Это замѣчаніе совершенно справедливо; но оно подтверждаетъ нашу мысль, напоминая, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ П. А. Валуевъ могъ дѣйствовать рядомъ съ А. В. Головнинымъ, увольненіе котораго было самымъ знаменательнымъ—въ области личныхъ административныхъ перемѣнъ—событіемъ 1866 года. Эта аномалія становится еще болѣе рѣзкой, если принять въ соображеніе, что А. В. Головнинъ былъ назначенъ министромъ не прежде, а *послѣ* П. А. Валуева. На судьбу крестьянскаго дѣла замѣна С. С. Ланского (или, правильнѣе, Н. А. Милютина) П. А. Валуевымъ повліяла, безъ сомнѣнія, весьма сильно; въ отношеніи къ судебной реформѣ то же самое можно сказать о замѣнѣ Д. Н. Замятнина гр. Паленомъ. Съ именемъ этихъ лицъ нельзя, однако, связать представленія объ *общемъ*, рѣшительномъ поворотѣ во внутренней политикѣ правительства. Первымъ, со временъ Сперанскаго, именемъ, возбуждающимъ такое представленіе, останется въ нашей исторіи имя гр. Лорисъ-Меликова,—и въ этомъ заключается главная причина впечатлѣнія, произведеннаго, въ началѣ минувшаго мѣсяца, вѣстью объ увольненіи его отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Призывъ гр. Лорисъ-Меликова къ власти былъ началомъ новой эпохи; вотъ почему въ удаленіи его отъ управленія думали видѣть какъ-бы окончаніе этой эпохи.

Въ промежутокъ времени, истекшій съ февраля 1880 по май 1881 года, сдѣлано, закончено сравнительно немногое; но это и не могло быть иначе, въ виду обстоятельствъ, при которыхъ началась и продолжалась новая эра. Предшествующій періодъ не завѣщалъ ей никакихъ подготовительныхъ трудовъ, никакихъ реформъ, близкихъ къ осуществленію; единственнымъ его наслѣдствомъ была масса затрудненій, которыя необходимо было устранить, прежде чѣмъ приняться за болѣе благодарную работу. Борьба съ революціонной агитаціей, не прекращавшаяся ни на одну минуту, требовала большой затраты силъ и не только косвенно, но и прямо тормозила ходъ преобразованій. Понятно, что при такихъ условіяхъ существенно важную заслугу слѣдуетъ видѣть уже въ одной правильной постановкѣ вопросовъ, въ одномъ вѣрномъ указаніи цѣлей, къ которымъ слѣдуетъ стремиться, и средствъ, съ помощью которыхъ онѣ могутъ быть достигнуты. Реакція, господствовавшая, съ бо́льшей или мень-

Digitized by Google

шей силой, цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ, привела къ двумъ главнымъ результатамъ: она ухудшила экономическое положеніе народа и извратила умственную жизнь общества, парализовавъ одни проявленія ея, болѣзненно обострив другія. Сообразно съ этимъ, поправить дѣло можно только одновременной работой въ двухъ направленіяхъ, тѣсно связанныхъ между собою. Принять мѣры къ поднятію народнаго благосостоянія, оставляя общество—безгласнымъ, мысль—зависимою отъ произвола, земство—безсильнымъ и забитымъ, значило бы обречь эти мѣры, въ лучшемъ случаѣ, на полу-успѣхъ, рисковать длиннымъ рядомъ ошибокъ въ примѣненіи, въ самомъ выборѣ ихъ. Увеличить свободу мысли и слова, ничего не измѣняя въ матеріальномъ бытѣ народа, значило бы строить на пескѣ, забыть о насущныхъ потребностяхъ, безъ того слишкомъ долго остававшихся неудовлетворенными. Односторонность второго рода въ Россіи менѣе опасна и менѣе вѣроятна, чѣмъ односторонность перваго рода: менѣе опасна потому, что освобожденное слово прежде всего указало бы на необходимость позаботиться о народѣ, менѣе вѣроятна, потому, что въ нашемъ прошедшемъ нѣтъ данныхъ для исключительнаго попеченія объ образованномъ меньшинствѣ, и наоборотъ, много данныхъ для систематическаго игнорированія его стремленій. Какъ бы то ни было, политика, восторжествовавшая въ февралѣ прошедшаго года, не была односторонней ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. Поставивъ себѣ задачей облегченіе экономическаго гнета, тяготѣющаго надъ массой населенія, она выразила рѣшимость измѣнить къ лучшему и тѣ условія, отъ которыхъ *сознательно* страдаетъ меньшинство, *безсознательно*—большинство русскаго народа. Отмѣна соляного акциза, повышеніе гильдейскихъ сборовъ и акциза на свекловичный сахаръ, установленіе налога на золото, пониженіе выкупныхъ платежей,—всѣ эти реформы, отчасти осуществившіяся, отчасти приготовленныя къ осуществленію, имѣли въ виду одну и ту же цѣль: болѣе справедливое распредѣленіе податного бремени. Вопросы, давно погребенные въ коммиссіяхъ, вышли на свѣтъ и быстро подвинулись къ разрѣшенію. Сенаторскія ревизіи должны были выяснить, между прочимъ, другія средства къ улучшенію народнаго быта, къ устраненію золъ, отъ которыхъ бѣдствуетъ наше крестьянство—малоземелья, кулачества, административной неурядицы. Параллельно съ этими мѣрами шли другія, которыя можно назвать общимъ именемъ *освободительныхъ*. За фактическимъ расширеніемъ круга дѣйствій земства, общества и печати виднѣлась уже возможность законнаго обезпеченія за ними новыхъ правъ, сравнительно широкихъ. Упраздненіе третьяго отдѣленія и ограниченіе административной расправы предвѣщало побѣду законности надъ произволомъ. Пересмотръ за-

Digitized by Google

кона о печати позволялъ ожидать уничтоженія главныхъ преградъ, мѣшающихъ развитію общественной мысли. На ревизующихъ сенаторовъ возложено было подробное изученіе земскихъ и городскихъ учрежденій, съ цѣлью очевидно благопріятною для самоуправленія. Декабрьскій циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ призвалъ земство къ обсужденію одной изъ важнѣйшихъ сторонъ мѣстнаго административнаго устройства. Для дальнѣйшаго хода преобразованій, подготовленныхъ сенаторскими ревизіями, постановленіями земскихъ собраній и отзывами печати, выбранъ былъ путь, который уже самъ по себѣ представлялся залогомъ успѣха. Таковы были главныя черты системы, много обѣщавшей въ близкомъ будущемъ, системы обдуманной, послѣдовательной, постоянно пріобрѣтавшей новыхъ приверженцевъ въ сферѣ высшаго управленія и вносившей въ нее столь долго недостававшее ей единство. Въ примѣненіи системы были, конечно, колебанія, но они зависѣли отъ временныхъ обстоятельствъ, отъ давленія чуждыхъ ей элементовъ, отъ неизбѣжныхъ столкновеній не только съ преданіями, но и съ живыми остатками предшествовавшаго порядка. Какъ ни прискорбны были подобныя колебанія—на нѣкоторыя изъ нихъ намъ пришлось указать не дальше, какъ въ предъидущемъ обозрѣніи,—надежду на окончательное торжество системы они не уничтожали, пока руководящая роль оставалась въ рукахъ того, кому принадлежитъ честь созданія системы. Теперь вопросъ формулируется иначе; рѣчь идетъ уже не о томъ, скоро ли, вполнѣ ли осуществится программа, выяснявшаяся все больше и больше въ продолженіе цѣлаго года, а о томъ, что̀ будетъ поставлено на ея мѣсто, въ какой степени новая система будетъ отличаться отъ прежней, сошедшей со сцены вмѣстѣ съ ея авторомъ. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, матеріаловъ для отвѣта еще немного; попробуемъ разсмотрѣть ихъ, насколько это возможно.

Манифестъ 29-го апрѣля написанъ въ общихъ выраженіяхъ, а потому наиболѣе знаменательное его мѣсто [1]) опредѣляетъ задачу правительства отрицательно, но не положительно; оно показываетъ намъ, что̀ именно отвергнуто, что̀ не будетъ допущено правительствомъ, но еще не объясняетъ, что̀ будетъ сдѣлано, предпринято имъ. Заключительныя слова манифеста требуютъ оффиціальнаго комментарія, которымъ и служитъ — но только отчасти— первый циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ. Циркуляръ

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь слѣдующія слова манифеста: «Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на божественный промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній».

Digitized by Google

обѣщаетъ дворянству, земству и городскимъ сословіямъ неприкосновенность принадлежащихъ имъ правъ, крестьянству—возможное облегченіе лежащихъ на немъ тягостей и улучшеніе его общественнаго устройства и хозяйственнаго быта, Россіи вообще—осуществленіе на самомъ дѣлѣ всего положеннаго въ основу дарованныхъ монархомъ учрежденій. „Правительство", читаемъ мы въ концѣ циркуляра, „приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній". Какъ велика была у насъ разница между словомъ и дѣломъ, между буквой закона и его исполненіемъ—это знаетъ всякій. Проведеніе въ жизнь того, что̀ существовало и существуетъ только на бумагѣ — задача несомнѣнно важная, несомнѣнно необходимая; но столь же несомнѣнна, въ нашихъ глазахъ, и ея недостаточность. Земскому, городскому, крестьянскому самоуправленію вредило до сихъ поръ не только неправильное примѣненіе—или непримѣненіе — закона, но и внутреннее его несовершенство. Возстановить дѣйствіе закона, значитъ сдѣлать одинъ лишь первый и далеко не самый важный шагъ, за которымъ должны послѣдовать многіе другіе. Въ отношеніи къ крестьянскому самоуправленію дальнѣйшее развитіе прямо обѣщано циркуляромъ; въ отношеніи къ земству мы находимъ только намекъ, заключающійся въ послѣднихъ словахъ циркуляра и крайне нуждающійся въ разъясненіи. Что̀ слѣдуетъ понимать подъ именемъ „правильныхъ способовъ, которые обезпечили бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній"? Идетъ ли здѣсь рѣчь исключительно объ устраненіи стѣсненій, тяготѣющихъ теперь надъ дѣятельностью земства—объ ограниченіи предсѣдательской власти и губернаторскаго контроля, о возвращеніи земскимъ собраніямъ права безцензурнаго печатанія своихъ журналовъ и постановленій,—или разумѣется нѣчто бо̀льшее, т.-е. расширеніе правъ и круга дѣйствій земскихъ учрежденій? Не случайно, повидимому, упомянуто въ циркулярѣ о *мѣстныхъ* дѣятеляхъ; въ этомъ выраженіи лежитъ, если мы не ошибаемся, центръ тяжести всей приведенной нами фразы. *Мѣстные* дѣятели, какъ таковые, пріурочены къ *мѣстнымъ* дѣламъ и не должны ожидать призыва къ участію въ другой, болѣе важной работѣ. Если наша догадка не лишена основанія, различіе между прежней программой и нынѣшней программой, заступившей ея мѣсто, выступаетъ на видъ въ яркомъ свѣтѣ. Мы желали бы ошибаться, и не теряемъ надежды, что будущее докажетъ нашу ошибку; но въ ожиданіи такихъ доказательствъ, заключеніе, къ которому мы пришли, напрашивается на мысль само собою, слы-

Digitized by Google

шится въ унынін однихъ, въ худо скрытой или вовсе не скрываемой радости другихъ, въ впечатлѣніяхъ биржи, въ отзывахъ иностранной прессы. Подтвержденіе ему можно найти и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ циркуляра. Когда мы читаемъ о бездѣйствіи властей, о безучастномъ отношеніи общества къ крамолѣ, какъ о причинахъ, сдѣлавшихъ возможнымъ успѣхъ преступныхъ замысловъ, намъ невольно приходятъ на память однородныя заявленія извѣстныхъ органовъ нашей печати, и мы спрашиваемъ себя, не скрывается ли за этой аналогіей другая, болѣе важная. Мы знаемъ по опыту, что отъ мысли о бездѣйствіи власти слишкомъ легко перейти къ мысли о необходимости чрезвычайныхъ мѣропріятій, отъ мысли о безучастномъ отношеніи общества къ крамолѣ — къ мысли о солидарности общества или извѣстной его части съ крамолою.

Недоумѣніе, въ которомъ оставляетъ насъ циркуляръ 6-го мая, не можетъ быть продолжительно. Пробнымъ камнемъ для новой системы послужитъ прежде всего отношеніе ея къ печати, къ свободному слову—отношеніе, всегда соотвѣтствующее общему направленію правительства. Мы скоро узнаемъ, продолжается ли дѣятельность комиссіи, учрежденной съ цѣлью пересмотра закона о печати, узнаемъ сущность фактическаго и юридическаго режима, готовящагося для прессы. Позволительно ожидать, по меньшей мѣрѣ, одного,—что между этими двумя режимами не будетъ противорѣчія, къ которому пріучили насъ предшественники Н. С. Абазы и гр. Лорисъ-Меликова. „Осуществить на самомъ дѣлѣ все положенное въ основу дарованныхъ монархомъ учрежденій", значитъ, въ примѣненіи къ печати, возвратиться къ закону 6-го апрѣля 1865 г., исключить изъ арсенала административныхъ орудій всѣ тѣ, которыя пускаются въ ходъ за кулисами или поражаютъ журналъ, не объясняя мотивовъ взысканія. И на почвѣ закона 6-го апрѣля возможны, однако, весьма различные способы дѣйствій относительно печати; въ выборѣ того или другого несомнѣнно отразятся взгляды и намѣренія правительства. Еще яснѣе обрисуются они мѣсяца черезъ четыре, когда будутъ приведены къ концу сенаторскія ревизіи и представлены сенаторами ревизіонные отчеты. Съ наступленіемъ этого момента неминуемо возникнутъ два вопроса первостепенной важности: въ какомъ порядкѣ должны быть разсмотрѣны матеріалы, собранные ревизіею, и заключенія ревизующихъ сенаторовъ,—и что именно должно быть сдѣлано для устраненія недостатковъ и пополненія пробѣловъ, раскрытыхъ ревизіею. Разрѣшеніе перваго изъ этихъ вопросовъ, проектированное гр. Лорисъ-Меликовымъ, извѣстно русскому обществу, несмотря на отсутствіе оффиціальныхъ о томъ сообщеній; оно послужитъ основаніемъ для сравненія, мѣриломъ для оцѣнки тѣхъ мѣръ, которыя будутъ

Digitized by Google

приняты новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Заранѣе можно сказать только одно: чрезвычайному способу изслѣдованія, какимъ представляются ревизіи, долженъ соотвѣтствовать такой же способъ обсужденія данныхъ, добытыхъ ревизіями,—иначе ревизіи не достигнутъ своей цѣли, и воспоминаніе о нихъ будетъ воспоминаніемъ о крупной неудачѣ. Какимъ бы путемъ ни была совершена преобразовательная работа, содержаніе ея покажетъ, обнимаютъ ли виды правительства обѣ стороны движенія, указанныя нами выше, или только одну, касающуюся улучшеній въ матеріальномъ бытѣ народа; оно покажетъ, предполагается ли выйти изъ области палліативныхъ мѣръ на широкую дорогу коренныхъ реформъ.

Манифестъ 29-го апрѣля призываетъ къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ искорененію неправды и хищенія. Циркуляръ 6-го мая, комментируя этотъ призывъ, указываетъ на „неразборчивость въ выборѣ средствъ и снисходительное отношеніе общества къ незаконнымъ способамъ наживы", какъ на „обычныя явленія нашего времени". „Нравственная чистота, вѣра въ свое дѣло и преданное служеніе", читаемъ мы дальше въ циркулярѣ, „должны быть святымъ долгомъ для всѣхъ и каждаго, *въ особенности для ближайшихъ слугъ государевыхъ*. Хищеніе должно быть пресѣкаемо и преслѣдуемо вездѣ, *гдѣ бы оно ни обнаруживалось*, а виновники его должны нести заслуженную кару". Нельзя не сочувствовать этимъ общимъ положеніямъ, нельзя не быть благодарнымъ за откровенное выраженіе мысли, заключающейся въ подчеркнутыхъ нами словахъ циркуляра; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что нравственный строй цѣлаго общества и даже отдѣльныхъ лицъ не можетъ быть измѣненъ предписаніями свыше, какъ бы они ни были основательны и авторитетны. Въ послѣднее время особенно часто приходится встрѣчаться съ проповѣдниками старой теоріи, отрицающей дѣйствіе учрежденій и вѣрящей только во внутреннее самоусовершенствованіе человѣка. Не повторяя того, что̀ неоднократно говорилось по этому поводу въ нашемъ журналѣ—напримѣръ, въ статьяхъ, вызванныхъ прошлогоднимъ выпускомъ „Дневника" Ѳ. Достоевскаго—замѣтимъ только, что *прямое* вмѣшательство правительства въ дѣло воспитанія или перевоспитанія общества настолько же безсильно (если не вредно), насколько могущественно и благотворно можетъ быть *косвенное* вліяніе его. Укрѣпленіе вѣры и нравственности *непосредственно* правительственными средствами означаетъ, бо́льшею частью, искусственную поддержку того или другого вѣроисповѣданія, преслѣдованіе всего несовмѣстнаго съ его исключительнымъ господствомъ, увеличеніе числа уроковъ по закону Божію, усиленіе власти духовенства надъ школой, нѣкоторое огра-

Digitized by Google

ниченіе общественныхъ увеселеній—другими словами, совокупность мѣръ, *въ лучшемъ случаѣ* не приводящихъ ни къ какому результату. Нѣсколько болѣе дѣйствительными могутъ быть мѣры, непосредственно направленныя противъ хищенія и неправды; и здѣсь, однако, наказаніе нѣсколькихъ виновныхъ (обыкновенно изъ числа тѣхъ, кого иозтъ называетъ *маленькими воришками*, въ противоположность большимъ) оказывается совершенно недостаточнымъ для поднятія общаго уровня нравственности, хотя бы въ однѣхъ только административныхъ сферахъ. Доказательствомъ этому можетъ служить вся исторія двухъ послѣднихъ царствованій. Несмотря на строгость императора Николая, несмотря на падавшія, отъ времени до времени, гекатомбы мелкихъ, и даже не совсѣмъ мелкихъ, чиновниковъ, взяточничество процвѣтало въ 1855 году ничуть не меньше, чѣмъ въ 1825-мъ. При Александрѣ II-мъ оно ослабѣло тамъ и въ такой мѣрѣ, гдѣ и въ какой мѣрѣ измѣнились вызывавшія его условія — ослабѣло, напримѣръ, въ судебномъ мірѣ, преобразованномъ уставами 1864 г. и выведенномъ изъ потемокъ канцелярской тайны. Во многихъ другихъ областяхъ оно сохранило всю свою силу, облекшись только иногда въ новую, болѣе современную форму; мало того—оно появилось даже тамъ, куда прежде не проникало. Угроза „заслуженной кары“ и самое осуществленіе этой угрозы не исправитъ административныхъ нравовъ, точно такъ же, какъ призывъ къ правдѣ и чести не измѣнитъ къ лучшему общественную нравственность. Мы не отрицаемъ силы слова, значенія проповѣди или увѣщанія; намъ кажется только, что предоставляя имъ полную свободу—и этимъ самымъ всего лучше способствуя ихъ успѣху,—правительство должно дѣйствовать другими средствами, прямо соотвѣтствующими его роли. Оно должно работать надъ созданіемъ такихъ учрежденій, которыя благопріятствовали бы развитію хорошихъ сторонъ человѣческой природы, не давали бы пищи ея дурнымъ инстинктамъ, поднимали бы умственный и нравственный уровень народа; оно должно устранять преграды, лежащія на этомъ пути, и стремиться къ тому, чтобы каждый, безъ исключенія, сознавалъ и чувствовалъ живую связь съ государствомъ, много дающимъ, но за то многаго и требующимъ отъ своихъ гражданъ.

Насколько необходима и неотложна такая работа, это показываютъ всего яснѣе прискорбныя событія на югѣ Россіи. Еврейскій погромъ, начавшійся 15-го апрѣля въ Елисаветградѣ, продолжался около трехъ недѣль, охватилъ семь губерній и достигъ небывалыхъ прежде размѣровъ. Участіе въ немъ анархистовъ не подлежитъ сомнѣнію, но сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. Народныя массы, разбивавшія дома и уничтожавшія имущество евреевъ—а въ иныхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Одессѣ, и не однихъ евреевъ—слу-

Digitized by Google

жили дѣлу анархіи, но служили ему безсознательно, увлекаясь совершенно другими чувствами и стремясь къ совершенно другимъ цѣлямъ. Преслѣдованіе анархистовъ не должно, поэтому, отвлекать вниманіе отъ коренныхъ причинъ народныхъ волненій. Вопросъ, съ такою страшной силой заявившій себя на югѣ, долженъ быть названъ, по справедливому замѣчанію одной газеты, не еврейскимъ, а русско-еврейскимъ вопросомъ. Его не разрѣшило бы даже выселеніе евреевъ изъ Россіи, еслибы оно и могло перейти изъ области болѣзненныхъ, сумасбродныхъ фантазій въ область дѣйствительности; его не разрѣшитъ уравненіе евреевъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи, хотя цѣлесообразность такой мѣры не подлежитъ никакому сомнѣнію. Для того, чтобы еврей пересталъ быть и казаться чужимъ въ Россіи, необходимо, чтобы онъ почувствовалъ себя русскимъ, на томъ же основаніи, на какомъ онъ чувствуетъ и сознаетъ себя во Франціи или Англіи французомъ или англичаниномъ моисеева закона; но этимъ путемъ можетъ быть искоренена — конечно, не въ близкомъ будущемъ—только національная и религіозная вражда между русскими и евреями. Экономическія причины, роль которыхъ въ недавнихъ безпорядкахъ столь очевидна, требуютъ другого, болѣе сложнаго врачеванія; то же самое слѣдуетъ сказать о невѣжествѣ, о нравственномъ мракѣ, обнаружившемся вездѣ, гдѣ только раздался бранный кличъ противъ евреевъ. Предупредить повтореніе недавнихъ событій можетъ лишь взаимнодѣйствіе реформъ, о которомъ мы говорили выше. Необходимо поднять благосостояніе народа, чтобы освободить его отъ эксплуатаціи, главными дѣятелями которой въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ Россіи — и только въ этихъ губерніяхъ—служатъ евреи; но столь же необходимо поднять народное образованіе, чтобы оградить народъ отъ вліянія нелѣпыхъ слуховъ, безумныхъ и преступныхъ подстрекательствъ, столь же необходимо упрочить и утвердить господство закона, равнаго для всѣхъ, широкаго и гуманнаго, чтобы внушить народу уваженіе къ личности и праву. Отъ подробнаго, всесторонняго и безпристрастнаго изслѣдованія южной смуты можно ожидать цѣнныхъ и вѣскихъ указаній на слабыя стороны существующихъ порядковъ. Весьма важно будетъ узнать, участвовали ли въ нападеніи на евреевъ, и если участвовали, то въ какой мѣрѣ, католики, раскольники, штундисты; много ли было между нападающими безземельныхъ крестьянъ и фабричныхъ рабочихъ; въ какомъ отношеніи находилось число грамотныхъ къ числу безграмотныхъ, число учившихся въ какой-нибудь правильно организованной школѣ къ числу выучившихся грамотѣ гдѣ-нибудь и какъ-нибудь, на мѣдные гроши. Громадный вредъ, причиненный Россіи погромами въ Кіевѣ, Одессѣ, Елисавет-

Digitized by Google

градѣ, можетъ быть вознагражденъ, до извѣстной степени, только утилизаціей того свѣта, который они бросаютъ на наше прошедшее, настоящее и будущее. Самой большой ошибкой было бы, безъ сомнѣнія, отвѣчать на беззаконіе беззаконіемъ, на грабежъ и буйство—какими-нибудь чрезвычайными, экстра-легальными наказаніями. Мы говоримъ не о мѣрахъ, употребляемыхъ во время безпорядковъ, съ цѣлью подавленія ихъ, а о мѣрахъ, слѣдующихъ за возстановленіемъ спокойствія — напр., о поголовномъ сѣченіи виноватыхъ (а иногда, можетъ быть, и правыхъ), въ первый разъ допущенномъ въ Одессѣ, на пасхѣ 1871 года, и повторившемся, къ сожалѣнію, кое-гдѣ по усмиреніи послѣдней смуты. Въ херсонской губерніи оно было дѣломъ излишняго усердія отдѣльныхъ начальствующихъ лицъ, немедленно остановленнаго генералъ-губернаторомъ; но въ другомъ мѣстѣ, если вѣрить газетамъ, оно происходило при такихъ условіяхъ, которыя указываютъ на согласіе или приказаніе высшей въ краѣ административной власти. Мы надѣемся, что извѣстіе это будетъ опровергнуто и что единственный упрекъ, заслуженный нѣкоторыми изъ числа южныхъ администраторовъ, будетъ касаться непринятія ими своевременно такихъ мѣръ предосторожности, которыя предупредили бы возможность уличныхъ безпорядковъ или остановили бы ихъ въ самомъ началѣ.

Всякій разъ, когда выступаетъ на видъ необходимость возвысить нравственный и умственный уровень народа, мысль невольно останавливается на положеніи у насъ духовенства и народной школы. Какъ незначителенъ, въ глазахъ народа, нравственный авторитетъ православнаго духовенства—это ни для кого не составляетъ тайны; пассивное, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, отношеніе его къ еврейскимъ погромамъ служитъ только новымъ напоминаніемъ объ одномъ изъ нашихъ застарѣлыхъ общественныхъ недуговъ. Пути къ исцѣленію его намѣчены давно: это освобожденіе духовенства отъ всякихъ полицейскихъ функцій, лишеніе его возможности и права дѣйствовать противъ раскольниковъ иначе, какъ проповѣдью, примѣромъ и непринужденною бесѣдой, уничтоженіе послѣднихъ, далеко не малочисленныхъ еще остатковъ кастическаго его устройства, возможно бо́льшее сближеніе спеціально-духовныхъ учебныхъ заведеній съ общими, широкое развитіе самоуправленія въ средѣ духовенства, установленіе или возстановленіе живой связи между священникомъ и приходомъ, послѣдствіемъ чего само собою явилось бы лучшее матеріальное обезпеченіе священника и т. д. Понятно, какое прискорбное впечатлѣніе должна производить всякая мѣра, ищущая избавленія отъ зла не впереди, а позади, въ давно испытанныхъ и осужденныхъ опытомъ средствахъ. Не успѣло еще выборное начало

Digitized by Google

пустить корни въ средѣ нашего духовенства, не успѣло оно еще получить той организаціи, которая одна только можетъ сдѣлать его истинно-полезнымъ, какъ возстановляется уже, по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи, старый порядокъ, неудовлетворительность котораго была сознана еще въ началѣ управленія гр. Толстого. Указомъ Св. Синода, состоявшимся по предложенію оберъ-прокурора и обнародованнымъ въ началѣ мая, предписывается обязательное назначеніе благочинныхъ архіереями, т.-е. отмѣняется допущенный въ нѣкоторыхъ епархіяхъ выборъ благочинныхъ священниками изъ собственной среды своей. Ожидать отъ этой мѣры какихъ-либо хорошихъ результатовъ невозможно уже потому, что порядокъ, ею установляемый, существовалъ повсемѣстно до конца шестидесятыхъ годовъ, существуетъ кое-гдѣ и теперь, и нигдѣ, никогда не приводилъ даже къ простому улучшенію нравовъ духовенства. Остается только желать, чтобы за первымъ шагомъ назадъ не послѣдовали другіе, чтобы уцѣлѣли, напримѣръ, епархіальные съѣзды, успѣвшіе уже во многомъ измѣнить къ лучшему положеніе духовныхъ училищъ.

Славянофильствующая печать отнеслась недавно съ насмѣшкой къ предположенію о томъ, что въ Россіи есть свой клерикализмъ, свои клерикалы. „Клерикализмъ въ Россіи?“ восклицаетъ „Русь“. „Но вѣдь это явленіе взято изъ западно-католическаго міра? Вѣдь оно значитъ: вторженіе властолюбиваго латинскаго духовенства въ сферу жизни государственной и общественной, за предѣлы, подобающіе званію и вліянію духовнаго пастыря. Съ клерикализмомъ боролись и борятся Италія, Испанія, Франція. Но въ исторіи русской церкви и государства если и былъ серьёзный клерикалъ, такъ развѣ Никонъ, да и тотъ кончилъ свое поприще заточеніемъ. Нашего бѣднаго сельскаго священника нужно чуть не за рясу тащить въ народную школу для исполненія своей прямой обязанности ученія и вообще для „оказанія своего вліянія“, а тутъ его вдругъ либералы и бюрократы возмнили напопаснымъ человѣкомъ, отъ вліянія котораго нужно какъ можно скорѣе уберечь русскій простой народъ“! Въ этой аргументаціи забыто только одно—забыта возможность самобытнаго возникновенія въ Россіи явленій, конечно не тожественныхъ, но однородныхъ, аналогичныхъ съ явленіями западно-европейской жизни. Что клерикализмъ не принадлежитъ спеціально и исключительно одному латинскому духовенству—это видно уже изъ того, что между выдающимися клерикалами Франціи и Бельгіи свѣтскихъ людей чуть ли не больше, чѣмъ духовныхъ (назовемъ для примѣра Фаллу, Фурту, Броли, Бюффе, Шенелона, Вельо, де-Тё, Малу, д'Анетана); что клерикализмъ не принадлежитъ исключительно католической церкви—это доказывается процвѣтаніемъ его въ нѣкоторыхъ

Digitized by Google

протестантскихъ государствахъ Германіи. Вёллнеръ, Генгстенбергъ, Сталь, Мюлеръ—все это клерикалы чистѣйшей воды (и притомъ какъ духовные, такъ и свѣтскіе), выросшіе на лютеранской почвѣ. Опредѣленіе клерикализма, данное „Русью", очевидно требуетъ поправки и дополненія; клерикализмъ — это вторженіе церковнаго, конфессіональнаго элемента (представляемаго не однимъ только духовенствомъ) въ государственную, общественную и умственную жизнь (или въ одну изъ этихъ областей), съ цѣлью подчинить ее дѣйствію неподвижныхъ, не подлежащихъ критикѣ началъ, заимствуемыхъ изъ спеціальной сферы и только въ ней имѣющихъ право на существованіе. Понимаемый такимъ образомъ, т.-е. понимаемый согласно съ указаніями исторіи, клерикализмъ не только возможенъ, но почти неизбѣженъ вездѣ, гдѣ существуетъ сильно организованная церковь, господствовавшая въ прошедшемъ или господствующая въ настоящемъ. Духовная цензура, не ограничивающаяся произведеніями спеціально-церковнаго содержанія; духовный судъ по дѣламъ не спеціально-церковнымъ; преслѣдованіе церковью, совмѣстно съ свѣтскою властью, ересей, расколовъ и вообще отпаденій или уклоненій отъ церковнаго ученія; преобладающее положеніе духовенства въ народной школѣ—все это или продукты клерикализма, или основы для его развитія. Въ этомъ смыслѣ говорить о русскомъ клерикализмѣ не только можно, но и необходимо, чтобы понять настоящее положеніе вопроса и предвидѣть вѣроятныя усложненія его въ будущемъ. Отрицать существованіе въ Россіи чего бы то ни было похожаго на клерикализмъ—все равно, что отрицать существованіе у насъ рабочаго вопроса. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи различіе между Россіей и остальной Европой, безъ сомнѣнія, весьма существенно; явленія, вполнѣ обрисовавшіяся на западѣ, только зарождаются у насъ,—но это еще не причина игнорировать или замалчивать ихъ. Не слѣдуетъ забывать, что правительство до сихъ поръ почти всегда шло у насъ рука объ руку съ церковью, что со временъ Петра Великаго между ними не было крупныхъ разногласій, что наше духовенство въ огромномъ большинствѣ своемъ до сихъ поръ еще слишкомъ мало развито, чтобы претендовать на какое-нибудь серьёзное вліяніе; но кто же рѣшится утверждать, что такое положеніе дѣлъ всегда останется неизмѣннымъ, что на немъ не отразится, напримѣръ, истинная терпимость къ расколу, когда она, наконецъ, у насъ восторжествуетъ? Чтобы найти русскихъ клерикаловъ, и притомъ не только духовныхъ, но и свѣтскихъ, и теперь уже нѣтъ надобности углубляться въ семнадцатое столѣтіе; стоитъ только вспомнить о Фотіи и Серафимѣ, о Магницкомъ, о кн. Ширинскомъ-Шихматовѣ (министрѣ народнаго просвѣщенія послѣ гр.

Digitized by Google

Уварова), о митрополитѣ Филаретѣ (въ послѣднюю, наиболѣе продолжительную эпоху его дѣятельности). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что обѣ категоріи клерикаловъ существуютъ у насъ и въ настоящую минуту. Чему, кромѣ клерикализма, можно приписать нападенія нѣкоторыхъ духовныхъ журналовъ противъ относительной свободы, которою одно время пользовалась проповѣдь г. Пашкова—нападенія, не оставшіяся, къ сожалѣнію, безъ результата? Что, какъ не клерикализмъ, помѣшало успѣху реформы духовнаго суда, о которой давно уже ничего не слышно? Главная опора клерикализма—дисциплина, повиновеніе; ему чужда и антипатична всякая мысль о церковномъ самоуправленіи, тѣмъ болѣе о предоставленіи въ немъ какой-либо роли свѣтскому, народному элементу. Это одна изъ причинъ, заставляющихъ насъ радоваться всякому расширенію, жалѣть о всякомъ ограниченіи самоуправленія въ средѣ духовенства.

Вскорѣ послѣ вступленія въ должность новаго министра народнаго просвѣщенія, въ газетахъ появились слухи о предполагаемомъ усиленіи вліянія духовенства на народную школу. Циркуляръ г. министра, распубликованный въ началѣ мая, не подтверждаетъ, къ счастію, этихъ слуховъ. Религіозное образованіе народа признается главнымъ краеугольнымъ камнемъ народной школы, но отсюда не выводится—да и дѣйствительно не вытекаетъ—заключеніе о необходимости какихъ-либо новыхъ правъ духовенства въ школѣ или надъ школой. Къ общимъ положеніямъ, выражаемымъ въ циркулярѣ по предмету народной школы, нельзя отнестись иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ. „Правительство", сказано въ немъ, „сохраняетъ за собою право общаго направленія начальнаго образованія и контроля надъ его дѣятельностью. Эти двѣ задачи оно не можетъ передать въ другія руки. Для совокупности дѣйствій правительства и мѣстнаго представительства существуютъ училищные совѣты; значеніе и права ихъ должны быть уважаемы. Узаконенные органы общественныхъ нуждъ по народному образованію имѣютъ право встрѣчать, въ сношеніяхъ своихъ съ правительственными агентами, уваженіе, сочувствіе и взаимнодѣйствіе. Всякое время, потраченное на пререканія, и всякое стремленіе къ присвоенію себѣ не подобающаго по закону главенства будетъ время, потерянное для пользы общей. Желательно, чтобы директоры и инспекторы народныхъ училищъ, исполняя въ точности обязанности на нихъ возложенныя, были проникнуты чувствомъ, что служатъ дѣлу общественному, а не повелѣваютъ имъ. На избраніе личностей для занятія этихъ должностей должно быть обращено особенное вниманіе". Въ смыслѣ инструкціи все это, повторяемъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго и служитъ ручательствомъ въ томъ, что нѣтъ основанія опасаться возвра-

Digitized by Google

щенія къ системѣ гр. Толстого; но мы имѣли уже случай замѣтить, что однѣми инструкціями нашей начальной школѣ помочь нельзя, что необходимо приступить къ пересмотру положенія 1874 г. Дополнимъ начатый нами въ предъидущемъ обозрѣніи очеркъ указаніемъ мѣръ, которыми можетъ быть поднятъ уровень преподаванія въ народной школѣ.

Вся сила народной школы, понимаемой не въ смыслѣ простой школы грамотности, а въ смыслѣ образовательнаго учрежденія, заключается въ народномъ учителѣ. Чтобы исполнить вполнѣ свою высокую и трудную задачу, онъ долженъ не только обладать довольно обширными знаніями, основательной педагогической подготовкой,—онъ долженъ любить свое дѣло, видѣть въ немъ не временное, вынужденное занятіе, а призваніе цѣлой жизни, постоянно пополнять свои свѣдѣнія, знакомиться съ новыми пріобрѣтеніями науки, насколько они имѣютъ отношеніе къ его работѣ. Задача законодателя не ограничивается, слѣдовательно, увеличеніемъ числа и улучшеніемъ устройства учительскихъ семинарій; усилія его должны быть направлены къ тому, чтобы упрочить и поднять положеніе народнаго учителя, обезпечить, по возможности, его матеріальный бытъ, дать ему средства къ дальнѣйшему развитію, замѣнить, однимъ словомъ, неустойчивый, колеблющійся, разношерстный составъ народныхъ учителей совокупностью лицъ, всецѣло и надолго, если не навсегда, посвятившихъ себя преподаванію въ народной школѣ. Само собою разумѣется, что такая замѣна не можетъ совершиться внезапно; она потребуетъ, въ лучшемъ случаѣ, многихъ лѣтъ или даже десятилѣтій,—но положить ей начало можно и въ настоящее время. Ничто не мѣшаетъ, напримѣръ, теперь же освободить народныхъ учителей, имѣющихъ свидѣтельство на это званіе, отъ произвола многочисленныхъ лицъ и учрежденій, считающихъ себя, съ бо́льшимъ или меньшимъ правомъ, школьнымъ начальствомъ. Ничто не мѣшаетъ поставить на очередь вопросъ о пенсіяхъ народнымъ учителямъ и разрѣшить его съ помощью государства, такъ какъ правильная организація этого дѣла не по силамъ отдѣльныхъ земствъ. Ничто не мѣшаетъ правительству помочь земствамъ въ назначеніи добавочнаго содержанія учителямъ, преподающимъ извѣстное число лѣтъ въ народной школѣ,—въ устройствѣ кассъ, изъ которыхъ народные учителя могли бы получать, въ экстренныхъ случахъ, пособія до выслуги пенсіоннаго срока, — въ основаніи и поддержкѣ учительскихъ библіотекъ,—въ организаціи періодическихъ учительскихъ съѣздовъ и педагогическихъ курсовъ. Въ послѣднемъ отношеніи существенною помощью земству со стороны правительства была бы уже простая отмѣна стѣснительныхъ правилъ, установлен-

Digitized by Google

ныхъ въ 1875 г. гр. Толстымъ. Возвысить положеніе народныхъ учителей могло бы—кромѣ предложеннаго нами участія ихъ въ училищныхъ совѣтахъ—назначеніе лучшихъ изъ ихъ среды инспекторами народныхъ училищъ. Поощривъ народныхъ учителей, эта мѣра подняла бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, уровень правительственной инспекціи. Въ рукахъ бывшихъ преподавателей народной школы, по собственному опыту знакомыхъ съ ея задачами, потребностями и силами, надзоръ за школой всего легче могъ бы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ желалъ бы его видѣть, судя по приведеннымъ нами словамъ циркуляра, г. министръ народнаго просвѣщенія.

При личномъ знакомствѣ съ народной школой, не ограничивающемся одною мѣстностью, мы постоянно встрѣчались съ слѣдующимъ фактомъ: учителя—и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые окончили курсъ въ учительской семинаріи,—сплошь и рядомъ смотрятъ на свое положеніе, какъ на положеніе переходное, тяготятся своими занятіями, мечтаютъ о другой дѣятельности. Между учительницами такое отношеніе къ дѣлу наблюдалось нами гораздо рѣже. Въ связи съ этимъ состоитъ, быть можетъ, и замѣченный нами болѣе успѣшный ходъ преподаванія въ школахъ, руководимыхъ учительницей, сравнительно съ школами, руководимыми учителемъ. Мы думаемъ, что это фактъ не случайный, не новый для большинства лицъ, близко стоящихъ къ народной школѣ. Положеніе народнаго учителя—только одно изъ многихъ, доступныхъ для мужчины, окончившаго курсъ въ учительской семинаріи или инымъ путемъ получившаго право на преподаваніе. Чѣмъ онъ способнѣе, тѣмъ скорѣе онъ можетъ найти другой родъ дѣятельности, больше дающій въ настоящемъ и больше обѣщающій въ будущемъ. Бывшіе ученики учительскихъ семинарій, съ которыми намъ случалось бесѣдовать, почти всѣ выражали желаніе и надежду поступить въ учительскій институтъ, чтобы сдѣлаться потомъ учителями въ городскихъ двухклассныхъ или трехклассныхъ училищахъ. Волостнымъ писаремъ, урядникомъ, чиновникомъ, частнымъ повѣреннымъ, служащимъ въ акціонерномъ обществѣ или въ купеческой конторѣ, народному учителю сдѣлаться еще легче, потому что для этого не требуется никакой предварительной подготовки. Мы видѣли бывшаго учителя, занимающаго мѣсто бухгалтера въ городскомъ общественномъ банкѣ, другого учителя, достигшаго званія городского головы. Положеніе народной учительницы—совсѣмъ иное; передъ нею открыто весьма немного путей, въ большинствѣ случаевъ, притомъ, менѣе привлекательныхъ, чѣмъ преподаваніе въ народной школѣ. Вѣроятность выбора ею этой дѣятельности, какъ *окончательнаго* своего призванія, при равныхъ во всемъ другомъ условіяхъ, несравненно больше, чѣмъ вѣроятность такого выбора со стороны народнаго учителя. Изъ указанной нами причины проистекаетъ еще дру-

Digitized by Google

гое, не менѣе важное послѣдствіе. Именно потому, что запросъ на мужской трудъ сильнѣе, чѣмъ на женскій, отъ народныхъ учительницъ можно ожидать бо́льшаго запаса свѣдѣній, бо́льшаго умственнаго развитія, чѣмъ отъ народныхъ учителей. Между послѣдними лица, окончившія курсъ въ гимназіи или даже прогимназіи, составляютъ крайне рѣдкое исключеніе, между первыми ихъ сравнительно не мало. Въ мужскія учительскія семинаріи поступаютъ преимущественно мальчики, обучавшіеся въ двухклассныхъ сельскихъ школахъ; въ женскія учительскія семинаріи часто поступаютъ дѣвицы, окончившія курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Способность женщины къ преподаванію въ народной школѣ признается все больше и больше и заграничными, и нашими педагогами; многіе отдаютъ ей въ этомъ отношеніи—и какъ намъ кажется, совершенно справедливо—предпочтеніе передъ мужчиной. Кое-гдѣ намъ приходилось слышать, что крестьяне болѣе довѣряютъ учителямъ, чѣмъ учительницамъ, неохотно видятъ присутствіе послѣднихъ въ народной школѣ; но мы знаемъ множество фактовъ, доказывающихъ противное, и приписываемъ отдѣльныя проявленія недовѣрія къ учительницѣ случайнымъ причинамъ, изъ которыхъ нельзя выводить никакихъ общихъ заключеній. Не оправдывается практикою и тотъ взглядъ, что женщинамъ трудно переносить обычную обстановку народной школы — жизнь въ избѣ, часто нетопленной и невычищенной, лишенія всякаго рода, столкновенія съ волостнымъ и сельскимъ начальствомъ и т. п. Въ отдѣльныхъ случаяхъ все это безспорно можетъ привести и приводитъ къ удаленію учительницы,—но вѣдь то же самое слѣдуетъ сказать и объ учителяхъ, большинство которыхъ отнюдь не отличается бо́льшею выносливостью, чѣмъ большинство учительницъ. Чѣмъ правильнѣе, притомъ, будетъ становиться отношеніе правительства и земства къ народной школѣ, чѣмъ больше послѣднее будетъ встрѣчать на своемъ пути поддержки, чѣмъ меньше—ограниченій и стѣсненій, тѣмъ быстрѣе будетъ измѣняться къ лучшему положеніе преподавателей. Уже теперь есть уѣзды, въ которыхъ значительная часть училищъ помѣщается въ хорошихъ, спеціально устроенныхъ или приспособленныхъ къ тому домахъ, съ удобными учительскими квартирами. Система смѣшаннаго вознагражденія преподавателей земствомъ и сельскимъ обществомъ и теперь уже все больше и больше уступаетъ мѣсто системѣ полнаго содержанія земскихъ школъ на счетъ земства, лучше ограждающей преподавателей отъ небрежности или недоброжелательства сельскихъ властей. Весьма отрадную черту нашего школьнаго устройства составляетъ одинаковость, въ большинствѣ случаевъ, размѣра вознагражденія народныхъ учителей и учительницъ. Извѣстно, что въ западной Европѣ и даже

Digitized by Google

въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ народныя учительницы получаютъ обыкновенно гораздо меньшее вознагражденіе, чѣмъ народные учителя. Эта явная несправедливость, только теперь устраняемая во Франціи, не привилась на русской почвѣ—и это, безъ сомнѣнія, должно быть признано не маловажною заслугой русскаго земства.

Необходимость возможно бо́льшаго привлеченія женщинъ къ преподаванію въ народной школѣ—вотъ общій выводъ, вытекающій изъ всего сказаннаго нами выше. Для достиженія этой цѣли нужно, прежде всего, увеличить число женскихъ учительскихъ школъ или семинарій, объ учрежденіи которыхъ до сихъ поръ заботилось только земство. Гимназическій курсъ даетъ общее развитіе, но не можетъ сообщить тѣхъ спеціальныхъ знаній, той привычки къ преподаванію, которыя пріобрѣтаются въ учительской семинаріи. До извѣстной степени недостатокъ женскихъ учительскихъ школъ пополняется женскими епархіальными духовными училищами, воспитанницы которыхъ охотно идутъ въ народныя учительницы и часто оказываются способными къ преподаванію [1]); но замѣнить учительскія семинаріи эти училища не могутъ уже вслѣдствіе своего сословнаго, замкнутаго характера. Учрежденіе женскихъ учительскихъ семинарій имѣло бы еще одну хорошую сторону: къ преподаванію въ нихъ могли бы быть призваны женщины, и такимъ образомъ открылось бы новое, довольно обширное поле для примѣненія знаній, пріобрѣтаемыхъ женщинами на высшихъ курсахъ,—знаній, слишкомъ часто остающихся теперь мертвымъ капиталомъ.

Съ повышеніемъ уровня преподавателей, повысился бы самъ собою уровень преподаванія въ правильно устроенной народной школѣ, лишь бы только не было къ тому препятствій со стороны учебной администраціи. Настоящая программа начальной школы — законъ Божій, чтеніе, письмо, первыя четыре правила ариѳметики—должна быть разсматриваема какъ minimum, необходимый для полученія свидѣтельства на льготу по воинской повинности, но не какъ maximum, всякое превышеніе котораго составляетъ чуть не преступленіе со стороны учителя. Наложить безусловное veto на сообщеніе ученикамъ начальной школы какихъ бы то ни было свѣдѣній по русской исторіи и географіи, по физикѣ и естественной исторіи невозможно уже потому, что это значило бы вовсе запретить объяснительное чтеніе или ограничить его однѣми сказками и побасенками. Читая съ дѣтьми старшаго возраста любую изъ книгъ, оффиціально одобренныхъ для употребленія въ народной школѣ („Дѣтскій міръ“

[1]) Намъ извѣстно одно женское духовное училище, старшія воспитанницы котораго постоянно даютъ уроки въ пріютѣ, состоящемъ при училищѣ. Занятія ихъ идутъ весьма успѣшно.

Digitized by Google

Ушинскаго, „Нашъ другъ“ бар. Корфа, книги для чтенія Водовозова или Паульсона), преподаватель неизбѣжно долженъ коснуться запретной области, сказать хоть нѣсколько словъ о предметахъ, признаваемыхъ, съ извѣстной точки зрѣнія, опасными для крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Данныя, сообщенныя какъ-бы контрабандой, отрывочно, случайно, не могутъ замѣнить, однако, систематической передачи хотя бы самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о природѣ, человѣкѣ и государствѣ. Мы не предлагаемъ немедленнаго включенія этихъ свѣдѣній въ число *обязательныхъ* предметовъ начальнаго обученія; это было бы несовмѣстно и съ той организаціей его, которую мы поддерживали въ предъидущемъ обозрѣніи (т.-е. съ допущеніемъ, кромѣ правильно устроенныхъ народныхъ училищъ, простыхъ школъ грамотности, не удовлетворяющихъ строгимъ педагогическимъ требованіямъ), и съ наличнымъ составомъ учащаго сословія, и съ средней продолжительностью учебнаго курса въ народной школѣ. Мы желали бы только, повторяемъ, дарованія начальнымъ школамъ *права* расширять свою программу, гдѣ, когда и насколько это представляется удобоосуществимымъ. Весьма вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ городахъ, оказалось бы возможнымъ и въ настоящее время продлить періодъ посѣщенія начальной школы съ трехъ лѣтъ до четырехъ или даже до пяти, установить болѣе раннее начало и болѣе позднее окончаніе учебнаго года, достигнуть болѣе аккуратнаго хожденія въ классы,—однимъ словомъ, устранить причины, стѣсняющія теперь, и помимо внѣшнихъ ограниченій, расширеніе предѣловъ начальнаго обученія. Чѣмъ долѣе продолжался бы курсъ ученья въ начальной школѣ, чѣмъ больше выносилось бы изъ нея основательно пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, тѣмъ рѣже становился бы рецидивъ безграмотности или полуграмотности, столь часто повторяющійся въ настоящее время. Само собою разумѣется, что предупредить его вполнѣ можетъ только широкое развитіе воскресныхъ школъ, вечернихъ курсовъ, сельскихъ библіотекъ и читалень, встрѣчавшихъ до сихъ поръ гораздо больше преградъ, чѣмъ поощреній. Крестьянинъ или мѣщанинъ, кое-какъ, 10—12 лѣтъ отъ роду, выучившійся читать, писать и считать, и къ двадцатилѣтнему возрасту успѣвшій забыть все или почти все выученное имъ, немногимъ, въ сущности, отличается отъ того, кто никогда не посѣщалъ школы и ничему не учился. Чтобы оградить массу отъ тѣхъ вліяній, отъ тѣхъ слѣпыхъ увлеченій, которыми обусловливается возможность недавно пережитыхъ Россіей погромовъ, необходимо распространеніе образованія не только въ ширину, но и въ глубину, необходима не только грамотность, но и просвѣщеніе народа.

Digitized by Google

АѲИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Итоги новаго Парижа.

III *).

Латинская страна.—Студенты пятнадцать лѣтъ назадъ и теперь.—Каѳедры философіи, литературы и политическихъ наукъ.—Публика на лекціяхъ.—Высшая нормальная школа.

Французской республикѣ надо разсчитывать на молодыхъ людей въ ближайшемъ будущемъ. Предстоитъ не мало борьбы, гдѣ новыя поколѣнія выскажутся за умѣренную демократію или за „непримиримыхъ", за „соціально-демократическую" республику,—о послѣдней французскіе соціалисты мечтаютъ уже около ста лѣтъ. А между тѣмъ, молодежью занимаются мало; она на заднемъ планѣ. Политика, ежедневная суета парижской жизни, то, что вертится около перемѣнъ министерствъ, палатъ, литературныхъ и художественныхъ новостей, заслоняетъ картину умственнаго движенія, подготовляющаго Франціи гражданъ, избирателей, образованныхъ людей и разныхъ неудачниковъ съ полуобразованіемъ, весь тотъ комплектъ „правоспособныхъ" французовъ, изъ какого составляется такъ-называемая интеллигенція. Изрѣдка учащаяся молодежь Парижа дастъ себя знать въ какой-нибудь демонстраціи. Въ послѣднее время, эти проявленія были почти исключительно радикальнаго и даже соціалистическаго оттѣнка. Объ нихъ поговорятъ день, другой; но занимаются ими несравненно меньше, чѣмъ, напримѣръ, всякими студенческими „исторіями" у насъ. Есть не мало французовъ, парижанъ, имѣющихъ объ учащейся молодежи Латинскаго квартала самыя скудныя представленія. А въ послѣднія десять лѣтъ накопилось много новаго. Во-первыхъ, реакціонное правительство Макъ-Магона допустило, подъ прикрытіемъ либеральнаго принципа, ультрамонтанскія высшія школы. У католиковъ есть свой университетъ. Измѣнить умственное направленіе цѣлыхъ генерацій католическіе патеры, хотя бы они завели и еще нѣсколько высшихъ школъ, конечно, не могутъ. Французскій умъ вошелъ уже въ свое свободомыслительное русло. Но перепортить извѣстную долю молодежи католическимъ университетамъ очень не

*) См. выше: апрѣль, 786 стр.

Digitized by Google

мудрено. И порча уже начинается, гораздо болѣе нравственная, чѣмъ умственная. Католики вербуютъ въ свои студенты приманкой денегъ, стипендій или „бурсъ“. Средство—очень дѣйствительное, хотя и менѣе опасное, чѣмъ бы, напримѣръ, было въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ студенчество страдаетъ поголовной бѣдностью. Въ Парижѣ и мѣстные уроженцы, и пріѣзжіе изъ провинцій, всѣ почти обезпечены. Рѣдкій студентъ не получаетъ двухъ тысячъ франковъ въ годъ, а это на русскія деньги, по теперешнему курсу, 800 рублей, т.-е. такое содержаніе, какое врядъ ли имѣетъ хоть одинъ русскій студентъ на пятьдесятъ человѣкъ. Такихъ обезпеченныхъ студентовъ патеры-легитимисты не соблазнятъ. Но найдется и въ Парижѣ бѣдный народъ. Они идутъ къ католикамъ, бо́льшею частью, не по убѣжденію. Происходитъ, стало быть, подкупъ, и молодые люди практикуются въ надуваніи на себя личины. Чистоты нравовъ, какъ слышно, совсѣмъ нѣтъ между такими католическими студентами. Всплывали уже случаи, показывающіе, что они по этой части едва ли не распущеннѣе и невѣрующихъ. Но мы ими заниматься не станемъ. *Новая* Франція не отъ нихъ ждетъ двигательныхъ идей и горячей любви къ родинѣ. Какъ же живетъ либеральное и свободомыслящее студенчество Латинскаго квартала? Пятнадцать лѣтъ знаю я жизнь латинской страны, присмотрѣлся къ ней въ разныя эпохи, и при бонапартовомъ режимѣ, и тотчасъ послѣ коммуны, и въ послѣдніе два-три года. То, что не такъ давно говорилъ авторъ „Assommoir'a“ о теперешнемъ студенчествѣ, по-моему, совершенно вѣрно. И хорошо, что уже сами французы, писатели съ именемъ и талантомъ, люди сравнительно молодые, имѣютъ смѣлость высказываться безъ всякаго подкуриванья о молодежи, безъ смягченія реальныхъ фактовъ. Въ общемъ, студенты живутъ такъ же, какъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, т.-е. большинство ихъ довольствуется сдаваньемъ экзаменовъ, а время проводятъ въ кафе, въ биллiардной, въ болтовнѣ съ женщинами, за игрой въ карты. Но внѣшній видъ студентовъ значительно измѣнился за послѣднія шесть-семь лѣтъ. Теперь вы на каждомъ шагу встрѣтите молодыхъ людей, чистенько и франтовато одѣтыхъ, непремѣнно въ цилиндрической шляпѣ и часто въ перчаткахъ, съ умѣренной походкой, безъ прежнихъ криковъ и шаловливой болтовни. На лекцію и теперешній студентъ ходитъ мало, но и въ своемъ ничего-недѣланіи онъ навѣрно суше и брезгливѣе. И подруги студентовъ уже совсѣмъ не такого типа, какъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Иностранецъ приметъ ихъ, пожалуй, за какихъ-нибудь ученицъ консерваторіи. Нѣтъ прежнихъ крикливыхъ и странныхъ туалетовъ, никто не выходитъ на улицу безъ шляпки, какъ бывало почти сплошь и рядомъ. Посѣщаются

Digitized by Google

всего больше медицинскіе курсы и лекціи по точнымъ наукамъ. Двѣ-три юридическихъ аудиторіи бываютъ также довольно полны, потому что римское право и гражданскій кодексъ—слишкомъ необходимые предметы для того, чтобы сдѣлаться адвокатомъ; а на десять парижскихъ студентовъ непремѣнно придется на половину юристовъ. Но историческія науки, философія, политическая экономія, разныя части исторіи литературы, большинство каѳедръ Сорбонны и Collége de France привлекаютъ очень мало молодежи, даже поразительно мало. И мнѣ кажется, нельзя объяснять это одной привычкой къ лѣни, сидѣньемъ въ кафе, недостаточной развитостью массы молодыхъ людей. Подготовка у нихъ никакъ не меньше, чѣмъ у нашихъ гимназистовъ; а по древнимъ языкамъ и построже. Худо ли, хорошо ли, но все-таки у нихъ и въ лицеяхъ, и въ коллегіяхъ читаютъ и „философію", т.-е. нѣкоторый винегретъ изъ логики, психологіи и метафизики. При воспріимчивости французскаго ума, нельзя предполагать, чтобы большинство гимназистовъ, окончившихъ курсъ, не интересовалось даже текущей литературой, журналами, газетами. Все это читается и студенчествомъ въ кафе, и въ кабинетахъ для чтенія. Въ кабинетахъ для чтенія Латинскаго квартала вы найдете сравнительно гораздо больше народа, чѣмъ въ аудиторіяхъ. Тамъ собственно и работаютъ студенты, особенно зимой, когда въ комнатахъ холодно, а топить дорого. Но равнодушіе къ посѣщенію лекцій по философскимъ, политическимъ и словеснымъ предметамъ объясняется, по-моему, тѣмъ, что парижскій университетъ застылъ въ своихъ формахъ и слишкомъ туго обновляетъ составъ профессоровъ. Пріѣхали вы въ 1865 году, въ первый разъ, въ Парижъ, пошли въ Сорбонну и Collége de France, и ровно черезъ пятнадцать лѣтъ на тѣхъ же каѳедрахъ, вы находите однихъ и тѣхъ же профессоровъ. Принципъ несмѣняемости очень хорошъ до извѣстныхъ предѣловъ. Но на каѳедрахъ, онъ ведетъ непремѣнно къ отсталости преподаванія. Либеральная республика, водворившаяся теперь во Франціи, вовсе не преобразовала духа парижскихъ высшихъ школъ. Парижскому „университету" предстоитъ еще слишкомъ много возни и съ устройствомъ средняго образованія. Между различными факультетами существуетъ въ научно-философскомъ отношеніи самый яркій антагонизмъ. Медики и естественники учатъ одному, оффиціальные философы и метафизики—совсѣмъ другому. На каѳедрахъ философіи въ Сорбоннѣ и Collége de France читаютъ все тѣ же выученики французскаго эклектизма, все тѣ же Поли Жанѣ, Карò, Левѣки и Франки, и будутъ они повторять свои идеалистическія измышленія, во вкусѣ Кузена, или комментировать плохо переваренныхъ нѣмцевъ вплоть до самой смерти. Точно также и политическіе предметы—въ рукахъ

Digitized by Google

людей, сильно отставшихъ отъ передового движенія и обще-европейской и французской мысли, и соціальной практики. Вдобавокъ, въ парижской школѣ правовѣдѣнія политическіе предметы вовсе не въ чести, нѣтъ нѣсколькихъ каѳедръ, давно уже обязательныхъ въ Германіи, въ Италіи и въ Россіи. Исторія литературы разныхъ эпохъ и національностей читается, такъ сказать, въ разбивку, не систематично и по большей части опять-таки людьми стараго направленія. Страна, давшая человѣчеству Дидро, Ламарка, Огюста Конта и стольких ученыхъ, отличавшихся положительнымъ, научно-философскимъ складомъ ума, до сихъ поръ въ своемъ оффиціальномъ университетскомъ преподаваніи права, литературы, философіи, политическихъ доктринъ—скована метафизикой. Нельзя указать ни на одного новаго профессора, занявшаго каѳедру въ семидесятыхъ годахъ, который бы выступилъ во имя болѣе строгаго философскаго анализа, не повторялъ бы прибаутокъ метафизическаго идеализма. И политическія науки не имѣютъ также новыхъ бойцовъ. Стоитъ указать, напримѣръ, на каѳедру политической экономіи въ Collége de France, занимаемой извѣстнымъ публицистомъ Леруа-Больё. Онъ хотя сравнительно и молодой человѣкъ, но не идетъ дальше буржуазнаго либерализма въ оцѣнкѣ и обобщеніи экономическихъ фактовъ. Все это отражается на молодежи: ее не могутъ притягивать въ аудиторію профессора или доживающіе свой вѣкъ, или, когда они помоложе, повторяющіе старыя погудки. Изрѣдка зайдетъ студентъ въ ту или иную аудиторію; но постоянные посѣтители Сорбонны и Collége de France—вовсе не студенты, а разный сборный народъ: иностранцы, пожилые люди, дополняющіе свое образованіе, женщины. Прежде въ аудиторіяхъ Сорбонны совсѣмъ не было видно женщинъ. Онѣ ходили только въ Collége de France, гдѣ для нихъ даже отведены лучшія мѣста около каѳедры. Теперь въ любой аудиторіи Сорбонны, на словесномъ и физико-математическомъ факультетѣ, вы всегда увидите нѣсколько женскихъ фигуръ, тоже, большей частью, не молодыхъ. Въ теченіе учебнаго полугодія какой-нибудь предметъ посѣщается больше, напримѣръ, по исторіи литературы, французской или иностранной. Бываетъ и по сту, и по двѣсти человѣкъ. Прежде, напримѣръ, очень посѣщалась аудиторія, гдѣ Лабуле читалъ исторію политическихъ ученій. Но тогда онъ привлекалъ своимъ либерализмомъ; съ тѣхъ поръ онъ успѣлъ превратиться въ консервативнаго и полу-клерикальнаго сенатора. Въ Сорбоннѣ и Collége de France вы замѣчаете, однако, то пріятное явленіе, что каждый предметъ (восточный какой-нибудь языкъ, сравнительная филологія, комментаріи на какой-нибудь средневѣковой французскій романъ) все-таки находитъ слушателей. Напримѣръ, Ренанъ разбираетъ еврей-

Digitized by Google

скую псалтирь, и вы находите у него постоянно хоть и небольшую по размѣрамъ, но биткомъ набитую аудиторію, пришедшую, такъ сказать, съ улицы. Но, чтобы видѣть молодежь, чувствовать, какъ она относится къ преподаванію, быть окруженнымъ воздухомъ учащихся генерацій, надо отправляться въ медицинскую школу или въ школу правовѣдѣнія. Въ такомъ громадномъ центрѣ, какъ Парижъ, только спеціальныя школы и могутъ собирать чисто студенческую публику слушателей. Остальное все дѣлается достояніемъ всего города и всего образованнаго міра. И теперь Сорбонна, съ ея старыми схоластическими аудиторіями и съ суровой обстановкой, сдѣлалась такимъ же открытымъ мѣстомъ, какимъ былъ прежде только Collége de France. Входи всякій, кто желаетъ, старый человѣкъ или мальчикъ, женщина, студентъ, духовный или праздношатающійся иностранецъ. Даже и странно какъ-то сообразить, что это—зданіе, гдѣ три университетскихъ факультета, что профессора читаютъ собственно для студентовъ, что тутъ сдаются экзамены и получаются преміи. А студентовъ-то всего менѣе и видно. На нѣкоторыхъ лекціяхъ отсутствіе ихъ тотчасъ же бросается въ глаза. Стоитъ только осмотрѣть аудиторію, вы не увидите ни одного юношескаго лица.

И манера читать большинства профессоровъ философскихъ, политическихъ и словесныхъ наукъ нуждается, я думаю, въ возрожденіи. Каждый французъ умѣетъ говорить, но мастерства въ изложеніи вы найдете въ стѣнахъ Сорбонны и Collége de France, въ медицинской и юридической школахъ гораздо менѣе, чѣмъ на какихъ-нибудь простыхъ сходкахъ, сборищахъ, чѣмъ у большинства такъ-называемыхъ „conférenciers“, т.-е. литераторовъ и журналистовъ, читающихъ публичныя лекціи гдѣ-нибудь на бульварѣ. Вы заходите, напримѣръ, на лекцію по исторіи литературы, положимъ, хоть испанской. Профессоръ комментируетъ „Донъ-Кихота“. Посидите вы десять-пятнадцать минутъ, и вамъ начинаетъ казаться, что это слишкомъ какъ-то не по-университетски. Лекція сводится, въ сущности, къ пересказу своими словами содержанія, которое должно предполагаться извѣстнымъ. Профессоръ черезчуръ краснобайствуетъ и въ дикціи своей декламируетъ на старый ладъ. Самая манера изложенія, краснорѣчіе и особенности дикціи, все это устарѣло, и устарѣло потому, что ни на одной почти каѳедрѣ не чувствуется вѣянія новыхъ идей, не выступаетъ бойцовъ за пересозданіе извѣстной науки, какъ это было въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и какъ это происходитъ на нѣкоторыхъ каѳедрахъ по медицинѣ и естественнымъ наукамъ. Когда вы войдете къ химику Бертело и послушаете его десять-пятнадцать минутъ, вы сейчасъ почувствуете, что тутъ наука разработывается дальше, что тотъ, кто читаетъ вамъ и

Digitized by Google

пишетъ свои формулы на доскѣ,—одинъ изъ двигателей новой химіи. Но и въ такихъ творческихъ аудиторіяхъ слушателей бываетъ чрезвычайно мало. Простые студенты почти-что туда не ходятъ; посѣщаются онѣ молодыми учеными, иностранцами или какими-нибудь дилеттантами, интересующимися бо́льше физіономіей профессора-знаменитости, чѣмъ самымъ дѣломъ. То же самое бываетъ и въ лѣтній сезонъ въ аудиторіяхъ естественно-историческаго музея, въ Jardin des Plantes. Бывало, завернешь на лекцію Катрфажа, и даже на такомъ предметѣ, какъ антропологія, болѣе доступномъ и интересномъ, сидитъ семь-восемь человѣкъ.

Все устройство французскихъ университетовъ нуждается въ передѣлкѣ. Средневѣковая Сорбонна слишкомъ уже чувствуется до сихъ поръ, число факультетскихъ предметовъ ограничено, учрежденія приватъ-доцентовъ нѣтъ тамъ въ такомъ видѣ, какъ въ Германіи. Французскій темпераментъ обезсиленъ традиціями университетской солидности и мыслительнаго консерватизма. Не слышится тѣхъ пламенныхъ рѣчей, которыя лѣтъ двадцать-пять или тридцать назадъ вливали въ молодежь и политическій, и литературный энтузіазмъ; и будетъ такъ до тѣхъ поръ, пока кадры профессорскаго сословія не перестанутъ страдать однообразіемъ своей преподавательской подготовки. Извѣстно, что во Франціи до сихъ поръ каждый учитель гимназіи, всякій провинціальный директоръ училища или ректоръ (по французской номенклатурѣ), каждый адъюнктъ или профессоръ побывалъ непремѣнно въ *высшей Нормальной школѣ*. Черезъ нея не проходятъ только профессора-медики и юристы. Во всемъ же остальномъ, что составляетъ область словесности и точныхъ наукъ, исключительная поставщица преподавателей среднихъ заведеній и факультетовъ есть высшая Нормальная школа.

Какъ разъ я попалъ въ Парижъ въ разгаръ борьбы новаго министра съ клерикальными школами и усиленной дѣятельности въ министерствѣ по вопросу о преобразованіи среднихъ учебныхъ заведеній. Интересно было взглянуть на внутренній бытъ того разсадника, откуда выходятъ всѣ учителя и профессора Франціи. Высшая Нормальная школа—заведеніе закрытое, въ родѣ нашего филологическаго института. Проникнуть туда можно только съ особаго разрѣшенія директора. Теперешняго директора я зналъ лично съ 1878 года. Это извѣстный талантливый историкъ, еще недавно профессоръ Сорбонны, Фюстель де-Куланжъ, авторъ книги „Cité antique“, переведенной и по-русски подъ именемъ „Древней общины“. Г. Фюстель де-Куланжъ оказалъ мнѣ, какъ директоръ, полное гостепріимство. Нормальная школа помѣщается на высотахъ латинской страны, въ тихой улицѣ. Домъ, въ видѣ барскаго отеля, стоитъ въ садикѣ. Съ

Digitized by Google

виду онъ не особенно большой, но вмѣщаетъ въ себѣ, кромѣ квартиры директора и ряда аудиторій и кабинетовъ, столовую, спальни и комнаты для занятій студентовъ. Это настоящее закрытое заведеніе, гдѣ взрослые молодые люди должны провести три года въ усиленной работѣ и со всѣми стѣсненіями надзора и школьнаго общежитія. Въ Нормальную школу поступаютъ по конкурсу только самые лучшіе ученики всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Франціи. Конкурсъ этотъ—трудный, требуетъ прекраснаго знанія двухъ классическихъ языковъ, да и всѣхъ вообще предметовъ гимназическаго курса. Молодой человѣкъ, разъ попавъ въ Нормальную школу, уже обезпеченъ въ своей дальнѣйшей карьерѣ. Правительство дастъ ему непремѣнно мѣсто, и отъ него будетъ зависѣть пріобрѣтать высшія ученыя степени и стремиться въ университетскіе преподаватели. Въ теченіе трехъ лѣтъ каждый хорошій ученикъ Нормальной школы добьется двухъ ученыхъ степеней; кандидатомъ онъ дѣлается на второмъ году, а передъ окончаніемъ курса сдаетъ экзаменъ на степень agrégé, что̀ соотвѣтствуетъ нашему магистру. Живетъ такой молодой человѣкъ (и иногда ему лѣтъ слишкомъ двадцать), какъ наши семинаристы или кадеты, обѣдаетъ по звонку, имѣетъ только извѣстные дни выхода изъ заведенія, кромѣ воскресенья, ночуетъ въ общей залѣ, раздѣленной на отдѣльныя коморки, въ родѣ того, какъ обыкновенно бываютъ дортуары въ тюрьмахъ. Мнѣ спальни Нормальной школы очень напомнили спальни московскихъ „Титовъ“, спеціальной тюрьмы по приговорамъ мировыхъ судей. Обстановка дортуаровъ Нормальной школы далеко не роскошная. Мнѣ сказывали бывшіе воспитанники, что зимой приходится по ночамъ очень жутко отъ холода. Внѣ аудиторій студенты занимаются въ отдѣльныхъ комнатахъ, по-два, по-три. Каждая такая комната смотритъ какъ-бы маленькимъ классомъ. Доска, шкафъ съ книгами, письменное бюро; все это самое скромное, гораздо менѣе щеголеватое, чѣмъ въ любой нашей школѣ, заведенной по новому. И вообще, во всемъ заведеніи есть нѣкоторая не то что нечистоплотность, а легкая запущенность. Мы обходили эти „занимательныя“ (какъ назывались такія комнаты въ мое время у русскихъ казенныхъ студентовъ) вмѣстѣ съ директоромъ. Это было воскресенье. Мы нашли не мало студентовъ, оставшихся въ заведеніи. Всѣ они занимались. Въ иныхъ комнатахъ лежали книги, не возвращенныя въ библіотеку. Директоръ при мнѣ сдѣлалъ даже замѣчаніе одному изъ студентовъ. Все это были очень взрослые молодые люди съ бородами, одѣтые безъ всякой франтоватости; они смотрѣли провинціальными учителями гимназіи. При входѣ директора студенты вставали, но безъ всякаго подобострастія, и вообще тонъ директора съ воспитанниками показался

Digitized by Google

мнѣ очень простымъ и совсѣмъ не начальническимъ. Для занятій естественными науками есть кабинеты, такъ-что студентъ Нормальной школы можетъ найти въ самомъ заведеніи все, что ему нужно для его работъ. А работъ этихъ очень не мало. Вотъ въ такой-то высшей Нормальной школѣ и убѣдишься, какъ смѣшны толки о легкости французскихъ знаній. Сколько мнѣ извѣстенъ бытъ нашихъ университетовъ, врядъ ли русскіе кандидаты, на какихъ бы ни было факультетахъ, и даже русскіе медики, окончившіе курсъ лекарями, принуждены въ теченіе трехъ лѣтъ работать столько, сколько работаютъ студенты парижской Нормальной школы. По каждому предмету своего отдѣла (у нихъ три разряда: филологическій, физико-математическій и историческій) студентъ обязанъ представить по нѣскольку сочиненій въ годъ, кромѣ обыкновенныхъ подготовленій учебнаго характера. Эти сочиненія—не ученическія тетрадки, а цѣлыя диссертаціи. Директоръ показывалъ мнѣ въ своемъ кабинетѣ нѣкоторыя изъ этихъ работъ. Онѣ по размѣрамъ равнялись цѣлымъ магистерскимъ разсужденіямъ. Но и самые классы требуютъ неизмѣримо больше подготовленности и постояннаго мыслительнаго напряженія, чѣмъ слушаніе лекцій въ университетѣ. Профессора Нормальной школы называются „руководителями конференцій“, и преподаваніе сводится въ сущности, въ разныхъ видахъ, къ выработкѣ профессорскихъ знаній, лекторскаго умѣнья и педагогической практикѣ. На первомъ курсѣ студенты упражняются въ даваніи уроковъ, какъ у насъ на педагогическихъ курсахъ и въ учительскихъ семинаріяхъ, а на двухъ слѣдующихъ они читаютъ постоянно лекціи. Мнѣ хотѣлось ознакомиться съ характеромъ этого особеннаго преподаванія, гдѣ ученикъ и профессоръ одинаково участвуютъ въ выполненіи лекціи. Директоръ весьма любезно допустилъ меня. Я попалъ на конференцію по исторіи древней литературы. Руководителемъ былъ извѣстный французскій ученый и академикъ Гастонъ Буассье. Аудиторія состояла изъ послѣдняго курса историческаго отдѣла. Узкая комната въ одно окно, выходившее въ садъ, довольно темная отъ каштановыхъ деревьевъ, прислонившихся къ стѣнѣ дома, одинъ школьный столъ со скамейкой вдоль стѣны, доска, самый скромный столикъ для профессора и почему-то въ углу, у двери, пьянино. Сидѣло человѣкъ восемь студентовъ. Тотъ, который долженъ читать лекцію, садится обыкновенно первымъ. Тэма была задана: „Тацитъ, какъ писатель и историческій изслѣдователь сравнительно съ другими римскими историками“. Студентъ говорилъ сидя. Это была цѣлая лекція съ цитатами, причемъ ученикъ каждый разъ читалъ латинскій текстъ съ тѣмъ французскимъ произношеніемъ, которое намъ и нѣмцамъ кажется смѣшноватымъ, и переводилъ очень скоро

Digitized by Google

и ловко. Подготовка къ этой лекціи сдѣлала бы честь и любому профессору; не только приведены были разные источники, сопоставлены и очищены мнѣнія различныхъ авторитетовъ, но въ нѣсколькихъ мѣстахъ высказаны и свои взгляды, иногда довольно смѣлые, совсѣмъ не отзывавшіеся школьнымъ подчиненіемъ авторитету или общимъ мѣстамъ. Эта студенческая конференція длилась съ полчаса. Послѣ этого началась конференція профессора на ту же тэму, какъ бы повтореніе лекціи съ комментаріями и возраженіями въ такомъ родѣ, какъ это дѣлается на хорошихъ диспутахъ. Мнѣ понравилась манера, съ какой преподаватель относился къ студенту. Онъ не смягчалъ своихъ замѣчаній. Онъ началъ съ того, что посовѣтовалъ ему, во-первыхъ, заняться своей дикціей. Дикція, дѣйствительно, была для француза глухая, горловымъ голосомъ, съ слишкомъ большой поспѣшностью и комканьемъ фразъ. Студентъ былъ родомъ изъ Бретани, чѣмъ и объяснялась отчасти эта плохая манера говорить. Профессоръ прямо сказалъ ему, что если онъ не займется въ теченіе послѣдняго года этой стороной своей будущей профессіи, то никогда не будетъ вліять на аудиторію, дѣйствовать на умственную воспріимчивость своихъ учениковъ, а впослѣдствіи студентовъ, когда пріобрѣтетъ званіе профессора. Затѣмъ Гастонъ Буассье резюмировалъ конференцію студента, показалъ, какъ она построена, воздалъ должное эрудиціи, начитанности, умѣнью обращаться съ источниками и съ текстами, стилистическому изяществу устныхъ переводовъ, а затѣмъ показалъ ему его непослѣдовательности, нѣкоторую парадоксальность и слишкомъ поспѣшное желаніе высказывать свои оригинальныя мысли и оцѣнки. Передъ мною сидѣли и говорили представители двухъ генерацій. Профессору было лѣтъ шестьдесятъ, студенту съ небольшимъ двадцать. И меня поразила огромная разница въ художественномъ развитіи той и другой генераціи. Студентъ, отличаясь дѣльностью и самостоятельностью взглядовъ, былъ чрезвычайно неразвитъ во внѣшней, артистической сторонѣ своего педагогическаго дѣла, говорилъ дурно, держался сухого, однообразнаго тона. Профессоръ, напротивъ, съ первыхъ же словъ одушевился, голосъ у него былъ моложе, чѣмъ у этого двадцатилѣтняго юноши, дикція прекрасная, все выходило колоритно, бойко, и по мѣрѣ того, какъ онъ дѣлалъ свои возраженія, тонъ его все оживлялся и оживлялся. Когда мы вышли изъ аудиторіи, я позволилъ себѣ сдѣлать это замѣчаніе вслухъ г. Гастону Буассье и онъ сообщилъ мнѣ, что во всѣхъ студентахъ замѣчается теперь, рядомъ съ дѣльностью, недостаточное развитіе художественныхъ пріемовъ и отсутствіе того темперамента, какимъ люди его генераціи или были надѣлены больше, или запасались подъ вліяніемъ идей и мозговой работы.

Digitized by Google

Вотъ какъ работаютъ студенты высшей Нормальной школы. Но не нужно забывать, что профессорами къ нимъ попадаютъ опять-таки бывшіе „normaliens“, какъ называютъ ихъ въ Парижѣ. Чтобы эти замѣчательно работающіе молодые люди выходили *новыми* людьми, надо имъ дать преподавателей настолько же талантливыхъ, какіе есть и теперь, но менѣе подавленныхъ традиціями, болѣе смѣлыхъ и свѣжихъ въ научно-философскомъ развитіи. А когда это будетъ? При французской университетской системѣ не видно и конца этому кругообразному движенію: все будутъ лучшіе гимназисты поступать въ Нормальную школу, превращаться тамъ въ преподавателей, занимать каѳедры въ гимназіяхъ и потомъ на факультетахъ и такъ до безконечности или до того момента, когда правительство не будетъ держать исключительно въ своихъ рукахъ руководительство высшаго просвѣщенія. Не даромъ въ Парижѣ: въ прессѣ, въ литературныхъ кружкахъ, въ салонахъ, въ особенности же въ средѣ молодежи, воспріимчивой къ новымъ идеямъ и порядкамъ, кличка „normalien“—почти синонимъ педанта, школяра. Но это преувеличено. Бульварные литераторы не любятъ своихъ собратовъ, побывавшихъ въ Нормальной школѣ и считаютъ ихъ педантами, потому что тѣ гораздо образованнѣе, основательнѣе учились и оказываются въ каждой литературной спеціальности съ болѣе солиднымъ фондомъ. Не надо забывать, что изъ этихъ „normaliens“ вышло нѣсколько талантливыхъ дѣятелей, бывшихъ на протяженіи второй имперіи едва-ли не лучшими публицистами и критиками. Стоитъ только припомнить имена Франциска Сарсе, Тэна, Прево Парадоля, Эдмона Абу. Всѣ они учились въ Нормальной школѣ и тянули въ началѣ лямку преподавателей въ провинціи. Но далеко не всѣ бывшіе воспитанники Нормальной школы остаются рутинными педагогами. Многіе оставляютъ школу и начинаютъ работать самостоятельно въ разныхъ сферахъ знанія и мышленія. Какова бы ни была Нормальная школа, но только въ средѣ ея бывшихъ воспитанниковъ философская мысль находитъ работниковъ. Единственный обще-философскій журналъ, издающійся теперь въ Парижѣ, „Revue philosophique“ редактируется докторомъ филологіи, Рибо, бывшимъ воспитанникомъ Нормальной школы. Разумѣется, и теперешній директоръ школы—бывшій ея воспитанникъ. Иначе и не могло быть, потому что, какъ я сказалъ выше, каждый профессоръ Сорбонны и каждый руководитель конференціи непремѣнно вышелъ изъ того же учительскаго института. Это тихое, скромное и замкнутое заведеніе дышетъ серьёзнымъ трудомъ и требуетъ отъ молодыхъ людей въ пятьдесятъ разъ больше, чѣмъ тотъ багажъ знаній и умственной развитости, съ какимъ выходятъ въ жизнь сотни и тысячи нашихъ кандидатовъ.

Digitized by Google

IV.

Женское движеніе.—Студентки Латинскаго квартала.—Старая исторія женскаго рабства во Франціи.—Марія Дёрэмъ.—Ея прежняя и теперешняя дѣятельность.—Брошюра-письмо къ французскому духовенству.

Я сказалъ: на лекціяхъ теперь гораздо больше женщинъ. Онѣ ходятъ не только въ Collége de France и въ Сорбонну, но числятся студентами медицинской школы. Правда, француженокъ-медиковъ еще мало. На перекресткахъ Латинскаго квартала, если вы встрѣчаете студентокъ медицины, то это все больше иностранки. Случалось мнѣ не-разъ слышать и русскій языкъ и видать моихъ соотечественницъ просто, но прилично одѣтыхъ, съ книгами и атласами подъ мышкой. Надъ образованіемъ француженокъ тяготѣлъ мужской гнетъ. Это—довольно позорное пятно на французской *мужской* интеллигенціи. Тутъ надо обвинять не самихъ женщинъ, а ихъ повелителей, съумѣвшихъ путемъ законодательства отвоевать себѣ возмутительныя права, права почти рабовладѣльческія. Не красна доля и русской женщины, если взять ее въ общемъ, то-есть женщину народа, крестьянку, жену мастерового, купца и мелкаго чиновника. Но все-таки—это извѣстно—нашъ X-й томъ куда милостивѣе къ женщинѣ, и только въ законѣ о наслѣдствѣ онъ ее обидѣлъ. Но это противорѣчіе общему духу законодательства навѣрно не удержится долго. А во Франціи? Чтобы не распространяться на эту тэму, я приведу только одинъ житейскій примѣръ. Женщина принесла приданое въ два милліона своему супругу и повелителю; но имѣла неосторожность заключить съ нимъ контрактъ, самый распространенный въ порядочномъ французскомъ обществѣ, съ такъ-называемой „общностью имущества“. Я говорю, имѣла неосторожность, и говорю въ сущности вещь слишкомъ наивную. Кому же неизвѣстно, кто немножко жилъ во Франціи или читалъ объ ней, что въ порядочномъ французскомъ обществѣ дѣвица — нуль. Родители выдаютъ ее почти такъ, какъ у насъ въ старомъ купеческомъ или крестьянскомъ быту. Они и переговариваются съ женихомъ. Женихъ всегда тянетъ на свою сторону, да и родители считаютъ контрактъ „общности имущества“ болѣе солиднымъ. Дѣвица превращается въ женщину и сохраняетъ, по закону, свое имущество. Но вотъ на имя ея, замѣтьте: ея, а не мужа, приходитъ на почту страховое письмо; она идетъ въ контору, чиновникъ не выдаетъ ей страхового пакета до тѣхъ поръ, пока не принесетъ она удостовѣренія отъ мужа, что это дѣлается съ его согласія. Другой примѣръ. Та же самая женщина съ двух-милліоннымъ приданымъ выходитъ замужъ за человѣка,

Digitized by Google

который черезъ полгода сошелъ съ ума. Мало того, что французскій законъ оставляетъ ее на вѣки-вѣчные женой и рабой этого сумасшедшаго, но онъ принуждаетъ ее давать ему, кромѣ дохода съ своего имущества, и половину всего того, что она заработаетъ собственнымъ трудомъ. При такихъ порядкахъ удивительно ли, что мужская половина французскихъ гражданъ не особенно заботилась о просвѣщеніи женщинъ. Какъ это ни странно, но при Наполеонѣ III, въ шестидесятыхъ годахъ, была сдѣлана самая энергическая попытка—дать дѣвушкамъ возможность порядочнаго средняго образованія. Она была испробована при министрѣ Дюрюи. Но все-таки министерство не рѣшилось пустить общій законъ. Открыты были въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ большихъ провинціальныхъ городахъ курсы съ программой мужскихъ гимназій, гдѣ молодыя дѣвушки могли учиться обще-образовательнымъ предметамъ, въ томъ числѣ и естественнымъ наукамъ, напримѣръ, химіи. И что-же? Не только клерикалы, но и равнодушное къ религіи буржуазное общество откликнулось на это очень туго. А клерикалы и даже студенты (какъ это ни постыдно засвидѣтельствовать) оскорбляли дѣвушекъ, выходившихъ съ курсовъ. Почему же, спросите вы? Потому что въ головы забитыхъ рутиной французскихъ родителей врѣзалась такая истина: дѣвочекъ и молодыхъ дѣвушекъ могутъ учить только духовные или монахини. Теперешнее министерство искренно предано идеѣ серьёзной реформы, но пока еще откроются хоть такія гимназіи, какія у насъ существуютъ почти повсюду, французской женщинѣ надо упорно добиваться образованія путемъ саморазвитія. На лекціи она можетъ ходить; законъ и академическіе уставы не запрещаютъ и ей держать экзамены на ученыя степени; но подготовляться ей почти негдѣ.

И все-таки въ послѣднія десять лѣтъ треснулъ этотъ ледъ, сковавшій на цѣлыя столѣтія научное развитіе французской женщины. Противъ эпохи второй имперіи разница рѣзкая и бросающаяся въ глаза, разумѣется, тѣмъ, кто желаетъ и походить, и разузнать, кто не останавливается на одной внѣшней, блестящей и шумной сторонѣ парижской жизни. Для того, конечно, и женскаго движенія не существуетъ. Но оно несомнѣнно существуетъ и даже сразу поставило всѣ вопросы ребромъ. Не какія-нибудь петрольщицы, а скромныя, образованныя дѣвушки перенесли сразу женскій вопросъ на политическую почву. Онѣ разсуждаютъ такъ: „нашъ полъ обиженъ во Франціи во всѣхъ смыслахъ, несмотря на то, что передъ нами какъ будто бы преклоняются, и все дѣлается по манію женщины... въ тѣхъ только случаяхъ, когда она приманка для мужского чувственнаго женолюбія. Но идти полегоньку, да потихоньку значитъ довольно

ствоваться компромиссомъ и никогда не добиться настоящей равноправности съ мужчиной". Французская женщина способна, вопреки многовѣковому католическому гнету, совершенно освободить свой умъ отъ всякаго мистицизма. На это есть свидѣтельства, а иностранецъ можетъ найти ихъ.

Вотъ уже больше десяти лѣтъ, какъ въ Парижѣ, напримѣръ, извѣстно имя Маріи Дёрэмъ, и въ шестидесятыхъ годахъ мнѣ приводилось слышать ея публичныя лекціи въ залѣ бульвара Капуциновъ. Она брала тогда всего больше такія тэмы, гдѣ бы можно было показать, какъ и самые просвѣщенные французы, литераторы, модные драматурги и романисты, все-таки относятся къ женщинѣ по-*мужски*, то-есть своекорыстно или лживо. И тогда еще г-жа Дёрэмъ держала цѣлый рядъ лекцій и публичныхъ бесѣдъ о типахъ французскихъ женщинъ въ современномъ театрѣ и романѣ. Съ водвореніемъ республики она перешла уже къ болѣе широкой пропагандѣ политическаго и философскаго свободомыслія. Главнымъ предметомъ ея обличеній сдѣлались клерикализмъ, французское духовенство и его тлетворное вліяніе. Она объѣзжаетъ каждый годъ Францію и читаетъ публичныя лекціи, имѣющія характеръ настоящихъ политическихъ рѣчей.

И вы думаете, что Марія Дёрэнъ есть какая-нибудь несчастная дѣвушка, умиравшая съ голоду, одна изъ тѣхъ женскихъ личностей, какія большіе города выбрасываютъ на публичную арену для того, чтобы онѣ съ пѣной у рта бросались на все, что̀ мѣшаетъ современной цивилизаціи? Нисколько! Во-первыхъ, это особа уже не молодая, лѣтъ подъ пятьдесятъ, дѣвица не особенно красивая, съ виду плотная и даже массивная, но съ слабымъ здоровьемъ, не мѣшающимъ ей, однако, предаваться своей пропагандѣ со страстью. Она вредитъ своему здоровью и все-таки не можетъ жить безъ публичной дѣятельности. Это энергическая, бодрая, словоохотливая пожилая дѣвушка съ манерами дамы, весьма самостоятельная, съ громкимъ голосомъ, гостепріимная и веселая. Живетъ она съ сестрой-вдовой, у нихъ очень хорошее состояніе. Онѣ держатъ даже свой экипажъ, что̀ въ Парижѣ всегда равносильно сорока тысячамъ годового дохода. Живутъ онѣ въ довольно отдаленномъ кварталѣ Парижа, но въ прекрасной обстановкѣ, не особенно франтоватой, гдѣ чувствуется настоящее довольство. Кабинетъ Маріи Дёрэмъ весь заставленъ библіотекой; сестры любятъ угощать и бойко поговорить за завтракомъ или обѣдомъ. Вы чувствуете себя совершенно съ людьми, вполнѣ образованными. И вотъ такая пожилая дѣвица не боится не только ѣздить по всей Франціи и говорить политическія рѣчи, поддерживающія демократическій строй правленія, но она кидаетъ вызовъ всѣмъ

Digitized by Google

французскимъ патерамъ, печатаетъ цѣлую брошюру подъ заглавіемъ „Письмо французскому духовенству". Это—брошюра въ нѣсколько печатныхъ листовъ. Я сообщу здѣсь ея содержаніе въ краткой выдержкѣ, въ самыхъ характерныхъ мѣстахъ. Они покажутъ, какъ въ этой Франціи, гдѣ женщина въ гражданскомъ законодательствѣ не имѣетъ почти никакихъ правъ—она все-таки можетъ говорить публично и въ печати.

Марія Дёрэмъ прямо хочетъ разсѣять заблужденіе, будто бы мистицизмъ—источникъ цивилизаціи вообще, а Францію надѣлилъ благами ея культуры. Она прямо отрицаетъ зависимость прогресса человѣчества отъ успѣховъ католичества. Она, быть можетъ, нѣсколько увлекается и забываетъ то, что̀ позитивисты, съ Контомъ и Литтре во главѣ, говорили о значеніи церкви въ средніе вѣка. Средніе вѣка прошли. Быть можетъ, тогда духовенство и было нужно для образованія. Но она прямо объявляетъ, что въ настоящій моментъ цивилизаціи единственные ея двигатели: разсудокъ и способности человѣка. Католицизмъ, говоритъ она, даетъ поддержку неограниченной власти, приписывая ей божественную санкцію. А неограниченная власть беретъ церковь въ союзники, идетъ вмѣстѣ съ ней противъ свободы. Всегда и вездѣ общественный и политическій произволъ оправдывались клерикалами во имя божества. Марія Дёрэмъ не боится даже заявлять, что католическое христіанство и цивилизація исключаютъ одно другое. И какъ, спрашиваетъ она, примирить семейныя, гражданскія и политическія учрежденія съ отрицаніемъ всего земного? Образованіе—ненужно: оно ведетъ къ сомнѣнію, несовмѣстимому съ вѣрой. А правосудіе? Церковь ставитъ въ заслугу страданіе невиннаго и наказываетъ праваго за виноватаго, во искупленіе зла. Она отрицаетъ все земное, для нея понятія о человѣчности не существуетъ. Но между тѣмъ міръ шелъ своимъ путемъ. Мистическій идеалъ сталъ противорѣчіемъ жизни, тормазомъ ея главныхъ двигателей. Пропагандистка свободомыслія находитъ, что язычество въ этомъ отношеніи было гораздо разумнѣе. Оно не ограничивало человѣческую природу, не замыкало ее въ тѣсный кругъ клерикальныхъ понятій, а напротивъ, давало полную возможность ея силамъ развернуться на просторѣ. Обоготвореніемъ природы оно способствовало ея изученію, не оставляя безъ вниманія и самого человѣка. Мистицизмъ, охватившій Европу въ средніе вѣка, все испортилъ, а соціальное зло осталось то же: проповѣдуя равенство и братство, церковь закрѣпляла, въ то же время, положеніе рабовъ и слугъ; точно издѣваясь надъ ними, утѣшала загробной жизнью. Равными всѣ оставались только передъ

Digitized by Google

церковью, потому что всѣ должны быть готовыми пострадать и претерпѣть безъ различія праваго отъ виноватаго.

Это вступленіе показываетъ уже, что французская женщина, хотя бы она и увлекалась, смѣетъ „свое сужденіе имѣть". Припомнимъ, что брошюра Маріи Дёрэмъ появилась какъ разъ въ то время, когда клерикализмъ напрягся въ подпольной борьбѣ съ либеральнымъ правительствомъ. Авторъ брошюры въ сущности не говорилъ ничего теоретически новаго. Но если припомнить, что это—женщина, дѣвица, что она должна была сама себя образовать, что ее шесть десятыхъ грамотной Франціи побили бы каменьями, еслибы могли, то дѣло получаетъ совсѣмъ другой оборотъ. И она не ограничивается только декламаціей, она приводитъ факты, хотя извѣстные всѣмъ эманципированнымъ умамъ, но не признаваемые всей католической Франціей. Она напоминаетъ о томъ фактѣ, что варвары помогли церкви захватить всю власть въ свои руки. Они не были заражены античнымъ скептицизмомъ. Но и въ средніе вѣка церковь не имѣла еще того значенія, которое придалъ ей монархизмъ. Тогда все было основано на матеріальной силѣ. Владѣніе землей стояло на первомъ планѣ. Князь, сидѣвшій на землѣ, подчинялъ себѣ и духовныхъ, а епископъ пріобрѣталъ настоящее значеніе, только когда самъ дѣлался свѣтскимъ княземъ. И вотъ этимъ-то успѣхомъ въ погонѣ за земными благами церковь и положила начало своему могуществу. А потомъ церковь завладѣла и образованіемъ: наука въ ея рукахъ сдѣлалась орудіемъ схоластики. И вотъ она во всемогуществѣ власти; въ ея рукахъ земля, правосудіе, просвѣщеніе. И что же дѣлаетъ она,—спрашиваетъ эта защитница свободомыслія,—какое употребленіе даетъ этой власти? Понятно, что проповѣдуя умерщвленіе плоти, она не могла способствовать жизненной энергіи, не въ состояніи была перестроить общество. Предразсудки, рабство остались тѣ же, сохранились всѣ сословныя привилегіи и виды неравенства. Какъ же было примирить аскетизмъ съ потребностями жизни, съ требованіями человѣческой природы, заявлявшей себя со всѣхъ сторонъ? И мы имѣемъ систему дуализма—признанія въ человѣкѣ двухъ началъ. Эта система двойственности была приложена не къ однимъ только людямъ; она проникаетъ во всѣ церковныя учрежденія и объясняетъ встрѣчающіяся въ нихъ противорѣчія. Церковь сама—скандальный образецъ такихъ противорѣчій. Мы видимъ въ ней проповѣдь нищеты и огромныя богатства. Она должна была поддерживать и рабство. Церковь сама имѣетъ рабовъ, и первое освобожденіе массы людей принадлежитъ не ей, а свѣтской власти: Людовикъ X объявилъ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ свободными. И городское движеніе осталось безъ поддержки церкви: вездѣ, гдѣ

Digitized by Google

складывались коммуны, епископы были самыми ярыми врагами ихъ. Духъ независимости и свободы, проявившій себя такъ ярко въ XII и XIII вѣкахъ во Франціи, послѣ долгаго гнета, образовался внѣ вліянія духовенства и даже вопреки ему. И далѣе, на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ церковь представляетъ изъ себя тормазъ дѣлу свободы. Что бы мы ни взяли, альбигойскія ли войны крестовые ли походы,— вездѣ церковь неразлучна съ нетерпимостью. У ней во всемъ личные интересы выше, и она—то на сторонѣ народа, то на сторонѣ королевской власти. Такъ въ XIV вѣкѣ при Этьенѣ Марселѣ, духовенству было выгоднѣе стоять съ народомъ; но стоило вспыхнуть народному возстанію, и церковь сейчасъ же сошлась съ аристократіей. Голодный, обезумѣвшій отъ нищеты и отчаянія народъ долженъ былъ смириться передъ вооруженной силой феодаловъ. А церковь позаботилась, тѣмъ временемъ, о своихъ богатствахъ.

Напомнивъ эти общеизвѣстные факты, Марія Дёрэмъ высказываетъ духовенству, что оно не поддерживало даже и національнаго чувства французовъ, о чемъ теперь такъ много толкуютъ клерикалы. Оно радостно встрѣчаетъ, напримѣръ, англичанъ при Карлѣ VI; Генрихъ V признанъ королемъ поповъ; духовенство сжигаетъ Жанну д'Аркъ. Тотъ же характеръ заявляетъ церковь во Франціи и въ XVII вѣкѣ. То же видимъ и въ тѣхъ наказахъ (cahiers), какія духовенство представило на генеральные штаты во французскую революцію: всѣ они проникнуты желаніемъ сохранить его права и преимущества. О національномъ чувствѣ нѣтъ и помину. Только послѣ трехдневнаго сопротивленія могли добиться отъ духовенства отмѣны десятины. Съ побѣдой монархизма при реставраціи, церковь увидала, что главнымъ врагомъ ея остается третье сословіе, какъ наиболѣе развитое, и она борется съ нимъ.

Но Марія Дёрэмъ обращается и къ протестантамъ французамъ. Она прямо говоритъ, что протестантизмъ по существу своему не логиченъ. Свобода и откровеніе противорѣчатъ, уничтожаютъ другъ друга. Она говоритъ всѣмъ французскимъ духовнымъ и ихъ вѣрнымъ послѣдователямъ: „Вамъ остается одно изъ двухъ: или быть за цивилизацію и измѣнить своей доктринѣ, или остаться вѣрными ей и быть врагами прогресса. Изъ васъ выдавались отдѣльныя личности, но въ общемъ вы потеряли всякое значеніе. Наука далеко обогнала васъ и оставила за штатомъ. Мы пришли къ тому же состоянію, въ какомъ находилась римская имперія 2000 лѣтъ тому назадъ; тотъ же скептицизмъ, та же неустойчивость. Ваши надежные союзники: простота нравовъ, невѣжество измѣняютъ вамъ. Даже сельское населеніе противъ васъ. За васъ только тѣ, кому выгодна ваша доктрина; они защищаютъ ею свои личные интересы, оправдываютъ

Digitized by Google

ею произволъ политическій и соціальный. Но изъ этихъ людей вы не составите себѣ надежнаго войска. Вы можете только разсчитывать на непослѣдовательность свободныхъ мыслителей, сказавшихся и въ революціи 89-го года. Ваше дѣло не было еще тогда проиграно. Имперія и реставрація помогли вамъ подняться на ноги. Вы, конечно, до сихъ поръ еще сохранили значительное вліяніе на умы. А почему? Потому что у насъ нѣтъ настоящаго образованія. Начиная съ первой имперіи вплоть до второй все возростало ваше воспитательное значеніе: за вами одними было признано право истолкованія сущности божества. Свободная мысль боролась съ гнетомъ; ей приходилось прокладывать дорогу черезъ всѣ мѣста, занятыя вами. Новыя поколѣнія воспитывались подъ старымъ вліяніемъ, и вытѣснить его было трудно. Отсюда—двойственность мысли и нерѣшительность воли, характеризующія наше время... Мы робко беремся за дѣло, начинаемъ закономъ Ферри. Но и онъ кажется для васъ возмутительнымъ; вы обвиняете общество въ атеизмѣ, пророчите анархію! Только вамъ не побороть науки, основанной на фактахъ, на положительномъ знаніи; а ваши увѣренія лишены всякой почвы. Знаніе движется и все больше и больше подкапываетъ ваши основы. Одна изъ главныхъ основъ вашего ученія—такъ называемая нравственность. Но она подъ вліяніемъ новыхъ открытій физіологіи и психологіи получила и новый характеръ. Законы природы нарушать нельзя. Самъ Богъ установилъ ихъ. Слѣдовательно, они не могутъ быть безнравственными... Теперь личность выросла и, конечно, благодаря не вамъ, а развитію философіи и науки. Призракъ первороднаго грѣха исчезъ, и все живетъ въ научномъ воздухѣ. Данныя науки пролили новый свѣтъ на все наше существованіе, популяризація позволила знанію проникнуть во всѣ уголки. Вы можете въ религіозныхъ вопросахъ имѣть какія угодно мнѣнія, но они не должны носить печати принудительности. Фанатизмъ въ настоящее время немыслимъ... Мы не хотимъ васъ преслѣдовать, мы только добиваемся одного: отнять у духовенства его преобладаніе и возвратить просвѣщенію народа полную свободу. Вы напрасно утверждаете, что съ уничтоженіемъ вашихъ привилегій наступитъ царство матеріи. Напротивъ, мы стремимся къ расширенію духовнаго начала, искаженнаго вами. Главнѣйшія завоеванія разума не вами сдѣланы. Мысль растетъ, прежнія понятія отживаютъ.

„Государство обязано расчищать дорогу мысли, оно не будетъ закрывать вашихъ храмовъ, если разъ признало свободу совѣсти: вы можете оставаться при какихъ угодно убѣжденіяхъ, только бы уважали законъ, только бы не требовали расходовъ отъ государства. За вами будетъ признано то же, что и за другими религіями—не больше и не меньше.

Digitized by Google

Оставьте же вашу заносчивость, будьте осмотрительны; только на этомъ условіи вы и можете просуществовать. Не обвиняйте себя воспоминаніями вашей былой власти, вашего прежняго могущества: то время уже прошло навсегда".

Этихъ образчиковъ довольно, чтобы показать характеръ этой женской борьбы противъ клерикализма. Quos vult perdere Jupiter dementat, кончаетъ Марія Дёрэмъ.

V.

Борьба женщинъ во имя политическихъ правъ.—„Общество", основанное Губертиной Оклэръ.—Его программа.—Рѣчь Оклэръ на марсельскомъ конгрессѣ.—Ея личность и обстановка.—Журналъ „La femme".—„Общество", борющееся съ полиціей нравовъ.

Парижскія женщины не останавливаются только на борьбѣ съ клерикализмомъ, на поддержкѣ республиканскихъ идей. Онѣ почувствовали, что пришла минута поднять голову во имя собственныхъ правъ. Уже въ ноябрѣ 1876 года образовалось цѣлое общество, съ цѣлью добиться для женщинъ настоящихъ *политическихъ* правъ, которыя сравняли бы ихъ съ гражданиномъ—мужчиной. Общество это было утверждено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 27 сентября 1879 года. Оно говоритъ въ своемъ уставѣ, что основаніе и цѣль его „требовать соціальныхъ и политическихъ правъ женщинамъ", что оно не принадлежитъ ни къ какой партіи или школѣ, что оно протестуетъ противъ существующихъ законовъ, которые всѣ были обсуждаемы и голосованы безъ участія женщинъ и *противъ женщинъ*, что оно не признаетъ учрежденій, какія будутъ выработаны впослѣдствіи безъ содѣйствія женщинъ на томъ основаніи, что эти учрежденія опять непремѣнно будутъ направлены противъ женщинъ. Чтобы вступить въ „Общество женскихъ правъ", надо принять его программу, подвергнуться нѣкоторому опросу, заявить свое мотивированное сочувствіе. Принимаются и мужчины, и женщины на одинаковыхъ правахъ, съ платой по двадцати пяти сантимовъ въ мѣсяцъ. Программа ясна изъ самой идеи „Общества". Оно признаетъ политическое освобожденіе женщины *единственнымъ средствомъ* достиженія и полной экономической, и гражданской эмансипаціи. Необходимо, чтобы женщины добились права *голосованія* и права *избираемости*, какъ въ общинѣ, такъ и въ государствѣ. Необходимо, чтобы женщина получала полное и равное образованіе съ мужчинами; для этого не потребуется большого увеличенія бюджета. Надо только, чтобы лицеи, всѣ существующія школы, среднія и высшія, были одинаково открыты какъ для дѣвушекъ, такъ и для молодыхъ

Digitized by Google

людей. „Общество“ требуетъ для женщинъ допущенія ко всѣмъ поприщамъ, всѣмъ профессіямъ, и равенства вознагражденія сообразно съ равенствомъ труда. Оно думаетъ, что супружество должно быть сожительствомъ, заключеннымъ свободно и основаннымъ на равенствѣ между супругами, почему въ дѣйствующихъ теперь законахъ и одобряетъ раздѣленіе имущества и одинаковыя права дочерей на наслѣдство. Какъ всякое сообщество, супружество можетъ быть расторгаемо; но право развода не должно уменьшать обязанностей супруговъ относительно дѣтей. „Общество“, желая, чтобы правосудіе было вполнѣ безпристрастно, требуетъ для женщинъ права быть судьями и присяжными. Наконецъ, „Общество“ требуетъ полнаго равенства передъ закономъ для обоихъ половъ, необходимаго для выполненія тѣхъ обязанностей, отъ которыхъ до сихъ поръ устранялись женщины.

Какъ же всего этого достичь? Какъ выполнить цѣль? Надо постоянно заявлять свои требованія, устраивать собранія, лекціи, публичныя манифестаціи, издавать книги, брошюры, журналы по вопросу о расширеніи правъ женщинъ. Матеріальныя средства поступаютъ изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ и добровольныхъ пожертвованій; взносы эти самые маленькіе, двадцать пять сантимовъ въ мѣсяцъ. „Общество“ управляется, какъ и всякая другая ассоціація. Каждый годъ оно выбираетъ секретаря, казначея и двѣ коммиссіи, одну контрольную и другую изъ трехъ членовъ, чтобы испытывать вновь поступающихъ, что́ и происходитъ на квартирѣ „Общества“, помѣщающейся въ одномъ изъ дальнихъ кварталовъ Парижа, въ окрестностяхъ сѣверной желѣзной дороги, Rue Cail, 12.

Когда зародилась мысль объ образованіи такого общества, въ послѣднихъ числахъ октября 1876 года, въ большихъ парижскихъ журналахъ: „Rappel“, „La tribune“, „Les droits de l'homme“ появилось слѣдующее воззваніе:

„Французскія женщины! Несмотря на благодѣянія, оказанныя нашей революціей 1789 года, два рода существъ остались порабощенными: пролетарій и женщина.

„Пролетарій падаетъ подъ бременемъ труда, едва дающаго ему кусокъ хлѣба. Никакія сбереженія на старость невозможны. Въ награду за роскошь и богатство, которыя онъ помогаетъ добывать своему отечеству, онъ обреченъ на смерть въ нищетѣ.

„Участь женщины та же, что и участь пролетарія, или нѣтъ, еще хуже: за одну и ту же работу она получаетъ вдвое меньше мужчины. И бѣдныя, и богатыя женщины одинаково притѣснены несправедливымъ законодательствомъ; оно съузило кругъ ихъ дѣятельности, эксплуатируетъ и всячески губитъ ихъ.

„У насъ нѣтъ никакихъ правъ. Какъ бы мы ни были озабочены

Digitized by Google

интересами нашего государства, мы не имѣемъ голоса ни въ избирательныхъ, ни въ законодательныхъ собраніяхъ. Мы для государства—ничто. Самый глупый и самый необразованный мужчина значитъ для Франціи больше, чѣмъ самая ученая женщина: у него есть право выбора себѣ законодателей. Женщина—особое существо: она родится со множествомъ обязанностей и безъ всякихъ правъ.

„А между тѣмъ, передъ закономъ женщина равна мужчинѣ. Какая странная аномалія! Женщина неспособна къ жизни соціальной и политической, ее причисляютъ къ невмѣняемымъ и къ сумасшедшимъ. Но когда она преступитъ законъ, то ее наказываютъ такъ же строго, какъ и мужчину, совершившаго преступленіе въ полномъ обладаніи своими способностями.

„Всякая свободная карьера для насъ закрыта. Мы не должны вмѣшиваться ни въ какое финансовое распоряженіе; но казна находитъ насъ все-таки годными къ уплатѣ податей, къ обсужденію которыхъ насъ не допускаютъ.

„Изъ двухъ субъектовъ, обиженныхъ закономъ, одинъ уже поднялъ голову и заявилъ свои права. Это—пролетарій. Пролетаріи собирались на конгрессахъ и прокричали міру: „Мы хотимъ свободы“. Мы слѣдили за ихъ борьбой и говоримъ вамъ:

„Французскія женщины! Мы должны также требовать себѣ правъ. Пришло время выдти изъ равнодушія и бездѣйствія и возстать противъ предразсудковъ и унижающихъ васъ законовъ. Соединимъ наши силы, сплотимся. Примѣръ пролетаріевъ у насъ передъ глазами, освободимся же, какъ они.

„Пускай женщины, искренно желающія занять свои мѣста въ обществѣ и политической жизни, заявятъ мнѣ объ этомъ. Дверь моя открыта каждому, кто возьметъ на себя починъ, всѣмъ гражданкамъ и гражданамъ, желающимъ оказать намъ свое содѣйствіе. Когда насъ будетъ достаточно, мы соберемся, чтобы подъискать средства, какъ добиться свободы“.

Кѣмъ же было подписано это воззваніе? Молодой дѣвушкой, тогда еще неизвѣстной. Это была Губертина Оклэръ, о которой въ послѣдніе два года такъ много говорилось и писалось всякаго тенденціознаго вздору. Черезъ недѣлю послѣ напечатанія этого воззванія, двадцать человѣкъ заявило сочувствіе. Губертина Оклэръ собрала ихъ всѣхъ у себя; въ нѣсколько засѣданій они выработали цѣлое „Общество правъ женщины“. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, они напечатали въ журналахъ свое первое заявленіе. Въ февралѣ 1877 года „Общество“ было уже настолько сильно, что опубликовало свою программу и устроило въ кварталѣ Сенъ-Жоржъ засѣданіе, имѣвшее огромный успѣхъ. Но тогда же начались и неудачи. „Общество“ хо-

Digitized by Google

тѣло существовать на законномъ основаніи. Напрасно добивались у тогдашняго правительства разрѣшенія. Съ этого времени „Общество“ существовало неоффиціально и тайкомъ выработало свою подробную программу. Въ октябрѣ 1877 г. передъ выборами оно напечатало обширное воззваніе къ избирателямъ; мы приведемъ изъ него нѣкоторыя извлеченія. Разумѣется, и въ немъ говорится, что женщина самое обиженное и оскорбленное существо. Протестующіе не ограничиваются одними словами, но указываютъ прямо на несправедливости, отъ которыхъ такъ страдаютъ женщины, и требуютъ настоятельно уничтоженія законовъ, попирающихъ настоящее, а не фиктивное, не одностороннее равенство. „Вы всѣ,—восклицаетъ основательница „Общества“,—желающіе создать справедливый порядокъ вещей, построить новое общество на основаніяхъ правосудія, идите къ намъ, боритесь вмѣстѣ съ нами!“

„Общество“ тогда уже потребовало въ большихъ подробностяхъ неотложныхъ реформъ, имѣющихъ цѣлью поднять женщинъ во всѣхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, образованіе и трудъ. Для женщинъ нѣтъ во Франціи высшихъ учебныхъ заведеній, нѣтъ даже лицеевъ и коллегій, между тѣмъ, какъ въ мужскихъ заведеніяхъ, кромѣ безплатнаго преподаванія, дается еще извѣстное число стипендій. Въ настоящее время бюджетъ народнаго просвѣщенія идетъ цѣликомъ на мужскія заведенія. Если нѣкоторыя женщины, учащіяся частнымъ образомъ, и добиваются диплома, онѣ не могутъ употребить его въ дѣло и жить своей профессіей. Привычка смотрѣть на женщину какъ на лицо, зависимое отъ мужчины, ставитъ каждую женщину передъ дилеммой: насущная необходимость тратить и почти полная невозможность заработывать. Поэтому „Общество“ и требуетъ для женщины совершенно равнаго образованія, чтобы половина бюджета министерства народнаго просвѣщенія шла на женскія заведенія и чтобы всѣ школы, лицеи и коллегіи, получающіе денежное пособіе, были открыты одинаково для дѣвочекъ и мальчиковъ. „Общество“ прямо заявляетъ, что оно считаетъ бѣдность и эксплуатацію женщинъ невыгодной и для самихъ мужчинъ. Оно приводитъ и всѣ статьи гражданскаго кодекса, о которыхъ небезъинтересно будетъ упомянуть и здѣсь. Такъ, напримѣръ, по статьѣ 340 гражданскаго кодекса отыскивать отца воспрещается, а по 341 позволено отыскивать мать. „Общество“ требуетъ уничтоженія этой статьи. Отецъ долженъ быть также отвѣтственъ, какъ и мать. Гражданскій законъ признаетъ во Франціи договоры о продажѣ, но не признаетъ брачныхъ договоровъ, хотя бы они были скрѣплены актомъ. Статьи 313 и 314 требуютъ, чтобы въ супружествѣ жена подчинялась мужу: она обязана жить съ нимъ и слѣдовать за нимъ повсюду. „Общество“ требуетъ, чтобы

Digitized by Google

въ томъ случаѣ, когда нѣтъ особаго брачнаго договора, супруги подчинялись, такъ-называемому, режиму общности имущества. Теперь французскій законъ позволяетъ мужу, если нѣтъ особаго контракта на раздѣльность имущества, располагать движимостью жены въ пользу кого ему угодно—по статьѣ 1422. Разъ женщина вышла замужъ, она дѣлается несовершеннолѣтней до смерти мужа. Если мужъ сойдетъ съ ума или будетъ посаженъ въ тюрьму, жена все-таки остается несовершеннолѣтней и попадаетъ подъ опеку; когда даже судъ позволитъ ей жить особо отъ мужа, она все-таки не освобождается изъ-подъ его опеки. Требованіе развода „Общество“ мотивируетъ нравственными мотивами рядомъ съ экономическими. Въ случаѣ, если оба супруга не могутъ развестись безъ посторонняго вмѣшательства, оно требуетъ, чтобы и женщины допускались, какъ и мужчины, въ семейные совѣты и въ суды, завѣдующіе бракоразводными дѣлами. По теперешнему законодательству только отецъ имѣетъ власть надъ дѣтьми; необходимо, чтобы и мать раздѣляла это право. А также, чтобы женщины могли быть попечительницами, членами семейныхъ совѣтовъ, даже если онѣ и не матери и не родственницы по восходящей линіи. Подпись женщины не имѣетъ теперь по закону никакого значенія. Это право должно быть возстановлено.

Точно также и уголовный кодексъ Франціи не ограждаетъ вовсе женщины отъ безчестныхъ происковъ мужчины. Съ самаго дѣтства, съ пятнадцати лѣтъ дѣвушка сама должна отвѣчать за себя. Каждый человѣкъ, родившись, пріобрѣтаетъ право на защиту общества, тѣмъ бо́льшую, чѣмъ онъ самъ слабѣе. Потому-то и слѣдуетъ охранять дѣвушку закономъ до ея совершеннолѣтія. Мужъ и жена неравны по французскому уголовному закону, когда нарушаютъ супружескую вѣрность. Женщину наказываютъ за это тюремнымъ заключеніемъ отъ трехъ мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ, мужчина въ томъ только случаѣ, если онъ держитъ постороннюю женщину въ квартирѣ жены, наказывается всего штрафомъ отъ ста до двухъ тысячъ франковъ. Убійство мужемъ невѣрной жены или ея соучастника, если онъ засталъ ихъ на мѣстѣ преступленія, прощается по 324 статьѣ уголовнаго кодекса. Мужъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть оправдываемъ въ убійствѣ жены. Ни тюрьма, ни штрафъ не могутъ возстановить согласіе супруговъ, если одинъ изъ нихъ измѣнилъ другому, почему „Общество“ и требуетъ, въ случаѣ нарушенія вѣрности, одного прямого исхода—развода. Точно также и кодексъ уголовнаго судопроизводства весь противъ женщинъ, онъ не позволяетъ имъ быть судьями. Въ чисто-гражданскихъ правахъ, когда женщина является членомъ общины, она вовсе не идетъ въ счетъ, она не принимаетъ участія ни въ какомъ муниципальномъ голосованіи. Она можетъ страдать

Digitized by Google

отъ дурной администраціи города или общины; роль ея—платить подати и молчать. То же и въ чисто политической жизни; не только не можетъ она выбирать депутатовъ, она не имѣетъ права участвовать ни въ какихъ политическихъ сходкахъ, вопреки принципу всеобщей подачи голосовъ. Половина Франціи вслѣдствіе этого не подаетъ голоса.

Дѣвушка, взявшая на себя роль возбудителя вопроса о гражданской и политической равноправности женщинъ во Франціи, начала примѣнять свои принципы къ дѣлу. Она отказалась платить подати, какъ жительница Парижа, нанимающая квартиру. Это вызвало, разумѣется, судебное взысканіе, продажу движимости. Консервативные журналы подняли ее на смѣхъ, выставляли ее какимъ-то маньякомъ, издѣвались надъ ней. Множество каррикатуръ изображало Губертину Оклэръ на потѣху бульварнымъ зѣвакамъ. Но эта дѣвушка не падала духомъ. Въ томъ году, когда, наконецъ, уставъ „Общества женскихъ правъ“ былъ утвержденъ министерствомъ, въ Марсели собрался рабочій конгрессъ. Губертина Оклэръ произнесла большую рѣчь, разумѣется, на ту же тэму политическаго и соціальнаго равенства мужчинъ и женщинъ. Она явилась туда, какъ представительница двухъ парижскихъ обществъ, во-первыхъ, того, которое она основала, и общества работницъ, составившихъ торгово-производительное товарищество.

Въ первый разъ обращалась такая представительница къ рабочему конгрессу. Она энергическимъ и яснымъ языкомъ указала сразу на яркое противорѣчіе между именемъ „республики“ и тѣми притѣсненіями, какія испытываютъ до сихъ поръ женщины. Она призывала рабочихъ показать примѣръ справедливости, и прежде, чѣмъ они сравняются съ собственными повелителями, исполнить свою обязанность относительно женщины. Она явилась на конгрессъ безъ всякихъ иллюзій, зная очень хорошо, что если она спроситъ этихъ рабочихъ, стоятъ ли они за равенство людей, то они отвѣтятъ ей положительно, но потому только, что разумѣютъ одно равенство *мужчинъ*. Если же она измѣнитъ вопросъ и соединитъ мужчинъ и женщинъ въ одно слово, то многіе изъ этихъ самыхъ пролетаріевъ, мужчинъ-рабочихъ отвѣтятъ: „нѣтъ“. Зачѣмъ же послѣ этого и говорить о равенствѣ? Губертина Оклэръ нисколько и не щадитъ ихъ: они все-таки мужчины, то-есть существа, преисполненныя предразсудковъ, традиціонныхъ отсталыхъ взглядовъ на женщинъ.

„Вы жалуетесь на властвующіе классы,—говорила она,—а сами поступаете съ нами лично такъ же, какъ эти классы поступаютъ съ вами. Спасибо хоть и за то, что вы признали и поставили нашъ вопросъ. Это, вѣроятно, вызоветъ обсужденіе его во всей Франціи

Digitized by Google

и подготовить его рѣшеніе". Она не побоялась также сказать рабочимъ, что они едва ли пошли бы на такой опытъ, какой могъ бы рѣшить вопросъ о равноправности мужчинъ и женщинъ, то-есть давать мальчикамъ и дѣвочкамъ равное воспитаніе. Въ томъ, что Оклэръ говоритъ о способностяхъ женщинъ, нѣтъ, конечно, ничего новаго. Она приводитъ давно извѣстныя мнѣнія физіологовъ и мыслителей натуралистовъ, но тонъ ея не декламаторскій, а искренній и убѣжденный. Она очень хорошо знала, что и среди сторонниковъ равенства женщины и мужчины есть такіе, которые думаютъ, что хлопотать нечего, что все придетъ само собой. Но такъ оно не будетъ въ дѣйствительности. Женщинамъ очень давно обѣщали расширеніе ихъ правъ. Въ 1789 году Олимпія Гужъ представила на разсмотрѣніе генеральныхъ штатовъ жалобы и требованія женщинъ. Ей отвѣтили, что заниматься ихъ положеніемъ теперь лишнее. Ожидается общественный переворотъ, послѣ котораго онѣ пріобрѣтутъ тѣ же права, что и мужчины. Но пришла революція, провозглашены были права мужчинъ, а женщины все же остались невольницами. Ихъ одурачили, осмѣяли, оскорбили, когда онѣ стали протестовать. Якобинскіе представители конвента закрыли ихъ клубъ, запретили имъ собираться для обсужденія общихъ дѣлъ. Въ одно и то же время торжествовавшая революція закрѣпляла рабство женщинъ и кричала на всевозможные лады: „свобода, равенство". Такой историческій примѣръ привела Губертина Оклэръ. Но онъ не единственный. Когда изданъ былъ кодексъ, произошло то же самое. Потому-то неудивительно, что женщина сторонится отъ тѣхъ, которые, желая перемѣны настоящаго соціальнаго устройства, въ то же самое время оспориваютъ ея требованія и проводятъ ее обѣщаніями будущихъ благъ.

„О! еслибы можно было,—воскликнула Губертина Оклэръ,—сразу заключить условіе мужчины съ женщиной, такое условіе, которое гарантировало бы равенство правъ, завоеванное въ общихъ побѣдахъ. Тогда я сказала бы: забудемъ нашу рознь, соединимъ наши требованія съ требованіями мужчинъ! Но безъ гарантій, — то человѣческое равенство, которое проповѣдуется во всѣхъ соціалистическихъ школахъ, повѣрьте, ограничится только равенствомъ мужчинъ между собой. Я сильно боюсь того, что мужчины-пролетаріи осмѣютъ женщинъ такъ же, какъ ихъ осмѣяли буржуа".

Она смѣло указываетъ отсталость и самыхъ передовыхъ соціалистовъ въ дѣлѣ признанія равенства правъ женщинъ.

Она прямо говоритъ, что различные вожаки соціалистическихъ группъ вовсе не согласны между собой въ вопросѣ о равенствѣ женщинъ. И они также убаюкиваютъ женщинъ надеждой на *будущее*

Digitized by Google

общество, гдѣ все придетъ въ полную гармонію. Женщина же не желаетъ этого журавля въ небѣ, ей нужно прямое и самое дѣйствительное орудіе борьбы: *право голоса*. Она отвѣчаетъ тѣмъ, кто находитъ ненужнымъ создавать особый женскій вопросъ: „вы сами создали его. Дайте намъ сначала права, и тогда мы посмотримъ, какое мѣсто мы займемъ, такъ, чтобы не стѣснять ни въ чемъ и мужчинъ. Мы хотимъ только убить привилегію".

Надо высвободить женщину изъ того постояннаго нищенства, въ которомъ она находится. На бракъ нельзя смотрѣть, какъ на средство прокормиться. Надо, чтобы мужчина раздѣлилъ съ женщиной трудъ на двѣ равныхъ части, надо чтобы мать и кормилица дѣтей получала, по крайней мѣрѣ, половину суммы, какая добывается въ хозяйствѣ. Вѣдь мужчина не сталъ бы пользоваться даромъ услугами посторонняхъ, потому, развѣ не справедливо, чтобы онъ оплачивалъ трудъ своей подруги? Она спрашиваетъ мужчинъ: „скажите мнѣ, всѣ вы, утверждающіе, что жена должна быть на содержаніи у мужа, кто же будетъ кормить женщинъ, у которыхъ нѣтъ мужей, кто позаботится о вдовахъ и ихъ дѣтяхъ? Разумѣется, соціалистъ отвѣчаетъ: государство возьметъ на себя все это. Но пока сложится такая форма государства, что́ же дѣлать въ настоящую минуту женщинамъ и дѣтямъ, не имѣющимъ никакого заработка?"

Вотъ какія истины говорила молодая дѣвушка на конгрессѣ рабочихъ, не боясь ни насмѣшекъ, ни ворчанья. Въ заключеніе, она повторила еще разъ свои идеалы, идеалы французскихъ женщинъ, понявшихъ, наконецъ, въ какомъ унизительномъ положеніи находятся онѣ теперь. Главное свое требованіе—политическія права—съумѣли онѣ выразить въ страстной тирадѣ.

Послѣ того, Губертина Окларъ продолжала свою пропаганду, говорила, гдѣ можно было, привлекала новыхъ членовъ въ общество и не переставала протестовать противъ права правительства, требовать съ женщинъ уплаты различныхъ податей, не допуская ихъ къ участію въ представительствѣ ни государственномъ, ни муниципальномъ.

Какое же впечатлѣніе производитъ эта дѣвушка на человѣка, стоящаго въ сторонѣ отъ этой борьбы политическихъ страстей, иностранца, желающаго, безъ всякаго задора и односторонности, присмотрѣться и къ людямъ, и къ ихъ дѣламъ? Въ небольшой квартиркѣ за станціей сѣверной желѣзной дороги, гдѣ, какъ я сказалъ, помѣщается „Общество правъ женщинъ", меня встрѣтила дѣвушка лѣтъ за двадцать, много двадцати-пяти, съ пріятной наружностью, не особенно красивая, безъ всякихъ странностей въ прическѣ или туалетѣ. Всего лучше въ ея физіономіи—глаза, умные и теплые. Го-

Digitized by Google

воритъ она чрезвычайно убѣжденно, бойкимъ литературнымъ языкомъ, и вообще выказываетъ во всей своей манерѣ, въ тонѣ и обращеніи большую благовоспитанность. У насъ есть въ Петербургѣ, Москвѣ, университетскихъ городахъ не мало женщинъ и дѣвушекъ, похожихъ на эту возмутившуюся француженку, похожихъ, конечно, не по той роли, которую онѣ играютъ, а по всему своему складу. Въ Россіи ее приняли бы за серьёзную, начитанную и краснорѣчивую французскую гувернантку. Я не слыхалъ, какъ она говоритъ съ трибуны, но и въ простомъ разговорѣ вы чувствуете бойкій умъ съ оттѣнкомъ юмора. Въ рѣчахъ, въ родѣ той, которую я сейчасъ привелъ въ извлеченіи, разумѣется, не безъ общихъ фразъ женскаго радикализма, но въ бесѣдѣ Губертина Оклэръ воздерживается отъ возгласовъ, отъ чувствительныхъ или негодующихъ восклицаній. Она говоритъ довольно тихимъ голосомъ, не очень скоро, безъ парижской сильной картавости и стремительности и больше, такъ сказать, разлагаетъ, анализируетъ, чѣмъ громитъ или обличаетъ. Ничего безусловнаго, сухого, доктринерскаго я въ ней не замѣтилъ.

Комнатка, гдѣ мы сидѣли—небольшой салончикъ. Тутъ происходятъ и засѣданія комитета. Я замѣтилъ, что всѣ стѣны были покрыты какими-то печатными листками и карикатурами. Это меня заинтересовало. Губертина Оклэръ усмѣхнулась и подвела меня къ одному изъ печатныхъ листковъ. Все это—или разныя выходки, направленныя или противъ нея лично, или противъ общества, или воззванія и рѣчи, или же карикатуры консервативныхъ сатирическихъ листковъ. Можно, пожалуй, было бы принять это за доказательство нѣкотораго тщеславія, но Губертина Оклэръ составляетъ эту коллекцію съ какимъ-то очень милымъ юморомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ настойчивостью женщины, которая показываетъ вездѣ и всегда, до какой степени мужчины во Франціи систематически враждебны всему, что̀ отзывается серьёзнымъ женскимъ протестомъ.

Когда мы разговорились, разумѣется, на эту же тэму, она мнѣ говоритъ съ улыбкой:

— Можно ли этому удивляться? У насъ каждый двѣнадцатилѣтній мальчикъ въ коллежѣ уже охотникъ.

— Какъ охотникъ?—переспросилъ я.

— Да, охотникъ за женщинами. Онъ съ этихъ лѣтъ уже ставитъ своей задачей охотиться за женщинами и смотритъ на нихъ, какъ на дичь. Это чувство все растетъ въ немъ и никогда не умираетъ. И такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока мы не дождемся политическихъ правъ. Тогда съ ними надо будетъ считаться избирательными бюллетенями.

Проходилъ я и черезъ обрядъ принятія въ члены общества. Изъ

Digitized by Google

мужчинъ никто не явился, а кромѣ Губертины Оклэръ были еще двѣ женщины, уже пожилыя, повидимому, замужнія или вдовы. Онѣ задавали вопросы, прямо относящіеся къ цѣлямъ ихъ общества, т.-е.: какъ я смотрю на положеніе женщинъ вообще, и въ особенности во Франціи, на бракъ, на отношенія супруговъ между собой по закону, на воспитаніе дѣтей и такъ далѣе. Одна изъ нихъ показалась мнѣ нѣсколько сантиментальной и нервной въ своихъ заявленіяхъ. Губертина Оклэръ часто останавливала ее и наводила бесѣду на болѣе реальную почву.

Описываніе мебели въ этой самой квартирѣ происходило нѣсколько разъ; правда, мебели не много, но сколько бы ея ни было, защитница правъ женщинъ остается вѣрна своей программѣ и не перестаетъ бороться съ муниципальнымъ совѣтомъ, гдѣ, какъ извѣстно, не мало радикаловъ и даже соціалистовъ. Но всѣ эти радикалы и соціалисты (за исключеніемъ, быть можетъ, пяти-шести человѣкъ) также, какъ и рабочіе на марсельскомъ съѣздѣ, къ которымъ обращалась Губертина Оклэръ, мѣряютъ на два аршина. Для нихъ свобода и равенство и общественное благоустройство значатъ: прогрессъ для мужчины съ кое-какими крохами отъ роскошной трапезы будущаго въ пользу женщины.

Но не изъ одной этой маленькой квартирки, гдѣ живетъ Губертина Оклэръ, распространяются идеи, антипатичныя закоренѣлымъ французскимъ буржуа. Создаются уже особые органы печати. Обыкновенно, пресса равнодушна, а то такъ и просто враждебна женскому вопросу. При мнѣ началъ выходить еженедѣльный журналъ „La femme“. Онъ задался довольно обширной программой, но пустился въ путь налегкѣ. Первые нумера были въ пол-печатныхъ листа, да еще съ цѣлой страницей объявленій. Но все-таки у такого спеціальнаго женскаго журналика нашлись сотрудники мужчины. Нѣсколько мужскихъ извѣстностей отозвались на обращеніе редакціи и прислали свои „adhésions“. Разумѣется, не обошлось дѣло безъ нѣкотораго приниженнаго отношенія къ такимъ знаменитостямъ. Редакція помѣстила ихъ письма въ особой рубрикѣ, подъ названіемъ: „Nos illustres collaborateurs“. Поддержать журналъ согласились Жюль Ферри, Лабулэ, Дюма-сынъ и другіе. Но рядомъ съ этими приманками тотчасъ же начали печататься плоховатыя статейки въ родѣ, напримѣръ, наивнаго разсказа подъ заглавіемъ: „Дважды два—три“, гдѣ, въ видѣ похожденій молодой дѣвушки въ Парижѣ, излагается та истина, что задѣльная плата мужчинъ и женщинъ по одинаковой работѣ должна быть равна. Журналецъ печатаетъ повѣсти, разсказы, замѣтки о художественныхъ выставкахъ. Но, разумѣется, главную суть составляютъ статьи и маленькіе очерки о современ-

Digitized by Google

номъ положеніи французской женщины. И *знаменитые* сотрудники-мужчины высказались довольно категорически. Такъ, напримѣръ, Жюль Ферри, теперешній первый министръ Франціи, говоритъ въ своемъ письмѣ, что у французовъ подъ самой изысканной внѣшней вѣжливостью кроется полное презрѣніе мужчины къ женщинѣ. Лабулэ считаетъ образованность женщины мѣриломъ цивилизаціи страны, которая, по его словамъ, опредѣляется не тѣмъ, что̀ думаютъ и знаютъ образованные умы, а тѣмъ, что̀ думаютъ и знаютъ ея женщины, передающія новому поколѣнію свои мысли и предразсудки. Дюма-сынъ повторяетъ свой всегдашній припѣвъ, что жизнь женщины и ребенка слишкомъ мало цѣнится во Франціи: какъ только имъ возвысятъ цѣну—и мужчины научатся уважать ихъ. Нѣкій Амедей ле-Форъ не менѣе искренно поддерживаетъ необходимость поставить женщину въ положеніе, позволяющее удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ. Редакторъ журнала, Луиза Коппъ, въ статьѣ: „Молодая дѣвушка“, опредѣляетъ глубокую разницу между развитіемъ мужчины и его спутницы во Франціи. Но таланта у ней мало. Приходится замѣнять это добрыми намѣреніями. Для насъ важно только признать единство стремленій, проснувшихся во французской женщинѣ и на сходкахъ, и въ прессѣ, и въ литературѣ брошюръ, и въ уставахъ народившихся и нарождающихся обществъ. Редакція журнала „La femme“ допускаетъ и нападки со стороны мужчинъ, такъ, напримѣръ, какой-то Жоржъ Сэ, въ письмѣ своемъ, заявляетъ прямо, что женщина недостойна исполнять общественныя обязанности, потому что „ротъ ея открывается только для лжи“. Этотъ энергическій французъ точно начитался возгласовъ нашего Даніила Заточника. „Женщина,—увѣряетъ онъ,—змѣя, ее всегда нужно имѣть въ подозрѣніи. Вотъ почему она недостойна права голоса“.

При такомъ озлобленіи и недовѣріи половъ, продолжающемся до сихъ поръ, потребуется не одинъ маленькій еженедѣльный журналикъ, а цѣлые десятки органовъ печати. До сихъ поръ движеніе еще микроскопическое, если его прикинуть къ многомилліонной массѣ французскихъ женщинъ, совершенно довольныхъ своимъ положеніемъ или же выносящихъ безъ протеста всѣ виды зависимости, даже рабство. Но капля точитъ камень. Нѣтъ уже болѣе сторонъ женскаго вопроса, которыя не были бы тронуты; болячекъ нельзя уже замазать: политическія права, муниципальное представительство, образованіе, равноправность въ трудѣ и заработкѣ—все задѣто и поставлено опредѣленно, безъ всякихъ малодушныхъ смягченій. Нечего удивляться тому, что въ большинствѣ рѣчей, брошюръ, программъ, статей, замѣтокъ и писемъ господствуетъ слишкомъ пылкій тонъ. Такъ всегда будетъ до тѣхъ поръ, пока пренія и борьба не

Digitized by Google

войдутъ въ нормальное русло, пока обѣ стороны, угнетаемая и угнетающая, не пріобрѣтутъ равнаго оружія. Нечего смѣяться надъ фразистостью, общими мѣстами, безусловностью положеній во всемъ томъ, что я привелъ изъ брошюры Маріи Дёрэмъ, изъ рѣчи Губертины Оклэръ и изъ разныхъ другихъ документовъ. Фактическая сторона давно уже извѣстна; исторія французскаго народа на лицо. Пробѣлы французской культуры безъ малѣйшаго сомнѣнія происходятъ отъ такой подчиненности женщины. Но ея фактическая власть, сказывающаяся вездѣ, и въ свѣтѣ, и въ дѣлахъ, и даже въ политикѣ, косвенно, черезъ мужей, сыновей и братьевъ, только подтверждаетъ декларацію французскихъ пропагандистокъ. Это доказываетъ превосходство натуры француженокъ, ихъ умъ, выдержку, способность къ труду, ловкость. Въ какой другой странѣ, при стѣснительномъ гражданскомъ законѣ и при отсутствіи политическаго представительства, можно все-таки найти такое число дѣльныхъ женщинъ, и писательницъ, и артистокъ, и наконецъ въ послѣднія десять-двадцать лѣтъ явныхъ сторонницъ женскаго высвобожденія?

И откуда бы ни пришла хорошая идея, она уже воспринимается въ сердцѣ Франціи, въ Парижѣ. Такъ было года два тому назадъ и съ идеей, прямо относящейся къ вопросу о женщинѣ, завезенной въ Парижъ изъ Англіи. Англичанка, мистриссъ Бётлеръ, съ своей религіозно-нравственной точки зрѣнія, возмутилась тѣмъ, что англійское правительство, при Бэконсфильдѣ, начало въ приморскихъ городахъ производить полицейскій контроль надъ женщинами, которыя, по своей печальной профессіи, давно уже во Франціи и на континентѣ Европы подвергаются такому же контролю. Эта англичанка начала собирать митинги, произносить рѣчи, образовала общество, потомъ пріѣхала въ Парижъ, нашла людей, сочувствующихъ ея идеѣ, даже среди мужчинъ, обращалась къ парижской публикѣ устно, была, разумѣется, осмѣяна хроникёрами „Фигаро“ и другихъ пошлыхъ журналовъ; но все-таки своего добилась, образовала „общество для уничтоженія регламентованной проституціи“. Оно было одобрено приказомъ префекта въ 1879 году и сложилось съ поддержкой четы англичанъ, живущихъ постоянно въ Парижѣ, г-жи Чапманъ и ея мужа. Правленіе этого общества на половину состоитъ изъ мужчинъ, на половину изъ женщинъ. Тамъ два президента, два вице-президента и по два секретаря и казначея; четыре мужчины и четыре женщины. Общество имѣло цѣлью доказывать всякими законными путями, что система, существующая во Франціи, столько же пагубна для гигіены, сколько и осуждается съ точки зрѣнія нравственности и общественной экономіи. Общество принимаетъ рѣшеніе конгресса, состоявшагося въ Женевѣ 21 сентября 1877 года, отъ имени бри-

Digitized by Google

танской континентальной федерации для уничтоженія регламентованной проституціи. Женевскій конгрессъ осудилъ ее въ пяти пунктахъ, которые я здѣсь и привожу: 1) съ точки зрѣнія гигіены эта система несостоятельна, главнымъ образомъ потому, что прилагается только къ женщинамъ, оставляя мужчинъ безъ всякаго контроля; 2) съ нравственной точки зрѣнія, потому что регламентація, касаясь только женщинъ, стремится уничтожить единство нравственнаго закона, побуждаетъ общество къ разврату и вмѣсто того, чтобы защищать юношество отъ порока, толкаетъ его невольно на этотъ путь; 3) въ смыслѣ общественной экономіи регламентація пагубна потому, что, заклеймивъ женщину, дѣлаетъ для нея невозможнымъ честный трудъ; 4) регламентація препятствуетъ всякому нравственному возрожденію, убивая въ женщинѣ чувство стыдливости и собственнаго достоинства; 5) съ точки зрѣнія законодательной эта система ведетъ къ произволу полиціи, такъ-какъ контроль немыслимъ безъ покушенія на личную свободу и попиранія общественнаго права во вредъ женщинъ.

Въ программѣ парижскаго общества говорится, что соображенія, приведенныя въ этихъ пяти пунктахъ, способны, конечно, подѣйствовать на всякій серьёзный умъ. Язва, которая теперь регламентируется правительствами, разъѣдаетъ общество и физически, и нравственно. Думали излечить ее, прикрывая; но она процвѣтала втихомолку и подъ прикрытіемъ тайны. Время отъ времени, цивилизованное общество волновалось, требуя очищенія тротуаровъ, какъ будто внѣшними мѣрами можно исправить нравы. Нравственность не есть дѣло администраціи, это—дѣло личнаго поведенія; только свободой можно поднять моральный уровень націи; нельзя въ одно и то же время признавать право личности и ставить женщину внѣ закона. Невозможно карать порокъ въ одномъ изъ половъ и допускать его въ другомъ. Невозможно узаконять безчестное ремесло и наказывать ту, которая имъ занимается. Нельзя преслѣдовать частную безнравственность, когда покровительствуется публичная безнравственность. Нельзя въ кодексѣ признавать разныя преступленія противъ нравственности и, въ то же время, толкать малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ на явную погибель. Нельзя говорить о поднятіи нравственности, когда развратъ организуется административнымъ путемъ. Нельзя брать девизомъ слова *свобода*, *равенство*, *братство*, пока у насъ будутъ существовать бѣлые рабы, пока мы будемъ карать двумя вѣсами и двумя мѣрами, смотря по тому, о какомъ полѣ идетъ рѣчь, о мужскомъ или женскомъ, пока женщина будетъ предметомъ презрѣнія или ласкъ, еще болѣе гнусныхъ, чѣмъ презрѣніе.

Общество формулируетъ такъ свои идеалы:

Digitized by Google

„Мы желаемъ,—говоритъ оно,—чтобы женщина имѣла право свободно бороться и поднимать себя нравственно и чтобы ее не поддерживали вѣчно въ оффиціальномъ безчестіи. Мы желаемъ, чтобы за человѣческой личностью было признано ея достоинство. Мы желаемъ, чтобы женщина не была исключена изъ того братства, которое предполагаетъ уваженіе и составляетъ гарантію привязанности. Мы желаемъ уничтоженія *полиціи нравовъ*, которая въ женщинѣ убиваетъ все человѣческое. Итакъ, за дѣло. Пусть великія реформы ознаменуютъ собою ту эру свободы, въ которую мы вступили".

Это можетъ показаться практику и во Франціи, а у насъ идиліей, утопическимъ ученіемъ. Но вопросъ все-таки поставленъ и онъ начинаетъ уже волновать во Франціи не однѣхъ женщинъ. Люди, знакомые съ полиціей нравовъ въ Парижѣ (а она считается самой образцовой), находятъ уже, что это учрежденіе не достигаетъ своей цѣли, а между тѣмъ, попираетъ на каждомъ шагу права личности, достоинство женщины, вызываетъ скандалы, поддерживаетъ постоянный произволъ администраціи, представляетъ собой весьма печальное зрѣлище палліативной мѣры, нисколько не излечивающей органической болѣзни.

Вотъ что произошло въ пониманіи и въ сердцѣ французской женщины или, лучше сказать, женщины-парижанки на нашихъ глазахъ; съ чѣмъ аѳинская республика должна будетъ считаться, если не теперь, не въ эту минуту, то черезъ пять—десять лѣтъ. Вотъ что̀ такъ или иначе просочится до глубины общественныхъ порядковъ и радикально измѣнитъ складъ воспитанія, экономическаго положенія, политическія права французской женщины, такой способной, выносливой, поддерживающей и теперь, въ столь неблагопріятныхъ условіяхъ, и семейный, и общественный строй Франціи.

П. Боборыкинъ.

Digitized by Google

ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНІИ.

Берлинъ, 15/27 мая, 1881.

Князь Бисмаркъ и его реформы.

Истекшіе мѣсяцы нынѣшняго года были, по отношенію къ внутренней жизни Германіи, богаты знаменательнѣйшими событіями, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ имѣть громадное вліяніе на все послѣдующее развитіе, на всю будущность этого государства. Со временъ реформаціи, германскій міръ никогда еще не переживалъ такого глубокаго и важнаго кризиса, какой переживаетъ теперь, и едва-ли я ошибусь, если скажу, что и въ жизни всей остальной Европы кризисъ этотъ можетъ составить, и, вѣроятно, составитъ, такую же рѣшающую эпоху, какими были въ прошлыхъ столѣтіяхъ реформація и великая французская революція. Реформы, намѣченныя кн. Бисмаркомъ, проникаютъ въ самые глубокіе слои народной и общественной жизни, затрогиваютъ самыя основы тысячелѣтней цивилизаціи, стремясь пересоздать ее всю изъ конца въ конецъ. Въ этомъ смыслѣ германскій канцлеръ является дѣйствительно творцомъ будущаго. Но, хотя и работающій надъ будущимъ, самъ онъ все же есть и продуктъ прошлаго, и сынъ настоящаго времени. Корни тѣхъ всходовъ, которые онъ взялся обработать, думая вдобавокъ сдѣлать это одинъ, своими силами и по собственному усмотрѣнію, лежатъ глубоко въ нѣдрахъ исторической жизни народа и всего строя современной цивилизаціи. Они открыты и изслѣдованы гораздо раньше, чѣмъ онъ только помыслилъ приложить къ нимъ свои могучія руки, какъ не имъ же изобрѣтены и средства излеченія всѣхъ тѣхъ бѣдствій и золъ, которыя явились плодами болѣзненнаго состоянія почвы, въ которой живутъ и соками которой питаются корни. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробное и всестороннее изслѣдованіе всѣхъ этихъ элементовъ, т.-е. почвы, корней и плодовъ. Въ короткой журнальной статьѣ этого сдѣлать невозможно, да и не нужно, такъ какъ все это достаточно извѣстно. Въ послѣдніе годы въ Европѣ столько говорилось и писалось о вредѣ чрезмѣрнаго развитія капиталистическаго производства и спекулятивнаго характера всѣхъ вообще коммерческихъ предпріятій, о неудобствахъ безграничной, превосходящей всякую мѣру дѣйствительной, потребности промышленной производительности и несправедливости распредѣленія богатствъ, все болѣе и болѣе сосредоточивающихся въ рукахъ немногихъ людей,

Digitized by Google

оставляя массу народа нищей и обездоленной,—что, я полагаю, не найдется ни одного читателя, который не былъ бы, болѣе или менѣе, знакомъ съ этимъ предметомъ. Но личное отношеніе ко всему этому кн. Бисмарка, т.-е. тѣ вліянія, подъ которыми слагались въ немъ его политическія и соціальныя мнѣнія и подъ которыми онъ видимо находится еще и теперь (хотя, конечно, самъ въ этомъ не сознается, а можетъ быть, и не сознаетъ), и тотъ путь, какимъ онъ дошелъ до своей нынѣшней дѣятельности на почвѣ соціальныхъ реформъ, необходимо выяснить, хотя бы въ короткихъ словахъ. Иначе все то, что происходитъ теперь въ Германіи, эта борьба на жизнь и смерть, начавшаяся между канцлеромъ и громаднымъ большинствомъ германскаго общества и притомъ той части его, которую до сихъ поръ принято было считать лучшей, останется или совсѣмъ непонятной, или понятой односторонне и потому не вѣрно. Необходимо это еще и для того, чтобы читатель могъ уяснить себѣ какъ настоящія цѣли главнаго иниціатора борьбы, т.-е. кн. Бисмарка, такъ и возможные результаты ея, за кѣмъ бы ни осталась побѣда.

Итакъ, посмотримъ, насколько кн. Бисмаркъ самостоятеленъ вообще въ своихъ воззрѣніяхъ и въ своей дѣятельности, сколько онъ внесъ въ нихъ своего личнаго и сколько заимствовалъ у другихъ и у кого именно.

Прежде всего бросимъ бѣглый взглядъ на чисто политическую дѣятельность. Въ этой сферѣ не только исполненіе, но и планъ всего того, что̀ совершилось за послѣднія 15 — 20 лѣтъ, приписывается исключительно личности нынѣшняго имперскаго канцлера. Тутъ его принято считать вполнѣ и безусловно самостоятельнымъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Борьба за преобладаніе между Пруссіей и Австріей началась не при немъ. Это традиціонная язва германскаго міра, которая разъѣдала его въ теченіе болѣе полутораста лѣтъ. Кн. Бисмаркъ засталъ ее уже въ апогеѣ. Сложившимся и формулированнымъ уже въ общемъ сознаніи народа засталъ онъ и стремленіе нѣмцевъ къ объединенію. Но первую, т.-е. борьбу съ Австріей, онъ долгое время старался покончить, относительно говоря, мирнымъ путемъ, а о второмъ—объ объединеніи, вовсе и не думалъ, по крайней мѣрѣ, мысль о немъ не выразилась ни въ какомъ его дѣйствіи въ періодъ отъ 1845 до 1863 г. Только въ началѣ 60-хъ годовъ онъ выставилъ его на своемъ знамени, да и то есть основаніе сомнѣваться, чтобъ оно служило ему первой и главной цѣлію, а не средствомъ, выбраннымъ лишь потому, что этой въ высшей степени популярной идеей легко было увлечь населеніе всей Германіи и, такимъ образомъ, достичь настоящей цѣли. Вся позднѣйшая дѣятельность кн. Бисмарка, все то, что̀ сдѣлано имъ въ послѣднія 10 лѣтъ,

Digitized by Google

которыя мы назовемъ имперскимъ періодомъ, доказываетъ, что если онъ и увлекся самъ идеей величія германизма, то все же у него, пруссака и юнкера до мозга костей, на первомъ планѣ стояло всегда и стоитъ до сихъ поръ возвеличеніе собственно Пруссіи, распространеніе ея владѣній, усиленіе ея могущества и ея власти. Отношенія его къ Австріи доказываютъ это еще яснѣе. Кн. Бисмаркъ началъ играть выдающуюся, скоро принявшую характеръ руководящей, роль почти съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ назначенъ посланникомъ Пруссіи при союзномъ совѣтѣ, т.-е. съ 1852 года. Въ то время уже отношенія Пруссіи и Австріи были чрезвычайно натянуты и ухудшались, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Можно сказать, что вся послѣдующая исторія тогдашняго германскаго союза представляетъ не что иное, какъ одну непрерывную нить взаимныхъ интригъ этихъ двухъ государствъ, рядъ столкновеній между ними, которыя становились все рѣзче, все острѣй и глубже. При этомъ, однако, надо отмѣтить одинъ характерный фактъ: Австрія, интригуя противъ Пруссіи и соперничая съ нею на поприщѣ преобладанія, отнюдь не посягала на независимость мелкихъ государствъ и охраняла всѣми силами форму *союза*. Пруссія, напротивъ, стремилась эту форму уничтожить, и кн. Бисмаркъ именно къ этому прилагалъ всѣ свои старанія, какъ прилагаетъ ихъ и теперь. Только онъ долгое время не рѣшался сдѣлать это силами одной Пруссіи, а старался склонить Австрію раздѣлить Германію пополамъ. Эти старанія продолжались имъ вплоть до 1864 года, т.-е. въ періодъ цѣлыхъ 12 лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ занималъ разные посты, постепенно все повышаясь и повышаясь. Не довѣрялъ-ли онъ военному могуществу Пруссіи, или боялся внѣшнихъ препятствій со стороны Франціи и, главнымъ образомъ, Россіи, только несомнѣнно, что еще лѣтомъ 1864 г., когда онъ, вмѣстѣ съ Вильгельмомъ, тогда еще королемъ, посѣтилъ Вѣну, по приглашенію императора Франца-Іосифа, онъ предлагалъ Австріи упомянутый раздѣлъ въ такомъ видѣ, чтобы Австрія присоединила къ себѣ католическія государства южной Германіи, а Пруссія—всю сѣверную. Правда, онъ говорилъ объ образованіи двухъ союзовъ, сѣвернаго и южнаго, во главѣ которыхъ стали бы Пруссія и Австрія. Но тѣ, кому онъ предлагалъ, знали очень хорошо, что́ собственно подразумѣвается подъ этимъ предложеніемъ, и самъ онъ зналъ, что его понимаютъ. Но въ этотъ разъ, какъ и въ предъидущіе, планъ этотъ разбился о щепетильную честность императора Франца-Іосифа, который объявилъ, что никогда не согласится увеличивать свое могущество насчетъ законныхъ правъ своихъ союзниковъ и ихъ независимости. Только съ этого момента была безповоротно рѣшена скоро затѣмъ и послѣдовавшая война Пруссіи съ Австріей.

Digitized by Google

Между тѣмъ, въ то время, какъ выступалъ на политическую арену, признаваемый нынѣ всѣми за блестящаго генія, будущій князь, Отто Бисмаркъ фонъ-Шёнгаузенъ, на той же политической аренѣ, только въ роли не государственнаго, а общественнаго дѣятеля, подвизался другой блистательный геній, совершенно одного съ нимъ характера и пошиба. Это былъ знаменитый агитаторъ Фердинандъ Лассаль. Еврей по происхожденію, но пруссакъ душой, онъ, хоть и на 10 лѣтъ моложе Бисмарка, гораздо раньше его увлекся и идеей объединенія Германіи, и ролью Пруссіи въ этомъ дѣлѣ. Онъ уже въ ранней молодости, по свидѣтельству знавшихъ его въ то время, еще студентомъ, разсуждая на любимую тогда тэму германскаго единства, съ жаромъ проповѣдовалъ, что настоящій врагъ этого единства не Франція и вообще не чуждая какая-либо держава, а Австрія, и что единство можетъ быть достигнуто только силою прусскаго оружія, когда Пруссія изгонитъ Австрію изъ союза и подчинитъ ее себѣ. Впослѣдствіи, когда уже былъ возмужалымъ человѣкомъ, онъ предался всею душею сначала борьбѣ за политическую свободу, а потомъ соціальной пропагандѣ; Лассаль посѣтилъ Италію и тамъ проникся еще болѣе страстной ненавистью къ Австріи, въ которой видѣлъ представительницу и оплотъ деспотизма. Въ 1859 г. онъ напечаталъ брошюру подъ заглавіемъ: „Итальянская война и миссія Пруссіи“, въ которой черта въ черту изложенъ планъ кампаніи 1866 г., за исключеніемъ лишь хитрой комбинаціи съ Шлезвигъ-Голштейномъ, которая безспорно принадлежитъ всецѣло кн. Бисмарку. Эту брошюру онъ написалъ и посмѣшно издалъ при извѣстіи о гибельномъ, по его мнѣнію, намѣреніи Пруссіи вступиться вооруженной рукой за разбитую Франціей и Италіей Австрію. Лассаль доказывалъ, что Пруссіи слѣдуетъ, напротивъ, вступить съ ними въ союзъ и, разгромивъ Австрію, сгруппировать подъ своей гегемоніей весь нѣмецкій народъ. Замѣчательно, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ,—если не ошибаюсь, въ 1850 или 1851—онъ высказалъ и другую мысль, которую кн. Бисмаркъ впослѣдствіи принялъ къ руководству въ своей политикѣ и даже присвоилъ себѣ, такъ какъ повторялъ ее много разъ, никогда не упоминая, что заимствовалъ ее у другого. Мысль эта—та, что всѣ великія историческія событія, всѣ рѣшающіе культурные перевороты совершаются всегда посредствомъ *желѣза и крови* [1]). Наконецъ, извѣстно, что, незадолго до смерти, Лассаль предсказалъ

[1]) Эту мысль, какъ разсказывалъ самъ Лассаль, навѣяло на него изученіе исторіи, въ особенности религіозныхъ войнъ, и онъ развилъ ее въ драмѣ „Францъ фонъ-Зикингенъ“. Это — единственное его произведеніе въ такомъ родѣ, о чемъ едвали жалѣли и самъ онъ, и его друзья, такъ какъ названная драма въ литературномъ отношеніи чрезвычайно слаба, ее можно почти назвать дѣтской.

Digitized by Google

войну съ Франціей и даже началъ проповѣдовать ея необходимость, хотя проповѣдь эта и ограничилась лишь тѣснымъ кругомъ ближайшихъ друзей его, такъ-какъ неожиданная смерть помѣшала ему издать тѣ брошюры, которыя онъ собирался написать объ этомъ предметѣ.

Такимъ образомъ, ясно, что даже и въ отношеніи внѣшней политики Лассаль имѣлъ несомнѣнное вліяніе на кн. Бисмарка. Я отнюдь не имѣю въ виду, доказывая это, попытаться умалить достоинство и заслуги самого германскаго канцлера. Такая попытка была бы и смѣшна, и совершенно безполезна, такъ-какъ для всякаго очевидно, что даже для того, чтобъ поддаться этого рода вліянію, надо обладать очень сильнымъ и глубокимъ самостоятельнымъ умомъ, не говоря ужъ о томъ, сколько рѣшительности, ловкости и дипломатической тонкости, совершенно оригинальныхъ, потребно было на развитіе и осуществленіе политическихъ идей Лассаля. Я хочу только, констатируя исторически безусловно вѣрный, но до сихъ поръ мало обращавшій на себя вниманія фактъ сказаннаго вліянія, сдѣлать для читателя вполнѣ яснымъ и логически понятнымъ другой фактъ, на этотъ разъ всѣми замѣченный и названный по имени, но съ страстной ванальчивостію отрицаемый оффиціозами кн. Бисмарка. Именно—тотъ, что въ дѣлѣ соціальной политики германскій канцлеръ не только находится подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Лассаля же, но является просто-на-просто продолжателемъ дѣла, начатаго этимъ знаменитымъ агитаторомъ. Въ самомъ дѣлѣ, слушая парламентскія рѣчи самого кн. Бисмарка и читая многочисленныя произведенія его каѳедральныхъ, журнальныхъ, протестантско-клерикальныхъ и пр. оффиціозовъ и пособниковъ, невозможно не видѣть въ нихъ на каждомъ шагу поразительно ясныхъ признаковъ вліянія лассалевскихъ теорій. Строго говоря, это даже самая его программа и есть, только дополненная, развитая и освѣщенная на бисмарковскій ладъ, т.-е. изъ нея выводятся такія заключенія и ей дается такое направленіе, о которыхъ Лассаль, по всѣмъ вѣроятіямъ, и не думалъ и противъ которыхъ онъ, можетъ быть, первый возсталъ бы, еслибы былъ живъ и еслибы блескъ военнаго могущества не ослѣпилъ и его, какъ ослѣпилъ много великихъ и сильныхъ умовъ въ Германіи. (Это, замѣчу мимоходомъ, легко могло случиться, потому что Лассаль былъ такимъ же фанатикомъ пангерманскаго націонализма и могущества и такимъ же деспотомъ по натурѣ, какимъ является кн. Бисмаркъ. Въ нравственномъ и умственномъ отношеніи эти два человѣка до того схожи между собою, точно будто они братья-близнецы). Такъ, Лассаль, убѣжденный проповѣдью своего друга и учителя, по части соціальныхъ вопросовъ, Ротбертуса, не будучи рѣшительнымъ врагомъ

Digitized by Google

парламентаризма, не былъ, какъ извѣстно, и исключительнымъ поклонникомъ этой формы правленія, находя, что она, при извѣстныхъ условіяхъ, менѣе всякой иной благопріятна для прочнаго обезпеченія будущности рабочаго класса. По другимъ причинамъ, разумѣется, по причинамъ, очень мало касающимся собственно рабочаго класса, кн. Бисмаркъ ненавидитъ парламентаризмъ, а его научная гвардія и армія оффиціальныхъ писателей и ораторовъ ведутъ противъ него формальную войну. Опять-таки подъ вліяніемъ Ротбертуса Лассаль не только не отвергалъ участія государства въ дѣлѣ улучшенія положенія рабочихъ и постепеннаго измѣненія нынѣшней системы производства, но всегда проповѣдовалъ, что только при помощи государства это и можетъ быть достигнуто, такъ-какъ злѣйшій врагъ рабочихъ — это буржуазія, противъ которой они абсолютно безсильны безъ могучей матеріальной и политической поддержки государства. Это самое неустанно повторяетъ теперь и кн. Бисмаркъ, съ самаго своего пріѣзда въ Берлинъ не перестающій ни на минуту обращать всѣ силы своего краснорѣчія и своего личнаго вліянія противъ „манчестерской“, какъ здѣсь принято называть, буржуазіи и противъ капиталистическаго производства, между тѣмъ, какъ его оффиціозы всѣхъ сортовъ обработываютъ, въ томъ же смыслѣ, молодежь и народныя массы. Полагать, будто всѣ эти яростныя, а подчасъ и неприличныя, нападки сыплются на прогрессистовъ (манчестерцевъ тожъ) только какъ на парламентскую партію, за то, что она, въ законодательномъ отношеніи, стоитъ поперегъ дороги канцлера и мѣшаетъ побѣдоносному шествію его политики, значило бы очень плохо понимать положеніе. Безспорно, прогрессисты и какъ партія ненавистны кн. Бисмарку; но какъ парламентская сила они ему вовсе не опасны, во-первыхъ потому, что, будучи шовинистами націонализма и имперіализма чуть ли не хуже самого Бисмарка, они во многихъ вопросахъ внутренней жизни далеко не такъ враждебны ему, какъ это кажется съ перваго взгляда. Напримѣръ, во всемъ, что́ касается насилія надъ не-нѣмецкими національностями, насильственнаго же подавленія, хотя бы то самыми безчестными способами и мѣрами, всякой тѣни самостоятельности отдѣльныхъ государствъ, которую они называютъ не иначе какъ партикуляризмомъ, и въ культуркампфѣ, прогрессисты положительно готовы пойти еще дальше канцлера и часто очень рѣзко ставятъ ему въ упрекъ тѣ ничтожныя и всегда лишь кажущіяся уступки, которыя онъ иногда дѣлаетъ въ этихъ отношеніяхъ. Во-вторыхъ, прогрессисты и по самому числу своихъ членовъ въ рейхстагѣ не могутъ быть опасны Бисмарку. Ихъ всего-на-всего 27 человѣкъ и если даже присчитать къ нимъ же, такъ-называемыхъ сецессіонистовъ или отщепенцевъ, отрѣшив-

Digitized by Google

шихся недавно отъ національ-либераловъ и, по программѣ своей, склоняющихся болѣе въ сторону прогрессистовъ, то они и вмѣстѣ-то не составляютъ полной полсотни, такъ-какъ отщепенцевъ всего 22, т.-е. вмѣстѣ выходитъ 49. Изъ этихъ цифръ видно, что въ смыслѣ фактическаго значенія въ дѣйствіяхъ рейхстага это—партія ничтожная, голоса которой только развѣ случайно, при раздѣленіи другихъ партій, могутъ оказать рѣшающее вліяніе при голосованіи того или другого вопроса. А между тѣмъ, именно на нее-то и обрушиваются всѣ громы канцлера, именно ее-то и объявляютъ „врагомъ имперіи", хотя она скорѣе заслуживаетъ названія „фанатика имперіи"; почему все это? Потому, что кн. Бисмаркъ ненавидитъ въ прогрессистахъ представителей извѣстной соціальной системы, т.-е. именно въ томъ смыслѣ, какъ ненавидѣлъ ихъ Лассаль. Пойдемъ далѣе. Лассаль, который какъ извѣстно, первый изобрѣлъ, сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ столь страшнымъ для многихъ въ Европѣ, терминъ „четвертое сословіе", утверждалъ, что какъ капиталистическая буржуазія наслѣдовала нѣкогда земельной аристократіи, такъ точно и четвертое сословіе—рабочіе должны, при помощи всеобщей подачи голосовъ, наслѣдовать буржуазіи и сдѣлаться преобладающей силой въ обществѣ. Кн. Бисмаркъ этой силой воспользовался въ свое время противъ становившихся ему поперегъ дороги юнкеровъ, введя въ германскую конституцію систему всеобщей подачи голосовъ, которая дала нужное ему тогда либеральное большинство, а теперь, въ одной изъ послѣднихъ рѣчей своихъ въ рейхстагѣ, открыто заявилъ, что намѣренъ воспользоваться ею противъ буржуазіи, переманивъ рабочихъ, перспективой своихъ соціальныхъ плановъ, на этотъ разъ на консервативную сторону. Лассаль, увлеченный своимъ фанатическимъ національно-нѣмецкимъ или, лучше сказать, прусскимъ патріотизмомъ, не хотѣлъ знать въ существѣ совершенно вѣрной теоріи Маркса, что, при существующемъ развитіи международныхъ сношеній, въ особенности торговыхъ, и при одинаковомъ у всѣхъ народовъ машинномъ производствѣ, ни одно государство не можетъ сразу вводить у себя глубоко затрогивающихъ экономическій строй мѣръ для обезпеченія рабочаго класса, не рискуя разориться, если сосѣднія государства не сдѣлаютъ того же самаго; что, вслѣдствіе этого, рабочіе, отнюдь не утрачивая своихъ національныхъ чувствъ и особенностей, должны болѣе, чѣмъ всѣ другіе классы, находиться въ тѣсной связи съ рабочими другихъ національностей, вступить съ ними въ формальный союзъ и сами, собственными силами, добиваться для себя болѣе нормальнаго положенія, посредствомъ рабочихъ артелей и коллективнаго производства; что иначе, если каждая національная рабочая группа вздумаетъ дѣйствовать самостоятельно, хотя бы то и

Digitized by Google

при помощи государства, она рискуетъ быть убита конкурренціей иностранныхъ рабочихъ, не говоря ужъ о томъ, что государство, по всѣмъ вѣроятіямъ, заставитъ рабочихъ заплатить за свою помощь полнымъ, доходящимъ до рабства, политическимъ подчиненіемъ, несравненно худшимъ, чѣмъ теперешнее экономическое подчиненіе, потому что тогда ужъ и выхода не будетъ. Лассаль надъ всѣмъ этимъ смѣялся. Черезъ-чуръ медленная постепенность была противна его пылкой натурѣ, а слѣпая патріотическая гордость заставляла воображать, будто его возлюбленная Пруссія призвана стать и въ экономическомъ отношеніи образцомъ, которому другія государства принуждены будутъ подражать. Съ тѣхъ поръ всѣ эти изложенія были разработаны въ безчисленномъ множествѣ научныхъ сочиненій, и вѣрность теоріи Маркса доказана теоретически, а примѣръ англійскихъ рабочихъ союзовъ, которымъ фабриканты отвѣтили на ихъ стачки приглашеніемъ заграничныхъ, по большей части бельгійскихъ и нѣмецкихъ работниковъ, доказалъ тоже и практически. Но кн. Бисмаркъ, презирая факты, остался всецѣло при воззрѣніяхъ Лассаля. Онъ, подобно своему покойному пріятелю, нисколько не смущается сравнительной отсталостью германской промышленности, убѣжденный, что можетъ устранить всякую иностранную конкурренцію покровительственными пошлинами и запретительной системой, которую можетъ быть думаетъ распространить, если понадобится, и на ввозъ иностранной рабочей силы. Эта беззаботная самоувѣренность натур-генія, исполненная верховнаго презрѣнія къ теоретикамъ, заставляетъ его, между прочимъ, не обращать никакого вниманія и на поразительное въ такомъ большомъ и густо населенномъ государствѣ, какъ Германія, слабое развитіе потребительной силы народа, хотя, казалось бы, это обстоятельство должно было убѣдить его, что нѣмецкой промышленности, не могущей сбыть и половины своихъ произведеній на внутреннемъ рынкѣ, особенно необходимо считаться съ иностранной конкурренціей, съ которой она вдобавокъ только и можетъ соперничать что дешевизной, такъ-какъ по качеству ея произведенія—неизмѣримо ниже всѣхъ другихъ. Конечно, можетъ быть, кн. Бисмаркъ думаетъ, что ему удастся дипломатической ловкостію, а понадобится—такъ и силою оружія, открыть рынки. Не даромъ же его оффиціозы давно и на всѣ лады указываютъ на востокъ, какъ на естественное поле для нѣмецкой эмиграціи и на естественный рынокъ для нѣмецкой промышленности, а профессоръ Адольфъ Вагнеръ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ помощниковъ канцлера, проповѣдуетъ студентамъ съ каѳедры, что для нуждъ отечественной промышленности позволительно открывать рынки всѣми средствами, хотя бы даже завоеваніемъ...

Digitized by Google

Лассаль, какъ извѣстно, съ нѣсколько тщеславной гордостію говорилъ и, что̀ гораздо важнѣе, имѣлъ право говорить о себѣ, что онъ „вооруженъ всѣми научными знаніями вѣка“ (bewaffnet mit der ganzen Wissenschaft des Jahrhunderts). Къ несчастію для Германіи, кн. Бисмаркъ, въ этомъ отношеніи, нисколько не похожъ на своего прототипа и вдохновителя. Въ короткое время своего знакомства съ нимъ, Лассаль съумѣлъ произвести своими идеями такое сильное впечатлѣніе на будущаго канцлера, что эти идеи глубоко и навсегда запали ему въ душу, но учености своей онъ передать ему не могъ. Кн. Бисмаркъ остался и до сихъ поръ тѣмъ же, чѣмъ былъ въ юности, т.-е. натур-геніемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, человѣкомъ замѣчательнаго, сильнаго ума, желѣзной воли и рѣшительнаго, не останавливающагося ни передъ какой опасностію, ни передъ какимъ рискомъ, характера, но безъ всякаго подобія научныхъ знаній не только цѣлаго вѣка, а хотя бы послѣднихъ 8—9 лѣтъ. Это-то отсутствіе обширныхъ и солидныхъ знаній, соединенное съ громаднымъ самомнѣніемъ и съ деспотическимъ, не выносящимъ ни преградъ, ни противорѣчій, характеромъ, раздражительность котораго съ теченіемъ времени все увеличивается, и понудило кн. Бисмарка сдѣлать то, чего Лассаль на его мѣстѣ, конечно, никогда бы не сдѣлалъ. Именно, отсутствующая въ его головѣ наука не могла подсказать кн. Бисмарку, какъ она несомнѣнно подсказала бы Лассалю, что тѣ средства пропаганды, которыя дозволительны и даже часто, за неимѣніемъ другихъ, необходимы простому смертному, взявшемуся за роль народнаго трибуна и защитника угнетенныхъ, совершенно недозволительны государственному человѣку, въ рукахъ котораго они становятся уже не пропагандой идей, а прямо разрушеніемъ и развращеніемъ общества во всѣхъ его классахъ.

Поэтому-то кн. Бисмаркъ, заимствовавъ идеи Лассаля, у него же позаимствовался и средствами агитаціи въ пользу этихъ идей. Невооруженный наукой, но за то вооруженный громадной властью, онъ повелъ эту агитацію со всей энергіей и со всей безцеремонностью, къ какимъ только способна его страстная натура. Истый агитаторъ, онъ не останавливается, между прочимъ, и передъ тѣмъ, въ чемъ больше всего упрекаютъ нѣмецкихъ соціаль-демократовъ и всѣхъ вообще агитаторовъ въ мірѣ и что̀ дѣйствительно составляетъ ихъ главную вину и ихъ преступленіе: онъ сознательно обманываетъ массу, увѣряя, будто посредствомъ своихъ реформъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, уничтожитъ съ корнемъ всѣ несправедливости существующаго строя и водворитъ на нѣмецкой землѣ царство общаго благополучія и братскаго отношенія сильныхъ и богатыхъ къ слабымъ и неимущимъ. Я говорю: сознательно обманываетъ,

Digitized by Google

потому что хотя кн. Бисмаркъ и лишенъ „научныхъ знаній вѣка", но онъ и не настолько невѣжественъ, чтобы, съ одной стороны, не понимать, что такая радикальная перестройка всего общественнаго зданія, какую онъ затѣялъ, требуетъ дружной работы нѣсколькихъ поколѣній, а не совершается въ 10 лѣтъ, какъ онъ это торжественно заявилъ въ рейхстагѣ; съ другой,—какъ сильно подобныя обѣщанія возбуждаютъ массу и какъ ведутъ ее къ раздраженію, а потомъ и къ насиліямъ, когда эти обѣщанія не исполняются. Дѣйствуй канцлеръ совсѣмъ одинъ въ невѣжественной средѣ, гдѣ ему самому приходилось бы и создавать теорію, и примѣнять ее на практикѣ, можно было бы подумать, что онъ не обманываетъ, а самъ первый заблуждается насчетъ значенія своихъ плановъ, искренно считая ихъ вполнѣ исполнимыми сразу, по щучьему велѣнію. Но онъ окруженъ цѣлой толпой ученыхъ, которые сами себя величаютъ „научной гвардіей" и въ средѣ которыхъ многіе съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ Лассаль, могутъ сказать, что они вооружены всей наукой вѣка. Эти господа, въ своихъ произведеніяхъ, предназначенныхъ для серьёзнаго ученаго міра, отнюдь не увлекаются быстрой исполнимостію соціальныхъ реформъ и, справедливо настаивая на необходимости ихъ, въ то же время не скрываютъ, что для этого понадобится много времени и много, много усилій и осторожности. Но кн. Бисмаркъ, въ жару агитаціи, ничего знать не хочетъ. Онъ не только самъ смѣло обѣщаетъ вызвать завтра же паденіе манны небесной, но и ученыхъ заставляетъ съ ораторской трибуны проповѣдовать совсѣмъ иное. Къ сожалѣнію, они ему повинуются и, становясь орудіемъ политическихъ плановъ своего повелителя, не только являются оффиціозными ораторами въ разныхъ созданныхъ ad hoc народныхъ собраніяхъ, но и съ университетской каѳедры распространяютъ тѣ же фальшивыя понятія, какія кн. Бисмаркъ не задумывается провозглашать съ высоты своего канцлерскаго мѣста въ парламентѣ. Это искаженіе науки, въ пользу политическихъ потребностей данной минуты, есть, можетъ быть, одна изъ самыхъ, если не самая грустная сторона агитаторской дѣятельности кн. Бисмарка.

Такимъ же истымъ агитаторомъ является канцлеръ и въ выборѣ союзниковъ и въ этомъ отношеніи идетъ опять гораздо дальше, чѣмъ, можетъ быть, пошелъ бы Лассаль. Хотя и тотъ не былъ особенно разборчивъ насчетъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей [1]), но все же позволительно думать, что будь онъ руководящимъ госу-

[1]) Стоитъ припомнить извѣстную, надѣлавшую въ свое время шуму и даже приведшую Лассаля на скамью подсудимыхъ, исторію съ похищеніемъ у гр. Мейндорфъ шкатулки, въ которой, по мнѣнію Лассаля, должны были заключаться нужные ему документы его друга и довѣрительницы, графини Ганфельдъ.

Digitized by Google

дарственнымъ человѣкомъ, онъ подумалъ бы дважды прежде, чѣмъ вступить въ союзъ съ такимъ прямо уже революціоннымъ элементомъ, какимъ являются въ Германіи такъ-называемые анти-семиты. Кн. Бисмаркъ вступилъ. Онъ открыто покровительствуетъ анти-семитамъ, ни мало не смущаясь тѣмъ обстоятельствомъ, на которое ему указываютъ не только ненавистные прогрессисты, но и самые преданные консерваторы, что возбуждать хищническіе инстинкты и разнуздывать страсти толпы—дѣло опасное, потому что, опьяненная до самозабвенія, она, разрушивъ и ограбивъ палаты Мангеймеровъ и Блейхредеровъ,—на которыя указываетъ ей преподобный от. Штекеръ, съ пафосомъ восклицая, что въ нихъ заключаются „скандалёзныя богатства, которыя въ христіанской странѣ не должны бы быть терпимы“,—не остановится и передъ разграбленіемъ стоящихъ рядомъ съ ними и отнюдь не менѣе скандалёзно роскошныхъ дворцовъ родовитыхъ германовъ, кн. Плэсса и гр. Лимбургъ-Штируна, а пожалуй и дворца кн. Радзивилловъ, гдѣ помѣщается нынѣ кн. Бисмаркъ, потому что для расходившейся толпы авторитетовъ не существуетъ. Читателямъ „Вѣстника Европы“ хорошо извѣстна эта дикая и недостойная агитація, потому я не буду останавливаться на ней. Замѣчу только, что она, эта агитація, послужила не единственной, правда, но, во всякомъ случаѣ, непосредственной причиной того, что кн. Бисмаркъ остается все болѣе и болѣе изолированнымъ въ своей дѣятельности. Отъ него отшатывается даже значительная часть консерваторовъ и притомъ изъ самой преданной престолу и имперіи старо-дворянской партіи, такъ-называемыхъ здѣсь „аграріевъ“, т.-е. крупныхъ землевладѣльцевъ, среди которыхъ расколъ дошелъ уже до того, что они раздѣляютъ свои органы печати: еще остающіеся безусловно вѣрными Бисмарку завели новый, а переходящіе въ оппозицію, хотя покуда еще и умѣренную, возобновляютъ старый, прекратившійся-было мѣсяца $1^1/_2$ тому назадъ. Еще въ началѣ нынѣшняго года можно было говорить, что противъ кн. Бисмарка стоятъ прогрессисты, демократы, клерикалы, какъ здѣсь все еще называютъ партію центра, да отчасти національ-либералы. Теперь положеніе измѣнилось изъ конца въ конецъ. Теперь, чтобы вѣрно обрисовать положеніе, надо сказать, что въ оппозиціи находится вся интеллигенція страны, за исключеніемъ лишь тѣхъ, сравнительно весьма немногочисленныхъ и уменьшающихся съ каждымъ днемъ, лицъ, которыя рабски поклоняются всякой власти, какая бы она ни была, только потому, что она въ данную минуту представляетъ власть. Интеллигенція стоитъ въ оппозиціи не къ правительству вообще, не къ имперіи, не къ монархическому принципу и не къ той или иной мѣрѣ въ частности, — на счетъ всѣхъ этихъ предметовъ у всякой партіи

Digitized by Google

свое мнѣніе, которое каждое бережетъ про себя, высказывая его лишь при удобномъ случаѣ,—но всѣ недовольны лично кн. Бисмаркомъ, его личной системой и ея направленіемъ. Это общее недовольство, хотя его и стараются скрыть пресмыкающіеся публицисты трескотней своихъ оффиціозныхъ фразъ, выказалось довольно ясно въ послѣднихъ голосованіяхъ рейхстага, но оно еще гораздо глубже въ дѣйствительности, чѣмъ это кажется съ виду. Многіе еще съ непривычки стѣсняются, да и предстоящіе выборы препятствуютъ высказаться поэнергичнѣе. Послѣдніе дни существованія парламента—вообще время неудобное для новой группировки партій: и съ традиціями цѣлой сессіи нельзя разстаться сразу, и въ виду новыхъ выборовъ нельзя подвергаться обвиненію, хотя и незаслуженному, въ нарушеніи довѣрія прежнихъ избирателей, измѣняя политику партіи. Изъ компактной массы недовольной интеллигенціи надо, правда, исключить „научную гвардію“, но за то къ ней слѣдуетъ причислить всю мелкую буржуазію и всѣхъ рабочихъ, которые знаютъ хоть сколько-нибудь побольше простой грамоты, а такихъ здѣсь очень много, въ городахъ положительно большинство.

Но вернемся къ начатой параллели между кн. Бисмаркомъ и Лассалемъ. Извѣстно, что противники Лассаля постоянно доказывали ему, что его система регулированія производства и труда государственною властью приведетъ не къ возведенію рабочихъ на степень преобладающаго по вліянію сословія, какъ онъ полагаетъ, а просто-на-просто къ полному и безграничному цезаризму, худшему изъ когда-либо существовавшихъ, такъ-какъ онъ будетъ опираться на всю подавляющую массу рабочихъ, которые превратятся въ его рукахъ въ пассивное и безгласное орудіе государственной власти. Нѣкоторые изъ самыхъ злыхъ враговъ знаменитаго агитатора утверждали даже, что онъ втайнѣ къ этому именно и стремится. Не знаю, дѣйствительно ли стремился Лассаль къ цезаризму. На это нѣтъ никакихъ положительныхъ указаній, если не считать таковымъ увѣреніе Раковицъ, будто Лассаль говорилъ ей однажды, что поставитъ ее со временемъ выше самыхъ высокихъ лицъ въ государствѣ, чуть-ли даже не сдѣлаетъ ее королевой, или что-то въ этомъ родѣ. Но кн. Бисмаркъ, повидимому, убѣжденъ, что Лассаль замышлялъ нѣчто подобное, по крайней мѣрѣ въ 1878 г., говоря въ парламентѣ о Лассалѣ и о радикальномъ различіи между его стремленіями и стремленіями нынѣшнихъ соціаль-демократовъ, канцлеръ употребилъ такое выраженіе: „только, можетъ быть онъ (Лассаль) думалъ, что его политическіе и соціальные планы приведетъ въ исполненіе династія Лассалей, а не Гогенцоллерновъ“. Можно съ увѣренностію сказать, что именно это стремленіе къ цезаризму—которое если и не входило

Digitized by Google

въ планы и не было въ сознаніи Лассаля, то, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно находится въ зачаткѣ въ его системѣ,—и пришлось всего болѣе кн. Бисмарка. Онъ его несомнѣнно сознаетъ и сознаетъ такъ хорошо, что положилъ его въ основу своихъ соціальныхъ реформъ. Знаменитый проектъ о страхованіи рабочихъ, составляющій теперь центральный пунктъ, вокругъ котораго движется и волнуется вся внутренняя политика Германіи и различныхъ партій въ ней, есть только первый шагъ къ дальнѣйшимъ реформамъ, путь которыхъ намѣченъ кн. Бисмаркомъ въ одной изъ его рѣчей. Что будетъ дальше, придетъ-ли кн. Бисмаркъ логически неизбѣжнымъ путемъ, какъ увѣряютъ прогрессисты, къ знаменитому „праву на трудъ", т.-е. къ праву рабочихъ требовать отъ государства работы, въ которой одной заключаются и всѣ ихъ средства къ жизни, и единственная возможность вносить страховыя преміи, что, какъ извѣстно, составляетъ конекъ всѣхъ соціаль-демократовъ, — это покажетъ время. Пока, соціальные планы кн. Бисмарка ограничиваются исключительно обширной системой страхованія отъ увѣчья, отъ смерти, отъ старости, отъ безработицы, словомъ, отъ всякихъ случайностей, которыя такъ тяжело ложатся теперь на рабочій классъ. Сами по себѣ эти планы безспорно прекрасные, вполнѣ гуманные и проникнутые началомъ христіанской любви къ слабымъ и безпомощнымъ. Но вотъ что ужъ далеко не прекрасно и что прямо выдаетъ тайную цѣль составителя гуманныхъ плановъ: вся сложная страховая операція должна сосредоточиваться исключительно въ рукахъ государства и притомъ не отдѣльныхъ государствъ,—что еще можно бы объяснить въ значительной степени справедливымъ соображеніемъ о большей гарантіи противъ возможныхъ банкротствъ страховыхъ обществъ,—а именно, имперскаго правительства. Затѣмъ, изъ страхового дѣла безусловно устраняется всякая тѣнь участія общества и самихъ рабочихъ. И работающіе, и работодатели, и общество, въ качествѣ плательщиковъ налоговъ, обязательно вносятъ страховыя преміи въ правительственныя кассы, и этимъ ограничивается все ихъ участіе. Далѣе они ничего не должны знать и ни во что не имѣютъ права вмѣшиваться. Надо быть очень близорукимъ или умышленно закрывать глаза, чтобы не видѣть, что въ такой формѣ принципъ страхованія, особенно когда оно будетъ распространено на всѣ возможные случаи, можетъ быть и дастъ рабочимъ вѣрный кусокъ хлѣба (не болѣе того, разумѣется), но за то въ концѣ убьетъ въ нихъ всякое проявленіе самодѣятельности, того оживляющаго и нравственно-возвышающаго начала, которое покойный Ланге называетъ „эпическимъ моментомъ борьбы за право". Устраненные отъ всякаго личнаго вмѣшательства въ дѣло, отъ котораго зависитъ ихъ участь, и вмѣстѣ привыкнувъ

Digitized by Google

надѣяться не на самихъ себя, а на высшую, внѣ ихъ стоящую, силу, обязанную заботиться о нихъ безъ всякаго участія съ ихъ собственной стороны, рабочіе должны такимъ образомъ превратиться, мало-по-малу, въ инертную безгласную массу, сильную только своимъ количествомъ, которая пассивно пойдетъ всюду, куда вздумаетъ повести ее та высшая власть, отъ которой она будетъ зависѣть. А такъ-какъ этой высшей властію будетъ, по мысли кн. Бисмарка, власть имперская, то ясно, что имперія превратится въ безграничный цезаризмъ. Именно система страхованія, не предшествуемая предварительнымъ измѣненіемъ всей существующей системы производства, должна совершенно неизбѣжно привести къ этому новому виду цезаризма съ одной стороны, и полнаго рабскаго подчиненія съ другой, потому что всякое неумѣстное проявленіе самостоятельности можетъ лишить рабочаго его работы, а съ нею вмѣстѣ не только средствъ къ существованію, но и тѣхъ премій, которыя онъ уже внесъ въ страховыя кассы [1]). Допустить же болѣе или менѣе продолжительный перерывъ во взносахъ безъ утраты права на прежде внесенныя преміи почти невозможно, такъ-какъ это прямо противорѣчитъ принципу страхованія, и при такомъ условіи даже и имперскія кассы могли бы въ концѣ-концовъ обанкрутиться, особенно при томъ всестороннемъ развитіи дѣла, къ какому стремится кн. Бисмаркъ. Такимъ образомъ, естественная боязнь потерять, можетъ быть съ трудомъ и лишеніями внесенныя, преміи заставитъ рабочихъ тщательно избѣгать малѣйшихъ поводовъ неудовольствія на нихъ и обратитъ въ нихъ рабское повиновеніе въ привычку и въ необходимость. Словомъ, обезпеченіе рабочихъ посредствомъ одного лишь государственнаго страхованія будетъ, по мѣткому выраженію проф. Брентано, торжествомъ безнравственнаго принципа: чей хлѣбъ ѣшь, того и волю исполняешь,—и приведетъ къ такому абсолютному поглощенію личности государствомъ, которое отодвинетъ человѣческую культуру на 10 столѣтій назадъ.

Что кн. Бисмаркъ стремится именно къ этому абсолютному поглощенію свободной личности и къ полному изчезновенію ея въ лонѣ

[1]) Все это превосходно и подробно выяснено профессоромъ бреславльскаго университета Брентано въ статьѣ о законѣ страхованія, помѣщенной въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Deutsche Zeit- und Streit-Fragen“. Я нарочно привожу мнѣніе одного лишь этого ученаго, во-первыхъ потому, что это—спеціалистъ по рабочему вопросу и въ частности по вопросу о страхованіи, изученію котораго онъ посвятилъ много лѣтъ и трудами о которомъ заслужилъ громкую европейскую извѣстность; во-вторыхъ потому, что это безупречно-честный человѣкъ и ученый, котораго даже самые пресмыкающіеся изъ оффиціозовъ никогда не осмѣливались обвинить ни въ манчестерствѣ, ни въ корыстномъ употребленіи науки для служенія эксплуататорскимъ интересамъ капиталистической буржуазіи.

Digitized by Google

всемогущаго государства, это доказывается даже и нескрываемыми болѣе усиліями его подорвать всякую тѣнь самоуправленія какъ въ отдѣльныхъ государствахъ, такъ и въ провинціяхъ, и въ общинахъ. Общинное самоуправленіе почему-то въ особенности ненавистно ему, и онъ всѣми силами старается уничтожить его въ конецъ, замѣнивъ вездѣ выборное и представительное начало чиновничьей администраціей. Недавно еще онъ заявилъ въ парламентѣ, что вовсе не желаетъ, чтобы германская имперія превратилась въ „собраніе маленькихъ общинныхъ республикъ", и всѣ его дѣйствія вполнѣ отвѣчаютъ этому заявленію, хотя германскія и, въ особенности прусскія общины, столько же похожи на республику, какъ самъ кн. Бисмаркъ, напримѣръ, на Вашингтона. Къ той же категоріи стремленій надо отнести и настойчивость его, непремѣнно замѣнить прямые налоги косвенными. Онъ, правда, плохой финансистъ (и это большое счастіе для Европы: что́ бы это было, страшно и подумать, еслибы къ его дипломатическому генію присоединялся еще геній финансовый,—кн. Бисмаркъ буквально съѣлъ бы тогда всѣ государства!), но, однако, не до такой степени, чтобы не понимать, во-первыхъ, что слабая и въ производительномъ, и въ потребительномъ отношеніи Германія не въ состояніи вынести такого бремени налоговъ, какое легко несутъ Франція и Англія, а во-вторыхъ, что косвенные налоги еще хуже правильно-распредѣленныхъ прямыхъ ложатся всею своею тяжестью на неимущіе классы, т.-е. именно на тѣ классы, облегченіе которыхъ онъ, по его словамъ, поставилъ будто бы задачей всей своей политики. Въ сущности все дѣло въ томъ, что прямые налоги взимаются правительствомъ каждаго государства отдѣльно, а косвенные имперскимъ, такъ-что ларчикъ просто открывается: кн. Бисмарку хочется сдѣлать имперію вполнѣ независимой въ финансовомъ отношеніи и устроить такъ, чтобы, напротивъ, финансы отдѣльныхъ государствъ зависѣли отъ нея, т.-е. еще больше поглощались ею, чѣмъ теперь.

Такимъ образомъ, съ какой стороны ни взглянемъ на дѣятельность кн. Бисмарка, мы вездѣ видимъ одно и то же: бросающееся въ глаза вліяніе идей Лассаля и, какъ естественный результатъ ихъ, стремленіе къ деспотическому поглощенію личности государствомъ, съ тою лишь разницей, что Лассаль воображалъ это государство въ формѣ соціалистской деспотіи, а кн. Бисмаркъ мечтаетъ объ имперіалистскомъ цезаризмѣ.

Къ несчастію для себя и для своихъ плановъ, но, можетъ быть, къ счастію для Германіи, канцлеръ, по безграничной самонадѣянности своей и вслѣдствіе чрезмѣрной, чисто болѣзненной, раздражительности, не съумѣлъ скрыть своихъ цѣлей, какъ бы слѣдовало.

Digitized by Google

Онъ слишкомъ рано высказался съ откровенностію, которую здѣсь справедливо называютъ цинизмомъ, и слишкомъ явно и круто сталъ все гнуть кругомъ, такъ что оппозиція противъ него, какъ уже сказано выше, ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Абсолютнаго цезаризма здѣсь никто не желаетъ, даже самые преданнѣйшіе слуги имперіи. Большинство юнкеровъ не любитъ парламентаризма, въ которомъ видитъ палладіумъ капиталистической буржуазіи, но истребить всякій признакъ самоуправленія и замѣнить его бисмарковской абсолютистской системой тоже ни мало не склонно. Одну минуту аграріямъ-юнкерамъ улыбнулась-было мысль вступить въ союзъ съ четвертымъ сословіемъ, чтобы, при его помощи, сложить ненавистное, оттѣснившее ихъ на задній планъ, третье сословіе. Но замѣтивъ, куда клонитъ предложившій этотъ союзъ кн. Бисмаркъ, многіе изъ нихъ поняли, что этотъ министръ-агитаторъ, считающій одного себя компетентнымъ судьей того, что̀ есть зло и что̀ благо для государства, несравненно опаснѣе всѣхъ соціаль-демократовъ и всей буржуазіи, вмѣстѣ взятыхъ, и начинаютъ сторониться отъ него. Чѣмъ все это кончится, предсказать трудно, только едва-ли чѣмъ-нибудь хорошимъ, если кн. Бисмаркъ не уступитъ общественному мнѣнію всей страны и не ограничится помощію рабочему сословію, не стремясь сдѣлать изъ него фундаментъ для утвержденія имперіалистскаго цезаризма.

Н. С.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Церковь и государство во Франціи и въ Англіи.

Въ Европѣ нѣтъ церкви, которая присвоивала бы себѣ болѣе независимое отношеніе къ государству, чѣмъ римско-католическая церковь. Извѣстно, съ какимъ упорствомъ и съ какою ловкостью умѣетъ бороться католическая церковь противъ государства, когда свѣтская власть затрогиваетъ ея преимущества и прерогативы, и есть надежда или одолѣть оппозицію государства авторитету папства, или, по крайней мѣрѣ, положить этой оппозиціи выгодныя границы. Но съ этой способностью бороться противъ государственной власти и подступающихъ со всѣхъ сторонъ и охватывающихъ церковь современныхъ идей и стремленій, католицизмъ соединяетъ необыкновенное искусство уступать тамъ, гдѣ борьба безнадежна и невозможна, гдѣ она можетъ только ухудшить положеніе церкви и повредить ея авторитету. Мы присутствуемъ уже много лѣтъ при упорной борьбѣ католической церкви съ государствомъ въ Германіи; на нашихъ же глазахъ проявляется гибкость ея политики во Франціи.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ завязалась во Франціи не глухая и подземная, а открытая и публичная борьба между двумя господствующими направленіями католицизма, борьба, въ которой приняло дѣятельное участіе и католическое духовенство. Поставленная лицомъ къ лицу съ республиканскимъ государственнымъ устройствомъ и скептическимъ духомъ времени, католическая церковь должна была избрать одно изъ двухъ политическихъ направленій. Она и прежде имѣла всегда свою политику; издавна ставъ могущественной силой, съ которой государственной власти необходимо было считаться, она не могла оставаться безучастною и неподвижною въ виду республиканскаго порядка вещей, сулившаго большой уронъ ея безграничнымъ притязаніямъ. Попытка Пія IX порвать съ духомъ времени, опереться исключительно на средневѣковое преданіе, окопаться въ немъ, рѣзко поставить вопросъ между авторитетомъ церкви съ одной стороны, гражданскимъ и политическимъ закономъ съ другой, не имѣла желаннаго успѣха, и преемнику его пришлось идти на уступки и сдѣлки. Онѣ-то и породили тотъ разладъ, то раздвоеніе въ католицизмѣ, на которое обращено теперь все вниманіе общественнаго мнѣнія и печати во Франціи.

Digitized by Google

Французскіе католики и легитимисты долго шли рука объ руку, оставаясь союзниками и горячо поддерживая другъ друга. Легитимисты твердо помнили, что король Франціи всегда назывался „христіаннѣйшимъ"; католики, съ своей стороны, не забывали, какъ много сдѣлали въ пользу папства Бурбоны послѣ реставраціи 1815 г. Ограниченія или отмѣна свободы совѣсти, свободы преподаванія, свободы печати—все это такія блага, которыхъ католицизмъ могъ ожидать только отъ возстановленія, такъ-называемой во Франціи, „законной монархіи". И вотъ, пока внутреннее устройство Франціи еще не упрочилось, пока еще можно было бороться противъ республиканскаго порядка съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, католическая партія и легитимисты дружно шли противъ общаго врага. Но республика установилась, и въ виду неотразимаго явленія такой важности, интересы церкви естественно перестали совпадать съ интересами легитимизма. Не рискуя всѣмъ своимъ авторитетомъ, церковь уже не могла долѣе связывать свою судьбу съ безнадежной судьбой партіи, потерявшей всякую почву подъ ногами. По собственному ея убѣжденію, она—учрежденіе вѣчное, а политическія партіи преходящи; рѣзкая вражда къ республиканскому порядку, очевидно имѣющему будущность, обрекла бы ее политическому ничтожеству легитимизма. Послѣдній, по самому существу своей политической доктрины, не можетъ примириться съ республикой. Прочность республики окончательно сокрушаетъ его надежды и разсчеты. Другое дѣло—церковь, разсуждаютъ проницательнѣйшіе изъ католиковъ. Она, конечно, предпочла бы возстановленіе „законной монархіи" во Франціи, но въ дѣлахъ этого грѣшнаго міра не все то исполняется, чего желала бы католическая церковь. Задача здравой политики—умѣть ужиться съ тѣмъ, чему нельзя воспрепятствовать, и извлекать изъ даннаго положенія наибольшія для себя выгоды. А политика католической церкви—испытанная и искусная политика, и не поддается призрачнымъ надеждамъ. Когда горячія головы легитимизма съ жаромъ говорятъ ей о предстоящей побѣдѣ „праваго дѣла", о необходимости дальнѣйшихъ совокупныхъ усилій для окончательнаго сокрушенія республики, церковь недовѣрчиво пожимаетъ плечами и про себя посмѣивается надъ иллюзіями своихъ недавнихъ союзниковъ. Она знаетъ, что все, что только возможно, уже было пущено въ ходъ и испробовано съ этою цѣлью въ 1877 году, при маршалѣ Макъ-Магонѣ, что дѣло кончилось очень жалкой неудачей, что настоящее положеніе дѣлъ еще меньше благопріятно для подобныхъ попытокъ. Церковь достаточно повредила тогда своему авторитету, и не желаетъ продолжать подобные рискованные опыты. Такъ-какъ республика держится и можетъ держаться вопреки желанію церкви,

Digitized by Google

то послѣдней не остается ничего другого, какъ искать по возможнаго сближенія съ нею, какъ сближалась она съ правительствами Людовика-Филиппа и Наполеона III. Въ ея ученіи есть и такія стороны, которыя ни мало не исключаютъ возможности тѣснаго общенія съ республиканскимъ порядкомъ. Многіе авторитеты церкви относились равнодушно къ различнымъ формамъ правленія. Церкви нѣтъ никакого разсчета ссориться съ Франціей. Бюджетъ исповѣданій удѣляетъ ей не одинъ милліонъ франковъ изъ французской государственной казны, и будетъ очень неудобно, если республиканское правительство, потерявъ терпѣніе, поставитъ и проведетъ въ палатахъ вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства: французскому духовенству придется существовать тогда на добровольныя пожертвованія и приношенія паствы. Церкви къ тому же извѣстно, что ея мирныя предложенія не будутъ отвергнуты нынѣшнимъ республиканскимъ правительствомъ. Послѣднее въ свою очередь не желаетъ разрыва съ Ватиканомъ и, на извѣстныхъ условіяхъ, не коснется его признанныхъ преимуществъ. Такая сдѣлка не только не угрожаетъ церкви въ будущемъ, но и обѣщаетъ ей положительныя выгоды.

Таковы соображенія, внушившія католической церкви недавній отвѣтъ ея легитимистамъ, которые по прежнему предложили ей свой союзъ въ виду предстоящихъ общихъ выборовъ во Франціи. Церковь не отказалась подъ рукою поддерживать кандидатовъ легитимизма тамъ, гдѣ эти кандидаты дѣйствительно могутъ имѣть успѣхъ; но она рѣшительно не желаетъ выступать открыто союзницей легитимистовъ и выставлять это знамя передъ избирателями. Отсюда раздраженіе легитимистовъ, ихъ горькіе упреки католикамъ. Самые горячіе изъ нихъ открыто говорятъ объ измѣнѣ католицизма. Церковь, по ихъ мнѣнію, не имѣла права идти на сдѣлку съ республикой безъ ихъ согласія, въ виду давняго союза между ними, имѣвшаго не оборонительный только, но и наступательный характеръ. Но всего чувствительнѣе для легитимистовъ утрата союзника дѣйствительно сильнаго, на содѣйствіи котораго собственно и были основаны ихъ лучшія надежды. На прежнихъ выборахъ они были такъ много обязаны проповѣдямъ духовныхъ лицъ, тайнымъ бесѣдамъ духовниковъ съ паствой и клерикальной печати, что имъ просто жутко очутиться теперь въ одиночествѣ. Легитимисты, правда, еще довольно многочисленны во Франціи; но они, тѣмъ не менѣе, составляютъ сравнительно небольшое и разбросанное меньшинство, безсильное оказать вліяніе на выборы.

Еще въ прошломъ году, папа Левъ XIII, въ торжественной энцикликѣ, совѣтовалъ высшимъ католическимъ семинаріямъ и факуль-

Digitized by Google

тетамъ положить въ основу своего философскаго и религіознаго преподаванія сочиненія знаменитаго схоластика XIII вѣка, св. Ѳомы Аквинскаго, и ставилъ особенно высоко его политическія мнѣнія. За этимъ скромнымъ пастырскимъ наставленіемъ, которое прошло почти незамѣченнымъ, скрывалась, однако, серьёзная и тонкая политическая мысль, которой не одобрилъ бы покойный Пій IX. Одинъ изъ первыхъ распространителей ученія Аристотеля въ средневѣковой Европѣ, Ѳома Аквинскій заимствовалъ у великаго греческаго мыслителя новыя политическія идеи. Греки не знали божественнаго права въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается у новыхъ народовъ, и въ особенности у католическихъ. Они считали источникомъ общественной власти народное избраніе въ силу умственнаго или нравственнаго превосходства избираемыхъ. Ѳома Аквинскій, усвоивъ себѣ эту сторону греческой мысли, вносилъ новое начало въ политическую доктрину католической церкви. Въ силу этого начала, власть всегда исходитъ отъ Бога, но власть сама по себѣ, власть вообще, а не каждое лицо, ею облеченное. Богу вообще угодно, чтобы каждая страна имѣла своего короля, потому что безъ такой власти невозможно самое общежитіе, а человѣкъ созданъ для общежитія; но Онъ, по ученію Ѳомы Аквинскаго, не налагаетъ ни на какую страну ни опредѣленной формы правленія, ни власти того или другого опредѣленнаго лица. Только тѣ правительства могутъ быть признаны установленными отъ Бога, которыя достигли власти законнымъ путемъ и которыя исполняютъ свой долгъ; а законнымъ путемъ достигаютъ власти признанныя народомъ правительства, и исполняютъ свой долгъ только тѣ, кто правитъ для общаго, а не для собственнаго блага. Хорошее правительство, по тому же ученію, можетъ имѣть троякую форму: монархическую, когда правитъ одно лицо; аристократическую, когда правленіе въ рукахъ незначительнаго меньшинства, и республиканское, когда въ дѣлѣ правленія участвуютъ всѣ. Монархія обращается въ тиранію, когда глава государства имѣетъ въ виду только свои личныя цѣли, и такое правленіе признается худшимъ изъ всѣхъ. Аристократія превращается въ олигархію, когда знатные угнетаютъ народъ, а республика въ демагогію, когда народъ угнетаетъ знатныхъ. Но изъ трехъ дурныхъ формъ правленія демагогія наименѣе дурная, потому что при ней угнетается незначительное меньшинство. Ѳома Аквинскій раздѣляетъ всѣ эти мнѣнія Аристотеля. Но лучшимъ изъ трехъ правительствъ онъ считаетъ монархическое, расходясь въ этомъ пунктѣ съ греческимъ мыслителемъ, который отдаетъ предпочтеніе республикѣ. Доводамъ Аристотеля въ пользу республики онъ противопоставляетъ большее единство управленія при монархической фор-

Digitized by Google

мѣ и, слѣдовательно, большее согласіе и спокойствіе, какъ необходимыя условія счастія народовъ. Но и аристократія, и республика представляются Ѳомѣ Аквинскому формами вполнѣ законными, лишь бы онѣ вели къ общему благу; онъ, съ своей стороны, окончательно отдаетъ предпочтеніе сліянію трехъ упомянутыхъ формъ, отчасти похожему на ту форму нынѣшняго конституціоннаго правленія, въ основу которой положена всеобщая подача голосовъ. Его наилучшее правительство состоитъ изъ верховнаго правителя, выбраннаго за свои заслуги, и второстепенныхъ правителей, также выбранныхъ за свои качества изъ среды всего народа, который поголовно участвуетъ въ этихъ выборахъ. Ссылаясь на правленіе Моисея и его преемниковъ, Ѳома Аквинскій объясняетъ, что у евреевъ верховный правитель назначался самимъ Богомъ, которому угодно было предоставить народу избраніе однихъ только второстепенныхъ правителей, единственно потому, что Онъ желалъ направлять самъ судьбы еврейскаго народа. Право избранія предполагаетъ и право низлагать избраннаго: по мнѣнію Ѳомы Аквинскаго, отдѣльныя партіи, конечно, не должны возставать противъ общаго избранника, но весь народъ имѣетъ право низложить избраннаго имъ же носителя власти; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, виновникомъ насилія, по словамъ Ѳомы Аквинскаго, является не народъ, а самъ тиранъ, вызвавшій его на это дѣло.

Папа Левъ XIII указываетъ теперь на это ученіе, какъ на спасительное для католической церкви, стоявшей столько вѣковъ на абсолютной точкѣ зрѣнія божественнаго права. Несмотря на дипломатическія формы, въ которыя облечена его мысль, легитимисты не могли не понять, что папская энциклика стремится освободить католическую церковь отъ узъ божественнаго права въ смыслѣ французскаго легитимизма и дѣлаетъ шагъ къ сближенію съ республикой.

Разумѣется, это отнюдь не значитъ, что папа Левъ XIII сочувствуетъ нынѣшней формѣ правленія во Франціи и что католицизмъ дѣлается либеральнымъ. Это значитъ только, что папство искало и нашло крупный церковный авторитетъ, на который оно смѣло можетъ опереться, чтобы положить конецъ тяжелому, крайне натянутому отношенію католической церкви къ государству во Франціи. Къ тому же, Ѳома Аквинскій, разсуждая по Аристотелю о формѣ правленія, крѣпко стоитъ, какъ искренній и послѣдовательный католикъ, на подчиненіи государства авторитету церкви. Это основное положеніе его доктрины составляетъ ея оборотную сторону, а папа Левъ XIII придерживается этой доктрины въ ея полномъ составѣ. Теорія народнаго избранія, преподанная Ѳомой Аквинскимъ, легко переходитъ у него же въ теорію чистой теократіи. Долгъ правитель-

Digitized by Google

ства—дѣлать народы счастливыми, а счастіе народовъ заключается не въ одномъ только ихъ благополучіи на землѣ, но и въ ихъ вѣчномъ спасеніи. Поэтому важнѣйшая обязанность правителей — способствовать всѣми средствами спасенію управляемыхъ въ будущей жизни. А лучшимъ, единственнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ является духовенство, такъ-какъ внѣ церкви нѣтъ спасенія; правитель, желающій исполнить свой долгъ, обязанъ слѣдовательно обо всемъ совѣтоваться съ духовенствомъ, распространять законы церкви на все государство. Не исполняя этого своего священнѣйшаго долга, король вредитъ спасенію народа, и папа, какъ верховный судья въ вопросахъ спасенія и вѣры, имѣетъ право напалагать его и указывать его подданнымъ другое лицо, способное вести ихъ къ вѣчному спасенію. Протестуя противъ свободы совѣсти, противъ равенства всѣхъ вѣроисповѣданій передъ государствомъ, противъ свободы слова и печати, заявляя притязаніе на высшее наблюденіе за народнымъ образованіемъ, негодуя на подсудность духовныхъ лицъ гражданскимъ судамъ, на предоставляемое духовнымъ лицамъ право выходить изъ духовнаго званія, папство и теперь, какъ въ прежнее время, повторяетъ только ученіе Ѳомы Аквинскаго.

Папская энциклика тѣмъ не менѣе возбудила сильное недоумѣніе въ ультрамонтанскомъ лагерѣ Франціи, а за нею еще послѣдовало, въ началѣ текущаго года, новое заявленіе въ томъ же родѣ, на этотъ разъ сулившее въ будущемъ бо̀льшую терпимость католической церкви къ самостоятельности и законамъ государства. Въ письмѣ на имя парижскаго архіепископа Гибера, папа Левъ XIII, говоря о примѣненіи извѣстныхъ декретовъ къ недозволеннымъ законами религіознымъ конгрегаціямъ, дѣлалъ второй шагъ къ сближенію церкви съ республикой. Онъ очевидно пришелъ къ мысли, что церковь рѣшительно ничего не можетъ выиграть, а можетъ только проиграть, постоянно возвѣщая міру, что все современное несовмѣстимо съ ея духомъ и неизмѣнными требованіями.

Въ былое время либеральная партія во Франціи любила называть французскую національную церковь латинскимъ именемъ галликанской, считая ее до нѣкоторой степени самостоятельной и независимой даже и отъ папства. Но такъ-называемыя „вольности галликанской церкви“ всегда представляли нѣчто крайне неопредѣленное и трудно-уловимое, видоизмѣнялись сообразно обстоятельствамъ, такъ что галликанство было скорѣе однимъ изъ направленій, господствовавшихъ внутри французской національной церкви, чѣмъ общепризнанной ея основой. Въ общихъ чертахъ оно смягчало папскій абсолютизмъ въ дѣлахъ церкви въ пользу духовной аристократіи, т.-е. епископовъ. Галликанское направленіе разсматриваетъ фран-

Digitized by Google

цузскихъ епископовъ не какъ папскихъ викаріевъ, но какъ апостольскихъ преемниковъ, получившихъ свою власть не отъ папы, а изъ самостоятельнаго источника. Оно не признавало неограниченной власти папства надъ церковью, а ограничивало ее рѣшеніями соборовъ, въ особенности констанцскаго, по которому вселенская церковь выше папства. Галликане отклоняютъ также всякое вмѣшательство папы въ мірскія дѣла Франціи. Но эти основныя положенія галликанства никогда не были признаны римскою церковью, и въ самой Франціи никогда не пользовались общимъ и безспорнымъ признаніемъ, хотя и входили отчасти во французское законодательство, начиная съ тринадцатаго вѣка. Извѣстны четыре пункта, принятые парижскимъ соборомъ французскаго духовенства при Людовикѣ XIV. Эти пункты опредѣляли, что въ мірскихъ дѣлахъ папа не имѣетъ никакого права надъ королями и не можетъ освобождать ихъ подданныхъ отъ обязанности повиноваться имъ; что самъ папа подчиненъ рѣшеніямъ вселенскаго собора; что власть его опредѣляется общепризнанными во Франціи каноническими постановленіями и дѣствующими государственными и церковными законами, и что даже въ дѣлахъ вѣры его рѣшенія не могутъ быть признаны неизмѣнными, пока они не утверждены вселенскимъ соборомъ. Но эти пункты, оставшіеся безъ широкаго примѣненія, были только оружіемъ въ рукахъ королевской власти для обузданія, при случаѣ, чрезмѣрныхъ притязаній папства. Торжествомъ галликанства считался у сторонниковъ церкви, такъ называемый, гражданскій уставъ французскаго духовенства, изданный во время революціи, въ 1790 году. Онъ лишалъ духовенство имѣній и доходовъ, упразднялъ школы и семинаріи для духовнаго образованія и вообще отмѣнялъ католическую церковь, какъ государственное учрежденіе. Но она была потомъ возстановлена конкордатомъ въ 1801 году, состоявшимся между Наполеономъ I и папой Піемъ VII. Этимъ конкордатомъ, впослѣдствіи нѣсколько измѣненнымъ при Людовикѣ XVIII, регулированы и теперь правовыя отношенія государства къ папству; но огромные успѣхи, сдѣланные отрицательнымъ направленіемъ во Франціи за послѣднія десятилѣтія, и объединеніе Италіи заставили французское духовенство тѣсно сомкнуться около папства и представляемаго имъ церковнаго преданія. Французская церковь уже не поминаетъ болѣе о своихъ галликанскихъ вольностяхъ, и самый конкордатъ исполняется только потому, что государство держится за него обѣими руками, какъ за средство по возможности сдерживать ультрамонтанскія притязанія. Предоставляя государству назначеніе епископовъ, онъ, въ то же время, присвоиваетъ папѣ право каноническаго ихъ утвержденія. Государство, такимъ образомъ, контролируется папскою властью въ дѣлѣ замѣще-

Digitized by Google

нія вакантныхъ епископскихъ каѳедръ, и понятно, что когда существуетъ такое юридическое отношеніе между ними, Франція будетъ очень далека отъ осуществленія программы, нѣкогда провозглашенной Кавуромъ—свободной церкви въ свободномъ государствѣ. Давая отпоръ притязаніямъ католической церкви въ дѣлѣ народнаго образованія, гражданскаго и политическаго законодательства, нынѣшніе государственные люди Франціи не торопятся приступать къ коренному вопросу объ отношеніяхъ государства къ церкви вообще. Католическая церковь еще сильна во Франціи, а республика учреждена недавно. Оппортюнистская партія охотно выступаетъ противъ католическихъ притязаній, но въ своемъ противодѣйствіи имъ не переходитъ извѣстныхъ границъ осторожности и разсчета, изъ опасенія вызвать реакцію противъ республики въ средѣ многочисленныхъ избирателей-католиковъ. Церковь, съ своей стороны, видя непобѣдимость и крѣпость республики, опасаясь возстановить общественное мнѣніе и вызвать крайнія мѣры противъ духовенства, дѣлаетъ попытки обойти опасные подводные камни, чтобы удержать за собою свое прежнее привилегированное положеніе.

Отсюда—ожесточенная борьба между двумя оттѣнками французскаго католицизма: легитимистскимъ или ультрамонтанскимъ и, такъ-называемымъ, либеральнымъ католицизмомъ. Близость общихъ выборовъ придаетъ этой борьбѣ особенную рѣзкость. Оставляя въ сторонѣ своихъ коренныхъ враговъ—свободно-мыслящихъ республиканцевъ, ультрамонтаны направляютъ полемическія стрѣлы на своихъ вчерашнихъ союзниковъ, называя ихъ достойными сообщниками извѣстнаго отца Гіацинта и неменѣе извѣстнаго доктора Дёллингера, порвавшихъ съ драгоцѣнными преданіями римско-католическаго правовѣрія. Фанатизмъ послѣдователенъ и безпощаденъ; самъ папа и его нунцій въ Парижѣ подвергаются ядовитымъ упрекамъ, въ озлобленныхъ ультрамонтанскихъ органахъ. Всякое предпочтеніе осмотрительной политики Льва XIII прямымъ требованіямъ его предшественника заставляетъ эти органы терять спокойствіе и равновѣсіе, взывать къ католическому міру о крушеніи церкви и необходимости спасать человѣчество авторитетомъ католическаго преданія въ самомъ крайнемъ, самомъ безусловномъ и непримиримомъ его видѣ.

Та же борьба происходитъ и въ средѣ самого католическаго духовенства. И въ немъ рѣзко выступило то же раздвоеніе, сказались тѣ же симпатіи и антипатіи. Но тамъ онѣ болѣе прикрыты; тамъ борьба ведется тайно, и судить о ней можно только по явной борьбѣ между свѣтскими органами церковнаго направленія. Въ этихъ органахъ за легитимизмъ и ультрамонтанство выступаютъ свѣтскіе проповѣдники, отъ политической проповѣди которыхъ прямо отрекаются

Digitized by Google

нѣкоторые епископы и которымъ самъ графъ Шамборъ шлетъ свой привѣтъ и свои поздравленія.

Послѣднее слово останется, разумѣется, за церковью. Борьба легитимизма съ церковью—борьба неравная. Католицизмъ сильнѣе легитимизма, а слабый всегда болѣе нуждается въ помощи сильнаго, чѣмъ сильный въ помощи слабаго. Алтарь сильнѣе трона въ современной Франціи, и католическая церковь, прекрасно это зная, настоитъ на своемъ; ей случалось приносить троны въ жертву алтарю, но она никогда не жертвовала алтаремъ для спасенія троновъ. Легитимизму придется покориться ей и выпить до дна горькую чашу политическихъ разочарованій.

Одинъ изъ многихъ примѣровъ покажетъ наглядно, съ какими невыгодами связана для католическаго духовенства открытая борьба противъ государства и республики во Франціи, и какъ усердно и искусно охраняетъ оно свои матеріальные интересы и привилегіи. Въ концѣ прошлаго года, Баллю и нѣсколько другихъ депутатовъ внесли въ палату свое предложеніе о возвращеніи государству извѣстнаго числа недвижимыхъ имуществъ, состоящихъ въ распоряженіи религіозныхъ конгрегацій. Предложеніе имѣло въ виду отмѣну декретовъ 1816 и 1857 гг., вырванныхъ духовенствомъ у двухъ реакціонныхъ правительствъ, опиравшихся на его авторитетъ для своихъ политическихъ цѣлей. Декреты, между прочимъ, уступали монахамъ картезіанскаго ордена, такъ-называемымъ chartreux, имѣнье Grande Chartreuse въ изерскомъ департаментѣ, на условіяхъ, небывалыхъ и неслыханныхъ по ихъ невыгодности для государства. На основаніи помянутыхъ декретовъ, картезіанцы пріобрѣтали право пользованія государственной недвижимой собственностью, умѣренно оцѣненною въ полтора милліона франковъ, и сверхъ того, пользованіе 120 гектарами лѣса и право рубки въ государственныхъ лѣсахъ, не считая права получать ежегодно и безплатно 432 кубическихъ метра дровъ, за годовую плату въ пять-сотъ франковъ! Предложеніе Баллю, разумѣется, смутило почтенное картезіанское братство, выгодно занимающееся производствомъ желтаго и зеленаго картезіанскихъ ликеровъ. Его пріоръ, отецъ Ансельмъ-Мари, поспѣшилъ издать записку, въ которой онъ доказываетъ, что государство не только ничего не теряетъ, но даже выигрываетъ отъ декретовъ 1816 и 1857 гг. Еслибъ оно приняло имѣніе Grande Chartreuse въ свои руки, то, по словамъ пріора, оно не могло бы получать съ него больше четырехъ съ половиною тысячъ дохода, а тратило бы на его поддержаніе 27,500 франковъ въ годъ. Другими словами: картезіанцы дѣлаютъ теперь государству ежегодный подарокъ въ 24,000 франковъ! Мало того: пріоръ утверждаетъ, что, въ случаѣ отмѣны означенныхъ декретовъ,

Digitized by Google

государство, лишивъ почтенныхъ изерскихъ анахоретовъ такого убыточнаго имѣнія, будетъ поставлено въ необходимость уплатить картезіанцамъ нѣсколько милліоновъ вознагражденія за причиненные имъ убытки. Французскія газеты не безъ остроумія видятъ въ этомъ курьёзномъ разсчетѣ картезіанскаго пріора свидѣтельство особенныхъ успѣховъ клерикальной ариѳметики за послѣднее время...

Но духовенству, въ случаѣ полнаго разрыва съ государствомъ во Франціи, пришлось бы потерпѣть не одни только матеріальные убытки; оно ускорило бы, такимъ образомъ, и самое наступленіе того неизбѣжнаго въ образованной странѣ момента, когда государство перестаетъ вмѣшиваться въ вѣроисповѣдныя дѣла, предоставляя каждому вѣрованію и вѣроисповѣданію полную свободу, не присвоивая ни одному изъ нихъ ничего похожаго на привилегированное положеніе и дѣлаясь учрежденіемъ чисто мірскимъ и политическимъ. Время отдѣленія церкви отъ государства видимо приближается въ западной Европѣ. Къ такому отдѣленію, примѣръ котораго уже данъ на практикѣ Соединенными Штатами, должны привести, рано или поздно, современныя проявленія борьбы государства съ устарѣвшими, но упорными притязаніями католической церкви. Къ этой развязкѣ клонятся всѣ полумѣры, принятыя до сихъ поръ въ Италіи, Германіи, Бельгіи, Франціи. Ограниченія, полагаемыя теперь государствомъ на католицизмъ, сопровождаются процессами, штрафами, тюремнымъ заключеніемъ,—мѣрами, которыя только придаютъ такой борьбѣ всѣ признаки религіознаго гоненія и осѣняютъ ея жертвы ореоломъ мученичества за вѣру. Онѣ совсѣмъ не приводятъ къ цѣли. Въ Германіи онѣ не породили ничего, кромѣ сильнаго ожесточенія и непримиримой вражды въ католическомъ лагерѣ. При первомъ удобномъ случаѣ, подобныя мѣры придется отбросить, предоставляя населенію имѣть любое духовенство и содержать свою церковь на собственный ладъ.

Въ такомъ приблизительно положеніи находится теперь католическая церковь въ Англіи, гдѣ она была, со временъ реформаціи, только терпимою, даже не всегда терпимою церковью. По англійскимъ законамъ, „римскій епископъ“, какъ называютъ они папу, со временъ реформаціи не имѣетъ никакой власти въ странѣ. Англійское государственное право даже не признаетъ католическую церковь, какъ учрежденіе. Папа, съ своей стороны, знаетъ только англійское королевство, а не соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи, такъ-какъ ему уже не были сообщены оффиціально акты о слiяніи Шотландіи и Ирландіи съ Англіей. Но это только формальная, юридическая сторона дѣла. На практикѣ не было никакой возможности упразднить около шести милліоновъ католиковъ,

Digitized by Google

живущихъ въ соединенномъ королевствѣ, а эти шесть милліоновъ признаютъ римскаго папу главою своей церкви. Духъ времени и вызванныя имъ преобразованія въ англійскихъ учрежденіяхъ не допускали болѣе употребленія мѣръ преслѣдованія и произвола, и въ 1850 году папа издалъ свою знаменитую буллу, раздѣлявшую соединенное королевство на епархіи. Булла произвела, разумѣется, очень сильное впечатлѣніе въ Англіи. Лордъ верховный судья Кемблъ тогда же высказалъ въ застольной рѣчи, на одномъ банкетѣ въ Гильдголлѣ, при шумномъ одобреніи присутствующихъ, свое желаніе, чтобы „безумный старый джентльменъ", т.-е. папа, былъ приведенъ къ нему на судъ. Но епархіи все-таки были учреждены самими католиками, и съ тѣхъ поръ католическая церковь продолжаетъ крѣпчать и расти въ Англіи, пріумножая число своихъ монастырей. По словамъ „Католическаго Календаря" на 1878 годъ, изданнаго кардиналомъ Маннингомъ, католическая церковь имѣетъ въ Англіи и Шотландіи трехъ архіепископовъ, восемнадцать епископовъ, 2,157 священниковъ, 1,348 миссій, церквей и часовень. Число монастырей не показано въ календарѣ, но показано число школъ, которыя большею частью учреждены при монастыряхъ или находятся въ тѣсной связи съ ними: 25 высшихъ, болѣе или менѣе публичныхъ школъ, 30 частныхъ школъ съ пансіонами для мальчиковъ, 90 монастырскихъ школъ для дѣвочекъ и, сверхъ того, отъ 50 до 60 церковныхъ заведеній, служащихъ большею частью воспитательнымъ цѣлямъ.

Ирландскія дѣла такъ тѣсно связаны съ интересами англійскаго правительства и католической церкви, что первое, не признавая папы юридически, тѣмъ не менѣе, поддерживало постоянныя неоффиціальныя сношенія съ Ватиканомъ. Лордъ Минто въ сороковыхъ годахъ, при Пальмерстонѣ, и лордъ Одо Россель въ шестидесятыхъ были довольно явными представителями Англіи въ Римѣ, и старались черезъ папу дѣйствовать усмиряющимъ образомъ на недовольное ирландское населеніе и на ирландскія школы. Не дальше, какъ въ ноябрѣ прошлаго года, ирландскіе епископы съѣхались въ Римѣ для неизвѣстной никому цѣли, и кемельскій архіепископъ прислалъ отъ ихъ имени сдѣланныя ими пожертвованія въ пользу оборонительнаго фонда, учрежденнаго парнеллистами, настоятельно приглашая вѣрующихъ послѣдовать примѣру духовенства и также жертвовать въ пользу того же фонда. Вскорѣ затѣмъ, въ январѣ текущаго года, папа обратился къ ирландскому духовенству съ посланіемъ, въ которомъ онъ признаётъ тягостное положеніе католиковъ въ Ирландіи, но увѣщеваетъ вѣрующихъ повиноваться епископамъ и не выходить изъ предѣловъ порядка и справедливости. Обнародывая это посла-

Digitized by Google

ніе папы, дублинскій архіепископъ прибавилъ отъ себя заявленіе, что онъ не можетъ повѣрить распространившимся слухамъ, будто правительство намѣрено предложить парламенту жалкую полумѣру въ ирландскомъ аграрномъ вопросѣ. 25-го января, ирландскіе епископы съѣхались въ Дублинѣ, чтобы отвѣчать на папское посланіе. Описавъ жалкое положеніе сельскаго населенія въ Ирландіи, они объясняютъ въ своемъ отвѣтѣ, что оно есть прямое слѣдствіе несправедливыхъ и пагубныхъ законовъ. Ирландскій народъ вышелъ теперь изъ того оцѣпенѣнія, въ которое онъ былъ повергнутъ обстоятельствами, говорили епископы, и настойчиво требуетъ отмѣны жестокихъ законовъ, жертвой которыхъ онъ былъ до сихъ поръ. Епископы, конечно, не могутъ не сожалѣть о нѣкоторыхъ совершонныхъ при этомъ поступкахъ, но все же не могутъ не одобрить отъ всего сердца нынѣшней агитаціи, направленной противъ дѣйствующаго аграрнаго законодательства, и умоляютъ папу не вѣрить лжесвидѣтельству англійской печати. Въ то же время ими было составлена и обнародована резолюція, высказавшая ихъ непоколебимое довѣріе къ здравомыслію и благороднымъ стремленіямъ ирландской паствы, и опасеніе, что принудительныя мѣры, возстановляя одинъ только внѣшній видъ порядка, дадутъ правительству возможность обойти на практикѣ законодательный вопросъ первой важности. Ватиканъ, разумѣется, не остался глухъ къ заявленію ирландскихъ епископовъ. Въ одной изъ папскихъ газетъ въ Римѣ, „Aurora“, появилась уже 9-го февраля слѣдующая дипломатическая замѣтка: „Какъ измѣнилось бы къ лучшему это положеніе дѣлъ (въ Ирландіи), еслибъ папа могъ съ увѣренностью разсчитывать, что англійское правительство внемлетъ его совѣтамъ? Еслибъ англійскіе католическіе епископы имѣли прямыя и оффиціальныя сношенія съ правительствомъ, то развѣ они не могли бы служить посредниками для возстановленія мира между обоими родственными островами путемъ справедливыхъ уступокъ?“

Нѣтъ сомнѣнія, что Ватиканъ пользуется настоящими затрудненіями въ Ирландіи, чтобы достигнуть своей завидной цѣли—согласія Англіи на учрежденіе папской нунціатуры въ Лондонѣ. Но это вопросъ второстепенный для самаго дѣла. Будетъ-ли допущенъ папскій нунцій въ Лондонъ, или не будетъ, — по всей вѣроятности, не будетъ,—католическая церковь, тѣмъ не менѣе, остается частнымъ учрежденіемъ въ Англіи, свободною церковью въ свободномъ государствѣ. Ея отношеніе къ государству въ Англіи ничѣмъ существенно не отличается отъ юридическаго положенія, занимаемаго католицизмомъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Она вполнѣ предоставлена собственнымъ матеріальнымъ и нравственнымъ средствамъ, и если ан-

Digitized by Google

глійское правительство пользуется ею для своихъ политическихъ цѣлей въ Ирландіи, то это уже его дѣло. Сама по себѣ, католическая церковь въ Англіи остается учрежденіемъ религіознымъ, къ которому государство относится такъ же безразлично, какъ и къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, за исключеніемъ, разумѣется, господствующей „высокой церкви", пользующейся огромными привилегіями и также сросшейся съ англійскимъ государственнымъ устройствомъ, какъ срослось съ ними крупное землевладѣніе. Ея исторически сложившіяся привилегіи отмѣнены пока только въ католической Ирландіи, гдѣ она представляла изъ себя искусственно вызванный наростъ на голодающемъ народномъ организмѣ.

Извѣстно, что государственная церковь Англіи учреждена парламентскимъ актомъ, передавшимъ высшую церковную власть королевѣ Елизаветѣ. Изъ 9,400 тогдашнихъ священниковъ, только 89 предпочли отказаться отъ своихъ доходовъ, чѣмъ подчиниться новой власти, къ которой перешло отъ папы и назначеніе епископовъ на вакантныя мѣста. Англиканская церковь имѣетъ въ своемъ распоряженіи, въ Англіи и Уэльсѣ, 11,728 доходныхъ духовныхъ мѣстъ, изъ которыхъ 1,144 замѣщаются короной, 1,853 — епископами и остальные—частными лицами, т.-е. дворянствомъ. Очень часто эти мѣста просто покупаются, какъ покупались прежде офицерскія мѣста въ арміи. Къ удивленію всякаго иностранца, англійскія церкви и капеллы нерѣдко построены въ видахъ спекуляціи, такъ-какъ сидѣнья въ церквахъ отдаются въ наемъ точно ложи въ театрѣ. И однако же, англиканская церковь—одна изъ самыхъ національныхъ въ мірѣ. Полная независимость и изолированность этой церкви, ея положительный, чуждый всякаго романтизма, холодный, въ нѣкоторыхъ чертахъ даже фарисейскій, характеръ (вспомните обязательное празднованіе воскреснаго дня) дѣлаютъ ее особенно симпатичной англичанину высшихъ и среднихъ классовъ. Англиканское духовенство—тѣ же джентльмены, поддерживающіе существующій хозяйственный строй и мало заботящіеся о милліонахъ пролетаріевъ. Оно имѣетъ богатую духовную литературу, отличный переводъ Библіи, который Дѣллингеръ ставитъ выше лютеранскаго, и умѣло сдѣлать ее настоящей народной книгой. Ни одно государство не употребляетъ столько капиталовъ на религіозныя цѣли, на школы, церкви и миссіи, сколько ежегодно расходуетъ ихъ Англія.

И несмотря на это, государственная церковь въ Англіи съ каждымъ годомъ теряетъ все больше и больше приверженцевъ. Ея сухое, формальное отношеніе къ религіозному чувству, ея неразрывная связь съ постоянной государственной опекой и дисциплинарная строгость заставляютъ многихъ духовныхъ лицъ переходить въ ка-

Digitized by Google

толицизмъ. Самая неопредѣленность ея ученія отталкиваетъ отъ нея многихъ. Это полу-протестантская, полу-католическая церковь, и въ настоящее время въ ней господствуютъ три различныхъ направленія, или три крупныя школы: евангелическая, или чисто-кальвинистская „низшая церковь“ (Low Church), въ послѣднее время теряющая свое значеніе; такъ-называемая „свѣтлая церковь“ (Bright Church), которую скорѣе можно назвать обществомъ духовно-родственныхъ мыслителей, чѣмъ организованной церковной партіей, но, какъ новѣйшее явленіе, замѣтно распространяется; и, наконецъ, такъ-называемая англо-католическая или „высокая церковь“ (High Church). Недовольство государственною церковью особенно сказывается въ среднихъ классахъ, гдѣ постоянно возникаютъ новыя и новыя секты. Всевозможныя христіанскія ученія, отъ радикальнаго отрицанія всѣхъ догматовъ, кромѣ крещенія и преломленія хлѣба у дарбіитовъ, до крайней приверженности къ католическимъ таинствамъ у ирвингіанъ, имѣютъ своихъ представителей въ Англіи и пользуются полною тамъ свободой. Общины строютъ или нанимаютъ сами свои церкви и сами содержатъ своихъ проповѣдниковъ, пока остаются ими довольны.

Шотландія также имѣетъ свою особую государственную церковь, которая, по своему пресвитеріанскому кальвинизму, прямо противоположна епископальной англиканской церкви. И въ Шотландіи высшая церковная власть принадлежитъ коронѣ; поэтому королева Викторія обыкновенно придерживается англиканскаго исповѣданія зимою и пресвитеріанскаго лѣтомъ, во время своего пребыванія въ Шотландіи. Кальвинизмъ шотландской церкви не допускаетъ при богослуженіи никакихъ символовъ, никакихъ литургическихъ дѣйствій. Въ церквахъ нѣтъ ни алтаря, ни органа, ни распятія, ни образовъ, ни свѣчей, и поются одни только псалмы. Съ іудейскою строгостью соблюдаютъ свой субботній день кальвинисты; даже и небольшая прогулка считается непозволительною въ воскресенье, но тѣмъ сильнѣе въ этотъ день употребленіе спиртныхъ напитковъ. Шотландская церковь, какъ и англиканская, теряетъ въ послѣднее время многихъ своихъ членовъ, пристающихъ къ другимъ исповѣданіямъ и сектамъ, менѣе суровымъ и болѣе симпатичнымъ воображенію и сердцу.

Такимъ образомъ, государственная церковь и во Франціи, и въ Англіи, переживаетъ теперь критическую пору. Поспѣшныхъ перемѣнъ въ этой области, конечно, ожидать нельзя. Но уже теперь можно предвидѣть въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ серьезное измѣненіе укоренившихся отношеній между церковью и государствомъ.

Digitized by Google

СЕЛЬСКІЙ БЫТЪ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ВЪ РОССІИ.

По поводу сочиненія кн. А. И. Васильчикова.

Самое названіе послѣдняго сочиненія князя А. Васильчикова указываетъ на важность его содержанія. По общему сознанію, мы переживаемъ весьма тяжкій періодъ въ исторіи нашего сельскаго хозяйства, породившій чуть не панику и вызвавшій административныя мѣропріятія въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ, съ многомилліонными затратами. Паника—опасное чувство: она парализуетъ разумъ, не позволяетъ видѣть существующее зло въ его дѣйствительныхъ размѣрахъ, выяснить причины его и изыскать средства какъ къ облегченію зла, такъ и къ устраненію его по возможности на будущее время. Почтенный авторъ строго логическими и вѣскими аргументами доказываетъ фальшивость понятій о положеніи нашего сельскаго хозяйства, составившихся въ правительственныхъ сферахъ и въ обществѣ на основаніи невѣрныхъ и неполныхъ данныхъ, которыя собираются мимоходомъ разными путешествующими лицами и сообщаются, по внушенію фантазіи, полуграмотными писарями. Онъ вооружается противъ привычки принимать отдѣльные случаи, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, въ основаніе шаткихъ экономическихъ теорій и обобщать свои частные и личные взгляды, возводя ихъ во всенародные вопросы. Онъ признаетъ доказаннымъ только одинъ вопросъ, именно, что нужно приступить къ основательному и послѣдовательному изслѣдованію народнаго быта и хозяйства. Вопросъ этотъ кн. Васильчиковъ отдѣляетъ отъ вопроса о цивилизаціи и политическомъ строѣ государства. „Свобода и цивилизація,—говоритъ онъ, —не имѣютъ прямого вліянія на улучшеніе народнаго хозяйства, которое вліяетъ на политику болѣе, чѣмъ послѣдняя на него“. „Безразсудно,—продолжаетъ онъ,—отрицать пользу либеральныхъ учрежденій и образованности, но ожидать отъ нихъ разрѣшенія настоящихъ замѣшательствъ, воображать, что подъ ихъ вліяніемъ низшіе классы сознаютъ яснѣе свои нужды и пользы, было бы опаснымъ самообольщеніемъ. Они скорѣе почувствуютъ усложненіе своихъ нуждъ и недостаточность средствъ для удовлетворенія ихъ. Мечты объ улучшеніи народнаго быта, посредствомъ просвѣщенія, повлекли бы къ откладыванію улучшеній до того времени, когда они сдѣлаются невозможными или крайне затруднительными“. Взглядъ этотъ въ сущности основателенъ: для облегченія кризиса въ болѣзни и устраненія опасности требуются немедленныя спеціальныя средства, не-

Digitized by Google

зависимо отъ правильной гигіены, но не слѣдуетъ терять изъ виду, что то и другое одинаково необходимо для поддержанія народнаго здравія. Притомъ истинная цивилизація имѣетъ цѣлію развитіе въ народныхъ массахъ яснаго сознанія не только своихъ пользъ и нуждъ, но въ особенности и своихъ обязанностей въ отношеніи общества и государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, развитіе матеріальныхъ и нравственныхъ силъ для исполненія этихъ обязанностей. Переходя къ средствамъ для улучшенія народнаго хозяйства и указавъ въ яркихъ чертахъ на крайнюю шаткость статистическихъ свѣдѣній по этому предмету, почтенный авторъ совѣтуетъ, прежде всего, преобразовать и устроить статистическую часть и, затѣмъ, приступить къ изслѣдованію народнаго быта и хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предлагаетъ организовать особыя учрежденія, центральное и мѣстныя, имѣющія исключительно предметомъ охраненіе хозяйственныхъ интересовъ страны и народа. Мы должны замѣтить, что на этотъ предметъ существуютъ уже земскія учрежденія, нынѣ разбросанныя на огромномъ пространствѣ Россіи, безъ всякой связи и твердой почвы подъ ними, но долженствующія, силою необходимости, объединиться въ своей дѣятельности, въ видахъ развитія и поддержанія, съ содѣйствіемъ правительства, экономическаго благосостоянія населенія. Этимъ же учрежденіямъ авторъ предполагаетъ предоставить какъ матеріальную помощь сельскимъ обществамъ посредствомъ устройства сѣмянныхъ запасовъ, мастерскихъ для выдѣлки хозяйственныхъ орудій и т. п., такъ вообще и ближайшее вліяніе на улучшеніе народнаго хозяйства и на устраненіе въ немъ разныхъ грубыхъ обычаевъ, вредныхъ для земледѣлія, какъ-то: слишкомъ частыхъ земельныхъ передѣловъ, неправильныхъ культуръ и т. д. Князь Васильчиковъ полагаетъ, что и въ настоящее время народъ уже понимаетъ необходимость нѣкоторыхъ хозяйственныхъ перемѣнъ и улучшеній, но не приступаетъ къ нимъ, ожидая указаній и распоряженій. Такое мнѣніе должно вызвать возраженія, съ одной стороны, поборниковъ абсолютной самостоятельности сельскихъ общинъ, а съ другой — недоброжелателей земства; но люди, не засѣдавшіе постоянно за письменными столами въ столицѣ, а стоявшіе близко къ народу, на мѣстѣ его жизни и дѣятельности, должны признать, что нынѣ въ особенности, въ виду наступившаго экономическаго кризиса, земство, какъ уполномоченный представитель всѣхъ заинтересованныхъ въ немъ классовъ населенія, обязано принять на себя иниціативу всѣхъ необходимыхъ улучшеній въ народномъ хозяйствѣ и руководство по осуществленію ихъ. Отъ него, конечно, зависитъ пріобрѣсти своею разумною дѣятельностью то нравственное вліяніе, которое требуется для приданія жизненной силы подобнымъ

Digitized by Google

мѣропріятіямъ среди народныхъ массъ. Мы видѣли нерѣдкіе примѣры, что такимъ авторитетомъ земство пользовалось и доселѣ, несмотря на крайнюю шаткость своего положенія, оказываемое ему недовѣріе администраціи и ограниченность своего круга дѣйствій. Но слава Богу, то время прошло, когда состоялось въ 1869 году положеніе комитета министровъ (доселѣ, впрочемъ, не отмѣненное), по которому спустя едва четыре года, по изданіи манифеста покойнаго Государя о предоставленіи земскимъ учрежденіямъ ближайшаго завѣдованія хозяйственными пользами и нуждами населенія, русское земство было изъято изъ числа государственныхъ учрежденій и причислено къ частнымъ компаніямъ, въ фискальныхъ видахъ увеличенія почтоваго сбора. Было бы излишне возвращаться къ этому печальному періоду исторіи земства, имѣвшему еще болѣе печальныя послѣдствія, но мы находимъ справедливымъ признать, что съ тѣхъ поръ и доселѣ, земство, стѣсненное въ денежныхъ средствахъ, затрудняемое непрерывными народными бѣдствіями и недовѣріемъ правительства, не находило ни твердой почвы, ни необходимаго простора для плодотворной дѣятельности, а потому взводимое на него обвиненіе въ неспособности заправлять народнымъ хозяйствомъ легкомысленно и въ настоящее время неумѣстно. Русское земство представляетъ собою, среди государственныхъ учрежденій, достаточно прочный фундаментъ для дальнѣйшей дѣятельности, и близко соприкасаясь съ народными массами, о благосостояніи которыхъ оно обязано закономъ и силою вещей преимущественно заботиться, оно должно необходимо имѣть матеріальное и нравственное вліяніе на развитіе и улучшеніе народнаго экономическаго быта. Такимъ образомъ, осуществленіе скромныхъ предположеній кн. Васильчикова въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, не только не должно бы встрѣтить препятствій, но имъ бы слѣдовало придать болѣе обширный размѣръ. Касательно порядка собиранія свѣдѣній о народномъ хозяйствѣ, почтенный авторъ дѣлаетъ чрезвычайно дѣльныя и полезныя указанія. Онъ мѣтко обозначаетъ тѣ признаки, которые даютъ довольно вѣрное понятіе о благосостояніи, недостаткѣ средствъ и нуждахъ каждаго семейства въ крестьянскомъ быту, и на основаніи этихъ признаковъ предлагаетъ составить подворные списки сельскихъ обывателей по волостямъ, подъ контролемъ земскихъ управъ, а изъ нихъ общія вѣдомости, съ раздѣленіемъ крестьянъ зажиточныхъ, недостаточныхъ и неимущихъ на три разряда: высшій, средній и низшій. Мы должны сказать, что необходимость заставила уже земскія управы, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Россіи, пораженныхъ неурожаями, составлять подобные, но менѣе полные, подворные списки крестьянскихъ семей, при раздачѣ имъ пособій.

Digitized by Google

Списки эти, обозначавшіе число рабочихъ душъ, скота, и количество десятинъ надѣла каждой крестьянской семьи, провѣренные членами управы на мѣстѣ, при сельскомъ сходѣ, принесли въ данномъ случаѣ значительную пользу. Нѣтъ сомнѣнія, что немедленное и повсемѣстное введеніе предлагаемыхъ княземъ Васильчиковымъ подворныхъ списковъ, подъ контролемъ земскихъ управъ, должно дать прочное основаніе правительственной и земской статистикѣ, которая, въ свою очередь, облегчитъ какъ изслѣдованіе дѣйствительнаго положенія народнаго сельскаго хозяйства, такъ и принятіе необходимыхъ мѣръ вспомоществованія нуждающемуся населенію, въ чемъ встрѣчается непрерывно настоятельная надобность. Прежде, чѣмъ улучшать, говоритъ авторъ, надо упрочить поземельное хозяйственное состояніе народныхъ массъ и противодѣйствовать по возможности тѣмъ причинамъ и случайнымъ дѣйствіямъ, которыя заставляютъ ежегодно нѣсколько тысячъ крестьянъ бросать свои земли и земледѣліе. Съ этою цѣлію онъ совѣтуетъ организовать народный кредитъ и народную помощь, разумѣя подъ первымъ заимообразныя пособія, въ видѣ ссудъ денежныхъ и хлѣбныхъ, или страхованія имуществъ, а подъ второю—безплатное общественное призрѣніе. Народный кредитъ, по мнѣнію автора, долженъ быть организованъ для недостаточныхъ крестьянъ, въ видахъ предохраненія ихъ отъ полнаго разоренія вслѣдствіе несчастныхъ случайностей, а народная помощь должна имѣть въ виду разоренныхъ, безземельныхъ крестьянъ и поддерживать ихъ существованіе посредствомъ даровыхъ пособій натурою и деньгами, на счетъ общества, земства и государства. Противъ этихъ предположеній нельзя ничего возразить, кромѣ того только, что народная помощь потребуетъ огромныхъ затратъ, если не будетъ развита въ населеніи самопомощь, т.-е. самостоятельная дѣятельность, которая поможетъ ему лучше, чѣмъ даровое пособіе, во всякой бѣдѣ и не допуститъ его до полнаго разоренія и нищенскаго состоянія. Этотъ важный предметъ былъ уже всесторонне разработанъ княземъ Васильчиковымъ въ его прекрасной книгѣ „О самоуправленіи“, которая встрѣтила общее одобреніе, но, къ сожалѣнію, не была достаточно принята къ руководству со стороны правительственныхъ и земскихъ дѣятелей, которые съ тѣхъ поръ истратили громадныя суммы на вспомоществованія крестьянамъ. Допуская пользу и необходимость пособій отдѣльнымъ семействамъ, недостаточнымъ и неимущимъ, почтенный авторъ признаетъ несбыточною мечтой всякія мѣропріятія, стремящіяся къ обезпеченію продовольствія народныхъ массъ, цѣлыхъ сословій или цѣлыхъ селеній, по причинамъ, возникающимъ изъ естественныхъ затрудненій, именно: свѣдѣнія о неурожаѣ поступаютъ слишкомъ поздно, въ половинѣ лѣта, мѣры приня-

Digitized by Google

ваются слишкомъ поспѣшно, заготовка и доставка большихъ запасовъ хлѣба къ пристанямъ и желѣзнымъ дорогамъ затруднительна, такъ-какъ крестьяне заняты полевыми работами, а въ глубокую осень—по случаю распутицы; наконецъ, перевозка крестьянами хлѣба въ отдаленныя мѣстности тяжела и часто невозможна. Мы можемъ возразить, что въ огромномъ большинствѣ губерній хлѣбные рынки существуютъ на мѣстѣ и не требуютъ со стороны покупателей большихъ передвиженій; притомъ, благодаря пароходнымъ и желѣзно-дорожнымъ сообщеніямъ, доставка хлѣба изъ другихъ мѣстностей въ нуждающіяся селенія значительно облегчена въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ, всего чаще страдающихъ отъ неурожаевъ; наконецъ, когда крестьянамъ нечего ѣсть или сѣять, они никогда не затрудняются съѣздить за хлѣбомъ и въ рабочее время, лишь бы его приготовили. Но не оспоривая важности указанныхъ авторомъ затрудненій, мы, тѣмъ не менѣе, полагаемъ, что отнюдь не слѣдуетъ останавливаться передъ ними, когда необходимость вызываетъ помощь въ обширныхъ размѣрахъ, когда не только цѣлыя селенія, волости и уѣзды, но и цѣлыя губерніи, вслѣдствіе послѣдовательныхъ неурожаевъ, падежей скота, болѣзней, нашествія истребляющихъ хлѣбъ насѣкомыхъ и другихъ бѣдствій, подвергаются очевидной опасности полнѣйшаго разоренія и даже голода; когда, наконецъ, списки только тѣхъ семействъ, которымъ самъ авторъ рекомендуетъ оказывать помощь заимообразно или безплатно, т.-е. недостаточныхъ и неимущихъ, достигнутъ такихъ огромныхъ размѣровъ, что помощь потребуется уже не отдѣльнымъ семействамъ, а цѣлому населенію данной мѣстности. Въ такихъ бѣдственныхъ случаяхъ, повторяющихся слишкомъ часто, несбыточная мечта, силою необходимости, должна сдѣлаться фактомъ, при условіи свободной, энергической дѣятельности земства, съ содѣйствіемъ правительства, и при разумномъ распредѣленіи пособій; а этому, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ значительно способствовать какъ предложенныя авторомъ мѣры, т.-е. статистика крестьянскихъ хозяйствъ и заблаговременная организація народнаго кредита и народной помощи, такъ и правильное устройство запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, подъ строгимъ контролемъ земскихъ управъ. Въ числѣ необходимыхъ мѣръ улучшенія народнаго хозяйства, авторъ указываетъ на тѣ, которыя наиболѣе практичны и осуществимы, именно: кромѣ устройства сѣмянныхъ запасовъ, мастерскихъ для хозяйственныхъ орудій и народнаго кредита, а также введенія новыхъ культуръ, сообразно мѣстнымъ условіямъ, еще—лѣсонасажденіе и осушеніе болотъ. „Если этотъ перечень не полонъ,—говоритъ авторъ,—то его можно и дополнить, но надо выдти изъ круга праздныхъ и общихъ разсужденій, въ которомъ вращаются наше за-

Digitized by Google

конодательство и образованное общество, постоянно развлекаемыя въ разныя стороны шаткими и сбивчивыми предположеніями". Мы полагаемъ, что къ указаннымъ выше мѣрамъ необходимо причислить еще орошеніе полей въ тѣхъ мѣстностяхъ южныхъ и юго-восточныхъ губерній, наиболѣе страдающихъ отъ засухъ, гдѣ это представляется возможнымъ по близкому сосѣдству рѣкъ и обильныхъ родниковъ. Орошеніе было бы нынѣ наиболѣе осуществимымъ улучшеніемъ сельскаго хозяйства въ означенныхъ мѣстностяхъ, такъ-какъ оно быстро вознаградило бы издержки и труды урожаями и возвышеніемъ цѣнъ на земли, нынѣ упавшихъ на огромныхъ пространствахъ въ этихъ мѣстностяхъ до 25 р. и менѣе за десятину. Наконецъ, распространеніе здравыхъ сельско-хозяйственныхъ познаній среди населенія, всѣми способами, научными и практическими, было бы также необходимо. Мы рекомендуемъ читателямъ прекрасную главу о значеніи настоящаго экономическаго кризиса въ Россіи, который разъясняется съ замѣчательною логикой и признается авторомъ не разореніемъ, а только временнымъ, но очень тяжелымъ и роковымъ кризисомъ, вызваннымъ тѣмъ, что у насъ наступилъ тотъ же неизбѣжный переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ, тотъ же моментъ перехода отъ экстенсивной культуры къ интенсивной, какой уже пережила благополучно Европа, благодаря успѣхамъ просвѣщенія, а у насъ не хватаетъ на то ни матеріальныхъ, ни умственныхъ силъ. Къ этому надо прибавить еще тяжкія затрудненія, происходящія отъ естественныхъ, климатическихъ причинъ и случайныхъ бѣдствій. Мы обращаемъ также вниманіе читателей на двѣ главы, относящіяся къ безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянамъ. Авторъ выясняетъ уже разработанный имъ въ книгѣ „О землевладѣніи въ Россіи" вопросъ о количествѣ средняго земельнаго надѣла, необходимаго для пропитанія крестьянской семьи и уплаты повинностей, и указываетъ на причины частыхъ отказовъ крестьянъ отъ земли, именно: а) несоразмѣрность поземельныхъ окладовъ съ производительностью и доходностью земель, и б) недостатокъ земли. Для противодѣйствія этому злу, кн. Васильчиковъ предлагаетъ двѣ мѣры: облегченіе поземельныхъ сборовъ въ одной полосѣ и переселеніе въ другой, т.-е. гдѣ у крестьянъ недостаетъ земли. Въ главѣ „о переселеніи и колонизаціи" авторъ рекомендуетъ правительству и земству направить ихъ совмѣстныя дѣйствія къ выселенію жителей изъ наиболѣе населенныхъ мѣстностей и къ прочному водворенію ихъ на новыхъ мѣстахъ, для чего учредить на главныхъ трактахъ переселеній особыя колоніальныя конторы, которыя служили бы посредствующими органами между земскими управами тѣхъ уѣздовъ, откуда жители выселяются, и тѣхъ, куда они переселяются. Мы замѣтимъ, что необходимость облегченія

Digitized by Google

крестьянскихъ повинностей была признана еще покойнымъ Государемъ, который постоянно заботился о благѣ своего народа. По волѣ Его, этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ въ 1871 году всѣми земствами, которыя тогда единогласно постановили отмѣнить подушную подать и переложить ее на общій сборъ со всѣхъ сословій, но затѣмъ, какъ извѣстно, особый политическій комитетъ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго шефа жандармовъ, графа П. А. Шувалова, куда были переданы на предварительное разсмотрѣніе постановленія земства, нашелъ осуществленіе ихъ, неизвѣстно почему, неудобнымъ для правительства. Въ послѣднее время настоящій вопросъ былъ поднятъ вновь, и, вѣроятно, получитъ скорое разрѣшеніе. Что касается переселенія безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ на свободныя земли, то пользу и необходимость его могутъ отрицать только такіе ученые профессоры, какъ гг. Чичеринъ и Герье, которые, на основаніи своихъ кабинетныхъ умозаключеній и классическихъ познаній, находятъ подобное переселеніе чуть не преступнымъ соціализмомъ. Ревизія оренбургской и уфимской губерній должна показать, былъ ли полезенъ для государства существовавшій порядокъ раздавать свободныя казенныя земли чиновникамъ вмѣсто крестьянъ-земледѣльцевъ. Въ послѣдней главѣ „объ организаціи хозяйственнаго управленія въ Россіи“, авторъ рисуетъ яркими чертами неопредѣленность и недосказанность положенія о земскихъ учрежденіяхъ, которое, по мысли составителя, требовало по всѣмъ статьямъ дальнѣйшаго дополненія и разъясненія, но въ концѣ-концовъ, послѣ пятнадцатилѣтней ихъ дѣятельности, осталось программой самаго обширнаго объема и очень шаткаго содержанія; причемъ, самый положенный Высочайшею волею въ основаніе земскихъ учрежденій принципъ, т.-е. обязанность завѣдывать дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ мѣстнаго населенія, послужилъ источникомъ безконечныхъ недоразумѣній и пререканій между земствомъ и правительствомъ. Почтенный авторъ полагаетъ совершенно основательно, что только совмѣстныя дѣйствія и взаимная помощь правительства и земства могутъ обезпечить благосостояніе и подвинуть впередъ нравственную и матеріальную культуру народа, но такія дѣйствія и помощь должны быть точно опредѣлены въ законѣ, а размѣръ и условія ихъ ясно указаны. Хозяйственная часть внутренняго земскаго управленія, по мнѣнію автора, должна быть строго разграничена отъ распорядительной административной части, а если такое разграниченіе окажется неудобнымъ по нѣкоторымъ предметамъ, напр., по дѣламъ о народномъ образованіи, народномъ здравіи и т. п., то лучше предоставить мѣстнымъ учрежденіямъ полную самостоятельность въ ограниченномъ кругу дѣйствій, чѣмъ ограниченное участіе

Digitized by Google

въ общемъ управленіи. Мы не совсѣмъ ясно схватываемъ послѣднюю мысль автора, но полагаемъ во всякомъ случаѣ, что русское земство, по самому принципу, и кругу дѣйствій возложенныхъ на него обязанностей и заботъ о народномъ хозяйствѣ, должно быть государственнымъ хозяйственно-распорядительнымъ учрежденіемъ или вовсе не быть. При точномъ опредѣленіи обязанностей и круга дѣйствій правительства и земства и при взаимномъ довѣріи ихъ, предоставленіе земству необходимой самостоятельности и расширеніе его дѣятельности не могутъ вызвать между ними никакихъ недоразумѣній и пререканій, которыя возникали доселѣ столько же отъ неясности земскаго положенія, сколько отъ неумѣлости администраторовъ и въ особенности отъ рѣзко высказывавшагося недовѣрія и даже пренебреженія къ земству и его дѣятельности. Тамъ, гдѣ земство встрѣчало искреннюю поддержку со стороны администраціи, отношенія ихъ были вполнѣ удовлетворительны и дѣла шли несравненно лучше.

Дѣлая этотъ краткій очеркъ новой книги князя Васильчикова, мы, по необходимости, не касались многихъ чрезвычайно интересныхъ и назидательныхъ подробностей и старались только дать понятіе о содержаніи и значеніи этого замѣчательнаго сочиненія, которое, какъ и всѣ произведенія пера почтеннаго автора, должно занять видное мѣсто въ русской литературѣ. Мы должны прибавить, что книга кн. Васильчикова о сельскомъ бытѣ и хозяйствѣ въ Россіи написана сжато, но весьма рельефно, и съ глубокимъ знаніемъ предмета. Серьёзная публика и особенно лица, прикосновенныя къ сельскому народному хозяйству по занятіямъ или служебнымъ своимъ обязанностямъ, прочтутъ настоящую книгу съ интересомъ и вниманіемъ, котораго она вполнѣ заслуживаетъ. Силою здраваго смысла и практическаго знанія она устраняетъ много существующихъ заблужденій и освѣщаетъ важные вопросы, доселѣ весьма недостаточно изслѣдованные.

Ф. Мигринъ.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е іюня, 1881.

I.

— О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. *Н. Ф. Сумцова.* Харьковъ, 1881.

Эта книга состоитъ изъ изслѣдованій миѳологическихъ и этнографическихъ; въ настоящей замѣткѣ мы будемъ говорить только о послѣднихъ.

Этнографическія изслѣдованія рѣдко гдѣ представляютъ столько трудностей, какъ у насъ въ Россіи. Эти трудности—не говоря о внѣшнихъ неудобствахъ изученія—обусловливаются многочисленностью русскаго племени, разнообразіемъ его обычаевъ, и разбросанностью этнографическихъ матеріаловъ въ провинціальныхъ изданіяхъ. Трудности эти усугубляются еще тѣмъ, что мы живемъ въ переходное время, когда, подъ вліяніемъ измѣненія условій жизни, старые народные обычаи, суевѣрія, преданія исчезаютъ. Вліяніе отмѣны крѣпостного права, проникновенія въ деревню разныхъ привычекъ и обычаевъ городской жизни, развитія въ послѣднее время заводско-фабричной дѣятельности и проведенія желѣзныхъ дорогъ, сказываются въ нашемъ народѣ все болѣе и болѣе. Кромѣ этихъ факторовъ, оказываютъ свое дѣйствіе и другіе, менѣе важнѣе. Г. Нефедовъ въ своемъ любопытномъ очеркѣ поѣздки по Волгѣ и ея притокамъ приводитъ примѣръ исчезновенія въ народѣ вѣры въ лѣшихъ подъ вліяніемъ вырубки лѣсовъ. Когда онъ спросилъ одного крестьянина, водятся ли у нихъ лѣшіе, то крестьянинъ отвѣчалъ, что прежде много водилось, а теперь что-то не слышно стало: жить негдѣ—лѣса вырубили. Прослѣдить измѣненія въ народныхъ обычаяхъ, понятіяхъ, даже самыхъ чувствахъ, можно въ образцахъ народной поэзіи позднѣйшаго происхожденія. При такихъ измѣненіяхъ трудъ этнографа крайне усложняется. Уяснить и опредѣлить, *какіе* народные обычаи и поэтическія произведенія стараго времени исчезли, смѣнясь новыми,

Digitized by Google

возможно только при близкомъ изученіи самыхъ обычаевъ и новѣйшей провинціальной литературы по этнографіи. Послѣдняя работа нѣсколько облегчается „Литературою русской географіи, статистики и этнографіи", составляемою г. Межовымъ и издаваемою географическимъ обществомъ.

Въ виду всего этого, пользоваться въ настоящее время трудами Терещенка, Снегирева и Сахарова, относить то, что̀ заключается въ этихъ трудахъ, къ *настоящему* времени было бы грубою ошибкою. Мы уже не говоримъ о томъ, что труды эти не вполнѣ заслуживали довѣрія нѣкоторыхъ спеціалистовъ и въ прежнее время [1]). Между тѣмъ, сочиненія Терещенка, Снегирева и Сахарова для нашихъ этнографовъ служатъ и *теперь* краеугольными камнями: на нихъ они все еще опираются въ своихъ изслѣдованіяхъ, мало обращая вниманія на новѣйшую провинціальную литературу.

Г. Сумцовъ не составляетъ исключенія изъ числа такихъ этнографовъ. Тэмой своего сочиненія онъ взялъ важный и интересный вопросъ о свадебныхъ обрядахъ, *преимущественно русскихъ*. Замѣтивъ въ началѣ предисловія къ своей диссертаціи о важномъ научномъ значеніи, придаваемомъ со времени И. М. Снегирева археологами, этнографами, историками быта и историками литературы свадебнымъ пѣснямъ и обрядамъ, авторъ далѣе указываетъ на отсутствіе у насъ спеціальнаго изслѣдованія, въ которомъ русская свадьба была бы разсмотрѣна въ подробностяхъ и было бы указано внутреннее единство ея составныхъ частей. „Отсутствіе научныхъ работъ о свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ, замѣчаетъ авторъ, объясняется подавляющимъ обиліемъ тѣхъ и другихъ, и ихъ крайнимъ разнообразіемъ". Автора, какъ видно, это „подавляющее обиліе" не смутило, и онъ, не въ примѣръ другимъ, взялся разсмотрѣть разныя стороны свадебнаго ритуала. Далѣе онъ замѣчаетъ, что „постарается опредѣлить главнѣйшія особенности древне-славянской свадьбы, которыя имѣли мѣсто до раздѣленія славянскаго племени на отдѣльные народы и въ большихъ или меньшихъ обломкахъ сохранились у славянскихъ народовъ *до сего* времени"...

---

[1]) Вотъ что говорится о Терещенкѣ въ статьѣ „Великорусская народная поэзія", помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы" за 1872 г. (№ 2): „А. В. Терещенко былъ добросовѣстный, почтенный и ревностный собиратель, но неосторожный и довѣрчивый; мы сами могли, по личному опыту, убѣдиться въ этомъ". Подобное замѣчаніе авторъ статьи дѣлаетъ также и относительно Снегирева и Сахарова. О послѣднемъ авторъ сообщаетъ, что онъ остался очень недоволенъ и даже разгнѣвался, когда ему выразили убѣжденіе въ очевидной поддѣлкѣ одной былины объ Андреѣ Боголюбскомъ, которую онъ принялъ за народную и притомъ старой редакціи. Поэтому авторъ статьи признаетъ труды Сахарова такими, которымъ не слѣдуетъ слишкомъ довѣряться.

Digitized by Google

Для того, чтобы опредѣлить особенности древне-славянской свадьбы, сохранившіяся „до сего времени", необходимо имѣть въ виду, во-1-хъ, древніе источники, во-2-хъ, болѣе или менѣе современные, характеризующіе свадебные обычаи настоящаго времени. Относительно первыхъ нужно замѣтить, что ихъ весьма мало, да и тѣми, какіе есть (напримѣръ, лѣтописью Нестора), авторъ воспользовался не вполнѣ. Что же касается вторыхъ, то авторъ ими, за исключеніемъ трехъ-четырехъ, не располагалъ. У него были преимущественно источники 40-хъ, 50-хъ и частію 60-хъ годовъ. Въ числѣ ихъ, одну изъ главныхъ ролей игралъ, конечно, трудъ Терещенка. Интересно, что труду этого послѣдняго, какъ и другимъ старымъ сочиненіямъ, авторъ придаетъ именно *современное* значеніе, т.-е. повторяетъ ошибку, на которую мы указали выше. Странно утверждать о существованіи обычаевъ, опираясь на сочиненія, вышедшія 20 — 30 лѣтъ и болѣе назадъ. Мѣстныя изданія, хотя и являются у г. Сумцова въ числѣ источниковъ, но и они, за исключеніемъ трехъ-четырехъ, относятся ко временамъ болѣе или менѣе отдаленнымъ. Видно, что авторъ пользовался только тѣми изъ провинціальныхъ изданій, которыя ему случайно попались подъ руку. Зато изъ „новѣйшихъ" сочиненій у него фигурируютъ ильинскіе „Народы Россіи" и „Отечествовѣдѣніе" Семенова. Но этими послѣдними изданіями позволительно пользоваться только развѣ школьникамъ.

Характеромъ источниковъ, которыми пользовался авторъ, опредѣляется и характеръ его диссертаціи. Не пользуясь должнымъ образомъ древними источниками и не вполнѣ новѣйшими, авторъ многихъ сторонъ брачныхъ обычаевъ не могъ освѣтить, какъ бы слѣдовало. Объ „умыканіи" невѣсть, напримѣръ, г. Сумцовъ даетъ свѣдѣнія, крайне скудныя и притомъ далеко неправильныя. О древнихъ формахъ умыканія онъ замѣчаетъ только по лѣтописи голый фактъ умыканія „у воды". Затѣмъ слѣдуетъ, видимо, попавшій автору случайно подъ руку, разсказъ о фактѣ насильственнаго захвата невѣсты, бывшемъ въ Тамбовской губерніи въ 1815 году, причемъ дѣвушка подверглась истязанію, была чѣмъ-то опоена и обвѣнчана въ безсознательномъ состояніи.

Какъ приведенныя авторомъ слова изъ лѣтописи („умыкиваху у воды дѣвица"), такъ и этотъ разсказъ указываетъ на одинъ способъ умыканія—насильственный Между тѣмъ, въ древности существовало умыканіе и по обоюдному согласію жениха и невѣсты. Умыканіе насильственное, по свидѣтельству лѣтописца, существовало у древлянъ, жившихъ „звѣринскимъ" обычаемъ: они умыкали дѣвицъ у воды, пользуясь, быть можетъ, тѣмъ временемъ, когда онѣ выхо-

Digitized by Google

дили на рѣку за водой [1]). Но у радимичей, вятичей и сѣверянъ, стоявшихъ на болѣе высокой ступени развитія, умыкали на игрищахъ, *съ нею же кто съвѣщашеся*, т.-е. по предварительному уговору. Выраженіе лѣтописи прямо указываетъ на то, что похищеніе устраивалось по обоюдному соглашенію брачущихся [2]). Г. Сумцовъ на эту форму умыканія почему-то не обратилъ вниманія, остановясь исключительно на другой насильственной, существовавшей у древлянъ.

Что касается случая въ 1815 г., разсказаннаго г. Сумцовымъ, то онъ относится просто къ уголовной хроникѣ и отнюдь не можетъ служить къ характеристикѣ „умыканія“ невѣстъ. Подобнаго рода факты возможны, какъ исключенія, въ каждой странѣ. И авторъ могъ бы даже привесть болѣе свѣжій случай насильственнаго похищенія невѣсты, просматривая наши газеты. Въ „Новомъ Времени“ былъ, напримѣръ, сообщенъ недавно такой случай, бывшій въ шильдской волости, вытегорскаго уѣзда.

Важную роль у насъ играютъ не насильственныя похищенія, а похищенія по взаимному согласію. Г. Сумцовъ ихъ совершенно забываетъ, какъ забываетъ подобную форму похищенія и въ древней Руси; между тѣмъ, браки, устраиваемые при помощи похищенія невѣсты, распространены у насъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи. Въ вологодской губ. существуютъ „самохотки“: если жениху приглянется невѣста и если она сама изъявитъ на то согласіе, то женихъ похищаетъ ее, хотя бы ея родители были противъ брака [3]). Подобнаго рода похищеніе невѣстъ существуетъ и въ нижегородской губерніи, гдѣ самохотки носятъ названіе „самокрутокъ“ [4]). Самокрутки распространены въ семеновскомъ, макарьевскомъ и балахнинскомъ уѣздахъ, а также и въ симбирской [5]) и ярославской губерніяхъ [6]). Въ псковской губ., „избравши себѣ по-сердцу невѣсту и заручившись ея согласіемъ на бракъ, парень проситъ ее пода-

---

[1]) Такое объясненіе даетъ г. Буслаевъ, ссылаясь на слѣдующія мѣста малороссійскихъ пѣсенъ: „годовала“ (ростила, т.-е. мать) себѣ дочку для своей пригоды, щобъ принесла изъ криныци (ключа, колодезя) холодной воды“.

[2]) Г. Азаревичъ въ ст. „Русскій бракъ“ (Журн. гр. и уг. пр. 1880, кн. V, стр. 92) отрицаетъ существованіе умыканія съ согласія невѣсты, но приводимые имъ доводы не согласуются съ прямыми указаніями лѣтописи.

[3]) Замѣтки о свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ въ Вологодской губ.“ г. *Потоса* въ „Изв. Имп. Об-ва любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи“, т. XIII, вып. 1-й.

[4]) „Обзоръ этнографическихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ пяти томахъ „Нижегородскаго Сборника“ *В. Ѳ. Кудрявцева*, тамъ же, т. XXVIII.

[5]) Симбирская Земская газета 1877 г., № 49.

[6]) *Ѳ. Д. Нефедова*: „Этнографическія наблюденія по Волгѣ и ея притокамъ“, тамъ же, т. XXVIII.

Digitized by Google

рить его чѣмъ-нибудь, хоть платкомъ, какъ-бы въ залогъ ея вѣрности и согласія. Здѣсь же, или въ другомъ мѣстѣ, они сговариваются: откуда способнѣе можно *увезти* невѣсту, съ супрядки ли (посидѣлокъ), или она должна въ условный часъ и въ условномъ мѣстѣ ожидать жениха, который обѣщаетъ пріѣхать за нею. Бываетъ, что, придя на *игрище* по условію, женихъ, подъ видомъ катанья, беретъ и уводитъ оттуда невѣсту свою, если не предполагается погони" [1]). Въ олонецкой губ. въ каргопольскомъ у., заключаются браки „уводомъ", представляющимъ также похищеніе невѣсты. Особую форму составляютъ браки „убѣгомъ", существующіе въ шадринскомъ у. пермской губ.: въ этомъ случаѣ невѣста сама убѣгаетъ къ жениху. Дѣлается это въ тѣхъ случаяхъ, когда родители невѣсты бѣдны и не могутъ взять на себя всѣхъ установленныхъ обычаями празднествъ, угощеній, подарковъ и т. п.

Приведенные факты достаточно ясно показываютъ, что браки при помощи похищенія невѣстъ у насъ распространены значительно. Нужно прибавить, что мы пользовались лишь тѣмъ матеріаломъ, который былъ у насъ подъ рукою; если же заняться вопросомъ спеціально и перебрать мѣстныя изданія, то, несомнѣнно, обычай похищать невѣстъ представится еще болѣе распространеннымъ.

Похищеніе невѣстъ по обоюдному согласію, существующее теперь, весьма сходно съ умыканіемъ въ древнемъ русскомъ быту.

Другая форма—купля невѣсты разсматривается авторомъ хотя и полнѣе, но все-таки такимъ образомъ, что должнаго понятія о ней не получается. Въ шадринскомъ у. пермской губерніи, когда свадьба устраивается „добромъ", а не „убѣгомъ", просватанная невѣста требуетъ отъ женихова отца „запросъ" (отъ 3 до 30 р.). Въ другихъ мѣстахъ (напр., въ лукояновскомъ у., нижегородской губ.) отцы жениха и невѣсты условливаются между собою о томъ, сколько невѣста должна получить „выводу", т.-е. денегъ и платья. Въ моложскомъ у., ярославской губ. существуетъ обычай платить за невѣсту „выводъ", количество котораго опредѣляется отцомъ невѣсты, смотря по достаткамъ жениха. Въ каширскомъ уѣздѣ, тульской губ., такая плата носитъ названіе клажи или кладки. Даль въ своемъ „Толковомъ словарѣ" (2 изд., т. 2, стр. 115) говоритъ, что кладка существуетъ въ восточныхъ губерніяхъ. Выводъ и кладку онъ уподобляетъ татарскому калыму [2]). Объ этомъ въ изслѣдованіи Сумцова мы

[1]) „Псковскій статистич. сборникъ" на 1871 г., стр. 105.

[2]) Авторъ „Современной глуши", г. Назарьевъ, указываетъ на болѣе и болѣе распространяющійся обычай кладки. Появленіе кладки въ быту бывшихъ крѣпостныхъ относится, по его словамъ, ко времени послѣ 19 февраля 1861 г. и было заимствовано отъ вольныхъ крестьянъ. Положеніемъ 19 февраля уменьшено число ра-

Digitized by Google

ничего не находимъ. Всѣ свадебные обряды, относящіеся къ куплѣ невѣсты, онъ подводитъ подъ 1) сватовскую формулу: „у васъ товаръ, у насъ купецъ“, 2) пропой невѣсты, 3) продажу косы, 4) прикосновеніе къ челу невѣсты серебряной монеты, 5) осмотръ невѣсты, какъ товара, 6) выкупъ мѣста около невѣсты или ея сундука женихомъ, 7) рукобитье, 8) подмѣнъ невѣсты и 9) соединеніе рукъ брачущихся. О выводѣ, такимъ образомъ, ничего не оказывается. Да и перечисленные обряды разсмотрѣны вскользь. О пропоѣ невѣсты приводится выдержка изъ пѣсни Угорской Руси, но не дѣлается ни одной выдержки изъ великорусскихъ пѣсенъ. Между тѣмъ, на пропой невѣсты указываютъ очень многія пѣсни.

Въ одной пѣснѣ (новгородской губ.), напр., говорится:

Пропила меня, родима матушка,
Что за винную за чарочку.

Въ другой (тверской губ.):

Что были за гости, да пріятели?
Пропилъ ты меня, родный батюшка,
За стаканъ пива пьянаго,
За рюмку вина зеленаго;
Продумалъ ты меня, родный батюшка,
Продалъ въ чужіе люди,
Въ чужіе люди, незнакомые.

На все это авторъ не обратилъ довольно вниманія, ограничась ссылками на ильинскіе „Народы Россіи“ и „Москвитянинъ“ 1842 г.

Разсматривая куплю невѣсты, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „родительскій произволъ царствуетъ еще неограниченно“ (стр. 25). Это несправедливо. Распространенность самокрутокъ и самохотокъ указываетъ, что рядомъ съ свадьбами, заключаемыми по волѣ родителей, существуетъ во многихъ мѣстахъ и заключеніе браковъ по взаимному соглашенію жениха и невѣсты. На свободу выбора указываютъ и нѣкоторыя пѣсни. Въ одной пѣснѣ мать говоритъ своей дочери:

бочихъ дней женщинъ, а такъ-какъ „каждый человѣкъ хочетъ пожить на Божьемъ свѣтѣ какъ можно пріятнѣе“, то „что же удивительнаго и въ томъ, что при нежданной, словно съ неба свалившейся, уступкѣ, наша крестьянка, ничего хорошенько не понимая, не соображая, какъ и почему это сдѣлалось, поспѣшила воспользоваться этой уступкой, и, въ то же время, нѣсколько разогнувъ свой горбъ и заливаясь благимъ матомъ въ весенникъ хороводахъ, возмечтала о болѣе пріятномъ,—о красныхъ сарафанахъ и платьяхъ, неизвѣстно почему названныхъ „турецкими“. Это-то естественное желаніе имѣть цвѣтные сарафаны и турецкіе платки, вмѣсто бывшихъ, намоливших глаза [illegible]мотканныхъ, и *вызвало кладку*, размѣры которой, увеличиваясь все болѣе и болѣе, на первомъ же шагу подрываютъ согласіе молодой четы несмолкаемыми упреками, ожидающими молодую,—упреками, нерѣдко оканчивающимися полнымъ разладомъ“. „Вѣстникъ Европы“ 1872 г., № 2, стр. 613.

Digitized by Google

Выбирай-ко, мое дитятко,
Изъ чиновъ-то ты чиновника,
Изъ боляръ-то ты боярина,
Изъ приказныхъ-то приказнова, и пр.

Договорное заключеніе брака [1]) разсматривается равнымъ образомъ въ самыхъ общихъ чертахъ.

Разсмотрѣнію формъ полученія невѣстъ посвящены первыя 35 страницъ книги. Далѣе слѣдуетъ разсмотрѣніе различныхъ брачныхъ обрядностей, которымъ авторъ даетъ преимущественно миѳологическое толкованіе.

Такъ, онъ разсматриваетъ небесные браки (неба съ землею, солнца съ землею, солнца съ мѣсяцемъ и т. д.), участіе небесныхъ свѣтилъ въ устроеніи человѣческихъ браковъ, время совершенія свадьбы, черты небеснаго брака въ бракѣ человѣческомъ, свадебные символы солнца, грома, дождя, обрядовое купанье молодыхъ, свадебныя жертвоприношенія животныхъ и хлѣба, обрядовое употребленіе соли, жертвенныя возліянія, посвященіе волосъ, обрядовое покрываніе головы невѣсты, музыку и танцы, молитвы религіозныя и бытовыя пѣсни, значеніе растительнаго царства въ свадебныхъ обрядахъ, обрядовое употребленіе сѣна и соломы, домъ и его части въ свадебныхъ обрядахъ, обрядовое употребленіе стола, вѣника и сора и, наконецъ, одежды молодыхъ.

Разъясненія значенія того или другого обряда, дѣлаемыя авторомъ, часто любопытны, но неравномѣрны. Такъ, употребленіе рушниковъ (относимыхъ имъ почему-то къ одеждѣ молодыхъ) и платковъ, онъ разсматриваетъ вскользь. Между тѣмъ, въ Малороссіи эти рушники имѣли и отчасти теперь имѣютъ большое значеніе. Когда, во время сватовства, изъявлено согласіе на бракъ родителями невѣсты, послѣдняя, по требованію сватовъ, вынимаетъ заранѣе приготовленные рушники и перевязываетъ ими старостъ (сватовъ) черезъ плечо, а жениху навязываетъ на правую руку платокъ выше локтя. Отказъ послѣ этого отъ брака считается нечестнымъ. О такомъ значеніи рушниковъ у малоруссовъ авторъ умалчиваетъ. Разсматривая значеніе пояса и платка, онъ не упоминаетъ о томъ, какую роль эти предметы имѣютъ въ брачныхъ церемоніяхъ бѣлоруссовъ.

Успѣшности этнографическаго изслѣдованія мѣшаетъ и излишнее увлеченіе автора миѳическими толкованіями. Такъ-какъ бракъ является установленіемъ на сколько религіознымъ, на столько же и юридическимъ, то въ брачныхъ обычаяхъ и обрядахъ нужно отыскивать не только миѳическую, но и юридическую сторону. Многіе сва-

[1]) Г. Сумцовъ купію-продажу исключаетъ изъ разряда договоровъ.

Digitized by Google

дебные обычаи служатъ символическими выраженіями правовыхъ началъ, и излишнее рвеніе къ миѳологическимъ толкованіямъ поведетъ не къ разъясненію вопросовъ, а къ еще большему ихъ затемнѣнію. Самъ г. Сумцовъ указываетъ на то, что Мюльгаузе впалъ въ крайность, желая „подыскать миѳическое объясненіе, даже такимъ чисто бытовымъ чертамъ свадебнаго обряда, какъ рукобитье родителей жениха и невѣсты послѣ сговора или обыкновеніе протянутой веревки останавливать поѣздъ невѣсты, направляющійся въ домъ новобрачнаго“ (стр. 3). У насъ любопытный образчикъ увлеченія миѳическими толкованіями представляетъ г. О. Миллеръ (въ „Опытѣ историческаго обозрѣнія русской словесности“, 2 изд. 1866 г.). Желаніе отыскать чуть не въ каждомъ дѣйствіи и въ каждомъ словѣ обычая миѳическую подкладку приводило г. Миллера къ слишкомъ смѣлымъ заключеніямъ. Г. Сумцовъ, нельзя сказать, чтобъ былъ свободенъ отъ такого же желанія.

Наконецъ, нельзя умолчать и о томъ, что авторъ не всегда исправнымъ образомъ пользуется источниками. На стр. 192, ссылаясь на „Енисейскій округъ“ г. Кривошапкина, онъ говоритъ: „Довольно распространено обыкновеніе, что сваты, по приходѣ въ домъ невѣсты, *становятся* подъ матицей“... У Кривошапкина сказано: садятся. Положимъ, это не особенно важно, но отчего бы все-таки не привесть свидѣтельство г. Кривошапкина правильнѣе. На стр. 188 стихи, заимствованные изъ „Этногр. сборника“, приведены также невѣрно.

Тѣмъ не менѣе, книжка г. Сумцова, какъ первый въ своемъ родѣ опытъ, заслуживаетъ вниманія и, конечно, не безъ интереса прочтется лицами, занимающимися этнографіей.

В.

II.

— *Prosper Mérimée.* Lettres à M. Panizzi 1850—1870, publiées par M. Louis Fagan du cabinet des estampes au British Museum, avec des portraits de Prosper Mérimée et de Panizzi. Paris. 1881.

Письма Мериме къ Паниццы представляютъ большой интересъ въ смыслѣ ретроспективнаго обзора политическихъ событій за длинный рядъ годовъ (1850—1870 г.). Собственно говоря, переписка его съ Паниццы стала очень послѣдовательной съ 1858 г., и съ этого времени письма слѣдовали такъ часто одно за другимъ, что являются какъ-бы дневникомъ, который велъ человѣкъ тонкаго и проницательнаго ума и многосторонней образованности, съ мнѣніями котораго не всегда можно согласиться, и даже, пожалуй, можно рѣдко согласиться, но котораго всегда интересно выслушать.

Digitized by Google

Кромѣ политическихъ событій, чтеніе писемъ Меримэ вызываетъ въ памяти различныя явленія общественной жизни и научныя открытія, по мѣрѣ того, какъ они проникали въ жизнь и въ особенности въ медицинскую практику: леченіе мышьякомъ, сжатымъ воздухомъ, хлоралемъ и проч. послѣдовательно проходятъ передъ нашими глазами, по мѣрѣ того, какъ они вводились въ употребленіе.

Наконецъ, эти письма интересны еще и потому, что въ нихъ видишь въ нѣкоторомъ родѣ изнанку медали, закулисную сторону разныхъ дѣйствій и плановъ Наполеона III, оффиціальная и показная сторона которыхъ въ свое время являлась съ такимъ шумомъ и помпой въ оффиціальныхъ документахъ, рѣчахъ и газетныхъ статьяхъ. Мы присутствуемъ какъ-бы въ кухнѣ, гдѣ производитъ свою стряпню человѣкъ, къ словамъ котораго вся Европа прислушивалась съ тревогой и любопытствомъ въ продолженіе слишкомъ двадцати лѣтъ.

Въ поясненіе этого слѣдуетъ сказать, что корреспондентъ Меримэ, Паниццн, директоръ Британскаго музея, былъ другомъ Гладстона и стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ другимъ выдающимся государственнымъ дѣятелямъ Англіи и служилъ негласнымъ проводникомъ идей Наполеона III, тайныхъ плановъ и стремленій его политики и, передавая ихъ кому слѣдовало, такъ-сказать, изслѣдовалъ и подготовлялъ для нихъ почву и служилъ посредникомъ между императоромъ французовъ и англійскими правительственными дѣятелями.

Можетъ быть, не лишнее будетъ сказать при этомъ случаѣ нѣсколько словъ о личности самого Паниццн. Итальянецъ по происхожденію, уроженецъ Моденскаго герцогства, онъ былъ политическій выходецъ и искалъ убѣжища въ Англіи вслѣдствіе участія въ революціонномъ движеніи, вспыхнувшемъ въ Неаполѣ въ 1820 г. и сообщившемся въ слѣдующемъ году и Піемонту. Одинъ изъ заговорщиковъ донесъ на него и ему пришлось искать спасенія въ бѣгствѣ. Его судили заочно и приговорили къ смертной казни и конфискаціи имущества. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонѣ, Паниццн переселился въ Ливерпуль и тамъ прожилъ пять лѣтъ, давая уроки итальянскаго языка. Когда въ 1828 г. былъ основанъ лондонскій университетъ, ему предложена была каѳедра итальянскаго языка и литературы. Въ 1831 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ консерватора печатнаго отдѣла Британскаго музея и вскорѣ заслужилъ славу одного изъ первѣйшихъ библіографовъ въ Европѣ. Онъ преобразовалъ организацію библіотеки Британскаго музея и въ 1856 г. былъ назначенъ главнымъ его директоромъ. Въ 1866 г. Паниццн подалъ въ отставку, и въ палатѣ общинъ, Дизраэли, будущій лордъ Биконсфильдъ, произнесъ похвалу Паниццн, а палата общинъ назна-

Digitized by Google

чила ему въ пожизненную пенсію его содержаніе, какъ директора музея. Въ 1869 г. Паниццци былъ произведенъ въ кавалеры ордена Бани, почесть, какой до того времени не удостоивался ни одинъ итальянецъ.

Таковъ былъ корреспондентъ Меримэ, человѣкъ очень замѣчательный и даровитый, съумѣвшій въ чужой и гордой странѣ пробить себѣ дорогу и заставить признать свое превосходство.

Возвращаемся къ письмамъ Меримэ. Членъ интимнаго тюльерійскаго кружка и обычный посѣтитель Компьена, Фонтенбло и Біаррица, гдѣ часто пребывалъ наполеоновскій дворъ, онъ имѣлъ полную возможность наблюдать за закулисной стороной этой жизни и въ его перепискѣ находимъ не мало пикантныхъ анекдотовъ и характеристикъ.

Евгеніи было два года, когда Меримэ познакомился съ ея матерью, графиней Монтихо, и сталъ ея близкимъ другомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ его пріятель встрѣтилъ его въ улицѣ de la Paix; онъ велъ за руку прелестную пяти или шестилѣтнюю дѣвочку и, на вопросъ о ней пріятеля, отвѣчалъ:—это маленькая испанка, дочь одной моей пріятельницы; я собираюсь угостить ее сладкими пирожками. Этой маленькой дѣвочкѣ предстояло стать императрицей французовъ.

Вотъ источникъ его близости къ наполеоновскому двору, при которомъ онъ, надо отдать ему справедливость, держалъ себя не съ униженной угодливостью царедворца, и рѣшался порою высказывать не совсѣмъ пріятныя истины и отсовѣтывать нѣкоторые неблагоразумные поступки. Только, какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, голосъ его оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и въ немъ больше цѣнили пріятнаго собесѣдника и изобрѣтательнаго на развлеченія забавника, чѣмъ суроваго ментора, какимъ, впрочемъ, онъ и не былъ. Но жизнь царедворца утомляла и надоѣдала ему, и онъ не разъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что Евгенія недостаточно интеллигентна и любитъ самыя пустыя и вздорныя развлеченія. Онъ доходитъ до того въ своемъ раздраженіи, что въ одномъ мѣстѣ прямо говоритъ, что готовъ отдать предпочтеніе синимъ чулкамъ передъ пустыми женщинами, за то, что тѣмъ не чужды умственные интересы. И дѣйствительно, забавы, господствовавшія въ интимной придворной жизни императрицы Евгеніи, очень часто отличались пошловатымъ, чтобы не сказать хуже, характеромъ. Вотъ, напримѣръ, одна изъ такихъ, поводомъ къ которой послужилъ пріѣздъ Бисмарка въ Парижъ, и котораго, говоря мимоходомъ, Меримэ характеризуетъ такъ: „Онъ показался мнѣ человѣкомъ хорошаго тона, болѣе остроумнымъ, чѣмъ подобаетъ нѣмцу, чѣмъ-то въ родѣ дипломатическаго Гумбольдта“.

Digitized by Google

„Г-жа ***, въ качествѣ нѣмки,—повѣствуетъ далѣе Меримэ,—очень восхищалась Бисмаркомъ, и мы дразнили ее, пугая ее предпріимчивостью этого великаго человѣка, котораго она, повидимому, поощряла. Нѣсколько дней тому назадъ я разрисовалъ и вырѣзалъ голову Бисмарка; сходство оказалось разительнымъ, и вечеромъ ихъ величества и я, мы пошли въ комнату г-жи ***, положили голову на кровать, валикъ съ кровати подпихнули подъ одѣяло, чтобы казалось, что подъ одѣяломъ лежитъ кто-то. Затѣмъ императрица повязала голову платкомъ на манеръ ночного колпака. Въ полусвѣтѣ комнаты иллюзія была полная. Когда ихъ величества удалились, мы задержали на время г-жу ***, чтобы императоръ и императрица успѣли пройти на конецъ корридора; затѣмъ всѣ сдѣлали видъ, что расходимся по своимъ комнатамъ. Г-жа *** вошла въ свою, побыла тамъ съ секунду, затѣмъ поспѣшно выбѣжала и постучалась въ дверь комнаты m-me де-Лурмель, восклицая плачевнымъ тономъ:

„— Въ моей постелѣ лежитъ мужчина! Къ несчастію m-me де-Лурмель не удержалась отъ смѣха, а хохотъ императрицы, долетѣвшій до конца корридора, испортилъ все дѣло. Но еще интереснѣе то, что́ мы узнали уже позже. Одинъ изъ лакеевъ императора входилъ въ комнату г-жи *** и, увидѣвъ голову, удалился, разсыпаясь въ извиненіяхъ. Потомъ пошелъ, разсказалъ, что въ постелѣ лежитъ мужчина. Нѣкоторые высказали мнѣніе, что это мужъ вернулся на ночь къ женѣ, но такое объясненіе было признано неправдоподобнымъ. Такъ дѣло и осталось неразъясненнымъ".

Скептикъ и ипохондрикъ, Меримэ, конечно, не былъ бонапартистомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Ему вообще были чужды горячность въ убѣжденіяхъ, способность увлекаться и беззавѣтно къ чему-нибудь привязываться. Убѣжденія его можно скорѣе назвать отрицательными. Онъ ненавидѣлъ революціонеровъ и съ ужасомъ слѣдилъ за успѣхомъ демократическихъ идей.

„Я вѣрю въ успѣхъ революціи и соціализма,—пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ.—Я вижу, что весь міръ склоняетъ голову передъ чудищемъ, которое ростетъ и укрѣпляется съ каждымъ днемъ. Современное общество, съ его пристрастіемъ къ деньгамъ и матеріальнымъ наслажденіямъ, сознаетъ свою глупость и слабость. Противиться этому можетъ только хорошо организованная аристократія, а гдѣ ее найти? Она слабѣетъ даже въ Англіи".

Въ другомъ мѣстѣ, онъ желчно замѣчаетъ:

„Я пораженъ, видя, съ какой быстротой разрушается англійское зданіе. Первымъ признакомъ этого разрушенія, отмѣченнымъ мною, было дозволеніе являться въ оперу въ сапогахъ. То же самое происходитъ повсемѣстно въ Европѣ и даже по ту сторону Атлантики.

Digitized by Google

Знаменитая американская конституція идетъ ко всѣмъ чертямъ, и междоусобная война, которая только-что кончилась, вѣрьте мнѣ, составляетъ только прелюдію къ другимъ упражненіямъ этого рода".

Торжество демократическихъ идей пугало въ немъ эстетика и сибарита, какимъ онъ былъ въ сущности. Демократы представлялись ему грубыми и невѣжественными наглецами, и само собой разумѣется, что американцы, какъ типичные представители демократіи, внушали ему особенную антипатію. Самый нѣжный эпитетъ, который онъ употребляетъ, говоря о нихъ, это: „rustre" (мужланъ)! По случаю смерти Линкольна, онъ замѣчаетъ, что съ нимъ черезъ-чуръ носятся. „Въ сущности это былъ,—увѣряетъ онъ,—a first second rate man (первый изъ второстепенныхъ людей); какъ говорили янки, котораго бы вы не взяли въ чиновники вашего музея, но онъ стоялъ выше большинства своихъ соотечественниковъ и, мнѣ кажется, набилъ руку, вращаясь среди государственныхъ дѣлъ. Похвалы, расточаемыя ему въ англійскомъ парламентѣ, показываютъ, какой страхъ внушаетъ Америка, и результатомъ этого будетъ то, что эти мужланы станутъ еще дерзче и высокомѣрнѣе, чѣмъ это имъ свойственно".

По поводу политики Англіи, ему случается высказывать мѣткія и тонкія сужденія. „Что меня особенно поражаетъ въ англійской политикѣ нашего времени,—пишетъ онъ въ 1860 г.,—это ея мелочность. Она не вдохновляется ни великими идеями, ни даже интересами. Она только завидуетъ и ограничивается тѣмъ, что подставляетъ ножку державамъ, внушающимъ ей зависть... Въ Англіи все дѣлается въ виду сохраненія портфелей. Городятъ ошибку на ошибкѣ, чтобы удержать за собой штукъ тридцать сомнительныхъ голосовъ. Думаютъ только о настоящемъ и не заботятся о будущемъ".

И затѣмъ, въ 1862 г. по поводу римскаго вопроса: „Не могу не удивляться тому, что такой тонкій и проницательный человѣкъ, какъ лордъ Пальмерстонъ, такъ плохо знаетъ людей и дѣла континента. Это—недостатокъ всѣхъ англичанъ. Политика ихъ основана на интересахъ страны, и они не заботятся о томъ, чтобы быть *логичными*. Напримѣръ, они находятъ очень хорошимъ, что римляне желаютъ другого правительства, чѣмъ папы, и очень дурнымъ, что жители Іоническихъ острововъ просятъ другого правительства, чѣмъ то, какое у нихъ есть. Имъ выгодно, чтобы Италія была свободной и единой, но они не хотятъ отпустить на волю семь острововъ и находятъ правительство султана превосходнымъ. Никогда не забуду замѣчательнаго хладнокровія, съ какимъ лордъ Пальмерстонъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, увѣрялъ меня, что друзы—честнѣйшіе въ мірѣ люди".

Столько же, сколько и революціонеровъ, если не больше, не тер-

Digitized by Google

пѣлъ Мериме и клерикаловъ, и это-то и составляло главный пунктъ, гдѣ онъ расходился во мнѣніяхъ съ своими, какъ онъ въ шутку называетъ Наполеона и Евгенію, *хозяевами* и особенно съ *хозяйкой*.

„Наши ханжи,—пишетъ онъ въ 1859 г.,—осѣдлали свои коньки и начинаютъ тревожить не на шутку. Они бѣснуются какъ черти въ святой водѣ и говорятъ крестьянамъ, что война ведется съ церковью. Я всегда говорилъ, что въ Римъ надо отправить посла корсиканца, который бы сказалъ Антонелли съ краснорѣчіемъ, свойственнымъ этимъ островитянамъ, чтобы онъ выбиралъ между тремя S. Знаете ли, что это значитъ?—Stiletto, schiopetto, strada (стилетъ, ружье, улица)".

И немного спустя въ томъ же году: „Говорятъ, что святой отецъ становится сговорчивѣе, но я этому не вѣрю. Монаха никогда нельзя переубѣдить, его можно обуздать только молчаніемъ и голодомъ. Я сильно сожалѣю о томъ, что Варѳоломеевская ночь удалась, и объ отреченіи Генриха IV. Машина очень ветха, но все еще могущественна, и самое невѣріе, распространившееся въ наше время, обезпечиваетъ ея прочность, ибо, что̀ поставить на ея мѣсто"?

Вмѣстѣ съ своимъ *хозяиномъ*, Мериме проглядѣлъ опасность, грозившую со стороны Пруссіи. Почти забавно читать глубокія соображенія, которыя онъ высказываетъ почти наканунѣ Садовой: „Кажется, что изъ всѣхъ нѣмцевъ, пруссаки наименѣе воинственны. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, въ особенности въ прирейнскихъ, поведеніе ландвера было скандально, такъ что внушило даже опасенія. Они бѣсятся, что должны побросать свои дѣла ради дѣлъ г. Бисмарка, и еслибы нѣмцы были другіе люди, то революція давно бы произошла. Но прежде, чѣмъ нѣмецъ рѣшится что-нибудь сдѣлать, ему нужно выпить столько кружекъ пива!"

И затѣмъ, когда кампанія уже началась и успѣхъ пруссаковъ уже обозначился, онъ такъ же легко относится къ нему и спокойно повѣствуетъ: „Мнѣ сейчасъ показывали телеграфическую депешу изъ Вѣны: австрійцы вынуждены были оставить Кёнигсгрецъ. Они надѣются сохранить Прагу. Они приписываютъ успѣхъ пруссаковъ игольчатымъ ружьямъ. Это—повтореніе семилѣтней войны, когда пруссаки выдумали для своихъ ружей желѣзный шомполъ, а у австрійцевъ онъ былъ деревянный". Слѣдуетъ забавный анекдотъ о Венедекѣ: „Мнѣ передавали вчера изъ вѣрнаго источника любопытные анекдоты о Венедекѣ. Его императоръ очень вѣжливо пишетъ ему, что старые служаки дивятся, что онъ уступилъ ущелья въ Богеміи, которыя такъ легко было защищать, и проч. Венедекъ очень просто отвѣчаетъ: „это не входитъ въ мои планы". Послѣ одной изъ схватокъ передъ Кёнигсгрецомъ онъ выгналъ изъ своей арміи одного эрц-

Digitized by Google

герцога, которымъ былъ недоволенъ. Все бы это было прекрасно, еслибы онъ выигралъ сраженіе, но проиграть его послѣ всего этого было слишкомъ нелѣпо". И заканчиваетъ письмо: „Въ Парижѣ общій крикъ: дайте намъ игольчатыя ружья!"

Послѣ битвы при Садовой, онъ пишетъ: „Говорятъ, что принцъ Фридрихъ-Карлъ проявилъ таланты великаго полководца. Rara avis in terris. Что касается Бисмарка, то онъ мой герой".

Эпилогомъ этому удивительному восклицанію можетъ служить письмо его отъ 4 сентября 1870 г.

„Любезный Паниццци, пишу вамъ второпяхъ одно слово. Все, что самое мрачное воображеніе могло придумать самаго чернаго,—превзойдено событіями. Всеобщее крушеніе. Французская армія сдалась на капитуляцію; императоръ сдался въ плѣнъ. Все рушится разомъ.

„Пишу вамъ изъ сената. Попытаюсь проникнуть въ Тюльери. Мнѣ говорятъ, что императорскій принцъ въ Бельгіи у князя де-Шиме. ....Въ настоящую минуту законодательный корпусъ наводненъ народомъ и пренія не могутъ продолжаться. Національная гвардія, которую вооружили, желаетъ управлять. Прощайте, любезный Паниццци, вы знаете какъ мнѣ тяжко".

Мериме умеръ въ Каннѣ, шесть недѣль спустя послѣ того, какъ Евгенія оставила Парижъ.

Э.

III.

— *Felix Helment*, De l'instinct et de l'intelligence. Paris. 1880.

— *Georg H. Schneider*, Der thierische Wille, systematische Darstellung und Erklärung der thierischen Triebe und deren Enstehung, Entwickelung und Verbreitung im Thierreiche als Grundlage zu einer vergleichenden Willenslehre. Leipzig, 1881.

Объ эти книги характерны въ томъ отношеніи, что хотя и не принадлежатъ писателямъ, занимающимъ въ научной іерархіи высокое положеніе и дающимъ направленіе (болѣе или менѣе) современной научно-философской мысли, однако, служатъ отличнымъ показателемъ состоянія общей части науки о душѣ, въ той формѣ, въ какой представляютъ ее, съ одной стороны, люди умѣренные, опасающіеся дѣлать скорыя и широкія обобщенія, а съ другой—люди, не останавливающіеся на полупути и видящіе въ смѣломъ синтезѣ единственное средство, двигающее науку впередъ. Кто правъ изъ нихъ, сразу трудно сказать, потому что голословныя утвержденія не убѣдительны, а въ защиту той или другой точки зрѣнія можно напи-

Digitized by Google

сать цѣлые томы. Но едвали, однако, наука могла бы развиваться, если бы деспотически возобладало одно изъ этихъ направленій; консерваторы и умѣренные ученые держали бы науку на той высотѣ, на какой она стоитъ теперь въ Китаѣ (стоитъ уже тысячелѣтія), а „радикалы", освободившись отъ путъ недовѣрчивыхъ и подозрительныхъ критиковъ противнаго лагеря, могли бы превратить науку въ романъ, научныя истины въ полупоэтическія грезы, гипотезы въ законы. Такъ что можно смѣло утверждать, что оба направленія, взаимно ограничивая одно другое, сдерживая въ опредѣленныхъ рамкахъ другъ друга, служатъ въ концѣ-концовъ одной великой цѣли — накопленію точнаго знанія, какъ основанію всякаго прогресса. И если между ними происходятъ жаркія схибки, загораются полемическія войны,—причемъ оба лагеря преувеличиваютъ иногда до крайности слабыя стороны противниковъ и раздуваютъ до гигантскихъ размѣровъ свои собственныя преимущества,—то это весьма естественныя явленія, сопровождающія всякій ростъ, свидѣтельствующія, что нѣтъ застоя и есть движеніе. Прогрессъ не совершается мирно даже въ области самаго отвлеченнаго мышленія.

Феликсъ Гельманъ—ученый съ умѣреннымъ научнымъ міросозерцаніемъ. Онъ признаетъ и Дарвина, и вѣритъ въ безсознательное—слѣпую мудрость, управляющую неразумнымъ міромъ,—и повторяетъ вмѣстѣ съ поэтомъ, роняя слезу умиленія:

La mort est un sommeil, c'est un réveil peut-être.

Вообще онъ очень симпатиченъ, и будучи проникнутъ въ извѣстной мѣрѣ гартмановской философіей, съумѣлъ окрасить ее, мрачную и эгоистическую, въ розовый свѣтъ радостныхъ надеждъ, пріятныхъ упованій. Французская академія наукъ увѣнчала его книгу преміей, потому что книга, дѣйствительно, заслуживаетъ этого, являя собою рѣдкій примѣръ популярно исполненной „золотой середины".

Всѣ знаютъ, что наэлектризованныя или намагниченныя тѣла взаимно притягиваются и отталкиваются; что небесныя свѣтила тяготѣютъ другъ къ другу; что молекулы или частицы точно также одушевлены движеніемъ, откуда возникаютъ явленія свѣта, теплоты; что извѣстныя вещества, кристаллизуясь, принимаютъ непремѣнно извѣстныя формы; что законы, по которымъ совершаются эти явленія, вѣчны и неизмѣнимы, т.-е что они, такъ сказать, роковые. Гельманъ въ этомъ роковомъ, невольномъ стремленіи вещества къ наблюдаемому нами міровому порядку видитъ уже первый зародышъ инстинкта. Такимъ образомъ, инстинктъ управляетъ минералами, который безсознательно достигаетъ своей цѣли — кристаллизаціи. Однако, авторъ еще колеблется употреблять этотъ терминъ, говоря о

Digitized by Google

тенденціи кристаллизоваться, одушевляющей минеральную природу, и дѣлается окончательно смѣлымъ, лишь приступая къ растительному царству. Правда, что тутъ онъ уже былъ предупрежденъ не только нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями, но и другими болѣе старыми и даже старинными авторитетами. Онъ видитъ инстинктъ въ стремленіи корешка къ почвѣ, а стебля къ свѣту, причемъ отмѣчаетъ интересный фактъ направленія корешковъ нѣкоторыхъ паразитическихъ растеній (омелы) не сверху книзу, а къ корѣ деревьевъ, на которыхъ они живутъ; въ прободаніи нѣжными корешками твердыхъ горныхъ породъ, лежащихъ иногда толстымъ слоемъ надъ почвой, содержащей влагу; въ путешествіи цвѣтени; въ всплываніи нѣкоторыхъ водяныхъ растеній во время цвѣтенія со дна на поверхность воды; въ явленіяхъ, обнаруживаемыхъ чувствительными растеніями, давшихъ такой богатый матеріалъ Дарвину; въ засыпаніи растеній подъ дѣйствіемъ хлороформа; въ плотоядности росянокъ, и еще въ разныхъ другихъ фактахъ. Пройдя затѣмъ по всѣмъ царствамъ природы и всюду указавъ на примѣры, подкрѣпляющіе его мысль, Гельманъ деликатно не соглашается съ Мильнъ-Эдварсомъ, который не видитъ ничего фатальнаго въ стремленіи птицъ вить гнѣзда и полагаетъ, что онѣ способны къ прогрессу въ этомъ отношеніи [1]), обнаруживая, во всякомъ случаѣ, умъ въ обработкѣ деталей своихъ построекъ; и Уэллесомъ, думающимъ, что искусство строить гнѣзда переходитъ отъ одного поколѣнія птицъ къ другому путемъ преданія, подобно нѣкоторымъ нашимъ мастерствамъ. „Почему, — спрашиваетъ Гельманъ, — каждый видъ птицъ строитъ свое особенное гнѣздо, непохожее на гнѣзда другихъ птицъ живущихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, употребляющихъ одинаковый строевой матеріалъ и одинаковыя орудія?“ Вопросъ этотъ съ такимъ же удобствамъ авторъ могъ бы предложить и людямъ, не скоро забывающимъ свои архитектурные типы. Такъ великоросс, поселясь въ малорусской деревнѣ, непремѣнно строитъ русскую избу съ рѣзнымъ конькомъ, а малоруссы не разстаются съ своими бѣлыми мазанками и на берегахъ Волги, и въ глуши Сибири.

Тѣмъ не менѣе, возраженіе Гельмана не лишено основанія, хотя и могло бы быть лучше аргументировано. Гораздо солиднѣе замѣчанія его на точку зрѣнія Фогта, который отожествляетъ переселе-

[1]) Отмѣтимъ кстати любопытный фактъ, приводимый Лаудеромъ Линдсеемъ въ его сочиненіи „Mind in lower animals“, Lond. 1879, два тома. Въ Индіи, тамъ, гдѣ проведены телеграфныя проволоки, куда проникла англійская цивилизація и принесла съ собою бутылки съ напитками, обвитыя тонкой проволокой, грачи стали строить съ нѣкоторыхъ поръ металлическія гнѣзда, отличающіяся прочностью и могущія служить цѣлому ряду поколѣній.

Digitized by Google

нія животныхъ съ простыми перемѣщеніями, совершаемыми съ цѣлью пріисканія добычи. Во многихъ случаяхъ, массы переселяющихся животныхъ фатально гибнутъ на пути къ своей неизвѣстной цѣли, подобно леммингамъ, запруживающимъ рѣки, американскимъ голубямъ, изнемогающимъ отъ усталости, саранчѣ, груды которой образуютъ иногда зловонныя отмели у морскихъ береговъ. Здѣсь къ переселенію толкаетъ дѣйствительно болѣе сильная причина, чѣмъ недостатокъ пищевыхъ средствъ. Точно также, по мнѣнію автора, въ пчелиномъ ульѣ все напоминаетъ инстинктъ, начиная съ общественнаго устройства и кончая различными фазами развитія роя, и только инстинктомъ, т.-е. слѣпо, безсознательно дѣйствующимъ началомъ, можно объяснить воинственность нѣкоторыхъ муравьевъ, обращающихъ въ неволю другихъ муравьевъ, но никогда не дѣлающихся рабами. Наконецъ, къ инстинктивнымъ движеніямъ Гельманъ относитъ кашель, чиханье, рвоту и пр.

Резюмируя все сказанное имъ объ инстинктѣ, Гельманъ говоритъ, что инстинктъ не есть ни наклонность, ни стремленіе, ни расположеніе душевное къ преслѣдованію извѣстной цѣли, съ яснымъ представленіемъ о ней и съ желаніемъ достигнуть ея. Это есть нѣчто непреодолимое, роковое, неизбѣжно-необходимое, которому нельзя научиться, врожденное, совершенное, *неизмѣняемое*, характеристическое для каждаго вида, обусловливаемое въ нѣкоторомъ родѣ организаціею животнаго, *не приспособляющееся*, не передаваемое преемственно. Однимъ словомъ, проявленія инстинкта суть *свойства*, а не способности. И такъ какъ Дарвиномъ и другими учеными давно уже собраны данныя не въ пользу *постоянства* инстинктовъ, то Гельманъ допускаетъ, что, кромѣ врожденнаго инстинкта, могутъ быть и пріобрѣтенные, чѣмъ онъ, конечно, значительно ослабляетъ свою точку зрѣнія. Пріобрѣтенныхъ инстинктовъ много, а врожденный одинъ. Изъ пріобрѣтенныхъ инстинктовъ возникаетъ умъ, врожденный остается всегда слѣпо дѣйствующимъ принципомъ, не способнымъ къ дальнѣйшему развитію. Врожденный инстинктъ, по мнѣнію Гельмана, „не имѣетъ происхожденія“ (т.-е. вѣченъ).

Съ врожденнымъ инстинктомъ имѣютъ сходство способности, потому-что онѣ тоже врожденны, наслѣдственны, свойственны одному какому-нибудь виду. Но онѣ не фатальны, не необходимы и подлежатъ развитію и совершенствованію.

Относительно ума, Гельманъ высказывается слѣдующимъ образомъ: „Между умомъ животнаго и человѣка нѣтъ существенной разницы, въ томъ смыслѣ, что оба представляютъ явленія чувствительности, пониманія и воли. Умъ животнаго отличается развѣ тѣмъ, что самъ по себѣ онъ пассивенъ и становится дѣятельнымъ лишь

Digitized by Google

подъ вліяніемъ внѣшнихъ возбудителей". Умъ человѣка проходитъ фазу, соотвѣтствующую уму животнаго, въ дѣтствѣ, въ періодѣ отъ рожденія до трехъ лѣтъ, о чемъ не сохраняетъ затѣмъ ни малѣйшаго воспоминанія. Такимъ образомъ, животное остается, такъ-сказать, ребенкомъ всю жизнь, человѣкъ же мужаетъ, въ немъ выростаютъ постепенно разнообразныя потребности, развивается стремленіе къ истинѣ, знанію, справедливости, а на высшихъ ступеняхъ этого умственнаго роста его охватываетъ благородная жажда идеала, для удовлетворенія которой онъ нерѣдко вступаетъ въ борьбу съ началами, враждебными этому идеалу, и гибнетъ, всецѣло отдавшись безкорыстному порыву.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ книга Шнейдера. Этотъ ученый—большой поклонникъ Геккеля, знаменитаго ученаго, не чуждаго увлеченій, но увлеченій, основанныхъ на точныхъ данныхъ, добытыхъ научнымъ путемъ и поэтому извинительныхъ, потому-что, не вредя общему ходу современныхъ научныхъ работъ, онѣ свидѣтельствуютъ о страстномъ отношеніи къ предмету, вызываютъ оживленные дебаты, порождаютъ цѣлую литературу и такимъ образомъ втягиваютъ въ полемику общество и способствуютъ косвеннымъ путемъ поднятію уровня его знаній и, главное, его міросозерцанія.

Шнейдеръ нѣсколько грубъ, не такъ изященъ, какъ Гельманъ, и не обнаруживаетъ нигдѣ лиризма, нигдѣ не начинаетъ говорить стихами. Это — одинъ изъ тѣхъ типическихъ молодыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые, будучи преданы монистическимъ идеямъ (Германія— отечество обновленнаго монизма), не отступаютъ ни передъ какими вопросами и, когда понадобится, толкуютъ о вещахъ, считающихся весьма почтенными, съ такимъ недостаткомъ почтительности, какъ будто дѣло идетъ о какомъ-нибудь батибіи или другомъ низкомъ предметѣ. Они не признаютъ „насъ возвышающаго обмана", и хотя ихъ выводы страдаютъ иногда поспѣшностью, смѣлостью, все-таки въ этихъ выводахъ не слышны мотивы, чуждые цѣлямъ естествознанія, или прямо даже враждебные имъ, не чувствуется въ нихъ струи первобытнаго міропониманія; видно, что они не только результатъ господствующихъ въ извѣстномъ лагерѣ идей, но и глубокой эрудиціи. А это очень подкупаетъ.

Исчерпать книгу Шнейдера въ бѣглой замѣткѣ нельзя. Она представляетъ солидный трудъ, и на каждой страницѣ содержитъ въ себѣ кое-что поучительное. Мы ограничимся поэтому общей характеристикой ея.

Авторъ раздѣляетъ мнѣніе, что въ природѣ все цѣлесообразно, но цѣлесообразность эта явилась какъ слѣдствіе борьбы нецѣлесообразнаго съ цѣлесообразнымъ, какъ слѣдствіе подбора. Цѣлесооб-

Digitized by Google

разность уже установилась въ области минеральной природы, когда блеснулъ первый лучъ органической жизни. Въ природѣ органической шло съ тѣхъ поръ развитіе цѣлесообразнаго, опираясь на законъ наслѣдственности, и постепенно окрѣпло, такъ-что, когда геній человѣка сталъ пытать окружающій міръ, ему оставалось только удивляться его гармоніи. Всматриваясь въ движенія, совершаемыя организмами, мы видимъ, что какъ внутреннія—движенія веществъ, находящихся въ тѣлѣ, такъ и наружныя — движенія, направленныя къ добыванію пищи и къ спасенію отъ нападеній врага, становятся цѣлесообразнѣе по мѣрѣ того, какъ организмы поднимаются по лѣстницѣ развитія. Огромное число этихъ движеній почти всѣ ученые разсматриваютъ какъ чисто-физіологическія, но такъ-какъ онѣ связаны постоянно съ явленіями сознанія,. то Шнейдеръ относитъ ихъ къ психическимъ движеніямъ. Поэтому область психологіи расширяется имъ до весьма значительныхъ размѣровъ, хотя тутъ онъ все-таки скромнѣе Гельмана. Опредѣляя инстинктъ какъ стремленіе къ дѣйствію, цѣль котораго индивидуумомъ не сознается, но которое, тѣмъ не менѣе, ведетъ къ достиженію ея, Шнейдеръ, однако, не впадаетъ въ гипотезу безсознательнаго, толково полемизируя съ Гартманномъ и доказывая, что такъ называемый врожденный инстинктъ не существуетъ отъ вѣка, въ видѣ какого-то неизмѣняемаго апріорнаго начала, а есть просто результатъ организаціи, которая только одна наслѣдуется и которая обусловливаетъ собою тѣ или другія субъективныя состоянія индивидуума. А такъ-какъ организація видоизмѣняется, приспособляется, отступаетъ или развивается впередъ, смотря по тому, какъ вліяетъ на нее внѣшняя среда, то подвергается тѣмъ-же самымъ измѣненіямъ и инстинктъ.

Главная задача книги Шнейдера заключается въ попыткѣ создать сравнительную физіологію воли, и, нужно сказать, это ему не совсѣмъ удается. Задача чрезвычайно трудна и требуетъ предварительнаго изученія подавляющей массы данныхъ, которыя, къ тому-же, и не собраны въ надлежащемъ количествѣ, такъ-какъ на психологію животныхъ серьёзное вниманіе обратили лишь весьма недавно. Но постановка задачи вѣрна. По мнѣнію автора, всѣ проявленія воли покоятся на томъ, что на протяженіи генетическаго развитія (обнимающаго собою прогрессивный ростъ цѣлаго ряда поколѣній) образуются цѣлесообразныя отношенія между нѣкоторыми актами познаванія и нѣкоторыми опредѣленными чувствованіями и органическими стремленіями, такъ-что затѣмъ—разъ возникаетъ сознаніе о чемъ-нибудь, возникаетъ и соотвѣтствующій инстинктъ; при этомъ только такія отношенія и передаются по наслѣдству, но не готовые инстинкты и не готовые акты познаванія; передаются же по наслѣд-

Digitized by Google

ству потому, несмотря на свою психическую природу, что всецѣло сводятся на физіологическія отношенія. Путемъ ассоціаціи актовъ познаванія (Erkenntnissacte) и инстинктовъ (Triebe) образуются новыя отношенія; и всѣ отношенія воспріятія и представленія произошли именно такимъ образомъ. Воленіе, наконецъ, есть слѣдствіе ассоціаціи цѣлой системы процессовъ познаванія и явленій чувствованія и инстинкта.

Книга Шнейдера составляетъ, впрочемъ, только первую часть обширнаго труда, хотя и обработанную отдѣльно, и чтобы вынести полное представленіе объ идеяхъ его, надо подождать выхода въ свѣтъ слѣдующихъ его сочиненій. Тѣмъ не менѣе, судя по образчику, имѣющемуся у насъ подъ рукой, едва-ли этому усердному почитателю философіи Геккеля удастся написать что-нибудь независимое и оригинальное.

ЗАМѢТКА.

Насъ не однажды поражали своей странностью нѣкоторые взгляды г. журнальнаго замѣтчика въ газетѣ „Недѣля", иногда и такіе, которые касались нашего журнала. Мы не имѣемъ обыкновенія гоняться полемически за отзывами, направляемыми противъ насъ: на весь свѣтъ не угодишь, и мы на это не разсчитывали. Въ настоящемъ случаѣ находимъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу нападенія газеты на статью о вавилоно-ассирійскихъ древностяхъ нашего случайнаго сотрудника, проф. Астафьева.

Газета находитъ страннымъ помѣщеніе этой статьи. Газета можетъ объяснить это помѣщеніе только однимъ, а именно: журналистика, въ ея нынѣшнихъ трудныхъ условіяхъ, часто должна говорить не такъ и не о томъ, о чемъ и какъ бы хотѣлось; ей приходится—„выпутываться изъ неразрѣшимой дилеммы: быть живой, интересной и содержательной, не трогая живыхъ и содержательныхъ предметовъ. Рѣдко удается разрѣшить подобную дилемму: чаще всего бываетъ такъ, что журналистика въ подобныхъ обстоятельствахъ начинаетъ наполняться безъ разбора всѣмъ, что только попадаетъ подъ руку (!)". Такъ, по соображеніямъ газеты, попала и статья г. Астафьева. „Упреки (!) тутъ были бы просто наивны, — снисходительно замѣчаетъ газета;—почтенный журналъ навѣрное и самъ

Digitized by Google

очень хорошо понимаетъ странность подобныхъ статей на своихъ страницахъ, и если все-таки печатаетъ ихъ, то, конечно, не безъ сокрушенія сердечнаго". Газета заключаетъ, что помѣщеніе статьи г. Астафьева есть „безмолвный вопль литературы о предоставленіи ей бо̀льшаго простора".

Въ нашей литературѣ можно наглядѣться на многое, но признаемся, мы никакъ не ожидали этого пассажа. Смѣемъ увѣрить критика, что мы не только не находили страннымъ помѣщеніе статьи г. Астафьева и не вынуждались къ этому, но съ удовольствіемъ снова дали бы мѣсто дальнѣйшимъ разъясненіямъ излагаемаго въ ней предмета. И если появленіе статьи г. Астафьева можетъ указывать на желанія (если не на „вопли") литературы о предоставленіи ей бо̀льшаго простора, то совершенно съ другой стороны...

Заботливость газеты о большей свободѣ для русской печати весьма похвальна; но для успѣховъ печати можно пожелать и кое-чего другого. Въ самомъ дѣлѣ, отзывъ газеты—замѣтимъ, принимающей близко къ сердцу интересы общества и значительно распространенной въ провинціи—свидѣтельствуетъ о слишкомъ умѣренномъ запасѣ образованности, какой газета, повидимому, предполагаетъ у своихъ читателей и выше котораго не желаетъ ихъ поставить. Иначе мы, съ своей стороны, не умѣемъ объяснить ея отзыва о статьѣ г. Астафьева. Неужели и для нея самой „не интересна", „не содержательна" тэма г. Астафьева, которая касается одного изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ цѣлой человѣческой исторіи, вопроса, къ сожалѣнію слишкомъ мало у насъ извѣстнаго и поставленнаго въ новомъ свѣтѣ недавними изслѣдованіями ассирійскихъ древностей. Эти изслѣдованія мало доходили до русской литературы, а рѣчь идетъ въ нихъ—ни много, ни мало—какъ о томъ, что въ ассирійскихъ памятникахъ нашлась особая редакція разсказовъ Книги Бытія о міротвореніи, о первыхъ людяхъ, о потопѣ и т. д., и именно редакція *болѣе древняя*, чѣмъ Моисеево Пятикнижіе. Это—для газеты не интересно, не содержательно! Открывается перспектива въ высокой степени важныхъ выводовъ о началѣ преданій, лежащихъ въ самой основѣ христіанской космогоніи; составляются цѣлыя экспедиціи; вывозятся массы древностей въ публичные музеи Лондона, Парижа, Берлина; ученые образованнѣйшихъ странъ Европы, съ изумительнымъ остроуміемъ и глубиною знаній, дешифрируютъ неизвѣстное дотолѣ письмо, возстановляютъ неизвѣстный языкъ, вычитываютъ *древнѣйшую* форму преданій нашей собственной религіи,—намъ это „не интересно"!—Повторяемъ, очень жаль, что газета предполагаетъ у своихъ читателей такой низменный уровень образованія.

Digitized by Google

Мы пожалѣли бы, по поводу статьи г. Астафьева, совсѣмъ о другомъ недостаткѣ простора для нашей литературы,—именно о недостаткѣ простора для изслѣдованій о предметахъ религіозныхъ и церковныхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и предметъ, затронутый г. Астафьевымъ. У народовъ, истинно просвѣщенныхъ, эти предметы давно открыты для научнаго изслѣдованія; у насъ—даже дѣятели самой литературы не понимаютъ важности такого изслѣдованія.

Съ неменьшей суровостью журнальный обозрѣватель газеты отнесся къ беллетристической статьѣ,—и опять не совсѣмъ впопадъ. Онъ судитъ и рядитъ о художественныхъ недостаткахъ разсказа, и хотя признаетъ въ немъ также и художественныя достоинства, но вообще строго осуждаетъ, не обращая вниманія на то, что разсказъ не конченъ, что самъ авторъ даетъ его въ непритязательной формѣ „очерка", а главное, не замѣтивъ одного существеннаго обстоятельства. Критики, болѣе осмотрительные, замѣчали, сколько помнится, этой самой газетѣ (но, видимо, напрасно), что въ нашей беллетристикѣ нерѣдко гораздо важнѣе формы бываетъ содержаніе, гдѣ иной разъ изображаются бытовыя черты, новыя и интересныя, которыя могутъ навести на серьёзное размышленіе. Дѣломъ журнальнаго обозрѣвателя было бы не самодовольное критиканство, порядочно надоѣвшее, а *разъясненіе* такого рода литературныхъ данныхъ.—Нѣтъ ли чего-нибудь подобнаго и въ этомъ „очеркѣ"?

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

МАЙ—ІЮНЬ, 1881.

Книга пятая.—Май.

	стр.
Воробьиныя ночи.—Очеркъ.—Л. Н.	5
Древности вавилоно-ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ. — Три публичныхъ лекціи.—III.—Н. А. АСТАФЬЕВА	47
Ни къ полю ягоды. — Два недѣли въ медвѣжьемъ углу. — Окончаніе — П. А. ТВЕРСКОГО	75
Замѣтки о русской школѣ.—VI.—Школа и семья.—VII. Школа и государство. — В. Я. СТОЮНИНА	107
Записки степняка.—XI.—Криворожье.—А. И. ЭРТЕЛЯ	136
Раздвоенное копыто.—Романъ миссъ Брэддонъ. — Съ англійскаго.—Гл. XIV—XVI.—Часть третья.—Гл. I—III.—О. П.	167
Маркизъ Велепольскій, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ.—XIV—XV.—В. Д. СПАСОВИЧА	221
Томасъ Карлейль. — Очеркъ его жизни и произведеній. — I.—А. С.	256
Модестъ Петровичъ Мусоргскій. — Біографическій очеркъ. — I — III. — В. В. СТАСОВА	285
Хроника. — Ахалъ-текинскій оазисъ и пути въ Индію.—I.—М. Н. АННЕНКОВА	317
Внутреннее обозрѣніе.—Отношеніе правительства къ печати, какъ признакъ и какъ одно изъ условій общаго положенія.—Недомолвки одной части печати и эксплуатація ихъ другою ея частью.—Новыя погудки на старый ладъ солидарности либерализма и нигилизма.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія. — Необходимость пересмотра положенія о начальныхъ училищахъ.—Порядокъ открытія народныхъ школъ, назначенія и увольненія народныхъ учителей. — Правительственная инспекція и училищные совѣты	341
Письма о Москвѣ. — Письмо второе.—П. Б.	363
По поводу послѣдней картины г. Куинджи. — К. БЫКОВСКАГО	390
Корреспонденція изъ Лондона. — Англійскія дѣла.—G. R. G.	397
Иностранная политика.—Анти-еврейская агитація въ Германіи	411
Австрія, Германія и Славяне.—Политическія замѣтки. — С.	424
Литературное обозрѣніе. — Варшава и варшавяне. Вл. Михневича. — Калевала, финскій народный эпосъ. Переводъ Э. Гранстрема.—Неудачная экспедиція въ Китай 1874—1875 гг., П. Пясецкаго.—Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра.—Андрея Стороженка, Очерки изъ исторіи чешской литературы. — О Компромиссѣ, Дж. Морли. Переводъ М. Цебриковой	444
Библіографическій Листокъ. — На закатѣ. Стихотворенія Я. П. Полонскаго. — Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, томъ VI.—Данте Алигьери, его жизнь и сочиненія. Фр. Вегеле. Переводъ Алексѣя Веселовскаго.—Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка. Соч. Н. Костомарова.	

Digitized by Google

Книга шестая.—Іюнь.

стр.

Воровьинныя ночи.—Очеркъ.—V—VII.—Л. Н. 461
Модестъ Петровичъ Мусоргскій.—Біографическій очеркъ.—IV—VIII.—Окончаніе.—В. В. СТАСОВА 506
Отецъ Иванъ и отецъ Стефанъ.—Разсказъ.—I—VII.—Р. СОСНЫ. 546
Народное образованіе во Франціи.—I—IV.—Н. БОВРОВНИКОВА. 582
Воздушное путешествіе.—Изъ Густава Надо.—В. С. ЛИХАЧЕВА 617
Томасъ Карлейль.—Очеркъ его жизни и произведеній.—II.—Окончаніе.—А. С. 619
Раздвоенное зрѣніе. — Романъ миссъ Брэддонъ.—Часть III.—Гл. IV—VIII.—О. П. 657
Маркизъ Велепольскій, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ.—XVI—XVIII.—В. Д. СПАСОВИЧА 709
Соляной налогъ и послѣдствія его отмѣны въ Англіи и Россіи.—I.—ИВ. ЯНЖУЛА 745
Хроника.—Ахалъ-текинскій оазисъ и пути въ Индію.—II.—М. Н. АННЕНКОВА 770
Внутреннее Обозрѣніе.—Перемѣны въ высшемъ государственномъ управленіи.—Манифестъ 29-го апрѣля и циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ. — Безпорядки на югѣ Россіи. — Указъ Св. Синода о назначеніи благочинныхъ.—Возможенъ ли русскій клерикализмъ?—Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія. — Мѣры, которыми можетъ быть поднятъ уровень начальнаго обученія. 798
Аѳинская республика.—Итоги новаго Парижа.—III.—V.—Н. Д. БОБОРЫКИНА. 816
Корреспонденція изъ Берлина.—Князь Бисмаркъ и его реформы 847
Иностранная Политика.—Церковь и государство во Франціи и въ Англіи. 863
Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи.—По поводу сочиненія кн. А. И. Васильчикова 877
Литературное Обозрѣніе.—О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Н. Ѳ. Сумцова. — Prosper Mérimée. Lettres à M. Panizzi 1850—1870, publiées par M. Louis Fagan.—Felix Helment. De l'instinct et de l'intelligence. — Georg H. Schneider. Der thierische Wille, systematische Darstellung und Erklärung der thierischen Triebe u. s. w. 885
Замѣтка. 904
Библіографическій Листокъ. — Родъ Шереметевыхъ, Александра Барсукова. — Архивъ князя Вяземскаго. Кн. Андрей Ивановичъ Вяземскій.—Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг., полковника де-Прерадовича. — Жизнь европейскихъ народовъ. Е. Н. Водовозовой. — Исторія Греціи и Рима, Х. Гуревича.

Digitized by Google

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 72. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 72.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

☞ **Nosce te ipsum.** (Познай самого себя). По поводу книги „Пути къ раціональному Міровоззрѣнію" (въ отвѣтъ на рецензію и на устные отзывы). Ипполита Паласа. Спб. 1881 г. Ц. 30 к., съ перес. 50 к.

Объ образованіи человѣческаго характера. (Новый взглядъ на общество). Робертъ Оуэнъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1881 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Основанія науки о нравственности. Соч. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человѣка" Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Алексѣй Слободинъ. Семейная исторія въ пяти частяхъ. А. И. Пальма. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. съ перес.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. Т. III. 1) Замѣчательное десятилѣтіе; 2) Общественные идеалы А. С. Пушкина (изъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта); 3) Н. В. Станкевичъ, (біографическій очеркъ). Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Т. I и II. Цѣна 3 р., а всѣ три тома п. 4 р. 50 к. съ пересылкою.

☞ **Варшава и Варшавяне.** Наблюденія и замѣтки Вл. Михневича. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

☞ **Homo sum.** Романъ. Георга Эберса. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 45 к.

☞ **Дикенсъ, какъ педагогъ.** Пр. А. И. Кирпичникова. Х. 1881 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Записки Охотника. И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ; 1847—1876 г. Спб. 1880 г. **Второе стереотипное изданіе**, съ предисловіемъ, портретомъ и факсимиле. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к., въ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

☞ **Женщины-Убійцы и Женщины-Избирательницы.** Александра Дюма-Сына. Переводъ съ 24 французскаго изданія. Изданіе В. Д. К—вой. Спб. 1881 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

☞ **Исторія неба.** К. Фламаріона, съ 100 рисунками. Изданіе второе. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Историческая подготовка. Pro domo sua. Профес. Петрова. Харьковъ. 1881 г. Ц. 30 к., съ перес. 45 к.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь передѣланное и дополненное. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ пересылкою.

Калевала. Финскій народный эпосъ. Переводъ Э. Граншрема. Роскошное изданіе съ пятью картинами. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. въ переплетѣ 3 р. съ перес.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Гр. А. К. Толстого, 4-ое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к., въ роскошномъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

M-lle Бисмаркъ. Романъ изъ парижской жизни. Анри Рошфора. Съ портретомъ

*) Книги, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны ☞ предъ ихъ заглавіемъ.

Digitized by Google

автора. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Невозвратная. Романъ Линіи Лингона. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

☞ **Неудачная экспедиція въ Китай 1874—1875 гг.** Въ отвѣтъ на защиту Г. Сосновскаго по поводу книги «Путешествіе по Китаю». П. Я. Пясецкаго. Доктора медицины, автора „Путешествія по Китаю". Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Н. Ф. Сумцова. Харьковъ. 1881 г. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Очерки исторіи русской журналистики С. Весина. Двадцатые и тридцатые года. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Письма изъ Болгаріи въ 1877 г. Евг. Утина. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Повѣсти и разсказы Д. В. Григоровича. Въ семи томахъ. Спб. 1872 г. Ц. 12 р., съ пер. 18 р.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на веленевой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотнымъ тисненіемъ. Ц. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.—Портретъ особо: 50 к.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Т. IV (стихотворенія 1828—1852 г.). Ц. 2 р. Т. V. Фонъ-Визинъ. Ц. 2 р. за пересылку по 1 р. Спб. 1881 г.

☞ **Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.** Томъ VI. 1853—1855 г. Французскій подлинникъ съ русскимъ переводомъ. Lettres d'un vétéran Russe de l'année 1812 sur la question d'Orient, publiées par P. D'Ostafievo. Письма русскаго ветерана 1812 года о Восточномъ вопросѣ, переведены съ французскаго языка П. И. Бартеневымъ. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 3-е, безъ перемѣны. 4 т. Спб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р.

Сочиненія Н. К. Михайловскаго. Томъ I. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. съ пер. Томъ II. Полемическіе матеріалы для политическаго словаря. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☞ **Сочиненія Н. К. Михайловскаго.** Томъ третій. Записки профана. Спб. 1881 годъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Полное собраніе въ одномъ томѣ. 1842—1877 гг. Спб. 1881 г. Ц. 3 р. съ перес. 3 р. 30 к.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе, съ портретомъ, факсимиле, біографіею, приложеніями, примѣчаніями и т. д. 4-ре тома. Спб. 1879 г. Ц. на веленевой бумагѣ въ переплетѣ 12 р., съ перес. 14 р.

☞ **Трумфъ.** Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. И. А. Крылова. Спб. 1880 г. Цѣна 50 к., съ пер. 65 к.

Трудные годы (1876—1880 г.). Очерки и опыты. А. Градовскаго. Проф. Спб. Университета. Спб. 1880 г. Ц. съ пер. 2 р.

☞ **Устраненіе чтенія лекцій въ Академической или Университетской системѣ преподаванія наукъ.** В. Герасимова. Спб. 1881 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Біографія. Его сочиненія. Послѣднія минуты его жизни. Проводы тѣла, похоронны его и овація русскаго общества. Спб. 1881 г. Ц. 40 к., съ перес. 50 коп.

III. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Александръ Андреевичъ Иванов. Его жизнь и переписка 1806—1858 гг. Издалъ Михаилъ Боткинъ, съ факсимиле и 12 гравюрами. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Вещаніе императрицы Анны Іоанновны. Историческій этюдъ Д. А. Корсакова. Каз. 1880 г. Ц. 3 р. съ перес.

Историческіе и критическіе опыты. Томаса Карлейля. Перев. съ англійскаго. Москва, 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

☞ **Очеркъ Исторіи Колдовства въ Западной Европѣ.** Отрывокъ изъ студенческаго сочиненія: „Очеркъ исторіи христіанской Демонологіи". 1874. Н. Ф. Сумцова. Х. 1878 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

☞ **Очерки Древне-Римской жизни.** Теодора Симонса. Пер. М. Лютова. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. (Les origines de la France contemporaine). Соч. Ипполита Тэна. Переводъ съ третьяго французскаго изданія. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ I: Господство дома св. Владимира, X-XVI-е столѣтія. Изданіе 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Семейство Разумовскихъ. Соч. А. А. Васильчикова. Три тома. Ц. 7 р. 50 к., съ пересылкою 9 р. Вышелъ томъ I съ тремя портретами: Им. Елизаветы, Графа А. Г. Разумовскаго и Графа К. Г. Разумовскаго. Томъ II съ двумя портретами Графини Н. Д. Разумовской (казачка Разумиха). Графъ А. К. Разумовскій. На третій томъ выдается билетъ.

IV. ГЕОГРАФІЯ—ТОПОГРАФІЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Города обширной Монголіи. А. Позднѣева. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Digitized by Google

Путевые очерки и картины. Вашингтонъ Ирвингъ. Перев. съ англійскаго А. Глазуновъ. Москва, 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3р.

Путешествіе по Китаю въ 1874 — 1875 г.г. чрезъ Сибирь, Монголію, восточный, средній и сѣверо-западный Китай. Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Пясецкаго, въ 2-хъ томахъ, съ 24 рисунками и картою пройденнаго пути. Спб. 1880 г. Ц. 6 р., съ перес.

Страна солнца. I. Съ бобомольцами въ пустынѣ. II. Съ русскимъ караваномъ въ Сибазаркѣ. III. Самъ-другъ. IV. Въ святомъ Хорассанѣ. V. На обратномъ пути.— Съ картою пройденнаго пути. П. Огородникова. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 коп.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Курсъ политической экономіи. Составилъ Э. Вреденъ. Второе, переработанное изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ пересылкою.

Мелкій земельный кредитъ. Проектъ устава земскаго банка мелкаго сельскаго земельнаго кредита. Спб. 1880 г. Ц. 20 к., съ пер. 40 к.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, съ приложеніемъ статьи: „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года". Ю. Э. Янсономъ. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Миль. 2 т. Ц. 5 р., нѣс. 3 ф.

Переселеніе крестьянъ Вятской губерніи. Изслѣдованіе Вятскаго губернскаго и земскаго статистика Н. Романова. Вятка. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Профес. Ю. Э. Янсона. Томъ II. Промышленность и торговля. Отдѣлъ I. Статистика сельскаго хозяйства. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. Т. I. Территорія и населеніе. Ц. 2 р., съ перес.

Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація Юго-восточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ. П. А. Соколовскаго. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 70 к., съ пер. 2 р.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Аленькій цвѣточекъ. Сказка С. Т. Аксакова. Изданіе Комитета Грамотности. Спб. 1880 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Басни И. А. Крылова. Съ біографіею автора, написанною П. А. Плетневымъ. Двадцатое полное иллюстрированное изданіе. Въ роскошномъ переплетѣ, съ хромолитографир. рисунк. и съ рисунками въ текстѣ. И. С. Панова. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Басни И. А. Крылова. Девятнадцатое полное изданіе, съ рисунками въ текстѣ. И. С. Панова. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Басни И. А. Крылова. Съ біографіею автора, написанною П. А. Плетневымъ. Двадцатое полное изданіе, съ рисунками въ текстѣ. И. С. Панова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Бытовые очерки и картины. Собраніе повѣстей и разсказовъ для дѣтей средняго возраста, съ 6-ю рисунками. Изд. М. Малышевой и А. Пѣловой. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. съ перес.

Двѣнадцать дѣтскихъ пѣсенъ, приспособленныхъ къ подвижнымъ играмъ. Сост. М. А. Мамонтова и М. Т. Солнцева. М. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Крутиковъ. А. Г. Ковальской. Изданіе Спб. Комитета Грамотности. Спб. 1881 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Мать и дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. Содержаніе:—I. Наслѣдственность.—II. Беременность.—III. Жизнь утробнаго младенца.—IV. Уходъ за новорожденнымъ.—V. Уходъ за родильницей.— VI. Одежда грудныхъ дѣтей.—VII. Дѣтская и ея принадлежности.—VIII. Мать и кормилица.—IX. Искусственное вскармливаніе.—X. Первые годы жизни. Сочиненіе В. Н. Жукъ, съ 92 рисунками. Спб. 1881 г. Ц. 2 р, съ пер. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

На отдыхѣ. Иллюстрированные разсказы для маленькихъ дѣтей. Е. Н. Водовозовой, съ 40 картинками въ текстѣ и виньеткою, рисованными художникомъ К. Голембіовскимъ. Спб. 1880 г. Ц. въ бум. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к., въ англійскомъ пер. 3 р. 20 к., съ пер. 3 р. 50 к.

Начальная алгебра. Составилъ І. Сомовъ, ординарный академикъ И. Академіи Наукъ и Профес. Спб. Университета. Изданіе пятое, съ дополнительными статьями, содержащими Курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 80 к.

Новый и полный самоучитель Татарскаго языка или руководство научиться безъ посторонней помощи говорить и читать русскимъ по татарски и татарамъ по русски. Состав. по новѣйшимъ руководствамъ учителемъ Ш. Сапновымъ. К. 1880 г. Ц. 45 к., съ пересылкою.

Наука воспитанія. Полный переводъ съ

Digitized by Google

англійскаго А. Бэна. Изданіе журнала „Семья и Школа". Спб. 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб.

О дѣлахъ литейскихъ, разсказы стараго учителя. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

☞ Очеркъ современнаго состоянія заграничной народной школы. Я. Т. Михайловскаго. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

По бѣлу свѣту. А. Острогорскаго. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

☞ Приготовительный курсъ географіи, основанный на изученіи города С.-Петербурга, съ приложеніемъ рисунковъ. Составила учительница элементарной школы А. Лиліенбергъ. Спб. 1879 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Прохожій. Д. В. Григоровича. Изд. спб. комитета грамотности. Спб. 1880 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Профессіональныя школы и обученіе ремесламъ. Н. Х. Весселъ. Спб. 1881 г. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 р. 25 к.

Пѣсни для школы, дѣтскія и народныя, на одинъ, на два и на три голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Гр. Маренычъ. Спб. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб.

Приключенія Робинзона Круза. Составлено А. Н. Яхонтовымъ. Съ картинками въ текстѣ. Изд. спб. комитета грамотности. Спб. 1881 г. Ц. 20 к., съ пересылк. 25 коп.

Предметные уроки по мысли Песталоцци. Руководство для занятій съ дѣтьми въ школѣ и дома. Составилъ П. Перевлѣсскій. Изданіе шестое. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

☞ Разсказъ о мальчикѣ, который отыскиваетъ своего отца пропавшаго безъ вѣсти въ Сѣверномъ Полярномъ морѣ. Съ политипажами. Переводъ С. И. Снессоревой. Второе изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 60 к., съ перес. 85 к.

Разсказы моимъ дѣтямъ. Съ политипажами въ текстѣ. С. А. Вобровскій. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Робинзонъ въ русскомъ лѣсу. Разсказъ для дѣтей, съ рисунками въ текстѣ. Ѳ. Кочулковой. Спб. 1881 г. Ц. въ бум. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; въ папкѣ 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.; въ англійскомъ переплетѣ 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики, изложенной по новому плану. Считаемъ въ образцахъ для младшаго возраста. Сост. К. Ѳ. Петровъ. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1881 г. Цѣна 50 к., съ пер. 60 к.

Родной край. Книга для класснаго и домашняго чтенія учениковъ стараго отдѣленія народной школы Сост. Ѳ. С. Матвѣевъ. Спб. 1879 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Сборникъ бытовыхъ статей по русской исторіи. Русь до татарскаго нашествія. Выпускъ I. Въ пособіе учащимся. Составилъ К. Елпатьевскій. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Серія первонач. учебниковъ. Введеніе. Проф. Гексли. Перев. съ англійскаго Антоновича. Спб. 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 коп.

Сборникъ избранныхъ басенъ Крылова, Масальскаго, Хемницера, Дмитріева и Измайлова. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія, какъ учебное пособіе для городскихъ и уѣздныхъ училищъ и для приготовительныхъ классовъ гимназій. Сост. С. Волженскій. Спб. 1880 г. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Семейство Шалеевыхъ. Изъ семейной хроники. Сочин. Евгенія Туръ. Съ картинками. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною комиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Спб. 1878 г. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

Справочная книжка и указатель русскаго правописанія. Составилъ В. П. Геннингъ, преподаватель 1-го Спб. реальнаго училища. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Учебникъ химіи. Составилъ С. Ковалевскій, препод. химіи и физики въ Спб. 1-мъ реальномъ училищѣ. 3-ое изданіе, переработанное и дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Учебная книга для ротныхъ школъ и пособіе унтеръ-офицерамъ къ обученію молодыхъ солдатъ. Сост. Капитанъ Тарасевичъ. 2-ое изд. Казань. 1880 г. Ц. съ пер. 60 к.

У рабочихъ людей. А. Острогорскаго. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Фонаринъ. Иллюстрированные разсказы для дѣтей. Составила А. Я. Гудзилевичъ. Москва. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія. Сочин. С. Н. Кривенко. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

☞ Чистописаніе и скорописаніе. Русскія правописи съ объясненіями. Методическое руководство къ обученію письму, для школь-

Digitized by Google

ваго и домашняго употребленія. Составилъ Преподаватель Рижской учительской семинаріи И. Н. Малиновскій. Рига. 1881 г. Ц. 65 к., съ пер. 75 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

О Малорусскомъ правописаніи. М. Тулова. В. 1879 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Начертаніе славянской палеографіи. Соч. Романа Брандта. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Сочин. П. Житецкаго. К. 1876 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической Палеонтологіи Славянъ. А. Будиловича. 2 вып. Кіевъ. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

VIII. МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составилъ Академикъ І. Сомовъ. Изданіе третье. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 коп.

Курсъ Аналитической механики. Составилъ Д. Бобылевъ, профессоръ Спб. Университета. І. Часть Кинематическая. (Съ четырьмя листами чертежей). Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Курсъ теоретической ариѳметики. Жозефа Бертрана, члена Парижской Академіи Наукъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Сост. І. Сомовъ. 2-е изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Начертательная геометрія. Составилъ І. Сомовъ. Изданіе третье. Спб. 1881 г. Цѣна 2 р. съ атласомъ, съ пересылкою 2 р. 50 к.

Основанія химіи. Составилъ И. Бокій, съ предисловіемъ Н. И. Бекетова, съ рисунками въ текстѣ и приложеніемъ таблицы качественнаго анализа. Изданіе 2-е, испр. и дополненное. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Органическая химія. Профессора П. Алексѣева. 2-ое, измѣненное и дополненное изданіе. К. 1880 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 рубля.

Превращеніе энергіи. Очеркъ теоріи современной физики. Г. Кребса. Съ 60-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Физическая химія Н. Н. Любавина. Выпускъ І. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Выпускъ ІІ. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 3 р.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

☞ **Алупкъ—Зимняя станція.** Замѣтки для больныхъ. И. Н. Л — ва. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Ботаническій атласъ Шуберта съ приложеніемъ краткаго пояснительнаго текста. Переводъ Н. И. Раевскаго. 2-ое изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 7 руб., съ перес. 8 р. 50 к.

Бользни нарушныхъ движеній полевыхъ органовъ Проф. Д-ра Гильденбрандта. Съ 27-ю политипажами въ текстѣ. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 70 к.

Вредныя насѣкомыя и мѣры для борьбы съ ними. Руководство для сельскихъ хозяевъ, народныхъ учителей и учительскихъ семинарій. Составилъ К. Л. Брамсонъ, часть 1-я. Отдѣлъ І. Насѣкомыя, вредныя для большей части культурныхъ растеній. Отдѣлъ ІІ. Насѣкомыя, вредныя для полеводства, луговодства и огородничества. Съ 2-мя таблицами рисунковъ. Екатеринославъ. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Вѣнская клиника. Собраніе лекцій практической медицины. Перев. съ нѣмецкаго. Подъ редакціею д-ра М. М. Шершевскаго. Т. І, въ 12-ти выпускахъ. Ц. 4 р. 15 к., съ пер. 5 р., Т. ІІ въ 9-ти выпускахъ. Ц. 3 р. 60 к., съ перес. 4 р.

Вильямъ Карпентеръ (авторъ „Основъ физіологіи ума“). Месмеризмъ, одизмъ, спиритизмъ. Съ исторической и научной точекъ зрѣнія. Изданіе И. И. Билибина. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

☞ **Дифтеритъ.** Критическій этюдъ. Сочиненіе Д-ра М. Зеленскаго. Для врачей и родителей. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Курсъ общей физіологіи Клода Бернара. Лекціи, читанныя въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. Съ 45-ю рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☞ **Compendium практической медицины** для врачей и учащихся. Д-ра К. Ф. Кунце. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ предисловіемъ Проф. Ѳ. Ѳ. Меринга. Кіевъ. 1881 г. Ц. 3 р. съ пер.

Каталепсія и месмеризмъ. Проф. Бенедикта. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею д-ра Н. Н. Дмитріева. Спб. 1880 г. Ц. 50 коп., съ перес. 65 коп.

Карманная книга рецептовъ по Кёлеру. Составилъ и дополнилъ Н. Жукъ. Кіевъ 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Digitized by Google

Какъ предохранить себя отъ венерической болѣзни и отъ эксплуатаціи шарлатановъ при ея леченіи. Д-ра Edmonda Langlebert'a. Переводъ съ французскаго д-ра Надскаго. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 коп.

Курсъ венерическихъ болѣзней. Доцента А. Ге. Лекціи, читанныя въ императорскомъ казанскомъ университетѣ. Казань. 1881 г. Цѣна за два выпуска 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Какъ предупреждать зараженіе послѣродовою горячкою. Проф. Цвейфеля. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею и съ предисловіемъ проф. К. Ф. Славянскаго. Спб. 1880 г. Ц. 20 к., съ перес. 30 к.

Какъ и чѣмъ кормить больныхъ страдающихъ желудкомъ. Д-ра Wiel'a. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго дополненнаго изданія В. Сигриста. Съ предисловіемъ проф. В. Манассеина. Спб. 1881 г. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

Лекціи общей патологіи (патологической физіологіи). Ордин. Проф. М. Я. А. Виктора Пашутина. Часть вторая. Патологія системы тѣла. Спб. 1881 г. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. Часть первая. Патологія тканей (гистопатологія). К. 1878 г. Ц. 3 р. съ пер.

Лекціи о новѣйшихъ способахъ леченія сифилиса. D-r C. Sigmund Ritter v. Hanor. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія И. Я. Мировича. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 к.

Лѣсныя бесѣды для русскихъ лѣсовладѣльцевъ и лѣсничихъ. Составилъ Ал. Рудзскій. Профессоръ лѣсного института. Охраненіе и управленіе.—Отпускъ и продажа.—Выборочныя и сплошныя рубки.—Соединеніе лѣсного хозяйства съ сельскимъ.—Пастьба скота въ лѣсахъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 коп.

Массажъ, его исторія, примѣненіе и дѣйствіе. Д-ра Бела-Вейсъ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею д-ра Е. В. Павлова. Спб. 1880 г. Ц. 80 коп., съ перес. 1 руб.

Новѣйшія изслѣдованія по различнымъ отраслямъ медицинскихъ наукъ. Сборникъ работъ врачей института императорской медико-хирургической академіи. Изданный ко дню 50-ти-лѣтняго юбилея службы Ивана Тимофеевича Глѣбова. Спб. 1880 г. Цѣна 4 р., съ перес. 4 руб. 50 коп.

Общее сельско-хозяйственное растеніеводство. Ф. Габерландта. Переводъ съ нѣм. Т. II. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Соч. Чарльза Дарвина. Спб. 1872 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Обзоръ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ вопросамъ винокуреннаго производства. Съ политипажами въ текстѣ, 2-мя таблицами политипажей, одной хромолитографированною таблицею и 5-ю таблицами чертежей. Изданіе редакціи журнала «Техническій Сборникъ». Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Организація сельско-хозяйственнаго промысла. В. Хлѣдзинскій. Выпускъ второй. Системы хозяйства.—Вступленіе въ организацію.—Полеводство.—Луга и пастбища.—Спеціальныя культуры.—Скотоводство. Варшава. 1880 г. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

О ранѣ съ клинической точки зрѣнія, профессора Нуссбаума. Переводъ съ примѣчаніями Владиміра Недзисоцкаго. Кіевъ. 1881 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Популярное руководство къ содержанію зубовъ и полости рта, съ приложеніемъ необходимыхъ свѣдѣній объ искусственныхъ зубахъ. Д-ра Вильгельма Зюерсена. Перев. съ 8-го издан. Спб. 1880 г. Ц. 70 к., съ перес. 80 к.

Производство спирта изъ ина, дерева, соломы, сѣна, и т. п. и новый способъ винокуренія съ минеральными кислотами. Инженеръ-технологъ Н. П. Мельникова. Съ чертежами и планами заводовъ (хромолитографированными). Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

Производство глиняныхъ издѣлій. Сост. технологъ А. Яковлевъ. 6 таблицъ чертежей. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ перес. 3 р.

Посѣвъ полевыхъ растеній и употребленія при немъ машины и орудія. Сост. П. Костѣевъ и В. Черняевъ. Съ 54-мя политипажами въ текстѣ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи. Составленное подъ редакціей доктора Г. Цимссена. Томъ XI. Часть IV. Вторая половина болѣзни продолговатаго мозга. Переводъ со второго изданія доктора Д. Н. Фридберга. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. —Томъ VI. Руководство къ болѣзнямъ аппарата кровообращенія. Проф. S. Rosenstein'a въ Лейденѣ, проф. L. Schrötter'a въ Вѣнѣ, проф. J. Bauer'a въ Мюнхенѣ, пок. проф. H. Lebert'a въ Вевэ. проф. H. Quincke въ Килѣ. Переводъ со второго изданія (конца 1879 года). Д-ра Д. Г. Фридберга. Съ 30 рисунками въ текстѣ. 1881 г. Ц. 4 р. 50 коп., съ перес. 5 р.

Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Руководство къ наивыгоднѣйшему устройству и веденію огороднаго и садоваго хозяйства. Соч. Р. И. Шредера. Второе, вновь пересмотрѣнное, исправлен-

Digitized by Google

вое и пополненное изданіе съ 67-ю политипажами. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи съ обращеніемъ особеннаго вниманія на физіологію и патологическую анатомію. Д-ра Felixa von Niemeyer, вновь обработанное д-ромъ Eug. Seits'омъ. Переведъ съ десятаго, измѣненнаго и дополненнаго, нѣмецкаго изданія Михаилъ Ліонъ. Томъ I, выпускъ первый: Болѣзни органовъ дыханія и кровообращенія. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб.

Скотоводство Г. Зеттегаста. Переводъ съ четвертаго, вновь обработаннаго изданія подъ редакціей Д-ра О. А. Грима въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1881 г. Ц. 7 р., съ пер. 8 р.

Современное положеніе вопроса о дезинфекціи. Д-ра Верниха. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею и съ примѣчаніями проф. А. Н. Доброславина. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ перес. 70 к.

Такъ называемый животный магнетизмъ. Физіологическія наблюденія профессора Р. Гейденгайна. Переводъ съ четвертаго дополненнаго нѣмецкаго изданія д-ра И. Павлова. Спб. 1880 г. Ц. 75 коп., съ перес. 90 к.

Учебникъ физіологіи. Эриста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Ученіе о грызкахъ, профессора Лингарта. Съ 67-ю рисунками въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. В. Попова, приватъ-Доцента И. М. Х. Академіи. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Ученіе о скотозаводскомъ искусствѣ. Г. Зеттегастъ. Перев. съ нѣм., съ 33-мя рисунками въ текстѣ и 4-мя гравюрами. Ч. I. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Ученіе о пищевареніи. 12 лекцій, читанныхъ д-ромъ К. А. Эвальдомъ. Переводъ подъ редакціей профес. И. Р. Тарханова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Хирургическія операціи, Н. Студенскаго. Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное, со многими рисунками въ текстѣ. Казань. 1881 г. Ц. 1 р. 15 к. съ пер. 1 р. 35 к.

Цвѣтовая алгебра. Д-ра А. Ф. Рейса. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею д-ра В. И. Добровольскаго. Спб. 1881 г. Цѣна 60 коп., съ перес. 75 к.

Электричество въ медицинѣ, Цимсена. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціею К. Г. Тритшеля. Кіевъ 1881 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Элементы Зибріологіи Фостера и Бальфура. Съ 70 рисунками. Перев. съ англійскаго, подъ ред. О. А. Гримма. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

X. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Гражданскіе законы и обычное право Россіи въ общемъ ихъ сводѣ, со включеніемъ законовъ Финляндіи, Царства Польскаго, Остзейскаго края и Бессарабіи, еврейскихъ и мусульманскихъ. Систематическій сборникъ для руководства при университетскомъ изученіи курса общаго гражданскаго права Россіи. Кронида Ив. Малишева, доцента спб. университета. Т. I (919 стр.), Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Начала Русскаго Государственнаго Права. А. Градовскаго. Профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Томъ II. Органы управленія. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

О Компромиссѣ, Джона Морли. Переводъ со второго изданія, съ предисловіемъ и статьею „О духѣ Компромисса въ Англіи". М. Цебриковой. Спб. 1881 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1878 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. II. О доказательствахъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. I. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ перес.

Основанія соціологіи. Герб. Спенсера. Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ прибавленіи помѣщены замѣтки Э. Б. Тайлора по вопросу объ анемизмѣ и отвѣты на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II вмѣстѣ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству. Опытъ систематическаго обозрѣнія. К. Кавелина. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. съ пер.

Руководство къ особенной части русскаго и уголовнаго права. Сост. магистръ правъ Н. А. Неклюдовъ. — Томъ первый. Преступленія и проступки противу личности. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. — Томъ второй. Преступленія и проступки противу собственности. Ц. 4 р. 50 к., съ пересыл. 5 р.—Томъ третій. Преступленія: 1) противу брака и правъ семейственныхъ; 2) противу закона о состояніяхъ; 3) общеопасныя преступленія (поджогъ и т. д.). Ц. 3 р. 50 к.,

Digitized by Google

съ пер. 4 р. — **Томъ четвертый.** Сокритіе истины; сокритіе своей личности; лжеприсяга и лжесвидѣтельство; ложный доносъ и ябеда: подлогъ и поддѣлка. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Сборникъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената, *по желѣзнодорожнымъ дѣламъ* за 1866—1879 г.г. Сост К. И. Масляниковъ. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 2 р. 80 коп.

☞ **Систематическій уставъ о векселяхъ** Св. Зак. Т. XI. Кн. II. Составилъ Л. Астафьевъ. На основаніи рѣшеній общаго собранія Правительствующаго Сената, Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента и С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда. Съ приложеніемъ устава о векселяхъ. Уст. Гр. Суд. о взысканіяхъ по векселямъ у Мир. судей и въ Окруж. Суд. и порядки производства въ вексельномъ отдѣленіи Спб. Ком. суда. 2-е издан. значительно дополненное. Кіевъ. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Сравнительная политика и единство исторіи. Эдуарда Фримана. Перевелъ съ англійскаго Николай Коркуновъ. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Соціологія. Основная задача ея и методологическія особенности, мѣсто въ ряду наукъ, раздѣленіе и связь съ біологіею и психологіею. Евгенія де-Роберти. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р. съ пересылкою.

Сборникъ государственныхъ знаній, подъ редакціей В. П. Безобразова. Т. VIII. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Ссылка на Западѣ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи. И. Я. Фойницкаго. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1-е декабря 1879 г. Составлено профес. Спб. университета Н. С. Таганцевымъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 4 р., съ пересылкою въ прочномъ и изящномъ шагреневомъ переплетѣ 5 р. съ перес.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, съ дополненіями по 1 января 1879 г. Съ приложеніемъ мотивовъ и извлеченій изъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Сост. Профес. Спб. Университета Н. С. Таганцевымъ. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Всеобщій учебникъ музыки. Руков. для учителей и учащихся по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго образованія, А. Б. Маркса. Перев. съ 9-го нѣмецкаго изданія подъ ред. А. С. Фаминцына. Москва. 1881 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Элементарный курсъ черченія и теоріи рисованія геометрическихъ формъ. Сост. А. Швайкевичъ, въ 3 отдѣлахъ съ приложеніемъ 274 чертежей. Отдѣлъ I. Общее понятіе о геометрическихъ формахъ. Отдѣлъ II. Общее понятіе о геометрическомъ черченіи. Отдѣлъ III. Общее понятіе о перспективѣ и тѣняхъ. Одесса. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Карманный музыкальный словарь. (Терминологія Гарраса). Изданіе 4-ое, дополненное Кн. В. Ѳ. Одоевскимъ. Москва, 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Руководство къ изученію стенографіи, въ 25 уроковъ безъ помощи учителя по системѣ Габельсберга. Составилъ стенографъ Ѳ. П. Темниковъ. 3-ье дополненное изданіе. О. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

☞ **Сборникъ Древне-Славянскихъ и Южно-Русскихъ народныхъ узоровъ.** Состав. Е. Сокологорская. Кіевъ. 1881 г. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Южно-русскій орнаментъ, собранный А. Лисенко.—Изд. И. А. Розова. Роскошный альбомъ, вмѣщаетъ въ себѣ множество самыхъ красивыхъ и разнообразныхъ узоровъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько цвѣтовъ, на хорошей бумагѣ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Всадникъ. Практическій Курсъ верховой ѣзды Виктора Франкони. Переводъ съ французскаго Л. П. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій, со включеніемъ употребительнѣйшихъ словъ арабскихъ и персидскихъ и съ переводомъ на русскій языкъ. Составилъ Лазарь Будаговъ. 2 т. Спб. 1871 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Digitized by Google

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммиссіонеровъ Императорскаго Русск. Музык. Общества, Московскаго Отдѣленія

I. ЮРГЕНСОНА, П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9 (на углу Невскаго проспекта).

Москва, Неглинный проѣздъ, № 10 (на углу Кузнецкаго моста).

поступило въ продажу

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ:

ДЛЯ ДВУХЪ СКРИПОКЪ: **Ванхаль**, 24 легкіе дуэта (50 к.). **Віотти**, Полное собраніе его дуэтовъ, 13 выпусковъ, въ каждомъ по 3 дуэта (каждый выпускъ 50 к.). **Гебауеръ**, 12 дуэтовъ для начинающихъ (60 к.). **Крейцеръ**, Всѣ дуэты, 6 выпусковъ (по 50 к.). **Мазасъ**, 12 маленькихъ дуэтовъ ор. 38, 2 тетр. (по 50 к.). 6 дуэтовъ ор. 39, 2 тетр. (по 50 к.). 6 блестящихъ дуэтовъ ор. 40, 2 тетр. (по 50 к.). 6 большихъ дуэтовъ, ор. 41, 2 тетр. (по 60 к.). 6 весьма легкихъ дуэтовъ ор. 60, (50 к.). 6 легкихъ дуэтовъ ор. 61, (50 к.). 3 дуэта ор. 61, (50 к.). 12 маленькихъ дуэтовъ ор. 70, 2 тетр. (по 60 к.). 6 концертныхъ дуэтовъ ор. 71, 2 тетр. (по 50 к.). 6 дуэтовъ ор. 72, 2 тетр. (по 60 к.). Мелодическіе этюды съ аккомп. 2-й скрипки, 2 тома (по 1 р.). **Миллеръ**, 6 легкихъ дуэтовъ (50 к.). **Плейель**, Избранные дуэты, 5 выпусковъ (по 50 к.). **Роде**, 6 любимыхъ дуэтовъ, 2 выпуска (по 50 к.). **Ролла**, 3 концертныхъ дуэта (50 к.). 10 этюдъ-дуэтовъ (50 к.). **Шубертъ**, Легкіе прогрессивные дуэты, составленные изъ сочиненій Гайдна, Моцарта, Бетховена, Мендельсона, Шуберта, Шопена и Вебера, 7 выпусковъ (по 50 к.). **Циникзейзенъ**, 24 маленькихъ дуэта (50 к.). **„Дуэтный Альбомъ“**, 132 любимыхъ мелодій для двухъ скрипокъ (въ 1-й позиціи) (75 к.). **„Оперный Альбомъ“** для двухъ скрипокъ, 2 тома (по 60 к.). Сто народныхъ мелодій (60 к.). 66 народныхъ танцевъ (60 к.).

ДЛЯ ОДНОЙ СКРИПКИ: **Гавинье**, 24 этюда (50 к.). **Крейцеръ**, 40 знаменитыхъ этюдовъ (50 к.). **Мазасъ**, Мелодическіе этюды, 3 тетр. (по 60 к.). 8 мелодій (50 к.). **Прюмъ**, 6 большихъ этюдовъ (50 к.). **Роде**, 24 этюда (Каприсы) (50 к.) **„Strauss-Album“**, Любимые танцы и марши Страуса (отца) (50 к.). **„Album-français“**. 100 мелодій (50 к.). **„Les petits chefs-d'oeuvres“**. 100 оперныхъ мелодій и пр. (50 к.). **„Lanner-Album“**, 20 любимыхъ вальсовъ Ланнера (50 к.). **„Strauss-Album“**, 30 любимыхъ танцевъ Страуса (сына) (1 р. 50 к.).

ПОЛНЫЯ ОПЕРЫ для фортепіано въ 4 руки: **Фиделіо** (1 р.). Эгмонтъ (50 к.). Норма (1 р.). Сомнамбула (1 р.). Оберонъ (1 р.). Волшебный стрѣлокъ (90 к.). Цампа (1 р. 25 к.). Дочь полка (1 р. 50 к.). Лукреція Борджіа (1 р. 50 к.). Сонъ въ лѣтнюю ночь (60 к.). Аталія (60 к.). Донъ Жуанъ (1 р. 25 к.). Волшебная флейта (1 р.). Свадьба Фигаро (1 р. 40 к.). Севильскій Цирюльникъ (1 р.). Фенелла (1 р. 50 к.). Бѣлая дама (1 р.). Водовозъ (1 р.). Лючія (1 р.). Марта (3 р.). Орфей (Глюка) (1 р.). Ночь въ Гренадѣ (75 к.). Виндзорскія кумушки (1 р.). Трубадуръ (3 р.). Преціоза (50 к.). **Оратоpіи**: Семь словъ Спасителя (50 к.). Св. Павелъ (1 р.). Илья Пророкъ (1 р.). Mathäus-Passion (Баха). (1 р. 50 к.). Missa Solemnis (Бетховена) (1 р. 50 к.). Мессія (Генделя) (1 р.). Сотвореніе міра (75 к.). 4 времени года (1 р.). Lobgesang (Мендельсона) (75 к.). Реквіемъ (Моцарта) (50 к.),

На пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Требованія Гг. иногородныхъ исполняются съ первою отходящею почтою. Каталоги дешевымъ изданіямъ высылаются безплатно. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, какъ бы они ни были изданы и объявлены.

Свѣжія итальянскія струны высшаго достоинства.

Б

Digitized by Google

BULLETIN LITTÉRAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER

St.-Pétersbourg, Perspective de Newsky, № 14.

Nouveautés de l'Avril, 1881.

BENT, Genoa how the republic rose and fell. 11 r. 70 k.
BEUST, Erinnerungen zu Erinnerungen. 90 k.
BOLANDEN, Altdeutsch. Histor. Roman 3 Bde. 4 r. 50 k.
CARLYLE, Reminiscences. 2 Bde. 11 r. 70 k.
CLERICUS, Familiencalendarium der Souverainen Häuser Europas. 3 r. 30 k.
CUI, La musique en Russie. 2 r. 50 k.
EBERS, Eine Frage. Idyll zu einem Gemälde seines Freundes Tadema. 2 r. 10 k.
FALKE, Die Kunst im Hause, illustr. Prachtausg. in 10 Lfgen. à 3 r. 60 k.
FLEURIOT, Tombée du nid. 1 r. 50 k.
FRIEDLÄNDER, Darstellungen aus der Sittengeschichte Rom. 1 Lfg. 5 Aufl. 1 r. 80 k.
GONCOURT, La maison d'un artiste. 2 Bde. 3 r. 50 k.
GOPCEVIC, Ober Albanien und seine Liga. 6 r. 90 k.
GÖTHE—JAHRBUCH. II. 6 r. 60 k.
GROVE, Le Caucase glacé. 1 r. 50 k.
KALTBRUNNER, Der Beobachter. Allg. Anleitung zu Beobachtungen über Land u. Leute in 10 Lfgen à 70 k.
KIEPERT, Cartes des nouvelles frontières entre la Serbie, la Roumanie, la Boulgarie et les provinces immédiates de la Turquie, selon les décisions du Congrès de Berlin Juillet 1878. 2 r. 40 k.
LETHBRIDGE, A short manual of the history of India. 3 r. 25 k.
MARKHAM, A polar reconnaissance being the voyage of the Isbjörn to Novaya Zemlya in 1879. 10 r. 40 k.
MARRAST, La vie Byzantine au VI-e siècle. 4 r.
MARVIN, Merv, the queen of the world. 11 r. 70 k.
MIGNATY, Le Corrège, sa vie et son oeuvre. 5 r.
MONTÉGUT, Poètes et artistes de l'Italie. 1 r. 75 k.
PAGET, The light cavalry brigade in the Crimea. 6 r. 80 k.
PERRIER, Les colonies animales et la formation des organismes. 9 r.
PERTY, Die sichtbare und die unsichtbare Welt Diesseits & Jenseits. 3 r.
PREUSSENS Heer unter Kaiser Wilhelm in 10 Lfgen. à 2 r. 40 k.
RATTAZZI et son temps, documents inédits. I. 4 r.
RÉPERTOIRE, politique et historique 1880. 5 r.
SCHANZ, Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters. 2 Bde. 19 r. 20 k.
SCHIRRMACHER, Geschichte Castiliens im 12-ten u. 13-ten. Jahrhunderts. 7 r. 20 k.
SCHMIDT, Johannisnacht. Dorfgeschichten aus den Bayrischen Vorbergen 1 r. 45 k.
STRATFORD DE REDCLIFFE, The Eastern question 5 r. 85 k.
STURM (Jul.) Das Deutsche Haus im Schmucke der Poesie und Kunst in c°. 12 Lfgen. à. 60 k.
TOMASCHEK, Ethnologische Forschungen über Ost-Europa u. Nord-Asien. I. Die Goten in Taurien. 1 r. 20 k.
TYLOR, Anthropology: an introduction to the study of man and civilisation. 4 r. 85 k.
UGENY, Russland u. England. Aeussere und innere Gegenstände. 3 r. 60 k.
WEISHEIT u. Witz in Altdeutschen Reimen und Sprüchen. 1 r. 50 k.
WINTERFELD, Das Spuckhaus. Komischer Roman. 4 Bde. 6 r.

Digitized by Google

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О. 2-я лин.,

д. № 7.

НОВОЕ, ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. А. НЕКРАСОВА

Полное собраніе, въ одномъ томѣ.

Цѣна 3 руб.

Спб. 1881. Стр. 445. Съ біографическимъ очеркомъ.

НОВАЯ КНИГА

ТОМЪ ТРЕТІЙ:

ВОСПОМИНАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

П. В. Анненкова.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Замѣчательное десятилѣтіе. — II. Общественные идеалы А. С. Пушкина. — Н. В. Станкевичъ.

Спб. 1881. Стр. 383. Ц. 1 р. 50 к. — Цѣна за всѣ три тома — 4 р. 50 к.

РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ — Н. НЕКРАСОВЪ.

Иллюстрированное изданіе, съ 16 картинками, работы бар. М. П. Клодта, рѣзанными на деревѣ и отпечатанными въ Лейпцигѣ, у Брокгауза,

Изданіе А. А. Буткевичъ.

С.-Петербургъ, 1881. Стр. 80, большого формата. Цѣна 4 руб., въ роскошномъ переплетѣ, съ пересылкою.

ТОМЪ ВТОРОЙ:

ИСТОРІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича.

Изданіе второе, вновь переработанное и дополненное, въ трехъ томахъ. Стр. 449—1120. Спб. 1881. Ц. 5 руб.

Томъ I-й — 3 рубля.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ОЧЕРКОВЪ И РАЗСКАЗОВЪ: 1847—1876 гг.

Ив. Тургенева.

Второе стереотипное изданіе. Спб. 1880. Стр. 385. Портретъ, факсимиле, біографическая замѣтка. — Ц. 2 руб., съ пер. 2 руб. 20 коп.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ ЕЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Н. Костомарова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ: Господство дома св. Владимира — X-XVI стол. — 2-е изданіе. Спб. 1880. Стр. 759. Ц. 3 руб. 50 коп.

ПИСЬМА ИЗЪ БОЛГАРІИ

Евг. Утина.

Спб. 1879. Стр. 471. Ц. 2 руб. 50 коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РУССКОЙ НАРОДНО-УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Составленъ по порученію Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, спеціальною Комиссіею.

Спб. 1878. Стр. 744. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 коп.

БѢЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Пыпина. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Цѣна 4 рубля, въ переплетѣ 4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Бѣлинскаго значительно дополнена новыми матеріалами, явившимися въ печати за послѣднее время, и новымъ рядомъ писемъ Бѣлинскаго, доселѣ неизданныхъ.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

За пересылку по почтѣ иногородные прилагаютъ 10% съ цѣны книгъ въ круглыхъ цифрахъ.

Digitized by Google

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 73. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 73.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Nosce te ipsum. (Познай самого себя). По поводу книги „Пути къ раціональному Міровоззрѣнію“ (въ отвѣтъ на рецензію и на устные отзывы). Ипполита Панаева. Спб. 1881 г. Ц. 30 к., съ перес. 50 к.

Объ образованіи человѣческаго характера. (Новый взглядъ на общество). Робертъ Оуэнъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1881 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Основанія науки о нравственности. Соч. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человѣка“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Алексѣй Слободинъ. Семейная исторія въ пяти частяхъ. А. И. Пальма. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. съ перес.

☛ **Архивъ князя Вяземскаго.** Томъ I. Князь Андрей Ивановичъ Вяземскій. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. Т. III. 1) Замѣчательное десятилѣтіе; 2) Общественные идеалы А. С. Пушкина (изъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта); 3) Н. В. Станкевичъ, (біографическій очеркъ). Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Т. I и II. Цѣна 3 р., а всѣ три тома ц. 4 р. 50 к. съ пересылкою.

Варшава и Варшавяне. Наблюденія и замѣтки Вл. Михневича. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Homo sum. Романъ. Георга Эберса. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 45 к.

Дикенсъ, какъ педагогъ. Пр. А. И. Кирпичникова. Х. 1881 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Записки Охотника. И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ; 1847—1876 г. Спб. 1880 г. **Второе стереотипное изданіе,** съ предисловіемъ, портретомъ и факсимиле. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к., въ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Женщины-Убійцы и Женщины-Избирательницы. Александра Дюма-Сына. Переводъ съ 24 французскаго изданія. Изданіе В. Д. К—вой. Спб. 1881 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

☛ **Игорь князь Сѣверскій.** Слово о полку Игоревѣ. Поэма въ двѣнадцати пѣсняхъ. Перевелъ съ древне-русскаго Николай Гербель. Изданіе шестое. Спб. 1881 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 к.

☛ **Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877 — 1878 гг.** Бывшаго командира 1-й бригады болгарскаго ополченія полковника де-Прерадовича. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

☛ **Императоръ.** Романъ Георга Эберса. Переводъ съ нѣмецкаго М. Г. Минутъ. Спб. 1881 г. Ц. за 2 тома 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Исторія неба. К. Фламаріона, съ 100 рисунками. Изданіе второе. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Историческая подготовка. Pro domo

*) Книги, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны ☛ предъ ихъ заглавіемъ.

Digitized by Google

sua. Профес. Петрова. Харьковъ. 1881 г. Ц. 30 к., съ перес. 45 к.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь передѣланное и дополненное. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ пересылкою.

Калевала, Финскій народный эпосъ. Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное изданіе съ пятью картинами. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. въ переплетѣ 3 р. съ перес.

☛ **Маруся.** Переводъ съ малороссійскаго Марка Вовчка. Съ десятью рисунками Башилова и барона Клодта. Спб. 1872 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

М-lle Бисмаркъ. Романъ изъ парижской жизни. Анри Ромфора. Съ портретомъ автора. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 30 к. съ перес. 1 р. 50 к.

☛ **Молотъ и наковальня.** Романъ въ трехъ частяхъ Фр. Шпильгагена. Переводъ съ нѣмецкаго Л. П. Шелгуновой. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

☛ **Національные романы, повѣсти и сказки.** Сочиненія Эркмана Шатріана. Въ двухъ томахъ. Съ 50 рисунками художн. Шулера, Юндта, Ріу, Бенета и Гаука. Спб. 1872 г. Ц. за 2 тома 2 руб., съ пер. 2 р. 50 коп.

Неудачная экспедиція въ Китай 1874 — 1875 гг. Въ отвѣтъ на защиту Г. Сосновскаго по поводу книги «Путешествіе по Китаю». П. Я. Пясецкаго. Доктора медицины, автора „Путешествія по Китаю". Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

☛ **Основы науки,** трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ Стенли Джевонса. Переводъ со втораго англійскаго изданія. М. Антоновича. Спб. 1881 г. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Н. Ф. Сумцова. Харьковъ. 1881 г. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Очерки исторіи русской журналистики С. Весина. Двадцатые и тридцатые года. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Письма изъ Болгаріи въ 1877 г. Евг. Утина. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на веленевой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ. Ц. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.—Портретъ особо: 50 к.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Т. IV (стихотворенія 1828—1852 г.). Ц. 2 р. Т. V. Фонъ-Визинъ. Ц. 2 р. за пересылку по 1 р. Спб. 1881 г.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ VI. 1853—1855 г. Французскій подлинникъ съ русскимъ переводомъ. Lettres d'un vétéran Russe de l'année 1812 sur la question d'Orient, publiées par P. D'Ostafievo. Письма русскаго ветерана 1812 года о Восточномъ вопросѣ, переведены съ французскаго языка П. И. Бартеневымъ. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

☛ **Современные итальянскіе писатели.** А. Д. Барриллн въ переводѣ В. Крестовскаго (псевдонимъ). Т. I. Жизнь съизнова.—Капитанъ Додеро. — Странная ночь. Спб. 1877 г. Цѣна 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 3-е, безъ перемѣны. 4 т. Спб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р.

☛ **Сочиненія Марка Вовчка.** Т. I-й. Разсказы изъ украинскаго народнаго быта. — Т. II-й. Разсказы изъ русскаго народнаго быта.—Спб. 1870 г. Ц. за 2 т. 3 руб., съ пер. 3 р. 50 к.

Сочиненія Н. К. Михайловскаго. Томъ I. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. съ пер. Томъ II. Полемическіе матеріалы для политическаго словаря. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Сочиненія Н. К. Михайловскаго. Томъ третій. Записки профана. Спб. 1881 годъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Полное собраніе въ одномъ томѣ. 1842—1877 гг. Спб. 1881 г. Ц. 3 р. съ перес. 3 р. 30 к.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе, съ портретомъ, факсимиле, біографіею, приложеніями, примѣчаніями и т. д. 4-ре тома. Спб. 1879 г. Ц. на веленевой бумагѣ въ переплетѣ 12 р., съ перес. 14 р.

Трумфъ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. И. А. Крылова. Спб. 1880 г. Цѣна 50 к., съ пер. 65 к.

Трудные годы (1876—1880 г.). Очерки и опыты. А. Градовскаго. Проф. Спб. Университета. Спб. 1880 г. Ц. съ пер. 2 р.

Устраненіе чтенія лекцій въ Академической или Университетской системѣ преподаванія наукъ. В. Герасимова. Спб. 1881 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Біографія. Его сочиненія. Послѣднія минуты его жизни. Проводы тѣла, похороны его и овація русскаго общества. Спб. 1881 г. Ц. 40 к., съ перес. 50 коп.

III. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Александръ Андреевичъ Иванов. Его жизнь и переписка 1806—1858 гг. Издалъ Михаилъ Боткинъ, съ факсимиле и 12

Digitized by Google

гравюрами. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 80 к.

☞ **Біографіи промышленныхъ дѣятелей.** Самуила Смайльса. Переводъ Н. Бѣлозерской. Спб. 1872 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Историческій этюдъ Д. А. Корсакова. Каз. 1880 г. Ц. 3 р. съ перес.

☞ **Исторія восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій до паденія французской Имперіи** съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы. Проф. Ф. К. Шлоссера. Переводъ съ четвертаго исправленнаго изданія. Изданіе второе. Въ восьми томахъ. Съ предисловіемъ М. А. Антоновича и указателемъ къ цѣлому сочиненію. Спб. 1871 г. Ц. за 8 томовъ 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

Историческіе и критическіе опыты. Томаса Карлейля. Перев. съ англійскаго. Москва, 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

☞ **Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ.** В. Э. Гартполя Лекки. Переводъ съ англійскаго А. Н. Пыпина. Т. I. Спб. 1871 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

☞ **Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко** въ связи съ событіями его времени. Н. Григоровича. Т. I. 1747—1787 гг. Т. II. 1788—1799 гг. Спб. 1881 г. Ц. за 2 тома на простой бумагѣ 5 руб., съ пер. 6 р. На веленевой бумагѣ за 2 тома 8 р., съ пер. 10 р.

☞ **Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II.** В. И. Семевскаго. Т. I. Спб. 1881 г. Ц. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

Очеркъ Исторіи Колдовства въ Западной Европѣ. Отрывокъ изъ студенческаго сочиненія: „Очеркъ исторіи христіанской Демонологіи". 1874. Н. Ф. Сумцова. X. 1878 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.

☞ **Основныя эпохи въ исторіи Англіи.** Павлова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 80 к, съ пер. 2 р.

Очерки Древне-Римской жизни. Теодора Симонса. Пер. М. Лютова. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. (Les origines de la France contemporaine). Соч. Ипполита Тэна. Переводъ съ третьяго французскаго изданія. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.

☞ **Родъ Шереметевыхъ.** Составилъ Александръ Барсуковъ. Книга первая. Съ приложеніями: Гербъ Шереметевыхъ. — Снимки съ картинъ изъ Царственной книги.—Раскрашенные снимки изъ рукописнаго лѣтописца московской синодальной библіотеки № 962.—Снимки съ документовъ. —Родословная таблица. Спб. 1881 г. Цѣна 4 р., съ пер. 6 р.

☞ **Русскія женщины новаго времени.** Біографическіе очерки изъ русской жизни. Составилъ Д. Мордовцевъ. Въ трехъ томахъ. Т. 1-й. Женщины первой половины XVIII вѣка.—Т. 2-й. Женщины второй половины XVIII вѣка.—Т. 3-й. Женщины девятнадцатаго вѣка. Спб. 1874 г. Ц. за три тома 6 руб., съ пер. 6 р. 75 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ I: Господство дома св. Владиміра, X-XVI-е столѣтія. Изданіе 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

IV. ГЕОГРАФІЯ—ТОПОГРАФІЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Города сѣверной Монголіи. А. Позднѣева. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Путевые очерки и картины. Вашингтонъ Ирвингъ. Перев. съ англійскаго А. Глазуновъ. Москва, 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3р.

Путешествіе по Китаю въ 1874 — 1875 г.г. чрезъ Сибирь, Монголію, восточный, средній и сѣверо-западный Китай. Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Пясецкаго, въ 2-хъ томахъ, съ 24 рисунками и картою пройденнаго пути. Спб. 1880 г. Ц. 6 р., съ пересылкою.

Страна солнца. I. Съ богомольцами въ пустынѣ. II. Съ русскимъ караваномъ въ Сябзаварѣ. III. Самъ-другъ. IV. Въ святомъ Хорассанѣ. V. На обратномъ пути.— Съ картою пройденнаго пути. П. Огородникова. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 коп.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Курсъ политической экономіи. Состав. Э. Вреденъ. Второе, переработанное изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ пересылкою.

Мелкій земельный кредитъ. Проектъ устава земскаго банка мелкаго сельскаго земельнаго кредита. Спб. 1880 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, съ приложеніемъ статьи: „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года". Ю. Э. Янсонъ. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Профес. Ю. Э. Янсона. Томъ II. Промышленность и торговля. Отдѣлъ I. Статистика сельскаго хозяйства. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. Т. I. Территорія и населеніе. Ц. 2 р., съ перес.

Digitized by Google

Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и Колонизація Юго-восточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ. П. А. Соколовскаго. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 70 к., съ пер. 2 р.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Аленькій цвѣточекъ. Сказка С. Т. Аксакова. Изданіе Комитета Грамотности. Спб. 1880 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Басни И. А. Крылова. Съ біографіею автора, написанною П. А. Плетневымъ. Двадцатое полное иллюстрированное изданіе. Въ роскошномъ переплетѣ, съ хромолитографир. рисунк. и съ рисунками въ текстѣ. И. С. Панова. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Басни И. А. Крылова. Девятнадцатое полное изданіе, съ рисунками въ текстѣ. И. С. Панова. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Басни И. А. Крылова. Съ біографіею автора, написанною П. А. Плетневымъ. Двадцатое полное изданіе, съ рисунками въ текстѣ. И. С. Панова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Бытовые очерки и картинки. Собраніе повѣстей и разсказовъ для дѣтей старшаго возраста, съ 6-ю рисунками. Изд. М. Малышевой и А. Пѣловой. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. съ перес.

Двѣнадцать дѣтскихъ пѣсенъ, приспособленныхъ къ подвижнымъ играмъ. Сост. М. А. Мамонтова и М. Т. Соловьева. М. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Крутиковъ. А. Г. Коваленской. Изданіе Спб. Комитета Грамотности. Спб. 1881 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Начальная алгебра. Составилъ І. Сомовъ, ординарный академикъ И. Академіи Наукъ и Профес. Спб. Университета. Изданіе пятое, съ дополнительными статьями, содержащими Курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищахъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Наука воспитанія. Полный переводъ съ англійскаго А. Бэна. Изданіе журнала „Семья и Школа". Спб. 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб.

О дѣлахъ житейскихъ, разсказы стараго учителя. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Очеркъ современнаго состоянія заграничной народной школы. Я. Т. Михайловскаго. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

☞ **Подвижная** азбука. Съ раскрашенными картинками. 53 карточки. Изданіе А. Черенина. Москва. 1881 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 коп.

По бѣлу свѣту. А. Острогорскаго. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Приготовительный курсъ географіи, основанный на изученіи города С.-Петербурга, съ приложеніемъ рисунковъ. Составила учительница элементарной школы А. Лилienбергъ. Спб. 1879 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Прохожій. Д. В. Григоровича. Изд. спб. комитета грамотности. Спб. 1880 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Профессіональныя школы и обученіе ремесламъ. Н. Х. Вессель. Спб. 1881 г. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 р. 25 к.

Пѣсни для школы, дѣтскія и народныя, на одинъ, на два и на три голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Гр. Мареничъ. Спб. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб.

Приключенія Робинзона Крузе. Составлено А. Н. Яхонтовымъ. Съ картинками въ текстѣ. Изд. спб. комитета грамотности. Спб. 1881 г. Ц. 20 к., съ пересыл. 25 коп.

Предметные уроки по мысли Песталоцци. Руководство для занятій съ дѣтьми въ школѣ и дома. Составилъ П. Перевлѣскій. Изданіе шестое. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Разсказъ о мальчикѣ, который отыскиваетъ своего отца пропавшаго безъ вѣсти въ Сѣверномъ Полярномъ морѣ. Съ политипажами. Переводъ С. И. Снессоревой. Второе изданіе. Спб. 1881 г. Ц. 60 к., съ перес. 85 к.

Родной край. Книга для класснаго и домашняго чтенія учениковъ старшаго отдѣленія народной школы Сост. Ѳ. С. Матвѣевъ. Спб. 1879 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Сборникъ бытовыхъ статей по русской исторіи. Русь до татарскаго нашествія. Выпускъ 1. Въ пособіе учащимся. Составилъ К. Елпатьевскій. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Серія первонач. учебниковъ. Введеніе. Проф. Гексли. Перев. съ англійскаго Антоновича. Спб. 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 коп.

Сборникъ избранныхъ басенъ Крылова, Масальскаго, Хемницера, Дмитріева и Измайлова. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія, какъ учебное пособіе для городскихъ и уѣздныхъ училищъ и для приготовительныхъ классовъ гимназій. Сост. С. Волженскій. Спб. 1880 г. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Семейство Шаленскихъ. Изъ семейной хроники. Сочин. Евгенія Туръ. Съ картинками. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской перед-

Digitized by Google

но-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною коммиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Спб. 1878 г. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

Учебникъ химіи. Составилъ С. Ковалевскій, препод. химіи и физики въ Спб. 1-мъ реальномъ училищѣ. 3-е изданіе, переработанное и дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія. Сочин. С. Н. Кривенко. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Чистописаніе и скорописаніе. Русскіе правописи съ объясненіями. Методическое руководство къ обученію письму, для школьнаго и домашняго употребленія. Составилъ Преподаватель Рижской учительской семинаріи И. Н. Малиновскій. Рига. 1881 г. Ц. 65 к., съ пер. 75 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

☞ **Къ вопросу о Гунѣ.** Изслѣдованіе въ области старославянскаго вокализма. Н. В. Крушевскаго. Варшава. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

О Малорусскомъ правописаніи. М. Тулова. В. 1879 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Начертаніе славянской акцентологіи. Соч. Романа Брандта. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Сочин. П. Житецкаго. К. 1876 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической Палеонтологіи Славянъ. А. Будиловича. 2 вып. Кіевъ. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

VIII. МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА— ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составилъ Академикъ І. Сомовъ. Изданіе третье. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 коп.

Курсъ теоретической ариѳметики. Жозефа Бертрана, члена Парижской Академіи Наукъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Сост. І. Сомовъ. 2-е изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Начертательная геометрія. Составилъ І. Сомовъ. Изданіе третье. Спб. 1881 г. Цѣна 2 р. съ атласомъ, съ пересылкою 2 р. 50 к.

☞ **О законѣ сохраненія энергіи.** Р. Колли. Профессора казанскаго университета. Выпускъ первый. Казань. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Основанія химіи. Составилъ И. Бокій, съ предисловіемъ Н. И. Бекетова, съ рисунками въ текстѣ и приложеніемъ таблицы качественнаго анализа. Изданіе 2-е, испр. и дополненное. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Органическая химія. Профессора П. Алексѣева. 2-ое, измѣненное и дополненное изданіе. К. 1880 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 рубля.

Превращенія энергіи. Очеркъ теорій современной физики. Г. Кребса. Съ 60-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1879 к. Ц. 1 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Физическая химія Н. Н. Любавина. Выпускъ І. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Выпускъ ІІ. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 3 р.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Алжиръ — Зимняя станція. Замѣтки для больныхъ. И. Н. Л — ва. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Ботаническій атласъ Шуберта съ приложеніемъ краткаго пояснительнаго текста. Переводъ Н. И. Раевскаго. 2-ое изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 7 руб., съ перес. 8 р. 50 к.

☞ **Бесѣды о русскомъ лѣсѣ.** ІІ серія. Черноліесье (лиственный лѣсъ). Составилъ проф. Димитрій Кайгородовъ (со многими рисунками). Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Вредныя насѣкомыя и мѣры для борьбы съ ними. Руководство для сельскихъ хозяевъ, народныхъ учителей и учительскихъ семинарій. Составилъ К. Л. Брамсонъ, часть 1-я. Отдѣлъ І. Насѣкомыя, вредныя для большей части культурныхъ растеній. Отдѣлъ ІІ. Насѣкомыя, вредныя для полеводства, луговодства и огородничества. Съ 2-мя таблицами рисунковъ. Екатеринославъ. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Вильямъ Карпентеръ (авторъ „Основъ физіологіи ума"). **Месмеризмъ, одилизмъ, спиритизмъ.** Съ исторической и научной точекъ зрѣнія. Изданіе И. И. Билибина. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

☞ **Деревенскій лечебникъ.** Спб. 1870 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Дифтеритъ. Критическій этюдъ. Сочиненіе Д-ра М. Зеленскаго. Для врачей и родителей. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Курсъ общей физіологіи Клода Бернара. Лекціи, читанныя въ музеѣ есте-

Digitized by Google

ственной исторіи въ Парижѣ. Съ 45-ю рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Compendium практической медицины для врачей и учащихся. Д-ра К. Ф. Кунце. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ предисловіемъ Проф. Ѳ. Ѳ. Меринга. Кіевъ. 1881 г. Ц. 3 р. съ пер.

Карманная книга рецептовъ по Кёлеру. Составилъ и дополнилъ Н. Жукъ. Кіевъ 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Какъ предохранить себя отъ венерической болѣзни и отъ эксплуатаціи шарлатановъ при ея леченіи. Д-ра Edmonda Langlebert'a. Переводъ съ французскаго д-ра Надскаго. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 коп.

Курсъ венерическихъ болѣзней. Доцента А. Ге. Лекціи, читанныя въ императорскомъ казанскомъ университетѣ. Казань. 1881 г. Цѣна за два выпуска 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Какъ и чѣмъ кормить больныхъ страдающихъ желудкомъ. Д-ра Wiel'я. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго дополненнаго изданія В. Сигриста. Съ предисловіемъ проф. В Манассеина. Спб. 1881 г. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

Лекціи общей патологіи (патологической физіологіи). Ордин. Проф. М. Х. А. Виктора Пашутина. Часть вторая. Патологія системы тѣла. Спб. 1881 г. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. Часть первая. Патологія тканей (гистопатологія). К. 1878 г. Ц. 3 р. съ пер.

Лекціи о новѣйшихъ способахъ леченія сифилиса. D-r C. Sigmund Ritter v. Hanor. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія И. Я. Мировича. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 к.

Лѣсныя бесѣды для русскихъ лѣсовладѣльцевъ и лѣсничихъ. Составилъ Ал. Рудзскій. Профессоръ лѣсного института. Охраненіе и управленіе.—Отпускъ и продажа.—Выборочныя и сплошныя рубки.—Соединеніе лѣсного хозяйства съ сельскимъ.—Пастьба скота въ лѣсахъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 коп.

Массажъ, его исторія, примѣненіе и дѣйствіе Д-ра Бела-Вейсъ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею д-ра Е. В. Павлова. Спб. 1880 г. Ц. 80 коп., съ перес. 1 руб.

☛ **Нерастворимыя фосфорно-кислыя соединенія печенъ.** П. Костычева. Спб. 1881 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 к.

Новѣйшія изслѣдованія по различнымъ отраслямъ медицинскихъ наукъ. Сборникъ работъ врачей института императорской медико-хирургической академіи. Изданный ко дню 50-ти-лѣтняго юбилея службы Ивана Тимофеевича Глѣбова. Спб. 1880 г. Цѣна 4 р., съ перес. 4 руб. 50 коп.

☛ **Общая патологія.** Конгейма. Переводъ В. Сигриста. Спб. 1881 г. Ц. 3 руб. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к.

Общее сельско-хозяйственное растеніеводство. Ф. Габерландта. Переводъ съ нѣм. Т. II. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

☛ **Общедоступная гигіена для военныхъ.** Составилъ доцентъ императорскаго казанскаго университета Ир. Скворцовъ. Спб. 1881 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Соч. Чарльза Дарвина. Спб. 1872 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

☛ **Объ излечимости легочной чахотки** и сочетаніи бугорчатки съ другими болѣзнями. Переводъ съ нѣмецкаго. Подъ редакц. проф. Л. В. Попова. Спб. 1881 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

☛ **О локализаціяхъ въ болѣзняхъ мозга** (о мозговыхъ параличахъ). Лекціи проф. судебной медицины въ Лондонѣ Давида Ферье. Перевелъ И. П. Лебедевъ. Съ 67 рисунками въ текстѣ. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

☛ **О локализаціяхъ въ болѣзняхъ мозга.** (О мозговыхъ параличахъ). Лекціи, читанныя въ Парижѣ проф. Шарко. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Перевелъ И. П. Лебедевъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Организація сельско-хозяйственнаго промысла. В. Хлюдзинскій. Выпускъ второй. Системы хозяйства.—Вступленіе въ организацію.—Полеводство.—Луга и пастбища. —Спеціальныя культуры. —Скотоводство. Варшава. 1880 г. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

О ранѣ съ клинической точки зрѣнія, профессора Нуссбаума. Переводъ съ примѣчаніями Владиміра Подвысоцкаго. Кіевъ. 1881 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Популярное руководство къ сохраненію зубовъ и полости рта, съ приложеніемъ необходимыхъ свѣдѣній объ искусственныхъ зубахъ. Д-ра Вильгельма Зюерсена. Перев. съ 8-го изд. Спб. 1880 г. Ц. 70 к., съ перес. 80 к.

☛ **Происхожденіе человѣка** и подборъ по отношенію къ полу. Чарльзъ Дарвина. Въ двухъ томахъ съ рисунками. Переводъ съ англійскаго. Подъ редакціею И. М. Сѣченова. Спб. 1874 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 коп.

Посѣвъ полевыхъ растеній и употребляемыя при немъ машины и орудія. Сост. П. Костычевъ и В. Черняевъ. Съ 54-мя

Digitized by Google

политипажами въ текстѣ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи. Составленное подъ редакціей доктора Г. Цимссена. Томъ XI. Часть IV. Вторая половина болѣзни продолговатаго мозга. Переводъ со второго изданія доктора Д. И. Фридберга. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. —Томъ VI. **Руководство къ болѣзнямъ аппарата превообращенія.** Проф. S. Rosenstein'a въ Лейденѣ, проф. L. Schrötter'a въ Вѣнѣ, проф. J. Bauer'a въ Мюнхенѣ, пок. проф. H. Lebert'a въ Бевв. проф. H. Quineke въ Килѣ. Переводъ со второго изданія (конца 1879 года). Д-ра Д. Г. Фридберга. Съ 30 рисунками въ текстѣ. 1881 г. Ц. 4 р. 50 коп., съ перес. 5 р.

Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Руководство къ наивыгоднѣйшему устройству и веденію огороднаго и садоваго хозяйства. Соч. Р. И. Шредера. Второе, вновь пересмотрѣнное, исправленное и пополненное изданіе съ 67-ю политипажами. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Скотоводство Г. Зеттегаста. Переводъ съ четвертаго, вновь обработаннаго изданія подъ редакціей Д-ра О. А. Гримма въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1881 г. Ц. 7 р., съ пер. 8 р.

☛ **Сокращенный повторительный курсъ по общей хирургіи.** Составленный по руководству д-ра Бильрота М. Гиршфельдомъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

☛ **Уженье рыбы.** Описаніе главнѣйшихъ породъ рыбъ средней Россіи, ихъ образа жизни и способовъ уженья. Съ 4-мя рисунками въ текстѣ и 12-ю таблицами. 1877 г. Ц. 35 к., съ пер. 45 к.

☛ **Уходъ за молочнымъ скотомъ лѣтомъ и зимою.** Г. Бууса. Переводъ съ нѣмецкаго В. Ковалевскаго. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 коп.

Электричество въ медицинѣ, Цимсена. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціею К. Г. Тритшеля. Кіевъ 1881 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Элементы Эмбріологіи Фостера и Балфура. Съ 70 рисунками. Перев. съ англійскаго, подъ ред. О. А. Гримма. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

X. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

☛ **Желательная реформа.** Четыре статьи о дворянствѣ. А. Ч. Спб. 1881 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Начала Русскаго Государственнаго Права. А. Градовскаго. Профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Томъ II. Органы управленія. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

О Компромиссѣ, Джона Морли. Переводъ со второго изданія, съ предисловіемъ и статьею „О духѣ Компромисса въ Англіи". М. Цебриковой. Спб. 1881 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. II. О доказательствахъ Спб. 1880 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. I. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ перес.

Основанія соціологіи. Герб. Спенсера. Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ прибавленіи помѣщены замѣтки Э. Б. Тайлора по вопросу объ анемизмѣ и отвѣты на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II вмѣстѣ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

☛ **Подчиненность женщины.** Соч. Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго. Подъ редакціею Марка Вовчка. Съ предисловіемъ М. Цебриковой и приложеніемъ писемъ О. Конта къ Мидлю по женскому вопросу и рѣчи Я. Брайта о дарованіи избирательныхъ правъ женщинамъ. Изданіе второе, исправленное. Спб. 1870 г. Ц. 1 руб., съ пер. 1 р. 20 к.

Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству. Опытъ систематическаго обозрѣнія. К. Кавелина. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. съ пер.

Руководство къ особенной части русскаго и уголовнаго права. Сост. магистръ правъ Н. А. Неклюдовъ. — **Томъ первый.** Преступленія и проступки противу личности. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. — **Томъ второй.** Преступленія и проступки противу собственности. Ц. 4 р. 50 к., съ пересыл. 5 р.—**Томъ третій.** Преступленія: 1) противу брака и правъ семейственныхъ; 2) противу закона о состояніяхъ; 3) общеопасныя преступленія (поджогъ и т. д.). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. — **Томъ четвертый.** Сокрытіе истины; сокрытіе своей личности; лжеприсяга и лжесвидѣтельство; ложный доносъ иябеда: подлогъ и поддѣлка. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Сборникъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената, *по желѣзнодорожнымъ дѣламъ* за 1866—1879 г.г. Сост. К. И. Масляниковъ. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 2 р. 80 коп.

Digitized by Google

☞ **Сводъ общихъ постановленій рязанскаго губернскаго земскаго собранія.** Составили А. Д. Повалишинъ и А. К. Дворжакъ. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Систематическій уставъ о векселяхъ Св. Зак. Т. XI. Кн. II. Составилъ Л. Астафьевъ. На основаніи рѣшеній общаго собранія Правительствующаго Сената, Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента и С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда. Съ приложеніемъ устава о векселяхъ. Уст. Гр. Суд. о взысканіяхъ по векселямъ у Мир. судей и въ Окруж. Суд. и порядки производства въ вексельномъ отдѣленіи Спб. Ком. суда. 2-е изданіе, значительно дополненное. Кіевъ. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Сравнительная политика и единство исторіи. Эдуарда Фримана. Перевелъ съ англійскаго Николай Коркуновъ. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Соціологія. Основная задача ея и методологическія особенности, мѣсто въ ряду наукъ, раздѣленіе и связь съ біологіею и психологіею. Евгенія де-Роберти. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р. съ пересылкою.

Сборникъ государственныхъ знаній, подъ редакціей В. П. Безобразова. Т. VIII. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

☞ **Состояніе военнаго права въ Западной Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ** (XVI, XVII и начала XVIII вѣка). Историческое изслѣдованіе П. О. Бобровскаго. Спб. 1881 г. Ц. 2 руб. съ пер. 2 р. 25 коп.

Ссылка на Западѣ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи. И. Я. Фойницкаго. Спб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1-е декабря 1879 г. Составлено профес. Спб. университета Н. С. Таганцевымъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 4 р., съ пересылкою въ прочномъ и изящномъ шагреневомъ переплетѣ 5 р. съ перес.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, съ дополненіями по 1 января 1879 г. Съ приложеніемъ мотивовъ и извлеченій изъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Сост. Профес. Спб. Университета Н. С. Таганцевымъ. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Всеобщій учебникъ музыки. Руков. для учителей и учащихся по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго образованія, А. Б. Маркса. Перев. съ 9-го нѣмецкаго изданія подъ ред. А. С. Фаминцына. Москва. 1881 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Карманный музыкальный словарь. (Терминологія Гарраса). Изданіе 4-ое, дополненное Кн. В. Ѳ. Одоевскимъ. Москва, 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Руководство къ изученію стенографіи, въ 25 уроковъ безъ помощи учителя по системѣ Габельсберга. Составилъ стенографъ Ѳ. П. Темниковъ. 3-е дополненное изданіе. О. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сборникъ Древне-Славянскихъ и Южно-Русскихъ народныхъ узоровъ. Состав. Е. Сокологорская. Кіевъ. 1881 г. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Южно-русскій орнаментъ, собранный А. Лисенко.—Изд. И. А. Розова. Роскошный альбомъ, вмѣщаетъ въ себѣ множество самыхъ красивыхъ и разнообразныхъ узоровъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько цвѣтовъ, на хорошей бумагѣ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

☞ **Англійскій небронепосный флотъ.** Составилъ капитанъ-лейтенантъ Пав. Мордовинъ. Спб. 1881. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

Всадникъ. Практическій Курсъ верховой ѣзды Виктора Франкони. Переводъ съ французскаго Л. П. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

☞ **Русскіе за-границей.** Слова, реченія и разговоры на русскомъ, итальянскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Съ приложеніемъ таблицъ для перевода русскихъ денегъ на иностранныя и обратно. Составилъ и издалъ А. Д. Замыцкій. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

☞ **Русскій орографическій словарь.** Настольная книга для всякаго пишущаго по-русски. Составилъ Павелъ Романкевичъ. Курскъ. 1881 г. Ц. 1 руб., съ пер. 1 р. 25 к.

Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій, со включеніемъ употребительнѣйшихъ словъ арабскихъ и персидскихъ и съ переводомъ на русскій языкъ. Составилъ Лазарь Будаговъ. 2 т. Спб. 1871 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

На закатѣ. Стихотворенія Я. П. Полонскаго. 1877—1880. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва 1881. 8°, 181 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Наше время, время общественныхъ раздоровъ, мелкихъ и крупныхъ смутъ, мало благопріятно для поэзіи, т.-е. для поэзіи настоящей, искренней. Притязательнаго и льстиво-восхвалительнаго стихотворства въ такія эпохи бываетъ иногда больше даже, чѣмъ въ другое время. Авторъ книжки „На Закатѣ“ есть поэтъ искренній, и любитель истинной поэзіи найдетъ у него много пищи для своего чувства. Г. Полонскій—писатель старой школы, и въ разныхъ отношеніяхъ это—большое достоинство: у него сохранилось стремленіе къ идеалу, который теперь такъ побѣдѣлъ въ большинствѣ литературы. Тэмы автора—отчасти лично лирическія, отчасти общественныя; въ тѣхъ и другихъ есть прекрасныя поэтическія черты; въ послѣднихъ есть, впрочемъ, неровности, которыхъ вообще трудно избѣжать поэту, когда онъ слишкомъ близко подходитъ къ вопросамъ и толкамъ минуты. Но, повторяемъ, книжка г. Полонскаго есть очень пріятное явленіе въ нынѣшней, весьма мало поэтической литературѣ.—Внѣшность изданія — красивая.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ VI. 1853 — 1855 г. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1881. XI и 515 стр. больш. 8°. Ц. 2 р.

Изданіе сочиненій кн. Вяземскаго, какъ видимъ, быстро подвигается впередъ. Шестой томъ занятъ весь однимъ, русской публикѣ мало извѣстнымъ сочиненіемъ, которое кн. Вяземскій издалъ на французскомъ языкѣ въ Лозаннѣ, въ 1855 году: „Lettres d'un vétéran russe de l'année 1812 sur la question d'Orient, publiées par P. d'Ostafievo“. Эти письма помѣщены въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ, который сдѣланъ г. Бартеневымъ. „Письма ветерана,—говоритъ переводчикъ въ предисловіи,—писаны на седьмомъ десяткѣ лѣтъ отъ рожденія и, однако отличаются какъ свѣжестью и своеобразіемъ мысли, такъ и прелестью живаго изложенія. Чѣмъ дальше ихъ читаешь, тѣмъ они становятся занимательнѣе. Оторванный отъ родины, живя, по необходимости, посреди враждебно настроеннаго противъ насъ общества, ежедневно огорчаемый и уязвляемый лживыми извѣстіями о Россіи и кривыми толкованіями дѣйствій русскаго правительства, сочинитель чувствовалъ потребность, въ предѣлахъ своей возможности, послужить перомъ общему русскому дѣлу, и книга его, хотя не имѣла успѣха за-границею и лишь въ небольшомъ числѣ дошла къ намъ, представляетъ собою честно и талантливо исполненный гражданскій долгъ писателя, сердечно преданнаго своему отечеству, про любовь къ которому князь П. А. Вяземскій говаривалъ, что въ ней должно быть еще болѣе свойствъ любви отеческой, нежели любви сыновней“.

Данть Алигьери, его жизнь и сочиненія. Франца Вегеле, профессора вюрцбургскаго университета. Перевелъ съ третьяго изданія Алексѣй Веселовскій. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1881. XV и 444 стр. 8°. Ц. 3 р.

Имя Вегеле, какъ спеціалиста по изученію Данта, извѣстно въ нашей литературѣ очень давно; содержаніе его книги о Дантѣ излагалъ нѣкогда Кудрявцевъ. Теперь она является въ переводѣ уже съ третьяго нѣмецкаго изданія, и нельзя не порадоваться, что у насъ является наконецъ хоть чужая обстоятельная книга о знаменитомъ писателѣ, который имѣлъ такое громадное значеніе въ развитіи итальянской національной литературы и сочиненія о которомъ у итальянцевъ и въ другихъ европейскихъ литературахъ могутъ составить цѣлую обширную библіотеку. Можно пожалѣть, что почтенный переводчикъ не присоединилъ своего предисловія, гдѣ приготовилъ бы русскаго читателя къ чтенію нѣмецкой книги и указалъ на положеніе Дантовскаго вопроса въ европейской литературѣ. —Но появленіе такихъ книгъ, какъ переводъ Вегеле, наводитъ и на размышленія, довольно печальныя: какъ все еще скудна наша литература, хотя бы переводными книгами по исторіи и литературѣ! Мы, конечно, не признаемъ западной цивилизаціи, даже презираемъ ее, и создадимъ вмѣсто нея свою собственную; но, должно полагать, что для этого послѣдняго созиданія будетъ все-таки требоваться нѣкоторое знаніе, между прочимъ, исторіи человѣчества и его литературы. Въ дѣйствительности, *своихъ* трудовъ по этимъ предметамъ, и по множеству другихъ научныхъ предметовъ, имѣется у насъ покамѣсть крайне мало, такъ что помощь Запада, хотя и гнилого, все еще оказывается необходимой.

Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка. Сочиненіе Николая Костомарова. Спб. 1881. 8°, 297 стр. Ц. 1 р. 50 к.

„Черниговка“ напечатана была первоначально въ одномъ журналѣ; но отдѣльное изданіе повѣсти очень отличается отъ журнальнаго въ слѣдующемъ. Сюжетъ повѣсти взятъ изъ малорусской жизни, и въ журнальномъ изданіи разговоры дѣйствующихъ малорусскихъ лицъ переданы въ русскомъ переводѣ, а въ настоящемъ отдѣльномъ изданіи рѣчи ихъ передаются на малорусскомъ языкѣ, хотя самый разсказъ ведется по-русски. Это—очень оригинальный пріемъ разрѣшенія вопроса, какъ быть съ малорусскимъ сюжетомъ въ русской повѣсти. Нѣкоторые наши критики приходили, бывало, въ ужасъ, если въ русской повѣсти какое-нибудь дѣйствующее лицо изъ малороссовъ проговаривалось нѣсколькими малорусскими фразами. Г. Костомаровъ не усумнился ввести теперь цѣлые продолжительные разговоры на этомъ языкѣ; но журналъ, повидимому, устрашился этой ереси и перевелъ ихъ на русскій. — Любопытно, какъ примутъ нововведеніе г. Костомарова наши аристархи. Мы, съ своей стороны, находимъ, что это нововведеніе можно считать еще новымъ проявленіемъ взгляда автора на тѣсную связь двухъ отраслей русскаго племени, связь, которая могла бы выразиться и въ этой формѣ соединенія двухъ рѣчей въ одной книгѣ, соединенія, необходимаго для соблюденія колорита мѣста и времени. Нововведенію г. Костомарова могли бы порадоваться даже противники малорусской литературы: ясно, что самъ писатель, который есть одинъ изъ столповъ такъ называемаго „украинофильства“, не считаетъ малорусскаго языка столько чужимъ русскому, чтобы книга стала недоступна для русскаго читателя,—и обратно. Содержаніе повѣсти взято изъ дѣйствительныхъ событій, факты которыхъ авторъ нашелъ въ „Дѣлахъ малороссійскаго приказа“, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1881 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.	5 р.
Съ доставкою . . .	16 » — »	9 »	5 »
Съ пересылкою . .	17 » — »	10 »	5 »
За-границей	19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

„ПОРЯДОКЪ"

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	14 р.	7 р.	3 р. 50 к.
Съ доставкою. . .	16 »	8 »	4 » — »
Съ пересылкою. .	17 »	9 »	5 » — »
За-границей	25 »	13 »	7 » — »

Мѣсяцъ газеты: безъ доставки—1 р. 25 к.; съ доставкою—1 р. 50 к., съ пересылкою—1 р. 75 к.; за-границей—3 руб.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою. ☚

ПОДПИСКА принимается на оба изданія—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелье, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту. Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и объявленія для напечатанія въ журналѣ, или въ газетѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые вносятъ подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (НЕ) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные, доплачивается, по журналу, 1 р. 50 к., и по газетѣ 30 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ; изъ иногородныхъ въ городскіе, по журналу, 50 коп., и по газетѣ 15 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала или газеты.

Билеты на полученіе журнала или газеты высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

БЮРО РЕДАКЦІИ „ПОРЯДКА": Вас. Остр., 2 л., 11.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Вас. Остр., 2-я лин., 7.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова, члена-корреспондента общества любителей древней письменности. Книга первая. Спб. 1881. VIII и 545 стр. 4°. Ц. 4 р.

У насъ рѣдко появляются изданія, исполненныя такъ великолѣпно въ типографскомъ отношеніи, какъ названная книга. Прочная, толстая бумага, крупный четкій шрифтъ, просторно поставленная страница напомнятъ библіоману роскошныя изданія XVII и XVIII вѣка. Изданіе, которое должно будетъ занять нѣсколько томовъ, имѣетъ не только фамильный интересъ для рода Шереметевыхъ, но и общее историческое значеніе. Изученіе исторіи необходимо требуетъ изслѣдованія подробностей, и между ними исторія родовъ можетъ занять очень важное мѣсто. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ исторіей одного изъ знаменитѣйшихъ родовъ стараго русскаго боярства, имя котораго идетъ въ лѣтописи со временъ Симеона Гордаго. Авторъ изслѣдованія очень внимательно воспользовался своими источниками—старыми лѣтописями и новыми изслѣдованіями, многое почерпалъ изъ рукописей и архивныхъ матеріаловъ рода Шереметевыхъ. Въ приложеніяхъ къ книгѣ помѣщено въ спискахъ нѣсколько актовъ XVI-го столѣтія и 22 снимка со старинныхъ картинъ изъ старой, такъ-называемой, „Царственной книги"—иллюстрированной лѣтописи XVI вѣка, и другого подобнаго лѣтописца того же времени. Въ первомъ томѣ разсказана исторія рода Шереметевыхъ съ перваго извѣстнаго достовѣрно родоначальника, при Симеонѣ Гордомъ, до конца царствованія Ивана Грознаго. Судя по этому, цѣлая исторія рода потребуетъ нѣсколькихъ большихъ томовъ.

Архивъ князя Вяземскаго. Князь Андрей Ивановичъ Вяземскій. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1881. 8°. LXII и 369 стр. Ц. 2 р.

Другое изданіе, также посвященное фамильной исторіи. Князь Андрей Ивановичъ Вяземскій былъ отецъ Петра Андреевича Вяземскаго. Книга состоитъ изъ генеалогическихъ и историческихъ свѣдѣній о родѣ Вяземскихъ съ начала прошлаго столѣтія, и затѣмъ изъ разныхъ архивныхъ матеріаловъ о князѣ Андреѣ; помѣщена значительная его переписка, замѣтки изъ путешествій по Европѣ, свѣдѣнія и оффиціальные матеріалы объ его службѣ и т. п. Въ числѣ писемъ къ князю Андрею, любопытенъ длинный рядъ писемъ графа А. Р. Воронцова; есть письма Трощинскаго, Нелединскаго-Мелецкаго, Сергѣя Плещеева, Зубовыхъ, гр. Н. С. Мордвинова, очень интересное письмо Карамзина (отъ 1796 г.).

Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. бывшаго командира 1-й бригады болгарскаго ополченія полковника де-Прерадовича. Спб. 1881. Мал. 8° 362 стр. Ц. 1. 50 к.

Книга г. де-Прерадовича есть хорошій вкладъ въ литературу о послѣдней русско-турецкой войнѣ. Это—дневникъ, веденный авторомъ съ іюня 1877 года, когда онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ дѣйствующую армію, и до февраля 1878, когда въ мѣстѣ его стоянки въ Болгаріи получены были свѣдѣнія о заключеніи Санъ-Стефанскаго договора и когда авторъ за болѣзнію покинулъ Болгарію. Дневникъ писанъ на мѣстѣ, во время самыхъ событій, въ которыхъ авторъ участвовалъ или которыхъ былъ свидѣтелемъ; не было литературныхъ притязаній, да и некогда было заботиться объ отдѣлкѣ разсказа, и онъ носитъ печать близости къ этимъ событіямъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось потомъ получить громкую извѣстность, славную или печальную; здѣсь онѣ записаны въ ряду ежедневныхъ трудовъ, заботъ и приключеній,—даже августовскіе дни на Шипкѣ! И однако, здѣсь можетъ найтись прекрасный матеріалъ и для поэта, и для историка.

Жизнь Европейскихъ народовъ. Е. Н. Водовозовой. Томъ I. Жители юга. Съ 26 рисунками худ. Васнецова и Голембіовскаго. 3-е изданіе, вновь передѣланное и дополненное. Спб. 1881. Большое 8°. XXII и 573 стр. Ц. 3 р. 75 к.

Третье изданіе (въ немного лѣтъ) для такой объемистой и серьёзной книги, какъ „Жизнь европейскихъ народовъ", показываетъ уже, что книга хорошо удовлетворяетъ своему назначенію—дать основательное и интересное чтеніе по географіи, этнографіи и современному политическому положенію европейскихъ городовъ. Это чтеніе можетъ служить не только для юношества, но и вообще для любознательнаго человѣка, который найдетъ въ ней хорошо составленныя описанія и бытовые разсказы. Читатель найдетъ здѣсь и характеристику географической территоріи страны, и описаніе главнѣйшихъ городовъ, главныхъ достопримѣчательностей, политическаго быта, нравовъ и обычаевъ. Значительное мѣсто въ книгѣ дано народамъ славянскимъ. „Множество новыхъ сочиненій,—говорится въ предисловіи,—появленіе которыхъ было вызвано интересомъ, возбужденнымъ послѣднею русско-турецкою войною къ народамъ Балканскаго полуострова, дало намъ возможность въ настоящемъ третьемъ изданіи нашей книги почти заново переработать очерки о Турціи, Болгаріи, Черногоріи, Сербіи и Албаніи. Большой передѣлкѣ подверглись также очерки объ Италіи, Португаліи и Франціи, причемъ, на основаніи новѣйшихъ сочиненій, преимущественно дополнены свѣдѣнія о правахъ и положеніи народа". Въ длинномъ спискѣ источниковъ, которыми пользовалась составительница, указано множество сочиненій европейской литературы, въ подлинникахъ и переводахъ, а также русскихъ книгъ и статей. Изъ этого списка мы совѣтовали бы только выбрать (стр. VIII) „Фриллея и *Влохити*", въ безобразномъ русскомъ переводѣ, и взять французскій оригиналъ Фриллея и Влаховича. Цѣна книги, напечатанной убористымъ шрифтомъ, весьма умѣренная.

Исторія Греціи и Рима. Курсъ систематическій. Съ приложеніемъ хронологической таблицы. Примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ для V и VIII класса гимназій, утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, составилъ Я. Г. Гуревичъ, преподаватель Спб. Учительск. Института и 3-й классической гимназіи. Руководство это удостоено Петровской преміи ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Изданіе третье, исправленное. Спб. 1880. VIII и 320 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Книга снабжена такимъ оффиціально-педагогическимъ одобреніемъ, что очевидно вполнѣ отвѣчаетъ существующимъ требованіямъ гимназическаго курса. Мы съ своей стороны напомнили бы то, что недавно говорилось въ „В. Евр." о преподаваніи исторіи, по поводу книжки проф. Петрова.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1881 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.	5 р.
Съ доставкою . . .	16 » — »	9 »	5 »
Съ пересылкою . .	17 » — »	10 »	5 »
За-границей	19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

„ПОРЯДОКЪ"

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	14 р.	7 р.	3 р. 50
Съ доставкою . . .	16 »	8 »	4 » —
Съ пересылкою . .	17 »	9 »	5 » —
За-границей	25 »	13 »	7 » —

Мѣсяцъ газеты: безъ доставки—1 р. 25 съ доставкою—1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.; за-границей—3 руб.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою. ☚

ПОДПИСКА принимается на оба изданія—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр. 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелли на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжномъ магазинѣ Н. И. М монтова, на Кузнецкомъ Мосту. Иногородные обращаются по почтѣ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контор Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и объявленія для напечатан въ журналѣ, или въ газетѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчика Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслал подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщ ніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (N *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежня мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные, доплачивается, по жу налу, 1 р. 50 к., и по газетѣ 30 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ; изъ иногородныхъ въ г родскіе, по журналу, 50 коп., и по газетѣ 15 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ; и изъ горо скихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ выш указанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по п лученіи слѣдующаго нумера журнала или газеты.

Билеты на полученіе журнала или газеты высылаются особо тѣмъ изъ иногородны которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

БЮРО РЕДАКЦІИ „ПОРЯДКА":
Вас. Остр., 2 л., 11.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
Вас. Остр., 2-я лин., 7.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

OCKER
NOV 20 1980

Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1881 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.	5 р.
Съ доставкою . . .	16 » — »	9 »	5 »
Съ пересылкою . .	17 » — »	10 »	5 »
За-границей	19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

„ПОРЯДОКЪ"

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . .	14 р.	7 р.	3 р. 50 к.
Съ доставкою. . .	16 »	8 »	4 » — »
Съ пересылкою. .	17 »	9 »	5 » — »
За-границей	25 »	13 »	7 » — »

Мѣсяцъ газеты: безъ доставки—1 р. 25 к., съ доставкою—1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.; за-границей—3 руб.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою. ☚

ПОДПИСКА принимается на оба изданія—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелліе на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту. Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и объявленія для напечатанія въ журналѣ, или въ газетѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные, доплачивается, по журналу, 1 р. 50 к., и по газетѣ 30 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ; изъ иногородныхъ въ городскіе, по журналу, 50 коп., и по газетѣ 15 коп. за каждый остающійся мѣсяцъ; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала или газеты.

Билеты на полученіе журнала или газеты высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

БЮРО РЕДАКЦІИ „ПОРЯДКА":
Вас. Остр., 2 л., 11.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
Вас. Остр., 2-я лин., 7.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

OCKER
NOV 20 1980

Google

Digitized by Google